

Российская академия наук
Институт социально-политических исследований

СОЦИОЛОГИЯ

Основы общей теории

Учебник для вузов

Ответственные редакторы
академик РАН **Г. В. Осипов**,
действительный член РАЕН **Л. Н. Москвичев**

*Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности
020300 «Социология»*

Издательство НОРМА
Москва, 2003

УДК 316(075.8)
ББК 60.5я73
С69

Редакционная коллегия:

академик РАН **Г. В. Осипов** (ответственный редактор), действительный член РАЕН **Л. Н. Москвичев** (ответственный редактор), кандидат философских наук **А. В. Кабыща**, **О. Е. Чернощек** (ученый секретарь).

Рецензенты:

Волков Ю. Г. — доктор философских наук, профессор, проректор Ростовского государственного университета, директор Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей социальных и гуманитарных наук при РГУ;

Скворцов Н. Г. — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

С69 **Социология. Основы общей теории: Учебник для вузов /**
Отв. ред. академик РАН **Г. В. Осипов**, действительный член РАЕН **Л. Н. Москвичев.** — М.: Норма, 2003. — 912 с.

ISBN 5-89123-618-4

Учебник подготовлен к изданию ведущими отечественными социологами в Институте социально-политических исследований РАН. В нем отражены новые социальные явления и проблемы, а также результаты современных исследований теоретического и эмпирического характера. Раскрыты сущность социологического подхода к изучению общества, а также изменения, произошедшие за последнее время в социальной реальности, достижения мировой социологической науки. Рассматриваются основные теоретические положения социологии как науки, проблематика социологического знания, процедура и методы научного социологического исследования. Значительное место уделено анализу социологических проблем российского общества.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений.

ISBN 5-89123-618-4

© Коллектив авторов, 2002
© Издательство НОРМА, 2002

Авторский коллектив:

Осипов Г. В., академик РАН (ответственный редактор) — предисловие (совместно с **Л. Н. Москвичевым**), введение (совместно с **А. В. Кабышей**), гл. 1, 2 (совместно с **А. В. Кабышей**), гл. 3, заключение (совместно с **А. В. Кабышей**);

Москвичев Л. Н., действительный член РАЕН (ответственный редактор) — предисловие (совместно с **Г. В. Осиповым**), гл. 16—18;

Кабыша А. В., кандидат философских наук — введение (совместно с **Г. В. Осиповым**), гл. 2 (совместно с **Г. В. Осиповым**), приложение к гл. 2 (совместно с **М. Р. Тульчинским**), гл. 19 (совместно с **В. Г. Андреенковым**), заключение (совместно с **Г. В. Осиповым**);

Авапесова Г. А., доктор философских наук, профессор — гл. 4, 9, 14;

Андреев Э. М., доктор философских наук, профессор — приложение к гл. 17;

Андреенков В. Г., кандидат философских наук, доцент — гл. 19 (совместно с **А. В. Кабышей**), гл. 20, 21, 23;

Ануфриев Е. А., доктор философских наук, профессор — приложение к гл. 5;

Дмитриев А. В., член-корреспондент РАН — гл. 13 (совместно с **В. В. Латыновым**);

Иванов В. Н., член-корреспондент РАН — гл. 8, 15;

Латынов В. В., кандидат психологических наук — гл. 13 (совместно с **А. В. Дмитриевым**);

Пригожин А. И., доктор философских наук, профессор — гл. 11;

Резник Ю. М., доктор философских наук, профессор — гл. 5;

Рогачев С. В., доктор экономических наук, профессор — гл. 22;

Рыбаковский Л. Л., доктор экономических наук, профессор — гл. 6;

Тульчинский М. Р., кандидат исторических наук — приложение к гл. 2 (совместно с **А. В. Кабышей**);

Яковлев А. М., доктор юридических наук, профессор — гл. 7, 10, 12.

Содержание

Предисловие	XIII
Введение. Что дает изучение социологии?	XVI

Раздел первый. Социология как наука

Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ	1
---	----------

§ 1. Зарубежная социология в XIX и первой половине XX в.	1
§ 2. Зарубежная социология во второй половине XX в.	19
2.1. Макросоциологические теории	19
2.2. Микросоциологические теории	26
2.3. Когерентность современных социологических теорий	33
§ 3. Социология в России в XIX и начале XX в.	42
§ 4. Судьбы отечественной социологии после 1917 г.	53
Приложение. Социология в России: призвание социологии ...	63

Глава 2. ПАРАДИГМА, ПРЕДМЕТ И СТРУКТУРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	69
--	-----------

§ 1. Парадигма, метатеория и метасоциология	69
§ 2. Объект и предмет социологии. Понятие социального	77
§ 3. Структура социологического знания	83
§ 4. Типы социологических теорий	89
Приложение. Социология в России: наукометрический анализ структуры социологического знания	95

Раздел второй. Основные составляющие социальной жизни

Глава 3. ОБЩЕСТВО	103
--------------------------------	------------

§ 1. Взаимодействие природы и общества	103
§ 2. Социально-исторический детерминизм	111

§ 3. Общество как социетальная система	115
§ 4. Уровни социальной реальности	118
§ 5. Типы социальных систем. Социальные и социетальные связи	122
§ 6. Социальное взаимодействие и социальные отношения	128
Приложение. Социология в России: социологическое мышление и социальное мифотворчество	131
Глава 4. КУЛЬТУРА	136
§ 1. Социологическое понимание культуры	136
§ 2. Структурные компоненты культуры	141
§ 3. Составные части и модели строения культуры	155
§ 4. Динамика культуры	164
Приложение. Социология в России: качественное своеобразие российской культуры	170
Глава 5. ЛИЧНОСТЬ	180
§ 1. Человек и личность	180
§ 2. Структура личности. Статусы — роли — диспозиции	203
§ 3. Социальная динамика личности: социализация и активность	213
§ 4. Социальная типология личности	227
Приложение. Социология в России: социальные традиции русской народной жизни и менталитет россиянина	233
Глава 6. НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ	242
§ 1. Социальная сущность народонаселения	242
§ 2. Структура народонаселения	244
§ 3. Демографические процессы	249
§ 4. Миграционные процессы	256
§ 5. Динамика народонаселения	261
Приложение. Социология в России: динамика народонаселения России в XX в.	262

Раздел третий. Социальные структуры

Глава 7. СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ И ГРУППЫ	266
§ 1. Виды и структура социальных общностей и групп	266
§ 2. Групповое поведение и поведение личности в группе	273

§ 3. Конформизм (подчинение группе)	279
Приложение. Социология в России: социальные общности и группы в урбанизированном обществе	286
Глава 8. СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ (ЭТНИЧЕСКИЕ) ОБЩНОСТИ	298
§ 1. Социально-территориальная общность	298
§ 2. Национальные (этнические) общности	305
Приложение. Социология в России: опыт социологического исследования регионов и межнациональных отношений ...	315
Глава 9. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ	323
§ 1. Сущность социальной стратификации	323
§ 2. Основные понятия стратификационного анализа	328
§ 3. Многомерный подход к анализу расслоения	338
§ 4. Динамика стратификационных процессов в современном обществе	342
Приложение. Социология в России: особенности стратификационных процессов российского общества	350
Глава 10. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ	368
§ 1. Структура, функции и дисфункции социальных институтов	368
§ 2. Социальные институты политики	372
§ 3. Социальные институты экономики	375
§ 4. Социальные институты образования и науки	384
§ 5. Социальные институты религии	395
§ 6. Социальные институты права	401
§ 7. Социальные институты семьи	412
Приложение. Социология в России: гражданское общество и правовое государство	417
Глава 11. СОЦИАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ	428
§ 1. Возникновение организаций	428
§ 2. Строение организаций	433
§ 3. Функционирование организаций	441
§ 4. Типология организаций	449
§ 5. Организационная патология	455
5.1. Виды оргпатологий	455

5.2. Патологии в строении организаций	456
5.3. Патологии управленческих решений	463
Приложение. Социология в России: изучение социальных организаций — история и современность	466

Раздел четвертый.

Социальные взаимодействия и процессы

Глава 12. СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ, ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ	476
--	------------

§ 1. Социальные ценности и нормы	476
§ 2. Социальная дезорганизация, отклоняющееся поведение и преступность	481
§ 3. Социальный контроль, его функции и структура	489
§ 4. Механизм социального контроля	494
Приложение. Социология в России: отклоняющееся поведение и социальный контроль в сфере экономики	506

Глава 13. СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	514
--	------------

§ 1. Коммуникация: понятие и виды	514
§ 2. Основные подходы к исследованию массовой коммуникации	517
§ 3. Результаты воздействия массовой коммуникации на индивидуальное и групповое сознание	521
§ 4. Современные тенденции в развитии массовой коммуникации	526
§ 5. Слухи в обществе: источники и динамика	537
Приложение. Социология в России: слухи — опыт эмпирического исследования	542

Глава 14. СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ	546
---	------------

§ 1. Сущность социальной мобильности	546
§ 2. Каналы, механизмы и факторы социальной мобильности	552
§ 3. Социальная мобильность в условиях динамизации общественного развития	556
Приложение. Социология в России: процессы социальной мобильности в российском обществе	561

Глава 15. СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ	573
§ 1. Сущность конфликта	573
§ 2. Роль конфликтов в жизни общества	580
§ 3. Типология социальных конфликтов	584
§ 4. Политические конфликты	590
4.1. Основные особенности политических конфликтов	590
4.2. Конфликты в современном российском обществе	599
Приложение. Социология в России: конфликты и конфликтный потенциал	602

Раздел пятый. Социальные изменения и социальное развитие

Глава 16. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ	606
§ 1. Понятие социальных изменений	606
§ 2. Формы реализации социальных изменений	613
§ 3. Факторы социальных изменений	621
§ 4. Социальные изменения и социальная стабильность	632
Приложение. Социология в России: проблема демократизации в контексте социальных преобразований российского общества	639
Глава 17. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ	646
§ 1. Понятие социального развития	646
§ 2. Нелинейный характер социального развития и проблема социального прогресса	650
Приложение. Социология в России: развитие общества и развитие человека	657
Глава 18. СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВ	665
§ 1. Понятие социально-исторического развития	665
§ 2. Макросоциологические теории социально-исторического развития общества	671
§ 3. Тенденции современного мирового развития	687
Приложение. Социология в России: российское общество перед выбором пути	703

Раздел шестой. Социологическое исследование

Глава 19. СТРУКТУРА И ПРОЦЕСС СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	713
§ 1. Программа и этапы исследования	713
§ 2. Основные теоретические процедуры	717
§ 3. Основные исследовательские стратегии	730
§ 4. Выборочный метод в социологических исследованиях	735
§ 5. Сбор, обработка и анализ данных	742
Приложение. Социология в России: сравнительные исследования. Состояние и перспективы	745
Глава 20. МЕТОДЫ СБОРА ДАННЫХ	753
§ 1. Анализ существующих данных. Контент-анализ	753
§ 2. Наблюдение	761
§ 3. Массовый опрос. Интервью и анкетирование	764
§ 4. Эксперимент	787
§ 5. Специализированные методики в социологических исследованиях	790
5.1. Фокус-группы	791
5.2. Методика анализа бюджетов времени населения	795
Приложение. Социология в России: опросы общественного мнения и социальный прогноз	799
Глава 21. АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ	807
§ 1. Понятие измерения	808
§ 2. Элементарные понятия статистики	814
2.1. Группировка наблюдений	814
§ 3. Графическая интерпретация эмпирических зависимостей	817
§ 4. Средние величины и характеристики рассеяния значений признака	819
§ 5. Показатели колеблемости (вариации) значений признаков	821
§ 6. Статистические взаимосвязи и их анализ	822

Приложение. Социология в России: современные технологические инновации в эмпирических исследованиях	831
Глава 22. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В СОЦИОЛОГИИ	837
§ 1. Сущность прогнозирования в социологии	837
§ 2. Научные основы прогнозирования	841
§ 3. Виды прогнозов, используемых в социологии	842
§ 4. Методы прогнозирования	845
Приложение. Социология в России: развитие прогнозирования в СССР и России	852
Глава 23. ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ	855
Приложение. Социология в России: нормы профессионального сообщества	863
Заключение. Перспективы развития социологии	870
Словарь ключевых терминов	874

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание, подготовленное, как и предыдущие, в Институте социально-политических исследований РАН, существенно дополнено и переработано и является, по сути, новым учебником. Такого переиздания, в первую очередь, настоятельно требовали следующие обстоятельства. Во-первых, меняющаяся социальная реальность, возникновение новых социальных явлений, тенденций и проблем как во внутренней жизни страны, так и в глобальном масштабе. Во-вторых, развивающаяся социологическая наука — появление ряда новых серьезных исследований теоретического и эмпирического характера, совершенствование методологии и методов социологического анализа, которые должны быть отражены в книге. Кроме того, необходимо было учесть и опыт издания других учебников и учебных пособий по социологии, опубликованных во второй половине 90-х гг. и получивших положительный отклик у читателей — студентов и преподавателей.

Все это потребовало углубления и уточнения представлений о характере и составе общей социологической теории, а соответственно, и о структурной композиции книги.

Общая социологическая теория представляет собой ядро, концептуальную и категориально-понятийную основу социологической науки в целом, в том числе отраслевых дисциплин, а также эмпирической социологии. Без развитой самостоятельной общей теории, в которой зафиксированы основополагающие моменты социального бытия людей, функционирования и развития общества, не может быть полноценной и полноправной науки социологии. В ней концентрируется сущность именно социологического подхода к изучению общества, который имеет свою специфику, свое содержание, свою логику и не может быть отождествлен с философским, экономическим, историческим, политологическим и иными подходами. Этот подход проявляется в совокупности специфически социологических категорий и понятий, позволяющих исследовать тот аспект или те аспекты человеческого общества, которые составляют предмет социологии как науки. Он проявляется в специфическом взгляде на социальную реальность — способе представления социальных

проблем как проблем социологической науки, доступных анализу социологическими методами. Такой подход проявляется в процедурах, методах, логике социологического анализа.

Понятно, что общая социологическая теория не может быть данной однажды и на все времена. Она изменяется, варьируются ее акценты в зависимости от состояния самой социальной реальности, развития методов, накопленных эмпирических знаний, философских и социальных позиций познающего субъекта. Но вместе с тем многими поколениями социологов выработаны некоторые общие взгляды на природу и содержание общей социологической теории, которые следовало отразить в новом издании учебника.

В связи с этим учебник подвергся существенной переработке. Прежде всего значительно расширена тематика общей социологической теории, в книгу включены новые главы: о народонаселении как социологической категории; о социальных группах; социально-территориальных и этнических общностях; социальных институтах, социальном поведении и социальном контроле; социальных конфликтах; социологических концепциях мирового развития; об объективности и этических проблемах в социологическом исследовании. Переработаны тексты ряда уже имеющихся глав, в частности глав о культуре, личности и некоторых других. Прежняя глава «Социальные изменения и социальная стабильность» преобразована в раздел «Социальные изменения и социальное развитие», в который включено много новейших материалов.

В результате сформирована обновленная композиция книги. Она состоит из шести разделов.

В первом разделе рассмотрена социология как наука. Дан краткий очерк истории социологии на Западе и в России. Особое внимание уделено драматической судьбе отечественной социологии после 1917 г., современному состоянию науки. Достаточно подробно освещены такие темы, как парадигма, предмет, структура и функции социологического знания.

Второй раздел посвящен раскрытию оснований социальной жизни людей. К разряду таких оснований отнесены и подробно рассмотрены общество как система социальных взаимодействий; культура как содержание взаимодействий; личность как субъект и объект общественной (социальной) жизни; народонаселение как фактор социальной жизни.

В третьем разделе рассматриваются социальные структуры, т. е. создаваемые людьми достаточно устойчивые социальные системы, в рамках которых осуществляется социальная жизнь, деятельность и взаимодействие людей. Это социальные группы, социально-территориальные и этнические общности, социальные институты и организации, системы родства и социального расслоения (стратификации).

Четвертый раздел посвящен анализу социальных взаимодействий и процессов, т. е. проблемам взаимодействия социальных субъектов — личностей, групп, институтов, организаций, функционирования общества в целом. Особое внимание уделено анализу социального поведения и контроля, социальной коммуникации, социальной мобильности, социальных конфликтов.

В пятом разделе раскрываются особенности социологического понимания социальных изменений и социального развития. В этом контексте анализируются такие темы, как содержание и типология социальных изменений, социальная стабильность и нестабильность, гуманистическое понимание принципов социального развития, развитие общества и развитие человека, пути развития российского общества.

Шестой раздел посвящен характеристике принципов и методов социологического исследования, средств получения знания о социальных объектах.

Приложения к главам посвящены социальным проблемам России в контексте трансформации российского общества и проблемам отечественной социологии в соответствии с обсуждаемой в главе тематикой.

Редколлегия и авторский коллектив учебника будут благодарны всем, кто письменно или устно выскажет свои соображения по поводу его содержания, компоновки, стиля изложения, т. е. его теоретического и методического уровня.

Г. В. Осипов,
академик РАН,

Л. Н. Москвичев,
действительный член РАЕН

Введение

ЧТО ДАЕТ ИЗУЧЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ?

Социология отнюдь не умозрительная наука. Во-первых, потому, что она опирается на мощную экспериментальную базу, успешно используемую также и другими общественными науками, во-вторых, потому, что сама служит надежной теоретической опорой социальной практики.

Ставшие в последнее время особенно популярными опросы населения, выясняющие мнение людей по различным текущим вопросам, не столько прибавляют популярности социологии, сколько создают о ней ложное впечатление. Фигуры анкетера и интервьюера стали уже привычны и легко узнаваемы. Любые опросы не упускают случая назвать «социологическими», придавая им тем самым якобы научный статус. Средства массовой информации с необыкновенной легкостью оперируют добытыми подобным способом данными. Тем самым создается впечатление, будто человек с умным выражением лица, задающий вопросы, — это и есть социолог, а социология — это наука, изучающая общественное мнение.

На самом деле ни в анкете, ни в интервью нет ничего специфически социологического. Данные, полученные с их помощью, могут быть использованы любой общественной наукой. Заслуга социологии в том, что эти два исследовательских приема основательно разработаны именно ею. Известно, что высказать свое мнение есть то же, что сообщить не суть дела, а только мнение о себе. Превратить мнение о себе в действительно научное знание о сути дела — это уже подлинное искусство. Таким искусством владеют социологи. Они не столь наивны, как может показаться массовому потребителю оперативной информации. Социология — наука серьезная.

В настоящее время наряду с экономистами, юристами и психологами на рынке труда растет спрос на социологов. Но тогда как экономические, юридические и психологические науки достаточно развиты и успешно конкурируют с зарубежными, социология

для современной России — наука относительно молодая. Если не считать эмпирических социологических исследований, проводившихся в СССР в 20-х и отчасти в 30-х гг., и тех, что проводятся начиная с 60-х, а также социологических теоретических разработок, на них опирающихся, то в СССР фактически науки социологии не было. Существовала социальная философия под названием «*исторический материализм*», которая, будучи именно философией, хотя и социальной, все же *не может претендовать на статус и роль социологии*, поскольку, строго говоря, не соответствует тому, что собственно и называется «наукой» в отличие от «философии». Разработанные в ее рамках социологические теоретические концепции имели в основном умозрительный характер: они, как правило, не опирались на эмпирические исследования, а выводились из одной только социально-философской теории, считавшейся к тому же единственно научной. Искусственное сращивание таких концепций с эмпирическими социологическими исследованиями не заменит естественного нормального роста социологии.

Разумеется, социальная философия, и философия вообще, должна быть одним из оснований социологии, но не единственным, так как *социология — опытная, а не умозрительная наука*, в отличие, например, от той же философии, математики и логики. Что касается марксистской социальной философии, и марксистской философии в целом, то она конечно же наряду с другими может претендовать на научную эффективность и конкурировать с ними на равных основаниях.

По-настоящему независимой, самостоятельной, действительно научной отечественная социология станет только тогда, когда с уверенностью можно будет сказать о том, что сформирована *теоретическая социология* (аналогичная теоретической физике, теоретической биологии, теоретической психологии), *вовсе не совпадающая с социальной философией и далеко ей не тождественная*; когда социология теоретически, а не философски, перерабатывает, «теоретизирует» свой эмпирический материал и достигнет действительно теоретического уровня, а не философского, что отнюдь не одно и то же. «Теоретизация» эмпирического материала как раз и означает, что на его основе и на основе конструктивных философских концепций *формируются именно теории в строго научном смысле этого слова, а не очередные умозрительные философские концепции*, у которых совершенно другой статус и другая роль. Причем возника-

ет теоретическая социология только на высокой стадии развития социологии в целом, при наличии достаточно мощного эмпирического базиса и достаточно изощренной рефлексии.

Социология порождает особый взгляд на мир, особый способ видения окружающей среды. *Мировосприятие социолога регулируется категориальной структурой социологического мышления*, создающей особый род интуиции — способности схватывать тонкую материю социального взаимодействия.

Представители разных наук по-разному воспринимают один и тот же объект. Так, если взять семью, то экономиста прежде всего интересуют ее бюджет, доходы и расходы; юриста — права и обязанности родителей и детей; демографа — детность; психолога — мотивы вступивших в брак супругов; политолога — авторитет родительской власти. Социолог примет все это во внимание и поставит вопрос по-своему: какова сплоченность семьи? Тот же вопрос он может поставить в отношении школьного класса и студенческой группы. Более того, по специальной методике он может рассчитать степень сплоченности, выраженную числом.

Любая группа имеет свою статусно-ролевую и ценностно-нормативную структуру. Плохо ли, хорошо ли, но она как-то организована, так или иначе действует, выполняет какие-то функции, преследует какие-то цели. Связи и взаимодействия индивидов образуют свособразную социальную сеть — социум, который, как душа в теле, имеет место в любой точке группы. Статус, роль, ценность, норма, действие, функция, цель — *элементы той категориальной матрицы, сквозь которую социолог смотрит на мир*, воспринимает, описывает и объясняет его.

Взаимодействие двух индивидов — это уже социум. Чем их больше, тем сложнее структура взаимодействия. Каковы отношения индивидов, насколько они многообразны, что их порождает? Индивиды объединяются в группы или группа объединяет индивидов? Мы видим людей, но не видим того, что их заставляет объединяться и действовать совместно. Какие невидимые нити связывают их? Кто является субъектом действия: группа или индивид? Эти вопросы ставит социолог и пытается найти на них ответ.

Имеет ли место «социальность» в природе? И да и нет. Все зависит от того, как ее понимать. Разве растения и животные не живут совместно, не образуют свои социумы? Например, пчелиный рой, стая птиц или стая обезьян? Да, совместность, взаимодействие характерны и для растений, и для животных. В известном смысле «со-

циология растений» и «социология животных» — не такой уж абсурд: «стражи» есть и в муравьиной куче, и в «государстве Платона». Однако у животных нет ни сознания, ни воли, нет культуры, нет истории. *«Социальность» человека другого рода.*

На первый взгляд социолог изучает индивидов и группы. Но это не совсем так. Он изучает те связи, которые их образуют, — связи взаимодействия. И индивид, и группа для него — это *совокупность связей, но особых, социальных, порождающих сложные социальные структуры*: личность, общество, культуру, государство, право, мораль, науку, искусство, семью и т. д. Ни экономист, ни юрист, ни психолог не раскроют тайн социального взаимодействия. Это может сделать только социолог.

Социолога, выступающего, разумеется, в роли исследователя, не интересуют сами по себе пол и возраст, товары и деньги, статьи и параграфы Гражданского и Уголовного кодексов, радость и печаль. Он не останавливается на этом. Это не его стихия. Он оперирует другими категориями и озабочен другими проблемами. Что порождает социальные конфликты, каковы критерии социальной стабильности, как погасить социальную напряженность? Что такое социальный институт и социальный контроль, зачем они нужны, как они связаны с социальной организацией? Неизбежна ли социальная иерархия? Знание об этом дает *наука о социальном*.

Социолог может рассчитать рейтинг популярности того или иного политического деятеля, с высокой долей вероятности предсказать итоги выборов, а после их проведения определить по специальной методике, сфальсифицированы они или нет. Он может рассчитать возможные варианты развития событий, предсказать социальные последствия принятия и реализации того или иного юридического закона, определить механизмы согласования интересов различных социальных групп. Деятельность социолога исключительно многообразна, но в ней есть своя «изюминка». *способность увидеть проблему, порожденную социальным взаимодействием, сформулировать ее на языке социологии, найти пути и средства ее разрешения и предложить их обществу.*

В настоящее время положение российской социологии далеко не из лучших. С горечью приходится сознавать, что по некоторым характеристикам она уступает зарубежной. Например, в США существуют десятки социологических факультетов, институтов, журналов и словарей; изданы сотни монографий и учебников. После десятилетий запрета, подавления научного свободомыслия и лице-

мерного заигрывания властей российская социология вынуждена заимствовать все лучшее, что создано современной мировой социологией, закладывать новый фундамент своего здания. Вместе с тем, опираясь на богатый опыт других стран, свои достижения 20-х, отчасти 30-х гг., а также последних 30—40 лет, современная российская социология в состоянии возродить и продолжить лучшие отечественные традиции XIX — начала XX в. Надеемся, что у молодого поколения хватит и ума, и таланта создать такую социологию, которая войдет в золотой фонд российской культуры.

Кстати, отметим, что до недавнего времени отечественная социология достигала уровня социологии США. Это признают и зарубежные ученые. Однако в последние годы в процессе проведения реформ и социальных потрясений, потеряв поддержку государства и оказавшись в стихии рынка, она вынуждена вести борьбу за выживание. Ее захлестнула волна коммерческих прикладных исследований — откровенно конъюнктурных и далеко не бескорыстных. Нередко они служат средством манипулирования общественным мнением в угоду господствующей элите и претендующим на власть партиям. Что касается фундаментальных исследований, без которых прикладные исследования рано или поздно рискуют оказаться в положении «голового короля», то здесь нужны либо инвестиции государства, либо покровительство меценатов. Меценатов у нас пока нет, а государство еще не осознало всей великой социальной силы науки о социальном.

Раздел первый

СОЦИОЛОГИЯ КАК НАУКА

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ

§ 1. Зарубежная социология в XIX и первой половине XX в.

Процесс становления социологии с момента возникновения ее как самостоятельной науки об обществе до начала XXI в. был длительным.

Уже в XVII в. впервые в теориях «социальной физики» возникает идея о том, что общество — это система. Социальные философы той эпохи рассматривают общество как часть природы (например, Гоббсово «естественное право») и исходят из естественнонаучных представлений своего времени о природе. Известные тогда законы естественных наук, особенно в геометрии, механике и астрономии, наталкивались на многочисленные и противоречивые социальные факты. Этим обусловлена попытка формализации общественных закономерностей.

Восемнадцатый век, век ньютоновой физики, век Просвещения, сравнивает общество с машиной («механическая» модель), в которой каждый «винтик» выполняет свою работу (так трактуются разделение труда, межличностные связи, обмен).

В XIX в. социальные мыслители рассматривают хозяйственно-экономическую жизнь независимо от политики. Если ранее физиократы исходили из принципа автономности экономики по отношению к государству и праву, то Ж.-Ж. Руссо, выявив значение экономических отношений собственности, вплотную подходит к решению проблемы социального неравенства в развитии общества.

Параллельно общим социально-философским теориям развиваются конкретные социальные исследования. Они продиктованы практическими потребностями управления. Английские

«политические арифметики» XVII в. (Д. Граунт и др.) заложили основы современной демографии, выработав методы количественного исследования социальных закономерностей.

Великие географические открытия приводят к развитию антропологии уже не в медицинском, а в социологическом смысле (работы Ж. Л. Бюффона).

Социология в качестве самостоятельной науки об обществе как целостной системе, науки о развитии и функционировании его элементов — социальных институтов — окончательно сформировалась в середине XIX в. Быстрое развитие капиталистического общества и нарастающая динамика социальных конфликтов настоятельно потребовали не только социально-философского, но и «позитивно-политического» (тезис О. Конта) объяснения социальных феноменов.

Быстро развиваются и другие, близкие социологии науки — экономика, история, статистика (особенно социальная статистика), а также естественные и точные науки, которые постоянно оказывают мощное воздействие на науки общественные.

Огюст Конт (1798—1857) — мыслитель, чей вклад в науку отнюдь не ограничен введением термина «социология», неожиданно резко противопоставил новую дисциплину философии. Основная идея Конта — отделение «науки» от «метафизики» и теологии. По его мнению, истинная наука должна отказаться от «неразрешимых» вопросов, т. е. таких, которые невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, опираясь на факты, доступные эмпирическому наблюдению. Конт настаивал на исследовании взаимосвязей фактов в рамках больших целостностей, больших систем. Высшим видом систем он полагал общество, человечество. Социологическая теория Конта состоит из двух частей: «социальной статики» и «социальной динамики». Основным интерес французского мыслителя направлен на динамику. Первичный фактор социальной динамики — духовное, умственное развитие. К вторичным Конт относил климат, расу, среднюю продолжительность человеческой жизни, прирост населения, обуславливающий разделение труда и стимулирующий развитие интеллектуальных и моральных черт человека.

Середина и вторая половина XIX в. в интеллектуальной истории Запада — время почти всеобщего увлечения успехами

естествознания и расцвета позитивистско-натуралистического мировоззрения, под определяющим влиянием которого развивалась тогдашняя социология.

Эволюционная теория Ч. Дарвина заставила ученых обратить внимание на тот простой факт (игнорировавшийся ранее вследствие господства теологического мировоззрения), что между человеком и животным имеется не только различие, но и сходство, что человек — продукт длительной биологической эволюции и одно из звеньев ее цепи. Эволюционная теория стала одним из основных факторов идейного климата второй половины XIX в. Эволюционизм как ведущее направление общественной мысли того времени опирался на представление о единстве законов истории природы и человека, о единстве метода естественных и общественных наук, подрывая тем самым провиденциалистские и финалистские объяснения развития.

В биолого-эволюционных школах социальную эволюцию стали рассматривать как продолжение или составную часть биологической эволюции.

Выдвижение на первый план тех или иных природных факторов или движущих сил социального развития, иногда методологических образцов определенной естественной науки служит основанием для классификации натуралистических школ. Так, биоорганическая школа особое значение придавала структуре социального целого, расово-антропологическая — влиянию биологической природы человека, его расовых черт и генотипа на общественную жизнь; социальный дарвинизм — борьбе за существование и естественному отбору; географическая школа — географической среде и пространственному размещению людей и т. д.

Виднейшим представителем натуралистической ориентации в социологии был *Герберт Спенсер* (1820—1903). Эволюция для английского социолога — универсальный процесс, одинаково объясняющий все изменения как природной всеобщности, так и самых частных социальных и личностных феноменов. Он сторонник так называемого организмического подхода к социальным фактам и рассматривает общество по аналогии с единым биологическим организмом.

Плодотворной была догадка о том, что процесс развития («разрастания») любой единицы или совокупности единиц сопровождается прогрессирующей дифференциацией их структур

и функций: чем более развит организм, тем он более сложен. Далее, как только его части становятся непохожими друг на друга, они начинают взаимозависеть друг от друга. Так, в простых обществах, где составные части однородны, они могут легко взаимозаменяться. В сложных же обществах неудачные действия одной части не могут быть компенсированы действиями другой их части. Поэтому сложные общества более уязвимы и хрупки по своей структуре, чем их более ранние и менее сложные предшественники. Возрастающая взаимозависимость элементов в сложных обществах и, следовательно, уязвимость, приносимая этой взаимозависимостью, делают необходимым создание некой регулирующей системы, которая контролировала бы действия составляющих частей и их координацию. Такая координация аналогична координации в живом организме.

Степень строгости и масштабы внутреннего управления являлись для Спенсера признаками различия между типами обществ. Например, он выделял общества «воинствующие», регулируемые путем жесткого принуждения, и общества «индустриальные», где контроль и централизация слабее.

Со временем спенсеровская концепция «однолинейной» эволюции, т. е. непрерывного поступательного движения обществ, модифицируется в теорию усложненной «многолинейной» эволюции, предполагающей в отдельных случаях даже возможность социальной деградации.

Социологическая теория Спенсера является предшественницей структурного функционализма. Спенсер первым применил в социологии понятия структуры и функции, системы, института. Изменения в структуре, по его мнению, не могут происходить без изменения функций: увеличение размеров социальных единиц неизбежно пробуждает в них прогрессирующую дифференциацию социальной активности, естественное разделение труда.

Спенсер, подобно Дарвину, выдвинул идею «естественного отбора» наиболее приспособленных. Увеличение населения стимулирует все большую социальную активность — требуется все большая изобретательность, чтобы выжить. Наименее развитые группы и индивиды вымирают, поэтому общий уровень развития и интеллекта должен постепенно возрастать. Выживут

лишь те, кто превосходит других в интеллектуальном отношении. Но этот прогрессивный эволюционный механизм разрушится, если будет допущено государственное вмешательство.

Спенсер внес несомненный вклад в социологию знания. В своих трудах он отвел много места проблеме объективности социального исследователя, освобождения его от возможной исторической и классовой предвзятости.

Кризис биолого-натуралистических теорий в конце XIX в. способствовал усилению психологической тенденции в социологии.

В развитии психологической социологии различают следующие самостоятельные направления: «психологию народов», тесно связанную с этнографией; групповую психологию и, наконец, интеракционизм, делающий первичной единицей социологического исследования межличностное взаимодействие.

«Психология народов» была одной из первых попыток концептуализировать и начать конкретное исследование взаимодействия культуры и индивидуального сознания. Ценна была прежде всего сама установка на сближение психологических, этнографических, лингвистических, историко-филологических и антропологических исследований.

В конце XIX в. становится все яснее, что ни психология индивида, ни абстрактный «народный дух» не способны дать ключ к пониманию социальных явлений. Отсюда растущий интерес к изучению непосредственно явлений группового, массового поведения и тех психологических и социальных механизмов, которые делают возможными передачу социальных норм и верований и адаптацию индивидов друг к другу.

По мнению *Гюстава Лебона* (1841—1931), европейское общество вступает в новый период своего развития — в «эру толпы», когда разумное критическое начало, воплощенное в личности, подавляется иррациональным массовым сознанием.

Групповая психология конца XIX — начала XX в. не исчерпывалась, однако, спекулятивными построениями этого типа. Исследованию подвергаются не только аморфная «толпа», но и конкретные человеческие группы, диалы и триады, а также сами процессы межличностного взаимодействия, такие как психическое заражение, внушение и подражание.

Элементарным социальным отношением, по *Габриэлю Тарду* (1843—1904), является передача или попытка передачи ве-

рования или желания. Простейшая модель такого отношения — состояние гипнотического сна. («Общество — это подражание, а подражание — своего рода гипнотизм».)

Всякое нововведение, считает он, есть продукт индивидуального творчества. Единственный источник последнего — творческий акт воображения одаренной личности. Успешная адаптация новшества вызывает волну повторений, принимающих форму «подражания». Наблюдения Тарда во многом предвосхитили дальнейшее развитие теории массовых коммуникаций и психологии общения.

Теория подражания выходит за рамки интрапсихических процессов, делая предметом и единицей социологического исследования не отдельно взятого индивида, а процесс межличностного взаимодействия.

Попыткой соединить психологизм с органицизмом была зародившаяся в США интеракционистская ориентация. В центре ее внимания стоит процесс взаимодействия индивидов (отсюда и ее название). Личность, выступающая субъектом этого взаимодействия, понимается не как абстрактный индивид, а как социальное существо, принадлежащее к определенным социальным группам и выполняющее определенные социальные роли. Противопоставление индивида и общества уступает место идее их взаимопроникновения.

Отказавшись от биологизации общества, психосоциологи пытались преодолеть ограниченность эволюционизма; их теоретические концепции приобретали все более аналитический характер. Важнейшим положительным результатом этого было рождение социальной психологии как самостоятельной дисциплины, хотя, возникнув на стыке социологии и психологии, эта новая дисциплина еще долго не имела четко очерченного предмета, тяготая поочередно к обеим своим «прародительницам».

Идея общего кризиса культуры и связанная с ней конфронтация рационалистического и исторического подходов к обществу острее всего формулировались и переживались в Германии.

Сторонникам рационалистического подхода, опиравшимся на идеи Просвещения, было свойственно признание естественных прав человека и самовластия народа, его права на установление разумных законов и разумного общественного

устройства, соответствующего человеческой природе. Приверженцы исторического подхода, наиболее ярко выразившегося в работах исторической школы права, напротив, подчеркивали важность традиционных норм и принципов человеческого общежития и необходимость существования исторически сложившихся форм государственного и правового регулирования общественной жизни.

В социологии (особенно немецкой) конца XIX в. эта дискуссия оказалась связанной с именем *Фердинанда Тённиса* (1855—1936).

Чрезвычайно активный и плодовитый автор, Тённис поставил целью соединить преимущества рационального научного метода с историческим взглядом на социальный мир.

Первостепенное значение Тённис придает понятию воли. Волю Теннис понимает отнюдь не как чисто психологический фактор. Хотя он и пишет постоянно о том, что без воли нет человеческого поведения, воля в его концепции — понятие, лишенное непосредственно психологического смысла.

Поскольку Тённис фактически (вслед за Спинозой) отождествил волю и разум, это означало, что побуждение к совместной социальной жизни, социальному взаимодействию, «обществлению», по Тённису (как и образование государства, по Гоббсу), идет не от освященной церковью традиции, как утверждает политическая философия реакционного романтизма (и не от Бога, как то утверждали противники Гоббса — схоласты), а от разума.

Тённис различает понятия «община» (*Yemeinschaft*) и «общество» (*Yesellschaft*). В общине социальные связи основаны на привязанности, душевной склонности, в обществе — на рациональном обмене, смене находящихся во владении вещей. Эти два типа связи характеризуют не только отношения людей друг к другу, но и отношения их к обществу. В общине социальное целое предшествует частям, в обществе, наоборот, целое складывается из частей.

Свобода от ценностей как принцип научной социологии следовала у Тенниса из принципов объективности и натурализма. Во-первых, чисто конструктивный подход должен стать надежным заслоном от произвольного, т. е., по сути дела, обусловленного какими-то изначальными оценками вычленения из реальности связей и отношений, положенных в основу

социологической конструкции. Во-вторых, подход к социальной жизни как к природному явлению заставлял исследователя отрешиться от потребностей социальной практики, от любого рода оценочных позиций и искать в предмете его собственную логику так, как будто бы она вовсе чужда логике социальной жизни, социальной практики.

Последовательное проведение этих двух принципов должно было, по Тённису, отделить научную социологию от этики, с одной стороны, и от политики — с другой.

Крупнейшим социологом XIX в. является *Карл Маркс* (1818—1883). Вместе с *Фридрихом Энгельсом* (1820—1895) он разработал концепцию общественной формации, основанием которой послужило материалистическое понимание истории.

Марксистская концепция исходит из положения, что способ материального производства, а вслед за ним обмен его продуктов составляют основу всякого общественного строя. Материалистическое понимание истории предполагает рассматривать общество как социальный организм, как единую социальную систему, источник развития и формирования которой заключается прежде всего в ней самой, а не находится вовне.

Теория общества, основанием которой является материалистическое понимание истории, признает действие многих факторов. Производственные отношения — это базис, но на ход исторического развития воздействуют другие факторы — политические формы классовой борьбы и ее результаты, правовые формы, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения.

Обосновывая материалистическое понимание истории, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали основной принцип, а именно: развитие исторического процесса обусловлено способом производства материальных благ и прежде всего производительными силами, что с их изменением меняется способ производства, а вместе со способом производства — все экономические отношения, а затем и вся надстройка общества.

Анализ производственных отношений дал возможность подметить повторяемость явлений общественной жизни, объединить явления и процессы, происходящие в разных странах, понятием общественной формации.

Общественная формация — это сложившаяся на основе данного способа производства конкретно-историческая форма бытия общества. Специфический способ взаимодействия основных структур (экономической, социальной, политической и идеологической) той или иной общественной формации придает ей характер особого социального организма. Функционирование и развитие этого организма характеризуются действием двух типов социальных законов. Это генетические законы и закономерности, связанные с его развитием, и структурные законы и закономерности, относящиеся к функционированию его различных структур. И генетические, и структурные законы и закономерности являются результатом стечения различных исторических фактов и обстоятельств, характерных для данного вида общества.

К. Маркс и Ф. Энгельс исследовали историю становления и развития основных общественных формаций: первобытнообщинной (Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства»), рабовладельческой и феодальной (К. Маркс «Формы, предшествующие капиталистическому производству»; Ф. Энгельс «Крестьянская война в Германии»), капиталистической (К. Маркс «Капитал»). Ими были также изучены классы и социальные группы современного им общества — пролетариата, буржуазии, крестьянства (К. Маркс «Гражданская война во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»; Ф. Энгельс «Положение рабочего класса в Англии», «К жилищному вопросу»).

Особый интерес представляют взгляды немецкого социолога *Георга Зиммеля* (1858—1918). Социология, считал Зиммель, должна конституироваться не традиционным путем — путем выбора не «занятого» другими социальными науками предмета, а как метод науки, не обладающей своим собственным содержанием. С этой точки зрения все предметы каждой из социальных наук являются особым образом оформленными «каналами», по которым течет общественная жизнь. Напротив, задача нового социологического видения, которое предлагает Зиммель, — изучение закономерностей, недоступных каждой из этих наук.

Цель социологического метода — выявление в совокупном предмете социальных наук чистых форм «социации», или обще-

ния, за которым должны последовать их систематизация, психологическое обоснование и описание в историческом развитии.

Согласно Зиммелю, его концепция, с одной стороны, гарантирует четкость отделения социологии от других социальных наук, поскольку она изучает чистые формы «социации», с другой — позволяет провести границу между науками об обществе, в которых возможно применение социологического метода, и науками о природе.

Классиком «социологической школы», завоевавшим прочные позиции во французском обществоведении, является *Эмиль Дюркгейм* (1858—1917).

К числу общих условий, необходимых для превращения социологии в самостоятельную науку, он относил наличие особого предмета, изучаемого исключительно данной наукой, и соответствующего метода исследования. Социология должна изучать, полагал он, социальную реальность, имеющую особые, только ей одной присущие качества. Элементами социальной реальности являются социальные факты, совокупность которых есть общество. Эти факты и составляют предмет социологии.

«Социальным фактом», по определению Дюркгейма, является всякий образ действия, четко определенный или нет, но способный оказывать на индивида внешнее давление и имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от него. При рождении индивид находит готовыми законы и обычаи, правила поведения, религиозные верования и обряды, язык, денежную систему, функционирующие независимо от него. Эти образы мыслей, действий и чувствований существуют самостоятельно, объективно.

Следствием объективности социальных фактов является другая их характеристика — оказываемое ими на индивидов давление, принуждение последних к определенному действию. Каждый человек испытывает на себе социальное принуждение. Юридические и моральные правила, например, не могут быть нарушены без того, чтобы индивид не почувствовал всей тяжести всеобщего неодобрения. Точно так же обстоит дело с другими видами социальных фактов.

В концепции Дюркгейма социология занимает центральное место среди общественных наук. Ее задача — не только исследование социальных фактов. Социология вооружает все другие общественные науки методом и теорией.

При разделении труда в современном обществе Дюркгейм подчеркивал и выделял аспект солидарности. Разделение труда, согласно Дюркгейму, — это тот механизм, который в современном обществе, утратившем в значительной степени цементирующую силу общего, коллективного религиозного сознания, создает желаемую общественную связь, групповую солидарность, компенсирующую все недостатки, связанные с узкой специализацией. Понятие солидарности становится осью, вокруг которой строится весь анализ разделения труда, определение его функций.

Солидарность рассматривалась Дюркгеймом как высший моральный принцип, высшая ценность, которая является универсальной, признаваемой всеми членами общества. Поскольку потребность в общественном порядке, гармонии, солидарности «всеми считается за моральную», постольку морально и само разделение труда.

Личность и общество, считал Дюркгейм, находятся в отношениях взаимозависимости, каждая сторона заинтересована в развитии и процветании другой.

Он выступил в роли обличителя неизбежного морального зла, вытекающего из специализации и дифференциации производства.

По мнению Дюркгейма, превращение человека в придаток машины невозможно смягчить или сгладить предоставлением рабочим общего образования, развитием у них интереса к искусству, литературе, потому что приобщение к культуре делает еще более нетерпимыми узкие границы специализации.

Как же устранить противоречие между разделением труда, увеличивающейся специализацией функций работающего и потребностями развития его личности? Разделение труда, согласно Дюркгейму, само по себе не влечет отрицательных последствий. Они возникают только при исключительных и ненормальных условиях. Важным условием солидарной, согласованной деятельности работающих является соответствие выполняемых ими функций их способностям и наклонностям.

Дюркгейм вместе с тем настаивал на том, что дифференциация общества покоится не на социальных привилегиях, а на тех преимуществах, которые обуславливаются индивидуальными способностями каждого.

Таким образом, равенство, справедливость и свобода в представлении Дюркгейма — основы общественного устройства высшего типа организации, к которому приблизилось современное промышленное общество.

Один из самых влиятельных теоретиков социологии — *Макс Вебер* (1864—1920) Становление концепции исторической социологии, к которой немецкий социолог продвигался на протяжении всего своего творческого пути, было обусловлено довольно высоким уровнем развития современной ему исторической науки, накоплением ею большого количества эмпирических данных о социальных феноменах во многих обществах мира. Именно пристальный интерес к анализу этих данных помог Веберу определить свою основную задачу — сочетать общее и специфическое, выработать методологию и понятийный аппарат, с помощью которого можно было бы упорядочить хаотический разброс социальных фактов.

Труды Вебера представляют собой удивительный по широте охвата и смелости обобщений сплав исторических изысканий и социологической рефлексии

Из его методологических конструкций важна концепция «понимания». Он использовал это понятие, заимствованное из герменевтики, как метод не только интерпретации смысла и структуры авторских текстов, но и как метод раскрытия сущности всей социальной реальности, всей человеческой истории. Полемизируя с интуитивистской трактовкой «понимания», Вебер утверждал рационалистический характер данной операции: скорее систематическое и точное исследование, чем просто «переживание» текста или социального феномена. Противоречивость этого веберовского понятия обусловила разнонаправленность влияния Вебера: среди его интерпретаторов есть сторонники как более узкого, культурологического (символический интеракционизм), так и более широкого, глобально-социального (структурный функционализм) толкования гермина «понимание».

Важным вкладом Вебера в социологию было введение понятия «идеальный тип». «Идеальный тип» представляет собой искусственно, логически сконструированное понятие, позволяющее выделить основные черты исследуемого социального феномена (например, идеально-типическое военное сражение должно включать в себя все основные компоненты, присущие реальному сражению, и т. п.). Идеальный тип возникает индук-

тивно из реального мира социальной истории, а не из абстрактных теоретических построений. Он не должен иметь ни слишком много общего (например, история религии в целом), ни слишком много частного (индивидуальный религиозный опыт) характера. Идеальным типом может быть некоторый промежуточный феномен (в религии это отдельное направление: кальвинизм, методизм, баптизм). Это — преувеличенно выпуклое отображение того основного, что свойственно реальному феномену. По мнению Вебера, чем более «преувеличен» идеальный тип, тем выше его эвристическая ценность, тем более полезен он для конкретного исторического исследования.

Понятие это, по Веберу, не статическое, а динамическое. Поскольку общество и интересы его исследователей постоянно изменяются, постольку необходимо развивать новые типологии, соответствующие изменившейся реальности.

Как известно, современная американская социология сформировалась в значительной степени благодаря развитию веберовской концепции свободы от ценностных суждений. Однако сам Вебер не отрицал полностью значения оценок. Он лишь считал, что процедура исследования разделяется на три этапа. Ценности должны фигурировать в начале и в конце исследования. Процесс же сбора данных, точное наблюдение, систематическое сравнение данных должны быть беспристрастны. Веберовское понятие «отнесение к ценности» означает, что исследователь производит отбор материала на основе современной ему системы ценностей.

Основа социологической теории Вебера — это концепция социального действия. Он отличал действие от чисто реактивного поведения. Его интересовало действие, включающее мыслительные процессы и осуществляющее посредничество между стимулом и реакцией: действие имеет место в том случае, когда индивиды субъективно осмысливают свои поступки.

В трудах Вебера блестяще исследованы феномены бюрократии и всеподавляющей прогрессирующей бюрократизации («рационализации») общества. Важная категория, введенная Вебером в научную терминологию, — «рациональность».

Социологическая система *Вильфредо Парето* (1848—1923) по замыслу должна была положить конец метафизическим и спекулятивным рассуждениям об обществе, занимавшим доминирующее положение в социально-политической мысли

XIX в. Парето стремился разработать такие принципы построения социологического знания, которые обеспечили бы его достоверность, надежность и обоснованность. Поддерживая в целом концепцию общественной науки, созданную основоположниками позитивизма — Контом, Миллем и Спенсером, Парето справедливо критиковал их за непоследовательность в проведении принципа эмпирической обоснованности знания.

Метод, при помощи которого итальянский социолог намеревался открыть всеобщие принципы устройства, функционирования и изменения обществ, он назвал логико-экспериментальным. Стремясь сделать социологию такой же точной наукой, как физика, химия и астрономия, он предлагал пользоваться только эмпирически обоснованными описательными суждениями, строго соблюдая логические правила при переходе от наблюдений к обобщениям. Этические и вообще ценностные элементы в теории, по мнению Парето, всегда ведут к искажению, фальсификации фактов и поэтому подлежат устранению.

Как и большинство позитивистов, Парето требовал отбросить понятия «абсолютный», «необходимый», поскольку они заключают в себе априорное содержание — признак метафизики и теологии.

Понятие причинности, поскольку оно выражает отношение, которое нельзя наблюдать, Парето подверг сомнению. Критикуя принцип монокаузальности, он делал вывод, что отношение причинности должно быть заменено отношением взаимности или взаимодействия. Отрицая факт каузального приоритета какого-либо одного явления, он требовал заменить причинную связь функциональной, причинное объяснение — функциональным. Поскольку каждое социальное явление — функция многих переменных, постольку социальная теория должна принимать во внимание все факторы, действующие в обществе, и устанавливать между ними отношения постоянных зависимостей.

Значительный вклад в развитие социологии внес немецкий социолог *Карл Маннгейм* (иногда в русском переводе — *Манхейм*) (1893—1947). Область его научных интересов — социология знания.

На всех этапах своих исследований Маннгейм обращал особое внимание на изучение тех структур, в которых так или иначе присутствовали взаимосвязи мышления и общества. Понятия «структуры» и «взаимосвязи» являются главными и присутствуют во всех его сочинениях.

Маннгейм сконцентрировал внимание на том, что мышление есть деятельность, тесно связанная с деятельностью социальной и образующая структурную систему. Оно не является привилегированным видом деятельности, свободным от влияний общественной жизни, а потому должно быть понято и объяснено внутри нее. Познание является «общим процессом групповой жизни», где каждый открывает свои знания в структуре общей деятельности.

Все идеи, согласно Маннгейму, даже «истины», относительно и соответственно подвержены влиянию социальной или исторической ситуации, из которой они возникают. Тот факт, что каждый мыслитель связан с определенной группой, что он имеет конкретный статус и исполняет конкретную роль, определяет его интеллектуальный кругозор. Люди не рассматривают события с абстрактных позиций вообще, не делают этого как отдельно взятые личности. Напротив, они действуют, объединяясь или противостоя друг другу, и пока они так поступают, они и мыслят одинаково или различно.

Все познание и все идеи «локализованы», хотя и в разной степени, внутри социальной структуры или исторического процесса. Иногда определенная группа может иметь более полный доступ к пониманию социального явления, чем другие группы, но ни одна из них не может иметь абсолютного доступа к нему. Идси имеют корни в различных отрезках исторического времени и социальных структурах, поэтому мышление неизбежно является перспективным, т. е. зависит от позиции, занимаемой наблюдателем. Два человека, следующие одним и тем же формально логическим правилам, могут судить об одном и том же событии очень различно.

Маннгейм утверждал, что мышление неизбежно имеет идеологический характер. Система мышления какой-либо группы не будет содержать всю истину. Идеологии с различными перспективами сосуществуют, причем каждая из них претендует на то, чтобы представлять всю истину, хотя фактически содержит только ее часть. Полная истина может быть найдена независимыми интеллигентами, не привязанными ни к какой отдельной позиции и настолько свободными, что они имеют возможность стать — в действительности или в воображении — на любую позицию. Благодаря этому они достигают понимания всех идеологий со всех точек зрения и могут обнаружить полную истину.

Маннгейм подчеркивал, что его вклад в социологию знания разделяется на две части: эмпирическое исследование реального «влияния социальных взаимоотношений на мышление» и теоретическое исследование «влияния этих взаимоотношений на действительность». Он помог открыть новую область социологического знания, показывая на конкретных примерах, как глубоко мыслители связаны с историческим и социокультурным контекстом, в который они включены.

Известный вклад в развитие социологии внесли американские ученые. Так, по мнению *Лестера Уорда* (1841—1913), высшая ступень эволюционной лестницы — социогенная, синтез всех сил, сложившихся в ходе космо-, био- и антропогенеза. Специфика этой новой социальной реальности — в наличии целеполагания, которого не было в действиях слепых природных сил. Тем самым природные процессы преобразуются в телические (от греч. *telos* — цель), т. е. социальные, имеющие характер целевого действия человека. Кроме индивидуального целеполагания, существует коллективное, носителем его является государство. Уорд предпринял попытку преодолеть теоретический разрыв между понятиями «процесс» и «структура», интерпретируя их в психологических терминах: «чувства», «эмоции», «нужды», «желания» и т. д. Последние, будучи психическими силами, выступают в качестве мотивов человеческих действий и взаимодействий, порождают социальные структуры (группы) и процессы и тем самым становятся силами социальными.

Основным предметом внимания *Албиона Смолла* (1854—1926) являются интересы, направленные на здоровье, благосостояние, общение, познание, красоту и справедливость. Он считал, что понятие интереса призвано сыграть в социологии ту же роль, что и понятие атома в физике. Социальный процесс представляет собой все большее и большее переплетение интересов и отражает постепенный переход конфликта в согласие. Интересы, групповая структура и социальный процесс образуют единое целое. Социальное явление — это результат взаимодействия трех факторов: природы, индивидов и социальных институтов. В научном исследовании Смолл выделял четыре стадии: описательную, аналитическую, оценочную и конструктивную. Социология, по его мнению, должна участвовать в «практическом улучшении общества». В дальнейшем Смолл истолковал интересы как оценки, регулирующие поведение, а социальный про-

цесс — как процесс образования оценок, поиска средств их реализации, изменения оценок и т. д.

Франклин Гиддингс (1855—1931) пытался найти элементарный принцип для построения всеохватывающей социологической схемы. Таким принципом он считал «сознание рода», или, что то же самое, «социальный разум», понимая под ним «чувство тождества», испытываемое индивидами друг к другу. Общество, по мнению Гиддингса, — это организация особого рода, представляющая отчасти продукт «бессознательной эволюции», отчасти результат «сознательного плана», поэтому социология должна соединить в себе как объективное, так и субъективное объяснение. Динамика человеческих групп — это взаимодействие двух типов «сил»: социализующих и социальных. Первые — внешние условия, которые порождают группу, развивают организацию и способствуют социализации. Примеры: почва, климат, стремления и страсти индивидов. Вторые — влияния группы, которые направляют поведение индивидов к достижению групповых целей. Примеры: общественное мнение, законодательство. По степени развития «сознания рода» Гиддингс различает в обществе четыре класса: «социальный», состоящий из людей, защищающих существующий социальный строй; «несоциальный» — из тех, кто равнодушен к делам общества; «псевдосоциальный» — из тех, кто стремится жить за счет общества; «антисоциальный» — из тех, кто ненавидит общество. Особое значение он придавал применению в социологии статистических методов

Социальная эволюция, по *Уильяму Самнеру* (1840—1910), имеет неуклонный характер, а естественный отбор и борьба за существование универсальны. Социальное неравенство — это естественное состояние и необходимое условие развития цивилизации. Его интересовало скорее то, что люди делают, а не то, как они относятся друг к другу. Общество есть творческий процесс, в котором контроль над окружающей средой достигается в результате изучения и изменения общих ценностей. Индивид отождествляется с группой благодаря своему участию в ее деятельности и принятию ее норм. Наибольшую известность приобрели понятия Самнера «мы — группа» и «они — группа». В «мы — группе» преобладает солидарность, между группами — враждебность. Последнее связано с этноцентризмом, согласно которому собственная группа представляется человеку

центром, а все остальные оцениваются по отношению к ней. Конформизм в обществе обеспечивают обычаи, нравы и законы. Обычаи порождаются интересами и мотивами. Среди последних главные — голод, сексуальная страсть, честолюбие и страх.

Эдвард Росс (1866—1951) интересовался природой социального порядка и солидарностью. Солидарность рассматривалась им в контексте социального контроля, процесса, посредством которого индивиды и группы составляют единую организацию. Согласно Россу, ключ к контролю следует искать в явлении повиновения. В процессе развития общества возникают два контекста повиновения: лично-неофициальный и безлично-официальный. В первом порядок достигается путем согласия, основанного на единокровии и общих ценностях, во втором — путем контроля. Механизмы последнего распадаются на два типа: внутренний, основанный на развитых чувствах, и внешний, использующий силу и авторитет. Первый является этическим контролем, он формирует цели, второй — политическим, занят поиском средств для их достижения (образование, законодательство и т. д.).

Чарльз Кули (1864—1929) подчеркивал решающую роль сознания в формировании социальных процессов. Способность выделять себя из группы, создавать свое Я — признак истинно социального существа. Сознательное действие есть всегда действие социальное. Согласно Кули, человеческое Я включает в себя: 1) представление о том, «каким я кажусь другому человеку»; 2) представление о том, «как этот другой оценивает мой образ»; 3) вытекающее отсюда специфическое «чувство Я» вроде гордости и унижения. Человек соотносит свои действия с теми представлениями о собственном Я, которые складываются у других людей. Другие люди — это зеркала, формирующие для индивида его собственный образ, «зеркальное Я». Непременное условие развития самосознания — общение с другими людьми и усвоение их мнений на свой счет. Кули уделял большое внимание «первичным группам». Первичная группа — это группа индивидов, непосредственно взаимодействующих друг с другом лицом к лицу: детский игровой коллектив, семья, соседство и др. В ней лежат истоки социальной организации. Это понятие включает и процесс, при помощи которого индивид приобретает нормы и ценности, лежащие в основе социальной солидарности, а также моральные обязательства по отношению к законному порядку.

Особое место занимает Чикагская школа, одна из первых в социологии, оказавших значительное влияние на ее развитие. Ее основатели — Роберт Парк (1864—1944) и Эрнст Берджесс (1886—1966). Основные отличительные черты: широта теоретических ориентаций; сочетание различных методов исследования; соединение теоретических исследований с эмпирическими; выдвижение гипотез в проектах, направленных на решение социальных проблем. Исследования проводились в г. Чикаго, именовавшемся «социальной лабораторией», и касались жизни общин сельских и иностранных мигрантов, проблем их адаптации к городской среде, различных форм отклоняющегося поведения, дезорганизации семьи, юношеской преступности, бродяжничества и др. Соединение исследовательских программ с учебным процессом в Чикагском университете способствовало появлению нового характера обучения, его связи с социальной практикой.

Таким образом, в XIX — первой половине XX в. были заложены основы социологии как особой науки об обществе, определились ее главные направления, оригинальные теоретические концепции и методологические принципы, составившие специфику социологического подхода к изучению общества. Так или иначе, дальнейшее развитие социологии, независимо от того, принимались или отвергались разработанные в ее рамках основные идеи, опиралось на достижения указанного периода.

§ 2. Зарубежная социология во второй половине XX в.

2.1. Макросоциологические теории

Структурный функционализм. Функционализм с его акцентом на натуралистический подход к исследованию социальной реальности, на естественнонаучную методологию и системные качества общества, с его попыткой перечислить все необходимые условия, обеспечивающие равновесие и «порядок» социальной системы, все составляющие ее элементы, механизмы ее интеграции в свое время находил широкую поддержку как в академических, так и в политических кругах.

Наиболее полно основы функционализма сформулировал *Толкотт Парсонс* (1902—1979). Он стремился обосновать центральную идею своего социального учения, идею «социального порядка», в котором над конфликтом доминирует согласие (консенсус). Он построил концептуальную схему, в центре которой находится процесс взаимодействия социальных систем, окрашенных личностными характеристиками и ограниченными культугой¹.

Обвинения в антиисторизме структурный функционализм пытался опровергнуть: а) разработкой неозволюционизма, б) созданием ряда теорий «социального изменения», учитывающих значение дисфункциональных элементов в социальной системе; в) поворотом к изучению «социального конфликта», апеллирующему к работам К. Маркса; г) выработкой своего рода синтеза структурно-функциональной модели равновесия и модели конфликта, обычно выражающейся в функциональных терминах; д) созданием так называемой общей теории социальных систем.

На упрек в нормативном детерминизме структурный функционализм оказался неспособным ответить, что и вызвало появление ряда оппозиционных ему теорий. (Под детерминизмом в данном случае понимается причинная взаимообусловленность явлений.)

Неозволюционизм. Неозволюционистские теории в большинстве своем пытаются совместить характерную для структурного функционализма идею системности с идеей развития. Одним из первых такую попытку предпринял сам основатель структурного функционализма Т. Парсонс. В книгах, написанных совместно с *Эдвардом Шилзом* (р. 1911), «К общей теории действия»² и «Рабочие материалы по теории социального действия»³ он выдвинул положение о том, что все действующие системы, если им удастся выжить, сталкиваются с четырьмя важными проблемами. Во-первых, они должны обеспечить получение ресурсов из окружающей среды и распределение их внутри системы. Этот процесс Парсонс и Шилз назвали

¹ См. *Parsons T. The Social System. Glencoe, 1951 P 19*

² *Parsons T., Shils E. A. Toward a General Theory of Action Cambridge, 1951*

³ *Parsons T., Shils E. A. Working Papers in the Theory of Action. N Y., 1953.*

«адаптацией». Во-вторых, системы должны быть способными мобилизовать ресурсы для достижения определенных целей и установить приоритет между ними (целями). Это — процесс «целестремления». В-третьих, отношения внутри системы должны координироваться, регулироваться и, следовательно, иметь налаженный механизм «интеграции». Наконец, в-четвертых, должны существовать пути выработки в составляющих систему индивидах такой мотивации, которая обеспечивала бы соответствие их деятельности целям системы, равно как и пути снятия прежних эмоциональных напряжений у членов общества. Это — механизм «поддержания ценностного стандарта».

С введением Парсонсом и Шилзом указанных понятий наметился существенный сдвиг в теории от анализа структур к анализу функций. Структуры теперь рассматриваются с точки зрения их функциональных последствий для решения названных четырех проблем; взаимосвязь между частными структурами анализируется с точки зрения ее влияния на те условия, которые каждая из структур способна удовлетворить.

Тем самым Парсонс и Шилз попытались решить проблему развития и изменения системы путем приведения ее в соответствие с требованиями нормативной модели. Их подход, несмотря на некоторый сдвиг акцентов, остался нормативистским.

Наконец, Парсонс предпринял еще одну попытку совместить идею эволюционизма со своей социологической схемой. Он обратился к проблеме человека и попытался объяснить процесс усложнения социальных систем через все возрастающую дифференциацию функций, выполняемых индивидами в системе. Он утверждал, что процесс все возрастающей дифференциации ролевых функций оказал воздействие на эволюцию человеческих обществ и конкретных социальных систем. На ранних этапах человеческой эволюции, отмечал Парсонс, различные ролевые функции выполнялись одним лицом. В современном мире произошла дифференциация ролевых функций, которые стали выполняться различными лицами. Таким образом, он делал вывод: современные общества эволюционировали в высокодифференцированные структуры, способные осуществлять эффективный контроль над окружением. Тем самым они достигли не только экономической, но и культурной продуктивности, притом в та-

кой степени, о которой на ранних стадиях не имели никакого представления (см. об этом гл. 18). Парсонс сумел подняться над функционализмом, не отбросив, а приспособив его к требованиям эволюционного подхода. Однако сохранить функционализм оказалось возможным, только лишив эволюционизм присущего ему духа развития и прогресса. Содержание социальной эволюции свелось у Парсонса к усложнению системы и увеличению ее адаптивной способности.

Известный интерес представляют культурологические варианты неозволюционистских теорий, выдвинутые американскими социологами и антропологами Л. Уайтом, Дж. Стюардом, Дж. Мердоком и др. Различие их эволюционистских подходов определяется прежде всего выбором фактора, который они кладут в основу общественного развития. Так, Уайт придерживается концепции «технологического детерминизма» в культурной эволюции, Стюард стоит на позиции многолинейной эволюции, Мердок акцентирует внимание на роли социальной организации¹.

Теории социальных изменений. Теория социальных изменений в социологии существует в нескольких вариантах. Сконструировать модель социального изменения в традициях структурно-функционального анализа попытался *Роберт Мертон* (р. 1910), находящийся под сильным влиянием идей П. Сорокина и Т. Парсонса. Основываясь на методологических принципах структурно-функционального анализа, Мертон заявил об отказе от создания общей социологической теории. В книге «Социальная теория и социальная структура»² он предложил систему множественных моделей функционального анализа на уровне конкретных социальных систем и общностей. Пытаясь преодолеть метафизичность структурно-функционального подхода Парсонса, Мертон наряду с понятием функции ввел понятие «дисфункция», т. е. заявил о возможности отклонения системы от принятой нормативной модели, что, в свою очередь, должно повлечь за собой или новый этап в приспособлении системы к существующему порядку, или определенное изменение системы норм. Таким путем Мертон пытался ввести в функционализм

¹ См.: Критика современной буржуазной теоретической социологии. М., 1977 С 50—51.

² *Merton R. K. Social Theory and Social Structure* Glencoe, 1957, N Y., 1968.

идею изменения. Но он ограничил изменение «средним» уровнем — уровнем конкретной социальной системы, связав его с проблематикой «разлада» системы — с понятием аномии.

Кроме разработанной Мертоном «структурно-дисфункциональной» модели социального изменения, существует целый ряд других — однофакторных и многофакторных — моделей. Общее, что характеризует все модели, — это попытка выяснить причины становления и развития тех или иных социальных явлений, т. е. попытка дать им причинно-следственное объяснение. На протяжении длительной истории развития социологической мысли назывались самые разные причины социальных изменений: естественный отбор (Г. Спенсер); географическая среда, особенно климат (Р. Бокль), народонаселение (Р. Мальтус); раса (А. Гобино); выдающиеся личности (Ф. Ницше); война (А. Тойнби); технология (У. Огборн); разделение труда и кооперация (Э. Дюркгейм) экономика (У. Ростоу); идеология (М. Вебер) и др.

В теориях социальных изменений «структурно-функциональной» модели оказалась противопоставлена «причинно-следственная» модель анализа социальных изменений. В качестве альтернативы нормативному детерминизму было выдвинуто несколько видов детерминизма (причинной обусловленности) — от биологического до технологического и экономического. Однако общая точка зрения так и не сложилась.

Теории социального конфликта. Теории социального конфликта создавались на основе критики метафизических элементов структурного функционализма Парсонса, которого обвиняли в чрезмерном акцентировании внимания на комфортности, в забвении социального конфликта, в неумении учесть центральное место материальных интересов в человеческих делах, в неоправданном оптимизме, в подчеркивании значения интеграции и согласия за счет радикального изменения и нестабильности.

У истоков теории «социального конфликта» стоял американский социолог Ч. Р. Миллс. Опираясь на идеи К. Маркса, Т. Веблена, М. Вебера, В. Парето и Г. Моска, Миллс утверждал, что любой макросоциологический анализ чего-то стоит лишь в том случае, если он касается проблем борьбы за власть между конфликтующими социальными группами¹.

¹ См. Миллс Ч. Властвующая элита. М., 1954.

Более четкую формулировку теория «социального конфликта» получила в работах германского социолога Р. Дарендорфа, английского — Т. Боттомора, американского — Л. Козера и других западных социологов.

Обосновывая главные положения теории социального конфликта, *Ральф Дарендорф* (р. 1929) утверждает, что все сложные организации основываются на перераспределении власти, что люди, обладающие властью, способны с помощью различных средств, среди которых главным является принуждение, добиваться выгоды от людей, обладающих меньшей властью. Возможности распределения власти и авторитета крайне ограничены, и поэтому члены любого общества борются за их перераспределение. Эта борьба может не проявляться открыто, но основания для нее существуют в любой социальной структуре.

Таким образом, согласно Дарендорфу, в основе конфликтов человеческих интересов лежат не экономические причины, а стремление людей к перераспределению власти. Источником конфликтов становится так называемый *homo politicus* («человек политический»), а поскольку одно перераспределение власти выдвигает на очередь другое, социальные конфликты имманентно присущи любому обществу. Они неизбежны и постоянны, служат средством удовлетворения интересов, смягчения проявлений различных человеческих страстей. «Все отношения индивидов, построенные на несовместимых целях.. — утверждает Дарендорф, — являются отношениями социального конфликта»¹.

Теории социальных систем. Своеобразным синтезом структурно-функциональной модели равновесия и модели социального конфликта стала общая теория социальных систем, обычно формулируемая в функциональных терминах.

Развитие данного направления продолжает традиционно-натуралистическую, позитивистскую ветвь, когда объект социологии — социальные отношения и структуры — трактуется в понятиях, близких к естественнонаучному подходу. Эти отношения и структуры рассматриваются как абсолютно не зависящие от людей, от их намерений и стремлений. В таком случае поведение людей определяется «императивами системы», обуславливающими направленность их действий и диктующими типы принимаемых решений.

¹ *Dahrendorf R Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959. P. 135.*

Сторонники этого подхода ищут условия, обеспечивающие позитивные для системы последствия, причем часто эффективность «работы» системы оценивается независимо от анализа возможных негативных последствий тех или иных решений для людей. Сведение характеристики человека к какому-то одному качеству, например к потребностям, мотивациям или установкам, действительно делает теоретические модели более простыми, но они (модели) перестают соответствовать реальности анализируемых при их посредстве социальных процессов.

Это становилось все более очевидным при попытке эмпирически проверить теоретические положения, выдвигавшиеся в русле такого подхода. В конце концов, оказалось невозможным уйти от вопроса о качественной специфике объекта социологического исследования. Здесь чрезвычайно важное влияние оказали работы Ж. Гурвича, Т. Адорно, Х. Шельски, М. Поланьи и других социологов и представителей философии науки. Они вынуждены были искать причины тех неудач, которые постигли как эмпирическую социологию, так и макротеории общества, основанные на допущениях, свойственных естественным наукам. Такими причинами были, в первую очередь, игнорирование сознательной творческой деятельности индивида в созидании и развитии социального процесса, активное использование идей и методов естественнонаучного знания, сопровождавшиеся приданием последним отнюдь не свойственных им широких мировоззренческих функций.

Структурализм. Во Франции роль структурно-функционального подхода к социальной реальности сыграл структурализм — влиятельное направление, представленное такими видными социологами, как М. Фуко, К. Леви-Строс и др.

Основной пафос структурализма состоял в попытке построения новой модели социальной реальности. Такой моделью для структуралистов явился язык как изначально и прозрачно структурированное образование. Структуралисты Франции — последователи лингвистического структурализма, развивавшиеся в первой четверти XX в. Это определило их методологический аппарат, связанный с аппаратом структурной лингвистики, семиотики, с привлечением некоторых методов, используемых точными и естественными науками.

«Гиперрационалистский» подход к социальной реальности состоит в акцентировании наличия во всех человеческих проявле-

ниях — общественных институтах, культурном творчестве и т. д., некой общей субстанции — «коллективного бессознательного».

Клод Леви-Строс (1908—1990), один из крупнейших современных культурантропологов, изучая структуру мышления и быта первобытных народов, делает вывод, что исторический подход («диахронный разрез») лишь облегчает понимание того, как возникают те или иные социальные институты. Главная же цель научного исследования общества — «синхронный разрез», прослеживание того, каким образом коллективное бессознательное формирует символические структуры данного общества — его ритуалы, культурные традиции, речевые формы. Изучение исторических и этнических фактов — лишь шаг к постижению коллективного бессознательного.

Фундаментальные этнологические труды Леви-Строса обладают значительной эвристической ценностью.

У *Мишеля Фуко* (1926—1984) социоисторические исследования культур прошлого (он именует их «дискурсами»), особенно эпохи Средневековья, раннего и позднего Возрождения, классицизма, посвящены наиболее слабо изученным к тому времени областям человеческого бытия — таким сферам коллективного бессознательного, как болезнь, безумие, девиантное поведение. Позднее он работает над многотомным трактатом по истории сексуальности.

Фуко выводит «дискурсивные» (ментальные) структуры — подразумевая под этими обозначениями нормативные системы и структуризацию знания, действовавшие в различные периоды истории, — из структуры социальных институтов.

Истинно научным, объективным исследованием является, по Фуко, возможно более строгое и детальное изучение каждой данной ментальной структуры как структуры коллективного бессознательного в ее соотношении со структурой «власти».

2.2. Микросоциологические теории

Ряд социологов, неудовлетворенных структурно-функционалистскими и структуралистскими макротеориями, ведущими к реификации (овеществлению) социальной системы, пренебрегающими изучением творческой, сознательной человеческой деятельности, вплотную занялись разработкой теорий, ориентированных на выяснение роли конкретных межчеловеческих

взаимодействий в создании и функционировании структур социального мира.

Среди новых микротсорий можно выделить две разновидности социального бихевиоризма, главное внимание в котором уделяется наблюдаемому факту человеческого поведения и взаимодействия. Взаимодействие трактуется в двух различных вариантах: один по формуле «стимул (С)—реакция (Р)», другой — «стимул (С)—интерпретация (И)—реакция (Р)». Первая форма бихевиоризма представлена психологической концепцией социального обмена Дж. Хоманса и ее различными вариациями, вторая — «символическим интеракционизмом» Дж. Мида и его вариациями.

Теория социального обмена. Теория социального обмена, наиболее яркими представителями которой являются *Джордж Хоманс* (1910—1989) и *Питер Блау* (р. 1918), в противоположность структурному функционализму исходит из примата не системы, а человека. «Назад к человеку» — таков лозунг, выдвинутый Хомансом и положивший начало критике структурного функционализма с позиций психологизма¹.

Структурные функционалисты абсолютизировали нормативную сторону жизнедеятельности общества. Бихевиористы провозглашают примат психического над социальным.

Бихевиористы заняли строго определенную позицию в отношении двух гносеологических проблем. Первая проблема — свобода выбора или его жесткая детерминированность? Она была решена в пользу детерминизма. Вторая проблема — необходимость знания душевных состояний индивидуумов для объяснения их поведения, которую бихевиористы решительно отвергают, так как считают эти состояния иллюзиями.

Бихевиористская концепция Хоманса оказала существенное влияние на концепцию П. Блау. Исходным положением теории социального обмена Блау является то, что людям необходимы многообразные виды вознаграждений, получить которые они могут, только взаимодействуя с другими людьми. Люди, пишет Блау, вступают в социальные отношения, поскольку ожидают, что будут вознаграждены, и продолжают эти отношения потому, что получают то, к чему стремятся. Вознаграждением в

¹ См. *Homans G Social Behavior its Elementary Forms*. N. Y., 1961, *Idem*. *The Nature of Social Science*. N. Y., 1967

процессе социального взаимодействия могут быть социальное одобрение, уважение, статус и т. п., а также практическая помощь. Блау учитывает и то, что отношения в процессе взаимодействия могут быть неравными. В этом случае человек, обладающий средствами для удовлетворения потребностей других людей, может использовать их для приобретения власти над ними. Это возможно при наличии четырех условий: 1) если нуждающиеся не располагают необходимыми средствами; 2) если они не могут получить их из другого источника; 3) если они не хотят получить то, в чем нуждаются, силой; 4) если в их системе ценностей не произойдет изменений, при которых они смогут обойтись без того, что раньше им было необходимо¹.

Осознание глубоких противоречий бихевиористского подхода, а также мысли о несводимости человеческого поведения к набору реакций на внешние стимулы, о способности человека творчески осмысливать свою социальную среду побудили ряд социологов интерпретировать поведение с точки зрения того значения, которое личность (или группа) придает тем или иным аспектам ситуации. Для обоснования этой идеи социологи-теоретики обратились к теориям символического интеракционизма, к феноменологической социологии.

Символический интеракционизм. Символический интеракционизм (Г. Блумер, А. Роуз, Г. Стоун, А. Стросс и др.) в своих теоретических построениях делает главный акцент на лингвистическую или предметную сторону коммуникации, особенно на роль языка в формировании сознания, человеческого Я и общества.

По мнению самих американских социологов, символический интеракционизм стремится к описанию человеческих взаимодействий и общества с позиций приспособления и отказа от приспособления друг к другу игроков в игре. Поскольку игры имеют правила, символические интеракционисты предпочитают фокусировать внимание на том, как игроки в зависимости от хода взаимодействия создают, поддерживают и осознают правила игры.

Создателем теории символического интеракционизма является американский ученый *Джордж Герберт Мид* (1863—1931). Сам Мид считал свою социальную психологию бихевиорист-

¹ См.: *Blau P. Exchange and Power in Social Life*. N. Y., 1964. P. 118—119.

ской на том основании, что она начинается с наблюдения реального протекания социальных процессов. Но когда дело касалось исследования внутренних фаз реального поведения или деятельности, его теория не была бихевиористской. Наоборот, утверждал американский ученый, она непосредственно связана с исследованием этих процессов «внутри» поведения как целого. Стремясь определить, как сознание рождается в поведении, эта теория идет, так сказать, от внешнего к внутреннему, а не от внутреннего к внешнему¹.

Характерными чертами символического интеракционизма, отличающими его от большинства направлений социологии и социальной психологии, стали, во-первых, его стремление исходить при объяснении поведения не из индивидуальных влечений, потребностей, интересов, а из общества (понимаемого как совокупность межиндивидуальных взаимодействий) и, во-вторых, попытка рассматривать все многообразные связи человека с вещами, природой, другими людьми, группами людей и обществом в целом как связи, опосредованные символами. При этом особое значение придается языковой символике. В основе символического интеракционизма лежит представление о социальной деятельности как совокупности социальных ролей, которая фиксируется в системе языковых и других символов.

Мид рассматривает личность как социальный продукт, обнаруживая механизм ее формирования в ролевом взаимодействии. Роли устанавливают границы подобающего поведения индивида в определенной ситуации. В процессе ролевого исполнения происходит интериоризация связанных с ролью значений. Необходимое во взаимодействии «принятие роли другого» обеспечивает, согласно Миду, превращение внешнего социального контроля в самоконтроль и формирование человеческого Я. Сознательная регуляция поведения описывается как непрерывное соотнесение представления о своей роли с представлением о самом себе, со своим Я. Я как то, что может быть объектом для самого себя, является, в сущности, социальным образованием и возникает в ходе реализации социального опыта².

¹ См.: *Mead G. Mind, Self and Society* Chicago, 1934. P. 7—8

² *Ibid* P. 140

Согласно концепции символического интеракционизма в изложении *Герберта Блумера* (1900—1987), люди действуют по отношению к объектам, ориентируясь прежде всего на значения, которые придают этим объектам, а не на их субстанциональную природу. Эти значения формируются и переформируются в процессе социального взаимодействия. Социальная реальность далека от того, чтобы быть стабильной. Она подвижна и конвенциональна и является продуктом взаимосогласования значений между тесно взаимосвязанными совокупностями действующих лиц — актеров. Эти лица вовлечены в бесконечный поток интерпретаций, оценок, определений и переопределений ситуаций, так что лишь четкие индуктивные процедуры могут помочь в деле объяснения поведения¹.

Следуя терминологии М. Вебера, развивавшего ранее во многом сходные идеи, некоторые социологи называют символический интеракционизм «теорией действия». Другие именуют его «ролевой теорией».

Уязвимость многих положений символического интеракционизма бросается в глаза представителям других школ социальной психологии. Так, по их мнению, сторонники символического интеракционизма недопустимо пренебрегают исследованием биогенетических и психогенетических факторов, а иногда и вовсе отрицают их существование, крайне мало внимания уделяют и бессознательным процессам в человеческом поведении, в результате чего затрудняется изучение мотиваций, а познание реальных «движущих сил» человеческого поведения подменяется описанием заданного культурой «словаря мотивов» или других форм «рационализации» совершаемых поступков.

Теоретический гуманизм. Внимание к миру «значений» неизбежно приводит исследователей этой ориентации к поиску места и роли знания в жизни человека. А это, в свою очередь, означает, что в сфере внимания оказывается вопрос о значении социологического знания для общества и человека. Решение этого вопроса составляет центральный аспект социологического направления, которое можно назвать «гуманистическим» и которое представляет собой различные модификации так называемой критической социологии Франкфуртской школы. Трактовка

¹ См.: *Blumer H Symbolic Interactionalism Perspective and Method*. N. Y., 1969.

роли социологического знания о социальном изменении достаточно характерна для социологов нетрадиционного направления (А. Гоулднер, Р. Фридрихс и др.). Они исходят из положения, что социальный мир изменяется потому, что человек его познает. Иными словами, познанная социальная закономерность перестает быть закономерностью в строгом смысле этого слова. Само познание изменяет ее, добавляет к ней новые компоненты, делает ее иной. Такое познание, по мнению сторонников этой концепции, расширяет сферу человеческой свободы, ибо, изменяя условия жизнедеятельности человека, знание обеспечивает ему расширение сферы реализации собственных возможностей. Социология, считают они, обладает концептуальным аппаратом, наилучшим образом приспособленным к познанию социальной реальности.

Исходя из положения о том, что человек — творец социального мира, способный изменять его, но в то же время нередко попадающий в плен тех значений, которые когда-то были порождены им самим, сторонники этого направления отмечают, что социология может указать человеку те границы, которые он сам себе устанавливает: уже само обнаружение данного факта есть, с их точки зрения, известный шаг на пути к реализации свободы человека. Но это не все. Социология как наука о людях и для людей должна, по их мнению, руководствуясь идеалами гуманизма, изыскивать пути уменьшения ограничений. Таким образом, социология наделяется статусом некой особой науки «освобождения».

Феноменологическая социология. В 60-х гг. XX в. среди социологов Запада резко повысился интерес к работам немецкого философа феноменологического направления Э. Гуссерля и соответственно известное развитие получила так называемая феноменологическая социология. Большое влияние на развитие этой дисциплины оказали труды австрийского философа *Альфреда Шюца* (1899—1959)¹. В центре внимания Шюца находится проблема «интерсубъективности», т. е. то, как мы понимаем друг друга, как формируется общее восприятие и общее представление о мире. Шюцевские анализы интерсубъективности составили фундамент «социологии обыденного знания» — одной из наиболее разработанных на сегодня концепций феноменологической социологии.

¹ См.: *Schutz A. The Phenomenology of Social World.* N Y., 1932, 1967

Каждый человек, пишет Шюц, обладает уникальной биографией и воспринимает мир по-своему. Однако это не исключает «взаимность перспектив», благодаря существованию которой становится возможным взаимодействие людей друг с другом. Человек, согласно Шюцу, воспринимает внешний мир — вещи, события — как типы. «Типизирующим медиумом», посредством которого передается социально обусловленное знание, служат словарь и синтаксис повседневной речи. Представителями типов являются и люди. Однако воспринимаются они с различной степенью анонимности. Поэтому наиболее важной для понимания человеком социального мира оказывается такая категория социальных индивидов, как «сотоварищи», с которыми его связывают «мы-отношения».

В состав обыденного знания входит также арсенал практических действий, которые Шюц называл «эффективными рецептами для использования типичных средств для достижения типичных целей в типичных ситуациях». Однако эти «верные рецепты» не всегда оказываются годными, и тогда индивид ищет другие. Так, по мере развертывания индивидуальной биографии растет его опыт. Этот процесс называется у феноменологов «наслаиванием». Слой за слоем новое знание «вписывается» в уже имеющиеся типы или дает начало ядру, вокруг которого вырастает новая типическая структура.

Обыденный, повседневный мир, по Шюцу, является «высшей реальностью», наиболее важной для человеческого познания. Однако в «высшей реальности» существуют конечные области значения, в границах которых человек может позволить себе сомневаться и ставить под вопрос свои обыденные суждения. К ним относятся магия, религия и наука.

Для социолога наибольший интерес представляет та «конечная область значения», в которой он специализируется, т. е. социология. Он работает в области реальности, резко контрастирующей с повседневным миром. Его задача состоит в формулировании ясных и последовательных объяснений предмета, который по самой своей природе неясен и непоследователен. Для этого, т. е. для своих собственных научных целей, социолог должен конструировать типы тех типов, которые исследуемые объекты конструируют для своих практических целей. Социологические понятия, следовательно, представляют собой идеальные типы идеальных типов, или, по Шюцу, «конструкты второго порядка».

Наиболее своеобразно положения феноменологической социологии Шюца были восприняты двумя различными школами. Первую из них — школу феноменологической социологии знания — возглавили *Питер Бергер* (р. 1929) и *Томас Лукман* (р. 1927), вторую, получившую название «этнометодология» (термин сконструирован по аналогии с этнографическим термином «этнонаука» — зачаточные знания в примитивных обществах), — *Гарольд Гарфинкель* (р. 1917).

П. Бергера и Т. Лукмана отличает от Шюца стремление обосновать необходимость «узаконения» символических универсалий общества.

Теория «легитимизации», развиваемая этими американскими социологами, исходит из того, что внутренняя нестабильность человеческого организма требует «создания самим человеком устойчивой жизненной среды». В этих целях они предлагают институционализацию значений и моделей действия человека в «обыденном мире».

Этнометодологи (Г. Гарфинкель, А. Сикурел, Д. Дуглас, П. Макхью и др.) полагают, что, вступая во взаимодействие, каждый индивид имеет представление о том, как будет или должно протекать это взаимодействие, причем представления эти организуются в согласии с нормами и требованиями, отличными от норм и требований общепринятого рационального суждения. Отсюда программное положение этнометодологии: «Черты рациональности поведения должны быть выявлены в самом поведении»¹.

Гарфинкель концентрирует свое внимание на исследовании единичных («уникальных») актов социального взаимодействия, отождествляемого с речевой коммуникацией. С его точки зрения, основная задача социологии — выявление рациональности обыденной жизни, противопоставляемой рациональности научной. Он критикует методы традиционной социологии как искусственное наложение готовых схем на реальное человеческое поведение.

2.3. Когерентность современных социологических теорий

Идея когерентности (связи) социологических теорий исходит из гипотетической возможности объединения структурных теорий и теорий социального действия в интегративную социологическую теорию.

¹ *Garfinkel H Studies in Ethnomethodology. N. Y., 1967 P 43.*

Тенденция интегративного понимания макро- и микроуровней социальной реальности проявилась в 80-х гг. XX в. в теории «структуризации» Э. Гидденса, в идеях «интеграции теории действия и теории систем» Ю. Хабермаса, интеграции социального действия и социального порядка Дж. Александера, «микрооснования явлений макроуровня» Р. Коллинза, «интеграции рационального выбора с более макросоциологическими проблемами» М. Хечтера, интегративного подхода к социальному действию и поведению систем Дж. Коллмэна, «взаимоотношения между действующими субъектами и социальными отношениями» Б. Хиндеса, «интегративного обмена» Р. Эмерсона, «структурной теории действия» Р. Берта, «методологического индивидуализма» Р. Будона и ряде других.

Наличие феномена когерентности микро- и макротеорий, микро- и макроуровней социальной реальности не означает, что проблема противостояния этих уровней полностью снята.

Перечисленные теории обосновывают когерентность микро- и макроуровней социальной реальности, идею интеграции микро- и макротеорий с весьма различных концептуальных позиций. Представители различных социологических школ акцентируют либо микро-, либо макроуровни, т. е. отдают известную дань микро- или макроэкстремизму. Но несмотря на это, анализ теоретических работ, опубликованных в 80-х гг., позволяет предположить, что проблема микромакроинтеграции играет важную роль в современной социологической литературе и ее решение, возможно, будет означать переход к качественно новому уровню социологического мышления.

Основным тезисом «теории структуризации» *Энтони Гидденса* (р. 1938) является утверждение, что каждое исследование в социальных науках или истории имеет дело с взаимосвязью действия и структуры. (При этом не важно, структура определяет действие или наоборот.)

Гидденс считает, что само различение микро- и макроуровней «не особенно полезно», что лучший пример «интегративной социологической парадигмы» — работы К. Маркса. Основной сферой исследования социальных наук, утверждает он, является не опыт индивидуального субъекта, не какая бы то

ни было форма социальной тотальности, а «социальный опыт, упорядоченный во времени и пространстве»¹.

Отправной точкой в теории Гидденса служит человеческая деятельность, которую он рассматривает как «рекурсивную». Это означает, что деятельность «не привносится в бытие социальными субъектами, а непрерывно воссоздается ими с помощью тех же средств, которыми они выражают себя как деятельные субъекты. В процессе самой деятельности и через нее субъекты производят условия, которые делают эту деятельность возможной»².

Человек как деятель не просто осознает себя, а еще и регулирует непрерывный поток социальных действий и обстоятельств. Он способен к «рационализации», или к выработке стереотипов, посредством которых поддерживается непрерывное понимание им причин собственной деятельности.

Рационализацию действия Гидденс сопоставляет с его мотивацией: мотивация включает желание субъекта, побуждающее к действию; она в большей степени, чем рационализация, является стимулом, причем стимулом многоаспектным, более того — всеобъемлющим, но она часто не осознанна, хотя и значима в социальном поведении.

Гидденса интересуют структура и функции сознания действующего субъекта. Он различает дискурсивное (способность облекать мысли в слова) и практическое (способность облекать мысли в действия) сознание. В теории структуризации последнее играет более важную роль, что сближает ее с микротеориями (символическим интеракционизмом, феноменологической социологией).

Теория структуризации трактует структуру как двусединую сущность. Структура определяется как «структурирующее начало (правила и ресурсы), позволяющее осуществить «увязывание» времени и пространства в социальных системах». Благодаря этому структурирующему началу возможно существование сходных социальных практик в различных временных и пространственных рамках в «системной форме». Гидденс связывает структуру и с макро- (социальные системы), и с микроуровнями (память). Одно из основных положений теории структуризации состоит в том, что «правила и ресурсы, выявляющиеся

¹ *Giddens A. The Constitution of Society. Berkley, 1984 P. 2.*

² *Ibid.*

в процессе социального действия и его воспроизводства, служат одновременно средствами воспроизводства системы»¹

Свойства социальных систем рассматриваются и как средство, и как результат практической деятельности индивидов, эти системные свойства, в свою очередь, рекурсивно организуют практику индивидов

Интегративная теория «социального действия и социальных систем» Юргена Хабермаса (р. 1929) акцентирует дифференциацию между «жизненным миром» и более крупномасштабными социальными системами и подсистемами. Исследовать рационализацию этих двух категорий нужно, по Хабермасу, отдельно, иначе теория систем может поглотить теорию действия

Рационализация социальных систем означает институционализацию нормативной системы, рационализация «жизненного мира» предполагает «взаимодействия, направляемые не нормативно предписанным соглашением, а — прямо или косвенно — посредством коммуникативно достигнутого понимания»². Иначе говоря, рационализация жизненного мира заключается в свободном, не навязанном извне согласии

Хабермас утверждает, что в современном мире рационализация (как действия, так и системы) происходит неравномерно. Социальная система рационализуется реже, чем жизненный мир. В результате возникает социальное противоречие: над обновленным жизненным миром начинает господствовать устаревшая социальная система. Вследствие этого повседневная жизнь человека становится все более убогой, жизненный мир — все более безлюдным.

Решение проблемы, с точки зрения Хабермаса, лежит в социальной «деколонизации» жизненного мира, открывающей возможность рационализации в форме свободного коммуникативного согласия.

Хабермас исследовал проблемы интеграции социального действия и социальных систем и на гносеологическом, и на онтологическом уровнях. В первом случае он стремился связать теорию действия и теорию систем, во втором — обосновать связь между жизненным миром и социальной системой.

¹ Giddens A. The Constitution of Society. P. 2.

² Habermas J. The Theory of Communicative Action. Boston, 1984. Vol. 1. P. 340.

В плане интегративных тенденций в социологии значительный интерес представляют теоретические исследования *Джеффри Александера* (р. 1945), известные под названием «многомерная социология». Он попытался сформулировать «новую теоретическую логику социологии», которая покоится у него на двух основаниях: первое — проблема социального действия, или «особая природа норм и мотивации»¹; второе — проблема порядка («каким образом множество действий становится взаимосвязанным и упорядоченным»)².

Александр предполагает существование макромикроконтинуума (единства «индивидуального» и «коллективного» уровней анализа), отражающего социальный порядок в обществе. В плане макроконтинуума социальный порядок создается извне и имеет коллективистский характер. В плане микроконтинуума он складывается из интериоризованных сил и имеет индивидуалистический характер. Действие включает в себя «материалистически-идеалистический» континуум, который также предполагает макро- и микроизмерений. В «идеалистическом» измерении континуума действие описывается как нормативное (макросубъективность), нерациональное и аффективное, в «материалистическом» оно является инструментальным (микрообъективность), рациональным и обусловленным.

Александр считает, что два континуума социального действия и социального порядка можно соединить. Однако, выступая за всеобъемлющий теоретический подход к пониманию социальной реальности и взаимодействию ее уровней, Александр в конечном счете резко ограничивает свою концепцию. Заключение вывод ее гласит: «Общий абрис социальной теории может быть выведен только из коллективистской перспективы». Социальные теоретики, утверждает Александр, должны выбирать либо коллективистскую, либо индивидуалистическую перспективу. Если они выбирают первую, то могут легко присоединить относительно небольшой элемент «индивидуального соглашения». Если же они выбирают вторую, то обрекают себя на «индивидуалистическую дилемму»: для объяснения феноменов беспорядочности им придется вводить в свою теорию сверхин-

¹ *Alexander J. Theoretical Logic in Sociology. Berkley, 1982 Vol. 1. P. 70.*

² *Ibid. P. 90*

дивидуальные сущности. Эта дилемма может быть разрешена только через преодоление индивидуализма.

Рэндел Коллинз (р. 1913) предложил концепцию «радикальной микросоциологии». Предметом исследования он избрал взаимодействие так называемых ритуальных цепей, или «индивидуальных цепей интеракционного опыта, перекрепляющихся друг с другом в пространстве и времени»¹. Однако, критикуя структурных функционалистов с их преимущественным интересом к «микрообъективным» и «макросубъективным» явлениям, он преувеличивает индивидуальный фактор: только люди способны что-либо реально сделать, структуры, организации, классы и общества принципиально не способны к какому бы то ни было реальному действию. А отсюда любое причинное объяснение неизбежно сводится к действиям реальных индивидов. Таким образом, Коллинз стремится доказать, что все макрофеномены могут быть сведены к комбинации микрособытий. Он утверждает, что социальные структуры могут быть эмпирически переведены в «модели повторяемых микроинтеракций»². По замыслу его теория является попыткой построить макросоциологию на «радикально эмпирических микрооснованиях», что явилось бы, по его мнению, значительным продвижением к более адекватной социологической науке.

В действительности, как видим, микротеории преобладают у Коллинза над макротеориями.

М. Хечтер стремится объединить микро- и макроуровни исследования посредством концепции «рационального выбора»³.

Он критикует «нормативный» и «структурный» подходы, ограничивающие субъекта в возможностях выбора способа достижения цели: с его точки зрения, любые структурные и нормативные принуждения оставляют индивиду возможность такого выбора. В сущности, основное внимание Хечтера направлено скорее на развитие концепции выбора, чем на обо-

¹ *Collins R* On the Microfoundation of Macrosociology // American Journal of Sociology 1986 Vol 86 P 998

² *Ibid* P 985

³ *Hechter M* Introduction // The Microfoundations of Macrosociology Philadelphia, 1983

снование интегративного подхода. Концепция «рационального выбора» — одна из модификаций микроуровневой теории социального действия.

Джеймс Коллмэн (1926—1995), теоретик обмена, последовательно критиковавший структурный функционализм, формулирует еще один вариант интегративной теории социального действия. «Оказывается, что центральных проблем две. каким образом целенаправленные действия субъектов складываются в поведение системного уровня и как, с другой стороны, эти целенаправленные действия формируются принуждениями, протекающими из поведения системы»¹. Коллмэн полагает, что следует учитывать понятия «намерение», «целенаправленность» и «гомеостаз», но ограниченно, только на уровне действующих субъектов в социальной системе, а не на уровне самой системы.

Таким образом, американский социолог пытается реконструировать теорию социального действия, обращаясь к ее микрооснове, т. е. к социальным действиям отдельных людей или «корпоративных субъектов».

Теория Коллмэна представляет попытку распространить концепцию «теоретического гуманизма» на интерпретацию социальной реальности и ее процессов. Это одна из разновидностей микротеоретического подхода к социальной реальности.

Избежать крайностей теоретического гуманизма и структурализма попытался *Барри Хиндес*. Согласно его интерпретации, теоретический гуманизм трактует социальную жизнь с точки зрения «конституирующих действий индивидов»². Тем самым Хиндес противопоставил свою теорию структурализму, анализирующему социальную жизнь в плане функционирования социальных целостностей. В противовес микроэкстремизму теоретического гуманизма и структуралистическому макроэкстремизму Хиндес предлагает «всесообъемлющую» интегративную концепцию социальной реальности, состоящую в «радикально антиредукционистском» подходе — в допущении, что социальные феномены всегда зависят от определенных и определимых факторов. Эти факторы включают реше-

¹ Coleman J. Social Theory, Social Research and a Theory of Action // American Journal of Sociology 1986 Vol 91 P 1312

² Hindess B. Actors and Social Relations // Sociological Theory in Transition Boston, 1986 P 113

ния и действия субъектов, а также социальные условия, внешние по отношению к индивиду и несводимые к какому бы то ни было общему принципу объяснения. Действующие субъекты, по Хиндесу, способны творить и одновременно ограничены принуждением, они могут изменить социальную реальность, но не сразу и не в одиночку

Ральф Эмерсон (1803—1882) и его ученики разработали вариант теории обмена, акцентирующий макро- и микросвязь. Эмерсон формулирует основной принцип своей концепции как попытку расширить теорию и исследование обмена с микроуровня до макроуровня через изучение структур сети обмена. Он исходит из основных посылок микроуровневой теории и отмечает. «Обменный подход в первую очередь сосредоточивает внимание на выгодах, получаемых и приносимых людьми в процесс социального взаимодействия»¹.

Эмерсон выделяет три основных аспекта теории обмена: во-первых, люди, которым события выгодны, стремятся «рационально» содействовать этим событиям, во-вторых, люди могут пресытиться, и тогда указанные события перестанут восприниматься как выгодные, в-третьих, выгоды, получаемые людьми через участие в социальных процессах, зависят от того, что они в состоянии предоставить в обмен. Поэтому теория обмена «фокусируется на потоке выгод от одних индивидов к другим через социальное взаимодействие»².

Эмерсон различает экономическую и социальную теории обмена. Первая сосредоточивается на изолированных, независимых сделках между людьми; вторая — на «повторяющихся сделках между взаимозависимыми субъектами» или «взаимозависимыми, более или менее связанными социальными отношениями»³.

Применение теории обмена к коллективному действующему субъекту предполагает исследование межорганизационного обмена. Идея «сетей обмена» связана с изучением обменных отношений между позициями внутри социальных сетей. Теория «обменных сетей», или социальных структур, состоящих из двух или более взаимосвязанных обменных отношений (исто-

¹ *Emerson R* Exchange Theory // *Social Psychology Social Perspectives* N Y, 1965 P 31

² *Ibid* P 33

³ *Ibid* P 36

рически сложившихся, устойчивых серий обменов) между действующими субъектами, имеет теоретические преимущества, так как позволяет применить хорошо разработанные категории диадического обмена к макроуровням анализа.

Эмерсонова теория обмена представляет собой шаг в сближении со структурализмом. Если Хоманс и Блау относят обмен к психологическим процессам, из которых складываются структурные модели взаимодействия, то для Эмерсона структурные модели заданы извне и индивид выбирает из наличных те формы и стереотипы поведения, которые обещают краткосрочные или долгосрочные выгоды. Теория обмена Эмерсона движется в макроструктуралистском направлении.

Макротеоретическая трактовка социальной реальности и ее процессов представлена и в работах *Рональда Берта* (р. 1949)¹. Он был первым из теоретиков социальных сетей, стремившихся разработать интегративный макро- и микроподход.

Берт развивает концепцию, которая, по его мнению, позволит избежать разрыва между «атомистическим» (индивидуальным) и «нормативным» (включенным в структуру) действием. Он обозначил свою перспективу как структурную. Хотя действия индивидов целенаправленны (поиски выгод), их стереотипы поведения и восприятия, их деятельностный потенциал полностью определяются социальной структурой. Однако действия, вызванные структурными принуждениями, могут привести к изменению самой структуры, тогда возникнут новые принуждения.

Раймон Будон (р. 1934) назвал свою интегративную теорию «методологическим индивидуализмом»². В качестве «логических атомов» исследования он рассматривает индивидов, включенных в систему взаимодействия. Будон возражает против принятия в качестве простейшей единицы анализа некоего агрегата (класса, группы, нации).

В центре внимания Будона — индивидуальный действующий субъект как в микро-, так и в макроплане. Он описывает «человека социологического» (*homo sociologicus*), противопоставляя его «человеку экономическому» (*homo economicus*). «Че-

¹ См. *Burth R Toward Structural Theory of Action* N Y, 1982.

² *Boudon R The Logic of Social Action* L, 1979—1981

ловек социологический» делает не то, что он предпочитает, а то, что его заставляют делать привычка, интериоризованные ценности, в более общем плане — этические, когнитивные и физические условия. При этом подчеркивается, что выбор субъектом поведения определяется, по крайней мере частично, структурой ситуации и его положением в ней. Резюмируя свою теоретическую позицию, французский социолог утверждает, что действующий субъект обладает некоторой автономией, варьирующей в зависимости от контекста.

Итак, зарубежная социология второй половины XX в. характеризуется появлением крупных новых направлений и их борьбой со старыми; созданием новых теорий; усложнением концептуального аппарата; совершенствованием исходных принципов и дальнейшим поиском специфики социологического подхода к изучению общества. Предпринимаются попытки отразеллектировать макро- и микротеории и вместе с тем совместить при анализе общества соответствующие уровни знания.

§ 3. Социология в России в XIX и начале XX в.

Социология в целом и каждая ее отдельная отрасль являются результатом творческой деятельности многих поколений ученых и мыслителей разных стран и народов, и в этом смысле она интернациональна по своему характеру, целям и задачам. Социология является общечеловеческим феноменом.

В то же время социология никогда не была единой наукой, как, например, физика или астрономия. Одновременно существовало значительное число школ и направлений, различных по своему содержанию и характеру, пониманию теории и методологии, предмета и структуры социологического знания. Эти школы и направления часто базировались на диаметрально противоположных мировоззренческих, философских и социальных позициях, характеризовались весьма различными подходами к определению предмета исследования и возможностей его познания.

Специфика и национальные традиции (что особенно важно) проявляются не только как сторона или специфическое качество чего-то цельного и единого, а как самостоятельное направление, претендующее на выражение самой сущности социологии или на представление социологии в целом.

Общечеловеческие и национальные особенности социологии в России имеют несколько аспектов.

Во-первых, они уходят корнями в русскую культуру, в традиции русского освободительного движения. Русская социологическая, вернее социальная, мысль складывалась как из откровенно «идеологизированных», так и «академических» школ (прогрессивного и консервативного направлений).

На формирование социальной, а затем и социологической мысли в России большое влияние оказали французские просветители (Монтескье, Вольтер, Дидро, Сен-Симон); английские экономисты (Смит, Рикардо); немецкие романтики (Шеллинг).

Это влияние преобладало до первой четверти XIX в., но начиная с этого времени преобладающими и противоборствующими ориентациями в социальном мышлении в России стали *славянофильство* и *русофильство*, с одной стороны, и *западничество* — с другой.

Наиболее крупными представителями русофилов были Н. Я. Данилевский, М. Н. Катков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев.

Взгляды русофилов левого крыла сформулировал Н. Я. Данилевский. Он считал, что именно в России произойдет взлет культуры после падения ее на Западе. Выразителем идей правого крыла русофилов стал К. П. Победоносцев, который решительно выступал против «разрушительных» сил западной культуры. Только путем соблюдения национальных традиций под руководством церкви, осуществляющей волю Бога на земле, утверждал он, русское общество может достичь гармоничного единства желаний, эмоций, разума.

В западничестве сложились три направления: теоретическое (30-х гг.), крупнейшей фигурой которого был П. Я. Чаадаев; гуманистическое (40-х гг.) во главе с В. Г. Белинским; народническое (60-х гг.), основанное А. И. Герценом (его наиболее яркими последователями стали Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев и др.).

Во-вторых, социологическая мысль в России развивалась как интегральная часть европейской культуры. Выдающиеся деятели русской социологии (М. М. Ковалевский, Л. И. Мечников, Н. К. Михайловский, Е. В. де Роберти и др.) оказали существенное влияние на ее становление как самостоятельной науки об обществе, вышедшей за пределы национальных границ.

В то же время она испытала заметное влияние концепций западных социологов: О. Конта, Г. Спенсера, Г. Зиммеля, М. Вебера, Э. Дюркгейма и др.

Николай Яковлевич Данилевский (1822—1885) — создатель первой в истории социологии антиэволюционистской модели общественного прогресса. Взамен «произвольных» систем он предлагает «естественную» систему группировки исторических событий, учитывающую многообразие человеческой истории, исходя из определенных типов ее развития, тогда как временная классификация (по степеням и фазам изменения культуры) объявляется второстепенной. Каждый организм, в том числе культурно-историческое явление, рассматривается как целостная система, некий «морфологический принцип», структурный план которого «начертан рукою промысла».

«Человечество», по мнению Данилевского, — только отвлеченное понятие, реальными же носителями исторической жизни выступают «естественные» системы — обособленные «культурно-исторические типы». Главным критерием выделения типов является языковая близость, а сам культурно-исторический тип понимается как сочетание психоэтнографических, антропологических, социальных, территориальных и других признаков. На место однолинейной исторической схемы Данилевский ставит «драму» многих культурно-исторических типов, каждый из которых образует целостный организм и подобно живому организму переживает соответствующий жизненный цикл от зарождения через расцвет к упадку.

Другим, не менее оригинальным отечественным социологом, был *Лев Ильич Мечников* (1838—1888). Его главное произведение — «Цивилизация и великие исторические реки: Географическая история развития современных обществ» (1889). В этой работе Мечников выступил как крупнейший представитель географической школы в социологии. Он стремился объяснить неравномерность общественного развития изменением значения одних и тех же географических условий, прежде всего водных ресурсов и путей сообщения, в различные эпохи под влиянием экономического и технического прогресса.

В соответствии с этим он выделял три периода в истории цивилизации: 1) речной — со времени возникновения первых рабовладельческих государств в долинах Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы; 2) средиземноморский — от основания Карфагена; 3) океанический — после открытия Америки.

Усматривая критерий общественного прогресса в «нарастании общечеловеческой солидарности», Мечников считал неизбежным и закономерным переход человечества от деспотического правления к свободе, от угнетения к братству всех людей и народов, покоящемуся на добровольной кооперации.

Ситуация, сложившаяся в социальном мышлении в России во второй половине XIX в., предопределила характер и направление развития русской социологии. Многие русские социологи явились наследниками первого поколения народников (Н. Г. Чернышевский и др.). Определяющей ориентацией социологической мысли в России стал субъективизм, наиболее яркими представителями которого были П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, Н. И. Карсев.

Петр Лаврович Лавров (1823—1900) первым ввел в социологическое знание такие термины, как «антропологизм», «субъективный метод», «субъективная точка зрения». «В социологии и истории есть вещи неизменные и абсолютные, как и в других науках. Они объективны, о них могут не знать в какую-то определенную эпоху, но их обнаруживают в другую. Социология и история содержат такие истины, которые не могут быть обнаружены до определенного момента не в силу объективного несоответствия уже известному, но по причине субъективной неготовности общества понять вопрос и дать на него ответ»¹.

Социология представлялась Лаврову наукой нормативной. По его мнению, индивид является единственной реальной движущей силой общества, а потому пренебрегать его интересами — значит проглядеть самые важные социальные явления. Хотя ход истории определен объективными законами, индивид, по-своему интерпретируя исторический процесс, ставит свои цели и выбирает свои средства, трансформируя объективно необходимое в акт собственной воли.

Лавров попытался дать определение социологии. Для него «социология есть наука, исследующая формы проявления, усиления и ослабления солидарности между сознательными органическими особями, и поэтому охватывает, с одной стороны, все животные общества, в которых особи вырабатывали в себе достаточную степень индивидуального сознания, с другой — не только существующие уже формы человеческого об-

¹ *Лавров П. Л.* Философия и социология // Избр. произв. В 2 т. М., 1965. Т. I. С. 643.

шежития, но и те общественные идеалы, в которых человек надеется осуществить более солидарное и вместе с тем, следовательно, и более справедливое общежитие, а также те практические задачи, которые неизбежно вытекают для личности из стремления осуществить свои общественные идеалы или хотя бы приблизить их осуществление»¹.

Раскрывая основное содержание своего подхода к жизни общества и его процессам, Лавров отмечал, что личность всегда имеет право и обязанность стремиться изменить существующие формы сообразно своим нравственным идеалам, имеет право и обязанность бороться за то, что она считает прогрессом (постоянно подвергая критике по основным требованиям этики свои представления о прогрессе), вырабатывая общественную силу, способную восторжествовать в подобной борьбе.

Другой крупный русский социолог — *Николай Константинович Михайловский* (1842—1904). «Коренная и ничем неизгладимая разница между отношениями человека к человеку и к остальной природе состоит прежде всего в том, — писал он, — что в первом случае мы имеем дело не просто с явлениями, а с явлениями, тяготеющими к известной цели, тогда как во втором — цель эта не существует. Различие это до того важно и существенно, что само по себе намекает на необходимость применения различных методов к двум великим областям человеческого ведения... Мы не можем общественные явления оценивать иначе, как субъективно... Высший контроль должен принадлежать тут субъективному методу»².

Михайловский считал, что социология и этика неразрывно связаны между собой. Он утверждал, что нельзя беспристрастно относиться к фактам общественной жизни. «Скажите мне, — говорил он, — каковы ваши социальные связи, и я скажу, как вы смотрите на мир»³. Михайловский отверг эволюционную теорию Ч. Дарвина и Г. Спенсера и исходил из теории необходимости спасения индивида от разрушительного воздействия социального контроля. По его мнению, между индивидом и обществом происходит непрекращающаяся война, свидетельством чему является история России. Обратив внима-

¹ Лавров П. Л. Философия и социология. Т. 1. С. 639—640

² Михайловский Н. К. Сочинения. СПб., 1896—1897. С. 400.

³ Там же. С. 405.

ние на то, какое влияние на социальное поведение оказывают подражание, внушение, престиж, Михайловский предвосхитил психоанализ З. Фрейда и В. Адлера.

Главный интерес *Николая Ивановича Кареева* (1850—1931) лежал в области философии и истории, однако им написано много работ и по социологии. В монографии «Введение в изучение социологии» он утверждал: «Социология должна быть учением об обществе, подобно тому, как существует общее учение о жизни»¹. «Ни единая логика общественных наук, ни методология истории, политической экономии, юриспруденции, политики не могут заменить собой методологию социологии, которую следует развивать дальше»². Уточняя определение предмета социологии, он писал: «Итак, социологию можно понимать в более широком и в более тесном смысле. В первом смысле это есть изучение законов, управляющих всеми явлениями, какие только совершаются в обществе, то есть изучение законов социально-биологических, социально-психологических и социальных в более тесном смысле. Последними и должна заниматься социология в более узком значении слова»³.

Особое внимание Кареев уделял роли индивида в истории, главной составляющей сдвиги организованной среды. Он пришел к выводу, что общество является сложным продуктом взаимодействия биологических, физических факторов, а также факторов внешней среды. Социологические исследования Кареева были направлены на развитие идеи прогресса общества. «Тезис — это самообусловленность индивида в социальном и культурном аспекте; антитезис — зависимость индивида от установлений и институтов организованной среды; синтез — зависимость среды от индивида и его самообусловленности»⁴.

Названные выше представители субъективизма в социологии дают достаточно полное представление об этой ориентации социологической мысли в России в конце XIX — начале XX в. Все перечисленные авторы считали себя эмпириками и позитивистами, что не мешало им придавать главное значение этическим проблемам социологии. Интересно, что в научной

¹ Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. СПб., 1897. С. 3.

² Там же. С. 222.

³ Кареев Н. И. Собр. соч. В 3 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 61.

⁴ Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. СПб., 1883. С. 270.

иерархии они размещали психологию между биологией и социологией, а этику возводили в ранг высшей ценности, хотя считали эти науки переходными и относительно независимыми. Особая роль отводилась психосоциальной деятельности интеллектуальной личности.

Интересны взгляды отечественного ученого *Евгения Валентиновича де Роберти* (1843—1915). Центральная категория социологии де Роберти — понятие «надорганическое». С одной стороны, это высшая — социальная — форма проявления мировой энергии, а с другой — продукт психического взаимодействия. Надорганическое проходит в своем развитии две стадии: сравнительно простых психофизических отношений, представляющих собой исходный пункт социальности (зачатки «животной общности», общение первобытных людей), и психологических взаимодействий, охватывающих огромное количество исторических, т. е. общественных, процессов и явлений. Их де Роберти подразделяет на четыре большие группы: науку, философию (или религию), искусство и практическую деятельность (или поведение). Последнее, в свою очередь, подразделяется на технику, экономику, право и политику. Эта классификация была призвана отразить любое психологическое взаимодействие и стать основой его теории «четырех факторов цивилизации».

Известное влияние на развитие социологической мысли в России оказал *Петр Бернгардович Струве* (1870—1944), который в начале своей научной деятельности был последователем социологических взглядов К. Маркса, а после поражения революции 1905 г. стал его ярким противником. Струве отверг диалектику и теорию социального развития Маркса. Он считал, что диалектика построена на метафизическом принципе, по которому законы логики являются одновременно законами внешнего мира. Логика, таким образом, переходит в онтологию. Преобразовать общество, по мнению Струве, может образованный индивид, а не классовая борьба и революции¹.

Михаил Иванович Туган-Барановский (1865—1919), придерживаясь материалистического понимания истории, проанализировал ее по трем направлениям: а) природа человеческих интересов, их роль в социальном развитии; б) соотношение

¹ См.: *Струве П. Б.* Марксовская теория социального развития. Киев, 1905

экономической деятельности с другими аспектами социальной жизни; в) классы и классовая борьба. Он выделил пять основных групп интересов человека, среди которых наиболее важными для социального развития являются психологические, альтруистические и религиозные. Согласно взглядам Туган-Барановского, классовая борьба не применима к тем сторонам человеческой жизни, которые лежат вне экономических интересов человека и общества¹.

Александр Александрович Богданов (псевд. Александра Александровича Малиновского) (1873—1928) разработал социально-философскую систему, дав ей название тектологии (от лат. *tecto* — строить, конструировать).

В области социологического знания Богданов разработал теорию социальной адаптации, считая, что последняя существенно не отличается от биологической, показал, как изменения в естественной среде вызывают изменения социальных форм, большинство из которых не выживает в борьбе за существование. Он выделил два типа социальной адаптации — относящуюся к знанию и к идеологии. Оба типа тем социальнее, чем больше они пронизаны «социальным инстинктом», силой, заставляющей человека находиться среди других людей, поступать, как они, что особенно полно проявляется в имитации. Социальный прогресс — это развитие обеих форм адаптации².

Кроме того, Богданов работал над теорией социальной эволюции. В связи с этим особое внимание он уделял развитию исторических типов общества и их идеологий, завершив это исследование провозглашением «коллективного общества будущего»³. В отличие от Маркса Богданов утверждал, что «социальное бытие и социальное сознание — одно и то же, а поэтому социальное сознание определяет социальную борьбу»⁴.

Важным этапом в развитии социологической мысли в России стала публикация двухтомного капитального труда *Максима Максимовича Ковалевского* (1851—1916) «Социология». Ковалевский писал: «Социология в отличие, например, от исто-

¹ См.: *Туган-Барановский М. И.* Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1906.

² См.: *Богданов А. А.* Очерки по философии марксизма. СПб., 1908; *Он же.* Философия живого опыта. СПб., 1913.

³ *Богданов А. А.* Краткий курс экономической науки. СПб., 1897.

⁴ *Богданов А. А.* Из психологии общества. СПб., 1913. С. 57.

рии необходимо отвлекается от массы конкретных фактов и указывает лишь общую их тенденцию, никогда не теряя из виду основной своей задачи — раскрытия причин покоя и движения человеческих обществ, устойчивости и развития порядка в разные эпохи в их пресмественной и причинной связи между собой»¹ «Только социология, — утверждал он, — может ставить себе целью раскрытие элементов, необходимых для блага общества, то есть для его порядка и прогресса, и раскрытие всех многообразнейших биосоциальных причин, от которых они зависят, в их взаимодействии»².

В своем подходе к социологии как системе научного знания Ковалевский придерживался точки зрения, согласно которой психология — не область биологии, а подразделение социологии. Конкретные науки — этнография, статистика, политическая экономия и другие — обеспечивают социологию необходимыми данными. В свою очередь, эти науки «должны опирать свои эмпирические обобщения на те общие законы сосуществования и развития, какие призвана устанавливать социология как наука о порядке и прогрессе человеческих обществ»³. Однако социология должна не заимствовать у конкретных дисциплин свои основные послышки, а вырабатывать их сама, принимая во внимание разнообразие человеческих чувствований и потребностей.

Ковалевский утверждал, что не существует единого определяющего социального фактора. «В действительности мы имеем дело не с факторами, а с фактами, из которых каждый, так или иначе, связан с массой остальных, ими обуславливается и их обуславливает. Говорить .. о главном факторе, увлекающем за собою все остальные, для меня то же, что говорить о тех каплях речной воды, которые своим движением обуславливают преимущественно ее течение»⁴.

Начало юридической социологии в России положил *Николай Михайлович Коркунов* (1853—1904). Его значение и заслуга заключаются в том, что он успешно развил правовую систему с

¹ *Ковалевский М. М.* Социология. СПб., 1910. Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе. С. 9.

² Там же.

³ Там же. С. 30.

⁴ *Ковалевский М. М.* Современные социологи. СПб., 1905. С. 8.

позиций социологического знания. Главная работа Коркунова по общей теории права была переведена на несколько языков¹.

В области социологии преступности русские ученые много сделали для установления взаимосвязи между различными видами преступлений и социальными, физическими, биологическими причинами, их обуславливающими.

К юридической социологии близко примыкает психологическая социология *Льва Иосифовича Петражицкого* (1867—1931). Он выступал против применения традиционной логики и традиционной психологии к учению о государстве, праве, морали и обществе. Особое значение он придавал роли эмоций как автономному, нормативному, доминирующему фактору социального поведения, благодаря которому возможна адаптация к окружающей среде. На основе «эмоциональной психологии» Петражицкий проанализировал виды социальных процессов, социальную структуру и социальное развитие, уделив особое внимание юридическим и политическим институтам².

Питирим Александрович Сорокин (1889—1968) — один из крупнейших социологов XX в. В книге «Социальная мобильность» он рассматривал понятия горизонтальной и вертикальной мобильности. Горизонтальная мобильность — это фактическое перемещение в физическом пространстве, миграция; вертикальная — изменение социального статуса, «движение вверх и вниз по социальной лестнице»³. В разных типах общества это движение различно по виду и скорости. В каждом обществе существуют так называемые лифты, посредством которых осуществляется это движение. Классическими примерами таковых являются армия, школа, бюрократия, профессиональные и богословские организации. Они так же необходимы социальному организму, как органы контроля кровотока в сложном биологическом теле. Сорокин пришел к выводу, что мобильность способствует развитию умственной гибкости и разносторонности интеллекта вообще, но, в свою очередь, порождает скептицизм, цинизм, приводит к патологической изоляции, моральному падению и самоубийству.

¹ См. *Коркунов И. М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1886.

² См. *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб., 1908.

³ *Sorokin P. A.* Social Mobility. N. Y.; L., 1927.

В 1922 г. П. А. Сорокин вместе с другими русскими интеллигентами был выслан из России, работал в Гарварде (США), опубликовал ряд работ по проблемам динамики культуры, социологической теории, теории конвергенции.

Несмотря на то что во второй половине XIX — начале XX в. социология в России получила достаточно широкое распространение, она не была представлена в качестве учебной дисциплины в университетах до революции 1917 г.

В 1916 г. ведущие русские социологи, биологи и экономисты основали первое в стране социологическое общество им. М. М. Ковалевского, президентом которого стал А. С. Лаппо-Данилевский, секретарем — П. А. Сорокин. Была принята широкая программа исследований. Первая мировая война, а затем Октябрьская революция приостановили работу общества.

Выдающимися представителями марксистского течения социологической мысли в России были Г. В. Плеханов и В. И. Ленин (Ульянов).

Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918) — революционер и мыслитель, основатель социал-демократического движения в России. В его работах «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), «Очерки по истории материализма» (1896), «К вопросу о роли личности в истории» (1898) и многих других обстоятельно изложена марксистская теория общества. Плеханов оценил учение К. Маркса как новый этап в философии и социологии. Он развил материалистическое понимание истории, показав сложность отношений общественного бытия и общественного сознания; подчеркнул роль общественной психологии в той идейной борьбе, которую ведут социальные группы в данном обществе.

Владимир Ильич Ленин (Ульянов) (1870—1924) — революционер и социальный мыслитель, основатель Советского государства. В 90-х гг. XIX в. Ленин в ряде работ исследовал общественный строй России и роль различных классов в надвигавшейся революции. Исключительное значение имела его книга «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894). Субъективной социологии Ленин противопоставил марксистскую диалектику, в частности учение о конкретности истины, и материалистическое понимание закономерностей развития общества, роли народных масс, классов и личности в истории. В книге

рассмотрены такие категории марксистской теории общества, как «общественная формация», «способ производства» и др.

Значительное место в работах Ленина накануне Октябрьской революции 1917 г. и после ее победы занимает марксистская теория государства, соотношение, классовая сущность и функции различных видов демократии и диктатуры, анализ особенностей Советов как государственной формы диктатуры пролетариата, определение перспектив и условий «отмирания государства» («Государство и революция» (1917) и др.).

Несмотря на то что Ленин многие теоретические и методологические вопросы, относящиеся к сфере социологического знания, поставил и разработал впервые, в его работах мы не найдем законченной концепции социологии. Вместе с тем в его трудах можно выделить три уровня развития марксистской социологической мысли: во-первых, дальнейшая разработка марксистской теории общества (прежде всего российского); во-вторых, применение этой теории для анализа различных сфер жизни общества; в-третьих, систематическое проведение исследований прикладного характера, в ходе которых он использовал разнообразные приемы сбора социальной информации. Замечательным примером последнего уровня может служить работа Ленина «Развитие капитализма в России» (1896—1899).

В заключение отметим: российская социологическая мысль XIX — начала XX в. по своим методологическим установкам и теоретическим достижениям не уступала зарубежной. Вместе с тем она отличалась историческим и культурным своеобразием: тесной связью с гуманистическими идеалами российской философии; синтетическим подходом, сочетающим социологию с экономикой, правоведением, политологией, психологией, исторической перспективой и тревогой за Отечество.

§ 4. Судьбы отечественной социологии после 1917 г.

После Октябрьской революции судьба отечественной социологии складывалась крайне противоречиво. В первые годы советской власти наблюдался значительный «взлет» социологии. Начался процесс ее институционализации. Были созданы кафедры социологии в Петроградском и Ярославском университетах. В 1919 г. учрежден Социобиблиографический

институт. В 1919 г. директор института К. М. Тахтарев поставил вопрос о переименовании его в Российский социологический институт.

Возобновило свою деятельность Российское социологическое общество им. М. М. Ковалевского, председателем которого стал Н. И. Кареев. В 1920 г. в Петроградском университете был образован первый в стране факультет общественных наук с социологическим отделением, во главе которого стоял П. А. Сорокин. В эти же годы издается обширная социологическая литература, главным образом теоретического профиля.

В этой литературе представлены различные точки зрения на предмет, теорию и структуру социологического знания, на соотношение социологии и марксистской теории общества. В развитии социологии наблюдались различные тенденции.

Во-первых, большое влияние на социальное мышление продолжала оказывать немарксистская социологическая мысль (Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский, П. А. Сорокин и др.).

Во-вторых, важную роль в становлении нового социального мышления сыграли работы П. Л. Лаврова, а также Г. В. Плеханова, которые с различных теоретических позиций сделали попытку связать социологию с социализмом, с революционным изменением российского общества.

В-третьих, под сильным влиянием Н. И. Бухарина наметилась четкая тенденция отождествления социологии и исторического материализма — теории общества, философским основанием которой служит материалистическое понимание истории. Социология, согласно этой концепции, выступала как самостоятельная нефилософская наука. При этом, рассматривая исторический материализм как теоретическую социологию, последователи Н. И. Бухарина не ограничивали сферу социологического знания только историческим материализмом, предполагая возможность конкретной социологии, особого конкретного социологического изучения социальных процессов.

В-четвертых, стали получать развитие отдельные отрасли социологического знания: социология труда (А. К. Гастев и др.), социология искусства (Е. Н. Анциферов и др.) и т. д.

В-пятых, значительная часть философов, позаимствовав идею Н. И. Бухарина о тождестве исторического материализма

и социологии, объявила социологию составной частью философии — диалектического материализма.

В-шестых, получила распространение концепция, согласно которой в историческом материализме выделялись философский (материалистическое понимание истории) и социологический (общая теория общества) аспекты (В. В. Адоратский и др.).

В-седьмых, сформировалась точка зрения, представители которой полностью отрицали социологическое значение исторического материализма и рассматривали его только как философскую теорию общества (В. Н. Сарабьянов и др.).

В-восьмых, в это же время сложилось и так называемое антисоциологическое направление среди философов, отрицавших не только право социологии на самостоятельное существование, но и сам термин «социология». Исторический материализм они понимали только как «диалектику истории» (И. К. Луппол и др.).

Наряду с теоретическим социологическим мышлением серьезные шаги были сделаны в проведении конкретных социологических исследований. Это, в первую очередь, исследования С. Г. Струмилина, связанные с изучением вне рабочего времени, влияния культуры и образования на производительность общественного труда; В. И. Тодорского по проблемам социальных изменений; Е. О. Кабо по изучению домашнего быта рабочего класса; А. И. Колодной по проблемам молодежи и др.

В 1920 и 1926 гг. в СССР были проведены переписи населения, которые дали интересную социальную статистику по проблемам классовой структуры страны, образования, культуры, науки и т. д. Важное значение имел выход в свет журнала «Статистика труда» и других аналогичных изданий по экономической и социальной статистике, в которых содержался большой фактический материал об изменениях в социальной структуре общества, о социальной структуре рабочего класса и крестьянства.

В 20—30-х гг. проводились также научные социально-экономические и социально-этнографические исследования. Исследования социологов и социальных психологов выявили важную роль социального фактора в производственной деятельности человека. Эти исследования внесли существенный вклад в развитие социологического знания и получили международное признание.

Однако формирование авторитарного режима, административно-приказной системы управления всеми сферами жизни общества самым губительным образом сказалось на общественных науках в целом, на социологии в том числе. Так, уже в 1922 г. из страны были изгнаны выдающиеся мыслители, профессионалы — философы, социологи, экономисты. Среди них П. А. Сорокин, П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и многие другие. С середины 20-х гг. все больше ужесточался идеологический и политический контроль, что вело к подавлению и фактическому запрету любой свежей социальной мысли, к упразднению социологического мышления.

В то же время на теории и практике социологии не могла не отразиться канонизация теоретических положений, выдвинутых И. В. Сталиным. До «вторжения» Сталина в философию среди советских ученых наблюдались различные подходы к социологии, ее предмету, теории, структуре, методологии. Однако очень немногие марксисты ставили под сомнение существование социологии как науки. Будучи дилетантом, Сталин не только «упразднил» ее в административно-приказном порядке практически, но и теоретически обосновал свое действие. В разделе «О диалектическом и историческом материализме», написанном им для краткого курса «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» (1938), целая область социального знания — исторический материализм — была «возвращена» в лоно философского знания. С тех пор важнейшие составные части социологии — ее теории и понятийный аппарат — стали рассматриваться только на философском уровне. Социологические методы конкретного исследования общества были изъяты из обращения. На конкретное изучение процессов, явлений социальной жизни был наложен строжайший запрет.

Социология была объявлена буржуазной лженаукой, не только не совместимой с марксизмом, но и враждебной ему. Фундаментальные и прикладные исследования в этой области знания были фактически прекращены.

Упразднение социологии как науки было predetermined тем, что ее принципы, теория и методы познания и освоения социальной действительности оказались несовместимыми с личной диктатурой, волюнтаризмом и субъективизмом в управлении обществом, социальными процессами. Научная социология прямо противоположна социальной апологетике. Официальные эконо-

номические показатели вала из года в год свидетельствовали о «росте» благосостояния общества, в то время как социальные показатели, т. е. показатели, отражающие реальное удовлетворение потребностей людей, качество продукции и сложившиеся формы ее реализации, говорили об обратном — о снижении социального благосостояния народа, росте социальной напряженности. Второе, таким образом, отрицает первое. Но первое соответствует интересам личной или бюрократической власти, идеологическим орудием которой всегда выступает социальная мифология. И как результат социальная мифология была возведена в степень науки, а реальная наука объявлена буржуазной лженаукой.

Перерыв в развитии социологической мысли в СССР продолжался до начала 60-х гг. Изданные в этот период монографии по историческому материализму анализировали социальные явления и процессы на крайне общем абстрактно-теоретическом уровне, в отрыве от реальной жизни. Философский догматизм, отрицание социологического мышления имели своим следствием безграничное господство догматизма и схоластики в науке об обществе.

Возрождение социологических исследований началось с наступлением «хрущевской оттепели». В то время ситуация в области социологии сложилась парадоксальная. Социологические исследования получили права гражданства, а социология как наука — нет. Поэтому во избежание бесконечных споров и конфликтов, которые отвлекали специалистов от реального дела, было введено в научный обиход определение социологии как науки, занимающейся конкретными социологическими исследованиями.

Становление и развитие социологических исследований встречало ожесточенное сопротивление со стороны части философов. Понимая всю абсурдность отрицания существования науки об обществе, они взяли на вооружение сложившуюся в 30-х гг. концепцию, согласно которой исторический материализм отождествлялся с социологией и рассматривался как органическая часть философского знания. Социология была, таким образом, «объявлена» философской наукой, а конкретные социологические исследования как несовместимые со спецификой философского знания выводились за пределы социологического знания. Эти исследования трактовались как попытка привнести в философию элементы позитивизма.

Ученые, главным образом философы, ставшие инициаторами конкретных социологических исследований, постоянно подвергались критике, им отводилась роль «собирателей фактов». Всеми способами, в том числе административно-приказными, насаждалась идея о разделении труда между философами и социологами. Вторые должны были «собирать» факты, а первые «обобщать» их, сводить в теоретические системы. Причем социологическим исследованиям нередко отводилась только апологетическая роль. Социологи должны были, чтобы сохранить за собой право проводить конкретные исследования, главный акцент делать на позитивных аспектах социального развития страны и игнорировать аспекты негативные. Именно поэтому многие труды ученых, опубликованные в те годы и вплоть до последних лет «застоя», имели односторонний характер.

Значительная часть первичной социальной информации, представляющая огромную научную ценность для решения многих социальных проблем, осталась в архивах. Многие тревожные сигналы социологов, которые они представляли в директивные органы, — по проблемам разрушения природы (экологии), нарастания отчуждения труда, отчуждения власти от народа, развития националистических тенденций и другие — не только не принимались во внимание, но и осуждались, а в отдельных случаях их инициаторы подвергались взысканиям как в партийном, так и в административном порядке. Более того, многие научные понятия, например, такие как «социальная экология», «социальная статистика», «социология труда», «социология семьи», «социология религии», «социология культуры» и многие другие даже в период «оттепели» оказались под запретом. Последствием их использования могло стать зачисление ученого в ряд «последователей и пропагандистов реакционной буржуазной социологии». И все же, несмотря на понятийный «запрет», социологические исследования в стране развивались, постепенно расширяя сферу теоретического социологического знания и овладевая понятийным аппаратом социологии.

Исследование теоретических проблем социологии в период «оттепели» сопровождается возобновлением и развертыванием конкретных социологических исследований. В середине 60-х гг. начинают появляться первые крупные труды, обобщающие итоги этих исследований. Издается пятитомник избранных произведений одного из пионеров социальной инженерии и

конкретного социологического анализа С. Г. Струмилина. Выходят коллективные книги: «Копанка 25 лет спустя» (1965); «Рабочий класс и технический прогресс» (1967); «Человек и его работа» (1967). Существенный вклад в изучение социальных аспектов взаимоотношений свободного и рабочего времени внесли труды Г. А. Пруденского, подытоженные в книге «Время и труд» (1964). Широкий круг исследований социальных проблем брака и семьи был обобщен в книге А. Г. Харчева «Брак и семья в СССР» (1965).

Важным шагом на пути институционализации социологии в СССР явилось издание в 1966 г. двухтомника «Социология в СССР» (ред.-сост. Г. В. Осипов), в котором обобщался опыт ряда эмпирических исследований, проведенных в различных сферах советского общества. В него вошли исследования по социологической теории, по различным проблемам функционирования и развития социальной сферы (труда, быта и т. д.). В расширенном варианте двухтомник был издан в Англии.

Эти публикации заложили основы традиции издания примерно раз в три-четыре года обобщающих трудов по итогам развития отечественной социологии. Среди них. «Социология и идеология», «Марксистская социология сегодня», «Социология и современность» (в 2 т.), «Социология и социальное развитие», «Теория социального развития», «Советская социология» (в 2 т.) и др. Впервые было проведено международное сравнительное исследование по проблемам труда и индустрии (СССР—Польша), результаты которого были опубликованы в монографии под общим названием «Социальные проблемы труда и производства» (под общ. ред. Г. Осипова и Я. Щепаньского, 1970).

В эти же годы были созданы первые социологические учреждения: сектор новых форм труда и быта, преобразованный в дальнейшем в Отдел социологических исследований в Институте философии АН СССР (зав. Г. В. Осипов), и лаборатория социологических исследований при Ленинградском государственном университете (рук. В. А. Ядов). В 1962 г. основана Советская социологическая ассоциация (председатель Ю. П. Францев, зам. председателя Г. В. Осипов).

В 1969 г. на базе Отдела социологических исследований Института философии АН СССР был открыт Институт конкретных социальных исследований (с 1972 г. Институт социологических исследований) АН СССР. Его возглавили А. М. Румянцев, Г. В. Оси-

пов и Ф. М. Бурлацкий. Были организованы отделы социологических и социальных исследований во многих научно-исследовательских институтах. Кроме того, в системе научных учреждений Академии наук СССР и Академий наук союзных республик появилось большое число научных подразделений, ведущих социальные исследования. Социологические исследования стали проводить многие научно-исследовательские институты ведомственного подчинения, социологические лаборатории предприятий и производственных объединений, а также созданные на общественных началах институты и советы по социологическим исследованиям при общественных организациях. При многих отраслевых промышленных министерствах, на крупных предприятиях, стройках, во многих вузах и при партийных комитетах городов, областей и республик стали работать социологические службы. Значительно расширилась сеть социологических лабораторий в вузах страны.

В университетах (МГУ, ЛГУ и др.), а также в некоторых экономических вузах были введены спецкурсы по прикладной социологии. Для аспирантов и студентов были изданы первые учебные пособия по социологии и ее истории. Среди них: книга Г. В. Осипова «Теория и практика социологических исследований в СССР» (1979), а также коллективные труды «Рабочая книга социолога» (1977, 1983); «История буржуазной социологии XIX — начала XX века» (1979), «История буржуазной социологии первой половины XX века» (1979), «Критика современной буржуазной теоретической социологии» (1977) (все под ред. Г. В. Осипова) и др. Значительно выросло число публикаций по различным разделам социологического знания. Важным органом объединения усилий социологов и распространения научного и методического опыта стал издающийся с 1974 г. журнал «Социологические исследования».

Если в период 70-х — первой половины 80-х гг. социология и развивалась, то вопреки командным методам, а не благодаря им. Более того, усилилось административно-бюрократическое вмешательство в эту науку. Правда, в какой-то мере ситуация изменилась после создания Института конкретных социальных исследований АН СССР, в который удалось привлечь лучшие кадры социологов-профессионалов страны. Но новая «оттепель» продолжалась недолго. Бюрократической диктатуре новой власти социология была не нужна, более того, она вступила

ла в конфликт с ведомственным отношением к социальной сфере жизнедеятельности общества. И тут возникает еще один парадокс. Институт, вызванный к жизни реальными потребностями общества, был использован как средство административного вмешательства в дела науки, торможения ее развития.

Началось еще одно наступление на социологию. Для ограничения сферы социологического знания и «обуздания» социологов нужен был повод. И этот повод был найден. Вышли в свет «Лекции по социологии» (1968) Ю. А. Левады. Конечно, не со всеми положениями автора можно согласиться, однако это вопрос научной этики, профессионального обсуждения, но он был перенесен в область политическую и административную. Коллектив института был обвинен в насаждении буржуазных теоретических концепций и взглядов.

Второй шаг — критика труда «Моделирование социальных процессов» (под ред. Г. В. Осипова и Н. Н. Моисеева, 1970). Цель была одна — представить содержание монографии в качестве идеологически вредной платформы института. Критика книги была использована затем для создания нескольких комиссий, по итогам работы которых была произведена замена руководства института, обновлен его основной кадровый состав. Оставшиеся в институте немногие социологи были подвергнуты различного рода партийным и административным взысканиям. Все это не могло не сказаться на продуктивности научного коллектива. Резко сократилось количество публикуемых работ, снизилось качество проводимых социологических исследований. Поступательное развитие социологии вновь было искусственно прервано.

Ситуация в социологии еще более обострилась и в связи с тем, что некоторые философы, занимавшие видные административные посты в науке, а ранее отождествлявшие исторический материализм и социологию, вдруг встали на позицию отрицания исторического материализма как социологической теории, ограничили сферу социологического знания только ее прикладным уровнем. Вновь термин «социология» оказался под запретом. Он был заменен понятием «прикладная социология». Теоретическая социология полностью отрицалась.

Новое административно-приказное «вторжение» в социологию имело бы самые трагические последствия. Но оно было пресечено в середине 80-х гг.

Важным этапом в институционализации социологии был XXVII съезд КПСС, который обратил внимание на исследование различных проблем развития и функционирования социальной сферы как пространства жизнедеятельности человека; поставил вопрос об органической связи экономического и социального развития, о социальной эффективности экономического развития.

Вполне естественно встал вопрос о восстановлении в «гражданских» правах науки, которая занимается исследованием социальной сферы и социального развития общества в целом, т. е. социологии. Был снят запрет на развитие теоретической социологии. Более того, был наложен запрет на административно-приказное вмешательство в развитие этой науки. Вполне закономерным был признан плюрализм точек зрения на ее предмет и место в системе социальных и гуманитарных наук.

Вопрос о дальнейшем развитии социологии как самостоятельной науки и использовании социологических исследований в решении задач социально-экономического развития страны был поднят до общегосударственного уровня. Была поставлена задача развития как теоретических, так и прикладных социологических исследований. Встал вопрос о развитии социологической теории, отражающей социальные реалии сегодняшнего дня. Важной основой развития теоретической социологии стали социологические исследования реальных социальных явлений и процессов.

Трансформация общества, начавшаяся в середине 80-х гг., способствовала процессу институционализации социологии. Но и социология не стояла в стороне от социально-экономических проблем общества. Еще до середины 80-х гг. именно социологи начали новое теоретическое осмысление социального мира, связанное с ломкой старых стереотипов мышления, с решительным отказом от теорий «экономического детерминизма» и «технократической» практики, ориентированной на производство, а не на потребителя, на количество, а не на качество, на вал, а не на человека. Социологи были первыми в исследовании большого круга проблем, связанных с деятельностью человека («человеческого фактора»); социальной ориентированностью экономического развития и становления социального мышления; отчуждением власти и труда; научными основами социального управления. Но

главное заключалось в том, что социологи поставили вопрос о восстановлении в правах исследований жизнедеятельности гражданского общества и социального мышления.

Конечно, вмешательство КПСС, равно как и других партий, в дела науки недопустимо. Однако в силу специфических советских условий, дело в социологии сложилось таким образом, что она была институционализирована в результате решения Коммунистической партии (после принятия на Политбюро ЦК КПСС в 1988 г. постановления «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества»), которая в свое время отрицала ее как науку. Парадокс состоит в том, что это признание явилось последним этапом руководства КПСС социологией.

Институт социологических исследований АН СССР был преобразован в Институт социологии АН СССР, а в 1991 г. создан и Институт социально-политических исследований АН СССР.

С социологии, образно говоря, сняли оковы, открылись широкие возможности для творчества. Это немало. Разумеется, еще рано бить в литавры. Для того чтобы социология заняла свое место в системе научного управления обществом, требуется время, и немалое.

Итак, закончился 70-летний период борьбы за становление социологии как самостоятельной науки, за использование результатов ее исследований в научном формировании задач социальной политики общества. На повестку дня поставлен вопрос о развитии социологического знания, о становлении нового социального мышления.

Приложение

Социология в России: призвание социологии

Социология является важнейшей обществоведческой наукой. Она дает знания об обществе как едином социальном организме во взаимосвязи и взаимодействии объективных и субъективных факторов исторического развития и функционирования, а следовательно, позволяет людям, ученым, партиям, властным структурам действовать осознанно, научно прогнозируя возможные последствия своей деятельности.

Уже говорилось, что признание социологии как самостоятельной науки (отличной от философии, экономической науки и других дисциплин) произошло в нашей стране де-юре в период так называемой перестройки, конкретнее — в конце 80-х гг. Однако возрождающаяся социология не была однородной. И это остро ставит вопрос о призвании, социальных функциях социологии, о социальной роли социолога. В обществе социология стала выступать в трех формах и, соответственно, выполнять прежде всего три главные социальные функции: а) функцию апологетики перестройки, а затем и принятого властными структурами курса реформирования; б) функцию науки, преследующей коммерческие цели; в) функцию науки, исследующей воздействие социально-экономических и социально-политических изменений в обществе в процессе его реформирования на человека, его физическое, духовное, социальное развитие и социально-экономическое положение. К сожалению, приходится констатировать, что апологетическая роль социологии властными структурами поддерживается и одобряется, а научно обоснованная критика курса проводимых реформ не принимается во внимание или просто отбрасывается.

Будучи элементом российского общества, российская социология, как и общество, переживает ныне трудные времена. Многие социологи потеряли вкус к теоретическим, методологическим и историко-социологическим проблемам и исследованиям. По сути, в стране не проводятся репрезентативные социологические исследования. В нарушение юридических и моральных норм лица, не имеющие специального социологического образования, называют себя социологами, а проводимые на улицах, в магазинах и тому подобных местах опросы, к тому же не имеющие никакого отношения к науке, объявляются социологическими.

Но самое печальное заключается в том, что, не имея средств на проведение исследований и в целях выживания социологических учреждений, социологи проводят исследования, в которых пытаются давать ответ, угодный заказчику. Коммерциализация социологической науки, равно как и ее апологетическая роль, ведет к компрометации, деградации социологии.

Однако не все обстоит так плохо. Социологами созданы серьезные научные труды, имеющие огромное научное и общественное значение, среди которых исследование социальных последствий проводимых реформ, изучение динамики умонаст-

роений российских граждан. Впервые изданы «Российская социологическая энциклопедия»; социологические словари; учебники и учебные пособия по теоретической социологии, истории зарубежной и отечественной социологии, по различным отраслям социологического знания и многие другие труды.

Заслугой социологии является и то, что с начала перестройки, а затем и в ходе реформирования социологические исследования систематически отслеживают влияние реформирования на человека, его социальное положение, физическое и психическое состояние и т. д. Реализация стратегии реформирования российского общества означает переход к новой модели общественного устройства, основными характеристиками которой являются правовое государство, смешанная и социально ориентированная экономика, политический плюрализм, гражданское общество, права и свободы личности.

Однако социально-экономические механизмы реализации этой модели оказались неадекватными поставленным целям. В результате в 90-е гг. усилилась тенденция расширения социального и экономического кризиса вплоть до перерастания его в национальную катастрофу. Под угрозу были поставлены национальные интересы страны и безопасность государства.

Начиная с 1989 г. и по сей день Институт социально-политических исследований РАН на основе полугодовых, годовых исследований создал своеобразную летопись реформирования России. Это книги под общей редакцией Г. В. Осипова: «Реформирование в России: Итоги и перспективы» (3-е изд. М., 1996); «Россия: Преодоление национальной катастрофы» (М., 1999); Россия в поисках стратегии: Общество и власть» (М., 2000); «Реформирование России: От мифов к реальности» (М., 2001). обстоятельное изучение ситуации показало губительность превращения России в поставщика дешевого сырья, рабочей и интеллектуальной силы западным странам. Социологи обосновали, что при наличии мощного индустриального, научного, сырьевого и человеческого потенциала, которым располагает страна, Россия может осуществить стремительный экономический, научно-технический и социальный прорыв вперед и не только сравняться с развитыми странами, но и занять прочные ведущие позиции в мировой экономико-политической жизни и научно-технической сфере.

Наиболее актуальная задача социологии сегодня — разработка теоретико-методологических основ социологического

знания на уровне международных научных стандартов. Дело в том, что социологи очень часто не владеют языком, т. е. научным аппаратом своей науки. Это уже просто опасно, поскольку специалисты в таком случае начинают терять «чувство нового продуктивного знания». Очень часто новые идеи, принципы и подходы, «пограничная тематика» воспринимаются социологами с трудом или вовсе не воспринимаются. Здесь очень четко встает проблема понимания языка в социологии. Сейчас же этот язык, его знание напоминает знакомство с русским алфавитом, в котором не хватает нескольких очень важных букв.

Кроме того, возникает очень сложный и одновременно интересный вопрос о «социологической истине». Сейчас социологическая истина понимается зачастую извращенно и отождествляется с результатами опроса общественного мнения, т. е. с мнением арифметического большинства: социальной группы, класса, нации, религиозной конфессии, политической партии и т. д. Если, скажем, большинство считает так-то и так-то, то это якобы и есть истина, так оно будто бы и есть в действительности, таковой этой действительности и быть. Это свойственно и некоторым нашим политикам, которые считают, что голосованием можно решить любой жизненный вопрос, в том числе научный. То, что большинство может заблуждаться, а саму истину всегда открывали одиночки-подвижники, т. е. отдельные личности, которым очень часто приходилось несладко в отношениях со «всегда правым большинством», — об этом почему-то забывают. И история знает тому массу примеров.

Но дело здесь еще и в другом. Подтверждающие или опровергающие теорию факты также в свою очередь подвергаются языковой «обработке» на основе того или иного их истолкования. Что имеется в виду? Прежде всего — вопрос об объективной реальности, отражающейся в сознании человека. Как она понимается человеком? Есть исходный принцип социологии: человек есть продукт социальной системы. Но и социальная система — продукт человеческой деятельности, а человек может создать такую систему, которая превращает его самого в раба этой системы. Поэтому нельзя считать человека полностью обусловленным чем-то внешним — той же социальной системой, например. В нем всегда есть что-то его собственное, «человеческое», неотчуждаемое никакой системой и ни при каких обстоятельствах. Это надо помнить, иначе мы всегда будем приходить

к самым жестоким формам тоталитаризма (отчуждение людьми своей человечности в пользу безликой репрессивной общности) и авторитаризма (отчуждение людьми своей человечности в пользу такой же безликой, но не общности, а одиночки-самозванца). Вот вам прикладная роль «социологической истины», рассмотренной с позиций теоретической социологии!

Но есть и другой подход, и он заключается в том, что «социологическая истина» рассматривается в контексте многомерного, комплексного подхода к функционированию создаваемой человеком социальной системы. При этом подходе создаваемая система постоянно сопоставляется с той целью, во имя достижения которой она строилась. Пока же, к сожалению, нерелко любое априорное (внеопытное) или эмпирическое (основанное на результатах опроса, но должным образом не осмысленное) высказывание выдается за истину. А это — прямая профанация науки, а не «социологическая истина». Например, можно сослаться на «одномерные», но претендующие на решение всего и вся высказывания типа: «все решает аренда», или «рынок», или «исны», или «приватизация».

К сожалению, во многих социологических исследованиях человек отодвигается на задний план и рассматривается как придаток к социальной системе, средство решения проблем общества, нации, партии. Наше общество встанет на путь благополучия только в том случае, если в центре его внимания будет не оно само, не система, не нация и т. д., а человек, его неотъемлемые права на достойное существование: политические, экономические, культурные, духовные. Без этого любое общество, система превращаются в совокупность разобщенных «среднестатистических индивидов».

Социология сложилась как наука, вернее, приобрела статус науки в основном в XX в. Объект ее познания — общество, его социальные и личностные структуры — чрезвычайно сложен. И познать закономерности взаимодействия этих структур в конкретных условиях места и времени, механизмы и формы их использования в интересах общества и человека не менее сложно, чем открыть закономерности ядерного синтеза и разработать технические средства их использования в интересах человеческой цивилизации.

Социология как таковая не может быть ни апологетической, ни оппозиционной. Она призвана давать реальную научно обоснованную картину существующей действительности, ко-

торая является результатом действия не каких-то мистических законов и случайностей, а вполне определенных властных структур. Именно эти структуры, причем персонифицированные, должны отвечать перед народом за социальные и экономические последствия своих действий.

Только то общество, в основе функционирования которого лежат принципы социальной стабильности, социального порядка и социальной ответственности, имеет историческую перспективу. И эти принципы, и эта историческая перспектива могут быть реализованы только на основе науки, в том числе науки социологической.

Вопросы для закрепления материала

1. Почему О. Конт и Г. Спенсер обычно считаются основателями социологии как науки?
2. Назовите крупнейших социологов XIX — первой половины XX в.
3. Что означает материалистическое понимание истории?
4. Кто ввел в социологию понятие идеального типа и что оно означает?
5. Какие концепции получили наибольшее распространение в зарубежной социологии второй половины XX в.?
6. Каковы основные особенности и этапы развития российской социологии?
7. Назовите крупнейших российских социологов.

Литература для дополнительного чтения

- Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1992.
- Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова.* М., 1994.
- Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы.* М., 1972.
- Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория. М., 1961.
- Вебер М.* Избранное: Образ общества. М., 1994.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда: Метод социологии. М., 1991.
- История социологии в Западной Европе и США / Отв. ред. Г. В. Осипов.* М., 1999.

История теоретической социологии. Т. I—IV / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М., 1997.

Критика современной буржуазной теоретической социологии. М., 1977.

Кукушкина Е. И. Русская социология XIX — начала XX века. М., 1993.

Кулыгин В. П. Классическая социология. М., 2001.

Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

Новые направления в социологической теории. М., 1978.

Осипов Г. В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000.

Осипов Г. В. Теория и практика социологических исследований в СССР. М., 1979.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

Современная западная социология: Словарь / Сост. Ю. Н. Давыдов и др. М., 1990.

Смелзер Н. Социология. М., 1994.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М., 1998.

Социология и власть: Сб. 1. Документы. 1953—1968 / Отв. ред. Л. Н. Москвичев. М., 1997.

Социология и власть: Сб. 2. Документы. 1969—1972 / Отв. ред. Л. Н. Москвичев. М., 2001.

Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.

Фуко М. Слова и вещи. М., 1977.

Глава 2

ПАРАДИГМА, ПРЕДМЕТ И СТРУКТУРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

§ 1. Парадигма, метатеория и метасоциология

Парадигмальный статус науки. Как утверждает современное науковедение, любая наука достигает зрелости, т. е. становится самостоятельной, когда она переходит в парадигмальный статус.

Согласно концепции развития науки, тот или иной качественный этап этого развития — результат не эволюции, а ре-

волюции. Ключевым понятием этой концепции науки является понятие *парадигмы*.

Понятие «парадигма» неоднозначно. Неоднозначно и отношение различных групп ученых к этому понятию. В книге Т. Куна «Структура научных революций» (М., 1975) содержится двадцать одна дефиниция. Но существенный момент его концепции — не в дефиниции понятия «парадигма», а в том, что он рассматривает любую науку данного времени как определяемую парадигмой, т. е. специфической структурой, включающей различные по характеру и содержанию вариации представлений о предмете науки, ее основополагающей теории и специфических методах исследования.

В развитии науки Кун выделяет четыре стадии: стадии ее нормального и аномального состояния, кризиса и революции.

Нормальная стадия в развитии науки — период аккумуляции имеющихся знаний в пределах существующей парадигмы. Этот период с неизбежностью заканчивается переходом к аномальному состоянию, когда полученная совокупность научных данных не может быть объяснена с точки зрения существующей парадигмы. Наступает кризис, который приводит к научной революции. Старая парадигма отбрасывается, и на смену ей приходит новая, способная объяснить новую систему научных фактов, теорий, методов.

Парадигмальный статус науки характеризуется наличием одной или нескольких ясно и четко выраженных парадигм.

Парадигма — это совокупность философских, общенаучных и метатеоретических оснований науки, в нашем случае — социологии. В качестве указанных оснований выступают различного рода концепции, принципы и подходы, например концепция детерминизма, системный подход, принцип историзма. Приверженность тех или иных ученых к той или иной парадигме позволяет дифференцировать одно научное сообщество от другого.

Критерии парадигмального статуса науки. Обычно в социологии науки выделяются три вида парадигм: во-первых, парадигмы, обосновывающие самостоятельный статус той или иной науки, отграничивающие на качественном уровне одно научное знание от другого (философию от социологии, социологию от экономики и т. д.); во-вторых, парадигмы, проводящие существенные различия между историческими стадиями в

развитии науки (например, позитивизм, неопозитивизм, постпозитивизм в социологии); в-третьих, парадигмы, дифференцирующие научные сообщества в рамках одной и той же науки на одном и том же историческом этапе ее развития (три парадигмы современной западноевропейской социологии).

Если наука не обладает парадигмальным статусом, то это означает, что она еще не отдифференцировала свой предмет от других научных дисциплин и потому не может считаться самостоятельной наукой. Наука обладает парадигмальным статусом, если она имеет парадигму, которая признана данным научным сообществом. Это монопарадигмальный статус науки. После научной революции обычно складывается ситуация парадигмального дуализма: завоевала признание новая, но продолжает пользоваться поддержкой и старая парадигма. Наконец, есть науки, характеризующиеся наличием многовариантных парадигм.

Парадигмальные статусы науки в ряде случаев могут совпадать с исторической логикой ее развития. Эта логика, если отвлечься от некоторых специфических исторических особенностей и этапов, свойственна социологии, которая, минуя стадию монопарадигмального статуса, прошла путь развития от допарадигмального к многовариантному парадигмальному статусу.

Парадигма науки и научная теория. Понятие «парадигма» шире по объему, чем понятие «теория». Любая парадигма, кроме указанных ранее элементов, включает в свою структуру основные научные категории, интерпретирующие природу объекта данной науки, которые, во-первых, позволяют содержательно отличать данную парадигму от другой и, во-вторых, могут служить основанием для построения различных видов теорий в пределах данной парадигмы. В социологии такими категориями являются «общество», «культура», «личность», «социальное поведение», «социальные группы», «социальные институты», «социальные организации», «социальные факты» и др.

Теория — это абстрактная модель структуры объекта конкретной науки, включающая основные научные категории, принятые в качестве исходных в данной парадигме, а также совокупность более или менее достоверных и логически взаимосвязанных суждений (выражаемых в форме законов, принципов или менее общих теорий), раскрывающих сущность исходных категорий, связей и отношений между ними. В теории, таким образом, выделяются: во-первых, основные научные ка-

тегории, связи и отношения которых образуют структуру предмета данной науки; во-вторых, система понятий, принятая для интерпретации этих категорий, фундаментальные законы и принципы, посредством которых выражаются связи и отношения между понятиями; в-третьих, вся совокупность логических следствий, которая вытекает из фундаментальных законов и принципов теории.

Социологическая парадигма и социологическая теория. В социологической парадигме объектом социологии является социальная реальность и ее основные элементы. Социологическая теория — это логически взаимосвязанная система понятий и принципов, посредством которых интерпретируется природа (структура и генезис) тех или иных элементов социальной реальности и взаимодействие между ними.

Критериями разграничения парадигм социологии (с многовариантным парадигмальным статусом) выступают содержательно отличные друг от друга основные социологические категории и соответствующие им структурные элементы социальной реальности, интерпретация взаимодействия которых позволяет понять природу последней.

Социологическая теория и метатеория. Философское и общенаучное обоснование парадигмального статуса той или иной науки, будучи в конечном счете определяющим, в то же время не является достаточным. И тут в действие вступает другой уровень обоснования — метатеоретический.

Метатеория есть критическое изучение определяющих принципов какой-либо совокупности уже аккумулярованного знания. На этом уровне устанавливается степень соответствия (несоответствия) наличной информации, методов и теорий реальностям окружающего мира. Если такое соответствие не выявляется или выявляется в крайне незначительной степени, то это означает, что данная наука не достигла своей зрелости, не поднималась до уровня парадигмального статуса.

Обычно выделяются два основных вида метатеорий: те, которые служат предпосылками выработки социологической теории, и те, которые, связаны с ее дальнейшим развитием.

Признавая правомерность обоих видов метатеорий, различные ученые, как правило, обычно отдают предпочтение одному из них. Согласно Дж. Тернеру, метатеоретический анализ начинается тогда, когда заканчивается анализ теоретический.

С построением теории начинается метатеория, т. е. анализ допущений, стратегии и т. д. этой теории. В то же время нельзя не принять во внимание и аргументацию тех ученых, которые утверждают, что вряд ли можно приступить к построению завершённой теории, если не решены «фундаментальные» эпистемологические и метафизические вопросы.

Дж. Тернер резко осуждает, но не отвергает этот вид метатеории. Он пишет: «...метатеоретизирование обычно увязает в значимых философских проблемах и демобилизует построение теорий... Оно вовлекает теории во внутренние неразрешимые и обычно дебатлируемые противопоставления»¹.

Метасоциология. Различные виды метатеорий и метаанализа в социологии можно объединить общим названием «метасоциология».

Метасоциология — это анализ существующих эпистемологических и методологических структур социологии вообще, равно как и ее различных компонентов — концепций, теорий, моделей, методов и т. д.

Отличие метасоциологии от социологии состоит в том, что объектом исследования социологии является социальная реальность, а объектом метасоциологии — сама социология. Поэтому правомерно использовать наряду с понятием «метасоциология» понятия «социология социологии» и «рефлексивная социология». Первое понятие было введено в научный обиход Р. Фридрихсом², второе — А. Гоулднером³.

Метасоциология анализирует социологию извне и изнутри. С внешней точки зрения социология — специфическое социальное явление, которое подобно другим явлениям доступно социологическому анализу. Это может быть изучение общественной роли данной социологической теории, ее функций (служебных или критических) по отношению к определенной политической системе, ее влияния в обществе за пределами узкопрофессиональной среды и др. С внутренней точки зрения социология исследуется как особая научная дисциплина, совокупность конкретных проблем, понятий, теорий и методов, отвлеченно от их социального контекста.

¹ Turner J. The Structure of Sociological Theory. Homewood, 1986 P. 10.

² См.: Friedrichs R. Sociology of Sociology. N. Y., 1970.

³ См.: Gouldner A. The Coming Crisis of Western Sociology. N. Y., 1970.

Метасоциология — это такая же наука, как и социология. Но в отличие от социологии она связана с разработкой принципов анализа того, что уже создано социологией. Она берет ее в качестве объекта изучения. Исследование содержания и достоверности социологического знания является необходимым условием совершенствования и развития социологии — ее теории и методологии, упрочения ее научного статуса.

Многовариантный статус парадигм в социологии. Социологическое знание, зародившееся в недрах других наук (философии, антропологии, экономики и др.), прошло исторический путь развития от допарадигмального к многовариантному парадигмальному статусу. Путь этот был своеобразен. На его своеобразие оказали влияние культурные традиции и неравномерность развития социальных и гуманитарных наук в различных странах. Начало этого пути было обусловлено трудами К. Маркса (Германия), Г. Спенсера (Великобритания), О. Конта, Ф. Ле Пле (Франция), Ф. Тённиса, Г. Зиммеля (Германия), У. Самнера, Л. Уорда (США), Н. Я. Данилевского (Россия) и др. Затем, так и не достигнув одновариантного, монопарадигмального статуса, минуя статус парадигмального дуализма, а также сложный исторический период быстрого становления и упадка многочисленных школ и направлений, социология перешла к многовариантному, полипарадигмальному статусу. Сложились и завоевали признание четыре социологических парадигмы: социальных фактов, социальных дефиниций, социального поведения, социально-исторического детерминизма¹.

Парадигма «социальных фактов» сводит социальную реальность к двум группам социальных фактов: социальным структурам и социальным институтам, акцентирует внимание на их природе и взаимодействии. Социальные структуры и социальные институты отождествляются в этой парадигме с понятием реальных вещей.

Иное представление о социальной реальности содержится в *парадигме «социальных дефиниций»*. Ее основным элементом являются не сами социальные факты, а тот способ, посредством которого они определяются. Если люди определяют факты как реальные, то они будут реальными и по их последствиям. Важнейшим объектом изучения выступают внутри- и межсубъек-

¹ См.: Осипов Г. В. Социология и социализм. М., 1990. С. 74.

тивность и как результат — действие. В отличие от бихевиористской концепции «стимул—реакция» социальное поведение людей строится в соответствии с их оценкой или пониманием социальной реальности. Социальная реальность в этой парадигме выступает как совокупность таких факторов (значений, символов и т. д.), исходя из которых действующие личности оценивают свое окружение; и эта реальность, сконструированная из различных символов и значений, в свою очередь, детерминирует их социальное действие.

Парадигма «социального поведения» уходит своими корнями в психологическую традицию американской социологии. Социальные бихевиористы считают, что парадигмы «социальных фактов» и «социальных дефиниций» являются метафизическими, поскольку они игнорируют «человеческое поведение», которое представляет собой единственную социальную реальность. Особый акцент при этом делается на проблему вознаграждения желаемого и наказания запрещенного, т. е. нежелательного социального поведения.

Основными элементами *парадигмы «социально-исторического детерминизма»* являются структурные и личностные элементы социальной реальности. Их внутренние и внешние связи и отношения образуют в совокупности то, что называется социальной реальностью. Действующие личности в системе этой парадигмы выступают как объекты и субъекты социальной реальности (см. об этом § 2, гл. 3).

Исторические корни этих видов парадигм уходят в труды Э. Дюркгейма, М. Вебера, Б. Скиннера, К. Маркса.

Специфические и логически организованные комплексы понятий, объясняющие отношения между элементами социальной реальности, рассматриваемыми данной парадигмой в качестве основных (исходных), составляют разные виды теоретического осмысления процессов их взаимодействия, или различные виды социологических теорий.

Теоретическая ситуация в социологии в самом общем виде характеризуется теоретическим плюрализмом, разнородностью теоретических ориентаций, двумя противоположными тенденциями в социологическом мышлении — к дивергенции и интеграции. Наряду с поисками единственно верной теоретичес-

кой ориентации среди научной общественности еще шире распространено убеждение в том, что неоднородность предмета такой дисциплины, как социология, дает право на жизнь множеству очень разных теорий. Последнюю из названных позиций обычно именуют программой «критического плюрализма».

Основным социологическим парадигмам (социальных фактов, социальных дефиниций, социального поведения) соответствуют и определенные виды социологических теорий.

Парадигма «социальных фактов» интерпретируется с позиций теорий — структурно-функциональной, системной и конфликтной. (Заметим, что системные теории обычно рассматриваются в западной социологии как составные части или разновидности структурно-функциональных теорий.) Парадигма «социальных дефиниций» исходит из теорий социального действия, символического интеракционизма, феноменологической социологии, этнометодологии. Парадигма «социального поведения» трактует социальную реальность с позиций теории социального бихевиоризма, бихевиористской социологии и теории социального обмена.

Однако социология, как и любая научная дисциплина, самоопределяется по специфическому для нее относительно самостоятельному множеству существенно взаимосвязанных проблем. Как таковые они становятся предметом теоретического осмысления. Между проблемами данной науки имеются определенные связи. Существует возможность отобрать одну или несколько центральных проблем, с которыми соотносятся другие. В качестве таких центральных проблем социологии были выдвинуты две. Первая из них была обоснована в исследованиях Дж. Тернера — это проблема социального порядка. Вторая проблема уровней социальной реальности получила развитие в трудах Д. Ритцера. Соответственно было положено начало формированию, помимо указанных, еще двух парадигм — парадигмы «социального порядка» и «интегративной социальной парадигмы».

Идея организации структуры социологического знания вокруг ее центральных проблем не лишена здравого смысла. Нельзя недооценивать роли сложившихся или формирующихся социологических парадигм и теорий в развитии социологии. Социологические парадигмы обосновывают наличие и значение различных основных элементов социальной реальности. Социологические теории дают интерпретацию взаимодействий

различных комбинаций этих элементов и раскрывают их значение (с большей или меньшей степенью обоснованности) в жизни общества.

§ 2. Объект и предмет социологии. Понятие социального

Объект и предмет науки. Объектом социологического познания является общество. Но выделения понятия «общество» в качестве исходного для определения предмета социологии недостаточно. Общество может быть объектом всех общественных и гуманитарных наук. То же самое можно сказать и о понятии «социальная реальность». Ключ к обоснованию научного статуса социологии, равно как и любой другой науки, лежит в различии ее объекта и предмета

Объект познания — это все то, на что направлена деятельность исследователя, что противостоит ему в качестве объективной реальности. Любое явление, процесс или отношение объективной реальности могут быть объектом исследования самых различных наук (физики, химии, биологии, психологии, экономики, социологии и др.). Когда речь идет о предмете исследования данной конкретной науки, то та или иная часть объективной реальности (общество, культура, человек) исследуется не целиком, а лишь с той стороны, которая определяется спецификой данной науки. Другие стороны конкретной части объективной реальности в этом случае рассматриваются как второстепенные или как условие существования данного объекта (например, социальный контекст экономики).

Часто в научной литературе наблюдается смешение или отождествление понятий «*объект*» и «*предмет*» науки. На это смешение или отождествление двух находящихся в смысловой близости понятий можно было бы не обращать внимания, если бы оно не оказывало существенного влияния на размывание границ той или иной науки.

Объект есть отдельная часть или совокупность элементов объективной реальности, обладающая определенным или специфическим свойством. В то же время каждая наука отличается от другой науки своим предметом. Свой предмет име-

ют физика и химия, биология и психология, экономика и социология и т. д. Все эти науки в целом изучают объективную реальность, характеризующуюся бесконечным разнообразием явлений и процессов. Однако каждая из них изучает, во-первых, свою особую сторону или сферу объективной реальности; во-вторых, специфические только для данной науки законы и закономерности развития и функционирования этой реальности; в-третьих, особую форму проявления и механизмы действия этих законов и закономерностей. Причем одна и та же сфера объективной реальности может быть объектом исследования многих наук. Так, физическая реальность — объект исследования множества естественных и технических наук, социальная — наук общественных и гуманитарных. Определения специфики науки только по объекту исследования недостаточно. Объектов исследований любой науки может быть бесконечное множество, а ее предмет всегда ограничен, однозначен и специфичен.

Отличие различных наук друг от друга в том и состоит, что даже на одном объекте они исследуют свои специфические законы и закономерности, которым подчинено развитие и функционирование данного объекта. Так, развитие и функционирование общества определяется требованиями экономических, социальных, демографических, психологических и других законов и закономерностей, которые являются предметом соответствующих наук. В связи с этим части данной объективной реальности могут быть объектом исследования различных наук. Например, труд, быт, образование, семья, город, деревня и другие являются объектами исследования и экономики, и социологии, и психологии, и демографии.

Законы и закономерности данной науки можно проследить в специфических явлениях и процессах объективной реальности, включенных в механизм их действия. Так, биологические законы и закономерности проявляются в многообразных формах живых организмов, их строении, функциях, эволюции, индивидуальном развитии и взаимоотношении с окружающей средой; социальные законы и закономерности — в исторически определенных типах общества или отдельных его системах, выступающих как результаты и как условие социальной деятельности людей.

Предмет науки не может быть тождествен объекту (или объектам), который она изучает¹. *Объект науки* — это данная реальность, представляющая тот или иной фрагмент объективного мира. *Предмет науки* есть воспроизведение данной реальности на абстрактном уровне путем выявления наиболее значимых с научной и практической точек зрения закономерных связей и отношений этой реальности. Предметом любой науки выступает не просто некое явление или процесс объективного мира, а результат теоретического абстрагирования, позволяющий выделить определенные закономерности развития и функционирования изучаемого объекта, специфические для данной науки и никакой другой. Такого рода абстрагирование (построение модели изучаемого объекта) как раз и определяет ту «часть», «сферу», «сторону», «аспект» социальной реальности, на которую направлена деятельность социолога.

Определение предмета социологии. Одна из важнейших причин, обусловивших довольно позднее отпочкование социологии от других наук — от философии (Франция), политической экономии (Германия), социальной психологии (США), криминологии (Великобритания) — и становление ее в качестве самостоятельной научной дисциплины, заключается в неопределенности предмета социологического знания.

Обычно, согласно сложившейся традиции, при определении предмета социологического знания выделяется в качестве «ключевого» то или иное социальное явление. К числу таких явлений относятся: групповое взаимодействие, социальные отношения, социальные организации, системы социального действия, социальные группы, формы человеческих общностей, социальные процессы, социальная жизнь.

В «Международной энциклопедии социальных наук» предмет социологии определяется как «изучение социальных агрегатов и групп в их институциональной организации, институтов и их организаций, а также причин и последствий изменений институтов и социальной организации»². В вебстеровском

¹ См.: Косарева Л. М. Предмет науки М., 1977, Щедровицкий Г. П. Синтез знаний. Проблемы и методы // На пути к теории научного знания М., 1984 С 67—109

² International Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y., 1968. Vol. 15. P. 1.

словаре социология трактуется как изучение истории, развития, организации и проблем совместной жизни людей как представителей социальных групп¹.

Некоторые авторы (Р. Ферис) считают, что отправным понятием современной социологии является понятие «социальная структура», а основным содержанием категории «социальное» — «равенство—неравенство». Именно с анализа «основ неравенства общества» начинается изложение теории и структуры социологического знания.

Можно привести еще целый ряд аналогичных определений предмета социологии. Сравнительный анализ этих определений дает известное представление о том, что выступает в качестве основных объектов социологического знания. Но к единому мнению о предмете социологии социологи еще не пришли.

При вычленении социальной сферы жизнедеятельности общества совершенно недостаточно указать на объекты, которые подлежат социологическому изучению, так как в обществе нет таких объектов, которые бы социология не изучала. То же самое можно сказать и об экономике, демографии и других общественных и гуманитарных науках. Следовательно, когда речь идет о специфических особенностях той или иной науки, из самых различных объектов окружающей действительности должны вычлняться те связи и отношения, которые качественно отличны от других связей и отношений и которые тем самым становятся предметом именно данной науки и никакой другой.

Определяющим свойством предмета социологического знания является то, что он представляет собой всю совокупность связей и отношений, которые носят название социальных. Задачей социологии является исследование этих связей и отношений на уровне закономерностей, получение конкретного научного знания о механизмах действия и формах проявления этих закономерностей в различных социальных системах. Итак, понятия социального, социальных связей и отношений, способа их организации являются исходными для понимания отличительных особенностей предмета социологического знания, а социальных закономерностей — для понимания его сущности.

¹ См.: Webster's New Universal Unabridged Dictionary. 1985. P. 1723.

Специфика социологии как науки заключается в том, что она: а) разрабатывает общую социологическую теорию, которая позволяет понять общество как единую объективно-субъективную социальную систему; б) акцентирует внимание на социальных или асоциальных действиях личностей; в) анализирует и оценивает последствия этих действий в человеческом измерении с позиций не среднестатистического, а конкретного человека и укрепления социальных связей; г) ставит вопрос о социальной ответственности людей, совершающих те или иные социальные действия или принимающих те или иные решения. Социология, в данном понимании, это наука об общих и специфических социальных законах и закономерностях развития и функционирования исторически сложившихся социальных систем, о механизмах и формах проявления этих законов в деятельности личностей, социальных групп, классов, народов, социальной ответственности властных структур и личностей за социальные последствия совершаемых действий.

Понятие социального. Чтобы лучше понять содержание понятия «социальное» и его отличие от понятия «общественное», сделаем небольшой исторический экскурс. В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса при анализе общества, его процессов и отношений используются два понятия — «общественный» (*gesellschaftlich*) и «социальный» (*soziale*). Маркс и Энгельс использовали понятия «общественный», «общественные отношения», когда речь шла об обществе в целом, о взаимодействии его сторон — экономической, политической, идеологической; когда же речь шла о природе отношений людей друг к другу, человека к человеку, об их отношении к факторам и условиям их жизнедеятельности, к их собственному положению и роли в обществе и к обществу в целом, то Маркс и Энгельс использовали понятие «социальное» (*soziale*) и соответственно говорили о «социальных отношениях».

В трудах Маркса и Энгельса нередко понятие «социальное» отождествлялось с понятием «гражданское». С последним понятием связывалось взаимодействие людей в пределах конкретных социальных общностей (семья, класс и т. д.) и общества в целом.

Поскольку, разрабатывая теорию общества, Маркс и Энгельс главное внимание уделяли взаимодействию всех сторон его жизнедеятельности — общественным отношениям, некоторые ученые-марксисты в советское время стали отождеств-

лять понятия «общественное» и «социальное»; постепенно ушло из научного оборота и понятие «гражданское общество».

Иное положение сложилось в странах Западной Европы и США, где значительное развитие получила эмпирическая социология. Вследствие этого во французском и английском языках понятие «социальное», будучи производным от понятия «общество» (*society*), традиционно использовалось в узком (эмпирическом) значении, что вызвало известные трудности при обозначении явлений и процессов, относящихся к обществу в целом. Именно поэтому на определенной стадии развития социологии было введено понятие «социетальное» (*societal*), используемое для характеристики общества в целом, всей системы общественных отношений (экономических, социально-политических и т. д.).

В отечественной науке отсутствие четкого разграничения между понятиями «общественное» и «социальное» было в известной степени обусловлено и некоторыми сложившимися языковыми традициями. В русском языке обычно использовались понятия «общественное» и «гражданское». При этом понятие «социальное» рассматривалось как синоним понятия «общественное», а понятие «гражданское» относилось к юридической науке. Постепенно с развитием социологии понятие «социальное» приобрело самостоятельное значение.

Социальное — это совокупность общественных отношений данного общества, интегрированная в процессе совместной деятельности (взаимодействия) индивидами или группами индивидов в конкретных условиях места и времени. Любая система общественных отношений (экономическая, политическая и др.) касается отношений людей друг к другу и к обществу. Поэтому каждая из этих систем всегда имеет свой четко выраженный социальный аспект.

Социальное есть результат совместной деятельности различных индивидов, проявляющийся в их общении и взаимодействии.

Социальное возникает в ходе взаимодействия людей, детерминируется различиями их места и роли в конкретных общественных структурах, что проявляется, в свою очередь, в различных отношениях индивидов и групп индивидов к явлениям и процессам общественной жизни.

§ 3. Структура социологического знания

Основные компоненты знания. В социологии, как и в любой другой науке, имеются следующие основные компоненты: знание и средства его получения. (Оговоримся: в данном контексте рассматриваются не субъекты научной деятельности — ученые и научные коллективы, а только средства и результаты их деятельности.) Первый компонент — социологическое знание — включает в себя знание о знании (методологическое знание) и знание о предмете. Второй компонент — это и отдельные методы, и собственно социологические исследования.

Методологическое знание включает мировоззренческие и методологические принципы; учение о предмете социологии; знание о методах, их разработке и применении; учение о социологическом знании, его формах, типах и уровнях; знание о процессе социологического исследования, его структуре и функциях.

Знание о предмете — это специально построенные классификации, или типологии, концептуальные или математические модели, гипотезы и теории, статистические данные.

В социологии применяются *частнонаучные методы* (например, наблюдение, опрос) и *общенаучные* (например, статистические). Методы в социологии — это средства получения и систематизации научного знания о социальной реальности. Они включают в себя принципы организации познавательной (исследовательской) деятельности; регулятивные нормы или правила; совокупность приемов и способов действия; порядок (схему или план) действий.

Приемы и способы исследования выстраиваются в определенной последовательности на основе регулятивных принципов. Последовательность приемов и способов действий называется процедурой. Процедура является неотъемлемой частью любого метода.

Методика — это реализация метода в целом, а следовательно, и его процедуры. Она означает привязку одного или комбинации нескольких методов и соответствующих процедур к исследованию, его концептуальному аппарату; выбор или разработку методического инструментария (совокупности методов), методической стратегии (последовательности применения методов и соответствующих процедур). Методический ин-

струментарий, методическая стратегия или просто методика могут быть оригинальными (неповторимыми), применимыми только в одном исследовании, или стандартными (типовыми), применимыми во многих исследованиях.

В разных исследованиях один и тот же метод специфически преломляется в зависимости от его места и роли в исследовании, от связи с другими методами

Методика включает в себя технику. *Техника* — это реализация метода на уровне простейших операций, доведенных до совершенства. Она может представлять собой совокупность и последовательность приемов работы с объектом исследования (техника сбора данных), с данными исследования (техника обработки данных), с инструментами исследования (техника составления анкеты).

Уровни и функции знания. В зависимости от уровня знания социологические исследования делят на *теоретические* и *эмпирические*.

Проблема соотношения теоретического и эмпирического в научном познании включает в себя два аспекта: функциональный и генетический. Первый касается соотношения развитого теоретического аппарата науки и ее эмпирического базиса. Рассмотрение вопроса в таком аспекте предполагает нахождение связующих звеньев между аппаратом теории и данными наблюдения и эксперимента, выявление способов эмпирической проверки теоретических положений и т. д. Это возможно лишь при условии, что уже сформировался теоретический уровень научного знания и речь идет об обосновании его соотношения с эмпирическим уровнем. При этом «обратная связь» теории с эмпирией становится важнейшим движущим фактором дальнейшего совершенствования и развития самого теоретического аппарата науки. Теоретический уровень науки выступает здесь как элемент ее сложившейся, хотя и изменяющейся, развивающейся структуры. Второй — генетический — аспект проблемы соотношения теоретического и эмпирического знания в науке касается формирования теоретического аппарата, в том числе научной теории, перехода от эмпирической стадии науки к ее теоретической стадии.

Социологическое знание, независимо от его уровня, характеризуется двумя функциями: *функцией объяснения* социальной действительности и *функцией ее преобразования*. Деление соци-

ологии на «теоретическую» и «эмпирическую» связано с уровнями знания (теоретическое и эмпирическое) в социологии, деление же социологии на «фундаментальную» и «прикладную» — с ориентацией (функцией) социологии на собственно научные или практические задачи. Так, эмпирическое исследование может проводиться в рамках как фундаментальной, так и прикладной социологии. Если его цель — построение теории, то оно относится к фундаментальной (по ориентации) социологии. Если его цель — выработка практических рекомендаций, то оно относится к прикладной социологии. Исследование, будучи эмпирическим по уровню получаемого знания, может быть прикладным по характеру решаемой задачи — преобразование действительности. То же относится и к теоретическим исследованиям (по уровню знания). Таким образом, прикладные исследования не образуют особого уровня. Это те же теоретические и эмпирические исследования (по уровню знания), но с прикладной ориентацией.

Эмпирические социологические исследования по своей организационной структуре и характеру решаемых исследовательских задач отличаются от традиционной теоретической исследовательской деятельности. Включая в себя элементы теоретического знания, необходимые для предварительного анализа изучаемого социального объекта и обобщения полученных результатов, эмпирическое социологическое исследование требует от ученого умения решать множество организационных проблем, предполагает профессиональное владение специфическими исследовательскими приемами и навыками получения первичной социологической информации (проведение опросов, интервью), математическими методами ее обработки и анализа. Поэтому грамотное проведение социологического исследования не только предполагает овладение социологом специфической суммой знаний и навыков, но и требует большого профессионального опыта. В настоящее время внутри самой социологической исследовательской деятельности происходит определенная дифференциация исполнительских функций (методологи, методисты, математики и др.), что обусловлено сложностью и уникальностью различных этапов социологического исследования.

По характеру получаемого знания исследования делят на *методологические* (знание о знании) и *неметодологические* (знание

о предмете). Результатом методологического исследования являются методологические знания, т. е. знания не о предмете социологии, а о средствах исследования этого предмета (методы, процедуры). Заметим, кстати, что фактически методологические исследования являются метатеоретическими, следовательно, могут быть отнесены к сфере метасоциологии.

Методологические исследования относятся к любому уровню знания и проводятся в рамках как фундаментальной, так и прикладной социологии.

В социологии имеют место не только научные или прикладные исследования, но и смешанные, в которых решаются и научные, и практические задачи. Независимо от того, проводится исследование на одном или двух (теоретическом и эмпирическом) уровнях знания, является ли только научным или прикладным, оно, как правило, включает в себя решение методологических вопросов.

В общем случае социологическое исследование состоит из трех стадий, каждая из которых может представлять собой самостоятельное исследование. *Первая стадия* — собственно методологическая — связана с разработкой программы исследования на основе либо уже имеющихся знаний и методов, либо формируемых заново, специально предназначенных для данного исследования. Здесь могут решаться вопросы, касающиеся применения общенаучных принципов или методов. Как теоретические, так и эмпирические знания выполняют на этой стадии методологическую функцию. *Вторая стадия* — эмпирическая — связана с получением эмпирического знания. Это прежде всего полевое исследование, работа на объекте, сбор социологической информации, ее обработка и анализ. В результате могут быть получены эмпирические знания (статистические данные, классификации), позволяющие на их основе не только строить теоретическое знание, но и формулировать практические рекомендации. *Третья стадия* — теоретическая — связана с получением теоретического знания, построением, например, типологии, формированием и развитием социологических теорий. Возможно, что практические рекомендации могут быть даны лишь на этой стадии, а не на предыдущей. Возможно также, что для формулировки практических рекомендаций достаточно одного лишь теоретического исследования с использованием уже имеющихся эмпирических знаний, без проведения специального эмпирического исследования.

Следует различать социологические и социальные исследования. Социологические исследования посвящены изучению законов и закономерностей функционирования и развития различных социальных общностей, характера и способов взаимодействия людей, их совместной деятельности. Социальные исследования, в отличие от социологических, наряду с формами проявления и механизмами действия социальных законов и закономерностей предполагают изучение конкретных форм и условий социального взаимодействия людей: экономических, политических, демографических и др., т. е. наряду со специфическим предметом (экономикой, политикой, населением) изучают социальный аспект — взаимодействие людей. Таким образом, социальные исследования являются комплексными, проводятся на стыке наук, т. е. это социально-экономические, социально-политические, социально-психологические исследования.

Структура социологического знания может быть представлена следующим образом.

1. МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Уровни методологии

1. Общенаучная (относится к социологии в целом).
2. Частнонаучная (относится к отдельным разделам социологии).

Разделы методологии

1. Мировоззренческие и методологические принципы.
2. Учение о предмете социологии.
3. Знание о методах.
4. Знание о социологическом знании.
5. Знание о процессе социологического исследования.
6. История социологии и др.

2. ЗНАНИЕ О ПРЕДМЕТЕ

Уровни знания

1. Теоретическое знание: социологические теории, гипотезы, типологии и другие формы теоретического знания.
2. Эмпирическое знание: статистические данные, факты, классификации и другие формы эмпирического знания.

3. МЕТОДЫ

По масштабу применения

1. Общенаучные (например, математические методы).
2. Частнонаучные (например, методы опроса).

По уровню знания

1. Теоретические (аксиоматический метод, гипотетико-дедуктивный метод и др.).
2. Эмпирические (наблюдение, анализ документов и др.).

По этапам исследования

1. Методы сбора.
2. Методы обработки.
3. Методы анализа.

4. ИССЛЕДОВАНИЯ (типы и уровни исследования)

По характеру знания

1. Методологические.
2. Неметодологические.

По уровню знания

1. Теоретические.
2. Эмпирические.

По ориентации исследования

1. Фундаментальные.
2. Прикладные.

По предмету исследования

1. Социологические.
2. Комплексные (социально-экономические, социально-политические, социально-психологические и др.).

Стадии исследования

1. Методологическая.
2. Эмпирическая.
3. Теоретическая.

Направления исследований (по предмету и объекту исследования)

1. Социальные группы.
2. Социальные институты.
3. Социальные организации.
4. Социология труда.
5. Социология образования и т. д.

§ 4. Типы социологических теорий

В методологической литературе теории и методы, категории и понятия, не являющиеся философскими, называют специально-научными¹.

Следует отметить, что различение философского и нефилософского знаний и соответствующих теорий не означает их абсолютного противопоставления, в известном смысле оно относительно. Область философского знания расширяется в соответствии с общим ростом специально-научного знания, которое вовсе не исключает философского осмысления. Философия в своих исследованиях опирается на специально-научные знания, последние, в свою очередь, имеют в философии свое мировоззренческое и методологическое основание.

Что касается социологических теорий, то возможны несколько оснований деления их на различные типы.

Общие, специальные и отраслевые теории. Прежде всего следует выделять *общие социологические теории*, претендующие на описание и объяснение жизни общества в целом. В социологии, как и в других науках, например в физике, биологии, психологии, существует множество конкурирующих между со-

¹ См. Философия, методология, наука. М., 1972 С. 7—44; Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983 С. 32, 138.

бой общих теорий. Это — теория общественных формаций К. Маркса; теория социального действия М. Вебера; структурно-функциональная теория Т. Парсонса; теория обмена П. Блау; теория «многомерной социологии» Дж. Александера и др. По своему статусу они близки к той или иной социологической парадигме.

Далее следует выделять *специальные социологические теории*, изучающие социальные законы и закономерности функционирования и развития социальных общностей, т. е. то, что образует непосредственно предмет социологии и связано с категориями «социальное», «социальные отношения», «социальное взаимодействие», «социальная сфера».

Дополняющие их теории формируются на стыке социологии с другими науками — экономикой, политологией, этнографией, науковедением и др. Их называют *отраслевыми*. Эти теории изучают формы проявлений и механизмы действия социальных законов и закономерностей в различных сферах жизни общества. Их объектом, в отличие от общих теорий, являются не общество в целом, а отдельные его «части»: экономика, политика, право и т. д. Они опосредуют связь социологии с другими науками.

Основой их различения служит объект исследования, что и отражается в названии той социологической дисциплины, к которой они относятся: «экономическая социология», «политическая социология», «правовая социология». Эти теории изучают различные сферы общественной жизни с точки зрения существующих в них социальных отношений, используя специфические социологические категории: социальная группа, социальный институт, социальная организация и др. Термин «социология» в названии указанных дисциплин отражает особый подход к соответствующим сферам жизни общества, обусловленный предметом и методом социологии.

Специальные социологические теории характеризуются более высоким уровнем абстракции, чем отраслевые, и позволяют рассмотреть один и тот же объект, ту или иную социальную общность под определенным углом зрения, выделить тот или иной интересующий социолога «срез» изучаемого объекта, его «уровень», «сторону».

Специальные социологические теории, опосредуя связь общих и отраслевых теорий, образуют концептуальное ядро социологического знания. Во-первых, в них фактически разрабатываются собственно социологические категории, образующие свособразную матрицу категориально-понятийного аппарата социологии. Во-вторых, как следствие этого, в специальных теориях формируется предмет социологии, имеющий не менее сложную структуру, чем предмет таких наук, как физика, биология, экономика и др. Наконец, в-третьих, как следствие двух предыдущих пунктов, в них отражается специфика социологического знания как особого типа знания, несводимого ни к какому другому. В связи с этим специальные социологические теории (аналогично категориально-понятийному аппарату) связывают в единое целое все отрасли социологического знания, независимо от его объекта, функции и уровня, а отношения между общей, специальной и отраслевой теориями строятся по типу обратной связи.

Любая отраслевая теория использует концептуальный аппарат специальных социологических теорий и может описывать свой объект как группу, деятельность или институт. Например, сферу быта можно изучать либо как совокупность различных видов деятельности, либо как совокупность различных людей — носителей соответствующих видов деятельности, либо как совокупность различных институтов, организующих соответствующие виды деятельности. Такое «одностороннее» описание объекта условно, представляется определенной абстракцией, однако оно не только допустимо, но и необходимо в науке, так как служит одним из средств научного исследования и предпосылкой многостороннего описания изучаемого объекта в качестве единого целого. В социологии семьи, например, последняя рассматривается как малая социальная группа, характеризующаяся своей особой структурой статусов и ролей (групповой подход); определенным набором видов деятельности (деятельностный подход) и специфической совокупностью норм и ценностей, регулирующей (организующей) ее функционирование и развитие (институциональный подход).

Деление теорий на общие и отраслевые дает возможность выявить различие между общей и отраслевой социологией либо по объекту («общество в целом» и его «части»), либо по типу теорий — общие служат основанием для формирования

социологической парадигмы (впрочем, как и специальные — опосредованно через них), а отраслевые образуют пограничный пояс на стыке социологии с другими науками. К понятию общей социологии приложимы характеристики социологии фундаментальной и теоретической, хотя отраслевая социология, разумеется, не исключает научной ориентации и теоретического уровня, но чаще всего имеет эмпирический и прикладной характер. Таким образом, структура социологического знания представляется многомерной и может быть описана в трех измерениях: по объекту знания (общая и отраслевая социология), по функции знания (фундаментальная и прикладная), по уровню знания (теоретическая и эмпирическая).

Особый слой теоретического социологического знания образуют такие теории, как теория социального развития, теория социальных систем, теория социального детерминизма и др. Основанием деления таких теорий служит ряд общенаучных категорий: «развитие», «система», «детерминизм» и др., т. е. таких, которые применимы не только в обществоведении, но и в естествознании и по уровню абстракции приближаются к философским категориям «материя», «сознание» и др. Эти теории могут претендовать на статус общих.

Фундаментальные и прикладные теории. Можно также различать социологические теории по их преимущественной ориентации: фундаментальные и прикладные. Первые ориентированы на решение научных проблем, связаны с формированием социологического знания, концептуального аппарата социологии, методов социологического исследования. Они отвечают на два вопроса: что познается? (объект) и как познается? (метод), т. е. связаны с решением познавательных задач. Вторые ориентированы на решение актуальных социальных проблем, связаны с преобразованием изучаемого объекта и отвечают на вопрос: для чего познается?¹ Теории здесь различаются не по объекту или методу, а по той цели, которую ставит себе социолог, решает он познавательные задачи или практические.

Задача прикладных теорий — поиск средств для достижения намечаемых обществом практических целей, т. е. их задача — найти пути и способы использования познанных фунда-

¹ См. Взаимодействие наук: Теоретические и практические аспекты М., 1984 С. 207

ментальными теориями законов и закономерностей. Прикладные теории непосредственно касаются определенных практических отраслей человеческой деятельности и прямо отвечают на вопрос: для чего? -- для социального развития, совершенствования социальных отношений и т. д. Прикладной (практический) характер социологических теорий определяется тем вкладом, который они вносят в теории, прямо связанные с решением задач социального развития.

Признак «фундаментальности» не совпадает с признаком «теоретичности», и наоборот, хотя второй термин часто употребляется как синоним первого: теоретическая физика, теоретическая психология, теоретическая биология. Здесь «теоретический» означает не только теоретический уровень научного знания в отличие от эмпирического, но и его теоретическую, фундаментальную направленность в отличие от практической, прикладной.

Теоретическое знание в качестве фундаментального выступает в сопоставлении с прикладным, а не эмпирическим знанием и не исключает практической направленности. Такие характеристики, как «практический аспект», «прикладная функция», вполне приложимы к теоретическому уровню знания. Его антитезой является не прикладное знание, а эмпирическое.

Таким образом, деление теорий по ориентации на фундаментальные и прикладные достаточно условно, поскольку любая из них прямо или косвенно вносит определенный вклад в решение и научных, и практических задач. В строгом смысле следует говорить лишь о преимущественной ориентации той или иной теории: научной, фундаментальной или практической, прикладной, что и дает основание для ее отнесения в ту или иную категорию. То же относится и к эмпирическим социологическим исследованиям: они могут быть ориентированы на решение научных проблем, например на формирование специальной социологической теории, или практических, связанных, например, с совершенствованием социальной структуры общества. Фактически эти два аспекта социологического знания неразрывно связаны между собой и, будучи отнесенными к социологии в целом, в конечном счете образуют две из ее функций: познавательную и практическую.

Итак, термины «*фундаментальный*» и «*прикладной*» обозначают аспект, направленность социологического знания в целом и не тождественны терминам «теоретический» и «эмпи-

рический», обозначающим его уровни. В первом случае основанием деления является целевая установка, во втором — уровень абстракции.

Здесь следует отметить одно существенное обстоятельство. Деление социологических теорий на уровни и типы по различным основаниям (по объекту, уровню абстракции, социологической категории, подходу, методу, целевой установке и др.), т. е. построение их типологии, а в конечном счете их обоснованной иерархии, так или иначе отражает сложную структуру предмета социологии, способ его изображения, деления на «уровни», «стороны», «аспекты», «сферы». Говоря иначе, вопросы структуры предмета социологии и социологического знания тесно связаны между собой, а это, в свою очередь, означает, что адекватное изображение предмета социологии требует постоянного совершенствования и развития методологических концепций, связанных с описанием структуры отображающего его знания.

Другие типы теорий. Различия между динамическими и стохастическими (от греч. *stochasis* — догадка) теориями состоят в характере тех законов и процессов, которые лежат в их основе. *Динамические теории* характеризуют поведение системы или объекта строго однозначно. В основе стохастических теорий лежат статистические законы. Эти теории описывают или объясняют поведение системы или объекта с определенной степенью вероятности. *Стохастическое* (или статистическое) *объяснение* раскрывает содержание системы (объекта) в виде определенных статистических зависимостей, которые выступают в качестве форм проявления закономерностей, детерминирующих поведение данной системы (объекта). Этот вид объяснения всегда включает в себя большую или меньшую степень вероятности. Это во-первых. И, во-вторых, стохастическое объяснение во многом зависит от теоретического анализа изучаемого объекта. Иначе статистическое объяснение будет оторвано от общих тенденций в развитии и функционировании данного объекта, от того механизма, который описывается в статистических зависимостях.

Теории, описывающие изменения структуры изучаемого объекта, относятся к разряду *теорий развития*, а теории, описывающие факторы стабилизации его структуры, составляют класс *теорий функционирования*.

Приложение

Социология в России: наукометрический анализ структуры социологического знания

В конце 80-х — начале 90-х гг. в рамках исследовательского проекта «Тенденции изменения социологической парадигмы после 1985 года» был проведен анализ тех перемен, которые произошли в структуре социологического знания в те же годы. С этой целью была разработана специальная методика, позволяющая использовать базы данных, имеющиеся в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН).

Концептуальная модель изучения динамики науки основывалась на понятии парадигмы, сформулированном в работах американских историков и социологов науки Р. Мертоном и Т. Куном. С точки зрения их концепций, в парадигме отражаются изменения в содержании научного знания, и тем самым она может служить показателем этих изменений в науке в каждый данный период. Наблюдая же за изменениями в содержании парадигмы за определенные периоды, можно решать проблемы измерения динамики научного знания.

Такого рода измерение может быть осуществлено путем наблюдения за изменениями, происходящими в языке научных сообщений, основным видом которых являются публикации. Языковой материал, процесс его изменения, т. е. увеличение одних и уменьшение других лексических единиц: ключевых слов, терминов, дескрипторов и т. п., можно рассматривать как исторически развивающийся язык науки, с определенной мерой адекватности отражающий ее состояние в каждый данный период. Этот материал есть своеобразный лексический образ научной парадигмы, анализ изменения которой (а стало быть, и изменения в содержании изучаемой науки) может быть осуществлен на основе подсчета встречаемости терминов в разные периоды. Наличие же словарей нормализованной научной лексики по разным научным направлениям делает возможным такого рода анализы.

В ИНИОН сформированы автоматизированные базы данных, содержащие аннотированную библиографию книг, созданы списки нормализованной лексики (СНЛ), на базе которых

возможна количественная обработка материала, а следовательно, и его качественный анализ.

В качестве этапов реализации исследовательской программы выступали: выбор эмпирической базы исследования, разработка соответствующих методических средств, формирование временных баз для составления выборочных частотных словарей и, наконец, анализ полученных данных.

Анализ изменений в отдельных областях социологии и социологии в целом следует начинать с конструирования рабочей схемы — основы рубрикатора социологического знания.

Представленная конструкция исходит из довольно простых соображений. Все знание делится на три больших области: знание о социологии, знание о предмете социологии и пограничные области исследования. В связи с этим предложено разбить социологическое знание на следующие разделы.

1. Социология как наука: 1.1. Общая характеристика; 1.2. Общенаучные понятия, принципы, подходы и методы в социологии; 1.3. Методология социологических исследований; 1.4. Методы и методики социологического исследования; 1.5. Математика и статистика в социологии.

2. Общесоциологические категории («социальная система», «социальное развитие», «социальные отношения»).

3. Социальная структура и социальные процессы: 3.1. Социальная организация и социальные институты; 3.2. Социальная стратификация (большие и малые социальные группы, профессиональные группы, демографические группы); 3.3. Социальное управление.

4. Отрасли социологии (экономическая социология, политическая социология, социология коммуникаций).

5. Междисциплинарные исследования (экономика, право, политика).

В этой схеме разделы 1 и 4 представляют знание о социологии, 2 и 3 — знание о предмете социологии, 5 — пограничные области исследования.

Общесоциологическая парадигма формируется в разделе 1, частносоциологические — в 4. Принципы и подходы (входящие в 1.2), направления и школы (входящие в 1.1) представляют собой собственно парадигму (или парадигму в узком смысле) и тесно связаны с общенаучными понятиями и методами. В некотором смысле они образуют пограничную область, формирую-

щуюся под влиянием гносеологических и онтологических концепций, разработанных в логике и методологии науки и часто неточно обозначаемых как «философские». Подобные концепции, лежащие за пределами социологического знания и оказывающие влияние на его парадигму, являются специфическими «парадигмальными основаниями». Область, тесно связанную с парадигмой, образуют методы, процедуры, методики и техники, в которых явно или неявно реализуются принципы и подходы научного исследования (1.3, 1.4, 1.5). Поскольку между ними невозможно провести жесткую границу (да в этом и нет необходимости), то парадигма в широком смысле, или «парадигмальный комплекс», определяется как совокупность принципов, подходов, методов и методик.

Раздел 2 является введением к более подробному описанию предмета социологии, предложенному в разделе 3, и дает картину общества в целом без структурирования его в соответствии с принятыми подходами. Смысл термина «социальное» в разделе 2 фактически определяется тем, как понимается (структурируется) предмет социологии в разделе 3.

Раздел 3 отражает предмет социологии, представленный социальной структурой и социальными процессами. Конечно, предмет можно сформировать по-разному, в зависимости от того, какие подходы приняты при его описании (структурно-функциональный, ценностно-нормативный и т. д.). Выбрано три: институциональный, стратификационный и «кибернетический» (название условное). Первые два традиционно считаются социологическими, а третий — прикладным (он напрямую связан с социальной практикой).

В разделе 4 дано обычное традиционное представление о социологии как совокупности различных отраслей, выделяемых по объекту исследования (политика, право, семья и т. п.). Здесь не существует жестких границ, поскольку объектом (но не предметом) социологии фактически может быть что угодно, если оно представляет действительно научный или практический интерес. Поэтому в каждой из этих отраслей реализуется знание раздела 1 (принципы и методы социологии в целом) и разделов 2, 3 (предмет социологии), а также формируется свое собственное знание.

Раздел 5 включает в себя пограничные с социологией области знания, объекты которых совпадают с объектом социологии, но предмет исследования они строят свой собственный.

Такова общая схема социологического знания, которая представляет собой его теоретическую (концептуальную) модель. Дальнейшая задача заключалась в наполнении перечисленных выше разделов соответствующей терминологией, репрезентативной как для содержания самих разделов, так и для возможной оценки тех изменений, которые наступили в парадигме социологии.

Документальной базой для решения поставленной задачи послужил СНЛ по философии и социологии, разработанный в ИНИОН (с учетом замечаний отечественных и зарубежных специалистов) и предназначенный для индексирования литературы, поступающей в Автоматизированную информационную систему по общественным наукам.

Указанный СНЛ был взят за основу процедуры для перевода теоретической (концептуальной) модели парадигмы в эмпирическую (операциональную), состоящую из множества списков, на основе которых проводился сравнительный анализ изменения парадигмы в различные отрезки времени. На базе каждого тематического раздела (подраздела) разрабатывались выборочные частотные словари терминов.

Отбор терминов для этих словарей из общего списка СНЛ проводился с помощью экспертов, специализирующихся в разных областях социологического знания. Затем отобранные списки понятий-слов, наиболее характерных и употребительных в каждом из обозначенных разделов социологии, путем подсчета на ЭВМ частоты их встречаемости были превращены в частотные словари. Следует подчеркнуть, что для динамических сопоставлений использования тех или иных терминов не годятся величины абсолютных частот — следует пользоваться процентом встречаемости, т. е. долей употребления отдельных терминов в общем количестве словоупотреблений за соответствующий период.

До сих пор метод, основанный на анализе частоты встречаемости терминов нормализованной научной лексики, использовался для оценки развития отдельных научных направлений, в основном естественно-технических. Было установлено, что по мере развития какого-либо направления увеличивается встречаемость характеризующих его терминов. Если же количество работ, посвященных тому или иному направлению, падает, то это определенным образом сказывается и на присущей ему терминологии — число терминов уменьшается. Устойчи-

вым научным направлениям присуща также устойчивость характеризующей их терминологии, статистически за ними закрепленной.

В общественных науках, в частности социологии, такого рода процессы не столь однозначны. Здесь к динамике отдельных терминов (или групп терминов) следует подходить более внимательно, ибо наряду с элементами стихийного, естественного развития существуют нормативно заданный так называемый социальный заказ и идеологическая ситуация, которая прямо или косвенно влияет на выбор тем и число занимающихся ими ученых-обществоведов, а стало быть и на количество публикаций, численность характеризующих эти темы понятий.

Анализ полученных данных позволил зафиксировать следующие изменения, произошедшие в социологической парадигме с конца 80-х и до начала 90-х гг.

1. Переход от социально-философской тематики (исторический материализм) к собственно социологической, формированию социологического знания, несводимого к социально-философскому.

2. Перенос центра тяжести с изучения чисто методологических (инструментальных, операциональных) проблем на изучение концептуальных (смысловых) и ценностных (этических).

3. Поворот от общих, абстрактных проблем к более частным, конкретным. Более реалистический взгляд на положение дел в обществе.

4. Переход от изучения социальной статистики к изучению социальной динамики.

5. Переход от преимущественного изучения объективных факторов общественного развития к преимущественному изучению факторов субъективных. Поворот социологии лицом к человеку

6. Значительное ослабление критической направленности в отношении зарубежной немарксистской социологии.

7. И, наконец, частичный отказ от «научного» обслуживания господствующей государственной идеологии.

В 1993—1994 гг. в рамках данного проекта было проведено еще одно исследование, ставшее важной частью изучения развития отечественной социологии. Была поставлена задача сравнить парадигмы и структуры знаний в российской и западной социологии за период с 1987 по 1992 г., выявить их сходства и

различия; показать зависимость научного (социологического) сознания от внес научного (общественного); сравнить общественное сознание, а также менталитет российского и западного обществ (культур).

Это исследование основано на следующих предпосылках.

1. Мышление, а следовательно, сознание, имеет категориальную структуру и тем самым может быть представлено системой или набором категорий, зафиксированных в национальном языке.

2. Национальный (или культурный) менталитет, как и общественное (национальное) сознание, отражается в научном сознании (сознание научного сообщества), а последнее представлено в научной литературе.

3. В качестве объекта для сравнения была избрана литература на английском языке, ибо: а) она составляет почти половину (49,7%) всей иностранной литературы по философии и социологии, поступившей в ИНИОН (данные до 1992 г.); б) парадигма и национальный менталитет на базе немецкоязычной литературы (15,5% от общего числа иностранных публикаций) трудно определяется в связи с существованием в исследуемый период как ФРГ, так и ГДР, а литературы на французском языке — всего 7%.

4. Категориальная структура мышления (сознания) позволяет использовать систему или набор категорий в качестве «инструмента» для изучения состояния и тенденций национального (или культурного) менталитета.

На базе указанных предпосылок строилась концептуальная модель исследования, состоящая из описания четырех основных разделов («общественное сознание», «социологическая парадигма», «общая социология» и «отраслевая социология»), и производилась их последующая операционализация путем составления терминологических таблиц.

Операциональная модель представляла собой набор (совокупность) взятых из СНЛ категорий-терминов, характеризующих: 1) сферы, основные характеристики и ценности общественного сознания; 2) элементы социологической парадигмы; 3) элементы общей и 4) отраслевой социологии. Дихотомия «общая—отраслевая» выбрана потому, что здесь проще зафикс-

сировать терминологическое различие, чем в двух других: «теоретическо-эмпирической» и «фундаментально-прикладной».

На основе анализа данных были получены следующие результаты.

Российское сознание характеризуется преобладанием духовных ценностей. Оно имеет профетический (пророческий) характер, связанный с устремленностью в будущее. Российское сознание целостно-гуманитарно (явно преобладает проблема личности), западное — прагматически-рационалистично (преобладает тематика здравого смысла). Российское сознание является более историческим и эстетическим (художественным), западное — теологическим и этическим. Западное сознание озабочено проблемами социального устройства, российское — более идеологизировано и политизировано. В российском менталитете явно преобладает проблема творчества.

В западной социологии преобладают проблемы свободы и равенства, в российской — проблемы творчества. Социология отражает устроительный (умеренный) характер западного менталитета в отличие от преобразовательного (радикального) характера российского. Российскую социологию характеризует фундаментальность (теоретичность) знания, западную — формализация (категоризация) знания.

В российском социальном знании преобладает социальная философия, в западном — социальная теория. Российская социология характеризуется явным доминированием исторического подхода, а западная — подхода стратификационного. В российской социологии преобладает теория деятельности, в западной — теория действия. Западную социологию характеризует организационная проблематика, российскую — управленческая.

Вопросы для закрепления материала

1. Что такое парадигма?
2. Какие парадигмы существуют в социологии?
3. Чем отличается предмет социологии от ее объекта?
4. Является ли общество предметом социологии?
5. Что означает термин «социальное»?
6. Каковы основания деления уровней и функций знания?

Литература для дополнительного чтения

- Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Основы прикладной социологии: Учебник для вузов. Т. 1—2. М., 1995.
- Кабыща А. В., Тульчинский М. Р.* Парадигма отечественной социологии в зеркале нормализованной лексики ИНИОН // Социологические исследования. 1991. № 9.
- Косарева Л. М.* Предмет науки. М., 1977.
- Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.
- Ньюмен Л.* Значение методологии: Три основных подхода // Социологические исследования. 1998. № 3.
- Осипов Г. В.* Социология и социализм. М., 1990.
- Рузавин Г. И.* Научная теория. М., 1978.
- Современная западная социология науки. М., 1988.
- Сорокин П. А.* Социология № 1: Структурная социология // *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Тернер Дж.* Структура социологической теории. М., 1985.
- Швырев В. С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.
- Шедровицкий Г. П.* Синтез знаний: Проблемы и методы // На пути к теории научного знания. М., 1984. С 67—109.
- Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования. М., 1998.
- Gibbs J.* Sociological Theory Construction. N. Y., 1972.
- Kinloch G. G.* Sociological Theory. Its Development and Major Paradigms. N. Y., 1977.
- Ritzer G.* Toward an Integrated Sociological Paradigm. Boston, 1981.
- Ritzer G.* Sociological Theory. N. Y., 1988.
- Willer D.* Scientific Sociology Theory and Method. N. Y., 1969.

Раздел второй

ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Глава 3

ОБЩЕСТВО

§ 1. Взаимодействие природы и общества

Дефиниции общества. Вся история социологической мысли — это история поисков научных подходов и методов построения теории общества, отражающей действительные реалии социальной жизни. Это история теоретических подъёмов и спадов. На различных ее этапах «теоретический оптимизм» сменялся «теоретическим пессимизмом», граничащим с отказом от возможности разработки общей теории общества вообще. Указанная история сопровождалась выработкой различных концептуальных подходов к категории «общество».

Существует, например, *«атомистическая» теория*, согласно которой общество понимается как совокупность действующих личностей или отношений между ними. «Все общество в конце концов, — считает Дж. Дэвис (иногда в русском переводе — Девис), — можно представить как легкую паутину межличностных чувств или установок. Каждый данный человек может быть представлен сидящим в центре сотканной им паутины, связанным прямо с немногими другими и косвенно — со всем миром»¹.

Крайним выражением этой концепции была теория Г. Зиммеля, который полагал, что «общество» вообще представляет собой взаимодействие индивидов. Взаимодействие всегда складывается вследствие определенных влечений или ради определенных целей. Эротические инстинкты, деловой интерес, религиозные импульсы, защита или нападение, игра или пред-

¹ Дэвис Д. Социология установки // Американская социология. М., 1972. С. 62

принимательство, стремление помочь, научиться, а также множество иных мотивов побуждают человека к деятельности для другого, с другим, против другого, к сочетанию и согласованию внутренних состояний, т. е. к оказыванию воздействий и, в свою очередь, их восприятию. Эти взаимные воздействия означают, что из индивидуальных носителей побудительных импульсов и целей образуется единство, «общество»¹.

В современной социологии эта концепция известна как «сетевая» теория (Network theory), основные принципы которой были сформулированы Р. Бертом².

Главный акцент эта теория делает на действующих индивидах, принимающих социально значимые решения изолированно друг от друга. Или в более общей форме: эта теория и ее разновидности в центр внимания в объяснительной концепции общества ставят личностные атрибуты действующих индивидов.

В теориях «социальных групп» (Social Group theory) общество интерпретировалось как совокупность различных пересекающихся групп людей, которые являются разновидностями одной доминирующей группы. В этом смысле, следуя концепции Ф. Знанецкого, можно говорить о народном обществе, что обозначает всевозможные группы и совокупности, существующие в пределах одного народа или католической общественности, подразумевая под этим всевозможные совокупности и группы, существующие в рамках католической церкви³.

Если в «атомистической», или «сетевой», концепции существенным компонентом в определении общества является тип отношений, то в «групповых» теориях — человеческие группы. Рассматривая общество как наиболее общую совокупность людей, авторы этой концепции по существу отождествляют понятие «общество» с понятием «человечество».

Существует группа дефиниций категории «общество», согласно которым оно представляет собой *систему социальных институтов и организаций*. Общество — большая совокупность людей, осуществляющих совместно социальную жизнь в пределах целого ряда институтов и организаций.

¹ См.. Зиммель Г. Общение: Пример чистой или формальной социологии // Социологические исследования 1984 № 2 С 170—171.

² См.: Burt R. Toward a Structural Theory of Action. N Y., 1982.

³ См. Znaniecki F. Social Actions N Y., 1936.

Согласно этой концепции, системное изложение которой дано в трудах Т. Боттомора «Structure and History» и С. Липсета «Social Structure and Social Change», опубликованных в сборнике «Approaches to the Study of Social Structure», Ed. P. Blau (N. Y., 1975), именно социальные институты и организации гарантируют устойчивость, постоянство отношений между людьми, устанавливают устойчивую структуру всевозможных форм коллективной жизни, и без них невозможно было бы обеспечение потребностей, гарантирование организованного процесса коллективной деятельности, регулирование конфликтов, развитие культуры и т. д. Определения этого рода можно было бы назвать «институциональными» или «организационными», поскольку в факте существования институтов и организаций они видят характерные черты общества. Без них общество не могло бы гарантировать свою дальнейшую эволюцию и саморазвитие. Такое понимание общества часто встречается в работах этнологов.

Э. Дюркгейм был одним из первых (после О. Конта) среди социологов, кто сделал попытку интерпретации общества как *sui generis* (нечто в своем роде, своеобразное). Полемизируя с Г. Спенсером и Ф. Тённисом, он утверждал, что современное общество, будучи основано на постоянно растущем разделении труда, не может быть понято как простое собрание воли изолированных индивидов, собрание договоров, основанных на личном интересе. Оно представляет собой органическое единство не меньше, чем предшествующие формы общества¹.

С каждым новым этапом в теоретическом осмыслении общества социологическая мысль обращалась к его пониманию как *sui generis*. Такое понимание является исходным, несмотря на существенные концептуальные различия основных социологических парадигм теоретического мышления.

Функциональная концепция трактует общество как группу человеческих существ, представляющую собой самообеспечивающуюся систему действия (a self-sufficient system of action)².

На основе различных концептуальных определений в социологии сложилась еще одна (*аналитическая*) *дефиниция* — общество как относительно самостоятельное или самообеспечи-

¹ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии М., 1991.

² См.: Aberle D. E. The Functional Prerequisites of Society // Systems, Change and Conflict / Ed. H. Demerach, B. Peterson N. Y., 1980.

вающееся население, характеризующееся «внутренней организацией, территориальностью, культурными различиями и естественным воспроизводством»¹.

В зависимости от того, какое содержание вкладывается в понятия «самообеспечение», «организация», «культура» и другие и какое место отводится этим понятиям в той или иной теории, эта дефиниция приобретает различный характер.

Социологические категории (более низкого порядка, чем категория «общество»), которые включаются представителями различных социологических школ как в аналитическую, так и концептуальную дефиниции общества, имеют существенное значение для понимания его природы и характера. Но общий недостаток названных выше определений понятия «общество» состоит, на наш взгляд, в том, что они отождествляют понятие «общество» с понятием «гражданское общество», опуская вопрос о той материальной основе, на которой возникает и развивается «гражданское общество».

Наконец, *согласно принятому нами теоретическому подходу*, общество понимается как определившаяся в процессе исторического развития человечества относительно устойчивая система социальных связей и отношений как больших, так и малых групп людей, поддерживаемая силой обычая, традиции, закона, социальных институтов и т. д. (гражданское общество), основывающаяся на определенном способе производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ.

Естественные и исторические условия жизнедеятельности общества. Существуют качественные различия в действии сил природы и общества. Если силы природы действуют стихийно, то человек сам творит свою историю. В отличие от законов природы законы истории прокладывают себе дорогу через разрозненные социальные действия людей, наделенных сознанием и волей. При этом каждый человек в своей деятельности руководствуется определенными целями, идеалами, ценностями и избирает конкретные средства для их достижения. Основой его целенаправленной деятельности является прежде всего стремление к удовлетворению материальных и духовных потребностей. Материальным средством удовлетворения потребностей человека служит общественное производство.

¹ Personality and Society / Ed. N. Smelser, D. Smelser. N. Y., 1964. P. 577.

Общественное производство представляет собой постоянный процесс взаимодействия людей с природой при помощи средств труда, приводимых в движение их коллективными усилиями на основе разделения и кооперации общественного труда. Это процесс, осуществляемый в исторически определенных формах экономических отношений, конечным результатом которого является создание материальных и духовных ценностей общества — необходимое условие и материальная форма жизнедеятельности общества. Ни одна нация не просуществовала бы и несколько недель, если бы она прекратила свою общественно-производственную деятельность.

Общественное производство возможно только при определенных естественных и исторических условиях. Естественными условиями общественного *производства* являются природные условия и население; историческими, т. е. созданными человеком, — средства труда (техника), употребление и совершенствование которых составляет специфическую характерную черту человеческой деятельности. При этом условия общественного производства могут выступать как всеобщее средство труда.

Географическая среда и экологический детерминизм. Необходимым условием и всеобщим средством труда, а также сырьевой основой общественного производства является географическая среда. Без сырьевых ресурсов, которые человек получает в процессе познания и использования бесконечного разнообразия свойств географической среды, никакое хозяйство — ни общественное, ни индивидуальное — не было бы возможно. Взаимодействуя с географической средой, человек не только оказывает воздействие на климат и почву, реки и моря, на растительный и животный мир, на рельеф местности, полезные ископаемые, атмосферу, космос, но и сам испытывает на себе их постоянное влияние. Если человек не считается с требованиями объективных законов экологии (природной среды), не учитывает возможного влияния своей общественно-производственной деятельности на географическую среду, нарушает экологическое равновесие, то все эти его «социальные» действия могут привести не только к непредсказуемым, но и к необратимым последствиям для человека и общества.

Социальные теории, придающие решающее значение в развитии общества искусственно измененной человеком географической среде, получили название концепций *экологического*

детерминизма. Экологический детерминизм в лице своих представителей (США: А. Хаит, О. Дункан и др.) утверждает, что определяющим фактором общественного развития является характер взаимодействия человека с естественной экологической средой. Экологический, экономический, политический и моральный порядок располагаются сторонниками экологического детерминизма в виде иерархии и как бы образуют своего рода пирамиду, основание которой составляет экологический порядок, а вершину — моральный порядок, или общество.

Экологический детерминизм — это не пустозвон на древе познания, а предупреждение о реальной угрозе, нависшей над человеком и обществом. Социальные экологи, т. е. ученые, изучающие закономерности взаимодействия естественно сложившейся и искусственно создаваемой среды, справедливо отмечают, что если вследствие волюнтаристских действий человека нарушается экологическое равновесие, то угроза экологического возмездия может обрушиться на общество и привести человечество к экологической катастрофе.

Народонаселение и демографический детерминизм. Наряду с экологическим фактором важнейшим условием жизнедеятельности общества является *народонаселение*. Рационально количественно регулируемое и гигиенически здоровое население — это важный фактор социального развития. Именно эти проблемы составляют предмет социальной демографии — науки, изучающей закономерности взаимодействия социальных и демографических процессов. Социальные теории, объявляющие численность и качество народонаселения важнейшей проблемой социального развития, обозначаются как «концепции демографического детерминизма».

Современные сторонники *демографического детерминизма* правомочно ставят вопрос о необходимости сбалансированного роста народонаселения и соответствующих материальных ресурсов, значительного улучшения качества народонаселения вследствие надлежащего социального и медицинского контроля. Иначе «демографический взрыв», сопровождаемый резким ухудшением качества народонаселения (необратимые психические и физические заболевания, возможность нарушения генетического кода человека под воздействием стихийно измененной экологии и пр.), может привести к таким же непредвиденным последствиям для общества, как и нарушение

экологического равновесия. (Подробнее о социологических проблемах демографии см. гл. 6.)

Технология и технологический детерминизм. На базе естественных складываются исторические условия жизнедеятельности общества.

Важнейшим из них является технология. Техника или средства труда, т. е. орудия и материальные условия труда, — это комплекс вещей, создаваемых человеком, которые он помещает между собой и предметом труда и которые служат ему проводником его воздействия на предмет.

Социальная роль техники состоит в том, что она опосредует взаимодействие природы и общества, природы и человека, является важнейшим элементом процесса труда. Процесс труда — это целесообразная деятельность человека для создания материальных и духовных ценностей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена между человеком и природой.

В непосредственный процесс труда в качестве его необходимого составного элемента включается и система научных знаний, овеществленная в виде технических и материальных средств труда.

Фетишизация роли и места техники и науки в современном социальном развитии является теоретической основой технологического детерминизма (У. Огборн, Л. Мэмформ, Л. Коттрелл и др.) и сциентизма (Д. Белл и др.). И первые, и вторые считают, что в наше время главными детерминантами социального развития выступают техника и наука.

Односторонне преувеличивая одно (хотя и наиболее существенное) из условий общественного производства — технику и технологию, сторонники технологического детерминизма в то же время обращают внимание на образовавшийся разрыв между прогрессом техники и современным моральным уровнем общества (*cultural lag*), следствием чего становится рост числа и усложнение конфликтов между личностью и обществом, обществом и природой¹.

Действительно, аморальное использование достижений современной техники как следствие погони за прибылью, незнание или игнорирование закономерности воздействия техники

¹ См. *Ogburn W Social Change* N Y, 1922

на естественные условия жизнедеятельности общества могут привести к катастрофическим последствиям. Техника, без учета ее возможного воздействия на социальные, экологические и демографические процессы, может превратиться в разрушительную для общества силу¹.

Экономика, экономические отношения и экономический детерминизм. Каковы бы ни были формы общественного производства, естественные и исторические условия жизнедеятельности общества всегда остаются его факторами. Но, будучи отделенными друг от друга, эти факторы (экологический, демографический и технологический) остаются факторами производства лишь в возможности.

Человеческий и технологический факторы в совокупности образуют производительные силы общества — вещественные элементы процесса труда, характеризующие отношение человека к природе. Отношения людей, касающиеся собственности, обмена и распределения продуктов производства, называются экономическими. Только в рамках этих отношений существует отношение людей к природе, имеет место производство.

Экономические отношения — это тот способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обмениваются между собой продукты (поскольку существует разделение труда).

Единство вещественных элементов труда и экономических отношений образует способ производства. Из данного способа производства вытекает, во-первых, определенная социально-классовая структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае — на опыте и без всякой мистификации и спекуляции — вскрыть связь общественной и политической структуры с производством. Таким образом, экономика (и в самой примитивной форме, и в форме современного производства) и соответствующие экономические отношения составляют своего рода материальный фундамент любого общества. Экономический же детерминизм основывается на абсолютизации роли экономического фактора в функционировании и развитии общества. Согласно этой концепции, политическая,

¹ О влиянии технологических факторов на социальные изменения и социальное развитие см. гл. 16—18.

идеологическая, моральная и другие сферы общества всецело зависят от экономического фактора, по существу лишены своей самостоятельности и способности воздействовать на ход истории. Экономический детерминизм возник в конце XIX в. в результате искаженного истолкования марксизма его вульгаризаторами и противниками.

§ 2. Социально-исторический детерминизм

Понятие социально-исторического детерминизма. Если подойти к обществу с позиции исследования закономерностей взаимодействия общества и человека, экономических и социальных факторов, то соответствующая теория может быть названа «теорией социально-исторического детерминизма», или «социально-исторической теорией общества».

Детерминизм означает, что все события, совершающиеся в мире, происходят при определенных условиях, что вне этих условий они произойти не могут. Исходный принцип детерминизма звучит так: все вещи и события окружающего мира находятся в самых различных связях и отношениях. Вследствие этого детерминизм не сводится только к причинно-следственным связям. Причинный детерминизм приводит к искаженному представлению о человеке как о пассивной игрушке, отданной во власть непреодолимых сил — или природы, или общества.

Согласно этой версии детерминизма, свобода в значительной степени иллюзорна, поскольку она понимается только как отрицательная величина, т. е. как отсутствие связей. Это «свобода от», а не «свобода для», активная и в конечном счете сознательно планируемая самодетерминация. Однако, как только принимается во внимание самодетерминация, как только люди начинают понимать, что ничто не является исключительным следствием внешних условий, какими бы важными они ни были, появляется элемент волюнтаризма. Свобода в этом случае рассматривается как положительная величина, т. е. как активное стремление достичь самодетерминации. Фатализм оказывается «лурным сном, ибо ничто не может рассматриваться как неизбежное следствие или прошлых явлений, направляющих события по определенным путям, или существу-

ющих причин, действующих *ab extrinseco*, вне досягаемости материальной и духовной деятельности человека»¹.

Помимо причинно-следственных связей есть и *другие формы детерминации* — связи случайные и необходимые, возможные и действительные, прямые и косвенные, связи функционирования и связи развития.

Социально-исторический детерминизм выражает специфику конкретно-исторического бытия общества. Общество представляет собой такую социальную целостность, которая существует, функционирует и развивается через посредство человека и его деятельности.

Как общество производит человека как человека, так и человек производит общество. В противоположность низшим животным он является продуктом своей собственной духовной и материальной деятельности. Человек — не только объект, но и субъект социального действия. Экономические, социальные, политические и идеологические отношения людей в каждом исторически определенном обществе существуют объективно, независимо от воли и сознания человека. Каждая данная система этих отношений определяет волю людей, которая, в свою очередь, направляется на создание новой системы общественных отношений. «Социология становится наукой лишь в той мере, в какой ей удастся понять возникновение целей у общественного человека (общественную «телеологию») как необходимое следствие общественного процесса, обусловливаемого в последнем счете ходом экономического развития»².

Социальная деятельность. В практической человеческой деятельности кроется сущность общественной жизни, в ней — пределы общественной жизни, ее имманентная граница.

Человек осуществляет свою деятельность через посредство исторически сложившихся типов и форм взаимодействия и отношений с другими людьми. Поэтому, в какой бы сфере общественной жизни его деятельность не осуществлялась, она всегда имеет не индивидуальный, а социальный характер.

Социальная деятельность — это совокупность социально значимых действий, осуществляемых субъектом (обществом, группой, личностью) в различных сферах и на различных

¹ Бунге М. Причинность. М., 1962. С. 225.

² Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1957. Т. 3. С. 193.

уровнях социальной организации общества, преследующих определенные социальные цели и интересы и использующих во имя их достижения различные средства — экономические, социальные, политические и идеологические.

Социально значимые действия имеют место тогда, когда личность, группа или общество ставят перед собой цели и активно участвуют в их реализации. Многообразие социальных действий можно свести к четырем основным группам: действия, связанные с изменением данной социальной системы или условий деятельности; действия, направленные на их стабилизацию; действия, преследующие цель адаптации к данной социальной системе и условиям деятельности, и интегративные действия, предполагающие включение личности, группы или какой-либо другой общности в более крупную социальную общность или систему.

История и социальные отношения людей не существуют и не могут существовать в отрыве от деятельности. Будучи основой социального бытия, практическая деятельность рождает новые общественные отношения, посредством которых люди приобретают свои социальные качества. Она есть объективно необходимое условие воспроизводства, сохранения и развития социально-экономической системы.

С одной стороны, деятельность осуществляется по объективным, независимым от воли и сознания людей законам и закономерностям, а с другой стороны, в ее реализации участвуют люди, избирающие в соответствии со своим социальным положением, знаниями и способностями различные пути и способы ее осуществления.

Деятельность характеризует *активность субъекта*. Ее элементами являются: 1) предметность, обусловленная результатами прошлой деятельности, накопленным опытом и знаниями; 2) целесообразность; 3) преобразование объекта, на который она направлена, или 4) созидание нового, ранее неизвестного объекта.

Любая деятельность включает четыре взаимосвязанные подсистемы: объективно-предпосылочную (потребности и интересы); субъективно-регулятивную (диспозиции); исполнительскую (совокупность поступков, совершаемых во имя реализации поставленной цели); объективно-результативную (результаты деятельности).

Две формы социально-исторического детерминизма. Социальная детерминированность деятельности и поведения людей может быть двоякого рода.

Во-первых, это строгая детерминация одного социального явления другим, например, детерминация экономических отношений производительными силами, структуры гражданского общества — экономическими отношениями и т. д. Конечно, реализация названных закономерностей социально-экономического развития общества осуществляется посредством деятельности людей. Однако здесь на первый план выдвигается детерминированность, связанная с принципом причинности и соответственно с причинными динамическими законами, определяющими переход от одного его состояния к другому.

Во-вторых, понятие детерминизма относится к характеристике некоторых свойств или качеств, присущих не отдельному объекту, а классу объектов в целом. Причем содержание и характер поведения данного класса объектов рассматриваются не как случайные, а как детерминированные определенной системой условий, свойств и качеств, включенных в эту систему объектов. Так, в качестве каузального фактора и источника развития могут выступать системные качества данного класса объектов, их организация, структура и т. д.

Содержание и характер поведения данного класса объектов, в свою очередь, зависят и от внешних по отношению к нему объективных и субъективных факторов и их различных сочетаний в конкретных условиях. То есть речь идет о вероятностном характере социального детерминизма и о статистических (стохастических) закономерностях, свойственных данному классу объектов, поведение которых осуществляется в конкретных условиях места и времени. Социальный детерминизм дает вероятностное знание о том, что конкретное поведение данного класса объектов зависит от их свойств и качеств, а также от условий, в пределах которых это поведение имеет место.

Главная особенность социально-исторического детерминизма состоит в том, что его объектом является деятельность людей, которые в то же время выступают субъектом деятельности. Таким образом, социальные законы, будь то законы динамические или статистические, — это законы практической деятельности людей, образующих общество, законы их собственных социальных действий.

§ 3. Общество как социетальная система

Структура социетальной системы. В качестве социетальной системы общество обладает свойством самовоспроизводства, которое осуществляется посредством ряда необходимых дифференцированных функций. Эти функции, с одной стороны, являются следствием механического разделения общественного труда, а с другой стороны, дополняя друг друга, взаимодействуя друг с другом, придают функционированию и развитию общества характер особого социального организма. Дифференциация общественных функций сопровождается созданием различных безличностных структур (экономических, социальных, политических и других институтов, организаций), выступающих в качестве «вещных» носителей этих функций. Эти структуры заполняются людьми, обладающими определенными качествами (психологическими, профессиональными и др.), необходимыми для выполнения тех или иных функций (экономических, политических и др.).

Люди, включенные в функционирование тех или иных структур, осуществляют свои функции не изолированно, а взаимодействуя друг с другом. Вследствие этого в пределах тех или иных безличностных структур складывается определенная структура межличностных отношений. Именно посредством этих межличностных отношений, субъектами которых являются реальные индивиды (Иван, Петр), приводятся в движение или, вернее, выполняют те или иные функции, безличностные структуры.

Определенным видам общественных структур соответствуют и определенные виды общественных отношений — экономические, социальные, правовые, политические и идеологические. Причем общественные отношения — это не какой-то особый вид, а совокупность всех видов отношений данного общества. Общественные отношения не являются однопорядковыми, например, с отношениями экономическими или политическими, а соотносятся с ними как род с видом. В то же время каждый вид общественных отношений играет в их общей системе строго определенную роль. Так, понятие «общественно-экономическое» означает не равенство между «общественным» и «экономическим», а то, что в системе общественных отношений экономические отношения выполняют детерминирующую роль по отношению к содержанию и характеру общественных отношений.

Каждая из структур социетальной системы, будучи ее элементом, не только выполняет определенную функцию, но и придает этой системе в процессе ее отношений с другими ее структурами новое (системное) качество, несводимое к качествам ее элементов. В то же время социетальная система постоянно воспроизводит социальное качество своих структур и соответственно социальные качества индивидов и групп индивидов, включенных в их функционирование, т. е. субъектов социальных отношений. Возникает тенденция к адаптации к формам и способам функционирования социетальной системы ее структурных и личностных элементов. Это — одна сторона проблемы, связанная с функционированием социетальной системы.

Другая сторона ее состоит в том, что в поведении социетальной системы может иметь место (по самым различным причинам объективного и субъективного характера) «подмена» функций, когда субъекты социальных отношений, включенных в функционирование данной системы, начинают выполнять несвойственные ей функции (например, административно-приказные методы регулирования экономической жизни со стороны политической системы), или «некомпетентность» личностных элементов данной структуры (например, осуществление техническими специалистами экономических функций). Вследствие этого нарушается баланс в функционировании как структурных, так и личностных элементов системы, ее поведение становится дисфункциональным. Дисфункциональные расстройства или аномалии в поведении социетальной системы ведут к ее деформации и дестабилизации, росту социальной напряженности.

Единственным выходом из сложившейся ситуации является реформирование и структурных, и личностных элементов социетальной системы, придание их функционированию естественно-исторического характера. Реформирование обеспечивает переход социетальной системы к ее новому качественному состоянию, например, от авторитарно-бюрократических — к научным методам управления экономикой, от экономики дефицитной — к экономике с развитой системой потребления, от бюрократического общества — к обществу демократическому, от закрытого общества — к обществу открытому.

Изменение социетальных систем как естественно-исторический процесс. Включение понятия социетальной системы в социологическую теорию позволяет рассматривать социальную эволюцию как естественно-исторический процесс.

Это означает, во-первых, что в процессе социальной эволюции общества осуществляется смена различных типов социальных систем (или общественных организаций), например, рабовладельческой, феодальной, капиталистической. Во-вторых — в процессе функционирования социальной системы ее структурные и личностные элементы постоянно воздействуют друг на друга, создавая тем самым импульс для ее развития.

Как субъекты социальных отношений, действующие личности в процессе социального взаимодействия в разных условиях социального бытия формируют свои разнообразные потребности, интересы, установки и ценностные ориентации, реализация (или нерезализация) которых определяет их отношение к формам и способам функционирования как структурных элементов социальной системы, так и системы в целом. В сознании это отношение фиксируется в виде идей, отражающих реальное или воображаемое положение и роль различных групп индивидов в обществе, идей, обосновывающих сохранение или изменение социальной системы и ее структурных элементов. Такое осмысление социальной действительности происходит на уровне обыденного сознания и изучается посредством опросов общественного мнения.

Знание состояния обыденного сознания позволяет более или менее достоверно судить о степени социальной напряженности в данном обществе (как в целом, так и по социальным группам). Исследование состояния общественного мнения служит известной предпосылкой для научного осмысления социальной ситуации, сложившейся в данном обществе. Это осмысление предполагает исследование закономерных связей между факторами повседневной жизни и интересами и потребностями различных социальных групп в обществе; между объективным положением и ролью индивида в конкретных условиях места и времени и его субъективным представлением о них; между статусными и ролевыми требованиями и социальными качествами действующих личностей и др.

На основе научно выработанных и научно обоснованных идей осуществляется изменение безличностных структур общества. Это означает выработку или совершенствование системы социальных норм, которые определяют характер и содержание функционирования общественных структур и включенных в них людей. Основными целями изменения безличностных структур являются устранение сложившегося несоответствия

между социальными нормами и потребностями естественно-исторических процессов экономического развития, смягчение социальной напряженности и создание новых методов и стимулов вовлечения людей в созидательный процесс.

Таков естественно-исторический процесс развития социетальной системы. Но этот процесс не поддается научному управлению, если опросы общественного мнения не учитываются, а данные науки игнорируются. Научное управление заменяется управлением авторитарно-бюрократическим, а политическая власть берет на себя функции «духовного производства», которое, теряя научные основы, превращается в социальное мифотворчество. Экономические, социальные и идеологические отношения превращаются в простое продолжение отношений политических. Превращение политической власти во всемогущего и монопольногодемиурга общественного развития означает пренебрежение личностью, индивидом, группой. Функции формирования, выражение общего интереса передается узкой политической элите. Например, в 30-х гг. в СССР сложился такой тип общественных отношений, «главная сущностная черта которого — сосредоточение экономической, политической, идеологической власти в руках единого, иерархически организованного партийно-государственного аппарата. Производственные отношения превратились в простое продолжение политической власти, субъекты экономической деятельности лишились элементарной самостоятельности»¹.

Более того, действующие личности изгоняются из истории, а история общества превращается в процесс взаимодействия безличностных структур. Теория общества догматизируется, интерпретируя развитие социетальной системы как процесс взаимодействия безличностных общественных структур.

§ 4. Уровни социальной реальности

Микро- и макроуровни социальной реальности. Модель социальной реальности может быть представлена в виде двух континуумов: макро- и микроконтинуума и континуума объективно-субъективного. Содержание и характер взаимодействий этих континуумов составляет динамическое качество социальной

¹ Дилигенский Г. Г. Готовых моделей не существует // Новое время 1988 № 26 С. 25

реальности. Последовательный ряд от микро- к макроуровню социальной реальности предполагает наличие следующих звеньев: индивидуальности, или действующие личности, их взаимодействие; социальные группы, социальные институты и организации; типы обществ; типы цивилизаций.

Главная задача социологии при исследовании различных звеньев социальной реальности и их взаимодействия друг с другом состоит в том, чтобы выявлять и научно обосновывать механизмы перехода от индивидуального к социальному, от социального менее общего порядка к социальному более общего порядка и *vice versa*; определять степень соответствия или несоответствия, сбалансированности или дисбалансированности в поведении различных микро- и макросистем, выяснять мотивы и стимулы поведения этих систем, их эффективность. Социологический подход в целях получения научных результатов всегда сопровождается исследованием внутреннего механизма социальной эволюции. Внутренний механизм, вызывающий наблюдаемые статистические результаты изменений социальных систем, расположенных на микро- и макроконтинууме социальной реальности, не является причинным по существу, хотя он является вполне детерминированным¹.

Объективный и субъективный уровни социальной реальности. Объективный уровень объективно-субъективного континуума означает, что то или иное социальное явление существует или, говоря словами Дюркгейма, является «вещью». Этот уровень составляют действующие личности, социальные действия и взаимодействия, структуры управления, законы, социальные и экономические институты; различные государственные органы. Субъективный уровень составляют явления, которые не имеют «вещного» существования: умственные процессы, социальные установки, нормы, ценности и ценностные ориентации и пр.

Однако некоторые социальные явления невозможно отнести только к объективным или только к субъективным. В сфере социальной реальности они выступают одновременно и как объективные, и как субъективные. Так, семья, с одной стороны, — это объективное явление, а с другой стороны, она основывается на определенной совокупности норм, ценностных ориентаций, социальных установок и др. Поэтому в социологии многие явления рассматриваются как объективно-субъек-

¹ См.: Бунге М. Указ соч

тивные (объективно-субъективный континуум), а не как две взаимоисключающие друг друга полярные противоположности. Объектами социологических исследований выступают смешанные объективно-субъективные явления, которые могут быть более или менее объективными или субъективными.

Основная методологическая задача социологии при исследовании данных уровней социальной реальности заключается, во-первых, в выявлении реальных «вещных» оснований субъективного и, во-вторых, в объективизации субъективного. Это означает выявление и изучение повторяющихся норм социального поведения схожих индивидов (возраст, пол, профессия и т. д.), осуществляющих свою деятельность в аналогичных условиях места и времени.

Интегральная модель социальной реальности. Впервые заслуживающую внимания интегральную модель социальной реальности разработал Дж. Ритцер¹.

Эта модель может быть представлена в виде взаимодействия ее четырех уровней (макро — микро, объективный — субъективный). Интегральная модель социальной реальности включает в себя такие макрообъективные явления, как бюрократия, из макросубъективных структур — ценности, из микрообъективных феноменов — образцы взаимодействия, из микросубъективных фактов — процесс конструирования социальной реальности.

Практическое изучение интегральной модели социальной реальности заключается в том, что при подготовке и проведении любого социально значимого социологического исследования она, во-первых, позволяет установить реальные взаимосвязи между различными уровнями социальной реальности, во-вторых, служит основанием классификации изучаемых явлений и, в-третьих, требует применения адекватной этим явлениям методики и техники.

Интегральную модель социальной реальности Дж. Ритцер попытался интерпретировать в связи с основными парадигмами западноевропейской и американской социологии. Если соотнести уровни социальной реальности с основными парадигмами, то макрообъективному и микросубъективному уровням соответствует парадигма «социальных фактов»; макросубъективному и частично микросубъективному (т. е. уровню умственных процессов) уровням — парадигма «социальных дефиниций», а микро-

¹ См.. *Ritzer G. Sociological Theory*. N. Y., 1988

субъективному — парадигма «социального поведения» (поскольку в данном случае исключены умственные процессы).

Подход к социологическим парадигмам с точки зрения их связи с уровнями социальной реальности, согласно Ритцеру, создает многообещающую перспективу выработки интегральной социологической парадигмы¹.

В концептуальных построениях Ритцера содержится рациональное зерно. Он выявил взаимосвязь социологических парадигм, каждая из которых, претендуя на универсальность, в то же время решает, и весьма основательно, ряд проблем, связанных с изучением и пониманием социальной реальности (например, роль символов и значений в детерминации социального поведения индивида и т. д.). Если взять символический интеракционизм, то, делая акцент на микросубъективном и микрообъективном уровнях социальной реальности, Ритцер в то же время неизбежно обращается к анализу ее макроуровней.

Интегральная модель социальной реальности и социально-исторический детерминизм. Исходным принципом социально-исторического детерминизма, как уже отмечалось, является органическое взаимодействие общественных и личностных структур при определяющем значении в конечном счете структуры экономической. Движущими силами социального развития выступают действующие личности, и именно из совокупности их социальных действий складывается исторический процесс как по его характеру, так и по содержанию. Социальные действия людей при этом могут детерминироваться чем угодно, включая их настроения, индивидуальный характер и т. д. Но суть дела в том, что на определенном этапе социального развития социальные действия людей и последствия их действий могут войти в противоречия с естественноисторическими потребностями развития различных сфер жизни общества, что, в свою очередь, проявляется как в деформации социальной жизни общества в целом, так и в различного рода деформациях социального поведения и морального уровня действующих личностей. Наступают, подобно действию бесконтрольных сил природы, эпохи социальных потрясений, социальной напряженности, социальной апатии и т. д.

Общественные структуры и действующие личности могут взаимодействовать непосредственно, причем их взаимодействие может

¹ См.: *Ritzer G. Sociological Theory* P 517.

соответствовать или не соответствовать естественноисторическим потребностям общества. Речь идет о том, что любые отступления от потребностей общественного развития на каком-то определенном этапе развития данного общества обязательно повлекут за собой негативные материальные и нравственные последствия.

Взаимодействие микро- и макроуровней в системе социально-исторического детерминизма осуществляется по вертикали. Объективные и субъективные процессы взаимодействуют как по вертикали, так и по горизонтали.

Социально-исторический детерминизм отдает предпочтение в конечном счете анализу макрообъективных структур, органически связывая этот анализ с анализом всех уровней социальной реальности и начиная его с анализа реальных условий жизнедеятельности реальных действующих личностей.

§ 5. Типы социальных систем. Социальные и социетальные связи

Понятие социальной системы. Каждая из основных функций социетальной системы дифференцируется на большой ряд подфункций (менее общих функций), которые реализуются людьми, включенными в ту или иную нормативную и организационную социальную структуру, более или менее отвечающую (или, наоборот, противоречащую) функциональным требованиям общества. Взаимодействие микро- и макросубъективных и объективных элементов, включенных в данную организационную структуру для реализации функций (экономических, политических и др.) социального организма, придает ей характер социальной системы.

Функционируя в рамках одной или нескольких основных структур социетальной системы, социальные системы выступают в качестве структурных элементов социальной реальности, а следовательно, и исходных элементов социологического познания ее структур.

Социальная система и ее структура. Система — это предмет, явление или процесс, состоящий из качественно определенной совокупности элементов, которые находятся во взаимных связях и отношениях, образуют единое целое и способны во взаимодействии с внешними условиями своего существования

изменять свою структуру. Существенными чертами любой системы являются целостность и интеграция.

Первое понятие (целостность) фиксирует объективную форму существования явления, т. е. его существование как целого, а второе (интеграция) — процесс и механизм объединения его частей. Целое больше суммы входящих в него частей. Это означает, что каждое целое обладает новыми качествами, которые механически не сводимы к сумме его элементов, обнаруживает некий «интегральный эффект». Эти новые качества, присущие явлению как целому, обычно обозначаются как системные или интегральные качества.

Специфика социальной системы состоит в том, что она складывается на базе той или иной общности людей (социальная группа, социальная организация и т. д.), а ее элементами являются люди, чье поведение детерминировано определенными социальными позициями (статусами), которые они занимают, и конкретными социальными функциями (ролями), которые они выполняют; социальными нормами и ценностями, принятыми в данной социальной системе, а также их различными индивидуальными качествами. В число элементов социальной системы могут входить различные идеальные (верования, представления и т. д.) и случайные элементы.

Индивид осуществляет свою деятельность не изолированно, а в процессе взаимодействия с другими людьми, объединенными в различные общности в условиях действия совокупности факторов, влияющих на формирование и поведение личности. В процессе этого взаимодействия люди, социальная среда оказывают систематическое воздействие на данного индивида, равно как и он оказывает обратное воздействие на других индивидов и среду. В результате данная общность людей становится социальной системой, целостностью, обладающей системными качествами, т. е. качествами, которых нет ни у одного из включенных в нее элементов в отдельности.

Определенный способ связи взаимодействия элементов, т. е. индивидов, занимающих определенные *социальные позиции (статусы)* и выполняющих определенные *социальные функции (роли)* в соответствии с принятой в данной социальной системе совокупностью *норм и ценностей*, образуют структуру социальной системы. В социологии нет общепринятого определения понятия «социальная структура». В различных научных трудах это

понятие определяется как «организация отношений», «определенная артикуляция, порядок устройства частей»; «последовательные, более или менее постоянные регулярности»; «образец поведения, т. е. наблюдаемое неформальное действие или последовательность действий»; «существенные, углубленные, определяющие условия», «характеристики более фундаментальные, чем другие, поверхностные», «устройство частей, которое контролирует все многообразие феномена», «отношения между группами и индивидами, которые проявляются в их поведении» и др. Все эти дефиниции, на наш взгляд, не противостоят, а дополняют друг друга, позволяют создать интегральное представление об элементах и свойствах социальной структуры.

Видами социальной структуры являются: идеальная структура, связывающая верования, убеждения, воображения; нормативная структура, включающая ценности, нормы, предписанные социальные роли; организационная структура, определяющая способ взаимосвязи позиций или статусов и детерминирующая характер повторения систем; случайная структура, состоящая из элементов, включенных в ее функционирование, имеющих в данный момент в наличии (конкретный интерес личности, случайно поступившие ресурсы и т. д.). Первые два вида социальной структуры связаны с концепцией культурной структуры, а два других — с концепцией социальной структуры. Нормативная и организационная структуры рассматриваются как единое целое, а элементы, включенные в их функционирование, — как стратегические. Идеальная и случайная структуры и их элементы, будучи включенными в функционирование социальной структуры как единого целого, могут вызвать и позитивные, и негативные отклонения в ее поведении. Это, в свою очередь, имеет следствием рассогласование во взаимодействии различных структур, выступающих в качестве элементов более общей социальной системы, дисфункциональные расстройства этой системы.

Структура социальной системы как функциональное единство совокупности элементов регулируется только ей присущими законами и закономерностями, обладает своей собственной детерминированностью. Вследствие этого существование, функционирование и изменение структуры определяется не законом, стоящим как бы «вне ее», а имеет характер саморегулировки, поддерживающей — в определенных условиях — равно-

весие элементов внутри системы, восстанавливающей его при известных нарушениях и направляющей изменение этих элементов и самой структуры.

Закономерности развития и функционирования данной социальной системы могут совпадать и не совпадать с соответствующими закономерностями социетальной системы, иметь позитивные или негативные социально значимые последствия для данного общества.

Иерархия социальных систем. Существует сложная иерархия социальных систем, качественно различающихся между собой. Суперсистемой, или, согласно принятой нами терминологии, социетальной системой, является общество. Важнейшими элементами социетальной системы выступают ее экономическая, социальная, политическая и идеологическая структуры, взаимодействие элементов которых (систем менее общего порядка) институционализирует их в социальные системы (экономическую, социальную, политическую, идеологическую и т. д.). Каждая из этих наиболее общих социальных систем занимает определенное место в социетальной системе и выполняет (хорошо, плохо или вовсе не выполняет) строго очерченные функции. В свою очередь каждая из наиболее общих систем включает в свою структуру в качестве элементов бесконечное множество социальных систем менее общего порядка (семья, трудовой коллектив и т. д.).

С развитием общества как социетальной системы в нем наряду с названными возникают и другие социальные системы и органы социального воздействия на социализацию индивида (воспитание, образование), на его эстетическое (эстетическое воспитание), нравственное (нравственное воспитание и пресечение различных форм девиантного поведения), физическое (здравоохранение, физическое воспитание) развитие. «Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность»¹.

Социальные связи и типы социальных систем. В основу классификации социальных систем могут быть положены виды связей и соответствующие им виды социальных объектов.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 229.

Связь определяется как такое отношение между объектами (или элементами внутри них), когда изменение одного объекта или элемента соответствует изменению других объектов (или элементов), составляющих данный объект.

Специфика социологии характеризуется тем, что те связи, которые она изучает, являются связями социальными. Термином «социальная связь» обозначается вся совокупность факторов, обуславливающих совместную деятельность людей в конкретных условиях места и времени во имя достижения конкретных целей. Связь устанавливается на весьма продолжительный период времени независимо от социальных и индивидуальных качеств отдельных личностей. Это — связи индивидов друг с другом, а также их связи с явлениями и процессами окружающего мира, складывающиеся в ходе их практической деятельности. Сущность социальных связей проявляется в содержании и характере социальных действий личностей, или, иначе, в социальных фактах.

Микро- и макроконтинуум включает связи личностные, социально-групповые, организационные, институциональные и социетальные. Социальными объектами, соответствующими этим видам связей, выступают *индивид* (его сознание и действия), *социальное взаимодействие*, *социальная группа*, *социальная организация*, *социальный институт* и *общество*. В пределах субъективно-объективного континуума различаются субъективные, объективные и смешанные связи и соответственно объективные (действующая личность, социальное действие, закон, система управления и т. п.); субъективные (личностные нормы и ценности, оценка социальной реальности и т. д.); субъективно-объективные (семья, религия и т. д.) объекты.

Социальная система может быть представлена в пяти аспектах:

1) как взаимодействие личностей, каждая из которых является носителем индивидуальных качеств;

2) как социальное взаимодействие, имеющее своим следствием становление социальных отношений и образование социальной группы;

3) как групповое взаимодействие, в основе которого лежат те или иные общие обстоятельства (город, деревня, трудовой коллектив и т. д.);

4) как иерархия социальных позиций (статусов), которые занимают личности, включенные в деятельность данной соци-

альной системы, и социальных функций (ролей), которые они выполняют на основе данных социальных позиций;

5) как совокупность норм и ценностей, определяющих характер и содержание деятельности (поведения) элементов данной системы.

Первый аспект, характеризующий социальную систему, связан с понятием индивидуальности, второй — социальной группы, третий — социальной общности, четвертый — социальной организации, пятый — социального института и культуры. Таким образом, социальная система выступает как взаимодействие ее основных структурных элементов.

Социетальные связи и социетальная система. Разграничение видов социальных систем весьма условно. Вычленение их по тому или другому критерию определяется задачей социологического исследования. Одна и та же социальная система (например, семья) может в равной степени рассматриваться и как социальная группа, и как элемент социального контроля, и как социальный институт, и как социальная организация. Социальные объекты, расположенные на макро-, микро- и на объективно-субъективных континуумах, образуют сложную систему связей, управляющую потребностями, интересами и ценностями людей. Ее можно обозначить как систему социетальных связей. Она упорядочивается в каждой конкретной социальной системе таким образом, что когда на ней появляются сплетения и узлы, то общество, в свою очередь, предусматривает систему средств, чтобы быть в состоянии эти сплетения распутать, а узлы развязать. Если оно оказывается не в состоянии этого сделать, значит существующая и использующаяся в данном обществе система средств стала неадекватной сложившейся социальной ситуации. И в зависимости от практического отношения общества к данной ситуации оно может оказаться в состоянии упадка, застоя или радикальных реформ.

Система социетальных связей выступает как организованная совокупность различных форм социальных связей, которые сплачивают индивидов и группы индивидов в единое функциональное целое, т. е. в социетальную систему. Какую бы форму социальной связи между явлениями мы не брали, они всегда существуют в системе и вне ее существовать не могут. Многообразие типов социетальных связей соответствует и многообразию типов социальных систем, которые эти связи определяют.

§ 6. Социальное взаимодействие и социальные отношения

Социальное взаимодействие. Исходным моментом для возникновения социальной связи является взаимодействие индивидов или групп индивидов для удовлетворения тех или иных потребностей.

Взаимодействие — это любое поведение индивида или группы индивидов, имеющих значение для других индивидов и групп индивидов или общества в целом в данный момент и в будущем. Категория «взаимодействие» выражает характер и содержание отношений между людьми и социальными группами как постоянными носителями качественно различных видов деятельности, различающимися по социальным позициям (статусам) и ролям (функциям). Независимо от того, в какой сфере жизнедеятельности общества (экономической, политической и т. д.) имеет место взаимодействие, оно всегда социально по своему характеру, так как выражает связи между индивидами и группами индивидов; связи, опосредуемые целями, которые каждая из взаимодействующих сторон преследует.

Социальное взаимодействие имеет объективную и субъективную стороны. *Объективная сторона* взаимодействия — это связи, независимые от отдельных личностей, но опосредующие и контролирующие содержание и характер их взаимодействия. *Субъективная сторона* взаимодействия — это сознательное отношение индивидов друг к другу, основанное на взаимных ожиданиях (ожиданиях) соответствующего поведения. Это межличностные (или, шире, социально-психологические) отношения, которые представляют собой непосредственные связи и отношения между индивидами, складывающиеся в конкретных условиях места и времени.

Механизм социального взаимодействия включает: индивидов, совершающих те или иные действия; изменения во внешнем мире, вызванные этими действиями; влияние этих изменений на других индивидов и, наконец, обратную реакцию индивидов, на которых было оказано воздействие.

Под влиянием Г. Зиммеля и особенно П. А. Сорокина взаимодействие в его субъективной интерпретации было принято в качестве исходного понятия теории групп, а затем стало исходным понятием и американской социологии. Как писал П. А. Сорокин: «Взаимодействие двух или большего числа индивидов

есть родовое понятие социального явления: оно может служить моделью последних. Изучая строение этой модели, мы можем познать и строение всех общественных явлений. Разложив взаимодействие на составные части, мы разложим тем самым на части самые сложные социальные явления»¹.

«Однако само по себе социальное взаимодействие еще равно ничего не объясняет. Чтобы понять взаимодействие, надо выявить свойства взаимодействующих сил, а эти свойства не могут найти объяснения в факте взаимодействий, как бы не изменялись они благодаря ему. Сам факт взаимодействия знания не прибавляет. Все зависит от индивидуальных и социальных свойств и качеств взаимодействующих сторон. Именно поэтому главное в социальном взаимодействии — содержательная сторона. В современной западноевропейской и американской социологии эта сторона социального взаимодействия рассматривается главным образом с позиций символического интеракционизма и этнометодологии. В первом случае любое социальное явление предстает как непосредственное взаимодействие людей, осуществляемое на основе восприятия и использования общих символов, значений и т. д. Вследствие этого объект социального познания рассматривается как совокупность символов человеческого окружения, включенных в определенную «поведенческую ситуацию»².

Во втором случае социальная реальность рассматривается как «процесс взаимодействия на основе обыденного опыта»³.

Повседневный опыт, символы и значения, которыми руководствуются взаимодействующие индивиды, придают их взаимодействию, а иначе и быть не может, известное качество. Но в данном случае остается в стороне главная качественная сторона взаимодействия — те реальные социальные процессы и явления, которые выступают для людей в виде символов, значений, повседневного опыта.

В результате социальная реальность и составляющие ее социальные объекты выступают как хаос взаимных действий, основывающихся на «интерпретирующей роли» индивида по «определению ситуации» или на обыденном сознании. Не отрицая семантическую, символическую и другие стороны про-

¹ *Сорокин П.* Система социологии. Пг., 1920 Т. 1. С. 82

² *Denzin N.* The Methodologies of Symbolic Interaction. Waltman, 1970. P. 453.

³ *Schutz A.* Concepts and Theory Formation in the Social Sciences. L., 1970. P. 11.

цесса социального взаимодействия, надо признать, что генетическим источником его является труд, материальное производство, экономика. В свою очередь все производное от базиса может оказать и оказывает обратное воздействие на базис.

Способ взаимодействия. Способ взаимодействия индивида с другими индивидами и социальным окружением в целом определяет «преломление» социальных норм и ценностей сквозь сознание индивида и его реальные действия на основе осмысления этих норм и ценностей.

Способ взаимодействия включает шесть аспектов:

1) передачу информации; 2) получение информации; 3) реакцию на полученную информацию; 4) переработанную информацию; 5) получение переработанной информации; 6) реакцию на эту информацию.

Социальные отношения. Взаимодействие приводит к установлению социальных отношений. Социальные отношения — это относительно устойчивые связи между индивидами (вследствие чего они институционализируются в социальные группы) и социальными группами как постоянными носителями качественно различных видов деятельности, различающимися по социальным статусам и ролям в общественных структурах.

Социальные общности. Для социальных общностей характерны: наличие условий жизнедеятельности (социально-экономического, социального положения, профессиональной подготовки и образования, интересов и потребностей и т. д.), общих для данной группы взаимодействующих индивидов (социальных категорий); способ взаимодействия данной совокупности индивидов (нации, социальные классы, социально-профессиональные группы и т. д.), т. е. социальной группы; принадлежность к исторически сложившимся территориальным объединениям (город, деревня, поселок), т. е. территориальные общности, степень ограничения функционирования социальных групп строго определенной системой социальных норм и ценностей, принадлежность изучаемой группы взаимодействующих индивидов к тем или иным социальным институтам (семья, образование, наука и т. д.)¹.

¹ О социальных группах, социальных институтах и социальных организациях см. соответственно гл. 6—8.

Приложение

Социология в России: социологическое мышление и социальное мифотворчество

Каждое общество ставит перед собой определенные социальные задачи и социальные цели. Решение этих задач и достижение поставленных социальных целей зависит прежде всего от того, какие идеи (научные, обыденные, догматические, мифотворческие, религиозные и т. д.) закладываются в основу конструирования и построения экономических, социальных и политических структур и механизмов управления и какие социально значимые действия осуществляются в процессе социальной практики.

Если социальная практика приводит в конечном счете к нежелательным для общества социальным и экономическим последствиям, то это означает, что она (социальная практика) вступила в противоречие с естественноисторическим процессом развития данного общества, а лежащие в ее основе идеи, используемые средства оказались неадекватными или несоответствующими с требованиями объективных законов социального развития. И «возмездие» не заставит себя ждать. Общество оказывается в состоянии упадка или застоя, вступает в стадию социально-экономических и социально-политических потрясений. В обществе начинают действовать стихийные силы, намного превосходящие по своим разрушительным последствиям действия стихийных сил природы.

Одной из важнейших задач перехода к новым формам социального, а вернее, к формированию социологического мышления является сейчас преодоление сложившихся как в теории, так и на практике мифотворческих и утопических взглядов на общественное развитие, усиление научного анализа в руководстве социальными и экономическими процессами. Большую роль здесь призваны сыграть общественные науки. В недалеком прошлом значение общественных наук в жизни нашего общества на словах декларировалось, а на деле по большей части игнорировалось. Более того, вследствие административного давления многие науки (социология, социальная психология и др.) оказались фактически под запретом. Неудивительно по-

этому, что общественные науки не сумели создать теорию реформ в обществе, его регулярной перестройки, обосновать экономические, социальные, правовые и политические механизмы, с помощью которых общественный строй может и должен постоянно обновляться.

Социологическое мышление призвано заложить теоретические, а на их базе и практические основы перехода от социальной дезорганизации к социальному порядку. И проблема заключается не только в изменении отношения к общественным наукам со стороны общественного мнения, государства, но и в переходе от социально-мифологического к научному социологическому мышлению.

Отсутствие научно разработанных теоретических основ социально-экономического реформирования России привело в конечном счете к тому, что, как и прежде, на смену одним социальным мифам — развитого социализма, перехода к коммунизму и т. д. — пришли другие, не менее одиозные мифы. Практическая реализация новых мифов различными властными структурами и политическими силами привела в действие такой социальный маховик, который стал крушить все, отбрасывая развитие страны на многие десятилетия назад.

Опыт страны показывает, что социальные эксперименты (т. е. любые реформы и правовые законы) следует тщательно готовить на основе выдвижения различных альтернатив и научного обоснования их возможных последствий. Демократия становится подлинной демократией тогда, когда включает рациональную оценку возможностей и рациональный выбор наиболее оптимального решения из предложенных альтернатив.

Главное — покончить с социальным мифотворчеством в теории и на практике.

Социальное мифотворчество в теории — это «изобретение» законов. Если составить перечень «законов», которые «открыли» наши обществоведы за последние годы, то их число превзойдет общее число законов, открытых во всех областях естествознания. Отсюда вытекают и полное безразличие научной общественности к этим «законам», и их практическая бессмысленность, надуманность.

Нередко социальное мифотворчество выступает в виде ложных представлений. Некоторые из них получили широкое рас-

пространение в 90-е годы XX в. и до сих пор полностью не изжили.

Миф первый: о необходимости разрушения в государстве административно-приказной системы. Это фактически было тождественно уничтожению государства и государственности. И как неизбежное следствие — все возрастающая анархия в производственной и социальной жизни, безответственность, самоуправство и произвол, теряющие всякую меру. Никакая власть без административно-приказной системы эффективно функционировать не может.

Миф второй: о верховенстве законов различных структурных единиц (городов, районов, областей, республик и т. д.) над законами структур, составными частями которых они являются. Возведение этого мифа на уровень государственного принципа не только резко усилило социальную анархию, но и с железной логикой предопределило распад СССР, угрожает распаду Российской Федерации и других государственных объединений бывшего Союза.

Миф третий: о приоритете интересов нации, народов или автономии перед интересами и правами человека. Этот миф означает, что на второй или даже на третий план отбрасываются элементарные нормы человеческой морали и гуманизма.

Миф четвертый: о приватизации как средстве создания избытка предметов потребления. Опуская многие (неразрешимые в современных условиях) вопросы о путях и средствах приватизации, следует, на наш взгляд, высказать предостережение по поводу тезиса о «сплошной приватизации» и ее бесспорной «пользе». Подобно тому, как приватизация выступает в качестве альтернативы, способной преодолеть упадок в общественном хозяйстве, общественное хозяйство выступает в качестве альтернативы, способной предотвращать или уравнивать упущения и ошибки в приватизированном секторе.

Миф пятый: о возможности перехода к новым экономическим, политическим и социальным структурам без правового регулирования этого перехода. Следствием реализации мифа стало резкое расслоение общества, коррупция, взяточничество, расхищение народной собственности, распространение вопиющего беззакония. Приоритет основных ступеней перехода к рыночной экономике должен составлять последователь-

ный ряд: четкое правовое регулирование, приватизация, стабилизация экономической системы, а не наоборот.

Можно перечислить еще целый ряд мифов. Главное следствие мифотворческого мышления в том, что, воплощаясь в реальность, оно неизбежно сопровождается последствиями «обратных результатов», т. е. результатов, возможность которых никто не предполагал и не желал. Ситуация существенно усугубляется тогда, когда социальная мифология тесно сливается с авторитарным мышлением, которое, к сожалению, нередко является имманентной чертой политического сознания индивидов или социальных групп, тем или иным способом включенных во властные структуры. Это превращает страну и народ в объект безответственных и некомпетентных социальных экспериментов.

Любой закон или закономерность, открытые в биологической, химической или физической науке, — это событие огромного значения, которое нередко оказывает в конечном счете влияние на всю технологию современного производства, ведет к ее модернизации, улучшению качества выпускаемой продукции и пр., т. е. может иметь практическое применение и конечно же большое социальное значение.

Законы умозрительно не открывают. Их открытие — результат наблюдений, экспериментов и обобщения огромного практического опыта. Перефразируя известные слова средневекового философа В. Оккама, можно сказать, что нельзя до бесконечности создавать и умножать законы.

Если «изобретение» законов является сравнительно безобидным делом, представляет собой разновидность словесной эквилибристики, то намного серьезнее обстоит дело с практическими рекомендациями ученых, которые затрагивают интересы и судьбы многих миллионов людей. Ведь реализация этих рекомендаций может сломать их судьбы, нанести обществу непоправимый материальный и моральный ущерб. А таких рекомендаций, которые до последнего времени преподносились общественному мнению от имени науки, появилось великое множество.

Главное, что настораживает: зачастую авторы этих практических рекомендаций предлагают решать социальные проблемы за счет народа. Более того, различные возможные последствия (экономические, политические, нравственные и др.) реализации подобных рекомендаций нередко не принимаются в расчет и не анализируются.

Можно не сомневаться: если политики и ученые глубоко не проникнутся идеей своей социальной ответственности, то самые благие идеи могут превратиться в свою противоположность. Так, идея правового государства, выдвинутая в теории, обернется полным бесправием и анархией на практике.

Социальные и экономические законы только тогда дают оптимальный эффект, когда они научно познаны и на этой основе с возможно более высокой степенью точности определены условия и формы взаимодействия социального и экономического факторов в общественном развитии, что предполагает разумное сочетание общественных и личных потребностей и интересов.

Вопросы для закрепления материала

1. Как определяется понятие «общество» представителями различных социологических школ?
2. Почему важна категория «взаимодействие» в социологии?
3. Какие черты и качества характеризуют понятие социальной системы?
4. Как различаются понятия «социальная система» и «социетальная система»?
5. В чем отличительные особенности социально-исторического детерминизма?
6. Какова роль экономических факторов в жизнедеятельности общества?
7. Каковы условия эффективного социального управления?

Литература для дополнительного чтения

- Гидденс Э. Социология. М., 1999.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии. М., 1991.
- Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.
- Моисеев Н. Н. О механизмах самоорганизации общества // Социально-политический журнал. 1993. № 8.
- Осипов Г. В. Социология и социализм. М., 1990.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
- Реймер Н. Ф. Природопользование: Словарь-справочник. М., 1990.

Руткевич М. Н. Общество как система: Социологические очерки. СПб., 2001.

Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. М., 1994.

Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.

Шилз Э. Общество и общества: Макросоциологический подход. Американская социология. М., 1972.

Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.

Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959.

Ogburn W. Social Change. N. Y., 1922.

Ritzer G. Sociological Theory. 2nd ed. N. Y., 1988.

Глава 4 КУЛЬТУРА

§ 1. Социологическое понимание культуры

Понятие «культура». Говоря о культуре, следует подчеркнуть, что данный социальный феномен трактуется неодинаково. Особенно неоднозначный характер его понимания закреплен на уровне повседневно-обыденного сознания. Ниже представлено лишь научно-теоретическое понимание культуры. В научной трактовке культура рассматривается как масштабная система человеческой активности, по значимости сравнимая с системой социальной деятельности и общественных связей. Краткое определение культуры сводят к различным результатам деятельности людей, к многообразным формам активности по поддержанию и обновлению своего социального бытия: материальных объектов, норм деятельности и взаимодействия людей, их представлений, оценок. В целом ряде случаев научный подход допускает также трактовать культуру в оценочном ракурсе, т. е. говорить о *высоком уровне* владения социальным субъектом, нормами, стандартами деятельности, видами духовной активности, закрепленными в той или иной области социальной практики. В этом случае говорят о культуре речи, общения, досуга, о профессиональной культуре и др.

Развернутое научно-теоретическое понимание культуры, которое включает выше приведенные разновидности ее опре-

деления и трактовки как частные случаи, означает *целостный, устойчивый способ жизнедеятельности какого-либо этноса или граждан страны, который, складываясь исторически, постепенно обновляется и вместе с тем сохраняет идентичность самому себе в течение столетий, иногда тысячелетий*. Культура — явление небиологическое. В определенном смысле она противоположна природе, так как в ее рамках формируется особый мир, отличный от природной стихии. Этот мир представляет совокупность искусственных порядков и объектов, созданных многими поколениями людей в дополнение к природным, а также множество заученных форм человеческого поведения и деятельности, накопленных знаний, образов самоидентичности, символических обозначений окружающего мира, которыми обмениваются люди в процессе коммуникации¹.

Вместе с тем противопоставление культуры и природы целесообразно до определенного предела, после которого утрачивается эвристический смысл. Любая культура не в состоянии развиваться без опоры на биоприродную основу Земли, на импульсы, идущие из Космоса. По существу каждый человек постоянно взаимодействует с природной средой, которая «оформляется» руками и отображается посредством мышления многих поколений. Это — культурный ландшафт, поселенческие комплексы, механизмы, вещи, создать которые без природных материалов невозможно, а также продукты питания, полученные посредством возделывания почвы, селекции домашних животных и т. п. Сам человек, помимо социального и духовного начал, включает в себя биотелесную основу. Важно подчеркнуть, что связи человека с природной средой всегда носят осмысленный, культурно оформленный характер.

Итак, культура предоставляет всему обществу, социальным группам, индивидууму нормированные способы организации поведения, формирования своих эмоций, оценок и чувств. Через культуру каждый человек получает возможность осознавать себя членом масштабной общности, маркировать свое окружение самобытными ценностно-символическими знаками, отображать свое индивидуальное Я. В целом культура включает в себе длительно действующие механизмы самоадаптации общества к меняющейся среде обитания, которые позволяют конк-

¹ См.: Культура // Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2 т. СПб., 1998. Т. 1. С. 336—339.

рстному народу динамизировать свою практику, оставляя в прошлом одни традиции, утверждая новые поведенческие и духовные нормы.

Хотя в культуре наличествует колоссальный объем материальных предметов, действуют многочисленные субъекты социальной активности, ее иногда приравнивают лишь к семантической стороне, т. е. к смысловой, оценочной и символической основе деятельности людей. Действительно, жизнь человека и многообразные формы его активности протекают в рамках определенной семантики. В ходе исторического развития общество расширяет культурно-семантические рамки, одновременно сохраняя определенный ряд традиционных смыслов, духовных ценностей прошлого. Для конкретного индивида родным становится тот культурный контекст, в котором он оказался по факту рождения и где проходит его жизнь. Американский антрополог Л. Уайт пишет: «Если кто-то говорит по-китайски, избегает тещи, не пьет молока, селится в доме своей жены, помещает тела мертвых на подмости, пишет симфонии или синтезирует энзимы, — он делает это потому, что рожден или вырос в определенной экstrasоматической традиции, которую мы называем культурой и которая содержит все эти элементы. Поведение людей — функция культуры. Культура — константа, поведение — переменная; если изменится культура, изменится и поведение»¹.

Сравним понимание культуры с теоретической трактовкой *общества* как системы социальных институтов, общественных структур и организаций, а также сетевых связей, взаимодействий между социальными слоями, конкретными людьми. Именно различные связи человеческих ассоциаций, приобретающие массовый и групповой характер, находятся в центре внимания социологов, изучающих общество. Культура в данном случае рассматривается как одна из фундаментальных компонент общественной жизни наряду с общественными структурами, социализированным человеком (личностью). Если изменить оптику анализа, посмотрев на человеческую деятельность как на культуру, то в качестве одной из важных компонент выступит ее социальный срез. Таким образом, по-

¹ *Uyım Л.* Определение культуры // Антология исследований культуры СПб, 1997. Т. 1. Интерпретации культуры. С. 35.

нения «общество» и «культура» являются взаимодополняющими, раскрывая общественную жизнь с двух разных сторон.

Методологические подходы к изучению культуры. Начало научного анализа культуры приходится на XIX в. Философы (Ф. Шлегель, Г. Гегель, Ф. Ницше), этнографы и антропологи (Э. Тайлор, Л. Г. Морган) вырабатывают аналитические принципы исследования культуры. При этом философы создают теоретическую базу ее понимания и изучения. Этнографы и антропологи анализируют культурную практику архаических сообществ, т. е. народов, задержавшихся на одной из ранних стадий развития, которая оказалась пройденной другими сообществами. Тем самым закладывается социальная/культурная антропология — дисциплина, которая в середине XX в. перерастает в культурологию.

Таким образом, сообщество людей, выступающее как некая целостность, анализируется с разных научно-дисциплинарных позиций — социологических или культурантропологических. Между социологией и культурной/социальной антропологией устанавливаются тесные связи, не стирая, однако, разделяющей их междисциплинарной черты. Исследователи культуры постепенно адаптируют общие и специальные социальные теории к антропологическим изысканиям. Так, английский этнограф Б. Малиновский в 30-х гг. углубил функциональный подход применительно к изучению культур народов Меланезии, а также использовал его в проблематике теории культуры, которая создавалась на основе концептуализации разнотипных и разновременных культур. Со своей стороны социологи также углубляют анализ за счет учета культурных характеристик социума.

Следует подчеркнуть, что долгое время теоретическое понимание культуры не могло получить трактовки, удовлетворяющей научное сообщество. Взаимодействие антропологической и социологической мысли требовало определить предмет анализа каждой из дисциплин, что способствовало появлению более точных представлений о культуре. Так, в 30—40-х гг. в американской научной литературе прошла дискуссия о границах социологического и антропологического анализа, что стимулировало более корректное понимание культуры. Но даже появившаяся в 1952 г. книга американских ученых А. Л. Кребера и К. Клакхона «Культура, или Критическое обозрение концепций и определений» насчитывала около 150 определений культуры.

Развитие российской социологии и антропологии протекало параллельно с изысканиями западноевропейской научной мысли. Первые отечественные социологи XIX в. — С. Южаков, Е. де Роберти, П. Новгородцев, В. Хвостов и др. — проявляют интерес к культуре как к основе, результату и детерминанту социальных действий. В этом плане интересны исследования М. Ковалевского, который был этнографом и социологом. На Кавказе он изучал родовой быт осетин и сванетов, а также влияние древних обычаев на право. Его интересовало соотношение этнографии и социологии в анализе общества¹. П. Сорокин, ученик М. Ковалевского, развиваясь в начале своей научной карьеры как сторонник позитивизма и бихевиоризма, вместе с тем придавал важное значение в социальных взаимодействиях историческим элементам культуры. Позже в Америке он рассматривает социальную и культурную динамику как равноправное единство в развитии общества.

Таким образом, в обществоведении России дореволюционного периода между социологическим и культурологическим анализом существовала тесная взаимосвязь. В понимание культуры наша научная мысль того периода вкладывала содержание, вполне совместимое с нынешними представлениями. Однако конструктивные качества дореволюционной социальной и антропологической мысли не были наследованы обществоведческой мыслью советского периода. Советский марксизм трактовал культуру как явление сугубо вторичное по отношению к политике и экономике.

В настоящее время понимание культуры не вызывает в мировой науке прежних разногласий. Общепризнано, что культура — исключительно сложное по строению и многоплановое по факторам развития историческое явление, регулирующее жизнедеятельность крупных сообществ — народов, конкретных граждан той или иной страны. Она рассматривается как системный феномен, который приобретает базисный характер по отношению к общественным явлениям, в немалой степени определяя трансформацию социальных форм, наполняя их ценностно-смысловым содержанием.

Многоплановый характер культуры предьявляет к ее исследованию особые требования, что обусловило появление в конце 40-х гг. науки о культуре — культурологии, выступающей

¹ См. *Ковалевский М. М.* Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении М., 1886 Т. I, *Он же.* Этнография и социология. М., 1904 и др.

ныне в качестве междисциплинарной области научного знания. Объектом культурологического анализа выступает культура, рассматриваемая либо как целостный феномен, либо в виде своих элементарных единиц и важнейших составных частей.

В настоящее время на пересечении социологического и культурологического знания сформирована междисциплинарная область научной аналитики — социология культуры, которая ставит целью раскрыть *связь между ценностно-смысловым содержанием общественной практики, принципами самопознания, строением целостной духовной деятельности, с одной стороны, и социальными институтами, структурой общества, с другой, применительно к разным этнонациональным системам, областям общественной практики и конкретно-историческим ситуациям.* Таким образом, социология культуры рассматривает закономерности социокультурных изменений, изучает функционирование культуры разных стран и народов сквозь призму социальных отношений, структур, институтов.

Среди аналитиков, внесших практический вклад в формирование идей социологии культуры, выделим имена Г. Зиммеля, П. Сорокина, М. Вебера. Их идеи о близости социологического и антропологического анализа начали активно реализовываться в 70-е гг. в деятельности западногерманских и французских исследователей (Ф.-Х. Тенбрук, В. Липп, Ю. Штагль, Й. Вайс, П. Бурдьё и др.). В отличие от этнологических и антропологических подходов, описывающих практику традиционных культур, исследователи второй половины XX в. ставят целью выйти на концептуальные обобщения, в частности на соотнесение смысловых конструкций культуры с системами действия разных социальных групп, с общественными условиями жизни разных народов, в том числе тех, которые достигли уровня постиндустриальной культуры.

§ 2. Структурные компоненты культуры

Структурные элементы культурной деятельности. Рассмотрим основные структурные элементы культурной деятельности людей — относительно простые и вместе с тем целостные единицы, из которых складывается любая социальная практика прошлого и настоящего¹. Эти единицы тесно связаны друг с дру-

¹ См.: Чик Г. Единицы культуры // Общественные науки и современность. 2000 № 2

гом, но их связь носит не рядоположенный характер, а отображает сложные, переходящие друг в друга соотношения разных аспектов культурного пространства: коммуникативного, семантического, нормативно-эталонного, информационного и др. Рассмотрим культурные элементы, отображающие некоторых из этих срезов.

Коммуникативному срезу культуры (подробнее о социальной коммуникации см. гл. 13) присущи такие элементы, как разнообразные *языки культуры*. В совокупности эти языки представляют собой многоуровневую систему разных знаковых единиц, которые люди используют в процессе коммуникативной деятельности: вербальный (лингвистический) язык, жестовый, предметно-пространственный, графический, образный, включая и художественный, формализованный язык, язык эмоций и чувств, язык телодвижений, язык той или иной профессиональной деятельности (словарный запас, технологии, орудия труда) и др.

Истоки формирования языков культуры имеют как природные предпосылки, так и определены социально-коммуникативными, ценностно-смысловыми особенностями человеческого взаимодействия. Природный мир и врожденные качества самого человека предоставляют ряд базовых оснований для устойчивого восприятия определенных признаков окружающего мира и фиксации их посредством материальных носителей. Вместе с тем ни одна разновидность языка культуры не задается априори, но всегда рождается в процессе коммуникации живущих совместно людей, их совместной деятельности.

Особенно важно подчеркнуть роль в культуре *лингвистического языка* — *устной коммуникации, письменной речи*, которые выступают основными каналами культурной коммуникации. Начиная с Б. Малиновского, язык рассматривается как один из важнейших факторов, участвующих в порождении культурной реальности, как основная форма человеческого взаимодействия, как средство аккумуляции культурного своеобразия народа. Представители этнолингвистической позиции, известной как языковой релятивизм (американские антропологи и этнолингвисты Б. Л. Уорф, К. Клакхон, Г. Хойджер и др.), склоняются к тому, что человеческое познание определяется преимущественно языком и что люди, говорящие на языках, принципиально различающихся друг от друга по грамматическому строю, видят мир по-разному.

Но эта крайняя позиция разделяется далеко не всеми этнолингвистами, ибо культура является слишком масштабной и длительно эволюционирующей системой человеческой деятельности, чтобы сводить ее сущность к зависимости от одного фактора. В языке скорее можно видеть своеобразный путеводитель по предыдущим этапам культурного развития народа, по составу и содержанию разных сфер социальной практики людей. Эту мысль о языке как путеводителе раскрывает в своих трудах американский этнолингвист Э. Сепир¹.

Идея Сепира находит подтверждение в наличии культурно-речевых статусов и стилей, свойственных разным уровням, областям и сегментам социальной практики. Так, определенный словарный запас, построение, насыщенность эмоциональными оттенками характеризуют народную речь и такую ее разновидность, как просторечие. По местным диалектам можно различать уроженцев определенных территорий. Заметно различаются социальные диалекты — чиновничья речь, официальный письменный текст (канцелярит), языковая культура представителей разных профессий и социальных групп. Без труда можно выделить разновидности корпоративной речи (например, риторика армейской среды отличается от судебной риторики), а также жаргон деклассированных групп. К тому же в разных жизненных ситуациях люди используют различные вербальные стили, которые выражаются в тональных оттенках и в других формах речевой выразительности. В то же время развитая письменная культура вырабатывает литературно-художественный язык. Литературные тексты способны отображать все указанные социально-лингвистические особенности речевой практики народа, помогая формированию правильного и богатого по содержанию общенационального языка.

Семантический срез культуры содержит такие элементы, как духовные ценности, смыслы и значения, знаки и символы культурной активности. *Духовные ценности* связаны с аксиологическим качеством культуры и свидетельствуют о том, что в ней существуют разные значения, ориентированные на разнообразные оценочные шкалы: «хорошее—плохое», «высокое—низменное», «прекрасное—безобразное», «нравственное—безнравственное», «одобряемое—осуждаемое» и т. п. Духовные ценности —

¹ См. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993

это ориентиры сознания, соотнесенные с положительным культурным значением, с высокой смысловой оценкой. Так, витальными ценностями могут выступать такие состояния человека и качества существования, как жизнь, здоровье, сила, удобства быта, уровень потребления и т. п. Политические ценности могут быть представлены в той или иной культуре образом свободы слова, конституцией, высокой оценкой государственного контроля, ориентацией на гражданский мир и т. п. Ценности религиозной практики отождествляются с Богом (или Аллахом, Брахмой), с божественным законом, верой, Священным Писанием, спасением, просветлением, святостью и др.

Статус духовных ценностей или общезначимых символов культуры присваивается многим материальным ценностям. Например, духовно-символическое значение приобретают для народа картины родной природы, историко-природные комплексы. В современной американской культуре в этом качестве фигурирует река Миссисипи, прерии Дикого Запада, в китайской культуре — горный пейзаж (в частности, гора Тайшань в провинции Шаньдун), Великая Китайская стена. В отечественной культуре таким символическим значением наделяется пейзаж среднерусской равнины, река Волга, Московский Кремль.

В культуре народа наличествуют общие ценности, одинаково признаваемые всеми его представителями. Вместе с тем ценности разных слоев и классов отличаются друг от друга, расходясь порой до полярно противоположных значений. Духовные ценности выступают мощным мотивационным фактором, определяющим поведение социальных групп. В целом система духовных ценностей создает гибкую систему регуляции социальных связей, обеспечивая функционирование важнейших обычаев, норм, смыслов и значений¹.

Самостоятельными единицами культурной активности выступают *смыслы* (или *значения*), которые, будучи связанными с определенными объектами, окружающими человека, его собственными состояниями и действиями, заключают в себе *культурное понимание* этих объектов, действий. Смысл, таким образом, выступает способом включения человеческого опыта в социокультурную коммуникацию, вне которой он не существует. Культурный смысл рождается на базе исторического

¹ См.: Ерасов Б. С. Социальная культурология. М., 1996. С. 129.

опыта данного сообщества, обобщает его *заинтересованное отношение* к тем или иным явлениям, а также возможность использования выработанного смысла в *практической* деятельности¹. Смыслы культуры не следует отождествлять с информацией, со знаниями, хотя они тесно связаны между собой. Информация — это лишь один аспект смысла, нередко связанный с событийной стороной. Если смыслы формируются в культуре в течение долгого времени, то новая информация (например, о курсе валют разных стран) в наши дни может быть получена и усвоена специалистами практически мгновенно.

Вместе с тем информация о тех же валютных операциях, идущая из одной культуры в другую, сможет приобрести в новой социальной среде какое-либо значение тогда, когда она будет принята субъектами деятельности и когда они станут осмысленно ее использовать в своих целях. Так, в XVI в. сведения о соотношении денежных единиц стран Западной Европы были непонятны аборигенам недавно открытой Америки. Впрочем, в то время сами европейцы с трудом понимали смысл поведения ацтеков в ходе хозяйственного обмена, так как рыночные отношения в доколумбовой Америке носили зачаточный характер, уже утраченный и позабытый народами Западной Европы. Сегодня в любой стране трудно найти горожанина, который в общих чертах не был бы знаком с курсом национальной денежной единицы по отношению к важнейшим мировым валютам. Таким образом, то, что ныне выступает для многих в качестве количественной информации и используется в бизнесе, при регулировании семейного бюджета, заключает в себе исторически сложившийся смысл, порожденный развитым уровнем хозяйственной культуры.

В качестве элементов культурной активности людей выделим *культурные знаки и символы*, которые в данном случае рассматриваются с точки зрения ценностно-смысловой природы. Знаком в культуре выступает любой созданный или обработанный человеком объект (артефакт), несущий культурную информацию. Знак либо является общепринятым аналогом другого объекта (например, изображение голубя), либо заключает в себе некоторые сведения об окружающей действительности, требуя определенных действий человека. Так, дорожный знак,

¹ См.: Тульчинский Г. Л. Проблемы осмысления действительности. Л., 1986. С. 47—50.

запрещающий движение автотранспорта (в просторечии «кирпич»), предписывает водителям искать другой путь. Таких культурных знаков вокруг человека множество. По существу вся социальная среда представляет собой сплошную цепь знаковых систем. Совокупность этих систем составляет своеобразный *текст культуры*, смыслы и значения которого человек постоянно, не задумываясь, «считывает», расшифровывает, вырабатывая соответствующее поведение, согласовывая свои действия с другими людьми.

Культурный знак становится *символом*, если его содержание «отрывается» от замещающего предмета, наполняясь новым значением. При этом новый смысл включает в себя множество дополнительных значений сравнительно с первоначальным. Такое содержание формируется в культуре постепенно, приобретая в итоге общесоциальную значимость, оказываясь весьма эффективным по своей информационной и экспрессивно-смысловой нагрузке. Известно, что изображение голубя с пальмовой ветвью символизирует мир и что такой образ мира включен в широкий спектр культурных текстов, начиная от политического плаката и кончая лирическим стихотворением. Символы — важный элемент ритуальных действий, торжественных актов. Немалое их число используется человеком в повседневном поведении, в семейных отношениях. Множество общепризнанных символов порождает политическая, религиозная, художественная практика.

Известно, что в общественной практике каждой страны огромным интегративным значением наделяется государственно-политическая символика герба, флага, гимна. Назначение этих символов состоит в том, чтобы с помощью изобразительно-цветовых элементов, словесных образов обозначить общенациональные характеристики государства; зафиксировать те духовные ценности, которые его граждане считают жизненно важными, за которые готовы в период опасности отдать жизнь. Государственная символика, как правило, складывается постепенно, отображая важнейшие вехи исторического развития народа.

Например, широко известный в мире английский флаг, изображающий восьмиконечный красно-белый крест на синем фоне, сложился не сразу. Изображенные на нем цветные линии представляют три наложенных друг на друга креста. Красный вертикальный крест святого Георгия обозначает покровителя собственно Англии. Второй — синий, косой крест —

принадлежит святому Андрею, покровителю Шотландии, которую Англия мечом и хитростью долго присоединяла к себе. Третий красный косой крест святого Патрика символизирует покровителя Ирландии, которая также долго боролась за независимость, но все же на определенном этапе истории полностью стала частью Англии, а ныне остается в составе Великобритании лишь своей северной территорией. Таким образом, английский флаг свидетельствует о том, что Соединенное Королевство Великобритании состоит из важнейших составных частей: Англии, Шотландии, Ирландии.

В политической символике современной России также оказались совмещенными знаки, образы, эмблемы разных исторических эпох, порой далеких и чуждых друг другу. Социологические опросы свидетельствуют, что основная часть граждан России поддержала нынешнюю государственную символику, выделяя в ней те смыслы и значения, которые помогают интегрировать наше общество. Так, мелодия гимна и красное войсковое знамя (Знамя Победы), принятые в СССР и перешедшие в современную символику, рассматриваются гражданами прежде всего как знаки нашего могущества, способности народа преодолеть сверхнапряжение Великой Отечественной войны. Трехцветное знамя ассоциируется с тем, кто его создал, — с царем-модернизатором Петром I. Двуглавый орел также не вызывает отторжения в широком общественном мнении, ибо он был принят русскими царями после первых удачных шагов по собиранию русских земель и после принятия Московским царством роли «наследника Византии», в целом символизируя преемственность между разными этапами государственного строительства.

Рассмотрим элементы *нормативно-эталонного среза культуры*, которые характеризуют деятельность человека с точки зрения ее нормированности и обновления этой нормированности в историческом развитии. Данный срез культурного пространства весьма часто привлекает внимание исследователей, ибо с ним связаны такие качества культуры, как ее самобытность, устойчивость или изменчивость.

Важнейшим элементом данного среза является *культурная норма*, которая выступает определенным стандартом поведенческой и духовной активности, в соответствии с которым действуют представители конкретной культуры. Этот стандарт зак-

репляет важнейшие принципы и параметры деятельности, свойственные той или иной культуре, органически включаясь в любой вид человеческой активности. Вместе с тем культурная норма допускает широкую меру вариативности поведения, некоторый диапазон ожидаемых действий, понятных и одобряемых окружающими. Будучи гибкими, нормы в целом поддерживают устойчивость социальных институтов, регулируют массовые и групповые взаимодействия людей.

В сфере хозяйственной культуры нормы предстают в виде стандартов трудовых операций, установок трудовых отношений, принципов трудовой морали того или иного народа. Функционирование правовой сферы базируется на фундаментальных моральных императивах (будь честным!), а также опирается на разветвленную сеть законодательно-правовых нормативов, представленных в виде разрешений-запретов.

Культурно-нормативный характер приобретают и явления духовной сферы: жизненные идеалы, духовные ценности, правила, определяющие ту или иную разновидность творческой активности в культуре. В практике искусства нормы выступают в виде художественных канонов, творческих приемов, стилевых особенностей и эстетических программ разных художественных направлений. Вместе с тем именно в художественном творчестве нормы быстро исчерпывают себя. Субъекты творчества всегда находятся в состоянии поиска новых норм художественного выражения или познавательных установок. В результате появляются новые течения в искусстве.

В целом культурные нормы трансформируются постоянно, но скорость их обновления в разных областях практики различна: где-то они обновляются постепенно, через незаметный отход целых социальных групп от традиционных регламентаций; в других областях нормы изменяются более стремительно — через инновационно-внедренческую деятельность, критику существующих привычек или даже отмену устаревших норм указами властей. На смену прежним нормам приходят культурные *инновации*, многие из которых с течением времени могут стать нормой. Однако инновации не приобретут нормативного статуса, если не будут подхвачены основной частью населения. И только воспроизводимые в процессе жизни нескольких поколений они превращаются в культурные нормы.

Понятие «культурные образцы» (*паттерны*) обозначает устойчивую конфигурацию связей людей друг с другом, с предметной или природной средой, которая обуславливается определенными типами ситуаций, предписанным поведением в них человека, а также критериями, по которым оцениваются действия человека, его связи с окружающим миром. Содержание культурного образца включает в себя информацию о мире, момент его оценки, способ действия в нем человека, стимулы действия. Порождение образцов в культурной практике происходит различно, начиная с постепенного формирования в ходе исторической практики широких социальных групп и кончая разработкой в ходе творческой или проектно-инженерной деятельности. Множество культурных образцов рождается в сфере художественного творчества, религиозной практики. Сформировавшись, культурный образец действует в массовой активности в виде стереотипизированных, подчас слабо осознаваемых шаблонов действия, актов оценивания, образного мышления.

В качестве культурного образца способны выступать явления культуры широкого диапазона — материальные предметы и сооружения (например, тип домашней утвари, характерная разновидность жилой постройки); манеры поведения людей, их внешние характеристики (в отечественной культуре функционируют представления о «светских манерах», «купеческих замашках», «военной выправке»); правовые или обыденные нормативы поступков людей (говорят о «законопослушном поведении»); жанровые и стилевые особенности искусства (театральное амплуа романтического героя); формы экономических отношений (родственно-клановые формы ведения хозяйства и организации труда в традиционных культурах, например, в современных странах Востока); проявления политической культуры (распространенное в прошлом среди русских крестьян представление о царе-батюшке). Особенно прочными выступают образцы этнонациональной культуры, некоторые из которых определяют как этнические константы. Во многих случаях они выполняют функцию идентификации, сплочения представителей данного сообщества, позволяя ему социально дистанцироваться от других этносов¹.

¹ См.. Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1998.

Целостные комплексы образов, культурных норм в деятельности представителей конкретной культуры, сохраняющиеся на протяжении столетий, составляют то, что принято называть *культурным ядром*, и связаны с индивидуальной сущностью данного народа. Исследователи установили, что ядро культуры выполняет посредническую функцию во взаимодействиях ее внутренних компонентов, областей практики: оно является своеобразным катализатором, упорядочивающим их отношения. Кроме того, ядро позволяет культуре сохранять собственную идентичность во взаимодействии с другими культурами.

Обычаи выступают формой культурной регуляции, приобретающей более целостный и рационализированный характер сравнительно с культурными нормами и образцами. Обычаи предписывают конкретное поведение людей в социально значимых обстоятельствах, например регламентируют поведение детей, молодежи по отношению к старшим и пожилым людям. Понятие *традиции* приобретает более широкий смысл сравнительно с обычаями. Традиция включает в себя не только поведенческие стереотипы, но и весь объем социокультурного наследия, передающегося от поколения к поколению и воспроизводящегося преимущественно в социальных группах в течение длительного времени.

Во второй половине XX в. отечественные и зарубежные исследователи получили весьма важный результат, раскрывающий сущность и функциональное предназначение традиций в целостной исторической практике народа. Было установлено, что традицию нельзя рассматривать как статическое образование — она способна отзываться на требование времени, адаптироваться к переменам. Источник трансформации находится в самой традиции, ибо в ней тесно переплетены креативно-динамические и стабилизирующие элементы. Традиция способна интегрировать новые элементы, заметно обновляться по форме и отчасти изменять свое содержание. Вместе с тем она сохраняется до тех пор, пока в ней действует скрытый алгоритм связи основных ценностных доминант (культурных образов), на которых она базируется изначально.

По мысли С. Эйзенштадта, современного израильского исследователя, изучающего традиционные сообщества, характер социальных изменений в таких сообществах произволен, но задан изнутри традицией, которая выступает механизмом, аккумулирующим и передающим другим поколениям народный опыт, селективно отбирающим полезные элементы из

практики других народов. Тем самым традиция определяет направленность социальных трансформаций, выступает ограничителем инноваций и важным критерием их легитимности в представлении основной части населения¹.

В рамках обычаев, традиции приобретают важное регулятивное значение *ритуалы, обряды*. Ритуально-обрядовое поведение отмечено немалой степенью формализации и наделяется огромным символическим значением. Порой, по-видимому, оно утрачивает целесообразный характер, но и в этом случае такое поведение служит цели упрочения социальных связей, сохранения культурной преемственности. Так, в английском парламенте давно могли бы отказаться от ритуального символа — кожаного мешка с шерстью, предназначенного для председательствующего, и перейти к обычному креслу. Но этот мешок символизирует прочность парламентской традиции, чему в английской культуре придается немалое значение.

Сравнивая между собой единицы нормативно-эталонного среза культуры, можно заметить их различия между собой. Для конкретного человека выполняемые культурные нормы и образцы приобретают во многом автоматический характер; их также не всегда легко объяснить наблюдателю из другой культуры — они, как капилляры, пронизывают все стороны человеческой активности. Обычаи, традиции, ритуалы, обряды более демонстративны; они состоят из комплексов культурных норм и образцов, создавая сложные поведенческие алгоритмы взаимодействия многих людей в определенных ситуациях.

Наконец, рассмотрим элементы *информационного среза* культуры. Он связан со сведениями об окружающем мире, которые уменьшают неопределенность в понимании действительности субъектами культурной активности. Информационный момент содержит в себе такие рассмотренные выше единицы, как культурные нормы, знаки, символы и т. п. Важнейшими единицами информационного среза выступают знания, представления, образы внешнего мира². Выделим еще один элемент информационного среза культуры: *картина мира*.

¹ См. Eisenstadt Sh. N. Frameworks of the Great Revolution Culture, Social Structure, History and Human Agency // International Social Science Journal August. 1992 V. 44 № 133. P. 51—52.

² См. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Евразия: Космос кочевника, земледельца и горца. М., 1999.

Каждый народ в спонтанно-историческом режиме формирует и закрепляет в мифах, в искусстве, в эсхатологических образах и повседневных представлениях определенную картину мира, которая отображает его видение мироздания и представления о своем месте в нем. Картина мира складывается из целого ряда факторов, но основным источником ее формирования выступает целостная историческая практика народа, окружающий природный ландшафт, опыт взаимодействия с соседними народами. Научная мысль способна пополнить культурную картину мира лишь в незначительной мере. К тому же каждый народ отбирает из научных данных ту информацию, которая оказывается для него наиболее значимой, относительно которой он вырабатывает свою оценку, адаптируя к своей картине мира.

Универсальная модель культуры и универсалии культуры. Существует бесконечное многообразие прошлых и ныне функционирующих культур, которые заметно разнятся между собой теми элементами культурной активности, которые мы рассмотрели выше. Начиная с XIX в., осуществлялись попытки исследователей путем сравнительного изучения культур народов, живших в разные исторические периоды, выделить в них повторяющиеся элементы и их более сложные комплексы. Эта процедура дала бы ученым возможность теоретически сконструировать универсальную модель культуры. Однако создание такой модели оказалось сложной задачей.

Меньше споров вызывало перечисление фундаментальных характеристик культуры, которые американский антрополог Дж. П. Мердок формулирует следующим образом. 1. Любая культура передается посредством научения, т. е. она не является чем-то врожденным. 2. Культура всегда прививается воспитанием. Воспитание включает в себя не только передачу технических навыков, но также и дисциплинирование животных импульсов ребенка с целью приспособления его к социальной жизни. В качестве примера можно привести внутрисемейные табу инцеста, которые, судя по всему, универсальны. 3. Культура социальна, т. е. она разделяется людьми, живущими в организованных коллективах, и сохраняет свое единообразие под воздействием социальных факторов. 4. Культура по преимуществу идеационна, т. е. групповые привычки в значительной степени во многих случаях вербализированы как идеальные нормы или паттерны поведения. 5. Культура всегда обеспечивает удовлетворение базис-

ных биологических потребностей и вторичных потребностей, возникающих на их основе. 6. Культура адаптивна, т. е. она приспособляется к природной среде, к биопсихологическим потребностям человеческого организма, к социальной среде соседних народов. 7. Культура интегративна, т. е. она образует согласованное, интегрированное целое¹.

Выделенные фундаментальные основания культуры все же не дают возможности сформулировать перечень повторяющихся черт, наличествующих в любой культуре. Количественный и качественный состав элементов, черт, а также их сочетание между собой у разных авторов оказывались различными. Только число черт варьируется от четырех до полусотни.

Ниже перечислим некоторые содержательные черты и элементы, присущие культурам — древним и современным, простым и сложным, относительно которых ученые единодушно признают универсальность: речь и язык, функциональная значимость возрастного деления носителей культуры, календарь, социальная организация, системы родства, приготовление пищи, совместный труд и разделение труда, декоративное искусство, обучение и образование подрастающего поколения, этика, праздники, фольклор, запрет инцеста и многочисленные разновидности табуирования, похоронные ритуалы, игры, подарки, гостеприимство, жилищное строительство, обычаи, закон, наказания, имена, религиозные культы и др.²

Наряду с универсальной моделью культуры исследователи, работающие в области философии и семиотики культуры, выделяют *универсалии культуры*. Речь идет о неких общечеловеческих репрезентациях культурного опыта, представленных в образно-мировоззренческих конструкциях, в этимологических ценностях языка, в мифологической и художественной символике того или иного народа. Универсалии культуры вырастают из основного мифа, связанного с такими архетипическими категориями и оппозициями, как золотое яйцо; мировое древо; жизнь/смерть; верх/низ и др. Над ними утверждаются универсалии архаического порядка: мифологемы хтонических сил

¹ См. Мердок Дж. Фундаментальные характеристики культуры // Антрология исследований культуры. СПб., 1997. С. 49—55.

² См. Murdock G. P. The Common Denominator of Cultures // The Science of Man in the World Crisis. N. Y., 1945, *Idem* Ethnographic Atlas Pittsburg, 1967.

(огонь/вода/земля/воздух), связанные с ними элементы Космоса (Солнце, звезды, Луна, планеты), а также ближний к человеку мир предметов (камень, дерево, масло, зерно, утварь). Вслед за этим выстраиваются универсалии терминов родства, экзистенциальных ситуаций (например: отец, мать, дети, а также встреча, путь), границы состояний (например: сон, смех, слезы, экстаз). Завершается перечень универсалий культуры списком различных видов деятельности (труд, игра и др.). Универсалии культуры рассматриваются в науке как некие онтологические и экзистенциальные константы человеческого бытия, как фундаментальные категории картины мира, присутствующие в культуре каждого народа.

Из перечисленного видно, что основа как универсальной модели, так и культурных универсалий восходит к устойчивым антропологическим (биологическим, психологическим, духовным) характеристикам человека, а также к космическим и геоприродным условиям его существования. Так, привычка к определенному действию, переходящая в обычаи и традиции, основана на принципе ограниченных психофизических возможностей человека всякий раз реагировать на окружающую действительность как-то иначе, чем в предыдущих случаях, — стереотипный характер человеческих действий в данном случае энергетически оправдан. Кроме того, традиции закрепляют рачительное отношение к социальной энергии в историческом масштабе, передавая нормы деятельности последующим поколениям.

Еще одна особенность вышеперечисленных универсальных элементов и символов культуры: их содержание и связи между собой варьируются в широком диапазоне. Так, представление о смерти и похоронный обряд во всех культурах имеют внешне сходные элементы — переход умершего в другой мир, выражение скорби у окружающих, перечень способов обращения с телом, обеспечивающих «существование» умершего в потустороннем мире, и др. Но содержание этих элементов и образов различно — каждый народ вырабатывает свои смысловые обоснования того, почему человек умирает, для чего следует совершать те или иные действия во время похорон и т. п.

Все это позволяет сделать вывод о том, что наличие общих антропологических характеристик людей формирует культуры на единой основе, на которой надстраивается огромное множество отличительных, в том числе социальных, признаков. В пос-

ледние 30—35 тысячелетий человеческие ассоциации и коллективы расселялись по всему земному шару, адаптируясь к неодинаковым климатическим зонам, к разнообразным ландшафтно-географическим условиям жизни, что определило неодинаковые векторы культурного развития разных рас, родоплеменных и этнонациональных сообществ¹. На разных материках, в разных регионах мира развитие народов определялось уже не столько универсальными чертами, сколько необходимостью адаптироваться к несходным условиям жизни. Поэтому историческое развитие культур осуществлялось по разным цивилизационным направлениям и социальным моделям, модифицируясь как на самостоятельной основе, так и через выборочную диффузию отдельных культурных достижений.

В результате современный мир состоит из огромного числа культур разных народов, отличающихся между собой множеством существенных и второстепенных признаков. Группы соседних и близких между собой по разным характеристикам (язык, религия и др.) культур могут образовывать духовное единство более общего порядка, нежели культура одного народа, — цивилизационную общность². Вместе с тем наряду с этнонациональным и культурно-цивилизационным многообразием народов мира продолжает сохраняться общечеловеческое единство, восходящее к суммарной аксиоматике сходного внутреннего опыта людей, что запечатлевается в языке, в картине мира, в мифопоэтической активности.

§ 3. Составные части и модели строения культуры

Составные части культуры. Выше рассматривались относительно простые единицы культурной активности людей. Теперь рассмотрим строение культуры с точки зрения наличия в ней целостных масштабных частей, выделенных по разным основаниям. Существует немалое число вариантов строения культуры, создаваемых на основе ее важнейших свойств. Чаще все-

¹ См. Ламберт Д. Доисторический человек: Кембриджский путеводитель. Пер с англ. Л., 1991.

² См. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост. Б. С. Ерасов. М., 1998.

го эти варианты отображают состав не всей культуры, но только отдельных ее пространств или подсистем.

Простейшая модель построения культуры, широко используемая как в повседневной практике, так и в науке, разделяет ее *на материальную и духовную*. Под *материальной культурой* подразумеваются все предметы и материальные объекты культуры; каналы связей (дороги, пути связей, информационные сети), созданные носителями данной культуры в процессе жизни разных поколений, а также те природно-ландшафтные явления, которые включены в культурную практику. Под *духовной культурой* понимается обширное пространство позитивно направленных духовных ценностей — образов, представлений, оценок, символов, приобретающих высокую смысловую значимость для практических областей деятельности и социальных отношений¹.

Существует членение культуры, выделяющее в ней разные содержательно-исторические пласты и составные части. Так, начиная с культур Древнего мира, на фоне углубляющейся социальной дифференциации формируется феномен *народной культуры*. В современных условиях народная культура не приобретает четких границ. Термин скорее обозначает собирательное понятие, которое сводится к некоторому этническому или общенациональному инварианту; совокупности ценностно-нормативного и смыслового содержания, закрепленной и развиваемой в традициях. Совокупным творцом народной культуры выступали не только низшие сословия, но и представители разных слоев, которые вносят творческое начало в развитие традиций. Народная культура формируется через коллективный напряженный поиск новых культурных форм жизнедеятельности. Важная составляющая народной культуры наших дней — это сознание человеком принадлежности к собственной культуре, духовной близости к своему народу и адаптация народных традиций к современному социальному контексту.

Массовая культура — феномен Нового времени, который объективно порождается процессами индустриализации и в наши дни развивается под воздействием перехода развитого общества к постиндустриальной, информационной культуре. Сущность массовой культуры отображает объективную закономерность развития западноевропейских народов последних сто-

¹ О духовной культуре см. Платонов Г. В., Косичев А. Д. Духовность и наша жизнь. М., 1999

летий, когда обыденная традиционная культура оказывалась не в состоянии выполнять социализирующей и инкультурирующей функции по отношению к масштабным ассоциациям людей (например, к жителям мегаполиса), к конкретным субъектам культурной практики.

Модернизация вырабатывает новые формы приобщения индивидуума к социокультурной практике, порождая многообразные проявления массовой культуры в разных областях деятельности. Так, массовая общеобразовательная школа формируется в процессе социализации детей; средства массовой информации развиваются в области культурных коммуникаций; массовые движения и партии — в политической жизни; массовый потребительский спрос и стандарты престижных услуг — в потреблении жизненных благ, проведении досуга.

Продукты массовой культуры создаются профессионалами — специалистами в сфере потребительского спроса, образования, политики, массового искусства, рекламы. Распространяясь по всему миру, эти продукты, как правило, не несут в себе мастерство, развивающее начало, которыми обычно наделена народная культура. Многие из них вообще лишены этнонациональных признаков. Важным рычагом развития массовой культуры выступают коммерческие цели, а также ориентация на создание своеобразного эрзац-продукта, т. е. товаров, услуг, художественных ценностей, рассчитанных на усредненный вкус.

В отличие от массовой культуры *контркультура* концентрирует в себе установки, противостоящие господствующей культуре, выдвигающие альтернативные принципы развития, новые духовные ориентиры. Явление контркультуры заинтересовало исследователей во второй половине XX в. как один из факторов, динамизирующих развитие народов. Ослабление прежних норм деятельности, духовных ориентиров и зарождение новых нередко сопровождается общественным размежеванием, активизацией определенных социальных сил. Не все эти сдвиги формируют контркультуру. Но если они приобретают отчетливое выражение в идеях, в действиях целых слоев, то тем самым обществу передается импульс обновления. Новые представления какое-то время сохраняют инновативный характер по отношению к базовым образцам, но со временем значительная их часть способна интегрироваться в господствующую культуру. Так, для многих народов Средиземноморья,

Западной, Восточной Европы, Малой Азии нормы и ценности христианства поначалу выступали в качестве инноваций. Широкое освоение христианского видения мира этими народами способствовало обновлению и динамизации их культур.

Субкультуры. Рассмотрим строение культуры с точки зрения наличия в ней различных *субкультур*, т. е. таких частей господствующей культуры, которые связаны с социальными сообществами как своими носителями и которые отличаются нормативным строем, ценностями, традициями, отличными от культуры в целом. Наиболее известными единицами в этом случае выступают *городская и сельская субкультуры*, а также субкультуры ряда социальных сообществ — сословий, слоев, классов.

Так, в прошлом в Западной Европе своими важнейшими признаками выделялись *рыцарская*, позже — *дворянская культура*, еще позже — *буржуазная культура*. В средневековой Японии аналогом рыцарской культуры служил образ жизни и кодекс чести воинов-самураев¹. Важной составляющей культуры земледельческих народов в прошлом была *крестьянская культура*, для которой характерен свой уклад жизни, собственные хозяйственные формы и трудовой ритм, а также фольклорные разновидности художественной практики — мифы, былины, сказки, пословицы, музыкальное и песенное исполнительство, прикладные виды искусства. В настоящее время крестьянская культура сохранилась во многих странах Азии, Южной Америки, Африки. Но, например, в Англии она не существует уже несколько столетий, так как в результате промышленной революции здесь исчезло крестьянство как единица социальной структуры. Во Франции крестьянская культура исчезает к XX в. В современном обществе чаще всего сохраняются небольшие по численности слои производителей сельскохозяйственной продукции, которые уже не воспроизводят традиционную культуру, но скорее приобщены к городскому образу жизни.

Демократизм и массовые формы современной жизни мало способствуют формированию субкультур на основе стратификационных форм жизнедеятельности. Если иметь в виду разные слои среднего класса (квалифицированные рабочие, инженеры, менеджеры, работники сферы обслуживания и др.), то культурные различия между ними сводятся к неодинаковым

¹ См. *Гришелева Л. Д.* Формирование японской национальной культуры. М., 1986, Книга самурая. Пер. с яп. СПб., 2000

культурно-стилевым особенностям образа жизни — к различиям в уровне жилищного комфорта; к разнице в художественных, духовных или информационных предпочтениях; к неординарному проведению свободного времени. Эти качества жизни далеко не всегда формируют субкультуру того или иного слоя.

Вместе с тем целый ряд субкультур, выделяемых в современном обществе по социальным критериям, продолжает развиваться. Так, исследователи выделяют *элитарную культуру*, т. е. субкультуру представителей привилегированных групп общества, для которой характерны такие черты, как принципиальная закрытость культурной коммуникации, высокое качество жизни, закрепление принципов ценностно-смысловой самодостаточности, противопоставление себя субкультурам других слоев, в частности массовой культуре.

Зарубежные исследователи выделяют *культуру бедности*, которая развивается в ряде современных обществ на противоположном от элитарной культуры полюсе. Речь идет о культуре беднейших групп населения: низкооплачиваемых неквалифицированных рабочих, маргинальных слоях. Их качество жизни резко отличается от жизни основной части населения, что определяет их обездоленность, низкий уровень квалификации, образования и духовных запросов, высокий уровень молодежной преступности.

Своими характеристиками выделяется также *молодежная субкультура*, которая формируется в условиях городской среды современного общества. Молодежная субкультура во многих странах демонстрирует общие свойства: достаточно четко выделены ее границы, отъединенность от жизни старших поколений, уход ее носителей в сферу общения и самообразования, досуга и развлечений. Конечно, молодежь не в состоянии создать собственный уклад жизни, оригинальные формы духовной активности. Молодежная субкультура складывается из представлений современно мыслящих юношей и девушек, их жизненных целей, жаргона, манер поведения, занятий в свободное время. Для молодежной аудитории целенаправленно создается определенный объем массового искусства — прежде всего музыка, вокальное исполнительское искусство, кинофильмы, литература, модная одежда, компьютерные игры.

Говоря о субкультурах, следует также указать на наличие во многих странах *этнонациональных субкультур*. Весьма немногочисленны страны, население которых моноэтнично. В этом слу-

чае исторически формируется этнически однородная — гомогенная — культура. Хотя даже в такой моноэтнической стране, как Япония, кроме японцев издавна жили иммигранты — корейцы, а на севере страны — представители коренного этноса — айны. И те и другие до сего дня сохраняют культурную специфику, не ассимилируясь в японской среде.

Полиэтническими по своим корням и, следовательно, более сложными по составу выступают многие национальные культуры современных стран Западной Европы. Так, в английской культуре выделяются своим чувством культурной самоидентичности шотландцы. Решительно отказываются причислять себя к английской культуре ирландцы. Во Франции сохраняются самобытные культуры корсиканцев, басков. В современной Испании также далеко не все граждане готовы безоговорочно назвать себя испанцами. Из примерно 40 млн. граждан страны 5 млн. считают себя каталонцами, около 3 млн. — галисийцами, а чуть более 2 млн. — басками. Все названные этносы проживают компактно, сохраняя до сих пор свой язык и культуру.

Еще более сложными по этнонациональным и расовым признакам выступают культуры таких обществ, как индийское, российское, стран Американского континента. Во всех этих случаях страновая культура демонстрирует способности интегрировать разные расы и народы. В результате в рамках одного государства складывается надрасовое и надэтническое культурное единство, образуя особое национальное единство — суперэтнос. Отечественный историк Л. Гумилев считал, что суперэтнос — крупнейшая после всего человечества единица, возникающая в одном регионе или в одной стране и проявляющая себя в истории как мозаичная культурная целостность. Причем эта мозаичность придает суперэтносу пластичность, добавляет выживаемости¹. Однако культура страны в этом случае приобретает ярко выраженный гетерогенный — разнородный, порой отчетливо метисный — характер (например, в странах Латинской Америки).

Историческое формирование единой культуры в таких неоднородных обществах осуществляется лишь при наличии интегративных факторов. Так, важнейшей интегративной предпосылкой выступает наличие языка межнационального общения.

¹ См. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990, *Он же*. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.

В качестве дополнительных объединяющих факторов может служить либо общая религия (католицизм в странах Латинской Америки), либо единые механизмы хозяйственной, идеологической консолидации (либерально-демократическая идеология, рыночные механизмы хозяйствования, как в США), либо общая историческая судьба, сильное государство, духовная культура (как в России), либо все указанные факторы, примером чего выступает особый образ жизни жителей Индостана, получивший название индуизма.

Наконец, в рамках одной и той же страновой культуры важно уметь вычленять *территориальные (региональные) субкультуры*, которые могут быть как моноэтническими, так и полиэтническими. В рамках российской культуры такими составными единицами выступают культура юга России, культура Сибири, русского Севера и т. п.¹

Морфологическая модель культуры. Выше были указаны составные части культуры, выделенные по разным основаниям, поэтому связь между ними зачастую сложно проанализировать. В культурологии разрабатываются также целостные модели построения культуры, составные части которых выделяются по единым критериям, что позволяет видеть взаимосвязанные отношения между единицами членения. В качестве одной из таких разработок представим морфологическую модель культуры, созданную отечественными исследователями. Критериями членения составных единиц выступает историческая сформированность и функционально-содержательная самостоятельность каждой части культуры, а также взаимодействие их между собой, в результате чего между ними происходит обмен результатами культурной деятельности².

Данная модель состоит из двух горизонтальных уровней, а также из ряда функционально выделенных по вертикальному членению областей социокультурной практики (членение по горизонтальному и вертикальному признаку выступает достаточно условно, что позволяет отобразить схему их соотношения между собой). Два уровня представлены *обыденной* (в онтогенезе и в филогенезе более ранняя стадия) и *специализированной культурой* (исторически возникает в обществе и осваивается индиви-

¹ См.. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. М., 1998.

² См.: Морфология культуры: Структура и динамика / Под ред. Э. А. Орловой. М., 1994

дом на более поздней стадии). На том и другом уровне неодинаковы способы организации людей, различные методы сохранения и использования культурного опыта. Обыденная культура связана с поддержанием непосредственной жизнедеятельности, повседневного жизненного мира людей. С первого и до последнего дня жизни человек развивается в ее рамках — в семье, среди близких друзей, в процессе неформальных взаимодействий с социальным окружением. Поведенческие акты повседневной практики не закреплены в жестких инструктивных формах деятельности; активность человека в этом случае носит изменчивый и вариативный характер, для нее свойственна высокая степень чувственно-эмоциональных проявлений, устремленность на реализацию своих запросов и интересов.

Специализированная культура связана с общественным разделением труда и предполагает наличие системно-институциональных сфер деятельности — сферы индустриального труда, область управленческой деятельности, сферы обслуживания, образования, профессионального искусства и др. Включаясь в профессиональную культуру в качестве работника, человек проходит специальное обучение, которым он овладевает в отрочестве, юности и которое помогает ему включиться в систему трудовых навыков, профессиональных знаний. В отличие от обыденной культуры деятельность на специализированном уровне обретает более рационалистический характер и протекает в жестких институциональных границах, что выражается в перечне административных требований, должностных обязанностей, в организации труда, в статусной иерархии производственных коллективов. Здесь к человеку подходят прежде всего как к работнику, должностному лицу; его труд подчинен задачам, которые стоят перед коллективом, фирмой, отраслью.

В дополнение к двум указанным уровням культуры выделяют функционально самостоятельные сферы по вертикальному членению: хозяйственная культура; политическая культура; правовая культура; религиозная культура; философская культура, художественная культура (искусство); научная культура; сфера рекреации (область культурной активности, направленная на поддержание здоровья, — медицина, оздоровительные технологии).

Наряду с этими единицами выделяются также области культурной практики, назначение которых — обеспечивать

связь между всеми указанными уровнями и сферами культуры: сфера образования, средства массовой информации (печать, радио, телевидение, компьютерные сети), а также учреждения культуры, позволяющие сохранять и транслировать культурные ценности широким социальным группам (архивы, библиотеки, театры, музеи, концертные залы и др.).

Оба уровня и указанные области культурной практики связаны с реализацией определенных функций, каждая из которых в рамках культуры не может быть выполнена какой-либо другой областью. Так, в хозяйственной практике реализуется деятельность людей, направленная на жизнеобеспечение общества, начиная с удовлетворения первичных потребностей людей в пище, жилье, одежде и кончая созданием технических средств труда, военного вооружения. Область правовой культуры — это система нормативных отношений между людьми, организациями, а также коллективные чувства и воля носителей данной культуры в сфере законодательно-правовой деятельности. Религиозная культура объединяет людей вокруг некоторых универсальных идей высшего начала, мирового порядка, которые выступают в качестве священных представлений, предписанных свыше.

Не перечисляя особенностей всех указанных областей культуры, мы укажем лишь, что в реальной практике каждая из этих областей выделяется на фоне других как своим обыденным, так и специализированным уровнем. Вместе с тем между уровнями и областями культурной активности нет непреходимых границ. В социальной практике все они связаны между собой множеством связей и отношений. Поясним это на примере таких областей, как хозяйственная и религиозная области культуры.

Религиозная мысль способна выдвигать и обосновывать высшие моральные императивы трудовой деятельности и хозяйственных отношений, стимулируя развитие экономики. М. Вебер раскрыл подобные процессы в северных странах Западной Европы и Северной Америки на примере протестантской этики и духа капитализма. В настоящее время прослежена роль в обосновании хозяйствования и принципов труда таких конфессий, как католицизм, православие, ислам, иудаизм и др.¹ Но и хозяйственная культура, со своей стороны, укреп-

¹ См. Зарубина Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998.

ляет религиозную практику: через пожертвования прихожан, сооружение церковных комплексов и др. Известно, что сама церковь, конфессиональные сообщества всегда сосредоточивали в своих руках немалые материальные ценности, используя их как для внутренних нужд (содержания монастырей), так и для общественных целей (помощи обездоленным, распространения религиозных идей, организации начальных школ).

§ 4. Динамика культуры

Ни одна культура не является статичным образованием — в ней все всегда находится в движении, вся она — постоянно длящийся бесконечный поток событий и процессов. Определить культурную динамику на каком-то отрезке времени значит выделить в той или иной ее области такие изменения, которые приобрели упорядоченный, векторный характер, с присущими им общими темпо-ритмическими качествами, содержательной определенностью и сходной направленностью основных тенденций. Ниже рассмотрим исторические типы культурной динамики, проанализируем те факторы, которые ее определяют, а также выделим ее разновидности (формы).

Типы культурной динамики на разных этапах исторического и социального развития. Раскроем сущность исторических стадий культурной эволюции человечества. Одной из наиболее широко используемых характеристик эволюции культуры выступает периодизация исторического развития: культура первобытного общества, культура Древнего мира, культура Средних веков, культура Нового времени. В основе данной исторической шкалы заложено представление о развитии той или иной культуры как о линейно-поступательном движении от простого к сложному (эталоном сложного мыслилась культура западноевропейского типа), которое предложили в XIX в. эволюционисты.

В соответствии с этим представлением выделяется несколько стадий и модификаций культурной практики разных народов: культура *архаического* типа (как правило, это бесписьменные культуры), культура *традиционного* типа, культура *современного* типа. В свою очередь традиционные и современные культуры дополнительно членятся в зависимости от ведущих форм хозяйственных занятий и степени развития экономики.

Среди традиционных культур известны землепашенная, скотоводческая кочевая или полукочевая, скотоводческая оседлая культуры. Все эти разновидности объединяются под названием культуры *доиндустриального* общества. В культуре современного типа выделяются следующие стадии: культура *индустриального* и культура *постиндустриального* общества¹.

Выделение указанных исторических типов человеческой культуры помогает понять особенности общественной эволюции человека. Так, каждому типу и стадии соответствуют собственные разновидности хозяйствования; формы социальной регуляции и коммуникативных связей, а также виды и глубина духовного освоения мира. Выделение указанных типов культурных изменений включает в себе единое понимание исторического времени, что важно как в изучении *диахронного* (т. е. последовательного развития от эпохи к эпохе) среза культур, так и *синхронных* (т. е. существующих одновременно) аспектов культурного развития полиэтнических сообществ.

В современном мире сосуществуют различные типы культурной динамики, т. е. оказывается возможным синхронное существование исторически разнотипных культур. В современной российской культуре, например, одновременно развиваются этнические культуры, сохраняющие черты архаики (малочисленные народности Севера), народы с традиционной культурой (ряд коренных этносов Сибири и Дальнего Востока, Северного Кавказа); наряду с этим развиваются центры урбанизированно-индустриального типа, в некоторых случаях приобретающие черты постиндустриальной культуры (столичные агломерации и города Поволжья, Южного Урала, Сибири). Подобная разнотипность культурной динамики российских народов накладывает серьезный отпечаток на социальные процессы в нашей стране.

Факторы культурных изменений. Под *факторами* культурных изменений понимаются те движущие силы, источники и условия их реализации, которые лежат в основе данных изменений. Их длительное взаимодействие между собой создает эффект исторической самоорганизации культуры. В определенных условиях действие тех или иных факторов выходит на первый план, что в рамках научного анализа рассматривается как при-

¹ Подробнее о постиндустриальном обществе см. гл. 18.

чина конкретных изменений и сдвигов. Ниже выделим типы факторов, лежащих в основе культурных изменений.

Природно-ресурсные факторы связаны с наличием или истощением необходимых для общества ресурсов окружающей среды. Речь идет о тесной связи между природными ресурсами, климатом с такими областями культуры, как хозяйственные занятия, развитие орудий труда, образ жизни населения в целом. Нарушение равновесия между природно-ресурсной средой и указанными областями неизбежно сопровождается трансформациями внутри культуры.

Фактор *пространственного размещения* культурных форм связан с тем, что более плотное их размещение на территории (например, в городах), насыщенность культурных признаков в исторических центрах предполагают интенсивные изменения в обществе. Периферия культурного ареала связана с разреженностью культурных форм, с относительно слабым освоением территории, что вызывает замедленный темп социального развития в сравнении с центральными и урбанизированными регионами.

Фактор *взаимодействия* разных культур порождает диффузию достижений одного культурного сообщества в другое. При этом процессы взаимодействия культур не следует упрощать — они осуществляются через сложные механизмы освоения одних достижений и отталкивание других, через уничтожение традиций и созидание новых культурных форм, что может порождать конфликтное напряжение социальных сил как в культуре, транслирующей свои достижения, так и в принимающей культуре.

Фактор *социальных институтов и отношений* динамизирует одни культурные изменения и тормозит другие. Действие этого фактора проявляется в таких разнообразных социальных явлениях и процессах, как неравновесность стратификационного деления; смена поколений; социальные столкновения и революции, общественные движения, выступающие за что-то или против чего-то; социальная политика, поддерживающая активность одних социальных групп, нейтральная по отношению к другим группам и репрессивная по отношению к третьим, и т. п.

Духовно-идейный фактор включает в себя идеи, ценности, целостные программы культурной активности. В наше время ни один исследователь не рискнет трактовать действие данного фактора в том смысле, будто «идеи правят миром». Часто духовные изменения происходят вслед за инновациями в мате-

риально-технических областях практики. Но есть немало свидетельств того, что духовные регулятивные программы определяли развитие важных сторон жизнедеятельности людей на протяжении длительных периодов времени, подчиняя себе практические сферы. Речь идет о мощных по силе воздействия религиозных программах действия (например, комплекс идей буддизма, зороастризма, христианства, ислама); о политических идеологиях (либеральная идеология, марксизм), о философско-нравственных идеях (конфуцианство в странах Дальнего Востока, философия Просвещения или модерна в Западной Европе).

Социальная значимость фактора *рационального исследования и управления* приобрела особую очевидность в современных условиях на фоне возрастания роли научной деятельности, информационных сетей, а также социальной политики, которую осуществляют органы власти, производственный менеджмент. Ярким проявлением действия данного фактора можно считать политику целенаправленной модернизации экономических и политических отношений, осуществляемую государством. Вместе с тем ошибочно переоценивать результативность данного фактора в целостных изменениях культуры. Управленческое регулирование в состоянии оптимизировать и корректировать лишь некоторые аспекты целостных изменений в культуре. Даже союз науки и управленческой деятельности не в состоянии осуществить целостное регулирование культурной динамики, которая развивается в режиме самоорганизации.

Формы культурной динамики. Рассмотрим различные формы культурной динамики, которые отличаются друг от друга направленностью культурных изменений, их содержанием, интенсивностью, результатами. Так, еще в древности философы говорили об изменениях *по кругу*, когда развитие какого-либо общественного организма, культурного явления, пройдя через определенные циклы, завершается первоначальным состоянием. Ныне сходные изменения чаще называются *циклическими*, или *волновыми*, когда культурная практика проходит разные стадии, фазы и циклы своего развития. При этом представление о круге не всегда оказывается правомерным, если представить его разомкнутым, не обозначив начало и конец волновых изменений (см. об этом подробнее гл. 16).

Те изменения, которые развиваются в нарастающем режиме с аккумулярованием целесообразных, с социальной точки зрения, культурных качеств, носят название *прогрессивные* изменения. Им противоположны *регрессивные* изменения, свидетельствующие о затухании, уменьшении целесообразных качеств культуры и о разрастании кризисных признаков, о наступлении хаоса.

В качестве варианта циклического развития исследователи выделяют *инверсионное* развитие, которое реализуется в форме маятниковых колебаний культурных перемен (туда-обратно, например, от традиционного состояния к социальным преобразованиям, от преобразований — к восстановлению ряда утраченных культурных форм).

Культурный *застой* характеризуется как состояние длительной неизменности, повторяемости культурных норм, ценностей, смыслов. Вместе с тем застой следует отличать от наличия в любой культуре устойчивых традиций и обычаев. Застой наступает тогда, когда традиции доминируют над инновациями, подавляя их и снижая адаптационный потенциал культуры.

В противоположность застою период *культурного взрыва* характеризуется многообразными, быстрыми изменениями, результаты которых трудно прогнозировать. Для периода взрыва характерны неустойчивые социокультурные процессы, быстрая смена событий, втягивание в активные действия самых разных социальных сил и субъектов деятельности. Каждый момент взрыва приобретает свой набор равновероятностных возможностей перехода культуры в следующие состояния, за пределами которых находятся заведомо невозможные трансформации¹.

Нередко бывает весьма сложно определить характер и направленность культурной динамики. В этом случае для уяснения смысла происходящих перемен требуется определенный временной период, когда результаты культурного развития той или иной области социальной практики приобретают очевидные последствия для общества. Если изменения в конечном итоге ведут к обогащению и дифференциации культуры в целом, то они рассматриваются как позитивные и необходимые.

Вместе с тем обогащение культуры в целом может означать *упадок* или *деградацию* ее отдельных частей. Так, утвер-

¹ См.: Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.

ждение более сложных и развитых мировых конфессий, динамизирующих культуру многих народов, сопровождалось подрывом и исчезновением языческих форм их прежней религиозной практики; распространение универсальных норм городской культуры, как правило, означает деградацию провинциальной культуры.

Особо следует выделить состояние *культурного кризиса*, для которого характерно нарастание хаотических тенденций, увеличение противоречий и разрыва между традициями и инновациями в той или иной области социальной практики¹. Порой кризис перерастает в *культурную катастрофу*, когда прежнее функционирование той или иной области практики или всей культуры становится невозможным. В случае катастрофы культурная преемственность прерывается, культурная деятельность или субкультура исчезает. После 1917 г. в России целые культурные пространства оказались в состоянии кризиса или катастрофы. Так, культурная катастрофа постигла такие субкультуры, как купеческая, дворянская. Заметно деградировала и область религиозной практики — православия, ислама и др. Вместе с тем мировой опыт включает в себя случаи катастрофического исчезновения целых культур, что обычно бывает связано с военным завоеванием территории и растворением культуры аборигенов в культуре завоевателей.

Многообразие форм культурных изменений позволяет видеть, что культурная динамика складывается в результате действия разнонаправленных, порой до противоположного вектора, процессов и тенденций. Чтобы верно оценить характер изменений в конкретных условиях времени в той или иной области культурной практики, необходимо точно определить наблюдаемые и скрытые качества, которые свидетельствуют о важнейших динамических тенденциях. Например, судить о кризисных явлениях в религиозной практике можно в том случае, если в церковной иерархии обозначается идейный раскол, если в обществе происходит падение социального авторитета церкви и, напротив, расширяются масштабы нарушения религиозных обрядов, чаще появляется критика религиозных догматов и др. Расцвет искусства определяется расширением масштабов художественно-творческой деятельности; повышением ее влияния

¹ См.. Анатолия кризисов. М., 2000

на общественное сознание; появлением общепризнанных талантов и выдающихся произведений искусства и т. п.

Подчеркнем, что ярко выраженные характеристики, которые можно проранжировать по типу «больше-меньше», «чаще-реже», весьма важны для оценки культурной динамики. Но не о всех тенденциях в культуре можно судить на основе количественных данных. Не менее важным оказывается качественный анализ, который связан со способностью исследователя подходить к новым тенденциям в культуре с точки зрения самих носителей культуры (применительно к современности это предполагает длительное проживание исследователя в данном обществе), с умением на основе незначительных сдвигов социальной обстановки и перемен в духовной атмосфере ухватить глубинную сущность происходящего.

Приложение

Социология в России: качественное своеобразие российской культуры

Своеобразие исторического развития российской культуры. Когда говорят о культуре России, то порой сводят ее к характеристикам русской культуры. Однако их нельзя отождествлять. Русская культура является частью российской; последняя выступает более масштабной и сложной. Долгий период отечественные мыслители не могли прийти к общим оценкам сущности отечественной культуры. В течение последних двух столетий проблема активно дискутировалась с позиций историософского и социально-философского анализа¹. Опираясь на результаты этого обсуждения, охарактеризуем особенности исторического формирования российской культуры.

Российская культура является результатом исторических процессов самоорганизации множества народов российской Евразии. Она развивается в суровых геоклиматических условиях, на территориях, по большей части неблагоприятных для жизнедеятельности людей. Ей присущ ярко выраженный гете-

¹ См.: В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия / Сост. Н. Г. Федоровский. М., 1997.

рогенный характер этнонациональных и конфессиональных основ. В рамках российской культуры сформированы крупные этнонациональные, религиозные, социальные, субтерриториальные системы, которые в свою очередь включают в себя разнообразные системы меньшего масштаба (субкультуры) и социокультурные сегменты (культурные стили жизнедеятельности).

Государствообразующей основой отечественной культуры выступает культура русских, язык которых является языком межнационального общения. Нынешние русские ведут происхождение от восточнославянских племен, населявших леса, русла Приднепровья, Верхнего Поволжья, приокские просторы, территорию Новгородской земли, Поморья и др. В качестве предков, помимо древнеславянских племен, выступают также представители финно-угорских, тюркских народов. Другими словами, в ряды русских издревле вливались отдельные представители других народов, чья судьба оказалась связанной с русской культурой¹. Русские исповедуют одну из форм христианства — православие.

В российское государство на разных исторических этапах развития включались различные родоплеменные сообщества (в том числе, развивающиеся до прихода русских автохтонно — малочисленные народы севера Сибири и др.) зрелые этносы (татары, чуваша, якуты и др.), а также народы, имевшие в прошлом свою государственность (армяне, литовцы, поляки и др.). На первоначальных стадиях формирования отечественной культуры лидирующая роль в духовном становлении граждан страны принадлежала православию и языческим верованиям. По мере присоединения к государству соседних территорий среди населения оказываются мусульмане, буддисты, католики, протестанты, сторонники иудаизма.

По мере расширения границ России гражданами страны становились народы с разным укладом жизни и традициями; с неодинаковым уровнем социальной дифференциации; региональные сообщества, принадлежащие к разным цивилизационным мирам. Межцивилизационное положение страны придает отечественной культуре особую конфликтность — на-

¹ См.: Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры М., 1994—1995 Т. 1—3, Сорокин П. Основные черты русской нации в XX столетии // О России и русской философской культуре Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.

родам России, рядовым гражданам, представителям государственной элиты всегда приходилось на практике согласовывать трудносовместимые нормы жизнедеятельности, духовные ценности разных этнических культур.

Сочетание указанных выше факторов определяло сложность зарождения общенационального культурного порядка между народами евразийского материка. Спонтанно, без государственной компоненты вряд ли была возможна культурная интеграция представителей указанных народов и территориальных общностей. В течение нескольких столетий представители государственной власти России выполняли работу по распространению среди нерусского населения русского языка — средства межнационального общения. Правительство проводило переселенческую политику, способствуя расселению русских на вновь присоединяемых землях. Особый предмет государственной политики — приобщение представителей разных народов к системе российского законодательства и права; развитие современной системы образования и социализации молодежи, позже — стимулирование научной и культурно-информационной деятельности.

Немало усилий государство прилагало к тому, чтобы в стране заработали культурные механизмы, создающие единое хозяйственное пространство. Только перевод степняков с кочевого образа жизни на оседлый занял не одно столетие. Кроме этого, приходилось учитывать различные хозяйственные нормы, неодинаковые императивы трудовой морали, порой отсутствие навыков к денежно-финансовым операциям, к современным формам политической активности (например, у представителей малочисленных аборигенов Сибири и Дальнего Востока). В результате в общехозяйственные процессы втягивались такие разные субъекты экономической деятельности, как русский крестьянин и кочевник-бурят; кавказский горец-пастух и купец прибалтийского города; чукотский охотник на морского зверя и помещик среднерусской деревни.

Формирование отечественной хозяйственной культуры осложнялось тем, что восточные и северные территории России постоянно оставались трудными для освоения и массового заселения. Эти земли приходилось осваивать на базе имеющихся духовных мотивов, технологий и форм организации труда. Сделать это в короткие исторические сроки, а тем более через насаждение рыночных отношений среди народов и родоплемен-

ных образований с традиционными и архаическими формами хозяйствования было крайне сложно. До революции лишь П. Столыпин ставил задачу добиться появления среди русских крестьян «крепких хозяев», распространения рыночных отношений. Однако эта задача тогда так и не была решена.

Условия жизнедеятельности, определенная расстановка социальных и культурных сил, активная роль государства в регулировании многих сторон социокультурной практики предопределили существование в нашем обществе таких явлений, как сильная власть центра и слабая власть на местах; динамичные формы жизнедеятельности в крупных городах, в отдельных регионах, но замедленный темп жизни на периферии; большой объем государственной и коллективной собственности, но чрезвычайно ослабленный институт частной собственности; пестрый фон разных хозяйственных укладов народов России и слабые рыночные механизмы; размытая дифференциация социальной структуры со специфическими формами гражданской инициативы и демократическими традициями, ведущая роль государства в развитии образовательных, информационных и духовных факторов, интегрирующих народы российской Евразии. Указанные особенности российского общества и отечественной культуры следует рассматривать не как проявление чей-то недоброй воли или консерватизма массовой психологии, а как объективный результат совместного социокультурного развития народов Евразии на протяжении нескольких столетий.

Механизмы межкультурной интеграции и цивилизационного синтеза в российской культуре. Политика российского государства в деле интеграции и культурного развития народов страны далеко не всегда согласовывалась с требованиями времени. К тому же она могла стать результативной лишь при самостоятельной поддержке со стороны разных этносов, населения в целом. Различные народы, жители разных территорий, присоединяемых к российскому государству, постепенно втягивались в культурно-интеграционные процессы. Важно подчеркнуть, что при этом не размывались этнические и локально-территориальные культуры, — на всем протяжении истории в нашем обществе сохраняется атмосфера уважения, толерантности к многообразию культурных миров внутри страны.

Эта атмосфера мультикультурализма помогала отрабатывать механизмы цивилизационного синтеза. Уже в XIX в. отечествен-

ные исследователи фиксируют сближение культурных языков народов России; согласование элементов разнообразных картин мира, появление общих смысловых и ценностных представлений (понимание добра-зла, смысла жизни, приемлемой социальной иерархии и др.). В настоящее время можно вычленить целый ряд единых духовных ориентиров и поведенческих норм, присущих гражданам страны безотносительно к их этнической и региональной принадлежности. Перечислим наиболее важные из них:

- уважение к силе, в том числе к государственной, к власти;
- признание иерархических отношений между социальными слоями и сословиями;
- ожидание попечительства и опеки сильных над слабыми;
- перераспределение богатства в пользу слабых и бедных;
- сострадание к тем, у кого что-то не ладится, не получается, к проигравшим;
- уважение к разным традициям, верованиям, языкам;
- предпочтение осмысленной аскезы богатству, общей строгости нравов моральной вседозволенности, добровольного самоограничения комфорту;
- устремление к духовности как способности людей выходить за рамки своего индивидуального существования и ставить цели, не связанные с улучшением повседневной жизни;
- понимание красоты в тесной сопряженности с добром и ответственностью перед обществом («перед миром», как выражались русские крестьяне);
- одобрение коллективных усилий в труде, в общественных делах и, напротив, настороженное отношение к индивидуалистическим устремлениям, к достижению собственного благополучия за счет других;
- запрет на любование безобразным, бесчеловечным, низким.

Если иметь в виду архетипические представления о желательной социальной структуре, то народы России поддерживают социальную иерархию, на вершине которой стоят хранители морали и религиозного культа, затем следуют те, кто занят производительным трудом, затем — ратники. Социальные группы, концентрирующие материальные и финансовые богатства, занимают в этой иерархии не самые почетные места¹.

¹ См.: Ильин В., Панарин А., Рябов А. Россия: Опыт национально-государственной идеологии. М., 1994. С. 161—185.

На основе перечисленных духовных ценностей формируются общие для граждан России традиции, обычаи, культурные образцы. Рассмотрим, например, какое содержание приобретает в России культурный образец, связанный с жизненным и хозяйственным практицизмом. Практицизм в российской действительности приобретает иные критерии эффективности, нежели в западноевропейских культурах. В отличие от практицизма рационалистического толка (ориентация на расширение производства, достижение прибыли, индивидуальный успех и др.) практицизм народов Евразии вырастает из способности преодолевать суровые природно-климатические условия жизни и потенциальную катастрофичность окружающей среды; умножать корпоративные формы труда и досуга, вести скромный образ жизни при минимальном бытовом комфорте и т. п.¹ Таким образом, культурные образцы практицизма у народов Западной Европы и у народов России разные, ибо они отображают неодинаковые способы жизнедеятельности и разный исторический опыт огромных сообществ.

Аналогичные интегративные механизмы действовали во многих областях социокультурной практики, нередко порождая результаты, приобретающие общемировое значение. Сошлемся на результаты цивилизационного синтеза в ряде специализированных областей культурной практики. В этом случае синтез осуществляется в процессе деятельности талантливых, выдающихся людей, которые трудятся в сфере религии, науки, искусства и которые в состоянии реализовать в своем творчестве интегративный потенциал российской культуры. Наиболее ярко этот синтез обнаружил себя в философской и эстетической мысли (идеи всемирной отзывчивости и всеединства, развиваемые Ф. Достоевским, В. Соловьевым, Н. Бердяевым); в научно-проектной области (идеи научного космизма, в том числе представления о ноосфере В. Вернадского, идеи свразийства, учение об организации А. Богданова); в художественном сознании (в XIX в. — литература, музыка, живопись, в XX в. — искусство Серебряного века, творчество Н. Рериха, в советский период — конструктивизм в архитектуре, музыкально-песенное искусство, кино, особенно нацио-

¹ О характере российского практицизма см.: Зарубина И. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998.

нальное — грузинское, армянское, казахское, «деревенская проза» и др.); в мистико-религиозных представлениях и практике (воззрения Е. Блаватской, учение Л. Толстого, концептуальные представления религиозного космизма, мистический опыт запредельного Д. Андреева, идеи о гармоническом развитии человека и тренинги Г. Гурджиева и др.).

В целом российская культура выступает симбиотической евразийской цивилизацией, заключая в себе разные этнические миры и духовные пространства. Она обладает свойствами как порождать масштабные конфликты, так и создавать возможности для их преодоления, в частности, через осуществление оригинального культурного синтеза. В рамках российской культуры не раз продуцировались мироустроительные идеи, приобретающие общечеловеческую значимость, вырабатывались сложные культурные формы, аналог которым невозможно встретить в других цивилизациях. Механизмы культурного синтеза действуют в российском обществе не по принципу «плавильного котла», а в режиме диалога, когда каждая этническая, региональная культура участвует во взаимодействии на равноправной основе. В результате формируется сообщество евразийских народов — российский суперэтнос.

Модернизация общества и обновление отечественной культуры. Модернизация для российской культурно-цивилизационной системы становится серьезным испытанием. Масштабные преобразования — в виде целостной политики реформ — способны стимулировать обновление культуры в целом, но наряду с креативным потенциалом преобразования заключают в себе аспекты, способные обернуться разрушением базовых качеств культуры.

Российская модернизация в виде ряда реформаторских циклов, которые осуществлялись царским правительством в течение 200 лет, была ориентирована на выборочное заимствование технических достижений, социальных институтов и духовных принципов западноевропейской цивилизации. К 1917 г. удалось приблизить к современному состоянию западного типа лишь некоторые отрасли хозяйства и отдельные сегменты социальной практики.

Такая стратегия модернизации породила глубокий культурный раскол: российское общество оказалось разделенным на две антагонистические группы, непропорциональные по численности и степени участия в обновлении культуры, — по-европейски мыслящие высшие слои и основная часть населения, кото-

рая состояла из этнонациональных и региональных сообществ, продолжавших жить в основном традиционными укладами.

Социалистический способ обновления страны объективно приобрел для России разрешающее значение, хотя эти процессы сопровождались масштабными издержками гуманитарного и культурного плана. В рамках советской модели более последовательно, чем в дореволюционный период, стала преодолеваться хозяйственная многоукладность и социальная поляризация. Разнотипные культурно-цивилизационные ориентиры деятельности граждан удалось объединить общими духовными принципами развития.

Эти процессы культурной консолидации базировались на действии целого ряда масштабных социальных институтов и структур. В стране действовала эффективная для своего времени система социализации молодежи и подготовки кадров для разных сфер деятельности. У разных народов, в разных социальных группах появились элитные слои современного типа, результат деятельности которых оказался значимым в общенациональном масштабе. Была создана общесоюзная сеть информационных, научных, образовательных и культурных центров. У жителей разных регионов вырабатывались сходные признаки образа жизни, ценностные регуляторы деятельности.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в социокультурной основе советской модели жизнедеятельности были заложены противоречия, затрагивающие глубинные механизмы культурного воспроизводства, что через несколько десятилетий привело к распаду СССР. Так, искореняя культурную архаику (например, отсутствие письменности у некоторых народов), властные органы боролись с рядом базовых народных традиций, с религиозной верой; одно время ставилась цель добиться слияния наций. Такая политика посягала на основные качества этнонациональных культур и вместе с тем дезинтегрировала общество.

Слабый учет, а порой и игнорирование властной элитой культурной специфики страны приходили в противоречие с действием механизмов самоорганизации, которые функционировали через самодеятельную активность населения. Вопреки гонениям на религиозные организации и верующих отечественные конфессии не только выжили, но сохранили авторитет в общественном сознании. Нивелирующая национальная политика не смогла разрушить историческую преемственность в этни-

ческих культурах. Все это свидетельствует о том, что социокультурная политика терпит поражение в том случае, если она не согласуется с глубинной динамикой отечественной культуры.

В постсоветский период в нашем обществе вновь встает проблема выбора вектора развития, а следовательно, и стратегии преобразований. Попытка группы отечественных реформаторов реализовать в 90-х гг. либерально-рыночную модель модернизации привела лишь к углублению общесоциального и экономического кризиса. Такой результат обусловлен переоценкой возможностей реформ либерального типа на отечественной почве и недооценкой творческого потенциала российского общества. Сторонники Запада связывают преодоление кризиса с действием «универсальных» принципов развития, которые на самом деле свойственны западноевропейской цивилизации.

Опыт модернизации ряда незападных стран (в частности Японии, Китая, Индии и др.) свидетельствует, что успешное обновление традиционной культуры возможно на амбивалентной основе: через продуманное комбинирование конструктивных традиций с техническими заимствованиями извне. При этом важно сохранить базовые духовные ориентиры населения, не разрушать у него чувство культурной идентичности.

В настоящее время в российском обществе созревают более взвешенные оценки как заемных, так и собственных возможностей обновления страны. Многие авторы развивают идею преобразований, в основе которых закладывается не критика собственной культуры, а уверенность в том, что только творческий потенциал отечественной культуры поможет обществу справиться с кризисом.

Вопросы для закрепления материала

1. Что такое культура? Раскройте, как соотносится научное понимание культуры с научным пониманием общества.
2. Определите и поясните на конкретных примерах, что такое «языки культуры», «культурная норма», «культурный образец», «смыслы культуры», «культурный символ».
3. Охарактеризуйте состав и функции универсальной модели культуры. В чем состоит научно-познавательная важность этой модели?

4. Чем является субкультура? Раскройте особенности 2—3 субкультур в составе современного общества (можно на примере любой страны).

5. В силу каких факторов культура России приобретает цивилизационные качества и российские народы приобретают признаки суперэтноса?

6. Опишите культуру какого-либо народа России по важнейшим признакам: место развития; принадлежность к языковой семье; религиозная практика; традиционные занятия в прошлом и в настоящем; этапы исторического развития; художественное развитие; бытовые и семейные традиции; особенности перехода к современному состоянию и др.

Литература для дополнительного чтения

Аванесова Г. А. Динамика культуры. М., 1997.

Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1. Интерпретации культуры.

Ерасов Б. С. Социальная культурология. М., 1996.

Зарубина И. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998.

Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 2000.

Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1997.

Культуры и цивилизации: Россия и Восток: Научный альманах. М., 1994. Т. 1; М., 1995. Т. 2; М., 1996. Т. 3.

Культурология. XX в. Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 1—2.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.

Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1998.

Михайлова Л. И. Социология культуры. М., 1999.

Морфология культуры. Структура и динамика. М., 1994.

Петров Д. В. Молодежные субкультуры. Саратов, 1996.

Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б. С. Ерасов. М., 1998.

Традиционная народная культура: Сб. информ.-аналит. материалов. М., 1995.

Kluckhohn K., Kroeber A. L. Culture: A Critical Review of Concepts and Definition. N. Y., 1963.

Murdock G. P. Culture and Society. Pittsburg, 1965.

Глава 5

ЛИЧНОСТЬ

§ 1. Человек и личность

Человек как объект и предмет социологии. Проблемы человека и личности занимают в системе современного социологического знания одно из центральных мест. Разумеется, у социологов нет монополии на изучение и интерпретацию данных проблем. К изучению человека обращаются не только различные науки, но и философия, искусство, религия, литература.

Человекознание представляет собой наиболее широкую на сегодняшний день систему знания, объединяющую представителей самых разных идейных и научных ориентаций на основе изучения человека как целостного существа. В него входят такие области знания, как философия или «метафизика», гуманитарное знание и комплекс научных дисциплин, включающий в себя как естественные науки (биологию), так и социальные (социологию и пр.).

Так, например, философия рассматривает бытие человека и общества в более широком плане, давая ответы на так называемые «вечные» вопросы. Она исследует сущность человека и смысл его жизни, выявляя общие закономерности развития его биологического и социального развития и намечая его идеалы, ценности и цели.

Следовательно, философское знание о человеке стремится не столько к изучению его целостности, сколько к выявлению всеобщих и сущностных связей в системе «человек—мир». Эти связи имеют ценностно-нормативную окраску, так как устанавливают границы познания человека, обусловленные господствующим в обществе или в определенной философской системе мировоззрением.

Гуманитарное знание основано на дескриптивном (описательном) и аксиологическом (ценностном) способах получения информации о человеке, выраженной, как правило, в текстах и других знаковых системах. К данному уровню знания относятся неотрефлексированные мировоззренческие представления, характерные для той или иной культуры и сформированные на базе ведущих ценностей. Сюда относятся религиозные, эстетические, художественные, этические и педагогические знания.

В современной науке традиционно сложилось «разделение труда» между естественными и социальными дисциплинами: первые занимаются изучением человека как биологического, природного существа, вторые — как общественного (социального).

Среди научных дисциплин, внесших наибольший вклад в исследование социальной природы человека, особо следует выделить социальную (культурную) антропологию, психологию, в том числе социальную психологию, и социологию. Каждая из них имеет свой подход к человеку, определяемый ее предметной спецификой и методологией исследования. Принципиальное различие между указанными подходами состоит в следующем: антропологический подход ориентирован с самого начала на изучение природы «родового человека» и тех жизненных форм, которые выражены в культуре как универсальном и специфически человеческом способе существования и развития социума; психологический анализ человека обращается к изучению его «внутреннего мира», представленного совокупностью эмоций, чувств, познавательных и иных психических процессов; социологический подход направлен в свою очередь на исследование человека как личности и тех институциональных форм, которые выражены в системе его отношений с социальной средой.

Социология в силу своего научного статуса изучает не человека вообще, а современное общество. Поэтому ее объект — не общество в человеке (как в социальной психологии), а человек в обществе, его место и роль.

Главный предмет социологического познания человека — изучение *институциональных (и деинституциональных) связей человека и общества* или, иначе говоря, понимание того, как различные социальные формы жизненного процесса человека оформляются объективно (т. е. организационно и культурно упорядочиваются), и того, как они распадаются под влиянием субъективных факторов его развития (ценностей, установок, интересов и пр.). Другими словами, социология исследует не только процессы включения личности в социальные институты, но и факты ее сознательного воздействия на их функционирование и развитие.

В целом различие подходов в науках о человеке можно представить следующим образом (см. табл. 5.1)¹.

¹ За основу возьмем схему, предложенную В. Ольшанским и модифицированную нами применительно к данному контексту. См.: *Ольшанский В.* Личность в российской социологии и психологии // *Социология в России*. М., 1998. С. 346—369.

Таблица 5.1

Основные параметры научных подходов	Антропология		Психология	Социология
	биологическая	социальная (культурная)		
Объект изучения	Человек как вид	Человек как субъект культуры и представитель общности или этноса	Человек как личность и индивидуальность (носитель психических качеств)	Человек как социальный агент (актер) и деятель
Главные явления человеческой жизни (предмет изучения)	Видовые особенности (инстинкты, реакции и пр.)	Культурные модели, стили и характеристики	Индивидуальные и социально-психологические особенности	Институциональные формы и модели, социальные статусы, роли и диспозиции
Факторы интеграции	Стадность (совместность природных условий жизни)	Культурная идентичность (общность стилей и паттернов)	Психологическая совместимость и общность целей и мотивации	Социальная идентичность и солидарность (единство норм)
Факторы дифференциации людей	Естественные (физические) различия	Культурные различия	Психические различия	Социальные различия как различия статусов и позиций

Таким образом, социология изучает человека не просто в его социальном качестве, т. е. как личность, что ее сближает с другими социальными науками, а в совокупности его институциональных связей с обществом. Человек как личность в реальной социальной жизни является представителем множества социальных институтов — семьи, школы, трудового коллектива или организации и т. д. Проблема социальной природы человека (наряду с проблемами культуры и социального взаимодействия) лежит в фундаменте общесоциологической теории.

Что же надо запомнить в первую очередь, прочитав данный фрагмент текста:

- социология не является единственной наукой, изучающей человека и личность;
- она входит в систему знания, в котором выделяются «метафизический» (философский), гуманитарный и собственно

научный разделы, каждый из которых выделяет и рассматривает свой аспект познания человека;

- в отличие от естественных наук социология изучает социальную природу человека, а в отличие от других социальных наук (социальной антропологии, социальной психологии и пр.) она рассматривает человека в контексте институциональных связей, т. е. как представителя различных социальных институтов — устойчивых форм организации социальной жизни.

Системные определения человека. «Родовой человек» — индивид — индивидуальность — личность. Человек представляет собой многоуровневую систему, стороны которой фиксируются при помощи частных понятий. Он является одновременно биологической и социальной системой, социальной и психической системой. На этом этапе познания личность выступает как одно из системных свойств человека.

В качестве «частных определений» человека, имеющих системное происхождение, выступают «родовой человек», индивид, индивидуальность и личность. Соотношение между ними рассматривается в науке с точки зрения четырех основных подходов. Первый из них можно условно назвать «субстанциальным», поскольку он апеллирует к субстанции (первоначалу) человеческой жизни, в качестве которой мы будем рассматривать определенный тип его активности. Второй подход рассматривает системные свойства человека в контексте взаимосвязи общего, особенного и единичного. Третий подход имеет структурно-функциональное назначение. И наконец, четвертый подход называется «реляционным», т. е. обусловленным разными типами и уровнями связями.

«Субстанциальный» подход. Необходимо определить вначале «субстанциальные» основы существования указанных системных свойств или характеристик человека. Они содержатся в различных формах активности — физической, психической и социальной.

В широком смысле активность — универсальная форма взаимодействия человека с миром, поведение — это как активное, так и пассивное отношение субъекта к миру, связанное, как правило, с его приспособлением к условиям среды, и, наконец, действие есть единичная форма деятельности, характеризующаяся активным, сознательным и предметно-пресоблагоуствующим характером взаимодействия человека с миром.

Активность характеризуется прежде всего единством «внешней» формы и «внутреннего» содержания. Внешняя активность

опосредует взаимодействие организма со средой, а внутренняя — отношения между его подсистемами. При этом поведение выражает процесс перехода внутренней активности во внешнюю, т. е. внешне наблюдаемый и непосредственный акт активности. Психическая жизнь человека является выражением его «внутренней» активности.

Каждому состоянию активности, рассматриваемой в ее широком значении, соответствует определенное системное качество или свойство человека. Человек рассматривается как целостное родовое существо, характеризующееся единством биологических, психических и социальных начал. С точки зрения биологической природы он представляет собой организм — способ телесного (физического или психофизического) существования человека. Его же психофизические и биосоциальные свойства, взятые вместе, фиксируются понятием «индивид». Следовательно, этим понятием обозначаются переходные состояния человека от организма к личности. Индивид — это способ телесно-душевного существования человека как единичного представителя всего человеческого рода. Понятие «личность» фиксирует в себе социальное качество человека, обусловленное его деятельностью.

Таким образом, взяв за основу философское понятие активности, мы выделяем далее разные системные свойства, которым соответствуют определенные типы (формы) активности: (1) *организм* (человек как носитель или субстрат психофизической активности); (2) *индивид* (человек как субъект «внешней» адаптивной активности, т. е. поведения); (3) *индивидуальность* (человек как субъект «внутренней», психической, активности); (4) *личность* (человек как субъект адаптивно-адаптирующей, внешне-внутренней, сознательной и целенаправленной активности, т. е. деятельности).

Первый уровень относится к органической реальности, второй — к биопсихической и биосоциальной, третий — к собственно психической, четвертый — к психосоциальной.

Формально-логический подход. С этой точки зрения соотношение между понятиями «человек», «индивид», «индивидуальность» и «личность» можно выразить при помощи категорий общего (всеобщего), особенного и единичного.

Так, понятие «родовой человек» есть выражение всеобщего в человеческом бытии. Оно характеризует целостное единство био-

логических, психических и социальных (социокультурных) сторон жизнедеятельности человека. «Родовой человек» выступает субъектом сущностных сил и способностей, выражающих его интегративные связи с природой, обществом и другими людьми.

Понятие «индивид» характеризует человека в его особенном измерении, т. е. как отдельного представителя человеческого рода. Это — биосоциальное существо, имеющее как типические, так и особенные черты. Индивид концентрирует в себе некоторые общие черты, присущие всему роду.

Напротив, понятие «индивидуальность» выражает единичное (индивидуальное качество или свойство) в человеке. Другими словами, индивидуальность есть единичность и уникальность человеческого бытия во всех его проявлениях. Данное понятие фиксирует в себе отличия людей на разных уровнях — биохимическом, нейрофизиологическом, психологическом и социальном. В психологическом плане индивидуальность есть неповторимое своеобразие психологических особенностей характера, темперамента и различных психических процессов. В социологическом смысле индивидуальностью обладает личность как субъект социальных отношений. Это проявляется в индивидуальной манере или стиле исполнения и проигрывания социальных ролей, в особенностях ролевого поведения личности в конкретных ситуациях взаимодействия.

Что же касается понятия «личность», то его смысловое содержание определяется деятельностью как специфическим человеческим способом существования и развития. Личность, как и человек вообще, есть целостное единство всеобщего, особенного и единичного. Однако в отличие от организма она существует и развивается на психологическом и социальном уровнях. Всеобщее в ней представлено родовыми социальными качествами, особенное — уникальными чертами, а единичное — конкретными свойствами, определяющими реальный облик отдельной личности.

Следовательно, понятие «человек» конкретизируется с точки зрения формально-логических связей в понятиях «родовой человек» (всеобщее), «индивид» (особенное), «индивидуальность» (особенное) и «личность» (общее, особенное и единичное).

Структурно-функциональный подход. Данное понимание человека в социологии и культурной антропологии позволяет развести между собой понятия «личность» и «индивид». При этом выделяются два основных ракурса.

Так, в первом случае личность определяется чаще всего как «нормативный тип человека, соответствующий требованиям общества, его ценностно-нормативным стандартам. В культурной антропологии (этнографии) синонимом служит «модальная личность», или национальный характер, под которым понимается совокупность социально-значимых черт поведения, включая некоторые традиционные для данной культуры стереотипы поведения, такие, например, как трудолюбие или веселый и общительный нрав, деловитость, коллективизм и др.»¹.

Второе, собственно социологическое понимание личности исходит из представления о человеке как носителе статусов и ролей, включенных в различные институциональные системы.

Например, в терминах общей теории социального действия *Толкотта Парсонса* (1902—1979) различные свойства человека распределяются соответственно между основными подсистемами действия. Первичные потребности находятся в поведенческой подсистеме (поведенческом организме), цели и мотивы — в личностной подсистеме, ценности и ценностные ориентации — в культурной подсистеме, социальные позиции и роли — в социальной подсистеме.

С этой точки зрения индивид предстает как поведенческий организм, реализующий базовые потребности человека, а личность — как субъект целеполагания и волевого решения. В рамках же самой социальной системы (организации) личность выступает агентом социальных отношений, т. е. носителем социальных позиций и ролей. Это — субъективная сторона социального действия человека, «отвечающая» за определение и достижение основополагающих целей.

«Реляционный» подход. Этот подход характеризуется следующими признаками: «внешней» соотнесенностью (референтностью) и «внутренней» соотнесенностью или самосоотнесенностью (самореферентностью), «привнесенностью» («внешней» детерминированностью) и «привносимостью» («внутренней» детерминированностью, или самодетерминированностью)². Системные свойства человека («родовой человек», индивид, ин-

¹ *Комаров М. С.* Введение в социологию: Учебник для вузов. М., 1994. С. 111.

² См. *Весна Е. Б.* Понятия «личность» и «индивидуальность» в понятийном пространстве, описывающем человека // *Мир психологии.* 1999. № 4. С. 279—295.

дивидуальность, личность) выражают соответственно ту или иную комбинацию указанных признаков.

Так, общими характеристиками «родового человека» являются универсальность (способность к выражению общеродовых интересов) и самодеятельность, т. е. свободная и сознательная деятельность. Как целостный представитель всего человеческого рода он обладает единством референтности и самореферентности, а как субъект самодеятельности — «привносимостью».

В качестве обязательных свойств индивидуальности выступают творческая активность, уникальность, спонтанность и автономность. Она выражает свою сущность во «внутренней» соотнесенности, а также в «привносимости» в мир, т. е. в способности творить собственную жизнь.

В данных терминах можно определить также статус индивида. Он выступает субъектом «внешней» соотнесенности с миром (а не только обществом) и «привносимости», т. е. «внешней» детерминированности.

Общие черты личности — социальное качество, системность и субъектность. Е. Б. Весна определяет личность как «внутреннюю и внешнюю соотнесенность с социумом. При этом «внутренняя» соотнесенность позволяет ее рассматривать как сумму диспозиций — субъективного выражения «внешней» соотнесенности, т. е. объективных позиций (статусов), которые занимает личность в конкретном обществе»¹.

Индивидуальность и личность различаются между собой сферами существования. Сфера индивидуального существования — мир в человеке, а социального — мир вне человека или собственно социальный мир. Другими словами, целостность бытия человека может быть реализована двумя путями: индивидуальным (человек как индивидуальность) и социальным (человек как личность). Первый путь предполагает тождество с самостью, своим неповторимым Я (индивидуальность), а второй — с обществом (личность).

Обобщим теперь предварительные результаты анализа (см. табл. 5.2).

Как показывает анализ, личность выражает лишь одну из форм бытия человека. В качестве субстанции ее существования выступает деятельность — способ адаптивной и адаптирующей, сознательной и целенаправленной активности человека,

¹ См.: Весна Е. Б. Понятия «личность» и «индивидуальность» в понятийном пространстве, описывающем человека // Мир психологии. 1999. № 4. С. 280.

реализуемой посредством культуры в едином социальном пространстве жизни. Другими словами, человек становится личностью не сразу, а лишь постепенно, шаг за шагом овладевая всем опытом человечества, необходимым ему для осуществления полноценной деятельности.

Выделим теперь главные положения, которые необходимо усвоить в ходе чтения приведенного выше фрагмента текста.

Таблица 5.2

Критерии сравнения (соотношения)	Системные свойства человека			
	«родовой человек»	индивид	индивидуальность	личность
Уровень организации	Биологический, психический и социальный	Биосоциальный	Биологический, психический и социальный	Психосоциальный
Форма активности	«Внешняя» и «внутренняя» (активность)	«Внешняя» (поведение)	«Внутренняя» (психическая активность)	«Внешне-внутренняя» (деятельность)
Вид (класс) субъекта	Субъектогин	Субъект поведения	Субъект психической жизни	Субъект деятельности
Формальные связи	Общее в человеке	Особенное в человеке	Единичное в человеке	Общее, особенное и единичное в социальном человеке
Характер реляционных связей с миром	Референтность и самореферентность, «привносимость»	Референтность и «привнесенность»	Самореферентность и «привносимость»	Сочетание референтности и самореферентности, «привнесенности» и «привносимости»
Тип детерминации	«Внутренне-внешний»	«Внешний»	«Внутренний»	«Внешне-внутренний»
Способ организации жизни	Жизненный путь как естественно-искусственный процесс	Образ жизни (как типические модели — социальное в индивидуальном)	Стиль жизни (как индивидуальный путь — индивидуальное в социальном)	Жизненная практика (как путь социального преобразования жизни)
Способ социальной регуляции	«Смешанный» (нормативный и вненормативный)	Нормативный	Вненормативный	«Смешанный»
Механизмы социализации	Все виды механизмов	Адаптация и типизация	Индивидуализация и инновация	Типизация и индивидуализация

- личность выступает в качестве одной из системных характеристик человека наряду с такими свойствами, как «родовой человек», индивид, индивидуальность;

- различие между системными свойствами человека определяется дифференциацией его структурных сторон и уровней;

- с точки зрения «субстанциального» подхода личность является субъектом деятельности как сознательной и целенаправленной активности; она соотносится с индивидом как субъектом поведения и носителем психофизической активности, с индивидуальностью как свособразием биологических и социальных качеств человека и с «родовым человеком», как выражением всеобщих и сущностных свойств, присущих всему человеческому роду;

- с позиций формально-логического подхода личность следует рассматривать как единство всеобщего («родовой человек»), особенного (индивид) и единичного (индивидуальность); на этом основании можно говорить об общих, особенных (индивидуальных) и конкретных (единичных) чертах личности;

- с точки зрения структурно-функционального анализа личность является подсистемой деятельности человека, «специализирующейся» на достижении целей, и выступает в свою очередь многофункциональной и полиструктурной системой, состоящей из подсистем;

- с точки зрения «реляционного» подхода личность предстает как система «внешней» и «внутренней» соотносительности человека с социумом, его «привнесенности» (объективной обусловленности) и «привносимости» (субъективной значимости).

Понятие «личность» в философии и науке. Перейдем теперь от сравнительного анализа личности как системного качества человека к определению ее содержательной специфики.

Исследователи личности в отечественной и мировой науке демонстрируют нам большое разнообразие определений. Их концепции различаются между собой как в мировоззренческом, так и в методологическом плане

С точки зрения ведущих мировоззренческих ориентаций различаются следующие дихотомии, определяющие природу человека как личности: свобода — детерминизм; рациональность — иррациональность; холизм — элементаризм; конституционализм — инвайроментализм; изменяемость — неизменность; субъективность — объективность; проактивность — реактив-

ность; гомеостаз — гетеростаз; познаваемость — непознаваемость¹. «Теория личности, — подчеркивают Л. Хьелл, Д. Зиглер, — отражает конфигурацию позиций, занимаемых теоретиком в отношении основных положений о природе человека»².

Различие в подходах к определению личности зависит также от профессиональной принадлежности того или иного ученого. Так, можно выделить условно философский, психологический, «антропологический» и собственно социологический подходы.

Общая линия разделения познавательных ракурсов указанных подходов заключается в следующем: философия делает упор на постижение всеобщих (родовых) начал целостной личности; психология рассматривает личность как психосоциальную индивидуальность, интегрированную в систему родового и индивидуального (типического) развития человека; антропология изучает индивидуальное и индивидуное сквозь призму всеобщего (родового) бытия личности; социология же обращает главное внимание на проявления социально-типического (индивидуального) личности в ее индивидуальном и родовом существовании.

Философский подход. В философии личность рассматривается с точки зрения ее положения в мире как субъекта деятельности, общения, познания и творчества. В отличие от науки философский подход ориентирует исследователя на познание всеобщих законов бытия человека как личности. Он стремится к выявлению сущего (а не существенного, как в науке) в системе «личность—общество».

История философской мысли знает немало примеров глубокого анализа личности как социального феномена. Однако философское понимание личности выходит за рамки нашего рассмотрения.

Отечественная социология вплоть до недавнего времени испытывала на себе влияние философии исторического материализма. За основу социологического анализа личности брались философские трактовки. Об этом свидетельствует отсутствие в социологической литературе собственных дефиниций личности. Для иллюстрации этого факта обратимся к опыту отечественной философии советского прошлого.

¹ См. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. СПб, 1997 С 40—50.

² Там же. С. 42.

В отечественной философии и науке личность рассматривается преимущественно как социальное явление¹. Она выражает в данном контексте способ деятельного, предметно-практического существования человека в обществе посредством освоения и преобразования данной культуры. Другими словами, она не только присваивает природные ресурсы и культурные достижения человечества, но и преобразует внешнюю (природную и социокультурную) среду, приспособлявая ее к своим потребностям и интересам.

К числу несомненных заслуг отечественных философов и психологов относится разработка деятельностного подхода к изучению личности. Так, большинство ученых сходится во мнении, что сущностной характеристикой личности выступает деятельность, а главным способом ее изучения — *деятельностный подход*, суть которого можно свести к следующему.

1. Фундаментальный принцип современного познания личности заключается в том, чтобы рассматривать личность не в отрыве от ее деятельности, а непосредственно *в контексте деятельности*, т. е. как ее субъекта и в какой-то мере как объекта. Следовательно, личность есть порождение и продукт деятельности, *деятельностное существо*. На этом настаивают многие отечественные ученые — философы и психологи.

2. Деятельность обуславливает не только сущность личности, но и ее структуру, которая характеризуется в свою очередь единством ее *социальных и психических качеств*.

В зависимости же от уровня организации деятельности можно выделить три взаимосвязанные стороны личности: (1) «внутреннюю», или субъективную, изучаемую главным образом общей психологией и психологией личности; (2) «внешнюю», или объективно детерминированную, опосредующую взаимодействие субъекта и окружающего мира и исследуемую преимущественно науками о поведении, в том числе социологией; (3) «смешанную», или интересубъективную, согласующую позиции индивидов, их взаимные представления или ожида-

¹ Представление о личности как биосоциальной системе не является правомерным. На это указывает, в частности, И. С. Кон. Он справедливо считает, что не может быть никакого развития личности в онтогенезе, так как последний характеризует исключительно процесс индивидуального развития человека (в отличие от филогенеза). Личность есть системное качество, приобретаемое индивидом в процессе совместной деятельности и общения (см.: Кон И. С. Социологическая психология. М., 1999. С. 255).

ния, которые находятся в центре внимания социальной психологии.

3. Те или иные виды деятельности обуславливают в свою очередь соответствующие *типы человека и личности*.

Психологический подход. Психология рассматривает личность как устойчивую целостность психических свойств и процессов.

Известный психолог *Гордон Олпорт* (1893—1967) в своем обзоре насчитал более пятидесяти определений, которые он распределил на несколько категорий. Он различал *биосоциальные и биофизические дефиниции* личности, подчеркивающие роль органической стороны человека, *определения-омнибусы*, указывающие на все существенные стороны индивида, *интегрирующие (интегральные) дефиниции*, подчеркивающие организационную функцию личности, т. е. то, что упорядочивает и согласует различные виды индивидуального поведения, *регулятивистские определения*, абсолютизирующие функцию регуляции индивидуального поведения, *«сущностные», или субстанциалистские определения*, характеризующие личность как сущность или субстанцию человека, и т. д.

Приведем для иллюстрации представления о природе личности, взятые из основных психологических теорий личности — психоанализа, аналитической, феноменологической теорий и т. д.

Биосоциальное определение принадлежит, в частности, знаменитому психологу *З. Фрейду*, который рассматривал личность как существо, деятельность которого обусловлена врожденными сексуальными влечениями. Его последователь и создатель собственной теории личности *К. Юнг* рассматривал личность как продукт и вместилище родовой истории, благодаря которой человек постигает собственное прошлое посредством коллективного бессознательного.

Поскольку личность признается большинством психологов не только социальным, но и психическим феноменом, то *социально-психологическое определение* личности становится доминирующим. Такое понимание следует отличать от психологических трактовок личности как «внутреннего» момента деятельности человека. Так, группа ученых психоаналитической ориентации (*А. Адлер*, *К. Хорни*, *Г. Салливан*, *Э. Фромм*) стали рассматривать личность как социально-психологическое существо. Это противоречило допущению *З. Фрейда* о том, что поведение человека управляется врожденными инстинктами, и

утверждению К. Юнга о том, что человек руководствуется врожденными архетипами.

По *Альфреду Адлеру* (1870—1937), личность — изначально социальное существо. Она выступает как единое и самосогласующееся целое, стремящееся к совершенству и к творчеству. Однако социальные интересы имеют также врожденный характер. *Гарри Салливан* (1892—1949) рассматривал личность исключительно как ингериндивидный феномен. По его мнению, она образуется не внутриспсихическими, а межличностными ситуациями и событиями. *Эрих Фромм* (1900—1980) настаивал на том, что понимание человеческой личности должно основываться на анализе человеческих потребностей, которые вырастают из условий его существования. Личность человека развивается в соответствии с возможностями, которые ей предоставляет общество. От этого зависит ее социальный характер. Общество создано для того, чтобы воплотить социальную сущность человека. Поэтому оно должно быть гуманистическим. В феноменологической теории *Карла Роджерса* (1902—1987) личность рассматривается как феномен, существующий в пределах внутренней системы координат человека, т. е. его субъективного мира, включая все то, что осознается в данный момент времени¹. Субъективные переживания и восприятия составляют основу человеческих действий. Их ядром выступает Я-концепция — концепция человека о том, что он собой представляет в реальной жизни. Я состоит из осознанного восприятия и ценностей личности. К. Роджерс установил пять личностных характеристик полноценно функционирующих людей: открытость переживанию, экзистенциальный (смыслжизненный) образ жизни, организмическое доверие (доверие к чужому опыту и ощущениям собственного организма), эмпирическая свобода (наличие свободы выбора ситуаций и действий), креативность (способность к непрерывному творчеству).

В отечественной психологической литературе существует множество определений личности, раскрывающих с разных сторон ее «внутреннее» содержание: «человек как носитель сознания» (К. К. Платонов); «интегральное» свойство человека (Б. Ф. Ломов); системное (социальное) качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности и характеризую-

¹ См. *Кон И. С.* Социологическая психология. С. 537.

шее меру представленности в индивиде общественных отношений (А. Н. Лсонтьев, А. В. Петровский и др.).

В социально-психологической литературе личность, напротив, рассматривается с точки зрения ее социальной обусловленности, т. е. как: общественное существо, включенное в систему общественных отношений и выполняющее определенную роль или функцию (С. Л. Рубинштейн); «целостность социальных свойств человека, продукт общественного развития и включения индивида в систему социальных отношений посредством активной предметной деятельности и общения» (В. А. Ядов); «человек как субъект социальных отношений, носитель социально значимых качеств» (М. И. Ениксеев и др.); «человек как объект и субъект биосоциальных отношений, соединяющих между собой общечеловеческое, социально-специфическое и индивидуально-неповторимое» (Б. Д. Парыгин).

В субъективном плане ядром личности выступает ее Я (образ-Я или Я-концепция), а в объективном — ее социальный статус. Интерсубъективная реальность личности определяется мерой согласованности ее позиции с позициями других участников жизненного процесса. Она является предпосылкой социально-психологического изучения личности.

Специфика социально-психологического подхода к пониманию личности заключается прежде всего в объяснении психологических процессов и механизмов включения личности в межличностные отношения и групповые общности. Такой подход акцентирует внимание на взаимосвязи «внутренней» и «внешней» (поведенческой) сторон деятельности личности. Но психолог всегда остается психологом, даже тогда, когда он изучает социальный контекст поведения людей, а не их психические состояния.

Антропологический подход. Антропология является той областью исследования, которая с самого начала своего возникновения стремилась к изучению целостной личности.

Такая традиция берет свое начало еще в прагматической антропологии *Иммануила Канта* (1724—1804). Антропологию он рассматривал как систематическое знание о человеке, т. е. как практическое человековедение. Он подразделял ее на физическую (физиологическое человековедение) и прагматическую антропологию. «Физиологическое человековедение имеет в виду исследование того, что делает из человека природа, а прагмати-

ческое — исследование того, что он, как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам»¹. Прагматическая антропология изучает человека как гражданина мира, т. е. с точки зрения выявления его родовых признаков.

Современная антропология рассматривает личность в единстве ее жизненных форм, выраженных в той или иной культуре, и структурных характеристик, которые порождены и обусловлены этой культурой.

Жизненные формы существования личности исследуются в социологии и антропологии различным образом: в социологии они рассматриваются как структурные, концентрированные образования, обладающие институциональным характером (например, институт семьи, обычаи и пр.), а в антропологии — как внеструктурные, диффузные, внеинституциональные явления (константы), остающиеся после «вычета» институциональных форм².

Антропологи в отличие от социологов ищут корни различных социокультурных явлений, проникая в глубинные слои неинституциональной реальности, которые отличаются диффузным, деструктурным и во многом бессознательным характером взаимодействия людей. Они стремятся обнаружить за внешним фасадом той или иной социальной организации обособившиеся комплексы синкретически связанных действий, переживаний и мыслительных актов людей.

Антропологический подход включает в себя большое разнообразие методов. Это — исторический и эволюционный, сравнительный и типологический, функциональный и структурный методы анализа. Большинство из них имеет «смешанную», количественно-качественную природу. Для понимания способов интерпретации объективных феноменов жизни личности значительный интерес представляют структурно-логические схемы анализа личности и культуры, предложенные и обоснованные в работах антропологов, в частности британских социальных антропологов Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Брауна и американских культурантропологов Ф. Боаса и Л. Уайта.

В конце 20-х гг. XX в. с появлением книг Р. Бендикт и М. Мид возникает исследовательское направление «личность-и-

¹ Каут И Соч В 6 т М., 1966 Т. 6 С. 351.

² См. Ионин Л. Г. Диффузные формы социальности (к антропологии культуры) // Социологические чтения. Вып. 2. М., 1997. С. 50—51.

культура», которое развивается далее в работах целой плеяды известных культурных антропологов (Р. Линтон, К. Клакхон, К. Дюбуа, А. Халлоуэлл, Дж. Хонигман, Г. Мюррей, Дж. Доллард и др.). Они критикуют традиционные подходы в этнологии за то, что они не проявляли должного внимания к психической сфере личности. Темы их систематического анализа: «Личность в природе, обществе и культуре», «Личность и культурное окружение», «Личность и психотерапия», «Личность и воспитание детей» и др.

Основные идеи, выраженные в культурно-исторической парадигме исследования личности, таковы:

«1. Личность может быть изучена лишь в том случае, если будет изучена и объяснена та культурная среда, в контексте которой данная личность сформировалась.

2. Модели культуры соединены друг с другом посредством различных символов и представляют многоуровневую систему, функционирование которой не может быть объяснено с помощью традиционных этнографических подходов.

3. Необходимо подходить к изучению развития, трансформаций, интеграции культур, основываясь на той точке зрения, что человеческая личность сама является сложнейшей системой, способной порождать смыслы»¹.

С целью более глубокого и детального анализа отношений личности и культуры антропологи вводят новые понятия и разрабатывают новые подходы.

Так, Дж. Хонигман ввел понятие «модель», которое означало «относительно закрепленный способ активности, мышления и чувствования (восприятия)»². Он рассматривал личность как «культуру, отраженную в индивидуальном поведении»³. Другой американский исследователь — А. Кардинер — использовал понятие «просективные системы» для обозначения результата воздействия первичных институтов культуры на личность. Сюда относят так называемые «вторичные» институты — религию, магию, ритуалы, отдых и игры.

¹ Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. С. 96

² Белик А. А., Резник Ю. М. Социокультурная антропология: Историко-теоретическое введение. М., 1998. С. 274.

³ Там же.

Особое место в антропологии занимают теории базовой (базисной), статусной и модальной личности, которые будут рассмотрены нами далее при изучении социальных типов личности.

В результате интенсивной научной деятельности появляется даже новая дисциплина — психологическая антропология, изучающая «судьбу индивидов в специфическом культурном контексте» и интерпретирующая данные при помощи методов психологии¹.

Таким образом, антропологический подход к исследованию личности ориентирован в познавательном смысле на интеграцию, с одной стороны, объективно существующих жизненных форм, в рамках которых формируется индивид, а с другой — культурно обусловленных структурных и типологических особенностей личности. Следовательно, в отличие от психологии антропология рассматривает весь социокультурный контекст развития личности, а в отличие от социологии она «погружается» в изучение глубинных структур психики.

Социологический подход. Сегодня социология не может уже игнорировать влияние психологических и антропологических концепций. Она впитала в себя многие традиции психологии и антропологии, породив тем самым междисциплинарные направления и подходы (см., например, психологическое направление и антропологическую школу в истории социологической мысли). Однако большое разнообразие рассмотренных выше научных определений не должно заслонять специфики собственно социологического познания личности.

В социологии личность определяется как системное качество человека, обусловленное его включенностью в систему социальных отношений, а также способностью выступать одновременно объектом и субъектом деятельности. В обоих случаях личность формируется в процессе взаимодействия людей с окружающим миром.

К числу социологических и социально-психологических учений следует отнести *ролевую концепцию личности* (Ч. Кули, Дж. Мил, Р. Линтон) и *концепцию социального поведения* (Б. Скиннер, Дж. Хоманс и др.).

Согласно учению Дж. Мила человек не рождается сразу личностью. Он становится ею в процессе общения благодаря язы-

¹ Белик А. А., Резник Ю. М. Социокультурная антропология: Историко-георетическое введение. С. 273.

ковой среде и возможностям обмена символами или жестами с другими людьми. В то же время Мид рассматривал человека как организм, обладающий самостью. Обладая же самостью, человек становится объектом для самого себя и тем самым может устанавливать контакт с самим собой.

В поведенческой концепции личность рассматривается как система реакций человека на внешние стимулы. Так, Б. Скиннер попытался создать технологии поведения. Он выделяет два типа поведения — *рефлексивный*, который вызывается стимулами S, и *оперантный*, обусловленный реакциями R, являющимися результатом случайного выбора человеком полезных свойств окружающей среды. Именно благодаря R-реакциям, обуславливающим произвольный характер поведения, человек приспосабливается к условиям внешней среды. На этой основе Б. Скиннер формулирует свою теорию социального научения. При этом главным средством формирования у личности навыков к новому поведению он считает подкрепление как «последовательное наведение на нужную реакцию».

Для контроля над действиями других людей Скиннер предлагает использовать *технологии поведения*. Поведением можно управлять, устанавливая контроль за подкреплениями. Отсюда следуют два вывода: 1) поведение может быть изучено посредством моделирования окружений; 2) окружением можно манипулировать¹.

Таким образом, можно констатировать, что социология не претендует на полное и исчерпывающее определение личности. С одной стороны, она рассматривает личность в ее социальном качестве, которое формируется у человека в процессе его включения в систему социальных отношений (личность как персонифицированное выражение социальной жизни), а с другой — она вычленяет в ней системное свойство, интегрирующее в себе единство типовых качеств индивида (личность как конкретное выражение социальной сущности человека, реализованное в индивиде).

Социологический анализ личности направлен прежде всего на выявление способов ее соотносительности с обществом и механизмов социализации — типизации («привнесенности») и индивидуализации («привносимости»). Социальная соотносительность личности выражается в ее социальной структуре (систе-

¹ См.: Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1994. С. 41.

ме статусов, ролей и диспозиций), а индивидуальные и типические характеристики проявляются в процессе социализации.

Социально-типические свойства личности, являющиеся предметом социологии, находят свое выражение в системе статусно-ролевых отношений, а также в процессе социализации.

Обобщая сказанное, попытаемся сформулировать основные положения:

- понятие «личность» употребляется в научной литературе в разных значениях; его содержание зависит от мировоззренческой позиции ученого и его профессиональной принадлежности;
- в философии личность рассматривается с точки зрения ее положения в мире как субъекта деятельности, общения, познания и творчества; заслугой философии является разработка деятельностного подхода как методологической основы для изучения природы и структуры личности в социологии;
- психологический подход позволяет исследовать личность как устойчивую целостность психических и социальных свойств, характерных для каждого отдельного человека; психология отражает строение «внутренней» стороны человеческой личности;
- социально-психологическая характеристика личности связана с изучением психологических процессов и механизмов ее включения в социальные группы и общности;
- антропологический подход связан, с одной стороны, с описанием жизненных форм, в которые включена личность посредством культуры, а с другой — с изучением типовых (базисных, модальных и пр.) характеристик и моделей личности, встречающихся в данном обществе и изменяющихся под воздействием институтов культуры;
- принципиальное различие между антропологическим и социологическим подходами к исследованию личности состоит в том, что первый ориентирован преимущественно на выявление деструктурных, диффузных и латентных форм жизни личности, а социологический, напротив, — на изучение структурных, концентрированных, институционально оформленных жизненных форм;
- тем самым социологический подход к личности состоит в обнаружении и исследовании ее социально-типических характеристик, выраженных в системе институционально оформленных отношений (т. е. в системе статусов, позиций, ролей и диспозиций).

§ 2. Структура личности.

Статусы — роли — диспозиции

Фундаментальная структура личности. Исследование структуры личности осуществляется в науке по двум взаимосвязанным основаниям: по основанию деятельности и по основанию социальных отношений, в которые она вступает в процессе своей жизнедеятельности. Первое («деятельностное») основание структурирования личности используется преимущественно в философии и психологии, а второе («отношенческое») — в социологической науке. Другими словами, структура личности, как и ее сущность, совершенно по-разному описывается в философии, психологии и социологии.

С нашей точки зрения, структура личности рассматривается в социологии двояким образом: с одной стороны, как фундаментальная основа деятельности человека, обусловленная состоянием и развитием общества в целом, а с другой — как социальная структура личности. В первом случае она опирается на принципы философского анализа личности, во втором — на собственные возможности.

Философское понимание. Фундаментальная структура личности разрабатывается в философской литературе на основе последовательного применения деятельностного подхода и принципа единства всеобщих (родовых), особенных (индивидуальных) и единичных (индивидуально-неповторимых и уникальных) качеств. Она образуется совокупностью функционально связанных друг с другом компонентов, которые являются необходимыми и достаточными для осуществления полноценной деятельности.

По основанию деятельности в структуре личности можно выделить шесть подсистем: 1) *система общего ориентирования*, направляющая поведение человека во времени и пространстве, в том числе в социокультурном времени и пространстве (жизненные смыслы, ориентации и стратегии); 2) *система мотивации*, оказывающая стимулирующее и активизирующее воздействие на его поведение (потребности, интересы и мотивы); 3) *система целеполагания и волевого решения*, обеспечивающая устойчивые ориентации личности соответствующими решениями (цели и решения); 4) *технологическая система*, обеспечивающая реализацию его ориентаций необходимыми способами и средствами деятельности (поведенческие технологии); 5) *поведенческая система*, раскрывающая весь потенциал субъекта в поведенческой сфере

(реальные акты поведения); 6) *рефлексивная система*, регулирующая и контролирующая как сам «запуск», так и другие стадии деятельности (рефлексивное отражение).

Приведенная выше структура личности как субъекта деятельности является общей для психологии и социологии.

Согласно второму принципу каждому системному определению личности соответствуют определенный вид деятельности и та или иная группа фундаментальных (базовых) социальных качеств (см. табл. 5.3).

Таблица 5.3

Системное определение	Вид деятельности	Группы фундаментальных (базовых) социальных качеств и характеристик человека
Личность как «родовой человек» (базисный тип личности и ее идеал)	Родовая деятельность	Социально-значимые и социокультурные качества, обусловленные процессами социализации и существующие в виде обобщенных образов и установок (архетипы, коллективные представления и диспозиции)
Личность как индивидуальность (отдельная личность)	Индивидуальное поведение	Личностно-значимые качества, проявляющиеся в конкретных ситуациях (субъективные желания, намерения и смыслы жизни)
Личность как индивид (модальная личность)	Социальное (ролевое) поведение	Социально-типические качества, свойственные индивиду как представителю социальных общностей и существующие в типовых ситуациях взаимодействия (социальные позиции, роли и нормативные ожидания)

Опыт изучения психологической структуры личности. Психолог рассматривает эту структуру с точки зрения психических свойств и качеств человека. Он выделяет в ней, с одной стороны, «побудительный» компонент, выражающий отношение человека к своей жизни и к миру в целом (направленность личности), а с другой — «исполнительный» компонент, составляющий условия успешного выполнения деятельности (способности).

Согласно З. Фрейду личность состоит из трех основных систем: ид (врожденные состояния и инстинкты человека, являющиеся источником психической энергии), эго (исполнительный орган личности, выступающий посредником между инстинктивными

запросами организма и условиями среды; его главное предназначение — сохранение и воспроизводство организма), суперэго (развивающая система личности, осуществляющая функции совести как морального самоконтроля и репрезентирующая традиционные ценности и идеалы общества). В определенном смысле личность, функционируя как единое целое, включает в себя ид — как биологическую составляющую, эго — как психологическую составляющую и суперэго — как социальную составляющую.

По мнению автора аналитической теории К. Юнга, личность состоит из нескольких дифференцированных систем. Наиболее важные из них следующие: эго (сознательный ум, центр сознания), личное бессознательное (индивидуальные переживания, подавленные и вытесненные из сферы сознания) и его комплексы («ядро» личного бессознательного, организованная группа чувств и инстинктов), коллективное бессознательное (ведущая система, выступающая в качестве хранилища скрытых воспоминаний, унаследованных от предков) и его архетипы (универсальные мыслительные формы или идеи, составляющие содержание коллективного бессознательного), установки (интроверсия и экстраверсия), функции (мышление, чувство, ощущение и интуиция) и самость (центр всей личности).

Несколько иначе понимают структуру личности последователи Фрейда — Э. Фромм, К. Хорни, Г. Салливан и представитель гуманистической психологии А. Маслоу. Так, у Э. Фромма структуру личности определяют экзистенциальные потребности (потребности в установлении связей, преодолении, в корнях, в идентичности, в системе взглядов и преданности). Основу личности, по К. Хорни, составляют невротические потребности, в том числе потребности в любви и доверии, в руководящем партнере, в ограничениях, во власти, в эксплуатации, в общественном признании, в восхищении собой, в честолюбии, в самодостаточности и независимости, в безупречности. В структуре личности Г. Салливан выделяет такие компоненты, как динамизмы (мельчайшие энергетические единицы психики), персонификации (индивидуальные образы самого себя или других) и когнитивные процессы (переживания и представления).

В гуманистической психологии *Абрахама Маслоу* (1908—1970) структура личности рассматривается в зависимости от базовых потребностей. Это — физиологические потребности, потребности в безопасности и защите, в принадлежности и

любви, в признании и самоуважении, в самоактуализации и личном самосовершенствовании. Над ними возвышаются мета-потребности как бытийные ценности (потребности в познании и понимании, эстетические потребности и пр.)¹.

В отечественной литературе встречаются различные интерпретации структуры личности. Так, известный отечественный психолог К. К. Платонов предложил иерархическую структуру личности, взяв за основу отношения биологического и социального, врожденного и приобретенного, процессуального и содержательного. В результате анализа он выделил четыре подструктуры:

1) социально обусловленную и преимущественно содержательную подсистему направленности личности (убеждения, мировоззрение, идеалы, стремления, интересы и желания);

2) социально-биологические по своей сути и биологически врожденные процессуальные качества опыта (привычки, умения, навыки и знания);

3) формы отражения действительности, выступающие как особенности психических процессов человека (воля, чувства, восприятие, мышление, ощущения, эмоции и память);

4) биопсихические свойства (конституциональные, половые и возрастные, а также темперамент)².

Однако в предложенной выше схеме в структуру личности входят биологические свойства человека, что противоречит общепринятому взгляду. По мнению другого отечественного психолога — А. Н. Леонтьева, в ее структуру не следует включать биологически обусловленные предпосылки человека (темперамент и характер, способности и знания). Личность впервые возникает лишь в человеческом обществе, а человек начинает свою историю как индивид, наделенный определенными природными свойствами и способностями³. Следовательно, темперамент и характер, способности и знания являются скорее свойствами индивида, а не личности. Индивид — это генотипическое образование, формирование которого происходит в течение всей жизни. «Личность есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека»⁴. Личностью не рожда-

¹ См. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб., 1999. С. 77—106.

² См. Платонов К. К. Структура и развитие личности. М., 1986. С. 138.

³ См. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 173.

⁴ Там же. С. 176.

ются, ею становятся в процессе осуществления деятельности в обществе.

Социологический анализ структуры личности. Социологическое изучение структуры личности связано с именами представителей ролевой и поведенческой концепций.

В ролевой концепции личности (Ч. Кули, Дж. Мид, Р. Линтон) структура личности рассматривается с точки зрения строения человеческого Я. Согласно теории «зеркального Я» Ч. Кули личность состоит из трех элементов:

- 1) представления о том, как нас воспринимают другие люди;
- 2) представления о том, как они реагируют на наше поведение;
- 3) представления о том, как мы отвечаем на воспринятую нами реакцию других людей.

Несколько иначе понимает структуру Я создатель современного интеракционизма в социологии *Джордж Мид* (1863—1931). Он характеризует личность как Я, состоящее из двух частей: Я-сам (реакция личности на воздействие других людей и общества в целом) и Я-меня или Я-другой (осознание человеком себя с точки зрения других значимых для него людей). На этом основании строится образ обобщенного другого, благодаря чему личность оказывается в состоянии соотносить себя и свои поступки с другими людьми.

В отечественной социологии принято рассматривать структуру личности по основанию социальных отношений или как производную от социальной структуры общества¹. Это примерно соответствует системе «внешней» социальной соотносительности личности, посредством которой она взаимодействует с обществом и другими людьми.

Так, И. С. Кон использует для описания структуры личности следующие понятия: «социальная позиция» (место индивида в системе социальных отношений), «социальная роль» (социально значимая функция индивида), «социальные интересы» (единство выражения внутренней, т. е. деятельностной, сущности и отражения объективного мира) и ценностные ориентации. При этом из поля зрения социолога выпадают субъективные моменты социальной деятельности личности (мотивы, цели, диспозиции).

¹ См. Кон И. С. Социологическая психология. С. 83.

Соотношение между «статическим» и «динамическим», «деятельностным» и «отношенческим», «субъективным» и «объективным» аспектами структурной дифференциации личности покажем при помощи другой таблицы (см. табл. 5.4).

Таблица 5.4

Способы структурирования личности		Уровни структурной организации личности	
«Статика»	Элементы деятельности	«объективный»	«субъективный»
		<i>Социальные ориентации и представления</i>	
		потребности интересы ценности	мотивы цели ценностные ориентации
	Элементы социальных отношений	<i>Социальные позиции</i>	
		«объективные» позиции (статусы)	«субъективные» позиции (диспозиции)
«Динамика»	Элементы деятельности	Единичные социальные действия	
	Элементы социальных отношений	<i>Социальные роли</i>	
		способы ролевого поведения (модели)	ролевые ожидания и установки

При рассмотрении структуры личности в социологии необходимо отметить следующее:

- в научной литературе фундаментальная структура личности определяется по одному из оснований — «деятельностному» и «отношенческому»;

- по первому основанию в структуре личности выделяются основные подсистемы, соответствующие определенному этапу деятельности — ее предпосылкам и процессу, целям и мотивации, средствам и пр.; по второму — компоненты устойчивых отношений, складывающихся между личностью и социальным окружением и образующих в своей совокупности ее социальную структуру;

- социология уделяет внимание как анализу фундаментальной структуры личности, так и изучению ее социальной структуры,

- фундаментальная структура личности включает функционально связанные компоненты, необходимые и достаточные для осуществления полноценной деятельности; она включает в

себя также «отношенческие» аспекты, обусловленные вхождением личности в разные системы социальных отношений.

Социальная структура личности. Социальная структура личности характеризует как «внешнюю», так и «внутреннюю» соотношенность человека с социумом: «внешняя» соотношенность выражается в системе социальных статусов (как объективного положения человека в обществе) и моделей ролевого поведения (как динамической стороны статусов); «внутренняя» соотношенность представлена совокупностью диспозиций (как субъективно осмысленных позиций) и ролевых ожиданий (как динамической стороны диспозиций).

При этом социальные статусы выражают «объективные» позиции личности в социальном мире или пространстве, диспозиции — «субъективные» позиции или субъективный срез статусов. Связующим звеном между ними выступают, с одной стороны, элементы «внешней» активности (потребности, интересы, ценности), обуславливающие статусные позиции, а с другой — элементы «внутренней» активности (ценностные ориентации, мотивы и цели), определяющие диспозиции личности. Социальные роли, опосредующие процессы взаимодействия личности и общества, характеризуют динамическую сторону социальной структуры личности.

Социальная структура личности выступает в двух отношениях с одной стороны, в объективном плане (как система статусов и ролей), а с другой — в субъективном плане (как система диспозиций и ролевых ожиданий).

Социальные статусы и роли. В объективном смысле социальная структура представляет собой сеть устойчивых взаимодействий личности с другими субъектами (индивидами и группами). Такие взаимодействия предполагают, во-первых, наличие статусов или позиций, которые занимают участники взаимодействия относительно друг друга и всей системы в целом, во-вторых, соответствующие этим статусам и позициям нормативные требования и ожидания и, в-третьих, обусловленные статусом и нормативными требованиями социально одобряемые образцы поведения (роли), исполняемые актерами.

Определим вначале исходные понятия «статус», «социальная позиция» и «социальная роль». Эти понятия впервые ввел в научный оборот в 30-е гг. XX в. американский культурный антрополог Р. Линтон.

Наиболее полно статусно-ролевая структура личности описана в ролевой теории (Ч. Кули, Дж. Мид, Р. Линтон) и функционализме (Т. Парсонс, Р. Мертон)

Ролевая теория личности является результатом синтеза социологии и других социальных наук (культурной антропологии и социальной психологии). Теоретические предпосылки этой теории заложил Ч. Кули. Ее же основные положения сформулированы социальным психологом Дж. Мидом и социальным антропологом Р. Линтоном.

В интеракционизме Дж. Мида значительное место отводится активности личности, ее способности к восприятию другого. Так, он разработал концепцию «обобщенного другого». Данное понятие выражает всеобщие ценности и стандарты поведения, которые формируют у каждого члена группы индивидуальный Я-образ. С этой точки зрения личность в процессе ролевого взаимодействия как бы встает на место других индивидов и тем самым видит себя другой личностью.

Если Дж. Мид уделяет главное внимание научению и освоению ролей в процессах межличностного взаимодействия, то Р. Линтон описывает прежде всего социокультурную природу ролевого поведения и взаимодействия людей. Статус (или позиция) понимается им как структурная единица, определяющая место индивида в социальной структуре и характеризующаяся определенной совокупностью прав и обязанностей. Роль определялась как «динамический аспект статуса». Она приводит в действие статус личности. Данное понимание статуса и роли признано классическим.

Функционалисты (Т. Парсонс, Р. Мертон) рассматривают социальное действие как систему, включающую множество актеров, которые имеют определенный статус и исполняют предписанные нормами роли. Так вычленяется, по Т. Парсонсу, собственная социальная подсистема человеческого действия.

«Фундаментальной чертой всех человеческих обществ, — подчеркивал Т. Парсонс, — является ролевой плюрализм, участие одних и тех же людей в ряде коллективов. Расширение ролевого плюрализма является важнейшей составляющей процессов дифференциации, ведущих к становлению общества современного типа».

Система социальных ролей характеризуется, по Т. Парсонсу, такими чертами, как эмоциональность (бурное проявление

чувств или их сдержанное выражение), способ получения (предписание или достижение), масштаб (ракурс ролевых отношений, устанавливаемый личностью или ситуацией взаимодействия), формализация (установление правил ролевого поведения), мотивация (каждой роли соответствует свой мотив).

С ним связана непосредственно *теория ролевых и статусных наборов Роберта Мертон* (р. 1910). Она фиксирует то обстоятельство, что индивиды, занимающие те или иные статусы, находятся во взаимодействии с другими партнерами, обладающими разными ожиданиями из-за различий своих позиций в социальной структуре. Самое интересное в теории ролевых наборов — это то, что она обращает внимание на различие, несовместимость и даже конфликты между ожиданиями (экспектациями) людей, занимающих различные статусные позиции.

Ролевой набор, по Мертону, — это совокупность ролевых отношений личности, определяемых ее социальным статусом. Несколько ролевых наборов личности, занимающих данный статус, составляют набор статусов. Набором статусов Мертон называет также несколько статусов, одновременно занимаемых личностью. Ролевой и статусный наборы представляют, следовательно, различные аспекты или срезы структурной организации личности.

В предотвращении ролевых конфликтов важную роль играет механизм объединения статусов и ролей. Объединение статусов предполагает временный отказ от какой-либо роли, а объединение ролей — более эффективное исполнение роли. Механизм объединения статусов становится возможным благодаря существующему в социальной группе разделению сфер деятельности между людьми, исполняющими различные роли.

Так, например, наборы статусов и ролей личности в семье и на работе не перекрывают, а дополняют друг друга. Их же соединение возможно в случае отказа обладателя статуса от одной из ролей.

Каково же современное значение понятия «статус и роль»? Надо признать, что оно мало изменилось со времен Р. Линтона. Под статусом в научной литературе понимается, как правило, определенный круг прав и обязанностей, привилегий и свобод, которыми располагает личность в данной социальной системе независимо от ее субъективных устремлений

Статусы классифицируются по ряду признаков. В зависимости от социальной значимости и веса в обществе выделяются главный и второстепенные (вспомогательные) статусы. По характеру

происхождения различают «приписанные» (аскриптивные) статусы, сформированные благодаря внешним, неконтролируемым со стороны человека характеристикам (возраст, пол, нация и пр.), и «достигнутые» (приобретенные) статусы, зависящие от реальных достижений личности в конкретной области ее жизни.

В современной интерпретации понятия «социальная роль» выделяется обычно несколько значений: 1) динамический аспект реализации того или иного статуса (позиции); 2) нормативно одобренный способ поведения личности (образец); 3) совокупность требований, предъявляемых к определенному статусу (позиции). Каждое из этих значений фиксирует тот или иной аспект ролевой структуры личности. Динамический аспект представлен совокупностью последовательных действий, связанных с реализацией конкретного статуса. Ролевые действия личности, получившие нормативное одобрение и поддержку, составляют ядро социальной роли. Нормативный аспект (нормативная структура) характеризует, с одной стороны, набор требований (предписаний, пожеланий, оценок и т. д.), а с другой — нормативные ожидания других участников взаимодействия.

В зависимости от тех или иных ситуаций социальные роли подразделяются на несколько классов. Так, основоположник социометрии Дж. Морено различал психосоматические роли (биологическая обусловленность и бессознательный характер проигрывания), психодраматические роли (соответствие конкретным требованиям социального окружения) и социальные роли (статусная обусловленность и заданность исполнения ролей). Т. Шибутани выделял конвенциональные роли, обусловленные требованиями среды или системы, и межличностные роли, определяемые самими участниками взаимодействия в зависимости от конкретной ситуации.

Различие между статусом и ролью заключается в следующем: *во-первых*, статус определяет место индивида в социальной системе, его взаимоположение с другими людьми (структурный аспект социальной структуры личности), а роль выражает функциональное назначение того или иного статуса (позиции); *во-вторых*, понятие «статус» подчеркивает относительно устойчивое («статическое») положение индивида, тогда как роль характеризует динамический аспект статуса, связанный с его реализацией в конкретных условиях места и времени.

Для характеристики отношений между статусами и ролями ученые предложили ввести целый ряд понятий: «противоречивость статуса» и «статусная кристаллизация», обозначающие меру согласованности между собой различных статусов личности (Ж. Ленски), «ролевая дистанция» (И. Гоффман); «ролевой конфликт», «ролевые напряжения», «ритуалы перехода» и др.

Приведем некоторые определения и пояснения. Ролевые напряжения характеризуют факты несоответствия внутренних установок личности (готовности действовать определенным образом) требованиям, предъявляемым социальным окружением к исполнению ролей. Под ролевым конфликтом понимается наиболее острая форма ролевого взаимодействия, ведущая к противостоянию его сторон.

В культурной антропологии для обозначения специальных процедур и практик перехода от одного статуса к другому используется понятие «ритуалы перехода». Так, еще в начале XX в. А. Геннеп рассматривал ритуалы как средство, облегчающее сложности освоения нового статуса и комплекса ролей. В структуре ритуала он вычленил три стадии: долиминальная (отделение), лиминальная (переход) и постлиминальная (воссоединение). Примечательно, что эти процедуры и социальные церемонии сохранили свое значение и по сей день. Например, чиновник, получивший новую должность, вначале символически отделяется от своего прежнего статуса (документальное подтверждение нового назначения), затем постепенно адаптируется к статусу, извещая окружающих о переменах, и, наконец, включается в систему в новом качестве, присваивая себе связанные с ним ресурсы (занимает кабинет начальника, получает иные блага и возможности).

Итак, в концепциях социальных статусов и ролей, определяющих объективный уровень социальной структуры личности, необходимо усвоить следующее:

- социальный статус характеризует место (положение) личности в системе социальных отношений (группах, организациях и пр.) в соответствии с ее рангом («ниже—выше») или конкретными правами/обязанностями;

- каждый человек обладает множеством социальных статусов (статусный набор), один из которых может считаться главным, определяющим образ и стиль жизни личности, другие — второстепенными;

● в зависимости от жизненной ситуации носителя статусы подразделяются на приписываемые, заданные внешними, неконтролируемыми личностью обстоятельствами (происхождением, расой и пр.), и достигаемые, являющиеся результатом ее свободного выбора и собственных усилий (заслуги, образование и пр.);

● социальная роль выражает динамическую сторону статуса, а точнее — нормативно одобренный способ поведения личности;

● социальный статус реализуется, как правило, в системе социальных ролей — ролевом наборе;

● социальные роли включают в себя, с одной стороны, нормативные требования (предписания, пожелания и пр.), а с другой — нормативные ожидания участников взаимодействия;

● ролевое поведение является результатом исполнения роли, которому предшествуют процессы обучения и принятия ролей;

● в случае расхождения между реальным поведением и нормативными предписаниями и ожиданиями могут возникать ролевые напряжения и конфликты;

● для предотвращения ролевых напряжений и преодоления конфликтов участники взаимодействия используют несколько процедур: рационализация, разделение и регулирование ролей.

Диспозиционная структура личности. На субъективном уровне структурной организации личности ученые выделяют диспозиции («субъективные» позиции), основу которых составляет жизненная позиция личности — устойчивая направленность на определенные ценности.

Так что же такое диспозиция? В буквальном смысле данное понятие означает расположение или предрасположенность субъекта к чему-либо.

Теория диспозиций личности опирается на научные достижения как психологии, так и социологии.

Психологическая теория диспозиций принадлежит одному из самых известных и популярных ученых XX в. Гордону Олпорту¹. Приведем основные идеи его диспозиционной теории:

«1) каждый человек обладает уникальным набором черт, во многом определяющим его поведение в различных ситуациях.

¹ На положениях этой теории базируется, как известно, диспозиционная концепция регуляции поведения личности отечественного социолога В. А. Ядова (см.: Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 89—105).

Следовательно, человек демонстрирует определенное постоянство в своих действиях, мыслях, эмоциях независимо от течения времени, событий и жизненного опыта;

2) каждый человек уникален. В мире невозможно найти людей абсолютно идентичных друг другу»¹.

Личность как динамическая психофизическая система строится из первичных компонентов — темперамента, интеллекта и физической конституции. Далее Г. Олпорт выделил общие черты, характерные для данной культуры, и индивидуальные черты — диспозиции. Последние он подразделяет на три типа: 1) кардинальные, характерные для немногих людей, живущих одной глобальной идеей, которая определяет их дела и поступки; 2) центральные, из которых строится «ядро» личности (прориум) и которые определяют ее индивидуальность; 3) вторичные, т. е. носящие производный характер (привычки, особенности в одежде, еде, поведении).

Диспозиции личности характеризуются интенцией — направленностью, которая включает различные устремления и желания личности (планы, цели, амбиции и пр.)².

В социологии основателями диспозиционной теории личности по праву считают американских исследователей *Уильяма Томаса* (1863—1947) и *Флориана Значецкого* (1882—1958). Они ввели в научный оборот понятие «аттитюд» (установка), выражающее направленность личности на тот или иной вектор поведения.

В отечественной литературе теория диспозиций разрабатывается далее В. А. Ядовым. Под диспозицией понимается предрасположенность человека к восприятию социальной ситуации и условий деятельности и к определенному поведению в этих условиях.

В. А. Ядов выделяет четыре уровня диспозиций.

1. Низшие диспозиции, основанные на базе витальных потребностей — потребностей в еде, жилище и пр.

2. Социальные фиксированные установки, проявляющиеся в разных конкретных ситуациях.

3. Базовые (обобщенные) социальные установки, реализующиеся в типичных ситуациях взаимодействия индивидов.

4. Система ценностных ориентаций, связанных с высшими целями индивида.

¹ Олпорт Г. Личность в психологии. СПб., 1998. С. 3—4.

² Там же. С. 7.

В А. Ядов сформулировал концепцию диспозиционной регуляции поведения личности. Суть этой концепции заключается в следующем: в простейших ситуациях, в которых ролевые требования не фиксированы четко, человек руководствуется элементарными установками; в более сложных ситуациях, где действуют определенные нормы и ролевые требования, поведение индивида строится на основе базовых установок (ценностных ориентаций); в больших социальных группах поведение человека регулируется высшими диспозициями, составляющими важнейшие ценностные стандарты общества.

Выделим теперь самое главное в исследовании диспозиционной структуры личности в социологии и социальной психологии:

- на субъективном уровне структурной организации личности формируются диспозиции (как субъективные позиции и установки) и ролевые ожидания;

- диспозиции — это индивидуальные черты, присущие каждой отдельной личности независимо от ее статуса и определяющие общую направленность ее жизненного процесса (планы, перспективы и т. д.);

- в структуру диспозиций личности входят высшие или центральные установки и ценностные ориентации, базовые, или обобщенные, установки и «низшие», или ситуативные, установки;

- согласно концепции диспозиционной регуляции поведения личность осуществляет выбор линии поведения в зависимости от той или иной ситуации; в конкретных ситуациях ей «помогают» простейшие, или элементарные, диспозиции, а в более сложных — обобщенные и высшие.

Таким образом, социологический анализ социальной структуры личности предполагает с самого начала выявление ее «внешних» связей с социальным окружением (статусы и роли) и «внутренних» связей (диспозиции).

§ 3. Социальная динамика личности: социализация и активность

Личностная динамика рассматривается в социологии двояким образом: с одной стороны, как внешне обусловленная и детерминированная деятельность человека, осуществляемая им

в процессе социализации, а с другой — как его собственная активность, выраженная в индивидуальном стиле жизни и жизненных стратегиях.

Что такое социализация? *Понятие социализации.* Процессы взаимодействия личности и общества подразделяются на структурные (развитие внешней и внутренней отнесенности) и динамические (соединение «привнесенности» и «привносимости»). Если структурные процессы, определяющие взаимоположение субъектов, характеризуют развитие социальной структуры личности, то процесс социализации формирует ее в качестве полноценного субъекта деятельности.

Человек формируется как личность и субъект деятельности в ходе социализации. Под *социализацией* понимается процесс освоения индивидом социальных норм и ролей, принятых в данном обществе, посредством как собственной активности, так и «чужой» (влияние родителей, обучение и пр.).

В научной литературе существует, по крайней мере, еще несколько терминов, используемых для характеристики процессов освоения личностью социокультурного опыта того или иного общества. Это — «инкультурация», «аккультурация» и «интернализация» («интериоризация»). Первый из них указывает на «процесс, в ходе которого индивид осваивает традиционные способы мышления и действий, характерные для культуры, к которой он принадлежит»¹. Второй — на процесс взаимообогащения двух и более культур, в результате которого происходит изменение (трансформация) базовой культуры. Третий термин означает перенос «внешних» форм опыта во «внутренний» план личности.

Введение этих и других понятий в научный оборот объясняется недостаточностью или неполнотой смыслового содержания исходного понятия «социализация». Последнее не охватывало, например, когнитивные моменты культуры (знания, верования, ценности и пр.). Не случайно поэтому американские культурные антропологи (Херсковиц, Клакхон и др.) предпочитали употреблять вместо него термины «инкультурация», «культурализация» и пр.²

Основные тенденции и формы социализации. Содержание и направленность процесса социализации определяется двумя основными тенденциями — типизацией и индивидуализацией.

¹ Морфология культуры. Структура и динамика. М., 1994 С 387

² См.. Культурология XX век Энциклопедия С 251

Типизация определяется, с одной стороны, как способ усвоения личностью проявляющихся в реальном мире «объективных мыслительных форм» культуры (ценностей, норм, идей их преобразования в субъективно-идеальный мир) и, с другой — как трансформация объективно-идеальных форм культуры в индивидуальный опыт ее поведения.

Индивидуализация характеризуется в свою очередь преобразованием индивидуального поведенческого опыта личности в объективно идеальные формы культуры и трансформацией субъективного мира личности, субъективной идеальности в объективные формы внешнего социального мира.

Процесс социализации осуществляется в разных *формах*, каждая из которых характеризуется особым сочетанием индивидуализирующих и типизирующих факторов.

По времени осуществления социализация подразделяется на «*первичную*», продолжающуюся от рождения ребенка вплоть до формирования зрелой личности, и «*вторичную*», происходящую уже на стадии социальной зрелости личности. В зависимости от возраста личности социализация делится на *раннюю*, проявляющуюся в детстве, *социализацию взрослых людей*, или *ресоциализацию*, связанную с освоением новых ценностей и норм, недостаточно усвоенных в детстве или устаревших, и *социализацию пожилых людей*, содержание которой составляют процессы адаптации, в основном приспособления к старости и к мысли о приближающейся смерти. Безусловно, первичная и ранняя социализация в большей степени содержат элементы типизации, чем вторичная социализация, включая ресоциализацию и социализацию пожилых людей. Наряду с понятием «ресоциализация» в научной литературе встречается также понятие «*десоциализация*», обозначающее процесс развития личности в раннем или зрелом возрасте, связанный с отклоняющимся поведением, с ее участием в группах, ведущих антисоциальный образ жизни (преступники, пьяницы, наркоманы и пр.).

Структура процесса социализации личности включает в себя такие стороны, как этапы (стадии), субъекты (агенты), условия и механизмы.

Стадии, или этапы, социализации. В науке сложились и продолжают существовать несколько концепций развития личности в процессе социализации. Большинство из них берут за основу развития какой-либо один фактор, имеющий биологи-

ческое, психическое или социальное происхождение. Разделим их условно на универсальные, охватывающий весь жизненный цикл личности, и частные, охватывающие первичную социализацию личности.

Большинство концепций, в которых определяются основные этапы социализации, ограничиваются рассмотрением первичной социализации.

Так, по мнению Дж. Мид, этот процесс включает в себя несколько стадий, связанных с формированием Я: стадию имитации (копирование поведения взрослых людей или представителей реферативной группы); игровую стадию (проигрывание ролей); стадию коллективных игр (осознание детьми ожиданий других людей на основе образа «обобщенного другого»)

В концепции З. Фрейда индивид находится все время в состоянии конфликта с обществом. При этом он руководствуется биологическими побуждениями и прежде всего сексуальными влечениями. Поэтому в основе социального конфликта лежит противоречие между стремлением индивида к получению удовольствий и ограничениями, которые устанавливаются родителями и другими людьми, а также собственным суперэго. В своем же сексуальном развитии личность проходит, по Фрейд, четыре стадии, каждая из которых связана с определенной эрогенной зоной: *оральная* (ребенок получает удовлетворение от жизни через рот — от приема пищи и пр.), *анальная* (ребенок учится ходить на горшок); *фаллическая* (осознание ребенком своей половой принадлежности и связанных с ней возможностей или ограничений); *генитальная* (на этой стадии дети активно выражают озабоченность проблемами половой близости).

Известный французский ученый Ж. Пиаже исследует первичную социализацию как процесс обучения мышлению. Способности к мышлению развиваются у ребенка по мере прохождения им определенных стадий, связанных с приобретением новых навыков познания и обусловленных возрастными особенностями.

До 2 лет — *сенсомоторная стадия* (формирование способности к сохранению в памяти образов предметов окружающего мира);

2—7 лет — *предоперациональная стадия* (возникновение способностей к различению предметов и символов или их значений);

7—11 лет — *стадия конкретных операций* (овладение навыками мысленного манипулирования предметами);

12—15 лет — *стадия формальных операций* (формирование способностей к решению абстрактных задач и осмыслению нравственных проблем своей жизни).

К числу универсальных следует отнести концепции Э. Эриксона и Л. Колберга.

Идеи З. Фрейда были пересмотрены и дополнены Э. Эриком. Он предложил ввести критерии психического развития Я, связанного с формированием основных ориентиров по отношению к себе и своему окружению. Становление личности не заканчивается, по его мнению, в подростковом периоде, а продолжается весь жизненный цикл. В соответствии с критериями психического развития выделяются восемь стадий человеческого развития, которые стали сегодня общепризнанными:

Доверие — недоверие	— грудной возраст,
Автономия — сомнение	— возраст 1—2 лет;
Инициатива — чувство вины	— возраст 3—5 лет.
Трудолюбие — неполноценность	— младший школьный возраст (6—11 лет);
Идентификация — диффузия	— юность (12—18 лет);
Интимность — одиночество	— начало взрослого периода;
Творческая активность — застой	— средний возраст;
Умиротворение — отчаяние	— старость.

В основу выделения стадий социализации американский ученый Л. Колберг положил критерии нравственного развития детей, в том числе формирование способности к сопереживанию (эмпатии). Однако эти стадии не связаны с определенными возрастными периодами. Две первые стадии направлены на освоение детьми механизмов наказания и поощрения. Третья стадия позволяет различать понятия о хорошем и плохом поведении. На четвертой стадии люди осознают интересы общества и принимают правила поведения, господствующие в нем. На пятой стадии у человека формируются нравственные убеждения. Он начинает осознавать противоречия между различными нравственными позициями. Шестая стадия нравственного совершенствования определяется способностями к осознанному нравственному выбору, утверждением универсальных ценностей и принципов жизни, в том числе служение обществу, за-

бота о ближних и т. д. Эту стадию достигают далеко не все люди, а лишь немногие из них.

В отечественной литературе известны попытки выделения основных стадий социализации в зависимости от возраста и отношения к труду. Г. М. Андреева вслед за другими учеными предлагает различать дотрудовую стадию, включающую в свою очередь раннюю социализацию и этап обучения, трудовую и послетрудовую стадии.

Агенты и условия социализации. Агентами социализации называются отдельные люди, группы и институты, которые участвуют в процессе формирования личности. К ним относят, как правило, семью и родственников; группы сверстников и знакомых; школу (вуз); средства массовой информации и пр. Мы не ставим своей целью описание всех этих агентов.

На разных стадиях социализации активную роль играют те или иные агенты и институты. На дотрудовой стадии главными являются семья, учебные учреждения и сверстники. На трудовой стадии значительную роль играют коллектив, профессиональное сообщество, дружеская компания, средства массовой информации. На послетрудовой стадии круг агентов социализации существенно сужается.

Вместе с тем социализация осуществляется под влиянием совокупности условий — социально-контролируемых и направленно-организуемых, стихийных и спонтанных (непроизвольно возникающих). Это — экономические, социально-политические, духовно-идеологические условия и факторы, необходимые или достаточные для обеспечения развития личности.

Механизмы социализации. В научной литературе выделяют прежде всего психологические механизмы социализации.

Одним из первых это попытался сделать З. Фрейд. Он выделил механизмы подтверждения — исключения, имитации, запрещения, замещение (подстановка), имитация и идентификация.

В концепции ролевого поведения Дж. Мида механизмы социализации раскрываются через восприятие ролей. Осознание «обобщенного другого» происходит, по его мнению, через процессы принятия и исполнения роли. Принятие роли — это процесс присвоения роли в другой, непривычной ситуации взаимодействия, а исполнение роли — фактические действия

или акты ролевого поведения. К этим процессам необходимо добавить еще обучение ролям.

Перейдем теперь к изложению основных моментов, характеризующих содержание концепций социализации:

- социализация определяется обычно как процесс освоения личностью ценностей, норм и ролей, господствующих в данном обществе и определяющих степень ее включенности в систему социальных отношений;

- социализацию необходимо рассматривать как двусторонний процесс: с одной стороны, как типизацию, принятие правил поведения, типичных для данной общности (типизация); с другой — как активное воздействие личности на свое социальное окружение, создание новых, индивидуально окрашенных форм жизни и опыта (индивидуализация);

- процесс социализации осуществляется в разных формах в зависимости от возраста и социальных условий (первичная и вторичная социализация, социализация взрослых и пожилых людей, ресоциализация и десоциализация);

- процесс социализации подразделяется на разные стадии или этапы (например, дотрудовая, трудовая и послетрудовая стадии и т. д.);

- агентами социализации могут быть как целые институты и группы, так и отдельные лица, оказывающие влияние на развитие личности на той или иной стадии;

- в качестве механизмов социализации можно рассматривать способы освоения ролей (принятие, исполнение и обучение).

Активность и стратегия жизни личности. Социальная динамика личности имеет также «внутренне» детерминированную сторону, которая выражается в ее активности и направленности на сознательное конструирование своей жизни. Высшей формой активности личности в современном обществе выступает ее гражданская активность.

Активность и жизненная позиция личности. Активность — деятельное познавательное и практическое отношение личности к условиям жизнедеятельности, делам общества, проявляющееся как в форме общественно полезной, созидательной и творческой деятельности, так и в форме антиобщественной деятельности, отклоняющегося (девиантного) поведения. Характеризуется высокой степенью интенсивности осуществления, динамичностью и способностью производить изменения (преобразования).

В отечественной социологии и психологии проблема активности личности разработана недостаточно¹

Одной из наиболее распространенных форм активности личности выступает ее *социальная активность*. Это — способ существования и развития личности как субъекта общественной жизни, основанный на ее сознательном или бессознательном стремлении к изменению социальных условий и формированию собственных качеств (способностей, установок, ценностных ориентации). Предпосылкой сознательной социальной активности выступает осознанный выбор личностью возможностей своего участия в общественной жизни. Каждая личность вначале определяет характер своего участия в общественной жизни, меру (степень) интенсивности своей деятельности, а уже затем занимает ту или иную социальную позицию. Выбор личностью активной жизненной позиции обусловлен причинами как объективного, так и субъективного характера. Иногда она вынуждена вести себя активно, чтобы сохранить равновесие с окружающей средой.

Социальная активность не является единственной формой развития личности как общественного субъекта. Ей противостоит, как известно, социальная пассивность и апатия, порождаемые кризисными явлениями в обществе, ростом отчуждения, экзистенциальным вакуумом.

В качестве одной из важных характеристик активности личности выступает активная жизненная позиция, наличие которой свидетельствует об изменении всего образа жизни личности, а не его отдельных сторон.

¹ См. Активность и жизненная позиция личности М., 1988, *Ануфриев Е. А.* Социальный статус и активность личности // Личность как объект и субъект социальных отношений М., 1984, *Ведин И. Ф.* Бытие человека. Деятельность и смысл Рига, 1987, *Головаха Е. И., Кроник А. А.* Психологическое время личности Киев, 1984, *Жизненный путь личности* Киев, 1987, *Жизнь как творчество. Социально-психологический анализ* Киев, 1985, *Каган М. С.* Человеческая деятельность. Опыт системного анализа М., 1974, *Матвеев Ю. И.* Социальная ориентация личности М., 1990, *Резник Т. Е., Резник Ю. М.* Жизненные стратегии личности. Поиск альтернатив М., 1995, *Резник Ю. М.* Социальное измерение жизненного мира. Введение в социологию жизни М., 1995, *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности* Л., 1979, *Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности* М., 1988, *Стиль жизни личности* Киев, 1982, *Франкл В.* Человек в поисках смысла. Сборник М., 1990.

Активная жизненная позиция — устойчивая позиция личности, направленная на изменение и преобразование общественных условий жизни в соответствии с ее убеждениями, взглядами и совестью. С точки зрения общественной значимости жизненная позиция личности может быть как позитивной, конструктивной, адекватной общественным нормам и идеалам, так и негативной, деструктивной, ориентированной на подрыв существующих в обществе устоев, традиции и правил общежития. Однако критерии правильности (истинности) жизненной позиции лежит не только в общественном признании и одобрении, порождающем иногда настроение конформизма и апатии. Гораздо более важным для понимания активной жизненной позиции является требование соблюдения автономии, автономных прав и гражданских свобод личности. Активная жизненная позиция становится в гражданском обществе неотъемлемой чертой жизнедеятельности автономных субъектов. Она выражает их стремление к расширению и укреплению своего жизненного пространства, рассматриваемого в контексте самореализации и свободного творчества.

Активность и жизненная стратегия личности. Понятие «стратегия жизни» относится к сознательным проявлениям человека, выступающего в качестве субъекта активности, поведения и деятельности. С этим связана необходимость предварительного уточнения понятий «человек», «индивидуальность», «индивид» и «личность» применительно к контексту планирования будущего. Стратегии жизни являются непосредственно деятельностью состоянием личности.

Жизненные стратегии не являются единственным способом организации жизни личности. Наряду с ними в развитии личности «принимают участие» способы ведения жизни (форма, уклад и стиль жизни), способы определения жизненных ситуаций (жизненная позиция и линия), способы описания жизни (жизненная история, биография) и способы символического конструирования жизни (жизненные планы и сценарии).

Жизненные стратегии выступают объектом целого комплекса наук о человеке и обществе — социологии, психологии и культурной антропологии. Каждая из них изучает свой аспект (сторону) жизненного мира личности. Психология рассматривает его психическую сторону, а также преимущественно личностный, субъективно-значимый аспект и уровень организа-

ции социального. Культурная антропология делает предметом своего исследования культурный аспект социального измерения жизненных стратегий, а также взаимоотношения личностного и культурного аспектов (исследовательское направление «культура-и-личность»). Социология выделяет в качестве предмета своего изучения институциональный аспект (институциональные связи и закономерности) формирования и развития этих стратегий.

Жизненные стратегии выступают элементом и уровнем иерархически сложного комплекса активности человека. Они являются в широком плане элементом деятельности (как сознательно регулируемой и адаптивно-адаптирующей активности человека) и непосредственно компонентом одной из подсистем деятельности — системы ориентирования личности.

В системе ориентирования жизненные стратегии тождественны перспективному уровню деятельности человека. Они включают, с одной стороны, перцептивные (образные), смысло-жизненные, ценностные, нормативные, целевые ориентации и соответствующие им способности, а с другой — разнообразные технологии и механизмы стратегического поведения. В качестве сферы приложения стратегий выступают конкретные жизненные события и ситуации.

Приведем определение жизненных стратегий, наиболее полно выражающее их социологическую специфику. Это — динамическая система перспективного ориентирования личности, направленная на сознательное изменение своей будущей жизни в данном социокультурном контексте. Она направляет и регулирует ее поведение в течение длительного времени.

Жизненные стратегии личности различаются между собой по характеру ведущей ориентации или доминирующей форме активности. Они подразделяются нами на несколько типов: индивидуалистические, коллективистские и персоналистические стратегии, стратегии благополучия, успеха и самореализации. При этом каждому из указанных типов стратегического ориентирования личности соответствует та или иная модель жизненного поведения. Всего можно выделить три таких модели — жизнеобеспечение, жизнестроительство и житнетворчество.

Анализ указанных типов стратегий и моделей их реализации на поведенческом уровне позволяет установить определенные

связи зависимости и сформулировать на этой основе рабочие гипотезы. На разных стадиях формирования жизненных стратегий доминирующее значение приобретает тот или иной аспект их социального содержания: на стадии выбора и построения — социально-личностный и социально-культурный, а на стадии презентации — социально-организационный.

Гражданская активность личности. На современном этапе развития российского общества важное значение приобретает *гражданская активность* — форма самореализации и самодеятельности личности как полноценного члена и субъекта гражданского общества, выражающаяся в ее осознанном и целенаправленном участии в общественных преобразованиях; в защите и расширении экономических, политических, социальных и иных прав (свобод); в поддержании целостности общества и его институтов.

Гражданская активность относится к особому типу социальной активности личности. Это понятие характеризует также исторически определенное качество социальной активности, а именно — степень интенсивности осуществления родовой деятельности или меру реализации родовых сил человека, а также соответствующую ей форму самодеятельности.

Гражданская активность личности противостоит формальной (декларированной) активности, характерной для тех типов обществ, в которых господствует авторитарный или тоталитарный режим. Ее критерием является не внешняя лояльность режиму, как это имеет место в авторитарно-бюрократических системах, а сознательное, заинтересованное и рационально-критическое отношение субъектов (индивидов, групп) к делам общества и государства; стремление оказывать влияние на выработку и реализацию решений, затрагивающих как их собственные (особенные), так и общественные интересы.

В цивилизованном обществе гражданская активность личности не выходит за рамки, устанавливаемые законом (если последний не противоречит основополагающим правам граждан) и другими способами общественной регламентации (нравственными нормами, правилами, соглашениями и т. д.). При этом наблюдается следующая тенденция: чем более развито общество в экономическом, политическом и культурном отношении, тем шире и разнообразнее гражданская активность его членов.

Гражданская активность личности проявляется во всех сферах жизни современного общества. В экономической области она реализуется в форме защиты и поддержания права собственности и свободы предпринимательства; в разрешении трудовых конфликтов; в заключении взаимовыгодных сделок и развитии партнерских отношений; в ограничении государственной монополии на производство и распределение товаров и пр. В политической сфере она выступает в форме участия граждан в государственном управлении посредством механизмов непосредственной и представительной демократии (выборов, референдумов и пр.), в деятельности добровольных общественно-политических объединений и ассоциаций, в развитии местного самоуправления и т. д. В духовно-идеологической области гражданская активность осуществляется в альтернативных формах образовательной, научной, религиозной и художественной деятельности людей. В сфере социального воспроизводства она представлена в форме разнообразных организаций и движений, выступающих за здоровый образ жизни, охрану природы и окружающей среды, права материнства и детства, развитие семьи, поддержку пожилых людей, сохранение этнических меньшинств и пр.

В каждой сфере общественной жизни личность вырабатывает и реализует ту или иную стратегию гражданского участия.

В научной литературе какой-либо общепринятой типологии форм гражданской активности не существует. Однако чаще всего выделяют такие институциональные типы или формы, как, например, гражданские акции, гражданские инициативы и гражданские движения.

Гражданская активность выражается в гражданственности личности. Понятие *«гражданственность»* соединяет в себе черты всеобщей (общечеловеческой) и особенной (национальной) родовой культуры. Гражданственность — это прежде всего органический сплав «высших» (а не просто общевидовых или индивидуально-личностных) родовых свойств человека, взятых в их идеальном воплощении и реальном бытии.

Принимая во внимание данный критерий, попробуем сформулировать основные черты гражданской личности, свойства ее гражданственности. В качестве классификационного требования, позволяющего детализировать и обосновать ука-

занный критерий, рассмотрим единство интегративных характеристик сторон социального бытия человека (социокультурных модальностей) — деятельности, общения и сознания.

Любая из приведенных черт, которая не может быть выражена при помощи данных характеристик, считается недостаточной и не соответствующей принципу целостности. С этой точки зрения гражданственность как способ бытия личности в современном гражданском обществе можно охарактеризовать определенными чертами, представленными в таблице 5.5.

Таблица 5.5

Основные черты гражданственности личности	Базовые модальности гражданской активности личности и особенности их проявления в современном мире		
	деятельность	общение	сознание
1	2	3	4
Конструктивная творческая активность	Конструктивная, созидательная деятельность, постоянное инициирование новых дел, предложений	Заинтересованное, творческое общение, ориентированное на позитивное содержание	Активная жизненная позиция, творческий динамизм, склонность к инициативе
Сознательность и целенаправленность	Рефлексивная и самопрограммируемая активность	Избирательное и целеориентированное общение	Осознанное отношение к жизни, целеустремленность
Свобода и ответственность	Свободная реализация творческих сил, добровольное участие в общественных делах, ответственное исполнение избранной деятельности	Свободное общение с другими людьми, добросовестное выполнение обязательств перед другими	Стремление человека быть самим собой и реализоваться во всей полноте жизни, ответственное отношение к общественным делам и другим людям
Солидарность	Практическое решение совместных проблем, участие в коллективных проектах и программах	Реальное сотрудничество и партнерство с другими ради достижения общих (родовых) целей	Готовность к коллективным действиям и сотрудничеству, солидарная ответственность
Гуманность	Бескорыстное служение людям, реальная забота о них	Добровольное и безвозмездное оказание помощи другим людям	Гуманизм и человечность, милосердие и сопереживание

Окончание таблицы 5.5

1	2	3	4
Духовность	В широком смысле, деятельность, направленная на постижение и создание духовных, трансцендентных ценностей, в узком смысле: сознательный выход в экзистенциальное измерение жизни (самоанализ и пр.)	Духовное общество, основанное на общих верованиях или переживаниях трансцендентного и экзистенциального опыта, воспитание себя и других путем обращения к высшим ценностям бытия	Осознание человеком своего предназначения и творческой миссии в мире, «созерцание жизни» или экзистенциальное самоуглубление, ориентация на поиск «высших» смыслов бытия
«Сверхнормативность»	Установление внутренних пределов собственной активности, вне-нормативная саморегуляция	Общение, в котором соединяются требовательность к себе с разумной требовательностью к другим	Способность к самоограничению во имя разделяемых идеалов и ценностей, самодисциплина

Данный перечень «высших» родовых свойств человека не является исчерпывающим или законченным. На сегодняшний день их единство (ансамбль) можно рассматривать лишь в идеально-типическом плане. Идеальная гражданственность как исключительно искусственный феномен, сформированный в процессе культурной эволюции, выступает желаемой или предельно возможной вершиной культурного развития человека. Реальная же гражданственность в большинстве стран мира далеко не всегда и не в полном виде демонстрирует нам данную модель. Однако ее относительность не означает принципиальной недостижимости или, напротив, абсолютизации, универсализации тех или иных свойств человека.

Подведем теперь краткий итог изучения социальной динамики личности:

- социальная динамика личности имеет два ракурса социологического изучения: с одной стороны, она проявляется в процессах и механизмах социализации, а с другой — в той или иной форме активности, направленной на созидание и конструирование собственной жизни;

- активность личности понимается не только в широком смысле (как способ взаимодействия с миром, в том числе с обществом), но и в узком смысле (как сознательная и созидательная деятельность личности как члена общества);

- непосредственной предпосылкой и условием активности выступает активная жизненная позиция личности;
- личность как носитель активной жизненной позиции оказывается способной к сознательному конструированию собственной жизни; она становится субъектом жизненных стратегий — компонента общей системы ориентирования личности, «отвечающего» за формирование ее желательного будущего в соответствии с идеалами и ценностями общества;
- наиболее высокой формой социальной активности является гражданская активность — способ участия в делах гражданского общества; ей соответствует стратегия гражданского участия;
- в процессе выражения гражданской активности и самостоятельности личности формируются ее особые качества, получившие название гражданственности.

§ 4. Социальная типология личности

В результате разнообразных по своему содержанию процессов социализации формируются определенные типы личности. Приведем примеры философских и научных интерпретаций, разработанных в психологии, антропологии и социологии.

Примеры типологии личности в учениях прошлого. Религиозные, философские и медицинские системы уже давно дали нам прекрасные примеры эффективного использования различных типологий человека в практике его исследования, консультирования и лечения.

Еще в глубокой древности были предприняты попытки выделить основные типы характеров и темпераментов человека с целью воздействия на него. Так, согласно Аюрведе и Чжуд-ши тело человека состоит из пяти элементов — эфира (пространства), воздуха (ветра), огня (жара), воды (жидкости) и земли (твердого вещества)¹. На этом основании выделяются основные психосомати-

¹ Как известно, слово Аюрведа санскритского происхождения. Оно образовано от двух корней аюс — «жизнь» и веда — «учение», «знание». Это означает «знание о жизни» или «учение о повседневной жизни». Основные понятия: «пракрити» — первопричина всех вещей и явлений, которая выступает как несознательное начало мира, «пуруша» — второй тип высшей реальности, характеризующий чистое сознание; «гуны» — универсальные силы мироздания, «саттва» — гуна сущности, свега и удовольствия; «раджас» — гуна энергии, движения и активности, «тамас» — гуна инерции и пассивности. В результате космической эволюции возникают Махат (зародыш огромного мира объектов) и Буддхи (разумное начало Махата, его интеллект), а также Аханкара (эго).

ческие типы — доши. Из эфира и воздуха образуется Вата, из огня и воды — Пита, из земли и воды — Капха. Эти три типа управляют всеми биологическими и психологическими функциями человека. Вата контролирует движения, Пита заведует обменом веществ, Капха определяет и поддерживает конституцию организма и форму его органов¹.

Всего существует семь ярко выраженных типов людей, в том числе три типа монодошных («Желчь», «Ветер», «Слизь»); три типа двудошных («Ветер — Желчь», «Ветер — Слизь» и «Желчь — Слизь»), а также один тип уравновешенных людей, у которых все доши занимают относительно равные доли.

В Древнем Риме еще во II в. до н. э. можно встретить известное описание четырех основных темпераментов человека: холерический (греч. *chol* — желчь); меланхолический (греч. *melas chol* — черная желчь); сангвинический (лат. *sanguis* — кровь) и флегматический (греч. *phlegma* — лимфа)².

В философских учениях XIX—XX в. можно встретить разные типологии личности, не имеющие строгих критериев выделения типов.

Немецкий философ и эстетик *Фридрих Шюллер* (1759—1805) определил контрастные типы человека художественной культуры — наивный и сентиментальный. Другой немецкий философ — *Фридрих Ницше* (1844—1900) — установил различие между аполлоническим и дионисийским типами человека. В дальнейшем указанное деление было использовано Р. Бендикс для характеристики типов культуры индейцев Северной Америки.

Известный американский философ *Уильям Джеймс* (1842—1910) подразделял всех мыслящих людей на идеологов и позитивистов. Идеологи — это люди принципов и систем. Позитивисты в большей степени практически ориентированны. Они основываются преимущественно на эмпирическом опыте. А у немецкого физика и философа *Вильгельма Оствальда* (1853—1932) можно найти своеобразную классификацию гениальных людей, которых он делит на классиков и романтиков.

¹ См.: Аюрведа. Древнее учение о совершенном здоровье. СПб., 1999.

² И. П. Павлов (1849—1936) в своих исследованиях подтвердил правомерность использования подобной типологии. Он выделил в свою очередь следующие типы: 1) сильный, уравновешенный и подвижный (сангвиник), 2) сильный, уравновешенный и инертный (флегматик), 3) сильный и неуравновешенный (холерик), 4) слабый (меланхолик).

Конкретно-научные типологии личности. *Психологическая и социально-психологическая типология.* В психологических учениях XX в. наиболее известны типологии Э. Шпрангера, К. Хорни, К. Юнга и Э. Фромма.

Так, немецкий философ и психолог *Эдуард Шпрангер* (1882—1963) является автором книги «Типы людей» (1922), в которой описаны шесть типов личности, каждому из которых соответствует определенный вид активности: 1) теоретический (стремление к раскрытию истины, рационализм и критический подход); 2) экономический (стремление к выгоде и практичность); 3) эстетический (стремление к гармонии и образному построению мира); 4) социальный (любовь к людям, склонность к самопожертвованию и служению людям); 5) политический (любовь к власти и лидерству); 6) религиозный (поиск смысла жизни и единства мироздания, вера в сверхъестественное).

Карен Хорни (1885—1952) рассматривал три типа личности: 1) уступчивый (ориентация на людей); 2) обособленный (от людей) и 3) враждебный (против людей). У *Карла Юнга* (1875—1961) разработана типологическая модель личности, согласно которой существует два основных психологических типа — экстраверты и интроверты. Каждый из них подразделяется в свою очередь на несколько подтипов: мыслительный, чувствующий, осязающий, интуитивный и пр.¹

На этих типологических различиях основаны идеи соционики. Они подразделяют все типы человека на экстравертов и интровертов, рациональных и иррациональных, логиков и этиков, сенсориков и интуитов. В результате их комбинирования получается 14 типов (интуитивно-этический экстраверт, сенсорно-логический интроверт и т. д.).²

У *Эриха Фромма* типы личности исследуются сквозь призму характеров. Он выделяет, как известно, пять социальных типов характеров (рецептивный, эксплуатирующий, накапливающий, рыночный и продуктивный), а также некрофильный и биофильный характеры.

В современной отечественной литературе следует выделить типологическую модель личности К. А. Абульхановой.

В психологии проблема выделения типов жизненных ориентаций личности не разработана в полной мере. К. А. Абульхано-

¹ См. Юнг К. Психологические типы. СПб., 1995

² См. Филатова Е. Соционика для Вас. СПб., 1994.

ва использует типологию как метод системного исследования активности личности. В качестве типологических признаков она выделила общий уровень активности, характер притязаний, а также характеристики саморегуляции — способность каждого опираться либо на внешние, либо на внутренние опоры; степень самостоятельности и уверенности; удовлетворенность собственными или внешними критериями — личностная организация времени и некоторые др.

В зависимости от повышения или понижения активности были установлены типы: 1) *инициативной* личности, опирающейся на ответственность; 2) *инициативной* личности, не опирающейся на механизмы ответственности; 3) *безынициативной*, пассивной личности. По характеру притязаний выявились две группы людей: 1) с установкой на успех; 2) с установкой на неуспех, в том числе лица, избегающие неуспеха посредством повышения ответственности, и лица, которым свойственна мотивация поражения.

По уровню саморегуляции (сохранения уверенности, степени открытости-закрытости) и обращения к внешне-внутренним критериям были выделены четыре типа: 1) *открытый тип*, зависящий от одобрения окружающих; 2) *нейтральный тип*, уверенный в своих внутренних критериях и не зависящий от признания или непризнания окружающих; 3) *чрезмерно закрытый тип*, у которого негативное отношение к внешним оценкам блокировало его собственную саморегуляцию; 4) *неуверенный тип*, сохраняющий заниженную самооценку независимо от одобрения или критики¹.

В зависимости от способа регуляции времени выделяются следующие типы личности: 1) *стихийно-обыденный тип* (зависимость от событий жизни, ситуативность поведения, отсутствие личной инициативы), 2) *функционально-действенный тип* (эффективная организация времени, событийность жизни), 3) *созерцательный тип* (пассивность, отсутствие четкой организации времени), 4) *творчески-преобразующий тип* (оптимальное сочетание активности и успешной регуляции времени)².

Антропологическая типология. Среди представителей социальной и культурной антропологии наиболее известны типологические модели личности Р. Линтона, А. Каринера, М. Мид.

¹ См.. Абульханова К. А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды М., Воронеж, 1999. С. 54.

² Там же. С 80—81

Ральф Линтон (1893—1953) является не только одним из создателей ролевой теории личности, но и автором концепций *базисной личности* и *статусной личности*. Под *базисной личностью* он понимал особый тип интеграции индивида в культурную среду на основе опыта социализации членов данной общности¹. Базисная структура личности передается из поколения в поколение посредством культуры.

Р. Линтону принадлежат также концепции *статусной личности*. По его мнению, совокупность стандартизированных ролей, закрепленных за определенным статусом, порождает статусную личность или конфигурацию личности, свойственную большинству индивидов данного общества, занимающих данный статус². Общие элементы статусных личностей того или иного общества рассматривались Линтоном как базисный тип личности.

По мнению американского психолога *Абрама Кардинера* (1891—1981), изменения в социальной организации неизбежно ведут к радикальной перестройке базисного типа личности.

В дальнейшем концепция базисной личности была пересмотрена. Многие исследователи подвергли сомнению саму возможность найти единый определитель базисного типа личности. С целью эмпирического обоснования базисных характеристик было введено понятие «модальная личность». Ее авторами считают *Франца Боаса* (1858—1942) и *Киру Дьюбуа* (р. 1903).

Модальная личность — это наиболее часто встречающийся в данной культуре тип личности, а не базисная структура, разделяемая членами данного общества. В этом состоит принципиальное различие двух концепций. Первая поддается эмпирической верификации, а вторая — практически нет.

По мнению Ф. Боаса, понятие «модальная личность» используется при описании отношений между личностью и культурой в следующих случаях:

- 1) если большинство членов общности не могут иметь одну и ту же структуру личности (факт отсутствия базисной структуры);
- 2) если данная общность может быть описана через типовые характеристики личности, которые чаще встречаются в ней и поддаются при этом сравнению.

Социологическая типология. Роберт Мертон (р. 1910) разработал собственную типологию поведения личности в зависимости

¹ См. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. С. 97

² См. Культурология XX век. Энциклопедия. Т. I. С. 406.

от отношения к целям и средствам. Все разновидности поведения укладываются, по его мнению, в несколько классов:

- 1) *конформист* — лояльный член общества, принимающий одобряемые в нем культурные цели и институциональные средства;
- 2) *новатор* — член общности, достигающий своих целей неинституциональными, в том числе незаконными, средствами;
- 3) *ритуалист* — человек, абсолютизирующий средства и игнорирующий цели, ради которых осуществляется деятельность,
- 4) *изолированный тип* — личность, которая отходит (изолируется) как от культурных целей, так и от институциональных средств;
- 5) *мятежник* — личность, отступившая от целей и средств, принятых в обществе, и противопоставившая им другие ценности и нормы.

Еще один западный социолог — Р. Дарендорф, рассматривая личность как продукт развития культуры, выделял четыре типа: человек трудящийся (личность, создающая общественно полезные блага, например крестьянин, воин, политик и пр.); человек потребляющий (личность, сформированная массовым потреблением); человек универсальный (личность, способная заниматься разными видами деятельности); человек тоталитарный (личность, зависящая от тоталитарного государства).

Приведем сравнительную характеристику наиболее важных, с нашей точки зрения, типологий личности, взяв за основу черты или комплексы качеств (см. табл. 5.6).

Таблица 5.6

Устойчивые ориентации и характеристики личности					
характер взаимодействия с другими (К Хорни)	высшая или внутренняя ориентация (К Юнг)	доминирующие ценности (Э Шпрангер)	тип социального характера (Э Фромм)	отношение к целям и средствам (Р Мертон)	уровень активности (К А Абульханова)
1) уступчивый (ориентация на людей) 2) обособленный (от людей) 3) враждебный (настроенный против людей)	1) экстраверт (ориентированный на других) 2) интраверт (ориентированный на себя, свой внутренний мир)	1) теоретический 2) экономический 3) эстетический 4) социальный 5) политический 6) религиозный	1) рецептивный 2) эксплуатационный 3) накопительский 4) рыночный 5) продуктивный	1) конформист 2) новатор 3) ритуалист 4) изолированный тип 5) мятежник	1) стихийно-обыденный 2) функционально-действенный 3) созерцательный 4) творчески-преобразующий

В заключение данного параграфа отметим наиболее важные положения, относящиеся к характеристике типов личности:

- в истории философии и науки известны многие типологии личности, разрабатываемые с учетом мировоззрения того или иного автора;
- различие между определенными вариантами социальной типологии личности не закреплены четко; каждая из наук, изучающих типы личности, вырабатывает собственные, порой произвольные критерии типологического анализа;
- психологический подход к типологизации личности связан с выделением психологических особенностей (характера, черт и пр.), обуславливающих ее развитие в сходных ситуациях жизни и деятельности;
- антропологический подход характеризует культурное и этническое сходство людей, общие черты их национального характера;
- социологический подход выражает общие характеристики ролевого поведения людей, их отношения к целям и средствам деятельности в сходных для них ситуациях.

Приложение

Социология в России: социальные традиции русской народной жизни и менталитет россиянина

Начиная с середины 80-х гг. XX в., перестройка положила начало сложному и противоречивому процессу перехода России к новой системе общественных отношений. Сначала она проходила под весьма привлекательным лозунгом возрастания роли «человеческого фактора» в общественной жизни. В определенной мере на первых порах этот лозунг сыграл роль стимулятора социальной активности. Сейчас понятие «человеческий фактор» практически исчезло из социально-политической публицистики и науки, поскольку тогда оно связывалось с совершенствованием социализма. Однако сама проблема активности личности в различных аспектах не только не потеряла своей актуальности, но, наоборот, приобрела более важное теоретическое и практическое значение. Свидетельством актуализации личностной проблематики является включение в научный обо-

рот новых категорий и понятий, с помощью которых в настоящее время осмысливается эта проблематика. К их числу относится такое понятие, как «менталитет личности».

Менталитет (от англ. *mentality* — умственно-интеллектуальное состояние субъекта) на личностном уровне (это понятие может распространяться и на социальные общности) означает социальное самосознание личности, ее образ мышления, в известном смысле — уровень мыслительной культуры. Менталитет часто связывается с духовностью человека, а в российской традиции — с «русской душой» и «русской идеей». Яркую картину менталитета создает художественная литература и ее типические образы. Понять менталитет россиянина нельзя, не читая Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Бунина, М. А. Шолохова, А. И. Солженицына и других писателей.

Актуализация проблем менталитета связана также с кризисными, переходными ситуациями, которыми обычно она сопровождается, с появлением различных форм девиантного поведения. При этом возникает кризисный менталитет; аномическое, дезинтегрированное сознание, что естественно в условиях распада прежде существовавших устойчивых социальных связей. Менталитет россиянина нельзя раскрыть, не обращаясь к духовным основам и социальным традициям русской народной жизни, не исключая и советского периода истории, поскольку менталитет неотделим от национального самосознания и образа жизни как отдельных людей, так и социальных общностей.

Менталитет обладает значительной устойчивостью именно в силу того, что он связан с социальными традициями народа. Рассматривая духовные основы российских социальных традиций и менталитет россиянина, нельзя обойти вопрос о русской идее, над которой размышляли многие выдающиеся россияне — писатели, историки, социологи. В русской идее они видели объединяющее и гуманистическое начало, средство консолидации всех народов, населявших Россию.

Само возникновение понятия «русская идея» связано с именем Вл. Соловьева, который еще в 1888 г. опубликовал в Париже доклад с таким названием. В России доклад был опубликован в 1904 г. Широко известна книга Н. А. Бердяева «Русская идея», а также работы под таким же названием И. А. Ильина, В. Иванова, Л. П. Карсавина и др. Так, И. А. Ильин указывал на доброту, ласковость, гостеприимство и свободолюбие

российских людей, на присущий им дух братского сочувствия и индивидуализирующей справедливости; прямодушие и приверженность свободе. В борьбе за свободу «русский человек предпочитал смерть рабству и умел бороться до последнего. Таким он оставался и на протяжении всей своей истории. И не случайно, что за войну 1914—1917 гг. из 1.400.000 русских пленных в Германии 260.000 (18,5%) пытались бежать из плена. Такого процента попыток не дала ни одна нация»¹. По мнению И. А. Ильина, в русской идее сочетаются свободная созерцательность, идущая от сердца, и предметность, т. е. деятельность, направленная на определенные, часто идеальные цели. Русская идея не судит и не осуждает инородные культуры. Она только не предпочитает и не вменяет их себе в закон.

Н. О. Лосский в работе «Характер русского народа» также привел пример героизма народа при обороне Смоленска от войск короля Польского Сигизмунда в 1611 г.: «...из 80.000 жителей осталось в живых только 8.000; они заперлись в соборной церкви Богородицы, зажгли порох в погребах и взлетели на воздух»². Существует и несколько иная версия героической защиты Смоленска. Наш современник Ф. Нестеров в книге «Связь времен» утверждает, что части оставшихся в живых защитников города Сигизмунд предложил перейти к нему на службу, а остальным, оставив оружие, покинуть Смоленск. Ушли все, кто мог уйти, хотя, собственно, идти было некуда в истерзанной земле³.

Несколько иначе характеризовал русский менталитет Л. П. Карсавин, указывая на некоторые негативные черты, присущие россиянам. Он особо выделил их стремление к абсолютному, к абсолютизации идеалов. «При избытке энергии — лихорадочно стараясь все переделать, предварительно выровняв и утрамбовав почву. Отсюда резкие наши колебания от невероятной законопослушности до самого необузданного, безграничного бунта, всегда во имя чего-то абсолютного или абсолютизированного. Отсюда бытовая наша особенность — отсутствие быта, безалаберность и неряшливость жизни»⁴.

¹ Ильин И. А. О русской идее // Русская идея. М., 1992. С. 438

² Лосский Н. О Характер русского народа. 1957. С. 33.

³ См. Нестеров Ф. Связь времен. М., 1980. С. 75—76.

⁴ Карсавин Л. П. Запад и русская идея // Русская идея. М., 1992. С. 443.

Н. А. Бердяев указывал на противоречия и сложность русской души, причину которых он видел в том, что Россия является ареной столкновения двух потоков мировой истории, идущих с Востока и Запада. К противоположным свойствам русского народа он относил деспотизм и анархизм; жестокость и доброту; обрядоверие и искажение правды; индивидуализм и коллективизм, смирение и наглость; искание Бога и воинствующее безбожие; рабство и бунт; культурную отсталость и огромную одаренность. Вместе с тем Н. А. Бердяев подчеркивал многие положительные черты россиянина. В России вынашивалась идея братства и любви народов «Это, — полагал Н. А. Бердяев, — русская идея».

Становление новой российской государственности в современных условиях связано с концепцией возрождения России, что предполагает возвращение не только к русской идее и русской духовности, но и к социальным традициям в их гуманистическом, личностном измерении.

Разумеется, мысли о менталитете россиянина, высказанные во второй половине XIX и в начале XX в., когда в России существовала империя и только появлялись начала демократии, не могут быть механически перенесены в совершенно новые условия современной России. Однако не меньшей ошибкой был бы отказ от прошлого, от социальных корней российского человека, противопоставление этих корней становлению демократии. Заметим, что, говоря о русской идее, ее сторонники имели в виду не этнических русских, а более широкую социальную общность людей, объединенных в российской государственности на основе единства интересов и совместной экономической деятельности.

Социальные традиции определяются как элементы социального и культурного наследия, передающиеся от одного поколения к другому. Их основная роль — стабилизация социальных систем. Разумеется, традиции бывают разные: и положительные, и отрицательные. Вопрос об отношении к социальным традициям как историческим корням народа в свое время поделил русских писателей и общественных деятелей на западников и славянофилов. Естественно, западники не придавали столь большого значения народным традициям, как славянофилы. Историки Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др., как и многие выдающиеся писатели и мыслители прошлого, оставили немало блестящих произведений, в которых дали глубокий анализ особенностей

российской жизни. В то же время они решительно возражали против того, чтобы наши национальные ценности приносились в жертву ценностям западным. Другое дело — их разумное соотношение, взаимообогащение. «Человек, как и народ, — писал Н. М. Карамзин, — начинает всегда с подражания, но должен со временем быть сам собою... Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабское подражание в безделках, оскорбительное для народной гордости. Хорошо и должно учиться, но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником»¹.

Привычку смотреть на Европу как на поставщика мод, увеселений, вкусов, приличий, знаний, идей и даже ответов на политические вопросы в ней возникшие, резко критиковал и другой русский историк — В. О. Ключевский. Он писал, что лишь после войны 1812 г. начался процесс излечения от западного влияния, но, как видно, и спустя почти два столетия эта привычка даст о себе знать.

Учитывая сказанное, нетрудно понять, что некоторые наши современные серьезные неудачи последних лет XX столетия в определенной мере связаны с недооценкой именно традиций народной жизни и что, если бы они полнее учитывались, мы могли бы избежать некоторых серьезных ошибок. Речь идет не только о недооценке традиций дореволюционных, но и послереволюционных, советских. Например, в стране практически отказались от соревнования трудовых коллективов как якобы порождения социализма, в то время как лучшие зарубежные компании внедряют соревновательность и добиваются при этом значительных успехов. «Образцовые американские корпорации, — пишет, например, экономист М. Валитов, — уважают свои лучшие традиции, ориентируют работников на свои ценности, уделяя первостепенное внимание работе с людьми. Здесь эффективно используются такие проверенные на советской действительности принципы организации соревнования, как гласность, сравнимость результатов, возможность повторения передового опыта... В лучших фирмах разработана система признания заслуг своих сотрудников. Система включает такие меры, как устная благодарность руководителя на совещаниях; вручение передовику

¹ Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма М., 1982. С 97.

ценных подарков и почетных знаков фирмы; заметки на доске объявлений о результатах труда; продвижение по службе; выпуск плакатов (листовок) об опыте передовика с его фотографией; а также пластинок с его фамилией и фотографией. Обычно такие пластинки вывешиваются в учреждениях фирмы по всей Америке и имеют надпись «За выдающиеся успехи в труде»¹.

Опыт проводимых в стране реформ показывает, что огромные массы народа по сути дела выключены из процесса их осуществления и это отрицательно сказывается на направленности и эффективности реформирования общественных отношений. Россия имеет много особенностей, которые нельзя игнорировать, осуществляя коренные преобразования в обществе.

Чем же определяются особенности менталитета россиян? «Многое, если не все, — полагали русские мыслители, — определяется естественно-географической средой». При этом естественно-географические условия России сравнивались с Западной Европой. В России более суровый климат; холодные, долгие зимы; короткое, порой дождливое лето; меньший вегетативный период для растений. С природными условиями связаны годовые хозяйственные циклы. Природные ресурсы России осваивались крайне медленно и трудно. Недаром многие черты русского человека В. О. Ключевский связывал с особенностями природы. Она приучала к изворотливости, к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями. Тяжелый, неустойчивый климат приучал великоросса «к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил... он привыкал работать споро, лихорадочно и скоро, а потом отдыхать в продолжение осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе, — пишет далее Ключевский, — не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс». Об этом же в конце прошлого века писал большой знаток русского крестьянства А. Н. Энгельгардт. Россиянин «не может работать ежедневно, как немец. Он работает порывами, что объясняется природными условиями... Наш рабочий при случае, когда требуется, может сделать невероятную работу»². Видимо, не случайно великоросса изображали в образе медведя, который зимой спит или сосет лапу в берлоге.

¹ *Валитов М.* Соревнование у нас и у них // Экономика и жизнь 1991. № 8. С. 18

² *Энгельгардт А. Н.* Из деревни 12 писем. 1872—1887 М., 1987. С. 154.

Не случайно также говорят, будто русские медленно запрягают, но быстро едут, долго раскачиваются, но сильно бьют.

Говоря о трудовых традициях, о силах, таящихся в россиянах, нельзя не упомянуть артельную форму труда. Можно предположить, что эта традиция поддерживала в свое время коллективизацию. Возможно, общинный коллективизм цементирует и нынешние колхозы, многие из которых никак не хотят распускаться.

В этой связи хотелось бы привести некоторые удивительные примеры высочайшей эффективности артельного труда. Русскими артельщиками с 1838 до 1917 г. было построено 90 тыс. км железных дорог. Всего менее 10 тыс. артельщиков построили за 10 лет Транссибирскую магистраль. В Москве только за сезон 1911 г. было построено три тысячи пяти- и семиэтажных домов исключительно высокого качества, некоторые из них сохранились и по сей день. В старые времена по деревням ходили артели швцов, плотников, пильщиков, сапожников. Они делали свою работу на глазах заказчика быстро и качественно (шубу — вручную за несколько часов). Артельная (кооперативная) форма труда была широко распространена в России (к 1917 г. насчитывалось 63 тыс. артелей с 24 млн. артельщиков)¹.

Жизнь большинства крестьянского населения вплоть до XX в. проходила в сельской общине, где все поступки человека определялись сложившимися традициями, эффективной системой неформального контроля со стороны «мира». Здесь веками вырабатывалась своеобразная земская демократия; существовала система выборов должностных лиц; строгие правила отчетности и т. д. Действовала, например, практика «почетных переизбраний старост на новый срок и их поощрение в виде прибавок к жалованию». Русская община была одинаково необходима как крестьянам, так и господствующему классу. Ее основы связаны с соборностью — важнейшей чертой менталитета россиян.

Наряду с коллективизмом следует назвать такую народную традицию, как стремление к равенству и справедливости. На этот счет есть интересные мысли С. М. Соловьева, изложенные им в исторических письмах. Анализируя крестьянство в после-реформенной России, С. М. Соловьев писал: «У нас, например, толкуют о том, что англичане привязаны к свободе, француз к равенству, но простой человек всегда привязан к

¹ См.. Большая советская энциклопедия. М., 1973 Т. 13. С. 107.

равенству, а не к свободе, потому что свобода отвлеченное равенства. Скажите простому человеку: «Ты свободен», и он встанет в тупик; что он будет такой же, как и его барин, — это он поймет, но сей же час спросит: «А имение-то как же? Пополам или все мне?»¹

Можно много говорить о других народных традициях, таких, например, как гостеприимство, взаимопомощь в беде, отношение к старшим, к детям, женщинам. В книге известного современного писателя России В. И. Белова показано, какой внутренней гармоничностью и целостностью отличалась организация трудовой народной жизни, формировавшая у личности чувство собственного достоинства, серьезное отношение к миру².

Возникает вопрос: не всдут ли традиции к окостенению общества и не ограничивают ли они коллективную и индивидуальную творческую активность? В определенной мере такая опасность существует, особенно когда значимость традиций абсолютизируется. Конечно, не все традиции нуждаются в сохранении. Но при разумной организации общественной жизни «кошмар традиций» (К. Маркс) преодолевается. Известна, например, приверженность японцев к своим национальным традициям, что не помешало японскому народу добиться выдающихся успехов во многих сферах деятельности. Гораздо большую опасность представляет утрата исторических корней, забвение особенностей менталитета россиян — менталитета русского и других народов России.

Вопросы для закрепления материала

1. Как соотносятся между собой понятия «человек», «родовой человек», «индивид», «индивидуальность» и «личность»?
2. В чем специфика социологического подхода к определению личности?
3. Что такое социальная структура личности? В чем состоит основное содержание концепции социальных статусов и ролей?
4. Каково место социальных диспозиций в социальной структуре личности?

¹ Соловьев С. М. Избранные труды: Записки. М., 1983. С. 340.

² См. Белов В. И. Лад: Очерки народной эстетики // Избранные сочинения В 3 т. 1984. Т. 3. С. 195.

5. В каких терминах описывается в социологии социализация личности? Приведите свое понимание основных форм, этапов, агентов и механизмов социализации.

6. Что следует понимать под активной жизненной позицией личности?

7. Что означает понятие «менталитет россиянина» и какова роль менталитета народа в социальных преобразованиях?

Литература для дополнительного чтения

Абульханова К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. Воронеж, 1999.

Барулин В. С. Социально-философская антропология. М., 1994.

Белик А. А., Резник Ю. М. Социокультурная антропология: Историко-теоретическое введение. М., 1998.

Весна Е. Б. Понятия «личность» и «индивидуальность» в понятийном пространстве, описывающем человека // Мир психологии. 1999. № 4.

Кон И. С. Социологическая психология. М., 1999.

Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб., 1999.

Матвеев Ю. И. Социальная ориентация личности. М., 1990.

Олпорт Г. Личность в психологии. СПб., 1998.

Ольшанский В. Личность в российской социологии и психологии // Социология в России. М., 1998.

Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности: Поиск альтернатив. М., 1995.

Резник Ю. М. Человек и общество: Опыт комплексного анализа // Личность. Культура. Общество. Т. 2. 2000. Вып. 3—4.

Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. М., 1990.

Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: Основные положения, исследования и применение. СПб., 1997.

Юнг К. Психологические типы. СПб., 1995.

Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения // Методологические проблемы социальной психологии / Под общ. ред. В. А. Ядова. М., 1975. С. 89—105.

Глава 6

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

§ 1. Социальная сущность народонаселения¹

В отечественной литературе второй половины XX в. встречаются различные трактовки понятия народонаселения. Одно из них представлено в учебном пособии «Курс демографии». Суть его в том, что под народонаселением понимается совокупность людей, проживающих в пределах определенной территории: региона, страны, континента, всего мира. В других определениях помимо пространственной координаты добавлена временная. В частности, народонаселение — это уже совокупность людей, проживающих одновременно на какой-либо территории. Оба определения не несут сущностных характеристик, так как пространство и время — это параметры общие для всех явлений. Стало быть, необходима еще хотя бы одна координата, но координата, характеризующая сущность народонаселения.

Относительно сущности народонаселения встречаются три принципиальных позиции. Согласно первой народонаселение — суть биологическое единство, одно из сообществ животного мира. Аргументация этой позиции сводится к тому, что человеку как биологическому существу свойственно размножение, как биологической совокупности человечеству свойственно воспроизводство. В соответствии со второй точкой зрения народонаселение — это социально-биологическая категория. Обосновывается такая позиция тем, что народонаселение выступает своеобразным носителем социальных и биологических отношений. Наконец, третья позиция заключается в том, что народонаселение — это социальное явление. Оно представляет объединенную социальными связями совокупность людей, с присущими ей свойствами и отношениями. Сами же люди являются частичками, молекулами этой совокупности.

Бесспорно, что каждый индивид, входящий в совокупность людей, — это явление прежде всего биологическое, поскольку человек — один из видов живой природы (*homo sapiens*). Пише-

¹ В главе не делается различий между понятиями «народонаселение» и «население».

варение, мышечная деятельность, кровообращение, в конце концов, способ размножения — все это в основе своей биологические, а отнюдь не социальные свойства и функции. Сходство человека с остальным животным миром заключается именно в этих естественных признаках. Однако человек носитель не только биологической, но и социальной сущности. Именно поэтому сущность человека связана с его общественным развитием, с тем, что он — продукт общественного труда. Человеческие свойства он приобретает не от рождения, а прижизненно, в процессе деятельности в мире, преобразованном многими человеческими поколениями. В этом смысле совокупность людей, а именно они носители биологических и социальных функций, и есть народонаселение. Эта совокупность представляет такое единство, которое основано на системе социальных связей и которому свойственны определенные социальные функции. Народонаселение — социально долговечная, устойчивая совокупность, способная к самовоспроизводству. Это не противоречит тому, что она состоит из постоянно обновляющихся биологически недолговечных особей.

Человеческая общность состоит из исторически сложившейся совокупности людей, которая всегда пространственно локализована, т. е. обитает (проживает, функционирует) в определенном месте (село, поселок, город), которое включено в территориальную иерархию (район, область, страна и т. д.). Вместе с тем народонаселение всегда приурочено к конкретному времени, которое может быть представлено моментно и интервально. Так, численность народонаселения мира на момент начала XX в. составляла чуть меньше 1,7 млрд. человек, а к наступлению XXI в. превысило 6 млрд. человек. В эти же моменты времени население России в современных границах было равно 71—72 млн. и 146 млн. человек. В первом случае оно за столетие выросло в 3,5 раза и во втором — примерно вдвое.

Очевидно, что в каждый данный момент времени народонаселение отличается от народонаселения как предшествующих, так и последующих моментов времени, подтверждая античную истину о том, что в одну и ту же реку нельзя войти два раза. Дело в том, что в каждый промежуток времени происходит не только изменение численности населения, но и обновляется его состав. Для практических целей обычно исчисляется средняя величина населения для того или иного интервала времени. Про-

ше всего определяется средняя численность населения. С этой целью сумма численности населения на начальный и конечный моменты того или иного периода делится на два. Такой расчет можно выполнить по каждому элементу населения при наличии необходимой информации. Естественно, что чем продолжительнее период, тем менее точна средняя величина численности населения. Как правило, исчисление средней численности населения осуществляется для годового или даже меньшего периодов.

§ 2. Структура народонаселения

Жизнедеятельность народонаселения предполагает наличие условий, обеспечивающих нормальное осуществление всех его основных функций (трудовой, потребительской и репродуктивной). Поэтому совокупность людей должна быть не только достаточной по численности, но и целостной по составу, т. е. включать в себя элементы, необходимые для выполнения всех функций. Эта совокупность имеет структуру, особенности которой обусловлены как проявлением закономерностей, имманентно присущих развитию народонаселения, так и влиянием внешних факторов и на само население, и на его демографическое поведение.

Под структурой обычно понимается взаимосвязанное расположение составных частей единого целого. Между частями существуют определенные соотношения. Структура — это внутреннее строение единой совокупности, обладающей множеством качественных признаков. Хотя структура населения целостна, однако в ней может быть вычленен один или несколько срезов. Тогда структура выражает соотношения различных по одному или нескольким качественным признакам частей единой совокупности. К **структурам народонаселения** могут быть отнесены: половая, возрастная (по двум признакам: по полу и по возрасту) и генетическая.

Половая структура — это существующее в населении соотношение между мужчинами и женщинами. Хотя различие между мужчиной и женщиной, как, впрочем, и между ребенком, взрослым и стариком, имеют биологическую основу, тем не менее распределение любого населения на мужчин и женщин, т. е. по полу и по возрасту, является следствием конкретно-исторических условий. В соответствии с необъяснимой законо-

мерностью в каждом народонаселении мальчиков рождается всегда больше, чем девочек. Обычно на 100 рожденных девочек приходится 105—106 мальчиков. Так, в бывшем Советском Союзе в 1973 г. на сто рожденных девочек пришлось 105 мальчиков. Это столько же, сколько было и в 1965 г., и позже. С 1976 г. в СССР было запрещена публикация сведений о соотношениях между полами среди новорожденных. В современной России также на 100 рожденных девочек приходится 105—106 мальчиков (в 1978 г. — 104,8, в 1988 г. — 105,3 и в 1998 г. — 106,3).

Соотношение между рожденными мальчиками и девочками является практически постоянным за исключением экстремальных условий, таких, например, как затяжные, кровопролитные войны. Обычно в первые послевоенные годы (и после Первой и после Второй мировых войн) доля мальчиков среди новорожденных возрастала. Кстати, в 90-е гг. в России доля мальчиков среди новорожденных по сравнению с предшествующим десятилетием также увеличилась. Почти во все 80-е гг. на 100 рожденных девочек приходилось 104—105 мальчиков, а в девяностые годы — уже 105—106 и более. Хотя мальчиков рождается больше чем девочек, тем не менее в населении преобладающего большинства стран мира женщин оказывается больше, чем мужчин. Объясняется это тем, что смертность среди мужчин вследствие их специфического образа жизни, а возможно, и каких-то биологических механизмов, сама по себе превышает смертность среди женщин. Но особенно значительно влияют на соотношение полов такие экстремальные явления, как войны, кризисы и т. д. Последнее достаточно наглядно демонстрирует статистика населения России. В 1988 г. из каждой тысячи мужчин умерло 11,4 и из каждой тысячи женщин, соответственно, — 10,7. В 1998 г. эти показатели составили 14,5 и 12,5 умерших в расчете на тысячу мужчин и женщин. Это при том, что доля старших возрастов среди женщин значительно выше, чем среди мужчин, а этим возрастам свойственна более высокая смертность. В 1988 г. общие показатели смертности мужчин превышали аналогичные для женщин примерно на 7%, а в 1998 г. уже на 16%.

Возрастная структура — это распределение мужчин, женщин и всего населения по отдельным возрастам, возрастным группам и возрастным контингентам. Наиболее применимы пятилетние возрастные группы. Обычно данные о возрастном

распределении населения на даты переписей, а также текущие оценки, выполняемые для межпереписного времени, представляются статистическими органами по таким группам: 0—4; 5—9; 10—14 и т. д. Большое значение для практических целей имеет функциональная группировка. Прежде всего выделяются дотрудоспособные (0—14 или 0—15 лет), трудоспособные (от 14, 15 или 16 лет до 54 лет женщины и 59 лет мужчины), а также вышедшие за пределы трудоспособного возраста (пенсионеры по старости). К сказанному можно добавить такие контингенты, как призывные, школьные и т. д.

Возрастная структура чаще всего используется совместно с половой. Возрастно-половая структура характеризует соотношение как между различными возрастными группами, так и между разными полами в каждой возрастной группе. От характера возрастно-половой структуры зависит эффективное использование экономических и природных ресурсов, нормальное осуществление репродуктивных функций населением, формирование оборонного потенциала, соответствующего национальным интересам страны, и т. д. В годы Великой Отечественной войны мужчин погибло в несколько раз больше, чем женщин. Это до сих пор сказывается на соотношениях полов в старших возрастных группах. Существенно деформирована структура также в результате сверхсмертности мужчин в трудоспособном возрасте. В настоящее время на одну тысячу мужчин всех возрастов приходится 1133 женщины. Это лучше, чем было 40—50 лет назад (в 1960 г. на тысячу мужчин приходилось 1235 женщин), но осталось таким же, как и в начале 90-х гг. Гораздо большие различия имеются в отдельных возрастных группах. На начало 1999 г. в возрастных группах до 30 лет было некоторое превышение числа мужчин над женщинами, но затем постепенно нарастает превышение числа женщин над числом мужчин. Так, в группе 35—39 лет на каждую тысячу мужчин приходится 1011 женщин, в группе 45—49 лет — 1088, в группе 55—59 лет — 1295, в группе 65—69 — 1613 и в группе 75—79 лет на каждую тысячу мужчин уже приходится 3123 женщин.

Инструментом для структурных сопоставлений являются *возрастно-половые* или просто *возрастные пирамиды*. Их строят обычно или для сравнения двух разных территориальных совокупностей населения (например, России в целом и какого-нибудь субъекта Федерации), или для сопоставления изменений, произошедших за то или иное время, обычно межпереписное, в

одной и той же совокупности. Для создания возрастных пирамид используется система прямоугольных координат. На горизонтальной оси, т. е. оси абсцисс, откладываются влево численность мужчин и вправо — численность женщин. На вертикальной оси, т. е. оси ординат, фиксируется возраст. Высота получаемых прямоугольников соответствует длине возрастного интервала, а длина — численности мужчин или женщин соответствующего возраста. Возрастная пирамида наглядно характеризует демографическую историю практически за столетие (см. рис. 6.1). Если с возрастной структурой населения страны сопоставить возрастную структуру населения того или иного региона, то можно увидеть его демографическую специфику. В частности, в северных районах возрастные пирамиды имеют более широкие прямоугольники в трудоспособных, молодых возрастах и очень небольшие — в пенсионных и предпенсионных возрастах.

Генетическая (от генезис) **структура** — представляет собой соотношение в составе населения между лицами, родившимися в данной местности (район, область, страна), и теми, кто туда вселился из других местностей, и выделение среди приезжих (в прошлом мигрантов) групп в зависимости от времени вселения. Этот вид структуры является важной характеристикой населения тех стран и районов, в демографическом развитии которых существенную роль играют или играли в недалеком прошлом внешние миграции. К числу таких стран относятся, например, США, население которых, по определению А. Линкольна, все бывшие мигранты. В России население многих ее территорий, прежде всего северных и восточных, практически сформировалось из бывших мигрантов и их потомства. В частности, на русском Дальнем Востоке к началу XXI в. в структуре населения на долю тех, кто вселился в этот регион в XX в., и их потомства приходится свыше 3/5. В целом же в населении страны в середине 90-х гг. XX в. на долю тех, кто проживал в месте постоянного жительства с рождения, приходилось 58%.

Распределение жителей той или иной местности на две группы: на тех, кто проживает в ней с рождения, и на тех, кто там проживает не с рождения, т. е. в разное время мигрировал туда из других районов, — не единственное отличие генетических структур населения разных регионов. Другим отличительным признаком выступает время вселения мигрантов в данную местность. Так, если в составе приезжего населения доля лиц, проживающих в месте постоянного жительства 20 и более лет, в

Московской, Ярославской и Тульской областях составляет 53—57%, то в Магаданской, Читинской и Камчатской — 37—39%, а в Ханты-Мансийском автономном округе даже менее 14%. В российской практике обычно местные уроженцы и бывшие мигранты, прожившие в данной местности не менее 10 лет (так называемые старожилы), составляют ядро постоянного населения. Остальное приезжее население — это новоселы

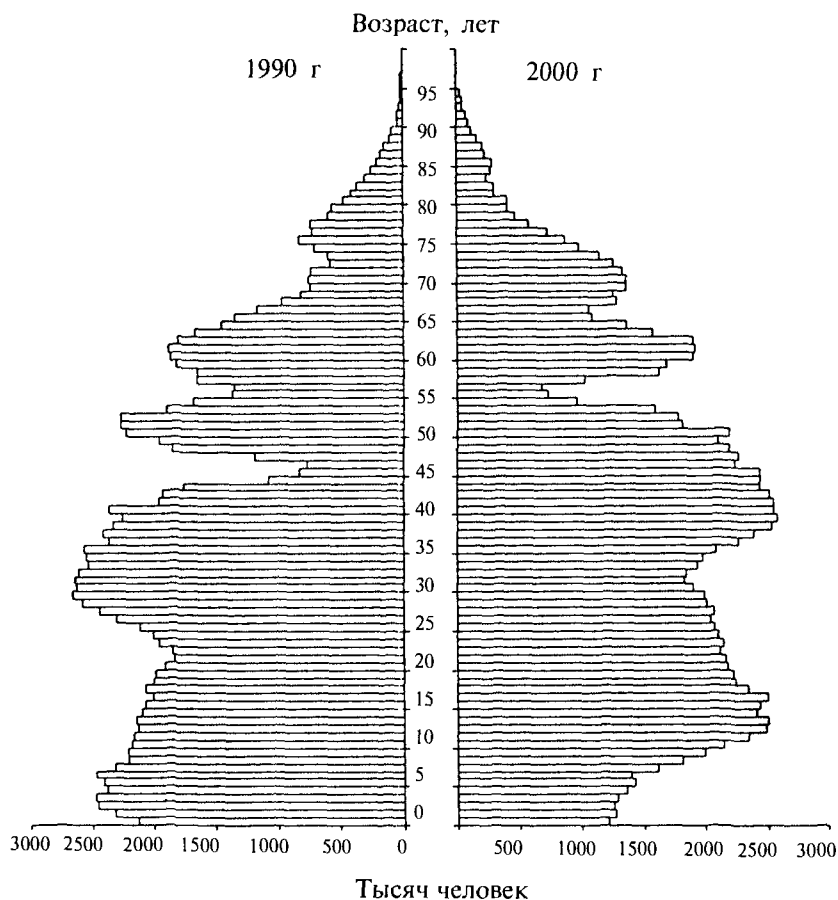

Рис. 6 1. Возрастная структура населения на 1 января 1990 г и 2000 г.

Источник: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2000 г.: Стат. бюллетень. М., 2001.

§ 3. Демографические процессы

Народонаселение — динамическая система. Его численность и структура непрерывно меняются. Факторами этих изменений выступают демографические процессы, которые вместе с демографическими структурами находятся во взаимосвязи. Причем не только демографические процессы обуславливают изменение демографических структур, но и демографические структуры влияют на интенсивность демографических процессов. Если структуру можно представить как процесс в статике, то процесс — это, по сути, структура в динамике, т. е. непрерывная смена состояний структуры.

«Кирпичиками» демографических процессов являются отдельные события (факты) — рождения и смерти. События, взятые в массе и локализованные в пространстве и во времени, представляют органически единый ряд, т. е. серию событий, относящихся к конкретному народонаселению. Естественное движение населения выступает как взаимодействие двух противоположно направленных однородных серий событий — рождении (рождаемости) и смертей (смертности). Его результатом является естественный прирост (убыль) населения. В естественном движении населения отдельные события для каждого человека носят необратимый характер.

Исходной и конечной границей человеческой жизни являются моменты рождения и смерти. Процесс деторождения, относящийся как к отдельным поколениям людей, так и к их совокупностям, т. е. народонаселению, представляет собой явление, называемое в демографии *рождаемостью*. Биологическая основа рождаемости заключается в способности человека, как, впрочем, и любого другого представителя животного мира, к воспроизведению потомства. Максимально достижимый уровень рождаемости в том или ином поколении женщин репродуктивного (детородного) возраста характеризует потенциально возможное деторождение, то, что в современной демографии называют плодovitостью.

Уровень плодovitости может быть оценен только косвенно, путем измерения величины рождаемости у женщин, состоящих в браке и не ограничивающих деторождение, т. е. при полном исключении регулирования числа детей. Обычно такой уровень плодovitости равен 13—17 детей. Такое число детей

может родить одна женщина в течение всего периода плодотворности при полном отсутствии предохранения от возможности зачатия и прерывания нежелательной беременности. Однако рождаемость обусловлена не только биологическими факторами. Она подвержена влиянию социокультурных условий: распределению рождаемости на брачную и внебрачную; беременностей, заканчивающихся рождением и абортами; семей, использующих контрацептивные средства, и не пользующихся ими и т. д. В конечном счете уровень рождаемости определяется особенностями репродуктивного поведения, которое в свою очередь является функцией социально-экономических условий жизнедеятельности народонаселения.

Рождаемость измеряется с помощью системы показателей. В качестве исходной информации выступают числа рожденных детей за определенное время и структурированные по ряду признаков совокупности женщин репродуктивного возраста. Структурирование осуществляется по возрасту матерей, числу рожденных детей, состоянию в браке и т. д. Отношение числа рожденных детей к среднегодовой численности всего населения, выраженное в процентах или промилле (общий коэффициент рождаемости), число ежегодно рождаемых детей, а также динамика этих абсолютных и относительных величин характеризуют важнейшую сторону демографической ситуации в стране. В частности, в 90-е гг. в России демографическая ситуация существенно ухудшилась, прежде всего за счет сокращения числа родившихся и уменьшения общего коэффициента рождаемости.

Оба эти показателя стали постепенно снижаться с 1987 г. и уже в 1991 г. достигли величин, которых не было в России за все послевоенные годы. В конце 90-х гг. число родившихся стало ниже 1,3 млн. человек. Относительно 80-х гг., в частности по сравнению с 1987 г., число родившихся уменьшилось более чем на 1,2 млн., а общие коэффициенты рождаемости сократились почти вдвое.

Общие коэффициенты рождаемости наиболее часто используются для характеристики демографической ситуации, хотя наименее пригодны для этой цели, поскольку они сильно зависят от возрастно-половой структуры населения. Чем больше в населении доля лиц молодых трудоспособных возрастов и чем лучше соотношения между полами в репродуктивном кон-

тингенте, тем, очевидно, и выше общие коэффициенты рождаемости. В регионах российского Севера по общему правилу существенно меньшую долю в населении составляют лица старших, в том числе пенсионных, возрастов и заметно лучше соотношение между мужчинами и женщинами. Соответственно, у них и выше общие коэффициенты рождаемости. Так, в 1998 г. средняя величина этого показателя по России составляла 8,8‰, а в Ненецком и Корякском автономных округах соответственно — 12,2 и 12,9 человека на тысячу населения. Еще более высокие значения этот коэффициент имеет в таких субъектах Российской Федерации, как Дагестан (19,5), Ингушетия (18,8) и других национальных республиках. Но в этих регионах значение этих показателей определяется не столько возрастно-половой структурой, сколько действием этнокультурных факторов.

Для оценки реального уровня рождаемости, т. е. исключения влияния структурных факторов, используются менее грубые показатели. Один из них — специальный коэффициент рождаемости, который представляет собой отношение числа родившихся к численности женщин репродуктивного возраста (обычно 15—49 лет). Полученная величина умножается на 1000, т. е. выражается в промилле. Специальный коэффициент также подвержен влиянию возрастной структуры, т. е. соотношению между возрастными группами женщин репродуктивного контингента. Минимальные значения рождаемости приходятся на лиц самых молодых (15—19 лет) и старших возрастных групп (40—44, 45—49 лет). Наиболее высокий уровень рождаемости имеют женщины в группах 20—24 и 25—29 лет. Так, в 1998 г. в расчете на тысячу женщин в возрасте 15—17 лет родилось 13, а в возрасте 20—24 года — 99 детей. Естественно поэтому, что чем большая доля в репродуктивном контингенте принадлежит женщинам в возрасте от 20 до 30 лет, тем выше специальный коэффициент рождаемости.

Другим показателем, наиболее адекватно отражающим уровень рождаемости, является *суммарный коэффициент рождаемости*. Он равен сумме возрастных коэффициентов рождаемости во всех возрастных интервалах репродуктивного контингента. Суммарный коэффициент рождаемости характеризует среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю ее жизнь. При этом принимаются неизмен-

ными существующие в данный период уровни рождаемости в каждом возрасте. По величине этого показателя судят о том, происходит или нет в населении замещение поколений. Считается для условий России, что если коэффициент суммарной рождаемости выше 2,15, то поколения родителей замещаются поколениями детей. В ином случае такого замещения не происходит, что и наблюдается в России со второй половины 60-х гг. (исключение 1986—1987 гг.). Начиная с 1996 г. суммарный коэффициент рождаемости не превышает 1,3. В 1998 г. он был равен 1,242, являясь одним из самых низких на земном шаре.

Смертность населения столь же массовый процесс, как и рождаемость, образующийся из множества единичных событий — смертей отдельных людей. Смерть каждого человека, входящего в то или иное поколение, может наступить в любом возрасте. Совокупность всех этих смертей образует некий порядок вымирания. Для определения уровня смертности применяется ряд показателей. Наиболее часто используется для этой цели такой грубый показатель, как число умерших в расчете на тысячу населения. Это так называемый общий коэффициент смертности. Его значения зависят не только от уровня смертности в каждом возрасте или возрастной группе, но и от особенностей возрастной структуры. У населения, в структуре которого высока доля лиц старших возрастов, выше и коэффициенты смертности. Так, в населении Воронежской, Рязанской и Тульской областей доля лиц, вышедших за пределы трудоспособного возраста, составляла на начало 1999 г. 25,9—27,2%, а число умерших в 1998 г. в расчете на тысячу жителей — 16,0—18,2%. Соответственно, первые цифры для Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского и Чукотского автономных округов равнялись 5,4—7,8%, а вторые находились в интервале 5,1—7,8%.

Смертность населения в детских возрастах за исключением младенческого (дети моложе одного года) в 5—10 раз ниже, чем у лиц в возрасте 20—39 лет, а у последних ниже, чем в группе 40—59 лет, в 2—3 раза. Наивысшие коэффициенты смертности приходятся на население, которое старше 70 лет. В 1998 г. смертность в возрастной группе 70—74 года составляла 50,1, в группе 75—79 лет — 73,7 и в группе 80—84 года — 117,3‰ при среднем по всему населению 13,6 человека на ты-

сячу жителей России. Практически во всех возрастных группах коэффициенты смертности у мужчин выше, чем у женщин. В трудоспособных возрастах они отличаются в 3,5—4 раза. Возрастные показатели смертности сильно дифференцированы по территориям страны, а также различаются для городской и сельской местностей.

Среди показателей смертности населения особое место принадлежит *коэффициенту младенческой смертности*. Младенческая смертность — это смертность детей на первом году жизни, т. е. от момента рождения до окончания 12 месяцев жизни. Коэффициент младенческой смертности определяется путем деления численности детей, умерших в течение первого года жизни, на сумму $2/3$ детей, родившихся в том же году, и $1/3$ детей, родившихся в предшествующем году. Это отношение умножается на 1000 для выражения показателя в промилле. Младенческая смертность значительно превышает смертность во всех последующих возрастах вплоть до возрастной группы 55—59 лет, когда она сравнивается. Коэффициент младенческой смертности в конце 90-х гг. превышал показатели детской смертности в возрастных группах 0—4 и 5—9 лет в 17—18 раз. Россия по величине младенческой смертности (умерло 16,5 ребенка в расчете на одну тысячу родившихся) уступает большинству европейских стран. Во многих развитых странах этот показатель примерно втрое ниже, чем в России.

Показателем, представляющим обобщенную характеристику смертности, является продолжительность предстоящей жизни или иначе — *ожидаемая продолжительность предстоящей жизни* (ОПЖ). Это усредненный для данного поколения родившихся интервал между рождением и смертью. Ожидаемая продолжительность жизни для лиц, достигших определенного возраста, характеризует собой среднее число лет, которое предстояло бы прожить достигшим данного возраста при сохранении в каждом следующем возрасте современного уровня смертности. ОПЖ может быть рассчитана для любого возраста как мужчин, так и женщин. Обычно для оценки уровня социально-экономического развития страны, ее благосостояния используется ожидаемая продолжительность жизни новорожденных, т. е. лиц в возрасте от нуля до года.

Бывший СССР, в том числе и Россия, в советские годы добились больших успехов в снижении смертности и повышении

продолжительности жизни населения. К середине 60-х гг. ожидаемая продолжительность жизни всего населения России, как, впрочем, и Советского Союза, достигла 70 лет, увеличившись почти на 30 лет по сравнению с серединой 20-х гг. Уровень ОПЖ в России в 60-е гг. был таким же, как и в наиболее развитых европейских странах. В последующие годы, когда в развитых странах продолжительность жизни населения продолжала возрастать, в России, как и других союзных республиках и позже в независимых государствах, она падала и ныне на 12—15 лет меньше, чем в Западной Европе, Скандинавских государствах, Японии, США и т. д. В 1998 г. ОПЖ населения России была ниже, чем, например, в 1968—1969 гг., на два года. Самый низкий уровень ОПЖ зафиксирован для 1994 г., когда он был ниже 64 лет. Следовательно, начавшаяся с конца 60-х гг. стагнация в сфере здоровья населения и его продолжительности жизни не только продолжилась в годы перестройки и последовавших затем реформ, но и усилилась под влиянием затяжного экономического кризиса, приведшего к снижению уровня жизни населения и разрушившего важнейшие отрасли социальной инфраструктуры.

Под **воспроизводством населения** понимается постоянное возобновление определенной совокупности людей путем непрерывного замещения одних поколений другими. Воспроизводство населения — это по сути взаимодействие двух составляющих его процессов: рождаемости и смертности. Интенсивность рождаемости и смертности обусловлена многими факторами, одни из которых влияют на оба процесса, другие — либо на тот, либо на другой. Но все факторы в совокупности, а среди них наиболее значимыми являются социально-экономические и этнокультурные, воздействуют на воспроизводство населения. В свою очередь они также в разной мере влияют на многие социальные процессы.

Эволюция воспроизводства населения тесно связана с изменениями социально-экономических условий жизнедеятельности людей. Вместе с общественным развитием менялись как параметры рождаемости и смертности, так и их взаимодействие в воспроизводственном процессе. В различные периоды человеческой истории, включая и настоящее время, в населении разных стран соотношения между рождаемостью и смертностью различны. С этим связана дифференциация конечных результатов

взаимодействия рождаемости и смертности, т. е. воспроизводства населения. Различают три типа воспроизводства населения: расширенное, когда младшие поколения по своей численности больше, чем старшие; суженное, здесь младшие поколения численно меньше старших; и простое, при котором численности младших и старших поколений равны.

В контексте исторического развития народонаселения вместе с общественным прогрессом совершался переход от одного типа воспроизводства к другому, что всего нагляднее выражалось в смене многодетности малодетностью. Несмотря на общую тенденцию смены исторических типов воспроизводства населения, эта смена в странах с различным уровнем социально-экономического развития и в разных этносах совершалась и совершается не в одно и то же время. Более того, уровни и интенсивность изменений обеих сторон воспроизводства населения — рождаемости и смертности, т. е. того, что характеризует его режим, различны для разных населений. Режим воспроизводства населения представляет его количественную меру и объединяет как режим рождаемости, так и режим смертности. Соответственно и показатели воспроизводства населения учитывают значения того и другого.

Для построения показателей воспроизводства населения исходным элементом является суммарный коэффициент рождаемости, который, как говорилось раньше, показывает среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину детородного возраста. В этом числе детей важно количество девочек, которые замещают своих матерей. Суммарный коэффициент рождаемости, умноженный на долю девочек в числе новорожденных (примерно 48,5%), дает обобщенную характеристику *воспроизводства населения*. Этот показатель называется *брутто-коэффициент воспроизводства женского населения*. Он свидетельствует о том, сколько в условном поколении в среднем у одной женщины в возрасте от 15 до 49 лет родится девочек, иначе говоря, каково замещение матерей дочерьми.

Очевидно, что не все из числа родившихся детей, включая и девочек, достигнут возраста начала деторождения. Поэтому в брутто-коэффициент вносится поправка на смертность. Эта поправка позволяет определить, сколько девочек не только родится в расчете на одну женщину репродуктивного возраста, но и доживет до среднего возраста начала рождений в своем

поколении. Для этой цели нужно умножить возрастные показатели рождаемости женщин в детородном возрасте на средние числа живущих женщин в каждом возрастном интервале. От одного возрастного интервала до другого доживает тем больше женщин (мужчин), чем меньше возрастная смертность. Сумма результатов характеризует, сколько рожденных девочек доживет до возраста начала деторождения у их матерей. Этот показатель называется *нетто-коэффициентом* или чистым *коэффициентом воспроизводства населения*.

В России до середины 60-х гг. *нетто-коэффициент* был выше единицы, т. е. в стране имело место расширенное воспроизводство населения. Однако затем вплоть до 1986—1988 гг. этот показатель был ниже единицы. С 1989 г. вновь наступило суженное воспроизводство, т. е. поколение рожденных девочек не замещало своих матерей. Причем в течение всех 90-х гг. коэффициент чистого воспроизводства населения неуклонно снижался и в 1987—1998 гг. достиг уровня 0,58. Снижение показателя чистого воспроизводства происходило прежде всего в городском населении, тогда как сельское население продолжало воспроизводиться вплоть до 1993 г. С конца 90-х гг. население сельской местности также перестало воспроизводиться, так как *нетто-коэффициент* снизился до 0,75.

§ 4. Миграционные процессы

В отличие от естественного движения, которое выступает внутренним источником изменения численности и структуры населения, *миграция* — внешний источник, результат взаимодействия данной совокупности людей с другими совокупностями. Результатом этого взаимодействия выступает миграционное сальдо (прирост или убыль). Миграция влияет на численность населения не только непосредственно, когда конкретная совокупность людей возрастает или уменьшается на величину сальдо миграции, но и опосредованно — через меняющуюся половозрастную структуру (доля мужчин среди мигрантов выше, чем женщин, и соответственно больше удельный вес лиц трудоспособных возрастов у первых по сравнению с вторыми) и последующее участие мигрантов в воспроизводстве населения.

Миграция населения — это сложный процесс, состоящий из множества событий, влекущих за собой смену места жительства. Этот процесс имеет две стороны или точнее состоит из взаимодействия двух потоков: выбытия населения из одной местности (пункта) и прибытия туда мигрантов из других местностей (пунктов). Часть мигрантов, прибывающих в тот или иной район, остается там на постоянное жительство, тогда как другая часть выбывает либо обратно, либо в другие районы. Особенностью миграционных процессов является то, что для каждого человека миграционные события могут повторяться, т. е. в течение года возможны многократные переселения. Переселение населения в конечном счете ведет к изменению его территориального размещения.

Миграция, сопровождающаяся сменой места жительства, т. е. собственно переселение, включает три стадии. Первая, или подготовительная, стадия представляет собой процесс формирования территориальной подвижности населения. Основная стадия — это собственно процесс переселения населения. Заключительной, или завершающей, стадией считается приживаемость мигрантов на новом месте. Отдельные стадии миграционного процесса тесно связаны между собой. Мигрант — это будущий новосел в период его территориального перемещения, а новосел — это бывший мигрант в период его обустройства и адаптации в районе вселения. Связаны и крайние стадии процесса. Так, новоселы, обладая повышенной миграционной активностью, т. е. способностью к переселениям, в значительной мере являются потенциальными мигрантами.

Понятия **миграционная подвижность** и **перемещение** (переселение) отнюдь не идентичны. Встречается несколько толкований этого термина. Прежде всего мобильность принимается как общее понятие различных видов перемещения. Чаще оно рассматривается как синоним переселения. В другом случае мобильность выступает как общее понятие потенциальной и реальной миграции. Наконец, мобильность — это потенциальная готовность населения к изменению своего территориального статуса. Последнее понимание подвижности предпочтительно. В этом случае под миграцией населения понимаются территориальные перемещения, а под подвижностью — способность к миграции, т. е. потенциальная миграционная активность. Обычно последняя, выражение которой в миграционных установ-

ках, и первая, мера которой в объемах переселений, существенно отличаются. Величина подвижности всегда в 2—3 раза больше реальных миграций.

Существующий уровень миграционной подвижности и ее изменение зависят от многих условий. Прежде всего население, проживающее в разных районах страны, в населенных пунктах различного социального статуса, существенно отличается уровнем миграционной подвижности. Горожане мигрируют более интенсивно, чем сельские жители, население северных и восточных регионов более подвижно, чем население старообжитых территорий. Существует также значительная разница в миграционной подвижности мужчин и женщин, разных возрастных групп, а также лиц разных национальностей.

Миграционная подвижность населения в существенной мере зависит от особенностей его генетической структуры. Наиболее подвижны обычно лица, прожившие в данной местности менее 2—3 лет. В дореволюционной России уровень миграционной подвижности населения был крайне низок. В переселениях участвовало 0,14% общей численности населения страны, или 10% его естественного прироста. В XX столетии в результате индустриализации и сопровождающего ее процесса урбанизации заметно возросла миграционная подвижность населения России. В годы советской власти в переселениях участвовало примерно в 6 раз больше людей, чем в царской России. О росте миграционной активности свидетельствует изменение доли уроженцев в составе населения. В частности, с 1926 по 1979 г. она снизилась примерно на 30%. В годы реформирования миграционная активность населения России уменьшилась. По данным микропереписи 1994 г., доля уроженцев составила 58% по сравнению с 46% в 1979 г.

На второй стадии миграционного процесса, т. е. в процессе переселения, происходит реализация миграционной подвижности населения. Совокупность переселений, совершающихся в определенное время в рамках той или иной территориальной системы, составляет *миграционный поток*. Миграционный поток — это не только статистически значимая величина, но и в структурном отношении чрезвычайно разнообразная совокупность. Структура миграционного потока может быть расчленена по полу и возрасту переселенцев, их семейному состоянию, национальности, времени проживания в районах выхода, об-

разованию, профессиям и т. д. Вместе с тем она имеет и географический срез. Миграционный поток структурируется также в зависимости от географии районов выхода и мест вселения мигрантов, а также от типов поселений (городская, сельская и сельско-городская миграция).

Мощность миграционного потока зависит, как правило, от двух условий: от численности населения тех регионов, между которыми осуществляется миграционный обмен, и от их местоположения. Чем больше численность населения регионов, участвующих в миграционном обмене, и чем ближе они расположены, тем значительнее миграционные потоки. На мощность миграционных потоков влияют и такие факторы, как этническое, хозяйственное и природное сходство территорий, исторически сложившиеся связи и т. д.

Третья стадия миграционного процесса — *приживаемость*. Ее начало состоит в превращении мигранта в новосела, а конец — в переходе новосела в состав старожилов. Приживаемость, термин, применявшийся еще в переселенческой практике XIX в., означает, во-первых, процесс приспособления человека к новым условиям жизни и, во-вторых, приспособление условий жизни к потребностям человека. Эти две стороны представляют адаптацию и обустройство новоселов. Таким образом, приживаемость включает в себя два компонента, первым из которых является адаптация. *Адаптация* как процесс приспособления человека к новым для него условиям жизни двойственна по своей природе, как двойственна и природа человека. С одной стороны, это приспособление человека как живого существа, а с другой — как личности, социального феномена. И в этом смысле адаптацию можно разделить на социальную и биологическую. То и другое составляет как раз среду обитания. Конечно, такое деление условно, ибо биологическая адаптация во многом зависит от социальных условий, а социальная адаптация не исключает биологических особенностей человека.

Выделения в адаптации социальной и биологической компонент недостаточно, чтобы выявить сущность этого процесса. Расчленение явления на части по качественным признакам, т. е. любая классификация, должно носить предметный характер, иначе говоря, учитывать природу явления. Поэтому не может быть классификации адаптации вообще, а может быть классификация адаптации в конкретной предметной области:

она может быть для мигрантов, для новых рабочих на производстве, для новобранцев и т. д. В адаптации мигрантов можно выделить три наиболее важных вида.

Первый вид адаптации носит наиболее общий характер и означает приспособление новосела к новой социально-демографической среде того места, куда вселяется мигрант. Это приспособление двойственно. С одной стороны, происходит процесс приспособления к новой социально-демографической среде, установление новых родственных связей, знакомств и т. д. С другой — постепенное ослабление старых родственных, земляческих, имущественных и иных связей.

Второй вид адаптации мигрантов возникает тогда, когда в результате смены места жительства меняется и социально-экономический статус населенного пункта. Подобная адаптация необходима при переселении из поселков городского типа в средние и большие города и тем более — из сельской в городскую местность. Различия в образе жизни городских и сельских жителей затрудняют адаптационный процесс. Сельский житель, попав в город, должен отказаться от многих привычных поступков и приспособиться к новым видам поведения.

Третий вид адаптации возникает, когда процесс переселения осуществляется между районами с различными природными условиями и географическим положением. Этот вид адаптации обычно называют биологическим или медико-биологическим приспособлением. Это не совсем точно. Адаптация новоселов в новых районах имеет две стороны: приспособление к природной среде и приспособление к географическому положению. В одном случае происходит медико-биологическая адаптация. Она совершается в форме акклиматизации, естественной иммунизации и т. д. В другом — адаптация к географическому положению района вселения представляется как социально-психологический процесс. Она особенно болезненно протекает в транспортно изолированных местностях, таких как районы Крайнего Севера.

Второй компонентой приживаемости является *обустройство мигрантов* в местах вселения. Обустройство — это процесс достижения новоселами уровня благосостояния старожилов. Для подобного обустройства требуется время, которое в прошлом составляло примерно 10 лет. За этот период происходила не только адаптация и создание таких материальных условий в новых местах, которые соответствовали ожиданиям бывших пере-

селенцев, но и их миграционная подвижность становилась такой же, как и остального постоянного населения (миграционная подвижность местных уроженцев и старожилов).

Итак, и адаптация, и обустройство представляют собой взаимодействие субъективного и объективного, но адаптация — это приспособление субъекта к объективным условиям окружающей среды, а обустройство — перестройка объективных условий в соответствии с потребностями субъекта.

§ 5. Динамика народонаселения

Естественное и миграционное движение являются источниками **демографической динамики**, компонентами изменения численности и структуры народонаселения. Естественный прирост (убыль) и миграционный прирост (убыль) образуют общий прирост населения, т. е. ту величину, на которую оно или возрастает, или уменьшается. Естественное и миграционное движение могут воздействовать на население либо в одном, либо в противоположном направлении. В современной России, начиная с 1992 г., происходит естественная убыль населения. В это же время сальдо внешней миграции остается положительным, т. е. имеет место миграционный прирост. Поэтому общий прирост населения зависит от того, что больше — естественная убыль или миграционный прирост. В 1992—1999 гг. естественная убыль превышала сальдо внешней миграции, поэтому все время происходила общая убыль населения России. Такую динамику, если она носит затяжной характер, обычно называют депопуляцией. В результате депопуляции население России за этот период сократилось примерно на 2,6 млн. человек.

Демографическая динамика характеризуется не только абсолютными числами роста или убыли населения, но и относительными величинами — темпами роста и прироста. Первый показатель находится путем деления численности населения на конец периода на население, которое было в начале периода. Численность населения России на конец 1999 г. составляла 145,5 млн. человек, а в начале 1990 г. она равнялась 148 млн. Следовательно, за десятилетие численность населения России сократилась к уровню 1990 г. на 1,4%. Второй показатель представляет разницу между 100% и темпом роста (убыли) населения. В частности, население страны уменьшилось на 2,4 млн., или на 1,6%. Начавшаяся с 1992 г. естественная убыль, которая

к тому же сопровождается и общим сокращением численности населения, сохранится многие десятилетия XXI в. По прогнозам Госкомстата РФ, население страны к 2015 г. сократится до 138,4 млн., или на 5%. Согласно прогнозам ООН население России в 2025 г. составит 138 млн., а в 2050 г. — чуть больше 121 млн. человек. Реальность прогнозируемой демографической динамики во многом будет зависеть от того, в какой мере изменятся параметры воспроизводства и внешней миграции населения страны. В ближайшие десятилетия нельзя ожидать существенных сдвигов в области воспроизводства населения. Сальдо внешней миграции также сохранится на низком уровне, если экономический потенциал и соответственно социальные условия жизнедеятельности населения России кардинально не изменятся. Поэтому в большей или меньшей мере, но население России сократится. Если к концу XX в. Россия входила в число десятки стран мира, имевших численность населения, превышавшее 100 млн. человек, то к середине XXI в. она переместится с 7 на 12 место.

По прогнозам ООН, к 2025 г. на земном шаре будет 14 государств, численность жителей в которых будет больше 100 млн., а в 2050 г. таких стран будет 17. В двух из них — Японии и России — население сократится, а в остальных, в том числе и в США, население возрастет, причем особенно сильно в Эфиопии, Конго, Нигерии, Иране и Пакистане. Соседями России на юге и востоке будут государства с общим населением почти в 4 млрд. человек.

Приложение

Социология в России: динамика народонаселения России в XX в.

Табличное приложение включает данные, регулярно публикуемые Государственным комитетом Российской Федерации по статистике. Информация о численности и структуре народонаселения, рождаемости, смертности, брачности и разводимости приводится в «Демографических ежегодниках», которые издаются почти 10 последних лет. Сведения о миграции населения можно найти в статистических бюллетенях Госкомстата «Численность и миграция населения Российской Федерации» за все последние годы. Регулярно издаются также статистические бюллетени «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту» и др.

Таблица 1

**Динамика и половой состав населения России в 1940—2000 гг.,
на начало года, млн. человек**

Годы	Численность населения	В том числе		Прирост, убыль за 10 лет
		мужчин	женщин	
1940	110, 1	51, 9	58, 2	
1950	101, 4			– 8, 7
1960	119, 1	53, 3	65, 8	17, 7
1970	130, 0	59, 2	70, 8	10, 9
1980	138, 1	63, 6	74, 5	8, 1
1990	147, 7	69, 1	78, 6	9, 6
2000	145, 6	68, 1	77, 5	– 2, 1

Таблица 2

**Родившиеся, умершие и естественный прирост населения России
в 1940—2000 гг., на тысячу населения**

Годы	Родившихся	Умерших	Естественный прирост	Младенческая смертность ¹
1940	33, 0	20, 6	12, 4	205, 2
1950	26, 9	10, 1	16, 8	88, 4
1960	23, 2	7, 4	15, 8	36, 6
1970	14, 6	8, 7	5, 9	23, 0
1980	15, 9	11, 0	4, 9	22, 1
1990	13, 4	11, 2	2, 2	17, 4
2000 ²	8, 7	15, 9	–7, 2	16, 2

¹ Число умерших в возрасте до одного года на 1000 родившихся живыми

² 2000 г — первое полугодие.

Таблица 3

**Изменение численности населения России
по компонентам, тыс. человек**

Годы	Естественный прирост	Миграционный прирост	Общий прирост
1995	–831, 9	502, 2	–329, 7
1996	–817, 6	343, 6	–474, 0
1997	–750, 4	352, 6	–397, 8
1998	–696, 5	284, 7	–411, 8
1999	–923, 0	154, 6	–768, 4

Таблица 4

**Ожидаемая продолжительность жизни населения России
по данным переписей, число лет**

Годы	Все население	Мужчины	Женщины
1896—1897	30, 54	29, 43	31, 69
1926—1927	42, 93	40, 23	45, 61
1958—1959	67, 91	62, 99	71, 45
1969—1970	68, 81	63, 15	73, 39
1978—1979	67, 72	61, 66	73, 11
1989	69, 57	64, 21	74, 47
1997 (оценка)	66, 64	60, 75	72, 89

Таблица 5

**Суммарный коэффициент рождаемости,
число родившихся живыми в среднем на 1000 женщин
в возрасте 15—49 лет**

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1960—1961	2, 540	2, 040	3, 320
1970—1971	2, 007	1, 773	2, 588
1980—1981	1, 895	1, 700	2, 562
1990	1, 887	1, 701	2, 526
1997	1, 168	1, 109	1, 398

Вопросы для закрепления материала

1. Что понимается под народонаселением?
2. Какие структуры населения относятся к демографическим?
3. Что такое естественный прирост населения и как он определяется?
4. Что понимается под воспроизводством населения и какие типы в нем выделяют?
5. Что такое ожидаемая продолжительность предстоящей жизни?

6. Из каких компонент образуется общий прирост населения?
7. Что такое миграция населения?
8. Из каких стадий состоит миграционный процесс?
9. В чем состоит отличие подвижности и переселения, адаптации и приживаемости?
10. Как измеряется рост и прирост населения?

Литература для дополнительного чтения

- Демографический ежегодник России. М., 1999.
- Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
- Курс демографии / Под ред. А. Я. Боярского. М., 1974.
- Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994.
- Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: Прогнозы, факторы, политика. М., 1987.
- Современная демография / Под ред. А. Я. Кваши, В. А. Ионцева. М., 1995.
- Статистика: Курс лекций. Новосибирск; М., 1998. Гл. 9.

Раздел третий

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Глава 7

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ И ГРУППЫ

§ 1. Виды и структура социальных общностей и групп

Поскольку общество представляет собой не просто совокупность людей, но прежде всего — систему взаимодействий между ними, то (как говорилось в первом разделе учебника) и само становление человека как личности, овладение языком и через него — включение в культуру данного общества протекают в ходе такого взаимодействия и благодаря ему. Только таким путем человек обретает свою социальную природу, воспринимает всю сложную совокупность социальных ценностей, идей, представлений, верований, убеждений. Вся жизнь, деятельность человека от появления на свет и до ухода из жизни — это история его взаимоотношений с людьми, возникающими как в ходе непосредственных контактов, так и в виде опосредованных взаимодействий, связывающих людей в сложной социальной структуре общества. В ходе взаимодействий между людьми возникают и формируются многочисленные и разнообразные конкретные социальные общности и группы.

Под **социальными общностями** понимаются структуры, объединяющие ее членов по признаку принадлежности к объединяющему их критерию. Таким критерием может выступать род занятий (производственная ячейка, воинское подразделение); профессиональный критерий; общность религиозных верований, политических взглядов, а также и общность совместного проживания, проведения досуга, занятия спортом, искусством. Такие общности могут вести к появлению организаций, ассоциаций (профессиональные союзы, политические партии, церковные организации, сообщества ученых, ассоциации

юристов, врачей, учителей, объединение граждан по общему месту проживания в органы самоуправления и т. д.).

Состояние территориальной общности, ее стабильность сказываются на характере поведения членов данной общности в сфере формальных и неформальных контактов, совместного проведения досуга, в иных формах совместной социальной активности. Профессиональные объединения, ассоциации (производственные, научные, информационные, в сфере искусства и т. д.) в случае успешного функционирования, кроме решения чисто профессиональных задач, формируют у их членов чувство трудовой солидарности, защищают их личные и групповые интересы, обеспечивают соответствующий социальный статус, поддерживают профессиональный престиж и авторитет, контролируют поведение членов таких групп с позиций профессиональной морали и этики (подробнее о социально-территориальных общностях см. гл. 8).

В рамках подобных сообществ или на самостоятельной основе возникают **социальные группы**, т. е. группы осуществления непосредственных и опосредованных контактов между людьми. Самым общим образом *социальная группа может быть определена как собрание людей, взаимодействующих определенным, упорядоченным образом на базе согласованных, взаимных ожиданий соответствующего поведения друг друга.*

Социальные группы (общности) как формы взаимодействия людей могут быть определены и с точки зрения их внешней структуры, и с позиций анализа содержания их деятельности, принятых в группе образцов поведения, а также функций, обеспечиваемых такой деятельностью. Так, характеристика объективных, формальных данных о них включает в себя сведения о демографической структуре, о профессиональном составе социальных групп, образовании, социальном статусе их членов и т. д.

С содержательной точки зрения такие образования характеризуются направленностью действий их членов на достижение групповых целей. Тем самым обеспечивается координация соответствующих действий, что ведет к повышению внутригрупповой сплоченности. Последняя обеспечивается благодаря наличию образцов поведения, норм, определяющих отношения внутри группы, а также действий социально-психологических механизмов, направляющих поведение членов группы в указанных рамках.

Именно необходимость координации действий членов социальных групп, слоев и классов ведет к возникновению социальных норм. Производственная группа, воинское подразделение, спортивная команда, группы совместного проведения досуга, учебный класс, семья, политическая партия, социальные классы общества, а также и группы лиц, взаимодействующих между собой в связи с территориальной общностью, — все эти социальные образования, объединяя действия членов социальной группы вокруг главной цели своей деятельности, генерируют, сохраняют и передают далес во времени свою специфическую нормативную структуру, постоянно воспроизводимую в действиях членов соответствующих групп.

Вознаграждение за поведение, соответствующее групповым нормам, проявляется в различных формах социального и психологического вознаграждения, поощрения, например — в форме повышения социального статуса лица, повышения его роли в группе, увеличении его доли в достигаемом результате, в виде оказания содействия и защиты в критических ситуациях и т. д. Санкция же за нарушение групповых норм проявляется в понижении статуса, положения, роли лица в группе, отказе в защите и поддержке, исключении из общности (остракизм) и т. д. Отсюда следует, что если, во-первых, социальный класс, группа, слой являются носителями, генераторами конкретных социальных норм, то, во-вторых, указанные социальные образования играют роль гарантов соблюдения этих норм, ибо реальное воспроизведение соответствующих социальных норм в поведении индивидов является важным условием сохранения и успешного социального функционирования данного класса, слоя или социальной группы.

Для того чтобы социальная группа могла функционировать, она должна быть в состоянии:

- стимулировать желание ее членов добиться участия в деятельности группы и сохранять свое членство;
- обеспечить эффективную систему внутригрупповой коммуникации, систему обмена информацией,
- контролировать действия членов группы, с тем чтобы направлять их к достижению групповых целей;
- приспосабливаться к условиям социальной среды, угрожаям существованию группы или ее деятельности, обеспечивая безопасность группы.

Первичные и вторичные социальные группы. Сеть взаимодействий людей в обществе достаточно сложна, но особую, принципиально важную разновидность такого взаимодействия составляют отношения, возникающие между людьми, постоянно и непосредственно взаимодействующими между собой. В ходе такого взаимодействия складываются *первичные социальные группы*. Простая совокупность людей (например, пассажиры автобуса) первичной группой не является, так как они не взаимодействуют между собой, они просто сосуществуют. Но вот если в автобус входит хулиган и пассажиры дружно реагируют на его поведение, пресекают его — они складываются (на время такого взаимодействия) в социальную группу.

Если же такое взаимодействие носит не случайный, эпизодический характер, но осуществляется с некоторым постоянством, то налицо первичная социальная группа. Такие группы возникают всюду, где люди проживают, работают или отдыхают, развлекаются совместно. Это, как правило, группы небольшого объема, но малый объем группы взаимодействующих людей еще недостаточное условие для образования первичной социальной группы. Если участники такого взаимодействия резко отличаются между собой по своему происхождению, социальному положению, рангу и т. д., то между ними не возникает *первичных социальных отношений*, наличие которых является непременным условием для того, чтобы отнести такую группу к числу первичных социальных групп.

Первичные социальные отношения позволяют людям воспринимать друг друга во всей полноте личности, индивидуальности, а не просто лишь как носителя той или иной функции, роли, профессии и т. д. Подобное взаимодействие в группе позволяет индивиду включиться в групповую общность таким образом, что направленность его личности (в значительном объеме) начинает соответствовать целям, совместно достигаемым такой группой. Возникает и приобретает реальное значение категория «мы», возникает новая целостность, она подкрепляется серьезным эмоциональным переживанием, человек начинает идентифицировать, определять себя как часть этого целого, возникает чувство единства, солидарности между членами такой группы, и направленность их поведения во многом определяется таким чувством.

Наряду с первичными люди объединяются и в многочисленные *вторичные социальные группы*, создаваемые в силу необходимости объединения усилий людей для достижения желаемых целей. Здесь возникновение, характер и направленность действий групп предопределяются их функциональным предназначением. Подобное предназначение определяет и характер взаимодействий между индивидами во вторичных социальных группах. Здесь доминирует (в отличие от первичных групп) рациональная составляющая таких взаимодействий, отношения во вторичных социальных группах во многом формализованы, обезличены. Сказанное позволяет отнести первичные социальные группы к числу неформальных групп, а вторичные группы — к числу формальных социальных групп.

Формальные и неформальные группы. Всякое организованное общество построено в виде формальных (вторичных) социальных групп, т. е. производственных, служебных, спортивных, общественных групп и объединений, имеющих зафиксированную (осязаемую) внешнюю структуру (цех, звено, предприятие, мастерская, военное подразделение, спортивная команда, школьный класс и т. д.). Здесь основой объединения людей в группы служат определенные (экономические, производственные, деловые, политические и т. д.) условия и потребности, организационные и иные управленческие критерии либо другие требования и правила.

Формальная социальная группа характеризуется некоторыми основными признаками. К их числу относится прежде всего наличие в такой группе той или иной формы *разделения труда*, в соответствии с которой происходит специализация функций в рамках общегрупповой активности. Ответственность разделяется и делегируется соответственно с характером разделения труда конкретным членам группы или отдельным подразделениям. Право принимать обязательные для членов группы решения распределяется по иерархически соподчиненным уровням групповой структуры. Устанавливается обязательный порядок передачи сообщений, команд по установленным каналам (высший уровень связан со средним, средний с низшим и в обратном порядке).

Разделение труда в формальной группе предполагает вместе с тем необходимость обеспечения *координации деятельности* всех ее звеньев; создание контрольного механизма, ревизирующего деятельность подразделений, решающего возникающие кон-

фликты, вырабатывающего рекомендации по изменению или уточнению направления и форм деятельности группы. Успех в деятельности формальных групп зависит от степени конкретности, ясности в формулировке ее целей и от *рационального выбора* наиболее целесообразных средств. Поскольку структура социальной группы складывается из системы социальных ролей, предписанных к исполнению членам группы, то выполнение требований социальной роли требует *дисциплины* ее членов.

В рамках таких формальных групп (либо независимо от них) люди объединяются в неформальные (первичные) группы, где единственным (во всяком случае ведущим) принципом объединения служат прежде всего взаимные склонности, положительные отношения друг к другу (знакомые, друзья, приятели, близкие люди и т. д.). Формальные и неформальные группы могут полностью совпадать одна с другой (ученики одного класса, они же друзья вне школы). Вместе с тем формальные и неформальные группы с позиций социальной психологии во многом могут и различаться между собой. Так, в рамках одной и той же формальной, вторичной социальной группы возможно существование нескольких различных первичных неформальных групп.

Главное же, однако, заключается в различиях процесса приобщения людей к формальным и неформальным группам. Здесь важно подчеркнуть самопроизвольность неформальных групп. Сплачивающие их силы носят не только рациональный, осознанный («выгодно» или «не выгодно»), но прежде всего эмоциональный характер («нравится», «не нравится»). Ясно, что то, что ценится по расчету, отличается от того, что ценится по склонности.

От содержания прививаемых вкусов и предпочтений часто зависит линия поведения члена неформальной группы. Именно в таких группах, где общение носит личный и непосредственный характер, где жажда членства в группе ведет к полной готовности воспринять групповые нормы, в поведении членов группы наблюдаются *интенсивные специфические социально-психологические процессы*, обозначаемые понятием «*контагиозность*» (*заражение и подражание*). Отметим, что подражание, как и внушение, относится к числу таких механизмов социально-психологического общения, которые, как правило, не поддаются полному контролю сознания человека, причем уровень, степень интенсивности функционирования различных форм психического заражения находясь в прямой зависимости от

степени однородности, от уровня присущего этой общности сознания и чувства «мы», а также степени внутренней солидарности, взаимного доверия, а следовательно, и степени взаимной внушаемости.

Для каждого индивида его ближайшая социальная группа чрезвычайно важна, потому что именно реакции со стороны окружающих составляют в значительной мере источник поведения индивида. Выражение неприязни или симпатии, высокая положительная оценка или осуждение, чувство товарищества — все это служит источником и регулятором индивидуального поведения. Часто для лица неважно, одобряется его поведение в общем или нет, соответствует ли это поведение требованиям всего общества, важно, что «свои» одобряют и поддерживают. Для такого лица гораздо существенней одобрение со стороны того микромира, который его окружает. Для него существенно, что думают о нем непосредственно окружающие его люди, поскольку они выражают это в словах, обращенных лично к нему, и в поступках, прямо затрагивающих его интересы. То, что делают или говорят такие люди, их вид, интонации их голоса, даже жесты — все это ведет к формированию определенных социально-психологических позиций, установок.

Часто решающим источником таких установок служит потребность индивида в явном, реальном, наглядном, непосредственном одобрении со стороны ближайших лиц. Именно там, где в первичных, неформальных группах действуют неписанные законы и привычки, часто заключаются социально-психологические корни поведения. Человек склонен усваивать ту линию поведения, которая поддерживается, одобряется тем ближайшим к нему миром, в котором он живет.

Референтная группа. Поведение человека и система разделяемых им моральных ценностей могут быть направлены на достижение соответствия своего поведения нормам, разделяемым группой, к которой индивид фактически не принадлежит, но куда он стремится быть включенным. *Группы, чьи нормы и стандарты поведения разделяются лицом, не обязательно принадлежащим к самой этой группе, именуется референтными группами.* Такие лица избирают нормы, принятые в подобных группах, как образец для оценки своих собственных действий. Такие группы могут существовать и в реальности, но могут быть и «сконструированы» в сознании лица. Тем не менее, если при-

верженность индивида к ценностям, нормам и стандартам подобной референтной группы достаточно интенсивна, то именно так, путем согласования своих действий с нормами референтной группы, и строится поведение такого лица.

Концепция референтной группы позволяет объяснить те случаи, когда поведение лица расходится с нормами той социальной группы, фактическим членом которой данный человек является. Эта же концепция позволяет объяснить переход лица из одной социальной группы в другую, а также процесс постепенной эволюции и замены норм и правил поведения членов данной социальной группы. Определить референтную группу индивида — значит установить существенную социальную характеристику его личности.

Избрание в качестве референтных групп с более высоким статусом, обещающим социальное продвижение индивида, ведет к соотносению таким индивидом своего поведения с нормами, принятыми в таких группах, стимулирует усилия для достижения членства в таких группах. В таких ситуациях референтная группа обеспечивает функцию социального развития, обеспечивает социальную мобильность.

Концепция референтной группы имеет также значение для объяснения отклоняющегося поведения:

1) возможны случаи, когда участник обычных, нормальных социальных групп избирает в качестве своей референтной группы группу правонарушителей (романтика уголовного мира) и, следовательно, стремится воплотить в своем поведении оценки и стандарты противоправного поведения;

2) в современных условиях смены социально-политической структуры общества стремление к завладению новыми символами успеха, избрание в качестве референтных норм и стандартов групп, достигших экономического процветания при отсутствии возможности достичь этого законным путем, часто ведет к вспышкам агрессивного поведения правонарушителей, включению их в структуры завладения такими символами вне, помимо или против закона.

§ 2. Групповое поведение и поведение личности в группе

Групповая психология как объективный фактор. Психология группы не есть лишь сумма ценностей, взглядов и убеждений, присущих каждому члену группы, здесь не действует принцип

сложения. Групповую психологию характеризует, скорее, принцип умножения, возведения в степень индивидуальных психологических категорий, что, во-первых, придает групповой психологии интенсивность, повелительность, namного превосходящую влияние индивидуально-психологического воздействия, и, во-вторых, придает групповой психологии объективный, т. е. не зависящий от воли отдельных членов группы, характер. Групповые нормы предстают перед индивидом как объективный фактор в виде заранее предустановленных критериев оценок, стереотипов, образцов поведения.

В ряде исследований отмечалось, что в качестве важной черты процесса социализации следует выделить образование общих норм для группы, от которой зависит отдельная личность, и действие этих норм в качестве факторов саморегулирования группового поведения. Иначе говоря, психологическая зависимость отдельного лица от группы является мотивом для принятия им норм, общих для всей группы. Это ключевой момент процесса социализации, т. е. процесса усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта, усвоение ценностей, убеждений, общественно значимых форм поведения.

Основные характеристики социальной среды так или иначе воплощаются в людях. Социально-психологические структуры таких социальных групп, как семья, производственная группа, группы совместного проведения досуга, учебная группа, воинское подразделение, группы, связанные общностью совместного проживания, и другие формы непосредственного взаимодействия людей в случае реального включения индивида в систему межличных отношений в таких группах обуславливают возникновение серьезного влияния на соответствующее лицо, влияния, направленного на обеспечение желаемого (с точки зрения данной социальной группы) поведения.

Психологическая структура группы и неформальный лидер. Психологическая структура группы представляет собой сложную сеть психологических взаимосвязей и взаимозависимостей. Отдельными элементами такой структуры являются индивидуальные позиции, занимаемые каждым индивидом в процессе его самоутверждения в группе. В эту структуру включаются также отдельные мелкие группы, объединяющие индивидов по психологическим признакам.

Психологическая структура выражается также в определенных видах взаимоотношений, возникающих между индивидами в повседневном общении. Психологическая структура производна. Ее образование обусловлено рядом объективных и субъективных факторов, но, раз сложившись, она сама является фактором, оказывающим огромное влияние на личность. В силу этого она требует учета, изучения и вмешательства.

Психологическую структуру неформальных групп характеризует ряд важных особенностей. В ходе постоянного взаимодействия индивидов их отношения начинают ранжироваться по степени их важности для членов группы; внутригрупповые отношения приобретают структуру, основанную на степени предпочтений, оказываемых друг другу членами такой группы. В каждой группе неизбежно выделяются из своей среды те, кому члены группы отдают наибольшее предпочтение.

Тот из числа членов группы, по отношению к кому проявляется наибольшее число предпочтений, становится лидером социальной группы На другом полюсе структуры группы располагаются те (или тот), по отношению к кому проявляется наименьшее число предпочтений (отверженные). Структура эта складывается стихийно, но, раз сложившись, начинает во многом определять поведение ее членов. Принципиальную важность приобретает роль лидера социальной группы.

Центральный признак лидерства — способность оказывать влияние на убеждения и деятельность членов группы. Лидер социальной группы тот, кто инициирует действия, отдает приказы, решает споры между ее членами и выносит по ним обязывающие решения. Лидер одобряет или не одобряет действия членов группы, подбадривает или пресекает такие действия. Члены социальной группы действуют, думают и чувствуют так, как этого желает лидер, подлаваясь его влиянию в гораздо большей степени, чем такому же влиянию любого другого члена группы.

Деятельность формальных (признанных обществом, законом) групп становится более эффективной в случае, если неизбежно складывающиеся в их рамках неформальные группы ориентированы на достижение целей своей формальной группы, а неформальный лидер либо поддерживает деятельность формального руководителя группы, либо (что оптимально) сам становится ее официальным руководителем. Антисоциальные, преступные группы — группы неформальные, складыва-

ющиеся стихийно, и в этих условиях поведение, значение, роль их лидера («авторитета») имеет особое значение.

Психологическая структура группы служит мощным катализатором индивидуального поведения, однако в зависимости от содержания соответствующих групповых норм — катализатором социально полезных либо социально вредных форм поведения. Социальную группу могут характеризовать недостатки двоякого рода. Так, возможны дефекты ее внешней структуры. Типичный пример такой ослабленной социальной группы — это семья, где отсутствует один из родителей. Возможны случаи, когда за внешне нормальной структурой социальной нормы скрываются серьезные дефекты во взаимоотношениях ее членов. Такие недостатки часто не соответствуют тем социально полезным целям, которые определяют деятельность данной социальной группы, лишают отношения в данной группе их реального содержания, вступают с ними в конфликт.

Поляризация групповой принадлежности. На заре человеческой истории в рамках первых сообществ людей появляется и осознание взаимной принадлежности друг к другу, объединенности, т. е. возникает представление «мы» (мы — племя, мы — род, мы — семья и т. д.). Существенно, однако, что представление «мы» возникало только тогда, когда данное сообщество сталкивалось с другим сообществом и возникала необходимость обособиться от каких-либо «они». Осознание себя группой людей в качестве некоторой общности совершается только через *противопоставление* данной «своей» общности — той, «другой», «чужой» общности или группе. Само понятие «мы» возможно только в связи и по поводу категории «они». «Мы» прежде всего это не «они», а уже за тем происходит осознание и выделение содержательных характеристик, присущих данному «мы».

Представление о различии между «мы» и «они» может отражать либо незначительную степень субстанциональности, содержательности, либо усиливаться вплоть до приписывания такому различию качественного, сущностного свойства, до полного, кардинального (полярного) противопоставления «нас» «им», до убеждения в существовании полного отличия, абсолютной несовместимости категорий «мы» и «они». Это различие может характеризоваться определенной степенью негативизма по отношению к «ним» — от сравнительно нейтраль-

ного до отрицательного и враждебного. В этом крайнем случае категории добра и зла поляризуются, причем, как понятно, добро — это «мы», «наше», а зло — это «они», не «наше», «чужое».

В последнем случае «им» может приписываться роль источника тех бед и лишений, причины которых неизвестны или неясны, или (что очень трудно признать) источником своих бед являемся «мы» сами. В такой ситуации возникает возможность, очень часто реализуемая, возникновения в общественном сознании вымышленных, нереальных, мнимых, но злоежащих «они», на которых взваливается ответственность за все беды. Мнимые «они», завоевывая свое место в общественном сознании, приобретают силу, становятся реальностью в действиях и устремлениях людей, выполняя свою социальную функцию. Эта функция заключается в подстановке вымышленных «они» там, где недостает действительных «они» для формирования определенных социальных общностей и групп.

Принципиально важно, что общность «мы» формируется путем подражания членов данной группы друг другу, в результате стремления быть подобными один другому. Представление «они» строится путем выделения черт, приписываемых «им», и такие черты, соответственно, используются для сплочения «нас» путем запрета уподобляться «им». Категория «они» нужна, чтобы сформировать и укрепить «нас», чтобы «мы» не поступали, как «они». Отличие от тех, кто «не мы», стимулирует подобие «среди нас», отрицание, негативное отношение к «ним», усиливает уподобление среди «нас».

Дезорганизация социальных общностей и групп. Динамика социальных процессов (демографических, миграционных, процессов урбанизации, индустриализации) в качестве нежелательного результата может оказать деструктивное воздействие на социальные группы и общности, привести к их частичной дезорганизации. Явления дезорганизации отражаются как на внешней (формальной) структуре социальных общностей, так и на внутренней, содержательной, функциональной их характеристике.

Так, с внешней стороны социальные процессы типа миграции, развития городов, промышленности и т. д. ведут к распаду больших семей, к невозможности сохранения совместного семейного проживания двух или трех поколений, замене тради-

ционной семьи семей «нуклеарной» (муж, жена, ребенок); в производственных группах — к ослаблению профессиональной солидарности (распад гильдий); в территориальных — к утере социальной, этнической гомогенности, чувства территориальной принадлежности, росту числа мигрантов в составе коренного населения, к нарушению естественной уравновешенной половозрастной структуры.

Дезорганизация функций таких общностей выражается в расшатывании групповых ценностей, противоречивости стандартов и образцов поведения, ослаблении нормативной структуры группы, что, в свою очередь, ведет к росту отклонений в поведении членов общностей и социальных групп. Так, среди 20 областей России с наивысшим коэффициентом прибытия мигрантов находятся 18 областей с наивысшим коэффициентом преступности.

Дезорганизация социальных групп ведет к отклонениям в поведении ее членов в случаях:

1) участия индивида в различных социальных группах, которые навязывают ему противоречащие друг другу системы социальных ценностей и образцов поведения;

2) участия индивида в дезорганизованных группах, для которых характерна неопределенность социальных ролей, социальных требований, предъявляемых к индивиду; отсутствие общественного контроля, неясность критериев оценок поведения.

Такого рода явления связаны с ослаблением социально-психологического эффекта общности, который служит средством обеспечения внутригрупповой сплоченности и взаимопонимания, направленного против тенденций, ведущих к разрушению общности.

В этих условиях нормальные социальные группы не всегда оказываются в состоянии выполнить ряд своих существенных функций, т. е. снабдить индивида последовательной, внутренне не противоречивой системой стандартов поведения, чувством солидарности и принадлежности к общности, предоставить упорядоченную систему ступеней социального престижа и признания. *Степень единства людей в социальных группах, их сплоченности, единство их позиций представляют собой величину, обратно пропорциональную количеству социальных отклонений.* Если степень единства (интегрированности) социальной группы (класса, общества) растет, то падает количество от-

клонений в поведении членов этой группы, и, наоборот, рост числа отклонений в поведении — показатель ослабления интегрированности социальных групп.

В этих условиях неэффективность влияния на индивидуума первичной социальной группы, слабость процесса его социализации (включение человека в систему ценностей и норм поведения, характерных для общества в целом) приводят к усилению воздействия на него стихийно складывающихся групп, противопоставляющих себя общественно признанным нормам и ценностям, снабжающим индивида чувством принадлежности и групповой солидарности, за счет включения его в антисоциальную, преступную активность. Таковы различные преступные группировки, группы потребителей наркотиков и т. д.

§ 3. Конформизм (подчинение группе)

Влияние, которое социальные группы оказывают на поведение индивидов, является не случайным, малосущественным фактором. Оно основано на серьезных социально-психологических предпосылках. В специальном эксперименте американского социолога Соломона Эша¹ ставилась задача выяснить характер влияния группы сверстников на ее члена. Психологом был применен метод подставной группы, который заключался в том, что члены группы (шесть человек обоего пола) давали заведомо неверные ответы на вопросы экспериментатора (о чем экспериментатор заранее с ними договорился). Последний же, седьмой член данной группы, не был осведомлен об этом обстоятельстве и играл роль испытуемого в данном эксперименте.

Вначале вопрос экспериментатора был адресован первым шести членам группы, затем — испытуемому. Вопросы касались относительной длины различных отрезков, которые предлагалось сравнивать между собой. На картинке, показанной членам группы, были изображены три отрезка, причем два отрезка были одинаковой длины, а третий — меньше, чем два других (не намного, но вполне различимо). Участники эксперимента (шесть членов группы) по договоренности с экспери-

¹ См. *Asch S. E. Effects of Group Pressure upon the Modification and Distortion of Judgement // Groups, Leadership and Men 1951.*

ментатором утверждали (вопреки очевидной разнице в длине отрезков), что отрезки равны между собой.

Тем самым испытуемый — седьмой член группы — экспериментально ставился в условия возникновения конфликта между своим восприятием реальности (длины отрезков) и оценкой той же реальности окружающими его лицами, членами его социальной группы. Он ставился перед нелегким выбором. Не подозревая о «сговоре» экспериментатора с его товарищами по группе, с которыми его связывали тесные отношения, он должен был либо опровергнуть мнение группы, фактически выступить против нее, противопоставить себя в такой ситуации всей группе либо не поверить самому себе, своему восприятию того, что он видит, и своей оценке увиденного. Выявилось, что значительный процент «жертв» подобного эксперимента предпочли «не верить глазам своим», но не противопоставлять свое мнение мнению группы.

Подобного рода согласие испытуемого с явно неверными оценками длины отрезков, которые давались при нем другими участниками группы, рассматривалось как критерий подчинения испытуемого группе, подчинения, обозначаемого понятием *конформизм*. *Конформизм есть подчинение индивида мнению большинства, безусловное согласие с позицией окружающих независимо от того, соответствует ли это оценке самого лица; отказ от собственного мнения, принятие позиции социальной группы независимо от соответствия такой позиции своим ощущениям, логике, принятым нормам или морально-этическим стандартам.*

В эксперименте российского психолога А. П. Соникова обследованию подверглись ученики обоего пола в возрасте от 7 до 18 лет. При проведении эксперимента члены группы и испытуемый подбирались из одного класса. Выводы экспериментатора были следующими: а) имеет место явный факт группового давления (оно сказалось на поведении 550 человек); б) все люди в той или иной степени конформны (подчиняются давлению группы); в) конформизм — фундаментальное социально-психологическое явление, не исчезающее, если от него хотят освободиться; г) конформизм в сложных вопросах выше, чем в простых; д) конформность у людей варьируется в зависимости от рода их постоянных занятий; е) с возрастом

конформность уменьшается и становится у данного человека с 15—16 лет постоянной¹

Следовательно, социальная группа, во-первых, является носителем социальных ценностей, в том числе определенных норм поведения, и, во-вторых, служит источником принуждающего влияния, направленного на обеспечение соответствия поведения членов группы указанным нормам

Принуждающее влияние часто (в случаях непосредственного общения) может быть связано с так называемым *эффектом внушения*. Экспериментально доказано, что внушение, направленное на члена коллектива, намного превосходит воздействие на относительно изолированную личность. При внушении коллектива на личность действует не только первоисточник внушения (например, руководитель), но и каждый член группы. Поэтому мнение группы и обладает большей силой, чем мнение его отдельных членов. Несколько человек, объединенных в группу, действуя совместно, коллективно оказывают на соответствующего индивида *гораздо большее воздействие*, чем в случае, когда те же люди пытались бы повлиять на такого индивида, действуя изолированно, по одиночке

Два следующих принципиальных момента предопределяют конформизм как реакцию индивида на влияние группы

1 Нормативное влияние группы подчинение ее нормам, боязнь быть отвергнутым группой, потерять ее поддержку, стремление заслужить одобрение группы, опасение быть изгнанным, стать чужим и т. д. Конформизм повышается с ростом интенсивности внутригрупповых связей

2 Информационное влияние стремление в условиях неочевидности, неясности ситуации положиться на мнение других, обладающих, предположительно, более надежной информацией. Конформизм тем выше, чем сложнее, чем более неоднозначна, неопределенна оцениваемая лицом ситуация

Конформизм и уровень моральной зрелости. То обстоятельство, что конформное поведение не представляет собой наивысшую форму социального поведения, находит свое подтверждение в социально-психологическом эксперименте американского исследователя Л. Колберга²

¹ См. *Соников А. И.* Влияние группы на поведение члена этой группы // XVII Международный психологический конгресс. М., 1966. С. 390

² См. *Kohlberg L.* Stages in the Development of Moral Thought and Action. N. Y., 1969

Экспериментатор предварительно выделил и сформулировал шесть ступеней достижения человеком моральной зрелости:

первая — поведение индивида определяется повиновением и стремлением избежать страданий;

вторая — индивид ориентируется на удовлетворение собственных физических потребностей;

третья — поведение индивида производно от выполняемой им в межличных отношениях роли и связано с желанием заслужить одобрение тех лиц, с кем он связан этими отношениями (конформизм);

четвертая — индивид стремится укрепить власть группы, утвердить групповые правила;

пятая — человек стремится укрепить социальные нормы, общественные обязанности и права личности;

шестая — самая высокая ступень моральной зрелости — индивид руководствуется универсальными принципами совести и социальными идеалами.

Вслед за определением признаков, по которым можно различить указанные уровни моральной зрелости, исследователем при помощи специальной методики были выделены две полярные группы подростков: одна — с самым высоким, другая — с самым низким уровнем моральной зрелости. Затем экспериментатор дал указание каждому из подростков из обеих групп включить электрический ток, якобы «подключенный» к одному из подростков. Из обстановки эксперимента было видно, что удар током должен быть явно болезненным для «подключенного» к проводу подростка — «жертвы» эксперимента. (На самом деле ток не включался и «жертва» была в сговоре с экспериментатором, имитируя острые болевые ощущения.)

Из группы морально зрелых подростков почти две трети (76%) отказались выполнить это указание экспериментатора (причинить боль своему товарищу), т. е. проявили не конформное, но морально ориентированное поведение. Из числа морально незрелых отказались его выполнить только 13% подростков. Иными словами, чем выше моральная зрелость человека, тем ниже степень его конформности. Одновременно экспериментально подтвердилось, что высокая степень конформности личности более присуща индивидам с относительно невысоким уровнем моральной зрелости, и, с другой стороны, с рос-

том уровня морали индивидов уменьшаются элементы конформизма в их поведении.

Степень конформности. Нормы определенной группы представляют собой лишь один из взаимодействующих элементов системы «личность—группа». К числу иных взаимодействующих элементов относится социальная ситуация, в которой находится индивид. Последнее в свою очередь связано с его принадлежностью к той или иной социальной общности, зависит от конкретных характеристик этой общности. Степень конформности в поведении лица в рамках социальной группы зависит от двух основных факторов:

1) основы, которая предопределяет включение индивида в социальную группу;

2) социально-психологического механизма, действующего в группе, который оказывает влияние на поведение ее членов.

В качестве общего принципа можно указать, что чем сильнее у индивида желание *отождествить* себя с социальной группой, тем конформней его поведение, т. е. тем в большей степени его поведение подчиняется нормам, правилам поведения, которые реально воплощены в поведении членов данной группы. Степень конформности поведения зависит также от того, в какой мере такое поведение вознаграждается группой или в какой мере неконформное поведение порицается, наказывается.

В свою очередь реакция социальной группы на отклонения в поведении ее членов от разделяемых этой группой норм зависит как от внутренних (для данной группы), так и от внешних факторов. К числу таких факторов относится степень единства группы, степень единства разделяемых ее членами позиций, взглядов, установок. Важным фактором служит также значение соблюдения той или иной нормы в поведении членов группы для существования самой группы. Группа оказывает тем большее давление в направлении подчинения поведения ее членов определенным нормам, чем большее значение имеют такие нормы для сохранения группы, для защиты ее коллективных интересов. Чем выше степень единства взглядов и позиций членов группы, тем выше вероятность выявления отклоняющегося от нормы поведения и тем чаще вознаграждается конформное поведение.

Различные социальные группы требуют от своих членов различного рода поведения — более конформного или менее подчиняющегося групповым нормам. Так называемые первич-

ные группы (элементарные, начальные группы, из сочетания которых вырастают более сложные социальные образования) — семья, тесная группа постоянно общающихся лиц и т. д. — обычно не удовлетворяются внешним конформизмом, т. е. формальным соблюдением определенных норм поведения.

Для первичных групп, в рамках которых происходит постоянное и интенсивное взаимодействие, характерно стремление обеспечить полное единство мнений, позиций, социально-психологических ценностей. Это не случайно, ибо такого рода максимальный конформизм жизненно важен для функционирования таких групп, а разлад в их деятельности чаще всего начинается с разъединения ценностей, т. е. появления у различных членов такой группы различных оценок, позиций, мнений. Здесь может крыться источник конфликта и появления отклонений в поведении.

Каждая социальная группа обладает определенной дозой терпимости в отношении поведения ее членов, а каждый член такой группы позволяет себе определенную дозу отклонений от норм группы, которые, однако, не подрывают позицию индивида как члена группы, не наносят ущерб его чувству единства с группой. Конфликты же во взаимоотношениях членов группы могут возникнуть именно в силу перехода кем-либо из них границ терпимого отношения.

Деиндивидуализация. Существенным негативным результатом влияния, производимого группой на ее члена, является эффект обезличивания (деиндивидуализации). *Обезличивание проявляется в утрате лицом осознания самого себя как автономной, самостоятельной личности, отказе от самостоятельной оценки своих поступков.* В свою очередь эффект обезличивания произведен от протекающего в группе процесса социального умножения интенсивности поведения индивидов (так, одновременное усилие нескольких лиц, действующих сообща, много выше, чем простое сложение той силы, которую каждый из них проявил бы, действуя в одиночку), а также значительного размывания индивидуальной ответственности («все так делали»).

Суммарным последствием подобных процессов является возможность совершения индивидами в группе поступков, маловероятных или кажущихся невозможными для их совершения теми же индивидами в одиночку. Ясно социальное значение эффекта деиндивидуализации, обезличивания, утраты ин-

дивидом сознания своей автономности, утраты способности действовать «вопреки всем».

Социальное умножение интенсивности поведения связано с экспериментально подтверждаемым феноменом: одновременное совершение совместно осуществляемых действий (либо просто наличие других вовлеченных в данную ситуацию лиц) повышает эмоциональное возбуждение, обеспечивает взаимное заражение настроением, взаимно усиливает устремление к достижению результата. В подобных условиях также утрачивается чувство личной ответственности, что открывает дорогу для актов крайней жестокости, группового вандализма, насилия и иных форм агрессивного поведения. Личность теряет себя, растворяется в групповых эмоциях и чувстве групповой безответственности.

Конформное поведение по приказу. Особой разновидностью конформного поведения является *автоматическое подчинение человека команде лица, обладающего (по мнению такого человека) властным авторитетом*¹. Экспериментально было доказано, что в значительном проценте случаев люди в состоянии причинить боль, страдание, даже посягнуть на жизнь другого, единственно руководствуясь своим представлением о том, что отдающий такой приказ имеет на это право. При этом собственная оценка человеком содержания такого приказа устраняется также, как устраняются и такие сдерживающие мотивы, как чувство жалости, требования морали и т. д.

В эксперименте американского исследователя Милгрэма испытуемым предлагали обучить другое лицо запоминанию списка парных слов. При неверном ответе испытуемым предлагалось подвергнуть такое лицо вначале слабому удару электрическим током. При повторном неверном ответе каждый раз силу удара током предлагалось увеличить. На самом деле электрический ток отсутствовал, «обучаемый» был помощником экспериментатора, и каждый раз он лишь изображал страдания, якобы причиняемые ударом тока.

Шкала силы удара током простиралась от слабого до сильного и очень сильного (от 15 до 450 вольт). «Обучаемый» вначале стонал, затем кричал, требовал прекратить эксперимент, а затем при очень сильном ударе замолкал. Но и это не оста-

¹ См.. Milgram S. Obedience to Authority. Z , 1974

навливало испытуемых. Автоматическое подчинение испытуемых авторитету экспериментатора вплоть до нанесения «обучаемому» удара током напряжением в 450 вольт проявили в эксперименте Милграма 63% испытуемых. При этом сами испытуемые никак не зависели от экспериментатора, в любой момент они могли свободно отказаться от продолжения эксперимента. Подчинение авторитету в подобном эксперименте смоделировало картину конформного преступного поведения, совершения преступления по приказу.

Приложение

Социология в России: социальные общности и группы в урбанизированном обществе

Исследование социальных общностей и групп в урбанизированном обществе становится все более актуальным. Это связано с протекающим в глобальном масштабе процессом урбанизации и появлением в этой связи специфических городских проблем в сфере социальных взаимодействий. Особое значение эта проблематика имеет для России, претерпевшей форсированную урбанизацию в XX в.

Эти проблемы уходят своими корнями в давнее противопоставление природы и культуры в развитии человечества, естественного (природного) и искусственного (созданного руками человека). Речь в данном случае идет о соотношении между постулируемой, предполагаемой естественностью, целостностью, счастьем сельского жителя и тревогами, огорчениями и бедами горожанина; о соотношении между тем, что натурально, соответствует природе, а следовательно, добродетельно, и тем, что искусственно, неестественно, а следовательно, сомнительно и чревато злом.

Как утверждает социобиолог Десмонд Моррис в книге с характерным названием «Людской зоосад», когда давление современной жизни становится особенно тяжким, загнанный городской житель отзывается о своем переполненном мире как о бетонных джунглях. По мнению Морриса, такая характеристика города — не более чем красочная метафора, характеризующая жизнь в густонаселенной городской общине. «Для всякого, кто знаком с реальными, настоящими джунглями, такая характери-

стика крайне неверна, — говорит Д. Моррис, — так как в своем естественном окружении дикие звери никогда не совершают тех нелепых и жестоких поступков по отношению друг к другу, которые встречаются в населенных людьми городах». И действительно, дикие звери не избивают своих детенышей, не уродуют, не мучают друг друга, не совершают с особой жестокостью тяжких убийств, не пытаются друг друга и т. д., т. е. поведение зверей в диких джунглях не совпадает с поведением людей в современных городах.

«Однако, — отмечает Моррис, — и животные могут совершать многие из подобного рода поступков в случае, если их поместить в неестественные, в ненатуральные условия жизни, а именно — запереть в клетках зоосада». Зверь в зоосаде проявляет все те ненормальности, которые нам столь хорошо знакомы на примере наших человеческих компаньонов. Ясно, следовательно, что город — это не бетонные джунгли, город — это людской зоосад, — приходит он к выводу. Расплатой за превращение человека — первобытного охотника, свободно и гармонично обитавшего в натуральных условиях, в пленника современного города и являются, по мнению Морриса, психические отклонения, аномалии поведения, наркомания, алкоголизм и насильственная преступность¹.

На философском уровне эта же идея ранее выдвигалась в форме известного постулата Ж.-Ж. Руссо об утраченном человеком естественном состоянии. Если, следовательно, постулируется гармония в природе и природная гармония в человеке, то его отход от природы в искусственный мир городской цивилизации выглядит как нарушение, дисгармония.

В американской социологии проблема влияния городских условий на возникновение социальных отклонений была подробно исследована представителями чикагской школы криминологии, описавшими механизм передачи преступной субкультуры от поколения к поколению в зонах трущоб больших городов Америки. Преступность же в сельской местности эта школа объясняет, по выражению американского криминолога Ф. Хартунга, как результат «отравления добродетельной деревни распространяющимися миазмами городской преступности»².

¹ См. *Morris D. The Human Zoo*. N. Y., 1969

² *Hartung F. Law and Society*. N. Y., 1966

Следует с большой осторожностью оценивать тенденцию отнесения городских условий к специфически порочным, а сельских — к порождающим добродетель. Реальные социальные структуры и типы социальных взаимодействий, конечно, различны в городе и деревне, различна динамика жизни, но все эти факторы в равной мере влияют на все виды социально значимого поведения. Речь, следовательно, должна идти о выявлении своеобразия социальных условий в городах и об их связи с особенностями городской преступности самими по себе, а не в качестве прискорбной аберрации от исконного сельского стандарта, как отклонение от изначальной, естественной нормы бытия.

Особое значение имеют условия перехода от сельского к городскому окружению, т. е. процесс перестройки взаимодействия индивида с социальной средой, *изменение характера и функций социальных групп*. С переходом из деревни в город в значительной степени и в сравнительно короткий срок меняется социальная среда человека, что ставит его перед необходимостью установить новые взаимодействия с окружающим миром.

Социализирующая, принуждающая к должному поведению роль ближайших групп в городе неизбежно ослабевает. В деревне, где все знают друг друга, уже одно это обстоятельство служит элементом социального контроля. Человек вынужден считаться с этой общей социально-психологической взаимосвязанностью. В условиях города образование такого рода связей просто невозможно, городская жизнь неизбежно более многопланова и в силу этого более анонимна. Возрастает количество и интенсивность взаимодействий, но уменьшается их глубина, отношения поверхностны, специализированны, узко функциональны и в силу этого теряют за пределами данной функции какой бы то ни было обязывающий, т. е. взаимно контролирующий с более широких позиций (морали, этики и даже права), характер.

При переезде из деревни в город старые связи распадаются, новые еще не налажены. Сдерживающее и направляющее влияние, которое социальные группы оказывают на поведение человека, отсутствует или значительно уменьшилось. Прежнее «мы» уже не существует. Новое «мы» еще не сложилось. В такой ситуации роль социальных групп, стабилизирующих отношения между их членами, ослабевает как раз применительно к тем лицам,

которые более всего в нем нуждаются, и именно в то время, когда такая функция социальных групп особенно необходима.

В городе (по сравнению с деревней) резко возрастает количество и разнообразие социальных групп, членом которых становится горожанин. Эти группы изолированы друг от друга. Поведение индивида может резко варьироваться от группы к группе (нормальная семья, уважаемый член спортивного общества и, с другой стороны, он же — организатор мошеннической фирмы, организованной преступной группировки, обкрадывающий тысячи жертв, расправляющийся с конкурентами и т. д.).

Важнейшей социальной особенностью городской структуры является значительное преобладание *достигаемых социальных позиций* (и соответствующих статусов), т. е. такого социального положения, для достижения которого необходимо приложение значительных усилий (получение образования, профессии, приобретение собственности и т. д.), над *предписанными позициями*, т. е. положением, приобретаемым в силу самого нахождения в данной среде. Открывая вследствие этого значительно большие возможности для социального развития и продвижения, городская структура требует значительных усилий для социального продвижения.

Социальные статусы в городе *более рассогласованы*, расположены от низких (в социальной структуре) позиций до весьма высоких, здесь остро переживается неудача в достижении желаемого статуса, что может вести к возникновению состояния *фрустрации*, состояния, возникающего в условиях невозможности достигнуть желаемой цели при (одновременно) невозможности отказаться от этой цели. Фрустрация ведет к аффективным, немотивированным агрессивным актам. Рассогласованность социальных статусов может отражать слишком высокую степень дифференциации в уровне и условиях жизни различных групп городского населения.

Серьезной особенностью внутригородских взаимодействий является их внутренняя противоречивость. Город, основанный на дифференциации экономических, организационных, хозяйственных, управленческих и тому подобных функций, тесно связывает людей потребностью в эффективном и бесперебойном взаимодействии. В городе все зависят друг от друга для поддержания и развития условий городского существования.

Вместе с тем та же дифференциация, предопределяющая функциональную взаимозависимость, расчленяющая взаимодействие по отдельным функциональным связям, ведет к *обезличиванию* таких взаимодействий.

Участник таких взаимодействий видит перед собой не цельную, индивидуализированную, конкретную личность, а лишь ее специализированные стороны, т. е. профессиональные, служебные, деловые и иные инструментальные аспекты соответствующих социальных ролей, из которых складывается социальная структура города. В городе объективно затруднено установление постоянных, глубоких контактов между людьми как таковыми, возникает тенденция к включению их в непродолжительные, функционально предопределенные и ограниченные контакты. Вследствие этого *растет социальная дистанция*, удаленность людей друг от друга, человек видит в другом лишь частный случай, персонализированное воплощение конкретной социальной функции. Зависимость усиливается, близость ослабевает. Функциональность облегчает и обеспечивает социальное взаимодействие, но она же расщепляет личность на социально обусловленные функции. Индивидуальность отступает на второй план, и взаимодействие теряет существенный элемент — психологическую близость и цельность, что затрудняет восприятие участника взаимодействия во всем своеобразии его индивидуальности.

Другим характерным явлением городской жизни является *многообразие форм и стилей жизни* (по сравнению с сельским образом жизни), что в принципе способствует более терпимому (чем в деревне) отношению к различиям в индивидуальности горожан; разнообразию вкусов и нравов, менее ригористичному (жесткому, нетерпимому) отношению к видам поведения, нарушающим традиционные нормы поведения (в том числе и к отклоняющемуся поведению — наркомании, проституции и — на крайнем полюсе — преступности).

Вместе с тем сама многочисленность городского населения, невозможность каждый раз в ходе конкретного взаимодействия вырабатывать индивидуализированный способ оценки человека, ситуации, невозможность определения индивидуализированного метода реагирования на каждый социально значимый акт поведения заставляют прибегать участников взаимодействия к заранее предустановленным образцам, шаблонам таких оценок, т. е. в условиях массового внутригородского взаимодей-

ствия в силу вступают чрезвычайно важные социально-психологические факторы — *социальные стереотипы*.

Стереотипизация (оценка по шаблону) участника социального взаимодействия прямо зависит от социальной дистанции, существующей между этими участниками. Дистанцирование участников взаимодействий и стереотипизация их представлений друг о друге — важная черта массовых внутригородских взаимодействий. Социальная дистанция между людьми измеряется частотой, продолжительностью и глубиной контактов между ними, значимостью, важностью для них этих контактов. Если социальная дистанция минимальна, то представление об участнике взаимодействия всегда индивидуализировано, конкретно, лишено стереотипа. Экспериментально было показано почти полное отсутствие стереотипов при оценке непосредственно воспринимаемого человека. С другой стороны, чем более значительна социальная дистанция, тем в большей степени человек видит в другом лишь частный случай определенной социальной категории.

В большом городе по сравнению с селом неизмеримо возрастает социальная дистанция между людьми, измеряемая частотой и длительностью их контактов. Чем больше дистанция, тем более затруднено установление межличных контактов.

С другой стороны, в указанной ситуации происходит стереотипизация видов и форм социального реагирования на акты, расходящиеся с принятыми нормами, вызывает недифференцированную стереотипную установку в сфере общественного сознания. Стереотипизации общественного сознания в условиях массовых и обезличенных взаимодействий способствует отдаленность, а то и прямой разрыв цепи обратной связи, по которой в сферу общественного сознания поступает информация о результатах конкретной оценки актов поведения. В небольшом поселении близость социальной дистанции между людьми, индивидуализация взаимодействий позволяют индивидуально оценить и любой акт поведения без занесения человека в предустановленный стереотип.

Другой важной проблемой внутригородских взаимодействий является проблема *взаимной идентификации* участников взаимодействия. Первичным, основополагающим условием нормального взаимодействия является возможность для его участников более или менее правильно предвидеть, прогнози-

ровать поведение контрагента в определенных социальных ситуациях и соответственно с этим своим прогнозом строить свое собственное поведение так, чтобы взаимодействие протекало нормально, без конфликтов и срывов.

Для успеха указанного прогноза необходимо применить важный психологический прием: идентифицировать, отождествить до известной степени себя с контрагентом, подставить себя в ситуацию контрагента и именно таким образом предугадать его поведение с тем, чтобы определить и линию собственного поведения. Взаимная идентификация участников социального взаимодействия затрудняется по мере увеличения степени их социальной разнородности, несхожести, возрастания социально обусловленных различий.

Занесение в категорию «чужих», «других» затрудняет взаимную идентификацию и осложняет социальное межличное взаимодействие. Социологическое значение этот феномен приобретает в связи с тем, что, как правило, полная или максимальная идентификация облегчает взаимопонимание. Снижение же уровня идентификации не только затрудняет взаимное прогнозирование поведения участников межличного взаимодействия, но и делает это взаимодействие трудно предсказуемым, неопределенным.

Было бы неверно, однако, сводить городские условия сами по себе к «противоестественным», «деструктивным» и т. д. Урбанизация служит неизбежным руслом цивилизационного процесса. Освобождая человека от патриархальной, традиционной общности, жестко предопределяющей его судьбу и жизненный уклад, социальная организация города создает простор для индивидуального развития, открывает дорогу к созданию не только материальных богатств, но и творческому интеллектуальному развитию, прогрессу науки, техники, искусства, культуры в целом. Сочетание деструктивных и конструктивных функций городского уклада жизни, их пропорция и удельный вес зависят во многом от характера и типа отношений, связывающих индивидов в ходе социальных взаимодействий.

Специфика и особенности протекания процесса урбанизации в России связаны с рядом существенных историко-культурных обстоятельств. При всем различии таких процессов одно обстоятельство остается неизменным: урбанизация разрушает вековую стабильность отношений в рамках социальных групп традиционных обществ; ведет к их разложению и к возникнове-

нию новых, адекватных городским условиям форм групповой солидарности — общностям и ассоциациям. Характер этого процесса и его последствия определяются характером тех социальных групп, с трансформацией которых начинается урбанизация общества.

В свою очередь такого рода социальные образования, служащие исходным пунктом урбанизации, при всем их историческом многообразии могут быть охарактеризованы по центральному признаку, характеризующему их структуру: один класс социальных групп образуется по принципу вертикальной соподчиненности низших его членов высшим (или высшему) членам группы. *Такой тип упорядочения внутригрупповых взаимодействий обозначается как отношение «патрон — клиент»*. Другим типом социальных групп являются группы в которых взаимодействие строится по принципу равенства взаимодействующих субъектов (горизонтальные отношения). *Такой тип упорядочения внутригрупповых взаимодействий обозначается как отношение «партнер—партнер»*.

Исторически первый тип отношений имел наибольшее распространение. «Патриархальное» общество (от лат. *pater* — отец) олицетворяет доминирующую роль в организации соответствующих социальных структур принципа господства и подчинения (вертикальные отношения). Тем не менее параллельно с подобными структурами господства и подчинения существовали (в разных пропорциях) структуры, основанные на взаимодействии равных партнеров (отношения по горизонтали). Конкретно подобные типы социальных организаций воплощались и действовали: первые — в государственной структуре феодального общества, вторые — в его экономическом строе в форме ремесленных, торговых, коммерческих союзов и ассоциаций.

Историческим фактом для России является чрезвычайно слабое развитие социальных структур сотрудничества равных. Пример — новгородская разновидность феодальной республики, «раздавленная» Иваном Грозным. Наличие крепостного права определило надолго характер сельской общины в России. Можно сказать, что это была община равных. Но это было равенство в бесправии и нищете. Здесь выявилось обстоятельство, принципиально важное для характеристики социальных групп, общностей и ассоциаций, а именно: *группа бесправных рабов не может образовать саморазвивающуюся, социально активную и*

социально значимую структурную часть общества. Такая группа не субъект социальных процессов, не участник социальных взаимодействий, а их пассивный объект. Социальные общности, ассоциации, группы, способные осуществлять функцию позитивного развития, решают эту задачу только в том случае, если они служат формой взаимодействия экономически и политически свободных индивидов.

Исторически возникновение подобных индивидов неизменно связывалось (в числе прочего) с развитием городов, где занятие ремеслами, торговлей, коммерцией вело не только к наращиванию общественного богатства, но и к формированию экономически состоятельных и политически (хотя бы относительно) свободных индивидов (экономически свободен тот, кто обладает собственностью или зарабатывает достаточно, чтобы быть свободным). Таков исходный момент, характеризующий членов тех групп, общностей, организаций, которые выступают как влиятельные, активные участники процесса социального развития, и именно городская среда создавала для этого необходимые условия.

Однако степень реализации таких условий зависит от существенного социального фактора, влияющего как на сам процесс возникновения подобных социальных образований, так и на характер их деятельности. Дело в том, что каждый из участников любого социального взаимодействия ставится перед необходимостью выбора одного из двух альтернативных методов, видов построения отношений между участниками такого взаимодействия. Первый исходит из предположения, что, преследуя свои интересы, один контрагент поставит их на первый план, не заботясь о таких же интересах другого участника взаимодействия, и, соответственно, необходимо поступать, игнорируя интересы другого. Второй метод построения взаимодействия исходит из предположения о том, что *один контрагент, преследуя свои интересы, учитывает интересы другого, будучи уверен в том, что и этот другой построит свои действия с учетом интересов самого контрагента.* Первый способ построен на принципе взаимного недоверия. Второй — на принципе обоюдного доверия.

Многовектовой социальной опыт доказывает, что экономическое процветание, успешное социальное развитие достигается по мере расширения в сфере общественных отношений удельного веса социальной активности в форме объединения, кооперации усилий для реализации интересов на основе взаимного доверия. Простой пример: на участке одного фермера урожай созрел,

а у его соседа — еще нет. Если сосед одолжит соседу необходимую технику, а тот, в свою очередь, поможет затем своей техникой первому соседу — оба с урожаем. Если сосед соседу не доверяет, не помогает, у соседа урожай гибнет, но и тот, кто не помог, останется также без помощи, когда созрел его урожай, и также останется без урожая. Если торговец или предприниматель терпит временный ущерб и получает материальную поддержку со стороны другого участника хозяйственного оборота, уверенного, что в аналогичной ситуации и ему будет оказана соответствующая поддержка, — в выигрыше остаются все. В противном случае — все проигрывают. Доверие — продуктивно, недоверие — разрушительно. Отказ в доверии означает отказ от взаимной выгоды. Такова азбука практики конструктивных социальных взаимодействий. Умноженная тысячекратно подобная практика обеспечивает экономическое и социальное развитие общества. Ее отсутствие ведет к застою и стагнации.

Подобные примеры позволяют выделить важный ингредиент социальных взаимодействий, а именно наличие или отсутствие *норм взаимности*. Появление таких норм приводит к важным социальным последствиям. На основе подобных норм возникают те социальные общности, которые способны противостоять атомизирующим, разобщающим тенденциям городского образа жизни, их консолидации, что позволяет таким общностям играть принципиальную роль социального фундамента демократического строя, реализуя цивилизационную функцию процесса урбанизации.

Возникающие в таких условиях *гражданские ассоциации* сплавляют своих членов, стимулируют чувства принадлежности, взаимной солидарности и гражданской вовлеченности. Путем осуществления соответствующих коллективных действий подобные ассоциации выходят на арену большой политики, влияя на государственные структуры и принимаемые ими решения. *Нормы взаимности, структуры гражданской вовлеченности, все те особенности социальной организации, которые способны упрочить эффективность осуществляемых обществом коллективных действий, обозначаются понятием «социальный капитал»¹*. Сутью его является *моральный ресурс*, степень взаимного доверия контрагентов социального взаимодействия.

¹ См.: Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М., 1996.

Категорию «социальный капитал» характеризует ряд важных особенностей. Уровень морального ресурса, как основы социального капитала, тем выше, чем чаще он используется, практикуется (чем чаще оказывается доверие, тем большей надежностью оно характеризуется). Эффективное социальное взаимодействие расширяется. Верно и обратное: неиспользуемый моральный ресурс снижает свой уровень, недоверие возрастает, и чем чаще встречается взаимное недоверие, тем большее распространение оно получает. Круг замыкается, блокируя конструктивные социальные контакты. Социальный капитал, в отличие от капитала финансового, — не частная собственность, а общественное достояние. Недостаток взаимного доверия консервирует экономическую отсталость, лежит у ее истоков. Основа процветающей экономики — надежность и эффективность договоров прямо зависит от создания обстановки взаимного доверия между соответствующими контрагентами.

Создание и поощрение активности структур гражданской вовлеченности в России является необходимым фактором успешного социального развития. Одной из форм подобных структур в условиях города является создание новых территориальных общин городского типа. Такое развитие может быть отмечено, в частности, в Москве. Их целью является вовлечение населения в управление жилым фондом (кондоминиумы, товарищества по управлению жильем), при этом общины берут на себя полную эксплуатацию групп жилых зданий, что значительно расширяет объем предоставляемых коммунальных услуг, повышает безопасность, уровень и качество ремонта и т. д. В результате образуются районы качественного, цивилизованного уровня жилья и территорий. Так возникают, реализуются и крепнут элементы социального капитала в городских условиях России. Только на такой основе возможно создание и успешное функционирование подлинного городского местного самоуправления, а не его бюрократической имитации.

Формы подобного рода социальных групп, ассоциаций, самодетельных организаций могут быть самыми разнообразными. В России заметен рост правозащитных организаций, экологических организаций по защите окружающей среды, по защите потребителей, по противодействию распространению наркотиков и т. д. Но даже и такие формы объединений граждан, как

музыкальные, литературные кружки, для встреч по интересам и другие, формируют и укрепляют умение кооперироваться — основу роста социального капитала.

Функционирование структур гражданской вовлеченности, кроме решения практических задач, ведет к важным общесоциальным последствиям. Принципиально при этом то обстоятельство, что в рамках подобных структур отношения строятся по схеме «партнер — партнер», это отношения равенства и согласованного коллективного действия.

Участие в подобных структурах служит важной школой гражданственности — умению кооперировать действия индивидов, проявлять терпимость к возможным оппонентам и, что самое основное, *обучаться нахождению компромисса при выработке окончательного решения*, а также выработке чувства *ответственности* за их реализацию. С другой стороны, подобного рода активные группы и ассоциации в состоянии оказывать серьезное воздействие и на государственную политику. Таковы внутренняя и внешняя функции структур гражданской вовлеченности.

Без существования самостоятельных, равноправных субъектов социального взаимодействия невозможно создание плюралистического общества. Без согласования различных интересов на основе их взаимного учета, без социального компромисса невозможно построение демократии. Возникновение и рост социального капитала, его составных элементов — доверия, норм взаимности, гражданской вовлеченности — неперемнное условие успешного экономического, социального и политического развития России.

Вопросы для закрепления материала

1. Что характеризует формальную и содержательную структуру социальных групп?
2. В чем различие между первичными и вторичными социальными группами?
3. Чем отличаются формальные социальные группы от неформальных групп?
4. Какова роль референтной группы?
5. Что характеризует психологическую структуру группы и ее неформального лидера?
6. Чем обусловлена поляризация групповой принадлежности?
7. В чем проявляется дезорганизация социальных групп?

8. В чем проявляется объективный характер групповой психологии?
9. Как возникает и от чего зависит конформное поведение?
10. Каковы характерные черты внутригородских взаимодействий?
11. Каковы составные элементы и функции социального капитала?

Литература для дополнительного чтения

Забродин Ю. М. Очерки теории психической регуляции. М., 1997.

Кон И. С. Социология личности. М., 1976.

Майерс Д. Социальная психология. М., 1998.

Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука. М., 1999.

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М., 1996.

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

Романова Е. С., Гребенщиков Л. Р. Механизмы психологической защиты. Генезис, функционирование, диагностика. М., 1996

Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.

Яковлев А. М. Социальная психология и преступность. М., 1971.

Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии. М., 1971.

Глава 8

СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ (ЭТНИЧЕСКИЕ) ОБЩНОСТИ

§ 1. Социально-территориальная общность

Вся разносторонняя и многоплановая деятельность людей, составляющая содержание всех социальных процессов, осуществляется в масштабе определенных территориальных общностей, являющихся в связи с этим важными условиями и формами общественной жизни.

Социально-территориальные общности могут быть определены как совокупность людей, обладающих однотипным отно-

шением к определенной хозяйственно освоенной территории. Основными сущностными признаками подобной общности являются устойчивые экономические, политические, социальные, духовно-нравственные и экономические связи и отношения, выделяющие ее в качестве достаточно самостоятельной системы пространственной организации жизнедеятельности людей. Социально-территориальные общности существовали и существуют в разных исторических условиях. Их появление означало важный этап, по существу качественный скачок, в истории человечества. На это в свое время указал Ф. Энгельс, отметивший, что «старое общество, покоящееся на родовых отношениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; на его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения»¹. Иначе говоря, именно территориальные общности являются основообразующими звеньями любого государства.

Специфические свойства территориальных общностей детерминированы:

- экономическими условиями, в первую очередь исторически сложившимся разделением труда;
- социально-классовой, профессиональной и национальной структурой населения;
- экологическими условиями, оказывающими сущностное влияние на характер трудовой деятельности, организацию быта и многие другие черты образа жизни людей.

В принципе, каждая территориальная общность несет на себе некоторые общие черты, характерные для социального организма в целом.

В общей совокупности территориальных образований исходной являются первичная территориальная общность, которая обладает свойствами целостности и неделимости по функциональному критерию, а ее составные части не могут самостоятельно выполнять специфические функции, которые присущи данной социально-территориальной общности.

Такой исходной территориальной общностью является **регион**.

Между социально-территориальными общностями имеются существенные различия: по уровню развития производительных сил, плотности населения, по характеру хозяйственной дея-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 26

тельности, основанной на той или иной форме собственности, по образу жизни и режиму социального воспроизводства.

Социальное воспроизводство — это процесс эволюции системы социальных связей и отношений, социальной структуры, социальных институтов и организаций, норм, ценностей и поведенческих стандартов.

Основу социального воспроизводства составляет социальное воспроизводство населения, проживающего на определенной территории. Последнее включает в себя такие составляющие, как: демографическая, этническая (национальная), культурная, духовно-правовая, профессиональная¹. В своей совокупности они не только обеспечивают физическое воспроизводство людей, но и воспроизводство определенных социальных качеств, необходимых для участия населения в общественной жизнедеятельности.

Социальное воспроизводство не имеет характера «простого повторения», т. е. и количественно и качественно оно отличается на разных исторических этапах развития общества.

Поэтому термин «расширенное» или «суженное» социальное воспроизводство должен отражать в своем содержании эти обстоятельства.

В реформируемой России в 90-е гг. XX в. в регионах с преимущественно русским населением наблюдался явный спад рождаемости и увеличение смертности населения. Практически во всех российских регионах в это же время проявилось усиление маргинализации населения, получила распространение социальная апатия и различные формы девиантного поведения.

В целом стали более ощутимыми различия в социально-экономическом развитии регионов. Сказалось также увеличение масштабов миграции, осложнившаяся ситуация в ряде областей и районов страны.

Территориальная градация российского общества отражается в определенных пределах в его административно-территориальном делении на республики, края, области, автономную область, автономные округа, города федерального значения, крупные, средние, малые города, поселки городского типа, деревни, аулы, хутора.

Наряду с функциями социального воспроизводства некоторые из социально-территориальных образований выполняют

¹ См. подробнее. Социология. М., 1990. С. 194—195.

социально-политические функции, являясь субъектами федерации. Последние сложились исторически и являются в условиях новой демократической России своеобразным наследием советского прошлого.

В самых общих чертах современное российское государство представляет собой сочетание федеративной организации (главствующий признак) и элементов конфедерации, а также унитарного государства, т. е. «такую организационную структуру, которая отражает масштабы страны, ее многоликость, советское наследие»¹. По Конституции России Федерация состоит из 89 субъектов, в числе которых 21 республика, 49 областей, 6 краев, 10 автономных округов, автономная область и два города федерального значения — Москва и Санкт-Петербург. С весны 2000 г. все эти разнообразные административно-территориальные единицы объединены в 7 федеральных округов. Это нововведение призвано способствовать усилению централизованной государственной власти и делает еще более специфическим российский федерализм. Говоря о его особенностях, А. Г. Здравомыслов отмечает следующие моменты:

а) невозможность прямого заимствования опыта федерального строительства у других государств и народов;

б) отсутствие исторической традиции федеративных отношений как в досоветский, так и в советский периоды;

в) наличие гораздо большего многообразия регионов по сравнению с мерой многообразия, наблюдающейся во всех иных федеративных государствах мира;

г) осложнение федеративных отношений национально-этническими моментами, которые представляют собой важный аспект современной политической реальности.

«Нынешний этап развития российского федерализма, — подчеркивает он, — связан с действующей Конституцией, которая, с одной стороны, провозглашает Российскую Федерацию в качестве Федерального Государства, а с другой стороны, содержит в себе определенные отступления от этого принципа»².

¹ Марченко Г. В. Регион как объект и субъект государственной политики в России // Регион как субъект политики и общественных отношений М., 2000 С. 83.

² Здравомыслов А. Г. Интерпретация государственности в российской политике // Роль государства в развитии общества Россия и международный опыт. М., 1997 С. 63—64.

Эти «отступления» узаконивают, в частности, разностатусность регионов. Более того, составляя в совокупности Российскую Федерацию, регионы (ее субъекты), имея разный статус, оказывают разное влияние на социально-политические процессы в стране, на функционирование самой государственной власти.

Регионы, представленные национальными республиками, являются, в соответствии с Конституцией, суверенными государствами, имеющими свои конституции, свое законодательство, свою государственную атрибутику, в то время как все остальные, являясь также субъектами Федерации, таким статусом не обладают.

Характер отношений между федеральным центром и регионами определяется не только основным законом страны, но и местным законодательством и системой договоров о разделении властных полномочий и предметов ведения. Оптимальное решение этой проблемы обеспечивает как целостность федерального государства, так и достаточную самостоятельность субъектов Федерации в решении вопросов, которые входят в их компетенцию. От того, как разграничены предметы ведения между федеральным центром и субъектами Федерации, зависит эффективность функционирования всего государства.

«Первые шаги становления подлинного федерализма, в частности, перераспределения властных функций из центра в регион, — отмечает А. А. Жириков, — воспринимаются многими как признак ослабления государства, ущемления его суверенитета и даже как угроза территориальной целостности. Для подобных опасений имеются весьма серьезные основания — в ходе политической перестройки многие политики строили свою карьеру именно на сепаратистских лозунгах борьбы с федеральной властью»¹. И это не могло не сказаться на самом принципе становления демократического федерализма и на политической стабильности общества.

В силу некоторых особенностей развития постсоветской России разграничение предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами пошло двумя путями: конституционным и договорным. Заключение в марте 1992 г. Федерального договора положило начало процессу развития именно договорных отношений. Принятие Конституции Российской Федерации

¹ Жириков А. А. Проблемы федерализма // Социология межнациональных отношений / Отв. ред. В. Н. Иванов. М., 1996. С. 122.

не только не остановило этот процесс, но и придало ему новый импульс. Международный опыт свидетельствует о возможном тройном подходе (трех способах) разграничения предметов, находящихся в совместном ведении Федерации и ее субъектов.

Первый состоит в том, что в Конституции перечисляются все вопросы, подлежащие совместному ведению Федерации и ее субъектов. Затем по каждому из данных вопросов подробно определяется круг проблем, находящихся в исключительном ведении Федерации.

Второй подход (способ) заключается в том, что перечисляются вопросы, по которым Федерация определяет общие принципы законодательства, а субъекты Федерации издают законы, конкретизирующие эти принципы.

Третий подход (способ) состоит в распространенной практике, когда по вопросам, находящимся в совместном ведении Федерации и ее субъектов, законодательным органам субъектов Федерации предоставляется право принимать законы лишь в том случае, если по данному вопросу нет федерального закона.

Таким образом, применяемая юридическая форма для решения всех вопросов, касающихся разграничения предметов ведения между Федерацией и ее субъектами, по сути своей одинакова. Ею является Конституция Федерации, а не договор. И эта получившая широкое распространение практика закономерна, так как договор пригоден лишь для регулирования отношений между субъектами, равными по своему статусу, а именно: для регулирования отношений между субъектами гражданского или международного права.

В анализе места и роли договорных отношений в Российской Федерации следует исходить из того, что в России *сложилась Федерация конституционная, а не договорная*. Существующая практика договоров свидетельствует о том, что договора заключаются не между субъектами Федерации и Российской Федерацией как целым, а между органами государственной власти — федеральными и региональными, и при этом исключительно по вопросам разграничения своих полномочий.

Поэтому роль договоров является вспомогательной, и они представляют собой скорее временную вынужденную меру, призванную как-то сгладить имеющее место противоречия между федеральным центром и субъектами Федерации. Сохранить целостность страны, не допуская ущемления интересов

территорий — сложнейшая двуседная задача для современного Российского государства. Ее магистральное решение связано с формированием новой модели федерализма, позволяющей реализовать концептуальные принципы самоопределения народов на основе равноправия всех субъектов Федерации и всех рациональных общностей в каждом регионе России. Оптимальная модель российского федерализма призвана не допустить ущемляющего интересы субъектов Федерации унитаризма, с одной стороны, и превращения России в конгломерат слабо связанных между собой территориальных общностей с другой.

Одной из сложнейших проблем взаимодействия федерального центра с субъектами Федерации явилось соотношение федеральных и местных законов, несоответствие вторых первым и невыполнение федеральных законов на местах.

Властные элиты субъектов Федерации руководствовались в своей деятельности главным образом местными интересами, мало заботясь об интересах государства в целом.

Можно согласиться с характеристикой государственной системы, сформировавшейся на основе действующей Конституции РФ, данной известными политологами Л. Шевцовой и И. Клямкиным. «Во-первых, в ней зафиксировано не согласие различных политических сил относительно принципов общественного устройства, — отмечают они, — а закреплена победа одной из них при отсутствии такого согласия. Отдавая себе в этом отчет и желая избежать дальнейших конфронтаций, победившая сторона вынуждена постоянно и безуспешно искать дополняющие Конституцию консолидирующие процедуры, что лишь выявляет неустойчивость и зыбкость российского конституционного строя. Во-вторых, монархические полномочия, предложенные главе государства Основным законом, в современной России не могут быть реализованы сколь-нибудь последовательно. **Концентрация власти в Центре, ее многосубъектность** (выделено авторами цитаты) на федеральном уровне могла быть оплачена только уступками регионам и предоставлением им права самим выбирать местные органы власти, что характерно лишь для стран с развитыми и глубоко укорененными демократическими традициями. В России же это приводит к тому, что региональные власти сплошь и рядом выходят за пределы конституционного поля, а у наделенного монархическими полномочиями президента нет властных ресурсов, чтобы

этому воспрепятствовать. Таким образом, президентская моно-субъектность, призванная быть гарантом Конституции и обеспечивать ее соблюдение, оказывается не в состоянии это сделать, выявляя и наглядно демонстрируя тем самым суррогатность (и скорее всего временность) всей постсоветской российской государственности»¹.

Выход за пределы конституционного поля представляет наибольшую опасность для судьбы Российской Федерации. Ее нейтрализация предполагает изменения, прежде всего в самой Конституции, принятие соответствующих федеральных законов.

Отсутствие должного контроля за действием региональных властей привело к серьезному ухудшению общей социально-экономической ситуации в стране. Дело дошло до того, что значительные финансовые ресурсы, отправившиеся из федерального бюджета в виде трансфертов и государственных инвестиций, не достигали целевого получателя, а налоги, которые должны были бы поступать в федеральный бюджет, нередко задерживались в границах регионов.

Подобная ситуация создавала предпосылки для усиления сепаратистских и центристских тенденций. Возникла острая необходимость принять специальные меры для сохранения единства и целостности страны, укрепления Российской Федерации и предотвращения ее преобразования в конфедерацию. В их числе такие, как введение института федерального вмешательства в юридическую и политическую практику, позволяющего федеральной власти отстранять от управления представителей региональной власти в случае нарушения ими Конституции и законов страны. (Кстати, подобная норма существует и в Конституции других стран. Так, Конституция ФРГ дает нижней палате парламента — бундестагу — право распускать законодательные собрания земель (ландтаги) в строго определенных законом случаях.)

§ 2. Национальные (этнические) общности

Рассматривая проблему социально-территориальных общностей, следует иметь в виду и такой важный ее аспект, как размещение в их пределах различных национальных (этничес-

¹ Шевцова Л., Клямкин И. Эта высокая и бессильная власть // Независимая газета. 1998. 24 июня. С. 8.

ких) общностей, главными из которых являются нации. Наличие определенной территории является неперенным атрибутом (признаком) нации. На это указывал в частности П. Сорокин. «Не вдаваясь в подробный анализ, — писал он, — можно определить нацию как солидарную, организованную, полузакрытую социально-культурную группу с многочисленными (многофункциональными) связями, которая, по крайней мере, отчасти, сознает свое единство и существование. Эта группа состоит из индивидуалистов, которые 1) являются гражданами одного государства, 2) имеют общий или сходный язык и ряд культурных ценностей, впрочем, и то и другое является результатом прошлой истории их предков и этих людей, и 3) которые занимают общую площадь, рассматриваемую как их территория, на которой жили их предки и на которой живут они»¹.

Наличие своей территории даст возможность сохранить известную самобытность национальной культуры, общение на родном языке, сохранение обычаев и традиций.

Отношения между нациями (этнoсами) весьма подвижны: от многогранного сотрудничества до кровопролитных конфликтов.

В процессе межнационального взаимодействия имеет место «территориальное перемещение» наций (этнических групп), осуществляется фактическая интернационализация населения. Основными факторами, обуславливающими последнюю, являются урбанизация, научно-техническая революция, миграционные процессы.

На характер взаимоотношений наций влияют и те изменения, которые происходят в структуре национальных общностей. Постепенное выравнивание социально-культурного положения различных наций, сближение их социальных структур и статуса, общность территориальных интересов создают необходимые условия и предпосылки для сотрудничества.

Применительно к современной России, находящейся на этапе утверждения рыночных отношений, связанных с конкуренцией, борьбой «всех против всех», явной политизацией этничности следует отметить такую особенность, как возникновение факторов напряженности в межнациональных отношениях. И здесь главную роль играет именно политизация этничности, под ко-

¹ Сорокин П. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. М., 1994. С. 21—22.

торой понимается самоидентификация личности с нацией-государством, использование этничности в политических целях.

«В многонациональном обществе, — отмечает В. А. Тишков, — всегда есть тенденция использовать групповую принадлежность, в том числе этническую, для достижения социальных и политических преимуществ за счет представителей другой национальности»¹.

Политизация этничности играет двоякую роль. В условиях политически стабильного государства она способствует усилению стабильности. В государствах, переживающих кризис, она выступает как дестабилизирующий фактор, влияющий **в первую очередь на национальное самосознание** людей. Именно в национальном самосознании, представляющем определенную систему теоретических взглядов, обыденных представлений, установок и стереотипов, ценностных ориентаций и норм, формируется образ собственного народа и образы других народов, восприятие собственного статуса и своих национальных интересов.

Для исследования природы национального самосознания и его роли в жизни национальной (этнической) группы, принципиально важным является выдвинутое Б. Ф. Поршневым положение о том, что ядром любой формы самосознания (в том числе и национального) является осознание на индивидуальном и коллективном уровнях некой единой общности, сформированной представлением некоего «мы». «Материал не только из истории первобытного общества, но и из истории разных эпох иллюстрирует, что может вовсе отсутствовать сознание «мы» при ясно выраженном, что есть «они». «Они» — это не мы, и, наоборот, «мы» — это не они». Только ощущение, что есть «они», рождает желание самоопределиться по отношению к «ним», обособиться от «них» в качестве «мы»².

Каждая национальная (этническая) общность обладает определенной суммой представлений о своем происхождении, своей исторической судьбе, важнейших событиях в ней и выдающихся деятелях. Причем эти знания и представления подвержены изменениям не только в результате появления новой информации, но и под давлением обстоятельств, политической конъюн-

¹ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 293.

² Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 80—81.

туры и т. д. Новая интерпретация «старых истин» вызывает, как правило, неоднозначную реакцию внутри национальных общностей: поддержку одной части и неприятие другой. В подобной ситуации может происходить некоторое изменение социальной базы формирования национального сознания. Однако с течением времени внутри национальной общности достигается консенсус в оценке тех или иных событий, идей, лидеров.

В структуре национального самосознания следует выделить такой ее важный компонент, как **национальный интерес**. Говоря о его содержании, следует указать на то, что в нем получают отражение как объективные связи и отношения, в которые вступают национальные (этнические) общности друг с другом, так и субъективные представления и побуждения к деятельности (установки, мотивы, ценностные ориентации и т. д.). При рассмотрении вопроса о классификации национальных интересов выделяется, как правило, несколько наиболее важных оснований. Интересы различаются по степени общности (индивидуальные, групповые, общественные), по своей направленности (экономические, политические, духовные); по характеру субъекта, по степени осознанности, по возможности их осуществления.

Национальные интересы, получив соответствующую интерпретацию, становятся программой деятельности национальных движений, партий, организаций, входят в содержание национальной идеологии (национальной идеи). Последняя представляет собой важный (теоретический) уровень национального самосознания.

Национальное самосознание играет определенную роль в консолидации национальных (этнических общностей). Такого рода консолидация не означает обязательного отрицательного противопоставления (а тем более вражды) другим национальным общностям. В стабильно развивающемся политическом социуме формируется, как правило, благоприятная среда межнационального взаимодействия (сотрудничества). В этих условиях осознание своей принадлежности к той или иной национальной общности никак не связано с какой бы то ни было неприязнью к лицам других национальностей. В кризисных ситуациях все складывается по-иному: переживаемые трудности и лишения коррелируются с действиями других национальных общностей, в представителях которых видят если не врагов, то конкурентов.

А политизация этничности становится инструментом борьбы за власть. Национальные элиты, используя недовольство широких масс, вызванное ухудшением экономического положения, стремится направить его в соответствующее русло, придав ему национальную (а нередко и националистическую) окраску. И на этой волне недовольства укрепить свои властные позиции, добиться либо изменения статуса своей национальной группы, либо соответствующих льгот и привилегий у центральной власти.

Следует подчеркнуть роль в межнациональном взаимодействии **исторической памяти**. Любое ухудшение ситуации взаимодействия национальных общностей актуализирует прошлую вражду и прошлые несправедливости, реанимирует отжившие негативные стереотипы и предрассудки. В подобных условиях ставка на «национальную идею», ее усиленная пропаганда способна привести к негативным результатам, стимулировать процесс межнациональной дезинтеграции. Причем, как показывают результаты социологических исследований, давление национальной среды на личность может быть в кризисной ситуации большим, чем социальной (социально-классовой, профессиональной). Более того, возможно обострение противоречия между системой социальных и национальных (этнических) ценностей, доходящее до конфликта. В стремлении его разрешить личность ориентируется главным образом на легитимные политические методы (что не исключает и некоторые другие). При этом преимущество собственно национальных ценностей и ориентаций над социальными объясняется большим постоянством первых и соответственно большей подвижностью вторых. В течение жизненного цикла индивида социальные приоритеты меняются значительно чаще по сравнению с национальными. Индивид в процессе социализации находит для себя новые ценности и ориентиры, его жизненные цели и установки меняются, в то время как в процессе постижения национальных ценностей происходит их более глубокое усвоение, они приобретают более постоянный характер, определяют поведение и жизнедеятельность индивида. «Если членство в одном государстве, принадлежность к одной языковой или территориальной группе, — писал П. Сорокин, — вполне очевидно обуславливают умонастроение, поведение, всю личность ее членов и накладывают на них свой отпечаток, то членство в одной нации обуславливает и формирует характер входящих в нее людей с

еще большей силой и еще более решительно под давлением уз, объединяющих все эти группы с односторонними связями, взятые вместе»¹.

Влияние национальных отношений на все стороны жизни современного общества имеет явную тенденцию к усилению, более того, процесс образования национальных государств на всех континентах продолжается, являясь в известном смысле следствием национальных и националистических движений.

Обострением противоречий между национальными регионами (республиками) и центром, отсутствие действенных способов для их разрешения привели к стихийной консолидации людей по национальному признаку. Именно в национальной группе они увидели средство, способное оказать влияние на государственную систему с целью обеспечения более справедливого распределения общественного богатства и создания возможностей осуществлять власть на основе утверждения и пропаганды национальных ценностей, абсолютизация и гиперболизация которых с неизбежностью приводит к национализму.

Национализм, согласно теории английского ученого Э. Геллнера, — это принцип, требующий, чтобы политические и национальные единицы совпадали². Отсутствие или недостаточная эффективность политико-государственных институтов, обеспечивающих разностороннее развитие нации, порождает националистические настроения и, как следствие, мощные движения протеста.

Для общества, находящегося в состоянии кризиса, такого рода движения представляют огромную опасность. Национальная (этническая) солидарность, приобретая конфликтные черты, становится мощным фактором разъединения людей, живущих в многонациональном государстве, по «национальным квартирам».

Серьезной проблемой, влияющей на межнациональные отношения в регионах, является деление этносов на коренные и некоренные. Хотя эти термины не могут быть определены абсолютно точно, к коренным этносам на уровне обыденного сознания относят те этносы, которые проживают издавна на данной территории. Однако установить достаточно точную гра-

¹ Сорокин П. О русской нации. Россия и Америка: Теория национального вопроса. С. 23.

² См. подробнее. Геллнер Э. Нации и национализм М., 1991.

ницу длительности проживания, дающую право называться «коренным», практически невозможно. Тем не менее под влиянием национальных элит у определенной части так называемых коренных этносов сформировались установки на оправданность определенных привилегий и каких-то дополнительных прав (например, владение и распоряжение природными ресурсами). Претензии на особый статус «коренного» этноса, как показали социологические исследования, разделяются отнюдь не всеми его представителями.

Характерной чертой массового сознания стало в последнее время **распространение императива национальной идеологии**. Поиск адекватной исторической ситуации национальной идеи является одной из причин доминирования национальных ценностей, вытеснивших господствовавшие долгое время идеологические ценности социалистического общества.

Гипертрофирование роли национальной идеологии приводит с неизбежностью к появлению и усилению позиций национализма. Вопрос о корнях национализма в России приобретает в настоящее время особое значение. В недавнем советском прошлом преобладал марксистско-ленинский подход к оценке и роли национального фактора в развитии общества и его переустройства. «Во взглядах самого Маркса, — пишет С. В. Чешко, — нельзя обнаружить прямое или скрытое обоснование национализма. Если в чем его и обвиняют, то именно в нигилистическом отношении к нациям. Поэтому скорее надо рассматривать влияние на политику советского государства марксистского этничества. Однако и при таком подходе, в рамках постмарксизма («после Маркса»), мы едва ли найдем некую идеологическую целостность, которую можно избрать в качестве отправной точки в анализе этого вопроса»¹.

Разумеется, отсутствие «идеологической целостности» отнюдь не говорит о том, что не предпринимались попытки выработать единый подход в этом вопросе. Хотя среди социал-демократов в конце XIX — начале XX в. и существовали разные подходы к решению национального вопроса, после победы социалистической революции в России восторжествовала концепция «пролетарского интернационализма», отводившая национальному подходу второстепенную роль по сравнению с классовым.

¹ Чешко С. В. Распад Советского Союза. М., 2000. С. 197.

Однако в практике национально-государственного строительства большевики отошли от своих собственных постулатов, провозгласив принципы национального самоопределения вплоть до отделения и создания независимых национальных государств. Попытки разделения населения «по национальным квартирам» в ходе государственного строительства отнюдь не способствовали интернациональному единению, и хотя на практике этот принцип при советской власти не был реализован, он оказался «миной замедленного действия». Национальное обособление и противопоставление одной нации другим в полной мере проявилось в годы так называемой перестройки. Политическим элитам удалось навязать националистические идеи широким массам народа, что объективно способствовало развалу Советского Союза и созданию новых национально ориентированных несоциалистических государств. Социалистическая солидарность оказалась вытесненной солидарностью национальной (националистической). Усилившаяся конкуренция по всем линиям в процессе перехода к рыночной экономике усилила психологическое размежевание на «мы» и «они», породила различные формы соперничества и противоборства, стимулируя стремление к доминированию в разных сферах общественной жизнедеятельности.

Следует подчеркнуть, что консолидация на национальной основе (тем более националистической) чаще всего носит конъюнктурный характер и происходит в условиях наличия действительного (или мнимого) внешнего врага. В то же время любая национальная (этническая) общность в силу своей гетерогенности не отличается совпадением интересов всех ее составляющих социальных групп. Эти интересы различны, и как только изменяются условия, эти различия проявляются довольно явно.

Единство интересов любой национальной общности возможно также как состояние, достигнутое под воздействием политических лидеров или средств массовой информации. Однако и то и другое носит временный характер. К тому же нельзя не учитывать узкоэгоистические, корпоративные интересы большинства политиков, изменяющиеся по мере достижения поставленных целей с помощью различных методов, не исключающих популизм и циничное манипулирование общественным мнением.

Отстаивание ими идеологии «национального (этнического) детерминизма»; объявление национальных общностей высши-

ми социальными и гуманистическими ценностями убедительно иллюстрирует это.

Не вызывает сомнения вывод о том, что в нынешних российских условиях национальный вопрос «менее всего является совокупностью противоречий и конфликтов в межэтнических отношениях. Это скорее использование национальной формы в обострении и усугублении всей совокупности социальных противоречий»¹.

На еще одну важную особенность в этой связи указывают исследователи, работающие в области межнациональных отношений. «Своеобразным вариантом идеологизации этностатусных представлений, — отмечает М. В. Савва, — является использование преступными группировками национальной идеи для оправдания своей деятельности. Представители криминальных сообществ нуждаются в позитивной идентичности, причем не только с позиции специфичной криминальной культуры. Для российской действительности характерно использование этнической идентичности в целях «облагородить» преступную деятельность. В первую очередь это относится к терроризму, который в связи с военными действиями в Чеченской Республике оправдывается интересами нации»².

Обращение к национальной идентичности, ее использование проявляется также в образовании преступных группировок по этническому признаку. В этом лидеры преступного мира видят возможность усиления своих позиций в обществе в своем противодействии властям.

Существование преступных групп (также, как и незаконных вооруженных формирований), созданных по национальному признаку, представляет особую опасность для стабильности межнациональных отношений. Их ликвидация является делом первостепенной важности, и в нем объективно заинтересовано большинство в любых этнических группах. Насилию не должно быть места в межнациональных отношениях. Хотя, как показывает опыт, изжить его пока не удастся. Нередко в ходе этнополитических конфликтов стороны прибегают к нему как к наиболее действенному с их точки зрения методу.

¹ Пути решения национального вопроса в современной России М., 1999. С. 197

² Савва М. В. Этнический статус. Конфликтологический анализ социального феномена. Краснодар, 1997. С. 125

И «если в обществе нет механизмов урегулирования отношений между участниками конфликта, он вызывает насилие и эскалацию этого насилия»¹. Создание подобных механизмов — задача безотлагательная, и от ее решения зависит многое в оптимизации межнациональных отношений.

Итак, развитие национальных общностей протекает противоречиво. Наряду с тем что в жизни каждой этнической группы немало общего с другими этническими группами, проживающими на данной территории, каждая из них обладает самобытностью и стремится сохранить свой язык, традиции и культуру. В этом стремлении отнюдь не всегда выбираются адекватные социальным реалиям методы, что способствует возникновению и усилению межнациональной напряженности и даже конфликтов. Но объединенные общностью не только территории и жизненного уклада, но и общностью исторической судьбы национальные (этнические) общности обладают необходимыми объективными и субъективными предпосылками для всестороннего сотрудничества, взаимопомощи и взаимопонимания. Основной, магистральный путь к национальному согласию и эффективному взаимодействию национальных общностей — это утверждение взаимонеисключающей идентичности: общегражданской (россияне) и этнокультурной (русские, татары, башкиры и т. д.). О том, что такая перспектива реальна, свидетельствуют многие социологические исследования, проведенные в 90-е гг. рядом академических научных центров.

Как отмечал выдающийся русский философ И. А. Ильин, «Россия есть не случайное нагромождение территорий и имен, и не искусственно сложенный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению»².

Здоровье и развитие этого «культурно оправдавшегося механизма» зависит во многом от того, насколько плодотворными и прочными будут узы, соединяющие между собой все национальные (этнические) общности. И главным условием их гармоничного взаимодействия и разностороннего сотрудничества является провозглашение и неуклонное следование прин-

¹ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. С. 302.

² Ильин И. О грядущей России. М., 1993. С. 17.

ципу примата общенационального, общероссийского интереса над интересами региональными, местными, корпоративными.

Исторический опыт свидетельствует, что именно такой подход создавал для россиян возможность преодолеть любые трудности и потрясения и находить оптимальные решения сложнейших социально-экономических и политических задач.

Приложение

Социология в России: опыт социологического исследования регионов и межнациональных отношений

В отечественной социологии в разное время изучению проблем социально-территориальных и национальных (этнических) общностей уделялось значительное внимание.

В советские времена исследования в этом направлении были связаны с анализом процессов расселения, изучаемых традиционно этнологией, экономической географией, демографией и социологией. Последняя рассматривала данную проблему в рамках отраслевой социологической теории — социологии регионов. То, что касается изучения национальных общностей, также отпочковалось в относительно самостоятельную отрасль социологического знания — социологию национальных отношений.

Оба эти направления тесно связаны между собой. Однако по охвату исследовательских проблем и методике их изучения имеются определенные отличия. Система расселения обладала более значительной инерционностью и изменялась медленнее под воздействием радикальных преобразований, чем, например, изменения в структуре национальных общностей и характере их взаимодействия.

Значительный импульс в своем развитии социология регионов получила во второй половине 70-х гг. в связи с интенсивными попытками внедрить социальное планирование на разных уровнях общественной организации, в том числе и на уровне регионов. Над этими проблемами усиленно работали в 70-е гг. социологи Москвы, Ленинграда, Уфы, Свердловска и Донска. В это же время была сделана попытка определить предмет социологии регионов. «Региональная социология, — писал А. И. Сухарев, — это научное направление, изучающее закономерности

территориальной организации социальной жизни и планомерного изменения социального облика регионов»¹.

Значительный вклад в разработку этой отрасли социологического знания внесли труды Н. А. Аитова, Б. С. Хорева, М. В. Борщевского, С. В. Успенского, О. И. Шкаратана. Их отличали глубина рассмотрения актуальных проблем не только теории, но и социальной практики, в частности — выравнивание социальных различий в территориальном аспекте.

Перестройка и последовавшие за ней реформы обострили проблему регионов, придав ей в значительно большей мере, чем это было ранее, политический характер. Так называемый «парад суверенитетов», остановленный Федеральным договором 1992 г., не мог не коснуться в той или иной мере всех регионов, а не только национальных республик. Проведенные в 90-е гг. социологические исследования, в частности научным коллективом ИСПИ РАН, позволили выявить наиболее актуальные и важные проблемы взаимодействия федерального центра и регионов. Опрос экспертов, в роли которых выступали работники региональных администраций, ученые, работники СМИ, помог определить направления необходимой оптимизации федеративных отношений, проводимой Центром региональной и национальной политики.

Российские регионы в большинстве своем многонациональные, и ситуация в каждом из них зависит во многом от того, как складываются отношения между различными национальными общностями.

В изучении национальных (этнических) общностей в советское время господствовал взгляд на последние как на нечто исторически преходящее, развивающееся по направлению: от сближения к слиянию. Господствующая в науке и политике концепция социалистического интернационализма исходила из примата классовых интересов над национальными. Национальная самобытность регионов, культурные и языковые различия, традиции и обычаи — все отступило на второй план под давлением партийной идеологии. Основной акцент в исследованиях в этом направлении был сделан на анализ такой категории, как дружба народов, а несколько позже — советский народ как новая историческая общность людей.

¹ Научное управление развитием социальной структуры социалистического общества. Саранск, 1978. С. 29.

Множество исследований было посвящено проблемам идейно-нравственного и культурного сближения наций, их растущему единству. Признавая официально наличие проблем в национальных отношениях, ни политические лидеры, ни ученые не прилагали необходимых усилий для их выявления и решения. На многое закрывали глаза, многое попросту не замечали. И когда под воздействием процесса демократизации в обществе в условиях начавшихся реформ многие проблемы вышли на поверхность общественной жизни, ни политики, ни ученые-обществоведы (социологи в том числе) оказались не готовыми к их решению.

В то время как еще выдающийся русский философ С. Н. Булгаков предупреждал, что «совместное существование многих наций порождает между ними не только чувство солидарности, но и борьбы»¹.

Разумеется, в условиях социального благополучия и стабильности «чувство борьбы» в значительной мере осложнено, носит скорее латентный, чем явный характер, но оно не исчезает полностью. Стремление разными путями изменить свой статус, добиться большей самостоятельности стало весьма характерным явлением в бывших советских республиках уже в конце 80-х гг. Активизировавшиеся в эти годы национальные движения шли под лозунгами национального самоопределения и самостоятельности.

Распад Советского Союза привел к новому обострению межнациональных отношений, к развязыванию жестоких и разрушительных конфликтов как в ряде бывших республик Союза, так и на территории Российской Федерации. Социологические исследования показали в частности, что в условиях демократической России главными причинами, порождавшими рост межнациональной напряженности и конфликтного потенциала, явились ошибки в национальной политике, факты дискриминации по национальному признаку в сферах образования, труда, управления; наличие национальных предрассудков и предубежденности. Массовые опросы населения и опросы экспертов позволили гипотезировать регионы по уровню и характеру межнациональной напряженности, определить иерархию факторов, влияющих на межнациональные отношения.

¹ Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. М., 1992. С. 192

Социологические исследования помогли не только раскрыть сущность внутренних факторов, влияющих на состояние межнациональных отношений, но и определить роль внешних факторов, в первую очередь таких, как положение соотечественников в странах СНГ; практическое решение проблем новой интеграции на постсоветском пространстве; оказание помощи беженцам и вынужденным переселенцам.

Осуществляемое страной движение к рынку неизбежно связано с развитием конкуренции, которая в условиях социального неблагополучия и нестабильности ведет к усилению обособления, отчуждения одной национальной (этнической) общности от другой.

Конечно, народы Российской Федерации заинтересованы не в любых рыночных реформах, а только в тех, которые несут им благоденствие и мир, отвечают их коренным интересам, их представлениям о добре и зле, о справедливости и несправедливости, соответствуют их жизненным целям. Л. Н. Толстой писал, что «люди мирно живут между собой и согласно действуют только тогда, когда они объединены одним и тем же мировоззрением: одинаково понимают цель и назначение своей деятельности»¹.

Нынешняя ситуация в России делает особенно необходимым утверждение нравственных ориентиров и идеалов подлинно демократического, гражданского общества, общества, где человек высшая ценность, где его права, независимо от национальной принадлежности и социального статуса, надежно защищены, где нет места насилию и любым формам социальной и национальной дискриминации.

В поисках эффективной модели межнациональных отношений особое значение приобретает анализ положительного опыта взаимодействия народов в разные исторические эпохи, учет того обстоятельства, что для людей разных национальностей большое объединяющее значение имеет наличие общих ценностей и целей. Последнее является более существенным, чем имеющиеся культурные различия между этносами.

Принципиальную важность имеют выводы, к которым пришла Л. М. Дробижсва в ходе реализации исследовательского проекта «Социальные и культурные дистанции. Опыт многонациональной России». «В установках и ориентации населения по

¹ Толстой Л. Н. Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся в бедственном положении // Слово. 1991. № IX. С. 6

базовым индикаторам развития: отношению к рыночной экономике, ориентации на собственные силы, отношению к многопартийности, свободе средств массовой информации, а также в политических симпатиях и антипатиях у основных контактирующих этнических групп в республиках и населения соседних областей *сходные позиции*»¹ (курсив наш. — В. И.). Сходство позиций такого рода создаст необходимые предпосылки для успешного решения возникающих проблем на основе консенсуса, исключает (или делает маловероятными) любые конфликты на национальной почве.

Сохранение и упрочнение межнационального согласия в Российской Федерации прямо зависит от проводимой государством социальной политики. Принятая в 1996 г. Государственная концепция национальной политики исходит из принципа национально-культурного плюрализма и федерализма как фундаментальных способов решения проблем национальных отношений, должна постоянно уточняться и конкретизироваться в соответствии с происходящими в обществе изменениями и региональными особенностями в складывающейся ситуации. Регулярно проводимые социологические исследования проблем межнационального взаимодействия способны быть надежным источником достоверной информации, на основе которой могут быть приняты необходимые государственные решения.

Не преодолев разного рода негативные тенденции, российский федерализм лишается перспектив в своем развитии.

Необходимая система мер в этом направлении может быть достаточно эффективной, если она будет учитывать природу и характер сепаратистских тенденций и отношение к ним массового сознания. Как показали результаты социологических исследований, проведенных ИСПИ РАН во второй половине 90-х гг. в ряде российских регионов, идеи обособления (суверенитета) своих регионов поддерживают от 25 до 40% опрошенных, разделяющих, в частности, суждение о том, что «каждый народ, проживающий на территории Российской Федерации, должен иметь свою государственность»². Причем наибольшее число подобных ответов пришлось на

¹ Социальные и культурные дистанции. Опыт многонациональной России / Отв ред Л. М. Дробижева. М., 1998. С. 367—368.

² Россия. Социальная ситуация и межнациональные отношения в регионах. М., 1996. С. 169, Россия. центр и регионы. Вып. 1. 1997. С. 82.

представителей титульных наций в национальных республиках. К ним же принадлежит и наибольшее число тех, кто считает, что субъекты Федерации должны иметь право выхода из нее.

Разумеется, есть достаточно оснований полагать, что отнюдь не все, заявляющие о подобных правах, действительно хотят их последовательного осуществления. Заявления о «правах на выход» — это скорее всего свособразный инструмент давления на федеральный центр, способ получения определенных уступок и льгот.

Желание добиться большей самостоятельности, большей обособленности от центра нередко бывает продиктовано распространёнными в массовом сознании представлениями о непропорционально большом вкладе собственного региона в федеральную экономику. В частности, те же социологические исследования показали, что в массовом сознании укоренилось представление о том, что их регион дает стране больше, чем другие, а получает меньше; что центр мешает регионам в полной мере использовать экономико-географическое положение и т. п. К тому же региональные элиты обособление от центра связывают с повышением собственного статуса, а приватизировав местную собственность, они начинают опасаться возможных изменений, передела ее под давлением центра.

Прямо или косвенно сепаратистские тенденции получают иногда соответствующую поддержку от руководителей федерального уровня, «заинтересованных в том, чтобы передать на места не только рычаги управления, но и ответственность, отвлечь население регионов от общенациональных проблем, подогреть внутрирегиональное соперничество и тем самым ослабить давление на Центр. Иногда в разжигании сепаратизма бывают заинтересованы и другие силы: этнические кланы, дельцы теневой экономики. Идси сецессии поддерживают амбициозные представители творческой интеллигенции. Активно участвует в сепаратистских выступлениях молодежь, которой легко манипулировать из-за ее эмоциональности и недостатка социального опыта»¹.

В целом характер реально складывающихся отношений между федеральным центром и регионами зависит как от проводимой им политики, так и от политического поведения региональных лидеров и, главное, от ситуации внутри каждого региона.

¹ Ханкин С. Сепаратизм в России — позади или впереди? Pro et Contra. М., 1997 С 13—16.

Исследователи данной проблематики пришли к выводу, что «происходящая в настоящее время трансформация социально-экономических отношений привела к значительным и вместе с тем противоречивым изменениям в регионах России. Сложность и неоднозначность процессов реализации реформ на местах, проявление таких негативных тенденций, как нарушение пространственных связей, нарастание центробежных сил и явлений сепаратизма и т. п., обусловили усиление различий и в характере протекания самих преобразований. И в их социальных различиях для конкретных территорий»¹.

Естественно, что усиление различий в характере осуществления реформ в регионах находит в той или иной форме свое отражение в политических заявлениях региональных лидеров и в их требованиях и претензиях, предъявляемых к центру. При этом нередко используются фактическое несовершенство федерального устройства страны, фактическое всевластие губернаторов (глав администраций), способности контрольных функций центральной власти, отсутствие общих для всех субъектов Федерации «правил игры».

Накопившиеся проблемы в развитии социально-территориальных общностей на уровне регионов, необходимость оптимизации их отношений с центром делают актуальным определение наиболее эффективной модели федерального устройства, его конституционно-правовой базы.

Очевидно, что реальные изменения в этом направлении возможны только на основе соответствующей реформы административно-территориального устройства страны. В ее содержание должны быть включены конкретные меры по обеспечению реального равноправия субъектов Федерации; приведение местного законодательства в соответствие с федеральным; уточнение механизмов разграничения предметов ведения и полномочий между центром и регионами, введение института федерального вмешательства в управление регионами.

Как показали результаты многочисленных экспертных опросов, особую сложность представляет решение вопроса об этапах и времени проведения подобной реформы. В условиях кризисного развития российского общества проведение любых

¹ Территориальная общность в изменяющемся обществе // Социальная траектория реформируемой России. Новосибирск, 1999. С. 499.

реформ таит в себе опасность дестабилизации общей ситуации в стране и возможное усиление дезинтеграционных процессов, что требует особой тщательности и научной обоснованности любых конкретных мер в этом направлении.

Вопросы для закрепления материала

1. В чем сущность социально-территориальных общностей?
2. Какую роль в общественной жизни России играют регионы?
3. Что характеризует взаимодействие Центра и регионов в условиях реформ?
4. Каковы перспективы Российской Федерации?
5. Сущностные признаки нации.
6. Характер межнациональных отношений.
7. Причины межнациональной напряженности.
8. Пути оптимизации межнациональных отношений.

Литература для дополнительного чтения

- Аитов Н. А.* Отношения по расселению. Свердловск, 1987.
- Арипин А. Н.* Российский федерализм: Истоки, проблемы и перспективы развития. М., 1999.
- Жириков А. А.* Этнические факторы политической стабильности. М., 1995.
- Ильин И. А.* О грядущей России. М., 1993.
- Каххаров А. Г.* Социология регионов. М., 1996.
- Козин Г. А.* Нация в истории и современности. М., 1996.
- Лексин В. Н., Швецов А. Н.* Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 1997.
- Марченко А. П.* Социальная модернизация в современной России. М., 2000.
- Межрасовые и межрегиональные отношения в Европе и Америке XIX—XX вв. / Отв. ред. *Р. Ф. Иванов*. М., 1996.
- Россия: Социальная ситуация и межнациональные отношения в регионах (по итогам социологических исследований) / Авт.-сост. *В. Н. Иванов, И. В. Ладодо, Г. Ю. Семигин*. М., 1996.
- Россия: Центр и регионы / Под общ. ред. *М. И. Гуцириева, В. Н. Иванова*. 1997. Вып. 1.

Сорокин П. О русской нации. Россия и Америка: Теория национального вопроса. М., 1994.

Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 1998.

Хорев Б. С. Территориальная организация общества. М., 1981.

Чешко С. В. Распад Советского Союза. М., 2000.

Глава 9

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

§ 1. Сущность социальной стратификации

О развитии идей стратификации. Рождение представлений о социальной стратификации связано с развитием идей о социальной структуре. Структурный подход к обществу разрабатывали многие социологи второй половины XIX — начала XX в., начиная с О. Конта, К. Маркса, Г. Спенсера и кончая Э. Дюркгеймом и Т. Парсонсом. В рамках представлений о социальной структуре и социальных функциях появилось понимание того, что все отношения в обществе — будь то отношения между системами и общностями разных типов или взаимодействия между социальными группами и конкретными людьми — размещены в системах разного ранга. Такие устойчивые типы и модели институциональных связей, конкретного поведения людей придают обществу стабильность.

В отечественной социологии еще П. Сорокин в период своей жизни в России и в первые годы пребывания за границей (20-е гг.) систематизировал и углубил целый ряд понятий, которые позже приобрели ключевую роль в теории стратификации («социальная мобильность», «одномерная» и «многомерная стратификация» и др.). В развитие теории социальной стратификации внесли вклад многие представители разных течений западной социальной мысли. Теория вобрала в себя идеи М. Вебера о классах в индустриальном обществе. В ее рамках получила развитие структурно-аналитическая традиция, к чему оказался причастен некоторыми работами Т. Парсонс. Ряд авторов (Р. Дарендорф, Р. Коллинз) привнесли в нее идеи со-

циального конфликта. Наконец, важной вехой в становлении теории социальной стратификации в 40-х гг. явилась многолетняя дискуссия, которую стимулировали работы американских исследователей К. Дэвиса и У. Мура¹.

Тот факт, что в разработке теории стратификации немалую роль сыграли американские ученые, нельзя считать случайным явлением. Именно в американском обществе проявились те качества социальной организации, которые особо отмечались на первоначальном этапе становления теории: смягчение классовых различий, большой удельный вес в стратификационных процессах ранжированного социального вознаграждения, личностных достоинств и т. п. Вместе с тем стратификационная методология, углубленная американскими социологами, оказалась достаточно эффективной. Ее не раз использовали в изучении обществ с иным типом культуры и другими разновидностями социальной структуры, включая общества, осуществлявшие переход от традиционных форм социальной организации к современным, модернизированным. Теория стратификации позволяет в немалой степени понять целый ряд аспектов в исторической динамике российского общества, о чем сказано ниже.

Социальная стратификация и социальная дифференциация.

Под *социальной стратификацией* понимается наличие в том или ином обществе множества социальных образований, представители которых различаются между собой неравным объемом власти и материального богатства, прав и обязанностей, привилегий и престижа. В таком иерархически выстроенном распределении социокультурных благ выражается сущность социального расслоения, посредством которого в любой социальной системе возникает возможность стимулировать одни виды деятельности и взаимодействия, терпимо относиться к другим и подавлять третьи.

Тем самым социальное расслоение отличается от *социальной дифференциации*. Понятие «социальная дифференциация» более широкое по объему и подразумевает любые социальные различия, в том числе не связанные с неравенством, со стимулированием (или, наоборот, репрессией) разных форм деятельности. Например, любителей рыбной ловли можно выделить в группу людей, которые определенным образом прово-

¹ См.: Дэвис К., Мур У. Е. Некоторые принципы стратификации // Структурно-функциональный анализ в современной социологии М., 1968

дят свое свободное время. Это занятие выступает дифференцирующим качеством, которое в лучшем случае позволяет рыбакам объединиться в любительское общество, но оно, как правило, остается нейтральным по отношению к ведущим процессам расслоения. В некоторых случаях оно может характеризовать использование свободного времени определенных групп и слоев, что связано с расслоением весьма косвенным образом. Иное дело профессиональная принадлежность людей к рыболовству как к виду хозяйственной деятельности общества. В этом случае речь идет о профессиональном занятии, которое свидетельствует о включенности работников в систему общественного разделения труда, о конкретном их положении в иерархии социальных статусов.

Основания социальной стратификации. Выдвигая постулат неравных доходов, социальных возможностей и престижа, лежащих в основе социального расслоения, сторонники теории стратификации опираются на непосредственные наблюдения и на анализ исторического материала: где бы ни возникала социальная среда, она всегда оказывалась определенным образом организованной, т. е. одни люди и группы выступают в качестве лидеров, другие — исполнителей; в ней есть более, а есть менее уважаемые члены сообщества; в зависимости от статуса распределяются привилегии и награды, права и обязанности. Без такой иерархизированной шкалы отношений невозможно эффективное взаимодействие, нерезультативен любой вид деятельности.

Указанная всеобщность позволяет рассмотреть факторы и основания, на которых базируются процессы социальной стратификации. Естественная основа этих процессов — *социальные связи людей*, т. е. в данном случае речь идет о спонтанно самоорганизующейся, системно-функциональной целесообразности, в соответствии с которой в любом обществе выстраивается иерархия статусов, ролей, норм. Стратифицированный характер взаимодействия людей позволяет поддерживать социум в упорядоченном состоянии и тем самым сохранять его целостность и границы. Данное основание позволяет выделить в процессах расслоения экономические, государственные, политические и другие структурные единицы (классы, профессиональные группы, социальные институты и др.); анализировать их характеристики (нормы деятельности, роли, социальные статусы), а также их взаимосвязи и взаимоотношения, кото-

рые различаются между собой по уровню устойчивости структурной сложности.

Существует *ценностно-символическая основа* стратификации. Она связана с осмыслением социальных норм, с наделением социальных ролей тем или иным оценочным содержанием и инструментально-смысловым значением. Любая комбинация ролей, статусов и норм обретает в обществе или группе прочность только в том случае, если она оправдана и позитивно обозначена в представлениях подавляющего большинства членов. Рационально-психологическая легитимизация разных ценностных шкал позволяет людям легко ориентироваться в системе ролей и статусов, согласовывать их с собственными потребностями, выстраивая свои действия с расчетом на определенный результат. Этот уровень анализа нацелен на изучение ценностных предпочтений, символов разных социальных слоев.

Следующее основание стратификации, связанное с понятием *меры*, — это границы, в которых происходит упорядочение социальных связей и ценностных представлений. Речь идет о системе мотиваций, поощряющих одни действия и отношения, и о системе запретов, предупреждающих другие. Таким образом, мотивационно-репрессирующие основания как бы задают пределы, в которых развиваются целесообразные (для данного общества в данных условиях) формы организации и отсекаются разрушительные. Природу и значение мотиваций, наказания легче подвергнуть анализу в период резкой смены стратификационных моделей (войн, революций, реформ и т. п.), когда прежняя мотивационная система может быстро разрушаться, а новая еще не закреплена. На этом фоне, как правило, ослабляется институционально-репрессивный контроль, но обнажаются и усиливаются базисные, первичные типы связей и норм (кровнородственные, этнические, территориально-соседские); в этих условиях также оживают криминальные мотивы и стимулы достижения выгодного статусного положения. Подобная ситуация позволяет без труда вычленив разные типы мотиваций, которые в устойчиво-эволюционные периоды социального развития не выступают столь отчетливо.

В анализе стратификации развитого общества не всегда в полной мере учитываются *биоприродные* и *антропологические* основания. Между тем мало у кого из исследователей вызывает возражение сам факт преемственности функционально-исправ-

хического характера социальной организации от природной среды и животного мира. Биологические приспособительские свойства и адаптационные механизмы живой материи достаточно убедительно демонстрируют разные сообщества растительного и животного мира: явления паразитизма и «сотрудничества», доминирования и подавления у растений и животных; выделение строго разграниченных по функциям и по иерархическому положению групп в мире общественных насекомых и птиц, стадных млекопитающих и т. п.

Многие антропологи на примере досовременных и небольших сообществ проследили положительную связь между: во-первых, территорией и природной средой; во-вторых, удовлетворением изначальных (первичных) потребностей человека и, в-третьих, формами взаимодействия, ценностно-стимулирующими системами. В ряде работ прослеживается также изменение социальной структуры в обществах, находящихся в состоянии перехода от общества традиционного к модернизированному. Исследователи, например, выявили, что ранговые дифференциации напрямую могут быть связаны с размером популяции. Следовательно, можно говорить о влиянии, которое оказывает демографический фактор на стратификацию. Большое воздействие на стратификационные процессы приобретают и такие антропологические качества людей, как пол, физические, психологические способности, а также признаки, осваиваемые с первых дней жизни, — семейно-родственные связи, этнонациональные стереотипы и др.

Социальные функции и характер процессов социальной стратификации. Из всего сказанного вытекает, что процессы слоеобразования в длительной перспективе выполняют функции по организации и перераспределению антропологической, социальной энергии, а также культурных ресурсов общества. Подобные процессы позволяют сопрягать достаточно разноплановые взаимозависимости общества и внешней среды; ответ общества на изменение внешних условий; действие внутренних факторов, ограничения, налагаемые на общество собственным предыдущим опытом (традициями, укорененными нормами, базисными духовными ценностями). Таким образом, процессы слоеобразования выполняют в социальном движении важную регулятивно-организующую роль, помогая обществу на каждом новом этапе приспособляться к меняющимся условиям. *Тем самым через механизмы стратификации общество развивает*

новые формы социального взаимодействия, которые позволяют ему отзываться на требования времени и вместе с тем сохранять свою социальную и культурную идентичность.

Говоря о фундаментальном характере процессов социальной стратификации, следует учитывать разнообразные исторические, культурно-цивилизационные и государственные формы их проявления. Так, если иметь в виду Новое время, то процессы стратификации в странах западноевропейской культуры отличались от процессов в странах Востока по таким параметрам, как динамика и поляризация стратификационных процессов, их классовообразующая компонента, содержание и членение ценностно-статусных шкал и др. В странах Запада стратификационные различия — классовые противостояния, национальные столкновения, религиозные войны — нередко принимали остро конфронтационный характер.

Вместе с тем и традиционные общества, и тем более общества современного типа вырабатывали немало защитных мер, которые должны были смягчать статусно-ролевые конфликты и напряжения. Распространенные меры в этом направлении сводятся к правовому регулированию отношений между представителями разных каст, сословий, классов и слоев; к перераспределению средств от наиболее обеспеченных слоев в пользу бедных; к социальной защите и правовым гарантиям уязвимых слоев (детей, престарелых, инвалидов); к развитию института социального попечительства, индивидуальных пожертвований и личного милосердия по отношению к бедным и немощным людям. Указанные тенденции *дестратификации*, которые стимулируются чаще всего государственными или муниципальными структурами, все же не в состоянии уничтожить целостные стратификационные механизмы социальной организации. Следует лишь учитывать, что механизмы стратификации проявляются в разных странах в различных формах и с неодинаковой степенью остроты и интенсивности.

§ 2. Основные понятия стратификационного анализа

Социальный класс, социальный слой, социальная группа. Говоря об элементах социальной стратификации, используют такие единицы анализа, как «класс», «социальный слой», «со-

циальная группа», обозначающие различные социальные общности. Включение людей в ту или иную общность определяется прежде всего формой их социального взаимодействия, позволяющей рассматривать их как единое целое, а также местом, или социальными позициями, которые они занимают в социальном пространстве.

Социальный класс — крупная таксономическая единица социального членения. Это понятие родилось задолго до появления стратификационной теории. Оно прочно вошло в научный аппарат социальных мыслителей Западной Европы в Новейшее время. До этого о единицах социальной структуры говорили, опираясь на сословные представления, используя названия конкретных социальных или общественных групп, представителей тех или иных профессий и др. Вместе с тем уже у античных мыслителей, прежде всего у Платона, можно встретить рассуждения, например, о богатых и бедных.

В XVIII—XIX вв понятие «социальный класс» наиболее интенсивно разрабатывалось учеными Англии и Франции. Рассматривались такие антагонистические социальные общности, как собственники—несобственники, рабочие—капиталисты, богатые—бедные и др. Однако разные авторы по-разному определяли понятие «класс». П. Сорокин, давая уже в первой трети XX в. обзор взглядов на это понятие разных авторов в разные периоды истории, был вынужден констатировать, что «класс либо ускользал и ускользает из пальцев своих теоретиков, либо, будучи пойман, превращается в нечто столь неопределенное и неясное, что становится невозможным отличить его от ряда других кумулятивных групп, либо, наконец, сливается с одной из элементарных группировок»¹.

Наиболее активно категория «класс» используется в марксизме. Однако ни у К. Маркса, ни у Ф. Энгельса нет четкого определения этой категории. В их трактовке «класса» нередко переплетаются экономические, политические и философские аспекты содержания. В «Манифесте Коммунистической партии» написано: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетенный находились в вечном антагонизме друг к другу»². В целом из работ Маркса сле-

¹ Сорокин П. А. Система социологии. Л., 1929. С. 283.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 425.

дует, что важнейшим признаком класса он считает место в системе общественных отношений, в производстве, а существенным проявлением классовых отношений — эксплуатацию одного класса другим.

Позже, в 1919 г., В. И. Ленин дал достаточно определенную формулировку классов, которая широко использовалась в марксистской теории XX в.: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда и, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»¹.

В целом в XX в. неоднократно предпринимались попытки дать более конкретное понимание социального класса, приводя его в соответствие с реалиями капиталистического общества этого периода. Так, М. Вебер, в отличие от К. Маркса, отказался от философской интерпретации понятия «класс», акцентировав внимание на его экономическом содержании. Базовым регулятором классовых отношений, по Веберу, является собственность — ее наличие или отсутствие; но между полярными классами собственников и рабочим классом Вебер обнаружил так называемый средний класс².

По Р. Дарендорфу, классовая структура производна от структуры власти, и категория класса определяется через отношения власти³. Э. Гидденс ключевым в своих рассуждениях о классе сделал понятие «рынок», который он считал не только системой экономических отношений, полем деятельности класса собственников, рабочего класса, среднего класса, но и фундаментом системы власти. У Гидденса понятие стратификации выступает общим, в то время как понятие «класс» является частным проявлением стратификации. Обобщая использование

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

² См. Вебер М. Класс, статус и партия // Социальная стратификация М., 1992. Вып. 1.

³ См.. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society L., 1969

понятия «класс» в практике новейших социологических и социально-антропологических исследований, Гидденс ранжирует разные классы («высший класс», «средний класс», «низший класс»). По существу, такими ранжированными классами у него выступают определенные социальные группы, которые в этом качестве уже далеко стоят от понятия класса, которое использовалось в XIX в.¹

Несмотря на различия в подходах к определению понятия социального класса в западной социологии и политологии XX в., в них можно усмотреть общие черты. Главными признаками выделения класса у немарксистских теоретиков служат: отношение людей к средствам производства, характер присвоения благ в условиях рыночных отношений. На этой основе выделяют высший класс (собственники экономических ресурсов общества), низший класс (промышленные наемные рабочие, низкоквалифицированные работники) и средний класс или средние классы, которые поначалу представляли в виде достаточно аморфной общности работников, не включаемых ни в верхний, ни в низший классы. Однако во второй половине XX в. эта аморфная общность численно возросла настолько, что превысила два указанных класса. Внутри этой общности начала четко просматриваться иерархия достаточно дифференцированных групп («белые воротнички», «синие воротнички», представители свободных профессий и др.). Некоторые социологи вычленяют четвертый класс — крестьянство; однако другие оспаривают правомерность такого вычленения, усматривая в современном крестьянине представителя средних классов.

В целом понятие класса продолжает выступать в современной социальной теории важной аналитической единицей анализа. Вместе с тем следует подчеркнуть, что эта единица достаточно крупного масштаба; ее использование связано с изучением наиболее существенных изменений в обществе; она не рассчитана на исследование не столь глобальных перемен. Потребность в более конкретной и гибкой единице анализа стратификации привело к рождению понятия «страта» (лат. *strata* — настил, слой, совр.: геологический пласт), «слой».

Страта включает в себя множество людей с каким-то общим статусным признаком своего положения, чувствующих себя

¹ См. Giddens A. Sociology Oxford, 1991. P. 205—241.

связанными друг с другом этой общностью. В качестве общего признака, позволяющего объединять людей в страты, могут выступать различные по характеру признаки — производственные, экономические, политические, социально-демографические, культурные и др. Таким образом, исследователь получает возможность анализировать население по самым разным — важным, второстепенным и даже малозначачим — критериям. В результате люди, принадлежащие к разным классам, могут оказаться в одной страте, выделенной, например, по признаку образования или по должностным характеристикам.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что основанием для выделения страты выступает не любой признак, а лишь статусный, т. е. такой, который объективно приобретает в данном обществе ранговый характер «выше—ниже», «лучше—хуже», «престижно—непрестижно» и т. п. Целый ряд признаков может быть положен в основу выделения лишь дифференцированных, но не статусных групп. Например, любители народной музыки или болельщики футбольной команды чаще всего рассматриваются как представители определенной культурной группы безотносительно к статусному ее аспекту. Однако если членство в культурной группе жестко коррелирует с определенным уровнем доходов или с социальной позицией, приобретающей в обществе значимый характер, то и рассматривать членство в группе следует как одно из проявлений стратификационного деления.

В обществе есть немало социальных групп, которые к стратификации не имеют отношения. Такие группы можно, например, выделить по культурным, социально-психологическим, медицинским или другим признакам. Во многих случаях группа может рассматриваться как вне, так и внутри стратификационных процессов — аналитический ракурс задается целями и задачами исследования. Так, семья — типичный пример малой социальной группы, которая сама по себе не может выступать единицей стратификационных процессов и механизмов. Однако группировка семей по ряду стратификационных признаков помогает выделять на этом основании определенные слои. В качестве слоев могут выступать, например, совокупные представители высокодоходных (или малодоходных) семей.

Значение понятия «статус». Статусное положение той или иной группы невозможно понять лишь на основе формальных

признаков или количественных переменных. Множество характеристик слоя проходят через личностное и групповое освоение (люди идентифицируют себя с ними, добиваются их), детерминируются социальными нормами и поддерживаются общим консенсусом. Поэтому необходимо проведение полевого исследования, в ходе которого и определится состав, границы, качественные характеристики того или иного слоя.

Категория «статус» приобретает в исследовании стратификации ключевое значение. Статус указывает на то, что в существовании страт большую роль играют оценочные факторы: линия поведения человека или многочисленных групп людей в той или иной ситуации, их отношение к чему-либо; установки, основанные на критериях, помогающих ранжировать окружающих. Однако далеко не всегда для самого оценивающего очевидны те критерии, согласно которым он ранжирует людей «выше» или «ниже», выбирает разные эталоны поведения. Процесс ранжирования основывается как на рационально-рассудочных операциях (принимается во внимание, например, должность оцениваемого, фирма, в которой он работает), так и на спонтанных реакциях (целостное восприятие другого человека, интегративная оценка какой-либо функциональной роли). В том и другом случаях происходит понимание значимости предмета оценки, т. е. оценивающий включен в культурный контекст, он глубоко освоил его стандарты и способен дать адекватную оценку тому или иному лицу, явлению.

Говоря об адекватной оценке, следует иметь в виду, что речь идет не об абсолютной, а об относительной адекватности. В обществе всегда сформированы разные ценностные критерии; человек же, оценивая что-то или кого-то, руководствуется сложным конгломератом разнообразных ценностных шкал, собственных интересов и жизненных целей. Да и сам он в конкретных условиях может ошибиться в оценке, а позже от нее отказаться. Задача исследователя — выявить важнейшие тенденции, определяющие порой запутанный диапазон статусных позиций в стратификационных процессах. В решении этой задачи немалую важность приобретает разработка инструментария для съема подобной эмпирической информации и, в частности, процедура ранжирования статусных оценок и позиций, существующих в разных социальных группах, в обществе в целом.

Таким образом, страты в отличие от класса формируются не по чисто экономическим или производственно-профессиональным признакам, которые относительно легко идентифицировать и измерять; выделяя страты, исследователь должен учитывать признаки, связанные с культурно-психологической оценкой (нормы, ценности, представления, образцы поведения и навыки), которые реализуются в индивидуальном поведении и сознании и вместе с тем приобретают ярко выраженный интерсубъективный характер. В силу этого социальное расслоение точнее называть социокультурным расслоением, так как социальные и культурные аспекты в нем тесно переплетены. Подчеркнем, что культурную доминанту стратификации гораздо труднее вычлениить, нежели социальную, ее сложнее квантифицировать и подвергнуть сравнению в ходе социологического исследования.

Следует иметь в виду еще одно различие при определении класса и страты. Обобщая это различие, можно сказать, что классы выделяются по их отношению к средствам производства, способам доступа к различным благам; в выделении же страт, помимо этого, следует учитывать формы и объем потребляемых благ, воспроизводство статусного положения в целом. Статус предполагает, что любой, кто претендует быть включенным в ту или иную страту, должен отвечать определенным ожиданиям и ограничениям на соответствующее социальное взаимодействие. Эти ожидания и ограничения касаются разных сторон жизни и выполнения разных ролей. Как правило, они связаны с поведением человека, его способом воспроизводства брачно-семейных отношений, проведением своего свободного времени, формами дружеского общения и т. п. Различные формы потребления благ и воспроизводства статусного положения формируют у представителей разных слоев неодинаковый образ жизни, который отграничивает членов данной общности от представителей других общностей. Решающая роль образа жизни для престижа делает ту или иную статусную группу конкретным носителем разных условностей, которые поддерживают и сохраняют слой как таковой.

Важнейшие дифференцирующие признаки слоя. Рассмотрим теперь те критериальные признаки, которые позволяют диф-

ференцировать страты в ходе научно-аналитических процедур или ранжировать те или иные социальные положения в процессе спонтанного оценивания их людьми в различных жизненных ситуациях. Перечислим типологические группировки важнейших признаков, некоторые их эмпирические референты, а также слои, которые выделяются на основе этих признаков и показателей:

- признаки, связанные с экономическим положением людей, т. е. наличием частной собственности, видами и величиной доходов, уровнем материального благосостояния; соответственно выделяются слои: богатые, среднеобеспеченные и бедные; высокооплачиваемые и низкооплачиваемые работники; владельцы недвижимости и обитатели муниципальных квартир и др.;

- признаки, связанные с разделением труда, т. е. сферой приложения, видами и характером труда, иерархией профессиональных статусов, уровнем квалификации и профессиональными навыками, профессиональной подготовкой; соответственно выделяются слои: работники тяжелой промышленности; работники сферы обслуживания; лица со средним специальным образованием и др.;

- признаки, связанные с объемом властных полномочий: здесь большое значение приобретают производственные отношения и организация труда, в рамках которых формируются разная степень и неодинаковый объем возможностей оказывать влияние на окружающих через должностное положение, через виды и формы управленческой деятельности, через обладание социально значимой информацией и т. п.; соответственно можно выделить слои: рядовые работники на государственном предприятии; менеджеры на предприятиях малого бизнеса; руководители высшего государственного звена управления; выборные должности муниципального звена управления и др.;

- признаки, связанные с социальным престижем, авторитетом, влиянием.

При этом имеются в виду те позитивные значения, которые люди, общество в целом придают конкретным лицам или их роли, должности либо комбинации того и другого. В данном случае эмпирическими референтами могут выступать личные качества оцениваемых людей, их позиции по тем или иным вопросам, хотя немалое значение приобретает и их положение, занимаемое в престижной иерархии. Выделяются слои:

неформальные лидеры; элитные группы; деятели отечественной культуры и др.

Дополнительные дифференцирующие признаки слоя. Перечисленные выше базовые признаки «срабатывают» в стратификационном делении непосредственно, прямо. Наряду с этим существует целый ряд признаков, роль которых в стратификации может либо выступать в скрытой форме (по крайней мере, в современных условиях), либо варьироваться в зависимости от целого ряда обстоятельств. Чаще всего эти признаки в процессах расслоения «не работают» сами по себе, но переплетаются с базовыми признаками, поэтому их точнее называть вспомогательными. К ним относятся:

- половозрастные характеристики людей, связанные с психофизиологическими особенностями человека, что почти в каждом обществе сказывается на его социальном положении, на реализации им различных ролей;

- этнонациональные качества; действуют в той мере, в какой они определяют поведение человека, а также в какой они приобретают в данном обществе общезначимую важность;

- религиозная принадлежность; важна в современных условиях в той степени, в какой религиозные воззрения связаны в конкретном обществе с ролевыми и статусными позициями людей;

- культурно-мировоззренческие позиции; они приобретают стратификационную значимость в тех случаях, когда, разделяя людей на разные группы, они стимулируют неодинаковые социальные действия представителей этих групп, которые приобретают в обществе разный статусно-ранговый характер. Например, консервативно мыслящие люди образуют слой, представители которого имеют мало шансов выдвинуться во время реализации в обществе активных преобразований;

- признаки, определяемые характером семейных отношений, родственными связями, в процессе исторического развития удельный вес воздействия этих признаков на положение человека снижался, но и сегодня они продолжают выступать достаточно важной характеристикой;

- признаки, связанные с местом проживания; во многих странах наиболее значимо в этом плане деление на жителей города и деревни; большая роль данного фактора в стратификации российского общества объясняется огромной простран-

ственной протяженностью страны, неравномерностью ее хозяйственно-промышленного освоения, разнообразием культурных форм жизнедеятельности.

Перечисленные группы дополнительных признаков стратификации приобретают множество различных социально-функциональных значений, в том числе таких, которые не связаны со статусным рангом. Порой только целостный анализ той или иной из таких групп под определенным углом зрения позволяет выявить ее место в стратификационной структуре. Другими словами, ранговый статус подобных групп в обществе не всегда очевиден.

Наряду с перечисленными признаками существует ряд особых качеств, которые позволяют формировать группы со специфическим статусным значением. Имеют в виду следующие признаки:

- маргинальное положение в обществе; соответственно выделяются группы: безработные, инвалиды, пенсионеры, лица без места жительства и определенного рода занятий и др.;
- противоправное поведение; оно даст основание выделить следующие группы: контингент исправительно-трудовых учреждений; представители уголовного мира; лица, для которых характерно противоправное поведение в рамках должностных обязанностей, и др.

Специфика статусного положения этих слоев связана с тем, что их представители либо не в состоянии своими усилиями добиться высокого ранга в обществе, и тогда общество частично компенсирует их бессилие (денежные пособия инвалидам, пенсионерам, безработным); либо в своем поведении они игнорируют общепринятые нормы взаимодействия, что способно усиливать социокультурную аномию; на этот случай общество вырабатывает систему ограничений и наказаний, позволяющую сохранять нормальное функционирование стратификационных механизмов.

Признаки, определяющие потребление благ и образ жизни в целом. Для всех перечисленных слоев характерны определенные формы потребления материальных и культурных благ, определенный образ жизни. Укажем те признаки, которые позволяют судить об этой стороне стратификации:

- признаки, свидетельствующие *о потреблении жизненных благ*, их показателями могут выступать: район проживания, размеры и тип жилища, места отдыха, качество медицинского обслуживания, формы рекреации и др.;

- признаки, свидетельствующие о *потреблении культурных благ*; их показатели: объем и характер полученного образования, объем и характер разных видов получаемой социальной информации и потребляемой культурной продукции и др.;
- признаки, характеризующие *воспроизводство семейных отношений*; их показатели: тип домашнего хозяйства, формы домашнего воспитания детей, их школьное, профессиональное, в том числе вузовское образование, мужские и женские семейные роли и др.;
- признаки, *характеризующие неформальные связи*; их показатели: круг общения, характер дружеских связей, нормы неформального общения и др.

§ 3. Многомерный подход к анализу расслоения

Процедура формирования многомерных слоев; индекс социальной позиции. В представленной выше схеме анализа различные страты выделялись по какому-то одному признаку. Однако в действительности положение каждого человека определяется множеством признаков и является результатом действия целого ряда факторов и условий жизни. По мере углубления исследований стратификации становилось очевидным, что страта, выделенная по одному критерию, одновременно характеризуется целым набором коррелирующих между собой эмпирических показателей. Поэтому давно признано, что характеризовать слой одним или двумя признаками — значит крайне упрощать картину стратификационного деления. Особенно это некорректно по отношению к современному обществу, в котором процессы социальной стратификации выступают как исключительно многомерное явление, обладающее огромным регистром социального оценивания и размещения индивидов и групп в широком диапазоне своеобразной нормативной шкалы (или целого ряда шкал), социальных статусов, ролей, оценочных позиций. Люди, в зависимости от своих возможностей, способностей, с одной стороны, и от социальной значимости, которую приобретают социальные роли, разные виды деятельности, — с другой, ранжируются на этих шкалах «выше» или «ниже», а награды, права, привилегии, как и обязанности и

предписания, «встроены» в тот или иной статус. Таким образом, статусное положение индивида или группы нельзя определить как нечто однозначное.

Вместе с тем в индивидуальном и групповом статусном положении имеются точки пересечения нескольких плоскостей социальной активности, которые формируют комбинацию ведущих признаков, определяющих суммарный статус человека или группы в сложной сети социальных рангов данного общества. Обобщая (и до известной степени упрощая) различные характеристики, приобретающие важное стратифицирующее значение, можно выделить ведущие признаки, свидетельствующие о профессионально-трудовых навыках, о качестве и объеме освоенных знаний, а также об экономическом положении. Для того или иного общества это сочетание еще более конкретизируется. Например, известно, что о социальном статусе гражданина американского общества свидетельствуют три коррелируемые между собой характеристики — профессия, доход, уровень образования.

Подобная комбинация взаимозависимых признаков, определяющих социальный статус группы или человека в социальной стратификации (она называется «индексом социальной позиции»), все же свидетельствует о достаточно обобщенных тенденциях, присущих обществу в целом, в то время как общество состоит из разнородных систем и элементов. Поэтому данное сочетание неодинаково характерно для разных профессиональных сфер, разных типов поселений, национально-этнических групп и т. п. Например, в сфере политической жизни к этим трем признакам могут быть добавлены показатели, свидетельствующие об общественном престиже, а также об уровне властных полномочий; в сфере профессионального искусства на первый план выходит значимость таких признаков, как художественно-творческая одаренность, авторитет среди знатоков или широкой публики, в то время как образование может не приобрести решающего значения. При целостном анализе стратификации с учетом образа жизни на первый план выходят такие компоненты, как профессия, объем доходов и характер расходов, район жительства и тип жилья, способы рекреации и др.

Таким образом, индекс социальной позиции вариативен. Он неодинаков в разных областях деятельности, в пределах разных сфер взаимодействия, в разных социальных и культурных группах. То, что выступает в качестве высокого социально-

го статуса в большом городе, в среднем городе может иметь более низкий статус, а в малом городе приобретать самый низкий ранг. Все это свидетельствует о том, что расслоение на разных уровнях социальной организации имеет различную конфигурацию, что находит выражение в неодинаковой корреляции эмпирических показателей, свидетельствующих о данных процессах.

Исследования У. Л. Уорнера. Многомерный подход к процессам расслоения позволяет отобразить чрезвычайно сложное переплетение признаков и характеристик, воздействующих на указанные процессы в современном городе. Проиллюстрируем эту закономерность результатами исследования, которое проводил в середине 30-х гг. американский социолог У. Л. Уорнер среди жителей небольших провинциальных городков Америки. Используя достаточно сложную методику съема эмпирической информации, позволяющую измерять статусные ранги разных групп населения, Уорнер установил, что в одном из городков с 10-тысячным населением существует шесть социальных классов (он вкладывал в термин «социальный класс» то содержание, которое определяется ныне как многомерная страта). Выяснилось, что в данном случае было недостаточно использовать три класса — верхний, средний, нижний, поскольку каждый из них имеет свою иерархию страт. Исследователь так определил разные страты и процентное соотношение населения в них: «верхний верхний» (1,44%); «нижний верхний» (1,56%); «верхний средний» (10,22%); «нижний средний» (28,12%); «верхний нижний» (32,60%) и «нижний нижний» (25,22%). Было установлено также, что, несмотря на высокую корреляцию между профессиями и статусным положением, люди одной и той же профессии могут относиться к разным стратам. Например, рабочие оказались в двух средних и двух нижних, а служащие — во всех шести стратах.

Наиболее важный вывод исследования состоял в том, что идентичность слоя зависит не от единообразия какой-то одной, двух или десяти характеристик людей, а от сложной модели или целой сети взаимосвязанных друг с другом характеристик и установок. Члены любого слоя не отличаются строгим единообразием в любом виде деятельности; их в большей степени отличали от других слоев размер дохода, профессиональный уровень и тип социального участия (например, характер участия в общественных делах города).

Были сделаны интересные выводы относительно ряда конкретных особенностей жизни в небольшом американском городке. Так, «верхний верхний класс» состоял из семей старых поселенцев, состояние которых увеличивалось на протяжении нескольких поколений и которые составляли городскую элиту. К «нижнему верхнему классу» были причислены несколько разбогатевших «выскочек» и состоятельные семьи из этнических меньшинств. Представители этих семей не могли быть «зачислены» в «верхний верхний класс», несмотря на свое богатство. Такой «недостаток» они пытались компенсировать бросающимся в глаза «потреблением напоказ». «Верхний средний класс» составляли «солидные буржуа», которых отличало активное участие в городских делах, отчасти люди свободных профессий, отчасти торговцы и служащие, помимо них в этот класс входили и высококвалифицированные рабочие. «Нижний средний класс» состоял из мелкой буржуазии, а также из квалифицированных рабочих и служащих. «Верхний нижний класс» представляли неквалифицированные рабочие, мелкие торговцы, а самый низший («нижний нижний») слой — это выходцы из бедного населения, в основном из иммигрантов неевропейского происхождения.

В годы проведения исследования в городе произошла стачка, которую начали рабочие семи обувных предприятий — основной отрасли городской экономики. Исследователи констатировали, что, хотя в обычных условиях рабочие входили в четыре разных класса, в условиях стачки представители разных слоев действовали сообща и добились удовлетворения своих требований¹. Таким образом, сочетание разных признаков в процессе многомерного анализа позволило воссоздать достаточно сложную картину расслоения, имевшую место в одном американском городке в 30-х гг.

Вместе с тем переоценивать значимость многомерных индексов стратификации нельзя, поскольку в целом ряде случаев они могут маскировать возможное «разногласие» признаков и сглаживать зарождающиеся противоречия в стратификационных процессах. Поэтому анализ одномерных страт не теряет своей актуальности. Точнее сказать, на разных этапах анализа и для разных целей исследования каждый метод способен сыграть свою эвристическую роль.

¹ William L., Warner W. L., Lew I. O. The Social System of a Modern Factory New Haven, 1941. Об этом исследовании на русском языке см.: Герцог Д. Классовое общество без классовых конфликтов // Социальная стратификация М., 1992. Вып. 1.

Средний класс. Основную часть современного развитого общества составляет так называемый средний класс, или средний слой, который выделяется по целому ряду признаков. В настоящее время в этот слой включают традиционные слои частных собственников, т. е. представителей мелкого и среднего бизнеса, большую часть крестьян и фермеров и новые средние слои, которые составляют интеллектуалы, инженерно-технические работники, административный персонал, служащие, высококвалифицированные рабочие, работники сферы обслуживания. Качественные критерии среднего класса сводятся к уровню доходов, стандартам потребления, уровню образования, владению материальной или интеллектуальной собственностью, способностью к высококвалифицированному труду. Удельный вес средних слоев в развитых странах составляет ныне 60—70% населения, а нижние и верхние слои (бедные и элитные группы) значительно уступают среднему классу по численности.

Средний класс — это не только большая часть современно-го развитого общества, но и весьма сложная, неоднородная по структуре сеть социальных образований. Составные части его структуры различаются по источникам формирования, социальному статусу и многим другим характеристикам. Границы структуры жестко не фиксированы: между ее различными группами происходит интенсивная диффузия («растекание»). Наиболее заметная тенденция последних десятилетий — сокращение традиционных слоев (собственников) и устойчивый рост новых средних слоев (работников по найму). Средний слой придает современному обществу устойчивость и одновременно выступает в качестве динамизирующего фактора, стимулируя социокультурные изменения и инновации.

§ 4. Динамика стратификационных процессов в современном обществе

Значение разных факторов в процессах расслоения. Выступая особым способом перераспределения социальной энергии, информации и культурного капитала, выполняя важнейшие функции по организации и координации различных видов деятельности и взаимодействия людей, стратификационная структура служит мощным адаптивным средством, помогаю-

щим обществу приспособиться к меняющимся условиям на каждом новом витке развития. Вместе с тем сама эта структура имеет объективные предпосылки своего развития, закономерности внутренней трансформации, которые необходимо учитывать в ходе социологического анализа.

Рассмотрим некоторые фундаментальные *предпосылки*, определяющие стратификационные изменения. Выше отмечалась важная роль в процессах расслоения фактора *социального исторического времени, т. е. их сопряженности с определенным набором экономических, политических и социокультурных условий жизни, базисных предпосылок развития, характерных для той или иной эпохи*. Выделение и функционирование слоев невозможно без опоры на такие прочные образования, как институциональные связи, традиционные нормы поведения и обычаи, законодательно-правовые установления, общепринятые ценности и символы. Основные единицы стратификации (слой, класс) воспроизводят себя на основе прочных механизмов преемственности своих важнейших привилегий и прав. Все это свидетельствует о долгосрочном действии определенных сторон и характеристик стратификационных процессов.

Вместе с тем разные аспекты и элементы слоеобразования имеют различные временные периоды действия. На микромасштабном уровне процессов (в этом качестве фигурирует период активной жизни одного поколения — 25—30 лет) имеет место наиболее очевидная для наблюдателя смена стратификационных состояний и признаков. Речь идет о внешнем выражении статусных положений, об общественной шкале предпочтений и оценок, о многих элементах образа жизни и поведения представителей разных слоев. Признаки этого уровня сравнительно легко поддаются фиксации и во многих случаях измерению. На целый ряд явлений и процессов данного уровня можно воздействовать посредством управленческих мер, немалое влияние оказывают на них и заимствования из других обществ и культур.

В стратификационной структуре есть характеристики, которые определяются более длительными временными рамками, сравнимыми с активным периодом жизни двух-трех и более поколений (50—150 лет). Таковы периоды существования отдельных слоев, сословий и классов; те или иные формы имущественных отношений; юридически закрепленные виды взаи-

модействия между основными классами и слоями. На этот уровень труднее воздействовать управленческими мерами; заимствования если и продолжают существовать в его рамках, то в сильно измененном виде и после того, как пройдут «обработку» в масштабах реагирования и переместятся на уровень национальных традиций.

Наконец, есть исключительно прочные явления и длительные процессы слоеобразования, связанные, например, с отношениями родства, с пониманием социальной роли собственности и богатства, с устойчивыми формами организации. На этом уровне слоеобразования действуют традиционные для данного общества виды занятости и формы организации труда; функционируют кастовые или дословные системы, а также сетевые отношения групповых связей, сохраняются монархические династии и т. п. Здесь сказывается уклад жизни, выступающий как определенный способ существования данной страны, народа.

Примером исторически длительного разделения общества на замкнутые социальные группы служит кастовая система Индии. Ее зачатки появились еще в глубокой древности, но сохраняющийся институт каст продолжает существовать и сегодня, хотя в заметно ослабленном виде. В своих наиболее последовательных формах кастовая система включала в себя по принципу иерархий множество кастовых и внутрикастовых групп, высшее место среди которых занимали брахманы (жрецы). Человек в течение жизни принадлежал к одной касте, если не исключался из нее за нарушение законов; свободный переход из одной касты в другую в подавляющем числе случаев был невозможен. Для многих каст существовал точно установленный род занятий. Во взаимодействии между членами одной касты и членами разных каст действовало множество предписаний и запретов, касающихся таких аспектов поведения, как брак, питание, профессиональное занятие¹.

Рассмотрим, под влиянием каких факторов происходят стратификационные сдвиги в обществе современного типа. Мощным фактором слоеобразований выступают *процессы урбанизации*. Это связано с особой ролью современного города в

¹ См.: Боги, брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма. Пер. с чеш. М., 1969. С. 327.

формировании культурно-коммуникационной сети, т. е. системы линий связи, путей и центров, по которым перемещаются экономические и социальные ресурсы, политические и духовные импульсы. Именно культурно-коммуникационная сеть и город как узловый центр пересечения ее линий являются очагами преобразования исходных форм жизнедеятельности в более сложные, отвечающие новым потребностям, что, в свою очередь, порождает новые виды деятельности, создает иные шкалы социальных предпочтений и статусов, отличные от тех, которые формируются у сельского населения.

В качестве фактора социальной динамики и, следовательно, стимула стратификационных сдвигов выступает *интенсивное взаимодействие с развитыми странами, с дифференцированными культурами мира*. В этом случае общество вырабатывает объективные критерии оценки своего развития, получая новые стимулы изменения нормативных шкал статусов и позиций. Под воздействием столкновения с другой культурой государственные органы могут осуществлять отдельные заимствования извне, что также неизбежно отразится на социальной структуре.

Важнейшим фактором, стимулирующим изменение стратификационной структуры, выступает *социальная напряженность, кризис, ведущие к социальной дезинтеграции*. Дисбалансы между сферами и областями жизнедеятельности, усиление социального напряжения из-за разности уровня жизни и интересов представителей разных социальных классов и слоев — все это свидетельствует о нарушении равновесия во взаимодействии социальных систем между собой и с внешней средой, о рассогласовании стратегий, целей и способов деятельности разных социальных слоев. Устранение социальной дезинтеграции требует от общества, в частности от управленческой элиты, активных социальных слоев, институциональных изменений, преобразования наиболее сложных областей социального взаимодействия.

Одним из наиболее распространенных способов решения социальных проблем являются *реформаторские меры*, а также целостная политика, направленная на *модернизационные преобразования общества*. Целенаправленная трансформация разных сфер жизнедеятельности сопровождается одновременным изменением отношений между социальными классами, слоями, группами. Одни слои теряют свои преимущества и постепенно

могут исчезнуть из жизни общества, в то время как другие усиливаются или вновь зарождаются, приобретая те или иные преимущества.

Необходимо уточнить масштабы воздействия управленческого фактора на процессы стратификации. В целостном виде процессы слоеобразования, на каком бы уровне — макро- или микровременном, групповом, индивидуальном и общесоциальном — они ни действовали, носят спонтанный характер. Хотя множество элементов в этих процессах складывается из целенаправленных действий людей, из их намерений, продуманных отношений, но их суммарное наложение друг на друга делает их исключительно сложными для рационального регулирования.

Управленческий разум, воля социальных групп способны упорядочить некоторые (порой достаточно существенные) узлы и звенья в стратификационных механизмах. Роль управленческого фактора, как правило, резко возрастает на определенных этапах социального развития — в условиях кризиса, реформ, а также в ситуации, когда из набора альтернатив необходимо выбрать решение, определяющее будущее состояние социальной структуры. Но рационально-управленческие меры выполняют роль далеко не единственных инструментов в стратификационном делении. По своей природе целостные процессы стратификации сходны с такими саморегулирующимися системами, за счет которых происходит выживание общества, как система разделения труда, рыночные отношения, процессы урбанизации.

В качестве фактора слоеобразования выступают *информационно-познавательные процессы*. Способы познания окружающего мира, характер и качество моделей рационализации социальной действительности, интенсивность информационных потоков в обществе — все это воздействует на определенные стороны социальной дифференциации, а через это — и на расслоение. Так, новая информация и расширение познавательного пространства способны трансформировать шкалу предпочтений, способы взаимодействия людей. Научные открытия через целый ряд промежуточных звеньев способствуют рождению новых отраслей производства, что влечет за собой перераспределение кадров между экономическими отраслями, хозяйственными укладами, а также изменяет технологический базис, рождает новые профессии.

Некоторые характеристики процессов стратификации в постиндустриальном обществе и в развивающихся странах. Процессы

расслоения в современном мире весьма многообразны и порой трудносопоставимы друг с другом¹. Объясняется это целым рядом базисных факторов, которые определяют конкретную картину расслоения в том или ином обществе. Вместе с тем в XX в. существовал некоторый набор общих тенденций, определяющих стратификационную картину в странах, находящихся на сходных уровнях хозяйственного, политического и общественного развития. Рассмотрим эти тенденции на примере постиндустриального общества и на примере традиционных обществ, осваивающих современную динамику развития.

Начиная с 70-х гг., ведущие страны Запада демонстрируют ряд новых социальных характеристик, что заставляет теоретиков говорить о рождении постиндустриального общества, идущего на смену индустриальному. Ряд аналитиков второй половины XX в. — О. Тоффлер, Д. Белл, А. Турен, Р. Дарендорф, Ю. Хабермас, Э. Гидденс, П. Бурдьё и др., анализируя особенности постиндустриального общества, выделяют его признаки, которые напрямую связаны с процессами стратификации и социальной мобильности. По их мнению, отличие постиндустриального общества состоит в росте научных знаний и увеличении объемов циркулируемой информации, что сопровождается перемещением тяжести социальной динамики из сферы экономики в сферы науки, образования, информационных потоков².

Таким образом, доступ к знаниям и социально значимой информации становится основным ресурсом социальной динамики такого общества и, следовательно, критерием социальной дифференциации, а также показателем социального положения людей. Экономический капитал и материальные ресурсы в постиндустриальном обществе уже не в состоянии быть ключевыми факторами развития, уступая место информации, помноженной на знания и технологии. Следовательно, значимость прежнего классового деления — собственники—несобственники — также снижается, заменяясь социальным разделением на тех, кто владеет информацией, и тех, кто ею не владеет.

П. Бурдьё в связи с указанными тенденциями разрабатывает концепцию «символического (или культурного) капитала и

¹ См. об этом *Логан М., Пеласси Д.* Сравнительная политическая социология. М., 1994

² См. *Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас* Новосибирск, 1995

культурной идентичности», в которой классовая иерархия заменяется статусной иерархией, обусловленной ценностными ориентациями и образовательным потенциалом социальных групп. Современная элита состоит в основном из представителей интеллектуальных, профессиональных элит, среди которых ценятся не происхождение и материальное положение сами по себе, а прежде всего компетентность, знания, навыки обновления своих профессиональных качеств, т. е. культурный капитал, который позволяет его обладателям сохранять социальное лидерство, распоряжаться ресурсами разного рода, присваивать дефицитные блага¹.

Исследователи также считают, что на появление новых особенностей социального порядка в постиндустриальном обществе значительное воздействие оказывают глобальные процессы, связанные с распространением транснациональных экономических связей, разного рода услуг и информационных потоков. Вместе с тем в них возрастает значение региональных и межрегиональных связей как внутри той или иной страны, так и между разными странами. Например, может меняться к лучшему уровень занятости, а также уровень жизни и элементы образа жизни, включая и формы отдыха представителей тех региональных сообществ, территория которых становится местом дислокации транснациональных компаний, информационных центров.

Данные тенденции стратификационного деления присущи западным странам, перешедшим черту, отделяющую их от индустриального состояния, осваивающим постиндустриальное развитие. Иная стратификационная картина складывается на этом же отрезке времени в неевропейских странах, которые еще недавно относились к традиционным обществам, но которые после удачной модернизации демонстрируют высокие темпы экономических и общественных перемен, сохраняя вместе с тем свою культурную идентичность. Эти тенденции рассмотрим на примере стратификационных изменений в ряде стран Юго-Восточной Азии: Индонезии, Сингапуре, Таиланде, Малайзии, на Филиппинах, которые называют новыми индустриальными странами второй волны (индустриальными странами первой волны выступают Япония, Южная Корея, Тайвань и др.).

В прошедшие десятилетия для процессов расслоения этих стран свойственны тенденции, которые были характерны для первоначальных периодов капиталистической индустриализа-

¹ См.: *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993. С. 43, 56 и др.

ции на Западе. Речь идет о снижении доли крестьянского труда, об изменении удельного веса горожан и жителей села в пользу первых, о становлении рынка наемного труда, о росте числа занятых на мелкотоварном производстве, об увеличении грамотности взрослого населения¹.

Вместе с тем после эффективных модернизационных мер в этих странах происходят процессы, свойственные развитому индустриальному обществу: растет число городских агломераций; формируется фабрично-заводской пролетариат; втягиваются в современные виды производства женщины; увеличиваются масштабы национальной буржуазии, мелких служащих, интеллигенции, военных, а также имеет место становление современной системы образования молодежи, подготовки и переподготовки взрослых².

Наконец, расслоение этих стран в последнее десятилетие демонстрирует отдельные черты постиндустриального общества: увеличение оплаты труда за более квалифицированный труд, расширение прослойки квалифицированных рабочих, в том числе тех, которые заняты на производствах с высокими технологиями, а также с экспортоориентированным производством, рост занятости рабочей силы в сфере услуг, законодательное обеспечение ряда социальных гарантий и т. п.

Сегодня в этом азиатском субрегионе существует сложное переплетение стратификационных характеристик, свойственных разным типам и этапам общественного развития. Наряду с этим в указанных странах складываются вполне отчетливые контуры среднего класса, а в повседневной практике — современные шкалы ценностных предпочтений. Однако, если говорить об уровне жизни среднего класса, а также населения в целом, то он заметно ниже, чем в странах Западной Европы или США. Так, если квалифицированный мастер США или западноевропейской страны в состоянии стать обладателем личного коттеджа или автомобиля, наполнить дом бытовой техникой, то его собрат из Юго-Восточной Азии лишен этих возможностей. В этих странах велика прослойка лиц, живущих крайне аскетично, а также тех, кто живет в нищете³.

¹ См. Барышникова О. Г., Попов А. В., Шабалина Г. С. Юго-Восточная Азия. Люди и труд. М., 1999. С. 46—61.

² См. там же. С. 85—116.

³ См. там же. С. 183

Указанные характеристики позволяют видеть одну из причин интенсивной модернизации стран азиатского субрегиона: сравнительно низкая по меркам развитого общества оплата труда, свои шкалы представлений о жизненном комфорте, невысокие притязания людей в области материального благосостояния. В обновлении социальной структуры этих стран велика также роль государственной власти. В указанных странах проводилась специальная политика, разрабатывались государственные программы, позволяющие регулировать процессы, так или иначе причастные к расслоению: следить за уровнем доходов ряда слоев, регулировать занятость и безработицу, стимулировать социальное сотрудничество и партнерские отношения между основными производительными силами, формировать систему образовательной и профессиональной подготовки, привлекать высококвалифицированные кадры, а также дешевую неквалифицированную рабочую силу из-за рубежа. Все это позволило этим странам извлечь немалую выгоду из процессов глобализации, быстро добиться формирования современного стратификационного профиля. В то же время они также сумели избежать углубления социального расслоения, крупных конфронтаций между представителями разных слоев, что могло бы привести к срыву модернизации.

Приложение

Социология в России: особенности стратификационных процессов российского общества

Процессы расслоения в современном российском обществе вряд ли можно объяснить во всем объеме, если не учитывать исторически действующих в нем механизмов слоеобразования. Эти механизмы в немалой степени определялись характером русской культуры, а на этапе ее становления — географическими условиями жизни, самым местом расселения восточнославянских племен между западноевропейской цивилизацией и цивилизациями Востока.

Следует учитывать влияние на расслоение также инокультурного опыта. В русской культуре оказались аккумулированы разнородные духовные ориентации, что позволяло российско-

му обществу осваивать заимствования как с Востока, так и с Запада. С эпохи Московской Руси в обществе начали выделяться важнейшие единицы социального расслоения: двор князя (монарха) и круг приближенных ко двору людей; служилые люди; профессиональные военные и бюрократический аппарат; крестьяне. Другие слои общества (купечество, промышленники, ремесленники, служители культа) не выполняли такой важной роли, как вышеперечисленные сословия и группы.

В хозяйственной жизни России сложился своеобразный тип хозяйства, который специалисты называют распределительным, «раздаточным». Хотя этот тип появился на основе централизованного государственного управления, тем не менее складывался он спонтанно-исторически, во многом под влиянием суровых природно-климатических условий, которые не позволяли сельскому производителю уверенно получать совокупный прибавочный продукт, достаточный для интенсивного развития рыночных отношений¹.

В отличие от механизмов купли-продажи, определяющих уровень имущественного благосостояния граждан в условиях рыночной экономики, в хозяйстве распределительного типа доминируют нормы, закрепляющие механизмы распределения жизненных благ. Последние, с одной стороны, способствуют передаче в центр всеми субъектами хозяйственной активности права распоряжения выработанными продуктами (в разные периоды времени это осуществлялось в виде распределения дани, податей, оброков, повинностей, плановой продукции советской экономики), с другой стороны фиксируют социально-имущественные статусы граждан, основанные на перераспределении жизненно важных ресурсов в виде жалования, дарения, общественных фондов потребления, зарплаты. Механизмы рынка в таком типе хозяйствования не приобретали решающего значения, выполняя вспомогательную роль.

Типом хозяйства российского общества определяется и тот факт, что в стране постоянно доминирует государственная собственность. Чиновники и военные получают за службу вознаграждение, но собственности, защищенной законом, у них нет. Историческая справедливость требует уточнить, что иму-

¹ См. Бессонова О. Э. Раздаток: Институциональная теория хозяйственно-го развития России. Новосибирск, 1999, Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 31, 564.

щество дворянина отчуждалось лишь в том случае, если он совершал преступление. Вместе с тем длительное отсутствие в стране развитого института частной собственности и преимущественное развитие государственной собственности порождали, с одной стороны, пассивность в общественных делах основной части населения, с другой — произвол представителей властных органов, в частности, чиновничьего аппарата. Буржуазия как самостоятельная единица социальной стратификации начала оформляться в России после упразднения крепостного права, т. е. только в последней трети XIX — начале XX в.

По сравнению с Западной Европой процессы урбанизации в России проходили в специфической форме. В течение долгого периода русские города, особенно в провинции, в Сибири, имели в основном административное значение, сохраняя аграрный характер. Все это говорит о том, что в стране не было почвы для укрепления в городах третьего сословия, которое выступало бы серьезным оппонентом монархической власти. Вместе с тем и в центре и на национальных окраинах развивались слои и субкультуры, порожденные спецификой России как общественного организма: так, начиная с XVII в., на рубежах Московского царства образуются казачьи поселения, в XVIII—XIX вв. в промышленных центрах на правительственных заводах трудятся крепостные рабочие, в XIX в. заявляет о себе такой культурный слой, как русская интеллигенция.

Развитие образования и письменной культуры в национальных масштабах поначалу инициировали представители церкви. Лишь с середины XIX в. в стране начала складываться система общего, а также профессионального среднего и высшего образования. Происходил этот процесс в основном под государственным руководством; частные и корпоративные учебные заведения до революции были немногочисленны.

При анализе отечественных процессов расслоения необходимо учитывать и такие факторы, как постоянное включение в границы российской государственности разных народов и региональных сообществ, что накладывало на стратификационное деление заметный отпечаток, в частности, постоянно требовало отвлечения из центра материальных, интеллектуальных и кадровых ресурсов¹.

¹ См. *Аванесова Г. А.* Социокультурная динамика населения Сибири в рамках российского государства // *Цивилизации и культуры. Россия и Восто́к: Цивилизационные отношения* / Отв. ред. *Б. С. Ерасов*. Вып. 2 М., 1995

Основным ресурсом государства по мере его укрепления и расширения границ оставались обширные земельные пространства и труд крестьян-общинников. Мощь государственной системы долгое время держалась на приумножении этого ресурса, что в значительной степени определяло стратификационные процессы в обществе¹. Гораздо слабее были развиты такие факторы стратификации, как процессы урбанизации, развитие частной собственности, самоуправление на местах, создание сети информационно-познавательных и образовательных центров. Все это предопределило укорененность в российском обществе XVI—XIX вв. слабо динамичной структуры населения. Основной частью общества выступали крестьяне, элитными группами были дворянство и частично совпадающие с ним бюрократия, армейское офицерство.

Реформы Петра I, по существу, не нарушали расстановку сил в социальной структуре. Выбранные для общегосударственной перестройки средства не выходили за пределы имперских феодальных отношений. Введенная Петром I система сословного деления, которая закрепляла место разных категорий населения в социальной иерархии, затормозила естественные процессы расслоения. Сословия являлись общественными слоями, представители которых имели права и обязанности, закрепленные наследственно-правовым образом. Система включала в себя как привилегированные сословия (в частности, их представители освобождались от податей и от воинской повинности), так и непривилегированные сословия. К первым принадлежали дворянство, почетные граждане, духовенство, купечество. К представителям этих сословий государство применяло различные стимулы, нацеливающие их на государственную и военную службу, общественно полезную активность. Непривилегированными сословиями были мещанство, цеховое сословие, крестьянство, казачество. Представители этих сословий в обязательном порядке платили подати и/или несли воинскую службу. Основная часть сословных обязанностей и социальных прав наследовалась и не могла быть произвольно изменена человеком. Вместе с тем существовали некоторые каналы, позволявшие представителям одного сословия переходить в другое.

¹ См. Зарубина И. И. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства М., 1998.

В частности, при выполнении некоторых требований допускалось занятие невысоких государственных должностей детьми духовных лиц, мещан, что позволяло им менять свой статус.

В результате выборочных заимствований из западноевропейской культуры произошло размежевание основной части населения страны на низшие (народные) слои и на представителей высших сословий, среди которых в середине XIX в. появился оригинальный культурный слой — русская интеллигенция. Поначалу этот слой представлял круг образованных людей (как правило, это были выходцы из дворянства), приобщенных к анализу путей развития России. Позже этот круг лиц заметно пополнился интеллектуалами, т. е. людьми, профессионально занимавшимися высококвалифицированным трудом — инженерами, врачами, учителями, художниками, учеными.

Реформы второй половины XIX и первого десятилетия XX в. выражали попытку правящих кругов включить российское общество в динамичное движение развитых стран мира при сохранении прежних социально-политических и сословных рамок. Частично эти усилия можно признать успешными, судя хотя бы по такому показателю, как рост городского населения и всего связанного с этим комплекса изменений в социальной практике страны. Как известно, несмотря на то что накануне революции 1917 г. Россия продолжала оставаться крестьянской страной (из 165 млн. человек населения 75% работоспособной части занималось сельским хозяйством), тем не менее всего за пять предреволюционных десятилетий — по историческим масштабам срок невелик — городское население страны выросло более чем втрое — на 16 млн. человек¹.

Помимо крестьян работоспособная часть населения в то время распределялась по разным сферам хозяйства следующим образом: около 10% трудилось в обрабатывающей промышленности и в сфере ремесел; около 5% — в сфере торговли; 4,5% работников было занято в личном услужении и на частной службе; работа у 1,6% была связана с транспортом, почтой, телеграфом; 0,75% работников состояло на государственной и общественной службе².

¹ См.. *Рашин А. Г.* Население России за сто лет: Статистические очерки М., 1956 С. 25

² См.: *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912. С. 96

В зависимости от организации труда и наличия частной собственности наиболее распространенной фигурой работника был мелкий товаропроизводитель — крестьянин-общинник, ремесленник, кустарь. Представители мелкотоварного производства и сферы услуг в городах (извозчики, сапожники и др.) кооперировались в артели, товарищества и т. п. Значение этих форм организации совместного труда в отечественном мелкотоварном производстве до середины 20-х гг. неуклонно повышалось.

Насмный рабочий, свободно предлагающий свою силу к продаже, — это явление накануне революции в России недостаточно распространенное (удельный вес рабочих в структуре занятых — 9,3%). Рабочие концентрировались в ряде регионов — московском, санкт-петербургском, уральском. Наиболее многочисленные категории рабочих — металлурги, железнодорожники.

В конце XIX — начале XX в. в России происходило становление буржуазно-предпринимательских слоев. Слой крупной, средней буржуазии и землевладельцев в городе и на селе составлял 16,3% от населения страны, а только крупная буржуазия и землевладельцы — всего 2,5%. Наиболее крупными собственниками оставались царь и правительство¹.

Все эти особенности отечественных процессов расслоения объясняют, почему идеи П. А. Столыпина о формировании в стране слоя крепких хозяев встречали далеко не благоприятный прием как в правительственных кругах, так и среди образованных слоев общества. Даже среди интеллигенции было распространено убеждение, что развитой промышленности и высокой культуры труда Россия достигнет, минуя капиталистические формы организации труда и собственности.

Анализ доходов разных групп населения Российской империи свидетельствует о том, что по уровню благосостояния общество было крайне поляризовано. Из 165 млн. человек лишь 696 700 человек имели ежегодный доход свыше 1000 руб. (например, доход крупного заводчика составлял 210 тыс. руб. в год). Остальная часть населения имела доход от 0 до 1000 руб. Среднегодовая зарплата чернорабочего составляла 238 руб., поденного рабочего у помещика и того меньше — 56—63 руб.²

¹ См.: Изменение социальной структуры советского общества — октябрь 1917—1920 гг. М., 1976. С. 258, *Селунская В. М.* Социальная структура советского общества. История и современность. М., 1987. С. 11—12.

² См.: *Рубакин Н. А.* Указ. соч. С. 208—209.

Вместе с тем в рамках старого режима мощно заявили о себе тенденции формирования новых массово-демократических форм жизни. По свидетельству отечественного исследователя того периода Г. П. Федотова, представители «новой демократии» не были ни дворянами, ни крестьянами, ни интеллигентами, их называли «разночинцами». Иногда это был чеховский телеграфист или писарь, иногда парикмахер, приказчик, реже рабочий или студент, «спускающийся» в народ. Постепенно с разночинством начал сливаться и выделявшийся из пролетариата его верхний слой, представители которого хотя и «отрывались от станка», но в ряды интеллигенции не переходили. Затем уже и деревня стала поставлять свою честолюбивую молодежь¹.

Октябрьская революция 1917 г. унаследовала эту, по существу, объективную тенденцию формирования «новой демократии» и отменила прежнее сословное деление общества. В стране создалась новая ситуация применительно к стратификационным процессам, в частности, была предпринята беспрецедентная в истории попытка управленческими мерами регулировать разделение людей на классы и слои. В результате фактически сводилась к нулю роль имущественных критериев дифференциации, поскольку частная собственность на средства производства упразднялась. Вместо разнообразных форм индивидуальных доходов вводилась фиксированная заработная плата разным категориям работников на государственных предприятиях, и как итог: дистрибутивный тип экономических отношений получил преимущественное распространение, сначала нивелировав, а затем сведя на нет отношения рыночного типа. Все это свидетельствовало о том, что демократические тенденции уже тогда воплощались в стране иначе, нежели это имело место в обществе западноевропейского типа.

Новым в стратификации советского типа следует признать резкое возрастание роли государственных властных полномочий и тесно связанной с этим и во многом новой для мировой практики системы организации труда. Посредством в основном рычагов управленческого регулирования происходило перемещение рабочей силы из деревни в город, из одних отраслей в другие. Однако следует признать, что многие из этих приемов регулирования и в смягченной форме закрепились в практике

¹ См.: *Федотов Г. П. Революция идет // Он же. Судьбы и грехи России.* СПб., 1991. Т. 1. С. 159—160.

модернизации несвропейских стран, о чем свидетельствует современный опыт государств Юго-Восточной Азии.

В ходе Первой мировой войны, после разгрома иностранной интервенции и завершения Гражданской войны, в процессе коллективизации и индустриализации в обществе постепенно сокращались в численности, а затем и вовсе перестали существовать слои, которые развивались в течение нескольких столетий, — дворяне, купцы, мелкие и крупные собственники. Функциональная значимость и сущность других социальных единиц (крестьян, ремесленников) претерпели значительное изменение. Ряд социальных классов и слоев (рабочие, военные, чиновничий аппарат) получили мощный стимул к численному росту и повышению своего статуса. Начиная с 30-х гг., быстро увеличивалось число работников интеллектуального труда — ИТР, врачей, учителей, работников науки и культуры; правда, при этом существенно снижалась роль юристов, правове-дов, банковских работников.

Историческая объективность требует признать, что советская модель организации труда и социальных связей позволила решить многие задачи модернизационного плана, которые не удавалось решить в условиях самодержавно-имперской модели. В этот период были интенсифицированы процессы урбанизации, и в короткие (по историческим масштабам) сроки завершен первый этап индустриализации, началось интенсивное освоение северных и восточных территорий. Одно из наиболее важных последствий осуществленных перемен связано с разрушением консервативной культуры русского крестьянства и активизацией той его части, которая переселилась в город и включилась в промышленное производство.

Социальная структура советского общества 30—50-х гг. характеризовалась рядом признаков, которые позволяли ей решить много важных задач индустриального развития, но тормозили свободный отклик на динамизм мировой экономики. Укажем наиболее важные из этих признаков:

- подчиненность социальной структуры политическому регулированию при усилении репрессивной доминанты в отдельные периоды и в конкретных условиях;
- слабое разделение труда и недостаточная дифференциация социальных ролей;
- уравнительная оплата труда, основанная на дистрибутивном типе хозяйственных отношений;

- неадекватная шкала ценностей и поощрений, на которой были более всего значимыми признаки лояльности (происхождение, партийность), но недооценивались инициатива, добросовестный труд, предприимчивость;

- слабая правовая защищенность гражданина и работника, почти полное отсутствие прав защиты собственника, потребителя, пользователя;

- человеческие отношения в значительной степени выступали как дескриптивные (предписывающие), но не были четко ориентированы на личное сотрудничество, групповой и индивидуальный успех;

- социальные связи и отношения в целом сохраняли множество признаков патриархально-традиционных характеристик; урбанизация продолжала сохранять незавершенный характер, что отражалось на образе жизни многих слоев горожан.

Советские авторы рассматривали структуру советского общества в рамках классовой теории — два класса и одна прослойка¹. Зарубежные авторы неоднократно предпринимали попытки разработать стратификационные модели советского общества 30—50-х гг. Приведем в качестве примера модель, автором которой является американский социолог А. Инкельс и которая включает в себя девять слоев.

Первый слой — правящая элита: руководители партии, правительства, высшее военное руководство, высшие чиновники; представители этого слоя обладают фактически бесконтрольной властью, огромными возможностями умножать свои материальные доходы, социальные привилегии; неподвластны судбно-правовым санкциям.

Второй слой — высший: слой интеллигенции: различные лауреаты, видные ученые, известные художники, обладатели престижных наград; у них власти намного меньше, чем у представителей первого слоя, но материальные вознаграждения значительны; условия труда и быта благоприятны, имеется целый ряд привилегий по сравнению с рядовыми гражданами; могут рассчитывать на определенное послабление правовых санкций.

Третий слой — аристократия рабочего класса: ударники пятилеток, стахановцы, зачинатели пропагандистских движе-

¹ См. *Синявский С. Л.* Изменения в социальной структуре советского общества. М., 1973.

ний; они имеют высокую зарплату, для них создаются особые условия труда, быта, высокий престиж в обществе; однако представители этого слоя, как и всех остальных слоев, не могут рассчитывать на послабление правовых санкций или правовую защиту.

Четвертый слой — интеллигенция, управленцы среднего звена, руководители средних предприятий; их зарплата и доходы позволяют поддерживать средний уровень жизни.

Пятый слой — мелкие управленцы, бухгалтеры, служащие; они обладают средним уровнем образования, их зарплата едва позволяет придерживаться достаточно низких нормативов среднего уровня жизни.

Шестой слой — преуспевающие работники передовых колхозов и совхозов; они отличаются тем, что имеют льготные условия труда (сельскохозяйственная техника, удобрения, помощь городских рабочих и т. п.), у них не самая низкая заработная плата, которая вместе с доходом с приусадебного участка позволяет сохранять приличный уровень жизни.

Седьмой слой — средне- и малоквалифицированные работники в городах; их условия жизни и уровень материального благосостояния весьма скромны.

Восьмой слой — средние слои крестьянства; для них характерны тяжелый физический труд, низкая зарплата; отсутствие комфортного отдыха.

Девятый слой — армия заключенных трудовых лагерей¹.

Подводя итог анализу отечественной практики расслоения 30—50-х гг., можно констатировать, что использованная модель перехода России к индустриальному обществу явилась радикальным средством трансформации прежней социальной структуры. В рамках этой модели формировался определенный тип работника, всецело зависящий от государства. Общая обеспеченность населения работой, стабильность цен на продукты и товары первой необходимости, почти гарантированное предоставление человеку усредненного, достаточно скромного по стандартам развитых стран минимума жизненных благ делали излишним развитое экономическое стимулирование труда, дифференцированную шкалу оценок и предпочтений, эффек-

¹ См.: *Inkels A. A Social Structure and Mobility in the Soviet Union 1940—1950 // Social Stratification / Ed. I. Lopreato* N Y., 1974.

тивную систему социальной мобильности и поощрений. Социальная структура, хотя и претерпевала радикальные изменения, тем не менее сохраняла некоторые характеристики, присущие традиционной структуре.

К 60-м гг. модель социально-экономического развития, основанная на автократическом централизме и государственной собственности, в основном исчерпала свои потенциальные возможности для эффективного действия. Она была способна разрешить ряд приоритетных задач индустриального типа, но оказалась неспособной к саморазвитию, к вхождению в постиндустриальное общество. Невозможность централизованно контролировать усложнившиеся хозяйственные связи привела к тому, что наряду с институциональными отношениями в сфере производства и услуг начал складываться скрытый рынок связей, на котором можно было обменять или получить многое — материальные ресурсы, должности, услуги, право не соблюдать закон. Этот промежуточный несовершенной формы рынок (исследователи называли его «бюрократическим»), по существу, позволял проводить перераспределение экономических и финансовых ресурсов, материальных благ, жизненных ценностей, т. е. делать то, что не в состоянии была сделать институциональная структура жизнедеятельности.

Такой рынок стимулировал процессы расслоения, однако осуществлял это в скрытой и нередко извращенной форме. Взять на себя удовлетворение всех или даже основных потребностей населения он был не в состоянии. Наличие подобного рынка способствовало формированию немалых по численности слоев, источники доходов которых складывались разнообразными, помимо зарплаты, способами, в том числе через криминальную деятельность.

Наряду с этим в сфере производства резко снижалась эффективность существовавшей системы стимулирования труда. В частности, уменьшался разрыв между вознаграждением высококвалифицированного и низкоквалифицированного труда¹. Повышался уровень проблематизации жизни людей, так как по мере усложнения социальных ролей, повышения образовательного уровня, дифференциации запросов населения официальные структуры были не в состоянии решать возникавшие

¹ См. Аитов Н. А., Филиппов Ф. Р. Управление развитием структуры советского общества. М., 1988. С. 42.

проблемы. Значительная часть людей стала обращаться к несанкционированным способам их преодоления — покупать с переплатой товары и услуги, подрабатывать в свободное время ради увеличения дохода и т. п.

Все эти процессы вели к тому, что социокультурное расслоение российского общества в 70—80-х гг. приобретало еще большую определенность. Одни факторы (происхождение, прошлые заслуги), еще недавно влиявшие на социальную дифференциацию, постепенно утрачивали свое значение; другие трансформировались (например, дифференцирующая роль должности в центральном аппарате власти могла быть усилена не столько административно, сколько за счет поддержки отраслевых или региональных органов). Разделительные функции все больше переходили к тем признакам, значение которых еще недавно нейтрализовывалось: в область доходов, объема собственности, связи с зарубежными производителями. Возрастала значимость и такого признака, как авторитет в определенных кругах, престиж в общественном мнении, что свидетельствовало о динамике шкалы прав, массовых предпочтений, особенно значимой для профессиональных политиков, работников средств массовой информации, науки, искусства.

Еще одна примечательная особенность процессов расслоения этого периода — появление среднеобеспеченных слоев. В данном случае вряд ли можно говорить о среднем классе, поскольку социальная структура советского общества заметно отличалась от структуры западноевропейского общества, а среднеобеспеченные слои можно сблизить со средним классом лишь по некоторым, хотя и важным признакам, прежде всего таким, как повышение жизненного уровня и выравнивание стандарта потребления. Если в середине 50-х гг. советское общество еще сохраняло серьезные свидетельства низкого жизненного уровня основной массы населения и поляризации на основную часть низкообеспеченных слоев и малочисленные слои с более высоким жизненным уровнем, то в 70-х гг. статистические данные свидетельствовали о повышении уровня жизни больших групп населения¹. Происходило более равномерное распределение важнейших материальных благ: заработной платы, доходов из других источников, обеспеченности жи-

¹ См.: Римащевская Н. М., Римащевский А. А. Равенство или справедливость М., 1991.

лищем и других потребительских услуг, в том числе культурных (образования, квалификации, массовой информации).

В этот период сформировался стандарт образа жизни среднего члена российского общества. Его субъект — горожанин либо в первом, либо во втором поколении; он имеет среднее общее, среднее специальное или высшее образование; работает на государственном предприятии или в учреждении. Он — семейный человек с одним или двумя детьми. Основу благосостояния семьи составляет заработная плата ее взрослых членов, заметно пополняемая социальными льготами и выплатами из общественных фондов потребления. Членам семьи доступен целый ряд жизненных и культурных благ: обучение детей (от школы до вуза и аспирантуры), медицинское обслуживание, организованный отдых, освоение культурных ценностей. Семья имеет двух- или трехкомнатную квартиру со стандартным набором мебели и электробытовых приборов.

Вместе с тем жизненный стандарт среднеобеспеченных слоев советского общества едва ли можно считать устойчивым; их статус постоянно имел тенденцию к обесценению. Так, запросы среднеобеспеченной семьи росли быстрее, чем возможности удовлетворить их в рамках господствовавшей системы отношений. Поэтому семья использовала все возможности для увеличения материальной обеспеченности как посредством труда (через личное подсобное хозяйство, дополнительный заработок), так и за счет служебного положения, помощи родственников, переплаты за нужные услуги, перепродажи дефицитных товаров. Все это отличало среднеобеспеченные слои советского общества от среднего класса стран Запада.

Новый этап стратификационных процессов начался в 90-х гг., когда российское общество после распада СССР вступило в стадию поиска новых форм социальной организации и ценностных ориентаций жизнедеятельности. В стране на институционально-законодательной основе начал формироваться мощный негосударственный сектор с различными типами собственности и субъектами экономической деятельности, в который стали переходить работники государственных предприятий. Постепенно расширяется численность занятых в сфере посреднической деятельности, обслуживания, финансово-банковских операций. В стране начинают складываться группы, занятые новыми видами деятельности, связанными с рыночными отношениями, —

работники маркетинговой службы, рекламы, менеджеры акционированных и частных предприятий, специалисты в области оценки недвижимости и ценных бумаг и др.

Особую специфику приобретает процесс формирования нового слоя предпринимателей, или бизнес-слоя. На первых порах исследователи не имеют общего мнения относительно понимания сущности и структуры этого слоя в нашем обществе — слишком размыты и неопределенные функции и качества тех субъектов экономической активности, которых можно было бы зачислить в него. Ученые соглашались лишь с двумя характеристиками, на основе которых можно отнести работников к этому слою: деятельность в хозяйственной сфере с целью получения прибыли; экономическая свобода, или наличие прав и обязанностей, связанных с самостоятельным принятием решений и личной ответственностью за результаты хозяйствования.

На основе указанных признаков сложно определить состав и границы предпринимательского слоя. Одну из наиболее убедительных попыток сделать это предприняла Т. И. Заславская. В ее анализе фигурирует несколько подгрупп работников, составляющих бизнес-слой современной России:

- менеджеры-совладельцы; это хозяйственные руководители мелких и средних акционированных предприятий, работающие по найму, но располагающие значительными пакетами акций управляемых предприятий;

- наемные менеджеры, т. е. хозяйственные руководители, управляющие государственными, реже частными, предприятиями или фирмами «за зарплату»;

- предприниматели — собственники преимущественно мелких предприятий и фирм, лично управляющие последними, не совмещая эту деятельность с какой-либо работой по найму;

- самостоятельные работники, т. е. лица, занятые мельчайшим предпринимательством на базе индивидуальной трудовой деятельности с помощью собственных средств производства (преимущественно специалисты и квалифицированные рабочие);

- бизнесмены-менеджеры; это наемные директора мелких и средних предприятий преимущественно акционированного и частного секторов, совмещающие управленческую работу по найму с ведением собственного бизнеса. Для части из них уп-

равленческая работа по месту службы является, главным образом, прикрытием личного бизнеса;

- полупредприниматели, к ним относятся «рядовые», т. е. неруководящие работники преимущественно акционированного и частного секторов экономики, совмещающие работу по найму с разными видами предпринимательства, включая индивидуальную трудовую деятельность¹

Можно видеть, что указанный бизнес-слой остается достаточно разнородным. Включая в себя 10—12% от всех занятых, он демонстрирует противоречивые социальные характеристики. Сами его представители пока слабо идентифицируют себя со своим социально-профессиональным статусом. Одновременно формирование данного слоя сопровождается целым рядом явлений, которые можно расценить как подрывающие важные общественные связи, базовые культурные ценности и которые в некоторых случаях приобретают криминальный характер, дестабилизирующий все общество².

В конечном счете, все эти явления определены тем, что российское общество после исторического перерыва делает попытку восстановить в хозяйственной сфере наряду с перераспределительными отношениями и отношения рыночного типа. Однако такая попытка на практике приобретает поспешный, слабо разработанный в социально-технологическом и правовом плане характер, что и обуславливает серьезную деформацию стратификационных процессов.

Размежеванию социальных сил общества способствует и расслоение групп по доходам и образу жизни. По уровню жизни исследователи выделяют в современной России такие strata, как нищие, бедные, малообеспеченные, среднеобеспеченные, обеспеченные, состоятельные³.

За исторически короткий отрезок времени в обществе поляризовались богатые и бедные слои. Расслоение по доходам приводит к тому, что динамика доходов 10% наиболее состоятельных групп резко возрастает по сравнению с доходами 10%

¹ См. *Заславская Т. И.* Бизнес-слой российского общества. Сущность, структура, статус // *Общественные науки и современность* 1995 № 1.

² См. *Исправников В. О., Куликов В. В.* Теневая экономика в России М., 1997.

³ См. *Тихонова Н. Е.* На пути к новой стратификации российского общества // *Общественные науки и современность* 1998 № 31.

наименее состоятельных групп, а разрыв между этими доходами стремительно увеличивается. В то время как основная часть населения в немалой степени утрачивает возможности поддерживать прежний уровень жизни, появляется сравнительно небольшая сверхобеспеченная часть населения, образ жизни которой, резко контрастируя с историческими традициями, связан с отдыхом на дорогах зарубежных курортах, покупками автотранспорта, постройкой роскошных личных коттеджей в городах и пригородах и т. п.

Серьезные изменения происходят также в перераспределении объема властных полномочий между центром и регионами. Множество управленческих функций передается региональным органам власти, хотя остаются слабо отработанными правовые и организационные механизмы такой передачи. Перераспределение власти между центром и регионами тесно соотносится с оживлением этнонациональных традиций жизнедеятельности на местах, а также с попытками некоторых представителей этнических элит реанимировать проблему отделения территории от России. Таким образом, поиск новых форм государственного построения осуществляется в России при усложняющих этот процесс факторах. Если излишняя централизация власти тормозила развитие спонтанных аспектов стратификации, снижала активность местных сообществ в самоуправлении, то избыточная регионализация, а также суверенизация республик порождают напряженность на национальной почве, сепаратистские устремления у элитных групп некоторых территорий.

Указанные выше сдвиги в характере организации труда, собственности, в структуре властных полномочий, в образе жизни населения сопровождаются трансформацией целого ряда культурных характеристик общества, массовых ценностных шкал, групповых предпочтений. Падение уровня жизни основной части населения сосредотачивает внимание огромных масс людей на проблемах выживания, резко сокращая время на отдых, посещение культурных учреждений, встречи с друзьями. Покупка журналов, газет, книг становятся недоступными для многих групп. Основными информационными каналами продолжают оставаться радио и телевидение. Пользование компьютерной информацией остается привилегией узких профессиональных или интеллектуальных групп в крупных городах.

Все это свидетельствует о том, что на нынешнем этапе общественного развития процессы расслоения приобретают социально деформированный характер. Оценивая их, следует помнить, что они разворачиваются в переходных условиях и носят неустойчивый характер. Присущие им на том или ином отрезке переходного периода признаки постоянно трансформируются, многие из них исчезают как не выдержавшие испытание практикой. В будущей модели жизнедеятельности граждан России закрепятся такие стратификационные характеристики, которые давали бы нашему обществу оптимальную возможность встроиться в современную мировую динамику при сохранении конструктивных особенностей социальных связей, рожденных исторической практикой. Невозможно предугадать заранее, какие конкретные стратификационные характеристики будут действовать в российском обществе XXI в. Новая социальная структура и соответствующие ей стратификационные принципы, шкалы предпочтений и т. п. складываются на базе действия множества факторов, перерастая в процессы спонтанной самоорганизации общества, порождая новые связи и новый образ жизни его разных социальных слоев, групп.

Вопросы для закрепления материала

1. Что такое социальная стратификация? В чем состоит отличие социальной стратификации от социальной дифференциации?
2. Раскройте содержание понятий «социальный класс», «социальный слой», «социальная группа». Каковы различия между ними и границы применимости?
3. Укажите ведущие и дополнительные признаки, по которым выделяются социальные слои.
4. Что такое одномерный и многомерный подход к выделению социального слоя? Раскройте понятие «индекс социальной позиции».
5. Назовите основные факторы, обуславливающие процессы слоеобразования. Опишите важнейшие механизмы слоеобразования.
6. Каковы важнейшие характеристики стратификационных процессов в постиндустриальном обществе, а также в странах

с традиционной культурой, осваивающих динамику современного развития?

7. Охарактеризуйте основные признаки стратификационных процессов в российском обществе за последние 100 лет.

Литература для дополнительного чтения

Аванесова Г. А. Социокультурная динамика населения Сибири в рамках российского государства // *Цивилизации и культуры. Россия и Восток: Цивилизационные отношения. Вып. 2.* М., 1995.

Афанасьев М. Н. Правящие элиты и государственность пост-тоталитарной России. Воронеж, 1996.

Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // *Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы.* М., 1972.

Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // *Социологические исследования.* 1992. № 9, 11.

Дэвис К., Мур У. Е. Некоторые принципы стратификации // *Структурно-функциональный анализ в современной социологии.* М., 1968.

Ильин В. И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ 1917—1996. Опыт конструктивистско-структурного анализа. Сыктывкар, 1996.

Комаров М. С. Социальная стратификация и социальная структура // *Социологические исследования.* 1992. № 7.

Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М., 1996.

Римашевская Н. М., Римашевский А. А. Равенство или справедливость. М., 1991.

Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас / Сост. *А. В. Леденева.* Новосибирск, 1995.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Социальная стратификация / Ред. *С. А. Белановский.* М., 1992. Вып. I—III.

Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 2000.

Eisenstadt S. N. Social Differentiation and Stratification. L., 1976.

Lenski G. E. Power and Privilege. A Theory of Social Stratification. N. Y., 1966.

Social Stratification / Ed. I. Lopreato. N. Y., 1974.

Глава 10

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

§ 1. Структура, функции и дисфункции социальных институтов

Понятие социального института. Специфическими образованиями, обеспечивающими относительную устойчивость социальных связей и отношений в обществе в целом, являются социальные институты. Они могут быть охарактеризованы с точки зрения их внешней, формальной («материальной») структуры, а также их внутренней, содержательной деятельности. Социальный институт внешне выглядит как совокупность лиц, учреждений, снабженных определенными материальными средствами и осуществляющих конкретную социальную функцию. С содержательной стороны — это установленный набор целесообразно ориентированных стандартов поведения определенных лиц в определенных ситуациях.

Так, государство представляет собой важнейший социальный институт организованного общества. Система образования, здравоохранения, наука, экономика, организованные формы религии, иные виды организованной активности, такие, как институт брака, избирательная система, политические партии и движения, обеспечивающие установление и поддержание политической власти; религиозные организации, профессиональные союзы и ассоциации и другие виды систематической деятельности, обеспечивающие общественные потребности, выступают в качестве социальных институтов.

Каждый из них может быть охарактеризован с позиций их объективных качеств, но также и в связи с содержательной характеристикой их деятельности. Так, юстиция (система правоприменительных органов) как один из социальных институтов права внешне есть совокупность лиц (прокуроры, судьи, адвокаты и др.), учреждений (прокуратуры, суды, места заключения и др.), материальных средств, а содержательно представ-

ляет собой совокупность стандартизованных образцов поведения правомочных лиц, обеспечивающих социальную функцию правосудия. Указанные стандарты поведения воплощаются в социальных ролях, характерных для системы юстиции (роль судьи, прокурора, адвоката и т. д.).

Социальный институт есть определенная организация социальной деятельности и социальных отношений, осуществляемая посредством взаимосогласованной системы целесообразно ориентированных стандартов поведения, возникновение и группировка которых в систему обусловлены содержанием конкретной решаемой социальным институтом задачи. Осуществляя свои функции, социальные институты поощряют действия входящих в них лиц, согласующиеся с соответствующими стандартами поведения, и подавляют отклонения в поведении от требований этих стандартов, т. е. контролируют, упорядочивают поведение индивидов

Постоянно действующий в обществе *институциональный императив* направляет поведение индивидов, поддерживает установленный порядок общественных отношений. Каждый социальный институт по своей природе характеризуется наличием цели своей деятельности, конкретными функциями, способствующими достижению этой цели, набором социальных позиций и ролей, типичных для данного института, а также системой санкций, обеспечивающих поощрение желаемого и подавление нежелаемого, отклоняющегося поведения.

Функции социальных институтов. Категория «функция» по своей природе многозначна. Целесообразно, однако, выделить два момента для ее характеристики, а именно сознательно сформулированные цели, преследуемые в рамках функционирования данного социального института (функция как задача) — с одной стороны — и объективные последствия деятельности такого института (функция как реальный результат). Такое различие особенно важно в ситуации, когда необходимо социологически объяснить наличие определенных социальных действий, продолжающих существовать в обществе даже и тогда, когда явно поставленные перед этими действиями цели вообще не осуществляются.

Подобные действия продолжают существовать потому, что выполняют вполне реальные (хотя и скрытые, возможно неосознаваемые) *латентные функции*. Функция — как цель, зада-

ча и функция — как результат. В идеальном случае сознательно сформулированные цели деятельности социального института и достигаемые реальные результаты могут совпадать. Во многих случаях, однако, возникает расхождение между провозглашаемыми (официально признанными) целями и объективными последствиями соответствующих действий.

Следует учитывать наличие *скрытой, латентной функции* социального института. Если явная, осознаваемая, признанная функция социального института носит произвольный («управляемый») характер, то латентная функция является непреднамеренной, часто неосознаваемой. Ясно, что подлинное значение, подлинный характер социального института проявляется именно на уровне реально получаемых результатов его функционирования. Так, если явной функцией запрета на алкоголь или азартные игры являлось их прекращение, пресечение, то латентной функцией соответствующих действий могло быть создание мощной, разветвленной подпольной сети организованной преступности. Если явной функцией введения государством в сфере экономики многократных, необоснованных или малообоснованных запретов, многочисленных контролирующих инстанций служит задача усиления государственного контроля, то в случае, когда законное преодоление таких инстанций лишает экономического смысла занятие соответствующей предпринимательской деятельностью в рамках закона, реализуется латентная функция подобного рода государственного контроля: предпринимательство неизбежно переходит в сферу теневой экономики и сопровождающей ее коррупции.

Вскрытие подобного рода скрытых, латентных функций изучаемых социальных институтов — важная задача социологического анализа.

Дисфункции социальных институтов. Социальные институты взаимодействуют с социальной средой, в качестве которой выступает общество. Этот процесс может быть нормальным, однако возможны и нарушения. Основой взаимодействия социального института с социальной средой служит реализация главной функции социального института — удовлетворения основных общественных потребностей. Протекающие в обществе процессы постоянно меняют потребности индивидов, групп, слоев и классов общества, меняют, следовательно, и характер отношений социальных институтов с социальной средой.

Вследствие этого может возникнуть ситуация, когда *изменившиеся социальные потребности не найдут адекватного отражения в структуре и функциях соответствующих социальных институтов* (что часто связано с интенсивным протеканием радикальных социальных перемен). В результате такого несоответствия в деятельности социального института могут возникнуть явления *дисфункций*, которые могут сказываться как в сфере внешней, материальной, организационной структуры соответствующих учреждений, так и в характере, в содержании деятельности социального института.

Внешне явления дисфункции социального института могут выражаться в недостатке подготовленных кадров, материальных средств, в организационных недостатках и т. д. С содержательной точки зрения (что гораздо более важно) недостатки выражаются в неясности целей деятельности, в их противоречивой интерпретации, парализующей деятельность института, неопределенности функций, падении социального престижа и авторитета данного института. Несоответствие деятельности института характеру социальных потребностей ведет к снижению значения его служебной роли, что, в свою очередь, ведет либо к вырождению его служебных функций в ритуальную деятельность, не направленную на достижение какой-либо рациональной цели (бюрократизм), либо к использованию формального статуса социального института для корыстного злоупотребления (коррупция).

Дисфункции в деятельности любого социального института обнаруживаются в случае потери *деперсонализации* его деятельности, которая составляет важное условие нормального функционирования социального института. Принцип деперсонализации социального института означает, что обеспечение всех функций института не зависит главным образом и исключительно от особенности личности тех, кто должен выполнять существенные задачи, обеспечиваемые данным институтом, не зависит от их склонностей, предпочтений и иных субъективных моментов, т. е. эффективный социальный институт должен обладать встроенной системой иммунитета от капризов и произвола индивидов.

Эффективность социального института зависит от четкого распределения ролей и успешной работы механизма, обеспечивающего их должное исполнение, вознаграждая за исполне-

ние ролевых предписаний и подавляя отклонения от них. Потеря деперсонализации означает, что ясность, категоричность и обязательность исполнения ролей, обеспечивающих достижение социально потребных функций института, утрачивается; институт перестает действовать в соответствии с объективными потребностями и объективно установленными целями, меняя свои функции в зависимости от интересов отдельных лиц, их персональных качеств и свойств. В силу этих обстоятельств социальный институт все менее ориентируется на обеспечение основной цели своего существования — *обеспечение конкретной социальной потребности*. Такая потребность тем не менее будет обеспечена, но за пределами структур данного социального института, в том числе и за пределами правового регулирования или вопреки ему¹.

Следовательно, *наличие и постоянное сохранение в обществе какого-либо социального факта, явления невозможно без признания того, что раз данные факты существуют в обществе, они выполняют определенную социальную функцию, служат формой для адаптивной (приспособительной) либо регулятивной реакции соответствующих лиц (групп, институтов) на протекающие в обществе процессы.*

§ 2. Социальные институты политики

Политические институты осуществляют реализацию политической власти, необходимость которой определяется тем обстоятельством, что доступные для индивидов, социальных групп ресурсы, ценности и иные социально значимые объекты никогда не безграничны; естественному стремлению к расширению сферы обладания ими должны быть установлены социально определяемые пределы. Подобного рода ресурсы имеют не только материальный характер; к ним относятся также безопасность, доступ к информации, статус, престиж, власть. При отсутствии таких пределов социальные взаимодействия не могут быть упорядочены, и неизбежно будут возникать споры и конфликты, чреватые анархией, дезинтеграцией социальных систем. Обеспечение пределов требует установления в обществе властных от-

¹ См.: Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика, М., 1985.

ношений, власти одних над другими. *Власть должна быть в состоянии определять те пределы развития споров и конфликтов, по достижении которых необходимо принять властное решение, которое должно всеми восприниматься как обязательное.*

Если определить власть как возможность одного субъекта контролировать акты поведения, действия другого субъекта, то политическая власть, во-первых, распространяется на общество в целом, и, во-вторых, только за политической властью признается право применения всех видов санкций, включая физическое принуждение, лишение собственности, свободы и даже жизни. Однако насилие со стороны политической власти должно быть *легитимным*, т. е. признанным и принятым (явным или подразумеваемым образом) большинством членов общества, и именно этим политическая власть отличается от банды разбойников¹.

Голое насилие не обладает легитимностью, и ему подчиняются не потому, что признают авторитет применяющего насилие, а вследствие отсутствия альтернатив поведению.

Государство как политический институт представляет собой институционализированную политическую власть. Легитимность как база политической власти может быть основана на традиции, на исключительном, признанном большинством авторитете («харизме») правителя и на рациональном выборе (М. Вебер). *Традиционная власть* опирается на всеобщую убежденность в ненарушимости, свялости установленных издревле традиций, в естественной законности органов власти, присущих им преимуществ и привилегий. *Харизматическая власть* опирается на господствующую веру в величие, святость, превосходство одного лица над всеми, его героизм; основа такой власти проявляется в проекции на него образа отца нации, вождя, бесспорного лидера, которому подчиняются с готовностью, добровольно, по убеждению, из личной преданности. *Рациональный характер власти* опирается на доминирующее убеждение в законности установленного порядка, признание большинством обоснованности права государственных органов на осуществление власти.

Политическая власть может быть образована различными путями и по-разному распределяться, быть либо монолитной, либо диффузной. *Традиционная типология форм государственного*

¹ См.: Green L. The Authority of the State. 1990

правления отражала способы распределения власти: автократия, т. е. господство единоличного правителя, олигархия, т. е. господство немногих привилегированных лиц, и демократия, т. е. власть народа. Аристотель отмечал постоянно возникающие феномены перерождения автократии в тиранию (господство тирана), олигархии в плутократию (господство преступников) и демократии в охлократию (господство толпы).

В основе такого перерождения лежит существенное изменение соотношения при данной форме правления закона и произвола. Переход от автократии к тирании воплощается в замене законного монарха (чья власть основана на праве наследования, а само правление связано со следованием писаным законам или неписаным нормам, традициям) тираном, основывающим свое правление на произвольном насилии, не связанном с какими бы то ни было нормами. Олигархи превращаются в плутократов, используя государственную власть для преступного обогащения. Охлократия есть господство большинства, не связанное законом, опирающееся на насилие толпы, руководимой демагогом.

В XX столетии появилась особая форма политического правления — тоталитарное государство (гитлеризм в Германии, сталинизм в СССР, режим Пол Пота в Камбодже и т. д.). Принципиальной характеристикой тоталитарного государства является не просто произвольное нарушение законов господствующей силой, а замена правового регулирования тотальным, всеобъемлющим террором. Следование законам есть сущность нетиранических правлений. Беззаконие — сущность тирании. Террор есть сущность тоталитарного господства¹.

Отмечается шесть особенностей тоталитарного государства. единая государственная идеология; однопартийная система; применение террора; полный контроль над средствами массовой информации; бесконтрольное распоряжение оружием; управление экономикой².

В новейшее время получила признание и развитие концепция *правового государства*, которая основывается на идее подчинения любых форм государственной деятельности праву, прежде всего конституции, чье главное предназначение в демократическом обществе — служить решающим ограничителем го-

¹ См. Арэнд Х. Истоки тоталитаризма М., 1996

² См. Смелзер Н. Социология М., 1998.

сударственной власти во имя сохранения важнейших прав и свобод граждан, быть гарантом саморазвития и самоорганизации основных институтов гражданского общества. Ограничивая государственную власть правом, конституция тем самым охраняет провозглашаемые в ней гражданские и политические права граждан, реализует центральную функцию права как воплощения и меры бытия свободы. Право без свободы есть юридическая фикция, позитивная санкция произвола. Свобода без права — война всех против всех, распад общества и государства. (См. далее: Приложение. Социология в России: гражданское общество и правовое государство.)

§ 3. Социальные институты экономики

Экономические институты могут рассматриваться как разновидность социальных институтов, поскольку их характеризует система соответствующих социальных, правовых, морально-этических (подчас религиозных) норм, относительно устойчивая совокупность целесообразно ориентированных стереотипов поведения, подкрепляемых соответствующими ожиданиями и системой санкций. *В нормативную структуру экономических институтов входит система норм, отражающих отношения собственности, доминирующий тип производства, наличие типичных форм и способов обмена, а также те или иные социальные ценности, морально-этические стандарты (например, нормы протестантской этики) и нормативы поведения в сфере экономики («честное купеческое слово»).* К числу социальных институтов в экономике относится институт собственности, система торговли и распределения, финансовая система, система страхования и другие виды систематизированной экономической активности.

Для выявления специфики социальных институтов в сфере экономики полезно рассмотреть возникающие здесь социальные взаимодействия под углом зрения двух основных типов социальных экономических отношений: *статусных и контрактных* (договорных). Категория «статус» достаточно многозначна. Латинское слово «статус» обычно переводится как «установление», «определенное состояние дел», «постоянная позиция». В качестве научной категории понятие «статус» обозначает постоянное статическое состояние субъекта. Но это не просто со-

стояние, а «предписанное», «определенное» состояние. В узком, гражданско-правовом смысле статус есть гражданское состояние, звание, общественная ступень. Постоянство, статичность (статус-кво) и предписанность этого состояния некоторым внешним авторитетным источником — таковы наиболее важные характеристики статуса. *Статусные отношения* — это отношения власти и подчинения, они носят иерархический (соподчиненный) характер, это отношения «по вертикали».

К числу статусных предписаний относятся прежде всего конституционные нормы, определяющие структуру и правомочия органов государственной власти и управления. В сфере экономики это все те акты, которые определяют место субъекта в иерархии соподчиненных органов, исчерпывающим образом регулируют его компетенцию; они разрешают ему тем самым только то, что прямо предписано в документе, определяющем статус субъекта хозяйствования, причем любая иная деятельность нарушает статусное предписание и является в силу этого незаконной. Примером исчерпывающего статусного регулирования в сфере экономики служила командно-административная система, основанная на господстве государственной собственности. Статусными являются также и внутрикорпоративные отношения, отношения соподчиненности в любой административной системе.

Договорные отношения — это отношения между юридически равноправными субъектами, они возникают на основе соглашения взаимодействующих сторон, это отношения «по горизонтали». Статусные (соподчиненность) и договорные (равенство) отношения, представленные в различных пропорциях в конкретной экономике, упорядочивают поведение хозяйствующих субъектов, обеспечивая необходимую степень устойчивости и предсказуемости такого поведения.

Вне нормативного регулирования невозможно стабильное функционирование экономики. Экономика в целом представляет собой уравновешенную в принципе систему, стабильность которой столь же существенна, сколь и способность к изменению, развитию, адаптации к новым условиям хозяйствования, восприятию экономических, технологических и других инноваций. Одним из видов дисфункции хозяйственного механизма может быть такое его состояние, когда система регулирования экономи-

ки не обеспечивает динамизма в ее развитии, что ведет к стагнации производства и деградации экономики. Другим видом дисфункции хозяйственного механизма является неспособность соответствующих институтов обеспечить стабильность основных характеристик экономической структуры, сформулировать основные правила хозяйственных отношений и реально гарантировать их соблюдение.

У категории «договор» особая роль и предназначение в экономике. Исторически экономика существовала либо в виде общеплеменной, семейной формы производства продукта, либо в виде института рабского труда (частного или государственного рабовладения), либо в рамках вассальной зависимости. Последующее ее развитие основывалось на расширении в сфере экономики договорных отношений свободных товаропроизводителей. *Общей линией явился переход от статусных отношений субординации и подчинения к договорным отношениям между равноправными сторонами*, что освобождало частную инициативу, создало класс свободных товаропроизводителей, вызвало стремительный рост производства, регулируемый законом спроса и предложения и мотивированный получением максимальной прибыли.

Однако усложнявшийся характер производства, вызванный повелительными требованиями технологического императива; индустриализация экономики, последовавшее усиление общественного характера производства; поляризация богатства потребовали *введения новых элементов статусного регулирования рыночных отношений, введения государственного регулирования основанной на договорных отношениях экономики*, в отсутствие которого проявились дисфункции на уровне общемирового экономического кризиса.

Ответ на этот вызов был двояким. Первый (успешный) заключался *в сохранении частной собственности* как основы экономики с введением прогрессивной системы налогообложения, государственного антимонопольного регулирования и государственного перераспределения части продукта в пользу наименее обеспеченных членов общества в рамках социального законодательства. Так, экономическое развитие в США в рамках «нового курса» после мирового кризиса 30-х гг. и в особенности в годы Второй мировой войны было связано с созданием особых государственных органов. В их числе: Управление по национальному возрождению, Управление по планированию

государственных ресурсов, Управление по контролю над ценами и т. д. Договор как свободное соглашение сторон сохранился как доминирующий тип экономических отношений. Законодательное регулирование условий труда, законодательная гарантия охраны прав рабочих, возникновение влиятельных и эффективных профсоюзов, распространение практики коллективных договоров стабилизировали взаимоотношения труда и капитала.

Второй вариант (безуспешный) заключался в ликвидации частной собственности как основы экономики, замене ее государственной собственностью, что привело к полному слиянию государства с экономикой, превращению договора в формальное выражение государственного властного веления, запрету частно-предпринимательской деятельности, ликвидации класса свободных товаропроизводителей. Статусные отношения, основанные на внеэкономическом принуждении, составили господствующий тип отношений в экономике. Такой вариант лишил экономическую систему стимула для массовых инноваций, закрыл возможность интенсивного развития экономики, а ее экстенсивное развитие остановилось ввиду истощения значительной части природных ресурсов.

Принципиальное значение для анализа экономики как социального института имеет категория *собственности*. *Отношения собственности воплощают в себе определенную форму присвоения материальных благ*. Реальное бытие института собственности, его социологическое содержание складываются под воздействием ряда социальных факторов технологического, экономико-стоимостного, управленческого, правового характера. Эти факторы воплощаются в соответствующих сторонах, аспектах экономики как социального института. Выделение этих взаимосвязанных сторон экономики оправдано их относительно самостоятельным характером, наличием в экономике определенных социально-групповых структур, складывающихся из социальных позиций и ролей, объединяемых вокруг целевых функций этих структур.

В рамках *технологического аспекта экономики* можно выделить такой важный фактор, как непрерывное и нарастающее по темпам развитие и совершенствование в большинстве промышленно развитых стран машин, механизмов, технологических процессов. Технический прогресс, выступая по форме как совокупный итог творчества ученых, конструкторов, инжене-

ров, рабочих, по существу, стал еще в прошлом веке одним из решающих факторов общественного развития. Усложнение и все большая специализация видов и отраслей промышленного производства требует их эффективной координации. Ответом на требование этого технологического императива явилось возникновение крупных промышленных объединений.

Это означает распад в подобной ситуации того классического состояния частной собственности, когда решение вопросов технико-экономического, экономического (стоимостного), управленческого характера совмещалось в деятельности конкретного индивида, обладающего титулом собственника. В современных условиях титул собственника расщепляется в прямой пропорции с количеством акций соответствующих предприятий и количеством обладающих ими акционеров. Среди массы собственников — владельцев нескольких акций — лишь небольшая группа лиц — владельцев контрольного пакета акций — является фактическим собственником соответствующего предприятия. Статус собственника во всех остальных случаях практически отделен от реального контроля над объектом собственности.

Тот же технологический императив предопределил и возникновение в промышленно развитых странах новой социальной группы — профессиональных управляющих — менеджеров. Усложнившаяся, все более специализирующаяся структура производства не может более быть управляема просто на основе практического опыта, здравого смысла — она базируется на совокупности все усложняющегося специального знания. Руководство такой промышленностью требует выделения особой профессиональной группы. Вследствие этого *в социальной структуре экономики развитого индустриального общества можно различить несколько социальных групп*: непосредственные участники производственного процесса — *инженеры и рабочие*; номинальные собственники — *держатели мелких пакетов акций*; реальные собственники — *держатели контрольного пакета акций, влиятельная группа менеджеров*, образующих особую социально-профессиональную группу. Первые не обладают ни собственностью, ни властью. Вторые имеют титул собственников, но также лишены власти. Реальные собственники обладают и соответствующим титулом, и собственностью, но не властью в сфере производства. Менеджеры обладают реальной производственной властью, но не собственностью.

Из приведенных положений видно, что отношения между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления благ и услуг, т. е. отношения собственности, выступая по форме в виде правовых установлений, по социальному существу зависят от факторов экономических (держатель контрольного пакета и держатель дюжины акций — оба собственники), от факторов производственно-управленческих (менеджер, а не собственник решает вопросы организации производства, объема и направления капиталовложений, определяет цены, планирует прибыль и т. д.). Следовательно, в социальной реальности правовой институт собственности (важнейший из социальных институтов в сфере экономики) функционирует в прямой пропорции с объемом, характером и уровнем решений, принимаемых в различных пунктах структуры управления экономикой. *Властные отношения в сфере экономики воплощаются в возможности распоряжаться ресурсами, деньгами и людьми. Тот, кто держит в своих руках эти полномочия (и в той мере, в которой он ими обладает), и является реальным собственником.*

Собственник может реально распоряжаться собственностью, но может быть лишь носителем этого титула, а реальный распорядитель собственности может быть, а может и не быть наделен титулом владельца. Ключ к пониманию реального функционирования экономики как социального института заключается в ответе на вопрос о том, кто реально распоряжается ресурсами, вводимыми в процесс производства; кто и как определяет реальную судьбу получаемого в результате продукта. Именно это наполняет реальным социальным содержанием правовую категорию собственности либо лишает ее этого содержания.

Центральной социологической проблемой современного экономического развития в России является меняющееся *соотношение в сфере экономики власти и собственности*. Полного единства власть и собственность достигают в условиях рабовладения (в том числе государственного рабовладения — Древний Египет), в условиях крепостного права, частично — в условиях командной экономики. Расширение социальной позиции класса собственников, относительно независимых от политической власти, — такова общая линия эволюции. Однако и в настоящих условиях сохраняет значение характер существующего в обществе взаимодействия, соотношения в сфере экономики прав собственника и власти государства.

Современная экономика не может существовать, развиваться вне или помимо государственного контроля и регулирования. Принципиальным при этом является констатация того факта, что исходным условием любой формы эффективного контроля является *раздельное существование контролирующего субъекта и контролируемого объекта*. В случае их слияния, тождества (контролер — он же и собственник) контроль не может существовать по определению (имеет место произвольное распоряжение собственностью).

Термин «государственная собственность», она же — «все-народная», по существу, обозначал властно-собственнические полномочия партхозноменклатуры, директорского корпуса. Такова была легальная сторона экономики. Параллельно с ней существовала официально упраздненная, но реальная нелегальная частная собственность. То, что было в экономике легально, было неэффективно, то, что было нелегально — относительно эффективно. Целью проводимой в России законной приватизации является, в конечном счете, отделение функции собственника от государственно-властных полномочий, соединение эффективности с легальностью.

Сохраняющееся до сих пор в России *единство собственности и власти* проявляется в том числе путем предоставления в произвольное пользование и распоряжение 12 тысячам высших федеральных чиновников, руководителям 89 субъектов Федерации многомиллиардного имущества, движимой и недвижимой собственности; земли, зданий и сооружений; инженерной инфраструктуры, которые, сохраняя форму государственной (федеральной, областной, муниципальной) собственности, по сути, фактически в обход закона «приватизируются» соответствующими руководителями в виде атрибута своего должностного положения, в виде запредельных сумм, присваиваемых в форме окладов членами директорского корпуса, огромным чиновничьим аппаратом в целом.

Это происходит к тому же при очевидно заниженной заработной плате работников производства и непомерно завышенными налогами на товаропроизводителей. По оценке вице-губернатора Тульской области, только 46 директоров получили за год 328 млрд. рублей, причем выяснилось, что чем больше получает директор, тем хуже работает предприятие¹. Фактичес-

¹ См. Известия. 1999. 19 янв.

кое владение и распоряжение носителями государственной власти значительной частью собственности, свобода усмотрения при принятии решений в сфере экономики (о распределении ресурсов, предоставлении льгот и послаблений) являются серьезным препятствием для подлинной приватизации, т. е. обретения институтом частной собственности присущего этой форме собственности динамизма в реализации рыночных реформ, эффективности в развитии производства.

В подобной ситуации не спрос и предложение определяют характер принимаемых экономических решений, определяющих движение капитала, а интересы агентов государственной власти и представляемых ими структур. Рыночный механизм парализуется властным усмотрением. Центральной проблемой, без решения которой институт частной собственности не обретет реальность, не снабдит экономику необходимым импульсом к динамическому развитию, является сохраняющееся в значительном объеме единство государственной власти и собственности.

Подобное деструктивное для развития рыночных отношений единство собственности и власти возникает также и в случае, когда владельцы крупного капитала («олигархи») используют свое влияние на принятие государственных решений в сфере экономики, стремятся «приватизировать», поставить себе на службу соответствующие государственные структуры, монополизировав рынок, устраняя честную конкуренцию — движущий мотор рыночной экономики, решающее условие роста производства.

Актуальное и реально необходимое усиление роли государства в экономике переходного периода содержит в себе два существенно различающихся подхода. *В одном случае государство выступает в роли надзирателя, в другом — в роли арбитра.* Отмеченное единство власти и собственности опирается на использование в качестве метода воздействия на экономику государственных директив, принудительных (дисциплинарных, административно-правовых и уголовно-правовых) методов их обеспечения. Это — отношения команды и подчинения.

Другой подход в усилении государственного регулирования экономики основывается на создании твердых гарантий для реализации гражданско-правовых отношений, направлен на охрану права частной собственности как от административного произвола, так и от злоупотребления таким правом. Здесь при-

нудительная сила государства подчинена его новой роли в экономике, основанной на взаимодействии юридически равноправных и экономически свободных товаропроизводителей. Только в этих условиях частная собственность обретет реальность не только как неотъемлемое право человека, но и как динамическое начало экономического подъема. *Усиление роли государства в таких условиях означает обеспечение эффективно-го функционирования гражданско-правовой юстиции для обеспечения равенства участников рыночных отношений, соблюдения правил честной конкуренции, а применение норм уголовного права — для охраны права собственности от преступных посягательств, от злоупотреблений государственной властью.*

Социальная функция современного российского «менеджмента», директорского корпуса претерпевает существенные изменения. Ситуация в экономике двоякая. В ситуации, когда хозяйствующие субъекты становятся реальными товаропроизводителями, вступают в конкурентные отношения, ориентированные на рынок, обслуживают потребительский спрос и зависят от него, в экономику с неизбежностью обеспечивается приход эффективных хозяйственников — профессионалов, менеджеров. В ситуации же, когда предприятие зависит не от потребностей рынка, а от размера дотаций из бюджета, льгот и привилегий, обеспечиваемых на местном или федеральном уровне, когда его руководители ориентируются соответственно на те центры власти (администраторов, руководителей, мэров, губернаторов и т. д.), от которых зависит их существование, — там *сохраняются стандарты и принципы административно-командной системы.* В таких условиях разделение власти и собственности не реализуется, экономическая стагнация консервируется.

Латентной функцией командно-административной политики в экономике современного периода является сохранение возможности для подобных хозяйственников полученную прибыль зачислять в свой актив, а убытки покрывать за счет бюджета. В конечном счете покрытие подобных убытков происходит за счет изъятия прибыли, полученной успешно работающими предприятиями, что тормозит их рост, парализует экономическое развитие. Другой важной латентной функцией такой политики является укрепление (в ущерб интересам экономики) политической власти и влияния тех, кто таким обра-

зом командуют экономикой. *Тем самым реализуется социальное бытие по существу номенклатурной, а не частной собственности.* Только ликвидация номенклатурной собственности, отделение такой собственности от власти, недопущение использования властных функций для произвольного распоряжения собственностью, недопущение подобной «приватизации» государственных функций позволит трансформировать роль государства в экономике от роли произвольной командной силы к позиции эффективной, основывающейся на единых для всех правовых нормах роли контролера и арбитра, что освобождает дорогу для реального роста производства.

§ 4. Социальные институты образования и науки

Виды социальных институтов не исчерпываются только приведенными выше двумя их видами (хотя и самыми важными) — политическими и экономическими. Наряду с этим существенное значение имеет функционирование иных, в том числе социально-культурных институтов, таких, как институты системы образования, науки, здравоохранения, культурно-воспитательные учреждения, система права и правосудия, армия как социальный институт и т. д. Все эти (и другие) институты общества — предмет специализированных социологических исследований¹.

Система образования относится к числу важнейших социальных институтов. С функциональной точки зрения система образования включена в число институциональных структур, обеспечивающих социализацию индивидов. Социализация индивида есть процесс, посредством которого индивидуумы развивают качества, существенные для эффективного функционирования в обществе, в котором они живут. Социализация обеспечивает преемственность культуры, ее передачу от поколения к поколению. Агентами, проводниками первичной социализации (социализация ребенка) служат семьи, и социализация носит во многом стихийный, самопроизвольный характер.

Параллельно с этими социализирующими индивидов агентами, действующими в течение всей жизни, являются обще-

¹ См.: Лейман И. И. Наука как социальный институт. Л., 1971.

ственные структуры (политические, юридические, религиозные, средства массовой информации и т. д.). Здесь социализация носит по преимуществу целенаправленный характер. *В современном обществе решающим инструментом такого рода сознательной социализации являются системы образования.* В их деятельности также воспроизводится *двойная функция процесса социализации — передача культуры и развитие личности.*

Исторически институциональные структуры целенаправленной социализации вплоть до нового времени охватывали сравнительно незначительную часть общества и обеспечивали цель формирования единой политической, религиозной, военной и экономической элиты. В настоящее время система образования по своему значению, объему и содержанию играет, как никогда прежде, важнейшую, решающую роль в жизни общества. Если исторически приобретение образования было экономически непродуктивной, но престижной принадлежностью представителей узкого, привилегированного слоя элиты, то в настоящее время производительный потенциал общества непосредственно определяется широким распространением специализированного знания. Условием успешного функционирования современной демократической политической системы также является распространение массового образования.

Образование служит развитию личности, содействует ее самореализации. В то же время образование имеет решающее значение для самого общества, обеспечивая выполнение важнейших задач практического и символического характера. Функция передачи культуры наиболее представлена в обществах с ярко выраженным исторически ориентированным самосознанием, где существует озабоченность сохранением традиционных ценностей, опасение их утраты вне специальной системы соответствующего образования. Реализация такой функции образования находит свое выражение в поощрении дисциплин гуманитарного цикла — истории общества, языка, литературы, географии, религии и философии.

К числу проблем, возникающих в связи с реализацией функции передачи культуры, относится *проблема сочетания консервативного, охранительного элемента культурного наследия* (вне которого передача культурных ценностей невозможна) *с элементами культуры, позволяющими сохранить ее динамизм, сочетать уважение к традициям со способностью их критической*

оценки. В своем крайнем выражении консерватизм образования может принимать форму *индоктринации* либо политического (идеология тоталитаризма), либо религиозного (фундаментализм), либо национального (этноцентризм) характера.

Система образования вносит существенный вклад в интеграцию общества. Большинство современных стран характеризуется наличием различных этнических, расовых, религиозных групп. Образование может вносить свой вклад в формирование (особенно среди подрастающего поколения) чувства общности исторической судьбы, принадлежности к данному единому обществу и, сохраняя национальные особенности культурного своеобразия таких групп, содействовать выработке общих ценностей, предпочтений, идеалов и устремлений в рамках культурной интеграции.

В настоящих условиях перед системой образования в России стоит проблема решения задач как *содержательного*, так и *структурно-организационного* характера. С содержательной точки зрения освобождение от идеологической индоктринации ставит задачу формирования ценностного фундамента, восстановления и развития в системе образования базовых основ гуманитарного знания, сочетающих в себе лучшие образцы общечеловеческих идеалов и принципов с национальным историко-культурным наследием.

К числу организационных проблем относится проблема сочетания государственных учебных заведений, бесплатного образования с развивающимися образовательными учреждениями негосударственного, платного образования (строго говоря, — термин «бесплатное образование» не вполне точен, оно бесплатно для учащихся, но такого рода образование оплачивается через государственный бюджет, оплачивается налогоплательщиками, населением в целом). Очевидно важное социальное значение такого образования, гарантированного Конституцией РФ. Его поддержание и развитие напрямую зависят от размера государственного бюджета и доли в нем, выделяемой для этой цели.

Вместе с тем очевидна правомерность параллельного развития системы платного, негосударственного образования. Его доступность напрямую зависит от уровня доходов граждан. Платная система образования позволяет расширять материальную базу таких заведений, обеспечивать повышенную оплату преподавателей, что дает возможность улучшать на конкурсной основе их состав, претендовать на повышенный («элит-

ный») уровень обучения, гибко реагировать на возникающие новые потребности в специализации такого образования и т. д. По мере развития платной системы образования проявится ее реально элитный характер.

В конечном счете в сфере образования также проявится универсальный принцип: то, что дороже стоит, обладает лучшим качеством (и больше ценится). Такова *явная социальная функция* подобной системы. Ее *латентная функция* выразится в том, что дифференциация в уровне, качестве образования не только выразит, отразит дифференциацию граждан по уровню доходов, но и предоставит своим выпускникам лучшие стартовые условия для социальной мобильности, продвижения по социальной лестнице и занятия соответствующих социальных позиций, т. е. внесет свой вклад в *социальную стратификацию* общества (подробнее о процессе стратификации см. в гл. 9 настоящего учебника).

Интеллект в технотронную эпоху. В истории человечества каждый период развития цивилизации может быть охарактеризован различными символами общественного богатства, основной силой, движущей производством. Так, для традиционного, по преимуществу сельскохозяйственного производства, символ богатства — это хлеб, орудие производства — человеческая (и животная) сила. Для сменившего его индустриального производства символ богатства — металл, основное орудие — инструменты, машины, механизмы, невероятно увеличившие силу человека.

Сегодня, в постиндустриальную, технотронную эпоху возникает, появляется новый символ общественного богатства, представляющий собой в этих условиях решающую силу дальнейшего экономического развития. Таков микрочип — нервная клетка компьютера. Его вещественная, материальная сила ничтожна — это кристалл кремния, песчинка. Но в эту песчинку впечатана микросхема — высшее достижение технического интеллекта — и именно в этом ценность, высокая стоимость такой песчинки. Это же обстоятельство выявляет и решающую силу общественного производства технотронной эпохи. *Это высокоразвитый интеллект.*

Человечество по-прежнему не может жить без хлеба и металла. Ему по-прежнему нужны сила человека и мощь механизмов. И, конечно, интеллект неизменно вел человека по дороге цивилизации. Однако именно сегодня он выступает как *самостоя-*

тельная, решающая сила общественного производства. Ни количество угля и стали, ни рост урожая еще не решают сами по себе сегодня вопрос об уровне развития общества, о его созидательном потенциале. Но если сегодня «интеллект решает все», то именно то общество и те его институты (образования, воспитания), которые призваны воспроизводить духовное богатство общества, сохранять достигнутый уровень знания и интенсивно развивать его, готовить тех, кто будет делать все это, — такое общество с подобными высокоэффективными системами образования только и сможет занять и сохранить достойное место в сегодняшнем мире. Перед таким вызовом стоит сегодня Россия.

Наука (как и система образования) является центральным социальным институтом во всех современных обществах. Во все большей и большей степени само существование современного общества зависит от передового научного знания. От развития науки зависят не только материальные условия существования общества, но и само представление о мире. В этом смысле существенно различие между наукой и технологией. Если наука может быть определена в качестве системы логических методов, посредством которых приобретает знание о природе, о мире, то технология представляет собой практическое применение этих знаний.

Цели науки и технологии различны. *Наука имеет целью познание природы. Технология имеет цель применения знаний о природе на практике.* Технология (хотя бы и примитивная) практически имеется во всех обществах. *Научное знание требует понимания принципов, лежащих в основе феноменов природы.* Такое знание необходимо для развития передовой технологии. Связь между наукой и технологией образовалась сравнительно недавно, но привела к возникновению научно-технической революции, развитию процесса модернизации, процесса, радикально изменяющего современный мир.

Институционализация науки — сравнительно недавний феномен. Вплоть до начала двадцатого столетия наука существовала главным образом в форме непрофессиональных занятий представителей интеллектуальной элиты, выступала как форма познания истины как таковой. Ее стремительное развитие в XX столетии привело к дифференциации и специализации научного знания. Необходимость овладения специальными дисциплинами сравнительно узкого, специализированного про-

фия предопределила возникновение институтов длительной подготовки соответствующих специалистов. Технологические последствия научных открытий сделали необходимым вовлечение в процесс их разработки и успешного промышленного применения значительных капитальных вложений, как частных, так и государственных (правительством США финансируется более половины научных исследований).

Потребность в координации специализированных исследований привела к возникновению крупных исследовательских центров, а потребность в эффективном обмене идеями, информацией — к возникновению «невидимых колледжей» — *неформальных сообществ ученых*, работающих в тех же или смежных областях. Наличие подобной неформальной организации позволяет отдельным ученым быть в курсе направлений в развитии научной мысли, получать ответы на специфические вопросы, ощущать новые тенденции, оценить критические замечания на свою работу. В рамках невидимых колледжей были сделаны выдающиеся научные открытия.

Возникновение сообщества ученых, осознание растущей роли и предназначения науки, растущей социальной значимости социальных и этических требований к ученым предопределили необходимость выявить и сформулировать специфические нормы, следование которым должно стать важной обязанностью ученых, *принципы и нормы, образующие моральный императив науки*. Формулировка принципов науки была предложена Робертом Мертоном в 1942 г.¹ В их числе: универсализм, коммунизм, незаинтересованность и организованный скептицизм.

Принцип универсализма означает, что наука и ее открытия носят единый, универсальный (всеобщий) характер. Никакие личные характеристики отдельных ученых: такие, как их расовая, классовая или национальная принадлежность, не имеют какого бы то ни было значения при оценке ценности их работ. Результаты исследований должны оцениваться исключительно по их научным достоинствам.

Согласно *принципу коммунизма*, никакое научное знание не может стать личной собственностью исследователя, а должно быть доступно любому члену научного сообщества. Наука основывается на разделяемом всеми *общем научном наследии* и никто

¹ См. Merton R. Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigation N. Y., 1973.

из ученых не может считаться собственником сделанного им научного открытия (в отличие от технологии, достижения в области которой подлежат защите посредством патентного законодательства).

Принцип незаинтересованности означает, что преследование личных интересов не соответствует требованию, предъявляемому к профессиональной роли ученого. Ученый, конечно, может быть законно заинтересован в своем признании со стороны ученых и в возможно более положительной оценке его работы. И такого рода признание должно служить достаточной наградой ученому, ибо его главной целью должно быть стремление к умножению научного знания. Это предполагает недопустимость малейшего манипулирования данными, их подтасовки.

Принцип организованного скептицизма означает, что ученый должен воздерживаться от формулировки выводов до полного выявления соответствующих фактов. Никакая научная теория как традиционного характера, так и революционная, не может быть воспринята некритически. В науке не может быть запретных зон, не подлежащих критическому анализу, даже если политические или религиозные догмы препятствуют этому.

Такого рода принципы и нормы, естественно, не формализованы и содержание таких норм, их реальное существование производно от реакции сообщества ученых на поступки тех, кто нарушают подобные нормы. Такие нарушения нередки. Принцип универсализма в науке нарушался в нацистской Германии, где пытались проводить различия между «арийской» и «еврейской» наукой, а также в нашей стране, когда в конце 40—50-х гг. проповедовалось различие между «буржуазной», «космополитической» и «марксистской» отечественной наукой, причем к «буржуазным» были отнесены генетика, кибернетика и даже сама социология. В обоих случаях результатом явилось долгосрочное отставание в развитии науки. Принцип универсализма нарушается также в ситуации, когда исследования засекречиваются под предлогом военной или государственной тайны или скрываются под воздействием коммерческих структур с целью сохранить монополию на научное открытие.

Результатом успешной научной деятельности является приращение научного знания. Вместе с тем наука как социальный институт испытывает воздействие социальных факторов как

общества в целом, так и в сообществе ученых. Процесс научного исследования включает в себя два момента: «нормальное» развитие и «научные революции»¹. Важная особенность научного исследования заключается в том, что оно никогда не сводится к простому накоплению открытий и изобретений. Чаше всего в сообществе ученых в рамках единой научной дисциплины образуется определенная система концепций, методов и предложений о предмете исследования. Томас Кун называет такую систему общих взглядов «парадигмой». *Именно парадигмы определяют, в чем заключается подлежащая исследованию проблема, характер ее решения, суть достигаемого открытия и особенности применяемых методов.* В этом смысле научное исследование представляет собой попытку уловить многообразие природы в концептуальную сеть актуальной парадигмы. По сути, именно изложению существующих в науке парадигм и посвящены, в основном, учебники. (Понятие парадигмы в науке, в особенности в социологии, более подробно рассматривается в гл. 2 данного учебника.)

Но если парадигмы являются необходимой предпосылкой исследования и научного открытия, позволяя координировать исследования, достигать быстрого роста знания, то не менее необходимыми являются и *научные революции, суть которых в замене устаревших парадигм и замене их парадигмами, открывающими новые горизонты в развитии научного знания.* «Подрывными элементами», накопление которых ведет к научным революциям, являются постоянно возникающие отдельные явления, не укладывающиеся в данную парадигму. Их относят к отклонениям, исключениям, их используют для уточнения существующей парадигмы, но со временем возрастающая неадекватность такой парадигмы становится причиной кризисной ситуации, возрастают усилия в поиске новой парадигмы, с установления которой и начинается революция в рамках данной науки.

Наука не представляет собой простое накопление знаний. Теории возникают, используются и отбрасываются. Существующее наличное знание никогда не является окончательным, неопровержимым. Ничто в науке не может быть доказано в абсолютно окончательном виде, для *любого* научного «закона» всегда найдутся исключения. Единственной возможностью ос-

¹ См.: Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. N. Y., 1962.

тается возможность опровержения гипотез, и научное знание как раз и состоит из пока что не опровергнутых гипотез, способных быть опровергнутыми в будущем¹. *В этом отличие науки от догмы.*

Технологический императив. Значительная доля научного знания в современных индустриально развитых странах используется для создания *высокоразвитых технологий*. Влияние технологии на общество столь велико, что дает основания для *выдвижения технологического динамизма в ведущую силу общественного развития в целом (технологический детерминизм)*. Действительно, технология производства энергии накладывает явные ограничения на образ жизни данного общества. Использование лишь мускульной силы ограничивает жизнь узкими рамками небольших, изолированных групп. Использование силы животных расширяет эти рамки, позволяет развить сельское хозяйство, появиться прибавочному продукту, что ведет к социальной стратификации (расслоению на классы, группы, слои), появлению новых социальных ролей непроизводительного характера.

Появление машин, использующих природные источники энергии (ветер, воду, электричество, ядерную энергию), значительно расширило поле социальных возможностей. Социальные перспективы, внутренняя структура современного индустриального общества неизмеримо сложнее, шире и разнообразнее, чем когда-либо в прошлом, что позволило сложиться многим миллионным массовым обществам. Стремительное развитие компьютерных технологий, невиданные возможности передачи и получения информации в глобальном масштабе предвещают (и уже ведут) к серьезным социальным последствиям. Все более выявляется решающая роль качества информации в деле повышения эффективности как научного, промышленного, так и социального развития. *Тот, кто лидирует в развитии программного обеспечения, совершенствовании компьютерного оборудования, компьютеризации науки и производства, — тот лидирует сегодня и в научном и промышленном прогрессе.*

Однако конкретные последствия технологического развития непосредственно зависят от характера культуры, в рамках которой это развитие происходит. Различные культуры принимают, отвергают или игнорируют технологические открытия В

¹ См.. Поппер К. Логика и рост научного знания М., 1983.

соответствии с существующими нормами, ценностями, ожиданиями, господствующими устремлениями. Теория технологического детерминизма не должна быть абсолютизирована. Технологическое развитие должно рассматриваться и оцениваться в неразрывной связи со всей системой социальных институтов общества — политических, экономических, религиозных, военных, семейных и других. Вместе с тем технология является важным фактором социальных перемен. *Большинство технологических нововведений прямо зависят от роста научного знания.* Соответственно усиливаются технологические нововведения, что в свою очередь ведет к ускорению социального развития.

Ускоренное научное, технологическое развитие вызывает к жизни одну из самых серьезных проблем: каковы могут быть результаты такого развития с точки зрения их социальных последствий для природы, среды обитания и для будущего человечества в целом. Термоядерное оружие, генетическая инженерия — лишь некоторые примеры научных достижений, содержащих потенциальную общечеловеческую угрозу. И только на общечеловеческом уровне такие проблемы и могут быть решены. По своему существу речь идет о возрастающей необходимости создания международной системы социального контроля, ориентирующей мировую науку в направлении созидательного развития на благо всего человечества.

Центральной проблемой современного этапа развития науки в России является *преобразование статуса науки из объекта директивного планового государственного управления и контроля, существующего в рамках государственного снабжения и обеспечения, в экономически и социально самостоятельный, активный социальный институт.* В области естественных наук открытия, имевшие оборонное значение, внедрялись в приказном порядке, обеспечивая привилегированное положение соответствующих научных учреждений, обслуживавших военно-промышленный комплекс. Промышленные предприятия за пределами этого комплекса в условиях планируемой экономики не имели реальной заинтересованности в модернизации производства, внедрении новых, научно обоснованных технологий.

В условиях рынка преимущественным стимулом промышленного развития (и обеспечивающих его научных разработок) становится запрос потребителей (где государство — один из

них). Крупные хозяйственные единицы, производственные объединения, компании, чьи успехи в конкурентной борьбе (в борьбе за потребителя) в конечном счете будут зависеть от успехов в развитии наукоемких технологий, самой логикой такой борьбы ставятся в зависимость от успехов в разработке и внедрении новейших технологий. Только подобные структуры, располагающие достаточным капиталом, способны производить долгосрочные вложения в исследование фундаментальных проблем науки, решение которых ведет к выходу на новый уровень технологического, промышленного развития. *В подобной ситуации наука как социальный институт приобретает самостоятельное значение, приобретает роль влиятельного, равноправного партнера в сети социально-экономических взаимодействий, а учреждения науки получают реальный импульс к интенсивной научной работе — залогом успеха в конкурентной среде.*

В условиях рыночной экономики роль государства должна выражаться в предоставлении государственного заказа на конкурсной основе предприятиям, обладающим современной технологией, основанной на новейших научных достижениях. Это должно составить динамический импульс для таких предприятий в деле предоставления экономической поддержки научным учреждениям (институтам, лабораториям), которые способны снабдить производство технологиями, обеспечивающими производство конкурентоспособной продукции.

За пределами прямого действия законов рынка остаются, по преимуществу, *науки гуманитарного цикла*, чье развитие неотделимо от характера и особенностей той социально-культурной среды, в рамках которой формируется и само общество, и его социальные институты. Именно от развития таких наук во многом зависит общественное мировоззрение, его идеалы, его нравственный, моральный облик. Великие события в этой сфере часто предвещают, ведут к решающим социальным сдвигам (философия Просвещения). Естественные науки открывают законы природы, науки гуманитарного цикла стремятся познать смысл человеческого существования, природу и характер общественного развития, во многом определяют общественное самосознание, вносят вклад в *самоидентификацию народа* — осознание своего места в истории и в современной цивилизации.

Влияние государства на развитие гуманитарного знания внутренне противоречиво. Просвещенное правление может действовать таким наукам (и искусству), но проблема заключа-

ется в том, что и само государство (как и общество в целом) — важный (если не важнейший) объект критического научного анализа дисциплин обществоведческого цикла. Подлинно гуманитарное знание как элемент общественного сознания не может напрямую зависеть исключительно от рынка или от государства. *Само общество, обретая черты гражданского общества, должно развивать гуманитарное знание, объединяя интеллектуальные усилия его носителей и обеспечивая их поддержку.* В настоящее время науки гуманитарного цикла в России преодолевают последствия идеологического контроля и международной изоляции, с тем чтобы ввести в арсенал современной науки лучшие достижения российской и зарубежной мысли.

В развитии общества участвуют классы, социальные слои, массы людей. Технический прогресс зарождается в исследовательских коллективах. Но один факт неоспорим: идеи, которые движут обществом, великие открытия и изобретения, преобразующие производство, рождаются только (и только) *в индивидуальном сознании*, здесь зарождается все великое, чем гордится человечество, что воплощается в его прогрессе. *Но творческий интеллект — это достояние свободного человека*, свободного экономически и политически, обретающего свое человеческое достоинство в условиях мира и демократии, гарантом которой выступает правовое государство. Россия стоит лишь в начале такого пути.

§ 5. Социальные институты религии

Одной из повелительных потребностей людей является потребность в осознании происходящего, объяснении его и выстраивании своей жизни в соответствии с представлением о сути вещей, картине мира, о смысле самой жизни, природе человека и его предназначении. Веками религиозное сознание отвечало на эту потребность, предлагая человеку, как конечному существу, выход за пределы его земного существования. Эта особенность религии, ее трансцендентность (выход за пределы наличного бытия) позволяет включить мир и человека в контекст вечности, придавая тем самым смысл устройству мира и бытию людей в нем.

Религия представляет собой систему верований, разделяемых группами людей, исполняющих определенные ритуалы, верований,

воплощающих представление о священном, сверхъестественном, определяющем судьбу человека. Элементами религии являются: наличие группы верующих; представление о священном, сверхъестественном; особая система верований (вероисповедание); особые ритуалы (система действий по отношению к тому, что считается священным); представление об особом образе жизни, соответствующем постулатам веры.

Понятие священного. Религиозные представления присущи человечеству с самых древних времен. Исторически религия начинается с того момента, когда человек оказался в состоянии представить себе существование сверхъестественного существа, и таким воображаемым сверхъестественным существом был дух. Предки современного человека не были в состоянии объяснить очевидную противоречивость двойственного феномена, связанного со сновидениями, когда сам человек спит, он недвижим, а его двойник свободно перемещается в пространстве. Этот «другой Я», этот двойник и есть мой дух. И смерть есть не что иное, как разделение двух существ: одного телесного, конечного, смертного и другого бестелесного, бесконечного, бессмертного, т. е. духа (души). Воображение первобытного человека наделяло весь мир вокруг него бесконечным количеством могущественных духов — загадочных и невидимых.

Религия представляет собой общемировой социальный институт, включающий в себя многие тысячи видов и форм религиозных верований. Тем не менее одна принципиальная черта характерна для всех них: это выделение и различение того, что свято (высшая сила, совершенная, неприкосновенная, несомненная, превыше всего), и того, что несовершенно, обыденно, повседневно. То, что свято, внушает ужас, почтение, глубокое уважение. Оно обладает необычными, сверхъестественными и подчас опасными качествами и с ним можно общаться только в рамках особого ритуала (молитвы, заклинания, ритуального очищения). К числу священных объектов может быть отнесено что угодно — Бог, король, солнце, луна, скала, дерево или такой символ, как крест. Противоположно святому то, что ordinarily, не принадлежит к миру сверхъестественного. Однако нечто становится святым или остается ordinarily только в случае, если как таковое оно получает то или иное социальное определение, которым подобный объект наделяется сообществом верующих.

Таким образом, религия как социальный институт может быть определена как *система общественно признанных верований и соответствующей практики, которые ориентированы на сферу священного, сверхъестественного*. Как показал еще Э Дюркгейм, о наличии определенной религии можно говорить в случае, когда вера в священное сочетается с соответствующей практикой сообщества верующих (совершение действий, вытекающих из такой веры, — участие в деятельности религиозного сообщества, выполнение ритуалов, соблюдение заповестей и т. д.)

С социологической точки зрения могут быть выделены следующие виды религий: *простая вера в сверхъестественное, анимизм, теизм, абстрактный идеал*. Первый тип религии характерен для примитивных, доиндустриальных обществ, не включает в себя веру в богов или духов, но признает наличие *сверхъестественных сил*, оказывающих положительное или отрицательное влияние на жизнь людей. Анимистический тип религии признает *активную деятельность духов в мире*. Эти духи могут существовать в людях, но также и в природных объектах (реках, горах, ветрах), они персонифицированы, наделены человеческими качествами (мотивами, волей, эмоциями). Эти духи не боги, им не поклоняются. Общение с ними достигается через магические ритуалы. Они могут быть добрыми или злыми или безразличными к людским делам.

В основе теистических религий лежит вера в богов. Бог могуществен, он заинтересован в людских делах и заслуживает поклонения. Наиболее распространенной формой теизма является политеизм, вера во многих богов. Среди них выделяется «высший бог», или «отец богов». Другой формой теизма является монотеизм — вера в единого Бога. Эта вера лежит в основе мировых религий — иудаизма, христианства и магометанства. Религии, в основе которых лежат абстрактные идеалы, не предусматривают почитание богов, но *сосредоточены на достижении идеалов в мышлении и поведении*. Целью является достижение возвышенного состояния бытия и сознания, что позволяет, как полагают их сторонники, полностью реализовать потенциал человека. Цель буддизма — достичь единства с Вселенной через годы медитаций, т. е. психологического отключения человеком себя от окружающего мира, «освобождения» от него, погружения во внутренний мир с помощью заклинаний, для достижения особого (возвышенного) состояния сознания.

Общей чертой религий является наличие *теодицеи* — эмоционально удовлетворяющего объяснения самых существенных проблем человеческого существования: появления человека, его страданий и смерти. Универсальная последовательность рождения, коротких лет жизни, страданий и смерти выглядит бессмысленной, но теодицея придает этому смысл, объясняя или оправдывая наличие зла и несчастий в этом мире.

Социальная функция религии. Важнейшей социальной функцией религии в истории человечества было поддержание целостности данной социальной системы. Изучая простейшие формы религии на примере тотемизма австралийских аборигенов, Э. Дюркгейм констатировал, что тотем — это любой ординарный предмет, или растение, или животное, или представляющий их символ, становящийся священным. Каждый клан организован вокруг своего тотема и носит его имя. Тотем не только священен, но это и символ самого клана как общества. Отсюда вывод: *когда люди поклоняются чему-то священному, они, по сути, поклоняются не чему иному, как своему обществу. Божественное есть не что иное, как трансформированное и символически осознанное общество.* В эпоху феодализма земная структура — иерархия феодального общества и государства — проецируется на иерархию небесную, создает ее по земному образцу и подобию, при этом «земные силы приобретают форму неземных» (К. Маркс), а затем, но уже с ореолом святости и непогрешимости, эта структура переносится назад, на землю, тем самым узаконивая и освящая авторитет земной власти авторитетом власти небесной.

Совместное участие в богослужении создает эмоциональное ощущение вдохновения, экстаза, не испытываемого в одиночку. Разделяемые религиозные верования вырастают из общества и содействуют его сплоченности. Ритуалы объединяют людей и способствуют передаче от поколения к поколению ценностей, норм, запретов (табу), нарушение которых ведет к покаянию и очищению. Ритуалы поддерживают и утешают людей в горе, особенно в связи со смертью. Каждое общество, заключает Дюркгейм, нуждается в религии или в системе верований, которые бы обеспечивали те же социальные функции.

К. Маркс выводил функции религии из теории социального (классового) конфликта, рассматривая религию как форму отчуждения, как орудие поддержки господствующего общественного порядка. Религия может быть элементом социального конфликта,

как, например, в периоды религиозных войн. В соответствии с тезисом М. Вебера о протестантской этике как духовной основе современного капитализма его развитию содействовали нормы такой этики, в рамках которой богатство рассматривалось как знак избранности Богом, и бережливость, а не расточительство, умножение капитала, а не его растрата — как основная религиозная, социальная ценность и добродетель. Здесь религия выполняет функцию содействия промышленному, социальному развитию.

Принципиальной чертой современного периода общественного развития в России является возрождение и распространение религиозного сознания. Конституцией Российской Федерации гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой; свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Сам факт существования веры после многих десятилетий ее подавления «воинствующим атеизмом», насаждавшимся с использованием методов государственного насилия, свидетельствует о наличии существенной социальной функции, реализуемой вероисповеданием. Сама по себе практика государственного атеизма, превратившегося по сути в квазирелигиозную догму, где не Богу, а человеку приписывалась роль устроителя «рая на земле», парадоксальным образом, но свидетельствует о постоянной необходимости для общества, для индивидуального сознания иметь нечто, выходящее за пределы обыденного, насущного, необходимости веры в наличие чего-то высшего, ориентирующего сознание и поведение.

Принципиально важно, конечно, в чем заключается суть подобной веры. Особое значение в условиях России, где религиозные верования воплощены в различных конфессиях, приобретают те черты подобных верований, в которых терпимость, уважение к чужой вере занимают подобающее место. Только при таком условии религиозная вера выполнит функцию духовно-созидательного начала в общественном развитии России как многоконфессиональной страны. *Религиозное возрождение в России осуществит созидательную функцию в случае, когда взаимное доверие, нравственность, трудолюбие, надежда, основанные на вере, войдут в социальную практику, станут моральным стержнем общественного развития.*

Принципиальное значение при этом имеют, по меньшей мере, два измерения соответствующих социальных взаимодействий: а) отношение религии и государства и б) религиозных конфессий между собой. Конституция РФ определяет Российскую Федерацию как светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

В двух случаях созидательная, конструктивная, интегрирующая функция религии не может быть реализована. Во-первых, путем *подчинения религии государству*, превращения религии в зависимый придаток государства, так как потеря ею функции независимого носителя высших нравственных принципов, высшего морального авторитета ведет к потере религией сакральности, своего священного, независящего от земных структур характера. Во-вторых, путем *поглощения религией государства*, обретения религией официального государственного статуса в качестве единой и обязательной формы верования, так как потеря теократическим государством своего светского характера, утрата им функции гаранта свободы вероисповедания ведет к дискриминации и подавлению иных верований.

Свобода совести, равенство вероисповеданий, независимость от государства могут быть реально обеспечены только при наличии демократического государственного и общественного устройства. Только в этих условиях обеспечивается свобода личности (свобода совести — ее важнейший ингредиент); гарантируется веротерпимость, равенство и свобода вероисповеданий; сохраняется светский характер государства; создается морально-нравственный, духовный базис общественного развития. Правовые нормы обеспечивают структурирование социальной жизни, регулирование социальных взаимодействий в целях придания им *формального порядка* и определенности. Но *содержание* подобного порядка, определение того, что считать правильным и справедливым, а что несправедливым, преступным, что существенно, жизненно важно, а что нет, т. е. свою сущностную, ценностную природу право может обрести только извне. Таким источником могут служить также и нравственно-этические принципы религии.

§ 6. Социальные институты права

Правовая система общества. Любое общество может быть определено как система взаимодействий между его членами. Все то, что выходит за пределы случайных пересечений актов поведения, все то, что складывается в более или менее постоянную систему взаимодействий, с неизбежностью приводит к появлению более или менее определенно сформулированных общих норм, правил осуществления таких взаимодействий. Однажды сложившись в реальной жизни, эти правила могут претерпеть изменения в соответствии с доминирующими интересами, получить поддержку, вызвать противодействия и т. д.

Поддержку соответствующим правилам оказывает господствующая властная структура. Определенные правила социальных взаимодействий воплощаются в дефинициях нормативов законодательного характера. Это придает им обязательную силу, обеспечиваемую системой принудительных санкций, применяемых при нарушении правового веления, что обеспечивает социальный порядок. Не существует общества без системы социальных взаимодействий, не существует взаимодействий без нормативного порядка, не бывает нормативного порядка, не обеспечиваемого силой власти. Знаменитая формула римского права гласит: «*Ubi societas ibi jus*» («нет общества без права»).

Правовая система общества включает в себя совокупность юридических актов (правовых норм), предписывающих или защищающих от имени государства определенные виды поведения, а также социальных институтов права, в том числе законодательных институтов (принятие законов, их истолкование) и правоприменительных институтов (судебные, арбитражные институты).

Институциональная структура права — продукт длительного исторического развития. Принципиальное отличие норм права от иных социальных норм, предписаний, регулирующих поведение (моральных, этических, религиозных), — возможность применения государственного насилия с тем, чтобы обеспечить их выполнение. В этом смысле нормы права — проекция государственной воли. Исторически тот, кто обладал верховной властью (абсолютная монархия, диктатура единоличного правителя и т. д.), — тот и выступал как источник права.

Однако нормы права, рожденные в сети социальных взаимодействий, получившие выражение в форме закона, санкци-

онированного доминирующей властью, обретают затем свое собственное существование. Нормы права при этом могут находиться в различных отношениях с данной властью. Так, верховный правитель может не только определять правовые нормы, но также истолковывать дефиниции закона и принуждать к его исполнению. В подобной ситуации административные функции не отделены от функций правоприменения, здесь правитель — он же верховный судья, государственная власть не отделена от судебной власти. В этих условиях возникает иллюзия того, что право — всего лишь продукт государственной воли, что право — есть только лишь совокупность законов.

В другой ситуации историческое развитие приводило к тому, что хотя верховный правитель (монарх, король, сюзерен) определял правовые нормы, но их истолкование и применение были институционализированы в рамках особых, независимых структур, судебных органов (часто персонализированных фигурой верховного судьи, верховного жреца). По мере развития представительных структур выделяется функция принятия законов. В такой ситуации административные функции отделяются от функции законодателя, обособляется функция правоприменения, нормы права обретают относительную независимость от воли верховного правителя, законодательные органы, судебная власть обретают черты особых социальных правовых институтов.

В 1610 г. произошел вошедший в историю разговор между королем Англии Джеймсом I и Верховным судьей Коуком. «Вы что же полагаете, — спросил Джеймс I, — что есть что-либо выше короля?» Ответ Верховного судьи был прост и исполнен достоинства: «Никто из людей не может быть выше короля. Но выше короля Господь Бог и Закон». В таких условиях начинает превалировать вера в то, что высшим источником права является не воля правителя, что в основе права лежат принципы и нормы, превосходящие наличные законы, что существуют более общие и более важные категории, определяющие суть законов. Ими последовательно являлись религиозные заповеди, законы разума, законы природы, естественные, прирожденные и не нарушаемые права и свободы человека. Так возникает представление о том, что санкционированный государством, но нарушающий высшие принципы закон, является законом не правовым и потому может быть отвергнут гражданами.

Легитимность социальных институтов права. Таким образом, возникло принципиальное требование к социальным институтам права, а именно требование *соответствовать исторически установленным, господствующим априорным (т. е. данным до опыта, представляющимса самоочевидными) принципам и категориям.* Подобные категории исторически обусловлены и меняются в ходе исторического развития. Но любая вновь возникающая система права неизменно нуждалась в подобных категориях как в своей основе. Такие исходные, господствующие в данном обществе представления о том, что существенно, принципиально важно, что оправдывает и объясняет действующие законы, всегда были, есть и будут тем, что оценивается как суть данной системы права, как ее обоснование (и ограничение). *Соответствие социальных институтов права господствующим, т. е. разделяемым большинством представлениям о высшем, принципиально важном (правильном, справедливом, оправданном), есть признак их легитимности, что решающим образом определяет социальную функцию правовых институтов.*

Легитимность как требование к социальным институтам права вытекает из постоянно возникающих проблем соотношения права и справедливости, права и разума, права и совести, права и свободы личности, права и морали, права и правды, и, главное, центральной проблемы — предназначения права. Эти проблемы снимаются, если право — всего лишь (и только) любые акты государственной власти (любой), если право — это только закон сильнейшего, проекция господствующей воли. С таких позиций правом можно было бы посчитать и фашистские расовые законы, и законы времен сталинского террора и т. д. Но где правит только сила, там право, закон, по сути дела, и не нужны, здесь доминирующая сила навязывает свою волю, одна сила ограничивает другие, тут правящий субъект один, он один «свободен», все остальные суть объекты господства.

Но также исторически очевидно (со времен афинской демократии), что возможен и иной способ политической организации общества и государства, где возникает потребность в нормах как воплощении взаимодействия свободных индивидов, упорядочивающих свои отношения через эти нормы. Только в таких условиях возникает право в собственном смысле, право как особый феномен, отдельный от воли сильнейшего, право как *мера и бытие свободы.*

Но если исходить из такого предназначения права, видеть в этом его суть, его специфику в ряду других социальных институтов, не отождествлять право и силу, то придется относить к праву только те государственные нормативы, которые эту суть выражают, т. е. в разной мере, но воплощают априорные, надпозитивные, до воли законодателя существующие категории, игнорирование которых лишает закон правовой силы. Центральное место здесь занимают гражданские права и свободы. Часть 2 ст. 17 Конституции РФ констатирует: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». От «рождения», а не по воле закона и государства, и любой закон, посягающий на прирожденные права и свободы человека, — есть, следовательно, закон не правовой, и основанный на таких законах социальный институт — не легитимен. *Ослабление и потеря легитимности ведут к социальной дезорганизации и распаду государственных структур.*

Особо в этой связи следует отметить социальную функцию института правосудия, роль *судебной системы*. Любое организованное общество, государство, любые способы организации власти не мыслимы без возможности применения насилия. При всем разнообразии государственного, общественного устройства присутствуют два способа применения силы государства. Первый — государственное принуждение, насилие выступает как результат решения, принимаемого на соответствующем уровне самой властной структуры. Здесь во взаимодействие включены две стороны: государство и тот, к кому насилие применяется, причем вторая сторона — не субъект в подобном взаимодействии, а бесправный пассивный объект применения силы.

Второй способ — властное принуждение выступает как результат решения, достигнутого третьей стороной путем сопоставления позиции государственного органа и противостоящего ему полноправного субъекта такого взаимодействия. Именно судебная система — тот важнейший социальный институт права, где государству в ходе судебного процесса на равных противостоят физические лица (граждане) и юридические лица (предприятия, фирмы, объединения, организации и т. д.), где стороны, участники процесса равны перед законом, вследствие чего властное принуждение выступает в форме судебного решения как результат подобного взаимодействия всех этих трех сторон. *По этим критериям — места, роли и степени эффективности судебной сис-*

темы, уровня ее авторитета в общем ряду социальных институтов, обеспечивающих стабильность общественных отношений, — различаются между собой полицейские и демократические государства.

Эффективность права. Если право по форме выступает как совокупность нормативных актов, то по своим функциям является важным социальным инструментом. Положение о том, что фактические (реальные, наличные) отношения (поступки, акты поведения) предшествуют правовой норме (велению, запрету), чрезвычайно важно. Императивная форма государственного веления («должен») может породить иллюзию того, что право творит общественную жизнь (а не наоборот). Фактически основой и содержательным источником права является социальная действительность, тогда как само оно — инструмент регулирования реальных отношений, закрепления и развития соответствующих форм общественной жизни. *Императив нормы — это ее форма («должен»), а содержание — конкретное правило поведения, рассчитанное на многократное повторение («должен это, а не это и не то...»).* В содержании нормы отражается и воплощается социальная реальность, которая служит объектом правового регулирования, в форме нормы — отношение к этой социальной реальности законодателя, в ней отражен и воплощен сам субъект правового регулирования (его «воля»).

Социальная сущность права проявляется в его реальном действии. Социальное действие права направлено, во-первых, на приспособление социальных институтов к процессам объективных изменений в социальной среде, и прежде всего изменений в характере материальных условий существования общества, изменений в экономике, структуре базовых социальных ценностей, и, во-вторых, на обеспечение правовыми средствами изменения и совершенствования указанных социальных институтов применительно к сознательно сформулированным целям общественного развития, находящим свое выражение прежде всего в государственной политике.

Социальная эффективность действия права, того или иного закона значительно повышается, если при формулировании его норм, в ходе его применения не возникает тенденция к попыткам оттеснить или заменить функционирование социальных, экономических закономерностей юридическими нормами, занести в категорию запрещенного, преступного не отклонения от объективной социальной нормы, а саму норму, попытаться

методами правового принуждения «поломать» такую норму, объявить противозаконными большинство актов данного рода. В такой ситуации право вступает в противоречие с наличием тех социальных норм, которые проявляются в виде устойчивых актов поведения людей в соответствующих ситуациях.

При этом если количество и опасность для общества актов поведения, противоречащих правовому запрету, явно незначительны, то государственное реагирование по отношению к ним будет нецелесообразным. Если же подобные акты поведения очевидно преобладают, сами становятся «нормой» поведения, то реагирование на них путем запретов и репрессий будет неэффективным. Следовательно, *действие права тем успешней, чем полнее выявляются и принимаются во внимание объективные закономерности, социальные нормы, присущие данной сфере социальной действительности.* (Подробно этот вопрос рассмотрен в гл. 12 «Социальные нормы, отклоняющееся поведение и социальный контроль».)

Выявление социальной эффективности права требует сравнения двух моментов — цели правовой нормы и реально достигаемого результата, а также сопоставления реального поведения людей с правовыми предписаниями, с той мерой возможного и должного поведения, которую очерчивает закон. Воздействовать на поведение людей закон может лишь в рамках конкретных условий, в которых находятся эти люди. Требования закона в таком случае соотносятся с потребностями людей, их реальными интересами, их социальными ролями, чертами их личности (установками, убеждениями). В ходе социальной деятельности люди объединяются в социальные группы и общности, слои и классы. Господствующие в этих общностях ценности, идеи, взгляды, представления и настроения влияют на усвоение ими требований правовых норм.

Реальное существование права. Реальное социальное существование права выявляется, во-первых, в связи с отношением индивидов, социальных групп и классов к данному праву, когда ценности, установки и иные характеристики индивидуального и группового сознания взаимодействуют с нормами, ценностями, воплощенными в отдельных, конкретных социальных институтах, прежде всего в системе правовых норм общества; во-вторых, в связи с соотношением самих правовых норм (системы права) с иными, более широкими социальными структурами — обще-

ственным правосознанием, моралью, идеологией; в-третьих в связи с соотношением совокупности политических, правовых, морально-этических и иных норм и ценностей с ведущими социально-экономическими характеристиками общества.

Если основная задача правовой науки — изучение соответствующих отраслей права, воплощенных в законодательстве, то задача социологии права — исследование социальных закономерностей становления и развития правовых норм, регулирующих деятельность социальных институтов, поведение индивидов; закономерностей, проявляющихся в ходе взаимодействия норм права и объективных социальных норм; установление степени эффективности права в ходе реализации основных задач социальной политики.

Для социологии права важна прежде всего реальность права. В жизни реальное существование правовых норм проявляется в наличии постоянно повторяющихся актов поведения, социальных действий, воплощающих в своем содержании суть правовой нормы. В свою очередь, установить механизм такого поведения — значит выявить содержательные характеристики двух переменных: 1) правовой нормы и 2) интересов, мотивов, целей, установок лиц, чье поведение связано с реальным функционированием норм права. Из взаимодействия этих переменных можно вывести содержание и направленность соответствующих актов социального действия.

Деятельность индивидов, акты их поведения (т. е. постановка цели, выбор средств, принятие решения и его исполнение) всегда адресованы обществу: они влияют, воздействуют на него, они затрагивают составляющие его классы, социальные группы и слои, отдельных членов общества. Жизнь права, жизнь и «деятельность» закона — это жизнь людей, деятельность конкретных индивидов, так или иначе связанная с правом. Право с социологических позиций не есть лишь инструмент для решения социальных вопросов, не есть просто совокупность правил, установленных политической властью. *Право — это непосредственная жизнь людей*, оно неотделимо от их бытия, желаний, потребностей, страстей и мечты.

Социальный механизм действия права. Применительно к социальным явлениям само по себе наличие взаимодействия между лицами или группами лиц еще ничего не говорит о его характере, так как этим понятием в равной мере охватываются

случаи социального сотрудничества, сближения и вражды, конфликта, и случаи воплощения в поведении индивидов требований права, и варианты противоправного поведения.

Исследования, в которых право рассматривается в качестве независимой переменной, а соответствующее поведение личности, социальных групп, классов — в качестве зависимой величины, являются неполными. Полный анализ социального действия права включает и рассмотрение обратной зависимости, когда в целях, мотивах и установках людей изменения в системе социальных ценностей по линии обратной связи ведут к изменениям в социальной характеристике права, в содержании правовых норм, в их замене или фактическом бездействии.

Воздействие правовых норм на поведение не является односторонним процессом, в котором законодателю предоставляется право на активное, направляющее поведение (формулирование правового предписания, требование его исполнения), а тот, кому адресовано предписание или запрет, обречен лишь на пассивное воплощение предписания или выполнение запрета. При таком подходе игнорируется активная роль реальных интересов, мотивов, целей, устоявшихся способов поведения (объективные социальные нормы), во взаимодействии с которыми только и может проявиться реальное действие права, его социальный эффект.

Социальный порядок (частью которого является правовой порядок), его состояние зависит от характера и состояния динамического равновесия во взаимодействии индивидов, групп, социальных классов с социальной средой, частью которой служит правовая система. Устойчивый правопорядок свидетельствует о том, что изменения, происходящие в социальной среде, системе права — с одной стороны — и поведение индивидов — с другой, не нарушают данный тип взаимодействия индивидов с социальной средой. Реакции индивидов на правовые веления не приходят в этом случае в противоречие, в конфликт с правом. С другой стороны, изменения в характеристиках индивидов (групп, классов) также влияют на эволюцию правовой системы, не создавая конфликтных ситуаций, не изменяя принципиально уравновешенный характер взаимодействия.

Стабильность системы «личность—социальная среда» (или «индивид—норма права») есть лишь один из показателей ее нор-

мального функционирования. Другим важным показателем устойчивости системы взаимодействия данного типа служит способность к своевременному изменению ее структурных характеристик, что позволяет обрести взаимозависимым переменным (правовой системе и индивидам, социальным группам) взаимно учитывать происходящие изменения. Так, если индивидуальное или групповое поведение под влиянием факторов экономического, демографического или иного характера значительно меняется, а правовая система остается неизменной, то возможно либо фактическое прекращение взаимодействия (законы практически утрачивают силу), либо конфликтные ситуации.

Примером нарушения нормального взаимодействия личности с социальной средой является нарушение норм права, т. е. нарушение типичного для данной системы вида взаимодействия личности с социальной средой. При этом совершенное правонарушение свидетельствует о замесе взаимодействия, обозначаемого понятием «социальная адекватность», иным типом социального взаимодействия, а именно взаимодействием конфликтного характера, отрицающим систему ценностей и правовых норм, типичных для данной социальной среды. Конфликтное взаимодействие может быть охарактеризовано как социальная неадекватность, т. е. несоответствие поведения личности основным социальным, правовым характеристикам среды.

Состояние неадекватности социального взаимодействия такого типа, причины его возникновения, его характер могут быть прослежены с позиций изменений в правовой системе, характере велений и запретов и их влияния на поведение индивидов с одной стороны, и с позиций изменений в характеристике самих индивидов (групп, классов), их реальных интересов, позиций и установок и влияния этих изменений на правовую систему — с другой.

Динамический характер взаимодействия элементов социальных структур подсказывает, что для сохранения равновесия социальные системы должны приводить в норму постоянно возникающие в нем (этом взаимодействии) возмущения, отклонения. *К социально-правовым компенсирующим механизмам относятся те виды социальной деятельности, цель которых — обеспечить развитие, эволюцию данной нормативной системы при сохранении ее принципиальных характеристик относительно постоянными.* Стремление к достижению этой цели воплощается в двух тенденциях: 1) гасить

стихийно возникающие отклонения в социальном поведении индивидов (или групп) от правовых норм; 2) приводить социальную систему в состояние устойчивого равновесия путем своевременного пересмотра самих правовых норм в сторону их приближения к происходящим социальным переменам.

К такого рода социальным институтам относятся те органы и учреждения (а по существу совокупность актов деятельности соответствующих уполномоченных лиц), которые призваны принимать законы, изменять или отменять их, а также обеспечивать их применение на практике. С одной стороны, в деятельности этих органов должна воплощаться сущность права как волевого предписания, как средства надлежащего регулирования поведения членов общества. С другой стороны, они должны служить средством обратной связи, когда изменение социальной реальности настоятельно требует соответствующей перестройки, переориентации определенных правовых предписаний.

Конституционный строй. В ряду центральных проблем экономической, социальной и духовной жизни современной России важнейшее место занимает создание правового государства, сутью которого является *обеспечение безусловного верховенства права, закона по отношению к деятельности органов государственной власти любого уровня*. Поскольку высшим законом государства является его Конституция, то существо этого законодательного акта и главное его реальное воплощение в общественной и государственной структуре, в важнейших областях социальной практики — основной показатель степени реализации социальной функции Конституции, сутью которой является *построение в стране конституционного строя*.

Правовые термины, понятия, дефиниции, включаясь в поле социального действия, неизбежно обретают особый смысл, их подлинное, реальное значение с более широким социально-культурным миром устойчивых, господствующих представлений, ценностных установок, социально-психологических стереотипов, только во взаимодействии с которыми и возможно функционирование указанных терминов, дефиниций, понятий. Но только здесь, в сфере совершения реальных социальных, политических действий выявляется суть, подлинный смысл и значение категорий права, правовых установлений, институтов в данных условиях места и времени.

Важнейшими из подобного рода правовых установлений, обретающих различный смысл, различное значение, являются конституции. Ясно, что определение этого понятия ссылкой на наличие официально изданного текста соответствующего наименования было бы явно недостаточным. Издание Конституции как конкретного юридического документа может служить лишь отправным моментом для определения наличия (или отсутствия) конституционности как реального социального, правового и политического феномена. Термин «конституция» (лат. *constitutio*), пришедший в российский политический язык с Запада, изначально включал в себя два значения: во-первых, конституция как конструкция, устройство чего-либо, и, во-вторых, Конституция как особый государственно-правовой документ. Из единства этих значений, как само собой разумеющееся, вытекало единство Конституции как политического, правового документа и конституции как наличной конструкции данного государства и общества, когда нормы и принципы Конституции входят в жизнь, реализуются в структуре и деятельности государства, правом положении его граждан.

Конституция как единство правового текста и реального социального строя жизни есть продукт конституционного развития. «Конституционализация» социальных отношений — суть процесса построения демократического общества и государства. В ходе конституционного развития могут быть отмечены такие социальные процессы критической важности, как общая идентификация народа и легитимизация Конституции. Под идентификацией при этом понимается осознание народом себя как определенного единства, характеризующегося самостоятельным, конкретным качеством — возникновением в общественном сознании общей, объединяющей категории «мы» («мы — россияне», а не «мы — рязанцы, новгородцы» и т. д.).

Кризис идентификации возник, например, в период американской революции, когда отделившиеся от метрополии бывшие колонии приступили к созданию конституционного государства. Осознание себя как единой, новой нации, единым народом происходило через осознание себя как жителей штата («мы — из Новой Англии», «мы — из Вирджинии») к общему самоопределению: «мы — американцы». Правовое выражение этот процесс идентификации находил последовательно: в Декларации независимости Соединенных Штатов Америки 1776 г., статьях Конфедерации 1771—1788 гг. и, наконец, в

Конституции Соединенных Штатов 1787 г., переходя от превращения «соединенных колоний» в «свободные и независимые Штаты» (Декларация независимости), от «вечного союза» между штатами (статьи Конфедерации) к действующей Конституции США, в которой провозглашается, что это «народ Соединенных Штатов Америки» вводит и утверждает ее.

Идентификация нации, народа есть необходимое социальное условие легитимизации данной Конституции. Если Конституция в состоянии служить фокусом, узловым пунктом народной идентификации, она обретает легитимность, под которой понимается реальное, фактическое признание, принятие конституции народом, отношение к Конституции как к «нашей», «своей». Но тогда в Конституции должны находить воплощение нравственные идеалы, базисные представления, по крайней мере, большинства народа о справедливости, о правде как о моральном образце и т. д. *Легитимность как социальная база Конституции создается в той мере, в которой большинство народа считает ее правильной, подходящей, нужной и готово соблюдать ее без необходимости всякий раз оценивать обоснованность каждого государственного акта.*

Распад СССР как государства засвидетельствовал неудачу в установлении общности, идентификации на основе категории «мы — советский народ», так же, как неспособность Конституции СССР сыграть роль центра такой идентификации. Распад Советского Союза вскрыл фиктивный характер этого документа, показал его фактически «нулевую» легитимность. В настоящее время в Конституции РФ 1993 г. провозглашается: «мы, многонациональный народ Российской Федерации... принимаем Конституцию Российской Федерации». Центральная проблема заключается в возможности достигнуть достаточного уровня общности на базе самосознания «мы — россияне», в возможности российской Конституции *послужить фокусом идентификации российской нации, ее народа и тем самым обрести легитимность, стать нераздельной частью социальной реальности России.*

§ 7. Социальные институты семьи

В обществе любого типа с неизбежностью возникают и развиваются социальные институты семьи. Социальные институты семьи, вырастая на основе специфических биологических черт

человека, обретают свою социальную природу путем реализации семей важнейших социальных функций. С биологической точки зрения только у человеческих существ отсутствуют ограниченные во времени сезоны, в течение которых возможна близость между мужскими и женскими существами, только у людей имеется возможность зачатия потомства в течение всего года. Второй биологической особенностью людей является гораздо более длительный, чем у всех других существ период беспомощности рожденного ребенка, что диктует необходимость сохранения в течение длительного периода заботы о нем со стороны выкармливающей его матери и необходимость экономического обеспечения семьи со стороны отца.

В течение тысячелетий в каждом обществе заботой матери являлся уход за ребенком, заботой отца — материальное обеспечение семьи и ее защита (охота, тяжелый крестьянский труд, война). Вследствие этого повсеместно возникла единообразная структура: мужчины и женщины вступали в постоянные отношения, в ходе которых достигалось наиболее эффективное развитие потомства и осуществлялась необходимая экономическая активность, базирующаяся на разделении полов.

В условиях сельскохозяйственного, по преимуществу, производства семья выполняла функцию важнейшей производственной ячейки, была экономической структурой, в рамках которой создавались и аккумулировались материальные ресурсы, что предопределило необходимость возникновения таких специфических институтов, как институты брака, развода, наследования. Через посредство таких институтов распределялись и перераспределялись материальные ресурсы, наследовались власть и привилегии. Никакое общество не может существовать, не создавая особый механизм, обеспечивающий непрерывную замену одних членов общества другими. Семья как социальный институт выполняла эту социальную функцию, обеспечивая преемственность поколений путем восприятия индивидами социальной роли отца или матери и связанной с такой ролью ответственности.

Ребенок, законно рожденный в семье, приобретает стабильное положение в обществе. По наследству передается не только материальное состояние, но и социальный статус, часто сохраняется принадлежность к той же этнической группе, к которой принадлежит семья, принадлежность к тому же классу

или к числу последователей той же религии. Происхождение человека представляет собой значительный фактор, определяющий положение человека в обществе, его социальный статус. В современном модернизированном, динамично развивающемся обществе наряду с подобного рода предписанным (данным, гарантированным по семейному происхождению статусом) все больше возможностей предоставляется для обретения достигаемого статуса, для завоевания положения в обществе благодаря усилиям самого человека. Тем не менее семейная принадлежность сохраняет роль фактора, в определенной степени определяющего социальный статус индивида.

Семья представляет собой важнейшую разновидность первичных социальных групп, обеспечивая социализацию молодежи в ходе усвоения детьми нормативов общественной жизни; сообщая членам семьи чувство безопасности; удовлетворяя эмоциональную потребность в совместных переживаниях, в обмене чувствами и настроениями; предотвращая психологическую неуравновешенность; защищая от переживания чувства изолированности, которое в своих крайних проявлениях ведет к деморализации личности, к возникновению деструктивных проявлений в поведении (агрессия и аутоагрессия). Еще Э. Дюркгеймом статистически было показано, что одинокие, вдовы или разведенные чаще подвержены самоубийству, чем женатые, а женатые, но не имеющие детей, чаще, чем имеющие детей. Процент самоубийств тем меньше, чем сплоченнее семья. Около 30% умышленных убийств — это убийства одними членами семьи других ее членов¹.

Если одним из результатов успешного функционирования семьи как социальной группы является достижение жизненно важного для индивида и всего общества результата — социализации индивида, что обеспечивает эффективное предупреждение отклонений от требования социальных норм в подавляющем большинстве сфер общественной жизни, то развал семьи подрывает самые основы организации общества как упорядоченной социальной системы.

Значение семьи как первичной социальной группы предопределено не только ее особой ролью в социализации индивидов, но и ее особой, фундаментальной ролью в аккумуляции, сохранении и передаче от поколения к поколению основы со-

¹ См. Шестаков Д. А. Семейная криминология. СПб., 1960

циальной структуры общества, той базовой структуры, которая, в случае сохранения семьи, переживает смену политических режимов, институтов. Семья выполняет роль посредника между индивидом и обществом. Семья помогает индивиду занять свое место в обществе, реализовать себя в качестве члена общества, с одной стороны, и, с другой стороны, обеспечивает ему защиту, охраняет сферу его личной жизни, помогает сохранить свою индивидуальность.

Такова важнейшая социальная функция семьи. Одной стороной семья обращена к обществу, она ячейка общества, семья социализирует индивида, т. е. придает ему важные типические, стереотипные, соответствующие требованиям социальной среды ее качества и свойства. Другой стороной семья обращена к индивиду, она охраняет интимную, сугубо личную, строго индивидуализированную сферу существования индивида. Именно в отношениях между членами семьи возникает специфическое переживание, возникает эмпатия, т. е. переживание чувств других лиц (их страданий, огорчений и т. д.) как своих собственных. Семья как место безопасности, сочувствия, утешения, душевного комфорта поддерживает стимул к активной деятельности. С распадом семьи как социального института, т. е. особой общественной структуры, утрачивается сама основа существования цивилизации данного типа.

В современном обществе структура и функции семьи претерпевают серьезные изменения. Непременным условием развития модернизированного, промышленного, урбанизированного общества является возрастающий уровень социальной мобильности, в таком обществе постоянно возникает необходимость для конкретных членов семьи переместиться, переселиться туда, где открываются возможности для получения работы, для социального продвижения. Это ведет к разрыву семейных связей, обязательства по отношению к семье уступают место императиву мобильности как залого достижению материального благополучия и социального успеха. Единство образа жизни членов семьи уступает место возникающему разнообразию их жизненных устремлений, нарастающему различию в их социальном положении. Семейные узы ослабляются или распадаются.

В условиях городского окружения все менее сохраняется семья из трех уровней (старшее поколение, их дети и внуки). В подобного рода патриархальной семье, служившей основной про-

изводственной единицей, большее количество членов семьи означало и большую производительность. В индустриализированном, городском окружении эта зависимость резко ослабляется. В подобном окружении многие функции семьи выполняются иными социальными институтами (уход за детьми, их образование, лечение, воспитание), социализирующая функция семьи дополняется в системе соответствующих институтов, средствами массовой информации и т. д. В условиях, когда экономическая, социализирующая, воспитательная функция семьи ослабляется, возникает тенденция основывать семейные узы на эмоциональной, духовной близости между супругами и относиться к детям не как к экономическому фактору семейного благополучия, не просто как к объекту социализации, воспитания, но как к самостоятельным индивидам.

В современном обществе залогом успеха становится не столько социальное происхождение индивида, прежде определявшее его судьбу, сколько его личные достижения и заслуги. Семейная принадлежность все меньше определяет социальный статус лица. Личные устремления начинают превалировать над семейными обязательствами. Они предопределяют брачный выбор, место проживания и род занятий индивида. Возникающая в индустриальном обществе нуклеарная семья (муж, жена, ребенок) становится более уязвимой в случае неблагоприятного развития событий (болезнь, старость, уход из жизни, материальные потери у кого-нибудь из членов семьи), чем семья патриархальная, где все подобные случаи могли быть компенсированы в силу взаимных обязательств.

Социальный институт семьи в России в послереволюционный период претерпел существенные изменения. Лишь в конце XVIII — начале XIX в. с развитием индустриального производства обозначился распад патриархальной семьи как доминирующего института. Последовавшая затем послереволюционная насильственная индустриализация страны, форсированная урбанизация населения были дополнены фактическим истреблением наиболее производительных семей патриархального типа в сельском хозяйстве («кулаки»); лишением (и на селе и в городах) семей экономической основы в виде частной собственности. Атеизм, как часть государственной идеологии, лишил институт брака его религиозной составляющей. Утверждение приоритета, превосходства, верховенства «общественного» над

«личным», государства над гражданином, официальной идеологии над общечеловеческими моральными, этическими, религиозными ценностями во многом извратили содержание первичной социализации индивида в рамках семьи

Тенденции в развитии социальных функций семьи в условиях современной России будут определяться в прямой связи с обретением семьями (как и гражданами в целом) социальных и экономических прав (право собственности в их числе), обретением реальной материальной основы семьи, во-первых, и социально-культурных, духовных, семейных ценностей гуманистического характера — во-вторых

Приложение

Социология в России: гражданское общество и правовое государство

Для освещения социологического аспекта гражданского общества и правового государства необходимо показать условия развития такого общества и правовые (конституционные) основы построения правового государства. Общество как объект социологии — это специфическая совокупность отношений между людьми, существование которых предопределяется их взаимной зависимостью, именно в обществе в ходе взаимодействия, совместных действий и поступков создаются культурные ценности и общие символы

В свете этих ценностей и символов вырабатываются социологические, правовые, моральные категории и понятия, и, что наиболее важно, указанные категории и понятия, включаясь в поле социального действия, неизбежно приобретают особый смысл, их подлинное, реальное значение связывается с более широким социально-культурным миром устойчивых, господствующих представлений, ценностных установок, стереотипов общественного сознания, только во взаимодействии с которыми и возможно реальное социальное функционирование указанных терминов, дефиниций, понятий. Но только здесь, в сфере совершения реальных социальных, политических действий выявляется суть, подлинный смысл и значение социологических категорий, правовых установлений, институтов в данных условиях места и

времени. Важнейшими из таких категорий являются определения гражданского общества, конституции, права.

Понятие «гражданское общество» составляет важный аспект общественной организации, по-разному выраженный в обществах различных типов. Сам термин «гражданское» указывает на корневое единство этого понятия с понятием «гражданин», т. е. гражданское общество есть общество граждан, но современное узко правовое понимание термина «гражданин» (гражданство как правовой статус жителя определенной страны) не отражает его подлинного социологического смысла.

Исторически термин «гражданство» восходит к латинскому «*civis*» — житель города. В русском понятии «гражданин» также есть единая основа с понятиями «город», «горожанин». Эти смысловые связи не случайны. Они говорят о том, что вовсе не все члены данного общества уже по этому суть граждане, т. е. лица, обладающие правом гражданства (*civitas* — право гражданства). И исторически лишь определенные категории жителей данной страны обладали таким правом. Общим здесь оказалось то обстоятельство, что несвободные жители, рабы не обладали правом гражданства, не были гражданами, не являлись членами гражданского общества. Два решающих признака отделяют раба от гражданина. Он не свободен экономически, он не субъект, не участник этих отношений, а их объект, он лишен решающего, центрального экономического права — права на собственность, первого социального качества гражданина. Другим таким решающим качеством, другим аспектом гражданства является аспект политический — участие граждан в решении государственных дел, в управлении государством, а также их право образовывать общественные союзы, организации, независимые от государства.

При всем многообразии исторически сложившихся видов общественного и государственного строя эти три признака — 1) быть свободным и обладать гражданскими правами (прежде всего правом на собственность), 2) участвовать в делах государства (в той или иной форме), 3) реализовывать и защищать свои интересы вне и помимо государства — неотделимы от понятия «гражданин» и, соответственно, та часть жителей данного общества, которая обладает такого рода гражданскими и политическими правами, образовывала и образует гражданское общество. *Гражданское общество существует там и тогда,*

где и когда экономически и политически свободные индивиды участвуют в государственной деятельности и обеспечивают свои интересы путем самоорганизации.

Наличие или отсутствие гражданских прав и свобод служит наиболее очевидным индикатором состояния и уровня развития гражданского общества. Характеризуя их наличие в дореволюционном российском законодательстве, профессор Н. М. Коркунов писал, что «постановления российского законодательства о правах гражданской свободы представляются крайне устарелыми и неудовлетворительными. Теперь, когда уничтожено крепостное право, долгое время тяготевшее над русским народом, когда введен гласный народный суд, когда местное общество призвано к самоуправлению, — странным анахронизмом, совершенной несообразностью представляется бесправие личности перед административным произволом и отсутствие хотя бы малейшей свободы общественной деятельности»¹.

Лишь во второе издание основных государственных законов 1906 г. были внесены значительные изменения по вопросам гражданских свобод. Были провозглашены: неприкосновенность личности, жилища, свобода передвижения и занятий, свобода собраний, образования обществ и союзов, свобода слова и религии. Тем самым были заложены основы для развития гражданского общества.

События в России после 1917 г. остановили развитие гражданского общества, реализацию экономических и политических свобод путем делегализации института частной собственности, установления политической монополии на власть, привели к деформации социальной структуры общества, социокультурных, морально-этических, религиозных основ общества в целом. Процесс укрепления органической структуры общества, вырастающей из исторического опыта, ведущего к естественному образованию крупных социальных групп, общностей классов, возникновению общих ценностей, символов, норм, стандартов, был прерван.

Перспективы развития гражданского общества в России сегодня могут быть оценены по указанным выше параметрам. Конституция РФ 1993 г. предусмотрела гражданские права и свободы. Реальность этих конституционных норм будет зависеть

¹ Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1914 С. 457

от реальности личной свободы граждан, их участия в делах государства и независимой от государства защиты своих интересов. Личная свобода выражается в политическом и экономическом аспектах. Политический аспект личной свободы зависит от реализации политических прав, экономический — от реализации права на собственность, на свободное распоряжение ею.

Современное развитие России, открывая дорогу для реализации политических свобод, лишь создает предпосылки к возникновению большинства, состоящего из граждан среднего класса, т. е. политически и экономически свободных членов общества, из тех, кто способен стать свободными людьми (экономически свободен тот, кто имеет собственность или зарабатывает достаточно, чтобы быть свободным), кто способен к ответственной, конструктивной политической деятельности и, в конечном счете, способен воссоздать гражданское общество, восстановить целостность национально-культурной традиции, образовать духовную общность, воспринять, развить и реализовать идею российского правового государства.

Концепция правового государства исходит из признания народного суверенитета (народ как носитель высшей власти), признания неотчуждаемых (прирожденных) прав личности и из понимания права как всеобщего масштаба и равной меры свободы индивидов¹.

Такое понимание основ правового государства противостоит концепции теократического (руководимого религиозными лидерами) государства, а также государств тоталитарного типа, выводящих свою власть из религиозных, расовых или классовых оснований².

Демократическое правовое государство — в отличие от тоталитаризма, деспотизма, авторитаризма — основывается на таком характере взаимоотношения между личностью, обществом и государством, при котором интересы личности, права и свободы граждан являются основной социальной ценностью, охраняемой обществом и государством. В соответствии с Конститу-

¹ См.: Новгородцев П. И. Лекции по истории и философии права: Учение нового времени, XIV—XIX вв. М., 1918; Нерсисянц В. С. Наш путь к праву. М., 1992; Пульс реформ / Сост. Ю. М. Батурич. М., 1989.

² См.: Пульс реформ. М., 1989. С. 135—177. Гл. Правовое государство или правовой нигилизм?

цией РФ деятельность государственных органов должна быть подчинена задаче обеспечения и охраны прав и свобод граждан, направлена на развитие независимых и полноправных институтов гражданского общества. Конституция гарантирует самостоятельную деятельность негосударственных общественных групп, объединений производственного, профессионального, культурного, научного, религиозного характера, которые свободно и самостоятельно реализуют свои интересы.

Демократия, т. е. власть народа, государственное правление в согласии с волей большинства, есть исходный, но не единственный шаг к правовому государству. Воля большинства выражается через представительные органы (парламент). Выражение воли большинства является необходимым, но не достаточным признаком правового государства. Основная опасность для демократии заключается в возможности использовать демократические институты для узурпации власти. Такая узурпация возможна со стороны исполнительных органов, располагающих средствами государственного принуждения. Само по себе создание выборных органов, их представительный характер, их коллегиальность не гарантирует от посягательств на суверенитет народа. История изобилует примерами, когда выборные представительные органы претендовали на абсолютную власть, становясь источником произвола. Так, всевластие революционного Конвента 1782 г. привело к якобинской диктатуре и террору, всевластие Советов привело к тому же в России в 1917 г. (Максимильен Робеспьер выступал за «самодержавие народа», а В. И. Ленин считал, что якобинцы дали «лучшие образцы демократической революции»).

Опасность всевластных органов государственной власти отмечалась давно. Замечательный исследователь демократии в Америке француз Алексис Токвиль писал в 1840 г.: «Встречаются люди, которые не боятся говорить, что народ в интересах, относящихся собственно к нему, не может выйти из границ справедливости и рассудительности, и что вследствие этого не опасно представлять большинству, представляющему собой народ, неограниченную власть. Но это язык рабов». И далее: «Когда я вижу, что право делать все предоставлено какой-нибудь власти, народу или королю, демократии или аристократии, правительству монархическому или республи-

канскому, то я говорю: там заключается зародыш тирании, я же хочу жить под другими законами»¹.

Что же ограничивает любую власть, в том числе и власть большинства? На этот вопрос П. Новгородцев отвечает так: «...в то самое время как в конституциях революционной эпохи провозглашался принцип суверенной воли народа, рядом с ним ставился принцип неотчуждаемых прав личности»².

И окончательный вывод: «Идея личности есть не только граница, но вместе с тем и норма, и основание народной воли»³.

Принципиальную роль в реализации народного суверенитета, прав и свобод граждан в демократическом обществе играет его конституция Социальная сущность конституции выявляется в свете ее основных функций. Центральной характеристикой демократического общества и государства является преобладание в государственной и общественной структуре не иерархически построенных отношений власти и подчинения, а системы упорядоченных взаимодействий равноправных групп, партий, институтов. Такого рода взаимодействие обеспечивается демократической конституцией. «Всякий сколько-нибудь важный новоиздающийся закон в современном конституционном государстве является компромиссом, выработанным различными партиями, выражающими требования тех социальных групп или классов, представителями которых они являются. Само современное государство основано на компромиссе, а конституция каждого отдельного государства есть компромисс, примиряющий различные стремления наиболее влиятельных социальных групп в данном государстве»⁴.

Продолжить это рассуждение можно следующим образом: суть любого (в том числе политического) компромисса — в обоюдном ограничении воли (силы) сторон — участников политического компромисса, и конституционное государство есть продукт такого компромисса. Государственная власть этим компромиссом принципиально ограничена. Именно поэтому конституция по своей социологической характеристике есть решающий ограни-

¹ Цит. по: Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М., 1909 С. 234—235.

² Там же С. 234.

³ Там же С. 237.

⁴ Кистяковский Б. А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции М., 1990. С. 111.

читель государственной власти. Такова центральная социальная функция конституции. В свою очередь, *ограничивая государственную власть, конституция выполняет функцию сохранения свободы — свободы классов, социальных групп, граждан*. Воплощая социальные компромиссы, конституция очерчивает границы, пределы, меру этих свобод. Определяя в своих нормах меру свободы конкретных субъектов — участников социальных взаимодействий, конституция предотвращает возникновение доминирующей политической силы, способной нарушить границу свободы всех остальных субъектов, лишить их этой свободы.

Тем самым конституция осуществляет центральное социальное предназначение права — быть воплощением и мерой бытия свободы. «Право по своей сущности и, следовательно, по своему понятию — это исторически определенная и объективно обусловленная форма свободы в реальных отношениях, мера этой свободы, форма бытия свободы, формальная свобода»¹.

В конечном счете возможны два способа построения социальных отношений — путем принуждения, насилия, когда доминирующая сила принуждает всех расположенных на низших ступенях социальной, политической иерархии к должному поведению. Другой способ — построение социальных взаимодействий, базирующихся на признании свободной воли как сущности человека, признании его свободы как основы социальной организации, обеспечивающей конструктивное развитие общества. Такого рода взаимодействия опираются на компромисс, соглашение, взаимное ограничение (и гарантирование) свободы участников политического процесса, выражаемые в конституции, в праве. *Сила, принуждение не нуждаются в праве для конструирования власти — в такой структуре доминирует сильнейший, одна сила ограничивается другой.* Только свобода нуждается в праве как в своем воплощении и мере. Законы же, воплощающие диктатуру, выражающие всевластие государства, не могут быть признаны правовыми актами, актами права в указанном смысле, а представляют собой позитивную санкцию бесправия, правовую фикцию, юридическую формулу произвола.

Институциональным способом ограничения государственной власти во имя защиты народного суверенитета, сохранения прав и свобод граждан является реализация принципа раз-

¹ Нерсисянц В. С. Право и закон. М., 1983. С. 342—343.

деления властей. Вся власть безраздельно принадлежит народу. Государству принадлежат отдельные, разделенные между собой ветви этой власти (законодательная, исполнительная, судебная). Этот принцип закреплён в ст. 10 Конституции РФ. Разделение государственной власти выражается в осуществлении различных по содержанию властных функций самостоятельными, независимыми друг от друга структурными подразделениями государственного механизма. Целью разделения властей является недопущение концентрации всей власти в какой-либо одной государственной структуре, а тем самым охрана гражданских, политических прав и свобод в обществе. При этом одна власть ограничивается другой и различные ветви власти уравнивают пределы властных функций соответствующих государственных институтов: законодательных (Федеральное Собрание Российской Федерации, состоящее из двух палат: Государственной Думы и Совета Федерации); исполнительных (Правительство Российской Федерации) и судебных органов (федеральные суды).

Различие между принятием законов, их исполнением и разрешением судебных дел находит, по И. Канту, своё обоснование в самих законах мышления, в трёх различных элементах силлогизма, где принятию закона (общего правила) соответствует большая посылка силлогизма, исполнению закона (подведению частных случаев под общее правило) — малая посылка, заключению из силлогизма — судебное решение (вывод из подведения частных случаев под общее правило).

В своём историческом развитии идея разделения властей первоначально ограничивалась обоснованием различия трёх указанных выше функций с точки зрения рациональной организации государственной деятельности (Аристотель, Локк). В XVIII в. принцип разделения властей приобретает новое значение — главного условия, гаранта сохранения политической свободы (Монтескье). В Конституции Французской Республики 1848 г. было провозглашено: разделение власти — первое условие свободного правительства. Такое понимание разделения властей вытекает из признания народного суверенитета. Захват какой бы то ни было структурной частью государства всей полноты власти означает узурпацию власти народа, народного суверенитета.

Принцип разделения властей, закреплённый в общей форме в ст. 10 Конституции РФ, реализуется и конкретизируется в

нормах Конституции, определяющих статус и компетенцию Федерального Собрания, Президента, Правительства и судов Российской Федерации. Так, выделение функции принятия законов и наделение соответствующей компетенцией Федерального Собрания (федеральные законы принимаются Государственной Думой) сочетается с правом Президента РФ издавать указы (в том числе — нормативного характера) и правом Правительства издавать постановления и распоряжения на основании и во исполнение Конституции, федеральных законов и указов Президента. Указанное право Президента производно от его конституционного статуса главы государства и гаранта Конституции РФ.

Управленческие акты исполнительного характера, издаваемые Правительством, связаны с наделением по закону органов исполнительной власти дискреционными полномочиями (дискреция — право свободного усмотрения в рамках, определенных законом). Социальная реальность закона — в его исполнении, и от успешности применения нормы закона (общего правила) к конкретным обстоятельствам зависит эффективность государственного управления.

Судебная власть, ее функции отличаются важной особенностью: если законодательная и исполнительная власть могут руководствоваться требованиями целесообразности, то для судебной власти руководящим является принцип законности. Лишь закон, а не какие бы то ни было иные соображения, влияния, требования, указания, есть основа судебной власти, что отличает ее от законодательной и исполнительной власти. Так, законодательная власть зависит от общества, от волеизъявления народа, выразителем интересов которого она должна являться; эта власть напрямую подвержена влиянию политических партий и движений. Исполнительная власть (Правительство) ответственна перед властью законодательной (Федеральное Собрание). В структуре исполнительной власти действует принцип соподчиненности низших звеньев высшим. Судебная власть независима и подчинена только закону. При решении конкретных дел низшие суды независимы от вышестоящих. Особую роль в обеспечении принципа разделения властей играет Конституционный Суд РФ, осуществляющий функцию высшего конституционного надзора (любой законодательный акт, любой акт органов управления, признанный

Конституционным Судом не соответствующим Конституции, утрачивает силу).

Судьба правового государства в России в конечном счете будет зависеть от восстановления деятельного, экономически и политически активного гражданского общества, от соединения идей демократии с традициями российской государственности в развитии народовластия. В свою очередь это станет возможным, если будет преодолен исторически образовавшийся правовой нигилизм, а также трагический разрыв между либеральной концепцией правового государства и национальными, морально-этическими, нравственными, религиозными элементами народного правосознания. Вне разделения властей идея правового государства реализована быть не может, ибо сама по себе власть большинства в этих условиях подвергается опасности послужить этапом, ступенью к установлению диктаторского режима, тем более что, по словам П. И. Новгородцева, «свобода не есть плод, произрастающий во всех климатах, и не каждому народу она приходится по силам»¹.

Новейшее социальное развитие требует утверждения концепции *гражданского общества, т. е. развития системы неправительственных институтов, обладающих достаточным влиянием, чтобы успешно уравновешивать власть государства и, не препятствуя ему, оказывать содействие в поддержании законности и правопорядка, в улаживании споров и конфликтов между противоречащими групповыми интересами*. Институты гражданского общества должны служить реальным препятствием как установлению абсолютного государственного доминирования, так и распаду общества. В сфере экономики это означает свободную частнопредпринимательскую деятельность на основе закона и в рамках государственного регулирования. Гражданское общество — «это общество, в котором государство и общество образуют две четко разделенных между собой сферы, причем государство имеет чисто инструментальный характер; контролируя индивидуальные интересы в их экстремальных проявлениях, оно само находится под контролем институтов, имеющих базу»².

Для того чтобы принципы демократии реально укрепились в России, чтобы формально-юридические структуры служили гарантом свободы и формой выражения гражданских прав, про-

¹ Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 31

² Геллер Э. Условия свободы. М., 1955. С. 214.

тивостояли и анархии, и деспотическому произволу, эти принципы и структуры должны обрести опору в общественном сознании, в признании общности национальной культуры с общечеловеческими демократическими ценностями, в признании их роли в нашей истории и судьбе в качестве фундамента гражданского общества и правового государства, ибо «никакому режиму не продержаться на одних только официально полученных полномочиях»¹.

Условием укрепления принципов демократии и формально-юридических социальных институтов является «сочетание твердых национально-государственных и религиозных основ с идеями равенства и свободы» — тезис, сформулированный в начале XX в., но не потерявший значения до сих пор².

Вопросы для закрепления материала

1. Какова формальная и содержательная стороны социальных институтов?
2. Каковы основные социальные институты, их виды?
3. Каковы условия нормального функционирования социальных институтов и когда возникают их дисфункции?
4. В чем проявляется легитимность государства?
5. Какова социальная роль договорных отношений в экономике?
6. Как реализуется интегративная функция систем образования?
7. Каковы социальные функции науки и технологии?
8. Каков моральный императив науки?
9. Какова социальная функция религии?
10. Каковы основные функции социальных институтов семьи?
11. Каковы социальные условия возникновения и развития гражданского общества в России?
12. От каких социальных условий зависят возникновение и развитие в России правового государства?

¹ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 149.

² См. Новгородцев П. И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. М., 1991. С. 253, См. также: Об общественном идеале. М., 1991. С. 573—574

Литература для дополнительного чтения

Геллнер Э. Условия свободы. М., 1955.

Келле В. Ж. Наука как компонент социальной системы. М., 1988.

Лейман И. И. Наука как социальный институт. Л., 1971.

Монтескье Ш. О духе законов. М., 1955.

Нерсесянц В. С. Право и закон. М., 1983.

Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991.

Новгородцев П. И. Сочинения. М., 1955.

Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

Смелзер Н. Социология. М., 1988.

Социология сегодня: Проблемы и перспективы. М., 1966.

Шестаков Д. А. Семейная криминология. СПб., 1996.

Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990.

Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1991.

Глава 11

СОЦИАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

§ 1. Возникновение организаций

Основные понятия. Система. Организация как форма социальной общности поистине вездесущна. Люди работают в организациях разного типа, живут в организованных поселениях, покупают все, что требуется для жизни в основном в торговых организациях, учатся, отдыхают, рождаются, отправляются на кладбища — все это происходит в организациях или через них. Поэтому в возникновении, функционировании и развитии общества ничего нельзя понять без изучения его организационных форм.

Ключевое понятие, с которого следует начать анализ феномена организации, — это социальная система. Что она собой представляет? *Социальная система* есть особый класс систем (наряду с техническими, биологическими, кибернетическими, экологическими и др.), элементами которых являются люди и возникающие между ними отношения. В другом смысле это понятие означает ту или иную социальную общность. *К наиболее*

развитому виду систем относится социальная организация, для которой характерны такие системообразующие качества, как цель, иерархия, управление, синергия. В меньшей степени эти признаки присутствуют в таких системах, как малая группа, население. Понятие «система» применимо также к таким историческим общностям, как нация, класс. В весьма ограниченной степени данное понятие может быть отнесено к статистическим качествам населения — образовательным, профессиональным, возрастным, половым и т. д., хотя некоторые из них могут создать свои системообразующие качества.

Среди социальных систем различаются гомогенные, состоящие только из одних социальных элементов — людей (например, многие малые группы), и гетерогенные, в которые наряду с человеком включены элементы иной природы. социально-технические (предприятие, город), экосоциальные (географический район). *Важной характеристикой систем является их сложность.* Социальные системы в принципе обладают большей сложностью, чем системы технические и биологические, поскольку их основной элемент — человек — имеет собственную субъективность и наибольший диапазон выбора поведения. Отсюда вытекают два следствия: значительная неопределенность функционирования и наличие границ управляемости ими.

Каждая конкретная система органически связана с системой более широкого масштаба и сообществом в целом как макросистемой, детерминируется ею, хотя и сохраняет относительную самостоятельность. Именно последнее — относительная самостоятельность — обеспечивает огромное разнообразие систем в обществе, в том числе значительные различия между ними в рамках одного и того же типа системы, будь то организация, семья, поселение и т. д. В этом смысле разнородные системы могут отличаться такими признаками, как тип лидерства, субкультуры, размерности.

Каждая социальная система в чем-то уникальна. Системы способны вырабатывать производные системы в сфере как сознания (язык, религия, наука), материальной среды (здания, вещи, станки), так и социального порядка (право, организационные структуры, общественные институты). Такого рода производные системы объективируются в обществе и получают в нем относительную автономию и собственные закономерности

Развитие социальных систем основывается на спонтанных изменениях и целенаправленном воздействии. К первым относятся самосовершающиеся процессы. Второе включает в себя формулирование общих целей, стимулирование к их достижению. Одним из основных средств управляемого развития систем являются нововведения. Но системы обладают и значительной инерционностью, поскольку новшества вызывают смещение равновесия в них и непредвиденные последствия. Поэтому возникает феномен «сопротивления» нововведениям, для преодоления которого требуются специальные методы активизации в них инновационных процессов.

Организация. В принципе *организация представляет собой высший уровень развития социальных систем.* Но применительно к социальным объектам термин «организация» употребляется в следующих случаях.

1. Организацией может называться искусственное *объединение* институционального характера, занимающее определенное место в обществе и предназначенное для выполнения более или менее ясно очерченной функции. В этом смысле организация выступает как социальный институт с известным статусом и рассматривается как автономный объект. В таком значении словом «организация» можно назвать, например, предприятие, орган власти, добровольный союз и т. д.

2. Термин «организация» может обозначать определенную *деятельность* по организации, включающую в себя распределение функций, налаживание устойчивых связей, координацию и т. д. Здесь организация выступает как процесс, связанный с целенаправленным воздействием на объект и, значит, с присутствием фигуры организатора и контингента организуемых. В этом смысле понятие «организация» совпадает с понятием «управление», хотя и не исчерпывает его.

3. Под «организацией» может мыслиться характеристика степени *упорядоченности* какого-то объекта. Тогда этим термином обозначают определенную структуру, строение и тип связей, выступающих как способ соединения частей в целое, специфических для каждого рода объектов. В этом смысле организация объекта — это свойство, атрибут последнего. С таким содержанием термин употребляется, например, когда речь идет об организованных и неорганизованных системах, политической организации общества, эффективной и неэффектив-

ной организации и т. д. Именно это значение подразумевается в понятиях «формальная» и «неформальная» организация.

В каких случаях возникает организация как социальный объект? Есть два механизма образования организаций, как форм социальной общности.

Чаше всего они возникают тогда, когда достижение каких-либо общих целей признается возможным только через достижение индивидуальных целей, или когда достижение индивидуальных целей оказывается возможным только через *выдвижение и достижение* общих целей. В первом случае создаются трудовые организации (предприятия и учреждения), во втором — акционерные общества и так называемые массовые союзные организации. Таким образом, *определяющим признаком социальной организации выступает целевая общность*.

Именно коллективное следование вызывает необходимость вводить *иерархию и управление*.

Социальные свойства организации таковы:

1) организация создается как *инструмент* решения общественных задач, средство достижения целей, поэтому на первом плане при изучении ее стоят такие проблемы, как выяснение ее целей и функций, эффективности результатов, мотивации и стимулирования персонала;

2) организация складывается как человеческая *общность*, специфическая социальность, т. е. совокупность социальных групп, статусов, норм, отношений лидерства, сплоченности/конфликтности;

3) организация объективируется как *безличная структура* связей и норм, детерминированная административными и культурными факторами. Предметом анализа организации в этом смысле выступает агрегированная целостность, построенная иерархически и взаимодействующая с внешней средой. А основные проблемы здесь — равновесие, самоуправление, разделение труда, управляемость организации.

Разумеется, все эти стороны имеют лишь относительную самостоятельность, между ними нет резких граней, они постоянно переходят одна в другую. Более того, любые элементы, процессы и проблемы организации должны быть рассмотрены в каждом из этих трех измерений, в которых они выступают в различных качествах. Например, индивид в организации есть одновременно работник, личность и элемент системы. Органи-

зационное подразделение есть функциональная единица, малая группа и подсистема.

Синергия. Эффективность организационных форм объясняется возникновением эффекта синергии (греч. *synergia* — сотрудничество, содружество). Именно синергия является тем соблазном, ради которого возникают организации. Это такой эффект, который возникает в сообществе людей от такого сложения сил, когда $2 \times 2 = 5$ или 6, 7... А это зависит именно от способа организации людей, от того или иного сочетания их усилий. В. И. Ленин не зря говорил: «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию». Он не имел в виду численность революционеров, а лишь способ их объединения.

Проявление синергии в социальных организациях означает прирост дополнительной энергии, превышающий сумму индивидуальных усилий их участников. Причем в организациях это явление оказывается управляемым, его можно усиливать, видоизменять, если понимать источники появления организационного эффекта, а именно: возрастание совокупной энергии в зависимости от типа внутрикollectивной связи.

Можно выделить несколько стадий процесса возрастания энергии социальной организации.

Ощутимый эффект дает уже простая массовость, т. е. *одновременность, однонаправленность* многих усилий. Одно и то же бревно, одни и те же люди не могут поднять по очереди, но вполне способны сделать это совместно. К тому же здесь возникает так называемый вторичный эффект объединения — психологическое взаимодействие участников, чувство «мы», взаимное сравнение, состязательность, групповой контроль.

Введение даже простейших форм *расчленения* общей работы, распределение участников по отношению друг к другу в последовательную зависимость еще больше усиливает совокупный эффект: например, передавать арбузы с берега на баржу из рук в руки по цепочке эффективнее, чем каждому носить от начала до конца свою ношу. Такой способ сотрудничества К. Маркс назвал комбинированием труда. Но тут, как и в предыдущем случае, сохраняется однородность операций у всех работников.

Новый уровень эффективности задает разделение труда по специальностям, т. е. *специализация*, когда работник добивается наиболее высоких результатов благодаря совершенствованию навыков в выполнении какой-либо одной производственной

операции. Но при этом появляется новый *социальный продукт специализации* — «частичный работник». Разделение труда превращается в его дробление, процесс достигает верхнего предела: на производстве иглодок, например, проволока проходит через руки десятков отдельных рабочих. Пресодолеваются эта «частичность» работника-виртуоза тем, что его опыт позволяет формализовать выполняемые им и доведенные до автоматизма операции и на этой основе создать технические орудия труда, — на них теперь и переносится специализация. Однако в то же время упрощаются функции работника-оператора этих машин, его специализация становится все более и более узкой, привязывая работника к «должности одного движения» (чаще всего — нажатия кнопки на пульте управления сложнейшими современными машинами и механизмами). Таким образом, достигнув верхней точки, процесс завершается появлением машин, которые обеспечивают техническое и технологическое единство надежнее и дешевле. На этом линия «выжимания» указанного эффекта исчерпывается. Но закладываются новые линии, и они проявляются вплоть до наших дней (тейлоризм, мейоизм и т. д.). Таким образом, тайна организационного эффекта коренится в принципах объединения индивидуальных и групповых усилий: единство цели, разделение труда, согласование и пр.; способы осуществления последних весьма разнообразны.

§ 2. Стрoение организаций

Организационная сложность. Организации отличаются высокой степенью многомерности и неопределенности строения и функционирования. Они относятся к числу *сверхсложных систем*. Их сложность может превышать возможности управления контролировать организационные процессы. Решение проблемы может быть направлено в сторону как сужения диапазона управления, так и упрощения устройства организации, или повышения разрешающей способности управления.

Сложность систем бывает *абсолютной* (объективной, заложенной в объекте) и *относительной* (субъективной, характеризующей способность управления). Эти виды сложности не всегда совпадают.

Организационная сложность начинается уже с повышения *множественности* элементов. В таком случае усиление относи-

тельной сложности происходит при неизменности абсолютной сложности. Однако каждый прирост абсолютной сложности вызывает рост относительной, хотя последняя может меняться и без усиления первой, например, через развитие знания о системе. Следующий уровень сложности начинается на стадии, когда возникает разнообразие элементов, особенно когда *разнообразие* касается не только функций (техническая, биологическая системы), но и природного качества элементов (социотехнические системы). Далее — *многообразие связей* между элементами, если в системе обнаруживаются части и уровни. Максимум сложности на этой стадии проявляется в противоречиях между элементами, частями и уровнями системы (противоположность функций, несовместимость). Наконец, высшая степень сложности системы означает *автономию* всех составляющих уровней, частей, элементов. В социальных организациях — это субъективность их основного «материала», т. е. наличие у людей собственных целей, свободы поведения.

В организациях представлены все степени сложности — как в многомерности, так и в неопределенности. Впрочем, и на верхней стадии абсолютной сложности относительная, субъективная сложность может быть невелика. *Управление пользуется разными способами «ухода» от сложности организаций*, например, методом «черного ящика»: центральное звено не вникает в особенности функционирования самостоятельного подразделения, филиала или мотивацию работника, воздействуя через стимулы на «вход» и оценивая «выход» по результату.

Стремление уйти от сложности порождает немало других приемов — систематизацию, декомпозицию, агрегирование, которые относятся как к самим системам, так и к знанию о них. Есть сугубо гносеологические приемы, чаще всего редукция, т. е. объяснение явления одной природы с привлечением знаний, теории о явлениях иной природы. В теории организации были попытки введения законов социальной организации к более изученным (биологизм, физикализм). «Сползание» общей теории систем на уровень частных наук, использование их методов анализа вместо собственных методов нередко сопровождается подменой сходства по аналогии сходством по гомологии (аналогия есть совпадение по одному или нескольким признакам; гомология — полное совпадение). Применительно к социальным организациям больше других применяется такой метод преодо-

ления их сложности, упрощения, как социальная формализация, т. е. стандартизация организационных связей и норм.

Формализация связей и норм. *Социальная формализация* как способ организованности — это целенаправленное формирование стандартных, безличных образцов поведения в правовых, организационных и социокультурных формах. В социальных организациях формализация охватывает контролируемые связи, статусы и нормы. Благодаря ей снижается абсолютная и относительная организационная сложность.

Важнейшим признаком этого способа организованности служит всякого рода зафиксированность его элементов, т. е. договорное, документальное закрепление их в единой системе правовых, технологических, экономических и других норм и зависимостей.

Результативный эффект формализации проявляется, в частности, в концентрации и канализации организационной деятельности в наиболее оптимальном направлении, в устойчивости, стабильности функционирования организации, в возможности более или менее длительного прогнозирования функциональных процессов, в экономии организационных усилий за счет сокращения амплитуды поисков в каждой конкретной ситуации. На этой основе создается *формальная организация* предприятия, учреждения.

Существуют два пути формализации социальных систем. Первый путь — через *оформление естественно сложившегося* состояния, основанный на осмыслении предшествующего опыта. При этом анализ сложившейся практики функциональных отношений, фиксируемой в сознании как данное, приводит к поиску и вычленению из нее наиболее повторяющихся постоянных, непреходящих элементов. Формальная организация здесь как бы выводится из опыта. Такого рода формализацию можно назвать «рефлексивной». Например, длительно складывающееся стихийное распределение функций в каком-то подразделении предприятия однажды фиксируется и закрепляется в виде специального административного распорядка, служащего организационной основой функционирования этого подразделения и эталоном для создания новых. Второй путь формализации — это «*конструирование*» социальной организации. В данном случае создание программы предшествует актуальному существованию организации. Например, создание нового предприятия предполагает предварительную разработку специального проекта, плана работы и т. д., в соответствии с которыми организуются его

техническая и социальная структуры. Прошлый опыт здесь также присутствует, но лишь как прецедент, урок.

Формализация, естественно, означает сужение диапазона выбора, ограничение, даже *подчинение, субъективной воли участника организации безличному порядку*. Однако это неизбежная, выработанная объективным ходом развития социальных, и прежде всего организационных процессов, форма стабилизации всякой длительной кооперации людей.

Феномен неформального. Формализация никогда не может охватить все организационные отношения. Поэтому наряду с формальной частью всегда существует и неформальная, точнее, *другой тип организованности*, который *представлен социально-психологической организацией как спонтанно складывающейся системой межличностных отношений*. Они неизбежно возникают в ходе более или менее длительного общения, основанного на взаимодействии работников как личностей. Такая организация есть результат непосредственной избирательности отношений в коллективе, направленных на достижение цели удовлетворения индивидами их социальных потребностей (в общении, признании, принадлежности). *Социально-психологическая организация проявляется главным образом в группообразовании.*

Социально-психологические группы включают небольшой контингент людей, связи между которыми установились стихийно, но которые сравнительно долго поддерживают между собой эти непосредственные («лицом к лицу») связи. В таких группах люди объединены взаимным интересом, хотя каждый из них осознает или выделяет себя как специфическую социальность. Предельная численность группы определяется возможностями поддержания непосредственных, личных контактов и, по данным большинства исследователей, обычно состоит из 3—10 человек. Следует добавить, что такую группу характеризует и определенная социально-психологическая общность: чувство солидарности, взаимного доверия, общей судьбы. Границы ее могут совпадать с формальными или отличаться от них, включать членов нескольких подразделений организации, разбивать последние на неформальные подгруппы, которые за пределами организации не функционируют вообще.

Желая удовлетворить свои социальные потребности в рамках группы, человек попадает в зависимость от нее; группа в состоянии контролировать его поведение. В ее распоряжении имеется ряд средств воздействия: осуждение, моральная изоляция и др.

Группа стихийно формирует собственные нормы поведения, следовать которым должен каждый ее член. Таким образом, вырабатывается социально-психологический механизм внутригруппового контроля. В группе происходит распределение ее членов по шкале престижа. Причем это распределение часто не совпадает с должностной, ранговой структурой. В группе возникают отношения лидерства. Иначе говоря, *структура коллектива раздваивается на формальную и социально-психологическую* (подразделение — группа, руководитель — лидер, должность — престиж). Подобное раздвоение может привести к явлениям дезорганизации. Поэтому задача социолога — найти способы совмещения формальной организации и организации социально-психологической (подбор персонала, выборность руководителей и т. п.).

Но раздвоение организации этим не исчерпывается. Формальной оргструктуре противостоит не только социально-психологическая, но и *внеформальная организованность* персонала. Что это значит?

Нередко служебные отношения не вменяются в сугубо формальные связи и нормы. Для решения ряда проблем работникам иногда приходится вступать между собой в отношения, не предусмотренные никакими правилами, инструкциями, вообще заранее заданными предписаниями, что совершенно естественно, ибо формальная структура не может предусмотреть все, да и не должна пытаться это делать.

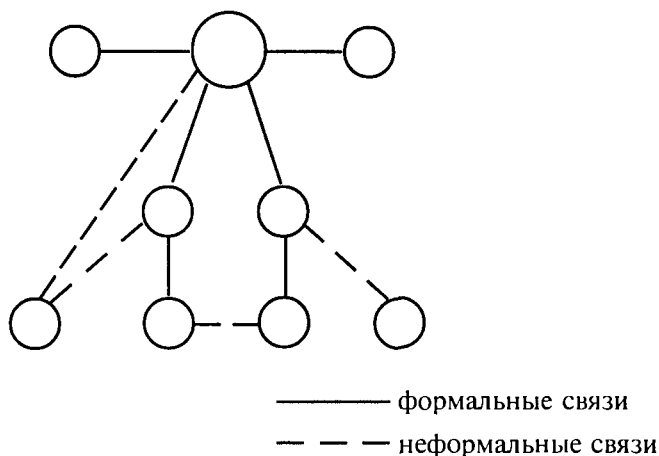

Рис. 11.1. Соотношение формальной и внеформальной организаций

Например, на рисунке 11.1 видно, как от директора предприятия (крупный кружок), минуя его заместителя, возникает устойчивая линия (изображена пунктиром сверху вниз) служебного взаимодействия с начальником одного из отделов заводоуправления. Это отдел сбыта, он сейчас на самом острие рыночной жизни, а квалификации у его сотрудников мало, поэтому «первое лицо» предприятия стихийно стремится к более строгому контролю за его работой. То же и с другой пунктирной линией снизу: два начальника служб (иногда и цехов) не могут решать все вопросы через «верх» и устанавливают между собой непредусмотренную ранее «горизонталь». Так дела идут быстрее

Таким образом, если социально-психологическая организация какого-либо предприятия, учреждения создает связи и нормы ради удовлетворения потребностей работников как личностей — в общении, признании, принадлежности, — то *внеформальная организация* возникает вследствие стремления людей как работников лучше решать свои служебные дела, но своим каким-то способом. Это вполне *служебные, нацеленные на дело, на работу, но не предусмотренные инструкциями и правилами деловые отношения, не подтвержденные официально*. Поэтому в организации обычно существует «параллельная» система связей и норм. Она может быть очень полезной для организации или вредной. Но она возникает естественно, из-за невозможности охватить официальными стандартами все отношения, ситуации, личностные особенности.

Цели организации. И все же *самый ключевой элемент организации — цель*. Именно для нее люди сходятся в организации, именно ради ее достижения выстраиваются в иерархию и вводят управление.

Цели организации бывают трех разновидностей: 1) *цели-задания*: планы, поручения, задаваемые организации по подчинению более широкой организационной системой и отражающие внешнее назначение организации как социального инструмента; 2) *цели-ориентации*: общие интересы участников, реализуемые через организацию, соответствуют свойству организации как человеческой общности; в них проявляются целеустремленные свойства человеческого фактора организации; 3) *цели-системы*: равновесие, стабильность, целостность, устанавливаемые управлением и необходимые для функционирования материализованной и объективизированной структуры. Для организации

в целом эти цели не связаны между собой по предпочтению, последовательность в них прослеживается только генетическая: организация с ее структурой создается под цели-задания, а интересы персонала лишь потом наполняют ее.

При определенном единстве целей организаций между ними возможны и некоторые несовпадения, противоречия. Так, если заводу, производящему трубы, цель-задание когда-то задавалась в тоннах, то цели-ориентации коллектива склонялись к толстостенным трубам, к увеличению веса продукции, что нерационально с точки зрения потребителя. Нововведения вызывают некоторое нарушение равновесия внутренних связей в организациях, что обостряет проблему целей системы и может обернуться сопротивлением организаций новшествам. Поэтому согласование всех компонентов целевой структуры организаций — важнейшая задача управления, а их рассогласование — источник дисфункций и патологии в организационных отношениях. Названные цели являются базовыми, достижение их связано с появлением множества вторичных, производных целей — повышение качества продукции, улучшение условий труда, укрепление дисциплины и др.

Иерархия. Для организации коллективных действий, направленных на реализацию общих целей, люди не могут избежать иерархического построения. *Во-первых, социальная иерархия — универсальная форма построения социальных систем* (государство, организация, поселение, семья) на основе соподчинения, когда «нижние» уровни контролируются «верхними». При этом, чем «выше» уровень, тем уже его социальный состав, отчего иерархическая структура принимает вид пирамиды. *Во-вторых, в иерархии проявляется централизация управления, единоначалие, лидерство.* Эта функция иерархии возникает вследствие невозможности (за некоторым пределом) непосредственного взаимодействия какого-то количества людей и естественной необходимости выделения посредника — должности, функции, органа.

Иерархия выступает как обобщенная функция совместной деятельности в виде координации, начала общего процесса, интеграции индивидуальных действий в целое. В таком смысле она представляет собой разделение труда не только по «горизонтали», но и по «вертикали» на более общие и более частные функции, на решение и исполнение. Как и всякое *разделение труда*, иерархия вводится для эффективности, чтобы использовать выгоды централизации.

Иерархия выступает и как односторонняя *личная зависимость* одного индивида от другого. Это значит, что один из работников может воздействовать на положение и поведение другого без того, чтобы тот другой тоже мог воздействовать на первого. Такая зависимость в иерархических отношениях закрепляется в статусах и составляет одну из сторон социального неравенства. Суть этой стороны (представляющей собой одновременно и сторону иерархических отношений) состоит в том, что связь по субординации не может регламентироваться полностью: в должностном поведении работника «верхнего» уровня остается диапазон выбора характера и способов воздействия на работника нижнего уровня, когда решение ряда вопросов предоставляется «на личное усмотрение» работника управления, руководителя. Отсюда возникает так называемый личный режим в организации, т. е. законное проявление субъективных качеств одного работника по отношению к другому по линии их субординации.

Иерархия функционирует как *власть*, т. е. подчинение членов данной организационной системы правилам и указаниям. Специфика этой стороны иерархических отношений состоит в контроле безличных требований над волей работника, в необходимости приспособления его индивидуальности к организационным функциям. Власть достигается посредством ограничения свободы поведения индивида, предписания ему требований поведенческого и деятельностного характера. Поэтому власть предполагает принуждение, поскольку подобные требования могут идти вразрез с некоторыми собственными намерениями и интересами работника, отчего возникает обязательный атрибут власти — санкции за отклонение.

Формы иерархии бывают не только линейными и вертикальными. Так, существует феномен влияния в виде экспертности и другие варианты «боковой» иерархии. Например, элементы системной субординации заложены в организациях между контролирующими, санкционирующими службами (бухгалтерия, отдел кадров, охрана) и другими подразделениями. Подобные отношения распространяются и на межорганизационный уровень: организации потребителей организуют контроль за качеством продукции у производителей; контролирующие функции по горизонтали имеют санитарную, пожарную и другие инспекции. Проводятся эксперименты типа «пирамиды с меняющейся геометрией», когда вводится, например, выборность руководителей при сохранении единоначалия.

§ 3. Функционирование организаций

Управление в организациях. Разумеется, *центральной осью функционирования трудовых организаций является управление*. Сущность социологического подхода к управлению состоит в выделении трех его компонентов. Первый из них — *целенаправленное управляющее воздействие*, включающее целеполагание и целеосуществление, составляет ядро управления. Такое воздействие бывает внешним (когда орган управления находится за рамками самих объектов), а также самоуправлением (когда воздействие осуществляется подразделением или субъектом, входящим в состав самого объекта). Второй компонент управления — социальная *самоорганизация*, т. е. спонтанные процессы внутриколлективного регулирования (дилерство, «шкала престижа», неформальное группообразование, социальные нормы).

Оба названных компонента образуют третий — *организационный порядок*, включающий в себя как продукты «прошлого» управленческого труда (решения, объективированные в стабильной должностной структуре, административном распорядке), так и систему стихийно сложившихся правил и норм отношений в коллективе, «деловых обыкновений».

Оптимальное соотношение данных элементов предполагает их интеграцию на основе использования возможностей и учета границ каждого из них, снятия возможных противоречий. Так, руководитель заинтересован как можно больший объем решений (приказов, заданий) перевести из формы разовых воздействий в форму долговременного порядка или «подключить» спонтанные регуляторы к целям, поставленным перед организацией. В этом смысле *проблематику управления* составляют такие актуальные проблемы, как взаимосвязь формальной и неформальной структур, отношения «руководство—подчинение», участие исполнителей в выработке общих решений, сосдинение личных, групповых и общеорганизационных целей, оценка руководителей, адаптация персонала и др. В последние годы стали активно разрабатываться также социологические проблемы управления техническими и организационными нововведениями, формированиями гибких организационных структур, управленческого консультирования. Объектами управления являются индивид, группа, организация, другие социальные образования и процессы.

Методы управления — это комплекс социальных методов целенаправленного воздействия на работников, группы и коллективы.

На каждом указанном уровне управление сталкивается со специфическими проблемами, а значит, и вырабатывает соответствующие методы; одни из них применимы в каждом из трех случаев, применение других ограничено каким-либо одним случаем. По отношению к отдельному работнику предприятия можно выделить разные виды воздействия (методы социального управления) на его поведение:

- а) прямое (приказ, задание);
- б) через мотивы и потребности (стимулирование);
- в) через систему ценностей (воспитание, образование и т. д.);
- г) через окружающую социальную среду (изменение условий труда, статуса в административной и неформальной организации и др.)

Применительно к группе, входящей в производственный коллектив предприятия, методы социального управления распределяются следующим образом:

- а) целенаправленное формирование состава группы (по квалификационным, демографическим, психологическим признакам, количеству, размещению рабочих мест и т. д.);
- б) сплочение группы (посредством организации соревнования, совершенствования стиля руководства, использования социально-психологических факторов и иных способов).

На уровне же социальной организации предприятия используются методы:

- а) согласование формальной и неформальной структуры (преодоление противоречий между запланированными и действительными связями и нормами);
- б) демократизация управления (посредством повышения роли общественных организаций, широкого привлечения работников к выработке общих решений, выборности некоторых руководителей производства, развития трудовой активности и т. д.);
- в) социальное планирование (повышение квалификации работников, совершенствование социальной структуры коллектива, улучшение благосостояния и другие мероприятия).

Отношения «руководство—подчинение». Понятие «руководство» близко к понятию «управление» и используется для выделения особого типа организационных отношений, а именно

работы руководителя с подчиненными в непосредственном контакте по решению служебных задач.

Исходя из этого, социологический подход предполагает анализ руководства как особого, триединого отношения между людьми в организации. Во-первых, руководство — это отношение между разными статусами, уровнями административной структуры, имеющее под собой правовую основу и проявляющееся в виде односторонней зависимости одного работника (должности) от другого. Во-вторых, руководство — это и отношение между отдельными рабочими функциями общего трудового процесса: одной — более «общей», другой — более «частной». В нем (трудовом процессе) связываются, с одной стороны, функция организации, с другой стороны — исполнения. Наконец, в-третьих, руководство — это также отношение между личностями, специфический тип общения. В последнем случае рассматривается его социально-психологическое содержание — взаимное признание, влияние, стиль, интересы.

Перечисленные стороны отношения «руководство—подчинение» не могут существовать в отрыве друг от друга, они переплестены, хотя и имеют относительную самостоятельность. *Социология исследует отношение «руководство—подчинение» как проявление на межличностном уровне более общих отношений по управлению.* Воздействие руководства на подчиненных имеет цель побуждать их к определенному трудовому повелению как в соответствии с требованиями организации, так и согласно собственным представлениям.

Возможны два способа воздействия: прямой (приказ, задание) и опосредованный, мотивирующий (через стимулы). В первом случае руководство направлено непосредственно на деятельность подчиненных, и необходимость соответствующего поведения подкрепляется санкциями за отклонение от него. Результат достигается за счет того, что для работника «потери» от возможных санкций за невыполнение требуемого превышают его «затраты» на выполнение. В своей крайней форме такое отношение «руководство—подчинение» выступает как принуждение, т. е. цели руководства не связываются с интересами исполнителя, противостоят им. Второй способ предполагает воздействие на мотивы и потребности работника. Побуждение к труду происходит через удовлетворение потребности личности, что выступает как компенсация за трудовой вклад. При прямом воздействии такой

компенсацией служит отсутствие неагивных санкций. Эффект здесь достигается за счет «самоусиления» воздействия соответствующей мотивацией индивида.

В процессе руководства проявляются личные особенности руководителя, поэтому складываются разные стили руководства. *Стиль руководства можно обозначить как систематическое проявление каких-либо личных качеств руководителя в его отношениях с подчиненными, в способах решения деловых проблем* Рамки формальной организации оставляют некоторый диапазон для выбора руководителем той или иной линии служебного поведения по отношению к подчиненным ему работникам и служебным задачам. Сознательный выбор или спонтанные колебания в этих рамках неизбежны и зависят от индивидуальности руководителя — его культуры, установок, характера, опыта, знаний, т. е. детерминируются психологическими и социокультурными факторами, присущими как руководителю, так и коллективу, профессии, региону, социальной категории. Различают следующие основные разновидности стиля руководства: *авторитарный* — руководитель не считается с мнением подчиненных, навязывает им свою волю; *демократический* — подчиненные привлекаются к выработке общих решений; *слабый* — руководитель самоустранился от руководства, его влияние в коллективе незначительно, слабо выражено. Стиль руководства тесно связан с культурой управления.

Стиль руководства проявляется в стимулировании труда. *Стимулирование — метод опосредованного воздействия на трудовое поведение работника, его мотивацию через удовлетворение потребностей личности, что выступает как компенсация за трудовое усилие.* Ориентация на получение удовлетворения в целом сильнее побуждает человека к определенному поведению, чем прямое управленческое воздействие на него посредством приказа. Однако организация стимулирования сложнее прямого воздействия. Системе стимулов противостоит система мотивов и потребностей. Стимулирование эффективно в той степени, в какой эти две системы органично сочетаются.

Деление стимулов на «материальные» и моральные условно. Так, премия — не только денежное вознаграждение, но и свидетельство признания, уважения. В задачи эффективного управления входит расширение системы стимулов, применяемых в социальном управлении. Стимулами могут быть условия труда,

гибкие системы рабочего времени, отношения в коллективе и т. д., но главным стимулом остается материальная заинтересованность, более полное осуществление принципа оплаты по труду, его результатам. В связи с особенностями современного производства, прежде всего его сложностью, вследствие чего вклад отдельного работника в конечный продукт несочевиден, особое значение приобретают коллективные формы оплаты труда и стимулирования (бригадные методы, коллективный подряд и т. д.).

Управленческие решения. Каков же *главный продукт управления?* Это, несомненно, *производимые им решения. Управленческое решение есть формально зафиксированный проект какого-либо изменения в организации, в осуществлении которого помимо субъекта решения участвуют и другие члены организации.* Такое решение есть элемент отношений «руководство—подчинение», т. е. принимается «за других» и выступает как фактор власти в организации. Принятие управленческого решения означает определение необходимости и цели предлагаемого изменения, а также включение его в систему организационных отношений; *осуществление управленческого решения подразумевает наличие в нем плана, а затем и самой деятельности по достижению цели.* Понять содержание управленческого труда можно прежде всего по его главному продукту — решениям. Давайте поэтому рассмотрим типы последних.

В социологии за основу типологии управленческих решений могут быть приняты степень и возможность индивидуального вклада субъекта решения в содержание самого решения, что показывает степень влияния руководителя на организацию в целом. Если же подходить к управленческим решениям с другой стороны, то за основу типологии может быть взята степень предопределенности, детерминированности содержания данного решения каким-либо организационным условием, что может свидетельствовать о некоторых границах воздействия руководителя на организацию.

На этой основе выделяются следующие разновидности управленческих решений.

1. Жестко детерминированные решения, на содержании которых индивидуальные особенности руководителя не сказываются совершенно или сказываются незначительно. В этом случае личность субъекта решения как бы «не вытягивается» в процесс его принятия, поскольку содержание решения предопределено организационными условиями (законом, инструкцией, распо-

ряжением вышестоящей инстанции и т. д.). Такие решения в свою очередь могут быть двоякого рода: а) стандартизованные, рутинные (например, решения о выдаче очередной заработной платы, увольнении работника после подачи им заявления, выплата пособий по профзаболеваниям и т. п.) и б) производные, вторичные решения, т. е. принятые во исполнение, в развитие других решений, и неизбежно вытекающие из них (ранее принятых, «спущенных» извне и т. д.).

2. «Инициативные» решения (т. е. не жестко детерминированные), содержание которых предполагает индивидуальный вклад субъекта решения. Диапазон колебаний при этом может быть значительным, что для организации имеет важные последствия. Здесь также можно выделить две разновидности: а) решения ситуационные, имеющие преимущественно эпизодический или локальный характер (поощрения, наказания, отдельные назначения и проч.), б) реорганизационные, т. е. направленные на изменение какого-либо элемента организации (перераспределение ресурсов, разработка новых задач, изменение административной структуры, капитальный ремонт и т. п.). Понятно, что и такие решения в какой-то мере детерминированы внешними условиями, предопределены, лимитированы организационными условиями, например требованиями технологии, экономикой.

Для исследования управления именно последняя группа управленческих решений представляет основной интерес (решение типа 2б), так как эти решения включают в себя организационное проектирование и в наибольшей степени связаны с личным вкладом руководителя. Удельный вес таких решений в общем объеме управленческих решений сравнительно невелик по данным некоторых наблюдений число изданных по ним приказов колеблется от 5 до 30% от общего числа приказов. Замечено, что на их численности сказываются отраслевая специфика (в машиностроении их больше, чем в химической промышленности), стиль руководства, стабильность организации, ритмичность производства и другие условия.

Существенным основанием для типологии решений является ориентация решения на поддержание организационного порядка или на его развитие, изменение. Весьма значительным является также распределение решений по объему охватываемого ими организационного пространства: касается оно одного человека, бригады, участка, отдела, цеха или всего предприятия; по

времени действия: разовые, долгосрочные, постоянно действующие, что указывает на степень временного контроля, на планирующую способность управления. Необходимо иметь в виду и то, что одни решения требуют более или менее длительного периода осуществления и определенных усилий для этого; осуществление других является прямым следствием самого акта их издания (например, назначить на должность, объявить благодарность).

В качестве критерия дифференциации решений можно предложить фактор участия разных категорий работников в их принятии. В этом смысле выделяются два крайних «полюса»: решения единоличные и решения групповые, а между ними существует континуум разных сочетаний того и другого: с учетом мнений специалистов, с учетом мнений исполнителей, с предоставлением информации и права решения отдельным подчиненным.

Анализ управленческих решений чрезвычайно информативен с точки зрения исследования механизмов и эффективности управления предприятием. Такой анализ дает представление о распределении управленческих усилий по разным внутриорганизационным вопросам, о способах решения этих вопросов, о стиле руководства коллективом и т. п. *В управленческих решениях фокусируются основные цели, интересы, противоречия, характерные для жизнедеятельности организации, социальных отношений внутри нее.* Из методов исследования здесь предпочтительны анализ документов (текстов приказов, распоряжений, планов оргтехмероприятий, протоколов заседаний); фиксированное наблюдение (фотография рабочего дня руководителя, совещаний); экспертные оценки (определение эффективности решений, путей повышения их качества и т. д.).

Самоорганизация. Деятельность по управлению включает в себя не только вертикальные отношения «руководство—подчинение». *Организациям присуще также и самоуправление.* Понятие «самоуправление» обычно имеет два смысла: широкий и узкий. *В широком смысле самоуправление означает автономное функционирование* какой-либо организационной системы (подсистемы), правомочное принятие ею решений по внутренним проблемам. В этом смысле та или иная степень самоуправления свойственна любым предприятиям, учреждениям, поселениям и т. п. Но с социологической точки зрения, т. е. *в узком смысле слова, самоуправление выступает как коллективное управление,*

как участие всех членов организации, населения в работе соответствующего органа управления, включение исполнителей в процессы выработки общих решений.

Самоуправление не отрицает необходимости отдельного органа управления и профессиональной управленческой деятельности вообще. Технология современного управления требует квалифицированного технического, правового, организационного обоснования решений, рациональных процедур их согласования, издания, контроля за исполнением.

Кроме того, самоуправление предполагает сочетание демократизма со специализацией, что определяет его не только производственную, но и социальную эффективность. При этом различие между управляющей и управляемой подсистемами отчасти преодолевается, так как объект управления в некоторой степени становится и субъектом его. Единство централизованного управления и самоуправления составляет основу целенаправленного управляющего воздействия в обществе.

И еще одно понятие необходимо связать с управлением — «*социальная самоорганизация*». Им обозначают проявление спонтанных процессов в обществе, в коллективах, группах, т. е. *самосовершающиеся процессы социального регулирования. Отличительный признак социальной самоорганизации — спонтанность*, самопроизвольность, отсутствие единого субъективного начала. В подавляющем большинстве случаев целенаправленные индивидуальные действия образуют спонтанные процессы в рамках более широких социальных систем и процессов. В демографической сфере самоорганизация проявляется в виде воспроизводства населения, брачности, миграции, в экономической — в виде колебаний потребительского спроса, рыночного механизма. К социально-психологическим элементам самоорганизации можно отнести традиции, обычаи, общественное мнение. В трудовых организациях самоорганизация выступает как неформальная организация (лидерство, шкала престижа, сплоченность—конфликтность). Таким образом, самоорганизация есть продукт социального взаимодействия в массовом, коллективном или групповом масштабах. *Использование самоорганизации в управлении существенно повышает эффективность последнего и составляет важный фактор развития в трудовых организациях.* Процессы самоорганизации могут играть как конструктивную, так и деструктивную роль, т. е. проявляться как дезорганизация.

И последнее понятие управленческого цикла — *«социальное регулирование»*. Оно означает целенаправленное управляющее воздействие, ориентированное на поддержание равновесия в управляемом объекте и развитие его посредством введения в него регуляторов (норм, правил, целей, связей). Социальное регулирование представляет собой «косвенное» управление и осуществляется (наряду с «прямым») через задание объекту требуемого результата и путей его достижения. Посредством социального регулирования создаются возможности и ограничения деятельности, которые должны вызвать в управляемом объекте мотивацию и целеполагание, желаемые с точки зрения субъекта управления. Использование методов социального регулирования предполагает высокую степень самостоятельности управляемых объектов, развитые самоуправление и самоорганизацию в них.

Управляемость организаций. Интегральной характеристикой эффективности управления в организациях является их управляемость. *«Управляемость» — это, с одной стороны, та степень контроля, который управляющая подсистема какого-либо организационного целого осуществляет по отношению к управляемой, а с другой — та степень автономии, которую управляемая подсистема сохраняет по отношению к управляющей.* Разумеется, грань эта подвижна и варьирует в ту или другую сторону в зависимости от типа организации, качества управляющего воздействия, особенностей объекта. Однако совершенно исчезнуть она не может. Это характерно для технических и биологических систем и еще более касается систем социальных.

Границы управляемости определяются сложностью управляемого объекта, закономерным расхождением между формальной и неформальной структурами, неполнотой или недостоверностью информации, качеством решений. Наиболее адекватным критерием степени управляемости является осуществляемость управленческих решений. Повышение управляемости обеспечивается за счет улучшения качества управляющих воздействий, объединения персонала вокруг общих целей и развития системы мотивации.

§ 4. Типология организаций

Различные организационные образования довольно широко распространены в любом обществе. Встречаются, например, социальные общности, обладающие некоторыми признаками

организаций (разделение функций, иерархия, принятие решений, фиксированное членство). Наличием подобных признаков организации отличаются от таких социальных общностей, как классы, нации и т. п.

Формы организации. В обществе образуются следующие организационные формы.

1. Деловые организации — фирмы и учреждения, которые либо возникают сами для коммерческих целей, либо создаются более широкими организационными системами для решения отдельных задач. Цели наемных работников не всегда связаны с целями владельцев или государства. Членство в них обеспечивает работников средствами к существованию. Основа внутреннего регулирования — административный распорядок, принципы единоначалия, назначения, коммерческой целесообразности.

2. Общественные союзы, массовые организации, цели которых вырабатываются «изнутри» и представляют собой обобщение индивидуальных целей участников. Регулирование обеспечивается совместно принятым уставом, принципом выборности, т. е. зависимостью руководства от руководимых. Членство в них дает удовлетворение политических, социальных, экономических, любительских потребностей.

3. Существуют промежуточные формы организаций, например кооперативные (сельскохозяйственные, рыболовецкие колхозы, старательские артели), которые соединяют в себе основные признаки союзов, но выполняют роль потребительских кооперативных организаций (потребсоюзы, жилкооперативы и т. д.). В обществе возникают организационные образования и другого рода, которые не являются собственно организациями, но имеют некоторые признаки последних.

4. Например, ассоциативные организации — семья, научная школа, неформальная группа. В них заметны некоторая автономия от среды, относительная стабильность состава, иерархия (главенство, лидерство), сравнительно устойчивое распределение участников (по ролям, престижу), принятие общих решений. Регулятивные функции осуществляют спонтанно складывающиеся в них коллективные нормы и ценности. Однако степень их формализации незначительна. Но более важное их отличие от организаций первых двух типов заключается в особенностях целевых свойств: они строятся на взаимном удовлетворении интересов, когда не общая цель является фак-

тором объединения, а цели друг друга, т. е. цель одного участника служит средством достижения цели другого. Конечно, целое и здесь не тождественно его составляющим, но общие цели суть совпадающие, индивидуальные.

5. Сходными организационными признаками обладает и такой тип общности, как поселение. Первоначально люди селятся вместе, чтобы через соседские связи использовать деятельностные способности друг друга, подчиняясь при этом какой-то целесообразности целого (соблюдая планировку улиц, формы и размеры жилища, структуру специализации и т. п.), которая каждому в отдельности не нужна. По мере урбанизации фактор целостности возрастает, обезличивается и обособляется еще больше.

Очевидно, что все указанные организационные формы взаимосвязаны и пересекаются между собой. На территории большинства поселений находятся административные организации (милиция, префектуры и пр.), многие имеют аппарат и даже предприятия. Иногда оказывается эффективным их слияние, когда, например, исследовательский институт создается на базе научной школы или персонал отдаленной метеорологической станции формируется из членов одной семьи. В каких-то других же случаях подобные сочетания считаются вредными, дезорганизующими.

Деловые организации. Остановимся специально на типологии так называемых деловых организаций. К ним относятся частные или государственные фирмы, учебные, лечебные и иные прибыльные и неприбыльные организации. В таких организациях помимо работников есть материально-техническая база, финансовая, документальные системы. Их наличие не зависит от состава и состояния персонала, хотя последний в какой-то мере может влиять на их качественные и количественные параметры.

Помимо этого в организации существует объективированная в административно-правовой структуре обезличенная система связей и норм, необходимая для выполнения трудовых функций в стабильном взаимодействии и в единстве цели. Эти нормы и связи тоже в основном нейтральны по отношению к персональному составу работников. Последний может даже полностью смениться, но нормы и связи в принципе останутся теми же.

Сходное различие прослеживается и в управленческих отношениях. На предприятии, в учреждении функции управления

персоналом и производством выполняет администрация. Она не является органом коллектива и формируется частными владельцами или государством. Разумеется, такой орган коллектива, как комитет профсоюза, влияет на управление предприятием, но не несет коммерческой, дисциплинарной, правовой ответственности за результаты его деятельности. Он представляет интересы персонала перед администрацией, администрация же выступает как представитель частного капитала или государства.

Общественное положение деловой организации и ее персонала часто не совпадает. В нашем обществе собственником многих предприятий и учреждений все еще является государство. Но имущественная ответственность за них лежит на предприятиях и учреждениях, но не на персонале. Это значит, что юридическими лицами выступают организации, а не персонал. Прибыль, полученная в результате производства, составляет доход владельцев, а не их работников. В то же время организация в целом немыслима без персонала. Основной производительной силой является человек. *Если решающее влияние на строение и функционирование организации оказывает общественный строй, тип собственности, то в рамках одного и того же типа общества важнейшее значение в деятельности организации имеет персонал — его состав и состояние.* Так, сплоченность и (или) конфликтность, стабильность персонала, уровень квалификации, дисциплинированность работников — все это прямо определяет эффективность организации.

Эмпирическая типология деловых организаций выделяет среди них два типа: предприятия (занятые в производстве и распределении материальных ценностей и услуг) и учреждения (занятые в сфере умственного труда). К первому типу относятся организации производственные, торговые, обслуживающие, ко второму — образовательные, лечебные, культурные, управленческие, научные и проектные. Проблемная же типология дает иные группировки. С точки зрения проблемы «личность—общество» деловые организации можно разбить на две группы: занятые удовлетворением человеческих потребностей (работают на каждого) и занятые в сфере общественной интеграции (работают на целое). В первую группу попадают организации, которые обеспечивают свою прибыль производством материальных предметов потребления (одежда, питание, жилище, предметный мир), условиями для рекреации (отдых, лечение); поставляют

предметы духовного потребления (идеи, художественные ценности, знания); во вторую — организации, осуществляющие социальный контроль (органы надзора), социальное управление (правительство, местная администрация). Выделяется также промежуточная группа организаций, занятых социализацией (воспитательные, образовательные, информационные учреждения), — она в той или иной степени работает на обе функции (см. рис. 11.2).

Рис. 11.2. Типология деловых организаций по общественной функции

Отношения между организациями. С точки зрения места и участия деловых организаций в общественных отношениях следует учесть, что партнерами организаций могут быть или другие организации, или массовый потребитель, или, наконец, какие-то конкретные категории населения. Так, очевидны принципиальные различия между такими парами организаций, как строительная компания и ЖЭК, оптовая база и магазин, хотя они занимаются общим делом. В одном случае кон-

такт возникает между однородными, организованными объектами, в другом организация выходит на дискретную, массовую среду, поведению которой свойственны несравненно большая стихийность и неопределенность. Более того, если межорганизационные отношения в данном аспекте происходят по поводу промежуточных результатов, например, хозяйственной деятельности, то организационно-массовые отношения возникают вокруг конечного продукта этой деятельности и сюда в итоге сходятся нити всех предыдущих связей. Поэтому вдоль второго из названных типа отношений проходит одна из важнейших линий социально-экономического взаимодействия. Именно организации этого типа выступают факторами общественных настроений, индикаторами удовлетворенности. Организационно-массовый тип отношений распадается далее на аудиторную (вне организации) и клиентурную (внутри нее) разновидности. Значимость такого различия объясняется зависимостью социального расстояния от пространственного, вследствие чего отмеченные отношения обладают разной степенью интенсивности, неодинаковым обратным воздействием адресата-потребителя.

Нельзя не учесть и такую разницу в контактах: одни возникают индивидуализированным образом (по аудиторным связям, например, таксомоторный парк, милиция, а по клиентурным — магазин, больница), другие — совместно, совокупно (по тем же группам: газета, общественный транспорт, кино, театр, вуз). Особого внимания заслуживает клиентурный индивидуализированный тип контакта с точки зрения высказанных выше соображений (усиленная по сравнению с другими вариабельность, интенсивность). Данная группа деловых организаций может быть выделена в качестве специального объекта социологических исследований массового сознания, социальной эффективности общественного производства, соотношения структур конечного продукта и потребностей. Кроме того, как и в других группах, эти организации имеют сходные проблемы и нуждаются в разработке для них типовых методов обучения персонала тактике воздействия, восприятия и т. п.

Организации-союзы. Массовые, союзные организации — политические партии, творческие, любительские объединения и т. п. — это разновидность общественной организации, представляющая собой добровольный союз разных категорий насе-

ления, объединяющихся вокруг конкретных общественных и групповых целей и действующих на основе совместно принятых устава, программ, выборности руководства. Массовые организации являются важной формой общественной самостоятельности и самоуправления, фактором гражданского общества.

По своим задачам они делятся на политические, профессиональные, научные, творческие и т. п. По типу членства массовые организации делятся на организации только с индивидуальным членством (партия, профсоюзы), с коллективным членством (ассоциации городов и предприятий), со смешанным членством (научные общества), без членства (женсоветы, общественные движения). По общественной роли выделяются массовые организации, ориентированные на дела всего общества и преимущественно на потребности, интересы своих членов. К первому типу относятся партии, претендующие на руководство обществом и важнейшими его сферами, и добровольные общества, ориентированные на решение какой-то отдельной общественной проблемы, не связанной прямо с нуждами их членов (охрана природы, памятники истории и культуры, спасение на волах и т. п.). Ко второму типу относятся потребительская кооперация, общества рыболовов, охотников, коллекционеров и т. д., а также организации, созданные для компенсации распространенных недугов (общества слепых и глухонемых). Существует также разновидность массовых организаций, сочетающих решение важных социальных задач с удовлетворением потребностей своих участников (объединения изобретателей, спортивные общества). Помимо массовых организаций действуют и другие общественные союзные организации, ограниченные рамками коллективов, территории (кооператив, акционерное общество, садоводческое товарищество).

§ 5. Организационная патология

5.1. Виды оргпатологий

Подобно врачу или адвокату, специалисту в области социологии организаций придется иметь дело с патологиями и ошибками в построении организаций и управлении ими, которые следует квалифицировать как *отклонение от нормы*. Это

представление о патологии идет от медицины. Здесь действительно есть некоторая аналогия. Но в таком представлении об организационной патологии есть и некоторая слабость, а именно: оно предполагает, что кто-то знает, что есть норма. Вопрос о том, можно ли сформулировать какую-то организационную норму и в каких случаях это возможно, неясный. Полного отсутствия болезней, абсолютного здоровья не бывает. Иначе говоря, само по себе представление об организационной норме, об организационных нормативах очень сложно и спорно. Например, можно говорить, что по нормам текучесть кадров такая-то. Но иногда текучесть кадров должна быть очень интенсивной, очень высокой, и это не есть что-то ненормальное. Поэтому необходимо предложить и другое определение организационной патологии — как *дисфункции*. *Организационная дисфункция означает целенедостижение*, когда в функционировании организации обнаруживаются устойчивые сбои по каким-то очень важным и трудноискоренимым причинам.

Оргпатологии можно разделить на две группы: в строении организаций и в управленческих решениях.

Рассмотрим их по порядку и проиллюстрируем примерами из опыта практической работы консультанта по социологии организаций.

5.2. Патологии в строении организаций

Господство структуры над функцией. Есть такой управленческий инстинкт у многих руководителей: если возникла проблема, нужно создать организацию или подразделение для ее решения. В советское время это было особенно распространено: если плохо с овощами — образовать Министерство плодоовощной продукции; если неладно с кормами для скота — рождалось Министерство машиностроения для кормопроизводства и т. д. Министерств и ведомств получалось множество, их приходилось объединять в специализированные бюро Совета Министров, но и этих бюро становилось все больше... Словом, структура разрасталась чудовищно, государство выглядело культуристом.

Но реальные дела по оргструктурам не разведешь. По закону департаментализации цели у каждой организации были свои, границы между ними разделяли общее дело, оно барах-

талось в согласованиях на стыках, подавлялось неадекватной структурой.

Приведем пример: когда Б. Н. Ельцин возглавил Московский горком КПСС, группу социологов пригласили оценить проект новой структуры партийных органов в городе. В орготделе горкома вывесили плакаты со схемами, был рассказ о проектах. Потом спросили: как специалисты смотрят на все это? Ответ был такой: «Оценить новую структуру мы не можем потому, что, согласно нашей науке, *функция определяет структуру, а не наоборот*. И если Вы скажете — как меняются функции в Москве, мы скажем, насколько предлагаемая структура им соответствует». Договорившись о проведении оргдиагностики, они скоро пришли к выводу, что политическим функциям действовавшая тогда отраслевая оргструктура горкома, райкомов совершенно не соответствовала, а выстроенный под нее аппарат был в состоянии выполнять только контрольно-хозяйственные функции, но не политические.

В новой России, как и во всем мире, эта разновидность оргпатологий тоже проявляется нередко, особенно в крупных организациях. Иногда они и крупными становятся именно этим патологическим способом, когда структура господствует над функцией.

Итак, *функция первична по отношению к структуре*. Последняя, вообще, нужна только в той мере и в том виде, в каком она наилучшим образом обеспечивает выполнение функции.

Верный путь предупреждения такой оргпатологии — избегание чисто структурных решений организационных проблем и задач. Стараться там, где только можно, вместо подразделения или организации создавать механизм (типа программы, мотивации, новых приоритетов и т. д.). Структуры тем полезнее, чем меньше в них уровней, т. е. их надо строить «плоскими».

Бюрократия. Это особый вид оргпатологий. Рутинная, неразбериха, аппаратность, культ процедур в ущерб целям и т. п., конечно, имеют прямое отношение к теме бюрократии, но суть не в этом.

Любая должность есть стандарт на исполнение. Но это такой стандарт, который не может не допускать колебания в служебном поведении. Никто не в силах формализовать должность так, чтобы не оставалась некоторая амплитуда колебаний в исполнении тем или иным способом, — *на усмотрение* исполнителя, когда тот и другой способ поведения законен и приемлем для

организации. *Феномен личного усмотрения присущ любой должности.* Однако работник может «приватизировать» эту возможность выбора конкретного поведения, использовать названное усмотрение в личных интересах. Прежде всего — поставить других в одностороннюю зависимость от себя, искусственно приподнять свой статус, усилить свое влияние в организации.

Итак, *бюрократизм* присущ не только власти, он возникает и в горизонтальных отношениях. Его источник, на наш взгляд, — *эксплуатация «личного усмотрения».*

Сказанное здесь означает, что *эта разновидность оргпатологии*, в отличие от предыдущей, *неустраима.* Лучший способ сопротивления ей — прозрачность деятельности, унификация учета и доступность его для обзора. Сильное средство — обозначение порока публично или в узком кругу, т. е. предъявление работнику понимания средой типа его поведения как именно такой формы оргпатологии. А еще более надежный путь — формирование корпоративной культуры, т. е. объединения персонала вокруг общесфирменных целей.

Бессубъектность. Возникает тогда, когда от работника ничего не зависит, и он не в состоянии принять свое решение, тем более — реализовать его. То есть он — не субъект в своей деятельности, в организации. Это старая наша болезнь.

И сейчас бессубъектность работников оборачивается для фирм слабой инициативностью, неподвижностью, безразличием персонала. Хотя ставка на сугубую исполнительность глубоко укоренилась у нас и в частных, и государственных организациях.

Нередко бывает, что на предпринимательскую по сути должность берут человека с психологией служащего, а на должность служащего хотят усадить явного предпринимателя. Тут серьезная дилемма: служащий будет лоялен и дисциплинирован, но — малоэффективен. Предприниматель будет весьма эффективен, но однажды он скажет: спасибо за все, но теперь я начну собственное дело.

Так что определение меры субъектности, уровня субъективности конкретного работника — трудная задача.

Стагнация. *Этот вид оргпатологии означает неспособность к проведению изменений, уклонение от назреваемых нововведений или неумение их осуществлять.* Еще точнее: стагнация есть *пассивный риск*, который возникает от дефицита изменений, в от-

личие от активного риска, сопровождающего радикальные обновления.

В ходе оргдиагностики социологу нередко приходится констатировать стагнацию у многих клиентов. Иной раз даже введение в их оборот понятия «пассивный риск» само по себе настораживает руководителей и побуждает задуматься над опасностями такой неподвижности. Дело в том, что инноватика видит основную проблему нововведений отнюдь не в отсутствии необходимых новшеств, т. е. проектов желаемых состояний. *Проблема — в переходе от исходного состояния к желаемому. А переход этот есть особая технология*, о которой мало кто из руководителей имеет представление. И поэтому обычно давят, заставляют. Бывает, получается. Но долго, с перенапряжением сил, конфликтами и увольнениями.

Надо сказать, что разработка технологий изменений в последние десятилетия оказалась в центре внимания многих консультантов и руководителей. Более того, эффективность управления, мотивации, стратегии оцениваются сегодня в развитых странах именно по способности к изменениям, умению вовремя их начинать и быстро проходить переходный этап. Специалист по изменениям — теперь популярная фигура на западных управленческих рынках. И едва ли не каждый консультант и многие руководители стремятся приобрести такую репутацию.

Неуправляемость. Имеется в виду *потеря контроля управляющей подсистемы организации над ее управляемой подсистемой*. Конечно, такой контроль никогда не может быть полным. Управляемость возможна лишь в какой-то мере, абсолютной она не бывает. Потому хотя бы, что цели управляемых не тождественны целям управляющих.

Чаще всего неуправляемость дает о себе знать в условиях роста организации, появления у нее новых подразделений, филиалов, увеличения численности и т. п. Тогда руководитель испытывает перегрузку по двум параметрам: непомерный объем информации и неохватное количество подчиненных и отношений с ними.

Другая причина неуправляемости — в нарастающих расхождениях между формальной и неформальной структурами организации, когда руководитель направляет свои воздействия на одну систему связей и норм, а в действие приходит другая, причем совсем непредусмотренным для него образом.

Причиной неуправляемости бывает также слабая мотивированность персонала на цели фирмы. Тогда люди не заинтересованы в работе и выполняют свои обязанности на нижнем пределе допустимого. В результате общефирменные цели не достигаются, хотя каждый с работой справляется, инструкции не нарушает.

Обеспечить управляемость — значит, прежде всего, снять противоречия между ростом и развитием. Иначе говоря, успевать с изменениями в методах управления, стимулирования и т. д.

Если, к примеру, президент крупного банка говорит: «Мы развиваемся: создали несколько филиалов», то это означает, что для него нет разницы между ростом и развитием. Для него руководить филиальной сетью то же, что и отделами в центральном офисе: он так же часто и по мелочам вмешивается в их дела. Многим приходилось видеть феномен «директора цеха»: продвинувшись до верхней ступеньки на своем предприятии, он заводом руководит как цехом, но просто очень большим.

Руководитель с трудом меняет «реперные точки» управления, параметры требуемой информации, даже сферу своей новой компетенции и ответственности. Старается покрыть возросший диапазон контроля большей энергией, продолжительностью работы.

В чем опасность снижения управляемости? В дезинтеграции, в разобщении и даже борьбе целей общих и подразделенческих.

Каковы меры по повышению, восстановлению управляемости? Преодоление противоречий между ростом и развитием, точнее — признание правила: *рост без развития опасен*. Он должен сопровождаться агрегированием целей, параметров контроля, а также декомпозицией системы на более автономные части. Начать же надо с диагностики управления, выявления точек неуправляемости. Ибо, как уже говорилось, причины ее различны.

Конфликт. Это далеко не всегда патология. Есть тип позиционных конфликтов, которые возникают между объективно разведенными и даже в чем-то противостоящими целями. Ведь острота борьбы между адвокатами и прокурорами в суде может достигнуть накала и подойти под слва ли не любое определение понятия «конфликт». Отношения между производящими и сбытовыми службами, конструкторами и технологами на заводе тоже нередко антагонистичны: одни представляют интересы

покупателя, другие ограничены возможностями производства; кто-то стремится к обновлению конструкции выпускаемого изделия, а для других это означает мороку с переналадкой оборудования и т. д. и т. п.

С какого же момента подобный конфликт становится патологическим? С того, когда этот структурный, позиционный конфликт насыщается личностным содержанием, когда в него вовлекаются индивидуальные, групповые амбиции, предубеждения, негативы во взаимоотношениях и все прочее, всем нам хорошо известное. Вот тогда много сил уходит на борьбу, сотрудничество оказывается невозможным. Организация разрушается.

Вот пример из истории института, проектировавшего гидроэлектростанции. Был объявлен конкурс на очередной проект для ГЭС. К тому времени в этом деле уже сложились две инженерные школы, сторонники каждой из них были примерно одинаково распределены по разным отделам и лабораториям и мирно уживались. Но когда на конкурсе им предоставилась возможность открытого и прямого состязания, жюри сочло преимущества и недостатки обоих проектов примерно равновеликими, и все решали детали. Борьба вокруг них воспламенила коллектив; преувеличение слабостей противника и дискредитация его личных достоинств (не только по делу, но и персонально) стали всеобщим занятием. Все делились по принципу: ты за кого? В отделах, лабораториях, даже в дирекции люди группировались вокруг своих идейных лидеров, линия раздела уже затронула вспомогательные службы.

И все же поразительно не столько такое развитие событий само по себе, сколько нежелание руководителей использовать в подобных случаях профессиональные методы разрешения конфликтов, предлагаемые консультантами. Это много раз подтверждалось в трудовых конфликтах между администрацией (предприятий, городов, областей) и профсоюзами.

Клика. Этим термином обозначается группа руководящих или просто влиятельных работников организации, использующих ее ресурсы в собственных, корыстных целях, нанося ей урон, порождая дисфункции.

Иногда явление клики возникает противозаконно. К примеру, намеренное доведение предприятия до банкротства с определенной выгодой для некоторых руководителей. Чаше же уголовный кодекс ни при чем. Вот пример. В любой области

есть статистическое управление, которое обязано заниматься сбором анализа определенной информации. Но вот в областной администрации создается и аналитический отдел, со штатом 18 человек, который тоже обязывается собирать и анализировать такую же информацию. Зачем такое дублирование? Оказывается, бывший заместитель губернатора, остававшийся на время без поста до очередных выборов главы области, был на время пристроен на престижную должность, чтобы пересидеть до подходящего предложения. Чистый случай клики. В ущерб областному бюджету, ради корыстных интересов одного человека с частью его прежней команды. Подобные структурные подделки настолько распространены, что даже ничего предосудительного тут часто не заметно.

Преодолению этого вида оргпатологии, видимо, может лучше всего способствовать введение понятия «клика» в управленческий оборот с предложенным здесь содержанием. А существующее понятие требует своей идентификации, напрашивается на применение.

Несовместимость личности с функцией. Начнем опять с примера. Вот владелец и директор собственной фирмы, специализирующейся в деловом международном туризме. Фирма достигла расцвета на его неординарных идеях, выросла по доходам и численности. Он пригласил консультанта наладить управление. Тот с ходу предложил оргструктуру, которая действительно по объективным параметрам больше всего подходит для такого бизнеса. Клиент ее радостно приветствовал со словами: «Наконец у меня будет порядок!» Персонал тоже счел ее лучшей из возможного. Через пару месяцев консультант снова приехал на эту фирму. И увидел, что от той структуры остались лишь жалкие следы. Клиент объяснил: «Не получается у меня соблюдать четкое распределение функций. Ну как я могу давать поручение тому, кто сейчас отсутствует или занят другим, хотя он за это формально отвечает? Ведь рядом оказывается более свободный в данный момент сотрудник, да он и покладистее к тому же». Консультанту пришлось обратиться к типологии личностей по методике Майерс-Бригс, и стало ясно: его клиент — это сугубо интуитивный, творческий тип, хорошо порождающий идеи, но не в силах организовать их выполнения. Любая система, лимитирующая его поведение, отношения с персоналом, ему чужда, а то и невыносима.

Люди подобного типа могут быть успешны в создании бизнеса и в его обогащении новшествами. Но им противопоказано заниматься практическим управлением, совмещать учредительство и владение с постом директора. Для них эти функции следует тщательно разделять, подобрать умелого администратора на текущее управление. Правда, и здесь остается трудность: налаживание отношений собственника с управляющим. Первый будет то и дело стремиться вмешиваться в работу второго, подминать его под себя.

От консультанта тут требуется терпеливо и деликатно вести само- и взаиморефлексию их обоих, отрабатывать их взаимодействие, лучше всего — на прецедентах, которые клиент произведет, к сожалению, в обильном количестве.

5.3. Патологии управленческих решений

Маятниковые решения. Разделить-объединить, централизовать-децентрализовать — повторение подобных колебаний и составляет этот вид оргпатологии.

Однажды к консультанту по управлению обратился за советом главный конструктор одного очень большого завода: «В управлении главного конструктора у нас есть отделы, лаборатории, группы. Лет пять назад стало ясно, что границы отделов слишком тормозят взаимодействие конструкторов разных направлений, приводят к несогласованности их решений. Мы упразднили уровень отделов. Но два года назад мы их воссоздали, потому что трудно координировать работу такого множества мелких подразделений. Теперь жалуемся: отделы все-таки сильно давят. Наверное, их надо снова убрать, как Вы считаете?» Консультант ответил контрвопросом: «А потом Вы опять будете жаловаться на трудности координации?»

Все дело в том, что за маятниковыми решениями стоят какие-то проблемы, которые авторы этих решений не видят или намеренно не замечают. Та же проблема координации может решаться не обязательно структурным путем. Гораздо эффективнее могут работать механизмы горизонтальных связей между конструкторами разных специальностей.

Дублирование организационного порядка. Эта патология возникает тогда, когда работнику приказывают делать то, что он и без того обязан делать согласно положению о его службе или должностной инструкции.

Организационный порядок есть система постоянно действующих связей, норм, должностей. Он относится к числу наивысших управленческих ценностей, ибо обеспечивает организации устойчивость, автоматизм функционирования, даст возможность управлять организацией в режиме автопилота. *Грамотное управление стремится максимальное число решений перевести в ранг организационного порядка*

Дублировать его в приказах и распоряжениях — значит разрушать. Тогда в сознании работника весь мир его обязанностей начинает делиться на обязательные и не очень. К первым он относит те, о которых сверху напоминают, ко вторым — остальные. Но напоминания эти часто случайны, ситуативны. За всеми просчетами подчиненных никакой начальник не уследит. Но зловредный принцип такого разделения, не желая, конечно, того, он этими действиями вводит.

Организационный порядок устаревает и требует обновления, всяческой поддержки, но не дублирования.

Игнорирование организационного порядка. Вид оргпатологии, сходный с предыдущим. Хотя суть в другом: постоянное нарушение введенных и целесообразных связей и норм, принятие решений вопреки им.

Самый распространенный вариант проявления такой оргпатологии — задания «через голову» нижестоящих руководителей. Нередко от первого руководителя такие воздействия идут через две-три головы, минуя второй-третий уровни организационной иерархии. Почему это происходит?

С одной стороны, самоцентристский стиль руководства со стороны генерального директора, его стремление замкнуть на себя максимум связей и процессов в организации. Но с другой — поощряемое им желание нижестоящих руководителей перекладывать на первого руководителя ответственность за собственные действия. Подобные отношения входят в организационную культуру и вызывают устойчивую дисфункцию.

Патологичность таких отношений состоит в подрыве статуса (возможностей, авторитета, эффективности, престижа) руководителей среднего звена, их собственный потенциал снижается, их указания воспринимаются подчиненными как необязательные. Теряется ценный управленческий ресурс.

Разрыв между решением и исполнением. Удивительно, как в нашей управленческой культуре относятся к реализации принятых решений. Реализация вообще не воспринимается как са-

мостоятельная стадия и технология управленческого процесса. Более того, решения почти не просчитываются на реализуемость. Хотя еще на стадии его выработки и принятия должна выявляться связка с возможностями и трудностями его осуществления: длительность стадии выполнения заданий, соотношение сил, содействующих и противодействующих этому, вероятность искажения, изменения условий и прочее.

Между тем *осуществляемость управленческих решений есть важнейший показатель управляемости организации*. В наших условиях он обычно колеблется около 60%. Но, что особенно характерно, среди причин невыполнения решений одинаковые или вполне сопоставимые объемы приходятся как на низкую исполнительскую дисциплину, так и на пороки, ошибки в самих решениях. Однако 90% руководителей на вопрос о подобных причинах едва ли не все их с ходу относят именно на «исполнительскую дисциплину».

Демотивирующий стиль руководства. Суть его: *явное преобладание указаний на упущения сотрудников над оценками их достижений*. Дефицит позитивов! — так следует диагностировать характер таких отношений руководства — подчинения в организации, систему их мотивации. Показательно, что сами руководители редко считают это патологией и вообще сколько-нибудь значимой проблемой. Так поступали и поступают с ними, так повелось вокруг, они не видели другого. Чувствительность подчиненных к этой стороне отношений их удивляет, но они склонны видеть за жалобами на этот счет любые другие мотивы: недовольство оплатой, физическими условиями труда и пр.

Упущенные возможности отсюда огромные: безынициативность, неудовлетворенность сказываются на количестве и качестве труда. Преодоление этого вида оргпатологии связано с развитием культуры и потому требует немалого времени. Процедура же начать это движение доступна через введение этических стандартов (да, поначалу именно стандартов) в документы, заседания (благодарности за сделанное, просто вежливость, приказы за достижения и т. д.).

Инверсия означает состояние, когда результат управленческого воздействия оказывается противоположным его цели. Кстати, демотивирующий стиль руководства приводит именно к такой патологии, т. е. демотивированные сотрудники осложняют достижение целей.

Приложение

**Социология в России: изучение социальных организаций —
история и современность**

В советское время эта область социологии была в странном состоянии. Вроде бы теория социальной организации занимала большое место в марксизме. И даже исторический материализм некоторые считали теорией организации общества. Очень интересно развивалась теория организации в биологии и вообще в естествознании. Были какие-то построения на тему политической организации общества в научном коммунизме.

А на уровне конкретных деловых организаций? Среди экономистов-управленцев и специалистов по административному праву было немало знатоков организационных структур, процессов принятия решений, планирования деятельности организаций.

Социологи же долгое время не считали организационную проблематику своим делом. Вот социология труда, малых групп, социальное планирование и пр. — это наше, а управление и организация — чужое...

Как и когда в Советском Союзе появилась социология организаций? *Вначале это было знакомство с зарубежной американской и западноевропейской литературой.* Конечно, тогда она была малодоступна; спецхран допускал к иностранным книгам и журналам только по особому разрешению. Кос-что переводили в Польше. Их переводы и собственные работы были гораздо более доступны. Поэтому польский язык был для нас столь же нужным, как и английский. А в 1964 г. академик Д. М. Гвишиани, тогда еще доцент, начал читать краткий курс по социологии организаций на философском факультете МГУ. Разумеется, в то время речь шла о «буржуазных» школах. В конце 60-х гг. он издал свою книгу с довольно подробным обзором этих школ. Небольшая группа студентов и аспирантов благодаря его курсу стала профессионализироваться в этой области, не только занимаясь изучением зарубежной литературы, но и разрабатывая собственные теоретические конструкции, — иногда они получались изысканными, но всегда — описательными, абстрактными.

Во многих странах представители социологии организаций работают на частных фирмах и в государственных учреждениях

в качестве весьма уважаемых консультантов. Но как перейти от стола в цех или заводоуправление, если там тебя никто не ждет?

Помогла очередная кампания: в середине 70-х гг. на предприятиях стали разрабатываться *планы социального развития*. В обязательном порядке. По просьбе одного из лидеров советской социологии тех лет В. Г. Подмаркова в рамках его «хоздоговора» с экскаваторным заводом были выполнены практические работы по организационной тематике. Был сделан замер соотношения формальной и неформальной структур. Заводские руководители действительно были озабочены неожиданной и новой информацией об их собственной деятельности и отношениях.

Примерно тогда же была разработана социологическая методология и методика анализа управляемости предприятия, что также позволило предоставить управленцам весьма интересное для них видение их работы и проблем.

Так или иначе, сложился второй этап становления социологии организаций в СССР: *выход из кабинетов и библиотек на «полевую» работу в деловые организации*. Это обнадеживало тех из нас, кто желал с достоинством отвечать на иронические реплики и вопросы о наших возможностях преодолеть пустое теоретизирование. Социология организаций сумела стать прикладной, полезной практикам.

И еще об одном принципиальном повороте в нашей профессиональной службе. Речь идет о важной общесоциологической проблеме, которая заслуживает специального обсуждения. В конце 60-х — начале 70-х гг. один из лидеров советской социологии В. А. Ядов много раз выступал по результатам своего исследования об отношении молодых рабочих к труду. Для того времени исследование было значительным событием. Некоторые выводы имели характер настоящего открытия. Скажем, установление обратной зависимости между уровнем образования рабочих и их удовлетворенностью трудом. Чем выше первое, тем ниже второе. Весьма современная математика, статистика. Полнейшая доказательность. Просто не о чем спорить.

Но споры все же разгорелись: какие же выводы следует сделать из этого социального факта? Сдерживать рост образования рабочих? Подбирать образованным рабочим только содержательный труд?

Во всем этом поражал резкий контраст между строгой доказательностью исследования и произвольностью в предлагаемых решениях обнаруженных проблем. Неумолимая логика цифр и фактов обрывалась именно в тот момент, когда речь заходила о том, что же надо теперь предпринять. Начинались весьма приблизительные суждения с позиции здравого смысла, причем каждый предлагал решение на свой лад.

Тогда возникло убеждение: *должны быть столь же надежные методы решения проблем, как и методы их выявления*. Должна появиться социология реальных изменений — наряду и в связи с исследовательской социологией. Социология реальных изменений, разрабатывающая методы выявления и решения социальных проблем, позже получила название «активная социология».

Для социологии организаций это означало очень многое: фактически она *перешла из стадии производства информации в стадию консультационную*, а отношения на объекте превратились в консультант-клиентные; исследовательская часть работы переросла в диагностическую, а решение проблем — в осуществление нововведений.

Тут нельзя обойти вниманием заслуги наших тогда еще соотечественников — эстонских консультантов. Через родственную им Финляндию они раньше других в СССР восприняли североамериканские и западноевропейские достижения, первыми сформировались как профессиональные консультанты по управлению и во многом повлияли на москвичей, ленинградцев и других россиян. Многие советские социологи и психологи именно от эстонских коллег услышали об идеях так называемого органичного развития как специфического направления в управленческом консультировании.

Теперь — о среде деятельности *практического социолога организации*, отныне — *консультанта по управлению*. Конечно, на предприятиях и в учреждениях можно встретить немало разных консультантов: по приватизации, маркетингу, хозяйственному праву, оргструктурам и пр. Но это — консультанты по проекту, т. е. они предлагают заказчику заранее определенное, стандартизированное решение: поступай вот так-то и выиграешь. Социологические же методы управленческого консультирования рассчитаны на процесс диагностики и решения оргпроблем. Это методики, ориентирующие руководителей, работников управления на саморефлексию и взаиморефлексию,

методы групповой и межгрупповой работы, социодрамы, игровые, сценарные методы, модерацию.

Консультант по процессу никогда не знает заранее, к какому решению он приведет своего клиента. Каждый объект для него уникален из-за конкретных особенностей его персонала, местных условий, истории и стиля управления. Он начинает свою работу с оргдиагностики и по ее результатам вместе с клиентом определяет, с решения какой проблемы следует начать реальные изменения.

Но все это — о профессиональном окружении и специфике работы практического социолога организаций. А как обстоит дело с его клиентурой?

Главная трудность — отсутствие квалифицированного спроса на консультационные услуги такого типа. Ведь в отношении консультантов по проекту едва ли не каждый руководитель достаточно осведомлен для того, чтобы сформулировать заказ и найти исполнителя под конкретную, им же поставленную задачу. Предположим, предприятие проходит стадию акционирования. Понятно, что надо пригласить экономиста, юриста, которые специализируются на изучении законов, указов, всех правил акционирования и знают зарубежный опыт и типичные ошибки, встречающиеся в таком деле. С ними надо заключить контракт, и они объяснят, как следует поступать, а то и сами помогут составить устав акционерного общества и прочие нормативные документы, дадут хорошие советы.

Иначе дело обстоит с *консультантом-социологом*. Многие руководители понятия не имеют о его существовании, а уж тем более — о его возможностях. Поэтому даже известные специалисты нашего профиля начинают контакт с клиентом прежде всего с описания предмета своей работы, с того, что именно они могут, а чего от них ждать не следует. На этот счет существуют даже целая методология и специальные приемы.

В большинстве развитых стран такие консультанты весьма популярны и престижны. Там принято не предпринимать никакого важного нововведения без участия консультантов по организационному развитию (так их там называют). *Организационное развитие стало сферой специализации многих социологов и социальных психологов*. В университетах и школах бизнеса преподают основы этой профессии, и большинство предпринима-

телей, государственных работников не только знают о возможностях консультангов по процессу, но и весьма мотивированы на сотрудничество с ними. Иначе говоря, там есть адекватный и довольно высокий спрос на их услуги.

То же произойдет со временем и у нас. Пока же мы вынуждены сами формировать свою клиентуру. Самое верное средство для этого — успешная работа на объекте, откуда консультанта рекомендуют другому заказчику, и так далее по цепочке.

Для становления практической социологии организаций в Советском Союзе и России характерны еще две особенности, которые до сих пор сказываются на деятельности многих из наших коллег: зарождение и первоначальное развитие в некоммерческих советских условиях и изолированность от мирового профессионального сообщества.

Остановимся сначала на первой особенности. Сегодня кажется странным положение, когда социолог-консультант выполняет на предприятии какую-то работу, а отчетность о ней идет какому-то третьему лицу, которое и финансирует данную работу. Это третье лицо могло быть собирательным (отдел, управление то ли в министерстве, то ли в Президиуме Академии наук) или вполне конкретным чиновником. Но в любом варианте оно не было в состоянии оценить характер и ценность работы.

А сам клиент? Если его заинтересовал результат, он, конечно, оценивал работу по достоинству. Но оплата ее мало зависела от него: предприятию предписывались определенные расходы на новую технику и совершенствование производства. Не потратит — изымут в конце года. Потратить эти деньги на что-либо другое нельзя. Так что они заключали, бывало, так называемые хоздоговоры с кем-нибудь, дабы не сойти за противников нового, и не особенно интересовались эффектом.

В таком типе отношений было, пожалуй, одно преимущество: разрабатывай, что хочешь! Реализовано будет вряд ли, но и за нелепость никто особенно не спросит.

Сейчас все это сказывается в оставшейся еще склонности к «потрясающим» проектам, навязчивой радикальности разрабатываемых нововведений, а отсюда и затяжной болезни «процессного» консультирования у нас в стране, причина которой — нереализуемость результата.

Вторая из названных особенностей проявилась, с одной стороны, в некоторой провинциальности, даже доморощенно-

сти методов и подходов в консультационной работе. Действительно, чтение иностранных книг и статей в нашем деле мало что даст. Ведь социологические и социально-психологические методы управленческого консультирования очень трудно пересказывать устно, тем более письменно. Это познается только в действии, в «полевых» условиях. Для такого познания нужно прямое сотрудничество с зарубежными консультантами.

Но если раньше изоляция от мирового профессионального сообщества была прежде всего административной, т. е. через запреты, то потом она проявилась в недоступных для большинства ценах на поездки за рубеж, а главное, — в незнании иностранных языков.

Однако упомянутая изоляция, оказывается, тоже имела свои «плюсы». Некоторые из отечественных разработок получились довольно оригинальными и полезными не только для наших условий, они вызвали интерес и у западных коллег. Например, такой метод межгрупповой работы сложился у нас под названием «игры», а разнообразие игр и масштабы их распространения позволяют говорить о целом игровом движении.

Такова история становления социологии организаций в Советском Союзе и России. Конечно же в основных чертах она повторила естественный путь развития мировой социологии организаций, хотя и в специфически отечественном преломлении.

Что же представляет собой социология организаций в России сейчас? Прошло то время, когда теория и методология ее развивались как бы самодовлеющим образом, с минимальным приложением к практике. Теперь любые обобщения, подходы, концепции вызывают интерес у профессионалов лишь в той степени, в какой они могут ответить на вопрос: а что с этим делать, работая в клиентной организации?

Поэтому *теория развивается главным образом под воздействием консультационной практики*. Когда консультант оказывается в трудном положении, применяемые им методы не воспринимаются персоналом, руководителями на объекте, а результаты отдаются банальностью, тогда он вынужден разрабатывать или заимствовать новую методологию и подходы, более адекватные требованиям заказчика.

Из достижений отечественной практической социологии организаций можно отметить, например, довольно широкий набор методов организационной диагностики. Сюда относятся

не только традиционные формы диагностического интервью, но и более активная его разновидность, известная как «развивающее интервью». Причем если на ранних этапах становления оргдиагностики она сводилась лишь к работе с высказываниями (опросы в виде анкетирования, интервью, групповые дискуссии), то теперь пришло понимание ограниченности такого способа получения информации о проблемах клиентной организации. Были разработаны также диагностические методы непосредственного анализа самой управленческой деятельности, должностного поведения через изучение структуры решений, деловых совещаний и т. д.¹

Да и само понятие «практическая организационная проблема» получило более глубокое обоснование, а главное — найдены способы, приемы структуризации так называемого проблемного поля организации. Таким образом, достигается глубокая переработка диагностического материала с выявлением нетривиальных зависимостей между разными проблемами, что обычно высоко ценится клиентурой.

Традиционные исследования групповой структуры организации тоже получили прикладное значение. Тонкоструктурный анализ персонала предприятия, учреждения дает возможность выявлять разные позиционные группы по отношению к конкретным проблемам как по объективным (квалификация, подразделение, возраст, профессия), так и по субъективным признакам (ценностные ориентации, восприятие нового, интересы). Такой диагностический подход очень важен для учета реального распределения целей разных категорий работников в подготовке изменений.

Социологические и социально-психологические методы нашли широкое применение в подготовке решений. Можно даже утверждать, что выработка управленческих решений (в отличие от их принятия) была выделена в самостоятельную стадию именно в «процессном» консультировании. Некоторые из этих методов были заимствованы из зарубежной практики, прежде всего групповая работа. Другие были разработаны у нас, например, игротехника и методология разного типа игр.

¹ См.: *Пригожин А. И.* Организации: Системы и люди М., 1983, *Он же* Нововведения. Стимулы и препятствия М., 1989, *Он же* Современная социология организаций. М., 1995.

Реализация найденных решений — тема особого разговора. Для многих консультантов по процессу тут немало проблем, а хроническая нерезализуемость результатов все еще отягощает репутацию социологов-консультантов.

Но вот вопрос: что считать результатом? В его решении наблюдаются довольно сильные различия в профессиональных ориентациях консультантов по управлению. Некоторые считают успешной работой все то, что одобряется и оплачивается клиентом. Другие возражают: заказчик не всегда может грамотно поставить задачу для консультанта и даже сама эта постановка есть особый предмет для их совместной работы. Да и решение проблем иногда может потребовать изменений, весьма неприятных для руководителей (в их стиле управления, составе управленческой команды и пр.). Наконец, бывает и так, что заказчик с энтузиазмом участвует в выработке радикальных нововведений и искренне благодарит консультантов, но реализации не происходит. Поэтому сторонники другого подхода к определению успешного результата связывают его с реальными изменениями в клиентной организации.

Таким образом, сложились два полярных представления на этот счет: сервисное и инновационное. Есть, конечно, и иные критерии успеха, среди которых стоит упомянуть, к примеру, повторные приглашения консультанта одним и тем же клиентом, передача консультанта одним клиентом другому.

Новая, хотя и не уникальная, тенденция в российском управленческом консультировании появилась в ходе нынешних экономико-политических реформ: объединение консультантов по проекту и по процессу в общие команды для работы у одного клиента. Если, скажем, приватизация как процесс требует переориентации коллектива, пересмотра приоритетов и целей, внутриорганизационных отношений, то без знания и учета официальных правил, законов и инструкций здесь ничего не сделать. Поэтому наряду с социологами и социальными психологами приходится привлекать и экономистов, правовиков, а то и просто опытных людей из тех организаций, которые стадии приватизации уже успешно прошли.

Включение в единую команду консультантов обоих профилей сильно продвигает реализуемость новшеств.

По всем названным и неназванным здесь причинам реализационные процессы были выделены в самостоятельную ста-

дию управленческого консультирования (процессного типа). Фактически эта проблематика переросла в инноватику, т. е. теорию и методiku нововведений в организациях. В России разработки в области инноватики получили большее внимание в силу двух обстоятельств: очень высокой инерционности организационных систем и огромных масштабов преобразований.

Занятия инноватикой подвели наших консультантов к системному пониманию механизмов нововведений и причин сопротивления им, к разным способам определения инновационного потенциала организаций. Но самое ценное, что появилось в результате этой работы, это социальные технологии.

В самом общем виде социальная технология подразумевает деятельность одних по изменению деятельности других. Точнее говоря, она включает в себя последовательный комплекс методов по введению новой организации коллективной или массовой деятельности. В социологии хорошо известны полевые и кабинетные методы (например, анкетирование и обработка, анализ анкет), которые не являются социальными технологиями. А вот методика выборов, проведения совещания — это уже технология. К ним же относятся большинство практических деловых игр, рассчитанных на изменение служебного поведения, организационных отношений. Словом, *социальные технологии порождены не опросной и вообще — не исследовательской социологией, а так называемой активной социологией.*

Социологи организаций, практикующие как консультанты по управлению, объединены теперь в России в свою Ассоциацию консультантов по управлению и организационному развитию. В Москве, в рамках Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, в 1992 г. открылась и действует первая в истории страны Школа консультантов по управлению. Так что профессиональное сообщество постепенно формируется.

Вопросы для закрепления материала

1. Какой элемент социальной организации Вы считаете ключевым, системообразующим?
2. Как взаимосвязаны свойства и признаки организации?
3. Как образуется «организационный эффект», синергия?
4. Организационная сложность: какие проблемы она вызывает с точки зрения социолога?

5. В чем преимущества и ограничения иерархии?
6. Как бы Вы определили понятие «управление» с точки зрения социологии организаций?
7. Сведите, пожалуйста, разнообразие управленческих решений к каким-либо типам.
8. Что такое управляемость организации?
9. Как бы Вы могли развить предложенную здесь типологию организаций?
10. Как бы Вы объяснили смысл понятия «активная социология»?

Литература для дополнительного чтения

- Бородкин Ф. М., Коряк Н. М.* Осторожно: конфликт! Новосибирск, 1983.
- Гвишиани Д. М.* Организация и управление. М., 1972.
- Грейсон Дж., О'Делл К.* Американский менеджмент на пороге XXI века. Пер. с англ. М., 1991.
- Подмарков В. Х.* Социальные проблемы организации труда. М., 1969.
- Пригожин А. И.* Современная социология организаций. М., 1995.
- Пригожин А. И.* Организации: Системы и люди. М., 1983.
- Управленческое консультирование / Под ред. *М. Кубра*. М., 1992.
- Шербина В. В.* Социальные теории организации. Словарь. М., 2000.
- Burke W., Hornstem H.* The Social Technology of Organization Development. California, 1972.
- Cummings T., Huse E.* Organization Development and Change. N. Y., 1983.
- French W., Bell C., Zawacki R.* Organization Development. Texas, 1983.
- Mintzberg H.* Power In and Around Organizations. N. Y., 1983.

Раздел четвертый

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОЦЕССЫ

Глава 12

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ, ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

§ 1. Социальные ценности и нормы

Социальные ценности. Как уже говорилось, индивид становится личностью в ходе социализации, т. е. усвоения элементов современной ему культуры, в том числе соответствующих ценностей и норм поведения. Спектр социальных ценностей достаточно разнообразен — это ценности моральные и этические, идеологические, политические, религиозные, экономические, эстетические и др. Ценности непосредственно связаны с общественными идеалами. Ценности — это не то, что можно купить или продать, ценности — это то, ради чего стоит жить. *Важнейшая функция социальных ценностей — играть роль критериев выбора из альтернативных способов действий.* Ценности любого общества взаимодействуют между собой, являясь принципиальным содержательным элементом данной культуры.

Отношение между культурно предопределяемыми ценностями характеризуется двумя чертами: во-первых, ценности распределяются по степени их общественной значимости и важности в определенную иерархическую структуру, подразделяясь на ценности более и менее высокого порядка, более предпочитаемые и менее предпочитаемые. Во-вторых, отношения между этими ценностями могут быть как гармоничными, взаимно подкрепляющими, так и нейтральными, даже антагонистическими, взаимоисключающими. Эти отношения между социальными ценностями, складываясь исторически, наполняют конкретным содержанием культуру данного типа.

Основная функция социальных ценностей — быть мерилom оценок — ведет к тому, что в любой системе ценностей можно выделить:

1) то, что предпочитается в наибольшей степени (акты поведения, приближающиеся к общественному идеалу, — то, чем восхищаются). Важнейшим элементом системы ценностей является зона высших ценностей, значение которых не нуждается в каком-либо обосновании (то, что превыше всего, что ненаруσιμο, «свято» и не может быть нарушено ни при каких обстоятельствах);

2) то, что считается нормальным, правильным (как поступают в большинстве случаев);

3) то, что не одобряется, порицается и — на крайнем полюсе системы ценностей — предстает как абсолютное, самоочевидное зло, не допускаемое ни при каких обстоятельствах.

Сформировавшаяся система ценностей структурирует, упорядочивает для индивида картину мира. Важная особенность социальных ценностей заключается в том, что в силу их всеобщего признания они воспринимаются членами общества как нечто само собой разумеющееся, ценности стихийно реализуются, воспроизводятся в социально значимых поступках людей. При всем разнообразии содержательных характеристик социальных ценностей можно выделить некоторые объекты, с неизбежностью связанные с формированием ценностной системы. В их числе:

1) определение природы человека, его «натуры», идеал личности;

2) картина мира, мироздания, восприятие и понимание природы;

3) место человека, его роль в системе мироздания, отношение человека к природе;

4) отношение человека к человеку;

5) характер общества, идеал общественного устройства.

Социальные нормы. В ситуации, когда систему социальных ценностей характеризует устойчивость, воспроизводимость во времени и распространенность в пределах данного общества, эта система формализуется, конкретизируется в форме социальных норм. Следует обратить внимание на двоякое определение понятия «норма». Согласно первому его употреблению *норма — абстрактно сформулированное правило, предписание* Изве-

стно, однако, что понятием «норма» применительно к любому ряду явлений, к любому процессу обозначают и ту совокупность явлений или признаков процесса, которые служат их преимущественной характеристикой, постоянно возобновляются, устойчиво проявляясь в данном ряду явлений (тогда говорят о нормальном явлении, нормальном процессе, о наличии объективной (реальной) нормы). В социальной жизни, в реальной действительности существуют обычные, повторяющиеся отношения между членами общества. Эти обычные, повторяющиеся отношения и подпадают под понятие *объективной* (реальной) нормы в поведении людей. Совокупность актов действия, характеризующаяся высокой степенью однородности и повторяемости, и есть *объективная социальная норма*.

Объективная социальная норма — это характеристика существующих явлений или процессов (либо актов поведения), поэтому установить ее наличие и содержание можно, лишь проанализировав социальную действительность; содержание социальных норм выводится из реального поведения индивидов и социальных групп. Именно здесь воспроизводятся из дня в день социальные нормы, проявляя свое действие часто стихийно, не всегда получая отражение в сознании людей. Если в праве сфера социального долженствования выражена в виде рационально осознанных и логически сформулированных правил (запретов или велений), где средства подчинены целям, ближайшие цели подчинены отдаленным, то *социальные нормы не расчленены в общественном сознании на цели и средства, они существуют в виде стереотипов (стандартов поведения)*, как нечто подразумеваемое, воспринимаются в качестве таковых и воспроизводятся в поведении без их обязательной сознательной оценки.

Социальные нормы, стихийно упорядочивая поведение людей, регулируют самые разнообразные виды общественных отношений, складываясь в определенную иерархию норм, распределяясь по степени социальной значимости. Политические нормы, прямо связанные с системой идеологических ценностей, влияют на нормы экономического характера, последние — на технические нормы и т. д. Нормы профессиональной этики, семейных отношений и морали в целом, нормы повседневного поведения охватывают, по существу, всю совокупность социально значимых актов поведения.

В социальной норме воплощается значительное большинство соответствующих явлений (актов поведения). Ею может быть обозначено то, что обычно, естественно, типично в данной сфере социальной действительности, что характеризует ее основное социальное свойство на данный момент. Это большинство именно однородных, более или менее одинаковых актов поведения. Относительная однородность позволяет суммировать их, отделить от иных актов поведения, составляющих отклонения, исключения, аномалии. Норма является синтетическим обобщением массовой социальной практики людей. В социальных нормах, т. е. устойчивых, наиболее типичных видах и способах поведения в конкретных областях социальной практики, проявляется действие объективных закономерностей общественного развития. Социально нормальным является то, что необходимо, что закономерно существует при данном укладе общества.

Социальная норма в сфере поведения людей применительно к конкретным актам может быть охарактеризована двумя основными рядами численных, количественных показателей. К такого рода показателям можно отнести, во-первых, относительное число актов поведения соответствующего вида и, во-вторых, показатель степени их соответствия некоторому среднему образцу. Объективная основа социальной нормы проявляется в том, что функционирование, развитие общественных явлений и процессов происходит в соответствующих качественно-количественных пределах. Совокупность фактических актов действия, образующих социальные нормы, складывается из однородных, но не тождественных элементов. Эти акты действия неизбежно различаются между собой по степени соответствия среднему образцу социальной нормы. Эти действия, следовательно, располагаются по определенному континууму: от полного соответствия образцу, через случаи частичного отклонения вплоть до полного выхода за пределы объективной социальной нормы. В качественной определенности, в содержании, смысле и значении качественной характеристики социальных норм, *в реальном поведении проявляется в конечном счете доминирующая система социальных ценностей.*

Общее количество однородных (т. е. более или менее соответствующих определенному признаку) актов поведения — первый количественный показатель данной совокупности актов.

Нетождественность, различие между подобными однородными актами связаны с тем, что указанный качественный признак в каждом конкретном случае может быть выражен в разной степени, т. е. акты поведения могут обладать различными частотными характеристиками с точки зрения проявления в них этого признака. Таков второй количественный параметр данной совокупности. Отклонения от среднего образца поведения до какого-то уровня укладываются в рамки того, что можно считать объективной социальной нормой. По достижении же определенного предела степень отклонения будет столь высокой, что такого рода акты будут отнесены к числу аномалий, актов антиобщественных, опасных, преступных.

Выход за пределы объективной социальной нормы возможен, конечно, в двух направлениях: со знаком «минус» (отрицательное значение) и со знаком «плюс» (положительное значение). Здесь вновь проявляется неразрывная связь социальных норм с господствующей системой ценностей. Именно такая система не только снабжает социальные нормы их качественной характеристикой, но и определяет полярные значения случаев выхода за пределы этих норм. При этом существенна закономерность: чем выше степень соответствия данного акта среднему образцу социальной нормы, тем больше подобных актов, и чем меньше степень этого соответствия, тем меньше и относительное число подобных актов.

Полезно прибегнуть к схематическому, графическому изображению этого соотношения (см. рис. 12.1). Для этого по вертикали будем откладывать число определенных, относительно однородных (но никогда не тождественных) актов действия, а по горизонтали — степень их соответствия среднему образцу (как со знаком «плюс», так и со знаком «минус»).

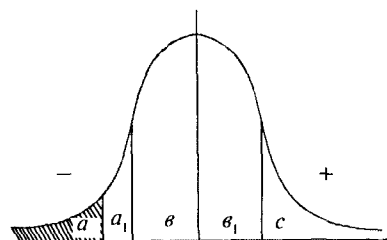

Рис. 12.1. График соотношения социальной нормы и отклонений

На приведенном графике в зонах «в» и «в₁» располагаются акты действий, укладывающиеся в пределы объективной социальной нормы, это то, как обычно поступают. Зона «а₁» — это отклонения, выходящие за пределы объективной социальной нормы. Это — действия, отличающиеся от средней нормы, то, что порицается. В зоне «а» помещаются действия, в еще большей степени отклоняющиеся от рамок социальной нормы (максимальные отклонения), это действия, осуждаемые большинством, оцениваемые как недопустимое, преступное. В зоне «с» располагаются действия, выходящие за пределы среднего образца социальной нормы в сторону социальных идеалов, это те действия, которыми восхищаются (хотя и редко следуют).

Количественно-качественная характеристика социальных норм чрезвычайно показательна с точки зрения уровня динамики социальных изменений и их содержания. Возможна ситуация, когда те акты поведения, которые составляли меньшинство, растут до такой степени, что начинают переходить из категории отклонений, исключений в стадию формирования нового образца социальной нормы. Как правило, *это знаменует радикальную трансформацию системы социальных ценностей данного общества*¹.

§ 2. Социальная дезорганизация, отклоняющееся поведение и преступность

Если условием существования любого социального образования, складывающегося в результате взаимодействия его членов, является его упорядоченность, т. е. хотя бы относительная стабильность такого взаимодействия, его организованность, то неизбежной характеристикой любой социальной системы является также проявление элементов социальной дезорганизации. Дезорганизация социальной системы проявляется в появлении типов поведения, содержание которых отклоняется от социальных норм, характеризующих систему в целом. Дезорганизация, как и отклоняющееся поведение, с неизбежностью присуща любой социальной системе, так же как и ее основа — социальная организованность и социальные нормы.

¹ См. Основания уголовно-правового запрета. М., 1982.

Отклоняющееся поведение всегда (хотя и в разной мере) присутствует повсюду, где действуют социальные нормы. Это могут быть нормы поведения морального, этического, эстетического характера. Алкоголизм, наркомания, проституция — примеры типов поведения, относящихся к видам социальных отклонений в рамках принятых систем социальных оценок. Определенные типы отклоняющегося поведения расцениваются государством в качестве правонарушений, преступлений. Не существовало и невозможно существование общества без социальных отклонений и преступности. Более того, в любой социальной системе, в обществе любого типа социальные отклонения (преступность в том числе) выполняют определенную социальную функцию. Это функция — *обеспечить возможность возникновения отклонений от среднего, «нормального» типа, сохранить необходимый уровень открытости социальной системы к неизбежным переменам.*

В этом смысле необходимо уточнить и понятие «социальная дезорганизация». Ее наиболее очевидным проявлением служат социальные отклонения. В случае их непропорционального роста ставится под угрозу само существование социальной организации данного типа. Однако непропорционально малое число (или полное отсутствие) социальных отклонений также ведет к социальной дезорганизации, так как знаменует потерю такой организацией важнейшего условия своего выживания — способности к адекватным социальным переменам, к своевременной адаптации. «Чтобы получила возможность выражения индивидуальность идеалиста, чьи мечты опережают время, необходимо, чтобы существовала и возможность выражения индивидуальность преступника, стоящего ниже уровня современного ему общества. Одно немыслимо без другого»¹.

Это обстоятельство определяет и функции социального контроля. Неизбежным условием существования любой социальной организации является наличие явных, очевидных определений полярного характера (добро и зло, морально и аморально, дозволено или преступно и т. д.). Санкции, применяемые за отрицательные (с точки зрения господствующей системы ценностей) отклонения, служат явным, очевидным проявлением таких ценностей, их очевидным подтверждением. Наглядное подтверждение границ принятой социальной нор-

¹ Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966

мы — важная функция социального контроля, обеспечивающая стабильность данной социальной организации. Проблема заключается в том, чтобы, обозначая такие границы, не привести систему в состояние стагнации, лишить ее другого важнейшего условия выживания — способности к переменам, к обновлению.

Правонарушения и преступность. Нарастающая социальная дезорганизация ведет к потере социальными институтами данного общества возможности реализовать основную функцию — удовлетворение конкретной социальной потребности. *Неудовлетворенная социальная потребность вызывает к жизни стихийное проявление нормативно неурегулированных видов деятельности*, стремящихся восполнить функцию законных институтов, однако за счет существующих норм и правил. В своих крайних проявлениях подобная активность может проявиться в противоправных, преступных действиях.

Преступность, возникающая в связи с дисфункцией социальных институтов, носит, по преимуществу, инструментальный, т. е. направленный к достижению определенной цели, и структурированный, т. е. внутренне взаимосвязанный, характер. Ее признаками являются планируемость преступной деятельности, систематичность, элементы организованности, т. е. распределение преступных ролей. Подобные черты структурированной преступности связаны с ее функцией — удовлетворить незаконным путем потребность, не признаваемую или не обеспечиваемую в должной степени нормальными социальными институтами. Такая ее узкая функциональность, т. е. удовлетворение отдельной социальной потребности, ведет вместе с тем к дезорганизации более общих социальных систем.

Дисфункции политических институтов, вырастающие из дезорганизации общества, часто связанные со сменой форм государственного правления, в условиях ослабления легитимности государственной власти могут вызвать рост *политических*, т. е. *противогосударственных*, преступлений (насильственный захват или удержание власти, насильственное изменение конституционного строя, публичные призывы к такому изменению, терроризм и т. д.). Преступность функционально связана с протеканием социальных процессов, определяющих характер и направления общественного развития, содержание социальных перемен.

Модернизация, стабильность и политическое насилие. В качестве доминирующего вида социальных изменений рассматривается процесс модернизации, который охватывает в различной степени страны мира, разделяемые по этому критерию на развитые (модернизированные) страны, развивающиеся страны и традиционные страны. В качестве показателей уровня модернизации рассматриваются: процент городских жителей, процент валового национального дохода, получаемый от сельского хозяйства; процент занятых в сельском хозяйстве; доход на душу населения; распространенность средств массовой информации и коммуникации; уровень участия в политике (голосование, стабильность исполнительной власти); социальные блага (образование, грамотность, продолжительность жизни). Таковы ключевые факторы, влияющие на уровень политического насилия в обществе.

По общему правилу модернизированные страны проявляют меньший уровень политических беспорядков и насилия, чем тот, который существует в менее развитых странах. Экономическая модернизация, наличие модернизированных средств массовой коммуникации, уровень здоровья, образования, участие в политической жизни ассоциируются с меньшим уровнем политического насилия.

Политическое насилие непосредственно связано с уровнем стабильности данного общества. На шкале, ранжированной по степени нарастания уровня политической нестабильности, выступают следующие показатели роста нестабильности от 0 (максимальная стабильность) до 6 (максимальная нестабильность). Признаком нормального уровня политической стабильности (ее нулевой уровень) считаются регулярно проводимые выборы; первым уровнем роста нестабильности — частые смены (увольнения или отставки) правительства; следующим признаком нарастания нестабильности служат демонстрации и сопровождающие их аресты; еще более серьезный показатель уровня нестабильности — убийство (или покушения на жизнь) политических деятелей (кроме главы государства); дальнейшим показателем роста этого уровня служит убийство (или покушение на жизнь) главы государства или терроризм; следующий уровень — государственный переворот или парти-

занская война; высший (шестой) уровень политической нестабильности — гражданская война или массовые казни.

Политическое развитие и уровень насилия. Уровень политического насилия зависит также *от характера существующего режима*. Характер режима может быть оценен по степени преобладания в процессе регулирования общественных отношений либо принудительных методов, либо методов разрешительного характера (принуждающий режим и разрешающий режим). В качестве категорий, позволяющих судить о такого рода характеристиках политического режима в конкретной стране, выступают данные о наличии законной конкуренции, соревнования в политической системе (многопартийность и т. д.), об уровне ограничения полицией свобод граждан. По общему правилу наименьшим насилием характеризуются страны с наиболее разрешительным режимом. Политическое насилие возрастает с ростом принудительности режима, но несколько сокращается в условиях крайней, максимальной принудительности такого режима.

Уровень политического развития также связан с уровнем насилия. Индикаторами политического развития служат показатели участия населения в решении политических вопросов, решениях правительства и в политических группировках, а также существование влиятельной законодательной власти и уровень свободы прессы. В условиях, когда военные или политическая партия играют в политике только свою, специализированную роль, — налицо условия для демократии и плюрализма. В условиях, когда подобные структуры монополизируют сферу политики, создаются условия для господства авторитарной элиты.

Политическое развитие, связанное с ростом демократических структур, оказывается тесно связанным с экономическим и социальным развитием. Чем выше уровень политического развития общества, тем выше уровень доходов и грамотности населения. Тенденции политического насилия выглядят по-иному. С ростом экономического и социального секторов общества изменяется и политическая система. Подобные изменения, развитие экономики, социальной сферы ведут к росту социальных конфликтов и политического насилия, политическая стабильность падает. Однако когда страна достигает полной модернизации (важный показатель — поголовная грамот-

ность населения), а экономика достигает уровня массового потребления (душевой доход значительно превосходит уровень, достаточный лишь для поддержания существования), политическая стабильность усиливается, и уровень насилия падает.

Таким образом, легитимность власти, характер и темпы социальных перемен, степень модернизации общества, характер режима, уровень политического развития — таковы социологические характеристики, определяющие условия возникновения, состояние и тенденции политической преступности, вскрывающие ее производный характер, ее зависимость от состояния политических институтов данного общества и протекающих в нем социальных процессов. При этом модернизированные страны характеризуются меньшим уровнем политических беспорядков и насилия. Менее развитые страны — более высоким уровнем политического насилия.

Характер политического режима и насилие. Уровень политического насилия зависит от положения данной страны на шкале «разрешительный режим—запретительный режим». В странах разрешительного режима — наименьший уровень политического насилия. Оно возрастает с ростом принудительности режима, но снижается на некоторую степень в условиях крайнего принуждения. Ту же тенденцию проявляет и показатель политической нестабильности. В отличие от этого уровень модернизации падает по мере перехода от крайне разрешительного режима (наивысший уровень модернизации) к условиям крайнего принудительного режима (самый низкий уровень модернизации).

Демократические страны характеризуются низким уровнем политических возмущений, хотя правительства стран с репрессивным, тоталитарным режимом способны эффективно подавлять открытые выражения народного недовольства. Именно правительства в странах среднего уровня политического развития и средней разрешительности режима сталкиваются с наибольшими политическими возмущениями.

Экономическая преступность представляет собой явление, возникающее в ходе и в связи с взаимодействием государства и экономики. В ходе этого взаимодействия государственные структуры, располагающие политическим и правовым ресурсом власти, пересекаются с экономическими институтами, субъектами хозяйственных отношений, располагающими мате-

риальными (имущественными, денежными) ресурсами. Принципиальным в этом отношении является объем полномочий государства в сфере экономических отношений, где экономика, отношения собственности служат объектом, а государство — субъектом регулирования экономики

Ликвидация института частной собственности в советской России, его делегализация создали ситуацию, когда государство одновременно являлось собственником и оно же было единственным регулятором отношений собственности. Функция обладания (владения, распоряжения) слилась с функцией контроля и регулирования, властные, насильственные методы командной экономики обеспечили абсолютную монополию государственной собственности, полную, неподконтрольную свободу распоряжения ею агентами политической власти. *Там, где отсутствует раздельное существование объекта и субъекта регулирования, где они слиты воедино, там регулирование заканчивается и начинается произвол*, ибо реальное регулирование предполагает целесообразно ориентированное ограничение деятельности объекта регулирования со стороны регулирующего субъекта на основе принципов, правил и норм, обязательных для них обоих.

В реальности частная собственность в советской России не была полностью ликвидирована, частная собственность и рыночные отношения продолжали существовать фактически, нелегально, являясь реальной и нераздельной чертой экономики, составляя костяк экономической преступности в рамках законодательства того периода. Нелегальное положение частного предпринимателя в экономике привело к возникновению особого рода симбиоза носителей политической власти (ресурс—власть, насилие) и нелегального частного собственника (ресурс—деньги), в котором экономический субъект покупает преступным путем саму возможность существования. Со своей стороны, в подобной ситуации носители власти попадают в зависимость от нелегальных «данников», возникает жизненный интерес в сохранении их нелегального статуса — залога поступления обильной «дани». Легализация частной собственности лишает носителей власти подобного способа обогащения.

Легализация частной собственности, развитие рыночных отношений в российском обществе 90-х гг. XX в. вводят новые элементы во взаимодействие экономики и государства. Нормальным, легаль-

ным рыночным отношениям угрожают две опасности. Первая — в форме преступных посягательств должностных лиц государства, злоупотребляющих властью, торгующих своим правом принимать решения в сфере экономики. Сохраняется сращивание деятелей нелегального, преступного бизнеса (наркотики, торговля оружием, контрабанда и т. д.) с покровителями из числа коррумпированных должностных лиц, взаимно питающих и защищающих друг друга. Вторая опасность — со стороны самих участников рыночных отношений, тех из них, кто стремится получить прибыль не в результате добросовестной конкуренции, а при помощи необоснованных привилегий и льгот путем подкупа должностных лиц.

В этих условиях незаконный выигрыш одних означает соответствующий проигрыш других, ибо купленная привилегия перемещает блага, объем которых всегда ограничен, в пользу взяткодателя за счет тех, кто взяток не дает, либо ставит совершающего подкуп в более выгодную по сравнению с другими, но не заслуженную им позицию. Подрывает рыночную экономику обман потребителя, получение прибыли путем укрытия от уплаты налогов, в результате сговора о фиксации цен на рынке и др. Наконец, может иметь место полный отказ от конкуренции в случаях преступного посягательства на имущество конкурента либо на его жизнь (заказные убийства).

Без достижения реального доминирования на рынке легального, влиятельного частного капитала невозможен серьезный рост производительной экономики. Достижение такого доминирования ведет к двум последствиям, имеющим социокриминологическое значение. Маргинальное (вторичное, окраинное, подчиненное) положение частного капитала ведет к тому, что устанавливаемые в ходе экономических взаимодействий отношения между хозяйствующими субъектами носят несистематический, часто случайный, во многом хаотический характер. В такой ситуации возникает тенденция к одномоментному использованию актуальной ситуации, использованию, не сдерживаемому необходимостью учитывать дальнейшие последствия данного, наличного взаимодействия; возникает стремление получить максимум выигрыша любыми, в том числе противоправными, преступными путями (получить кредит и скрыться, учредить фиктивную фир-

му и исчезнуть, присвоить прибыль, обворовав партнеров, разорив акционеров и т. д.).

Только в условиях доминирования в экономике частного капитала вступает в действие закономерность, согласно которой максимальная прибыль достигается не экономическим разбоем, а стабильной, ориентированной на перспективу производственной и торговой деятельностью. Только в этих условиях становится очевидным, что реальный экономический успех зависит от ориентации на стабильные, предсказуемые действия партнеров, только здесь становится очевидным, что честность экономически выгодна, что деловая надежная репутация — условие получения реальной прибыли, намного превосходящей преступную «добычу». В этих условиях реализуется алгоритм рыночного предпринимательства: кредит (заем) + инвестиция (вложение) = прибыль.

В переводе слово «кредит» означает «доверие». Эта моральная категория оказывается встроенной в структуру стабильных рыночных отношений. Первоначальная, элементарная ячейка рыночных отношений (обмен денег на товар или товара на деньги) обладает важной особенностью. Указанный обмен никогда не может быть синхронным, одномоментным (один контрагент посылает деньги и затем получает товар или посылает, передает товар и затем получает деньги), временной разрыв здесь неизбежен, кто-то кому-то должен довериться, быть уверенным в гарантированном продолжении данного взаимодействия, в ненарушимости соответствующих договорных отношений. Перспективы успешной борьбы с экономической преступностью, следовательно, прямо связаны с развитием и становлением в экономике легального частного капитала и стабильного рынка¹.

§ 3. Социальный контроль, его функции и структура

Функции социального контроля. *Социальный контроль — это способ саморегуляции социальной системы, обеспечивающий упорядоченное взаимодействие составляющих ее элементов посредством социально-нормативного и правового регулирования. Стабилизиру-*

¹ См. Яковлев А. М. Социология экономической преступности М., 1988.

ющая функция социального контроля заключается в воспроизводстве господствующего типа социальных отношений, социальных (групповых, классовых, государственных) структур. Целевая функция системы социального контроля, ее направленность и содержание зависят от исторически обусловленных, социально-экономических, социально-политических, социально-правовых характеристик данной социальной системы, ее места в процессе исторического развития сменяющих друг друга типов общества. Проблема социального контроля в сущности своей составляет часть, аспект центрального вопроса — о взаимоотношении индивида и общества, гражданина и государства.

В процессе социального контроля складываются отношения индивида и общества, которые, однако, более сложны, чем «подгонка» индивидуальных качеств под социальный стандарт. Здесь необходимо учитывать принципиальную особенность функционирования индивидуального сознания в механизме социального управления. Если на уровне общественного сознания социальная, ориентирующая действия людей в обществе информация передается в виде целостных, внутренне недифференцированных стереотипов нормативно ориентированного поведения, его образцов, то на уровне индивидуального сознания появляется возможность расчленения целостного блока социальной информации (образца поведения) на информацию о целях действия, предлагаемых средствах их достижения. Следовательно, появляется возможность их сознательной оценки, принятия, отвержения или изменения.

В силу этого на уровне индивидуального сознания формируется возможность таких инноваций (новых позиций, ценностных ориентаций), которые, будучи включены в цикл функционирования социального контроля, могут изменить его характер. Это становится возможным в случае, если индивидуальная инновация получает общественное признание, завоевывает место в системе социальных ценностей. Социальное отношение, существующее в рамках механизма социального контроля между индивидом и обществом, не есть отношение контролирующего субъекта к контролируемому объекту, *социальный контроль не есть всего лишь воздействие общества на индивида, но всегда и неизменно — процесс активного взаимодействия этих хотя и взаимосвязанных, но различных по характеру элементов.*

Индивид и общество (индивид и социальная группа) представляют собой исходные взаимодействующие составные элементы системы социального контроля. Процесс социального контроля — это процесс взаимодействия этих элементов. Соответственно в схему механизма социального контроля включаются два вида действий, а именно контролируемая деятельность индивидов и контролирующая деятельность общества, его социальных групп и институтов. Государственный (правовой, формальный) контроль определенным образом соотносится с социальным контролем, но не сводится к нему. Социальный контроль представляет собой регулирование социального поведения индивидов с позиций не только политических, правовых, но и других социальных институтов (образования, культуры, морали), иных групп и общностей.

Взаимодействие индивида и общества с точки зрения социального контроля выявляет внутреннюю противоречивость этого взаимодействия. Так, с одной стороны, человек не может обрести индивидуальность, приобрести, сформировать свои социальные качества и свойства вне или помимо общества, только усвоение социальных смыслов и значений делает индивида человеком. *Если индивид не является продуктом социальной и социокультурной среды, значит, он не человек.* С другой стороны, индивидуальность — столь же неотъемлемое свойство человека, как и его социальность, он не сможет сохранить и развить свою индивидуальность, если всего лишь автоматически приспособливается к образцам культуры. *Если человек представляет собой всего лишь слепок социокультурной среды, значит, он не личность.*

Элементы социального контроля. *Динамическая модель социального контроля включает в себя следующие основные элементы: индивид; социальная общность (группа, класс, общество); индивидуальное (контролируемое) действие; социальное (контролирующее) действие.* Индивидуальное действие и социальное действие соотносятся между собой как контролируемое и контролирующее действия, причем речь идет именно о взаимодействии, а не об одностороннем контроле без обратной связи. Акт социального (группового) контролирующего действия, выступая в системе социального контроля в виде реакции на индивидуальное (контролируемое) поведение, в свою очередь сам выполняет

функцию социального стимула (позитивного или негативного), предопределяющего характер последующих актов индивидуального действия, в силу чего теперь уже эти последние служат реакцией на социальные (контролирующие) действия.

Если индивид (индивидуальное действие) и социальная группа (социальное действие) служат исходными взаимодействующими элементами системы социального контроля, то характер такого взаимодействия зависит от ряда важных промежуточных переменных социально-психологического характера, характеризующих как индивида, так и противостоящую ему социальную группу. В их числе: социальная перцепция, установка восприятия, сквозь призму которой воспринимает одну и ту же социальную реальность индивид (индивидуальная перцепция) и социальная группа (групповая перцепция). От характера восприятия и оценки ситуации зависит далее формирующаяся на этой основе самооценка индивида и самооценка соответствующей социальной группы.

Оценка ситуации и самооценка — важные социально-психологические показатели, во многом определяющие содержание и направленность актов как индивидуального, так и социального действия. В свою очередь специфика восприятия социальной ситуации, формирование на этой основе самооценки зависят от характера тех критериев социальных оценок, которые применительно к индивиду образуют индивидуальную шкалу оценок, а к социальной группе — социальную шкалу оценок. Преломляясь через призму этих шкал, группа оценивает действия индивида, а индивид в свою очередь и на основе своей шкалы оценивает адресованные ему действия группы (класса, общества).

Полный перечень элементов, образующих систему социального контроля (в его нормативно-психологическом аспекте), включает следующие позиции.

1. *Индивидуальные действия*, проявляющиеся в ходе активного взаимодействия индивида с социальной средой, — акты познавательного и адаптивного характера; эти акты закрепляются или устраняются из поведения в связи с реакцией на них социальной среды (группы, класса, общества в целом). Изначально взятые сами по себе, индивидуальные акты не содержат социальных свойств, качеств. Эти свойства, значения, свое социальное качество акты обретают при встрече с

социальным целым, наделяющим их этими качествами, свойствами и значениями. Таков первоначальный этап социального контроля.

2. Социальное целое оценивает индивидуальные действия на основе объективно существующей в обществе (в морали, в праве, в идеологии, религии) *социальной шкалы оценок*, производной от системы ценностей, идеалов, жизненных устремлений, интересов социальной группы, класса, общества в целом. От этой шкалы оценок зависит реакция общества на индивидуальное действие.

3. *Социальная категоризация* индивидуального акта является результатом функционирования социальной шкалы оценок, следствием отнесения этого акта к определенной категории действий (социально одобряемого или порицаемого характера).

4. Такая категоризация индивидуального акта производна от характера общественного самосознания, от того, как общество (социальная группа) оценивает себя, какова *самооценка группы*. Эта самооценка производна от оценки группой социальной реальности, условий ее существования, от социальной (групповой) перцепции.

5. Результатом оценки и категоризации индивидуального действия является *социальное действие* (реакция общества, социальной группы) на оцененное и категоризированное индивидуальное действие. Такие социальные действия выполняют роль негативных или позитивных санкций.

6. Реакция индивида на указанные социальные действия зависит от присущей ему *индивидуальной шкалы оценок*, производной от системы ценностей, идеалов, жизненных интересов и устремлений индивида.

7. Результатом функционирования индивидуальной шкалы оценок является *самокатегоризация* индивида (принятие роли, отождествление с определенной категорией лиц).

8. Самокатегоризация определяет индивидуальное самосознание, в том числе *индивидуальную самооценку*, предопределяет оценку индивидом ситуации, в которой он действует (индивидуальная перцепция). Самооценка, индивидуальная перцепция (восприятие ситуации) предопределяют последующий акт индивидуального действия, служащего теперь уже реакцией лиц

определенных категорий на групповое социальное действие (см. рис. 12.2).

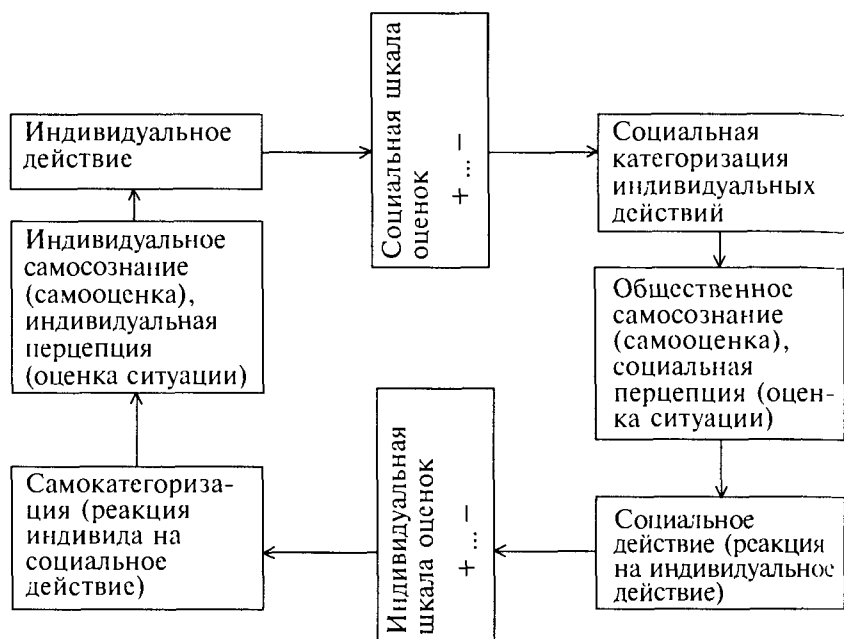

Рис. 12.2. Механизмы социального контроля

§ 4. Механизм социального контроля

Стабильность общества, социальных групп, любых социальных организаций зависит от характера и эффективности особого механизма, обеспечивающего устойчивость взаимодействия членов подобных социальных формирований. Объединение людей в такие формирования происходит под влиянием двух принципиальных моментов. Первый из них — объективный фактор: необходимость объединения усилий, координации соответствующих действий в ходе осуществления любых видов социальной практики во имя обеспечения фундаментальных потребностей человеческого существования. Этот фактор с неизбежностью реализуется, даже если он не

осознается. Второй фактор — субъективный: это тот смысл, то значение, которое придается соответствующей социальной практике вовлеченными в нее людьми, тот характер, который они стремятся придать формам соответствующей социальной организации.

В соответствии с этим любой социальной организации присущи и два вида того механизма, который подчиняет индивидов общественным, общегрупповым целям, поддерживает их единство в рамках общества данного типа, соответствующей социальной группы, организации; вводит и поддерживает специфическую систему социальных ценностей и норм, обеспечивает усвоение этих норм членами общества, группы, поощряет их соблюдение и подавляет отклонения от их требований. В этом смысл и основная функция механизма социального контроля. Но и здесь проявляется объективно-субъективный характер социальных образований: социальный контроль выступает как объективно, с неизбежностью возникающий элемент любого подобного образования, во-первых, и в качестве сознательно сформулированных, введенных, установленных форм такого контроля, во-вторых. В первом случае речь идет о неформальном, а во втором случае — о формальном социальном контроле.

Формальный социальный контроль осуществляется государством путем законодательного определения запрещаемых действий и применения санкций за их нарушение. Формальный контроль осуществляется также в таких социальных структурах, где соблюдение принятых норм обеспечивается подзаконным нормативным актом (уставом, правилами, инструкциями и т. д.) и соответствующими санкциями. Формальный социальный контроль, его создание и осуществление — результат процесса рациональной организации социальных взаимодействий. Агентами формального социального контроля являются уполномоченные на то органы государственной власти, все те властные структуры, чья деятельность определена в соответствующих предписаниях. Санкции выступают в форме уголовного наказания, мер административной, дисциплинарной ответственности.

Эффективность формального социального контроля прямо пропорциональна степени легитимности данной государственной власти или соответствующих уполномоченных структур.

Подчиненными, второстепенными условиями эффективности формального социального контроля является суровость соответствующих санкций, тяжесть наказания и степень неотвратимости его реального применения.

В отличие от этого неформальный социальный контроль — результат самоорганизации таких взаимодействий. Его функция — также нормативное регулирование социальных взаимодействий, однако содержание прививаемых путем такого контроля норм не формализовано, они стихийно возникают в социальных группах, сообществах и воспроизводятся в поведении их членов под угрозой применения санкций, характерных именно для подобного социального образования. Агентами неформального социального контроля выступают сами группы и сообщества, наиболее авторитетные их члены (родители в семье, неформальные лидеры социальных групп и другие «значимые» лица). Санкции выступают в форме угрозы (или реального применения) физического насилия, отвержения, лишения членства (ostracism), но также в виде уприсков, порицаний, насмешки, отказе в поддержке и т. д.

Эффективность неформального социального контроля прямо пропорциональна степени единства соответствующих социальных групп и образований, уровня социальной сплоченности, солидарности их членов. Тяжесть и неотвратимость санкций, следующих за нарушением социальных (групповых) норм, теряют свой контролирующий эффект по мере распада социального образования, потери единства, утраты важнейшего, решающего компонента эффективности неформального контроля — феномена социальной солидарности.

Объектом действия социального контроля являются действия членов данного общества, социальной группы. Цель социального контроля — обеспечивать соответствие индивидуальных действий общесоциальным принципам и нормам.

Характеристика индивидуального действия. Характерной особенностью индивидуальных действий в системе социального контроля является их принадлежность к числу социально-коммуникативных действий, выражающих субъективное состояние человека, его отношение к другим людям, государству и обществу, к принятым ими целям, нормам, ценностям. *Отношение индивидуального действия к социальным нормам и ценностям —*

первое звено социального контроля. Совершаясь в обществе, возникая в связи и по поводу достижения субъектом своих целей, индивидуальные действия приобретают социальное качество, социальную определенность извне — в ходе взаимодействия с обществом, с его нормами и ценностями.

Социально обусловленный процесс оценки актов индивидуального действия — никогда не прекращающийся (хотя и не всегда осознаваемый) этап действия системы социального контроля. Социальный контроль, по существу, начинается именно с придания социального смысла и значения индивидуальным актам действия, с оценки этих актов с позиций социального целого. Именно здесь возникает перед индивидом факт существования общества как инстанции, «противостоящей» ему. *Индивидуальное действие, вступая в социальный мир, получает свое определение извне, т. е. его сущность, социальный смысл и значение определяются социальным целым.* Существенную роль здесь играют воспитание, общественное мнение и пропаганда.

Социально приобретаемое определение сущности индивидуального акта — его первая важная черта. Другая важная черта индивидуального поведенческого акта — его адаптивная функция. Возникая (по-видимому) спонтанно в ходе активного взаимодействия индивида с социальной средой, акты индивидуального действия закрепляются или устраняются из репертуара поведения в связи с реакцией на те или иные действия со стороны социальной среды (группы, слоя, класса, общества в целом). Приобретение социального качества, социальной определенности индивидуальным актом, оценка его смысла и значения со стороны общества есть вместе с тем и форма реакции общества на индивидуальный акт. От характера указанной реакции со стороны социальной среды зависит судьба последующих индивидуальных актов — их повторение, изменение либо прекращение.

Социальная шкала оценок. Социальная оценка индивидуального действия предопределяется объективно существующим набором стереотипов подобных оценок, включенных в систему норм, ценностей, идеалов, разделяемых социальными общностями (группой, классом, социальным слоем, обществом). Оценки, даваемые конкретным актам действия, распределяясь по соответствующему континууму, могут иметь резко отрицательный харак-

тер, быть либо (отражая воплощенные в подобной шкале критерии) социально-нейтральными (норма), либо максимально положительными.

Наглядным примером социальной шкалы оценок служат нормы права, которые сами располагаются (в отношении охраняемых правом социальных ценностей) по континууму от норм права, поощряющих позитивное поведение (распределение благ, получение выигрыша в зависимости от общественного вклада индивидуального действия), и вплоть до норм уголовного права, наказывающих за социально опасные акты. Подобные, хотя и не формализованные, шкалы оценок существуют и в виде морали, профессиональной этики, образуя нормативную структуру соответствующих социальных групп.

Характерной особенностью неформальных шкал социальных оценок является употребление в ходе оценки индивидуальных действий социальных стереотипов. Использование заранее предустановленных стереотипов — существенная черта социальных взаимодействий. Персонифицированный стереотип — схематический, стандартный образ человека как представителя определенной категории, характеризуется ярко выраженной эмоциональной окраской и особым качеством — «эффектом поляризации», т. е. устойчивой тенденцией к выявлению и абсолютизации крайних характеристик стереотипизированного образа, тенденцией к делению объекта оценок на «черное» и «белое». *Стереотип не допускает сомнения в его истинности.* Он поляризует оценки и социальные действия, не допускает компромисса («с нами или против нас»). Стереотипы в свою очередь часто есть выражение предрассудков, т. е. оценок, суждений, возникающих «до рассудка», т. е. вне, помимо и до рационального познания оцениваемого явления. Преломившись через шкалу социальных оценок, индивидуальное действие категоризируется.

Категоризация индивидуального действия. Процесс категоризации имеет объективный характер. Совокупность оценочных критериев, позволяющих отнести данное действие к той или иной категории, связана с особенностями, содержательной характеристикой данной культуры, ее морали и воплощается в языке, фольклоре, в законодательстве, в политических концепциях, религиозных догмах. Применение существующих

критериев к конкретным индивидуальным актам, выработка новых — существенный элемент механизма социального контроля.

Определение критериев, на основе которых конкретные действия, поступки получают оценку, вырабатывается на многих социальных уровнях: на уровне общегосударственном, воплощаясь в таком случае в законе, на уровне отдельных классов, слоев, групп (профессиональных, семейных и т. д.). На разных уровнях оценивается и то, насколько соответствует выработанному определению то или иное действие, тот или иной человек. В ходе процесса категоризации бесконечное разнообразие социальных и психологических черт и свойств индивидуального акта сводится к нескольким существенным (с позиции социальной шкалы оценок) характеристикам.

Два важных момента присущи процессу категоризации индивидуального акта:

- во-первых, утрата индивидуальным актом, в силу отнесения его в одну из категорий действий, своей специфичности, неповторимости, уникальной связанности именно с данным набором характеристик той ситуации, в которой этот акт был реально совершен;

- во-вторых, приобретение в глазах социального целого каким-либо одним свойством индивидуального акта обобщенного значения; это одно, но наиболее существенное с точки зрения социального контроля свойство этого акта, приобретая обобщенное значение, становится «пропуском» для зачисления иных действий в число актов той же категории, для расценки акта в качестве «одного из многих того же рода»; такое обобщенное свойство становится критерием последующих циклов категоризации индивидуальных действий.

Оба момента — утрата специфичности и приобретение обобщенного свойства (точнее, его выявление) — являются результатом процесса социальной категоризации индивидуального акта действия (в уголовном праве, например, аналогом подобного процесса служит процесс законодательной криминализации, т. е. отнесения действия к числу преступлений)¹.

Социальные санкции. Категоризация индивидуального акта — важный этап социального контроля, упорядочения социальных взаимодействий. Категоризированные индивидуальные акты

¹ См. Основания уголовного запрета // Криминализация в системе социального контроля М., 1982

вступают (именно вследствие и в ходе этого процесса) во взаимодействие с феноменами общественного сознания, из числа которых должны быть выделены два: 1) общественная самооценка; 2) оценка социальной ситуации.

Данные феномены общественного сознания (самосознания группы, слоя, класса, общества) важны потому, что от их состояния во многом зависит реакция социального целого на индивидуальные акты определенных категорий. В зависимости от самосознания, т. е. оценки своего существа, места и роли в обществе, а также от уровня групповой самооценки (адекватной, завышенной или заниженной) во многом зависит восприятие группой объективной социальной ситуации, в рамках которой она (социальная группа) функционирует. От характера этого восприятия в свою очередь зависит форма реакции группы, общества и государства на акты индивидуального поведения.

В качестве общего правила можно отметить, что, чем в большей безопасности осознает себя социальная группа (общество, слой, класс), чем более высоко (по шкале социально-этических ценностей) оценивает она свое положение, тем в принципе больше терпимости (при прочих равных условиях) проявляет данная общность по отношению к индивидуальным актам, расходящимся с установленными нормами. И напротив: чем в более угрожаемом состоянии ощущает себя социальная группа, тем более нетерпимым, ригористичным становится ее отношение к отклоняющимся от социальных норм актам индивидуального поведения. Речь, следовательно, идет не просто о степени реальной опасности, грозящей социальной структуре, а именно о характере групповой установки, производной от оценки роли и места, занимаемого данной группой в социальном целом, в том числе об отношениях государства с гражданским обществом. «Жестокость характерна для законов, продиктованных трусостью, ибо трусость может быть энергична, только будучи жестокой»¹.

Негативные санкции (не единственные) не самые эффективные методы социального контроля. Критика абсолютизации наказания как метода социального контроля с нравственных позиций дополнена в настоящее время экспериментальными выводами, согласно которым, во-первых, применение негативных санкций

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. I. С. 133.

ведет только к временному прекращению нежелательного социального поведения; во-вторых, подавляемые формы социального поведения имеют тенденцию к появлению в том же качестве после прекращения воздействия негативных санкций; в-третьих, подавление нежелательных форм социального поведения с неизбежностью ведет к общему снижению социальной активности индивидов.

Гуманистическое отрицание правомерности насилия как преобладающего метода социального контроля подтверждено экспериментально. *Доказано, что с точки зрения регулирования социального взаимодействия индивидов более эффективно: а) применять моральные санкции* (это могут быть, например, социальное неодобрение, моральное осуждение, которые «срабатывают» в случае, если индивид ценит данную социальную общность, не отчужден от нее); *б) поощрять желаемые виды индивидуального поведения в большей степени, чем подавлять нежелательные.* Применение подобных методов социального контроля тем более эффективно, чем выше уровень социальной сплоченности данной общности.

Индивидуальная шкала оценок. Важным структурным элементом индивидуального сознания является набор фиксированных установок, в свете которых индивид оценивает социальные факты. Только преломляясь через подобную индивидуальную шкалу оценок, социальный процесс категоризации индивидуального акта и подкрепляющие его социальные санкции оказываются в состоянии повлиять на самосознание личности, на поведение человека.

Эта личная шкала оценок, будучи, несомненно, продуктом социальной среды, отражает в себе многие позиции и критерии шкалы социальной, однако не механически, а всякий раз индивидуально, причем возможны также различные сочетания социальной и индивидуальной шкал оценок — от гармонии, частичного совпадения до противоречий и даже антагонизма. *Конформная личность на одном полюсе и критическая, творческая личность на другом — таков возможный диапазон в построении индивидуальной шкалы оценок.* Социальная, классовая, групповая принадлежность, но также и неповторимый личный опыт индивида, уникальная структура его личности — все это предпосылки формирования подобной шкалы, т. е., по существу, личного, нравственного кодекса человека. В связи с этим

оценки, даваемые индивидом адресованным ему актам социального действия, распределяясь по континууму, могут носить резко отрицательный (по отношению к этим актам) характер, быть либо (отражая заключенные в подобной шкале критерии) нейтральными (норма), либо максимально положительными.

Общество (государство, право) оценивает и характеризует индивида, но и индивид в свою очередь характеризует и оценивает общество и самого себя. Если результатом функционирования индивидуальной шкалы оценок становится принятие индивидом социальной оценки его поведения, то в действие вступает процесс самокатегоризации индивида, т. е. соотношения себя и отождествления с лицами соответствующих категорий. Пройдя сквозь фильтр индивидуальной шкалы оценок, приобретая таким образом для индивида субъективный смысл и значение, акт социального действия помогает индивиду отнести себя к числу лиц определенных категорий. Сложность и многогранность человеческой личности упорядочивается, личность структурируется, но ее определение (самоопределение) сужается, ее неповторимая индивидуальность подчас поглощается одной или несколькими социально усвоенными характеристиками («неудачник», «преступник», «наркоман» и т. д.).

Самосознание индивида и социальный контроль. Самосознание индивида — критический пункт воздействия социального контроля. Любое воздействие со стороны социального целого в случае, если оно полностью нейтрализовано шкалой индивидуальных оценок, теряет свой контролирующий эффект. *Социальный контроль перестает существовать, если он не влияет на самосознание индивида.* Ликвидация же социального контроля ведет к распаду группы, общества. С другой стороны, если беспрепятственно пройдя шкалу индивидуальных оценок, любое воздействие социальной среды автоматически штампуется самосознание индивида, то личность теряет свою уникальность. Человек как индивидуальность перестает существовать. *Автоматический конформизм ведет к распаду личности.*

Самосознание — чрезвычайно важная социально-психологическая характеристика человека. Источником, из которого черпается представление человека о самом себе, являются окружающие его и значимые для него люди. По их реакции на свои поступки, по оценкам этих поступков индивид судит и о том, каков он сам.

На содержание самосознания влияет представление человека о том, каким его считают окружающие. Социальное поведение человека в значительной мере складывается из его реакции на мнение о нем окружающих людей, причем это мнение серьезно влияет на формирование индивидуального самосознания.

От того, к какой категории лиц отнесен в представлении окружающих и в собственном представлении человек, в значительной мере зависит содержание ожидаемых от него актов поведения и его осознание, принятие этих ожиданий. Если от людей определенной категории обычно ожидают какого-либо конкретного поведения, то окружающие становятся повышенно чувствительны к чертам, подтверждающим именно эти ожидания, и гораздо менее чувствительны к поступкам, не укладывающимся в данный стереотип (их как бы не замечают). Тем самым социальная группа не только предлагает индивиду свою категоризацию, но и обеспечивает ее принятие.

Ожидания (как и оценки ситуаций) постоянно проверяются в ходе социальной деятельности и либо подтверждаются и еще более закрепляются, либо пересматриваются и заменяются. Важнейшим из критериев, по которым человек судит о пригодности своих суждений и оценок, являются реакции на самого человека и на его поступки окружающих людей, социальных общностей и групп. Значения, придаваемые социальным ситуациям, суть значения общепризнанные, разделяемые членами социальных групп, в рамках которых действует человек. Реакция окружающих формирует то понимание индивидом ситуации, с которым он вступает во взаимодействие с людьми, во многом предопределяет подчинение его поведения требованиям социального контроля.

Обратная связь в системе социального контроля. Основная функция социального контроля — это поддержание социальной системы в состоянии равновесия путем приведения в норму постоянно возникающих в системе возмущений, отклонений от господствующих ценностей и норм. Если социальный контроль складывается в ходе взаимодействия общества и индивида, то само это взаимодействие принимает форму системы с прямой и обратной функциональной связью. По линии прямой связи осуществляется воздействие на человека социального целого. Ответная реакция индивида (индивидов) воздействует на общество, на социальное целое по линии обрат-

ной связи Существенным в этом взаимодействии является характер прямой и обратной связи Здесь возможны три основных варианта *нейтральный* (система сохраняет свои основные характеристики), вариант *снижения* уровня социальных отклонений, вариант *усиления* социальных отклонений

Социальный контроль не может функционировать, отказавшись от дихотомии «добро и зло», «почетно—позорно», «законно—преступно» и т. д. Таков неизбежный элемент общественного сознания, ибо, поляризуя эти элементы, очерчивая клейма «зло», наказывая за него, прославляя «добро» и поощряя его, система социального контроля тем самым конкретизирует, укрепляет и подтверждает значимость доминирующих ценностей, охраняемых системой социальных (в том числе правовых) санкций Ослабление эффекта поляризации, размывание границ между добром и злом, законным и преступным отрицательно сказывается на общественном сознании, может привести в конечном результате к распространению состояния *безнормативности («аномии»)*¹

Вместе с тем, однако, действуя в условиях подобной поляризации, система социального контроля может стать контрпродуктивной в случае преобладания в ней завышенной, максимально ригористичной системы оценок социальных отклонений Это связано с тем, что социальные оценки формируют самосознание, ведут к принятию социально приписываемой роли и к соответствующему такой роли поведению Обратные связи в социальной системе — это связи двух видов обратная отрицательная и обратная положительная связь Обратная отрицательная связь в системе социального контроля образуется в случае, когда регулирующее воздействие социальной группы (общества, государства) ведет к снижению уровня социальных отклонений Положительная обратная связь налицо в случае, когда регулирующее воздействие не только не снижает, но, напротив, усиливает уровень социальных отклонений Именно такая ситуация возникает в условиях запредельно жесткого, максимального ригоризма, возникающего в системе социального контроля

В таких условиях возникает следующая система социального контроля с положительной обратной связью

¹ См. Социология преступности // Мертон Р. Социальная структура и аномия М., 1996

- все более строгая оценка поступков определенного рода ведет ко все более отрицательной самооценке человека;
- это ведет к совершению им поступков, соответствующих его представлению о своей роли;
- это в свою очередь ведет к выработке в сфере морали, права и т. д. еще более строгих определений для таких поступков и соответственно к более строгой оценке совершающих их лиц;
- это вновь ведет к формированию у таких лиц все более негативной самооценки и т. д.

Система замкнулась. Она функционирует, но, как это понятно, вовсе не в желательном направлении. С каждым ее циклом тяжесть и количество отклонений нарастает, что в конечном счете может привести к слому социальной системы данного вида. Система усиления социальных отклонений возникает в случае, когда отклонениям пограничного (маргинального) характера противопоставляется догматическая или экстремистская мера социального реагирования (максимально отрицательная оценка, применение неоправданного насилия). Формула здесь: «применять насилие всегда, когда это только возможно».

Такого рода меры усиливают уровень социальных отклонений, активизируют догматические, экстремистские отклонения, что ведет к росту социальных возмущений, дестабилизации системы социального контроля. Система выравнивания социальных отклонений возникает в случае, когда на имеющиеся отклонения проявляется реакция терпимости: поддерживается тенденция избегать крайних оценок, идет поиск компромисса и минимизация насилия. Такое реагирование помогает стабилизировать ситуацию, ведет к сохранению равновесия в системе социального контроля. Формула здесь: «применять насилие только тогда, когда невозможно не применить его».

Любое общество, стремящееся к процветанию, к тому, чтобы сделать максимально счастливыми максимально большое число своих граждан, обязано подавлять порок, карать за преступления и вознаграждать за добродетель, от чего в конечном счете зависит общее благополучие. Там же, где все внимание, вся энергия направлены на подавление пороков, а вознаграждение за добродетель незначительно или отсутствует, порок оказывается неистребимым, а общее благополучие недостижимым.

Приложение

**Социология в России: отклоняющееся поведение
и социальный контроль в сфере экономики**

Проблема социального контроля в отношении поведения, отклоняющегося от требований доминирующей системы социальных норм, по сути является частью более общей проблемы соотношения объективного и субъективного фактора в общественном развитии, точнее — тех пределов, в которых субъективный фактор (в нашем случае — в форме социального контроля) способен приводить к желаемым результатам (в том числе в сфере экономики).

К числу многих известных последствий применения теории марксизма к российской действительности было отношение к отклоняющемуся поведению, к преступности, как к чужеродному элементу («пережитки прошлого в сознании», «влияние Запада»). Как таковые все виды социально отклоняющегося (с позиций новой идеологической системы ценностей) поведения, тем более преступность, подлежали полной ликвидации, уничтожению. Центральной идеей, результирующей их отношение к социальным отклонениям как к случайному, чужеродному, остаточному элементу, стала идея «социальной превенции», селекции «социально опасных», «классово чуждых элементов», их подавление (20-е гг.) и беспощадная карательная система наказаний (30-е и последующие годы). Насилие («повивальная бабка истории») стало доминирующим методом радикальной перестройки общественных отношений. Особенно наглядно такого рода социальный контроль проявился в ходе государственного регулирования экономики. В сфере экономики утверждалось, что «мы с помощью рычага государственного принуждения переводим производственные отношения в иную фазу, делаем их иными»¹.

Среди многих проблем, возникающих в настоящее время в России в связи с переходом в сфере экономики от государственной монополии на собственность к рыночной экономике, основанной на свободной конкуренции независимых товаропроизводителей, две проблемы должны быть отмечены осо-

¹ Пашуканис К. Положение на теоретическом правовом фронте // Советское государство и революция права. 1930. № 11—12. С. 19.

бо. Первая — пределы, объем и содержание государственного, контролирующего вмешательства в экономику. Вторая — форма и виды социального контроля государства за поведением участников экономического взаимодействия. Роль государства как субъекта формального социального контроля воплощается в определенных видах законодательства. Среди правовых форм государственного регулирования экономики центральное место занимают два метода такого регулирования: гражданско-правовой и уголовно-правовой.

Уголовное право как орудие социального контроля занимает особое место в ряду отраслей права потому, что дает в руки государства власть над жизнью, свободой, собственностью, честью и достоинством граждан. Суть его — в применении наказания к тем, кто совершил преступления. Но что считать преступлением (в нашем случае — в сфере экономики), решает также государство. Судьба народа, социальная и политическая структура общества, его экономика, культура, характер нравов и морали — все отражают в себе действующие уголовные законы. Характер экономики как объекта социального контроля предопределяет направления и формы контроля, но и сама экономика изменяется в ходе осуществления такого контроля.

Законодательное определение преступности в сфере экономики отражает объективную реальность (взаимодействия в рамках экономических структур и отношений, т. е. то, что есть) и субъективную (государственную) оценку этой реальности (что должно или чего не должно быть). Экономика здесь пересекается с политикой. Политика военного коммунизма — продразверстка, прямое насилие в сфере экономических отношений поставили страну на грань катастрофы и стремительного роста имущественных преступлений (кражи, разбои, грабежи), хозяйственных преступлений. Переход к новой экономической политике знаменовал (среди прочего) переход от уголовной (и внесудебной) репрессии к гражданско-правовому регулированию экономических отношений (был принят первый Гражданский кодекс). Имущественные преступления пошли на убыль.

Переход на рубеже 30-х гг. к административно-командным методам управления экономикой сопровождался немедленным и чрезвычайным расширением карательного элемента социального контроля над экономикой. Здесь проявилась важная социологи-

ческая закономерность: лишение хозяйствующих единиц экономической и организационной самостоятельности, превращение крестьян из собственников в бесправных наемных рабочих привели к ослаблению или устранению экономических стимулов в сфере производства. На смену им неизбежно приходило внеэкономическое принуждение в форме уголовной репрессии. С отменой новой экономической политики, заменой рыночных отношений, основанных на частной собственности, на политику внеэкономического принуждения, основанного на монополии государственной собственности, радикально поменялось определение преступлений в сфере экономической деятельности.

В уголовном порядке стали отвечать: хозяйственные руководители — за бесхозяйственность; директора заводов и начальники ОТК — за выпуск брака; рабочие — за опоздание на работу и прогул; председатели колхозов и члены правления — за невыполнение договоров контрактации; колхозники — за невыработку обязательного минимума трудодней, за небрежное хранение сельскохозяйственных машин; управдомы — за плохое ведение домов и т. д. Невыполнение плана хлебозаготовок, срыв посевной наказывались лишением свободы или ссылкой. То, что составляло важную черту нэпа — свободная торговля, — было объявлено преступлением («спекуляция»). По закону от 7 августа 1932 г. хищение государственного имущества влекло наказание в виде лишения свободы на срок не менее 10 лет или смертной казни. С 1935 г. такие наказания назначались к осужденным, начиная с 12-летнего возраста.

После непродолжительной отмены смертная казнь за хищение и валютные преступления была вновь введена в 1962 г. В этом факте проявилась важная закономерность: с конца 50-х гг. началось падение темпов экономического роста, хозяйственная («козыгинская») реформа не состоялась, и вновь уголовные репрессии в их максимально бесчеловечной форме устремились в сферу экономических отношений.

История наглядно показывает, что попытка контролировать отклоняющееся поведение в сфере экономической деятельности путем усиления карательных санкций не снижает, но усугубляет степень, уровень таких отклонений, вызывает к жизни более тяжкие, тщательно законспирированные формы соответствующего поведения (риск велик, и ему подвергаются в погоне за соответственно более высоким выигрышем). В социо-

логическом аспекте это знаменует стремление восполнить недостаточность экономического стимулирования в развитии производства внесэкономическим принуждением, что не только тормозит экономическое развитие, но и усугубляет коррупцию и разложение экономики.

Объявив в 1960 г. преступлением «частнопредпринимательскую деятельность» и «коммерческое посредничество» (азбука рыночной экономики), уголовный закон лишил такую деятельность легального статуса, но не привел к ее фактической ликвидации. Будучи значительно эффективней, опираясь на реальный экономический интерес, она проникла в глубь государственных структур. Экономический интерес в результате смог выразить себя только через противозаконные действия (хищения, взятки, мошенничество и т. д.). В силу этого хозяйственные работники стали заложниками карательных органов. Практически каждый из них мог быть осужден потому, что он нарушал все существующие запреты, без нарушения которых хозяйственная деятельность была бы вообще невозможна. Относительная безопасность в таких условиях достигается системой платежа преступной «дани» агентам подобного вида социального контроля, осуществляемого за поведением участников экономической деятельности, питая коррупцию, разлагая государственный аппарат.

Именно так срабатывает система *положительной* обратной связи в механизме социального контроля: *реакция на усиление, ужесточение санкций выражается не в снижении, но в возрастании уровня социальных отклонений*. В подобной ситуации проявляется еще одна важная особенность социального контроля за поведением участников экономических отношений. Так, в 1941 г. было установлено уголовное наказание за продажу, обмен и отпуск на сторону оборудования и материалов, оказавшихся излишними и неиспользованными, а также их незаконное приобретение.

Не так давно, в 80-х гг., к уголовной ответственности привлекали руководителей предприятий, самовольно, в нарушение инструкций оплачивавших надбавки к заработной плате рабочим за выполнение ими крайне необходимых, но не предусмотренных работ либо с целью предотвратить неминуемую аварию, либо наладить производство изделий, необходимых производству, но не предписанных планом. Ясно, что подавляемые действия служили сохранению и развитию экономики,

но за счет нарушения абсолютной монополии государства на принятие экономических решений. Спасение государственной монополии вело к развалу экономики. Монополия крепла, экономика приходила в упадок.

Подобного рода практика выявляет важную латентную функцию системы социального контроля с положительной обратной связью в сфере экономики (наличие положительной обратной связи означает, что по мере роста уровня воздействия на объект контроля соответствующие отклонения не только не уменьшаются, но и возрастают). Эта скрытая, но реальная функция выражается в том, что при наличии такого рода обратной связи содержание, направленность социального контроля фактически меняется. Уровень отклонений в экономике нарастает, подводя ее на грань банкротства. Система социального контроля продолжает тем не менее свое разрушительное действие. *Скрытой, но подлинной функцией такой системы становится сохранение в действии самой по себе системы формального социального контроля и поддержание у власти ее агентов.* Именно это становится реальной функцией подобного рода действующей системы контроля. Не будучи остановлена, система социального контроля за поведением участников экономических отношений, сохраняющая положительную обратную связь с объектом своего воздействия, после достижения возрастающими отклонениями критического уровня рано или поздно *с неизбежностью приводит к краху социальную систему в целом.*

Переход российской экономики на рыночные отношения предполагает существенные изменения в системе социального контроля за поведением участников таких отношений. Меняется центральный движущий фактор экономического развития. На смену плану, приказу, команде, исполнению которых обеспечивалось принудительной силой государства, в качестве движущей силы такого развития выступает *взаимный интерес независимых и полноправных товаропроизводителей.* Основой экономического взаимодействия становится не государственный план, а договор заинтересованных сторон. Функция официального социального контроля государства меняется по существу, по направленности и по форме. Из побудительного, принудительного фактора экономического развития государственное воздействие трансформируется в гаранта ненарушимости договоров. Социальными отклонениями в сфере экономики более не являются попытки на-

рушить государственную монополию. В качестве таковых выступают нарушения договорных обязательств.

Меняется и правовая форма социального контроля в сфере экономики. На смену уголовной репрессии приходит гражданско-правовая ответственность. *Обретает реальную социальную функцию Гражданский кодекс, обеспечивающий выполнение договоров, защищающий имущественные интересы сторон.* Функцией уголовного права в сфере экономики становится преследование за такие виды неисполнения договорных обязательств, где договор прикрывает преступление или является средством его совершения, где наличествует обман или злоупотребление доверием. За пределами такого фактора — реагирование на нарушения договора передается на усмотрение сторон, где государство лишь гарантирует исполнение судебного решения.

Принципиальное различие между уголовно-правовым и гражданско-правовым реагированием на содеянное сводится к тому, что *уголовное право наказывает преступника, обращено к личности субъекта; гражданское право восстанавливает нарушенные имущественные права, возмещает причиненный ущерб, оно обращено к имуществу субъекта.* Исторически, однако, так было не всегда: крепостного крестьянина, не выплатившего оброк, ставили на правеж, т. е. пороли до тех пор, пока оброк не был возмещен; должника, не выплатившего долг, опускали в долговую яму и держали там до тех пор, пока долг не был погашен; директора или мастера советского предприятия, распорядившегося государственной собственностью так, как это требовали интересы производства, но вопреки плану или инструкции, сажали в тюрьму по форме за хищение социалистической собственности, а по существу за посягательство на государственную монополию в сфере экономических отношений.

Функция социального контроля за поведением участников экономических отношений кардинально пересматривается в связи с принципиальным изменением соотношения формального и неформального видов такого контроля в условиях рыночной экономики. Поскольку решающий импульс экономического развития переходит от государства к самостоятельным, независимым участникам экономического взаимодействия, то именно они становятся жизненно заинтересованными в подавлении отклонений от условий договоров, безусловном исполнении взятых обязательств, что только и может гарантировать получение

прибыли, успешное развитие экономики. Логика экономического взаимодействия в подобных ситуациях приводит к необходимости реализации интереса участников рыночных отношений в обеспечении стабильности, предсказуемости, надежности таких отношений.

Естественным последствием такого развития является возникновение на практике норм, правил такого взаимодействия, *фактически возникает неписаный кодекс деловой этики*. Его гарантом становится новый субъект неформального социального контроля — возникающая общность деловых людей. Источником такого контроля, наделяющим его ценностным содержанием, становится групповая мораль деловых отношений. Санкцией за нарушение подобного кодекса становится потеря деловой репутации, занесение его нарушителя в черный список, что ведет в конечном счете к банкротству.

Центральный момент действия в условиях рынка — выбор партнера зависит от оценки степени его надежности. При этом экономические критерии (характер и объем хозяйственной деятельности, размеры капитала и т. д.) такого выбора становятся в один ряд, а то и уступают место критериям уровня деловой репутации. Так, логика стабильных рыночных отношений снабжает деловую мораль эффективным подкрепляющим фактором, честность в деловых отношениях становится прибыльной, целесообразным становится согласиться скорее компенсировать причиненный ущерб, скорее упустить возможную прибыль, чем прибегнуть к обману или злоупотреблению доверием и потерять деловую репутацию, что грозит более тяжелыми последствиями. *Неформальный социальный контроль проявляет свою доминирующую роль.*

Функция формального социального контроля в подобной ситуации сводится к обеспечению эффективной судебной защиты прав участников делового оборота и обеспечению безусловного исполнения судебных решений всей силой государственной власти. В подобной системе сохраняются и отклонения, но их пропорция и тенденции ограничиваются оптимальными границами, не разрастаясь до уровня подрыва всей экономической системы. Только последовательное проведение в России соответствующих реформ в сфере экономики, реформа судебной власти и укрепление исполнительной власти в масштабе страны способны привести к возникновению и успешному функциониро-

ванию такой системы социального контроля за поведением участников экономических отношений, доминирующей функцией которой станет содействие подъему производства, росту экономического благосостояния народа.

Вопросы для закрепления материала

1. Какова роль и функции социальных ценностей и социальных норм?
2. В чем проявляется социальная природа норм права, каковы условия их функционирования?
3. Каково соотношение между нормой-оценкой и объективной социальной нормой?
4. Как соотносятся между собой социальная дезорганизация и социальный контроль?
5. Каковы социальные факторы, определяющие уровень политического насилия?
6. Каковы социальные факторы, определяющие экономическую преступность?
7. Каковы отношения личности и общества в системе социального контроля?
8. Что входит в число элементов механизма социального контроля, каков характер их взаимодействия?
9. Каковы факторы, определяющие характер взаимодействия формального и неформального социального контроля в сфере экономических отношений?

Литература для дополнительного чтения

Бобнева М. И. Социальные нормы и регулирование поведения. М., 1976.

Забрянский Г. И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997.

Ли Д. А. Преступность в структуре общества. М., 2000.

Социальные отклонения: Введение в общую теорию. М., 1984.

Социальный контроль над девиантностью в современной России. СПб., 1998.

Социология преступности. М., 1966.

Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. М., 1984.

Яковлев А. М. Социология экономической преступности. М., 1988.

Глава 13

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

§ 1. Коммуникация: понятие и виды

Определение. Среди социальных процессов одно из ведущих мест занимает *коммуникация* (лат. *communicatio* — способ сообщения, передачи) как *необходимый элемент взаимодействия людей, групп, народов, государств, в ходе которого осуществляется передача и взаимопередача информации, чувств, оценок, значений, смыслов, ценностей и т. д.* Без коммуникации невозможно конституирование социальных общностей, социальных систем, институтов, организаций и т. д., невозможно существование социальности, социума как такового. Коммуникация пронизывает все стороны жизни общества, социальных групп и отдельных индивидов. Всякое исследование социальной жизни затрагивает те или иные ее формы.

Коммуникация — явление, изучаемое многими науками, в том числе социологией, психологией, политологией, теорией коммуникации. Существуют различные виды коммуникации: массовая, межличностная, организационная, групповая и др. В связи с такой многоликостью, многосторонностью данного явления встает задача отбора материала, адекватного интересам и традициям *социологического анализа*. Эта задача может быть решена следующим образом: основное внимание уделить теориям и эмпирическим исследованиям в области *массовой коммуникации*, а также затронуть ту область неформальной коммуникации, которая ближе всего к межгрупповым взаимодействиям и обычно называется «*функционирование слухов*».

Существует большое количество определений коммуникаций. Представим несколько из них, наиболее близких социологическому пониманию.

Коммуникация есть передача информации, идей, эмоций, навыков и т. п. посредством символов — слов, картин, графиков и др. Коммуникация — это процесс, который связывает отдельные части мира друг с другом. Коммуникация — это процесс, который делает общезвестным то, что было монополией одного или нескольких. И наконец, коммуникация — это механизм, посредством которого реализуется власть.

В 1948 г. американский политолог Г. Лассуэл предложил простую и наглядную модель *коммуникативного процесса, включающую пять элементов*¹:

1) кто? (передает сообщение)	— коммуникатор;
2) что? (передается)	— сообщение;
3) как? (осуществляется передача)	— канал;
4) кому? (направлено сообщение)	— аудитория;
5) с каким эффектом?	— эффективность.

Каждый из элементов указанной схемы стал объектом многочисленных исследований. Например, выделяются характеристики коммуникатора, способствующие повышению эффективности воздействия. Для того, чтобы выступление человека оказало нужный эффект, этот человек должен, по мнению слушателей, обладать такими качествами, как компетентность (наличие соответствующих знаний и навыков), надежность (способность вызывать доверие), динамизм (личностная открытость, активность, энтузиазм).

Всесторонне исследовались и особенности аудитории, располагающие к принятию сообщения. Так, обнаружено, что Я-включенность в содержание коммуникации (близость ее содержания наиболее значимым для аудитории проблемам) снижает эффективность убеждения: у людей в областях, наиболее близких им, существуют наиболее обоснованные и проверенные опытом мнения, изменить которые крайне сложно. Активное ролевое проигрывание изначально неприемлемой позиции способствует ее принятию в будущем.

Важным является степень идентификации человека с группой. Люди, наиболее сильно привязанные к группе, вероятно, менее подвержены влиянию сообщения, не соответствующего групповым нормам. Влияние группы проявляется и в том пла-

¹ См. *Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / Ed. L. Bryson. N Y, 1948*

не, что мнения, которые люди сообщают публично, труднее изменить, чем те, которые широко не афишировались. Замечено также, что поддержка даже одного человека ослабляет давление большинства на индивидуальное мнение.

Основные виды коммуникации. Общепринятой признана классификация видов коммуникации на основании уровня или контекста, в котором она осуществляется. Согласно этому критерию наиболее часто выделяют следующие виды коммуникации: межличностную, групповую и массовую.

Межличностная коммуникация представляет собой непосредственный, «лицом к лицу», контакт людей. Такая коммуникация предполагает известную психологическую близость партнеров, наличие понимания и сопереживания. В межличностной коммуникации можно выделить три взаимосвязанные стороны. коммуникативную (в узком смысле слова «коммуникация»), перцептивную и интерактивную. *Коммуникативная сторона* (в узком смысле слова) межличностной коммуникации состоит в обмене информацией между партнерами по общению, передаче и приему мнений и чувств. *Интерактивная сторона* межличностной коммуникации (от слова «интеракция» — взаимодействие) заключается в обмене действиями между взаимодействующими сторонами (например, вопрос—ответ, просьба—отказ или согласие). *Перцептивная сторона* межличностной коммуникации затрагивает процесс восприятия и понимания людьми друг друга, формирование определенных межличностных отношений.

В тех ситуациях, когда люди вступают в общение в малых группах (количество их членов может быть от 3 до 20—30 человек), *принято говорить о групповой коммуникации.* В групповой коммуникации продолжают действовать все закономерности, присущие межличностной коммуникации, однако появляются и специфические для данного типа коммуникации феномены, к которым относятся: лидерство и руководство в группе, т. е. процесс межличностного влияния, стимулирование группы, нацеливание ее на выполнение определенных задач; процесс принятия группового решения, т. е. обсуждение значимых для группы проблем, в процессе которого происходит выяснение позиции ее членов, оценка проблемы, поиск и выработка общего группового решения; структура коммуникации в группе,

совокупность позиций членов группы относительно получения и хранения значимой для группы информации.

Массовая коммуникация — это процесс распространения информации и влияния в обществе посредством специальных средств. печати, телевидения, радио, кино и т. д., в результате чего сообщение поступает сразу к большим группам людей.

§ 2. Основные подходы к исследованию массовой коммуникации

Основными функциями, которые выполняет массовая коммуникация в обществе, являются: информирование о происходящих событиях; помощь обществу в решении его проблем; передача знаний об обществе от одного поколения к другому (социализация и обучение); развлечение. Указанный спектр функций задает концептуальную основу, важнейшие подходы к исследованию массовой коммуникации. В рамках данного подхода находятся работы, отвечающие на вопрос: как конкретно функционируют в обществе средства массовой коммуникации?

Авторы многих из этих работ стремились объяснить, каким образом и насколько эффективно массовая коммуникация воздействует на общество и его членов. *В начале нынешнего столетия господствовало убеждение во всеисильности влияния массовой коммуникации на сознание человека*¹.

Предполагалось, что воздействие сообщений средств массовой информации (СМИ) выражено непосредственно и осязаемо. Однако в дальнейшем такие взгляды изменились на совершенно противоположные: *эффективность влияния массовой коммуникации была признана минимальной*. Наибольшее распространение эти взгляды имели в 50-х гг., когда считалось, что межличностные контакты более значимы для распространения фактов и мнений в обществе, чем массовая коммуникация. Информация от СМИ вначале поступает к так называемым *лидерам мнения* (opinion leaders) в обществе, которые затем передают ее другим людям в процессе межличностной коммуникации.

В частности, было обнаружено, что на решение избирателей о поддержке того или иного кандидата мнение друзей влияет в большей степени, чем позиция СМИ. «Лидеров мнения» трудно

¹ См.. *Lippmann W. Public Opinion*. N. Y., 1921.

отличить от других людей: в разные периоды времени и по разным проблемам лидерами бывают разные люди (экспериментально установлено разнообразие лидеров в таких областях, как экономика, мода, общественная жизнь). Интерес к какой-то проблеме — важная детерминанта лидера, однако для того, чтобы человек стал выполнять данную роль, необходим некоторый уровень интереса к этой проблеме и у других членов группы. В качестве критики указанных взглядов можно высказать следующее замечание: в них постулируется однонаправленность влияния массовой коммуникации на человека, а также людей друг на друга.

В 60-х гг. считалось, что хотя массовая коммуникация и оказывает влияние на установки и мнения людей, однако это влияние опосредовано характеристиками *аудитории*. Воздействие сообщений СМИ на аудиторию имеет не непосредственный, а опосредованный некоторыми промежуточными переменными характер. К наиболее важным из них относятся: позиция группы, к которой принадлежит реципиент, или позиция ее отдельных членов, а также селективность, т. е. склонность человека отбирать ту информацию, которая согласуется с его ценностями и мнениями. В результате степень влияния оценивалась как не очень высокая.

Начиная с 70-х гг. все больше сторонников приобретает тезис о возрастающем влиянии массовой коммуникации на массовое сознание. В частности, именно она задает спектр обсуждаемых людьми тем (*agenda-setting*). *Массовая коммуникация в большей степени воздействует на то, о чем говорит человек (тема), нежели на его конкретную позицию по данной теме.* Экспериментальные исследования, проведенные с целью подтверждения данного постулата, показали: действительно, чем больше говорят о некоторой теме по радио и на телевидении, тем чаще она обсуждается на уровне межличностных контактов.

Воздействует массовая коммуникация и на мнения людей по конкретным вопросам социальной жизни. Такого рода воздействие осуществляется следующим образом: некоторые индивиды, сознавая, что их мнение совпадает с мнением большинства, высказывают его, в то время как другие лица, имеющие отличную от общепринятой позицию, оставляют ее при себе. Этот процесс движется по спирали, в результате чего *некоторые темы или позиции попадают в центр внимания населения, а другие отбрасываются на периферию общественного интереса.* Такого рода «*спираль умолчания*», по-видимому, вызывается страхом изоляции. Согласие с общепринятым — не только способ быть

на стороне «победившей стороны», но и попытка избежать изоляции от группы Угроза критики — значимый фактор для «умалчивающих» людей (запускающих спираль умолчания) Массовая коммуникация играет важную роль в «спирали умолчания» С ее помощью люди узнают, какие мнения популярны в обществе, а какие — нет

В настоящее время для объяснения механизмов влияния массовой коммуникации на индивидуальное и массовое сознание предложены многочисленные теории *Наиболее популярны из них теория использования и удовлетворения и теория зависимости* В первой подчеркивается, что человек выступает в качестве *активного фильтра информации, а не ее пассивного получателя*¹ Он осуществляет отбор сообщений СМИ для того, чтобы удовлетворять некоторые свои потребности Таким образом, аудитория СМИ активна и целеустремленна, а человек — инициатор выбора сообщения — хорошо осведомлен о своих желаниях и потребностях Он, зная свои потребности, ищет различные способы их удовлетворения, одним из которых и являются СМИ они как бы вступают в спор с другими источниками удовлетворения потребностей Например, потребность в развлечениях можно удовлетворить не только сидя у телевизора, но и встретившись с друзьями, посетив футбольный матч или пивную

Данная теория внесла свежую струю в исследования массовой коммуникации, обратив внимание на активность личности при восприятии сообщений Это контрастировало с распространенным ранее взглядом на реципиента как на пассивного, бездумного присмника информации Однако у теории использования и удовлетворения были и некоторые слабости она игнорировала негативные результаты влияния массовой коммуникации в обществе, а также постулировала чрезмерную рациональность человека, его способность сознательно выбирать то, что ему необходимо Подобному тезису противоречат данные многочисленных исследований, согласно которым люди, как правило, не до конца осознают причины своего поведения

Под несколько иным углом рассмотрена роль массовой коммуникации в обществе в теории зависимости² Центральное

¹ См Blumler J, Katz E (eds) The Uses of Mass Communication Beverly Hills, 1974

² См Ball-Rocheach S J, DeFleur M L A Dependency Model of Mass Communication // Communication Research 1976 Vol 3

положение данной теории таково: *реципиент зависит от массовой коммуникации в силу того, что ему необходимо удовлетворять свои потребности и достигать различных целей.* Степень, влиятельности СМИ на аудиторию варьируется и зависит от состояния самого общества (если в обществе возникает ситуация социальных изменений и конфликтов, то она заставляет людей переоценивать сложившиеся у них системы ценностей и норм, что порождает потребность в дополнительной информации, в том числе и из СМИ, повышая тем самым зависимость людей от них) и самих СМИ (потенциал их влияния зависит от их количества и близости к нормам и ценностям группы объекта воздействия).

По мнению С. Болл-Рокич и М. ДеФлюер, можно говорить о когнитивных, эмоциональных и поведенческих результатах воздействия массовой коммуникации на индивидуальное и массовое сознание. К когнитивным результатам воздействия они относят разрешение неопределенности (посредством массовой коммуникации поставляется дополнительная информация, позволяющая составить представление о новых, неоднозначных явлениях и процессах); формирование установок, т. е. системы когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций в отношении объектов внешней среды (физических, социальных, политических и др.); задание набора обсуждаемых людьми тем; распространение новых систем мнений (идеологических, религиозных, экономических и др.); уточнение ценностных ориентаций населения (СМИ сообщают о конфликте некоторых систем ценностей, например, в области гражданских прав, что заставляет читателей занять по данному вопросу определенную позицию, а значит, уточнить собственные взгляды). Воздействие СМИ на эмоциональную сферу приводит к появлению у людей страха, тревоги, отчуждения. Влияние на поведение людей осуществляется и по линии активации (провоцирования тех или иных действий), и по линии деактивации (прекращения некоторых действий).

Синтезируя рассмотренные подходы, можно описать процесс влияния массовой коммуникации на индивидуальное и групповое сознание следующим образом. Социальные институты и СМИ, взаимодействуя с аудиторией, формируют у людей разнообразные потребности, интересы и влечения. Сформировавшись, данная мотивационная система начинает в свою оче-

редь влиять на то, где, в какой области человек станет искать источники удовлетворения потребностей. Выбрав те или иные источники, человек может в дальнейшем оказаться в определенной зависимости от них. Например, пожилые люди в силу снижения возможностей передвижения, мало общаются, что повышает их зависимость от такого вида СМИ, как телевидение. Подростки могут становиться зависимыми от видеоиндустрии, поскольку увлечения такого рода соответствуют нормам данной социальной группы.

§ 3. Результаты воздействия массовой коммуникации на индивидуальное и групповое сознание

Массовая коммуникация — феномен, буквально пронизывающий все стороны современного общества и воздействующий на массовое и групповое сознание самыми разнообразными способами и совершенно неоднозначно.

Массовая коммуникация и социальные стереотипы. Массовая коммуникация оказывает формирующее и закрепляющее воздействие на *социальные стереотипы, т. е. схематичные и упрощенные представления о социальных объектах, широко распространенные в обществе*. Стереотипы могут касаться других национальностей, классов, групп и т. п. Восприятие чужой группы через стереотипы имеет две стороны: позитивную (стереотип дает относительно быстрое знание, позволяет отнести группу к более широкому классу явлений) и негативную (наполнение стереотипа негативными характеристиками приводит к формированию межгрупповой враждебности).

Так, к настоящему времени обнаружено, что в СМИ существуют различия в изображении мужчин и женщин. Анализ фотографий, помещенных в журналах, свидетельствует о том, что женщины, как правило, занимают в пространстве фотоснимка положение ниже, чем мужчины, часто они изображаются в ролях, которые подчеркивают их красоту, зависимость от мужчин, сексуальную привлекательность. На фото у мужчин главным образом присутствуют лицо и голова, женщин же чаще изображают во весь рост и более открыто. Мужчины предстают в СМИ более властными, доминантными, агрессивными, твердыми, настойчивыми, рациональными и умными, чем женщины. Женщины — более привлекательными,

альтруистическими, общительными, молодежавыми. В целом женщины часто изображаются в стандартных и стереотипных ролях, отношениях, ситуациях.

Такая демографическая группа, как пожилые, также подвержена стереотипизации в массовой коммуникации. Ее представители редко становятся героями фильмов и передач. Подобная недооценка пожилых формирует представление о них, как об уменьшающемся сегменте общества. Пожилые изображаются в неважных, ограниченных и неценных ролях и образах. 2/3 пожилых женщин и 1/2 пожилых мужчин в фильмах предстают как не имеющие здравого смысла, глупые и эксцентричные. Установлена зависимость между активным «смотрением» телефильмов и негативным восприятием пожилых.

Заметный вклад СМИ вносят и в стереотипное восприятие этнических групп. Представители этих групп появляются в СМИ, как правило, значительно реже, чем представители коренного населения.

Успешным средством защиты от стереотипизации является создание и показ в СМИ специальных программ, изображающих объекты стереотипизации в разнообразии присущих им качеств и особенностей. Для борьбы со стереотипами используется и специально организованное межгрупповое общение, ориентированное на знакомство и сотрудничество представителей различных социальных и этнических групп.

Массовая коммуникация и политические процессы. Влияние массовой коммуникации на политические процессы также многосторонне: это и ее вклад в политическую социализацию, и ее место в предвыборной борьбе, и роль в оценке деятельности политических лидеров и структур.

СМИ делают претендентов известными, формируют их определенный образ в глазах населения, воздействуя на итоги голосования. Влияние СМИ на избирателей осуществляется не только в период проведения предвыборной кампании, но и задолго до ее официального начала посредством формирования у населения определенной схемы политической реальности.

В течение последних десяти—двадцати лет отмечается тенденция, свидетельствующая о возрастании роли СМИ в обществе, об активном использовании их в целях формирования общественного мнения по поводу оценки объектов политической сферы. Так, начиная с 60-х гг. оценка населением дея-

тельности всех президентов США зависела не от реального экономического положения страны, а от позиции ведущих средств массовой информации¹. Причем интересно, что ход экономического развития не всегда адекватно отражался прессой и телевидением.

О возрастании роли СМИ говорит и такой факт. за период с 1968 по 1988 г. время, которое в выпусках новостей ведущих американских телекомпаний уделялось показу «живых» выступлений политиков, снизилось в пять раз, а значит, возросла роль самих журналистов, их комментариев и оценок²

Массовая коммуникация является важным источником *политической социализации (процесса усвоения знаний, установок, ценностей и форм участия в сфере политики)*. Наиболее значимыми в данном отношении являются программы новостей. Именно посредством СМИ зрители и слушатели, особенно молодые, получают наибольшее количество информации, касающейся политики. Интерес к политической массовой коммуникации тесно связан с политической информированностью и активным обсуждением политических тем с родителями и сверстниками. Вместе с тем воздействие массовой коммуникации более выражено относительно политических фактов и оценок, чем реального политического поведения людей (форм участия, голосования)

Негативное воздействие массовой коммуникации. К негативным последствиям массовой коммуникации можно отнести формирование у реципиентов потребности в немедленном удовлетворении собственных желаний и потребностей, а также ослабление навыков чтения и снижение творческого потенциала

Массированное воздействие массовой коммуникации может отрицательно влиять на качество межличностного общения детей, уменьшать количество игр со сверстниками. Мультфильмы, с их быстрой сменой визуальных и аудиальных стимулов, особенно привлекают внимание детей и способны существенно уменьшать межличностные контакты.

Герои теле- и видеофильмов некоторым людям в какой-то мере замещают семью. Погружение в «дневные сны» телефильмов позволяет избежать, скрыться от проблем и трудностей реальной жизни, что в ряде случаев усугубляет социальную дез-

¹ См. Brody R. A. Assessing the President. N. Y., 1991

² См. Hallin D. C. Sound Bite News: Television Coverage of Elections, 1968—1988 // Journal of Communication 1992 Vol. 42 No. 2

адаптацию, усиливает одиночество. В связи с чрезмерным интересом к телевидению и видео говорят даже о *формировании нации «видеотов»* (по аналогии с идиотами)

Отмечается влияние СМИ и на развитие у людей неадекватного страха перед преступностью. Такого рода страх в наибольшей степени зависит от характера освещения преступлений. Страх и тревога оказываются более сильными в том случае, когда дается информация о преступлениях местного уровня, а также о преступлениях, жертва которых никак не провоцировала преступника, и, наконец, о преступлениях «сенсационных», отличающихся от большинства других.

Насилие и агрессия. Насилие в средствах массовой информации встречается крайне часто. В США за период с 1957 по 1985 г. количество показанных по телевидению сцен насилия возросло в 4 раза. В России с начала 90-х гг. прослеживается та же тенденция. Подобная значительная представленность насилия в СМИ ставит проблему их воздействия на агрессивное поведение людей.

Несмотря на то, что по данной проблеме накоплен большой объем эмпирических данных, все-таки полной ясности здесь не наблюдается. Так, сообщается о сильном эффекте показа телевизионных сцен агрессии¹, и в то же время есть данные о том, что насилие на экранах телевизоров не оказывает влияния на агрессивное поведение детей², а если и имеет, то слабое влияние, в некоторых группах детей и вовсе способствует снижению агрессивности³.

В результатах лабораторных исследований единства больше просмотр агрессивных фильмов в лабораторных условиях, как правило, вызывает агрессивное поведение.

Указанная «разнонаправленность» результатов связана с тем, что *влияние насилия в СМИ на агрессивность людей опосредуется множеством промежуточных переменных. К ним относятся*

- *особенности реципиента* (пол, возраст, отношение к агрессии), степень социальной и познавательной зрелости теле-

¹ См. Lefkowitz M. L. et al. Television Violence and Child Aggression // Television and Social Behavior. 1972. Vol. 3.

² См. Milavsky J. R. et al. Television and Aggression. A Panel Study. N. Y. 1982.

³ См. Feshbach S., Singer R. D. Television and Aggression. San Francisco 1971.

зрителя. Поскольку дети часто не в состоянии соотносить действия с их мотивами и последствиями, они просто имитируют агрессивные действия, не понимая их последствий. Телевизионное насилие имеет максимальный негативный эффект в возрасте от 8 до 12 лет. Воздействие телевизионного насилия на мальчиках отражается сильнее, чем на девочках. Значим и социально-экономический статус: дети из семей с более низким статусом чаще смотрят и одобряют насилие, получают от него больше удовольствия и отчетливее идентифицируют себя с телегероями, а также хуже успевают в школе. Лица, изначально более агрессивные, значительно сильнее подвержены воздействию насилия в СМИ;

- *контекст, в котором предстает акт насилия на телеэкране* (манера подачи, жанр передачи). Реальная агрессия минимальна в том случае, если агрессор на телеэкране наказывается, если демонстрируются негативные последствия агрессии и сам агрессор выглядит отрицательным героем; максимальна реальная агрессия в случае, если агрессия на телеэкране поощряется, не имеет негативных последствий и социально одобряется;

- *особенности внешней среды* (возможности социального контроля, семейные отношения). Воздействие телевизионной агрессии снижается при наличии в обществе эффективных методов социального контроля. Позитивные отношения в семье, взаимопонимание между ребенком и родителями снижают эффект теленасилия.

Способствует агрессии просмотр актов реального насилия, а также просто сообщения о такого рода действиях. Отмечается связь между появлением в СМИ сведений о громких преступлениях или судебных процессах и уровнем преступности¹. Причем прослеживается следующая закономерность: если сообщалось только о преступлении, то количество преступлений через несколько дней после такого сообщения возрастало, если же упоминалось не только о преступлении, но и о наказании за него, то количество преступлений снижалось.

В целом большинство ученых в последнее время склоняется к мнению о том, что насилие, акцентируемое СМИ, оказывает, хотя и не очень выраженное, воздействие на агрессивное поведение в реальных жизненных условиях.

¹ См. Phillips D. P. The Behavioral Impact of Violence in the Mass Media // Sociology and Social Research 1982. Vol 66

Позитивное воздействие массовой коммуникации. Массовая коммуникация оказывает не только негативное влияние на массовое сознание. Она может противодействовать этническим и половым стереотипам. К ее позитивным результатам относятся и повышение осведомленности, любознательности, улучшение речевых навыков. Массовая коммуникация способствует возрастанию великодушия, дружелюбия, кооперации и сдержанности, строгому соблюдению социальных норм, а также уменьшению тревоги и страхов. После просмотра гуманистически ориентированных фильмов у детей улучшаются навыки общения со сверстниками, взаимопонимание с ними, активизируется стремление помогать другим людям. Следует отметить, что позитивное воздействие такого рода передач зависит от соотношения характера героя и его действий. Так, если герой-гуманист, например супермен, действует все же агрессивно, то это не вызывает у зрителей желания помогать и поддерживать других людей.

§ 4. Современные тенденции в развитии массовой коммуникации

Массовая коммуникация и реклама. Тенденция подчинения массовой коммуникации чисто коммерческим интересам стала социально-значимой проблемой, поскольку конкуренция фирм и товаров явно переместилась на уровень средств массовой информации. Эфирное время заполняется многочисленными рекламными роликами, побуждающими зрителей к покупке тех или иных новых товаров.

Активное развитие рекламы привело к тому, что в наши дни *«образ товара» становится частью самого товара*, причем нередко наиболее значимой для покупателя. Во многих развитых обществах понятие «иметь» нередко рассматривается как синоним понятию «существовать». Некоторые внешние признаки, такие, например, как модель автомобиля, становятся неременной частью статуса, социального положения, сущности индивида. Приобретение определенных товаров обычно рассматривается людьми как способ вхождения в определенную социальную группу. Указанное стремление сопровождается для человека страхом «выпадания» из социума в силу «непрестижного» потребления товаров, незнания того, что сейчас

привлекательно и модно. Реклама, задавая нормативы, образцы для подражания, формирует у человека «стереотип» нормального потребления и сообщает ему, что именно сегодня считается должным.

Согласно наиболее распространенной модели, характеризующей влияние рекламы на психику потребителя, оно включает несколько этапов: Вниманиис, Интерес, Мотив, Желание, Действие (покупка товара)¹ (см. рис. 13.1).

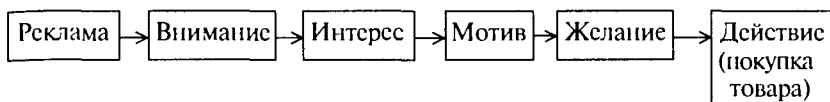

Рис. 13.1. Этапы воздействия рекламы на психику потребителя

Предполагается, что воздействие рекламы начинается с привлечения внимания потребителя. Затем рекламист стремится вызвать любопытство к рекламе, потом мотив, желание и, в завершение, усилия по приобретению рекламируемого товара.

Эффективность рекламы зависит, разумеется, от многих факторов. *Прежде всего должна существовать реальная (актуальная или потенциальная) потребность в рекламируемом товаре.* Без такой потребности даже хорошо сделанная, нравящаяся людям реклама не приведет к росту его сбыта. И, напротив, хорошо известны случаи (например, ситуация на российском компьютерном рынке в начале 90-х гг.), когда необходимый людям продукт успешно продавался и при плохой рекламе.

Для того, чтобы рекламная кампания оказалась эффективной, обычно *учитываются и психологические, ценностные, культурологические особенности* той социальной группы потребителей, на которую рассчитан рекламируемый товар. В ряде случаев неучет таких особенностей приводит к катастрофическому провалу рекламных акций. Так случилось, например, с рекламной кампанией, проведенной по заказу западногерманской авиакомпании «Люфтганза» в 1965 г. Акцент в данной кампании был сделан на подчеркивании таких качеств немцев, как точность, методичность, аккуратность. Заявлялось, например: «Если вы знали немцев, то вам известно, насколько они точны

¹ См.: Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К. Реклама: Теория и практика. М., 1989.

и методичны. Подумайте о привередливой немецкой аккуратности механиков, которые готовили к рейсу ваш самолет».

В ответ из разных концов мира стали поступать протестующие письма, обвиняющие ее организаторов в невероятно плохом вкусе. Один из читателей, например, к фразе о том, что немцы делают все с «привередливой аккуратностью» приписал: «особенно газовые камеры». Как мы видим, подчеркивание приоритета одной нации в сочетании с весьма негативным образом этой нации в недалеком прошлом обеспечило провал этой рекламной кампании.

Особенно серьезно проблема рекламы стоит в отношении детей. Нередко утверждения, доносящиеся с экрана, не совсем обоснованны и могут ввести ребенка в заблуждение относительно свойств рекламируемого товара. Например, в рекламе сухого напитка «Юпи» используются формулировки и образы, утверждающие, что без данного продукта нет радости («День рождения не был на праздник похож»), а его употребление прибавит энергии и хорошего настроения. Хотя, как известно, концентраты содержат много вредных веществ, и положительный эффект напитка «Юпи» весьма сомнителен.

Структура рекламных роликов, как правило, содержит мало прагматичной информации о рекламируемом товаре, предпочтение же отдается ярким картинкам и фразам, направленным на формирование запоминающегося образа и создание соответствующего настроения. Одним из наиболее распространенных приемов, используемых в рекламе для детей, является рекламирование товаров, ассоциирующихся с темами и характерами популярных телепрограмм и мультфильмов (например, «Человек-паук», «Аленький цветочек» и др.). Наряду с собственно мультфильмами были выпущены куклы различных персонажей этих сериалов, появились наклейки, альбомы с изображениями героев. Весь этот круг товаров активно рекламируется в ходе показа данных мультфильмов. Все чаще возникает ситуация, когда мультфильм создается для того, чтобы продавать игрушки, а не с точки зрения его собственной ценности, причем использование указанного приема становится все популярнее.

Как показали исследования, воздействие рекламы на психику ребенка весьма неоднозначно: существуют данные и о том, что содержание рекламных роликов оказывает значимое воздействие на мнения и поведение детей, и о том, что их

просмотр повышает информированность ребенка, но не влияет на его поведение. По-видимому, разноречивость результатов связана с особенностями психоэмоционального развития детей. Ребенок, не достигший возраста 7—8 лет, как правило, с трудом понимает, что рекламный ролик представляет собой нечто отличное от содержания программы, которую он прерывает. Дети дошкольного возраста не в состоянии понять основной смысл рекламы (побуждение купить товар), что и делает их особенно подверженными действию рекламы. Лишь начиная с 8—9 лет дети осознают значение передачи (показ некоторого сюжета) и рекламы (демонстрация товара).

Барьером на пути излишне активного воздействия рекламы на сознание детей могла бы стать законодательная практика. Так, во многих странах Запада в этом отношении существуют весьма жесткие нормы. Здесь действует запрет на прямое обращение к детям сделать покупку; запрет призывать детей просить родителей или других людей купить рекламируемый товар; а также запрет использовать особое доверие детей к родителям и учителям.

Считается дурным тоном использовать недостаток знаний, доверчивости, неопытности, свойственной детям. В ряде стран запрещается представлять товар или услугу, обеспечивающие исключительно определенный статус среди сверстников, словом, *реклама не должна содержать чего-либо, что может отразиться на физическом, умственном или моральном состоянии детей.*

Реклама оказывает существенное влияние на содержание информационной политики в целом. Это влияние осуществляется в различных формах, причем нередко весьма откровенных. Так, рекламодавец может настаивать на устранении из СМИ материалов, могущих нанести вред производителю товаров. Рекламодатели в некоторых случаях оплачивают публикуемые в периодических изданиях всякого рода материалы, ставя основным условием наличие в этих материалах благожелательной информации об их товарах. Широко применяется и так называемая скрытая реклама, и Россия в данном отношении не является исключением.

Иной канал влияния рекламы на информационное поле связан с тем, что *женщины и молодежь — две наиболее благодатные мишени рекламы* — мало интересуются политикой и

проблемами общесоциального звучания. В результате политика вытесняется из популярных изданий и прайм-тайм передач, уступая место более интимным, семейным, домашним темам.

Новые средства массовой коммуникации и общество. Последние два десятилетия озаменовались широким распространением *новых средств массовой коммуникации. Речь идет о спутниковом и кабельном телевидении, видео, компьютерах.*

Новые информационные технологии позволяют активизировать и эффективно использовать национальные и общемировые информационные ресурсы, которые в наши дни являются одним из важнейших факторов развития цивилизации.

Новые информационные технологии позволяют также оптимизировать информационные процессы, которые в последние годы занимают все большее место в различных сферах жизни общества, развивающегося таким образом, что дало части населения возможность считать результатами труда все больше не материальные ценности, а информацию и научные знания. В США, например, более 60% занятого населения в своей деятельности в той или иной мере связано с хранением, обработкой и передачей информации.

Активное внедрение новых информационных технологий происходит в образовании. Чаще всего это реализуется в форме телекоммуникационных образовательных проектов, ставших во многих странах мира важной частью учебного процесса. Так, телекоммуникационная сеть Janet объединяет все университеты Англии, а в рамках телекоммуникационного проекта «Campus-2000» оказались объединены 2000 школ из разных стран. Темы телекоммуникационных проектов весьма разнообразны: «Театр», «Химический проект», «Советско-американский курс программирования» и т. д. Цели таких проектов весьма многообразны: развитие культурного диалога между народами разных стран, освоение иностранного языка, развитие познавательной инициативы и др. Оценивая перспективы телекоммуникационных проектов, можно отметить следующее. Телекоммуникации, основываясь на свободном обмене информацией, стимулируют познавательную деятельность учащихся, способствуют углублению гуманитарных аспектов обучения, облегчают межкультурные контакты.

В связи с отличием новых информационных технологий от «старых» средств информации (радио, печать, телевидение)

их воздействие на психику людей имеет определенную специфику. *Основными особенностями новых технологий является возможность неограниченного доступа к огромным массивам информации, а также интерактивность взаимодействия с источником информации.* Так, интерактивность взаимодействия, как показали многочисленные психологические исследования, существенно облегчает овладение многими новыми навыками.

Кроме того, *при помощи новых СМИ становится возможным «достучаться» до сколь угодно маленькой аудитории,* поскольку учитываются ее специфические интересы. Специализированные каналы спутникового и кабельного телевидения, а также Интернет служат в данном случае убеждающими примерами.

Развитие новых информационных технологий поставило и проблему доступа к ним, поскольку, как правило, их использование достаточно дорого: стоимость компьютера или плата за спутниковую тарелку достаточно высока. Таким образом, возникает ситуация, когда более обеспеченные слои населения получают приоритет в доступе к информационным массивам. Подобное положение дел создает основу для социальных трений между «информационно-обеспеченными» и «информационно-обделенными» индивидами.

Возможность получения любой информации вне зависимости от временных, пространственных и других факторов не только открывает новые перспективы развития личности и общества, но и порождает новые проблемы и трудности, связанные с овладением этими новейшими СМИ.

Влияние, которое оказывают эти новейшие СМИ на сознание людей (прежде всего подрастающего поколения), проанализировано еще не в полной мере, однако существует уже достаточно обширный набор исследований, свидетельствующих о разнообразии и неоднозначности их воздействия.

Значительного внимания заслуживают — в связи с их *широкой распространенностью в среде подростков и молодежи — видеокассетные средства.* Видеомузыка в 1980—1990-е гг. заняла прочное место в досуге молодежи. Обычно большинство опрошенных молодых людей сообщают о своем интересе к данному виду индустрии развлечений. Специалисты, оценивая роль видеомузыки 80-х и 90-х гг. и сравнивая ее с «бунтарской» музыкой 60-х, приписывают современной музыке функцию примирения с существующей социально-политической системой.

Тридцать лет тому назад музыка несла заряд протеста и антиконформизма, в наши дни она обычно вызывает состояние эйфории, имитируя сны или фантазии, что отличает ее от большинства видео- и телепрограмм. В ней нет последовательности событий, житейской логики, сюжета, вместо этого череда ярких красок, масок и модных одежд.

Видеомызыка иногда содержит и существенный элемент насилия: при просмотре видеоклипов, транслируемых по ведущим музыкальным каналам (в том числе MTV), можно легко обнаружить враждебные или агрессивные действия. Сам «сноподобный» характер видеомызыки часто меняет роли агрессора и жертвы. В отличие от обычных телевизионных программ видеоклипы часто изображают женщин и пожилых людей в качестве агрессора, а не жертвы. Распространенной темой видеоклипов являются сексуальные отношения, те или иные формы которых содержит большая часть клипов. Подобный значительный дисбаланс может, по мнению некоторых критиков, иметь негативное воздействие на аудиторию (особенно при сильной погруженности в сферу видеомызыки), приучая ее к агрессивности, безответственности, праздному образу жизни.

Оценивая возможности влияния видеомызыки на сознание подростков, необходимо иметь в виду межиндивидуальные, гендерные и межкультурные различия восприятия одного и того же видеоклипа. Например, восприятие молодежью видеоклипов известной поп-певицы Мадонны находится в зависимости от пола и расовой принадлежности (белый/афроамериканец) слушателя, а также от отношения к певице (поклонник/критик).

Почему же видеомызыка так популярна среди подрастающего поколения? Что побуждает к ее просмотру? Опрос, проведенный среди 600 американских подростков, показал, что основными мотивами интереса к видеомызыке являются: любовь к музыке; стремление получить удовольствие, расслабиться; потребность «убить» время, по привычке, стремление «убежать» от проблем реального мира, почувствовать себя лучше¹. Была обнаружена и существенная корреляция между количеством времени, затрачиваемым на просмотр видеоклипов, и самочувствием подростков в школе: учащиеся, с удовольстви-

¹ См. *Sum S-W, Lull J* The Adolescent Audience for Music Videos and Why They Watch // *Journal of Communication* 1986 Vol 36 No 1

ем посещающие школу, меньше интересуются видеомузыкой, а те, у кого школа вызывает отрицательные эмоции, часто смотрят программы музканалов. Выходцы из семей с высоким социально-экономическим статусом меньше, чем их более бедные одноклассники, интересуются видеомузыкой.

Как мы видим, *видеомузыка в значительной мере превращается для молодежи в способ бегства от действительности*, в попытку создать свой собственный мир, в котором все хорошо и нет сложных проблем, мир, дающий возможность накопить энергию и отдохнуть. Подобная функция видеомузыки не может быть однозначно негативной. Напротив, в том случае, когда видеомузыка служит целям временного, обоснованного ухода от мира (каждый временами устает и хочет отдохнуть), видеомузыка, сберегая энергию для реальной жизни и решения ее проблем, может играть и позитивную роль.

В последние несколько лет видео- и компьютерные игры стали весьма популярны во всем мире (в том числе и в России). Подобная популярность вызвала к жизни острые дебаты, касающиеся воздействия такого рода игр на психологию детей и подростков. Эти дискуссии были вызваны к жизни самим содержанием видеоигр. Наиболее популярными в России и в мире являются игры, в которых игрок выполняет многочисленные агрессивные действия.

Некоторые критики заявляют, что видеоигры воспевают насилие и провоцируют антисоциальное поведение. В результате, по их мнению, тот, кто сильно увлечен видеоиграми, будет и в реальной жизни действовать агрессивно. Страхи и опасения такого рода не так уж и беспочвенны, поскольку есть данные о значимой позитивной корреляции агрессивного поведения и интереса к видеоиграм. Было также показано, что у детей после занятий видеоиграми с агрессивным содержанием поведение становится более агрессивным.

Однако существует и иная точка зрения, согласно которой опасения по вопросу о негативном влиянии игр несколько преувеличены. Возможно, что увлечение видеоиграми приводит к подавлению нежелательных для общества форм поведения. Видеоигры могут быть полезными и в обучении перцептивным и моторным навыкам. Есть данные о том, что активное использование компьютера позитивно связано с рейтинговыми оценками импульсивности, а негативно — со школьной успеваемостью.

Видео и компьютерные игры достаточно широко распространены среди подростков г. Москвы: 62% опрошенных сообщили, что играют в видеоигры по крайней мере один час в неделю¹.

Большинство наиболее популярных среди респондентов видеоигр были те, в которых игроку приходится выполнять те или иные агрессивные действия (Doom, Mortal Combat и т. п.). Активное увлечение видеоиграми связано с возрастанием агрессивности, хотя и не очень значительным. Таким образом, нынешнее увлечение видеоиграми в России не является той ужасной опасностью, которой их изображают многие критики, но и вместе с тем не лишено некоторых негативных последствий.

Социологические аспекты Интернета. Конец 1990-х гг. стал периодом активного развития Интернета в России. По различным оценкам, количество россиян — пользователей Интернета составило в 1999 г. от 1,6 до 5,7 млн. человек. Подобные масштабы охвата позволяют говорить об Интернете как о значимом факторе, влияющем (или могущем повлиять в недалеком будущем) на многие стороны жизни российского общества.

Одним из последствий существования Интернета в России явилось появление виртуального сообщества. Его члены обладают чувством коллективной идентичности, основанной на использовании особого жаргона и коммуникативных норм, принятии общих ценностей. Члены сообщества имеют и отстаивают собственные интересы, связанные с использованием Интернета. Интернет можно рассматривать, таким образом, в роли структуры-посредника, образующей в России корпоративное общество.

Интернет как средство коммуникации нового типа способен — при его всеобщей доступности — смягчить неравенство между людьми. Развитие новых видов электронных коммуникаций создает технические основания для трансформации политической системы. Появляется возможность оперативного доступа неограниченного количества людей к текстам законопроектов, а также максимальному объему аналитической информации. Практически любой член общества способен выступить в качестве создателя средства массовой информации. Так, посещаемость некоторых сайтов отдельных индивидов превышает посещаемость сайтов многих организаций и ряда национальных правительств.

¹ См.: Сазонов В. В. Видеоигры и агрессия // Массовая коммуникация и социальное влияние М., 1998.

Интернет вовлекает в политику рядовых граждан, давая им возможность выразить свои жалобы и ожидания. Коммуникативный процесс в Интернете, не признающий власти и доминирования, способен элиминировать неравенство между элитой и обычными людьми.

Однако указанные оптимистические ожидания в действительности не всегда оправдываются. В последнее время ученые все чаще и чаще фиксируют феномен так называемого цифрового раскола (*digital divide*). Речь идет о том, что значительная часть населения многих стран в силу расслоения общества (различий в доходах, в происхождении, в уровне образования и т. п.) не обладает полноценным доступом к Интернету. В результате материальные аспекты доступа к современным информационным и коммуникационным технологиям и часто сопровождающий их дефицит знаний усугубляют неравенство между людьми.

Интернет предоставляет широчайшие возможности для информационного воздействия на аудиторию. Речь идет, в частности, о транслировании стереотипов потребительского поведения, проведении пропагандистских кампаний в поддержку определенных политиков и политических партий. Воздействие при помощи Интернета осуществляется как на массовую аудиторию, так и на экспертов, принимающих ключевые решения.

Интернет нередко рассматривается как один из источников формирования нового, постмодернистского общества. При этом печатное общество (индустриальное) противопоставляется электронному. Электронное общество постепенно утрачивает резкое разделение ролей, характерное для печатного общества, и осязаемую роль в этом процессе играет Интернет. Анонимность и физическая непредставленность друг другу партнеров по Интернет-коммуникациям приводят к тому, что теряет свое значение целый ряд барьеров общения. Имеются в виду барьеры, обусловленные такими характеристиками партнеров по общению, как пол, возраст, социальный статус, внешность. Указанные особенности электронных коммуникаций придают новое качество общению. Субъект коммуникации становится более раскованным, появляется возможность создавать о себе любое впечатление по своему выбору.

Интернет выступает и в качестве транслятора норм и ценностей. Причем пользователь российского Интернета, как правило, владеет и другими языками, что приводит к столкновению

нормативных ориентиров разных цивилизаций при его работе в сеги. По-видимому, итогом такого столкновения является большая толерантность по отношению к нормам «чужого» общества, а также определенная независимость от общества при формировании собственных нормативных ориентиров.

Резкое снижение издержек коммуникации позволяет говорить о новом этапе в развитии разного рода организаций — их «транснационализации». Наблюдается быстрое распространение удаленной занятости (работы через Интернет в «виртуальном офисе» (фирмы). В результате возрастает мобильность рабочей силы. Перспективы глобализации рынка квалифицированной рабочей силы наряду с развитием системы электронного образования позволяют говорить о возможности ускорения развития наиболее отсталых стран мира. Быстрый прогресс компьютерной и информационной техники наряду с ее удешевлением создает предпосылки для включения развивающихся стран в общемировое экономическое пространство.

Интернет, находя применение во многих областях человеческой практики, трансформирует деятельность человека и оказывает влияние на его психику. Последствия применения информационных технологий носят амбивалентный характер: любая деятельность в компьютерных сетях (игровая, коммуникативная, познавательная) может как способствовать всестороннему развитию личности, так и вести к нежелательным последствиям. Следствием чрезмерного увлечения Интернетом может являться видоизменение мотивационно-личностной сферы субъекта, появление так называемой Интернет-зависимости.

Следует достаточно трезво оценивать социальные и психологические последствия применения Интернета. Наряду с позитивным значением для интенсификации процесса обмена мнениями между представителями различных стран и социальных групп, для социально-экономического развития регионов, а также для психического здоровья многих категорий пользователей (например, для переживших психологическую травму, одиноких людей или инвалидов) существуют данные и о негативных последствиях применения. Так, обнаружено, что активное применение компьютерных сетей не всегда ведет к демократизации процессов выработки и принятия решений в организациях. Получены данные, согласно которым интенсивное применение Интернета ведет к сужению социальных свя-

зей вплоть до одиночества, сокращению внутрисемейного общения, развитию депрессивных состояний. В силу сказанного очевидно, что Интернет должен занять отведенную для него социальную нишу. Нередко встречающиеся попытки переоценить его значимость для человечества и для отдельного человека нуждаются в коррекции.

§ 5. Слухи в обществе: источники и динамика

Определение и классификация слухов. *Слухи*, представляя собой *известия, сведения, достоверность которых не установлена*, интерпретируются разными науками неоднозначно. Социологическое понимание этого феномена представлено в ряде работ Т. Шибутани, который, например, связывал функционирование слухов с развитием эффективной коммуникации, и в частности с одним из ее видов — формальным (официальным). Социологический аспект дефиниции отчетливо прослеживается и у Н. Смелзера, связывающего слухи с коллективным поведением — чаще всего стихийным и неорганизованным — в толпе (относительно большой группе людей, находящихся в непосредственном контакте друг с другом). При этом слухи представляются самым распространенным средством коммуникации, поскольку в какой-то мере объясняют значение ситуации, которую люди не понимают, и помогают им подготовиться к действиям.

Следует отметить и определение, данное Г. Олпуртом и Л. Постманом: слухи — это специфическое (или злободневное) высказывание мнения, передаваемое от человека к человеку обычно посредством устной речи, без предоставления надежных стандартов достоверности.

Слухи бывают разными, и соответственно существует множество оснований, по которым можно их классифицировать. Так, слухи различают по их содержанию (политические, экономические, экологические и т. п.); временной ориентации (касающиеся прошлого, предсказывающие); типу происхождения (спонтанные, преднамеренные) и по отношению к реальности (рациональные, фантастические).

Возможна классификация слухов и на основании эмоциональных потребностей людей, которые они удовлетворяют¹.

¹ См. Knapp R. H Psychology of Rumor // Public Opinion Quarterly. 1944 Vol 8

Согласно этому критерию выделяют три вида слухов: слух-мечта, слух-пугало, слух-разделитель. Слух-мечта отражает надежды и стремления тех людей, среди которых он циркулирует. Слух-пугало выражает распространенные в обществе страхи и тревоги. Такие слухи часто возникают в периоды социального напряжения или острого конфликта. Слух-разделитель основывается на распространенных в обществе негативных предрассудках относительно других социальных групп, что влечет за собой резко негативное отношение (вплоть до агрессии) к этим группам.

Факторы возникновения и распространения слухов. При помощи слухов происходит адаптация к изменениям реальности. Дело в том, что общество всегда находится в развитии, изменении, и в результате некоторые новые события не могут быть объяснены с позиции уже сложившихся концепций. Подобное положение вещей заставляет людей искать новые пути объяснения и понимания событий. Посредством передачи и обсуждения слухов и происходит процесс адаптации к новым реалиям. *Слухи, таким образом, являются одним из способов коллективного взаимодействия, ориентированного на решение проблемы.* Особенно вероятно возникновение слухов в ситуациях катастроф и социальных волнений. Слухи — это заменитель новостей, или, точнее, — это новости, которым не нашлось места в официальных средствах информации. Неудовлетворенное требование новостей, диссонанс между информацией, которая необходима для понимания ситуации в условиях существенного изменения окружающего мира, и тем, что сообщается в СМИ, создают основу для появления и циркуляции слухов.

Следует отметить цикличность возникновения слухов, их зависимость от общего духа времени, системы мнений, сложившихся в обществе. К таким циклично возникающим слухам относятся слухи о ритуальных убийствах, служащих иллюстрацией так называемых фантастических слухов (К. Г. Юнг). Например, с XII по XX столетие в разных странах отмечались слухи, в которых подобные убийства приписывались евреям. Их появлению в значительной мере способствовали постоянные страхи, предрассудки, враждебность и непонимание по отношению к данной национальности.

Несмотря на значимость макросоциальных источников слухов, немаловажную роль играют и особенности личности коммуникантов. *Важнейшим фактором, способствующим интересу к*

слухам, является информационная неопределенность, т. е. наличие у индивида субъективного ощущения нехватки информации по какой-либо теме. Другая *детерминанта возникновения слухов — значимость темы для человека*, ее релевантность системе интересов и ценностей личности.

Два указанных фактора (неопределенность и значимость) входят в формулу основного закона слухов, предложенного Г. Олпортом и Л. Постманом. В соответствии с этим законом интенсивность слухов зависит от важности темы для аудитории и степени информационной неопределенности ее (аудитории) относительно данной темы. Однако результаты исследований, проведенных впоследствии, не всегда подтверждают предлагаемую зависимость. Например, значимость темы для субъекта не является решающим фактором: порой люди склонны распространять слухи, значимые не для них самих, а для других.

Еще одной переменной, влияющей на интерес к слухам, является уровень тревожности индивида (аффективное состояние, вызванное предчувствиями будущих неприятных событий). Более тревожные люди чаще обсуждают и передают слухи. Вера в истинность слуха также способствует его распространению.

Передаваясь от одного человека к другому, *слух подвергается разного рода трансформациям*. Можно говорить о трех типах этого процесса: *сглаживание, заострение, уподобление*. При сглаживании фабула становится короче за счет исчезновения деталей, которые данной аудитории представляются несущественными. При заострении происходит увеличение значимости тех деталей, которые представляются ей существенными. Оценка существенности или несущественности субъективна и зависит от потребностей и интересов человека, передающего слух. При уподоблении обычно наблюдается приближение фабулы слуха к психологическим, культурным, этническим особенностям аудитории. Возможно, однако, и усложнение структуры слуха. Указанные механизмы искажения обычно действуют совместно и нередко приводят к значительному отклонению содержания и «длины» слуха от его первоначального состояния.

На распространение слухов активно влияют средства массовой информации. Прежде всего отсутствие или недостаток информации по какой-либо теме в СМИ благоприятствует появлению и циркулированию слухов по этой тематике, — они-то и заполняют информационный вакуум, достраивая картину

события. СМИ также могут быть непосредственным источником слухов, публикуя недостаточно проверенную информацию. Кроме того, телевидение и пресса порой вносят решающий вклад в процесс затухания слухов, предоставляя подробную и ясную информацию по их тематике.

Каждый слух имеет свой «жизненный цикл». Некоторые слухи «умирают» естественной смертью. Они затухают, поскольку люди «устают» от данной темы и новые события начинают вызывать больший интерес. Прекращаются слухи и в том случае, когда исчезают обуславливающие их страхи и напряжение. Причиной «гибели» слуха может быть также успешное проведение мероприятий по их опровержению.

Результаты воздействия слухов. Эти результаты можно рассматривать по крайней мере на *трех уровнях: индивидуальном, групповом, общенациональном*. У отдельной личности слухи могут уменьшать эмоциональное напряжение, давая для него свособразную отдушину; однако в отдельных случаях слухи не только не приводят к снижению напряжения и беспокойства, но еще больше провоцируют их. Слухи помогают также избавляться от неопределенности, достраивать неполную картину реальности. Обсуждение слухов может служить и целям развлечения, приятного времяпрепровождения.

Нередко слухи оказывают серьезное влияние и непосредственно на поведение людей. По данным Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам США, слухи значимо усиливали напряженность и массовые волнения в американском обществе в конце 60-х гг.

Воздействие слухов на групповом уровне проявляется в виде поддержания групповых или классовых границ: члены определенной социальной группы при помощи слухов подчеркивают различия между собой и «чужими», что способствует формированию групповой идентичности. «Присоединение» к слуху со стороны конкретного человека означает его интегрированность в коллектив. Разделяя информацию, которая содержится в слухе, циркулирующем в его группе, человек консолидируется с этой группой, у него возникает и усиливается «Мы-чувство». Слухи выполняют функцию «социального барометра», выступая индикатором социального климата группы. Они как бы выражают мнение группы по определенному вопросу, напоминая членам группы, какую позицию им следует занимать по данному вопросу.

На общесоциальном уровне слухи служат различным целям. Они применяются в качестве «пробного шара»: запуская соответствующий слух, выясняется, кто и как будет реагировать на его содержание. Зная, какую реакцию он вызывает, можно соответствующим образом спланировать будущие действия. Используются слухи и для дискредитации политических или иных оппонентов в глазах большинства населения. Особенно часто такие слухи возникают в период проведения предвыборных кампаний. Слухи употребляются и для компрометации союзников по политическому движению или партии. Делать это посредством СМИ не совсем удобно: на публике необходимо демонстрировать единство в рядах движения. А вот слухи как раз подойдут: ведь их автор неизвестен.

При помощи слухов можно провоцировать население на совершение действий, выгодных для одной из конфликтующих сторон. Речь может идти о массовых беспорядках, забастовках, ажиотажном спросе на продукты и тому подобных акциях. Слухи позволяют вводить соперника в заблуждение. Еще Чингисхан прибегал к подобному методу, распространяя слухи об огромных размерах своей армии, что снижало боевой дух врагов.

Профилактика и дезавуирование слухов. Рассматривая феномен слухов, нельзя не коснуться вопроса о контроле над ними. Периодически в разных странах предпринимались попытки введения негативных санкций за распространение слухов. Однако до сих пор нет никаких данных, подтверждающих эффективность силовых методов борьбы с ними. В России, как известно, слухи активно распространялись даже в период войн и широкомасштабных репрессий.

Трудности в решении проблемы слухов силовыми методами заставили обратить серьезное внимание на их профилактику, уничтожение «питательной среды», в которой они возникают. Такие меры должны быть направлены на предвидение и противостояние чувствам тревоги и неопределенности; на поддержание информационной открытости и правдивости, а также на формирование у людей убежденности в деструктивной природе самих слухов.

В большинстве случаев со слухами начинают бороться лишь после того, как они широко распространились. Для борьбы с ними нередко применяют выступление официального лица с опровержением. Однако эффективность опровержения очень

сильно зависит от степени доверия как к источнику сообщения, так и к лицу, опровергающему его. Снижение негативных последствий слухов достигалось и при помощи следующего приема (особенно часто его использовали в ситуациях войн и разного рода кризисов): объявлялось о существовании некоего врага, который как раз и распространяет слухи с целью нанесения ущерба. Применялся и такой, довольно «жесткий» способ борьбы, как судебное преследование источника слухов.

Усилия по контролю над слухами принимают различные организационные формы. К ним относятся опровержение слухов пользующимися доверием лицами, введение цензуры, колонки слухов в газетах, создание специальных правительственных учреждений, таких, как центры по контролю за слухами, основной функцией которых является прекращение слухов посредством их изучения, а также сбора и распространения достоверной информации.

Приложение

Социология в России:

слухи — опыт эмпирического исследования

Слухи как специфический вид межличностной коммуникации давно стали неотъемлемой частью бытия россиян. В данном разделе будут изложены результаты исследований, проведенных А. Т. Хлопьевым в 1991—1995 гг. и В. В. Латыновым в 1994—1995 гг. Предметом их анализа выступают масштабы распространенности слухов среди различных групп населения, динамические изменения в частоте соприкосновения людей с неподтвержденной информацией, причины и роль слухов в современной российской действительности.

Исследования указывают на тенденцию расширения ареала, области распространения носителей недостоверной информации. Слухи овладевают массовым сознанием, рекрутируя в ряды носителей и трансляторов недостоверной информации все большее число россиян (с ними сталкиваются порядка 70—75% населения). Доминирующими факторами включенности респондентов в атмосферу непроверенной информации являются образование и уровень доходов, причем зависимость между

ними такова: чем выше уровень образованности и выше материальный достаток, тем больше предрасположенность к слухам. То есть мы имеем дело с неким социальным «парадоксом».

В качестве основного источника слухов на первый план выдвинулись средства массовой информации. Кроме того, сохранили свою роль в качестве питательной среды распространения недостоверной информации место работы, улица, транспорт, квартира, телефон. Несколько повысилась значимость канала общения с соседями. Существенным фактором выступает и социальное положение респондентов. Так, рабочие основными проводниками слухов называют средства массовой информации, завод, улицу и транспорт; крестьяне — работу, соседей, прессу; ИТР — работу, газеты, радио и телевидение, улицу и транспорт. Аналогично распределение этих проводников слухов у служащих, интеллигенции, не занятой на производстве, предпринимателей. Студенты указывают на СМИ, улицу и транспорт, учебные аудитории; пенсионеры — на соседей, очереди, СМИ.

Как показывает сравнительный анализ, основное содержание слухов за последние годы (1992—1995) смещается в сторону политики, кроме того, часты «финансово-хозяйственные» слухи. Судя по результатам исследований, интерес к неразгаданным и «таинственным» явлениям в природе, психике человека, а также к событиям в мире искусства постепенно отступает на задний план. Своеобразна динамика слухов, связанных с межнациональными отношениями. Если в 1991 г. такого рода слухи занимали второе место, то уже через год они сдвинулись на пятое, но сейчас в связи с событиями в Чечне вновь заняли свою прежнюю позицию.

Каковы же точки зрения представителей социальных наук относительно места слухов в российской политической жизни? Была предпринята попытка сравнить представления о слухах у так называемых наивных участников исследования (студенты) и тех, кто более компетентен в политической сфере (ученые-социологи и политологи). Участникам исследования задавались вопросы, касающиеся причин появления слухов, роли слухов в современном политическом процессе, влияния слухов на общественное мнение, их достоверности.

В качестве **причин** появления политических слухов эксперты называли отсутствие достоверной информации об объекте слу-

хов; недоверие населения к средствам массовой информации и официальным сообщениям; некоторые черты психологии человека, такие, например, как «предрасположенность к сенсационному восприятию и оценке ситуации», интерес к политике, а также нестабильность общественных отношений.

Структура ответов «наивных» участников исследования на вопрос о причинах слухов была несколько иной по сравнению с экспертами. Прежде всего обращает на себя внимание большее количество названных причин и меньшее единодушие в оценке их значимости. Все ответы были сгруппированы в семь более общих категорий (эксперты выделили четыре категории). Самыми распространенными причинами слухов были указаны преднамеренные действия политиков и недостаток точной информации. Реже в качестве причин назывались деятельность СМИ, активность людей по интерпретации событий, недоверие к политикам, напряженная обстановка в стране, неудовлетворенность жизнью.

Что касается ответа на вопрос о **роли** слухов в современном политическом процессе, то большинство экспертов солидарны в оценке их высокой роли. В качестве конкретных примеров отмечался факт влияния слухов на отношение к официальной политике и даже к ее формированию (в определенной мере), отмечалась значимость слухов для дополнительного информирования, выражения позиций и мнений различных групп.

«Наивные» участники оказались не столь солидарными в признании высокой роли слухов: более половины из них согласны с подобной позицией, остальные оценивают роль слухов как незначительную или слабую. Более серьезное отношение к слухам у экспертов связано, по-видимому, с более глубоким пониманием механизмов и источников слухов, а также с большей информированностью о роли слухов в принятии реальных политических решений.

Сравнение данных опроса экспертов и «наивных» участников свидетельствует о том, что эксперты не просто могут привести больше примеров слухов, но качественно по-иному оценивают российский феномен слухов. Большинство экспертов солидарны в оценке высокой роли слухов в современной России. «Наивные» же участники хотя и признают роль слухов, но все-таки оценивают ее ниже. Значительно разделились мнения

экспертов по вопросу о спонтанности/преднамеренности появления слухов. Половина из них уверена в значительном влиянии на зарождение слухов преднамеренных действий людей, другая половина, напротив, отмечает преобладание в слухах элемента стихийности, спонтанности. «Наивные», как правило, единодушны в том, что источником зарождения политических слухов можно считать преднамеренные действия людей. Вместе с тем отмечается и общее в представлениях экспертов и «наивных» участников: признание связи нестабильности в стране с количеством циркулируемых слухов, а также признание игнорирования, отрицания их наиболее характерными реакциями политиков на слухи.

Если кратко описать отношение экспертов к слухам, то для них характерно глубокое понимание механизмов и серьезное отношение к роли слухов в обществе; у «наивных» же участников отмечается некоторая поверхностность понимания и недооценка общественной роли слухов.

Широкое распространение слухов в современной России — это в значительной мере отражение радикальных социально-экономических трансформаций, свидетельство существенных изменений в массовом сознании. В условиях значительного изменения объема и структуры информационного вещания слухи помогают людям ориентироваться в новых, изменяющихся условиях.

Вопросы для закрепления материала

1. Как и по каким признакам можно определить термин «коммуникация»?
2. Какова структура коммуникативного процесса?
3. Охарактеризуйте основные современные подходы к изучению массовой коммуникации.
4. Какое воздействие оказывает массовая коммуникация на детей и подростков?
5. Какие факторы опосредуют влияние телевизионного насилия на агрессию в реальной жизни?
6. Какое воздействие оказывают слухи на индивидов, социальные группы и общество?
7. Какие приемы используются для борьбы со слухами?

Литература для дополнительного чтения

Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. М., 1990.

Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1995.

Богомолова Н. Н. Массовая коммуникация и общение. М., 1988.

Донцов А. И. Проблемы групповой сплоченности. М., 1979.

Моль А. Социодинамика культуры. М., 1984.

Обозов Н. Н. Межличностные отношения. Л., 1979.

Проблемы эффективности речевой коммуникации / Отв ред. Ф. М. Березин. М., 1989.

Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.

Kapferer J.-N. Rumours. N. Y., 1990.

Littlejohn S. W. Theories of Human Communication. N. Y., 1989.

Media, Children, and the Family / Ed. N. Zellman. N. Y., 1994

Shibutani T. Improvised News: A Sociological Study of Rumor Indianapolis, 1966.

Глава 14

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

§ 1. Сущность социальной мобильности

Социальная мобильность как фактор динамизации стратификационных процессов. Статусно-слоевой иерархии разных обществ и разных эпох присущи некоторые общие характеристики. Так, в любом обществе люди умственного труда в целом занимают более привилегированные позиции, нежели люди физического труда; высококвалифицированные работники приобретают более статусные позиции, нежели неквалифицированные. В каждом обществе также наличествуют слои бедных и богатых. При этом, чем выше на социальной иерархии расположен социальный класс, тем больше существует барьеров для тех, кто хотел бы проникнуть в него извне. В исторической практике многих стран нередким было наличие малопроницаемых социальных групп, весь образ жизни и социальная дея-

тельность которых как бы замыкались на себя, будучи отгороженными от низших слоев. Тем не менее всегда в обществе развивались процессы социальной мобильности, предоставлявшие человеку возможность изменить свое статусное положение в лучшую сторону.

П. Сорокин определяет понятие социальной мобильности *как любой переход индивида или социального объекта (ценности), т. е. всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую*¹.

К приведенному определению следует добавить, что в некоторых случаях данный переход человек осуществляет без чрезмерных усилий (меняет место жительства или работы), в других переход происходит в силу естественных причин, происходящих из жизненных циклов человека (так осуществляется смена возрастных групп). Но в подавляющем числе жизненных ситуаций человеку приходится прилагать немало сознательных усилий для перемены своего социального статуса, особенно в том случае, если речь идет о желании его улучшить. Впрочем, существует ряд человеческих качеств, которые определяют биологически, что делает невозможным изменение социальной позиции (раса, пол).

Процессы социальной мобильности формируются из целенаправленной активности людей по достижении жизненных целей, а также поддерживаются как общественной самоорганизацией (традиционными запретами и стимулами, семейными отношениями, самодеятельными формами жизни, нравами), так и системно-институциональными структурами — правовыми регуляторами, образовательной системой, различными способами стимулирования трудовой активности со стороны государства, церкви, профессионально-корпоративной среды и др. В совокупности указанные факторы и предпосылки, поддерживающие процессы социальной мобильности, предоставляют немало возможностей разным группам варьировать свои действия для достижения необходимого статусного положения. При этом объективно общество заинтересовано, чтобы, с одной стороны, не было острой конфронтации групповых интересов, конкретных линий поведения людей, а с другой — существовал активный обмен общественной энергией и духов-

¹ См. Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 373.

ными ресурсами, особенно в тех ситуациях, когда потребность в такой активизации многократно увеличивается.

В любом обществе существует определенная сбалансированность процессов социальной мобильности, уравнивающая противоречивые тенденции внутри них. Так, на представителей низших групп направлены разные формы социального вспомоществования, способные смягчить их обездоленность. В свою очередь представители престижных слоев (властных, профессиональных, гендерных и др.) стремятся выделить себя в качестве социальных целостностей и сохранить признаки своего высокого статуса. Разными способами возводится немало препятствий для проникновения выходцев из более низких слоев в привилегированные ряды. Следует также учитывать действие объективных ограничений, характерных для целостного функционирования хозяйственного или социального организма: общество на определенном этапе своего развития нуждается в определенной доле людей конкретных профессий, крупных собственников, высших государственных деятелей, произвольно превысить которую невозможно, как бы люди ни пытались улучшить механизмы социальной мобильности.

Но вместе с тем в потоке социальных взаимодействий всегда есть противоположные тенденции, ведущие к расшатыванию существующего положения или к его обновлению. Конкретный механизм этого расшатывания можно понять на примере проблематизации условий жизни отдельных групп, на стремлении людей добиваться в жизни большего, чем их родители. Жизненные проблемы, которые встают перед множеством людей в процессе социальной активности, а также трансформация ценностных ориентаций ставят их перед необходимостью искать возможность изменить свое социальное положение. Поэтому многие из них стремятся преодолеть преграды и осуществить переход в более престижную группу.

Историческая практика свидетельствует, что не существовало обществ с абсолютно непроницаемыми перегородками между социальными классами и слоями, равно как и с полным отсутствием таких перегородок. Разные общества отличаются лишь степенью, формами, механизмами проницаемости социальных преград. Одну из наиболее устойчивых стратификационных структур в виде кастового деления можно встретить в Индии. Однако в древности и тем более в настоящее время со-

храняются каналы и механизмы (иногда едва заметные), делающие возможным переход из одного слоя в другой

Не получает подтверждения позиция некоторых исследователей, которая сводится к тому, что социальный прогресс, демократизация общества неизбежно ведут в наше время к устранению препятствий для перехода людей в более привилегированные группы. Социологи не раз доказывали на массивном историческом материале, что демократические изменения в том или ином обществе означают не абсолютное уменьшение, а только замену одного вида социальных помех другими. В наши дни на примере открытых обществ к такому выводу приходят западные исследователи. Так, американский исследователь Л. Дуберман констатирует, что в последние сто лет «в аспекте большей открытости или закрытости американская классовая структура сохранилась относительно неизменной»¹

Утверждения исследователей о социальной устойчивости и даже определенной неподвижности социальных пропорций в развитых странах Запада следует понимать в том смысле, что складывающаяся в них столетиями иерархическая структура не может трансформироваться быстро и, главное, в одностороннем направлении. Под влиянием социальных факторов как неблагоприятного (войн, революций), так и благоприятного характера (модернизация, экономический подъем) эта структура испытывает колебания то в одну, то в другую сторону. Тем самым она модифицируется, но в целом сохраняет неизменным диапазон иерархичности, протяженность социальных дистанций между слоями. Можно сказать, что на разных стадиях развития того или иного общества, в разных исторических ситуациях процессы социальной мобильности могут заметно различаться между собой, но их вариативность осуществляется вокруг некоторых пределов и принципов, которые обусловлены, с одной стороны, исторической традицией, с другой — потребностями времени. Если же сопоставлять процессы социальной мобильности в разных странах, и особенно в обществах разного типа развития и неодинаковой цивилизационной при-

¹ *Duberman L. Social Inequality. Class and Caste in America*. N. Y., 1976. P. 113. Сходные выводы получены исследователем Б. Шефером из ФРГ, французским социологом Д. Марсо, англичанами Дж. Голдтором и Ф. Би-веном (см. список литературы для дополнительного чтения).

надлежности, то можно видеть их заметное отличие друг от друга.

Разновидности социальной мобильности. В наши дни, как и раньше, начальная стадия социальной мобильности выступает сходной для всех людей: при рождении ребенок получает социальный статус своих родителей, так называемый *аскриптивный*, или *предписанный*, статус. Родители, родственники и близкие к семье люди передают ребенку те нормы поведения, представления о должном и престижном, которые господствуют в их среде. Однако в активный период жизни человек зачастую не довольствуется положением в своем слое, добиваясь большего. В этом случае исследователи говорят, что человек меняет свой прежний статус и обретает новый *достижимый статус*. Тем самым он включился в процессы *восходящей мобильности*.

Выделим случаи, когда представители социальных групп располагают предписанным статусом, который невозможно сменить по одному лишь желанию (разделение людей по половому, расовому, возрастному признаку). Для представителей таких групп социальная мобильность бывает нередко затруднена из-за социальной дискриминации, закрепленной в данном обществе. В этой ситуации члены группы могут добиваться изменения общественных стереотипов по отношению к себе и через инициативные акции требовать расширения каналов своей социальной мобильности.

Вместе с тем в современном обществе множество людей осуществляют восходящую профессиональную мобильность через выбор той или иной профессии, достижение высокого уровня квалификации и профессионального образования, через перемену профессии и уход в высокооплачиваемую область труда или на престижную работу, через переезд на новое место работы в другом городе или в другой стране. Имеется много случаев, когда люди меняют свой статус вне профессиональной сферы — восходящую мобильность можно реализовать через изменение своего семейного положения, поддержку родственников и друзей.

Наряду с этим социологи выделяют *нисходящую социальную мобильность*. В этом случае речь идет об утрате многих преимуществ предыдущего статуса и о переходе человека в более низкую социальную группу. С данным видом мобильности люди сталкиваются, как правило, в силу неблагоприятных или неизбежных обстоятельств, например при достижении пенсионного

возраста, а также из-за болезни, утраты трудоспособности и т. п. Ситуация нисходящей мобильности расценивается обществом как нежелательная для человека, поэтому в рамках семьи и государственных институтов вырабатывается немало способов, призванных сгладить ее остроту, снизить масштабы — родственная поддержка, система социального страхования и пенсионного обеспечения, социальное признание и попечительство.

Помимо выделенных двух видов социальной мобильности, которые носят названия *вертикальные* (направленные или вверх или вниз), в науке рассматривается целый ряд других ее разновидностей. Укажем на *горизонтальную* мобильность, связанную с переменной человеком места работы, места жительства, должности, но без изменения статусного ранга. В данном случае также осуществляется важная форма социальной мобильности, которая позволяет решать, например, какие-то личные проблемы, расширяет социальные возможности людей с прицелом на будущее, обогащает их профессиональный опыт.

Рассмотренные выше виды социальной мобильности могут существовать как в форме хаотических *индивидуальных перемещений*, так и в форме направленных *коллективно-групповых трансформаций*. Другими словами, в одних условиях имеет место индивидуальная мобильность, зачастую приобретающая случайный или хаотизированный характер, в других она реализуется как сходные коллективные перемещения. В период радикальных трансформации свои социальный статус меняют целые слои и социальные группы, демонстрируя так называемую *структурную мобильность*, которая подготавливается и происходит под действием множества факторов, спонтанно, через трансформацию всего общества. Так, европейские революции сопровождались уходом с социальной сцены старой аристократии, что открывало широкие возможности проявить свою активность буржуазии, интеллектуальной элите. В условиях эволюционного развития в 60—80-е гг. в СССР ряд социально-профессиональных слоев переживали постепенную статусную трансформацию. Одни из них утрачивали свои позиции (педагоги, инженеры, ученые), другие их наращивали (работники банковской сферы и сферы обслуживания, юристы), что находило яркое проявление в динамике профессиональных ориентаций молодежи этих десятилетий¹. Снижение статусных

¹ См. *Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н.* Молодежь вступает в жизнь М. 1985.

позиций у одних групп и повышение у других выступало показателями структурной мобильности, свидетельствовало о скрытых сдвигах в социальной структуре, что рано или поздно должно было проявиться в трансформации всего общественного организма.

Тесно связаны с индивидуальными и коллективно-групповыми перемещениями еще две разновидности социальной мобильности: мобильность, основанная на *добровольных* перемещениях людей внутри групп и между группами, а также мобильность объективно неизбежная, по необходимости *принудительная*, вызванная структурными сдвигами в разных сферах общественной практики — в экономике, в политической практике, в демографии.

Наконец, следует остановиться на *внутригенерационной* (внутрипоколенной) и *интергенерационной* (межпоколенной) мобильности, которые свидетельствуют об изменении социального статуса как в рамках тех или иных возрастных когорт, так и от родителей к детям. Изменения этого рода определяются традициями, исторической ситуацией, определяющей тот или иной крупный сдвиг в данном обществе, геополитическим положением страны. Так, при прочих равных условиях межгенерационная мобильность в современном английском обществе более замедленна, чем в США, что объясняется неодинаковой ролью традиций по сохранению молодым поколением принадлежности к своему классу, слою. Вместе с тем своеобразие процессов социальной мобильности в США всегда определялось масштабным потоком иммигрантов из Старого Света и других регионов мира. В Японии межпоколенные статусные позиции за последние 50 лет трансформируются стремительнее, чем во второй половине XIX в., что связано с активным включением страны в современное мировое динамичное развитие.

§ 2. Каналы, механизмы и факторы социальной мобильности

В качестве *каналов* социальной мобильности рассматривают те способы — условно их называют «ступенями лестницы», «лифтами», — используя которые люди могут перемещаться вверх-вниз по социальной иерархии. По большей части такими

каналами являлись: органы политической власти и общественно-политические организации, экономические структуры и профессионально-трудовые организации (трудовые коллективы, фирмы с встроенной в них системой производственной собственности, корпоративных институтов и др.), а также армия, церковь, школа, семейно-клановые связи (действовали факторы домашнего воспитания, социального авторитета семьи, частной собственности, семейной поддержки в целом).

В традиционном обществе перечисленные каналы социальной мобильности использовались весьма широко. В современном обществе роль некоторых из этих структур как каналов социальной подвижности снижается (например, церкви, семьи), но усиливается значение других каналов, в рамках которых отрабатываются новые формы социальной мобильности. Поэтому приведенный список следует конкретизировать, выделив в качестве каналов мобильности финансово-банковские операции, научно-техническую деятельность, активность в области массовой информации и компьютерных технологий. Выделим также действие устойчивого в разные эпохи в разных странах канала повышения статуса представителей определенных слоев за счет причастности к теневой или криминальной деятельности. Ныне этот канал представлен как в развитом обществе (транснациональные мафиозные ассоциации в области распространения оружия, наркотиков и др.), так и в традиционном обществе (семейно-клановые и бандитские группировки)¹.

Действие указанных каналов социальной мобильности (за исключением криминального, притягивающего определенные социально-психологические типы людей), как правило, тесно переплетено между собой, т. е. они действуют одновременно, то конфронтируя, то дополняя друг друга. Взятые в целом, каналы социальной мобильности создают систему институционально-правовых требований, организационных возможностей, конкретных правил продвижения людей вверх или вниз по социальной лестнице, образуя, таким образом, сложные механизмы социального отбора людей на те или иные позиции и статусные роли. Совокупное действие этих механизмов на разных стадиях жизни человека облегчает ему возможность сохранения аскриптивного или достижения лучшего статуса, но само по себе не га-

¹ См. об этом: Глобальное сообщество: Новая система координат / Отв. ред. А. И. Неклесса СПб., 2000.

рантирует положительный результат — опираясь на них, человек должен прилагать немалые собственные усилия, чтобы добиться лучшего.

В прошлом ведущими в этих механизмах оставались наследственно-сословные связи, что позволяло подавляющему большинству молодого поколения сохранять аскриптивное статусное положение. При этом сохранение высших аскриптивных статусов сопровождалось выполнением немалого числа социальных обязанностей. Переход из одного сословия в другое, хотя и был затруднен, также оставался возможным. Так, в средневековом императорском Китае, в Российской империи представитель средних слоев (включая зажиточных крестьян, торговцев, детей священнослужителей) мог продвигаться на государственной службе при наличии высшего образования¹.

Процесс обучения, овладение ребенком книжной премудростью во многом определялись семейными обстоятельствами. Но во время учебы и затем на службе многое зависело от самого человека — он должен был продемонстрировать лояльность к профессиональной среде, проявлять настойчивость, сообразительность. В других обществах роль школы и образования в смене статуса была ограничена, на первый план по значимости могла выйти либо армейская, либо религиозная среда. При этом оставались важными роль семьи, поддержка окружающих, личные качества самого человека.

Иллюстрацией сказанному может служить жизненный путь русского реформатора *Михаила Михайловича Сперанского* (1772—1839). Будучи выходцем из семьи бедного сельского священника, получив образование в провинциальной семинарии, он рано обнаружил блестящие способности самостоятельного мышления, был трудолюбив, начитан, даровит. Все это выделяло его из круга семинаристов, что позволило церковному начальству рекомендовать его на службу к государственному вельможе, которому потребовался секретарь для деловой переписки. Вхождение в высший круг российской бюрократии вывело Сперанского на широкую дорогу государственного служения.

В условиях современного общества основной акцент в механизмах социальной мобильности переносится на образовательную-профессиональную подготовку, при этом повышается роль

¹ См.: *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 182—183.

индивидуальных качеств человека, стремящегося улучшить свое положение. Рассмотрим процесс профессиональной селекции на примере научно-творческой деятельности. Чтобы общество признало молодого человека ученым, необходимо, хотя и недостаточно, наличие у него диплома о высшем образовании, который позволяет ему начать научную карьеру. Профессиональная среда тогда признает его научный статус, когда результаты его самостоятельной работы будут квалифицированы коллегами как значительные. При этом результаты его труда постоянно будут подвергаться придирчивому анализу. Сам он должен овладеть искусством вести научную полемику, находить сторонников, добиваться практического внедрения своих открытий. Должностное и квалификационное продвижение поможет ему утвердиться в профессиональной среде, в которой помимо официального статуса весьма важными предпосылками становления человека как ученого, выступают круг общения, единомышленники. Но главным фактором признания выступают научные результаты, признанные широкими общественными кругами. На этом пути ученый должен обрести сторонников в практических сферах; ему не помешает известность среди широкой публики, в том числе достигнутая благодаря СМИ. Члены семьи должны терпеливо помогать в его творческом развитии, не ожидая быстрой материальной отдачи и публичного признания. В совокупности все эти обстоятельства и составляют механизмы *социальной селекции* в сфере научно-исследовательской деятельности.

Таким образом, можно видеть, что «сито» многократного прохождения человеком через механизмы социального отбора было в прошлом и продолжает существовать ныне в любой сфере жизнедеятельности, особенно ужесточаясь в тех случаях, когда речь идет о возможности достижения относительно высокого положения в обществе. Указанные механизмы селекции не гарантируют безошибочного распределения людей по социальным стратам и позициям в соответствии с их реальными способностями. Однако взятые в целом, они позволяют более или менее удовлетворительно перераспределять социальную энергию, не допуская острой конфронтации и уравнивая интересы разных групп.

Если каналы и механизмы социальной мобильности представляют собой наиболее устойчивые, массовые способы достижения или утраты нового статусного положения, то *факторами*

мобильности выступают общие — исторические, социально-политические, культурные и другие предпосылки, а также конкретные условия, стимулирующие действие указанных механизмов или ограничивающие их. Учет различных факторов позволяет более глубоко охарактеризовать процессы социальной мобильности в той или иной ситуации, определить их характер в различных социальных средах. Иногда значение масштабного фактора накладывает отпечаток на место в социальной иерархии целой социальной группы. Когда говорят о «военном поколении», подразумевают влияние военного времени на жизненные установки и социальную активность определенной возрастной когорты.

На качества социальной мобильности конкретных групп и индивидов, как правило, воздействует множество факторов разного характера и масштаба: хозяйственно-отраслевые институты, этническая или религиозная среда, место жительства, возраст и пол человека, меняющего статус, и др. Например, для мобильности, связанной со вступлением в брак людей современного общества, характерна следующая тенденция: женщины чаще заключают брак с мужчинами, имеющими более высокое образование, профессиональную квалификацию, работающими на более высокой должности, в то время как для мужчин эта ситуация имеет обратный характер¹.

Еще одна закономерность, связанная с корреляцией между ранней социализацией людей и их последующей профессиональной активностью. Так, выходцы из сельских поселений, из провинциальной, слабо дифференцированной среды обладают в среднем меньшим темпом социального продвижения и более узкими возможностями варьировать области приложения своего труда, чем выходцы из городских поселений, из урбанизированных центров².

§ 3. Социальная мобильность в условиях динамизации общественного развития

Выше обращалось внимание на сбалансированность, соответствие процессов социальной мобильности друг другу в условиях эволюционного развития. В такой ситуации остается не-

¹ См. Трулящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность / Отв. ред. В. И. Шубкин. М., 1983. С. 189.

² См. Радаев В. В., Шкартан О. И. Социальная стратификация. М. 1996. С. 216.

высоким *масштаб социальной мобильности* — он определяется *через процентную долю людей, сменивших статус своих родителей*. В это время взрослые дети по большей части не выходят за рамки социального положения своих родителей. Но даже в случае смены статуса родителей одни работники всю жизнь остаются в том социальном положении, с которого они начали самостоятельную трудовую активность, другие перемещаются на 1—2 ступеньки. В этих условиях редко кому удастся в короткий период сразу переместиться на несколько ступеней карьеры и жизненного благополучия.

Но общество рано или поздно вступает в период более интенсивного развития. В этом случае процессы социальной мобильности также начинают стремительно изменяться, ускоряя в свою очередь общие перемены. Идет интенсивное разрушение прежних характеристик социальной мобильности, замена их новыми качествами. Рассмотрим сначала трансформацию процессов социальной мобильности, в которой на первый план выходят тенденции их конструктивного обновления.

Функции обновления особенно отчетливо заявляют о себе на определенных периодах *индустриализации*, через которые в Новое время прошли все страны Запада. В последние сто с лишним лет этап индустриализации переживали многие неевропейские страны, модернизируя свое хозяйство, социальные отношения, традиционную культуру. В России процессы индустриализации, начавшись в последней трети XIX в., наиболее интенсивно развивались с конца 20-х до середины 50-х гг. и завершились в целом к 70-м гг. Охарактеризуем важнейшие тенденции социальной мобильности, свойственные этим процессам.

В ходе индустриализации происходит по преимуществу вынужденное массовое переселение людей из сельской местности в города. И в городах, и на селе зарождается товарно-промышленное производство, которое затем стремительно расширяет свои масштабы, стимулируя внедрение новых технологий труда. Все это в свою очередь ведет к появлению новых профессий и специальностей, дифференцирует квалификацию работников, что сопровождается повышением образовательного уровня населения, увеличением информированности людей, расширением их мировоззренческого горизонта. Меняются способы социализации детей и молодежи. Происходят серьезные трансформации в семейных отношениях, в быту, в способах

отдыха и оздоровления людей. Словом, коренным образом меняется весь образ жизни населения. Поколения детей, а тем более внуков, живут совершенно в иных условиях, нежели их отцы и деды. Таким образом, масштаб мобильности в этих условиях заметно увеличивается — в течение 50—100 лет идет постоянное увеличение доли населения, которая не повторяет статус своих родителей, достигая в пиковых точках интенсивности социальных перемещений их объема, равного 60—75%.

Конечно, за эти годы могут происходить спады производства, политические кризисы, социальные столкновения. Но если государственная политика индустриализации продумана и реализуется успешно, то развитие общества сохраняет стабильный характер и в то же время появляются многообразные способы восхождения людей по социальной лестнице. Миллионы людей втягиваются в эти процессы, которые, как правило, охватывают активный период жизни (он равен 25—30 годам) нескольких поколений. Эти сдвиги выполняют в целом конструктивную роль в обновлении общественного развития, хотя на определенных стадиях индустриализации неизбежно дают о себе знать серьезные гуманитарные издержки. Среди последних укажем на такие явления, как массовое ослабление прежних связей, консолидирующих население, включая и те, на которых держались хозяйственные, семейно-бытовые отношения, на разбалансированность коллективных взаимодействий между представителями новых и прежних профессиональных слоев, а также на увеличение масштабов маргинальности.

Особо следует сказать о возрастании в период индустриализации явления *социальной маргинальности*. Маргинальность может быть понята в узком и широком смысле. В узком смысле она связывается с неполным, частичным, промежуточным характером социальных ролей какой-либо группы, индивидуума. Но в данном случае акцентируется трактовка маргинальности как широкого социального явления. Процессы индустриальных преобразований ведут к резкой переструктуризации общества, что вызывает втягивание — отчасти добровольное, отчасти вынужденное — огромных масс людей в социальную мобильность. Для одних новый статус оказывается нисходящим, другие же обретают его в процессе движения вверх по статусной лестнице.

Но повсеместно это движение порождает *структурную маргинальность*, которая связана с массовой утратой целыми слоями своего прежнего статуса, с разрывом привычных связей, с изменением социального окружения, что так или иначе превращает людей в *маргиналов*, в лиц, лишенных в новом положении устойчивых ценностных ориентиров, социальных корней, понимания происходящего, даже если они улучшили свой статус¹.

Если проводится взвешенная социальная политика и в процессах расслоения продолжает сохраняться определенный баланс между традиционными и новыми слоями, то масштабы маргинализации не способны серьезно дестабилизировать общество. В этом случае новый стратификационный порядок закрепляется быстрее, нежели распадается прежний.

Следует подчеркнуть, что социальная мобильность периода индустриализации, имея общие черты развития в разных странах, все же не приобретает универсального характера. В каждом обществе эти процессы тесно переплетаются с элементами традиций, а также обуславливаются конкретной обстановкой, складывающейся на том или ином периоде промышленного развития. Все это позволяет нейтрализовать стремительность перехода огромных масс людей из одного социального положения в другое и остроту включения в современную экономическую динамику.

Сошлемся на опыт Японии. На крупных японских фирмах по отношению к постоянному персоналу применяется система пожизненного найма и принцип старшинства продвижения по службе. Пожизненный найм означает, что работник нанимается на фирму на весь трудоспособный период жизни. В свою очередь руководство фирмы гарантирует его занятость в период кризиса, когда увольняет ту часть персонала, которая не охвачена данной системой. Таким образом, у работника есть уверенность в завтрашнем дне и достаточно устойчивое финансовое положение, включая помощь от фирмы для решения его семейных проблем (например, для приобретения жилья, образования детей). Принцип старшинства продвижения по службе связан с тем, что в фирме существуют жесткие принципы повышения статуса работника в зависимости от рабочего стажа (т. е. от возраста), при которых нередко невозможен даже

¹ См. Попова И. П. Маргинальность. Социологический анализ. М., 1996.

переход из одной категории работников в другую. В рамках фирмы действуют также пределы карьерного роста, своя шкала повышения заработной платы, выходных пособий, продолжительности оплачиваемого отпуска и т. п.¹

Данные механизмы социальной мобильности действуют лишь в крупных японских фирмах, позволяя им формировать и сохранять костяк профессиональной элиты и преданного персонала. В других странах могут быть иные системы отбора и сохранения хороших работников, нацеленные на смягчение социальных издержек в условиях резких социальных трансформаций.

Теперь рассмотрим состояние процессов социальной мобильности в условиях *социальной деструкции, общественных кризисов*. Систематически наступающая в разных странах деструкция механизмов слоеобразования и социальной мобильности весьма интересовала в свое время П. Сорокина, который пережил подобную ситуацию в период русской революции и Гражданской войны. В этих условиях осуществляется массовая нисходящая мобильность многих слоев и формируется плоский — почти без высших слоев — стратификационный профиль. П. Сорокин полагал, что такое массовое «разлаживание» механизмов расслоения и мобильности происходит в масштабах общества спонтанно, как ответ социальной системы на гипертрофированный характер этих процессов на предыдущем этапе².

Сходные ситуации всеобщей деструкции наступают также в периоды экономической депрессии, в результате неудачи и срыва модернизационных реформ, а также в условиях войны, революции, продолжительных политических, национальных столкновений, которые свидетельствуют об утрате обществом мобилизационно-адаптивных способностей адекватно реагировать на внутренние и внешние опасности. Эти ситуации порождают социальную нестабильность, которая, как правило, сопровождается неблагоприятной трансформацией структуры занятости, возрастанием доли безработных, массовым обнищанием основной части населения, возрастанием болезней и уровня смертности. Нередко при этом увеличивается внутренняя миграция людей, появляются беженцы и вынужденные

¹ См.: Япония: Мифы и реальность / Отв. ред. А. И. Кравцевич, И. П. Лебедева. М., 1999. С. 20

² См.: Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 351—352.

переселенцы. Все это в свою очередь разрушает прежние ценностно-смысловые ориентации людей и сопровождается расширением социальной аномии.

В таких условиях социальная мобильность и стратификационные процессы носят крайне неустойчивый характер и в значительной степени зависят от набора преходящих факторов. Так, высокого положения способны добиваться случайные люди или даже представители криминальных структур. Масштабы структурной маргинализации в этой ситуации могут во много раз превосходить те, которые появляются в условиях индустриализации. Стабилизация новых стратификационных механизмов, и в частности механизмов социальной мобильности, возможна не раньше, чем будет достигнута определенная социальная устойчивость и прояснены новые основы, на которых будут развиваться механизмы социального воспроизводства.

Приложение

Социология в России: процессы социальной мобильности в российском обществе

Проблемы социальных перемещений стали изучаться советской социологической мыслью в 60-е гг. В этот период научный анализ проблем социальных перемещений в СССР не мог избежать идеологического давления, поскольку эти проблемы напрямую связывались с оценкой эффективности политического регулирования этих процессов. Ученым предписывалось интерпретировать происходящее в соответствии с социальной политикой партии и государства. К тому же не допускалось применение методологического арсенала, терминологического аппарата теории стратификации и социальной мобильности. По идеологическим соображениям ряд аспектов и характеристик социальной мобильности попросту игнорировался, вне зависимости от того, существовали или не существовали они в действительности. Например, не анализировалась как целостное явление безработица; имел место лишь учет небольшой части временно неработающих и домохозяек.

Несмотря на целый ряд неблагоприятных факторов научной деятельности, многие отечественные авторы смогли успешно

освоить и развить основные методы исследования социальной мобильности: анализ статистических данных и социально-демографического баланса, моделирование социальных перемещений, изучение биографий и документов, исследование частот браков представителей разных социальных групп и сопряжения статусов друзей и др. Широко использовались математические и статистические приемы анализа, разрабатывались общие показатели, применялись различные коэффициенты¹. Все это позволило собрать огромный объем научных данных относительно важнейших особенностей социальных перемещений в СССР. Ниже рассмотрим результаты исследований, характеризующие социальную мобильность в нашей стране, которые следует признать в высшей степени показательными для понимания происходящих в нашем обществе социальных сдвигов, порожденных индустриализацией.

В 70—80-е гг. активно изучаются социальные перемещения различного характера и разной направленности. Достаточно глубоко анализируются характеристики мобильности населения в целом, внутри основных социальных и профессиональных групп, а также межгрупповые перемещения. В качестве объекта анализа чаще всего выступают рабочие, ИТР, служащие, колхозники, молодежь, жители города, села, регионов, разные семейные группы и другие, что в значительной степени обуславливалось практическими потребностями проводимой социальной политики. Напомним, что в управленческой практике того времени применялось немало технологий, которые целенаправленно регулировали перемещение людей из села в город, на малоосвоенные территории, на крупные стройки, а также облегчали переход из одних социальных групп в другие².

¹ См.: *Гордон Л. А., Комаровский В. В.* Динамика социально-профессионального состава поколений // Социологические исследования. 1986 № 3; *Удалова И. В., Гражданников Е. Д.* Измерение социальной мобильности. Новосибирск, 1988; *Шкаратан О. И., Рукавишников В. О.* Социальная структура населения советского города // Социологические исследования 1974. № 2 и др.

² См.: Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР. М., 1981, Социально-профессиональные перемещения на социалистическом предприятии. Киев, 1977, Трудовая мобильность при социализме М., 1981, *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР. М., 1974.

Одним из наиболее масштабных и емких по результатам выступает исследование межпоколенческой мобильности, осуществленное с использованием целого ряда методов (среди которых анкетный опрос и анализ документов заняли ведущее место) в первой половине 80-х гг. сотрудниками Института социологических исследований АН СССР под руководством Ф. Р. Филиппова¹.

Ученые выделили пять возрастных когорт, представители которых начинали свой самостоятельный трудовой путь в разные десятилетия: 1-я когорта до 50-х гг.; 2-я — в 50-е; 3-я — в 60-е; 4-я — в 70-е и 5-я — в 80-е гг. Для указанных когорт характерны глубокие внутренние различия, ибо слишком велико несходство социальных условий жизни и общей духовной атмосферы, в которых происходили социализация и вступление в самостоятельную жизнь представителей каждой из них. Так, для членов 1-й когорты характерно раннее вступление в самостоятельную жизнь, низкий уровень образования; многие из этой когорты приступили к самостоятельному труду, имея за плечами фронтовой опыт. В то же время к моменту вступления в жизнь представителей 5-й когорты отмечены повышение возраста, в котором люди начинают трудовую деятельность, более высокий уровень образования.

Все это отразилось и на перемещениях из одной общественной группы в другую — анализ в данном случае прослеживался на трех группах: рабочие, колхозники, служащие со специалистами. Установлено, что наиболее активная мобильность из одной общественной группы в другую происходила в 50—70-е гг.: из колхозников в рабочие перешло до 1/3 опрошенных, из рабочих в служащие и специалисты — 37%, из колхозников в служащие и специалисты — 26%.

Вместе с тем были получены данные, которые отражают как динамику общественных изменений в СССР в эти десятилетия, так и изменение социальных качеств советской молодежи. Люди, начинавшие свой трудовой путь до 50-х гг. (1-я когорта), оказались втрое мобильнее, чем начавшие его в 80-х гг. (5-я когорта). Важнейшие тенденции, определяющие социальную мобильность представителей 3, 4 и 5-й когорт, были связаны с горизонталь-

¹ См. Филиппов Ф. Р. От поколения к поколению: Социальная подвижность М., 1989.

ными перемещениями (в частности, с освоением Севера и территорий Сибири). Если же в этих когортах имели место вертикальные перемещения, то они чаще всего осуществлялись через получение более высокого образовательного и квалификационного уровня. Но к 80-м гг. образовательный уровень достиг своего предела, и представители 5-й когорты (причем и рабочие и колхозники, и служащие со специалистами) оказались наиболее малоподвижными в плане повышения образования.

Жизненные ориентиры представителей 5-й когорты вызвали у исследователей тревогу. Молодежь, вступающая в жизнь в этот период, резко отличалась от молодых людей предыдущих десятилетий тем, что стремилась уходить от решения жизненных проблем, тяготая к неформальным группам общения, обращаясь к любительским занятиям, а также чаще прибегая к употреблению алкоголя и наркотиков.

Сегодня мы можем прокомментировать приведенные данные с учетом знания последующих поворотов социальной динамики. Поведенческие стереотипы и духовную ориентацию молодых людей того периода правомерно рассматривать в связи (отчасти прямой, отчасти опосредованной) с теми препятствиями в решении жизненных проблем и сложностями в достижении лучших статусных позиций, на которые наиболее чутко реагирует вступающее в жизнь поколение.

Обобщенный анализ процессов и механизмов социальных перемещений в стране за 50 лет позволяет видеть, что объемы социальной мобильности в разные десятилетия были неодинаковы. Имея в 50-е гг. достаточно масштабные величины, вполне сопоставимые с аналогичными размерами социальных перемещений в динамично развивающихся странах мира, объем мобильности постепенно уменьшался и накануне исчезновения СССР демонстрировал снижение своих параметров относительно основных институциональных каналов — производственных коллективов, военных структур, научных центров и др. Вместо этого возрастал объем социальной мобильности в рамках неинституциональных видов деятельности, что вело к сосредоточению материальных и общественных ресурсов в руках узкого круга лиц и определенных слоев. В то время исследователи не имели возможности со всей полнотой проанализировать латентные процессы, которые в 90-е гг. станут для общества более очевидными и под воздействием которых окажутся некоторые сегмен-

ты социальных перемещений в кризисных условиях: теневая деятельность в экономике, скрытое перераспределение общественных ресурсов, активизация криминальных структур. Указанные выше качества поведения и ценностные ориентации представителей молодежной когорты как раз свидетельствовали о неэффективности институциональных каналов социальной мобильности. Молодежь спонтанно реагировала на неблагополучие в перераспределении социальной энергии на завершающей стадии индустриализации, что требовало целенаправленных усилий общества по оптимизации перехода к постиндустриальному типу общественных отношений.

В то же время в исследовании были получены данные, аналогичные показателям, характерным для всех стран мира. Так, наибольшая мобильность людей (самого разного рода: вертикальная, горизонтальная, межпоколенческая и др.) имеет место в первое десятилетие их самостоятельной трудовой деятельности (это качество свойственно 91% представителей той или иной когорты); в течение второго десятилетия своей карьеры люди меняют свой статус гораздо реже и лишь единицы осуществляют это на третьем десятке своего трудового пути (соответственно 8,4 и 0,8%).

Постсоветский период стал для процессов мобильности временем социальной деструкции, сопоставимым с периодом революций, разрушительных войн. Не останавливаясь на анализе всей совокупности предпосылок, лежащих в основе такого положения дел, укажем, что в данном случае оказались разрушенными или сильно деформированными прежние каналы и механизмы, определяющие стратификацию и социальную мобильность. Вместе с тем быстрое формирование новых каналов и эффективных механизмов невозможно, так как достижение их сбалансированности нельзя установить в короткие сроки и чисто административными способами. Их новая конфигурация и формы будут складываться постепенно, под действием многочисленных социокультурных факторов, среди которых далеко не все могут быть использованы органами социальной политики для достижения поставленных целей. В то же время политики должны учитывать и задействовать в общественных интересах наиболее конструктивные факторы, что позволит оптимизировать процессы социальной мобильности, стимулировать социальные группы на бесконфликтное решение своих

жизненных проблем. Кроме того, важно не допускать усиления социальной напряженности во взаимодействии разных слоев в период преобразований.

Политика разгосударствления проводилась в 90-х гг. на принципах, противоречащих фундаментальным критериям стратификации и социальной мобильности современного общества: создание для разных слоев одинаковых социальных и правовых возможностей добиваться лучшего статуса. Передача общественной собственности осуществлялась наспех, без продуманной стратегии, посредством административно-бюрократических методов. Огромная часть этой собственности в виде пакетов акций оказалась в руках небольшого круга лиц. Подавляющее большинство населения стало владельцем ваучеров, которые, как выяснилось, не заключали в себе реальной стоимости. В результате перераспределения значительная часть общенародной собственности оказалась не у наиболее достойных людей (в силу профессиональной подготовки, трудового вклада и др.), а у тех, кто был ближе к структурам распределения, а также у групп, обладающих материальными ресурсами, включая представителей теневой экономики, криминального мира.

В современной России обладают собственностью, приносящей существенный доход (более 1 тыс. долл. в месяц), 1,5—1,7% домохозяев. Высокодоходная собственность оказалась в их распоряжении не в результате наследования, а получена в последние 10 лет, большей частью сомнительным путем. Во многих случаях новые собственники крупных предприятий не смогли продемонстрировать качества организаторов современного производства, которые позволяли бы добиться расширения выпуска продукции, подобрать персонал, способный трудиться в условиях кризиса. Столь масштабная концентрация собственности в руках небольшой группы лиц на данном этапе общественного развития скорее тормозит, чем стимулирует формирование комплекса новых каналов и механизмов социальных перемещений. Эта ситуация не может обрести в представлении основной части населения социально легитимного характера.

Более эффективно действует частная и коллективно-долевая собственность в сфере среднего и малого бизнеса, особенно в области услуг. Многие представители малого и среднего бизнеса задействовали те каналы и способы мобильности, которые по-

чти не работали в последние десятилетия доминирования государственной собственности. Так, они пытаются минимизировать расходную часть своей деятельности, добиваясь понижения себестоимости продукции, а также стремятся расширить сектор потребителей своих товаров и услуг. Вместе с тем и в этом сегменте трудовой активности формирование новых каналов социальной мобильности затруднено целым рядом факторов. Пока не создано прочных правовых гарантий владения и распоряжения производственной собственностью, не отработаны механизмы банкротства и перехода собственности из рук в руки, крайне произвольными остаются отношения между собственниками и наемными работниками.

В целом в российском обществе пока не заработали или работают крайне неудовлетворительно механизмы получения доходов с банковских вкладов и ценных бумаг, рента с недвижимости, доход от работы на земле, в собственной мастерской и т. п. В стране не сложились пока конкурентные условия экономической активности, подкрепленные традицией уважения к рыночным принципам и имущественным правам граждан. Практически в бизнесе и производстве более распространены позиции, ориентирующие людей на быстрое обогащение или на обогащение любой ценой. Все это затрудняет формирование новых механизмов социального отбора и продвижения в наиболее важной сфере мобильности — в сфере профессионального труда, где должен выигрывать тот работник, который трудится с большим эффектом на основе более высокой квалификации, мастерства, трудолюбия, предприимчивости.

Рассмотрим процессы перераспределения работников между разными сферами и секторами труда, квалификационными группами, а также ориентацию молодежи на разные профессии. В постсоветской России происходило масштабное перемещение работников из государственного в негосударственный сектор занятости. Особенно интенсивным этот процесс был в начале 90-х гг. С 1990 по 1993 г. доля работников на государственных предприятиях в учреждениях сократилась с 82,6 до 53,0%; в негосударственном секторе она выросла с 12,5 до 28,1%, а на предприятиях со смешанной собственностью возросла с 4,0 до 17,6%¹.

¹ См.: Уровень жизни населения РФ // Госкомстат России. М., 1998. С. 19.

За последние 10 лет произошло становление новых сфер деятельности (например, связанных с кредитно-банковскими технологиями, с маркетингом, рекламой и др.), профессиональных групп (например, группа организаторов бизнеса, управляющих по ликвидации последствий кризиса и др.), а также расширение ряда прежних областей труда, социальная значимость которых в последние годы повышалась. К последним, в частности, можно отнести сферу обслуживания, связанную с предоставлением услуг в области медицины, оздоровления и туризма, образования, детского воспитания, продажи и покупки жилья, информационно-компьютерного обслуживания и др. Развитие указанных сфер деятельности и профессиональных групп стало возможным в результате перехода работников, которые прежде трудились в трудоизбыточных сферах промышленного производства.

Вместе с тем за годы российских реформ произошел интенсивный отток из тех сфер деятельности, которые обществу необходимы, но не способны дать быстрый эффект после реструктурирования. Например, за последние годы заметно сократилась численность занятых в сфере науки — в разных отраслях науки от 1/3 до половины¹.

Серьезным перекосом процессов социальной мобильности выступает диспаритет цен на продукцию и оплату труда работников сельскохозяйственного производства, обрабатывающих отраслей (прежде всего военно-промышленного комплекса), сферы культуры, науки, образования, с одной стороны, и работников топливно-энергетического комплекса, сырьевых отраслей и финансового капитала — с другой.

Выделенные выше изменения процессов стратификации и социальной мобильности во многом меняют установки молодежи на разные профессии и сферы деятельности. Появившаяся еще в советский период ориентация молодежи на такие престижные в глазах общества области труда, как банковские технологии, управленческая активность, правоведение и др., в новых условиях получает еще больший размах, дополняясь ориентацией на получение профессий, связанных с информационно-компьютерной специализацией. Однако в последние годы исследователи фиксируют более взвешенное распределение профессиональных ориентаций молодого поколения. Не-

¹ См. Наука России в цифрах: Краткий статистический справочник М., 1995.

сколько снижается востребованность на приобретение профессий менеджера, экономиста, юриста (что во многом объясняется узким сектором приложения их труда и перепроизводством их подготовки). Вновь увеличивается значимость в представлении молодого поколения профессий инженера, педагога, работника учреждения культуры.

Исследователи отмечают тревожную для молодежи тенденцию последних лет, которая связана с социально-имущественной дифференциацией семей — стремительно снижается вероятность получения общего и профессионального образования представителями многих групп российской молодежи. С одной стороны, молодое поколение по-прежнему демонстрирует высокую ориентацию на получение среднего и высшего образования. С другой стороны, образование, становясь во все большей степени платным, превращается в новый механизм социальной селекции по имущественному признаку, который в условиях завтрашнего дня способен оставить значительную часть молодежи за пределами восходящей социальной мобильности¹. Эта тенденция свидетельствует о важности корректировки социальной политики, проводимой государством, с тем, чтобы не перекрывать перед молодежью важнейший канал вертикальной циркуляции, без которого общество не сможет успешно развиваться.

Обобщая анализ процессов социальной мобильности в постсоветской России, обозначим следующее: граждане страны утрачивают свой прежний социальный статус; их связи приобретают новые формы; привычная среда трансформируется; целевые ориентации наполняются новым содержанием. Все это приводит к маргинализации общества. Происходящие в переходный период коренные изменения социально-экономических, политических, культурных основ общества порождают не столько перемещение людей из одних социальных ячеек в другие, сколько глубокую трансформацию прежних каналов мобильности, механизмов стратификации. Вынужденную смену прежнего статуса переживают не отдельные люди, а слои и группы общества, порождая так называемую гипермобильность, т. е. мобильность, порожденную чрезвычайными услови-

¹ См. Константиновский Д. Л. Динамика неравенства Российская молодежь в меняющемся обществе: Ориентации и пути в сфере образования М., 1999 С. 234—238.

ями жизни, приобретающую исключительные проявления и особые параметры¹.

В описанной ситуации маргинальность приобретает разные измерения: экономические (люди оказываются отстраненными от профессиональной деятельности, процессов потребления); политические (многие слои, например беженцы, утрачивают гражданские права, лишаются доступа к политическому влиянию); социальные (у многих теряется престиж, люди оказываются в положении деклассированных); культурные (духовно-ценностная дезориентация приобретает массовые проявления); психологические (психологический стресс, душевный надрыв, в некоторых ситуациях — болезнь и даже суицид).

Нисходящая мобильность маргинализует представителей таких слоев, как безработные, группы риска на рынке труда (женщины среднего возраста, с высшим образованием и др.), «новые бедные» (т. е. те, кто быстро утратил престиж, устойчивый источник существования, работу), «слабые бедные» (нетрудоспособные, многодетные семьи), «сильные бедные» (полноценные работники, оказавшиеся в чрезвычайных обстоятельствах)².

Вместе с тем в новых условиях восходящая мобильность возносит на высшие ступени социальной лестницы людей, которые маргинализированы в не меньшей степени, чем люди, перемещающиеся по нисходящим ступеням. Так, исследование жизненных установок группы брокеров (в 1992—1993 гг.) показало, что они, будучи выходцами из среды научной и технической интеллигенции, чувствуют себя одинокими, выброшенными в «рыночное море» неблагоприятными обстоятельствами³. Не меньшую культурную дезориентацию переживают представители высокооплачиваемых и на первый взгляд благополучных групп: собственники, крупные менеджеры, финансисты и др. Несмотря на то что их деятельность сопряжена с большим объемом властных полномочий, личной инициативой, они не чувствуют свое социальное положение устойчивым, переживая постоянные стрессы в ключевых жизненных

¹ См. *Иконников О. Л.* Гипермобильность научных кадров // Проблемы прогнозирования. М., 1993. Т. 3.

² См. *Попова И. П.* Указ. соч. М., 1996. С. 40—41.

³ См. *Климова С. Г.* Изменения ценностных оснований идентификации (80—90-е гг.) // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 68.

ситуациях. У них не успело сформироваться групповое чувство социальной идентичности, им трудно дается процесс совмещения принципов и норм своей активности с традиционными ориентациями труда и жизни широких групп населения¹.

Совершенно естественно, что на фоне масштабной маргинальности не может происходить нормальное формирование и развитие среднего класса. Исследователи полагают, что среднего класса как устоявшейся по статусу, численности социальной общности, близкой к среднему классу западных стран, в России пока нет². Недостаточно включать в эту общность тех граждан, которые, например, обладают 2—3 формальными характеристиками (уровень дохода, образования, наличие собственности и др.), свойственными среднему классу западных стран, или которые склонны отнести себя к нему на основе самооценки. Для среднего класса любого общества, помимо экономических и образовательных характеристик, важны определенные волевые установки и стереотипы поведения, система ценностей и способность к самоорганизации как социальной общности. Можно говорить лишь о некоем множестве российских граждан (по некоторым оценкам, пока около 20% занятого населения), которых следует — в некоторых случаях весьма условно, по отдельным характеристикам — отнести к той группе, которая со временем перерастет в средний класс. При этом среди занятых доля тех, кто в наибольшей степени отвечает требованиям среднего класса западного типа, составляет всего 3%.

Вопросы для закрепления материала

1. Раскройте сущность процессов социальной мобильности и их роль в жизни общества и в жизни отдельного человека.
2. Перечислите разновидности социальной мобильности.
3. В чем состоит назначение и роль каналов социальной мобильности?
4. Что такое механизм социального отбора? Раскройте его действие на конкретных примерах.

¹ См.: *Попова И. П.* Маргинальность: Социологический анализ. С. 38

² См.: *Беляева Л. А.* В поисках среднего класса // Социологические исследования. 1999. № 7.

5. Каковы были социальные возможности и ограничения для восходящей мобильности рядового члена советского общества?

6. Охарактеризуйте важнейшие признаки социальной мобильности в российском обществе переходного периода.

Литература для дополнительного чтения

Беляева Л. А. В поисках среднего класса // Социологические исследования. 1999. № 7.

Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Средние слои в современной России // Социологические исследования. 1998. № 7.

Попова И. П. Маргинальность: Социологический анализ. М., 1996.

Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М., 1996.

Региональные проблемы социальной мобильности / Отв. ред. *Ф. Р. Филиппов*. М., 1991.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 1998.

Удалова И. В., Гражданников Е. Д. Измерение социальной мобильности. Новосибирск, 1988.

Филиппов Ф. Р. От поколения к поколению: Социальная подвижность. М., 1989.

Филиппов Ф. Р. Социальные перемещения трудящихся в СССР: Образование и мобильность в социалистическом обществе. М., 1987.

Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь. М., 1985.

Goldhorpe J. H., Bevan Ph. The Study of Social Stratification in Great Britain: 1946—1976 // Social Science Information. 1977. Vol. 16. No. 3—4.

Lipset S. M., Bendix R. Social Mobility in Industrial Society. Los Angeles, 1959.

Marceau J. Class and Status in France: Change and social immobility. 1945—1975. Oxford, 1977.

Schafer B. Sozialstruktur und Wandel der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1976.

Глава 15

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

§ 1. Сущность конфликта

Подходы к определению конфликта. Определение конфликта зависит от того, с позиции какой науки он рассматривается или какому его аспекту исследователи отдают предпочтение (не говоря уже о том, что подход к анализу конкретных конфликтов может носить сугубо конъюнктурный или идеологический характер). В социологии наиболее устоявшимся является подход, рассматривающий конфликт как столкновение интересов взаимодействующих групп (субъектов взаимодействия, а стало быть, и конфликта). Не вызывает сомнения, что составляющие социальную структуру общества группы¹ имеют не только общие, но и специфические интересы, реализация которых может вызвать противодействие, несогласие, возмущение (иначе, контрдействие) преследующих свои цели других групп. Пересечение, несовпадение интересов, связанных с коренными вопросами социального бытия (материальные и иные ресурсы, доступ к власти и т. п.), создают поле потенциального столкновения, потенциальной борьбы.

Осознание противодействия собственным притязаниям, ожиданиям, стремлениям формирует в групповом сознании образ соперника (противника, врага), приводит к пониманию необходимости мобилизации усилий и выбора адекватных ситуации способов борьбы с ним.

Выбор способа противодействия «сопернику» на основе осознания ущемленности собственных интересов осуществляется, как правило, не всей социальной группой непосредственно, а наиболее активной и организованной ее частью, постоянно (профессионально) выражающими ее интересы инстигутами, политическими и духовными лидерами (непосредственными субъектами конфликта). Отсюда на поверхности общественной жизни конфликт может выступать как противо-

¹ В социальную структуру общества входят социально-классовые, национальные (этнические), демографические, профессиональные и территориальные группы.

борство различных организаций и институтов. В первую очередь и главным образом политических.

Политические конфликты имманентны любому обществу и имеют наибольшее распространение. При этом любой конфликт, имеющий политическую форму, остается социальным по своей сути.

Наибольшую остроту приобретают, как правило, политические конфликты, связанные с борьбой за власть, а также отражающие эволюцию конфликта с микроуровня, вызванную социальным самочувствием индивидов, их неудовлетворенностью и стремлением к переменам и т. д., на макроуровень, характеризующийся особенностями взаимодействия политических структур внутри государства или отношением между государствами.

Политические конфликты как неотъемлемые элементы содержания политической борьбы (политического соперничества) могут носить как продуктивный, так и контрпродуктивный (разрушительный) характер. Общество всегда заинтересовано в том, чтобы политические конфликты протекали в определенных рамках, чтобы имелись для этого необходимые «сдержки и противовесы». При таком условии они не грозят существованию системы и сохранению важнейших «системных ценностей», групповые интересы в случае своей реализации не наносят ущерба интересам общенациональным (государственным). Конечно, наряду с политическими институтами принципиально важную роль в формировании и выражении групповых интересов играют интеллектуальные слои общества. Они ближе других стоят к исконным ценностям (причем не только групповым), глубже понимают их сущность и, как правило, более последовательно, чем кто бы то ни было, выражают их.

Однако и эти слои не свободны от заблуждений и предвзятости, результатом чего являются формирование и распространение псевдоинтересов. Последние, будучи «взяты на вооружение» политическими лидерами и партиями, могут привести к возникновению конфликтных ситуаций и конфликтов, чреватых серьезными последствиями. В этом заключены, как показывает история, многие коллизии, связанные с конфликтами, в том числе и теми, которые могут квалифицироваться как «мнимые», т. е. вызванные именно борьбой за псевдоинтересы, отстаивание последних «любой ценой». Особенно зримо это

проявилось (и проявляется) в сфере межнациональных отношений, когда именно некоторые представители национальной интеллигенции выступают в роли безосновательных критиков прошлого, проповедников национальной обособленности и нетерпимости, а иногда и просто вражды к другим народам, апеллируя при этом к историческому опыту, воскрешая прошлые национальные обиды и несправедливости, призывая к реваншу и т. п.

Мнимые конфликты, в отличие от реальных, когда есть адекватное осознание действительных интересов и, как следствие этого, активизация действий с целью их защиты, могут возникнуть и по причине неадекватной реакции на ситуацию, ее излишней драматизации и выбора радикальных способов действий, опирающихся, как правило, на силу.

Симптомами социального конфликта, позволяющими зафиксировать его возникновение и развитие, являются: проявление недовольства в той или иной форме со стороны той или иной взаимодействующей с другими группы, возникновение социальной напряженности, социального беспокойства, поляризация и мобилизация противодействующих сил и организаций, готовность действовать определенным (чаще всего радикальным) образом.

Социальное недовольство тех или иных групп, напряженность в их взаимоотношениях детерминированы определенными причинами, факторами (условиями), противоречиями, не выяснив которые невозможно понять содержание и характер начинающегося конфликта, тем более определить его интенсивность и возможные последствия.

Особо важное значение в определении сущности и содержания конфликта приобретает выяснение противоречий, возникающих в процессе группового взаимодействия.

Противоречие, вызванное противоположностью (несовпадением) интересов взаимодействующих групп, может найти свое разрешение как в форме конфликта (серии конфликтов), так и в других формах. Конфликт становится неизбежным в условиях, когда не найдены способы согласования групповых интересов, а противоречие между группами приобретает антагонистический характер. Интересно отметить, что в трудах К. Маркса можно найти определение конфликта как «грубое противоречие», как «физическое столкновение людей».

Антагонистическое противоречие, ведущее к социальному конфликту, отличается значительной остротой и изначальной непримиримостью позиций отстаивающих свои интересы групп.

Поскольку конфликт детерминирован антагонистическим противоречием, очень важно выяснить, насколько последнее имманентно общественной системе. Если антагонистическое противоречие не искусственно обостренное, доведенное до крайности противоречие, а генетически заложено в самом характере общественного устройства, то и социальный конфликт возникает как некий неизбежный феномен, как органический элемент общественного бытия. Он становится своеобразным механизмом, обеспечивающим движение общества от одного состояния к другому. В этом смысле социальный конфликт выступает как естественное (а порой и желаемое) явление, с помощью которого общество находит в конечном счете, пусть и с известными издержками, пути решения накопившихся проблем и установления определенного социального порядка и общественного согласия (хотя бы даже на непродолжительное время).

Разумется, даже *локальные социальные конфликты* (забастовки, межнациональные столкновения, гражданское неповиновение, бойкоты и т. д.) прямо зависят от сложившейся в обществе ситуации, «уровня его оппозиционности», проводимой властями политики, степени удовлетворенности (неудовлетворенности) разных групп населения своим положением, реализацией своих потребностей и притязаний и т. д.

Иначе говоря, в исследовании конфликтов наряду с причинами и факторами, непосредственно детерминирующими конфликт, есть его *фоновые условия и факторы*, косвенно влияющие на процесс «вызревания» конфликта.

Наиболее явно влияние фоновых факторов сказывается в условиях системного кризиса общества. Общий рост недовольства падением жизненного уровня населения, ощущение потери перспективы и уверенности в завтрашнем дне создают предпосылки для роста социальной напряженности и накопления конфликтного потенциала в обществе. Они серьезно затрудняют поиски путей предупреждения нежелательных для общества конфликтов и механизмов их преодоления в условиях, когда предотвратить конфликты не удастся.

К числу факторов, непосредственно влияющих на возникновение конфликтных ситуаций и их перерастание в конфликт, могут быть отнесены различные: от демографических до духовно-нравственных. Реальное воздействие каждого из них должно в полной мере учитываться.

Причины, противоречия, факторы, влияющие на возникновение, масштабы (протяженность), интенсивность и результативность конфликта, могут быть выяснены (в той или иной мере) на основе изучения мотивов конкретных действий участников конфликтов, направленности этих действий, ожиданий, удовлетворенности, опасений (страхов) и, наконец, отношения людей к конфликту и готовности участвовать в нем с помощью конкретных средств.

Желание изменить условия своей жизни, свой социальный статус — важнейшая предпосылка конфликтного поведения (довольный жизнью человек не пойдет «на баррикады»). Это необходимое условие, но еще недостаточное. Неудовлетворенность своей жизнью не приведет людей к конфликту с другими, если сам конфликт не будет восприниматься как приемлемый способ разрешения противоречий, достижения намеченных целей. И наконец, очень важным в этой связи является убежденность людей в достаточной силе и способности своей группы добиться желаемого.

Конечно, в изучении конфликтов исключительную важность представляет анализ *социально-психологического климата в обществе*. Распространение, а тем более доминирование в массовом (групповом) сознании, тех или иных социальных эмоций должно быть всегда в поле зрения исследователей. Например, агрессивность массового сознания как предпосылка конфликта. Массовую агрессию можно объяснить тем, что в определенных условиях может произойти «синхронизация соответствующих эмоций», вызванных состоянием общественно-го бытия, его неурядицами и тревогами. По мнению ряда исследователей, на формирование агрессивности влияет в значительной степени, например, феномен тревожного ожидания. Тревожное ожидание — это не страх, это в первую очередь неопределенность ситуации, когда неизвестно, что может случиться.

Агрессивность части населения в настоящее время — во многом следствие неопределенности всей нынешней жизни

(люди не знают, чего ожидать завтра, не верят, что власть может решить их проблемы).

Анализируя причины агрессивности населения и ее роста, нужно иметь в виду, что именно в условиях кризиса обычная самоидентификация людей может означать их противопоставление другим и это противопоставление может способствовать росту враждебности во взаимоотношениях как отдельных личностей, так и групп. При этом происходит имущественное разделение на «своих» и «чужих». Последние, как правило, наделяются отрицательными характеристиками.

Чтобы преодолеть агрессивность, нужно оптимизировать ситуацию, вывести ее из кризисного состояния.

Особое значение в этой связи приобретает анализ реального обеспечения коллективных и индивидуальных прав человека как на общегосударственном, так и на региональном (этнонациональном) уровне. Наряду с выяснением объективных показателей экономического, социального, политического и культурного положения тех или иных групп важно знать и их субъективную оценку людьми. Представления об ущемленности интересов, несправедливом доминировании в той или иной сфере определенной социальной или национальной группы рождает недовольство, способное привести к вспышке отрицательных эмоций и, как следствие этого, конфликтным действиям.

Итак, социальный конфликт есть форма отношений между субъектами социального взаимодействия, детерминированная противоположностью их интересов. Последние в свою очередь обусловлены определенной системой ценностей, идеалов и потребностей, имманентных (разделяемых) социальным группам.

Следует подчеркнуть, что существуют и принципиально иные подходы к определению конфликта. В частности, получили известное распространение взгляды на конфликт, обоснованные в свое время немецким социологом Ральфом Дарендорфом, сделавшим попытку построить конфликтную модель общества и доказать, что вся общественная жизнь является конфликтом, поскольку она изменчива. «Для реального мира, — отмечал Р. Дарендорф, — необходимо пересечение различных взглядов, конфликтов, изменений. Именно конфликт и изменения дают людям свободу; без них свобода невоз-

можно»¹. Такой подход к конфликтам представляется излишне расширительным, в нем присутствует некоторая абсолютизация роли конфликта и кризиса в общественной жизни. Он как бы «растворяется» в общественной жизни, теряя свою качественную определенность.

Влияние на ход и возможные последствия конфликта предполагают учет того обстоятельства, что сам по себе конфликт не есть какой-то временный акт. Его скорее всего следует рассматривать как своего рода процесс, имеющий определенные стадии (*возникновение, созревание, реализация и трансформация конфликта*). Иначе говоря, любой конфликт имеет свою внутреннюю логику развития, понять которую можно на основе выяснения причин конфликта, сопутствующих ему факторов, уточнения интересов и целей участников (субъектов) конфликта. Конфликт имеет свое начало и свое завершение. Стадиальный подход в конфликтологии означает, прежде всего, возможность комплексного подхода к разрешению конфликтов с выработкой отдельных методов для каждой стадии развития конфликтов.

Конечно, в определении механизмов преодоления конфликтов особенно важен точный диагноз того, на какой стадии находится конфликт, как «далеко он зашел» и какие социальные силы вовлек в свою орбиту. Но этим не исчерпывается проблема определения подобных механизмов.

Для преодоления (трансформации) конфликта очень важно учитывать относительную самостоятельность и особенности той сферы общественных отношений, в которой непосредственно возник конфликт.

Таким образом, вырисовывается методология подхода к поиску механизмов *преодоления конфликтов*: учет общего социального фона (состояния общества и государства), учет специфики сферы возникновения конфликта, учет стадии его протекания. Одно дело — соперник в стабильно функционирующем и развивающемся обществе, другое — в условиях его кризиса, одно дело — локальный конфликт в сфере экономики, другое — в политической сфере, в процессе борьбы за власть, одно дело — начало конфликта (латентная стадия), когда есть еще возможность его предотвратить, другое — его

¹ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: Эссе о политике свободы // Социальный конфликт: Современные исследования. М., 1991 С. 81.

апогей, когда противоборство задействованных в конфликте сил достигает значительной остроты и на повестке дня стоят совсем иные проблемы.

§ 2. Роль конфликтов в жизни общества

Реальное значение и место конфликта в общественной жизни может быть определено на основе выяснения последствий или направленности его воздействия на общество в целом или на отдельные сферы его жизнедеятельности в определенных временных рамках.

Любой социальный конфликт так или иначе влияет на многие общественные процессы и на массовое сознание особенно. Он не оставляет равнодушными даже пассивных наблюдателей, ибо воспринимается чаще всего если не как угроза, то, во всяком случае, как предупреждение, как сигнал возможной опасности. Социальный конфликт вызывает сочувствие одних и порицание других даже тогда, когда не затрагивает непосредственно интересы не втянутых в него групп. В обществе, где конфликты не скрываются, не затушевываются, они воспринимаются как нечто вполне естественное (если, конечно, конфликт не угрожает существованию самой системы, не подрывает ее основ).

Но даже и в этом случае сам факт конфликта выступает как своеобразное свидетельство социального неблагополучия в тех или иных масштабах, на том или ином уровне общественной организации. Стало быть, он выступает и как определенный стимул для внесения изменений в осуществляемую политику, законодательство, управленческие решения и т. д.

Поскольку субъектами социального конфликта являются, как правило, группы, составляющие социальную структуру общества (социально-классовые, профессиональные, демографические, национальные, территориальные общности), то под его воздействием возникает необходимость внести соответствующие коррективы в трудовые, социально-экономические, межнациональные и тому подобные отношения, объективно сложившиеся на том или ином отрезке времени.

Проводимая в бывшем Союзе ССР политика достижения социальной однородности не учитывала в должной мере раз-

личий в статусе социальных групп, в их реальном влиянии на власть, участия в осуществлении властных полномочий. Оставалась за пределами научного анализа и реально существовавшая дифференциация доходов (борьба с так называемыми нетрудовыми доходами не давала должного эффекта).

В годы так называемой перестройки и в послеперестроечный период, когда социальное расслоение общества стало прогрессировать, а социальное недовольство отдельных групп (шахтеры, учителя, врачи, ученые и т. д.) скрыть уже было попросту невозможно, органы власти вынуждены были открыто реагировать на них.

Разумеется, нынешняя социальная структура российского общества еще полностью не сложилась. Появившиеся в последнее время новые социальные группы еще только самоопределяются, осознают свои интересы и начинают вести за них борьбу как экономическими, так и политическими средствами. Их участие в тех или иных конфликтах или готовность принять участие в той или иной форме вызывает к себе пристальный интерес. Происходящие в обществе перемены, задевая так или иначе интересы всех социальных групп, создают почву для конфликтов.

В этой ситуации остро встает вопрос о необходимости взаимного приспособления новых и «старых» социальных групп, их адаптации к новым условиям, разработка такой «социальной технологии», которая помогала бы этим процессам, предупреждала бы острые социальные столкновения, а тем более применение насилия в процессе регулирования социального поведения и социальной деятельности взаимодействующих субъектов.

Наличие в обществе необходимых для его самоорганизации и функционирования политических и иных институтов, создание в случае необходимости новых, способных содействовать назревшим переменам и оптимизации группового взаимодействия, становится особенно очевидным именно в результате конфликтов.

В системе политических институтов должны быть предусмотрены также механизмы выражения социального недовольства и протеста, но в определенных рамках и формах, не создающих угрозу общественному порядку. Важная роль в этом должна принадлежать и средствам массовой информации. От их позиции за-

висит очень многое. Или в обществе будет формироваться установка на достижение согласия (консенсуса), или будут культивироваться вражда и создаваться образы врагов.

Возникший конфликт может свидетельствовать не только об объективных трудностях и нерешенных проблемах, о тех или иных социальных аномалиях, но и о субъективных реакциях на происходящее. Последнее не менее важно. Американские исследователи Роджер Фишер и Уильямс Юри отмечали в этой связи: «В конечном счете, однако, причиной конфликта является не объективная реальность, а происходящее в головах людей»¹. Конечно, «происходящее в головах людей» отражает так или иначе объективную реальность и порождает соответствующие реакции. Но это отражение может быть как адекватным, так и неадекватным, что решающим образом воздействует на характер конфликта и даже на само его возникновение.

По существу, негативные субъективные реакции на происходящее, на те или иные события и процессы представляют социально-психологическую составляющую конфликта, могущую иметь самодовлеющее значение. Неадекватное отражение массовым сознанием происходящих в обществе перемен (например, характер и темпы экономических реформ), реакция на те или иные политические решения или спорные вопросы (например, отдавать ли Курилы Японии, оказать ли военную помощь Югославии в борьбе с агрессией НАТО) способны сами по себе вызвать конфликтную ситуацию и даже масштабный конфликт между активными группами населения и органами власти.

В данном случае конфликт будет выступать как своего рода предупреждение, требование, призыв внести изменения в предполагаемые действия, не допустить осуществления тех из них, которые противоречат общенациональным интересам. Конфликты в сфере межнациональных отношений часто свидетельствуют о состоянии национального самосознания, господствующих в нем стереотипах, предубеждениях, представлениях.

Конфликт сам по себе еще не выражает в полном объеме причины, его детерминировавшие, не указывает на социальные источники, его питающие и поддерживающие. Все это

¹ Фишер Р., Юри У. Путь к согласию. М., 1990 С. 38.

может стать понятным в результате научного анализа, специальных социологических исследований. Конфликт лишь побуждает к этому. Однако в ходе конфликта более ясно выражаются интересы и ценностные ориентации его участников, что само по себе чрезвычайно важно для выяснения всех причин и обстоятельств, породивших конфликт.

Социальный конфликт, имеющий значительные масштабы, оказывает поляризующее воздействие на общество (социальные слои и группы), как бы разделяя его на тех, кто участвует в конфликте, сочувствует ему, порицает его. На тех, кто участвует и сочувствует конфликту, последний оказывает консолидационное воздействие, сплачивает и объединяет их. Происходит более глубокое уяснение целей, во имя которых разворачивается противоборство, «рскрутируются» новые участники и сторонники.

В той мере, в какой конфликт несет в себе *конструктивное или деструктивное начало*, способствует или препятствует разрешению противоречий, он может получить ту или иную оценку.

Конфликт, даже оказывающий позитивное воздействие, ставит вопрос о цене осуществляемых под его воздействием изменений. Какие бы цели ни провозглашались и как бы важны они ни были, но если для их осуществления приносятся в жертву человеческие жизни, возникает вопрос о нравственности такого конфликта, о его действительной прогрессивности.

Особенно это относится к межнациональным (межэтническим) конфликтам. Как бы значимы ни были для людей национальные ценности (а они имеют универсальное значение), цена в процессе их отстаивания оказывается довольно часто непомерной. И если даже конфликт и способствует консолидации собственной нации, ее самоутверждению и самоопределению, жертвы и разрушения, сопряженные с ним, перечеркивают его позитивное начало. Достаточно упомянуть такие «горячие точки» на карте бывшего Союза, как Сумгаит, Карабах, Тбилиси, Фергана, Сухуми, Приднестровье, Абхазия, Таджикистан, чтобы согласиться с таким утверждением.

Итак, роль социальных конфликтов неоднозначна. Их связь с общественной жизнью весьма разнообразна и многовариантна. Анализ каждого из них позволяет не только дать обстоятельную характеристику конкретному конфликту, но и отнести его к определенному классу (типу).

§ 3. Типология социальных конфликтов

Несмотря на то, что каждый взятый в отдельности конфликт уникален, он все равно несет в себе некоторые черты и обладает определенными параметрами, позволяющими его типологизировать. Что может лежать в **основе типологизации социальных конфликтов**?

В первую очередь можно назвать определенное сходство причин, вызывающих конфликты. Например, социальная дискриминация и социальная несправедливость. Вызванные ими конфликты, различаясь по масштабам, интенсивности и результативности, сопутствуют всей новой и новейшей истории человечества.

Конфликты могут типологизироваться и по такому признаку, как характер противоречий, лежащих в их основе. Последние в свою очередь могут быть подразделены на антагонистические и неантагонистические, на внутренние и внешние (в зависимости от их отношения к социальной системе). Противоречия могут различаться также по сферам их проявления (экономическая сфера, политическая, духовная, межнациональных отношений, внешнеполитическая и т. д.).

Конфликты могут классифицироваться по времени действия (затяжные, скоротечные), по интенсивности, по масштабам действия (региональные, локальные), по формам проявления (мирные и немирные, явные и скрытые) и, наконец, по своим последствиям (позитивные—негативные, конструктивные—деструктивные и т. п.).

Вопросам типологии конфликтов посвящена обширная литература. Западные конфликтологи уделяют этой проблеме большое внимание. Так, Р. Дарендорф обратил внимание при классификации конфликтов на такие моменты, как условия их происхождения и развития. Конфликты, обусловленные факторами внутреннего характера, получили в его классификации название эндогенные, внешнего — по отношению к данной системе — получили название экзогенные¹.

Широко представлена типология конфликтов по субъекту и социальной среде. В частности, в качестве примера можно привести типологию Стюарта Чейза, обратившего основное вни-

¹ См. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт // Иностранная литература 1993. № 4

мание при классификации конфликтов на социальную среду, в которой они проявляются:

- внутри семьи (между супругами, между супругами и детьми);
- между семьями;
- между родами и им подобными общностями;
- между территориальными общностями (села, города и т. д.);
- между регионами;
- между руководителями и работниками;
- между различными категориями работников внутри коллектива;
- между политическими партиями;
- между представителями разных конфессий (религиозные конфликты);
- между представителями разных идеологий;
- конкурентная борьба в рамках одной отрасли;
- конкурентная борьба между разными отраслями;
- расовые конфликты;
- соперничество между отдельными народами, которое может проявляться в разных областях, в частности в борьбе за сферы влияния, рынки и т. п.;
- конфликты между различными культурами;
- «холодная война», т. е. война без применения оружия;
- борьба между «Востоком» и «Западом» или «Севером» (развитые капиталистические страны) и «Югом» (развивающиеся страны или страны «третьего мира»).

Одной из разновидностей конфликтов С. Чейз считает конфликты на почве антисемитизма — как проявление антагонизмов религиозного, культурного и расового характера¹.

Американские социологи К. Боулдинг и А. Рапопорт предложили свою типологию социальных конфликтов, выделив в ней следующие категории:

- действительные конфликты, т. е. реально происходящие в конкретной социальной среде;
- случайные конфликты, появление которых зависит от ряда преходящих (второстепенных по сути) факторов и противоречий;
- заместительные конфликты, представляющие собой фиксируемое проявление скрытых конфликтов, т. е. не проявляющихся на поверхности общественной жизни;

¹ См. подробнее. Политическая социология М., 2000. С. 175—177.

- конфликты, возникающие в результате плохого знания существующего положения или неудачного применения принципа «разделяй и властвуй»;

- скрытые (латентные) конфликты, или конфликты, развивающиеся исподволь, не заметные сразу. Их участники в силу разных обстоятельств не могут или не хотят заявить о своей открытой борьбе друг с другом;

- фальшивые конфликты, т. е. не имеющие, по сути, объективных оснований. Они возникают в результате неадекватного отражения в групповом или массовом сознании существующих реальностей. (Это, конечно, не означает, что они не могут трансформироваться в действительные конфликты¹.)

Как бы ни различались подходы разных авторов к типологизации конфликтов, в их основе лежит выявление сходства и различия существенных признаков, определяющих природу и роль той или иной разновидности конфликтов в общественной жизни в разных исторических условиях.

Изучающие конфликты ученые отмечают, что в условиях социальной и политической стабильности в обществе количество конфликтов значительно меньше, чем в условиях радикальных трансформаций.

В особую разновидность конфликтов многие исследователи выделяют те, которые связаны с процессами модернизации. При всем многообразии трактовок понятия «модернизация» можно выделить как наиболее приемлемое понимание последней как этапа перехода от традиционного общества к современному (индустриальному). Его осуществление нередко ставило под угрозу традиционные ценности, а иногда и суверенитет ряда молодых государств. Возникающие в этой связи конфликты носили, по сути, цивилизационный характер². Их участники отстаивали разные культурные ценности и ориентировались на разные социальные образцы (модели) и нормы. В этих условиях происходила, как правило, политизация этнокультурных ценностей, проявившаяся в виде столкновения интересов, требу-

¹ См. подробнее *Ранопорт А. Истоки насилия. Подходы к изучению конфликта и теория человеческих потребностей (сводный реферат) // Социальный конфликт. Современные исследования* М., 1991 С. 36—52

² Несомненный научный интерес представляет в этой связи анализ подобных конфликтов, данный в книге «Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока» (М., 1991)

ющих политического согласования и урегулирования, без чего неизбежным становилось насилие как институт борьбы конфликтующих сторон.

В начале 80-х гг. в западной социологической и политологической литературе большое внимание было уделено анализу конфликтного потенциала в странах Восточной Европы. Исследователи отмечали, в частности, быстрый рост национального самосознания, стремления к национальному суверенитету, примат национального над классовым. К такому выводу пришел, например, американский исследователь Ю. Ршлер.

К этому же времени относятся и труды некоторых европейских исследователей, в частности Каррер д'Анкос, сумевшей многое предсказать в своей книге «Взорванная империя»¹.

Конфликты между центральным правительством и периферийными национальными (этническими) группами были выделены в специальную категорию конфликтов авторами концепции «внутреннего колониализма». В ней, в частности, обосновывался вывод, что преобладающая в экономике группа стремится всеми силами сохранить свои преимущества, свой доминирующий статус, вызывая тем самым недовольство менее преуспевающих групп. Хотя один из основателей этой концепции, профессор Вашингтонского университета М. Гектер, строил свои выводы в основном на материалах национальных движений в Великобритании, эта концепция многое объяснила и в других странах, в том числе и в СССР. Например, эмпирически подтвержденное стремление титульных наций к получению приоритетных прав, сохранению доминирующих позиций в различных сферах фактически сформировалось в союзных республиках значительно раньше, задолго до распада Союза.

Отдельную категорию конфликтов составляют те, которые условно можно назвать «индуцированные» (от слова «индукция») конфликты, т. е. возникающие под влиянием примера извне на основе полученной через средства массовой коммуникации информации. Под влиянием, например, этнических конфликтов в Индии, ЮАР активизируются национальные и религиозные общности в других (соседних) странах. Конфликт на территории бывшей Югославии между сербами и мусульманами также оказал определенное влияние на повышение активности

¹ Их обстоятельный обзор дан в книге Г. С. Котанджяна «Этнополитология консенсуса-конflikта» (М., 1992)

мусульман и христиан в ряде стран мира, вовлекая их в протестное движение на стороне своей национальной или конфессиональной группы. Не меньший резонанс вызвали события в югославском крае Косово весной и летом 1999 г.

Значительное место в жизни общества занимают *международные (межгосударственные) конфликты*. Особенно обширная литература по этой тематике (историческая в том числе) появилась в годы «холодной войны». Именно в это время образовались «силовые центры» современного мира, преследовавшие свои геополитические цели и находившиеся длительное время в состоянии перманентного конфликта.

Следует отметить, что если проблемам внутрисистемных социальных конфликтов советские ученые не уделяли должного внимания, исходя из представлений, что социалистической стране они не присущи, то все, что так или иначе относилось к межсистемным конфликтам, привлекало к себе постоянное внимание.

Заметно активизировалась исследовательская работа в этом направлении уже в 70-е гг. В трудах отечественных ученых международный конфликт рассматривался как столкновение различных политических, экономических, военно-стратегических и иных интересов государств¹, при этом указывалось на многообразие причин, вызывающих международные конфликты.

Множество причин, порождающих международные конфликты, обусловило многообразие способов их протекания. «В соперничестве, а тем более в конфликтационном взаимодействии друг с другом, — отмечает белорусский социолог Е. М. Бабосов, — враждующие государства обычно применяют такие специфические именно заданного типа конфликтов способы, как осуществление дипломатических маневров, экономическое давление, торговая блокада, дезинформация, психологическая война, провокации, запугивание, саботаж, террор, изоляция противника от его реальных или потенциальных союзников, использование вооруженного насилия и ведение военных действий»².

¹ См. Поздняков Э. А. Системный подход и международные отношения М., 1976 С. 89, Доронина Н. И. Международный конфликт. О буржуазных теориях конфликта. Критический анализ методологии исследований М., 1981, Тюшкевич С. А. Война и современность М., 1986, Прожтор Д. М. Мировые войны и судьбы человечества М., 1986.

² См. подробнее Бабосов Е. М. Конфликтология. Липецк, 1999 С. 335.

Естественно, что в зависимости от способов и форм возникновения и развития конфликтов должны определяться и методы их локализации, трансформации и решения. На это обстоятельство обращают внимание авторы целого ряда работ, посвященных изучению международного конфликта как сложного, многогранного феномена, приобретающего все большее значение в международной жизни.

Примерно в эти же годы западными социологами, изучавшими международные конфликты, была разработана концепция под названием «стратегия управления конфликтом» и концепция под названием «стратегия деэскалации конфликта», получившие довольно широкий резонанс.

В последовавшие после окончания «холодной войны» годы внимание к проблематике международных конфликтов не ослабевало. Для этого имелись (и имеются) серьезные основания. Ликвидация СССР создала новую, весьма сложную геополитическую обстановку, которой не преминули воспользоваться в своих интересах многие страны как на Западе, так и на Востоке. В частности, активизировались попытки включить в сферу своего влияния бывшие республики СССР, отношения между которыми оказались тоже непростыми (особенно некоторых из них с Россией). Не прекращаются локальные конфликты на Ближнем Востоке, Балканах и т. д.

Характерной особенностью исследований в 90-е гг. явилось то, что они приобрели в значительной мере комплексный, междисциплинарный характер, учитывающий сложность самих международных конфликтов. Возникла концепция многополюсного мира, предполагающая установление нового, более гуманного и справедливого мирового порядка в противовес концепции однополюсного мира, подчиненного гегемонии одной страны, на роль которой претендуют США.

Больше внимания исследователи стали уделять разработке процедур прогнозирования и предупреждения международных конфликтов.

Приведенные суждения и выводы не исчерпывают всего многообразия оснований и критериев для типологизации конфликтов, но дают достаточно полное представление о возможных в этом плане подходах.

§ 4. Политические конфликты

4.1. Основные особенности политических конфликтов

Наиболее распространенной разновидностью социальных конфликтов являются политические. Не случайно именно им посвящено большое количество исследований и научных публикаций, рассматривающих политические конфликты как интенсивную, целенаправленную борьбу за власть и ресурсы, при которой целями политических противников являются, как правило, нейтрализация, нанесение ущерба или даже уничтожение соперника как политического субъекта. В его основе лежит несоответствие между тем, что есть, и тем, что должно быть по представлению вовлеченных в конфликт сторон (институтов, групп, организаций, индивидов).

В самом общем плане по содержанию различаются два основных типа политических конфликтов — *конфликты интересов* и *конфликты ценностей*.

Наиболее распространенным типом являются *конфликты интересов*. Они происходят в любых социальных условиях, по мнению многих исследователей, наибольшее распространение имеют в экономически развитых странах с устойчивым государственным устройством. Они проявляются главным образом как борьба за влияние на экономическую жизнь страны (размеры налогов, экономические льготы, адресная социальная поддержка и т. п.). Этот тип конфликтов наиболее легко поддается урегулированию, так как здесь всегда можно найти компромиссное решение.

Для любого современного общества, по мнению ряда американских конфликтологов, характерно наличие более «двух конфликтных интересов». В полиэтнических государствах политические конфликты берут нередко начало в религиозных различиях, региональных особенностях, в разном положении в обществе тех или иных этнических групп.

В качестве одной из важнейших причин политических конфликтов, по мнению многих исследователей, является социальное неравенство, выражающееся, в частности, в неравном участии различных групп в принятии решений, в наличии реальных возможностей реализовать и защитить свои интересы.

Естественно, что организации, объединяющие крупных предпринимателей, имеют гораздо больше возможностей для ведения политической борьбы, чем объединения домохозяек или ветеранов.

Не находит своего оптимального решения проблема равного представительства в органах власти разных социальных групп

Практически невозможно достичь представительства, тем более равного, всех слоев и групп общества в органах власти, поскольку процесс усложнения социальной структуры имеет постоянный характер и опережает законодательные решения, регламентирующие электоральный процесс.

В своей работе «Политический конфликт» венгерский социолог Кальман Кулчар¹ приводит типологию моделей конфликтов, предложенную в свое время немецким ученым Клаусом Бейме и ставшую своеобразным эталоном классификации конфликтов.

- либеральная модель, которая противопоставляла групповые интересы, возможность и реальность конфликта между ними и государственной властью;

- авторитарно-консервативная модель, суть которой заключается в критике либеральной парламентской демократии и противопоставлении руководящей элиты и масс;

- социалистическая модель, которая от противопоставления государства и общества доходит до классовых конфликтов².

«Либеральная модель», содержанием которой является партийный плюрализм, основанный на групповых интересах, в современной западной политологии рассматривается как основа демократии

Вместе с тем, входя в плоть и кровь современной демократии, конфликты несут в себе определенную опасность дезинтеграции общества, если своевременно не удастся найти пути их разрешения. Другая опасность заключается в том, что социальные конфликты «исчезают», если доминирующей становится такая централизованная государственная власть, противостоять которой не может ни одна из групп. Эта двусторонняя опасность, а точнее — ее интерпретация, свидетельствует о том, что конфликт в «либеральной модели» проявляется как конф-

¹ См. *Kulesar K. Politikai es Fogsociologis Kossuth Konyvkiado*, 1987 S. 397—409

² См. *Beyme K. von Die politischen Theorien der Gegenwart* Munchen, 1980 S. 213—216

ликт, решаемый политически, по типу «сделки». Ибо очевидно, что социальные конфликты формируются и в условиях самой централизованной государственной власти, хотя их решение — не столько результат сделки, сколько односторонних директив.

Авторитарно-консервативная модель, которая характеризовалась конфликтом между правящей элитой и массами и влияние которой существенно усилилось в результате разочарования в либерализме, рассматривает социальные конфликты сегодня, «замаскировавшись» под либеральный плюрализм. Бейме ясно видел, что правление элиты, ее руководящее предназначение стало общепринятым в первую очередь в обществах, характеризовавшихся запоздалым развитием, а именно в тех странах Запада, демократические традиции которых были наиболее слабыми. Философию господства элиты в нацистской Германии и фашистских странах мы также можем считать следствием «империалистической модернизации», однако несомненно, что модернизация, происходившая в XX в., повсюду вынесла на поверхность те или иные «элитные» группировки. Почти органическим следствием модернизации обществ, запоздавших в развитии или выбравших другой путь развития, является формирование элитной группы, определяющей цели и организующей их достижение, в господствующем положении которой черты авторитарно-консервативной модели распознаются постольку, поскольку в их стремлении к формированию общества проявляется высокомерие «просвещенных» и привилегированное положение тех, кто владеет централизованной властью, в сочетании с методами абсолютного господства. Конфликты, однако, возникают также между различными элитными группами (бюрократическая, политическая или военная элита и т. д.).

Что же касается третьего варианта типизации, по Бейме, основанного на так называемой модели классового конфликта, смысл ее заключается в том, что политическое значение в обществе имеют в первую очередь конфликты между противостоящими классами и тем самым вся история — это история классовой борьбы. По мнению Бейме, такое толкование есть специфически суженное толкование, которое имело место как в марксистской, так и в буржуазной теории. С одной стороны, существование конфликтов связывалось только с классами, с другой стороны, одновременно с возникновением бесклассового общества это означало бы полную бесконфликтность. Такой упрощенный подход к

марксистской теории в конечном счете привел к тому, что вначале в подходе Сталина доминировала доктрина постоянного обострения классовой борьбы, а затем, позднее, отрицание возможности конфликтов в социалистическом обществе.

Бейме исходит из того, что политический конфликт — это нормальное состояние общества. Его формы, уровни, содержание могут изменяться, но нельзя утверждать, что с развитием общества та или иная форма окончательно исчезает.

Говоря о такой разновидности политических конфликтов, как *ценностные конфликты*, следует отметить, что они характерны главным образом для развивающихся государств с неустойчивым государственным строем. Ценностные конфликты требуют больших усилий для их урегулирования, поскольку их участники трудно идут на компромиссы (действует правило «или-или»). Ценностные конфликты — это борьба разных представлений о том, что является правильным или важным. Приоритетные ценности, которые являются основой таких конфликтов, — это «свобода», «равенство», «справедливость», «независимость», «суверенитет» и т. д. Их понимание далеко не всегда является общепринятым.

Ценностным конфликтам посвящена значительная литература и множество научных исследований. Так, в книге известного американского социолога С. Липсета «Консенсус и конфликт», вышедшей в 1985 г. в США, в частности, отмечается, что признание наличия общих ценностных систем в том или ином социуме еще не означает снижения уровня внутренних конфликтов. Даже ценности, принятые во всем обществе, могут на практике порождать острую борьбу, «революционное и отклоняющееся поведение». Например, общая приверженность американцев ценностным ориентациям на успех и продвижение по социальной лестнице соседствует с высоким уровнем преступности и недовольства. Функциональный анализ конфликтов, внутренне присущих стратификационным системам, указывает на фундаментальное противоречие между разностатусными группами, возникающее в результате ограниченности имеющихся в обществе средств для достижения общих и групповых целей. Так или иначе, оно обуславливает многие политические конфликты.

М. Вебер и К. Мангейм, каждый по-своему, пришли к выводу о существовании базового социального конфликта между ориентациями на две формы рациональности: «ценностную рациональность», касающуюся сознательной оценки целей

или основных ценностей, и «целевую рациональность», касающуюся средств достижения поставленных целей.

Тесная взаимосвязь между двумя формами рациональности присуща в той или иной мере всем субъектам социального действия. Общество может достичь рационального соотношения между целями и средствами лишь в контексте комплекса базовых ценностей, которыми определяется и направляется поиск оптимальных средств.

По М. Веберу, капитализм опирается на «ценности эффективности и производительности», которые, однако, противостоят некоторым важным ценностям Запада, таким, как ориентация на индивидуальное творчество и независимую деятельность. В этом смысле можно сказать, что западное общество основывается на внутренне присущей ему антиномии между «целевой» и «ценностной» рациональностью, которую, согласно М. Веберу, нельзя разрушить.

Т. Парсонс, опираясь на веберовский анализ, пришел к выводу о неизбежности конфликта между теми, кто привержен «плюрализму легитимных путей достижения ценностей», и считал, что действия детерминируются интересами, и теми, кто ориентирует свою деятельность на какую-либо специфическую область (например, спасение души), которая носит абсолютный характер, в том смысле, что все другие потенциальные ценности рассматриваются лишь как средства ее достижения. Связанная с первой ориентацией «целевая рациональность» предполагает упор на «этику ответственности», на признание того, что «используемые средства определяют достигаемые цели». И, наоборот, связанная со второй ориентацией «ценностная рациональность» предполагает приверженность «этике абсолютных целей». Обе эти ориентации в их чистой форме свойственны структурам различных групп, мировоззрения которых коренным образом различаются и противостоят друг другу.

Конфликт между «ценностной» и «целевой» рациональностью лежит в основе анализа Д. Беллом главных противоречий постиндустриального общества. По мнению Д. Белла, «конфликтные установки» часто проявляются среди творческой интеллигенции и работников культуры, отражая их желание сократить или устранить ограничения, мешающие реализации их творческих устремлений. Как таковые, они находятся в резкой оппозиции к потребностям повседневного мира, экономике,

технологии, системам занятости, которые «коренятся в целевой рациональности и эффективности, основанных на принципах расчета, рационализации труда и времени и идее прямолинейного развития прогресса».

Контркультура интеллектуалов, их оппозиция по отношению к основным ценностям и институтам, обслуживающим собственников и руководителей промышленности и политики в капиталистическом и посткапиталистическом обществе, коренятся в самом характере их труда с его ориентацией на творчество, оригинальность и открытия.

Отмечасмое исследователями падение уровня «ценностной рациональности» в экономике и политике явилось источником напряжения и нестабильности; влияние тех, кто связан с институтами, касающимися интеллектуальной сферы, резко возросло по мере того, как система оказывалась во все большей степени зависимой от знаний и уровня подготовки работников умственного труда, способных обращаться со сложной технологией и выдвигать новые идеи в области научных исследований и разработок. И хотя, как отмечает Д. Белл, контркультурные стили жизни, вырабатываемые интеллигенцией и студентами, и поглощаются рыночной экономикой западного общества, шик культурного «модернизма... сохраняет свой подрывной запал, несмотря на то, что значительная доля его абсорбируется обществом»¹.

О масштабах, в которых противоречия в области культуры служат источником социальных изменений в обществе, можно судить по факту изменения прежних позиций различных классов с точки зрения их приверженности к протесту. Согласно традиционной теории классов, характерной для марксизма, оппозиция существующему положению вещей должна прежде всего исходить из среды непривилегированных слоев населения, поскольку именно они находятся в положении эксплуатируемых. До тех пор, пока в центре внимания стоял вопрос о существующей системе распределения привилегий и благ, эгалитарные движения, выступающие за перераспределение этих благ и привилегий, пользовались поддержкой бедных и дискриминируемых слоев населения.

Теперь же наиболее критически и оппозиционно настроенные к статус-кво элементы составляют преуспевающие представители интеллигенции, работники умственного труда. В ака-

¹ Bell D. The Coming of Postindustrial Society. N Y, 1979. P. 477—478

демических кругах приверженцами критического мышления являются прежде всего лица, наиболее активно вовлеченные в исследования, часто публикующиеся и работающие в самых престижных университетах. Что касается, например, преподавателей и других «передатчиков культуры», то, хотя они и получают меньше, работают в менее престижных университетах и в худших условиях труда, они более консервативно настроены. Научные работники, занятые фундаментальными исследованиями, и деятели искусства в значительно большей степени, чем лица, занятые прикладными исследованиями, склонны благожелательно воспринимать «конфликтную культуру».

Анализ результатов опроса 110 наиболее крупных американских интеллектуалов, проведенного американскими социологами, показывает, что в идейно-политическом плане они занимают позиции левее основной массы академической элиты, которая, в свою очередь, в академической среде наиболее критически оценивает существующее положение вещей. Подобное же исследование было проведено среди работников средств массовой коммуникации. Обнаружилось, что, чем престижнее положение той или иной газеты или теле- и радиостанции, тем более либеральных убеждений придерживаются ее редакторы, критики, репортеры, журналисты.

Опубликованные в американской прессе результаты опроса более 500 наиболее крупных представителей американского бизнеса, профсоюзов, политики, добровольных ассоциаций и средств массовой коммуникации показали, в частности, что издатели, редакторы, журналисты, репортеры были более либерально, чем все остальные группы, ориентированы по внешне-политическим и социальным проблемам. Значительное большинство работников средств массовой коммуникации поддержало выступления студентов и испытывало недоверие к важнейшим общественно-политическим институтам в целом. По другим данным, группы специалистов с доходом 15 и более тыс. долларов в год более склонны поддерживать изменения, чем те, которые имеют годовой доход ниже 15 тыс. долларов.

Аналогичное положение наблюдается и в других капиталистических странах. Как показали, например, исследования западногерманского социолога Э. Шойха, «синеворотничковые» работники, ориентированные на материальные ценности, с конца 60-х гг. XX в. стали более позитивно оценивать существующую политическую систему. Более образованные категории

населения, принадлежащие к высшей прослойке «беловоротничковых» работников, проявляли тенденцию недоверия к существующим институтам и в своих политических симпатиях оказывались более левыми. Усиление веса левых в социал-демократической партии в тот период объяснялось вступлением в нее высокообразованных представителей в основном состоятельных слоев населения.

Все отмеченные ценностные конфликты коренятся, во-первых, в неуклонном расширении бюрократии с ее упором на иерархию и ограничения и, во-вторых, в росте стремлений к расширению участия в политической жизни, к свободе выбора, равенству, материальной обеспеченности и т. д.

При этом является примечательным то, что изложенные выше позиции во многих отношениях разделяются и представителями марксизма. Так, суммируя взгляды большого числа неомарксистских исследователей, леворадикальный социолог Р. Флэкс пришел к выводу, что оппозиция в отношении постиндустриального общества в значительной степени исходит от тех, чье социальное положение уже носит постиндустриальный характер, т. е. тех групп населения, которые заняты производством и распространением знания культурных ценностей и услуг и чьи материальные потребности удовлетворены существующей системой. Другими словами, Флэкс подчеркивает неизбежность преобладания «ценностной рациональности» над «функциональной» или победы «конфликтных ценностей». Причем он, как и другие неомарксисты, находит эти тенденции среди тех же самых свободных привилегированных элементов постиндустриального общества, что и либеральные исследователи¹. Однако отличие неомарксистов от других ученых состоит в том, что они считают ключевым элементом революции, приведшей к постиндустриальному обществу, «новый рабочий класс», который, по их мнению, поддерживает изменения, так как является объектом экономических и бюрократических притеснений. В действительности основная масса приверженцев «конфликтной культуры» рекрутируется все же из среды наиболее удачливых и привилегированных элементов «нового класса». Другими словами, в оценке социальных изменений в постиндустриальном обществе различия между буржуазными и неомарксистскими исследователями минимальны.

¹ См. Политическая социология / Под ред. В. Н. Иванова, Г. Ю. Семигина. М., 2000. С. 190—192.

Различия в подходах к социальному неравенству зависят чаще всего от того, делается ли ударение на изменениях или стабильности в социальной системе. Различия в теоретической ориентации в значительной степени отражают политические различия. Ресформисты и радикалы рассматривают реакции против социального неравенства и социально-классовых различий в качестве источников социального изменения. Теоретики с более консервативными политическими взглядами оправдывают все аспекты существующего порядка, подчеркивая значение функций, которые осуществляются иерархической системой во всех обществах. Озабоченность социальными переменами, как правило, связывается с проблемой социальных классов, т. е. групп, входящих в состав более крупных стратифицированных образований, которые, как предполагается, действуют политически в качестве факторов изменений¹.

Классифицируя конфликты, *следует иметь в виду их отличия и по характеру протекания* (это относится к конфликтам как интересов, так и ценностей). Заслуживает в этой связи внимания вывод американского политолога А. Рапопорта, убедительно доказавшего, что нельзя все конфликты подгонять под единую универсальную схему: есть конфликты типа «схваток», когда противников разделяют непримиримые противоречия и рассчитывать можно только на победу; есть конфликты типа «игр», где обе стороны действуют в рамках одних и тех же правил. Такие конфликты никогда не завершаются разрушением всей структуры отношений. Конфликт остается со всеми присущими ему сторонами: противоположностью и несовместимостью интересов, стремлением к достижению односторонних выгод, невозможностью длительного компромисса. Этот вывод о конфликтах и способах их урегулирования имел принципиальное значение для американской науки. Снимался ореол безысходности и обреченности с каждого из конфликтов, будь то в международных отношениях или внутри общества. Наличие общих интересов противоборствующих сторон в спорах и конфликтах делало необходимым более здравый и взвешенный подход к ним².

¹ См.: Иванов В. Н., Смолянский В. Г. Конфликты и конфликтология М., 1994. С 35—37.

² См. подробнее Социальный конфликт. Современные исследования М., 1991. С 36—52.

Особое место занимают *межличностные политические конфликты*. Такого рода конфликты имеют место как между представителями различных политических партий, и тогда они могут быть рассмотрены как частный случай межпартийных отношений, так и представителями какой-либо одной партии. Межличностные политические конфликты многообразны. Они могут иметь место по поводу стремления занять тем или иным политическим деятелем важный пост в политической системе, по поводу позиции, которую тот или иной деятель занимает по важным политическим вопросам, и т. д. Окружающая нас действительность дает нам много примеров политических конфликтов межличностного характера, причем далеко не все они имеют в своей основе принципиальные позиции, а нередко основываются на политическом бескультурье, на личностных амбициях в борьбе за политическую власть. В то же время специалисты отмечают, что личная политическая культура предполагает достаточно высокий уровень информированности по вопросам, являющимся предметом конфликта, в частности, высокий уровень знания истории вопроса, психологическую терпимость к иной точке зрения (толерантность), готовность пойти на компромисс.

4.2. Конфликты в современном российском обществе

Все вышеперечисленные разновидности конфликтов имеют место и в современной России. Возрождение и обновление российской демократии, формирование гражданского общества и правового государства связаны с непрерывной цепью конфликтов. Более того, проводимые в России реформы ввергли ее в особое патологическое состояние, называемое расколом. Он характеризуется распадом социальной всеобщности и государственности, разрывом между культурой и социальными отношениями. Раскол стал следствием обострившихся противоречий между народом и властью, между производительными силами и производственными отношениями, между российской ментальностью и рыночными установками реформаторов.

По мере продвижения от тоталитаризма к гражданскому обществу проявляются два варианта демократизации: частно-предпринимательская буржуазная демократия и народно-патриотическая демократия. Если первый вариант закрывает перс-

пективу социалистического выбора, то второй ориентирован на власть трудового народа без эксплуатации трудящихся. Между этими вариантами допустимы как альтернатива, так и комбинация разных подходов.

Многие из переживаемых новой Россией конфликтов стали на каком-то этапе исторически неизбежными — либо как «запрограммированные» ее геополитическим положением, либо как результат политики ее руководства на протяжении длительного периода времени. И пока все эти конфликты не будут разрешены, пока не будет снято порожденное ими и порождающее их напряжение, ситуация будет оставаться нестабильной и взрывоопасной. Наша страна воплощает сегодня не только конфликты вчерашнего, но и позавчерашнего дня.

Своевременное изучение и *прогнозирование конфликтных ситуаций* позволило бы составлять регулярно прогнозные карты возможных конфликтов, дифференцированных по остроте, форме выражения, сферам проявления в общественной жизни и т. д., и дифференцированных мер управления ими от переговоров до применения силовых санкций или государственных нормативных актов. При этом тщательно различались бы сущность, социальная обусловленность и типология конфликтов.

Особое внимание в такого рода исследованиях целесообразно уделять конфликтам внутри политической системы, механизмам осуществления политической власти, факторам кризиса власти, способам его преодоления, оппозиции властным структурам как конфликтогенным явлениям, типам политических режимов и их влиянию на массовое сознание; методам и способам определения с помощью социологических исследований легитимности и эффективности различных политических режимов, а также официальной политической оппозиции как самостоятельного политического института и необходимого политического противовеса силам, находящимся у власти.

Большую важность в этой связи представляют собой исследования, посвященные анализу социальных условий и механизмов преодоления насилия в конфликтных ситуациях, легальных и нелегальных форм политических акций различных социальных групп и организаций. Сюда же следует отнести ис-

следования рациональных и иррациональных реакций на проводимую властями политику, политическую символику и разнообразные мифы, применяемые в манипулятивных целях (особенно в периоды избирательных кампаний).

Заслуживают пристального внимания и изучение роли средств массовой информации, особенно прессы как возбудителя отдельных конфликтов и как барометра возможностей достижения согласия, использование контент-анализа основных принципиальных документов о конфликтах и их воздействии на общественную жизнь.

Кроме того, следует иметь в виду, как отмечают многие исследователи, что развитие политической жизни в нашем обществе, включающее в себя многопартийность, обуславливает правомочность конфликтов во взаимоотношениях между политическими партиями. Межпартийная политическая борьба имеет в качестве своего основного объекта государственную власть на том или ином уровне. Межпартийные конфликты в их нормальном виде предполагают постоянную борьбу за свои программы и платформы и стремление доказать порочность и несостоятельность программ и платформ своих противников. Однако опыт анализа межпартийных отношений показывает, что в своей практической деятельности политические партии не ограничиваются идеологическими взаимоотношениями, а применяют весь доступный им арсенал, допустимый (а нередко и недопустимый) политической этикой для достижения своих целей. Повышение политической культуры общества создаст предпосылки и для повышения уровня культуры и во взаимоотношениях между партиями. Важен и рост политической культуры парламентских фракций и групп, поскольку в развитом демократическом обществе последние адекватны тем или иным политическим партиям, и отход парламентариев от принципов партийной политики быстро завершится изгнанием их из рядов той партии, политику которой они предали своими выступлениями или действиями.

Накопленный опыт предупреждения и разрешения социальных конфликтов (особенно с учетом результатов социологических исследований) создает необходимые предпосылки для утверждения в обществе отношений гражданского мира и согласия. Для российского общества последнее представляет особую актуальность.

Приложение

Социология в России: конфликты и конфликтный потенциал

Активизация изучения конфликтов в современном российском обществе обусловлена, главным образом, содержанием процессов его трансформации, развернувшейся в последние десятилетия XX в. Происшедшие изменения в структуре собственности и власти были восприняты разными социальными группами общества по-разному, поскольку соответствовали интересам одних и противоречили интересам других. Развернувшаяся в обществе конкуренция как следствие появления реальной многоукладности в экономике и перехода значительной части национального богатства в частные руки привела к изменению общего социально-психологического климата в обществе. Осуществленная в начале 90-х гг. приватизация не только не привела к формированию среднего класса как основного фактора социальной стабильности, но, более того, обусловила массовое обнищание населения (за чертой бедности оказалась большая половина населения), усилила социальное расслоение и породила социальный антагонизм. Растущая тревога, неуверенность в завтрашнем дне, девальвация традиционных ценностей, появление новых форм отчуждения от власти и собственности привели к росту недовольства и социальной напряженности в обществе, к формированию конфликтного потенциала в разных сферах общественной жизнедеятельности (социальной, политической, духовно-нравственной, национальной). Наибольшее распространение в российском обществе получили политические конфликты.

Наибольшую опасность для его развития представляет усиление напряженности и конфликтности в межнациональных отношениях. В советские времена проблема конфликтов вообще и в сфере межнациональных отношений в особенности практически не исследовалась. Так называемая перестройка и последовавшая за ней полоса трудных и во многом неудачных реформ прямо сказались на состоянии межнациональных отношений. Внимание к ним возросло. Осуществленный учеными Института социально-политических исследований РАН в 90-е гг.

всероссийский исследовательский проект «Межнациональная напряженность и конфликты в регионах Российской Федерации» (руководитель член-корреспондент РАН В. Н. Иванов) позволил получить необходимый объем эмпирической информации, на основе которой были сделаны не только выводы о характере и масштабах межнациональных конфликтов, но и о возможных последствиях и вероятности их возникновения в разных регионах. Особое внимание было уделено выявлению конфликтного потенциала, под которым понимается обусловленная сложившимися в настоящем (частично и в прошлом) обстоятельствами готовность вступить в противоборство, конфликтное взаимодействие с представителями другой (других) национальных (этнических) общностей. Готовность встать на путь борьбы, вражды, столкновений обусловлена, как правило, многими причинами и имеет разную мотивацию.

Исследования, проведенные в 90-е гг. ИСПИ РАН в режиме мониторинга, показали, что именно социальные факторы вызывают напряженность в межнациональных отношениях, а последняя в случае неадекватной (малоэффективной) национальной политики может инициировать конфликт. Примером тому могут служить события на Северном Кавказе (чечено-дагестанский, осетино-ингушский конфликты); более мелкие по масштабам межнациональные конфликты в Ставропольском и Краснодарском краях.

Определение конфликтного потенциала предполагает создание систем показателей, с помощью которых возможна его характеристика (социологическое измерение).

Как показывает опыт исследовательской работы, в эту систему показателей должны входить как оценочные, так и событийные (поведенческие) показатели.

К числу первых относятся: оценка состояния межнациональных отношений (стабильные, напряженные, конфликтные); оценка причин, вызывающих напряженность и конфликты (национальная предубежденность, ошибки в национальной политике, наличие национальных предрассудков, национальная отчужденность и т. д.).

Событийные показатели характеризуют наличие определенного рода фактов, явлений, с которыми респонденты встречаются в жизни: факты дискриминации по национальному признаку в сфере труда, образования, общения и т. д.

Сопоставляя два ряда показателей, можно прийти к выводу о степени адекватности сделанных респондентами суждений о состоянии межнациональных отношений. Изучение конфликтного потенциала представляет первостепенную важность в плане прогноза возможных межнациональных конфликтов в том или ином регионе и их своевременного предупреждения.

Полученные в ходе исследований конфликтного потенциала межнациональных отношений результаты имеют большое методологическое значение для изучения конфликтов в других сферах общественной жизни. Хотя конфликты на производстве или политические конфликты носят более узкий, целенаправленный, более конкретный характер, им также присущи многие общие с межнациональными конфликтами черты. Это же относится и к механизмам и фазам протекания конфликтов, к способам их предупреждения, разрешения и прогнозирования.

Следует иметь в виду, что в условиях перерастания «проблемной ситуации» в конфликтную могут актуализироваться оценки, представления, установки массового сознания, уходящие своими корнями в прошлое (иногда весьма отдаленное).

Особый вес в разрешении конфликтов в любых областях общественной жизни имеет роль третьей стороны, осуществляющей конфликтологическое посредничество и использующей особые приемы и технологию посреднической деятельности.

Посредничество может принимать различные формы: официальные и неофициальные, формальные и неформальные, инициативные и испрашиваемые и т. д.

Соотношение силовых и мирных методов в урегулировании конфликтов всецело зависит от условий и должно иметь соответствующую законодательную базу. По мере развития институтов правового государства, достижения социального согласия и взаимопонимания различных национальных групп и политических сил общество приобретает необходимый опыт предупреждения, локализации и разрешения конфликтов, что становится неотъемлемой составной частью его общей и политической культуры.

Вопросы для закрепления материала

1. В чем сущность социального конфликта?
2. Назовите некоторые конфликтогенные факторы в современном обществе.

3. По каким основаниям различаются типы конфликтов?
4. Что такое конфликтная ситуация и каковы фазы назревания конфликта?
5. Назовите механизм и способы разрешения конфликтов.
6. В чем заключается сущность предупреждения и прогнозирования конфликтов?
7. Каковы социально-политические последствия конфликтов?

Литература для дополнительного чтения

Александрова Е. В. Социально-трудовые конфликты: Пути разрешения. М., 1993.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.

Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993.

Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1996.

Иванов В. Н., Смолянский В. Г. Конфликты и конфликтология. М., 1994.

Иванова В. Ф. Социология и психология конфликтов. М., 1997.

Косолапов Н. Конфликты постсоветского пространства: Фактор стабильности? // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 2.

Политическая социология / Отв. ред. *В. Н. Иванов, Г. Ю. Семигин*. М., 2000.

Россия: Социальная ситуация и межнациональные отношения в регионах / Авт.-сост.: *В. П. Иванов, И. В. Ладодо, Г. Ю. Семигин*. М., 1996.

Смолянский В. Г. Национальные конфликты в СССР и СНГ (1985—1992 гг.). Улан-Удэ, 1996.

Толерантность и согласие: Материалы международной конференции «Толерантность, взаимопонимание и согласие». Якутск, июнь 1995 г. М., 1997.

Фельдман Д. М. Конфликты в мировой политике. М., 1997.

Цой Л. Н. Практическая конфликтология. М., 2001. Кн. 1.

Чумиков А. Н. Управление конфликтами. М., 1995.

Раздел пятый

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Глава 16

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

§ 1. Понятие социальных изменений

Всеобщий характер изменений в современном обществе. Тематика социальных изменений и социального развития составляет важный и необходимый раздел социологии как науки. Конечно, в современном мире еще сохранились традиционные общества (например, среди первобытных племен, аборигенов), общественные отношения и социальные структуры которых не менялись на протяжении сотен, а может, и тысяч лет. Но в обществах, которые обычно называются современными, изменения носят, по существу, всеобщий характер, хотя мы не всегда это осознаем. Более того, постоянно убыстряется темп изменений. Социологи единодушно признают, что последние 300 лет западное общество находится под огненным шквалом перемен. Американский автор А. Тоффлер в этой связи приводит следующее интересное рассуждение. Если последние 50 тысяч лет человеческого существования разделить на срок человеческой жизни продолжительностью примерно шестьдесят два года, то всего было около восьмисот таких сроков. Из них шестьсот пятьдесят сроков люди провели в пещерах. Только во время последних семидесяти сроков благодаря письменности стало возможным эффективное общение поколений. За последние шесть — большинство людей увидело печатное слово. За четыре — человек более или менее научился измерять время. За два последних — появился тот, кто использовал электрический мотор. И подавляющее большинство технических нововведений

и материальных благ, которыми мы пользуемся сегодня, были созданы за последний, восьмисотый срок жизни¹.

Глубокими изменениями охвачен ныне практически весь мир. Еще каких-то 10—15 лет назад человечество жило в иной политической, социально-экономической и в значительной степени иной социокультурной реальности. Мир был разделен на военно-политические блоки, противостояние которых во многом определяло экономическую, политическую, да и социокультурную жизнь государств, принадлежавших к разным блокам. Сейчас ситуация существенно другая.

Но, пожалуй, еще более радикальные, фундаментальные изменения произошли за короткий период в России. Поистине Россия начала 2000-х гг. — иная страна не только по сравнению с 80-ми гг., но даже и по сравнению с началом 90-х гг. XX столетия. Самое же парадоксальное заключается в том, что ни одна социологическая теория еще 10—15 лет назад не предсказывала, не прогнозировала таких коренных изменений в мире, в бывшем социалистическом лагере и в бывшем Советском Союзе. Были предчувствия и ожидания перемен, но чтобы эти перемены пошли так глубоко и охватили такое количество стран, думается, не предполагал никто.

Вместе с тем все чаще и громче звучат голоса ученых, политиков, общественных деятелей и простых людей в разных странах с выражением озабоченности по поводу и самой направленности изменений в обществе, и их ускоряющихся темпов, к которым людям становится все труднее адаптироваться, и многих негативных последствий изменений для огромных масс людей. Идеи кризиса современной цивилизации западного типа, конечности, даже истощенности традиционных ресурсов развития (энергоресурсов, минерального сырья, даже способов и форм самой экономической, производственной деятельности) выливаются в требования «пределов роста», как это было провозглашено еще несколько лет назад некоторыми представителями известного Римского клуба.

Бурные и зачастую сумбурные изменения на территории бывшего Советского Союза также вызывают у людей неоднозначную реакцию. Разрушение огромного и могучего государства, небывалое скоропалительное обогащение крохотной про-

¹ См.: Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. С. 14.

слойки общества на фоне резкого ухудшения материального благосостояния большинства населения России, появление безработицы, беспрецедентный рост преступности и коррупции, эрозия нравственных и культурных основ общества порождают у многих негативную реакцию на происходящие перемены.

Все это требует от социологии особого внимания к проблематике, относящейся к социальным изменениям, их особенностям, разновидностям, источникам, движущим силам, к их человеческим последствиям.

Понятие социальных изменений. Прежде всего надо уяснить, в каком смысле в социологии употребляется понятие «социальные изменения», каково его социологическое содержание. Для этого необходимо сделать два уточнения. Во-первых, понятие «социальные изменения» для нас, россиян, не очень привычно. Для нас до сих пор более привычным было понятие «социальное развитие». Оно культивировалось у нас многие годы и в общественных науках, и в практической политике. Но понятие «социальное развитие» характеризует лишь определенный тип социальных изменений, имеющих направленность в сторону улучшения, усложнения, совершенствования и т. д. Однако существует множество других социальных перемен, о которых невозможно говорить как об изменениях в сторону совершенствования. Это просто изменения, и они непосредственно не несут в себе ни положительного, ни отрицательного смысла, не направлены ни в сторону прогресса, ни в сторону регресса. Существует целая группа понятий, описывающих такие изменения, например: возникновение, становление, рост, упадок, исчезновение, переходное состояние и т. д.

Исходя из этих соображений в социологии предпочтительнее в качестве ключевого исходного использовать понятие «социальные изменения», которое не содержит оценочного компонента, охватывает широкий круг разнообразных социальных перемен безотносительно к их направленности. Это понятие фиксирует сам факт изменения, факт перемены в широком смысле слова.

Во-вторых, социальные изменения не следует понимать как вообще любые изменения, происходящие в обществе. Хотя, нужно сказать, иногда в литературе, особенно популярной, не проводится различие между изменениями в обществе вообще, т. е. изменениями, относящимися к любой сфере общества — экономической, политической, технологической, духовной

и т. д. — и непосредственно социальными изменениями. Так, рост или падение добычи нефти, производства машин, зерна, технические изобретения, научные открытия, новые произведения искусства и т. д. сами по себе еще не являются в строгом смысле слова социальными изменениями. Они вносят перемены в области экономики, техники и технологии производства, в науку, искусство. Но они могут вызвать в той или иной форме социальные изменения — в социальной структуре общества, социальной стратификации, коммуникации, общественном настроении и т. д. Поэтому когда мы говорим о социальных изменениях в социологическом смысле, то имеем в виду не любые изменения в обществе, а лишь изменения в той сфере, которая является предметом социологии. Можно согласиться в целом с американским социологом Н. Смелзером в том, что социальное изменение — это «изменение способа организации общества»¹. Но при этом, разумеется, речь должна идти не только о способе организации общества в целом, но и о способе организации любых социальных систем — социальных групп, институтов, других сообществ, в том числе и мирового сообщества.

Таким образом, понятием «социальные изменения» обозначаются различные перемены, происходящие в течение некоторого времени внутри социальных систем и во взаимоотношениях между ними, в обществе в целом как социетальной системе.

Многообразие социальных изменений. Современные исследователи фактически единодушны в признании того, что в наше время бурных социальных перемен построить более или менее полную теоретическую картину социальных изменений оказывается практически невозможно. Накладывающиеся друг на друга события дают такие образцы изменений, которые не укладываются ни в какие теоретические схемы, представляются непредсказуемыми, даже случайными. А главное — многомерными, многозначными, не поддающимися однозначной оценке. Более того, оказывается, что и множество прошлых социальных изменений, в том числе социальных революций, следует оценивать не в «черно-белом» («красно-белом») ключе, а во всей их многоцветности.

В научной литературе нередко выделяют социальные изменения краткосрочные и долгосрочные, т. е. такие, которые

¹ Смелзер Н. Социология. М., 1998. С. 611.

протекают в сжатые временные отрезки (например, организационная перестройка каких-либо учреждений, органов власти и т. д.) и которые осуществляются в длительные и очень длительные сроки (так, изменение нравов, традиций, обычаев людей — социальных групп, тем более народов, требует многих десятилетий, а иногда и столетий). Выделяются также социальные изменения частичные, затрагивающие отдельные сегменты социальной реальности (например, систему среднего или высшего образования, систему управления промышленностью, строительством или управления каким-либо регионом), и социальные изменения всего общества или во всяком случае многих сфер общественной жизни, т. е. социетальные изменения.

Социальным изменениям подвержены прежде всего социальные структуры — социальные институты и организации, социальные группы и общности, социальные процессы — социальное взаимодействие, социальное поведение людей, их менталитет и т. д. Такие изменения могут быть на уровне межличностных отношений (например, изменения в структуре и функциях семьи), на уровне организаций и институтов (образование, наука постоянно подвержены изменениям и в плане своего содержания, и в плане своей организации); на уровне малых и больших групп (в России, в частности, сейчас существенно изменяется структура рабочего класса, крестьянства, возникли новые социальные группы — предприниматели); на социетальном и глобальном уровнях (миграционные процессы, ускоренное развитие одних стран и застой и кризисное состояние других, экологическая и военная угроза существованию человечества и др.).

Виды социальных изменений. Рассмотрим теперь более подробно, какие именно элементы социальных и социетальных систем подвержены изменениям. По этому признаку можно выделить четыре основных вида социальных изменений.

1. Изменения, касающиеся структур различных социальных образований, или **структурные социальные изменения**. Таковы, например, изменения в структуре семьи (полигамная, моногамная, многодетная, малодетная и т. д.), в структуре любой другой общности — малой группы, профессиональной, территориальной, класса, нации, общества в целом, изменения в структурах власти, в структурах управления и т. д. К этому виду изменений относятся также структурные изменения соци-

альных институтов (государства, системы образования, науки, религии); социальных организаций и т. д. Такие изменения предполагают перемены в рамках существующих структур, а также и образование новых социальных структур.

2. Изменения в социальных процессах. С определенной долей условности их можно назвать **процессиальными социальными изменениями**. Так, мы постоянно наблюдаем изменения, происходящие в сфере социальных взаимодействий и взаимоотношений между различными общностями, общностями и институтами, общественными структурами и личностью и т. д. Это отношения солидарности, напряженности, конфликта, отношения равноправия и подчиненности и т. д., которые постоянно находятся в процессе изменений.

3. Изменения, касающиеся функций различных социальных систем, институтов, организаций. Их можно назвать **функциональными социальными изменениями**. Так, в соответствии с новой Конституцией России произошли существенные изменения в функциях исполнительной и законодательной власти страны. Федеральное собрание как парламент страны в значительной мере отличается и по структуре, и по функциям от прежнего парламента — Верховного Совета. Этот вид изменений также включает изменения уже существующих функций, равно как и возникновение новых функций каких-либо социальных субъектов.

4. Изменения в духовной сфере — сфере мотиваций индивидуальной и коллективной деятельности, или **мотивационные социальные изменения**. Очень важно для социолога зафиксировать изменения в тех ценностях, целях, нормах, идеалах, которыми руководствуются люди в своем поведении, работе, общественной и иной деятельности. Например, при переходе к рыночной экономике существенно меняется мотивационная сфера огромных масс населения. На первый план выступают мотивы личного денежного заработка, дохода, что оказывает влияние на их поведение, мышление, сознание. Этот вид изменений нередко в научной литературе квалифицируется как разновидность культурных изменений, и тем самым подчеркивается его специфика, отличие от других видов социальных изменений. Некоторые социологи, например П. Сорокин (см. его «Социальную и культурную динамику»), Т. Парсонс и другие, проводят разделение между социальными и культурными сис-

темами и соответственно социальными и культурными изменениями. В культурологии культурные изменения рассматриваются как особый класс изменений. Вместе с тем возможен и такой подход, при котором некоторые культурные изменения исследуются в качестве особого вида социальных изменений. Такой подход дает возможность больше подчеркнуть взаимосвязанность и взаимозависимость тех и других изменений. (Некоторые особенности культурных изменений более подробно рассматриваются в гл. 4 «Культура».)

Инновационный процесс. Социальные изменения можно характеризовать также с точки зрения содержащихся в них новаций. Дело в том, что значительная часть изменений (но не все) несет с собой некоторое нововведение, т. е. вносит в социальную реальность некоторый элемент, которого раньше не существовало.

Как показано в ряде зарубежных и отечественных социологических исследований (Н. И. Лапин, А. И. Пригожин и др.), инновация (нововведение) — это комплексный процесс создания, распространения и использования нового практического средства (новшества) для удовлетворения человеческих потребностей, а также сопряженные с этим новшеством изменения в социальной и вещественной среде.

Понятие «инновация» вошло в науку еще в XIX в. и стало использоваться при изучении процессов изменений в культуре, выступая как некоторая противоположность понятию «традиция». В настоящее время нововведение рассматривается как определенная стадия процесса социального изменения. В самом феномене нововведения выделяют обычно следующие элементы: а) само новшество, б) новаторы, т. е. те, кто создает его, создатели, в) распространители, г) восприимчики. Введение данных элементов в схему анализа социальных изменений чрезвычайно полезно и с научной, и с практической точки зрения. Сквозь призму этих элементов можно рассматривать процессы осуществления и реализации различных социальных нововведений, в том числе и в нашей стране.

Сама инновационная деятельность может быть подразделена на два подвида — совершенствующая инновационная деятельность и радикальная инновационная деятельность. Существенное различие между ними заключается, в частности, в том, что совершенствование обычно хорошо уживается с существующими организационными структурами, вписывается в них. Радикальное

же нововведение, как правило, подрывает или даже взрывает эти структуры и поэтому вызывает сопротивление и противодействие определенной части лиц и даже социальных групп.

Взаимосвязь изменений в обществе. Нетрудно видеть, что все эти виды изменений тесно связаны между собой. Изменения одного вида влекут за собой изменения других видов. При анализе реальных социальных явлений бывает нелегко отграничить один вид изменений от другого или других. Тем не менее это необходимо стараться делать, ибо такая дифференциация дает возможность более четкого, конкретного понимания социальной действительности и тех реальных сдвигов, которые в ней происходят.

Вместе с тем следует иметь в виду, что непосредственно социальные изменения взаимосвязаны с другими изменениями, происходящими в обществе, — экономическими, политическими, технологическими и т. д. Характер этой взаимосвязи очень непростой, нелинейный и неоднозначный. Например, реальная практика постсоциалистических преобразований в современной России и других странах показала, что определенная политика правительства в экономической сфере вызывает самые разные — ожидавшиеся, а главным образом, не ожидавшиеся — социальные последствия, а нередко и отсутствие тех социальных перемен, на которые рассчитывали. Так что изменения одного вида или в одной сфере общества в общем и целом воздействуют на изменения других видов или в других сферах общества, но это воздействие не является ни автоматическим, ни однозначно предсказуемым. Поэтому каждая ситуация, каждый случай общественных перемен требуют всестороннего и детального конкретного анализа всей совокупности взаимодействующих факторов.

§ 2. Формы реализации социальных изменений

В предыдущем параграфе были рассмотрены вопросы, касающиеся содержания социальных изменений. Теперь рассмотрим формы реализации социальных изменений. Наиболее изученными в этом отношении являются, пожалуй, социальные изменения эволюционные, революционные, циклические.

Эволюционные социальные изменения — изменения частичные и постепенные, осуществляющиеся как достаточно устойчивые и постоянные тенденции. Это могут быть тенденции к

увеличению или уменьшению каких-либо качеств, элементов в различных социальных системах, они могут приобретать восходящую или нисходящую направленность. Эволюционные социальные изменения обладают специфической внутренней структурой и могут быть охарактеризованы как некоторый кумулятивный процесс, т. е. процесс постепенного накопления каких-то новых элементов, свойств, в результате которого изменяется социальная система. Сам же кумулятивный процесс (процесс накопления) в свою очередь может быть, так сказать, «расщеплен» на два составляющих его подпроцесса: формирование инноваций (новых элементов) и их отбор. Инновация — это как раз зарождение, появление и укрепление новых элементов. Посредством отбора в системе сохраняются элементы нового и как бы «отбраковываются» другие элементы.

Эволюционные изменения могут быть сознательно организуемыми. В таких случаях они приобретают, как правило, форму социальных реформ, которые осуществляются правительствами или правительственными органами (реформа 1861 г. в России об отмене крепостного права, реформа П. А. Столыпина в начале XX столетия, введение нэпа в Советской России в начале 20-х гг.). Но они могут быть и стихийным процессом, который осуществляется как бы сам собой. В качестве такого процесса можно указать на повышение на протяжении последних нескольких столетий среднего уровня образования населения многих стран мира и общее уменьшение числа неграмотных, хотя это число в ряде стран и остается очень большим.

Для обозначения направления некоторых процессов изменений, которые совершаются на протяжении нескольких поколений людей или даже нескольких столетий, в социологической литературе нередко используется понятие «тренд» **Тренд** — это направление движения событий, достаточно конкретная тенденция действий людей в определенном направлении. Так, трендами являются общий рост народонаселения планеты и многих народов на протяжении веков и тысячелетий, урбанизация, т. е. процесс развития городов и повышения их роли в обществе; модернизация, т. е. технические, политические, экономические и другие изменения, направленные на усовершенствования, отвечающие современным требованиям. Примерами трендов являются также такие процессы, как индустриализация, автомобилизация и т. д. Как видим, трендами

могут быть и цепи непосредственно социальных изменений (урбанизация), и тенденции технического и иного порядка (электрификация, компьютеризация), которые с необходимостью влекут за собой перемены социального порядка.

Революционные социальные изменения. Они отличаются от эволюционных существенным образом. Это, во-первых, изменения не просто радикальные, а в высшей степени радикальные, предполагающие коренную ломку социального объекта, во-вторых, это изменения не частные, а общие или даже всеобщие, наконец, они, как правило, опираются на насилие.

Социальная революция — центр ожесточенных споров и дискуссий в истории социологии и других общественных наук. Вероятно, можно сказать, что сколько слов восхищения было сказано в адрес социальной революции, столько же было и слов проклятия. К. Маркс называл социальные революции «локомотивами истории», т. е. движущей силой, мотором исторического развития. В. И. Ленин видел в них «праздник эксплуатируемого и угнетенного народа». П. Сорокин назвал Октябрьскую революцию 1917 г. «бойней». А писатель И. А. Бунин назвал свою книгу об этой революции «Окаянные дни».

Сейчас, видимо, можно говорить о довольно значительном расхождении в восприятии и оценке социальной революции между укрепившимся обыденным сознанием людей (в России) и научным пониманием этого явления в социальных науках. Дело в том, что героическая и трагическая одновременно история страны в последние столетия, особенно на протяжении XX в., породила у различных слоев населения резкое неприятие идей революционных социальных изменений, их негативную оценку.

Однако исторический опыт показывает, что революционные изменения нередко способствуют более эффективному решению назревших социальных проблем, интенсификации экономических, политических и духовных процессов, активизации значительных масс населения и тем самым — ускорению преобразований в обществе. Свидетельства тому — ряд социальных революций в Европе, Северной и Латинской Америке и других регионах в последние два-три столетия.

Революционные социальные изменения возможны и в будущем. Однако они, по всей вероятности, во-первых, не могут быть насильственными, а во-вторых, не могут охватывать одновременно все сферы жизнедеятельности общества, а должны

относиться лишь к отдельным социальным институтам или областям общественной жизни — науке, технике, сфере управления и т. д. (таковы научные и технологические революции, кардинальные изменения стратегии и методов управления различными отраслями хозяйства). Нынешнее общество чрезвычайно сложно, огромно, различные его части имеют между собой тысячи, а может быть, и миллионы связей, так что одновременная переделка всего общественного организма (а тем более с применением насилия) может иметь разрушительные последствия для всего общества.

Циклические социальные изменения. Это, видимо, более сложная форма социальных изменений, ибо она, по существу, может включать эволюционные и революционные изменения, восходящую и нисходящую тенденции. Кроме того, когда мы говорим о циклических изменениях, то имеются в виду не отдельные единичные акты каких-либо перемен, а определенный ряд изменений, который в совокупности образует цикл. Напомним, что циклами называют некоторую совокупность явлений процессов, последовательность которых представляет собой определенный кругооборот в течение некоторого промежутка времени. Конечная точка цикла как бы повторяет первоначальную, но только в других условиях или на другом уровне. Циклические социальные изменения происходят в соответствии с временами года (например, с сезонным характером сельскохозяйственных работ), но могут охватывать периоды в несколько лет (изменения, обусловленные экономическими кризисами и т. д.) и даже несколько столетий (связанные с типами цивилизаций).

Социологи разных направлений фиксируют тот факт, что многие социальные институты, общности, классы и даже целые общества изменяются по циклической схеме — возникновение, рост, расцвет, кризис и увядание; возникновение новых качеств, свойств явления или же вообще возникновение нового явления. Такой схеме изменений подвержены многие структуры в обществе — социальные, экономические, политические, духовные и т. д., а также и целые цивилизации. В более простой (и более распространенной) форме эта схема выглядит как ритм, т. е. как чередование в определенные промежутки времени периодов подъема (роста) и спада (кризиса).

Особую сложность картине циклических социальных изменений придает то обстоятельство, что разные структуры, раз-

ные явления и процессы в обществе имеют циклы разной продолжительности. Так что в каждый данный момент истории мы имеем одновременное сосуществование социальных структур, явлений, процессов, находящихся на разных ступенях развития своего цикла. Этим в значительной степени определяется непростой характер взаимодействия между ними, взаимные несоответствия, несовпадения и конфликты.

Наглядным примером циклического характера социальных изменений является смена поколений людей. Каждое поколение рождается, проходит период социального созревания (социализации), затем период активной деятельности, далее период старости и естественного завершения жизненного цикла. Каждое поколение формируется в специфических социальных условиях, поэтому непохоже на предыдущие поколения. Вместе с тем каждое поколение вносит в жизнь, в политику, экономику, культуру что-то свое, новое, чего еще не было в социальной жизни, тем самым осуществляет многочисленные социальные изменения.

Средний промежуток времени между рождением и смертью представителей данного поколения — средняя продолжительность жизни. Этот показатель уровня жизни и темпа социальных изменений существенно менялся на протяжении истории, особенно в последние столетия. Так, еще в конце XIX столетия средняя продолжительность жизни не превышала 35—40 лет, хотя и тогда существовали старики, жившие до 80—100 лет. Ныне средняя продолжительность жизни в развитых странах поднялась до отметки в 70 лет и выше. Этот промежуток времени можно считать полным циклом поколения для данных условий.

Вместе с тем можно выделить малые циклы, прежде всего период активной трудовой деятельности данного поколения, который составляет в современных условиях в среднем примерно 35—40 лет (с начала трудовой деятельности в 20 лет до достижения пенсионного возраста в 55—60 лет). Если за полный цикл происходит физическая смена поколений, то названный малый цикл означает смену поколений в жизнедеятельности общества.

При рассмотрении фактически всех социальных изменений нельзя абстрагироваться от циклического характера смены поколений в обществе. Преемственность поколений, во-первых,

сама носит циклический характер, а во-вторых, придает циклический характер и другим социальным изменениям и определенным образом влияет на общий темп социального развития. Принципиально важное значение здесь имеет соотношение между циклом поколения людей (полным и, особенно, малым) и циклом поколения машин (и овеиествленных в них знаний).

Казалось бы, увеличение продолжительности жизни, т. е. увеличение длины полного цикла поколений, должно вести к замедлению темпов социальных изменений. Однако в действительности за последние 200—300 лет мы наблюдаем обратную картину — ускорение темпов общественного развития. Дело в том, что можно говорить не только о поколениях людей, но и о поколениях знаний, поколениях машин (компьютеров, самолетов и т. д.). В реальной жизни мы обычно различаем старые и новые поколения техники. В научной литературе подчеркивается, что новое поколение машин — это такие усовершенствованные орудия труда, инструменты, механизмы и т. д., которые хотя бы в одном, а часто и в нескольких отношениях по крайней мере вдвое превосходят прежние по своей эффективности.

В предыдущие века поколения машин сменялись очень медленно: несколько поколений людей работали фактически на одном и том же поколении техники, что было особенно характерно для сельскохозяйственного производства. После промышленной революции XVIII—XIX вв. темпы смены поколений техники возросли и стали сравнимы со сменой поколений людей. Научно-техническая революция с середины XX в. внесла во взаимоотношение этих поколений качественное изменение: теперь, как подчеркивает Э. А. Араб-Оглы, темпы смены новых поколений техники стали стремительно опережать темпы смены поколений работников. Так, в пределах малого цикла поколений людей в передовых отраслях производства (в наукоёмких, например, в электронике, информатике и т. д.) происходит смена нескольких поколений техники.

Процесс обновления техники теснейшим образом связан с процессами старения знаний и необходимостью их обновления. Следует различать знание, овеиествленное в технике, машинах и т. д., и знание живое, т. е. как бы овеиествленное в самих работниках, выражающееся в их квалификации, компетентности, в разрядах, ученых степенях и т. д.

Старение знаний определяют через интервал времени, в течение которого наличное знание, в том числе квалификация работников, наполовину обесценивается. В различных отраслях науки и техники эксперты определяют этот интервал от 5—7 лет до 15 лет. Во многих отраслях науки и техники он составляет 10—12 лет. Из этого следует, что указанный интервал диктует темп обновления технического оборудования, темп введения в действие, внедрения в жизнь новых поколений техники. Регулярные технические инновации за определенный промежуток времени становятся совершенно необходимым условием поддержания высокого производственного технологического уровня страны. Если же это не делается, то неизбежно соответствующее отставание.

Темп старения знаний, определяемый уже упоминавшимся интервалом, диктует вместе с тем и необходимость регулярно-го систематического обновления живого знания, т. е. квалификации работников. Ведь если предположить, что удвоение объема знания, необходимого для какой-либо профессии, происходит в интервале 12 лет, то человек, начав работать после окончания вуза в 23 года, уже к 35 годам будет обладать только половиной, к 47 годам — четвертью, а к 59 — одной восьмой частью знаний, необходимых для профессиональной квалифицированной деятельности в данной области¹. Вот почему так остро стоит вопрос о необходимости регулярного, систематического повышения квалификации специалистами всех уровней и всех отраслей науки и техники. Циклы «работающих» знаний и «работающих» машин диктуют свои требования к работающему поколению людей.

Проблема больших циклов (длинных волн). Особое внимание многих специалистов в области социальных наук привлекает циклический характер изменений на сравнительно больших отрезках времени — в несколько десятков лет, так называемых больших циклов, или длинных волн. Выдающийся вклад в разработку этих теорий внес русский экономист Н. Д. Кондратьев, необоснованно репрессированный в 30-е гг. Он разделил экономические процессы на два вида: протекающие в одном направлении (необратимые) и волнообразно протекающие (обра-

¹ См. подробнее о взаимодействии поколений людей и поколений машин: Араб-Оглы Э. А. Обозримое будущее: Социальные последствия НТР: год 2000 М., 1986.

тимые) К последним относятся изменения товарных цен, процентных ставок на капитал, денежной заработной платы, уровня добычи и потребления угля, производства чугуна, свинца и т. д. На основе статистической обработки стоимостных и натуральных показателей экономического развития Англии, Франции, Германии, США примерно за последние полтора столетия ученый пришел к выводу о наличии в этот период больших циклов конъюнктуры (длинных волн) продолжительностью 50—60 лет. При этом каждый большой цикл проходит в своем развитии «повышательную» и «понижательную» фазы. Материальной основой циклов Н. Д. Кондратьев считал обновление элементов основного капитала, в частности развитие сети железных дорог, каналов и т. д., а также подготовку квалифицированной рабочей силы¹.

Н. Д. Кондратьев дал описание трех больших циклов подъема и спада экономической конъюнктуры за период с конца XVIII в. до 20-х гг. XX в.

Первый цикл

Повышательная волна — конец 80-х — начало 90-х гг.
XVIII в. до 1810—1817 гг.,

Понижательная волна — с 1810—1817 гг. до 1844—1851 гг.

Второй цикл

Повышательная волна — с 1844—1855 гг. до 1870—1875 гг.

Понижательная волна — с 1870—1875 гг. до 1890—1896 гг.

Третий цикл

Повышательная волна — с 1891—1896 гг. до 1914—1920 гг.

Понижательная волна — с 1914—1920 гг.²

Следует обратить особое внимание, что поворотные точки длинных волн экономической конъюнктуры совпадают с многими важнейшими событиями социально-политической жизни того времени, такими, как наполеоновские войны, революции в ряде европейских стран 1848—1852 гг., Парижская коммуна, англо-бурская война, Первая мировая война, революции в России и других странах Европы и др.

К настоящему времени большие циклы (длинные волны) зафиксированы другими зарубежными и отечественными исследователями на большом материале экономических и социальных

¹ См. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

² См. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // Собр. соч. М., 1993.

показателей. В основе механизма длинных волн разные авторы называют: процесс распространения нововведений, смену лидирующих отраслей экономики, смену поколений людей, долговременную динамику норм прибыли и др. Большинство ученых рассматривают феномен длинных волн не только как экономический, но и как социальный, исторический и социально-психологический феномен. В результате сложилось следующее его понимание: большие циклы (длинные волны) — это «периодические повторения характерных социальных, экономических, технологических ситуаций, таких, например, как продолжительные экономические подъемы и спады, сравнительно короткие периоды интенсивной реализации технических новшеств, пики социальной напряженности и т. д. Эти характерные ситуации регулярно повторяются примерно через каждые 50 лет (социальные, как считает часть исследователей, — через 25 лет). Они почти синхронны для большинства ведущих развитых стран, их проявления зафиксированы в статистике этих стран на протяжении двухсотлетнего периода истории»¹.

Ряд исследователей полагают, что в эволюции социально-психологической сферы общества (в частности, в изменениях социально-политического климата, творческой деятельности в архитектуре, музыке, живописи) также можно выделить периоды, в которых в массе доминирует или аналитический, или синтетический стиль мышления. Колебательный процесс с полным периодом в 40—50 лет примерно соответствует смене поколений по цепочке «отцы — дети — отцы»². В целом следует сказать, что тема циклического характера (циклической формы) социальных изменений весьма перспективна, хотя пока разработана слабо.

§ 3. Факторы социальных изменений

Источники социальных изменений. Марксистская методология, долгое время господствовавшая в отечественном обществоведении, требовала искать конечные причины и источники обще-

¹ Дубовский С. Прогнозирование катастроф (на примере циклов Н. Кондратьева) // *Общественные науки и современность* 1993 № 5. С. 84.

² См. Петров В. М., Голицын Г. А. Полувековые циклы в социокультурной эволюции // *Формирование новой парадигмы обществоведения* / Под ред. Ю. В. Яковца, Р. Г. Яновского М., 1996

ственных перемен в изменениях экономических условий материального производства. И действительно, в очень многих случаях можно (и нужно) проследить зависимость социальных изменений от изменений в экономической сфере. В настоящее время в России, например, происходят огромные структурные сдвиги в экономических отношениях. На этой базе складываются группы собственников, которые формируют определенные социальные общности со своими интересами, позициями. Иными словами, в значительной степени современные социальные изменения в России — результат изменений в экономической сфере.

Однако большой эмпирический материал, накопленный социологией, показывает, что причины и источники реальных социальных изменений нельзя сводить только к экономическим факторам, эти причины и источники гораздо сложнее, многообразнее, а иногда даже и не поддаются строгому детерминистскому объяснению. Более того, во многих случаях именно изменения в социальных структурах, социальных институтах, их функциях служат толчком для экономических, политических и других изменений.

В общем и целом, видимо, можно утверждать, что источниками социальных изменений могут быть и экономические, и политические факторы, а также факторы, находящиеся внутри сферы социальных структур и институтов. К последнего рода факторам можно отнести взаимодействие между разными социальными системами, структурами, институтами, а также общностями на уровне групп, классов, партий, наций, целых государств и т. д. Одной из форм такого взаимодействия является конкуренция. Так, конкуренция между фирмами нередко ведет не только к повышению чисто экономической эффективности, но и к решению многих социальных вопросов для работников, особенно высококвалифицированных. Здоровая конкуренция в экономике, технике, политике, науке, других сферах общественной жизни служит важным источником социальных изменений вообще и в этих сферах в частности.

В еще большей степени решению множества социальных, экономических и политических проблем способствовала классовая борьба, прежде всего рабочего класса, за свои экономические и гражданские права. Наибольшего размаха эта борьба достигала в XIX и первой половине XX в. В значительной степени ее результатом во многих странах Европы, Америки и

других регионах стало повышение жизненного уровня рабочего класса и других трудящихся, сокращение рабочего дня, многочисленные меры социальной защиты низко- и даже среднеоплачиваемых слоев населения.

Но следует особо выделить и более подробно рассмотреть технологические, идеологические, научные факторы социальных изменений.

Роль технологических факторов в социальных изменениях. Наиболее очевидным влияние технологических факторов, т. е. научно-технического прогресса, на социальную жизнь общества и изменения в ней стало со времени промышленной революции XVII—XVIII вв. Паровая машина, а вместе с ней паровозы и пароходы, почти все фабричное производство, приводимое в движение с помощью парового котла, а несколько позднее и электричества, коренным образом изменили жизнь европейцев и американцев и вслед за ними и всего того мира, который пользовался этими машинами и механизмами. С одной стороны, это вело к консолидации и интеграции внутри различных общностей — социальных групп, классов, профессиональных общностей, а также изменило характер взаимоотношений между ними, обострило конфликты и борьбу между группами и классами, между государствами (наполеоновские войны, франко-германская война, англо-бурская, русско-японская, ряд войн, которые вели в западном полушарии Соединенные Штаты Америки, наконец, Первая и Вторая мировые войны). С другой стороны, новая техника беспрецедентно расширила возможности общения, обмена информацией и культурными ценностями, по существу изменила весь характер коммуникаций между людьми, явилась той базой, на которой сформировалась вся система массовой информации. Отныне инос качество приобрели такие процессы, как горизонтальная и вертикальная социальная мобильность, все социальные перемещения. Глубочайшие социальные последствия имели такие научно-технические достижения, как изобретение телефона и телевизора, автомобиля и самолета, компьютера и баллистической ракеты.

В литературе существует несколько попыток классифицировать способы и формы воздействия научно-технических достижений на изменения социальной жизни людей. Американские социологи К. Каммайер, Г. Ритцер и Н. Йетман в своей «Соци-

ологии» выделяют три способа, посредством которых технология детерминирует социальные изменения в обществе¹.

Первый: изменения в технологии создают проблемы социального порядка, которые требуют определенных действий со стороны людей. Существенные технологические изменения требуют формирования новых социальных норм, ролей для индивидов и целых трудовых коллективов, профессиональных групп, а зачастую требуют и формирования новых ценностей. Так образуется культурный лаг, т. е. разрыв между существующими нормами, ролями, ценностями и новыми требованиями, обусловленными новой технологией. Люди должны постоянно изменять свою нематериальную культуру, чтобы приспособлять ее к материальной, т. е. к требованиям быстро меняющейся технологии. В данном случае авторы основывают свои рассуждения на концепции американского социолога первой половины XX в. У. Огборна, который как раз и выдвигал идею культурного лага, т. е. что материальная культура изменяется значительно быстрее, чем нематериальная.

Второй: новая техника, новые технологии создают новые возможности для индивида и групп в их деятельности, общении и т. д. Так, новые возможности социальной коммуникации созданы благодаря телефонизации, распространению телевидения. Компьютер радикально меняет характер рабочего места, изменяет количество требуемых рабочих, требует иной квалификации работников, совокупности новых знаний и умений, которые прежде не требовались. Компьютеризация существенно меняет подходы к образованию, методы и методику преподавания многих дисциплин. Она оказывает значительное влияние на функционирование таких социальных институтов, как здравоохранение, торговля, валютно-денежная система. Следует также иметь в виду, что компьютер может быть использован не только на благо, но и во вред человеку и обществу. В целом же он открывает большие новые возможности, но не все из них могут служить благосостоянию людей.

Третий: новые технологии нередко создают новые формы взаимодействия между индивидами и различного рода общностями. Так, широкое распространение грузоперевозок посредством ав-

¹ См.: Kammeyer K. C. W., Ritzer G., Yetman N. R. *Sociology. Experiencing Changing Societies*. Boston, L., 1992. P. 642—650

томобиля индивидуализирует труд значительной части работников, изменяет формы их взаимодействия в производственном процессе с другими работниками. В некоторых отношениях аналогичные социальные последствия имеет роботизация технологических процессов. Общение через телефоны, телевизоры, а также другие технические средства стало обычным явлением не только в рамках производственного процесса, но и за его пределами.

Описанные выше способы воздействия технологических изменений на социальные в некоторых случаях пересекаются друг с другом, но в целом они дают полезную картину трансформации одних видов изменений (технологических) в другие (социальные).

Ныне научно-технический прогресс достиг такого размаха, что требует нового осмысления, новых оценок относительно своих социальных перспектив. Во-первых, созданное и накопленное оружие массового уничтожения (в частности, ракетно-ядерное) даже при его частичном использовании может погубить не только человечество, но и все живое на нашей планете. Во-вторых, в значительной степени научно-технический прогресс привел к беспрецедентному обострению экологической проблемы. Состояние окружающей человека природной среды сейчас таково, что может катастрофически сказаться на самом существовании общества. Особую тревогу вызывает состояние природной среды в нашей стране, которое многими специалистами оценивается как уже катастрофическое. В-третьих, безудержный рост промышленного производства в последние 2—3 столетия, особенно в XX столетии, ведет к истощению природных источников сырья и энергии. По подсчетам специалистов, запасы угля, руды, многих других полезных ископаемых, минералов и т. д. могут кончиться в ближайшие десятилетия. На каком сырье, на какой энергии тогда будет работать индустрия? Еще некоторое время назад был найден относительный выход из складывающейся ситуации — индустрия должна переходить на так называемые высокие технологии, которые основываются на ресурсосберегающих и энергосберегающих принципах. Высокие технологии стали широко распространяться в наиболее развитых странах мира. К сожалению, ныне в нашей стране о них говорят все меньше.

Идеология как фактор социальных изменений. Существеннейшим фактором социальных изменений в разных странах мира в

последние два-три столетия стала идеология. Идеологические доктрины, идеалы, программы явились той программой действий, непосредственным импульсом, которым руководствовались многие политические партии и общественные движения, осуществлявшие радикальные преобразования во всех сферах жизнедеятельности общества. Наиболее значимыми в мировой истории остались Великая Французская революция XVIII в., борьба за независимость и утверждение самостоятельности Соединенных Штатов Америки XVIII в., Великая Октябрьская революция 1917 г. в России, Китайская революция конца 40-х гг. XX в. и др. Принято считать, что все они совершались под флагом борьбы за реализацию определенных идеологических принципов и ценностей (либерально-буржуазных, марксистско-ленинских, маоистских).

Однако не только такие социальные революции всемирно-исторического значения, а все социальные изменения, обусловленные социально-экономическими и политическими причинами, носят идеологический характер. Просто нужно иметь в виду, что чем более крупные, более фундаментальные, более глубокие изменения делаются, тем более заметна в них роль идеологий, которые всегда направлены на изменение существующей социальной реальности или на ее сохранение, ее защиту. По самой природе идеологии не могут быть нейтральны к социальным изменениям. Посредством идеологий социальные группы и классы или требуют изменений, или же сопротивляются им. Однако эта роль идеологий в социальных переменах не всегда отчетливо заметна. Она заметна тогда, когда осуществляются более крупные, более глубокие и фундаментальные преобразования в обществе, и менее заметна, когда осуществляются сравнительно мелкие, неглубокие перемены.

Нужно сказать, что в принципе нет ничего плохого в признании идеологического характера социально-политических и экономических преобразований. Ибо, повторяем, эти типы социальных изменений всегда носят в той или иной степени идеологический характер. Основная практическая и теоретическая проблема лежит совсем в другой плоскости и заключается в том, что нередко в процессе политической борьбы и всякого рода политических игр, которыми почти всегда сопровождаются периоды социальных преобразований, доминирующей оказывается так называемая партикулярная идеоло-

гия, т. е. идеология, выражающая интересы не большинства населения, а сравнительно узких групп, и интересы эти могут быть своекорыстными или просто корыстными. Тогда возникает конфликт между этими группами и остальным обществом, который проявляется в идеологической, социальной и политической сферах. Конфликт может достичь такой степени остроты, что возникнут соблазны разрешить его насильственными способами. Вот почему проработанная программа социальных изменений и преобразований должна базироваться на коренных интересах наиболее широких слоев и групп населения, руководствоваться общенациональными целями и задачами, не поддаваться искушению партикулярных, узкопартийных идеологий. Важно найти способы и формы соединения перспективной общенациональной программы, идеалы которой могли бы консолидировать и воодушевить значительное большинство народа, и конкретных разработок, основанных на строго научном, объективном анализе реальности, учете социально-психологических, культурных, духовных особенностей.

Роль социальных наук. В XX в., особенно с 20-х — начала 30-х гг., к процессам выработки программ социальных изменений, путей и способов их реализации, выработки управленческих решений в передовых странах стала все в большей степени подключаться наука, в том числе и общественная. Это относится прежде всего к экономике, социологии, политологии, психологии, управленческим дисциплинам, теории решений и др. Вероятно, одним из первых проявлений этой тенденции можно считать так называемый Новый курс президента США Ф. Рузвельта. Как известно, то была серия научно проработанных мероприятий правительства по выводу крупнейшего капиталистического государства из разрушительного кризиса 1929—1932 гг.

Думается, интересный материал с этой точки зрения можно получить, рассматривая ситуацию и в нашей стране в 20-е гг., когда разрабатывалась и осуществлялась новая экономическая политика, приведшая к коренному изменению стратегии Коммунистической партии и к кардинальным переменам в экономической и социальной жизни общества. Тогда велись обширные социологические и экономические исследования реальных процессов, которые в той или иной форме использовались государственными и хозяйственными органами.

В целом можно сказать, что в развитых странах в XX в. у общественных наук появились новые социальные функции, связан-

ные с выявлением конкретных социальных проблем, их анализом и выработкой рекомендаций по их практическому решению. Это функции так называемой социальной инженерии, практического упорядочивания, рационализации сферы хозяйства, бизнеса, социальных и других отношений. Особую значимость социальные науки приобрели в преобразовании сферы организации и управления (государственного, муниципального, внутрифирменного и т. д.); системы принятия решений, что побудило многих западных социологов говорить о менеджериальной (управленческой) революции. Достаточно сказать, что современные западного образца фирмы (промышленные и иные компании) имеют специальные внутрифирменные научные подразделения, занимающиеся исследованиями и выработкой рекомендаций по совершенствованию не только технологий и управления, но и стратегического планирования, решению проблем социальной сферы, мотивации, социально-психологического климата и т. д.

Таким образом, практически во всех развитых странах можно констатировать тенденции привлечения социальных наук, соответствующих специалистов различными властными структурами, правительственными и государственными органами, руководителями фирм, корпораций, банков к анализу конкретных социальных проблем, реализации частичных социальных изменений. Правда, эти тенденции осуществляются далеко не идеальным образом, а противоречиво, нередко в конфликтных формах.

Иначе проходило подключение обществоведов к осуществлению социальных изменений в нашей стране. Примерно с середины 20-х гг. более или менее объективное исследование реальной ситуации в обществе, экономических, социальных и политических проблем у нас подменялось все в большей степени конструированием умозрительных идеологических схем и доктрин типа «полной и окончательной победы социализма», «социально-политического и морального единства советского общества», «построения развитого социализма и постепенного перехода к коммунизму» и т. д. В итоге социальные науки, объявлявшиеся глубоко партийными, т. е. обязанными строго следовать программным директивам КПСС, их разъяснять и пропагандировать, нередко принимали желаемое за действительное. Настоящая научная мысль, которая не переставала биться даже в самые сложные, тяжелые времена, по большей части оказа-

лась непричастной к тем реальным социальным изменениям, которые имели место в обществе, к механизму функционирования различных государственных, общественных и хозяйственных структур, к принятию крупных решений общегосударственного или местного уровня.

Однако современное развитое общество с его огромным промышленным потенциалом, производственным аппаратом, развитой инфраструктурой, общество, в котором на разных уровнях управления ежеминутно принимаются в совокупности миллионы решений, коренным образом отличается от общества XIX и тем более XVIII столетия. Современное общество — такой сложнейший организм, который и на общегосударственном уровне, и на региональном и отраслевом уровнях не может управляться и видоизменяться по старинке, методом проб и ошибок, с помощью импровизации, неожиданных озарений. Более или менее нормально функционировать, изменяться, развиваться оно без науки, без научных рекомендаций не может. Современный этап научно-технического прогресса в развитых странах требует постоянной ориентации не только на научно-технические, но и на организационно-управленческие и социальные нововведения. Во всех странах с развитой рыночной экономикой идет поиск новой государственной политики в сфере нововведений, ориентированной на создание в обществе и в экономике постоянного стимула к новаторству и предприимчивости. Постоянные и систематические социальные нововведения становятся формой устойчивого функционирования всего социального организма.

Субъект социальных изменений. В социологии вопрос о субъекте социальных изменений совершенно справедливо выделяется как самостоятельный, заслуживающий специального обсуждения. Но высказываемые мнения весьма разноречивы и даже иногда противоположны. В марксистской теории, например, считается, что субъектами социальных революций являются самые широкие слои народа, среди них решающую роль играют один или несколько классов (так называемое третье сословие в период Великой французской революции; в период Великой Октябрьской революции 1917 г. в России тактика большевиков основывалась на создании союза рабочего класса и беднейшего крестьянства). Необходимым условием успешной социалистической социальной революции, с точки зрения

традиционной марксистской теории, должна быть политическая партия, руководящая революционными массами и сама руководствующаяся марксистской (марксистско-ленинской) идеологией.

Общая закономерность в этом плане была сформулирована К. Марксом еще в одной из его ранних работ: вместе с основательностью действия растет и объем массы, делом которой оно является. Иными словами, чем глубже осуществляемое в обществе преобразование, тем больший объем народных масс в нем участвует. В абстрактно-теоретическом плане это утверждение, видимо, справедливо и логично. Оно привлекательно и в плане своей демократичности.

Однако в реальной жизни, в действительности дело зачастую обстоит совсем не так, как предписывает Марксова закономерность. Нередко кардинальные социальные изменения, в том числе и революционного характера, совершались сравнительно узким слоем людей, небольшим кругом лиц. Вовсе не случайна заключительная ремарка А. С. Пушкина в драме «Борис Годунов»: «Народ безмолвствует».

Как известно, партия большевиков накануне Октябрьской революции насчитывала около 340 тыс. членов. Эта крайне малая группа (по сравнению с общим населением страны) сумела перевернуть Россию. По подсчетам некоторых историков, активных сторонников Петра I было, вероятно, не больше 1% населения. Однако им удалось коренным образом преобразовать страну. Исходя из аналогичных фактов, часть социологов приходят к выводу, что от 1 до 3% активного населения страны достаточно, чтобы провести самые решительные преобразования, повернуть нацию (государство) на иной путь развития.

Или взять некоторые факты из нашей недавней истории. Сейчас стало известно, что многие решения, которые на годы, а то и десятилетия изменили образ жизни миллионов людей, изменили множество социальных структур и их функций, принимались крайне ограниченным числом руководителей из правящей элиты. Вспомним, например, что буквально считанные единицы правителей Советского Союза принимали такие решения, как ввод войск в Чехословакию в августе 1968 г. или ввод войск в Афганистан в 1979 г.

Разумеется, такие и другие подобные факты никоим образом не могут свидетельствовать о демократическом характере

проводимых изменений, тем более о демократическом характере самого процесса принятия решений. Вместе с тем становится очевидным, что проводимые в современных условиях такими методами, с помощью таких решений, изменения в обществе оказываются, как правило, непрочными, недолговечными. То, что навязывается большим массам людей вопреки их коренным интересам силой, с помощью решений, принимаемых узким кругом лиц, с течением времени отторгается массами, служит причиной многочисленных острых (а иногда и кровавых) конфликтов и зачастую возвратных изменений.

Все чаще субъектом социальных изменений в различных странах, да и на общемировом уровне выступают различные общественные движения. Под общественными (социальными) движениями обычно понимается совместная сознательная деятельность социальных, профессиональных, этнических, женских, молодежных и иных групп, имеющих общие цели, ценности и нормы поведения, добивающихся реализации своих целей и, как правило, не включенных в существующие социальные институты и официальные структуры. Их деятельность обычно носит несправительственный, а иногда и антиправительственный характер. Ярким примером такого рода движений является современное экологическое движение (партии «зеленых»), распространившееся по многим странам мира, за сбережение и сохранение в чистоте природной среды обитания человека. Известно, что под его влиянием и давлением во многих странах мира принят ряд важных мер по сохранению природной среды.

Мощным фактором социальных изменений следует считать национально-освободительное движение, под воздействием которого возникли многие независимые государства в Азии, Африке, Латинской Америке в XX столетии.

Социальные движения за демократизацию общественной жизни сыграли важную роль в процессах отстранения от государственной власти коммунистических партий на рубеже 80—90-х гг. в бывшем Советском Союзе, других странах бывшего социалистического лагеря. Здесь не место впадать в оценку сути, социальных истоков и исторической роли коммунистического или демократического социальных движений. Это особый вопрос. Но приведенные примеры показывают силу и мощь социальных движений современности, их роль в осуществлении социальных перемен.

§ 4. Социальные изменения и социальная стабильность

Понятие социальной стабильности. Проблема стабильности для нас сейчас имеет не только научное, академическое значение. Стабилизация экономической, политической, социальной жизни современного российского общества — это то, чего ждут и на что надеются россияне уже несколько лет. В такой ситуации возникают даже представления о том, что стабильность общества тождественна неизменности социальных систем и структур, что всякие изменения ведут только к ухудшению благосостояния людей.

В каком же соотношении находятся социальная стабильность и социальные изменения с научной, социологической точки зрения? Можно ли считать, что они исключают друг друга?

В действительности же социальная стабильность не синоним неизменности, неподвижности социальных систем и отношений. В обществе такая неподвижность является, как правило, не признаком стабильности, а признаком застоя, рано или поздно ведет к неустойчивости, социальной напряженности, в итоге к нестабильности. В бывшем СССР, например, в течение длительного времени, особенно в 60—70-е гг., правительство старалось держать стабильными, т. е. неподвижными, розничные цены на многие товары и услуги. Однако в итоге это привело к тому, что цены стали абсолютно не соответствовать затратам труда и сырых материалов на производство этих товаров и затратам труда на оказание услуг. В свою очередь такая ситуация привела к тому, что производить товары и оказывать услуги стало экономически невыгодно. В результате начало падать производство, затормозился научно-технический прогресс, стали расширяться области застоя. Так что неизменяемость каких-либо систем вовсе не означает их стабильность, а содержит в себе элемент напряженности, конфликта, в конечном счете — источник нестабильности.

В научном социологическом смысле социальная стабильность — это такая устойчивость социальных структур, процессов и отношений, которая при всех изменениях сохраняет их качественную определенность и целостность как таковых. Она складывается из трех уровней: 1) внутренней стабильности социальных систем (институтов, организаций, сообществ и т. д.), 2) стабильности взаимосвязей и взаимодействий социальных систем между собой, 3) стабильности всего общества, кото-

рую можно обозначить как социетальную стабильность. Эта последняя уже будет включать в себя стабильность политическую, экономическую, идеологическую, культурную и т. д. на уровне всего общества. Стабильное общество — это общество, развивающееся и в то же время сохраняющее свою устойчивость, общество, в котором налажен процесс и механизм изменений, сохраняющий его стабильность, исключаящий такую борьбу социальных сил, которая ведет к расшатыванию самих устоев общества.

Важно учитывать еще одно обстоятельство. Стабильными могут быть какое-то время и авторитарные, и тоталитарные политические режимы. Однако исторический опыт многих стран показывает, что в конце концов такие режимы «взрываются», становятся средоточием социальных конфликтов и общей нестабильности. Поэтому стабильное общество в полном смысле слова — это демократическое общество.

Таким образом, в обществе стабильность достигается не за счет неизменности, неподвижности, а за счет умелого осуществления назревших социальных изменений в нужный момент и в нужном месте. Можно сказать, что социальные изменения являются необходимым условием и элементом социальной стабильности.

Факторы социальной стабильности. В соответствии с тремя главными уровнями социальной стабильности следует выделять и основные группы факторов, их обеспечивающие. Очевидно, что стабильность каждой социальной системы определяется внутренними факторами системы и внешними факторами по отношению к данной системе. Так, к примеру, стабильность системы образования как социального института зависит от внутренних факторов — профессиональной подготовки преподавательского корпуса, оптимального соотношения учителей и учеников, программной и методической обеспеченности и т. д. Вместе с тем стабильность деятельности этой сферы (системы) зависит и от многих внешних факторов, таких, в частности, как государственное законодательство и государственная политика в области образования, политическая стабильность общества, материально-техническое и финансовое обеспечение и т. д. То же самое в принципе можно сказать и о каждой другой социальной системе.

Особое внимание следует обратить на вопрос о стабильности социальных систем на национально-государственном уровне.

не, т. е. стабильности того или иного общества в целом. Внешние факторы его стабильности очевидны. Это — благоприятная международная обстановка, наличие нормальных связей и отношений с другими государствами и, пожалуй, главное, включенность в глобальную социальную (социетальную) систему. Не случайно, например, Россия в последнее время прилагает максимум усилий для вхождения на равных правах в ряд международных правительственных и неправительственных организаций и органов, что, естественно, будет способствовать социальной стабильности самого российского общества.

Внутренние же факторы стабильности общества весьма многообразны. Важнейшее место среди них занимает стабильное функционирование социальных институтов, охватывающих социальную, политическую, экономическую, культурную системы общества. В стабильном обществе между этими системами устанавливается определенное соответствие, в результате которого эти системы как бы взаимно поддерживают друг друга. Более того, сбой в функционировании, дисфункция даже какой-либо одной системы оказывает существенное дестабилизирующее воздействие не только на другие системы, но и на все общество как социетальную систему. В этой связи следует особо подчеркнуть важное значение культурной системы, которое на практике обычно недооценивается. Дело в том, что культурная система общества как бы узаконивает, легитимизирует другие системы и господствующие в них порядки. Эти системы (и порядки) в глазах людей, народа должны выглядеть законными, «правильными», справедливыми с точки зрения господствующих культурных норм и ценностей. Только тогда люди будут стараться соблюдать эти порядки. В противном же случае происходит отчуждение от народа формально установленных порядков в экономической и политической системах.

Стабильность общества в значительной степени зависит и от стабильного состояния политической системы, прежде всего государства, взаимодействия исполнительной, законодательной и судебной власти. Одним из защитных механизмов стабильности может явиться развитие многопартийности. Но при отсутствии необходимого законодательства, регулирующего взаимоотношения между партиями и властными структурами, при отсутствии или недостатке общей культуры, а особенно культуры межпартийной политической борьбы, многопар-

тийность может явиться и фактором дестабилизации общественной жизни. Но в принципе многопартийность — это один из защитных механизмов общества против наступления авторитаризма и диктатуры. При этом ареной и средоточием борьбы различных политических партий, организованных политических групп служит, как правило, парламент.

В укреплении политической стабильности важная роль принадлежит такому фактору общественной жизни, как консенсус (согласие) в отношении основополагающих ценностей со стороны основных политических сил и партий, представителей всех ветвей власти. Такой консенсус, с одной стороны, выступает как отражение более широких и масштабных ориентаций социальных групп и слоев, а с другой — в свою очередь благоприятствует, способствует укреплению этих ориентаций. Поэтому чем болес в обществе доминируют такие ориентации, тем стабильнее, устойчивее само общество в целом, тем более прочны в нем демократические устои. Потребность в консенсусе выявляется наиболее остро в переходные периоды, когда общественное согласие может сыграть и действительно играет решающую роль.

Однако ни в теории, ни на практике нельзя отождествлять демократический консенсус с тоталитарным единомыслием. Последнее не терпит инакомыслия, допускает «мыслие» лишь главного действующего лица, верховного правителя, будь то император, диктатор, президент или генсек. Разнообразие и многообразие мнений здесь не допускаются. Демократический же консенсус предполагает обязательное наличие плюрализма мнений и представлений у различных общественных движений, политических партий, ветвей власти, социальных групп и слоев. Здесь богатство мнений служит методом отыскания наиболее правильных, эффективных, оптимальных решений, а не источником примитивных раздоров и пропагандистской полемики.

Среди социальных факторов стабильности общества многие исследователи и политические деятели называют факторы, относящиеся к его социально-классовой структуре, его стратификации. Среди них — наличие в обществе достаточно обширного среднего класса, обладающего средними для данного общества доходами, средних размеров частной собственностью. Наличие такого класса обуславливает наличие и укрепление центристских политических сил, которые способны привлечь

на свою сторону наиболее активные слои населения. И наоборот, недостаточное влияние центристских группировок может служить общим фоном, на котором инициативу захватывают экстремистские круги, что в свою очередь ведет к политической и социальной напряженности, обостряет борьбу политических сил и тем самым усиливает риск нестабильности.

Социальная нестабильность. В реальной социальной жизни практически не бывает абсолютной стабильности. В любом обществе всегда имеют место нарушения равновесия внутри социальных систем и между ними, проявления реальной или потенциальной нестабильности. Под нестабильностью понимаются такие изменения структуры, функций или каких-либо процессов социальных систем (в том числе и социальных), которые деформируют эти системы и угрожают их целостности. Нестабильность может быть и на уровне отдельных социальных систем (нестабильность экономики, государственной власти и т. д.), их взаимодействия друг с другом, наконец, на уровне всего общества.

Однако понятие нестабильности имеет и более широкий фундаментальный научный и философский смысл. Согласно некоторым современным представлениям, получающим все большее распространение среди ученых разных научных профилей, нестабильность в смысле неустойчивости является фундаментальной характеристикой всего мироздания¹.

Такие представления можно отнести и к обществу. При этом под неустойчивостью следует понимать не социальный хаос, а незаконченность, незавершенность в каждый данный момент социальной эволюции, возможность и необходимость социальных изменений в той или иной точке социального бытия, даже непредсказуемость этих изменений, их конкретной направленности, времени и места возникновения.

В реальной социальной жизни нестабильность, как правило, является признаком каких-то нерешенных проблем, дисфункций и деформаций. Факторы нестабильности, как и факторы стабильности, могут быть внешними по отношению к социальной системе и внутренними. Внешние факторы в свою очередь могут быть подразделены на социальные (антропогенные) и природные. Воздействие внешних социальных факторов

¹ См. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6

может существенно деформировать и даже разрушить социальную систему. Так, в период захватнических колонизаторских войн были разрушены многие общества в Африке, Азии, Америке, Австралии, уничтожены целые народы, нередко с высокой и уникальной культурой. Существенно нарушить стабильность социальных (социетальных) систем могут и природные катаклизмы. Под их воздействием нередко деформируются или совсем разрушаются некоторые социальные институты, например экономика, система здравоохранения. Огромный ущерб народному хозяйству, различным системам жизнеобеспечения людей, а то и просто их жизням наносят землетрясения, наводнения, тайфуны, цунами и т. д. Вспомним хотя бы, сколько бед и несчастий принесло жителям Армении землетрясение 1988 г. в районе г. Спитак (более 24 тыс. погибших). Страна до сих пор полностью не оправилась от этой страшной катастрофы.

Внутренние социальные факторы нестабильности социальных систем также весьма многообразны. Некоторые из них уже назывались в этом параграфе. В общем виде можно сказать, что нестабильность системы — это разрушение или по крайней мере нарушение ее целостности, деформация структуры и функций. Это положение подробнее можно проиллюстрировать на примере социальных институтов. Нестабильность деятельности социальных институтов проявляется прежде всего в существенном нарушении равновесия между структурными компонентами (например, дисбаланс отраслей народного хозяйства в экономике); в функциональной расстроенности вплоть до невыполнения необходимых общественных функций, деформации во взаимоотношениях между различными социальными институтами.

Социальные кризисы. Как уже говорилось, нестабильность в развивающихся обществах в той или иной форме существует практически всегда. Нестабильность углубляется и расширяется, если правящие группы не принимают мер по ее контролю или если эти меры недостаточны и неадекватны. В таком случае нестабильность не только возрастает, но и перерастает в кризисную ситуацию, в кризис. Можно зафиксировать три стадии в этом процессе. *Первая* — это деформация отдельных структур, отдельных функций или процессов внутри социальной системы, а также и отдельные нарушения межсистемных связей. На уровне всего общества как социетальной системы это главным образом деформации отдельных социальных институ-

тов, о чем уже говорилось. *Вторая* — общая нестабильность социальной системы как таковой, когда существенно нарушается ее целостность. Это стадия общего кризиса социальной системы или, если речь идет о социетальной системе, системный кризис всего общества. На этой стадии еще возможно восстановление, возрождение системы в прежнем качестве, хотя для этого требуются значительно большие усилия, чем на предыдущей стадии

При изучении подобных ситуаций принципиально важное значение имеет подход, предложенный учеными ИСПИ РАН, заключающийся в определении предельно-критических, пороговых показателей системного кризиса общества, означающих опасность возникновения необратимых процессов распада. Эти показатели сгруппированы в семи важнейших сферах жизнедеятельности того или иного конкретного общества: экономические отношения, социальная сфера, демографическая ситуация, экологическая ситуация, девиантное поведение, политические отношения, обороноспособность. Так, социальная сфера содержит четыре показателя: 1) соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан. Предельно-критическое значение в мировой практике выражается соотношением 10 : 1; 2) доля населения, живущего за чертой бедности. Предельно-критическое значение в мировой практике — 10%; 3) соотношение минимальной и средней заработной платы. Предельно-критическое значение в мировой практике — 1 : 3; 4) уровень безработицы. Предельно-критическое значение в мировой практике — 8—10%. Во второй половине 90-х гг. многие реальные показатели развития российского общества выходили за рамки предельно-критических мировых показателей, что самым серьезным образом сказывалось на стабильности российского общества в целом. Например, соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан в 1998 г. выражалось соотношением 15 : 1¹.

Наконец, *третья* стадия нестабильности — это катастрофа, т. е. разрушение данной социальной системы как таковой, конец ее существованию. Возврат к прежнему состоянию уже невозможен, и разрушительные антисистемные социальные изменения приобретают необратимый характер. История знает лишь

¹ См. подробнее: Г. В. Осипов. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000. С. 449—452.

два выхода из таких социальных катастроф: 1) распад, умирание данной социальной системы (общества), умирание цивилизации и культуры (гибель древнеегипетской, греко-римской, византийской и других цивилизаций); 2) переход в принципиально новое социальное качество, формирование качественно новой социальной системы (трансформация феодальных или полуфеодальных социальных систем и институтов в Японии, Малайзии и других странах в капиталистические). Последнее возможно лишь при определенных объективных и субъективных условиях, политической воле правящих групп, огромных усилиях значительных масс людей.

Приложение

Социология в России: проблема демократизации в контексте социальных преобразований российского общества

Российское общество находится на протяжении последних лет в процессе глубоких социальных преобразований. Что представляют они собой? Куда идет Россия — к блестящему будущему или становится третьеразрядной державой и возвращается к состоянию средневековой раздробленности, к временам дореволюционной России или даже к допетровским временам? Эти и множество других аналогичных вопросов постоянно обсуждаются и в средствах массовой информации, и во властных структурах, на научных конференциях и просто в повседневных быденных разговорах.

При всем разнообразии и разбросе мнений, видимо, можно сказать, что необходимость глубокой демократизации российского общества (хотя и понимаемой далеко не одинаково) признается различными политическими силами, разными ветвями власти, Центром и субъектами Федерации одним из главных, ведущих направлений в осуществляемых преобразованиях. Сейчас становится особенно очевидным, что объективной исторической альтернативы у этого процесса нет. Встречающиеся рассуждения и предположения о целесообразности какого-либо варианта просвещенного авторитаризма вновь возвращают страну к состоянию тоталитаризма или же на уровень до марта 1917 г. и даже в XVIII в. Именно поэтому имеет

смысл рассмотреть некоторые аспекты процесса демократизации с социологической точки зрения, как составной части происходящих ныне в российском обществе социальных изменений. При этом исходными позициями должны быть не партийные предпочтения и пристрастия, а научное понимание демократии и логики ее развертывания в конкретных социально-исторических условиях.

В научной и справочной литературе демократия обычно трактуется как политический или политико-правовой феномен. Подчеркивают, что это форма государственной власти, форма политических отношений, признающая народ, его большинство носителем государственной власти. При этом демократия противопоставляется автократии и аристократии (как форме государственного устройства и правления), при которых носителем государственной власти признается единоличный правитель либо сравнительно узкий и замкнутый элитарный слой.

Демократическое государственное устройство предполагает целую систему конституционно и законодательно закрепленных так называемых противовесов, с помощью которых образуется баланс различных ветвей и органов власти. Каждая власть действует строго в пределах своей компетенции, но ни одна из них не обретает и не может обрести абсолютного доминирующего положения.

Однако возникает вопрос: распространяются ли принципы демократии на другие сферы жизни общества, кроме политической, и какова в таком случае может быть социологическая интерпретация демократии? Будет совершенно справедливым утверждать, что принципы демократической организации охватывают не только политическую и правовую сферы, они касаются и сферы экономики, равно как и социальной, духовной, культурной областей. Разве можно не обращать внимания на то, демократично или не демократично организована культурная жизнь общества, его экономическая жизнь, социальная, т. е. развито или не развито гражданское общество (как некий противовес государству, государственной организации)?

В традициях социологической науки (труды А. Токвиля, М. Вебера, Ч. Р. Милса, Й. Шумпетера и др.) рассматривать демократию не только как политико-правовой феномен, но и как социальный феномен в самом широком смысле слова. С социологической точки зрения демократия — это определенный тип организации различных сфер жизнедеятельности

общества, при котором управление ими и всем обществом осуществляется самим народом — или непосредственно (как в древних Афинах и других городах-полисах) или посредством компетентных избранных народом и ответственных перед ним представителей.

Демократическое общество предполагает формирование не только определенных политических и правовых организаций, но и определенных социальных норм и ценностей, стандартов поведения со стороны управляющих и со стороны управляемых; определенного образа мышления, менталитета, что в свою очередь становится возможным при определенном уровне экономического и научно-технического развития и уровня благосостояния людей.

Демократия в социологии поэтому может и должна рассматриваться как социокультурный феномен. Более того, некоторые видные социологи (К. Маннгейм и др.) утверждают, что политическая демократия является лишь одним из проявлений всеобщего социокультурного принципа демократии. Точно таким же проявлением выступает экономическая демократия. Одна из задач сравнительной социологии — выявить коренные, фундаментальные различия между демократическим социокультурным миром и недемократическим — аристократическим, авторитарным, тоталитарным. Конечно, эти различия более заметны на уровне государственного устройства, политики. Но они могут быть прослежены и в контексте социокультурного процесса.

Покажем это положение на нескольких примерах. Демократическое общество признает, что единственным источником государственной власти является народ, что каждый человек обладает естественными правами и свободами и что все члены общества равны перед законом и судом. Эти положения в той или иной форме записаны в конституциях современных государств, считающих себя демократическими. Записаны они и в Конституции РФ. Естественно, они имеют прежде всего политико-юридическое содержание, т. е. они фиксируют некоторую конституционную правовую норму. Однако основная проблема заключается не просто в провозглашении определенных (пусть самых хороших) принципов или норм, а в том, чтобы эти принципы и нормы «работали» в реальной жизни общества, чтобы они выполнялись и самими членами общества, так сказать, рядовыми членами, и всевозможными властными струк-

турами — президентом, правительством, другими исполнительными органами, депутатами всех уровней, судебными властями и т. д. Так, если все равны перед законом, то не может быть правовых преимуществ ни у одного человека, ни у каких-либо объединений людей, вплоть до политических партий. Отсюда вырастает такое явление общественной жизни демократического общества, как плюрализм — плюрализм партий, воззрений, идеологий, культур. *Плюрализм*, следовательно, опять-таки нельзя свести только к политической сфере. Он — социокультурное явление.

Теснейшим образом связано с плюрализмом такое явление общественно-политической жизни демократических обществ, как наличие оппозиции. Это явление также нельзя считать только политическим явлением. *Оппозиция* — тоже более широкое социокультурное явление. Во-первых, оппозиция может быть не только при решении и обсуждении политических вопросов. Оппозиция может существовать при постановке и решении вопросов в экономических, хозяйственных структурах, в идеологических и культурных структурах, при проведении социальной политики и т. д. Во-вторых, взаимоотношения между властью (политической, административной, хозяйственной и т. д.) и оппозицией требуют определенного строя мышления, определенных психологических установок и со стороны представителей власти, и со стороны представителей оппозиции. В течение длительного времени у нас в сознании укоренился такой стереотип, будто любая оппозиция в любой сфере жизнедеятельности общества нетерпима, вредна и должна быть искоренена. Такое положение существовало фактически за весь период советской власти.

На самом же деле оппозиция — это социальный, точнее, социокультурный элемент в механизме функционирования и развития демократического общества. Причем совершенно необходимый элемент. Цивилизованное взаимодействие власти и оппозиции позволяет находить наиболее оптимальные решения возникающих проблем во всех сферах жизнедеятельности общества.

Возвращаясь к проблеме демократизации российского общества, нельзя не учитывать, что аналитически она распадается на две взаимосвязанные, но разные по объему, масштабу, времени реализации задачи: *построение демократического госу-*

дарства и построение демократического общества. Очевидно, что они существенно отличаются друг от друга. Первая носит главным образом политико-правовой характер, вторая — общесоциальный, социокультурный характер. Первая оказывается лишь частью (очень существенной, в каком-то смысле решающей), но все же частью второй. Первая включает в себя главным образом задачи построения правового государства, в том числе укрепления демократического характера формирования и функционирования конституционного порядка в стране, органов государственной власти, разграничение и законодательное оформление функций центральных органов власти и органов власти субъектов Федерации (т. е. последовательное проведение принципа федерализма в государственном устройстве России); законодательное и фактическое обеспечение прав человека и безопасности личности и т. д.

Вторая предполагает дополнительно следующее. Во-первых, формирование структур развитого гражданского общества, развитой общественности в разных видах и формах. Ныне необходимые обществу функции выполняются в львиной части государственными структурами, аппаратом (или не выполняются никем). Различные добровольные объединения, ассоциации только возникают (и то только в некоторых городах) и не играют существенной роли в жизнедеятельности, функционировании общества в целом, например в социальном контроле. Между тем демократическое общество — это и развитое гражданское общество. В США, например, существует великое множество различных добровольных объединений, постоянно занятых решением множества практических повседневных задач. На это обстоятельство обращал внимание еще А. Токвиль, указывая, что если там в провинциальном городке возникает необходимость в строительстве больницы, то тут же образуется добровольное общество, члены которого посвятят досуг и деньги поискам решения данной проблемы. Что же касается России, то можно утверждать, что, пока не развита в должной мере общественность, пока она не взяла в свои руки многие вопросы и их решение, до тех пор общество не может считаться демократическим, гражданским. До тех пор всюду будет существовать опасность бюрократизации, превалирования роли административных, государственных структур, роли чиновничества.

Во-вторых, демократическое общество предполагает формирование демократического образа мышления граждан, демокра-

тических норм и стандартов поведения. Дело в том, что люди должны научиться пользоваться демократией в политической и других сферах общества. Научиться пользоваться правом голоса в выборные органы всех уровней. Научиться пользоваться свободой слова, свободой мнений, политическим плюрализмом, научиться по-цивилизованному общаться со своими единомышленниками и идейными и политическими оппонентами, пользоваться современными формами политической борьбы и политического единства, согласия. Иными словами, демократизация предполагает существенную перестройку политического и социального поведения людей, их ценностных ориентаций и норм, образа и стиля мышления, т. е. менталитета.

В-третьих, формирование развитой социальной инфраструктуры, в частности коммуникационной структуры всех форм и видов. О беде российских дорог говорил еще Н. В. Гоголь. Нынешнее состояние железнодорожной сети, сети автомобильных дорог, авиалиний признается специалистами ниже всякой критики. По развитию телефонной сети Россия находится, как ни странно, на одном из последних мест в мире. Между тем в современных условиях демократия невозможна без развитой системы всех элементов инфраструктуры, в том числе структуры коммуникаций.

Далее, в-четвертых, демократическое общество предполагает социально ориентированную экономику, обеспечивающую достаточно высокий уровень материального благосостояния при ограниченном перепаде доходов наиболее высокооплачиваемых и низкооплачиваемых слоев населения.

Есть и еще один вопрос, на который необходимо обратить внимание. На какой материально-технической базе должна строиться демократия в России? Дело в том, что исторически существуют разные типы демократии. Опыт разных стран показывает, что такой базой может быть и доиндустриальная технологическая база, и индустриальная, и постиндустриальная. России предстоит сделать сознательный выбор в этом отношении с учетом своих современных возможностей, собственных исторических традиций, опыта других стран. Наиболее целесообразный путь демократии в России — путь ускоренного развития того, что стало называться постиндустриальным обществом. И в самом деле, учитывая огромный, уникальный интеллектуальный и производственный потенциал страны, масштабность терри-

тории, чувства национальной гордости и достоинства, место среди великих держав мира, выбор в пользу российского варианта постиндустриального общества является наиболее соответствующим возможностям народа и государства.

Таким образом, демократизация российского общества представляет собой одно из самых существенных социальных преобразований, социальных изменений в его истории. Может быть, даже одно из самых глубоких и фундаментальных. Начавшись еще в XIX столетии, этот процесс в XX в. обрел принципиально новые черты и формы, прошел драматические и трагические фазы. Большим упрощением было бы видеть в этом процессе лишь формирование правового государства, которое само может быть стабильно лишь тогда, когда демократизация политической сферы будет подкреплена демократизацией всех остальных сфер, демократизацией всего общества.

Вопросы для закрепления материала

1. Какие изменения называются социальными?
2. Назовите основные виды социальных изменений.
3. В чем заключается инновационный процесс?
4. Каковы основные черты эволюционных и революционных социальных изменений? Чем отличаются от них циклические социальные изменения?
5. Каков механизм воздействия технологических изменений на социальные?
6. Можно ли утверждать, что социальная стабильность является полной противоположностью социальным изменениям?
7. Как следует понимать социальную нестабильность?
8. Каковы этапы нарастания кризисной ситуации?
9. Каково содержание процесса демократизации российского общества как социокультурного процесса?

Литература для дополнительного чтения

Араб-Оглы Э. А. Обозримое будущее: Социальные последствия НТР: год 2000. М., 1986.

Босков А. Социальные изменения: основные проблемы возникновения теоретических и исследовательских центров // *Беккер Б., Босков А.* Современная социологическая теория. М., 1961.

Длинные волны. Научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие. Новосибирск, 1991.

Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

Нововведение как фактор развития. М., 1987.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

Пригожин А. И. Нововведение: Стимулы и препятствия. М., 1989.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

Яковец Ю. В. История цивилизаций. М., 1997.

Глава 17

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

§ 1. Понятие социального развития

Несостоятельность линейного эволюционизма и прогрессизма.

Некоторые современные западные социологи фактически отрицают социальное развитие как таковое, точнее говоря, отрицают процессы социального развития как предмет социологического анализа. Утверждают, что сама проблема развития — это проблема философская или экономическая, в конце концов историческая, но не социологическая. С их точки зрения, социология может заниматься только социальными изменениями. Представляется, что такая крайняя точка зрения является неоправданной. Это — своего рода негативная реакция на распространенные в прошлых веках, а отчасти и в наше время представления прямолинейного эволюционизма и прогрессизма.

Мыслители XVIII—XIX вв. (Кондорсе, Кант, Конт, Спенсер) были буквально одержимы идеями эволюции и прогресса, линейного, однонаправленного и непрерывного развития человечества к некоторой конечной цели — идеальному, совершенному состоянию общества. Каждый новый этап в истории общества, в истории народов, с их точки зрения, есть этап

именно такого развития, т. е. постоянного расширения власти человеческого разума над стихийными силами природы и законами социальной эволюции, этап улучшения, усовершенствования форм организации социальной жизни, основанных на справедливости и индивидуальной свободе для всех. П. Сорокин в этой связи указывал: «В XVIII и XIX веках подавляющее большинство ученых, философов, представителей общественных и гуманитарных наук твердо верили в существование вечных линейных тенденций изменения социокультурных явлений. Основное содержание исторического процесса заключалось для них в развертывании и все более полной реализации этой «тенденции эволюции и прогресса», стабильной «исторической тенденции» и «закона социокультурного развития»... Вся общественная мысль XVIII и XIX веков отмечена верой в линейные законы эволюции и прогресса»¹. При этом Сорокин выделял четыре варианта линейных теорий, в которых главная линия развития могла строиться: 1) по прямой, 2) волнообразно, 3) всеобщее, 4) спиралеобразно.

Русский философ и социолог С. Л. Франк, изгнанный, как и П. А. Сорокин, в 1922 г. из Советской России, высмеивая подобные представления, писал: «Если присмотреться к истолкованиям истории такого рода, то не будет карикатурой сказать, что в своем пределе их понимание истории сводится едва ли не всегда на такое деление: 1) от Адама до моего дедушки — период варварства и первых зачатков культуры; 2) от моего дедушки до меня — период подготовки великих достижений, которые должно осуществить в мое время; 3) я и задачи моего времени, в которых завершается и окончательно осуществляется цель всемирной истории»².

Очевидно, что представления плоского эволюционизма, как показывали события в XX в., да и в предыдущие века, были большим упрощением истории, в которой имели место и элементы развития, но и периоды застоя, регресса, разрушительные войны, чудовищные концлагеря, уничтожение миллионов невинных людей и т. д. Однако отвергая упрощенное понимание развития как всеобщего, постоянного однолиней-

¹ Сорокин П. Социокультурная динамика и эволюционизм. Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М., 1994. С. 359.

² Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 30.

ного движения к некоторому идеальному обществу, в то же время нельзя не признать, что все-таки социальное развитие имеет место в реальности, и оно может и должно быть объектом социологического исследования.

Социальные изменения и социальное развитие. Как уже говорилось, имеется существенное различие между понятиями «социальное изменение» и «социальное развитие». Коротко говоря, это различие сводится к тому, что понятие «социальное изменение» фиксирует факт перемены безотносительно к ее направленности. Понятие «социальное развитие» — иного характера. Оно применяется для обозначения процессов совершенствования, улучшения, усложнения. Оно не только фиксирует сам факт социального изменения, но и содержит некоторую оценку этого изменения, характеризует его направленность.

Обычно социальное развитие как реальный процесс характеризуют тремя взаимосвязанными чертами — необратимостью, направленностью и закономерностью. Необратимость означает постоянство процессов накопления количественных и качественных перемен в течение некоторого промежутка времени. Направленность — ту линию или линии, по которым совершается накопление. Закономерность — процесс накопления не случайный, а необходимый. Принципиально важная характеристика социального развития — промежуток времени, в течение которого осуществляется развитие. Пожалуй, не менее важно и то, что только с течением времени выявляются основные черты социального развития, поскольку оно складывается из некоторой цепочки социальных изменений. Результатом процесса развития является новое качественное (иногда и количественное) состояние социального объекта (например, социальной группы, социального института, организации и всего общества).

Сказанное относится, скорее, к общефилософскому или социально-философскому пониманию развития. Социологическое понимание развития требует более конкретного выделения его критериев и показателей. В научной литературе можно встретить разные точки зрения на этот счет. Представляется, что можно выделить прежде всего следующие критерии. Во-первых, социальное развитие предполагает структурное усложнение объекта. Как правило, более сложные по своей структуре объекты являются и более развитыми. Во-вторых, социальное развитие означает увеличение числа, усложнение характера или даже видоиз-

менение социальных функций объекта. Если сравнить современное общество, обладающее многоотраслевой промышленностью, многочисленными системами государственного и общественного управления, учебными заведениями и научными учреждениями, дифференцированное по социальным группам, профессиям, стратам, с обществами, живущими за счет собирательства, охоты или земледелия, то становится очевидной огромная разница в степени сложности и развитости этих двух типов обществ. В-третьих, важным критерием социального развития социальных институтов и организаций является повышение результативности, эффективности, конкурентоспособности их деятельности.

Социальное развитие предполагает также увеличение возможностей удовлетворения многообразных потребностей (материальных, интеллектуальных, духовных и т. д.) различных групп населения и отдельных индивидов. В этом смысле важнейшее значение имеет, например, социальное развитие предприятия, на котором они работают. В таком случае имеется в виду не только развитие технологии трудового процесса, но прежде всего улучшение условий труда и отдыха, повышение уровня материального благосостояния, социальной защищенности работников и их семей, возможности повышения культурного и образовательного уровня и т. д. Не меньшее значение имеет и социальное развитие района, города, региона, всего общества. В таком случае в социологии используется понятие **«социальная инфраструктура»**. Как показано в литературе, это устойчивая совокупность материальных и вещественных элементов, создающих условия для рациональной организации деятельности людей, их полноценного отдыха, культурно-образовательного развития. Сюда входят системы охраны и безопасности труда, системы торговли, здравоохранения, образования, связи и информации, транспорта и т. д. Важно подчеркнуть, что развитие самой социальной инфраструктуры предполагает использование нормативного подхода, который требует сравнения ее реального состояния в том или ином районе (предприятии, области, обществе в целом) с научно обоснованными нормативами и ориентирами. Такое сравнение дает возможность определения уровня развитости (или отставания) социальной инфраструктуры.

Но еще более важным показателем и критерием социального развития общества является развитие самого человека, его лич-

ности. Этот вопрос, ввиду его особой важности, будет рассмотрен специально в конце данной главы, в приложении «Социология в России: развитие общества и развитие человека».

§ 2. Нелинейный характер социального развития и проблема социального прогресса

Что означает нелинейность социальных изменений и социального развития? Как уже говорилось, эволюционизм XVIII — первой половины XX в. в своих наиболее радикальных вариантах полагал, что социальная эволюция как цепь общественных изменений носит линейный, однонаправленный характер, с неизбежностью ведет к беспредельному прогрессу, что такой принцип эволюции универсален, распространяется почти на все социальные явления, что направление социальной эволюции в общем предсказуемо.

Реальный ход событий в мире, особенно в последние десятилетия, показал, что нелинейное видение социальных изменений и социального развития более соответствует наблюдаемым процессам в обществе. Что оно означает?

Во-первых, схематическая последовательная цепь социальных изменений может выстраиваться не в одном, а в разных направлениях. Иными словами, «точка изменений» — бифуркация — это такая поворотная точка, после которой изменения и в целом развитие могут идти не в прежнем, а в совершенно новом, даже неожиданном направлении.

Во-вторых, нелинейность социальных изменений и социального развития означает наличие объективной возможности многовариантной последовательности событий. В жизни практически всегда существуют альтернативные варианты изменений и развития. В связи с этим субъект изменений находится в ситуации совершения выбора, и он становится ответственным за выбранный вариант.

В-третьих, цепочка социальных изменений вовсе не имеет направленности только в сторону прогресса, совершенствования или улучшения. От «точек изменения», которые могут сформироваться в самых неожиданных местах, движение может пойти в разные стороны, вплоть до регресса, упадка, разрушения.

Наконец, нелинейный характер социальных изменений означает, что в этих изменениях всегда следует предполагать последствия предвидимые и непредвидимые, предсказуемые и непредсказуемые, желаемые и нежелаемые. Практическая жизнь показывает, что изменения второго ряда встречаются, к сожалению, гораздо чаще.

Конечно, акцентирование нелинейности изменений и развития в обществе не отвергает саму общую идею социальной эволюции как идею изменчивости социальных систем — социальных институтов, общностей, процессов и т. д. Вопрос в том, как представлять эту эволюцию в науке, с помощью каких теорий, моделей, понятий. И еще один вопрос, особенно актуальный для современного российского общества, — это вопрос сознательного, продуманного выбора собственной стратегии не просто выхода из того жесточайшего кризиса, который поразил страну, а выбора той стратегии, которая послужит основой социального развития российского человека, народа и государства на длительную перспективу.

Существует ли социальный прогресс? В социологической и близкой к ней социально-философской литературе сложились две крайние точки зрения на проблему прогресса в истории общества. Одна заключается в утверждении абсолютности и неизбежности прогрессивного развития общества в целом и многих отдельных его сфер. Как уже говорилось, эволюционисты XVIII — начала XX в. доказывали, что прогресс носит всеобщий характер и проявляется в развитии производительных сил, в науке, технике и технологии, в политической, социальной и духовной сферах жизни общества. Прогресс неостановим, колесо истории вспять обратить невозможно, прогрессивная тенденция пробьет себе дорогу через все препоны. Отсюда делались и делаются абстрактно-оптимистические выводы о светлом будущем, хотя, как правило, никто не представляет, в чем оно заключается и какими конкретными путями и способами может быть достигнуто.

Другая крайность — своего рода специфическая реакция на предыдущую систему взглядов — состоит, по существу, в отрицании возможности научной постановки вопроса о социальном прогрессе, в отрицании самой возможности говорить на языке науки о более высоком качестве одних форм социальной жизни и институтов по сравнению с другими. Представители таких

взглядов обычно выносят проблему прогресса за рамки социальной науки. При этом они ссылаются на то, что попытка квалифицировать те или иные социальные изменения как проявления прогресса означает оценку этих изменений с точки зрения определенных ценностей. Такая оценка, доказывают они, всегда будет субъективной. Поэтому и понятие прогресса — тоже понятие субъективное, которому нет места в строгой науке.

Наличие крайних позиций и острые дискуссии вокруг применимости понятия «прогресс» к социальным изменениям и социальному развитию в значительной степени обусловлены тем, что само это понятие действительно несет в себе ценностный смысл, является оценочным понятием. А, как известно, по этому вопросу — о допустимости в научной социологии ценностных суждений — мнения ученых опять-таки разделились. Одни из них выступают за то, чтобы считать уместным употребление в социологии ценностных суждений. Такой позиции придерживались классики марксизма, но не только они. Значительная часть западных социологов левых или левоцентристских ориентаций (Ч. Р. Миллс, Г. Маркузе, А. Голднер и др.) считают не только возможным, но и совершенно необходимым использование ценностных суждений и понятий в социальных науках, в том числе и в социологии. Исключение таких суждений и понятий лишило бы социологию и другие науки человеческого смысла, гуманистической направленности. Другие авторы, наоборот, ссылаясь на то, что ценностные суждения, ценностные оценки носят субъективный характер, категорически отвергают возможность употребления таких суждений и оценок в научном социологическом исследовании. Вероятно, доля истины есть в обеих крайних позициях, и, чтобы ее выделить, необходимо в свою очередь освободить эти позиции от субъективных пристрастий.

Прежде всего нужно по возможности строго определить само понятие социального прогресса, его содержание. Под прогрессом обычно понимается совершенствование социального устройства общества и улучшение качества жизни человека. Оно предполагает такую направленность общественного развития, для которой характерен переход от низших форм к высшим, от менее совершенных к более совершенным.

Трудно не согласиться, что в общем и целом развитие человеческого общества идет по линии нарастания прогрессивных

социальных изменений. Тут важно отметить такие показатели, как улучшение условий труда, обретение человеческой личностью большей свободы, политических и социальных прав (что зафиксировано во Всемирной декларации о правах человека), усложнение задач, стоящих перед современными обществами, и увеличение технических, социальных возможностей их решения. Наконец, беспрецедентное развитие в последние два—три века образования, науки, техники, предоставивших современному человеку возможности гуманизировать и демократизировать свой образ жизни и социальные институты.

Вместе с тем важно не впасть в эйфорию такого оптимистического понимания прогресса. Дело в том, что чрезвычайно трудно перевести общетеоретическое понимание социального прогресса на конкретный язык социологии. Можно ли, к примеру, однозначно утверждать, что этапы преобразования законодательной власти в России в XX в (Государственная дума в дореволюционной России, Верховный Совет — в советский период, Федеральное Собрание — в послесоветский период) являются этапами прогрессивного развития? А можно ли считать, что образ жизни современного человека в развитой стране является более прогрессивным, чем, положим, образ жизни людей в средневековой Европе или в эпоху античной Греции? Вопросы очень непростые.

К этому следует добавить, что в международной социологической литературе начала XX в. было значительно больше уверенности в наличии социального прогресса, чем в конце века. В начале века проблема прогресса живо обсуждалась фактически всеми крупными социологами. Некоторые статьи на эту тему опубликованы в сборнике «Новые идеи в социологии. Сб. третий. Что такое прогресс» (СПб., 1914). В частности, это статьи: П. А. Сорокина «Обзор теорий и основных проблем прогресса», Е. В. де-Роберти «Идея прогресса», М. Вебера «Эволюция и прогресс» и др. В конце 60-х гг. известный французский социолог и философ Р. Арон издает книгу с символическим названием «Разочарование в прогрессе», в которой обосновывает мысль о невозможности осуществления на практике высоких идеалов, порождаемых прогрессом науки и техники, и это ведет к распространению настроений социального пессимизма.

Видный современный западный социолог, президент (в настоящее время) Международной социологической ассоциации

И. Валлерстайн в этой связи делает весьма осторожное утверждение: «Представляется, что в моральном и интеллектуальном отношении гораздо надежнее допустить возможность прогресса, но такая возможность не будет означать его неизбежности»¹.

Противоречивый характер социального прогресса. При рассмотрении подобных вопросов, видимо, нужно прежде всего выделить некоторые сферы, области социальной жизни, относительно которых можно прямо сказать о неприменимости понятия прогресса к этим областям, хотя они и подвержены значительной эволюции. Этапы в эволюции этих областей никоим образом нельзя считать этапами прогрессивного развития от простого к сложному, от менее совершенного к более совершенному. Сюда относится прежде всего область искусства. Искусство как социальный институт не стоит на месте, оно постоянно подвержено изменениям. Однако понятие прогресса неприменимо, когда рассматривается художественная, эстетическая сторона искусства. Как можно применять его, к примеру, при сравнении Эсхила и Л. Толстого, Данте и Пушкина, Чайковского и Прокофьева и т. д. Можно говорить лишь об определенном прогрессе технических средств создания, сохранения и распространения произведений искусства. Гусиное перо, авторучка, пишущая машинка, персональный компьютер; простая граммофонная пластинка, долгоиграющая грампластинка, магнитная лента, CD; рукописная книга, печатная книга, микрофильм и т. д. — все эти линии в каких-то определенных отношениях можно считать линиями технического прогресса. Но они, как это очевидно, не затрагивают художественную ценность, эстетическую значимость произведений искусства.

Аналогичным образом следует оценивать и эволюцию некоторых других социальных институтов и явлений. Видимо, к ним относятся мировые религии. То же самое можно сказать о фундаментальных философских системах: их эволюция за время интеллектуальной истории имеет место, но понятие прогресса относительно всего философского содержания этих систем (не политических позиций авторов) здесь вряд ли применимо.

Вместе с тем следует выделить и такие сферы жизнедеятельности общества, как социальные институты, историческое развитие которых совершенно ясно может быть квалифициро-

¹ Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 21.

вано как прогресс. К ним относят в первую очередь науку, технику, технологию. Каждый новый шаг, каждый новый этап в развитии науки, техники, технологии являются шагом и этапом в их прогрессе. Не случайно сложилось и такое понятие, как научно-технический прогресс.

Но наиболее часто социолог сталкивается с такими социальными структурами и процессами, в эволюции которых прогресс может быть зафиксирован, но он осуществляется очень противоречиво. Нужно сказать, что социология должна видеть все разнообразие типов социальных изменений. Прогресс не является единственным типом. Существует еще и такой тип, как регресс, по своей направленности противоположный прогрессу. Это развитие от высшего к низшему, от сложного к простому, деградация, понижение уровня организации, ослабление и затухание функций, застой. Наряду с этими типами существуют и так называемые тупиковые линии развития, приводящие к гибели тех или иных социокультурных форм и структур. Примерами могут служить разрушение и гибель некоторых культур и цивилизаций в истории общества.

Противоречивый характер социального прогресса проявляется и в том, что развитие многих социальных структур и процессов, явлений, объектов ведет одновременно к их продвижению вперед в одних направлениях и к отступлению, возвратам назад в других направлениях; к совершенствованию, улучшению в одном и деструкции, ухудшению в другом, к их прогрессу в одних отношениях и к регрессу или тупикам в других отношениях.

Оценку характера социальных изменений производят и по их результатам. Конечно, оценки могут быть и субъективными, но могут основываться и на достаточно объективных показателях. К субъективным оценкам можно отнести такие, которые исходят из желаний, стремлений, позиций отдельных групп или слоев населения или даже отдельных личностей. Главную роль тут играет удовлетворенность социальных групп происшедшими или происходящими изменениями. Если то или иное социальное изменение имеет негативные последствия для положения, статуса некоторой (допустим, небольшой) группы, оно обычно и оценивается ею как ненужное, неправильное, даже антинародное, антигосударственное. Хотя для других групп и большинства общества оно может иметь важное поло-

жительное значение. Но бывает и наоборот, когда от изменений выигрывает меньшинство, а проигрывает явное большинство. В любом случае представители выигравшей группы будут оценивать результаты изменений как положительные, а проигравшие — как отрицательные.

Гуманистический смысл критериев социального прогресса. Что касается конкретных критериев социального прогресса, то по этому вопросу также ведутся дискуссии между представителями разных социологических школ и направлений. Наиболее предпочтительны позиции тех авторов, которые стремятся придать критериям социального прогресса гуманистический смысл. Дело в том, что недостаточно говорить о социальных изменениях, в том числе и о социальном развитии, только как об объективно совершающихся процессах, «процессах в себе», говоря философским языком. Не менее важны и другие их стороны — их обращенность к человеку, группам, обществу в целом. Ведь задача заключается не только в том, чтобы зафиксировать сам факт социальных изменений и социального развития, определить их виды, выявить движущие силы и т. д. Задача еще и в том, чтобы обнажить их гуманистический (или антигуманистический) смысл — ведут ли они к благосостоянию человека, его процветанию или ухудшают уровень и качество его жизни.

Социолог должен стремиться находить более или менее объективные показатели для оценки социальных изменений, квалификации их в качестве прогресса или регресса. Как правило, в таких ситуациях вырабатывается специальная система социальных показателей, которая может служить основой для оценки. Так, в ИСПИ РАН была разработана обстоятельная «Система социальных показателей российского общества». Она была разделена на четыре группы по сферам общественных отношений: собственно социальную, социально-политическую, социально-экономическую и духовно-нравственную. В каждой из сфер показатели разбиты на три группы по видам измерения: социальные условия как объективные данные, определяющие «фон» общественных отношений; социальные индикаторы как количественные характеристики общественных отношений, фиксируемые статистическими методами, и, наконец, социальные показатели как качественные характеристики общественных отношений, фиксируемые социологическими ме-

тодами. Наложение показателей на сферы общественных отношений позволяет выделить 12 измерительных подсистем, которые могут служить основой системной оценки уровня развития каждой сферы общественных отношений и общества в целом.

В течение последних десятилетий в разных странах происходит активное развитие систем социальных, демографических, экономических, других статистических показателей и число таких показателей, выраженных в стоимостной (денежной), натуральной, комбинированной и другой форме, достигает уже нескольких сотен. При этом наряду с разработкой отраслевых показателей осуществляется их синтезирование, объединение для оценки общего уровня социального развития страны и для целей международных сопоставлений. Так, в Госкомстате России разрабатывается система единой социально-демографической статистики, которая может быть представлена в виде крупных отраслевых блоков, соответствующих стандартам международных сопоставлений: демографическая статистика; окружающая среда, урбанизация, жилищные условия; здравоохранение и питание; образование; экономическая деятельность населения; социальные группы и мобильность населения; доходы, потребление и благосостояние; социальное обеспечение; досуг и культура; использование времени; общественный порядок и безопасность; социальные отношения; политическая деятельность. Система таких показателей может служить основой комплексной оценки уровня социального развития того или иного общества и тех возможностей, которые оно предоставляет для развития самого человека.

Приложение

Социология в России: развитие общества и развитие человека

Стремление к изменениям и к переменам, «жажда к высшему усовершенствованию» (В. Гете) выражают саму суть человеческой природы. Не случайно И. Кант отмечал в своих «Пролегоменах»: разум человеческий так склонен к созиданию, что много раз он возводил башню, а потом опять сносил ее, чтобы посмотреть, крепко ли лежит фундамент.

В современных условиях все явственнее проявляются главные особенности изменений, происходящих в социальных системах, — в них импульс движения исходит, прежде всего, от потребностей человека. Он субъект и мера общественного развития. Из этого следует, что ныне любая программа, стратегия или политика перестают быть конструктивными, если они не способствуют переходу от «человекозатратной» к «человечесберегающей» и «человекоразвивающей» эволюции. Поэтому, не впадая в крайности и односторонность, не преуменьшая, в частности, значения экономики, политики и идеологии, подчеркнем, что причины кризисов и катастроф в обществе, а также неудач в проведении реформ коренятся в социальной составляющей происходящих изменений. Под ней мы понимаем целостную, органическую систему условий и факторов человеческой жизнедеятельности, проявляющихся в потребностях, интересах и ценностях как различных слоев и групп общества, так и отдельной личности и определяющих в конечном счете направленность и характер поведения, деятельности людей. Трудно в связи со сказанным переоценить значение социологии в обосновании и выборе оптимальных путей и способов трансформации общества и развития человека.

«Ядро» современной социологической мысли заключается в принципе: человек не только **продукт** общественных отношений, но и главный **источник** развития общества, его творец, созидатель, ответственный за состояние общественной жизни. Не случайно поэтому основной проблемой, главным «предметом» социологии сегодня является процесс формирования **субъекта социального действия**, адекватного новой реальности. С этих позиций социологическая наука подходит и к оценке современных российских реформ.

У реформ в нашей стране, разумеется, были глубокие, реальные, объективные предпосылки. Это и глобальный кризис человеческой цивилизации в целом, «добавивший» к ее выдающимся научно-техническим и культурным достижениям катастрофические по своим разрушительным последствиям катаклизмы: войны и революции, расовые, межнациональные и конфессиональные распри, международный терроризм, реальную опасность ядерного взаимоуничтожения и экономического коллапса, деградацию духовных, нравственных ценностей, ухудшение экологической обстановки. Это и общий кризис

технологии и идеологии индустриализма, поставивших человека на второе место после машины и провозгласивших образцом общественного устройства фабрику. Это формационный кризис коммунизма с его утопической идеологией. Это, наконец, и тяжелое наследие репрессивной тоталитарной системы и поражение Советского Союза в «холодной войне».

Все эти исключительные исторические трудности и кризисные процессы под силу было преодолеть только зрелому социальному субъекту, заинтересованному в утверждении новых реальностей, в постиндустриальном развитии общества и способному осуществить созидательные реформы с опорой на благоприятную социальную структуру и широкую социальную базу. Такой субъект в стране не сформировался, и это обстоятельство оказалось для нее роковым.

В великой и мощной державе не оказалось социальной силы, способной помочь обществу с полной и беспощадной ясностью осознать, в каком положении оно оказалось и по какой причине; в каком направлении необходимо двигаться и что конкретно для этого необходимо делать. В обществе не стало общенациональной идеи, не нашлось и общенациональных лидеров, социальных слоев и общественно-политических сил, могущих предложить органическую для страны концепцию реформ и организовать ее выполнение.

В результате, как отмечают многие исследователи, России сверху был навязан такой путь реформ, который выражал не столько мировые и общенациональные тенденции развития, сколько корпоративные интересы борющихся за власть и собственность группировок старой и новой, центральной и региональной, местной и т. п. номенклатуры; спекулятивного бизнеса, отдельных элитарных групп, а также криминальных структур. Перестройка в СССР и радикально-либеральная реформа в России стали примерами попыток коренной трансформации общественной системы либо в рамках старого способа мышления и действия, — на основе «социалистического выбора», либо при отсутствии своей дороги, своей модели преобразований.

Социологические исследования, которые проводит ИСПИ РАН, представляют собой научный анализ изменений социально-политической ситуации в России начиная с 1989 г. Итогом этой работы на сегодняшний день стали двенадцать книг: от первой — «Реформирование России: мифы и реальность

(1989—1994)»¹, до последней — «Реформирование России: От мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 году»².

В них дана социологическая экспертиза реформ, основанная на уникальном эмпирическом и статистическом материале, который позволяет увидеть процесс трансформации общества во всей его динамике и системной сложности. Эта экспертиза представляет собой первый в отечественной социологии опыт комплексного анализа социально-политической ситуации в России в период реформ (1989—2000 гг.) с применением новых методов социологических исследований и разновидностей социологического инструментария. Среди них — интегральный индекс и индикаторы социально-политической устойчивости, а также система предельно критических показателей развития общества, которые, по сути, представляют собой новую метрику социального развития.

Исчисление интегрального индекса социально-политической устойчивости российского общества ученые ИСПИ РАН ведут с 1992 г. на основе шести социальных индикаторов:

- 1) отношения населения к курсу экономических реформ;
- 2) уровня социально-политической отчужденности в обществе;
- 3) ориентации на необходимость трансформации политической системы;
- 4) доверия населения социальным и политическим институтам;
- 5) оценки обеспечения государством норм жизни демократического общества;
- 6) партийных ориентаций населения.

Главный вывод ученых — значения интегрального индекса социально-политической устойчивости за весь период российских реформ до сих пор находились в зоне кризисного развития³.

¹ См.: Реформирование России: мифы и реальность / Авт.-сост. Г. В. Осипова. М., 1994

² См.: Реформирование России: От мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 г. В 2 т. / Под ред. Г. В. Осипова, В. К. Левашова, В. В. Локосова. М., 2001.

³ См. Россия в поисках стратегии: общество и власть. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1999 г. М., 2000. С. 250.

Расчет предельно критических показателей, а также применение социальных критериев развития исходит из того, что любое общество по каждому своему жизненно важному параметру имеет энтропийную границу, переход за которую несет в себе угрозу гибели его как единого целого. Так, к примеру, мировая практика и научные расчеты показывают, что в мирное время уровень падения промышленного производства не может быть ниже 30%; доля высокотехнологической продукции в экспорте экономически развитых стран — менее 45%; доля импортных продуктов питания в стране — выше 30%, а доля государственных ассигнований на науку — ниже 2% от ВВП. Более двадцати предельно-критических показателей социально-экономического развития, разработанных учеными ИСПИ РАН, позволяют сделать вывод, что Россия в конце 90-х гг. вплотную подошла к той последней черте, выход за которую означает разрушение важнейших сфер ее жизнедеятельности¹.

Большой интерес с точки зрения выработки современных подходов к получению более достоверной информации об истинном положении дел в мире в целом, а также в различных его частях вызывают специальные всемирные доклады о человеческом развитии, издаваемые начиная с 1990 г. международной организацией Программа развития ООН (ПРООН). Предложенные ею методики и измерители общественных изменений позволяют делать сравнительный анализ развития в указанном направлении как отдельных стран, так и их групп, оценивать их экономическую и социальную политику. Актуальность и значение данного нового подхода оказались столь высоки, что с 1994 г. многие страны, которых сегодня уже более ста, включая Россию, публикуют ежегодные национальные доклады о человеческом развитии.

Принципиально суть и причины растущей привлекательности идеи и концепции человеческого развития состоят в том, что процессы развития в обществе не могут сводиться только к экономическому росту, объему материальных благ и услуг. Поэтому традиционные макроэкономические показатели — объем валового внутреннего продукта (ВВП) и среднедушевой доход — нельзя считать адекватными характеристиками развития во всем его многообразии. Более точно и комплексно позволяет его учитывать индекс человеческого развития — ИЧР (иногда на-

¹ См. подробнее *Локосов В* Система предельно-критических показателей развития общества // Наука, политика, предпринимательство. 1998. № 1—2.

зывают — индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), предложенный ПРООН как комбинация индексов долголетия, образованности и уровня жизни. Почему именно последние выбраны в качестве критериев человеческого развития?

На любом этапе развития человечества для людей как особенно важные всегда остаются, выходят на первый план три ключевые проблемы, три потребности: прожить долгую и здоровую жизнь; приобрести знания; иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни. То или иное решение этих проблем определяет и образ жизни, и перспективы решения других жизненных вопросов: политической, экономической и социальной свободы, создания семьи, реализации способностей и прав человека, уважения окружающих и самоуважения.

Долголетие характеризует способность прожить долгую и здоровую жизнь, что составляет естественный жизненный выбор и одну из основных универсальных потребностей человека. Базовым показателем долголетия, являющимся одним из наиболее распространенных показателей международной статистики, служит *средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении*.

Образованность представляет собой обретение способностей к получению и накоплению знаний, к общению, обмену информацией, необходимых для полноправного участия в жизни современного общества и внесения в него своего вклада. Измерителями степени образованности в модели человеческого развития выступают такие показатели, как *уровень грамотности и полнота охвата обучением*.

Уровень жизни отражает предоставление доступа к материальным ресурсам, необходимым для достойного существования, включая ведение здорового образа жизни, обеспечение территориальной и социальной мобильности, обмен информацией и участие в жизни общества. Это измерение, в отличие от ранее перечисленных, открывает возможности, имеющиеся у человека, но не определяет их использование. Для его численного представления используется такой показатель, как *скорректированный реальный ВВП на душу населения* (специальный индикатор материального благосостояния как измерения человеческого развития).

Таким образом, в основе определения совокупности критериев и измерений индекса человеческого развития лежит принцип *безусловности выбора*, согласно которому каждый че-

людей, имея перед собой возможность выбора, безусловно, предпочтет более долгую жизнь, высокий уровень образования и больший материальный достаток. Хотя, конечно, три перечисленных измерения отражают значительно больший спектр человеческих возможностей и способностей, нежели то, что лишь непосредственно вытекает из их определений. Общий *индекс человеческого развития* прямо или косвенно учитывает важнейшие параметры благополучия человека: здоровье и долголетие, состояние окружающей среды, уровень культуры и образования, доходов, степень свободы. Все эти составляющие формализованы и удобны для межстрановых сравнений.

В целом же идея и концепция человеческого развития выражают современные представления о развитии как о процессе, в центре которого находится человек, наиболее полное осуществление его потребностей и прав, формирование и реализацию способностей и талантов не только традиционно в духовной сфере, но и в кругообороте воспроизводственных связей.

Какую же характеристику в соответствии с общей концепцией и индексом человеческого развития получает сегодня Россия?

В докладе о развитии человека за 1999 г. ПРООН наша страна отнесена к странам среднего уровня развития и ей отведено 71-е место среди других стран. Отмечая чрезвычайно слабые темпы экономического роста в период реформ, усиление неравенства, сокращение заработной платы и ее доли в структуре дохода, доклад особо выделяет резкое ухудшение положения населения. За время с 1989 по 1996 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин уменьшилась более чем на четыре года и составила 60 лет, что на два года меньше среднего показателя для развивающихся стран. Коэффициент смертности детей в возрасте до 5 лет составляет 25 на 1000 живорождений, тогда как, например, в Польше он составляет 14. Увеличилось количество убийств, расширились масштабы незаконного оборота наркотиков.

Где же произошел сбой? Так ставится вопрос в докладе. И дается ответ: иногда проблемы России сводят лишь к финансовому кризису, частично обусловленному кризисом в Восточной Азии; неблагоприятными внешними условиями и отсутствием прогресса в формировании рыночных институтов. Более широкий взгляд позволяет увидеть менее очевидные причины: неэффективность управления, отсутствие правового

государства, криминализацию общества, концентрацию власти, несовершенство рыночной экономики¹.

Как видим, выводы отечественных и зарубежных специалистов при оценке изменений, происходящих в российском обществе, в существенной части совпадают. Опыт современных российских реформ, так же как и практика большинства развитых стран, дает отрицательный ответ на главный вопрос любых общественных изменений: возможны ли процветание и благосостояние общества без улучшения качества жизни человека, за счет человека, без его заинтересованной и продуктивной деятельности?

В современных условиях консолидировать общество и вывести его из глубокого системного кризиса можно лишь на основе реализации всесторонне обоснованной **социальной стратегии реформ**. Она должна раскрывать социальные, более того, гуманистические смысл и содержание, позитивные социальные последствия и результаты изменений в обществе; ориентироваться не на один социальный слой, а на формирование социальной структуры конструктивно-созидательного типа, т. е. на создание условий для свободной и активной деятельности высококвалифицированных работников материальной и духовной сфер жизни, на волю и социальную энергию всего гражданского общества. Социальная стратегия реформ должна быть нацелена на создание у основных общественно-политических сил возможности адекватно отвечать вызовам времени, требованиям новой реальности; на формирование способности к реализации концепции человеческого развития на основе социально-распределенного понимания сути общего дела, результата деятельности, к которому стремятся все («не *вместо* один другого, а *вместе* один с другим»).

Вопросы для закрепления материала

1. В чем заключается различие между понятиями «социальное изменение» и «социальное развитие»?
2. Что значит нелинейный характер социальных изменений и социального развития?
3. В каком смысле можно говорить о наличии в обществе социального прогресса?

¹ См.: Доклад о развитии человека за 1999 г. Нью-Йорк, 2000. По заказу ПРООН.

4. В чем заключается гуманистический характер критериев социального прогресса?

5. Охарактеризуйте роль социологии в обосновании оптимальных путей трансформации общества и развития человека.

6. Что такое «индекс развития человеческого потенциала»?

Литература для дополнительного чтения

Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не меняется? // Социологические исследования. 1997. № 1.

Доклад о развитии человека за 1999 г. Нью-Йорк, 2000. По заказу ПРООН.

Новые идеи в социологии. Сб. третий. Что такое прогресс. СПб., 1914.

Осипов Г. В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000.

Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.

Россия в поисках стратегии: Общество и власть. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1999 г. / Под ред. Г. В. Осипова, В. К. Левашова, В. В. Локосова. М., 2000.

Сорокин П. Социокультурная динамика и эволюционизм: Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М., 1994.

Сорокин П. Социологический прогресс и принцип счастья // *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Глава 18

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВ

§ 1. Понятие социально-исторического развития

Социально-историческое развитие — чрезвычайно сложный, многосторонний процесс, совершающийся на протяжении достаточно длительного исторического периода и предполагающий экономические, политико-правовые, духовно-нравственные, ин-

теллектуальные и многие другие компоненты, которые всегда образуют некоторую целостность. Трудность его социологического исследования заключается, во-первых, в выделении собственно социального аспекта, соответствующего предмету социологии как науки, и, во-вторых, в определении самого содержания социального развития в ходе исторического процесса. Однако трудность исследования не может служить основанием для отказа от социологического исследования этого процесса. Обычно социологи концентрируют внимание на социально-историческом развитии того или иного социального субъекта. Таким социальным субъектом может быть личность, конкретное общество (например, российское) или группа обществ (европейские, латино-американские общества); социальная группа, нация, социальный институт (система образования, семья); социальная организация или какие-либо их комбинации (политические партии, народно-хозяйственные предприятия, торгово-промышленные компании). Наконец, таким субъектом может быть и все человечество, но не как биологический вид, а именно как социальный субъект.

В социологии наибольший интерес представляет социально-историческое развитие различных обществ как достаточно целостных социальных единиц. Понятно, что оно складывается из социально-исторического развития отдельных социальных групп, классов, других общностей, социально-исторического развития институтов, организаций, культурных образцов и т. д. Вместе с тем на каждом этапе социально-исторического развития общество представляет собой некоторую целостность, для описания и анализа которой обычно используются различные понятия, которые можно объединить в две основные группы — «тип общества» и «цивилизация». Эти понятия характеризуют особые качественные состояния общества на определенных этапах его социально-исторического развития.

Тип общества — это система определенных структурных единиц — социальных общностей, групп, институтов и т. д., взаимосвязанных и взаимодействующих между собой на основе некоторых общих для них социальных норм, ценностей, идеалов.

Существуют разные классификации типов обществ. С рядом наиболее фундаментальных макросоциологических концепций всемирного социально-исторического развития и соответственно классификаций типов обществ мы познакомимся под-

робнее в следующем параграфе. Сейчас же отметим, что наиболее элементарная классификация — это разделение обществ на простые и сложные. Такое деление делал еще в XIX в. Г. Спенсер. С его точки зрения, общества со временем переходят от состояния неопределенной однородности в состояние определенной разнородности с растущей дифференциацией и интеграцией личности, культуры и социальных связей. Сразу скажем, что такое деление достаточно условно, ибо самое «простое» общество — это очень сложный организм, очень сложная система. Тем не менее очевидно, что общества, относящиеся к первобытно-общинному строю, значительно проще организованы, чем, например, современное индустриальное общество: там, естественно, нет промышленности, нет дифференциации на классы и сословия, нет письменности и системы образования и т. д.

Одно из наиболее распространенных ныне делений общества, сформулированное в свое время еще К. А. Сен-Симоном, О. Контом, Э. Дюркгеймом и многими другими социологами, — деление на традиционное общество и индустриальное общество. Понятие «традиционное общество» обычно употребляют для обозначения докапиталистических стадий развития, когда общество еще не имеет развитого индустриального комплекса, основывается на собирательной (охота, рыболовство) или сельскохозяйственной экономике, в социальном плане малоподвижно, традиционные формы жизнедеятельности и образцы поведения передаются из поколения в поколение практически в неизменном виде. Индустриальное общество является результатом широкой индустриализации, которая порождает урбанизацию, профессиональную специализацию, массовую грамотность и общее повышение образовательного уровня населения. Это общество опирается прежде всего на промышленную экономику, развитую систему производственного и социально-классового разделения труда, рыночные отношения; оно динамично, для него характерны постоянные научно-технические и технологические изобретения и нововведения, высокий уровень социальной мобильности. Тему об особенностях индустриального общества продолжим в следующем параграфе.

Немецкий социолог Ф. Тённис ввел в науку еще одно важное разграничение — между общиной (*Gemeinschaft*) и обществом (*Gesellschaft*). Община характеризуется преобладанием

неформальных, личностных связей между индивидами и небольшими группами, соседями, родственниками, друзьями, господством неформальных институций — социальных норм, ценностных ориентаций, образцов поведения, которые к тому же эмоционально окрашены. Общество же основывается в решающей степени на отношениях и связях иного рода. Их принцип, утверждал Ф. Теннис, — рациональный обмен, осознание полезности и ценности, которыми обладает, может или будет обладать один человек для другого и которые этот другой человек обнаруживает, осознает и воспринимает. В таком обществе преобладают формальные связи и отношения, установленные законодательным образом, хотя частично сохраняются и связи и отношения, типичные для общины. Общественное развитие представляется Теннисом как процесс возрастания рациональности, институционально оформленной, а направления развития — от общины к обществу.

Отметим еще одно подразделение типов общества. Известный современный философ и социолог К. Поппер делит общества на закрытые и открытые. Первые — это авторитарные, малоподвижные социальные организмы, не допускающие политической и социальной оппозиции властям, в них отсутствует свобода слова, свобода информации. Открытое общество — это общество демократическое, динамично развивающееся, открытое нововведениям, свободе слова и критике, легко приспособляющееся к внешним изменяющимся обстоятельствам. Открытые общества, согласно Попперу, являются более развитым, более демократичным типом социального устройства, нежели общества закрытые.

И. Валлерстайн — один из ведущих современных западных социологов — считает необходимым выделение так называемых исторических систем. Каждая из них основывается на определенном типе разделения труда, вырабатывает разнообразные институты (экономические, политические, социокультурные), которые в конечном счете определяют реализацию базисных принципов системы, а также социализацию индивидов и групп. Можно обнаружить разнообразные виды исторических систем, утверждает И. Валлерстайн. Одна из них — это капиталистическая мировая экономика (так называемый модерн), существующая уже примерно 500—600 лет. Другая — Римская империя. Структуры майя в Центральной Америке

представляют третью. Существует несчетное количество малых исторических систем. Реальное социальное изменение, с его точки зрения, происходит тогда, когда осуществляется переход от одной исторической системы к другой. Исчезновение системы определяется не результатом действия внутренних противоречий, а неэффективностью способа ее функционирования, открывающей путь более совершенным способам. Ныне существует ряд процессов, которые «подрывают базисные структуры капиталистической мировой экономики и тем самым приближают кризисную ситуацию», «наблюдается период конца исторической системы», главная особенность которой «состоит не в накоплении капитала, а в приоритете бесконечного накопления капитала». Что произойдет дальше? Мы находимся «в пункте системной бифуркации», и даже «незначительные на первый взгляд действия групп людей здесь и там могут различным образом изменить векторы и институциональные формы системы»¹.

Выделение различных типов обществ позволяет с разных позиций, с разных точек зрения и в разных аспектах рассматривать социально-историческое развитие как многогранный процесс, богатый содержанием, множеством признаков и показателей.

Если подытожить эти и другие суждения социологов, а также историков, экономистов, философов, то в кратком схематическом виде можно выделить следующие основные социально-исторические типы обществ:

- сообщества охотников и собирателей, существующие за счет охоты и сбора «даров природы»;
- земледельческие общества, осуществляющие обработку земли и искусственное выращивание растений;
- скотоводческие общества — основываются на разведении домашних животных;
- традиционные общества, базирующиеся главным образом на сельскохозяйственном производстве и ремесленничестве. Возникают города, частная собственность, классы, государственная власть, письменность, торговля;
- индустриальные общества, экономика которых основывается в первую очередь на промышленном машинном производстве;

¹ Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социологические исследования 1997. № 1.

- постиндустриальные общества, идущие на смену индустриальным. В них уже, как считают многие авторы, экономической основой становится не столько производство физических товаров, сколько производство знаний, информации, а также сфера услуг.

Данная типология в общем и целом достаточно широко принята представителями социальных и гуманитарных наук разных стран. Нередко она используется для построения более детализированных и специализированных концепций социально-исторического развития.

С помощью понятия «**цивилизация**» в социологии, культурологии и социальной философии также выделяют различные типы социального и культурного устройства обществ. Но если понятие «тип общества» подчеркивает прежде всего характер социальных структур, социальных отношений и связей, то понятие «цивилизация» делает акцент на социально-культурных, духовных, религиозных особенностях разных обществ. Близок к этому понятию термин «культурно-исторический тип», который обосновал российский философ и социолог XIX в. Н. Я. Данилевский. Он одним из первых социальных мыслителей пытался уйти от изображения социально-исторического развития как плоского линейного процесса и полагал, что народы формируют специфические культурно-исторические типы, существенно различающиеся между собой. Главными критериями выделения типов он считал «средство языков», политическую независимость, территориальное, психоэтнографическое, религиозное единство, формы хозяйственной деятельности и некоторые другие признаки. К числу таких типов он относил: египетский, китайский, ассиро-вавилонский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, арабийский, германо-романский (европейский). Каждый тип проходит стадии своего жизненного цикла — зарождения, развития, расцвета, упадка (разрушения), после чего на передний план всемирно-исторического развития выдвигается новый культурно-исторический тип. С точки зрения Данилевского, уже несколько веков происходит становление славянского типа, славянской цивилизации, которой он предсказывал большое будущее. Несмотря на ряд теоретических наивностей и политический консерватизм, концепция Данилевского давала нелинейное изображение социально-исторического развития, предполагала наличие исторических зигзагов, отступлений и даже значительного разрушения накопленных культурных ценностей.

Идея циклического развития цивилизаций позднее была продолжена в работах немецкого философа О. Шпенглера и, особенно, английского историка А. Тойнби. Каждая цивилизация, по Тойнби (а он насчитывал в истории человечества 21 цивилизацию, в том числе 13 основных), проходит замкнутый жизненный цикл — от зарождения до разложения и гибели. В настоящее время, по его мнению, можно выделить 5 основных цивилизаций — китайскую, индийскую, исламскую, западную и русскую. Особое внимание он обращал на причины гибели цивилизаций. В частности, он считал, что «творческая элита», носитель жизненной силы данной культуры, в какой-то момент оказывается неспособной решать вновь возникающие социально-экономические и исторические проблемы, превращается в меньшинство, отчужденное от населения и господствующее над ним по праву сильной власти, а не авторитета. Эти процессы в конечном счете и разрушают цивилизацию.

В последние годы в отечественной социологии (и в целом в социальных и гуманитарных науках) понятие цивилизации получает все большее распространение для характеристики социально-исторического развития. Это связано прежде всего с тем, что господствовавшая в советском обществоведении марксистская концепция общественно-экономической формации в ее абсолютном значении была отвергнута подавляющим большинством обществоведов как излишне политизированная и упрощающая процесс социально-исторического развития. В настоящее время в отечественной научной литературе понятие цивилизации употребляется, как правило, в трех значениях: 1) в значении достаточно высокой стадии социокультурного уровня того или иного общества, следующей за варварством; 2) в значении социокультурного типа (японская, китайская, европейская, российская и другие цивилизации); 3) в значении высшего современного уровня социально-экономического, технологического, культурного и политического развития (противоречия современной цивилизации).

§ 2. Макросоциологические теории социально-исторического развития общества

Социологами сформулировано немало таких теорий. Они охватывают, как правило, большие периоды истории, иногда даже рисуют общую схему всемирно-исторического развития

человечества, пытаются предсказать характер будущего общества. Обычно они выходят за пределы непосредственно социологической проблематики, синтезируют исторические, философские, экономические, нравственные, другие мировоззренческие теории и представления. Тем не менее они играли и играют существенную роль в современном социологическом мышлении. Даже и в том случае, если мы не воспринимаем их как полностью адекватные социальной реальности. Теории эти, как правило, не согласуются или плохо согласуются между собой, иногда являются альтернативными по отношению друг к другу. Но важно прежде всего то, что они фиксируют определенные реальные стороны и факторы социальных изменений и социально-исторического развития.

Из всего их многообразия можно выделить четыре группы такого рода теорий (обобщенные модели), которые являются наиболее фундаментальными. С определенной долей условности их можно было бы обозначить как социально-экономические, социокультурные, индустриально-технологические и функционалистские, в зависимости от того, какие факторы в них считаются решающими для социально-исторического развития. Рассмотрим основное содержание этих теорий, учитывая хронологию их возникновения.

К числу **социально-экономических теорий** можно отнести прежде всего марксизм. С точки зрения классиков марксизма (К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина) и практически всех их последователей, решающим фактором социальных изменений в конечном счете является экономическое развитие, точнее — диалектика взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Материальные производительные силы, которые включают в себя технические орудия и средства производства, а также непосредственного производителя — трудящегося человека, являются наиболее подвижным, динамичным элементом в системе производства. Они быстрее изменяются, поскольку находятся постоянно в процессе улучшения, совершенствования. Производственные отношения, прежде всего отношения собственности, более стабильны, малоподвижны, в этом смысле более консервативны. На определенной ступени своего развития производительные силы приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, в рамках которых они до сих пор развивались.

Теперь уже производственные отношения не стимулируют, а, напротив, тормозят развитие производительных сил. Тогда наступает эпоха социальной революции. Происходит переворот в способе производства, устанавливается в качестве господствующего новый тип производственных отношений, как это случилось, например, в ходе Французской революции конца XVIII в. и в ходе других буржуазных революций: английской, голландской и некоторых других. А вслед за изменением экономической основы общества происходит коренное изменение системы господствующих социальных отношений, преобразование государства, права, суда, а также идеологической сферы, в частности систем ценностей, ценностных мотиваций в деятельности людей. Иными словами, установившийся буржуазный способ производства обуславливает соответствующую социально-классовую структуру общества, государственный строй, господствующую систему ценностей.

Классики марксистской мысли подчеркивали, что решающая роль экономического фактора в социальных изменениях проявляется лишь в конечном счете. Наиболее сильное и непосредственное влияние этот фактор оказывает на сферу государственной власти и правовую систему. Вместе с тем и государственная власть, и правовая система оказывают существенное обратное воздействие на экономические условия жизни общества. Над этими сферами возвышается сфера практической морали и еще выше — различные духовно-идеологические образования: философия, религия и т. д. Все они в свою очередь могут оказывать обратное воздействие на экономическую, политическую и правовую системы общества. Таким образом, структура социальных изменений в целом носит сложный, многофакторный характер. Но при всем многообразии этих взаимных влияний и воздействий ведущая роль в конечном счете отводится экономическому фактору, изменениям в способе производства.

Особую роль в механизме осуществления социальных изменений марксистская теория отводит классовой борьбе между антагонистическими классами (рабы и рабовладельцы, крестьяне и феодалы, рабочие и буржуазия), которая в XIX в. дифференцировалась на три основные формы — экономическую (экономические требования), политическую (требования изменений в системе политической власти) и теоретическую, или

идеологическую (разработка различных классовых программ, их пропаганда и критика и разоблачение программ и платформ враждебных классов).

К. Маркс считал (и с ним согласны все марксисты), что существование социальных классов, в том числе с антагонистическими интересами, равно как и наличие в обществе классовой борьбы, было открыто задолго до него. Это сделали французские историки начала XIX в., изучавшие историю Французской революции XVIII в. Вклад марксизма в теорию классов и классовой борьбы заключается в обосновании идей о том, что классы возникают на определенном этапе развития общества, когда формируется частная собственность на орудия и средства производства, что классовая борьба ведет к диктатуре пролетариата, что эта диктатура представляет переход к уничтожению классов и к обществу без классов, т. е. без эксплуатации.

Марксистская теория никогда не отрицала определенной значимости социальных реформ как специфического средства социальных изменений. Но она подчеркивала, что в условиях буржуазного общества реформы обычно проводятся либеральными представителями господствующего класса и нацелены прежде всего на сохранение и укрепление существующего строя, упрочение власти этого класса, хотя одновременно могут способствовать демократизации общества, улучшать материальное положение некоторых групп и слоев трудящихся. (Например, так оценивались большевиками реформы П. А. Столыпина, а также учреждение Государственной думы и т. д.)

Однако фундаментальным средством социальных изменений в истории общества классическая марксистская теория признает социальные революции. Только они способны осуществить коренные преобразования в обществе, разрешить главные социальные проблемы и дать простор развитию производительных сил общества. Посредством социальных революций осуществлялся переход от первобытно-общинной формации к рабовладельческой, от рабовладельческой к феодальной, от феодальной к капиталистической и от капиталистической к социализму и коммунизму. Имеющийся исторический и социологический материал по истории Европы, казалось, подтверждал эту схему. Октябрьская революция 1917 г. в России, революционные преобразования в Китае, а также в ряде восточноевропейских стран также длительное время воспринимались многи-

ми людьми, в том числе крупнейшими учеными и деятелями культуры не только в Советском Союзе, но и на Западе, как доказательство правоты марксизма.

Однако коренные изменения в конце 80-х — начале 90-х гг. в бывших социалистических странах в Центральной и Восточной Европе, распад Советского Союза, крах КПСС, глубочайший системный кризис общества в России и других странах побуждают иначе взглянуть на эту теоретическую схему, долгое время представлявшуюся в качестве непререкаемой универсальной истины. Множество догматических положений этой теории никоим образом не подтверждается действительностью, реальным функционированием и буржуазного, и «социалистического» общества. Это относится прежде всего к так называемому закону неизбежной последовательной смены общественно-экономических формаций, попытке жестко детерминировать всю человеческую историю экономическими факторами, стремлению истолковывать необходимость социальной революции как всеобщей и главным образом насильственной перестройки всех сфер жизнедеятельности общества и др. Но из этого не следует, что вся марксистская социологическая теория от начала до конца утопична и ложна. Множество серьезных ученых-обществоведов в разных странах признают научную значимость методологии марксистской экономической и социологической теории, огромное количество конкретных научных результатов в исследовании социальной структуры капиталистического общества, характера его эволюции от свободной конкуренции к монополистическому капитализму и т. д. Дело ученых объективно анализировать эту теоретическую схему, отделить политические иллюзии, заблуждения, неверные оценки действительности от подлинно научных знаний, заложенных в ней.

Социокультурные теории ставят во главу угла изменения, происходящие в социально-культурной сфере — в мировоззрениях, религиях, системах ценностей, менталитете и т. д. социальных групп, обществ и целых эпох. Такие изменения считаются наиболее фундаментальными, и именно они определяют в конечном счете все остальные изменения, происходящие в обществе.

Среди этой группы теорий выделяется своей основательностью теория нашего соотечественника, изгнанного в 1922 г. из России и жившего многие годы в Америке, П. Сорокина о социальной и культурной динамике. Теория П. Сорокина изложена им

прежде всего в его фундаментальном труде «Social and Cultural Dynamics» (N. Y., 1937—1941. Vol. 1—IV). Есть русский перевод этого сокращенного однотомного издания «Социальная и культурная динамика» (СПб., 2000). Несколько фрагментов из «Социальной и культурной динамики» опубликованы также в сборнике П. Сорокина «Человек. Цивилизация. Общество» (М., 1992).

Основываясь на огромном фактическом материале изменений в больших системах, включая искусство, науку, технологию, этику, право, социальные отношения, П. Сорокин выделял три основных типа великих культур, имевших место в истории прежде всего греко-римской, западноевропейской и некоторых других цивилизаций. Он их называл идеациональным (умозрительным), идеалистическим и чувственным типами. Каждый тип имеет собственную ментальность, собственную систему знаний, свою философию, мировоззрение, религию, свою мораль, законы и нормы поведения, формы литературы и искусства, собственную экономическую и политическую организации, собственный тип личности. Идеациональная (умозрительная) культура базируется на представлении, что основа реальности по своей природе нематериальна, духовна, скрыта от чувственных восприятий (Бог). Чувственная культура, напротив, основывается на чувственном восприятии реальности, на материальных потребностях и целях людей. Идеалистическая культура — это средний тип, сочетающий элементы двух первых.

Периодическая смена одного доминирующего типа культуры другим доминирующим типом означала коренной переворот в науке и изящных искусствах, философии и религии, этике и праве, в основных формах социальной, экономической и политической организации, большей части нравов и обычаев, образе жизни и мышлении (менталитете) людей. Такие смены, носящие циклический характер, происходят по мере того, как доминирующий в определенное время тип исчерпывает свои жизненные возможности и вынужден уступить место другому типу. Сорокин показывает циклические ритмы социокультурных изменений на материале Древней Греции и Древнего Рима, последующей европейской истории, охватывая своим исследованием временной диапазон в более чем 2500 лет.

Так, в Европе в Средние века интегрированная часть культуры выражала один и тот же высший принцип: бесконечность, сверхчувственность Бога — этого всемогущего создателя мира и челове-

ка. Эту унифицированную систему культуры Сорокин и называет идеациональной (умозрительной) культурой. Закат средневековой культуры заключался в разрушении этого типа культуры, когда в конце XII в. возникает новый, совершенно отличный основной принцип культуры, в соответствии с которым первооснова мира материальна, чувственна. Этот системообразующий принцип культуры, соединившись с предыдущим принципом, создал почву для возникновения и расцвета нового типа культуры, который Сорокин называет идеалистическим. Его основной посылкой было признание объективной реальности частично сверхчувственной, а частично чувственной (материальной).

Однако с течением времени идеациональная культура продолжала приходить в упадок, а культура, основанная на признании материальности, чувственности мира, продолжала развиваться. Приблизительно с XVI в. новый принцип стал доминирующим: объективная действительность и смысл ее чувственны, материальны. Именно этот принцип провозглашается современной культурой во всех ее основных компонентах: в искусстве и науке, философии и псевдорелигии, этике и праве, в социальной, экономической и политической организациях, в образе жизни и унастроениях людей.

Под углом зрения смены типов культур П. Сорокин рассматривает и социальные изменения XX в., видит в разрушении чувственной системы евро-американской культуры наиболее глубокие причины кризиса нашего времени, нынешнего поворотного момента человеческой истории. «Главный вопрос нашего времени не противостояние демократии и тоталитаризма, свободы и деспотизма, капитализма и коммунизма, пацифизма и милитаризма, интернационализма и национализма. Все эти темы не что иное, как маленькие побочные вопросы — всего лишь побочные продукты главного вопроса, а именно: чувственная форма культуры против других форм. Мы живем и действуем в один из поворотных моментов человеческой истории, когда одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая лишь появляется»¹. Складывается новый тип культуры, который определит характер будущих социальных изменений. Однако раскрыть этот новый тип культуры пока еще невозможно.

¹ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество М., 1992. С. 431—432.

Как видим, теория П. Сорокина носит глобальный характер, стремится объяснить изменения, происходящие на протяжении веков. Но она не может давать объяснение социальных изменений более кратковременных, имеющих место в рамках отдельных обществ или конкретных регионов. Для этого нужен другой понятийный аппарат, другие теории.

Тем не менее теория П. Сорокина остается до сих пор одной из самых значительных, основанных на колоссальном историческом материале теорий многовековых социальных изменений.

Индустриально-технологические теории интерпретируют социальные изменения как в той или иной степени производные от изменений в технологии материального производства.

Истоки этих теорий уходят в начало XIX столетия, когда выдающийся французский утопист К. А. Сэн-Симон изобрел сам термин «индустриальное общество» и рассматривал основные социальные изменения своего времени (в Европе и Северной Америке) как процесс становления индустриального общества, основной движущей силой которого являются промышленники и банкиры, а материальное производство становится промышленным производством. В этом он видел коренное отличие нового общества от традиционного земледельческого общества.

Особое развитие теории индустриального общества получили во второй половине XX столетия. Таких теорий несколько, и они как бы с разных сторон характеризуют то общество, которое они называют индустриальным, подчеркивая, что в этом обществе имеет место особый тип социальных связей и их изменений, обусловленных в решающей степени требованиями динамично меняющейся технологии индустриального производства.

Американский экономист и социолог У. Ростоу еще в 60-е гг. выдвинул концепцию «стадий экономического роста». Он доказывал, что становление современных, промышленно развитых обществ проходит пять стадий, различающихся по уровню и характеру технологии, а соответственно и по характеру социальных структур и отношений. Первая стадия — традиционное общество, в котором господствует сельскохозяйственное производство, социальная структура носит отчетливо выраженный иерархический характер, власть сосредоточена в руках земельных собственников, наука и техника находятся на льютоновском уровне. Вторая стадия — формирование переходного общества. Это означает увеличение капиталовложений на душу населения, появление нового типа предприимчивых

людей — промышленников, становящихся движущей силой общества, и возникновение централизованного государства. Третья стадия — сдвиг. Это — промышленная революция. В условиях Англии она произошла в конце XVIII в., Франция и Америка находились на этой стадии в середине XIX в., Россия — в 1890—1914 гг., Китай и Индия — с начала второй половины XX в. Происходит накопление капитала, рост базовых отраслей промышленности. Четвертая стадия — зрелость. Формируется индустриальное общество, доминирует промышленное производство, динамично возникают новые отрасли промышленности, уровень капиталовложений доходит до 20% национального дохода, городское население увеличивается до 60—90%, растет доля квалифицированного и высококвалифицированного труда. Пятая стадия — стадия «высокого уровня массового потребления». Здесь совершаются существенные качественные изменения в самом характере общества — доминирующими проблемами становятся проблемы потребления, а не производства, как это было раньше, промышленность концентрируется на производстве товаров массового потребления, резко возрастает значимость сферы услуг.

Французский социолог Р. Арон акцентировал другой аспект социальных изменений в эпоху развитого индустриализма. Он утверждал, что существовавшие в 50—60-е гг. развитые капиталистические страны и развитые (в промышленном отношении) социалистические страны являются двумя вариантами «единого индустриального общества». Сама логика развития индустриальной технологии толкает их к определенной конвергенции, т. е. к экономическому и социальному сближению. Именно эта логика должна заставить социалистическую систему заимствовать и внедрять у себя элементы капиталистической рыночной системы. В свою очередь буржуазное общество переносит на свою почву элементы государственного регулирования экономики, народно-хозяйственного планирования. Эти тенденции к обоюдному сближению и определяют и должны определять, согласно Арону, большинство социальных изменений. Некоторые идеи теории конвергенции в свое время разделял академик А. Д. Сахаров¹. Поддерживал идеи конвергенции и П. Сорокин².

¹ См.. Сорокин П. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М., 1990.

² См.. Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М., 1997.

Теория Арона была своего рода попыткой предложить вариант выхода из ситуации противостояния и противоборства, в том числе и военного, двух социально-экономических и политических систем. Тем не менее она была очень неоднозначно встречена представителями буржуазного мира и категорически отвергнута марксистами, которые видели в ней попытку обоснования политики поглощения капитализмом социализма.

Идеи зависимости социальных изменений от научно-технических и технологических факторов производства получили наиболее обобщенное выражение в теориях постиндустриального общества, авторами которых выступили ряд западных социологов и экономистов (Д. Белл, А. Турен, З. Бжезинский и др.). Наиболее известны в этом отношении работы американского социолога Д. Белла. (См., в частности: *Bell D. The Coming of the Post-Industrial Society*. N. Y., 1973. Русский перевод: *Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество*. М., 1999.)

Основная идея теории — последовательная смена в истории трех типов обществ: от доиндустриального общества через индустриальное общество к постиндустриальному обществу. В доиндустриальном обществе, утверждает Д. Белл, доминирует сельскохозяйственное производство, а главными социальными институтами являются церковь и армия. В индустриальном — промышленное производство, главным социальным институтом здесь становятся корпорации и фирмы. Постиндустриальное общество коренным образом изменяет социальную структуру: теперь уже доминирующую роль играет производство знаний, а университет — как их производитель и накопитель — превращается в главный социальный институт. Новая роль науки и техники определяет изменения в экономике, профессиональной системе занятости и во всей социальной структуре общества. Главными из этих изменений большинство авторов называют следующие: перемещение центра тяжести в экономике от производства товаров к производству услуг; изменения в социальной структуре и стратификации — доминирующее значение для жизнедеятельности общества приобретает не классовое, а профессиональное деление; формирование новой интеллектуальной технологии; введение контроля и планирования технологических изменений. Д. Белл утверждал, что правящую элиту теперь представляет не класс капиталистов, а профессионалы, обладающие высоким уровнем образо-

вания. Собственность в старом смысле слова теряет свое решающее значение в социальной стратификации, такое значение приобретает уровень знаний и образования. Коренные изменения происходят и в характере социальных конфликтов доминирующими из них становятся уже не классовые, а конфликты между компетентностью и некомпетентностью.

Таким образом, индустриально-технологические теории фиксируют многие реальные процессы современной действительности, помогают лучше понять и характер современных развитых обществ, и характер и направленность осуществляющихся в них социальных изменений. Это относится прежде всего к выяснению социальных различий между так называемыми индустриальными и постиндустриальными обществами, что имеет особое значение при определении перспектив нынешних социальных изменений в России.

Вместе с тем из поля зрения авторов этих теорий выпадают многие другие факторы, являющиеся источником современных социальных изменений. Вряд ли эти источники надо видеть только в меняющейся технологии производства и игнорировать, скажем, политические, экономические, этнические или морально-религиозные факторы.

Функционалистские теории. Эти теории значительно меньше известны широкому кругу читателей, они меньше освещались в нашей научной и научно-популярной литературе. Однако даже краткое ознакомление с основным их содержанием совершенно необходимо.

Структурный функционализм, как известно, получил наибольшее развитие в середине XX в. (см. гл. I). Вместе с тем данное направление в западной социологии неоднократно подвергалось критике за то, что его авторами проблемы структуры и функций социальных систем разрабатывались в ущерб проблематике социального развития. Функционалистам, прежде всего Т. Парсонсу, пришлось корректировать общую теорию и дать функционалистское видение процессов эволюции и развития. В чем суть этого видения, рассмотрим на материале работ Т. Парсонса¹

Исходя из общих постулатов структурного функционализма, Парсонс строит модель эволюции человеческих обществ. Такая

¹ См. *Parsons T. Societies. Evolutionary and Comparative Perspectives* N Y, 1966, *Parsons T. The System of Modern Societies* N Y, 1971. Русский перевод Система современных обществ М, 1998.

эволюция понимается им прежде всего как процесс усиливающейся структурной и функциональной дифференциации социальных систем, особенно социальных институтов, и, следовательно, движение общества от относительно простой структуры к все более сложной. Но при этом всегда, в любом обществе — простом или сложном — сохраняются так называемые эволюционные универсалии, в том числе язык, религия, родственные отношения и технология.

Парсонс выделяет несколько типов досовременных, доиндустриальных обществ. К ним он относит: примитивные общества (племена), живущие за счет охоты и собирательства; более развитые первобытные общества, основу которых составляют скотоводство и/или земледелие; промежуточные общества (цивилизованные государства) — Древний Египет, античный мир, Древний Китай, в которых возникают письменность и грамотность.

Наибольший интерес, пожалуй, представляет трактовка Парсонсом того типа общества, которое он называет современным. Такое общество стало формироваться в Европе (в ее «северо-западном углу» — имеется в виду прежде всего Англия, Голландия, Франция) в XVII—XVIII вв. и получило наибольшее развитие к середине XX в. (распространившись по многим странам мира, лидирующее положение среди которых занимают США). Процесс трансформации общества от досовременного к современному называется Парсонсом модернизацией. Для нее характерны три фундаментальных революционных сдвига: промышленная революция, демократическая революция и революция в образовании. Анализируя каждую из них, Парсонс акцентирует внимание прежде всего на социальных последствиях этих сдвигов, т. е. на изменениях в социальной стратификации, социальных институтах, социальном статусе человека, системах норм и ценностей.

Промышленная революция началась в XVII—XVIII вв. в Великобритании. Она означала мощный рост экономической производительности, который повлек за собой колоссальный сдвиг в социальном разделении труда, изменения в социальной структуре, появление новых функциональных механизмов: расширение рыночной системы и соответствующая ему дифференциация в экономическом секторе социальной структуры. Сердцевиной рыночной системы становится промышленность.

Рыночные отношения проникают и в сельское хозяйство, товаром становится земля. Но решающим фактором становления рыночной системы является формирование рынков капитала и труда. Структура занятости основывается на рыночных отношениях между «нанятым лицом» и «нанимающей организацией». Развитие капитала Парсонс связывает с распространением и организованностью финансовых рынков, которые достигли кульминации к середине XIX в. Деньги все более «перерастали свою функцию средства обмена и мерила стоимости и превращались в первостепенный контролирующий механизм всего экономического процесса»¹.

Технологические сдвиги, собственно вызвавшие промышленную революцию, — паровой двигатель, электроэнергия, двигатель внутреннего сгорания, машиностроение и т. д. — находятся в тесной взаимозависимости с изменениями в социальной организации производственного процесса. Критическое значение в этом отношении имела «дифференциация труда», т. е. выделение социальной функции труда из семейного домашнего хозяйства, а также возрастание трудовой мобильности. Эти перемены глубоко затронули структуру семьи и структуру местных сельских сообществ. Индустриальное общество становится беспрецедентно урбанизированным.

Весьма показательна оценка Парсонсом роли государства в рыночной системе. В процессе промышленной революции государство становится участником рыночной системы. Государство и экономика, утверждает он, «взаимозависимы». Парсонс соглашается с Э. Дюркгеймом в том, что «высокоразвитая экономика свободного предпринимательства, если сравнивать ее с более примитивными формами экономической организации, нуждается в более сильной, а не в более ограниченной государственной структуре». И еще: «Недоразвитость системы власти крайне пагубна для экономики, а недоразвитость денежной и рыночной систем крайне вредна для политической организации»². Как видим, американский социолог реалистично показывает огромную роль государства в становлении и функционировании рыночной экономики, и мысли эти высказаны за много лет до того, как наши отечественные «неолибералы», пришедшие к власти в начале 90-х гг., в качестве «последнего

¹ Парсонс Т. Указ. соч. С. 104.

² Там же. С. 107—108

слова» науки стали провозглашать принцип невмешательства государства в экономические дела и проводить его в жизнь. Воистину, не знали, что творят.

А каково, по Парсонсу, основное содержание демократической революции? В идеологическом отношении это прежде всего победа идей гражданского общества (гражданского общества) как такого общества, которое включает все население данной страны (например, всех французов) и ликвидирует статус «простых людей» как граждан «второго сорта», равно как и особый статус привилегированных. Знаменитый лозунг Французской революции «Свобода, Равенство и Братство» как раз воплощал эту новую идею единого общества. Идея равенства, в частности, подчеркивала принцип «равенства личных возможностей» и личного достижения ценностнозначимых статусов. «Обретение статуса или его сохранение в условиях конкуренции могло оцениваться как награда за заметный вклад в деятельность социальной системы»¹.

В проблеме гражданского равенства Парсонс, вслед за американским социологом и политологом Т. Маршаллом, выделяет собственно гражданский, политический и социальный компоненты, причем первые два обозначились еще в период Французской революции, а третий вышел на первый план только к середине XIX в. Гражданский компонент включает гарантии естественных прав человека, т. е. гарантии жизни, свободы и собственности (что зафиксировано во Французской декларации прав человека и в американском Билле о правах). Политический компонент гражданского равенства касается вопросов демократических выборов, развития представительных институтов. Европейские политические системы выработали принципиально общую конструкцию — всеобщее избирательное право, «один гражданин — один голос», тайное голосование. Социальный компонент, по Парсонсу, является «наиболее фундаментальным», но и менее развитым. Центральным принципом здесь является то, что «члены общества должны иметь не просто формальные, но реальные возможности конкурировать с другими членами, причем с достаточными шансами на успех»². Причем «у конкурентной системы (т. е. социаль-

¹ Парсонс Т. Указ. соч. С. 111.

² Там же С. 113.

ной системы — общества, основывающегося на принципах конкуренции. — Л. М.) должен быть и «нижний порог», определяющий стандарт «благополучия», на который претендуют все члены общества и который понимается как «право» жить на уровне этого стандарта, а не как «благотворительность»¹.

Наконец, революция в образовании. Одной из характерных черт этой революции было широкое распространение начального образования, а в дальнейшем и повышение уровня образованности населения за пределы элементарной грамотности. До XIX в. в любой стране элементарная грамотность имела место в среде небольшого элитарного круга. Радикальным прорывом была попытка дать грамотность всему населению. Социальный смысл этого скачка — в колоссальном сдвиге в сторону равенства возможностей, в том числе и за счет совместного обучения лиц обоего пола. Образование становится необходимым для достижения различных статусов и в сфере занятости, и в стиле жизни. Особенно это относится к ситуации, когда массовым становится высшее образование. Парсонс подчеркивает «творчески-новаторскую функцию образовательной системы». Ныне, в отличие от XVIII и даже XIX в., техника стала в высшей степени зависимой от «отдачи» научных исследований.

Важнейшие социальные последствия развития образования связаны с изменением форм социальной стратификации — все большее распространение получают приобретенные социальные статусы, в отличие от приписываемых. «Самостоятельно пробившийся человек» становится самым распространенным участником социальной конкурентной системы. Главным фактором (и идеалом) становится равенство. Парсонс отмечает «утопизм» полного политического равенства, но в то же время подчеркивает, что «люди «обучаются» и отбираются в соответствии с социализированной способностью к выполнению ответственных ролей, требующих высокого уровня компетентности и влекущих за собой высокий уровень вознаграждений, включая доход, политическое влияние и, в несколько меньшей мере, власть»².

И наконец, вывод: «Революция в образовании через развитие академического комплекса и каналов практического при-

¹ Парсонс Т. Указ. соч. С. 114.

² Там же. С. 130.

менения научных разработок дала старт преобразованию всей структуры современного общества. Сверх того, она уменьшает важность двух главных объектов идеологического внимания — рынка и бюрократической организации. На передний план выдвигается организация по принципу ассоциации, особенно в ее коллегиальной форме».

С точки зрения Парсонса, важнейшая проблема современных обществ — интеграция социальных последствий всех трех революций — промышленной, демократической и революции в образовании. Последствия последней революции выдвинулись в последнее время на передний план. Особо острые проблемы разовьются в сфере культурных систем и их отношении к обществу, и в сфере мотивации социальной солидарности крупномасштабного и высокоплюралистического общества. Система современных обществ еще далека от кульминационной точки своего развития — ее можно будет ожидать «через столетия и даже больше». «В следующие сто с лишним лет будет продолжаться процесс оформления» системы современных обществ.

Картина социальной эволюции, нарисованная Парсонсом, как уже отмечалось, акцентирует внимание на структурно-функциональных аспектах социальных изменений, и в этом ее существенная положительная сторона. Вместе с тем эта картина неоднократно подвергалась справедливой критике в зарубежной и отечественной социологии за явно прозападную, больше того — проамериканскую ориентацию. В самом деле, кульминацией эволюционного процесса он провозглашает США, видит в них образец и лидера «современного общества», а американизацию социальной и культурной жизни других обществ считает явлением неизбежным. Вряд ли с такими утверждениями могут легко согласиться представители других стран и континентов.

Общая оценка макросоциологических теорий. Описанные выше теории при всех различиях между собой имеют и общие черты. К их числу можно отнести попытки представить в виде некоторой единой схемы чуть ли не все историческое развитие человечества, во всяком случае историческое развитие в Европе и послеколумбовой Америке. Такая схема основывается на предпосылке, что человеческая история так или иначе подчинена некоторой общей единой закономерности, какому-то общему единому закону эволюции. Однако можно ли априорно и умозрительно предполагать, что такой единый закон существует? Дело

прежде всего в том, что социальными науками еще недостаточно изучены материалы по истории неевропейских обществ.

Каждая из описанных теорий претендует на то, чтобы быть универсальной (хотя и не единственной) схемой объяснения наиболее фундаментальных социальных изменений в истории человеческого общества. Конечно, само по себе такое стремление не может не вызвать уважение, ибо предполагает колоссальную предварительную исследовательскую работу, которая проделана их авторами и сторонниками. Но основная проблема заключается в том, что общественные науки, социология в том числе, на данном этапе пока, видимо, не готовы дать всеобъемлющую теоретическую картину социально-исторического развития, такую картину, которая вбирала бы в себя и общие социально-исторические закономерности, и специфику регионов и народов, т. е. представляла человечество как некоторую целостную социокультурную систему и в то же время учитывала особенности различных ее частей. В каждой из рассмотренных выше теорий есть свои достижения и результаты, интересные наблюдения, но ни одна из них не может быть принята как единственная и все объясняющая схема важнейших социальных изменений в долгой истории человечества. Многочисленные дискуссии на эту тему в социологии продолжаются.

§ 3. Тенденции современного мирового развития

В последние десятилетия особенно отчетливо проявили себя некоторые новые тенденции и возникающие на этой основе проблемы социального, экономического, политического и культурного развития общемирового характера. Это прежде всего процессы глобализации в экономической и культурной областях, информационная революция и создание мировых информационных сетей, усиление неравномерности социально-экономического развития разных стран и регионов, экологическая угроза самому существованию человеческого общества, кризис тех традиционных методов хозяйствования, которые подчинены принципу получения максимальной прибыли (фактически любыми средствами).

Эпоха постмодерна? В 90-е гг. в зарубежной (а отчасти и отечественной) социологической литературе все больше обсужда-

ется проблема так называемого постмодерна. В чем она заключается? Сам термин, как утверждают многие авторы, сложился первоначально в рамках новейших культурологических исследований (особенно в области теории и практики архитектуры). Считалось, что постмодернизм — это особый стиль создания и изучения произведений искусства, особенно архитектуры. Он противопоставлялся прежним модернистским стилям, существовавшим в этих сферах культуры в XIX и большей части XX в., таким, например, как футуризм, кубизм, конструктивизм и др. Характерным примером модернизма в архитектуре считалось возведение безликих, эстетически убогих зданий-гигантов из стекла и бетонных блоков, распространившееся во многих странах. Не случайно один из теоретиков постмодерна, Ч. Дженкс, утверждал, что архитектура модернизма умерла в Сент-Луисе, штат Миссури, 15 июля 1972 г., когда «постыдное здание Приюитт-Игоу или, точнее, несколько плоских блоков прекратили свое существование после взрыва с помощью динамита»¹.

Постмодерн в его социологическом понимании определить очень сложно вследствие недостаточной строгости самого термина и довольно разных значений, которые вкладываются в его содержание разными авторами. При этом следует обратить внимание и на то, что расхождения в понимании процессов отражаются на вариантах термина: постмодерн, постмодернизм, постмодернизация. Не вдаваясь в тонкости словоупотребления, отметим лишь то, что представляется наиболее важным. Общий смысл, коротко говоря, сводится к тому, что этими терминами пытаются обозначить некоторые особенности социальной реальности, «социальных условий», сложившихся во второй половине XX столетия, а также и особенности понимания этой реальности и социальной деятельности людей в новых условиях. Подчеркивают также, что постмодерн — это смена самого направления развития современных обществ.

Одним из первых термин «постмодерн» использовал еще в 50-х гг. английский историк А. Тойнби в своем знаменитом «Исследовании истории». С его точки зрения, период времени от Ренессанса до конца XIX столетия был периодом классического модерна — индустриализации, бесконечного, как казалось, научно-технического прогресса, веры в силу челове-

¹ *Jenks C. The Language of Post-Modern Architecture. L., 1977. P. 9.*

ческого разума, в науку, в возможности рационального обустройства общества. Однако с последней четверти XIX в. преобладающими становятся настроения пессимизма, тенденции иррациональности, индетерминизма и анархии, которые Тойнби связывает с приходом «массового общества» и «массовой культуры». Этот период, продолжающийся и поныне, он и именует периодом постмодерна — периодом «тревожного времени» для западной цивилизации, ее социальной дезинтеграции, разрушения вековых ценностей.

В той или иной мере исследователями и сторонниками постмодерна можно считать Р. Ингледарта, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийара, Ч. Дженкса, М. Фуко и ряд других мыслителей. Американский социолог Р. Ингледарт процесс постмодернизации противопоставляет процессу модернизации. С его точки зрения, за последнюю четверть XX столетия «произошла смена главного направления развития». В самом термине «постмодернизация» заложен важный концептуальный смысл, в соответствии с которым модернизация «уже не является самым последним событием в современной истории человечества и социальные преобразования развиваются сегодня совершенно в ином направлении». Некоторые специфические признаки этого процесса заключаются в следующем: постмодернизация предполагает отказ от акцента на экономическую эффективность, бюрократические структуры власти и научный рационализм, что было характерно для процессов модернизации. На стадии постмодернизма происходит переход к более гуманному обществу, в котором больший простор предоставляется самостоятельности, многообразию и самовыражению личности, общество отходит от стандартного функционализма, от увлечения наукой и экономическим ростом, делает больший акцент на эстетических и человеческих моментах¹.

Одну из наиболее развернутых концепций выдвигает французский автор Ж.-Ф. Лиотар. С его точки зрения, жители развитых западных обществ уже с начала 60-х гг. XX в. живут в мире постмодерна, который следует понимать как фундаментальное «социальное условие» этих обществ, а не только как новый творческий стиль в искусстве, в том числе и в архитектуре. «Социальное условие», в частности, заключается в крушении

¹ См.: Ингледарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999

двух важнейших устоев предшествующих эпох, которые в действительности оказались мифами. К ним он относит «Миф освобождения» и «Миф истины». «Миф освобождения» означает крушение надежд на создание с помощью науки общества, в котором человек чувствовал бы себя свободным, раскрепощенным индивидом, творческой личностью. В действительности идея свободного человека была разрушена растущей репрессивностью западного общества, мировыми войнами, наличием концлагерей и ГУЛАГов, изобретением оружия массового уничтожения людей. Принцип свободы личности все более утрачивает доверие в «массовом обществе». Вера в возможность познания одной великой Истины, которая могла бы увлечь и воодушевить массы людей, также оказалась утраченной — и под воздействием несбывшихся социальных надежд, и под растущим влиянием релятивистских теорий социального познания (в частности, теорий Т. Куна, П. Фейерабенда). Общим результатом массовой утраты доверия к основным устоям периода модерна стало то, что население развитых западных обществ живет в мире, в котором не существует гарантий ни в отношении долговременных результатов их деятельности, ни в отношении надежности и истинности их знаний. Интеллектуальная деятельность в значительной степени превращается в «языковые игры».

В несколько ином ключе характеризует постмодерн Ч. Дженкс. Это эпоха, утверждает он, когда никакая ортодоксия не может быть принята без саморефлексии и иронии и все традиции должны обладать валидностью в глазах масс людей. Такое положение обусловлено отчасти тем, что называется информационным взрывом, новой социальной организацией знания, становлением мировой коммуникационной сети. Почти каждый городской житель с помощью компьютера и Интернета может получить информацию фактически из любой точки планеты. «Плюрализм, этот «изм» нашего времени, — это великая проблема, но и великая возможность: где Каждый Мужчина становится Космополитом, а Каждая Женщина — Свободным Индивидом, неразбериха и беспокойство становятся ведущими состояниями духа, а эрзац — общей формой масс-культуры». Такова цена, которую мы платим за эпоху постмодерна, подобно тому как монотонность, догматизм и бедность были платой за эпоху модерна. Но уже «невозможно вернуться к прежней культуре и индустриальной форме обще-

ства, навязывать фундаменталистскую религию или даже модернистскую ортодоксию». И еще: «Раз уж мировая система коммуникации и кибернетическая форма продукции возникли, то они создают свои собственные потребности и, если не будет ядерной войны, являются необратимыми»¹.

Таким образом, если попытаться подытожить основные положения теоретиков и аналитиков постмодерна, то можно сказать следующее:

- постмодерн характеризуется как особый период, «эпоха» в новейшей истории общества, прежде всего западного, некоторые (Лиотар и другие) уточняют — западного капиталистического общества;

- с точки зрения «социальных условий», т. е. социального содержания, этот период следует за периодом модерна — классического капитализма и индустриализации — и охватывает последние десятилетия XIX и значительную часть XX столетия;

- «социальные условия» постмодерна обычно характеризуются сочетанием противоречивых тенденций, доминированием социального и культурного плюрализма, многообразием стилей, изменчивостью, скоротечностью порядков, отсутствием долговременных и твердоустановленных ориентиров;

- постмодерн вместе с тем — это и особый взгляд на общество, в соответствии с которым неправомерно выделять и обособлять в качестве относительно самостоятельных сферы экономики, политики, идеологии, культуры и т. д. Общество представляет собой интегрированную целостность, в которой все элементы органически взаимосвязаны;

- в критическое положение попадают социальные науки, поскольку в результате доминирования настроений культурного плюрализма и гносеологического релятивизма размывается легитимность открываемых науками истин. Утрачивается доверие к валидности науки, действительности ее содержания, по крайней мере в части формулирования более или менее долгосрочных тенденций и трендов.

Нужно подчеркнуть, что теории постмодерна встретили далеко не однозначную реакцию в социологическом сообществе в разных странах. Значительная часть социологов подвергает их достаточно резкой критике. Разумеется, нельзя не признать, что в

¹ Jencks Ch. What is Post-Modernism? L., 1989. P. 7.

концепциях постмодерна, так сказать, схвачены некоторые важные особенности процессов информационного, технологического, социального и культурного развития, касающиеся прежде всего развитых западных обществ. Видимо, есть резон говорить о существенных различиях в самом характере, причинах, движущих силах и социальных последствиях на этапе индустриализации (модернизации) общества и на последующем этапе, который многие авторы и называют постмодернизацией. Естественно, что эти различия требуют специального и детального изучения.

Информационная революция. Действительно, во второй половине XX в. и особенно в последнее десятилетие в мире произошли такие существенные изменения, которые не только меняют социальный облик мира, но меняют саму направленность социально-исторического развития в наиболее продвинутых странах и выстраивают новую иерархию факторов этого развития. Одно из них связано с информатизацией и компьютеризацией современного общества и вытекающими отсюда глубокими социальными последствиями. Эти сдвиги ряд авторов называют информационной (информационно-технологической) революцией, более того, революцией, которая кладет начало новому типу общества — информационному обществу. В чем суть этой революции?

В чисто техническом плане обычно выделяют следующие элементы информационной революции:

- изобретение и широкое распространение телевидения;
- распространение не только проводной, но и радиотелефонной связи;
- изобретение и широкое использование оптического кабеля;
- изобретение компьютера, персонального компьютера и широкая компьютеризация современного общества;
- использование в целях радио- и телесвязи искусственных спутников Земли;
- построение всемирной системы Интернета. В середине 1998 г. в этой системе было более 140 млн. пользователей, но уже к концу 2000 г. их число превысило 700 млн. В России к началу 2001 г. насчитывалось 2,5 млн. пользователей Интернета.

Каждый в отдельности из этих элементов, конечно, является великим достижением современной цивилизации, научно-технической мысли, хотя еще не знаменует начала информа-

ционной революции. Но эти элементы, соединенные в единую систему, которая опутывает весь мир, всю планету едиными, унифицированными информационными сетями, создают качественно новую ситуацию, имеющую самые глубокие социальные последствия. Некоторые исследователи считают возможным говорить о формировании особой инфосферы (информационной сферы) наряду, например, с биосферой. Инфосфера представляется как некоторое продолжение и конкретизация идей В. И. Вернадского о ноосфере.

В чем же заключаются социальные последствия информационной революции? Нужно прямо сказать, что эти последствия пока изучены недостаточно. Еще предстоит их обстоятельный всесторонний анализ, объективное осмысливание, проверка и перепроверка первоначальных выводов. Но вместе с тем некоторые выводы (пусть в самом общем виде) можно сделать уже сейчас.

Первое — формирование глобальной унифицированной информационной системы, соединяющей между собой практически все цивилизованные точки нашей планеты. Информация, добываемая в одной точке, к примеру в Европе, практически мгновенно может быть доставлена и воспринята в любой другой точке — не только в самой Европе, но и в Америке, Африке, Австралии, даже на отдаленных островах Тихого океана. В этих условиях принципиально иной характер приобретает вопрос о доступности информации. Получателю или пользователю нет необходимости передвигаться, чтобы получить ее. Информация может быть доставлена домой или в местный офис, по запросу — в любой момент. В итоге социальное взаимодействие людей, социальная коммуникация приобретают новые черты, которых не было раньше. В частности, взаимодействие отдельных индивидов, а также и целых групп людей, социальных организаций может осуществляться друг с другом напрямую через границы, без обязательного, как это было прежде, участия в этом процессе государства. Можно сказать, что информационная революция как бы «сжимает» пространство и время в новую социальную реальность.

Второе — возникают информационные технологии. Информационно-технологические линии создания и распространения информации функционируют не только в глобальном, национальном или региональном масштабах. Отныне они прони-

зывают буквально все сферы человеческой жизнедеятельности — экономику, политику, культуру, министерства, корпорации, фирмы, банки и т. д. Более того, самое главное заключается в том, что именно информационные технологии приобретают приоритетное, даже первостепенное значение с точки зрения эффективности, конкурентоспособности различных хозяйственных и управленческих единиц. При наличии определенных условий именно информация, знания, изобретательность людей, воображение и добрая воля становятся главным ресурсом развития. И это относится как к целым государствам, так и к отдельным организационным структурам. Конференция Нобелевских лауреатов (Париж, 1988 г.) в своей Декларации заявила: «Научные знания — одна из форм власти, поэтому как отдельные люди, так и народы должны иметь к ним равный доступ».

Третье — информационная революция служит существенным фактором глобализации всех сфер жизнедеятельности современного общества — экономической, политической, культурной. (Об этом подробнее см. ниже)

Четвертое — информация и знания становятся важнейшим стратегическим ресурсом и фактором развития современных обществ. Общества, обладающие более развитым информационным ресурсом, имеют большие возможности для более быстрого развития наукоемких и ресурсосберегающих технологий в экономике и тем самым быстрее развивают свою экономику, производят конкурентоспособную продукцию и на этой основе увеличивают национальное и индивидуальное богатство. В связи с этим в новом свете представляется проблема социальной значимости образования, особенно высшего образования, подготовки высококвалифицированных кадров. Наибольшей социальной востребованностью пользуются профессии, связанные с деятельностью, работой в инфосфере, ее обслуживанием, ее развитием и т. д.

Пятое — информационная революция оказывает существенное влияние на социальную стратификацию общества. Резко возрастает занятость в информационной сфере — в сфере производства, передачи, хранения знаний и информации. Обладание знаниями, информацией, компетентность, высокая квалификация становятся важнейшим фактором вертикальной мобильности, повышения социального статуса кадров.

Работники, занятые в инфосфере, стали формировать самую многочисленную группу работников. Так, в США еще в 70-х гг. они составляли 47% от общей численности гражданской рабочей силы, тогда как индустриальные рабочие составляли около 28%, рабочие в сфере услуг — 22%, сельскохозяйственные рабочие — 3%. К настоящему времени численность работников информационной сферы в ряде стран уже превысила численность работников всех остальных сфер вместе взятых.

Глобализация. Среди современных процессов социальных изменений все большее внимание исследователей привлекает глобализация. Этим понятием обычно обозначают процессы становления более или менее единых общемировых систем в экономике, технологии, информации, политике и т. д. В результате таких процессов страны и народы становятся не только взаимосвязанными между собой, но и взаимозависимыми. Глобализм — это новое осознание всего мира как единого, общего «места жительства». Именно этим качеством глобализация коренным образом отличается от существовавшей столетия системы международных связей и отношений.

В Докладе о развитии человека за 1999 г., подготовленном экспертами ООН, глобализация на современном этапе характеризуется следующими моментами:

- появлением на глобальном уровне рынков валюты и капиталов;
- появлением новых инструментов (средств) глобализации, таких, как Интернет, сотовые телефоны, информационные сети, в том числе спутниковое телевидение;
- появлением новых действующих лиц (организаций), таких, как Всемирная торговая организация (ВТО), многонациональные корпорации, всемирные сети неправительственных организаций (НПО);
- появлением новых правил и норм. Это международные соглашения по вопросам торговли, услуг, интеллектуальной собственности и др., которые имеют обязательную силу для национальных правительств.

В самом деле, возникает взаимозависимая по всему миру глобальная экономика, и ярким показателем ее становятся многочисленные транснациональные корпорации и крупные компании. Они хотя и располагаются преимущественно в одной стране и рассматриваются как часть ее экономики, но имеют

отделения во многих странах, а продажу своей продукции или услуг стремятся осуществлять по всему миру. Так, известная компания «Макдоналдс» по происхождению канадская, но давно уже превратилась в глобальную. В любом месте земного шара она обеспечивает одинаковый уровень обслуживания, в целом одинаковое меню, имеет одинаковые технологические линии, форму одежды персонала, архитектурные особенности своих помещений и т. д.

Очевидно, что глобализация как одна из ведущих тенденций современного мира стимулирует рост и прогресс в сфере экономики, технологии, информационных систем, несет огромный потенциал социальных (и культурных) изменений. Она формирует в разных странах новое, в значительной степени унифицированное восприятие действительности, новый стиль жизни людей, новые ценности и таким образом способствует подтягиванию развивающихся стран до уровня современной цивилизации. Именно в этом смысле российские власти выступают за подключение страны к мировым глобализационным процессам.

Но вместе с тем неуправляемая, неконтролируемая глобализация несет и массу отрицательных последствий, особенно для развивающихся стран. Многие исследователи обращают внимание прежде всего на то, что глобализация не ведет к выравниванию уровней экономического, технологического, информационного развития разных стран. Более того, неравенство в этих отношениях между странами не только сохраняется, но зачастую и усиливается. В упоминавшемся Докладе о развитии человека за 1999 г. приводятся такие данные: разрыв в доходах между пятой частью мирового народонаселения, проживающего в богатейших странах, и пятой частью, живущей в беднейших странах, выражался в 1997 г. соотношением 74 : 1, тогда как в 1990 г. это соотношение было 60 : 1, а в 1960 г. — 30 : 1. Это означает, что разрыв в доходах между богатыми и бедными странами за последние неполных 40 лет увеличился почти в два с половиной раза.

Особенно велик (и все увеличивается) разрыв в наукоемких производствах и в расходах на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР): в 1993 г. всего лишь на десять стран мира приходилось 84% мировых расходов на НИОКР, они контролировали 95% всех патентов, выданных в США за последние два десятилетия. Кроме того, 80% патен-

тов, выданных в развивающихся странах, принадлежат жителям промышленно развитых стран.

Но, пожалуй, наибольшие опасения вызывает глобализация непосредственно в сфере социальных отношений и в сфере культуры. Экспансия унифицированных образцов поведения, чужеземных культурных обычаев, норм, ценностей угрожает самому существованию множества самобытных национальных и региональных культур, а потому вызывает зачастую активную негативную реакцию, неприятие, открытые и многочисленные демонстрации протеста. Такие процессы наблюдаются и в российском обществе, особенно относительно политики ряда телеканалов, которые в погоне за прибылью ежедневно забывают эфир многосерийными и крайне малохудожественными, а то и низкопробными фильмами.

Главный вопрос, который возникает при рассмотрении процессов глобализации, это вопрос о том, не приведут ли эти процессы к унификации мирового сообщества людей и глобальной унификации культуры? Видимо, нельзя отрицать, что такая опасность существует. Но вместе с тем существуют и объективные границы, пределы такой унифицированной глобализации. Они заключаются в устойчивости социальных структур разных народов, их исторической культуре, национальных традициях, языке. Как говорится в Докладе ООН о развитии человека за 1999 г., задача заключается не в том, чтобы остановить, «запретить» процессы глобализации. Это сделать невозможно, да и не нужно. Задача заключается в умелом соединении преимуществ глобализации с местными и региональными социально-культурными нормами и институтами, чтобы обеспечить более эффективное управление научно-техническим прогрессом на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях.

Императивы устойчивого развития. В последние 10—15 лет в среде ученых разных специальностей, а также и в политических кругах многих стран мира все более активно обсуждается вопрос о необходимости выработки международной и национальных стратегий устойчивого развития. Дело в том, что масштабы современной производственной, общественно-политической и даже бытовой деятельности людей в рамках мирового сообщества оказываются столь внушительными, что порождают все больше глобальных противоречий и новых кризисных ситуаций,

которые ставят перед правительствами, учеными, всем населением Земли кардинальные проблемы о возможностях дальнейшего существования человеческой цивилизации. Из них две группы проблем, тесно связанных между собой, имеют особо важный характер. Первая — это воздействие на природу техногенных и антропогенных факторов, что ведет к глобальному экологическому кризису. Человечество, прежде всего промышленно развитые страны, поглощают такое количество минеральных природных ресурсов, особенно невозобновляемых ресурсов (нефти, газа, угля, других природных ископаемых), что продолжение в дальнейшем производственной деятельности в прежних объемах и сложившимися индустриальными методами не просто ведет к истощению этих ресурсов, но ставит под угрозу существование самой природы, в первую очередь существование биосферы.

Вторая — это растущее неравенство в экономической, научно-технической, политической, интеллектуальной сферах между промышленно развитыми странами, так называемым золотым миллиардом, и остальными странами, а также растущее социально-экономическое неравенство внутри отдельных стран.

Опасность для всего человечества такого положения дел стала осознаваться в последние десятилетия уже на уровне правительств, политических деятелей разных стран, международных политических и экономических организаций. Это проявилось в созыве ряда международных конференций, форумов, встреч руководителей некоторых стран, на которых обсуждалась складывающаяся ситуация. Так, в 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция ООН по окружающей среде и развитию на уровне глав государств и правительств, которая указала на возникающие перед мировым сообществом проблемы и на необходимость глобального «устойчивого развития» (sustainable development; следует сразу отметить, что русский перевод этого выражения как «устойчивое развитие» неудачен. Смысл оригинального английского понятия — самоподдерживаемое развитие, т. е. развитие общества, как бы согласованное с состоянием и развитием окружающей среды, природы, в результате чего общество и природа должны рассматриваться как единая целостная система). Председатель Конференции Президент Бразилии Фернандо Коллор де Мелло так определил цели ее проведения: «Мы собрались, чтобы обеспечить прогресс в ре-

шении общей задачи, основанной на двух фундаментальных положениях — развитие и окружающая среда. Мы принимаем историческую необходимость и нравственную обязанность сформировать новую модель (развития), в которой благополучие всех и сохранение окружающей среды были бы обязательно синонимами... Мы не можем обеспечить экологическую безопасность планеты в социально несправедливом мире»¹. Несколько позднее (в 1995 г. в Копенгагене) состоялась Всемирная встреча на высшем уровне в интересах социального развития, которая приняла программу действий с рекомендациями правительствам разработать меры по созданию благоприятных условий в целях устойчивого экономического роста и устойчивого социального развития на национальном и международном уровнях.

Императив устойчивого развития, его осознание в науке складывались в течение ряда десятилетий. В этой связи в научной литературе называют концепцию ноосферы выдающегося отечественного ученого академика В. И. Вернадского, известные доклады представителей Римского клуба и некоторые другие течения философской и социально-экономической мысли. Концепция В. И. Вернадского носит философский и общенаучный характер, и суть ее, кратко говоря, заключается в следующем: человеческий разум ныне достигает такого могущества, что, познавая законы природы, развивая технику и технологию, становится не только социальной силой, но и геологической. Возникают новые формы обмена веществом и энергией между обществом и природой, расширяется и углубляется биогсохимическое и иное воздействие человека на природу. В результате биосфера превращается в ноосферу, т. е. переходит в новую, высшую стадию. Общество и природа могут и должны рассматриваться как некоторая целостность.

Римский клуб — это неформальная организация, объединение некоторых ученых, политиков, общественных деятелей. Его представители в ряде своих докладов в 70—80-х гг. доказывали, что продолжение прежней политики неконтролируемого экономического роста ведет к истощению природных ресурсов планеты, губит природу. Эта идея особенно отчетливо была выражена в известном докладе М. Месаровича и Э. Пестеля

¹ Цит. по *Левашов В. К.* О социальной сущности концепции устойчивого развития // Социологические исследования. 1997. № 4 С. 12

«Пределы роста». Однако авторы доклада вместе с тем доказывали, что в силу сложившейся в мировой экономике ситуации необходимо установить пределы экономического роста и развития, прежде всего не допустить превращения стран «третьего мира» в индустриально развитые страны североамериканского или западноевропейского уровня. В противном случае, по мысли докладчиков, возможна глобальная катастрофа из-за истощенности природных (материальных, минеральных, энергетических, продовольственных) и иных ресурсов и необратимого поражения природной среды обитания человека¹.

Императив устойчивого развития имеет и глобальные, и региональные, и национальные аспекты. Он непосредственно касается перспектив дальнейшего развития Российской Федерации в указанных аспектах. Еще в 1996 г. был издан Указ Президента РФ «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», в котором было предложено разработать и внести на рассмотрение президента проект Государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации. За истекшие годы разными исследовательскими коллективами был подготовлен ряд проектов такой стратегии, однако ни один из них пока не получил утверждения. Ряд ученых отмечают с сожалением, что до настоящего времени в России отсутствует научно обоснованная с точки зрения ее фундаментальных интересов позиция в отношении концепции устойчивого развития².

Разработка Государственной стратегии устойчивого развития России сталкивается прежде всего с двумя группами проблем, которые являются и научно-исследовательскими, и практически-политическими. Первая группа связана с состоянием современного экологического кризиса и перспективами его разрешения. Дело в том, что кризис является одновременно и внутрироссийским, и глобальным. Иными словами, правильное, научное определение сущности кризиса и путей его разрешения возможно лишь при учете сбалансированности интересов и потребностей мирового сообщества и интересов и потребностей российского общества, российского многоэтни-

¹ См.: Римский клуб: История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / Под ред. Д. М. Гвишиани. М., 1997

² См. Независимая газета. 2000. 2 июня

ческого народа. В этой связи небезынтересно привести мнение президента Римского клуба Р. Дюсс-Хохлайтнера. «Концепция устойчивого развития будет иметь право на существование только тогда, когда будут полностью учтены особенности каждой страны, оценены ее ресурсы и перспективы промышленного и сельскохозяйственного развития, проанализированы тенденции мировой торговли, исследована экологическая жизнеспособность глобальной экономики. Пока мы не установим предельно допустимый уровень загрязнения и не договоримся о компенсации ущерба, используя имеющиеся в распоряжении мировой общественности механизмы влияния, мы не добьемся гармоничного и устойчивого развития мира»¹.

Другая группа проблем не менее, а, возможно, более сложна. Речь идет, в сущности, о кризисе глобального распространения на протяжении нескольких веков такой модели социально-экономического развития, которая основывается на представлениях о безусловных преимуществах и эффективности капиталистических рыночных отношений, возможности и необходимости бесконечного эксплуатации природных богатств, природных ресурсов, неизбежности разделения мирового сообщества на развитые, «благополучные» страны (так называемый золотой миллиард), в которых господствует обрабатывающая промышленность, наукоемкое, экологически чистое производство, и слаборазвитые страны, где доминирует добывающая промышленность, экологически «грязные» технологии.

Не секрет, что такую модель социально-экономического развития поддерживают в явной или неявной форме ряд видных западных политических деятелей, ученых, представителей транснациональных компаний. И не только поддерживают, но через государственные органы некоторых западных стран и через некоторые международные организации стремятся навязать всему миру представления, что подобная модель — единственно возможная, единственно приемлемая модель устойчивого развития в современных условиях.

Однако такие взгляды подвергаются критике со стороны не только государственных и общественных деятелей и ученых развивающихся стран, но и дальновидных, проницательных интеллектуалов развитых западных стран. Они подчеркивают

¹ См. Римский клуб С 285

исчерпанность неконтролируемого капиталистического рыночного развития, несправедливость разделения мирового сообщества на «страны благополучные» и «страны-изгои». Так, на упоминавшейся Конференции 1992 г. в Рио-де-Жанейро Генеральный секретарь Конференции М. Стронг заявил: «Эта модель роста и связанная с ней структура производства и потребления не являются устойчивыми для богатых и не могут быть взяты на вооружение бедными. Следование по этому пути может привести к концу нашей цивилизации... Расточительный и разрушительный образ жизни богатых не может сохраняться за счет жизни и условий существования бедных и природы»¹.

Ряд крупных ученых (например, академик РАН В. Коптюг и др.) подчеркивают, что ключевой вопрос — это вопрос совместимости устойчивого развития и рыночных отношений, поскольку первое предполагает доминирование сознательного и планомерного контроля, а второе — элементов стихийности, неконтролируемости, неуправляемости.

Другие крупные ученые (академик РАН Н. Моисеев и др.) считают необходимым придать понятию устойчивого развития широкий философский, научный и социальный смысл. Речь должна идти не просто о бережном отношении к природе, ее сохранении для будущих поколений, а о полном осознании необходимости перехода общества к новому типу эволюции, так называемой коэволюции, т. е. совместному гармоничному развитию природы и общества. Академик Н. Моисеев считает совершенно иллюзорными и недостаточными представления о том, что если мы научимся не загрязнять окружающую среду промышленными отходами и не разрушать живой мир, то и будущее наше гарантировано. Конечно, «сохранение живой природы — условие совершенно необходимос, но недостаточное». Ситуация гораздо серьезнее. Проблема устойчивого развития — «это проблема формирования новой цивилизации». Мы не знаем, какой будет эта цивилизация, но мы твердо убеждены, что путь развития посредством покорения природы, посредством покорения одних стран другими, одних народов другими, одних людей другими, этот путь фактически исчерпал свои возможности. Он привел к современному экологическому кризису, кризису социально-экономического развития мирового сообщества. На повестке дня — выра-

¹ См.: Независимая газета. 2000. 2 июня.

ботка «стратегии переходного периода к такому состоянию природы и общества, которое мы можем характеризовать терминами «коэволюция» или «эпоха ноосферы»¹.

Как видим, концепция академика Н. Моисеева очень основательная, теоретически глубокая, перспективная. Она в наиболее острой и масштабной форме ставит задачу осмысления кризиса современной цивилизации и сознательной разработки современной стратегии ее социально-исторического развития.

Приложение

Социология в России: российское общество перед выбором пути

Более полутора десятков лет российское общество и государство находятся в состоянии реформирования. Вначале, с середины 80-х гг., это были попытки осуществления «перестройки» общества на базе усовершенствованных социалистических принципов, т. е. посредством соединения идеалов социализма с рыночными отношениями в экономической сфере и демократическими — в политической сфере. Во главе «перестройки» встало руководство ЦК КПСС и ее лидер М. С. Горбачев, избранный в 1989 г. и Президентом СССР. Эти попытки в самом конце 80-х — начале 90-х гг. потерпели провал. Провозглашение государственного суверенитета Российской Федерации, а затем и других республик Советского Союза, так называемый путч 19—21 августа 1991 г., последовавшие затем запрет деятельности КПСС, роспуск Союза Советских Социалистических Республик как единого государства, преобразование бывших союзных республик, в том числе и Российской Федерации, в самостоятельные государства — таковы главные события, ознаменовавшие конец «перестройки».

Теперь уже речь шла о проведении «радикальной экономической реформы» в Российской Федерации, т. е. о реформировании страны на базе неолиберальных (капиталистических) рыночных принципов, а во главе этого процесса встал Президент РФ (им до декабря 1999 г. был Б. Н. Ельцин) совместно с

¹ Моисеев Н. Н. С мыслями о будущем России М., 1998 С. 139

правительством. Новый Президент РФ В. В. Путин (с начала 2000 г.) и его правительство продолжили главные направления преобразований, которые проводились предыдущим руководством, хотя в ряд аспектов экономической, административной и социальной политики были внесены коррективы.

Ход и результат проводившихся на протяжении полутора десятков лет реформ оцениваются разными социальными группами, общественно-политическими движениями и партиями, а также и разными группами ученых по-разному, зачастую даже совершенно противоположным образом. Вероятнее всего, что дискуссии и споры по этим вопросам будут продолжаться и дальше.

При научном анализе и оценке социальных проблем важно руководствоваться принципами объективности и непредвзятости, историчности и системности. Прежде всего следует ответить на вопрос: была ли объективная необходимость в существенном (может быть, даже коренном) реформировании сложившейся к середине 80-х гг. советской экономической, политической, идеологической, социальной системы? Вероятно, подавляющее большинство людей на этот вопрос ответят положительно: да, была. При этом, разумеется, нельзя впадать в крайности и видеть в советском периоде истории страны или только (почти только) негативные, «черные» стороны, или только (почти только) положительные, «розовые» стороны. Видимо, такой подход будет искажать реальную картину, которая в действительности неоднозначна, противоречива.

Нельзя забывать, что в советский период, в частности, была проведена индустриализация страны, достигнуты выдающиеся научно-технические результаты, в том числе и в освоении космоса; построена одна из лучших в мире система среднего и высшего образования; лучшие образцы культуры разных народов СССР (музыка, театр, песенное творчество и др.) не только не уступали лучшим мировым образцам, но нередко и превосходили их, в стране культивировались гуманистические идеи социальной справедливости, дружбы народов и т. д. Совершенно закономерно многонациональный народ отстоял в Великой Отечественной войне независимость государства, свою свободу и свободу народов Европы от угрозы фашистского порабощения.

Вместе с тем руководителями страны был создан административно-командный режим, который целые десятилетия (осо-

бенно в период 30-х — начала 50-х гг.) пронизывал буквально все сферы жизнедеятельности советского общества, подавляя всякую инициативу и новшества, не соответствовавшие основным установкам официальной политической идеологии. Именно он явился главным фактором, обусловившим в итоге застой и системный кризис общества. Особого осуждения заслуживает практика массовых репрессий, расстрелов ни в чем не повинных людей, организация лагерей, насильственное выселение целых народов из родных мест проживания. Командная, планируемая сверху экономика, жестко регламентируемая политическая жизнь, строжайший контроль в духовно-культурной сфере — все это явные признаки «закрытого», малодинамичного общества, которое не обладает всей полнотой свободных импульсов социального развития. Иными словами, существовала острейшая необходимость проведения системного реформирования советского общества.

Этап «радикальных реформ» в России продолжается уже 10 лет. Пожалуй, наиболее распространенная оценка этих реформ заключается в том, что, по существу, они как реформы, т. е. как планомерная, организованная деятельность органов власти, направленная на решение выявленных общественных проблем, не состоялись, поскольку их экономическая, политическая, социальная, моральная цена для общества в целом и для подавляющего большинства людей оказалась несоответствующей результату. Разумеется, страна продвинулась вперед в плане свободы слова, свободы торговли, частной собственности, открытости внешнему миру, хотя и здесь есть обратная, негативная сторона. Россия начала XXI в. поистине другая страна по сравнению с Россией начала 90-х гг. XX в., не говоря уже о РСФСР в составе Советского Союза. Но у тех, кто принимал решения на самом высоком государственном уровне по поводу «радикального реформирования», фактически не было позитивной, конструктивной стратегической цели. Доминировала задача разрушения государственных структур, политического и экономического строя советского общества, его идеологии. На этой негативистской базе складывались волны сиюминутной, по большей части эмоциональной неолиберальной политико-идеологической импровизации главным образом в области узких финансово-экономических (либерализация цен, приватизация госсобственности) и политико-правовых

подходов (Конституция, дающая почти неограниченные полномочия президенту). Беспрецедентное социальное расслоение общества, резкое ухудшение материального благосостояния подавляющего большинства населения страны на фоне ошеломляющего обогащения ничтожной по численности кучки людей, невиданный разгул преступности, коррупции, существенное разрушение очень многих когда-то мощных научно-производственных комплексов; общее падение производства на 40—50%; откат страны на 71-е место в мире (1997 г.) по уровню развития человеческого потенциала — вот далеко не полный перечень следствий идеологически ориентированной, но научно необоснованной политики.

В результате в обществе все в большей мере распространяются настроения беспокойства, недовольства проводимой политикой «реформ» и даже страха перед будущим, что фиксируется во всех опросах общественного мнения.

Одним из главных изъянов в политике «радикальных неolibе-ралов» было то, что она крайне мало опиралась на потенциал социальных наук. Властные структуры продемонстрировали очень выборочную (селективную) заинтересованность в социологических знаниях и результатах социологических исследований (главным образом, в результатах социологических опросов в ходе многочисленных предвыборных кампаний). Социологическая наука по большому счету оказалась непричастной к выработке принципиальных стратегических решений относительно вывода страны из системного кризиса и перспектив ее дальнейшего развития.

Как уже отмечалось ранее, в последние два—три десятилетия XX в. в разных наиболее «продвинутых» странах мира происходит существенная ломка прежних социально-экономических и политических структур и становление элементов нового типа общества. Разные теоретики используют для характеристики этих процессов разные понятия и по-разному обозначают формирующееся общество — «постиндустриальное общество», «информационное общество», даже «постэкономическое общество». Что же наиболее характерно для этих изменений? Назовем лишь самое, на наш взгляд, главное:

- изменения в структуре национальных ресурсов и структуре национального потенциала, в частности, изменение соотношения сферы материального производства и сферы производства знаний, информации в пользу последней. Важнейшим ресурсом

общества становятся интеллектуальный потенциал, интеллектуальные кадры страны. Наиболее выгодным вложением капитала в развитых странах теперь признаются вложения в образование, в кадры, ограждение своих кадров от утечки в другие страны, создание условий для «притечки мозгов» из других регионов, как это постоянно делается в США, Германии, Англии;

- информатизация, т. е. становление единой глобальной информационной сети (радио, телевидение, мобильные телефоны, Интернет), практически свободная передача информации из одной точки земного шара в другую через государственные границы, минуя какой-либо контроль;

- институционализация менеджмента как более совершенной формы организации и управления;

- развитие человека, его потенциала, творческих возможностей стало важнейшим показателем уровня развития общества, региона, страны, местности, фирмы, производственного коллектива и т. д. Об этом свидетельствует и международный Индекс развития человеческого потенциала, разработанный экспертами ООН;

- много социальных инноваций вносит и глобализация, на основе которой формируются единообразные международные и всемирные экономические, политические, информационные и другие системы (структуры). В связи с этим формируются новые требования к конкурентоспособности любого человеческого продукта — материального, интеллектуального, социального (условия жизни людей), культурного и т. д.;

- крупные изменения происходят в социальной структуре «продвинутых» обществ, в том числе в структуре занятого населения. Доля занятых в непродовольственных отраслях, в сфере услуг, в информационной сфере становится все больше и уже значительно превышает долю занятых в отраслях материального производства;

- острейшая необходимость практической реализации мировым сообществом концепции «устойчивого развития»; решения проблем, связанных с нарастающим нарушением баланса между природными ресурсами земного шара и масштабами и методами экономического роста.

Эти, а также и некоторые другие новые реалии современного глобального мира ломают многие прежние представления и стереотипы, устоявшиеся в социальных науках, побуждают

искать новые подходы, новые методы, более того — обновленную методологию познания современного мира, новую методологию социальных преобразований. Побуждают во многом по-новому подходить к проблемам и задачам самоопределения России, т. е. перспективам ее внутреннего развития и ее месту и роли в глобальном мировом сообществе. Следует в полной мере учитывать, что характер социальных изменений, содержание и направленность преобразований в решающей степени взаимосвязаны с типом формирующегося общества. Грубо говоря, на этапе индустриализации общество решает одни задачи и, следовательно, проводит соответствующие изменения, а на этапе информатизации и глобализации оно имеет уже другие задачи и другой характер социальных преобразований. Глобализация задает новые, международные стандарты и требования по отношению к внутренним стратегическим целям, способам и методам решения внутренних проблем. Если страна ориентируется на новейшие мировые тенденции, она должна следовать таким стандартам и требованиям.

Каким путем будет идти Россия? Думается, совершенно неправомерно бытующее в научной литературе и публицистике абстрактное противопоставление «своего исконно российского пути развития» и «пути, которым идут цивилизованные страны». При разумном подходе, т. е. при рассмотрении реальных возможностей развития, одно не может противоречить или исключать другое. Страна уже по многим параметрам включена в мировые системы экономических, политических, культурных и других отношений, в процессы глобализации. Изолировать себя от них невозможно. Но вместе с тем страна ищет и должна искать свои методы решения проблем, учитывая свою геополитическую, экономическую, экологическую специфику, особенности отечественной многонациональной культуры и менталитета. Да и для остального мира страна будет представлять интерес именно тогда, когда она вносит в мировую цивилизацию что-то свое, отличное от других стран. Отсюда следует, что основные цели социальной трансформации России — рыночная экономика, правовое государство, гражданское общество — должны быть конкретизированы применительно к специфике именно России.

Такая конкретизация, как представляется, должна исходить прежде всего из социологического видения прошлого, настоя-

щего и будущего российского общества, из специфики российского социума, особенностей российской культуры и менталитета. Никак невозможно игнорирование такой проблематики, как формирование общенациональных социальных целей, нравственных идеалов, состояние и дальнейшая эволюция социально-классовой и статусно-ролевой структуры общества, системы социальной стратификации, институционализация ценностно-нормативной структуры и т. д.

Если рассматривать вопрос более конкретно, то узловыми здесь необходимо считать следующие группы проблем:

- природные, материальные и интеллектуальные ресурсы России и их эффективное использование. Чрезвычайно важно правильно оценить и понять, каким потенциалом обладает Россия и как, используя этот потенциал, сформировать конкурентоспособное производство и отрасли, прежде всего там, где достижения широко признаны в мире (например, в аэрокосмической промышленности, авиа- и судостроении, образовательной сфере, в области высоких технологий и т. д.). Уже во всем мире признано, что Россия — самая богатая по своим ресурсам страна, но в то же время крайне плохо их использует. Считается, что в России проживает около 3% населения земного шара, но страна обладает 24% интеллектуальных ресурсов мира и более 40% природных ресурсов Земли. Очевидно, что ресурсы России — важнейшая «точка опоры» при формировании стратегии развития страны. Но в то же время нельзя не учитывать, что Россия — северная страна, с очень суровыми в целом природно-климатическими условиями, которые диктуют больше, чем где бы то ни было в мире, затрат материалов и энергии на строительство и обустройство жилья, больше затрат на извлечение и практическое использование природных ресурсов (в частности, и по причине огромных расстояний), больше затрат на производство сельскохозяйственной продукции и доставку ее потребителю. В итоге средний россиянин тратит больше денег, чем средний европеец, на необходимое питание, одежду, транспорт и т. д.;

- история нашего общества сложилась таким образом, что до сих пор в стране очень неравномерно, а в целом крайне недостаточно развита инфраструктура, т. е. все то, что необходимо человеку в повседневной жизни: дороги, коммуникации (традиционные и новейшие), учреждения элементарного и

сложного сервиса, учреждения системы образования и культуры, производственные предприятия бытового назначения и т. д. Лишь некоторые отдельные социально-экономические центры страны обладают уровнем инфраструктуры, который приближается к европейским стандартам, но на огромных российских просторах этот уровень катастрофически низок. К сожалению, различие в этом отношении между «центрами» и «периферией», столицами и сельской местностью достигает таких масштабов, что ставит страну в ряд слабо развитых стран. Отсутствие нормальных социокультурных условий труда и жизнедеятельности в очень многих регионах является одной из самых главных социальных проблем российского общества. Оно порождает огромную миграцию населения в обустроенные «центры», создает перенаселенные мегаполисы, тормозит социально-экономическое и культурное развитие регионов, деформирует развитие страны в целом,

- естественно, что центральной проблемой и центральной стратегической целью социального развития является развитие человека, создание условий для развития человеческой личности, человеческого потенциала, реализации этого потенциала в самых разнообразных сферах жизнедеятельности общества. Напомним, что по международному индексу развития человеческого потенциала, который включает в себя уровень материального благосостояния человека, среднюю предполагаемую продолжительность жизни и средний уровень образования, Россия очень отстала. К этому добавляется разрастающийся демографический кризис: количество населения в стране становится все меньше. Ежегодно оно уменьшается на 1 млн. — 800 тыс. человек. По некоторым прогнозам, к 2050 г. оно может сократиться до 115 млн. человек. Стране грозит то, что огромные территории будут покинуты людьми и на этой почве могут возникнуть новые сложнейшие внутренние и международные проблемы, учитывая, в частности, перенаселенность ряда соседних стран;

- возрождение и развитие культуры в широком социальном (социологическом) смысле, прежде всего глубокая институционализация ценностно-нормативного слоя культуры. Как уже подчеркивалось в соответствующей главе, культура — это то, что цементирует общество, различные группы и классы, власть и народ, все население в некоторую целостность. Она включает в себя, в частности, системы социальных идеалов и

ценностей, социальных норм и образцов поведения (деятельности). За годы реформ прежние системы, когда-то скреплявшие и объединявшие подавляющее большинство населения, были почти полностью (и нередко безосновательно) разрушены. Важнейшая общенародная, общесоциальная задача — полное искоренение таких получивших невиданное доселе распространение в обществе явлений, как пренебрежение к высоким общественным идеалам, безразличие к общим проблемам народа и страны, преступность, коррупция и мошенничество, нарушение правовых и нравственных норм поведения. Россия как цивилизованное общество должна избавиться от бескультурия «низов» и бескультурия «верхов», должна институционализировать культуру труда и культуру отдыха, культуру власти и культуру гражданина, все виды и формы культуры.

В мировой практике в последние столетия сложились в основном два типа социально-исторического развития обществ: тип инновационного развития, при котором в стране формируются социальные, научно-технические, экономические и иные новации (нововведения), которых в других странах нет, и тип догоняющего развития, при котором данная страна в том или ином отношении (политическом, экономическом, научно-техническом) идет вслед за другими. К сожалению, в России длительное время доминировал по большей части догоняющий тип. Можно предположить, что и в дальнейшем этот тип будет преобладать. Но вместе с тем очевидно, что полное раскрытие богатейшего отечественного социального и интеллектуального потенциала возможно только на путях инновационного развития.

Вопросы для закрепления материала

1. Какое содержание вкладывается в понятие социально-исторического развития?
2. В чем разница между понятиями, характеризующими тип общества, и понятиями, характеризующими тип цивилизации?
3. Каково основное содержание социально-экономических, социокультурных, индустриально-технологических и функционалистских теорий социально-исторического развития?
4. В чем заключается существо процессов информатизации современного общества?

5 Каково основное содержание процесса глобализации и в чем заключаются противоречия этого процесса?

6. Каковы главные императивы (требования) устойчивого развития?

7. В чем, на ваш взгляд, заключаются основные социологические проблемы реформирования российского общества?

Литература для дополнительного чтения

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

Босков А. Социальные изменения: Основные проблемы возникновения теоретических и исследовательских центров // *Беккер Б., Босков А.* Современная социологическая теория. М., 1961.

Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социологические исследования. 1997. № 1.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13.

Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. *В. Л. Иноземцева.* М., 1999.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / Под ред. акад. *Д. М. Гвишиани.* М., 1977.

Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М., 1997.

Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.

Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Яковец Ю. В. История цивилизаций. М., 1997.

Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World. Oxford, UK, 1996.

Раздел шестой

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Глава 19

СТРУКТУРА И ПРОЦЕСС

СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Программа и этапы исследования

Место и роль программы в социологическом исследовании. Социологическое исследование начинается с разработки его программы. От научной обоснованности этого документа в значительной мере зависят результаты исследования. Программа представляет собой теоретико-методологическую основу осуществляемых социологом процедур исследования (сбора, обработки и анализа информации) и включает: определение проблемы, объекта и предмета исследования; предварительный системный анализ объекта исследования, характеристику цели и задач исследования; интерпретацию и операционализацию основных понятий; формулирование рабочих гипотез; описание методов сбора данных; описание схем анализа данных. Иногда в программе выделяют теоретический (методологический) и методический (процедурный) разделы. К первому относят компоненты программы, которые начинаются с постановки проблемы и завершаются формулировкой гипотез. Ко второму — описание методов сбора, обработки и анализа данных.

Процессы разработки социологической теории и накопления фактического материала представляют собой органическое единство. Программа социологического исследования должна ответить на два основных вопроса: во-первых, как перейти от исходных теоретических положений социологии к исследованию, как «перевести» их в средства исследования, методы сбора, модели обработки и анализа материала и, во-вторых, как от

полученных фактов, от накопленного эмпирического материала снова подняться к теоретическим обобщениям, чтобы исследование при этом не только давало практические рекомендации, но и служило основой для дальнейшего развития самой теории.

Эффективность социологического исследования, значимость его теоретических и практических результатов в значительной степени зависят от его теоретико-методологического обоснования, научного уровня разработки его программы, удачного выбора системы эмпирических показателей и рабочих гипотез. В противном случае социологическое исследование не может привести к ожидаемым теоретическим выводам, эффективным практическим рекомендациям и часто не оправдывает значительных материальных затрат.

Проблемная социальная ситуация и научная проблема. Реальные жизненные противоречия создают проблемную социальную ситуацию, для решения которой необходимы дальнейшее развитие социологического знания и соответствующие управленческие решения.

Научная проблема должна более или менее точно отображать проблемную социальную ситуацию, противоречие, которое возникает в процессе функционирования и развития социальных систем. В ней фиксируется противоречие между знанием о потребностях общества в определенных практических действиях и незнанием путей и средств реализации этих действий в конкретной ситуации. Постановка научной проблемы означает выход за пределы уже изученного в сферу того, что предстоит изучить. Не всегда социальная проблема может быть решена в пределах имеющегося знания, поэтому требуется проведение определенных теоретических и прикладных исследований, направленных на получение нового знания в форме тех или иных теоретических выводов (теоретическое исследование) и практических рекомендаций (прикладное исследование). Часто теоретические социологические исследования не позволяют дать немедленные практические рекомендации, и прикладное социологическое исследование для выработки практических рекомендаций использует старые знания. Но обычно старых знаний оказывается недостаточно, поэтому, как правило, социологическое исследование является смешанным: оно одновременно решает как практические, так и научные проблемы.

При рассмотрении, например, проблемы безработицы, социологическое исследование может быть ориентировано как на изучение социальных факторов, порождающих ее, так и на разработку системы мер для устранения или изменения направленности действия этих факторов. В первом случае в центре внимания будет стоять научный аспект проблемы, во втором — практический.

Невозможность решения социальной проблемы имеющимися наличными средствами вызывает необходимость обращения к науке, которая, как ожидается, располагает средствами разрешения противоречий, возникающих в социальных явлениях и процессах. Сам по себе факт такого обращения выступает как социальный заказ. Если не удастся выполнить этот заказ на основе старых знаний, то появляется необходимость в научном поиске новых знаний, получении дополнительной информации, которую можно было бы использовать для решения социальных проблем. Единство научного и практического подходов к исследованию воплощается в постановке центральных вопросов проблемы. Например, проблема безработицы в сущности сводится к двум центральным вопросам: что порождает безработицу и как ее избежать?

Не всегда удается ясно и четко сформулировать научную проблему в начале составления программы исследования. В таком случае она намечается лишь в общих чертах, а при разработке других частей программы ее формулировка уточняется.

Цели и задачи исследования. Цель социологического исследования предопределяет его ориентацию — теоретическую или прикладную. Программа исследования должна четко отвечать на вопрос: на решение какой проблемы и на получение какого результата ориентируется данное исследование?

Если цели социологического исследования недостаточно ясны ученым или представителям организаций, которые обратились к ним с социальным заказом, то могут возникнуть разногласия по итогам исследования. В связи с этим важно, чтобы социологическое исследование имело комплексный характер, для чего в программе разрабатывается система основных и неосновных задач.

Основные задачи соответствуют цели исследования. В теоретически ориентированном исследовании приоритет отдается научным задачам, в практически ориентированном — прикладным. Неосновные задачи ставятся для подготовки будущих исследова-

ний, решения методических вопросов, проверки побочных гипотез, не связанных непосредственно с данной проблемой.

При теоретической или прикладной ориентации социологического исследования неосновные задачи целесообразно решать на основе материала, полученного для поиска ответа на центральный вопрос, анализировать те же данные, но под другим углом зрения. Возможно, что неосновные задачи не получат законченного решения, но они могут помочь в постановке научной проблемы при подготовке нового исследования по новой программе

Объект и предмет исследования. Объектом социологического исследования является общность людей, их деятельность, организованная с помощью социальных институтов, и условия, в которых эта деятельность осуществляется. Если объект независим от исследования и противостоит ему, то предмет изучения, напротив, формируется самим исследованием. Это — конструкция, созданная мышлением, существующая лишь постольку, поскольку есть знание об объекте, детерминируемое, с одной стороны, объектом изучения, с другой — условиями исследования: задачами, знаниями и средствами социологии.

Предметом исследования принято считать ту из сторон объекта, которая непосредственно подлежит изучению, т. е. наиболее значимую сторону объекта с точки зрения социологической теории и социальной практики. Одному и тому же социальному объекту может соответствовать несколько различных предметов исследования, каждый из которых по содержанию определяется тем, какую именно сторону объекта он отражает, с какой целью, для решения какой проблемы выбран.

Например, при исследовании миграционных процессов объектом исследования является население различных территориальных единиц республики, области, района, отдельного населенного пункта. Предметом может выступать миграция — переселение людей из одного места проживания в другое. Цель исследования (то, ради чего проводится исследование) — оптимизация миграционных процессов в некотором районе. Задача (то, что делается для достижения цели или приближения к ней) — нахождение наилучших путей этой оптимизации (для прикладного исследования) и установление закономерностей миграции населения (для теоретического исследования).

Один и тот же объект можно описать по-разному — в зависимости от проблемы и цели социологического исследования. А от того, какие в изучаемом объекте будут выделены элементы и связи, зависит, в свою очередь, выбор средств их фиксации (методики сбора и анализа данных).

§ 2. Основные теоретические процедуры

Системный анализ объекта исследования. Одна из задач начального этапа социологического исследования заключается в том, чтобы дать гипотетическое развернутое описание социального объекта как системы. Таким образом фиксируются определенные элементы и связи, характерные для изучаемого объекта.

Социальный объект рассматривается с двух сторон: как часть целого и как целое, состоящее из частей. В первом случае он характеризуется внешними связями, во втором — внутренними.

Специфика научного исследования состоит в построении гипотетической модели объекта как совокупности составляющих его элементов и связей. Эта модель становится «заместителем» исследуемого объекта. Опираясь на существующее теоретическое знание, социолог мысленно расчленяет объект исследования, выделяет его элементы, внешние и внутренние связи, структуру и выдвигает предположение о механизмах его функционирования и развития.

Результатом предварительного системного анализа изучаемого социального объекта является предмет исследования, имеющий форму некоторой гипотетической модели, которая может быть представлена в виде схемы с описанием элементов и связей изучаемого объекта. Например, схематическое представление о механизме индивидуального акта добровольной миграции из села в город раскрывает сложное взаимодействие факторов, влияющих на принятие решения: внешние стимулы к миграции; внешние стимулы к стабилизации; объективные возможности; внешнее пропагандистское воздействие; информированность индивида; миграционное поведение других представителей сельского населения; структура личности индивида, внутренние побуждения (или мотивы) миграции в город или стабилизации; отношение к миграции и, наконец, жизненная ситуация индивида.

Представление объекта исследования в виде структурированной гипотетической системы позволяет социологам разработать в дальнейшем процедуры исследования, методики фиксирования выделенных элементов и связей. В начале исследования такое описание объекта может быть только предварительным и подлежит дальнейшему уточнению и исправлению по мере анализа эмпирических данных, направление которого определяется рабочими гипотезами.

Учитывая, что при построении указанной модели используются социологические понятия, а также то, что сама она имеет определенную категориально-логическую структуру, данную модель называют также концептуальной.

Системный анализ объекта позволяет прояснить предмет исследования, выделить основные понятия и дать их интерпретацию, а также выдвинуть рабочие гипотезы. Часто системный анализ, интерпретация понятий и выдвижение гипотез осуществляются одновременно, поэтому их называют не этапами, а частями программы социологического исследования.

Теоретическая и эмпирическая интерпретация понятий. При составлении любой части программы используется определенный понятийный аппарат, или система понятий. Важно, чтобы исследователи ясно представляли себе содержание (смысл) понятий (терминов), с которыми они работают, употребляли их однозначно, не допускали различных толкований одного и того же понятия. Кроме того, в процессе социологического исследования необходимо сопоставить теоретические положения с эмпирическими данными, что является ключевым фактором возможности дальнейшей эмпирической проверки (подтверждения или опровержения) гипотез. Эти требования выполняются при помощи специальных логических операций: теоретической и эмпирической интерпретации понятий.

В широком смысле под интерпретацией понимают процедуру приписывания значения элементам формальной системы, т. е. системы, элементы которой могут приобретать разное содержание. Однако, как правило, социолог работает с понятиями, являющимися элементами не формальных, а теоретических систем (систем знания) и обладающими определенным содержанием (значением). Задача исследователя заключается в том, чтобы раскрыть (разъяснить, растолковать) содержание этих понятий. Если исследователь употребляет новое понятие,

то он должен показать, как он его сформировал (каковы «правила вывода») и каково его содержание (каково «правило обозначения»). В данном случае операция обозначения и будет представлять собой интерпретацию.

Содержание понятия может быть раскрыто полностью только в том случае, если его интерпретация идет в двух направлениях: сопоставление данного понятия с другими понятиями (теоретическая интерпретация понятия) и сопоставление его с данными наблюдения и эксперимента, т. е. с эмпирическими данными (эмпирическая интерпретация понятия). В первом случае раскрывается теоретическое содержание понятия, во втором — эмпирическое.

В процессе формирования предмета исследования мысленный образ изучаемого объекта при помощи логических средств расчленяется на множество частей, элементов и связей. В результате этого исследователь должен получить такие мысленные абстракции, которые можно подвергнуть эмпирической интерпретации или, говоря иначе, перевести в эмпирические показатели. С гносеологической точки зрения, эмпирические показатели представляют собой своеобразное сочетание мысленной абстракции и чувственных данных. В этом случае их называют понятия-индикаторы. Именно через них осуществляется переход от теоретических концепций к эмпирическому исследованию и обратно. Система понятий-индикаторов очерчивает эмпирическую область, область чувственно данного, которая является объектом исследования.

Эмпирические данные, полученные в ходе исследования, несут в себе новое знание о реальности, которое является результатом осуществляемого в процессе исследования взаимодействия чувственности и мышления. Эмпирические данные осмысливаются, теоретически интерпретируются путем включения их в специальные (отраслевые) социологические теории.

Операционные определения. Эмпирическая интерпретация — это специфическая процедура поиска эмпирических значений теоретических терминов. Прямой эмпирической интерпретации (через «правила обозначения») подвергаются не все элементы теоретической системы (термины и предложения), а только те из них, которые выступают в качестве «представителей» системы в целом. Остальные термины и предложения системы получают косвенную эмпирическую интерпретацию. Косвенная интерпретация осуществляется при помощи

логических связей (через «правила вывода») терминов и предложений системы с непосредственно интерпретируемыми терминами и предложениями.

Одним из «правил обозначения» является операциональное определение, представляющее собой раскрытие значения теоретического понятия через указание экспериментальной операции, результат которой, доступный эмпирическому наблюдению или измерению, свидетельствует о наличии явления, выраженного в понятии. В простейшем случае — это указание эмпирического показателя наличия или отсутствия явления, выраженного в теоретическом понятии. Часто операциональные определения формулируются в виде определенных количественных зависимостей.

С онтологической точки зрения эмпирические показатели представляют собой наблюдаемые и измеряемые явления, которые используются для того, чтобы указать наличие другого явления, недоступного для прямого наблюдения и измерения. В этом случае их называют явления-индикаторы. Они суть источники информации, «представители» социальной реальности, недоступной непосредственному наблюдению и измерению, скрытой за чувственными данными. Эта реальность отображается опосредованно — через наблюдение и измерение.

Следует отметить, что термин «показатель» (так же, как, например, термины «факт», «закон», «переменная» и некоторые другие) служит для обозначения не только самих явлений и процессов, подлежащих исследованию, но и тех понятий или представлений, которые их отображают.

Итак, наблюдение и измерение осуществляется через систему специально разработанных эмпирических показателей, которые позволяют сопоставить теоретические положения с эмпирическими данными. Такая система разрабатывается в рамках отдельного социологического исследования и непосредственно связана с его целями и задачами. Например, социологическое понятие «отношение к труду» нельзя подвергнуть прямой эмпирической интерпретации. Оно может быть интерпретировано лишь косвенным путем. Его можно разложить, например, на три компонента, которые являются промежуточными понятиями на пути к прямой интерпретации: отношение к труду как ценности, отношение к своей профессии, отношение к данной работе на данном предприятии. Последнее из указанных поня-

тий — «отношение к работе» — также можно разложить на ряд характеристик: объективные характеристики отношения к работе (производительность труда, трудовая инициатива, трудовая дисциплина) и субъективные характеристики отношения к работе (ценностные ориентации личности, структура и иерархия мотивов деятельности, состояние удовлетворенности работой). Затем эти понятия можно подвергнуть прямой эмпирической интерпретации через операциональные определения.

Для каждого понятия можно предложить эмпирические показатели и систему исследовательских средств для их фиксации. Например, эмпирический показатель ценностных ориентаций — мнение фиксируется путем опроса (интервью, анкетирования), а показатель инициативности — число рационализаторских предложений — путем простого подсчета соответствующих документов. Таким образом, выбор эмпирического показателя зависит как от интерпретируемого понятия, так и от исследовательских средств («приборов» наблюдения и измерения, которыми располагает социолог).

Операциональные определения не отражают всего значения теоретического термина социологической теории. Более того, не все понятия поддаются операциональному определению даже частично. Одно и то же теоретическое понятие может получить несколько эмпирических интерпретаций. Само по себе теоретическое понятие имеет некоторое независимое от операциональных определений и невыражаемое в них значение.

Исходные понятия, с которыми, как правило, имеют дело социологи-практики, уже как-то определены посредством других, неоперациональных определений. Операциональные дополняют их, давая возможность приступить к исследованию. Операциональные определения ограничены областью чувственных данных наблюдения и эксперимента. В этом их достоинство и недостаток: достоинство — потому что они дают возможность знанию опереться на наблюдение и эксперимент как особый вид практики, а недостаток — поскольку они не раскрывают всего содержания научных понятий и должны быть дополнены другими определениями.

Операционализация понятий. От операциональных определений следует отличать операционализацию понятий, которая представляет собой специфическую научную процедуру, не сводимую ни к какой другой. Она связывает в единое целое

проблемы образования понятий, техники измерения и построения показателей. Это переход не только от одного типа знания к другому, от теоретического к эмпирическому, но и от одного средства получения знания к другому, от концептуального аппарата социологического исследования к его методическому инструментарию.

Операциональное определение — это логическая процедура указания эмпирических значений теоретических смыслов, одно из правил эмпирической интерпретации, обязательная предпосылка эмпирического исследования, связанного с проверкой гипотезы, ее подтверждением или опровержением. *Операционализация* включает в себя экспериментальную ситуацию и не является логической процедурой определения; *это разработка новых средств фиксации данных* — индексов и шкал, то, что можно назвать «методическим экспериментом». *Ее смысл* — *поиск эмпирических показателей*, а не их использование.

Рассматриваемая процедура состоит из тех же операций, что и процедура построения инструмента исследования. Так, при построении индекса осуществляются следующие операции: перевод понятий в показатели (используются как операциональные, так и неоперациональные определения, например описательные); перевод показателей в переменные (выбираются тип шкалы и, если возможно, единицы измерения); перевод переменных в индекс (выбирается техника конструирования индекса); оценка индекса (производится расчет индексов на надежность и обоснованность). Простейшим примером может служить индекс групповой сплоченности, представляющий собой отношение числа взаимных позитивных выборов, сделанных в группе, к числу всех возможных выборов. Понятие групповой сплоченности определяется с помощью: а) эмпирически регистрируемого показателя — взаимных выборов и б) средства регистрации — простого подсчета.

О том, что понятие операционализировано (а не просто определено, хотя бы и операционально, интерпретировано или эксплицировано), можно говорить лишь в том случае, если разработан специальный методический инструментарий для изучения обозначаемого и отображаемого им (понятием) объекта. Для лучшего понимания сущности процедуры операционализации, т. е. установления связи концептуального аппарата исследования и его методического инструментария,

можно использовать термин «инструментализация понятия». В ходе этой процедуры концептуальная модель объекта совмещается с его инструментальной моделью, т. е. той моделью, которая априори присутствует в любом методе, уже имеющемся и привлекаемом для исследования или вновь создаваемом. В противном случае формируемый инструментарий (совокупность методов, процедур, методик) не будет пригодным для изучения именно того объекта, понятие которого подверглось операционализации.

Операционализация понятий есть обязательное условие построения системы социальных показателей; оно исключительно важно для социологического исследования, связанного с решением как научных, так и прикладных задач.

Сформировать систему социальных показателей — значит указать не только эмпирические показатели, в функции которых в социологическом исследовании могут выступать явления-индикаторы, но и средства их фиксации — индексы и шкалы.

Для построения системы социальных показателей сложных социологических понятий требуются разработка и введение промежуточной концептуальной модели. При ее построении социолог не обязательно опирается на концепцию изучаемого объекта, разработанную на основе уже имеющейся теории. Возможна ситуация, когда теория еще не разработана. В этом случае социолог может опираться на построенную им рабочую концепцию, которая в процессе дальнейшего исследования, возможно, будет несколько раз перестраиваться, прежде чем примет окончательный вид и выполнит функции теории вплоть до ее создания. Кроме того, он может опираться на свои чисто интуитивные представления, которые выявляются именно при построении концептуальной модели и в дальнейшем могут быть оформлены в рабочую концепцию. Важно иметь в виду, что только в той мере, в какой моделирование сопровождается концептуализацией, т. е. образованием новых понятий, оно вносит соответствующий вклад в развитие уже имеющейся теории или создание новой.

Концептуальная модель состоит из промежуточных абстракций, образующих определенную иерархию и опосредующих связь исходного понятия с системой показателей. Исходное понятие переводится в систему показателей путем преобразова-

ния концептуальной модели в операциональную, состоящих из эмпирических показателей. Показатели в данном случае — это идеальные объекты оперирования (понятия-индикаторы), замещающие реальные объекты оперирования (явления-индикаторы), т. е. фрагменты действительности, наделенные экспериментальными функциями приборов-измерителей и представляющие изучаемый объект в исследовательской ситуации. Операциональная модель может быть преобразована в математическую, состоящую из переменных: классификационных, сравнительных или количественных. Манипулируя в процессе исследования операциональной и математической моделью, социолог получает данные, позволяющие расширить концептуальные представления об изучаемом объекте и тем самым осуществить обратную связь с исходным понятием.

Приведем пример перехода от концептуальной модели к операциональной на примере социологического исследования брака и семьи.

Концептуальная модель может быть представлена в виде системы переменных, описывающих изучаемый объект. Так, концептуальная модель семьи¹ включала в себя следующие группы переменных.

1. Факторы макросреды.
2. Факторы микросреды.
3. Характеристики домохозяйства.
4. Индивидуальные характеристики членов семьи, в том числе детей.
5. Характеристики прошлого опыта супругов.
6. Характеристики семейной деятельности, взаимодействий и взаимоотношений.
7. Характеристики формирования семьи и ее развития.
8. Характеристики распада семьи.

В свою очередь, например, группа 6 включала в себя следующие показатели:

- 6.1. Объем и структура семейной деятельности.
- 6.2. Характеристики ролевых ожиданий и установок на семейную деятельность и семейное взаимодействие.
- 6.3. Структура семейной власти, авторитета, лидерства и взаимоконтроля в семье.

¹ Теоретическое обоснование системы переменных социологических исследований брака и семьи М., 1986. С. 15—17.

6.4. Характер и структура семейного общения.

6.5. Структура родственных связей для нуклеарной семьи.

6.6. Межличностные отношения членов нуклеарной семьи с внешними группами (родственниками, соседями, друзьями).

6.7. Институциональные отношения семьи (с институтами, организациями, учреждениями, связанными с деятельностью семьи в целом).

6.8. Успешность брачно-семейных отношений.

Рассмотрим характеристику 6.8 «Успешность брачно-семейных отношений». Операционализация ее предполагает разработку соответствующих ей индикаторов, например вопросов и ответов, которые могут быть включены в формируемый для ее наблюдения и измерения инструмент (скажем, анкету). Переменную «Успешность брачно-семейных отношений» можно назвать также интегральным индексом, так как она, по мнению авторов, включает в себя несколько составляющих¹:

- удовлетворенность каждого из супругов семейной жизнью;
- стабильность брака (вероятность его распада);
- выполнение семьей основных социальных функций;
- наличие в семье условий для гармонического развития личности обоих супругов.

То есть данный показатель является величиной многомерной.

Первая из этих составляющих — удовлетворенность — рассматривалась авторами в качестве субъективной характеристики, измеряемой посредством оценки опрашиваемыми различных сторон брачно-семейных отношений и брака в целом. Для измерения удовлетворенности вычленялись основные сферы брачно-семейных отношений и формировались инструменты, эквивалентные по своему содержанию вопросу: «Удовлетворены ли Вы?...» Это могли быть как открытые, так и закрытые вопросы анкет, прямые или проективные вопросы, шкалы и т. д.

Например, степень удовлетворенности брачно-семейными отношениями в целом авторами описываемого проекта определялась при помощи следующих вопросов и ответов (индикаторов-инструментов)²:

¹ Программы социологических исследований молодой семьи М., 1986. С. 28.

² Методические аспекты стандартизации эмпирических индикаторов исследований брака и семьи М., 1986. С. 41—42. Анкета для опроса женщин.

В1. Вы довольны своим браком? 1. Очень довольна 2. Чаще довольна 3. Иногда довольна, иногда нет 4. Чаще недовольна 5. Совсем недовольна	В2. Как Вы оцениваете свой брак в целом? 1. Удачный 2. Скорее удачный 3. Скорее неудачный 4. Неудачный

Степень удовлетворенности брачно-семейными отношениями в разных сферах определялась при помощи другого вопроса и соответствующих ему альтернатив ответов:

В3. Удовлетворены ли Вы:

Удовлет-	Не удов-
воряет	летворяет

a) Распределением хозяйственно-бытовых обязанностей в Вашей семье	1	2
b) Распределением обязанностей по уходу за ребенком	1	2
c) Помощью Ваших родителей по уходу за ребенком	1	2
d) Помощью родителей супруга по уходу за ребенком	1	2
e) Количеством детей в Вашей семье	1	2
f) Участием детей в домашней работе	1	2
g) Тем, как в Вашей семье принимаются основные решения	1	2
h) Жилищными условиями Вашей семьи	1	2
i) Материальной обеспеченностью Вашей семьи	1	2
j) Характером распределения семейного бюджета	1	2
k) Кругом друзей, знакомых Вашего мужа	1	2
l) Тем, как Вы проводите свободное время	1	2
m) Тем, как проводит свободное время Ваш муж	1	2
n) Сексуальными отношениями с мужем	1	2
o) В целом отношением к Вам супруга	1	2

Вопросы и соответствующие им ответы, сформулированные для изучения семьи, представляют собой систему индикаторов-инструментов (вопросов, шкал и т. п.) и являются результатом операционализации понятия «семья», осуществляемой через иерархическую систему промежуточных переменных, образующих концептуальную модель семьи. Переход от прямо неизмеряемой характеристики («успешность брачно-семейных отношений») к характеристике, измеряемой непосредственно («удовлетворенность»), является обычным операциональным определением. Термин «удовлетворенность», с одной стороны, обозначает элемент концептуальной модели (который поэтому и называется понятием-индикатором), а с другой — соответствующий фрагмент социальной реальности, доступный прямому наблюдению и измерению посредством индикаторов-инструментов (который в свою очередь называется явлением-индикатором). Формирование этих инструментов осуществляется в процессе методического эксперимента с помощью множества возможных техник, которые хорошо иллюстрируют «технику» операционализации¹. *Говоря проще, операциональное определение — это переход от понятия к понятию, а операционализация — переход от понятия к инструменту.*

Выдвижение и проверка гипотез. Гипотеза в социологическом исследовании — это научно обоснованное предположение о структуре социальных объектов, о характере элементов и связей, образующих эти объекты, о механизме их функционирования и развития. Научная гипотеза может быть сформулирована только в результате предварительного анализа изучаемого объекта.

Процесс установления истинности или ложности гипотезы есть процесс ее эмпирического обоснования, ее проверки в ходе социологического исследования. В результате такого исследования гипотезы либо опровергаются, либо подтверждаются и становятся положениями теории, истинность которых уже доказана.

Требования к гипотезе. Научно обоснованная гипотеза должна отвечать ряду требований.

Во-первых, она должна соответствовать исходным принципам теории научного познания. Это требование играет роль

¹ См.: Методические аспекты стандартизации С. 61—65.

критерия для отбора научных гипотез и отсева ненаучных, исключает из науки безусловно несостоятельные гипотезы, построенные на основе ложных теорий.

Во-вторых, гипотеза, объясняющая социальные факторы в определенной области, как правило, не должна противоречить теориям, истинность которых для данной области уже доказана. Но новая гипотеза иногда может противоречить старым теориям и вместе с тем быть вполне допустимой: с такой ситуацией исследователи сталкиваются тогда, когда новая гипотеза охватывает значительно более широкий круг фактов, чем те, которые объясняет старая теория.

В-третьих, необходимо, чтобы гипотеза не противоречила известным и проверенным фактам. Если среди известных фактов имеется хотя бы один, с которым гипотеза не согласуется, то она должна быть отброшена или переформулирована так, чтобы охватить всю совокупность фактов, для объяснения которых она предложена. Однако не всегда противоречие известным фактам следует расценивать как признак несостоятельности гипотезы. Сами факты могут быть ошибочными и требовать пересмотра. Поэтому гипотеза должна согласовываться с точно установленными фактами. Научная гипотеза не только объясняет всю совокупность известных фактов, но и предсказывает новые, еще неизвестные.

В-четвертых, гипотеза должна быть доступна проверке в процессе социологического исследования. Проверяется она при помощи имеющейся в распоряжении исследователя специально разработанной методики. Важно, чтобы исследователь был способен разработать процедуры, позволяющие ему зафиксировать те элементы и связи изучаемого социального объекта, предположение о которых содержится в гипотезе.

Требования проверки тесно связаны с требованием дедуктивного развертывания гипотезы от общих посылок к эмпирически интерпретируемым следствиям, предложениям, сопоставимым с социальными фактами. В таком случае гипотезы выступают как общие положения, отражающие изучаемый социальный объект в целом, структуру и механизмы его функционирования, т. е. то, что недоступно прямому наблюдению и измерению, прямой проверке. Общая гипотеза обычно является следствием предварительного анализа изучаемого объекта. Однако в конкретном социологическом исследовании социологи сталкиваются лишь с

отдельными сторонами изучаемого объекта, с определенными его элементами и связями. Поэтому в таких социологических исследованиях проверяются не сами гипотезы, а их следствия, т. е. частные положения, логически вытекающие из гипотезы и описывающие отдельные элементы и связи изучаемого социального объекта. Тем самым обеспечивается возможность сопоставления гипотетической модели объекта с самим объектом.

Логические операции, предшествующие эмпирической проверке и обоснованию гипотезы, имеют, таким образом, гипотетико-дедуктивный характер. Вместе с тем выдвижение гипотезы не исключает и других логических приемов.

В-пятых, гипотеза должна подвергаться логическому анализу, устанавливающему ее непротиворечивость. К числу операций, с помощью которых устанавливается непротиворечивость гипотезы, относятся не только логические правила («правила вывода»), но и операциональные определения («правила обозначения»). Последние позволяют исследователю избежать произвольности истолкования эмпирических значений терминов своей гипотезы.

Нередко одна и та же научная гипотеза подтверждается одними фактами и опровергается другими, поэтому для того, чтобы служить средством проверки, факты должны быть правильно истолкованы.

Если почти все выведенные из гипотезы следствия истинны, то это говорит о высокой степени истинности самой гипотезы и может служить основанием для ее принятия. Маловероятно, чтобы подтверждение большинства следствий было делом случая. Такое подтверждение свидетельствует о большой вероятности истинности гипотезы при условии, что не нарушены «правила вывода» и «правила обозначения», т. е. обеспечивается ее формальная правильность.

Если установлено, что выведенные следствия ложны и не соответствуют данным, полученным в исследовании, то гипотеза должна быть либо отвергнута, либо переформулирована. Отсутствие подтверждений следствий не означает ложности гипотезы в том случае, если под сомнением находится ее формальная непротиворечивость.

Для того чтобы повысить подтверждаемость гипотезы, следует стремиться к выдвижению возможно большего числа взаимосвязанных гипотез и указать для каждой гипотезы возмож-

но большее число эмпирических показателей входящих в нее переменных. Таким способом проблема истинности гипотезы не решается, но повышается вероятность ее обоснования.

По содержанию гипотезы делятся на описательные и объяснительные.

Описательные гипотезы — это предположения о структурных и функциональных связях изучаемого объекта. Они могут относиться и к классификационным характеристикам социального объекта. Объяснительные гипотезы представляют собой предположения о причинно-следственных связях в изучаемом объекте, требующих эмпирической экспериментальной проверки.

В процессе такой проверки следует проводить различие между основными гипотезами и их следствиями (выводными гипотезами).

Интерпретация данных. После того как изучены результаты исследования, данные наблюдения и измерения, проводится теоретическая интерпретация эмпирических данных. «Язык наблюдений» как бы переводится на «язык теории» — действие, обратное тому, которое осуществлялось перед исследованием: эмпирическая интерпретация теоретических понятий, перевод «языка теории» на «язык наблюдений». Эмпирические данные, результаты исследования осмысливаются как раз в тех понятиях, которые предварительно были подвергнуты эмпирической и теоретической интерпретации в рамках некоторой специальной социологической теории. Такая интерпретация осуществляется в процессе теоретического обобщения эмпирических данных и оценки истинности выдвинутых гипотез.

§ 3. Основные исследовательские стратегии

Стратегический план исследования. В зависимости от целей и задач исследования, состояния знаний об изучаемом объекте, а также ряда других факторов в каждом конкретном случае разрабатывается своя собственная стратегия поиска (стратегический план), которая определяет последовательность операций, осуществляемых исследователем.

Состояние знаний об изучаемом объекте определяет характер плана — поисковый, описательный и экспериментальный.

Поисковый план применяется в тех случаях, когда нет ясного представления о проблеме или объекте исследования. В той об-

ласти, где еще мало соответствующей научной литературы или ее вовсе нет, исследование начинается с общего поиска. А в процессе поискового исследования формулируется проблема, определяется основной набор средств — методик исследования, порядок их применения, очередность подлежащих решению задач с точки зрения их важности. Нередко обнаруживается, что поставленные задачи слишком широки, а имеющихся знаний и технических средств для их решения недостаточно.

Поисковый план предполагает следующие основные подходы: изучение документов, опросы экспертов, осуществление наблюдений и других качественных исследований.

Прежде всего рекомендуется просмотреть всю имеющуюся литературу по избранной теме, не забывая смежные области исследования. При этом составляется возможно более полная библиография.

Опрос или привлечение к разработке темы экспертов — специалистов-ученых и специалистов-практиков — даст возможность получить дополнительные знания об изучаемом социальном объекте и сформулировать несколько первичных гипотез.

Поисковое наблюдение, глубинные интервью, фокус-группы и другие качественные исследования — завершающий этап этой стратегии исследования. Работа по поисковому плану завершается более ясной и четкой формулировкой проблемы и выдвижением гипотез.

Поисковый план следует отличать от такой исследовательской процедуры, как пилотное (пробное) исследование. Цель поискового плана, как уже отмечалось, — формулировка проблемы и выдвижение гипотез. Цель пилотного (пробного) исследования — проверка методик, которая осуществляется при любом стратегическом плане.

Описательный план социологического исследования применяется в тех случаях, когда имеющиеся знания о проблеме позволяют выделить объект и сформулировать описательную гипотезу, т. е. гипотезу о структурно-функциональных связях и классификационных характеристиках изучаемого социального объекта. Цель плана состоит в том, чтобы проверить эту гипотезу и в случае ее подтверждения получить точные качественно-количественные характеристики изучаемого объекта. Здесь необходимы строгость эмпирической интерпретации понятий и точность фиксирования данных.

При описательном плане исследования, как правило, помимо изучения литературы, использования качественных методов, используются различного рода количественные подходы, например статистический анализ данных предыдущих исследований (вторичный анализ), массовые опросы населения или отдельных его групп, контент-анализ текстов и т. д.

Нередко к исследованиям по описательному плану предъявляются претензии в связи с тем, что они не раскрывают причинно-следственных связей или дают тривиальные результаты. Однако то, что известно на уровне здравого смысла, еще не является научно доказанным. Исследование по описательному плану помогает упорядочению известных фактов, установлению соотношения между ними (часто в количественной форме).

Описательный план исследования имеет научную ценность в том случае, если он обеспечивает довольно полное и строгое описание социального объекта независимо от того, что результаты исследования не отвечают на вопрос о причинно-следственных связях изучаемого объекта. Такое исследование заканчивается классификацией эмпирических данных, относящихся к структуре объекта.

Экспериментальный план социологического исследования применяется тогда, когда имеющиеся знания об объекте позволяют сформулировать объяснительную гипотезу. Цель плана — установить причинно-следственные связи объекта, раскрыть не только структуру последнего, но и причины, обуславливающие его функционирование или развитие.

Элементы экспериментального плана фактически присутствуют в описательном плане. Явно или не явно социолог стремится разработать классификационные и структурно-функциональные гипотезы, опираясь хотя бы на чисто интуитивные представления о некоторых причинно-следственных связях изучаемых социальных объектов. Работа по описательному плану завершается, как правило, формулировкой более четких и ясных объяснительных гипотез, что, в свою очередь, представляет возможность осуществить эксперимент, т. е. не только зафиксировать наличие связей, но и определить их направленность.

В реальной практике социологических исследований редко бывает так, что хотя бы один из трех описанных типов стратегического плана существует в чистом виде. Иногда в одном исследовании сочетаются все три плана: начинается оно с поис-

ка, потом идет выдвижение описательных гипотез, а уже затем следует уяснение причинно-следственных связей путем реализации экспериментального плана исследования.

Исследовательские стратегии. При реализации вышеуказанных стратегических планов социологи используют ряд специфических исследовательских стратегий.

Монографическое исследование нацелено на изучение какого-либо социального явления или процесса на одном объекте, взятом самостоятельно или в качестве представителя целого класса подобных объектов. Например, город может рассматриваться и как самостоятельный объект исследования и как типичный представитель определенной группы городов.

Например, в классическом комплексном проекте под руководством Б. А. Грушина «Функционирование общественного мнения в условиях города» в качестве типичного промышленного города был выбран Таганрог¹; в проекте под руководством Г. В. Осипова «Рабочий класс и НТР» в качестве типичной была выбрана Горьковская область.

Монографические исследования имеют особое значение при глубинном, системном изучении механизмов социальных закономерностей.

Сравнительное исследование нацелено на изучение сходства или различий двух или нескольких объектов. Сравнение политических ориентаций парламентариев Государственной Думы России и Верховной Рады Украины, факторов безработицы в Москве и Владивостоке и т. д. — примеры сравнительных исследований.

Сравнение и сопоставление явлений и процессов — одни из важнейших моментов практически любого социологического исследования. Однако во многих случаях сравнение выступает как специальная задача.

Выборочные исследования нацелены на изучение какого-либо социального явления или процесса на совокупности объектов отобранных по специальной процедуре из всей возможной совокупности объектов. Например, если объектом изучения являются некоторые социальные процессы в городах страны, то в случае монографического исследования необходимо было бы отобрать один «типичный» город и изучать проблему, ограни-

¹ Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б. А. Грушина, Л. А. О니кова. М., 1980.

чившись этими городом. В случае выборочного исследования необходимо из всей совокупности городов страны отобрать, основываясь на принципах выборочного метода, группу городов и изучать проблему на этой группе. Причем выводы, полученные на этой группе, выборочный метод позволяет с некоторой вероятностью обобщить на всю совокупность.

Выборочный метод играет фундаментальную роль в социологических эмпирических исследованиях и, как правило, используется внутри каждой из вышеназванных исследовательских стратегий. Поэтому в следующем параграфе он будет рассмотрен отдельно.

Каждая из вышеназванных стратегий может рассматриваться во временном аспекте. *Стратегии временных исследований*¹ ориентированы на изучение развития явлений и процессов во времени. Здесь следует различать три главные стратегии.

При *панельных исследованиях* изучаются изменения во времени одних и тех же объектов, принадлежащих некоторой совокупности (индивидов, семей и т. д.). Например, если в первый раз базовое исследование включало выборочный опрос школьников десятых классов, то при повторении его через 10 лет надо вновь опросить этих, теперь уже бывших школьников. В результате мы имеем возможность зафиксировать как индивидуальные изменения, так и изменения в социальной когорте в целом.

Трендовые (или повторные) исследования ориентированы на изучение изменений данной социальной группы как определенной целостности. В отличие от панельного исследования, при повторном опросе нет нужды сохранять в выборке тех же самых индивидов в изучаемой совокупности. Необходимо лишь обеспечить их принадлежность к одной и той же социальной группе.

Когортные исследования изучают более специфические совокупности (когорты) в течение определенного времени. Типичной когортой является группа людей, родившихся в один и тот же год. В таком исследовании в выборку каждый раз могут попадать разные индивиды, однако все они должны принадлежать одной и той же когорте

¹ В последние годы в российской социологической литературе часто обозначают этот вид исследований как лонгитюдные.

§ 4. Выборочный метод в социологических исследованиях

Сущность проблемы можно пояснить на следующем примере. Если перед исследователем стоит задача выяснить состояние общественного мнения по определенному вопросу всего взрослого населения России, то самый простой путь, казалось бы, состоит в том, чтобы спросить каждого человека о его мнении, как это и делается во время референдумов. Если нужно определить политическую ориентацию определенной газеты, то можно просмотреть все газеты за определенный период. Существует ли альтернатива этому пути? Оказывается, да. Наука и практика давно выработали такой метод познания, получивший название *выборочный метод*.

Выборка — процедура отбора подмножества наблюдений из всех возможных, для того чтобы получить заключение обо всем множестве наблюдений. В терминах приведенного выше примера выборка представляла бы отбор, например, 1000 человек из всего взрослого населения, но таким образом, чтобы опрос отобранных индивидов дал бы ту же информацию, что и опрос всего населения.

Выборочное обследование по сравнению со сплошным обладает рядом преимуществ: позволяет существенным образом сократить затраты на сбор и обработку социологической информации, добиться большей оперативности; имеет более широкую область применения и в ряде случаев позволяет получить более достоверные сведения, чем соответствующие сплошные обследования.

Идея вероятностного отбора. Если все члены некоторой совокупности идентичны друг другу во всех аспектах, то нет необходимости при изучении этой группы прибегать к выборочному методу. В таком случае любая выборка, т. е. отбор любого члена группы, достаточна для получения полного представления обо всей группе людей.

Подобный экстремальный случай полной однородности совокупности иллюстрирует центральную идею выборочного метода. Причем полная однородность — это не совершенно невозможная, а реальная ситуация. (Вспомним: для того чтобы сделать анализ крови, врач не выпускает из нас всю кровь, а берет лишь каплю, которой достаточно для суждения обо всей крови в целом.)

В социальной реальности мы, как правило, сталкиваемся с вариативностью или неоднородностью совокупности по интересующим нас характеристикам. Предположим, что мы имеем группу, члены которой различаются по принадлежности к двум национальностям. Теперь уже для выяснения доли лиц в группе той или иной национальности недостаточно опросить одного члена. Однако если из группы в 100 человек опросить, скажем, 20 и при этом выясняется, что в выборке 50% — лица одной национальности и 50% — другой, то мы вправе предположить: такую структуру имеет и вся группа.

Основная цель выборочного метода состоит в выборе элементов из совокупности таким образом, чтобы распределение этих элементов в выборке повторяло их распределение в совокупности. Достижению такой цели служит вероятностная выборка, которая одновременно представляет собой метод для оценки степени уверенности в ее качестве.

Выборку, которая хорошо предсказывает структуру всей совокупности, называют репрезентативной. Не уточняя здесь значения этого важного понятия выборочного метода, сформулируем центральный принцип, выполнение которого обеспечивает репрезентативность выборки. *Вероятностная выборка будет репрезентативной для совокупности, из которой она извлечена, если все элементы совокупности имеют равные шансы быть отобранными в выборку.* Ключевым методом, который обеспечивает выполнение этого принципа, является случайный отбор. При случайном отборе каждый элемент имеет равные шансы быть отобранным.

Основная терминология. *Генеральная совокупность* — это множество элементов, которые являются объектом данного исследования. Так, если объектом изучения выступает трудоспособное население страны, то генеральная совокупность представляет собой всех женщин в возрасте 16—54 лет и мужчин в возрасте 16—59 лет.

Иногда наряду с понятием «генеральная совокупность» как синоним используют термин «целевая совокупность». Одновременно часто выделяют понятие «обследуемая совокупность», обозначающее множество элементов, которые действительно будут обследоваться. В данном конкретном случае генеральная совокупность — это теоретически выделенное множество элементов. На практике редко бывает так, чтобы все ее элементы были доступны для изучения.

Единицы отбора — это элемент или набор элементов, предназначенный для отбора на определенной ступени выборки. Более точно говорят о единицах отбора первой ступени выборки, второй ступени и т. д. В простейшей одноступенчатой выборке все единицы отбора совпадают.

Основа выборки — это список единиц отбора, из которого выборка или определенная ступень в выборке извлекается. Если, скажем, на первой ступени выборки происходит отбор предприятий, то основа выборки — список предприятий. На второй ступени основой выборки может служить уже картотека работников в кадровой базе данных конкретного предприятия.

Единица наблюдения — это элемент генеральной совокупности, с которого непосредственно ведется сбор социальной информации. Обычно в выборочном опросе единицей наблюдения является отдельный человек. Следует отличать единицу наблюдения от единицы анализа. Например, в исследовании «Социальные последствия экономических преобразований и приватизации в Российской Федерации»¹ единицей анализа служила семья как целостный объект, функционирующий в условиях реформы социальной сферы общества, а единицей наблюдения — отобранный по случайной выборке член семьи.

Переменную можно определить как множество отдельных значений характеристик элементов совокупности. Например, множество всех значений возрастов в генеральной совокупности образуют переменную «возраст». Переменная, по определению, предполагает некоторую вариацию своих значений. Если все элементы совокупности имеют одно и то же значение, то переменная называется константой.

Параметр есть суммарное описание переменной в данной генеральной совокупности. Например, средний доход семьи или средний возраст городского населения — это параметр. Важной задачей выборочного исследования является оценка параметров генеральной совокупности на основе выборочных наблюдений.

Типология способов отбора. После всех предыдущих пояснений и введенной терминологии обратимся к описанию основных моделей отбора элементов совокупности в выборку. По-

¹ Проект Института сравнительных социальных исследований и Оксфордского университета осуществлен в рамках программы ТАСИС «Социальные последствия экономических преобразований и приватизации в Российской Федерации».

скольку изложение математических основ выборочного метода не входит в предмет данной книги, ограничимся лишь качественным описанием различных моделей отбора.

Простая случайная выборка. Как только сформирована или найдена в готовом виде основа выборки, исследователь продлевает следующие операции. Все элементы из списка в основе выборки нумеруются, причем таким образом, чтобы каждый элемент получил свой собственный уникальный номер. Затем может быть использована таблица случайных чисел для случайного отбора элементов списка в выборку¹. Если основа выборки существует в электронном виде на компьютере (например, список персонала организации в базе данных «Кадры»), то случайный отбор может быть осуществлен автоматически.

Простая случайная выборка в такой идеальной форме редко используется на практике. Если в распоряжении исследователя имеется список элементов в совокупности, то чаще всего применяют систематический отбор.

При *систематическом (механическом) отборе* из списка выбирается каждый k -й элемент и включается в выборку. Например, если алфавитная картотека фамилий сотрудников организации содержит 4000 имен, то для извлечения 5% выборки (200 человек) необходимо отобрать из списка каждого 20-го. Для того чтобы совершенно строго проследить эту процедуру, первый элемент необходимо выбрать случайным образом, например по таблице случайных чисел. Такая схема выборки получила название «систематическая выборка со случайным началом». Для описания этой выборки обычно используют два термина: выборочный интервал (дистанция между отбираемыми элементами) и выборочное отношение (пропорция отбираемых в выборку элементов; в нашем примере 1 : 20).

На практике можно считать, что систематическая выборка идентична простому случайному отбору.

Стратифицированная выборка. Для ошибки выборки справедливы следующие утверждения: во-первых, большая по объему выборка ведет к меньшей ошибке и, во-вторых, большая однородность генеральной совокупности ведет к меньшей ошибке, чем менее однородная совокупность.

¹ О том, как использовать таблицу случайных чисел, см., например. Рабочая книга социолога Гл 4 М., 1983.

На втором утверждении основана идея стратифицированной выборки, согласно которой предварительно стараются расчлениить генеральную совокупность так, чтобы части оказались более однородными, чем исходная совокупность. Например, при построении всероссийской выборки страна предварительно разбивается на страты — экономико-географические зоны.

После разделения совокупности на однородные группы из каждой группы извлекается выборка каким-либо из уже известных способов.

В ряде случаев оказывается полезной стратификация по нескольким переменным одновременно — по полу, социальной принадлежности, району проживания и др. Выбор переменных стратификации зависит от степени их доступности и важности с исследовательской точки зрения. Доступность означает возможность выделения соответствующей основы выборки. Важность определяется тем, насколько тесно переменная (переменные) стратификации связана с остальными ключевыми переменными исследования. Например, переменная «город—деревня», как правило, вполне доступна для стратификации и тесно связана с большинством других переменных; переменная «возраст» также тесно связана со многими другими переменными, однако часто трудно подготовить соответствующую основу выборки.

Существует целый ряд конкретных стратегий стратификационного отбора. Наиболее часто используется следующий подход. Все элементы генеральной совокупности разделяются на группы (страты) относительно некоторой переменной. Из каждой группы случайно или систематически отбирают элементы, число которых пропорционально объему группы в генеральной совокупности. Так, если в генеральной совокупности соотношение мужчин и женщин — 46 и 54%, то в стратифицированной выборке по этой переменной доля мужчин и женщин должна находиться в той же пропорции.

Простая случайная, систематическая и стратифицированная выборки требуют для их реализации составления списка элементов генеральной совокупности. Очень часто такой список создать либо вовсе невозможно, либо практически нецелесообразно. Например, почти невозможно составить список промышленно-производственного персонала всех предприятий города или области.

В таких случаях приходится обращаться к более сложным по своей структуре методам отбора. Наиболее типична ситуация,

когда из генеральной совокупности предварительно отбирают группы элементов, а затем осуществляют отбор элементов внутри выделенных групп. Так, предварительно можно составить список всех предприятий города, каким-либо из известных методов отобрать определенное число предприятий, составить или воспользоваться имеющимся списком работников на конкретном предприятии, осуществить подвыборку индивидов из каждого предприятия. Такой подход к построению выборки называется *многоступенчатым*.

Хотя многоступенчатая выборка снимает некоторые трудности, свойственные другим методам, но порождает свои проблемы. Репрезентативность простой случайной выборки определяется ошибкой выборки. Многоступенчатая выборка имеет несколько типов ошибок, каждая из которых соответствует конкретной ступени отбора. Для двухступенчатой выборки первая ошибка связана с отбором групп элементов в выборку, вторая — с отбором элементов из данной группы. При прочих равных условиях ошибка будет уменьшаться при увеличении числа отбираемых в выборку групп и числа элементов, отбираемых из каждой группы.

Однако обычно мы ограничены некоторым предельным общим объемом выборки. Так, очень часто ее объем для всероссийского опроса не превышает 2000 респондентов. Исходя из этого ограничения в многоступенчатой выборке, мы имеем две возможности: либо отбирать много групп на первой ступени и мало респондентов на второй, либо отбирать мало групп и много респондентов из каждой группы. Таким образом, мы должны поступиться репрезентативностью либо отбираемых групп, либо отбора из групп. В типичной ситуации однородность элементов внутри каждой группы больше, чем в целом по генеральной совокупности. Поэтому имеет смысл стараться увеличить число отбираемых групп и уменьшить объем выборки из отдельной группы. Этот принцип ведет к удорожанию выборки (для выборки по стране увеличивается ее географическая распыленность), кроме того, требуется подготовка соответствующего числа выборочных списков, что также увеличивает трудоемкость процедуры.

Таким образом, в каждой конкретной ситуации необходимо соблюдать баланс между этими двумя ограничениями на многоступенчатую выборку.

Все описанные выше схемы являются основными типами вероятностной выборки, каждая из которых имеет множество модификаций. В типичной ситуации часто применяется разнообразная комбинация этих схем. Например, в приведенном выше примере всероссийской выборки для опроса населения на первой ступени отбора может осуществляться предварительная стратификация страны на зоны, на второй ступени в каждой зоне проводится стратификация зоны по административным районам (например, критерием стратификации может выступать величина центрального города района), на третьей ступени проводится случайный отбор в выборку конкретного района, на четвертой ступени проводится стратификация населенных пунктов на городские и сельские и т. д. Такова неполная схема всероссийской выборки, которая применяется для опросов населения. Такую комбинированную выборку можно было бы назвать многоступенчатой стратифицированной вероятностной выборкой.

Существуют многочисленные подходы, которые отходят от модели вероятностной выборки, но и являются некоторым приближением к ней. Наиболее популярна модель квотного отбора.

Сущность квотного отбора сводится к следующим процедурам. Составляется список переменных, важных с точки зрения целей исследования, по которым можно получить соответствующую официальную статистическую информацию. Далее необходимо знать, например, для переменной «пол», какова доля мужчин и какова доля женщин в генеральной совокупности. Имея такую статистику для каждой переменной, мы получаем модель генеральной совокупности по выделенным переменным. Дальнейшая задача сводится к тому, чтобы на основе полученной статистики каждому интервьюеру (если это интервью) дать задание на поиск респондента в виде квоты: сколько мужчин и женщин следует опросить, определенного возраста, определенной профессии и т. д.

Главная задача при формировании квот для интервьюера заключается в том, чтобы создать условия, близкие к случайному отбору с равными шансами для каждого элемента генеральной совокупности попасть в выборку.

Квотная выборка часто успешно конкурирует по точности оценки параметров генеральной совокупности с вероятностными схемами выборки. С практической точки зрения оправданностью отхода от вероятностного отбора и применения квотного

является его дешёвизна, особенно в ситуации, когда изучается очень узкая социальная группа, например возрастная группа 18—20 лет или читатели газеты «Советы для лунатиков» и т. д.

При рассмотрении стратегий выборочного обследования не был затронут вопрос об объеме выборки, который при детальном его рассмотрении связан с математическими основаниями выборочного метода. Очень часто в массовых выборочных обследованиях исследователь ограничивается определенным объемом, исходя из имеющихся людских, финансовых ресурсов и предыдущего опыта.

В ряде случаев невозможно или нецелесообразно использовать вероятностные схемы отбора, описанные выше. Наиболее часто с такой ситуацией сталкиваются при поисковом плане исследования, при различного рода апробациях методик сбора информации. В подобных случаях выборка строится на основе собственного знания о генеральной совокупности, ее элементах, природе исследовательских задач. При этом обычно отвлекаются от задачи репрезентации генеральной совокупности с помощью выборочной.

Например, в уже ставшем классическим исследовании под руководством В. А. Ядова¹ в обследование было включено 9 проектно-конструкторских институтов, которые представляли как головные, так и малочисленные организации. Цель состояла в том, чтобы сформировать выборку, отражающую «усредненную», общую картину положения дел в сфере инженерного проектирования и технологических разработок. При использовании подобного подхода следует ясно понимать, что ни о какой репрезентативности данных говорить не приходится.

§ 5. Сбор, обработка и анализ данных

Методический инструментарий исследования. Методический раздел программы включает описание методического инструментария исследования — методов сбора, обработки и анализа информации.

Каждое социологическое исследование представляет собой уникальное сочетание объекта и предмета изучения; целей и за-

¹ См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979. С. 34.

дач; стратегического плана и, соответственно, методов исследования. Чаще всего социологу не удается отыскать в предшествующей практике готовый набор исследовательских средств и схеме их применения. В таких случаях ему приходится опираться на свой опыт и принимать оригинальное решение. От его умения находить такие средства, которые позволяли бы изучить данный социальный объект, во многом зависит успех исследования.

В этой части программы, посвященной характеристике методик сбора информации, следует обосновать соответствующий выбор методов и методик в соответствии с гипотезами и заранее продумать возможные способы обработки и анализа собранного материала так, чтобы они давали информацию, необходимую для проверки именно данной гипотезы, чтобы они в этом смысле были «привязаны» к ней.

В каждом отдельном исследовании разрабатывается одна или несколько специфических процедур сбора информации: описываются методы и методики сбора, способы и порядок их применения.

В программе методически грамотного исследования всегда предусматривается перспектива дальнейшей обработки и анализа полученной информации. Социологическое исследование не сводится только к сбору данных. Цель его — дать научно обоснованную интерпретацию фактов, а это, в свою очередь, подразумевает необходимость обработки собранных данных на основании ранее разработанной концептуальной схемы. Методологическая часть программы связывается с процедурной не только с помощью средств сбора информации. Разрабатывая гипотезу, социолог должен одновременно предусмотреть, как, опираясь на гипотезу, собрать материал, как его обработать и проанализировать.

Первичный материал — это исходные эмпирические данные, полученные при помощи методов сбора (например, ответы на вопросы анкеты конкретным респондентом), предусмотренных в программе социологического исследования. Сами по себе исходные данные, особенно если мы говорим о результатах массового опроса, совершенно необозримы по объему и форме и непригодны для теоретического анализа. Первичная обработка упорядочивает, классифицирует эмпирический материал, придавая ему обозримый вид.

В данной части программы должна быть намечена схема применения средств обработки (например, статистических) в

соответствии с задачами исследования. Важно, чтобы обработка данных и их теоретическая интерпретация были приспособлены к выдвинутым гипотезам, чтобы эти шаги были не разрозненными операциями, а элементами единого исследовательского процесса.

План обработки первичной информации предусматривает выбор соответствующих математических методов ее обработки, технических средств и места обработки.

Обработка данных немыслима сегодня без компьютера. Социолог должен знать и понимать возможности компьютера, иметь соответствующее программное обеспечение, а при необходимости предусмотреть приобретение или разработку дополнительных программ.

Рабочий план исследования. Современное социологическое исследование опирается на разделение труда, поскольку количество вычленяемых операций или отдельных видов работ достаточно велико. Четкое выделение отдельных видов работ важно не только для планирования, но и для эффективной организации труда исследователей, в частности, для установления различных нормативов деятельности. С этой целью исследователь наряду с программой разрабатывает рабочий план исследования. Этот план составляют после завершения разработки программы социологического исследования. Завершение разработки программы является исходным пунктом составления рабочего плана. Иногда такой план включают в программу, но, чтобы отличить его от теоретического и методического разделов программы, называют организационным разделом.

Рабочий план призван упорядочить основные этапы исследования в соответствии с его программой, календарными сроками, предусмотреть материальные и людские ресурсы, необходимые для достижения конечных целей исследования. Основными звеньями этого плана являются: разработка методического инструментария; пилотное исследование методик сбора первичных данных; полевое обследование (например, массовый опрос); кодирование данных (открытых вопросов в вопросниках и т. д.); ввод данных в компьютер; процедуры контроля качества проделанной работы на всех стадиях осуществления исследования; обработка данных (например, расчет статистических таблиц распределений), анализ и интерпретация, подготовка отчета и презентационных материалов.

Пилотажные исследования позволяют оценить качество вопросников, протоколов наблюдений, сценариев глубинных интервью и фокус-групп, процедур анализа документов, модели выборки, а также внести необходимые коррективы и изменения. Итоги этих исследований фиксируются в рабочих документах: составляются окончательные варианты методик, инструкции по использованию вопросников, выборке, организации сбора исходных данных.

Полевое обследование обеспечивает сбор основного материала с помощью разработанных методик. Важным элементом плана на стадии полевых работ являются процедуры контроля качества собираемых данных: обеспечение соблюдения инструкций, разработанных на стадии пилотажных исследований; контроль качества работы интервьюеров и другого персонала.

Подготовка данных для обработки (как правило, компьютерной) включает редактирование, кодирование, ввод данных в ЭВМ и контроль их качества.

Анализ данных осуществляется в соответствии с решаемыми задачами и гипотезами исследования. Итоги исследования оформляются в виде отчета, представляющего собой форму подведения итогов эмпирического социологического исследования и составляемого по определенному плану. Отчет содержит в себе описание всех разделов программы исследования, изложение используемых концепций и методов, а также описание и анализ полученных данных. Как вполне самостоятельные результаты научной деятельности отчеты нередко публикуются в печати.

Рабочий план включает в себя временной график осуществления различных видов работ, подбор и подготовку исполнителей, расчеты необходимых материальных затрат на исследование, разъяснительную работу, разработку форм контроля за проведением исследования.

Приложение

Социология в России: сравнительные исследования. Состояние и перспективы

Сравнительный анализ, сравнительные социологические исследования выполняют все большую познавательную функцию в развитии социологических теорий и их практических приложени-

ях. Межстрановые сравнения позволяют с более общих позиций подойти к раскрытию механизмов действия и форм проявления отдельных социальных закономерностей в различных политических, социально-экономических и культурных системах.

Сравнительный анализ в социологии ориентирован на получение выводов исходя из данных некоторого числа эмпирических исследований, на анализ закономерностей, причин и факторов, детерминирующих изменение социальных процессов во времени; на систематическое изучение влияния различных социальных, культурных, политических и идеологических макроусловий на структуру поведения, установки, ценности и мнения классов, социальных слоев, групп.

Одна из основных причин усиления внимания к сравнительному методу связана с объективно существующим в науке стремлением перехода от описания и объяснения отдельных фактов, явлений, процессов к поиску универсальных закономерностей, гипотез, теорий. Международные исследования существенным образом расширяют границы вариации существующих в одной стране явлений и процессов, что создает возможности для проверки гипотез в гораздо более широких условиях, чем это можно было бы сделать в одной стране.

Те познавательные возможности, которыми обладают сегодня сравнительные стратегии социологических исследований, были бы немыслимы без существенного совершенствования в социологии исследовательской методологии и методов в целом, которые произошли в последние десятилетия. В свою очередь решение, можно сказать, стократно обостренных проблем сравнимости в международных проектах оказывает благотворное влияние на совершенствование методологии обычных исследований, способствует повышению внимания ко многим ранее часто игнорируемым проблемам.

Все это вместе создает объективную основу для дальнейшего интенсивного развития сравнительных социологических исследований, разработки методик сравнительного анализа данных и теоретических обобщений, опирающихся на сравнительные данные.

Говоря о современной практике межстрановых сравнений, следует указать на все большую популярность в них метода массовых опросов населения. Это касается не только социологии, для которой массовый опрос является одним из основных

эмпирических методов исследований, но и других наук — политологии, этнографии и т. п. Все чаще метод массового опроса используется для анализа широкого класса социальных, экономических, демографических, политических процессов

Хотя некоторые авторы, кто в шутку, кто всерьез, ведут отсчет истории международных социальных сравнений от Аристотеля, который, как мы знаем, собрал для сравнения конституции 158 греческих городов-государств еще более 2000 лет назад, современная практика сравнительных межстрановых социальных исследований, основанная на массовых выборочных опросах, начала лишь только вырабатываться.

Интенсивное развитие сравнительных социологических исследований началось в послевоенный период. Г. Свенсон отмечал, что в 1950—1963 гг. было проведено около 1000 сравнительных исследований, включавших по крайней мере две страны¹. В современных библиографических указателях насчитываются тысячи ссылок на международные сравнения, а общее число самих исследований уже не поддается никакому счету.

В 1970 г. Комитет по сравнительным исследованиям (Standing Committee on Comparative Research) Международного совета по социальным наукам (ISSC) учредил специальную учебную программу (для аспирантов и начинающих молодых ученых) по методологии исследования на международном уровне. Содействовало подготовке и издание серий учебных пособий «Рабочие книги по сравнительному анализу». Каждая из этих книг посвящена какому-либо отдельному крупному международному исследовательскому проекту, включает детальное описание проекта, методологии исследования, метода и процедур анализа данных². К каждой книге прилагается очень аккуратно подготовленный машиночитаемый файл данных этого проекта. Таким образом учащиеся могут самостоятельно с использованием ЭВМ вести анализ данных, осваивать различные методики анализа, проверять собственные гипотезы.

¹ См. Swanson G. E. Frameworks for Comparative Research: Structural Anthropology and the Theory of Action // Comparative Methods in Sociology Berkeley, Los Angeles, 1971. P. 141—202.

² См. Harvey A. S. et al. Time Budget Research: an ISSC Workbook in Comparative Analysis. Frankfurt/Main, N. Y., 1984. Herz T. A. Social Mobility: an ISSC Workbook in Comparative Analyses. Frankfurt/Main, N. Y., 1986. Asher H. B. et al. Political Participation: An ISSC Workbook in Comparative Analysis. Frankfurt/Main, N. Y., 1984.

В 1979 г. Венский центр учредил серию учебных семинаров, которые имели целью передачу опыта международных социологических исследований, в особенности исследований между социалистическими и капиталистическими европейскими странами. Шестой семинар состоялся в апреле 1987 г. в Москве по теме «Информационные потребности, проблемы и возможности сравнительных исследований в области общественных наук».

Трудно перечислить научные конференции и семинары, где рассматривались проблемы сравнительных социологических исследований. Один из них действовал с 1985 г. при Лондонской школе экономики и политических наук и издавал материалы семинара.

В нашей стране первый специализированный симпозиум по методологии сравнительных исследований «Проблемы сравнительных социологических исследований» был организован автором этих строк в ноябре 1982 г. под эгидой Института социологии АН СССР¹. Примерно с этого же времени методическое подразделение ИС АН начало систематически издавать сборники трудов по методологии и методике сравнительного анализа. В 1988 г. в Москве состоялся международный симпозиум «Методологические проблемы эмпирических социологических исследований», в основном также посвященный методологии сравнительных исследований.

В литературе часто поднимается вопрос: есть ли принципиальная разница между внутристрановыми и межстрановыми исследованиями, опирающимися на выборочные массовые опросы? Если есть, то в чем она состоит? Здесь мнения разделяются. Смелсер, например, прямо заявляет, что различий нет². Об отсутствии фундаментальных различий в принципах и логике пишет американский политолог-компаративист Фредерик Фрай³. Другой ряд авторов занимает противоположную позицию.

Как показывают многочисленные публикации, одной из центральных проблем международных сравнительных исследований является их методология и методика. Некоторые исследователи, анализируя эту проблему, с определенной долей

¹ См. тезисы симпозиума «Проблемы сравнительных социологических исследований» 1—3 выпуски М., 1982.

² См. *Smelser N. J. Comparative Methods in the Social Sciences* N. Y., 1976.

³ См. *Frey F. W. Crosscultural Survey Research in Political Science // The Methodology of Comparative Research* N. Y., 1970. P. 173—294.

скептицизма отмечали, что методическое качество международных сравнительных исследований значительно ниже, чем в национальных исследованиях. И это неудивительно, поскольку международное сравнительное исследование помимо своих собственных включает и традиционные проблемы методологии и методики. Международные сравнения не просто концентрируют, соединяют в единый комплекс все известные проблемы выборочных опросов, но одновременно все эти проблемы проявляются здесь в крайне обостренной форме, заставляя методологов, решающих эти задачи под новым углом зрения, более критично относиться и к традиционной исследовательской методологии.

Следует сделать некоторые пояснения относительно самого термина «сравнительные международные исследования». В литературе (в отечественной и зарубежной) помимо уже названного часто используются такие понятия, как: сравнительный анализ, межкультурные исследования, межнациональные исследования. Когда говорят о межкультурных исследованиях, акцент делается на анализе сходств и различий культур вне зависимости от каких-либо пространственных ограничений. Не обращаясь к определению самого понятия культуры, отметим лишь, что в методологическом плане проблемы, возникающие в межкультурных сравнениях и межстрановых, весьма близки (если не совпадают полностью). Поэтому, несмотря на различия, их часто отождествляют, тем более что культурный аспект всегда является важным компонентом межстрановых различий и сходств.

И наконец, термин «сравнительный анализ» в социологии часто употребляется для общего описания стратегий сравнительных исследований, включая и вторичный анализ информации в базах данных эмпирических исследований, анализ статистики и т. д. В более узком значении этот термин употребляется в основном как синоним сравнительных международных исследований, базирующихся на массовых опросах населения.

Остановимся кратко на перечислении и характеристике некоторых методологических, методических и организационных проблем сравнительных исследований, представляющих, на наш взгляд, предмет для детального изучения

В качестве одного из важнейших условий сравнимости выступает статистическая воспроизводимость в каждом новом ис-

следовании всей процедуры сбора данных, использовавшихся в других, аналогичных предыдущих исследованиях. Возникает важная методологическая, методическая и организационная задача стандартизации, выработки нормативов для различных стратегий, методик, условий и процедур сбора и переработки данных. Таким образом, стандартизация выступает и условием и целью сравнения.

Международные сравнения играют большую роль в развитии социологии с момента их возникновения¹. В настоящее время во многих странах имеется необходимая организационная, кадровая и техническая инфраструктура для проведения современных эмпирических социальных исследований.

В России в последнее десятилетие также была сформирована необходимая исследовательская инфраструктура, способная проводить массовые опросы населения в соответствии со сложившимися международными стандартами и тем самым обеспечивающая необходимый уровень стандартизации процедур сбора данных.

Сравнение, количественная оценка сопоставимости, выработка критериев и правил сравнения — другая методологическая и методическая проблема. Так, сравнимость и качество данных, получаемых методами раздаточной анкеты, личного интервью, почтового, телефонного опроса, требует еще детальной проверки. Восприятие различных шкал респондентом, влияние формулировок вопросов, позиций типа «не знаю» и т. п. проблем изучены и у нас, и в зарубежной социологии крайне слабо.

Другая группа факторов, влияющая на сравнимость в массовых опросах, обусловлена отношением интервьюер—респондент. Со временем изменяется отношение населения к массовым опросам в целом, а также к отдельным темам; разная степень доверия к ним в различных социальных группах, слоях, нациях; пол, национальные, возрастные характеристики интервьюера — это далеко не полный перечень факторов, деформирующих ответы респондентов и влияющих на возможности сравнительного анализа.

¹ Достаточно подробный обзор первых подобных исследований в западной социологии можно найти в работе Смелсера: *Smelser N. J. Comparative Methods in the Social Sciences*. New Jersey, 1976, перевод на русский язык некоторых работ по компаративистике можно найти в сборнике: *Сравнительная социология: Избранные переводы*. М., 1995

Совершенно неисследованным остается вопрос о специфике, способах согласования восприятия (эквивалентности) анкетных вопросов и интерпретации результатов, полученных в различных национально-культурных средах.

Первый вопрос, который здесь возникает, касается проблемы перевода вопросов анкет для респондентов, говорящих на различных языках. Но и группы людей, говорящих на одном языке, часто могут принадлежать к различным субкультурам, для которых характерны определенные, а иногда и очень значительные языковые различия. Особо эта проблема подчеркивается многими авторами при исследованиях в развивающихся странах — существуют в этом плане определенные различия между классами, образовательными группами и т. д. Отмечается наличие языковых различий и в таких развитых странах, как Англия и США¹.

Методы анализа сравнительных данных практически не рассматриваются в отечественной социологической литературе. Особенно это касается данных временных исследований. В отличие от экономической или демографической статистики, содержащей длинные временные ряды, существующие социологические данные в редких случаях относятся более чем к трем-четырем временным точкам. В этой связи разработка специфических моделей и методов анализа панельных данных, трендовых опросов представляется важной перспективной задачей.

Решение методолого-методических проблем, как очерченных выше, так и оставшихся за пределами этого перечисления, тесно взаимосвязано с разработкой концептуальных рамок проведения сравнительного исследования. Не останавливаясь на специфике всех возникающих здесь вопросов, обратимся к конечному этапу — проблеме интерпретации сравнительных данных.

Общая проблема сравнительных исследований: какие системы понятий, переменных и измеряющих их индикаторов должны быть определены, чтобы они могли быть применимы с эквивалентными значениями в сравнительных условиях.

В международных сравнениях важнейший аспект этой проблемы обусловлен тем, что каждое сравниваемое общественное явление существенным образом связано с определенной общественно-экономической системой, образом жизни лю-

¹ См.: *Eells K* Intelligence and Cultural Differences. Chicago, 1951; *Bernstein B* Social Class and Linguistic Development // Education, Economy, Society. Glencoe. 1961. V. III. P. 288—314

дей, определенными культурно-историческими условиями. Поэтому некоторые внешне аналогичные социальные явления и процессы в разных обществах имеют различные значения и выполняют различные функции. Кроме того, в разных системах возникают, существуют и развиваются некоторые новые специфические и исторические уникальные явления, играющие существенную роль в жизнедеятельности этого общества. В этой связи ряд количественных показателей обладает в различных системах различными качественными особенностями.

Таким образом, проблема адекватной интерпретации явлений и процессов в различных социально-экономических и временных срезах является, очевидно, одной из основных проблем сравнительного анализа. Причем это различие интерпретаций может быть связано не только с общими условиями различия в социально-экономических системах, но и с различными значениями придаваемых в сознании людей этим явлениям и процессам и обусловленных как макро-, так и микрокультурными средами.

Таков далеко не полный перечень проблем, стоящих в связи со сравнительными исследованиями. Обсуждение и разработка теоретических, методологических и методических проблем сравнительных исследований тем более значимо, что позволяет по-новому взглянуть на традиционные для социологии проблемы качества данных, измерения, анализа, интерпретации, исследовательских стратегий, наметить и предложить пути их решения.

Вопросы для закрепления материала

1. Назовите разделы программы социологического исследования. Какие процедуры они включают?
2. Чем социальная проблема отличается от научной? Какие проблемы решает социологическая наука?
3. Что дает системный анализ объекта исследования?
4. Чем отличается операционализация понятия от его операционального определения?
5. Какова роль гипотезы в социологическом исследовании?
6. Зачем нужна концептуальная модель объекта исследования?

7. Каковы основные модели выборочного исследования?
8. В чем специфика пилотного исследования?

Литература для дополнительного чтения

Андреев В. Г., Голофаст В. Б., Кабыща А. В. и др. Логика социологического исследования. М., 1987.

Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований. М., 1995.

Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М., 1986.

Девятко И. Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1996.

Лекции по методике конкретных социальных исследований / Под ред. *Г. М. Андреевой*. М., 1972.

Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология: Методы исследования. М., 1997.

Рабочая книга социолога. М., 1983.

Территориальная выборка в социологических исследованиях. М., 1980.

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: Методология, программа, методы. М., 1998.

Kish L. Survey Sampling. N. Y., 1965.

Глава 20

МЕТОДЫ СБОРА ДАННЫХ

§ 1. Анализ существующих данных. Контент-анализ

Большой объем информации, необходимой исследователю в его работе, содержится в документальных источниках. В социологии их изучение как вид деятельности или этап исследования называют анализом существующих данных, или вторичным анализом данных. В маркетинговых исследованиях часто употребляют термин «desk research» (исследование за столом).

Анализ содержания документальных источников в ряде случаев позволяет получить информацию, достаточную для реше-

ния возникшей проблемы или углубить анализ проблемы. Так, при формулировке проблемы и гипотез исследования социолог обращается к анализу таких документов, как научные публикации, отчеты по предшествующим исследованиям, различная статистическая и ведомственная документация. Именно анализ документов даст первоначальную информацию и позволяет точно и целенаправленно использовать другие исследовательские методы.

Наконец, на стадии анализа и интерпретации результатов часто возникает необходимость обращения к различным документам, чтобы сравнить полученные данные с уже имеющимися, уточнить границы интерпретации полученных результатов, проконтролировать их надежность.

«Документ» — средство закрепления различным способом на специальном материале информации о фактах, событиях, явлениях объективной действительности и мыслительной деятельности человека. Информация может фиксироваться с помощью букв, цифр, стенографических и иных знаков, рисунков, фотографий, звукозаписей и т. д. В зависимости от технических средств фиксации информации различают следующие виды документов:

а) письменные документы, т. е. документация на бумажных носителях или электронных носителях для чтения их с помощью компьютеров. Среди них традиционные архивные документы государственных и общественных организаций; литература (книги, брошюры); пресса (газеты, журналы); личные документы (письма, дневники);

б) иконографические: видео-, кино- и фотодокументы, картины, гравюры и т. п.;

в) фонетические: магнитные и подобные им записи, грампластинки.

Все более универсальным техническим способом хранения и распространения становится представление информации в цифровой форме на машиночитаемых носителях для компьютеров: например, исходные данные переписей населения хранятся в машиночитаемой форме на машинных носителях; исходные данные социологических исследований хранятся в банках данных на машинных носителях; некоторые газеты распространяют тексты электронным способом — на машиночитаемых носителях, видеоинформация также представляется

в цифровом виде с широкими возможностями ее компьютерной обработки и передачи.

Наиболее универсальным глобальным средством распространения информации в последнее время стала «всемирная паутина» — Интернет.

По содержанию документы можно подразделить на следующие группы.

1. Различные виды статистических данных — один из наиболее важных источников информации. Ядром этих данных являются результаты переписей населения и текущего статистического учета, которые проводит Госкомстат России. Госкомстат, как и аналогичные организации в других развитых странах, накапливает данные по достаточно широкому спектру экономических и социальных показателей.

Первая и единственная всеобщая перепись населения в Российской империи была проведена в 1897 г. После революции 1917 г. первая всесоюзная перепись была проведена в 1926 г. Следующая всеобщая перепись населения состоялась в 1937 г., которая была признана неудовлетворительной по качеству данных и была повторена в 1939 году. Следующая перепись состоялась лишь в 1959 г. Последующие переписи проходили с интервалом примерно в 10 лет — в 1970, 1979 и 1989 г.

Статистические данные в социологическом анализе выполняют несколько функций: могут стать инструментом специального анализа; использоваться для характеристики исторического контекста развития изучаемого социального явления или процесса; обеспечивать концептуальные рамки, внутри которых реализуется конкретный исследовательский проект. Наличие соответствующей статистики является важнейшим компонентом некоторых процедур процесса исследования, например построения выборки в массовых опросах населения и оценки репрезентативности получаемых данных.

Система статистических данных, накапливаемых Госкомстатом, включает в себя текущий учет населения (регистрация браков, рождений, смертей, перемены места жительства и многое другое). На его основе публикуются ежегодники «Российский статистический ежегодник», а также многотомные издания материалов переписей и микропереписей населения. Некоторые данные Госкомстат в настоящее время распространяет также и на магнитных носителях.

Сходная система сбора и публикаций статистических данных сохранилась и в странах бывшего Союза.

Помимо Госкомстата сбором разнообразных статистических данных занимаются другие государственные организации. иммиграционная служба, органы таможи и т. д.

Важнейшим источником информации для политологических исследований является электоральная статистика. Статистические сведения о результатах политических предпочтений избирателей России стали регулярно публиковаться Центральной избирательной комиссией РФ¹. Помимо этих публикаций существуют электронные базы результатов голосования как на выборах федерального уровня, так и в субъектах федерации².

Важной особенностью статистических данных является их агрегированный характер. Это означает, что единицей анализа, к которой они относятся, выступает некоторая группа как целостность. Например, показатель «национальный доход» относится ко всему государству, «средний душевой доход» — ко всему населению или определенной социальной группе. Агрегированный характер большей части статистики предопределяет специфику и ограничения в ее использовании. Возможна ситуация, когда свойства, зафиксированные статистикой на групповом уровне, не отражают соответствующие свойства на уровне отдельных подгрупп или индивидуальном уровне.

Исследователю часто приходится использовать статистические данные, которые накоплены, как правило, для решения иных, чем нужно ему, проблем. В связи с этим перед ним возникает задача обоснования определенного статистического показателя как косвенной меры изучаемой характеристики социального явления или процесса. Наконец, статистика, накопленная различными ведомствами, в ряде случаев страдает отсутствием единой методологии сбора и агрегирования данных, что приводит к их несопоставимости. Встречается в определенном смысле и обратная ситуация (особенно часто при ана-

¹ См., например: Выборы Президента Российской Федерации 1996. Электоральная статистика. М., 1996, Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации 1995—1997. Электоральная статистика. М., 1997, Вестник Центральной избирательной комиссии РФ. 2000 № 6, 7.

² См., например Электронный справочник. «Выборы в Российской Федерации 1991—1998. Электоральная статистика». Федеральный центр информации, 1999

лизе международной статистики), когда преувеличиваются различия в методах сбора данных, определении показателей и т. д.

2. Документы текущего делопроизводства различных организаций. Для этих документов во многих случаях определены сроки хранения. После истечения этих сроков документация, предназначенная для постоянного или длительного хранения, передается в архивы. В России существовала и существует развитая сеть архивов, включающая региональные архивы (республиканские, краевые, областные, районные), ведомственные (отраслевые) архивы, архивы предприятий, учреждений, ведомств, а также центральные государственные архивы¹.

3. Результаты выборочных социологических исследований представляют собой новый вид статистической информации. В настоящее время в России отсутствуют какие-либо централизованные системы сбора, хранения и распространения данных социологических исследований, поэтому наиболее крупные опросные центры создали и поддерживают собственные архивы данных. Большой объем этих данных за период с 1970 по 1990 г. находится в архиве Института социологии РАН (информацию о ресурсах архива можно найти в нескольких изданиях каталога Института «Банк данных социологических исследований»), Институте социально-политических исследований РАН², а также архивах независимых исследовательских центров: Институте сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Фонде «Общественное мнение», ВЦИОМ³ и ряде других. Часть этих архивов доступна на сайтах этих организаций в Интернете.

Многочисленные социологические исследования, которые проведены западными социологами в России и других странах бывшего Союза начиная с конца 80-х гг., разбросаны по всему миру и хранятся в университетских архивах, государственных исследовательских центрах. Наиболее известными из университетских архивов является в США Межуниверситетский кон-

¹ Работу федеральной службы регулирует Положение о Федеральной архивной службе России (постановление Правительства РФ от 28 декабря 1998 г. № 1562)

² Социальная и социально-политическая ситуация в России: Анализ и прогноз М., 1993

³ Выпускают периодически Информационные бюллетени, например Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М., ВЦИОМ.

сорциум социальных и политических наук Мичиганского университета США, Кельнский архив в Германии. Причем данные многих проектов можно получить, обратившись прямо на сайты этих центров.

4. Другим традиционным для социологов источником документов являются СМИ — газеты, радио, телевидение. Направленность политической пропаганды, рекламные кампании и их содержание, отражение социальных, политических и экономических проблем общества — далеко не полный перечень вопросов, которые решают социологи с помощью анализа подобных документов.

Методы анализа документов. Традиционные подходы. Каждая из вышеназванных групп документов предполагает свои специфические подходы к их обработке.

Особую проблему для исследователей с точки зрения их анализа представляют документы, которые продуцируются в первую очередь средствами массовой информации. Традиционный анализ, или, его еще можно назвать, качественный подход, представляет собой адаптацию содержания документа к исследовательской задаче, основанную на интуитивном понимании, обобщении содержания и логическом обосновании сделанных выводов. Типичным примером анализа текстовых источников может служить изучение научных публикаций и отчетов по проблеме, которое обычно проводится социологом на этапе разработки исследовательской проблемы.

Существуют некоторые приемы оценки качества документального источника. В источниковедении специально выделяются следующие этапы оценки качества документального источника (критика источника): выяснение условий, целей и причин создания документа, установление его авторства, т. е. факторов, которые могли повлиять на достоверность отражения в документе действительного положения дел (например, это ведомственный исследовательский центр или действительно независимый). Иначе говоря, выясняются факторы достоверности документального источника применительно к целям исследования. Установление полноты и достоверности источника относительно целей исследования — главные параметры его оценки до начала исследования.

Количественный анализ (контент-анализ). Наиболее существенным ограничением, связанным с использованием тради-

ционных методов анализа документов, например продуцируемых СМИ, является возможность субъективных влияний на результаты анализа, т. е. влияния установок исследователя, его интересов, сложившихся стереотипных представлений о предмете анализа. Эти влияния могут не осознаваться, а строгих критериев для обнаружения подобных влияний при интуитивном анализе не существует. Другим ограничением в традиционном анализе являются трудности, связанные с осмыслением большого количества публикаций за сколько-нибудь длительные периоды времени.

Данный недостаток преодолевается методиками формализованного анализа, которые основаны на статистическом учете различных объективных характеристик текста. Например, частота публикаций в газете материалов по определенной теме; число строк, отводимых редакцией отдельным темам, рубрикам, авторам; частота упоминаний проблем, терминов, имен, географических названий и т. п.

Контент-анализ — это метод изучения сообщений, создаваемых в различных сферах социальной коммуникации и зафиксированных в форме письменного текста (на бумаге) или записи на каких-либо иных физических носителях. Анализ основан на единообразных стандартизированных правилах поиска, учета и подсчета количественных показателей изучаемых характеристик текста. Потенциальными объектами исследования могут быть любые документальные источники, содержащие текст, — книги, газеты, песни, речи, выступления, письма, дневники, ответы на открытые вопросы анкет. При этом, конечно, подразумевается, что изучаемая характеристика существует и распределена в некоторой массовой совокупности — слов, фраз, параграфов, книг, журналов, авторов и др.

Задачи, решаемые методом контент-анализа, укладываются в достаточно простую и очевидную схему: «Кто сказал, что, кому, как, с какой целью и с каким результатом?»

Суть метода сводится к тому, чтобы найти и использовать для подсчета такие признаки документа (например, упоминания названий партий), которые отражали бы определенные существенные стороны его содержания. Так, тематическую направленность этой главы данной книги можно определить,

если подсчитать частоту употребления в тексте слова «метод» и сравнить ее с аналогичной частотой для других глав.

Обычно контент-анализ, как и методы массового опроса, использует выборочный метод изучения, и лишь единицы анализа и единицы отбора в них различны. В контент-анализе единицы отбора — слова, фразы, смысловые единицы, отдельные статьи; в выборочных опросах — люди.

Принципиальным моментом в разработке методики контент-анализа является разработка правил соотнесения единиц текста с перечнем категорий анализа. Эти правила оформляются в форме кодификатора. В кодификатор включают не только список наблюдаемых индикаторов, но и данные о самом документе, которые подвергаются кодированию (например, название газеты, место издания, дата издания, другие характеристики газеты — число страниц, формат и т. п.).

Контент-анализ целесообразно использовать при наличии больших текстовых массивов с четкой структурой, определяемой коммуникативными намерениями авторов текста. Этот метод широко используется при изучении сообщений, транслируемых на массовую аудиторию газетами, радио, телевидением.

При анализе больших массивов текстов приходится решать проблему обеспечения репрезентативности результатов при отборе текстов из их общей генеральной совокупности. В большинстве случаев здесь применимы модели выборки, изложенные в предыдущей главе. Причем уже на стадии планирования необходимо продумать, каковы функции информации, полученной методом контент-анализа, в общей структуре эмпирических данных, полученных другими методами, которые используются в исследовании.

Современные технические средства существенно упрощают ранее представлявшийся крайне трудоемким процесс количественного анализа большого количества текста. Современные сканеры с эффективными программами распознавания текста, позволяют достаточно быстро вводить в ЭВМ значительные объемы материала. Современные специализированные программы позволяют автоматизировать процесс подсчета искомых показателей. Все чаще газеты распространяют свои материалы в электронном виде, в частности через Интернет, что существенным образом упрощает количественный анализ этих текстов.

§ 2. Наблюдение

Каждый из нас ежедневно использует метод наблюдения в повседневной жизни. Мы наблюдаем за детьми, за пациентами поликлиники во время ожидания приема и т. д. Иногда мы обобщаем наблюдения и делимся ими с другими людьми, иногда — это просто мимолетные взгляды. С профессиональным подходом к наблюдению мы встречаемся, когда комментатор информирует нас о событиях на футбольном поле, кинооператор снимает камерой участников демонстрации, учитель, апробируя новую методику преподавания, наблюдает за поведением класса на уроке и т. п. Таким образом, во многих сферах социальной практики наблюдение успешно используется для изучения реальности. Естественно, что в науке метод наблюдения применяется уже много столетий, приобретая специфические формы в связи с тем или иным объектом и предметом исследования.

Наблюдение в социологии — метод сбора информации путем непосредственного изучения социального явления в его естественных условиях.

В зависимости от степени стандартизации техники наблюдения можно выделить две основные разновидности этого метода. Стандартизированная техника наблюдения предполагает: наличие предварительно детально разработанного списка событий, признаков, которые предстоит наблюдать; определение условий и ситуаций наблюдения; инструкции для наблюдателей; единые образные кодификаторы для регистрации наблюдаемых явлений.

Вторая разновидность методики наблюдения — неструктурированное, или нестандартизированное, наблюдение. В этом случае исследователь определяет лишь общие направления наблюдения, согласно которым результаты фиксируются в свободной форме непосредственно в процессе наблюдения или позднее по памяти.

Сбор данных в неструктурированном наблюдении не включает при их обработке систематизацию с помощью формализованных методов, предполагающих получение некоторых количественных характеристик. Часто результатом неструктурированного наблюдения становится разработка формализованных процедур наблюдения.

Социологические школы, ориентированные на качественные методы изучения общества, используют метод наблюдения

как один из центральных самостоятельных методов. Социально неодобряемое, отклоняющееся поведение, религиозное поведение, поведение в кризисных ситуациях, катастрофах и т. п. требуют активного привлечения методов наблюдения. Одним из классических примеров в социологии является изучение методом включенного наблюдения жизни бродяг Чикаго Н. Андерсона. История знает и немало других исследований подобного рода: это работа Трашера по изучению городских банд (Чикаго, 1928), В. Уайта по изучению банд Бостона и др.¹ Одним из относительно недавних примеров подобного подхода служит исследование профессора социологии университета Калифорнии в Беркли М. Борового, который в течение нескольких лет работал в разных странах (в том числе в России) рабочим на заводах².

Самостоятельную роль метод наблюдения играет при изучении уникальных и быстротечных явлений общественной жизни и при монографическом исследовании отдельных локальных объектов. В некоторых ситуациях, таких как катастрофы (вспомним, например, землетрясение в Спитаке в Армении), сильное нагнетание страстей в обществе или военное противостояние (например, межнациональные конфликты в Нагорном Карабахе, Абхазии, Чечне, Косово в Югославии, штурм Белого дома в Москве), наблюдение становится чуть ли не единственным возможным подходом к изучению социальной реальности.

Схематично можно выделить несколько типов социальных явлений, могущих стать объектами наблюдения. отдельные действия индивидов и групп, деятельность в целом, значение действий; участники действий; зависимости между индивидами и группами; окружение (обстановка)

Виды наблюдения. В зависимости от роли наблюдателя в изучаемой ситуации различают четыре вида наблюдения: полное участие наблюдателя в ситуации; участник ситуации как наблюдатель; наблюдатель как участник и полностью наблюдатель.

¹ См. *Jean M. Converse* *Survey Research in the United States: Roots and Emergence 1890—1960* University of California Press, 1987

² См. *Burawoy M. and Hendley K.* *Between Perestroika and Privatization: Divided Strategies and Political Crisis in a Soviet Enterprise* *Soviet Studies* 44(3) 371—402, 1992, *Burawoy M. and Krotov P.* *The Soviet Transition from Socialism to Capitalism: Worker Control and Economic Bargaining in the Wood Industry* // *American Sociological Review* 57(1) 16—38, 1992

Полное участие в ситуации предполагает включение наблюдателя в изучаемую группу как ее полноправного члена. Роль наблюдателя не известна членам группы. Примером этой разновидности наблюдения может служить работа исследователя в изучаемом коллективе рабочих без раскрытия им своего действительного положения.

Ситуация «участник как наблюдатель» характеризуется включенностью наблюдателя в группу, однако подразумевается, что всем участникам ясна его роль как исследователя.

Программа наблюдения предполагает в данном случае не регистрацию частоты проявления отдельных событий, а экспертный анализ наблюдаемой целостной ситуации, качественное обобщение и формирование оценок и выводов. Ситуация открытого наблюдения по сравнению с методикой скрытого наблюдения имеет свои преимущества. наблюдатель легче входит в исследовательскую ситуацию, поскольку ему не нужно осваивать новую, непривычную ролевую позицию; наблюдаемый коллектив адаптируется к присутствию наблюдателя и при положительном отношении к целям исследователя начинает активно помогать ему в сборе материала, т. е. устанавливаются отношения делового сотрудничества. В то же время и этот вид включенного наблюдения сохраняет в себе конфликт между задачами исследовательской деятельности наблюдателя и задачами непосредственной производственной деятельности, в которую включен социолог.

Кроме того, включенное наблюдение ставит серьезные проблемы, связанные с воздействием включенности наблюдателя в изучаемую ситуацию на его восприятие и анализ этой ситуации. Будучи участником той или иной ситуации, исследователь серьезно рискует утратить необходимую нейтральность, объективность при отборе, оценке и интерпретации фактов. Наконец, включенное наблюдение — очень трудоемкий и организационно сложный метод, требующий значительных затрат времени по сравнению с другими методами сбора данных. Этими особенностями и объясняется его сравнительно небольшая распространенность.

Ситуация «наблюдатель как участник» означает, что наблюдатель — прежде всего исследователь и, взаимодействуя с участниками социального процесса, не претендует быть действительным его участником. Примерами этой разновидности метода наблюдения могут служить хронометраж затрат времени, моментные наблюдения.

И наконец, в позиции полного наблюдения исследователь выполняет лишь функцию наблюдателя, не взаимодействуя с участниками ситуации, оставаясь вне их поля зрения. Здесь возможна ситуация с использованием скрытой камеры либо социально-психологический эксперимент со скрытым наблюдателем.

Процедура наблюдения. Процесс исследования социального явления методом наблюдения условно можно представить в виде следующей последовательности шагов: формулировка проблемы, описание объекта наблюдения, определение задач; определение единиц наблюдения и индикаторов изучаемых аспектов поведения; разработка языка и системы понятий, в терминах которых будут описываться результаты наблюдения; определение выборочных процедур в ситуациях, когда имеется возможность сделать отбор из множества наблюдений; подготовка технических документов для фиксации наблюдаемого явления (карточки, бланки протоколов; кодировочные бланки и т. п.); запись результатов наблюдений; анализ и интерпретация данных; подготовка отчета и выводов по итогам исследования.

Основные достоинства и недостатки метода наблюдения. Главное достоинство этого метода состоит в том, что он дает возможность уловить детали данного явления, его многогранность. Гибкость метода — еще одно качество, имеющее немаловажное значение при изучении социальных явлений. И наконец, относительная дешевизна — важный атрибут, присущий этому методу.

Среди недостатков прежде всего следует отметить качественный (не количественный) характер выводов, которые можно получить в результате наблюдения. Метод редко может быть применен к наблюдению больших совокупностей и большого количества событий. Однако наиболее крупный недостаток, очевидно, связан с возможностью привнесения определенной доли субъективности в существо метода и меньшими, чем в других случаях, возможностями широкого обобщения результатов исследования.

§ 3. Массовый опрос. Интервью и анкетирование

Познавательные возможности метода опроса. К методу опроса исследователь обращается тогда, когда для решения поставленной задачи ему необходимо получить информацию о сфере

сознания людей: об их мнениях, мотивах поведения, оценках окружающей действительности, о жизненных планах, целях, ориентациях, информированности и т. п. Во всех подобных случаях именно люди, участники изучаемых социальных процессов, выступают в роли уникального источника информации, который не может быть заменен никаким другим. Методом опроса может быть получена информация и о поведении людей, различные фактологические сведения, что особенно активно используется в маркетинговых исследованиях (что купил, когда, сколько, как использовал и т. д.).

Суть метода опроса сводится к общению исследователя прямо или косвенно через его представителя (обычно его называют интервьюером или реже анкетером) с совокупностью людей (их называют респондентами) в форме вопросно-ответного диалога. Особенность этого общения состоит в том, что оно, с одной стороны, должно отвечать строгим требованиям научной процедуры, а с другой — исходить из того, что источником информации выступают рядовые участники изучаемых процессов, осознающие эти процессы в рамках повседневного житейского опыта.

Таким образом, в опросе реализуется познавательное взаимодействие двух различных уровней общественного сознания: научного, носителем которого выступает исследователь, и обыденного, практического, носителем которого выступает опрашиваемый человек — *респондент*.

Выбор вида опроса определяется целями исследования и организационно-экономическими возможностями реализации данной исследовательской стратегии, а также требованиями к достоверности и надежности искомой информации. В зависимости от того, какие условия и формы общения опосредуют связь исследователя с опрашиваемым, различаются две основные формы опроса: *интервьюирование* и *анкетирование*. При анкетировании опрашиваемый самостоятельно читает текст вопросника и сам его заполняет. В случае интервьюирования в роли посредника между текстом вопросника и респондентом выступает *интервьюер*, который представляет авторов исследования и реализует цели исследования в ситуации опроса. Интервьюер задает вопросы, выслушивает ответы респондента и фиксирует их содержание в соответствии с процедурой, предусмотренной инструкциями.

Привлечение интервьюеров увеличивает затраты времени и средств на их обучение, отбор, контроль качества их работы. Однако хорошо обученный интервьюер обеспечивает точность реализации процедуры отбора респондентов для опроса, благоприятную ситуацию опроса, контроль влияния третьих лиц на формирование ответов респондента, единообразие задавания вопросов, обеспечивает возможность работы со сложными по структуре и содержанию анкетами. Он способен также адаптироваться к индивидуальным психологическим особенностям опрашиваемого: снять психологические барьеры или предубежденность, вызывающие нежелание участвовать в опросе или уклонение от ответов на отдельные вопросы.

В то же время влияние интервьюера на содержание получаемых данных значительно выше, чем анкетера. Поэтому при использовании интервью особое внимание уделяется учету влияния (эффекта) интервьюера, которое может быть как положительным, так и отрицательным в зависимости от предмета исследования, подготовки интервьюера, строгости отбора и проверки качества его работы.

Виды интервью. Различаются несколько видов интервью в зависимости от того, насколько стандартизирована ситуация беседы, т. е. насколько жестко и подробно разработаны для интервьюера правила установления контакта с респондентом, последовательность вопросов и их формулировка, возможности в ходе беседы принимать собственные методические решения. Степень стандартизации интервью определяется целями исследования, характером ожидаемой информации и объемом выборки.

Когда исследователь планирует опрос больших совокупностей людей (несколько сотен или тысяч), когда содержательная структура исследуемой проблемы четко определена и адаптирована к уровню обыденного сознания опрашиваемых, тогда наиболее подходящим методом сбора данных является *стандартизированное (формализованное) интервью* с закрытыми вопросами. Эта разновидность интервью сводит к минимуму возможные индивидуальные отклонения от разработанного стандартного плана беседы со стороны как респондента, так и интервьюера.

Очень часто стандартизированное интервью включает также открытые вопросы. В этом случае от интервьюера требуется точная, дословная запись ответов респондента.

Направленное, фокусированное, глубинное интервью — следующая ступень к уменьшению стандартизации поведения интервьюера и опрашиваемого. План такого интервью предусматривает только перечень вопросов, которые следует обязательно рассмотреть во время беседы. Однако последовательность и формулировка вопросов могут меняться в зависимости от конкретной ситуации, индивидуальных особенностей опрашиваемого. Цель интервью — «сфокусировать» внимание респондента на обсуждаемой проблеме, явлении, его следствиях и причинах. Часто основой такой беседы становятся некоторые конкретные аспекты поведения людей, например, политологов может интересовать вопрос о том, как избиратель принимал решение о голосовании на выборах президента, в маркетинге — как используется фотоаппарат в семье респондента и т. д.

Свободное интервью предполагает предварительную разработку основных направлений беседы с респондентом. Формулировка вопросов, их последовательность складываются в процессе интервью и определяются индивидуальными особенностями опрашиваемого. Ответы респондента фиксируются с максимальной полнотой, включая особенности лексики, смысловые ассоциации и отклонения от темы опроса.

Применение технических средств при проведении опросов связано с использованием вместо анкет, напечатанных на бумаге, «электронных» анкет — текст анкеты считывается с экрана портативного компьютера. Это так называемая *КАПИ (CAPI) методика*. Английская аббревиатура расшифровывается следующим образом — «компьютером ассистируемое персональное интервью».

Другое направление — это *телефонное интервью*. Основными достоинствами метода телефонного интервью является оперативность опроса, низкая стоимость, возможность прямого контроля за работой интервьюера (если их работа организована в специально оборудованном офисе).

Общение по телефону предъявляет свои специфические требования к построению вопросника и ситуации беседы. Интервью по телефону должно быть достаточно коротким (есть примеры интервью до 40 минут). Вопросы должны быть более краткими и конкретными по сравнению с личным интервью или анкетированием. Не рекомендуется включать в формулировки вопросов длинные перечни ответов.

Применение телефонного интервью в совокупности с компьютером получило название КАТИ («компьютером ассистируемое телефонное интервью»). В этом случае интервьюер задает вопросы анкеты, которые показывает компьютер на своем мониторе. После ввода ответа на вопрос компьютер, в соответствии с заложенной в него логикой анкеты, выводит на монитор следующий вопрос.

Применение компьютерной техники позволяет резко увеличить степень разветвленности вопросника. В зависимости от ответов респонденту могут предъявлять множество сценариев продолжения интервью, что практически невозможно реализовать даже с очень хорошо подготовленным интервьюером с использованием традиционной методики.

Существенным ограничением, связанным с применением телефонного интервью, оказался уровень телефонизации населенных пунктов. В настоящее время в России лишь Москва и Санкт-Петербург и несколько других городов, где уровень телефонизации квартир превысил 90%, являются хорошей сферой применения этого метода. Аналогичная ситуация в других странах бывшего Союза и странах Центральной Европы.

Анкетирование. По числу опрашиваемых различают групповое и индивидуальное анкетирование. По способу распространения анкет выделяют: раздаточную анкету (раздается респондентам самим анкетером); почтовый опрос (рассылается по почте), Интернет-опрос (анкета доставляется через Интернет) и прессовый (публикуется в газете или журнале). Кроме того, интервью может проводиться дома, на работе, в целевых аудиториях (посетители магазинов, театров, выставок и т. п.). Различные сочетания названных признаков образуют множество разновидностей анкетного опроса.

Примером *группового анкетирования* могут служить опросы школьников в классах. Основное достоинство группового анкетирования связано с организационной доступностью и оперативностью опроса. Анкетер, работающий с группой опрашиваемых из 20—30 человек, объясняет цели исследования, правила заполнения анкеты и в случае неясностей при заполнении анкеты индивидуально консультирует респондентов. Анкеты заполняются в присутствии анкетера и возвращаются ему сразу после заполнения. Эта форма опроса обеспечивает почти стопроцентный возврат и краткие сроки сбора данных.

При использовании индивидуального анкетирования с помощью *раздаточной анкеты* анкетер либо вручает анкету респонденту, договариваясь о сроке возврата при повторной встрече, либо, объяснив правила заполнения и цели опроса, ожидает заполнения анкеты. Ясно, что при первом варианте респондент получает больше времени на заполнение анкеты, обдумывание ответов, но при этом осложняются проблемы возврата и появляются возможности для обсуждения темы опроса с посторонними людьми или даже заполнения анкеты другим человеком (жена заполняет вместо мужа и т. п.). Раздаточное индивидуальное анкетирование особенно часто использовалось в советский период при опросе на предприятиях, а также в связи с тем, что опросы проводились, как правило, волонтерами без какой-либо оплаты.

В современной практике раздаточная анкета часто используется при изучении социально не одобряемого поведения (например, опрос подростков о курении, потреблении наркотиков) или изучении таких вопросов, как сексуальное поведение.

Почтовый опрос — также достаточно популярный метод опроса больших совокупностей людей¹. Его слабые стороны — низкий процент возврата без применения специальных приемов (около 30%), не поддающаяся контролю ситуация заполнения анкет (кто и в каких условиях заполнял анкету) и связанные с этими особенностями трудности обоснования репрезентативности выборки.

Публикация анкеты в газетах или журналах активно используется в журналистской практике, однако познавательные возможности этого вида опроса ограничены в связи с проблемой возврата заполненных анкет. Среди других существенных недостатков раздаточного анкетирования следует указать на необходимость использования в этом случае очень простых по структуре анкет.

Интернет-опрос. Этот метод опроса находится в стадии интенсивного развития и многие его преимущества, недостатки и методику еще предстоит развить и уточнить. Неоспоримыми

¹ См.: Dillman D. A. Mail and Telephone Survey. John Wiley & Sons, 1978; Докторов Б. З. Повышение возврата анкет при почтовом опросе // Социологические исследования. 1981. № 3. С. 127—133, Паниотто В. И., Яковенко Ю. И. Некоторые способы совершенствования почтового опроса // Там же. С. 134—138.

достоинствами этого подхода является возможность в короткие сроки опросить многие тысячи и, возможно, миллионы человек по многим странам мира, причем при очень низкой себестоимости. Интернет-опросы осуществляются либо рассылкой анкет на e-mail адреса потенциальных респондентов (и в этом методика схожа с почтовой анкетой), или предоставлением респонденту доступа на сайт исследовательской организации, где респондент в интерактивном режиме может ответить на вопросы анкеты (и в этом методика схожа с КАПИ). При использовании Интернета нет принципиальных проблем в имитировании личного интервью, путем синтеза речи для автоматического чтения вопросов анкеты и запоминания голосовых ответов респондента компьютером, показа карточек и даже фрагментов фильмов (например, рекламных роликов).

Центральная проблема Интернет-опросов — это построение репрезентативной выборки и рекрутирование респондентов. В последнее время общепринятой практикой стало «предварительное рекрутирование» респондентов и создание панелей респондентов. При обработке таких данных приходится взвешивать результаты в соответствии с генеральной совокупностью.

В некоторых случаях исследователи пытаются комбинировать Интернет-опрос с обычным традиционным опросом социальной группы, которая недоступна через Интернет.

В любом случае этот подход не гарантирует репрезентативности выборки и эта проблема остается пока фундаментальной для методологии Интернет-опросов

Кроме того, эксперименты показывают, что в Интернет-опросах уровень кооперации респондентов ниже, чем даже в почтовых опросах.

Одно из направлений, на которое возлагаются существенные надежды в использовании возможностей Интернета для опроса, — это опросы узких профессиональных групп, таких как, например, врачи, ученые и т. д. Обычная методология в этом случае состоит в предварительном рекрутировании участников исследования обычными методами, например по телефону.

В большинстве восточноевропейских и постсоветских странах, включая Россию, внедрение вышеперечисленных подходов ограничивается еще недостаточной распространенностью самого Интернета.

Методические принципы конструирования вопросника. Содержание вопросов, их формулировка, последовательность и вза-

взаимосвязь в структуре вопросника должны отвечать двум требованиям.

Первое требование: вопросы должны быть необходимыми и достаточными для обеспечения эмпирической проверки гипотез исследования, для решения его познавательных задач. Это требование обеспечивается на стадии эмпирической интерпретации понятий посредством выработки набора индикаторов и соответствующего ему списка единиц искомой информации. Каждый вопрос рассматривается при этом как специфический измерительный инструмент для получения необходимой (искомой) информации. Иначе говоря, для каждого вопроса анкеты должна быть определена его познавательная задача, его искомая информация.

Второе требование: необходимо учитывать социально-психологические особенности опрашиваемых, выступающих источником информации. Это значит, что автор анкеты должен учитывать информированность опрашиваемых о предмете опроса, специфику их языка, традиций общения, представлений о престиже, чувстве собственного достоинства, представление о социально неодобряемом поведении в данной социальной группе и др.

С учетом данных требований связаны такие факторы качества результатов опроса, как искренность и достоверность ответов респондентов, их установка на сотрудничество с интервьюером.

В практической работе при конструировании вопросника оба требования часто пересекаются и должны учитываться комплексно и во взаимосвязи. Приступая к разработке вопросника, исследователь решает задачу другого уровня — как сформулировать вопрос, чтобы получить искомую информацию. Как показывает практика, расхождение познавательной задачи вопроса со смысловым содержанием его формулировки для анкеты — главная ошибка, с которой приходится сталкиваться.

Таким образом, одна из центральных задач, которая стоит перед исследователем — это «перевод» общих исследовательских задач сначала на уровень частных, формулируемых в виде единиц искомой информации (Э. Нозль-Нойман называет их «программными вопросами»)¹, а затем их «перевод» на уровень

¹ См. Нозль-Нойман Э. Массовые опросы. Введение в методику дескрипции. М., 1993. С. 53—55.

обыденных представлений опрашиваемых. Операция эта тем более важна и необходима, что эмпирические данные многозначны по своей природе и могут быть по-разному интерпретированы в различных контекстах в связи с различными познавательными задачами.

Распространенность различных видов методических ошибок нередко объясняется вполне понятным и естественным стремлением исследователя к использованию более простых и экономичных методических решений. Однако при определении содержательной пригодности формулировки вопроса приходится учитывать, что экономичность и организационная простота методического решения — далеко не достаточные критерии его оценки. Более того, экономичность исследования и качество эмпирической информации почти всегда вступают в противоречие.

Соответствие формулировки вопроса возможностям респондента как источника информации обеспечивается не только «переводом» познавательной задачи на уровень житейского опыта опрашиваемых. Другими направлениями решения этой проблемы выступают такие требования, как учет компетентности, информированности респондента о предмете опроса; учет особенностей языка и культуры опрашиваемых, их аналитических возможностей. Ясно, что для обеспечения таких условий необходимы предварительная информация о состоянии сознания членов исследуемой совокупности относительно предмета исследования, а также данные об уровне информированности и компетентности соответствующих социальных групп. Подобные данные можно найти, обратившись, в первую очередь, к результатам предшествующих исследований.

Более конкретной и точной «привязке» методики опроса к особенностям «поля» будущего исследования способствует проведение пилотажных (предварительных) исследований.

Виды вопросов. В зависимости от целей, с которыми задаются вопросы, они подразделяются на содержательные и функциональные. По содержанию различают вопросы о знаниях, поведении, мнениях, установках, мотивах.

Функциональные вопросы решают различные задачи по управлению ходом опроса, его психологической атмосферой, логической строгостью. Основные виды функциональных вопросов: вопросы-фильтры, контрольные вопросы, контактные вопросы.

Необходимость в вопросах-фильтрах возникает тогда, когда искомая информация может быть получена не от всей сово-

купности опрашиваемых, а только от некоторой ее части. Для того чтобы отделить носителей информации, т. е. тех, кому следует задать отдельные специализированные вопросы, и задается вопрос-фильтр.

Каждый такой специализированный блок вопросов открывается вопросом-фильтром, имеющим отсылку, указывающую на то, к заполнению какого вопроса следует переходить интервьюеру, чтобы выделить носителей необходимой информации. Вот пример использования вопроса-фильтра в формализованном интервью¹:

33. Скажите, приходилось ли Вам лично работать сверхурочно или дополнительно, чтобы увеличить свой доход и преодолеть влияние инфляции и высоких цен?

(1) Да → *К ВОПРОСУ 34*

(2) Нет → *К ВОПРОСУ 35*

(3) Затрудняюсь ответить/нет мнения → *К ВОПРОСУ 35*

Цель контрольных вопросов — выяснить устойчивость или непротиворечивость ответов респондента, которые он даст на предшествующие вопросы по той же теме, проблеме. Например, задается общий вопрос об удовлетворенности работой, затем полученный ответ контролируется несколькими вопросами о некоторых частных аспектах удовлетворенности рабочей ситуацией, например о желании сменить работу. Совокупность полученных частных ответов рассматривают как контроль на непротиворечивость высказываний общей оценке. Применяется также процедура психологического контроля на искренность с помощью специальных тестов.

Для установления контакта с респондентом, создания у него положительной мотивации на опрос применяются так называемые контактные вопросы, которые прямо могут быть и не связаны с темой исследования, но позволяют отвечающему высказаться на тему, близкую для него, показывающую его информированность и компетентность. В практике опросов эта функция чаще всего не возлагается на специальные вопросы, а выполняется «попутно» вопросами, наиболее простыми по

¹ Здесь и далее в этой главе примеры фрагментов анкет из проектов Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ).

смыслу, но одновременно дающими необходимую исследователю информацию.

По технике заполнения выделяются две основные группы вопросов: открытые и закрытые. Открытые вопросы дают респонденту возможность самостоятельно сформулировать ответ, отражающий всю неповторимость индивидуального сознания, языка, стиля, запаса информации, круга ассоциаций. Интервьюер самостоятельно записывает сформулированный ответ или кодирует его в предварительно составленном классификаторе. Например, мы регулярно задаем вопросы типа:

1. Скажите, пожалуйста, какую проблему Вы назвали бы самой серьезной проблемой для России в настоящее время? */ЗАПИШИТЕ ДОСЛОВНО НАЗВАННУЮ РЕСПОНДЕНТОМ САМУЮ СЕРЬЕЗНУЮ ПРОБЛЕМУ/*

2. А какая следующая самая серьезная проблема для России сегодня? */ЗАПИШИТЕ ДОСЛОВНО НАЗВАННУЮ РЕСПОНДЕНТОМ ВТОРУЮ САМУЮ СЕРЬЕЗНУЮ ПРОБЛЕМУ/*

Закрытый вопрос всегда предполагает наличие готовых вариантов ответов, которые исследователь разрабатывает до начала опроса, основываясь на своих исходных представлениях о содержании вопроса и на данных подобных прошлых и пробных исследованиях, позволяющих адаптировать первоначальный вариант вопроса к социально-психологическим особенностям опрашиваемых.

Выбор вида вопроса зависит от характера искомой информации. Открытые вопросы часто применяются, например, в предварительных исследованиях, когда изучается информированность и компетентность совокупности опрашиваемых о предмете опроса, особенности их сознания и языка. Ответы на открытые вопросы достаточно трудоемки с точки зрения подготовки к обработке (кодирования ответов), поэтому их используют в массовых опросах относительно реже, чем закрытые.

Закрытые вопросы — наиболее популярный вид техники сбора данных. Он привлекает исследователей экономичностью обработки, поскольку позволяет использовать предварительную кодировку всех возможных вариантов ответов.

Респондент, выбрав варианты ответов, совпадающие с его мнениями, сообщает об этом интервьюеру, который в свою очередь помечает эти ответы в анкете. Заполненная таким образом анкета почти готова к машинной обработке.

Прямые (личные) и косвенные формулировки вопросов используются в зависимости от отношения искомой информации к личности респондента. Если нужные исследователю данные психологически нейтральны или положительны по отношению к чувству собственного достоинства респондента или к его отношениям с другими людьми, то прямые вопросы дают достаточно достоверную информацию. Если вопрос требует от респондента критического отношения к себе, к окружающим его людям, если от него ожидается оценка социально неодобряемых действий (бить детей, уклоняться от налогов и т. п.), то возможны различные смещения в ответах либо уклонения от ответов. Косвенные вопросы помогают частично преодолевать эти психологические барьеры. Функции косвенных вопросов могут выполнять «проективные» вопросы. Например, респонденту предлагается закончить незавершенное предложение, придумать развязку к незавершенному описанию какого-либо события и т. п.¹

Какую бы разновидность вопроса ни использовал исследователь, он должен обеспечить респонденту возможность «уйти» от ответа, если он к нему не относится или он испытывает затруднения. Поэтому формулировки вопросов и правила их заполнения обычно предусматривают варианты ответов типа «не знаю», «затрудняюсь определить», «не имею», «не занимаюсь» и т. п. В формализованном интервью обычно эти варианты ответов не зачитываются респонденту. Существуют всевозможные приемы, как уменьшить долю «затруднившихся» в случае очень «острых» вопросов, вопросов о социально неодобряемом поведении, например, применением отдельной анкеты с самозаполнением ее респондентом, которую затем он запечатывает в конверт и передает интервьюеру в таком запечатанном виде.

Как уже отмечалось, содержательные вопросы можно условно разделить на три группы: вопросы о поведении, вопросы о знании и вопросы об установках, мотивах, мнении. Приведем примеры каждого из них.

Первый пример относится к вопросам о поведении.

¹ См. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980 С. 69—78

ИНТЕРВЬЮЕР. ПЕРЕДАЙТЕ РЕСПОНДЕНТУ КАРТОЧКУ А.

1. Каждый член семьи вносит какой-то вклад в выполнение различных домашних работ. Скажите, пожалуйста, какую часть домашних работ, которые я Вам перечислю, выполняете в Вашей семье лично Вы? **/ЗАЧИТЫВАЙТЕ ВИДЫ ДОМАШНЕЙ РАБОТЫ И ОТМЕЧАЙТЕ ПО КАЖДОЙ СТРОЧКЕ/**

	Делаю все или почти все т.е. 3/4	Делаю 1/2	Делаю 1/4	Делаю	Почти никогда	Никогда
а) Приготовление пищи	1	2	3	4	5	(6)
б) Мытье посуды	1	2	3	4	5	(6)
в) Чистка, уборка дома	1	2	3	4	5	(6)
г) Стирка, глажка и починка одежды и белья	1	2	3	4	5	(6)
д) Покупки для дома	1	2	3	4	5	(6)
е) Ремонтные работы в доме	1	2	3	4	5	(6)
ж) Работа на даче	1	2	3	4	5	(6)

Респонденту дают карточку с напечатанными вариантами ответов «делаю все или почти все», «почти никогда» и зачитывают последовательно виды домашней работы.

Следующий вопрос о фактах.

29. Как бы Вы описали тип дома, в котором Вы живете в настоящее время? Это: **/ЗАЧИТАЙТЕ. ОТМЕТЬТЕ В КОЛОНКЕ В.29/**

30. В каком доме Вы жили пять лет назад, то есть в 1988 году? **/ЗАЧИТАЙТЕ. ОТМЕТЬТЕ В КОЛОНКЕ В.30/**

	<u>В.29</u> <u>Теперь</u>	<u>В.30</u> <u>В 1988</u>
а) Отдельный дом, сельский дом, коттедж	1	1
б) Многоквартирный дом менее 3-х этажей	2	2
в) Многоквартирный дом более 3-х этажей	3	3
г) Общежитие, больница, военный лагерь	4	4
д) Другое /УКАЖИТЕ, ЧТО ИМЕННО/	(8)	(8)
е) Затрудняюсь ответить, не помню /НЕ ЧИТАТЬ/		(9)

И, наконец, третий тип вопроса.

5. Скажите, пожалуйста, Вы одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента? */НЕ ЧИТАТЬ АЛЬТЕРНАТИВЫ/*

ЕСЛИ ОТВЕТ ДАН, СПРОСИТЕ: Вы полностью одобряете/не одобряете ее или лишь частично одобряете/не одобряете?

- (1) Полностью одобряю
- (2) Частично одобряю
- (3) Не то чтобы одобряю, но и не то чтобы нет
- (4) Частично не одобряю
- (5) Полностью не одобряю
- (9) Затрудняюсь ответить/нет мнения

Важными характеристиками каждого вопроса являются: степень, в которой в данном вопросе содержится некое социальное давление (или даже угроза для респондента), и степень, в которой выбор тех или иных альтернатив вопроса будет означать, что респондент придерживается социально одобряемого или неодобряемого поведения. Известно, что «в принципе» нарушать правила дорожного движения не хорошо, употреблять наркотики тоже, а получать в школе хорошие оценки — «хорошо», высказывать негативное отношение к главе государства в некоторые периоды времени даже опасно. Приемы нивелирования этого социального давления содержания вопроса составляют один из существенных компонентов искусства задавать вопросы¹.

Построение вопросника представляет собой создание своеобразного «сценария» ситуации опроса, логики общения исследователя с респондентом как источником необходимой информации. Поэтому вопросник (анкета, план интервью) есть не просто совокупность вопросов, а определенным образом организованная исследовательская ситуация.

Наиболее популярная композиция вопросника связана с выделением трех фаз в ситуации опроса: вступительной, основной и заключительной.

В начале опроса респондент может испытывать некоторый дискомфорт и даже острую настороженность в связи с непонят-

¹ Подробно эти вопросы изложены в прекрасной работе. *Sudman S., Bradburn N. Asking Questions: A Practical Guide to Questionnaire Design. San Francisco, 1983*

ными целями опроса и самим фактом выбора для опроса именно его. Установление первого контакта решается кратким вступлением к вопроснику, вводящим опрашиваемого в ситуацию опроса и стимулирующим его интерес к общению. Первые вопросы анкеты — наиболее простые и доступные по смыслу и технике заполнения, одновременно они служат объяснением привил «игры», в которую интервьюер вовлекает респондента.

От начала к середине опроса вместе с активизацией внимания и интереса респондента могут увеличиваться сложность и острота вопросов, которые запланированы в исследовании. Вторую половину опроса рекомендуется посвящать более простым вопросам, использовать психологические приемы, активизирующие внимание респондента.

Кроме того, вопросник должен включать четкие и однозначные инструкции и указания для интервьюера по его заполнению, переходы от вопросов-фильтров; к вопросам карточки с длинными перечнями ответов. Формулировки вопросов в плане интервью должны быть удобными для произнесения, следовательно, не должны включать громоздких синтаксических конструкций. В противном случае интервьюер все равно перескажет их «своими словами», возможно, сместив смысловые акценты или даже исказив смысл.

Кроме минимального инструктивного материала в тексте вопросника необходим специальный документ «Инструкция интервьюеру». Обычная структура такой инструкции: объяснение целей и задач исследования, создание мотивации на добросовестную работу, объяснение роли, задач, обязанностей, прав и ответственности интервьюера, правила поиска респондента, установление контакта с ним и получение согласия на интервью, т. е. примерный текст вступительной беседы, описание возможных ситуаций при поиске респондента и установлении контакта с ним и способов их решения (отказ от интервью, вопросы по поводу выборки, правила замены и т. п.), организация ситуации интервью (указание времени, повторные посещения, устранение влияния третьих лиц и т. п.); правила заполнения отдельных видов вопросов; правила стимулирования внимания респондента; правила завершения беседы.

При разработке вопросника и «Инструкции интервьюера» следует учитывать, что чем больше стандартизирована ситуация интервью и чем выше качество разработанной методики, тем меньше неучитываемое влияние интервьюера.

Интервью как вид социально-психологического взаимодействия может оказывать смещающее воздействие на получаемую информацию в зависимости от психологических особенностей собеседников. Например, возможно взаимовлияние взглядов и убеждений интервьюера и респондента на содержание получаемых данных. В ряде случаев респонденты стремятся «угадать желаемый ответ», т. е. ответить таким образом, чтобы произвести благоприятное впечатление на интервьюера. Это явление наблюдается в том случае, когда интервьюер воспринимается как выразитель официальных норм и требований, как человек более опытный, авторитетный, образованный, компетентный. Подобное психологическое «давление» опытный интервьюер заметит и сумеет снять, подчеркнув значимость и ценность для исследования учета именно индивидуальных мнений и позиций каждого человека, попавшего в выборку. Ситуация опроса должна быть скорректирована в сторону равноправного сотрудничества в пользу достоверности искомой информации.

В ряде методических исследований замечен и эффект избирательного восприятия и интерпретации ответов интервьюерами («эффект узнавания»). В этих ситуациях интервьюер либо неосознанно истолковывает ответы с нечетко выраженной позицией как близкие к его собственным убеждениям, либо приобретает уверенность в том, что он уже с первых ответов респондента понимает, к какому типу его отнести и как люди этого типа обычно отвечают на вопросы. При этом опять-таки интервьюер может слышать не столько то, что реально отвечает респондент, сколько то, что интервьюер заранее предполагает услышать.

Преодолеть «стереотип узнавания» помогает постоянный самоконтроль интервьюера и умеренная нагрузка: около десяти интервью по одному проекту — обычная нагрузка на интервьюера.

Оценка качества методики опроса. Традиционным способом получения информации о качестве разработанного вопросника является пилотажное (пробное) исследование¹.

При разработке отдельного вопроса и анкеты в целом социологу приходится учитывать сложный комплекс методических

¹ См. *Лютыньска К.* Анализ адекватности ответов респондентов, полученных в углубленном пилотаже // Социологические исследования 1978. № 4. С. 152—159, *Гостковский З.* О повышении достоверности опроса в социологических исследованиях // Там же. С. 160—165.

требований. Часть этих требований имеет противоречивый характер, поэтому для нахождения их наилучшего компромиссного сочетания нужно специально рассмотреть их и подвергнуть детальному логическому анализу.

Процедура логического анализа вопросника состоит в сопоставлении каждого вопроса анкеты с перечнем ряда логических и методических критериев¹.

Соответствие логическим критериям проверяется следующими вопросами.

1. Какова познавательная задача вопроса?

2. Какая информация ожидается от респондента в качестве ответа на данный вопрос?

3. Является ли ожидаемая от респондента информация обоснованным индикатором для изучаемой характеристики социального явления или процесса?

4. Однозначно ли сформулирован смысл вопроса для респондента? Нет ли в его формулировке понятий, допускающих различное истолкование?

5. Не является ли формулировка вопроса внушающей?

6. Соответствует ли техника регистрации ответов содержанию вопроса (указания на число возможных ответов, возможность уклониться от ответов; соответствие делений шкалы смыслу формулировки и т. п.)?

7. Сбалансированы ли шкалы, нет ли смещений к положительному или отрицательному полюсу шкалы?

8. Нет ли совмещения оснований в вопросах, требующих выбора варианта из предложенного списка по заданному критерию?

9. Обозначен ли адресат вопроса в тех случаях, когда вопрос предназначен не для всей совокупности опрашиваемых, а для какой-либо ее части? Не требуется ли вопрос-фильтр?

Соответствие социально-психологическим критериям проверяется следующими вопросами.

1. Выдержаны ли требования к языку опрашиваемых? Нет ли в формулировке вопроса ложных, непонятных терминов?

2. Понятны ли респонденту единицы измерения, употребляемые в вопросе?

¹ Подробнее об этом см.: Методы сбора информации в социологических исследованиях. М., 1990, *Саганенко Г. И.* Надежность результатов социологического исследования. Л., 1983.

3. Компетентны ли опрашиваемые для ответа на данный вопрос? Не следует ли включить фильтры на компетентность?

4. Не предъявляет ли вопрос непосильных требований к памяти опрашиваемого?

5. Нет ли опасности получить стереотипный ответ?

6. Не слишком ли многочисленны варианты ответов на вопрос, нет ли необходимости расчленить их на тематические блоки или поместить варианты ответов на карточки для респондента?

7. Не вызовет ли вопрос отрицательные эмоции у опрашиваемого?

8. Не задает ли вопрос самолюбие респондента или интимные стороны его жизни, самосознания?

По окончании анализа все вопросы анкеты распадаются на четыре группы: вопросы, не имеющие методических замечаний; вопросы, имеющие замечания, которые могут быть устранены без эмпирической проверки; вопросы, имеющие замечания, которые нуждаются в дополнительной эмпирической проверке; вопросы, содержащие очевидные ошибки и подлежащие исключению из анкеты.

Для тех вопросов, которые нуждаются в эмпирической проверке, в программе пилотажа разрабатываются специальные процедуры проверки. Например, разрабатывается два варианта конструкции вопроса, затем сравниваются восприятие и формулирование ответов и их содержание, полученное на одинаковых выборках или на одной выборке в двух опросах с допустимым интервалом времени¹. Такая проверка должна отвечать основным требованиям экспериментального исследования (см. § 4 настоящей главы).

Восприятие и понимание вопроса могут проверяться с помощью дополнительных вопросов. Получив ответ, сформулированный респондентом, интервьюер просит его пояснить ответ, прокомментировать его, сообщить дополнительные сведения, которые помогают выяснить степень понимания вопроса респондентом, его искренность, информированность и др. Конечно, такие дополнительные вопросы разрабатываются заранее, в зависимости от тех методических замечаний, которые вызвал данный вопрос во время предварительного анализа. Например, если в формулировке вопроса имеются предполо-

¹ Пример такого пилотажа см. *Маслова О. М.* К вопросу о проектировании социологических анкет // Социологические исследования. 1981. № 1 С 158—165.

жительно непонятные слова, то в пилотаже предлагаются дополнительные вопросы респонденту с просьбой объяснить значение этих слов. Или другой пример: если есть опасение, что респонденты могут по-разному понимать такой пункт, как «среднее специальное образование» в вопросе об уровне образования, то опрашиваемому предлагают вслед за вопросом об образовании назвать последовательно те учебные заведения, которые он окончил. Дополнительные вопросы в пилотажном варианте анкеты образуют своеобразное «Интервью об интервью», которое помогает получить статистическую информацию о состоянии методических характеристик пилотируемых вопросов.

Соответствие формулировок закрытых вопросов структуре представлений и языку опрашиваемых проверяется с помощью следующей методической процедуры. Пробный опрос проводится методом интервью, в котором все закрытые вопросы задаются респонденту в открытой форме. Выслушав ответ респондента, интервьюер отмечает в анкете только те варианты ответов, которые текстуально совпадают с формулировками респондента. Если же полученный от респондента ответ не имеет аналога в формулировке, то такой ответ дословно записывается на полях анкеты. После проведения пилотажа эти записи позволяют адаптировать язык анкеты к словарному запасу и структуре представлений опрашиваемых.

Итак, выше были названы два метода получения данных о качестве вопросов анкеты: методический эксперимент и методический опрос (интервью об интервью и интервью с открытыми вопросами). Однако наиболее распространенным и, по существу, универсальным методом получения методической информации в пилотаже является метод наблюдения.

Самой простой организационной разновидностью пилотажа, основанного на наблюдении, является нестандартизированное наблюдение интервьюера за ситуацией опроса, за поведением респондента, за его реакцией на различные вопросы. В этом случае перед началом пробного исследования интервьюеры получают общий инструктаж, в котором даются основные направления для наблюдения. Обычно выделяются в качестве наблюдаемых переменных: а) ситуация опроса (присутствие третьих лиц, разговоры и консультации во время опроса, наличие мешающих факторов, например, шум, телефонные звонки, теле- или радиопередачи); б) психологическое состояние респондента во

время опроса (отношение к опросу, к интервьюеру, внимание, утомляемость, настороженность, затруднения при ответе, дополнительные обращения за разъяснениями по отдельным вопросам и др.); в) психологическое состояние интервьюера (мнение о вопросах анкеты, установление контакта с респондентом, ощущение «остроты» отдельных вопросов, логика опроса и др.).

Формой регистрации получаемой методической информации в данном варианте пилотажа являются либо записи на полях анкеты, либо специальный документ «Дневник интервьюера». Организационная простота метода наблюдения обеспечивает его популярность в пробных исследованиях. Однако результаты будут более надежными, если наблюдение будет стандартизированным, т. е. основанным на детально разработанной программе наблюдения. Это означает, что наблюдению должны предшествовать логический анализ вопросника и выделение конкретных методических характеристик, которые требуют особенно внимательного изучения. Если же наблюдение ведется в нестандартизированном варианте, то оно позволяет фиксировать лишь наиболее грубые нарушения в конструкции анкеты, т. е. такие методические просчеты, которые вызывают очевидные, визуально наблюдаемые смещения при формировании ответов респондентов или при организации ситуации опроса.

Методы получения данных о качестве методики опроса применяются в различных сочетаниях в зависимости от конкретных условий, исследовательских задач и возможностей исследовательского коллектива.

Одна из эффективных разновидностей пилотажного опроса состоит в том, что для заполнения анкет приглашается группа из 3—4 респондентов и обсуждение анкеты начинается по мере ее заполнения. Задача интервьюера в этом случае — «спровоцировать» критическое обсуждение всех аспектов вопросника, выявить весь спектр возможных разногласий в интерпретации формулировок вопросов и отдельных терминов.

Пилотажные исследования — обязательный этап разработки методики опроса, так же как и любой другой методики сбора данных.

Отбор и подготовка интервьюеров. Исследовательские социологические центры, как правило, создают свой штат интервьюеров. Если область интересов такого центра ограничивается одним городом, то интервьюеры рекрутируются из числа его

жителей, если же центр проводит опросы по всей стране или отдельному региону страны, то требуется содержать штат интервьюеров в нескольких населенных пунктах. В последнем случае обычно группы интервьюеров набираются в населенных пунктах, которые входят во всероссийскую или региональную выборку.

В большинстве случаев подбор интервьюеров осуществляется чисто эмпирическим путем, хотя в литературе можно найти множество рекомендаций, какие качества желательны для успешной работы. Вот некоторые из них.

Интервьюер должен быть общительным человеком, для которого вступление в контакт и беседа с незнакомым человеком не связаны с психологическими перегрузками. Интервьюер должен обладать определенным жизненным опытом, как правило, высшим образованием, достаточно высоким уровнем культурного развития, необходимыми для того, чтобы найти верный тон и стиль общения с людьми различного возраста, образовательного уровня, культурных традиций и воспитания. Он должен уметь запомнить и исполнить многочисленные условия и инструкции к исследованию в целом и вопроснику в частности. Ну и, конечно, он должен быть абсолютно честным по отношению к выполняемой работе.

Для интервьюера важна некоторая психологическая подготовка: умение заинтересовать собеседника темой опроса, слушать ответы респондента заинтересованно, доброжелательно, но вовремя исправлять отклонения от предмета интервью в область воспоминаний и ассоциаций; быть сдержанным в проявлении эмоций, а также не высказывать несогласия или солидарности с ответами респондентов.

Опыт показывает, что наибольшие затруднения в работе интервьюерами испытывают студенты младших курсов вузов, выпускники средних школ, учащиеся техникумов, т. е. группы с недостаточным жизненным опытом и навыками общения в различных социальных слоях. Пенсионерам часто трудно справиться с работой интервьюера по состоянию здоровья, кроме того, авторитет их возраста и жизненного опыта оказывается фактором, препятствующим искренности более молодых респондентов. По социально-демографическим признакам наиболее благоприятными для работы интервьюера являются при необходимых психологических характеристиках средний воз-

раст и высшее или среднее специальное образование. В условиях нынешней криминогенной обстановки в России женщины-интервьюеры пользуются большим доверием, чем мужчины, у всех групп респондентов.

Обучение, тренинг интервьюеров происходит в два этапа. Первоначальное обучение при наборе интервьюеров на работу включает рассказ о социологических исследованиях в целом, о видах опросов, выборке, правилах общения с людьми в процессе поиска респондента, видах вопросов и том, как их следует задавать. Обучение обязательно должно включать практический тренинг в виде реальных интервью.

Подготовка к конкретному исследованию состоит из рассказа о его целях и задачах, особенностях методики исследования, в котором им предстоит участвовать, разбор всех элементов методики и разъяснение вопросника. Каждый интервьюер получает полный комплект документов, подробно знакомится с ним и выясняет все возникающие вопросы.

На занятиях с интервьюерами следует провести обучающее интервью и затем каждый из них делает несколько пробных интервью. Для этого слушатели могут разделиться на пары и провести учебные интервью, меняясь ролями респондента и интервьюера, для того чтобы освоить технику заполнения конкретной анкеты. Другие формы обучения: проведение «показательного интервью» инструктором с одним из слушателей или просмотр видеозаписи интервью с последующим разбором ситуации. Полезны также разборы практики в первые два-три дня опроса, когда интервьюеры делятся впечатлениями о проведенных интервью и вместе анализируют встретившиеся в практике ситуации.

После проведения исследования и окончания этапа контроля за работой интервьюеров каждому из них полезно подготовить резюме с замечаниями и разбором всех допущенных ошибок.

Контроль. Одним из центральных факторов, гарантирующих качество собираемой в социологическом исследовании информации, является система контроля за всеми моментами работы интервьюеров. Вопросы контроля в социологическом исследовании должны быть отработаны не хуже, чем на современном заводе по производству сверхточного оборудования. Это означает, в первую очередь, что сама методика полевого исследования должна быть разработана таким образом, чтобы она позволяла контролировать все ключевые ее моменты. Это прежде всего:

- возможность проконтролировать правильность отбора интервьюерами респондентов;
- следование инструкции по работе с вопросником;
- правильность чтения вопросов анкеты (если это интервью) и записи ответов.

Контроль обычно включает следующие этапы:

- прямой контроль работы интервьюера;
- анализ документов, где интервьюер фиксирует процедуру отбора респондента, в частности рассчитывается число отказов у данного интервьюера от интервью и другие показатели, характеризующие его эффективность;
- анализ вопросников данного интервьюера на пропуски вопросов, правильность использования фильтров, других особенностей вопросников;
- анализ записей ответов на открытые вопросы (нет ли систематической схожести записей);
- после ввода данных в компьютер проверка распределения длительности интервью в сравнении со средним по выборке; проверка интервала между концом одного и началом другого интервью.

При обнаружении несоответствий подлежит частичной или полной проверке работа данного интервьюера.

Прямой контроль обычно состоит в выборочном повторном опросе респондентов (лично или по телефону), с которыми было проведено интервью или анкетирование. Контролеры-интервьюеры выясняют: был ли интервьюер по данному адресу (проверка на полную фальсификацию данных); правильно ли провел отбор респондента из тех, кто проживает в квартире; состоялась ли беседа с отобранным по выборке человеком; задают повторно респонденту ключевые вопросы (желательно фактологического типа) из различных разделов вопросника (выясняется, полностью ли был задан вопросник); спрашивают респондента о впечатлении, которое произвел на него интервьюер. Иногда, если позволяет время, посещение контролеров заменяется рассылкой почтовых контрольных анкет, содержащих примерно тот же круг вопросов. По данным контрольных проверок опираются или исключаются интервьюеры, выбраковываются ненадежные группы анкет.

Важным аспектом, детерминирующим качество работы интервьюеров и анкетеров, является система оплаты. Речь идет не только о величине вознаграждения за труд, но и о структуре этого вознаграждения.

§ 4. Эксперимент

В этом параграфе речь пойдет об исследовательском методе, который наиболее часто ассоциируется с естественными науками. Мы собираемся рассмотреть здесь эксперимент как модель научного наблюдения. В самом общем виде эксперимент включает два этапа: экспериментальное воздействие и наблюдение за последствиями такого воздействия. Простейшим примером такого экспериментального воздействия может служить реклама того или иного товара, когда публикуется сообщение о рекламируемом товаре и регистрируется изменение поведения населения, которое, как предполагается, будет выражаться в изменении спроса на этот товар. Аналогичный пример — предвыборная кампания кандидата в президенты.

Классическая модель эксперимента. Модель эксперимента можно свести к изучению воздействия независимой переменной (выступление кандидата в президенты) на зависимую переменную (голосование человека на выборах). Целью же эксперимента является проверка гипотезы о наличии или отсутствии влияния независимой переменной на зависимую. Классическая модель эксперимента представлена в таблице 20.1. Группу 1, на которую будет оказано экспериментальное воздействие, называют экспериментальной; группу 2, на которую не будет оказано никакого экспериментального воздействия, называют контрольной группой. В реальном эксперименте эти две группы стараются подобрать как можно более похожими друг на друга.

Таблица 20.1

Момент времени 1	Момент 2	Момент 3	Момент 4
Подбор групп участников			
Группа 1	Фиксация состояния 1 (B1)	Экспериментальное воздействие — X	Фиксация состояния 2 (B2)
Группа 2	Фиксация состояния 1 (B3)	Нет экспериментального воздействия	Фиксация состояния 2 (B4)

После воздействия на группу 1 экспериментальным фактором X проводится сравнение изменений в экспериментальной и контрольной группе:

$B_1 - B_2 = I_j$ (изменение в экспериментальной группе);

$B_3 - B_4 = I_k$ (изменение в контрольной группе).

Если будут обнаружены значимые различия между I_j и I_k в серии последовательных экспериментов, то предполагается, что причина их — влияние экспериментального воздействия X .

Принципиальное значение в такой модели имеет вопрос о подборе экспериментальной и контрольной групп. Основная задача исследователя — достичь до эксперимента максимального подобия (идентичности достичь невозможно) этих двух групп. Термин «подобие» понимается здесь в статистическом смысле, т. е. единицы генеральной совокупности, из которых подбираются группы, должны иметь одинаковые шансы попасть и в группу 1, и в группу 2. Подобный процесс подбора часто называют рандомизацией. Рандомизация преследует цель исключить систематические смещения и ошибки, могущие возникнуть при экспериментальном воздействии на неэквивалентные группы.

Простейший пример рандомизации: из некоторой генеральной совокупности, на которую в дальнейшем предполагается распространить выводы эксперимента, случайно отбирается некое число объектов (например, людей). Эти объекты пронумеровываются в некотором порядке, а затем объекты с четными номерами объявляются экспериментальной, а с нечетными — контрольной группой.

Выше была описана классическая модель эксперимента. Существуют многочисленные модификации ее, возникшие из специфики решаемой исследователем задачи¹.

Проблема внутренней и внешней обоснованности. Проблема внутренней обоснованности означает наличие вероятности того, что выводы, которые исследователь делает на основе экспериментальных результатов, могут не отражать суть происходившего во время самого эксперимента. Д. Кэмпбелл и Дж. Стенли выделяют несколько источников этой проблемы².

¹ См. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., 1980

² См. Campbell D., Stanley J. Experimental and Quasi-Experimental Designs for Research. Chicago, 1963

Вот лишь некоторые из них: влияние событий в прошлом на результаты эксперимента; изменение самих участников эксперимента в процессе эксперимента; влияние процесса тестирования и повторения тестирования на поведение людей; влияние инструмента, используемого в процессе эксперимента, включая и самого экспериментатора; несопоставимость экспериментальной и контрольной групп.

Внешняя обоснованность относится к возможности обобщения, распространения выводов эксперимента на реальные объекты. Даже если наши результаты внутренне обоснованы, то можно ли перенести выводы, полученные на экспериментальных группах, на реальные социальные объекты и процессы? К сожалению, существует много примеров, когда результаты экспериментов оказываются неприемлемыми вовсе или приемлемыми не в полной мере для изучаемого феномена.

Объект социологического исследования обладает рядом существенных особенностей по сравнению с объектами физического мира. Так, если в естественно-научном эксперименте воздействие на объект, как правило, ограничено временными рамками самого эксперимента, то для социального объекта это весьма важное условие локализации воздействия во времени не выполняется. Социальный объект обладает памятью, аккумулирующей действие причинных переменных за весьма длительные промежутки времени, что сильно ограничивает возможности контроля над воздействием на объект, а тем самым и возможности социального эксперимента. Другая особенность, на которую уже обращалось внимание в других главах этой книги, — качественно более высокий уровень сложности причинной зависимости социальных явлений, который (уровень) выражается прежде всего в существенно более высоком, чем в естественно-научном эксперименте, числе подлежащих учету переменных. Иными словами, пространство детерминации в социальном эксперименте многомерно, что крайне усложняет задачу выделения причинных зависимостей в «чистом виде», а следовательно, и постановку задачи эксперимента.

Как мы знаем, особенностью функционирования социальных объектов являются целостность, системный характер зависимостей. Это означает, что отдельные элементы социальной организации и отдельные факторы существуют и функционируют не независимо от других, а находятся в самой непосредственной связи с особенностями социальной организации в целом. Отдельные

элементы и факторы связаны между собой чаще всего не прямо, а опосредованно — через социальный объект в целом, через высший уровень его организации. Действие каждого отдельного фактора преломляется через этот высший уровень, и потому результат его действия зависит от общего состояния социального объекта и от множества определяющих его факторов.

Кроме того, воздействие независимой переменной может привести не к отдельным изменениям, которые легко зарегистрировать и характер зависимости которых проследить тоже не трудно, а таким многообразным, комплексным, всесторонним изменениям объекта, в которых трудно разобраться. Изменения эти, безусловно, не относятся исключительно к данному фактору, а объясняются также и спецификой внутренних, скрытых, потенциальных особенностей состояния социального объекта, которые данный фактор лишь привел в действие.

Лабораторный эксперимент предполагает, что исследователь создает искусственную среду (лаборатория) для его проведения, это позволяет ему более тщательно контролировать среду, в которую погружены изучаемые группы. Искусственность среды заключается в том, что объект наблюдения переносится из своей обычной среды в обстановку, которая помогает добиться высокой степени точности в наблюдении за его проведением. В социологии одна из наиболее трудных проблем, связанных с лабораторным экспериментом, относится к внешней обоснованности результатов эксперимента.

Для **полевого эксперимента** характерна максимально естественная ситуация — учебный класс, производственная среда.

Под **естественным экспериментом** понимается такой эксперимент, в котором исследователь заранее не выбирает и не подготавливает независимую переменную, не воздействует ею на экспериментальную группу. Исследователь отводит себе роль наблюдателя и фиксатора процессов, самостоятельно происходящих в изучаемой сфере жизни.

§ 5. Специализированные методики в социологических исследованиях

Социологическая наука в процессе своего развития выработала и/или адаптировала значительное количество методов и подходов к изучению различных сторон социальной реальности. Так,

описанная выше методика выборочных массовых опросов населения при сохранении общих принципов специфически преломляется в изучении различных социальных объектов — семьи, производственной организации, потребительского поведения населения и т. д. Проблема изучения функционирования малых групп (производственных, дружеских) породила социометрические методики анализа лидерства и межличностных связей. Выработаны и более специфические подходы к изучению некоторых аспектов социальных явлений. Некоторые из этих методик достаточно подробно описаны в большом количестве публикаций (как, например, социометрическая методика)¹, другие — нет.

5.1. Фокус-группы

В предыдущих параграфах были рассмотрены методики получения информации в ходе интервью с одним человеком. При проведении стандартизованного интервью полученная в массовом опросе информация имеет характер количественных данных о больших совокупностях людей. В случае с нестандартизованным интервью речь в основном идет о получении качественной глубинной информации от одного или нескольких представителей некоторой социальной или культурной группы.

Методика интервью с одним человеком предполагает, что, во-первых, респондент действительно имеет некоторое мнение, действительно относится каким-то образом к тому или иному событию или явлению; во-вторых, что индивид формирует свое мнение в изоляции от себе подобных.

Методика фокус-групп также представляет собой нестандартизованное интервью, но проводится не с одним человеком, а одновременно с группой людей, сходных по ряду некоторых социальных характеристик. В то же время методика проведения фокус-группы принципиально отличается, например, от работы учителя в классе, когда учитель задает вопросы, а ученики по очереди на них отвечают. Использование эффекта группового взаимодействия во время обсуждения темы придает этому виду «группового» интервью качественно новые черты и иные возможности.

¹ См.: Рабочая книга социолога. Гл. 6, § 4. М., 1977.

Если группа составлена из экспертов в определенной области, то говорят о «мозговом штурме», дельфийском методе и т. п. Главная задача в этом случае состоит в генерации за счет группового взаимодействия экспертов спектра идей, возможных решений интересующей проблемы.

Термин «фокус-группа» (или реже «дискуссионная группа») используют, как правило, применительно к группе, составленной из «обычных» людей. В этом случае исследователя интересует не столько возможность генерирования новых идей, выработки согласованного мнения, сколько поиск объяснения поведения (социального, политического, потребительского и т. д.) или отношения конкретных социальных групп к тем или иным процессам и явлениям.

Методика проведения фокус-групп сводится к проведению интервью в форме обсуждения по заранее подготовленному сценарию (вопроснику, плану) предлагаемых вопросов с небольшой группой людей.

Рассмотрим каждый из элементов этой методики немного подробнее.

Нижняя граница для количества участников группы определяется в основном тем, что трудно поддерживать обсуждение предлагаемого вопроса при небольшом количестве участников. При малом их числе (обычно менее 4 человек) обсуждение быстро затухает. При большом числе участники не получают достаточно возможностей для выражения своего мнения и начинают взаимодействовать не со всей группой, а с ее частью, и в группе начинается дефрагментация, т. е. ее распадение на несколько частей. Поэтому группы редко превышают 10 человек. Наиболее часто фокус-группа состоит из 8 человек.

Основным методическим требованием к составу группы является ее социальная однородность. Смысл однородности сводится к тому, что члены группы не должны оказывать на других какое-либо специфическое давление, например, тем, что участник принадлежит к группе со значительно более высокими доходами, обладает более высоким социальным статусом или значительно большими знаниями по теме обсуждения. В большинстве случаев группы подбирают из незнакомых друг другу людей примерно одинакового возраста, одного пола, из одной доходной страты. К этому могут быть

добавлены другие критерии в зависимости от обсуждаемого предмета. Скажем, при обсуждении проблем страховой медицины полезно выделить группы людей, которые пользуются в основном услугами только районных поликлиник, только платных поликлиник и т. д.

Человека, который ведет работу группы, называют модератором, тем самым подчеркивая его специфические функции и их отличие от функций интервьюера. Роль модератора можно сравнить с ролью дирижера в оркестре — он управляет ходом дискуссии, ведет ее в соответствии с подготовленным исследователем сценарием. Модератор задает вопросы, уточняет полученные ответы, стимулирует к разговору малоактивных участников и притормаживает наиболее говорливых. В этой связи к модератору предъявляется много требований с точки зрения его навыков. Важнейшие специфические требования к нему: понимание и умение работать с разного типа малыми группами — пассивными и говорливыми, систематически уходящими от предмета обсуждения, с явным лидером и без него; умение слушать людей и ненавязчиво направлять их в нужное русло, улавливать важные с точки зрения целей исследования отдельные моменты и стимулировать их последующее обсуждение. Главная задача модератора — организовать свободное обсуждение интересующих его вопросов в непринужденной и дружественной обстановке в обществе равных, ничем не обязанных друг другу людей. Сам модератор не должен участвовать в обсуждении, и его вопросы не должны нести оценочного характера.

Скажем несколько слов о **сценарии обсуждения**. Как и во всяком исследовании, подготовка сценария предваряется детальной концептуализацией проблемы и ее операционализацией в терминах некоторых программных вопросов. Обычно сценарий для фокус-групп включает около 10 основных вопросов и некоторую серию подвопросов. Обсуждение этих вопросов в фокус-группе может длиться несколько часов, хотя обычно фокус-группы длятся 1,5—2,5 часа.

Примеры применения фокус-групп.

1. Фокус-группа может служить вспомогательным методическим средством эффективного конструирования и апробации вопросников для дальнейшего использования в стандарти-

зованном интервью. Обсуждение предмета изучения, особенно в прикладных исследованиях, позволяет выявить весь спектр возможных ситуаций и апробировать возможные формулировки вопросов. Например, при изучении электорального поведения населения фокус-группы с участниками, представляющими различные слои населения, позволяют построить на эмпирическом уровне типологию такого поведения, выявить спектр мотивов участия и неучастия в голосовании и т. д. Вопросник, построенный на основе подобной информации, как правило, содержит меньше просчетов, связанных с «кабинетным» принципом поиска подходящих вопросов, позволяет избежать множества претестов вопросника. Этот подход часто применяется в сравнительных исследованиях, когда надо адаптировать имеющуюся методику к новым культурным условиям.

2. Фокус-группа используется при изучении влияния средств массовой информации (предвыборной кампании кандидата или рекламной кампании) на отдельные группы населения. В этих случаях исследовательская стратегия может включать три этапа: предварительное измерение с помощью вопросника отношения членов группы к рассматриваемым явлениям, объяснение экспертом сути программы депутата или показ рекламного ролика о рекламируемом продукте, обсуждение проблемы группой, вторичное измерение (с помощью вопросника или теста) результатов воздействия на группу.

3. Важную роль фокус-группа может сыграть в оценке новых программ. Например, в одном из недавних наших исследований возникла задача оценки программы медицинского страхования, объявленной правительством. Для оценки этой программы было проведено несколько фокус-групп с участниками, представляющими различные социальные слои населения. Результаты позволили более ясно понять преимущества и недостатки, связанные с этим нововведением.

Примеры можно продолжить и дальше, но основное преимущество, связанное с использованием методики фокус-групп, можно свести к следующим моментам:

а) фокус-группа позволяет создать более естественную обстановку, в которой человек вырабатывает мнение и принимает решения;

б) в отличие от глубинных интервью с одним респондентом, фокус-группы при тех же временных затратах охватывают большую совокупность людей;

в) в отличие от стандартизованного интервью, в этом типе модератор может уточнить и попытаться понять смысл любого из ответов респондентов;

г) результаты фокус-групп, как правило, наглядны и легко понимаемы потребителем информации (в отличие, например, от таблиц распределений, результатов факторного анализа);

д) результаты исследования могут быть получены довольно быстро;

е) стоимость групп относительно низка по сравнению с массовыми опросами населения.

5.2. Методика анализа бюджетов времени населения

Изучение структуры затрат времени различных социальных групп населения позволяет получить весьма богатую информацию о формах поведения людей, стиле их жизни (см. табл. 20 2¹).

При изучении бюджетов времени исследователь пытается зафиксировать реальную жизнь человека в виде последовательности актов его поведения в течение определенного периода времени — одних или нескольких суток, недель и т. д. В отличие от большинства других, методика получения данных о бюджетах времени при всем разнообразии подходов достаточно стандартизирована и включает следующие показатели: интервал времени, в который случилось то или иное событие; наименование события, место протекания события, социальный контекст события, вторичные виды деятельности человека в момент основного события.

Наиболее часто используемая методика сбора информации представляет собой дневник (см. табл. 20.3).

Респондент сам или интервьюер со слов респондента заполняет этот дневник за прошедший день, припоминая все события с 0 часов до 24 часов. Респондента просят вспомнить все детали прошедшего дня с точностью до 15 минут.

¹ См. *Robinson J, Andreyenkov V, Patrushev V The Rhythm of Everyday Life How Soviet and American Citizens Use Time* Boulder, 1989, Население г. Пскова, 18 лет и старше, репрезентативная выборка

Таблица 20.2

Динамика использования времени мужчинами и женщинами в 1986 и 1995 гг. в г. Пскове (в часах в неделю)

Типы деятельности	Мужчины						Женщины					
	неработающие		работающие		в целом		неработающие		работающие		в целом	
	1986	1995	1986	1995	1986	1995	1986	1995	1986	1995	1986	1995
Объем выборки	78	60	797	115	875	175	250	144	1056	168	1306	312
Работа	5.0	8.2	43.4	41.7	39.8	30.0	0.4	4.0	39.9	34.4	32.2	19.8
Вторая работа	0	0.1	0.1	0.1	0.1	1.0	0.1	0	0.2	0	0.2	0
Время на работе, не связанное с работой	0.9	1.3	4.8	4.1	4.4	4.0	0.4	0.5	3.9	4.0	3.2	3.2
Передвижение на работу	1.0	1.5	5.2	5.0	4.8	3.5	0.1	0.4	4.2	4.0	3.4	2.3
Итого — время, связанное с работой	7.0	11.0	53.5	51.0	49.2	38.5	1.0	4.9	48.0	42.5	39.1	25.4
Домашняя работа	12.7	19.1	7.2	10.8	7.7	13.5	24.3	26.8	16.0	18.5	17.6	22.2
Затраты времени, связанные с семьей	10.6	16.4	7.9	8.1	8.2	10.9	19.6	18.8	11.1	13.0	12.2	14.8
Личные нужды	75.4	74.8	64.8	68.8	65.8	70.4	72.1	75.3	66.4	68.9	67.8	71.0
Свободное время, в том числе	62.3	46.7	34.5	29.1	37.1	34.7	51.0	42.1	26.5	25.0	31.3	34.6
Образование	13.3	0	0.7	1.0	1.9	0.8	8.2	1.4	0.8	0.5	2.2	1.0
Добровольная работа в организациях	0.6	0.1	1.2	0	1.1	*	0.6	0.1	0.7	0.1	0.7	0.1
Слушание радио	0.6	0.7	0.2	*	0.3	*	0.1	*	0.1	0	0.1	*
Просмотр телепередач	15.9	19.2	14.5	12.6	14.6	14.7	13.6	13.5	10.7	10.6	11.2	11.8
Чтение	9.8	4.5	5.8	3.1	6.1	3.6	6.1	3.8	3.5	2.2	4.0	3.0
Социальная жизнь	3.8	7.9	2.6	5.4	2.7	6.2	4.0	8.3	2.1	4.2	2.5	8.0
Общение	2.0	3.6	1.2	0.8	1.3	1.8	2.3	3.0	1.3	0.9	1.5	1.7
Передвижения, связанные со свободным временем	4.1	2.8	1.5	0.5	1.7	1.3	4.2	1.4	1.4	0.4	1.9	0.8
Спорт	1.5	0.2	1.8	0.5	1.8	0.5	0.3	0.1	0.6	0.1	0.5	0.2
Другие формы свободного времени	2.3	1.3	0.8	0.5	0.9	0.8	5.7	5.5	2.3	1.6	2.9	3.4
Театр и прочее	2.6	0.8	0.9	0.3	1.1	0.5	0.6	*	0.6	*	0.6	*
Отдых	6.1	5.5	3.4	4.4	5.4	4.8	5.4	5.2	2.4	4.3	3.0	4.6

* — величина менее 0,1 ч

Таблица 20.3

Пример бланка дневника

Время суток (часы и минуты)	Что Вы делали в это время	Что Вы еще делали в то же самое время (ничего, беседовал, читал, слушал радио, смотрел телевизор и т.д.)	Кто был с Вами при этом (один, муж, жена, дети, родственники, знакомые, незнакомые люди и т.д.)	Где Вы были в это время (дома, на работе, на улице, в чужом доме и т.д.)	Место для кодировки (заполняется при кодировке)

Из этой схемы легко представить те проблемы, которые стараются преодолеть исследователи в своих попытках поднять уровень надежности получаемой информации. Влияние дня недели на виды деятельности пытаются учесть путем равномерного распределения всего объема выборки по дням недели. Влияние времени года учитывают путем проведения нескольких опросов, например каждый сезон. Весьма существенным фактором, снижающим надежность данных, является память респондента. В связи с этим предложено и опробовано большое число вариантов описанной выше методики¹.

В таблице 20.4 представлен перечень основных видов деятельности, осуществляемых человеком, который используется исследователями для их кодирования. Этот перечень может быть уточнен или расширен в соответствии с целями исследования. Так, если нас особо интересует, сколько времени тратят различные возрастные группы людей на компьютерные игры, следует особо выделить эти и связанные с ними виды деятельности в инструкции интервьюеру².

¹ Time, Goods and Well-Being / Ed. F. T. Jaster, F. P. Stafford. Michigan, 1985, Time for Life The Surprising Ways Americans Use Their Time / Ed J. Robinson and G. Godbey. Pennsylvania, 1997.

² Андреевков В. Г., Патрушев В. Д. Показатели использования времени жителями города. М., 1987. Вып. 1—2.

Таблица 20 4

**Примерный перечень видов деятельности, осуществляемых
людьми в их повседневной жизни**

Группы видов деятельности	Виды деятельности
Оплачиваемая работа	Работа на предприятии (учреждении), на дому, сверхурочная работа, индивидуальная трудовая деятельность, дополнительная оплачиваемая работа (по совместительству в другой организации, платные услуги другими лицами и организациями — ремонт, торговля на улице или базаре и др.), простой во время работы, регламентированные перерывы на отдых в течение рабочего дня и т. д.
Виды деятельности, связанные с оплачиваемой работой	Ходьба до остановки транспорта, ожидание транспорта, поездка, ходьба, передвижение на работу и обратно, получение задания (наряда), уход за собой до и после работы, питание в обеденный перерыв (ходьба, ожидание в очереди, прием пищи), отдых и т. д.
Работа в домашнем хозяйстве	Растопка печи, заготовка дров, ремонт квартиры, дома, инвентаря и бытовых приборов, ремонт (самостоятельный) личного транспорта (автомобиля, мотоцикла, велосипеда), шитье и вязание, уход за бельем, одеждой, обувью и их ремонт, приготовление пищи (кроме специально для детей дошкольного возраста), стирка и глажение белья (кроме специально для детей дошкольного возраста), мойка посуды, уборка со стола.
Покупки и пользование услугами	Покупка промышленных товаров и продуктов питания в магазине, на рынке, посещение мастерских, прачечных, ателье, почты, банков, парикмахерских, бань, аптек, поликлиник (кроме детских) и т. д., передвижение к этим учреждениям.
Уход за детьми и их воспитание	Проверка домашних заданий школьников и помощь в их выполнении, посещение школ и детских дошкольных учреждений, посещение детских поликлиник, чтение, беседы с детьми, гигиенический уход, приготовление пищи (специально для детей дошкольного возраста), стирка и глажение белья (специально для детей дошкольного возраста), посещение молочной кухни, передвижения.
Учеба	Занятия в учебных заведениях очных, вечерних, заочных, на курсах повышения квалификации, слушание лекции, докладов, самостоятельная работа, подготовка к учебным занятиям, чтение научной литературы и т. д., передвижения, связанные с учебной работой.
Общественная работа	Выполнение различных поручений общественных организаций, участие в собраниях, совещаниях, комиссиях, митингах, субботниках и т. д., передвижения, связанные с общественной деятельностью.

Окончание таблицы 20 4

Группы видов деятельности	Виды деятельности
Отдых и развлечения	Посещение кино, спортивных зрелищ, театров, выставок, залов игровых автоматов и др., чтение художественной литературы, газет, слушание радио, просмотр телепередач, вечеринки и танцы, рестораны, прогулки, посещение и прием друзей и знакомых, разговоры по телефону, ведение личной переписки, настольные игры, слушание и просмотр магнитофонных записей, пассивный отдых (лежание, курение и др.), передвижения, связанные с развлечениями
Любительские занятия	Занятия рационализацией и изобретательством, фотографии, художественным вязанием, шитье, изготовление предметов домашнего обихода, коллекционирование, литературное и художественное творчество, занятие музыкой, пение и т. д., соответствующие передвижения
Физкультура и спорт	Зарядка, самостоятельные занятия спортом (бег, лыжные прогулки, плавание, гребля и т. д.), участие в спортивных играх, занятия в различных спортивных секциях, участие в соревнованиях, туризм, охота, рыбная ловля, экскурсии и т. д., отдых за городом, соответствующие передвижения
Прочие виды	Вызов в военкомат, суд, выполнение религиозных обрядов и др., а также связанные с ними передвижения

Приложение

Социология в России:

Опросы общественного мнения и социальный прогноз

Социологические опросы, опросы общественного мнения, *Poll* и полстер — понятия, которые были известны ранее лишь небольшому кругу специалистов, но теперь они прочно перекочевали из лексикона западных исследователей общественного мнения в словарь отечественных журналистов и не вызывают особого удивления у населения. Последнее десятилетие преобразовало наше общество, преобразовав и социологию. Становление демократии, новых политических институтов и формирование новой политической культуры коренным образом меняют функции общественного мнения и, соответственно, знаний о нем. Новая политическая элита, которая боролась за власть в последние годы, училась учитывать общественное мнение и, надо кон-

статировать, научилась использовать получаемые знания для манипулирования им.

Рейтинги политических лидеров, данные об отношении населения к различным институтам власти, различным планам и решениям властей всех уровней стали достоянием СМИ и их читателей, слушателей и зрителей. Табу на подобную информацию были разрушены обществом, и его субъекты деятельности погрузились в иное информационное пространство. Одновременно в обществе развивались и другие информационные потребности. В целом можно выделить следующие информационные потребности, которые оказали существенное влияние на формирование или адаптирование новых методологических приемов изучения мнения населения.

1. Потребности в информации о политических процессах, происходящих в обществе, политических настроениях и общественном мнении различных социальных, национальных групп населения. Кульминационным моментом политических баталий являются выборы на местном уровне, в высшие законодательные органы страны, выборы президента или референдумы (практически все народы постсоветских стран, и в том числе России, уже принимали участие в нескольких подобных ритуальных действиях демократического общества). Основная задача социологов и политологов в эти моменты сводится к попытке предсказания на основе разнообразных опросов результатов голосования. Конечно, потом надо еще объяснить, почему люди проголосовали именно таким образом и почему ученые ошиблись в своих прогнозах. В этом контексте появились новые названия исследований: предвыборные опросы (проводятся до момента голосования и направлены на долгосрочный прогноз); опросы на выборах (по американской терминологии *exit poll*), направленные на краткосрочный прогноз (на несколько часов вперед)¹; поствыборные опросы, с помо-

¹ Первый *exit poll* был проведен в США на выборах губернатора штата Кентукки в 1967 г. Ворреном Митофски. Это был *exit poll* в современном его понимании и рассматривался тогда как апробация нового подхода к президентским выборам 1968 г. Были попытки проводить подобные исследования и ранее, но их методология сильно отличалась от той, которая применяется в настоящее время, да и попыток было немного.

Таким образом, 1967 г. можно считать началом регулярных *exit poll*, и проводились они под эгидой телевизионной компании CBS. В 1973 г. другая телекомпания NBC начала независимо делать *exit poll*, в 1978 г. такие исследования стали проводить для *The Los Angeles Times*, а в 1980 г. — для ABC.

шью которых в основном пытаются дать детальную картину того, что произошло, и объяснить эти результаты

2 Изучение потребительского поведения населения, предпочтений, отношение к средствам массовой информации, рекламе Основным стимулирующим фактором в данном направлении послужило развитие новых экономических структур и новых экономических отношений

3 Научное объяснение социальных и политических процессов, проверка теорий и гипотез Ситуация быстрой перестройки российского общества, других постсоветских республик и восточноевропейских стран дала уникальную возможность верификации тех или иных теоретических построений Ученые всех стран, особенно советологи (или, по современной терминологии, специалисты по сравнительной политологии) США,

В настоящее время exit poll проводятся в большинстве развитых стран мира — США, Великобритании, Германии, Франции, Мексике и др

В 1993 г на всероссийском референдуме впервые в России и странах бывшего Союза Институт сравнительных социальных исследований совместно с Ворреном Митофски провел первый exit poll Попытка, несмотря на все сложности подобного мероприятия в России и отсутствие для качественного прогноза необходимой исторической информации о голосовании населения, была успешной Предсказание результатов было сделано с высокой точностью Результаты этого и последующих исследований можно найти в работах Реформирование России Мифы и реальность (1989—1994) М, 1994 С 288—292 (Данные выборов 12 декабря 1993 г), *Андреевкова И В* Кто стоит за Думой? Социальная база партий и объединений, принявших участие в выборах в Государственную Думу // Власть 1994 № 1, *Андреевкова Е В* Электорат парламентских выборов — основные мотивы голосования (результаты exit poll) // Политический мониторинг 1999 № 11, *Андреевкова А В* Анализ результатов выборов Президента Российской Федерации 2000 — что сказал нам Exit Poll // Власть 2000 № 5 С 20—26

На Украине первая попытка exit poll была в 1998 г на выборах Верховной Рады и затем повторена в 1999 г на выборах президента Обе попытки представляли собой лишь простой выборочный опрос проголосовавших избирателей на выходе из избирательного участка См *Чурилов И Н, Патоцкая С В* Первый «Exit Poll» на Украине // Социологические исследования 1999 № 10

В 1999 г была сделана попытка проведения exit poll в Казахстане на выборах президента страны Однако попытка получить правдоподобные данные не удалась из-за плохой методологии

Некоторые сведения о методологии exit poll можно найти в работах *Cantril A H* Opinion Connection Polling, Politics, and the Press Washington, 1991 и *Asher H B* Polling and the Public What Every Citizen Should Know Washington, 1988

Великобритании и других стран, постарались не упустить возможности прямого сбора информации о происходящих процессах, что выразилось в массе заказных исследований, проведенных различными опросными центрами России и других стран.

Параллельно с развитием потребностей произошло формирование новой исследовательской инфраструктуры. На фоне депрессии в официальной академической науке происходило формирование новых исследовательских структур. В России следует прежде всего отметить создание Всесоюзного (позднее — Всероссийского) центра изучения общественного мнения. Несколько позднее (в 1989 г.), после появления законов о возможности создания независимых и коммерческих структур, в недрах Академии наук родился Институт сравнительных социальных исследований, ставший далее независимой исследовательской организацией по изучению общественного мнения. Широкую известность приобрели в последние годы «Фонд — общественное мнение» и десятки других опросных фирм и центров. В 1993 г. многие из них объединились в Гильдию исследователей общественного мнения и рынка.

Появление новых центров сопровождалось созданием современной исследовательской инфраструктуры. Здесь следует обратить внимание на несколько моментов. Один из важнейших — это переход от почти или полностью бесплатных исследований к проектам с полным финансированием. Конечно, исследователи и раньше знали, что при наличии денег проводить исследования легче и качество будет лучше. Но лишь с развитием новых экономических отношений появились реально заинтересованные в соответствующей информации люди и социальные институты. Это отразилось на всей методологии исследований.

Выборка. В настоящее время все крупные исследовательские опросные центры обладают возможностями проведения опросов населения на национальном уровне. Основная предпосылка для таких исследований — наличие хорошей выборки. В главе II уже обсуждались различные подходы к ее построению и должна быть ясна нетривиальность задачи разработки модели вероятностной выборки, например, для всероссийских опросов.

Различные центры придерживаются разных моделей. Существует два основных подхода к формированию модели для всей

страны. Первый в качестве первичных единиц отбора рассматривает области (республики), а второй — более мелкие единицы: административные районы и населенные пункты областного/республиканского подчинения. Рассмотрим кратко последний подход, впервые предложенный и использованный Институтом сравнительных социальных исследований.

На первой ступени проводится стратификация территории страны на эконом-географические зоны. На второй ступени в каждой зоне проводится стратификация административных *районов* и городов областного/республиканского подчинения на страты равного объема. Из каждой страты с вероятностью, пропорциональной размеру района/города, отбирается в выборку один район или город. В каждом из районов отбираются случайно конкретные поселения. В городах из списка избирательных участков отбираются случайным образом участки, в которых переписываются все квартиры. Из этой базы адресов, хранящейся в компьютере Института, проводится случайный отбор квартир, где по процедуре Киша отбирается конкретный респондент для опроса.

Эта длинная цепочка приводит к вероятностному отбору человека в выборку. Конечно, нет необходимости каждый раз проделывать эту процедуру заново, так как все ступени выборки, кроме последней, могут служить достаточно длительное время.

Разные опросные центры придерживаются различных традиций. Достаточно часто на последней ступени можно встретить сочетание квотного и маршрутного отборов либо отбор респондентов на основе избирательных списков.

Потребность в оперативных опросах населения породила (а точнее, возродила) множество псевдонаучных — «эвристических» — подходов к отбору респондентов. Один из них — так называемые уличные опросы, когда интервьюер по определенной квоте «на глазок» отбирает респондентов прямо на улице и опрашивает их. Несомненное достоинство подхода — скорость и простота; но несомненный недостаток — отсутствие какой-либо научной базы.

Сеть интервьюеров. Крупные опросные центры изучения общественного мнения проводят опросы достаточно часто — несколько раз в месяц. В этой ситуации стало экономически оправдано создание постоянной сети интервьюеров. В большин-

стве центров принята двухступенчатая система управления такой сетью. В каждом населенном пункте, отобранном в выборку, или в группе населенных пунктов живет и работает менеджер сети. Каждый менеджер управляет работой группы интервьюеров в данной местности.

Сеть интервьюеров является ядром каждой опросной организации, и потому ее работе уделяется основное внимание. Подбор менеджеров, интервьюеров, их обучение, контроль над их работой, совершенствование системы оплаты — важнейшие элементы работы полевого отдела опросного центра, и эта работа никогда не кончается, никогда не наступает успокоение от безупречности работы сети.

Тренды в методике изучения общественного мнения. Метод самозаполнения анкет респондентом отошел на задний план и в профессиональных опросных центрах используется лишь в специальных случаях. Доминирующим стал метод интервью на дому.

Стоимость опроса методом интервью достаточно велика, и сегодня на повестку дня все настойчивее встает вопрос о поисках альтернативных путей. Телефонный опрос видится как кардинальное решение многих проблем, но все еще слабый уровень телефонизации и очень высокая стоимость междугородных переговоров пока не позволяют применить его в полном масштабе. В России — лишь Москва и Санкт-Петербург, на Украине — Киев — приятные исключения из этого правила. Здесь проведение опросов по телефону оправдано и ведется достаточно активно.

Оперативность опроса — другое требование, которое обычно сопутствует опросам общественного мнения. В чисто научных опросах, во многих маркетинговых исследованиях вопросник часто бывает столь сложен, что интервьюер даже при длительной тренировке делает большое количество ошибок. Эти два обстоятельства привели к идее использования портативного компьютера вместо бланка анкеты. В таком случае программа, заложенная в компьютер, отслеживает логику ответов респондента и позволяет использовать очень разветвленные вопросники со многими сценариями ответов. Вместе с тем компьютер по обычным телефонным каналам может передавать введенную информацию в полевой отдел.

Эта чудесная картина новой исследовательской методологии еще ждет своего воплощения. Хотя с технической стороны (портативные компьютеры с малым весом), с точки зрения программного обеспечения (выпускается большое количество программных средств для реализации такого опроса) и методической обоснованности, особых трудностей с реализацией этого подхода нет, с чисто практической точки зрения закупка большого количества компьютеров все еще не оправдывает себя — пока они сравнительно дороги. Кроме того, работа с такой техникой требует достаточно серьезной дополнительной подготовки менеджеров и интервьюеров, в том числе умения печатать. Нельзя не учитывать и фактор высокой криминальной обстановки в стране.

Известными вариантами этого направления технизации опросов служит подход с использованием передвижных автобусов с несколькими компьютерами в салоне, что позволяет, например, исследователям в сельской местности опрашивать респондентов сразу группами в несколько человек.

Конечно, перспективы изучения общественного мнения нельзя связывать только с методической стороной этого вопроса. В то же время совершенствование методики опроса, внедрение технических средств существенным образом сказываются на качестве получаемых данных и тем самым на качестве и точности прогнозов, которые исследователь может делать.

Вопросы для закрепления материала

1. Каковы виды документальных источников информации и как они используются в социологических исследованиях?
2. Перечислите виды опросных методов и дайте сравнительный анализ их достоинств и недостатков.
3. Сравните положительные и отрицательные стороны метода личного интервью и анкетирования методом самозаполнения.
4. Каковы функции метода наблюдения?
5. Назовите виды экспериментальных стратегий исследований.
6. Опишите основные элементы методики фокус-групп и их место в процессе социологического исследования.

7. Раскройте содержание методики изучения бюджетов времени населения.

Литература для дополнительного чтения

Общие монографии по методике

Аванесов В. С. Тесты в социологическом исследовании. М., 1992.

Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1998.

Методы сбора информации в социологических исследованиях / Отв. ред. *В. Г. Андреенков, О. М. Маслова*. М., 1990. Кн. 1, 2.

Нозль Э. Массовые опросы. Введение в методику демокопии. М., 1993.

Рабочая книга социолога / Отв. ред. *Г. В. Осипов*. М., 1977.

Рукавишников В. О., Панинто В. И., Чурилов Н. Н. Опросы населения. М., 1984.

Социология 4М: Методология, методы, математические модели. (Специализированный журнал по методологии и методике.)

Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара, 1995.

Sudman S., Bradburn N. Asking Questions: A Practical Guide to Questionnaire Design. San Francisco, 1983.

Surveying Subjective Phenomena. Russell Sage Foundation. N. Y., 1984. Vol. 1, 2.

Справочники по измерению социальных показателей

Measures of Personality and Social Psychological Attitudes. Vol. 1 / Ed. *J. Robinson et al.* N. Y., 1991.

Measures of Political Attitudes. Vol. 2 / Ed. *J. Robinson et al.* San Diego, 1993.

Tests and Measurements in Child Development: Handbook. Vol. 1, 2 / Ed. *O. Johnson*. San Francisco, 1976.

Women and Women's Issues: A Handbook of Tests and Measures / Ed. *C. Beere*. San Francisco, 1979.

Телефонное интервью и почтовые опросы

Андреенков В. Г., Сотникова Г. Н. Телефонное интервью. М., 1989.

Dillman Don A. Mail and Telephone Survey. N. Y., 1978.

Groves R. M., Kahn R. L. Survey by Telephone. N. Y., 1979.

Telephone Survey Methodology / Eds. *R. M. Groves et al.* N. Y., 1988.

Биографический метод

Биографический метод в социологии: История, методология, практика / Ред. колл. *В. В. Семенова, Е. Ю. Мещеркина*. М., 1993.

Судьбы людей: Россия. XX век. Биографии людей как объект социологического исследования / Отв. ред. *В. В. Семенова, Е. Фотеева*. М., 1996.

Фокус-группы

Богомолова Н. Н., Фоломеева Т. В. Фокус-группы как метод социально-психологического исследования. М., 1997.

Дмитриева Е. Фокус-группы в маркетинге и социологии. М., 1998.

Krueger R. Focus Groups: Practical Guid for Applied Research. L., 1988.

Эксперимент

Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., 1980.

Куприян А. П. Методологические проблемы социального эксперимента. М., 1971.

Методы исследования в психологии: Квазиэксперимент / Под ред. *Т. В. Корниловой*. М., 1998.

Анализ качества данных

Паниотто В. И. Качество социологической информации. Киев, 1986.

Саганенко Г. И. Надежность результатов социологических исследований. Л., 1983.

История развития методов

Социология в России / Под ред. *В. А. Ядова*. М., 1998. Гл. 3.

Jean M. Converse. Survey Research in the United States. Roots & Emergence 1890—1960. Berkeley, 1987.

Глава 21**АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ**

Теперь настало время несколько с другой стороны взглянуть на методы сбора данных, рассмотренные в предыдущей главе. Подходы к построению, например, вопросника можно представить себе как создание инструмента для измерения изучаемых социальных характеристик. Как правило, вопросник в

социологии измеряет много различных характеристик сразу, и нередко каждый отдельный вопрос в анкете предназначен для измерения отдельной социальной характеристики. Результаты этого измерения, представленные в виде цифр, могут обладать различными формально-логическими свойствами, что важно с точки зрения возможностей их дальнейшей обработки.

§ 1. Понятие измерения

Определение измерения. Измерением называется процедура, с помощью которой объекты измерения, рассматриваемые как носители определенных соотношений, отображаются в некоторой математической системе соответствующими отношениями между ее элементами.

В качестве объектов измерения могут выступать люди, производственные коллективы, условия труда и быта и т. д. В отношении, которые моделируются при измерении, объекты выступают как носители определенных социальных характеристик. Так, мы можем рассматривать представителей социальной группы как носителей такой характеристики, как удовлетворенность своей жизнью, и рассматривать отношение равенства между ними, считая каких-то индивидов равными или неравными в зависимости от степени удовлетворенности. Но те же индивиды могут выступать как носители такого свойства, как возраст. Ясно, что и между ними может быть выявлено отношение равенства. Однако индивиды, равные друг другу в первом случае, могут оказаться неравными во втором.

Каждому объекту при измерении приписывается определенный элемент используемой математической системы. В социологии чаще всего используются числовые математические системы, т. е. такие системы, элементами которых являются действительные числа. Однако возможно использование и нечисловых математических систем частично упорядоченных множеств, графов, матриц и т. д.¹

Будем называть **шкалой** тот алгоритм, с помощью которого каждому изучаемому объекту ставится в соответствие некото-

¹ См.: Лазарсфельд П. Ф. Измерение в социологии // Американская социология М., 1972. С. 134—149.

рое число. Приписываемые же объектам числа назовем **шкальными значениями** этих объектов.

Элементы используемых в социологии числовых систем, как правило, нельзя считать полноценными числами. Предположим, что нас интересует отношение порядка между респондентами по их удовлетворенности жизнью в целом. Пусть процесс измерения состоит в следующем. Мы задаем каждому респонденту вопрос: «Удовлетворены ли Вы своей жизнью в целом?» с набором из пяти ответов-альтернатив (от «совершенно не удовлетворен» до «совершенно удовлетворен»). Каждому ответу присвоим соответственно числа от 1 до 5. Ясно, что реальным отношениям между респондентами в таком случае отвечает лишь отношение порядка между числами. В то же время их сложение не имеет эмпирически интерпретируемого смысла. Другими словами, полученные шкальные значения не являются числами в обыденном значении этого понятия.

Встает естественный вопрос: какими известными соотношениями между числами в подобных ситуациях можно пользоваться, чтобы, анализируя шкальные значения, получать содержательные выводы? Для ответа на этот вопрос необходимо в первую очередь четко представить себе характер числовых систем, использующихся в процессе измерения.

Неоднозначность шкальных значений, допустимые преобразования и типы шкал. Единственное требование, которое предъявляется к числам, служащим шкальными значениями, состоит в том, что рассматриваемые эмпирические отношения должны переходить в соответствующие им числовые отношения. Этого требования, как правило, бывает недостаточно для однозначного определения множества шкальных значений. Совокупности величин, полученных по используемым в социологии шкалам, обычно бывают определены лишь с точностью до некоторых преобразований этих величин, называемых допустимыми преобразованиями соответствующих шкал. В соответствии со сложившейся в литературе традицией тип шкалы определяется соответствующим этой шкале множеством допустимых преобразований.

Чтобы пояснить введенные определения, опишем типы наиболее часто использующихся в социологии шкал.

При использовании *шкалы наименований* (номинальной, классификационной) объекты измерения распадаются на множество взаимно исключающих и исчерпывающих классов. Каждому клас-

су дают наименование, числовое обозначение которого является одним из шкальных значений. Шкала наименования получается в том случае, если в качестве моделируемых в процессе измерения эмпирических отношений выступают лишь отношения равенства—неравенства между объектами. Требования, предъявляемые к шкальным значениям, состоят в том, что равным объектам должно соответствовать одно и то же число, а неравным — разные числа. Поэтому номинальная шкала фактически задает некоторую классификацию исходных объектов. Один класс — это совокупность объектов, имеющих одно и то же значение.

Номинальные шкалы можно определить как шкалы, допустимыми преобразованиями которых являются произвольные взаимно однозначные преобразования, т. е. преобразования, сохраняющие отношения равенства и неравенства между числами. Изучаемые эмпирические отношения одинаково хорошо будут отражать, например, следующие совокупности шкальных значений (1, 1, 2, 3, 4) и (15, 15, 14, 13, 12). Каждая из этих совокупностей получена из другой с помощью некоторого однозначного преобразования.

Наиболее типичными примерами характеристик, измеряемых на уровне номинальных шкал, могут служить пол, профессии (продавец магазина, бизнесмен и т. д.), социальное положение (работающий, неработающий).

Порядковая шкала (шкала порядка) получается тогда, когда при осуществлении намерения моделируются не только эмпирические отношения равенства—неравенства между изучаемыми объектами, но и отношения порядка между ними. Порядковая шкала не только задает некоторую классификацию на множестве объектов, но и устанавливает определенный порядок между классами.

Порядковые шкалы можно определить как шкалы, в качестве допустимых преобразований которых выступают произвольные монотонно возрастающие преобразования, при этом монотонно возрастающим называется такое преобразование $g(x)$, которое удовлетворяет условию. если $x_1 < x_2$, то $g(x_1) < g(x_2)$ для любых чисел из области определения $g(x)$. Такие преобразования составляют подсовокупность всех взаимно однозначных преобразований, включающую те из них, которые сохраняют отношение порядка между числами. Примером может служить уже упоминавшаяся шкала удовлетворенности

жизнью со шкальными значениями 1, 2, 3, 4, 5, где 1 означает «совершенно не удовлетворен», а 5 — «совершенно удовлетворен». Однако отношение порядка не изменится, если мы заменим эти шкальные значения на другие числа, например, $-2, -1, 0, +1, +2$.

На практике часто не удается полностью упорядочить объекты изучаемой совокупности относительно той или иной интересующей исследователя характеристики. Зачастую респонденты не могут однозначно выбрать тот или иной ответ, и предполагаемого четкого различия оценок не наблюдается. В этом случае на помощь могут прийти частично упорядоченные шкалы.

Шкальные значения, полученные по порядковой шкале, часто называют рангами.

Интервальные шкалы (шкалы интервалов) получают в том случае, если в процессе измерения мы моделируем не только отношения, присущие порядковымшкалам, но и отношение равенства (или, что одно и то же, порядка) для разностей (интервалов) между изучаемыми объектами. Далеко не всегда в тех случаях, когда удастся построить порядковую шкалу, удастся построить и интервальную. Например, возьмем классификацию рабочих по разрядам. Известно, что первый разряд ниже второго, второй — третьего и т. д. (и это соответствует определенному эмпирическому отношению порядка между респондентами), т. е. разряды отвечают порядковой шкале. Однако сопоставлять дистанции между каждой парой все же нельзя.

Интервальнымшкалам соответствуют положительные линейные преобразования, т. е. такие преобразования, которые наряду с отношениями равенства—неравенства и порядка между числами сохраняют и отношения равенства и порядка между их разностями (или, что то же самое, частного от деления любой такой разности на любую другую) (напомним, что линейным называется преобразование вида $y = ax + b$). Примером совокупности чисел, получающихся друг из друга с помощью положительного линейного преобразования ($y = 3x + 9$), служат совокупности (5, 5, 2, 1, 2) и (24, 24, 15, 12, 15). Нетрудно проверить, что в этих совокупностях отражаются одни и те же отношения равенства—неравенства и порядка как для чисел, так и для интервалов между ними (для первой совокупности $5 - 2 > 2 - 1$, а для соответствующих шкальных значений из второй совокупности $24 - 15 > 15 - 12$). Легко заметить также, что частные от деления величины одного интервала между шкальными значениями

на величину другого не зависят от того, какую из рассматриваемых шкал мы выбираем (так, верно соотношение $(5 - 2)/(2 - 1) = (24 - 15)/(15 - 12) = 3$) Это справедливо для любых интервальных шкал.

Главная трудность при построении интервальных шкал при измерении социальных характеристик состоит в обосновании равенства или разности дистанций между объектами. Пропедевты, позволяющие преобразовывать шкальные значения порядковой шкалы таким образом, что равенство (порядок) расстояний между полученными числами можно будет трактовать как отражение соответствующего равенства (порядка) расстояний между изучаемыми объектами, носят название метризации шкалы (или оцифровки шкальных значений)¹. На практике известно много методов шкалирования, позволяющих получать интервальную шкалу косвенным образом, без отображения указанного отношения непосредственно в процессе измерения (сюда относятся, например, способы построения интервальной шкалы с помощью метода парных сравнений, известные методы шкалирования Терстоуна и т. д.).

Шкалам отношений соответствуют положительные преобразования подобия (преобразования подобия — это преобразования вида $y = ax$), составляющие подсовокупность положительных линейных преобразований, которые не изменяют отношения между числами (под отношением здесь понимается частное от деления одного числа на другое). Шкалу отношений получим, если будем требовать, чтобы в процессе измерения не только отношения между эмпирическими объектами отображались в соответствующих числовых отношениях, но и один и тот же объект отображался в 0. Подобная возможность иногда возникает в социологических исследованиях. Так, при изучении удовлетворенности респондентов своим трудом, вероятно, в качестве объекта имеет смысл выбрать респондента, равнодушного к своей работе. Фиксацию такого нулевого объекта можно рассматривать как задание начала отсчета шкальных значений. Поэтому можно сказать, что шкалы отношений образуют подмножество интервальных шкал, характеризующихся фиксацией начала отсчета. Неоднозначность совокупности шкальных значений, полученных с помощью измерения по шкале отношений, иллюстрируется примером

¹ См : Типология и классификация в социологических исследованиях / Отв. ред. В. Г. Андреевков, Ю. Н. Толстова. М., 1982. Гл. 6.

следующих двух совокупностей, отражающих одни и те же эмпирические отношения равенства—неравенства и порядка как между респондентами, так и между соответствующими интервалами и, кроме того, отвечающих одному и тому же началу отсчета (один и тот же объект (второй) в обоих случаях изображается в 0): (2, 0, -1, 4, 1) и (3, 0, -3/2, 6, 3/2). Легко заметить также, что для обеих совокупностей частные от деления между шкальными значениями любых пар объектов одни и те же ($2 : 4 = 3 : 6$ и т. д.). Ясно, что рассматриваемые совокупности получаются друг из друга с помощью положительного преобразования подобия ($y = 3/2x$).

Шкалы разностей — это шкалы, которым соответствуют преобразования сдвига, т. е. преобразования вида $y = x + b$, где b — произвольное действительное число. Такие преобразования образуют подсовокупность положительных линейных преобразований. Шкалы разностей получаются из интервальных шкал при фиксации единицы измерения. Для большинства социологических шкал трудно задать естественным образом такую единицу (исключение составляют шкалы типа возраст, стаж работы, доход и некоторые другие). Однако шкалу разностей можно получить, например, при отыскании шкальных значений рассматриваемых объектов с помощью некоторых методов парных сравнений.

Социальные характеристики, значения которых получены по порядковой или номинальной шкале, обычно называют качественными. Для получения значений количественных характеристик использовалась шкала, тип которой ниже интервальной шкалы.

В соответствии с имеющейся традицией будем говорить, что две шкалы позволяют достичь одного и того же уровня измерения в случае, если эти шкалы являются шкалами одного типа (т. е. если соответствующие этим шкалам совокупности допустимых преобразований совпадают).

Адекватность математических методов. Одним из основных вопросов, который встает перед исследователем после осуществления измерения, является вопрос о том, какие математические методы он имеет право применять для анализа полученных чисел. Будем называть допустимыми (адекватными) только такие методы, результаты применения которых не зависят от того, по какой из возможных шкал получены исходные данные. Необходимым условием такой независимости является инвариантность этих результатов относительно допустимых преобразований используемых шкал.

Чем уже круг допустимых преобразований, тем большее количество математических соотношений оставляют эти преобразования без изменения. Другими словами, чем выше тип шкалы, чем выше уровень измерения, тем большее количество математических методов можно применять к шкальным значениям, получая при этом интерпретируемые результаты. Рассмотрим некоторые из них.

Ясно, что любую статистику можно использовать в произвольном контексте только в том случае, если ее значение остается инвариантным относительно применения к исходным данным любого допустимого преобразования соответствующей шкалы. Для номинальной шкалы, удовлетворяющей такому условию, средней будет мода, для порядковой шкалы — медиана и другие квантили. Значение среднего арифметического остается без изменения лишь для абсолютных шкал, поэтому обращение к ним требует известной осторожности. Однако можно показать, что сравнивать по величине средние арифметические значения какого-либо признака можно уже в том случае, если исходные данные получены по интервальной шкале (другими словами, результаты такого сравнения не изменяются при применении к исходным данным произвольного положительного линейного преобразования).

Инвариантными относительно допустимых преобразований рассматриваемых шкал являются значения коэффициентов связи, рекомендуемых далее в настоящей главе для соответствующего уровня измерения. Так, значение коэффициента корреляции r не изменяется при применении к исходным данным произвольного положительного линейного преобразования; значения коэффициентов Кендалла τ и Спирмена r_s инвариантны относительно произвольного монотонно возрастающего преобразования входящих в них величин; значения коэффициентов χ^2 , Φ , P , K , T инвариантны относительно произвольного взаимно однозначного преобразования исходных данных.

§ 2. Элементарные понятия статистики

2.1. Группировка наблюдений

Измеряя характеристики объекта, исследователь собирает первичный статистический материал. Дальнейшая его задача состоит в систематизации и обобщении результатов измерения

для выявления характерных, существенных черт тех или иных типов явлений, обнаружения закономерностей изучаемых процессов и проверки гипотез, лежащих в основе исследования. В основе используемых методов обработки полученных материалов исследования лежит предварительное упорядочение первичных данных главным образом при помощи статистической группировки и составления статистических таблиц.

Ряды распределения. Результат группировки единиц наблюдения по какому-либо признаку называется статистическим рядом. Обозначим группировочный признак x . Пусть это будет уровень образования каждого человека в данном списке лиц: 10, 5, 7, 8, 8, 10, 10, 10 (классов). Если отдельные наблюдения расположить в порядке возрастания указанных выше значений признака, то получим так называемый вариационный ряд: 5, 7, 8, 8, 10, 10, 10, 10.

По вариационному ряду количественного признака можно подсчитать, как часто каждое значение этого признака встречается в совокупности. В результате получим частотное распределение для данного признака. Иногда его называют эмпирическим или статистическим распределением.

Для вышеприведенного примера частотное распределение выглядит так:

Отдельные значения признака (x_i)	5	6	7	8	9	10
Частота (n_i)	1	0	1	2	0	4
Объем совокупности (n всего человек)	8					

Условимся каждое отдельное значение признака x обозначать $x_1, x_2, x_3, \dots, x_k$ (в данном примере это 5, 7, 8, 9, 10 классов).

Абсолютное число, показывающее, сколько раз встречается то или иное значение признака x , называется **частотой** и обозначается соответственно $n_1, n_2, n_3, \dots, n_k$.

Относительной частотой (чаще всего выражаемой в процентах) называется доля значений признака в общем числе наблюдений и обозначается $m_1, m_2, m_3, \dots, m_k$.

Группированные данные. Как правило, для последующей статистической обработки или более наглядного представления данных отдельные значения признаков объединяются в группы (интервалы). В этом случае частоты соотносят уже не с каждым отдельным значением признака, как это делалось в предыдущем примере, а с рядом значений, попадающих в определенный интервал.

Например, распределение уровня образования в вышеприведенном примере может быть представлено в виде интервального ряда следующим образом:

Образование (классы)	(5—7)	(8)	(9—10)
Частота	2	2	4

Статистические таблицы. Предусмотренные программой исследования и методикой обработки группировки объектов по каждому из признаков являются основой статистических таблиц, обобщающих исходные данные. По таким таблицам устанавливаются, измеряются и анализируются связи между признаками исследуемой совокупности объектов.

Построение таблицы подчинено определенным правилам. Основное содержание таблицы должно быть отражено в названии: круг рассматриваемых вопросов, географические границы статистической совокупности, время, единицы измерения.

Простые таблицы представляют собой перечень, список отдельных единиц совокупности с количественной (или качественной) характеристикой каждой из них в отдельности. В более сложных таблицах группировка единиц совокупности может осуществляться по нескольким признакам.

Примером последнего типа таблиц может служить таблица 21.1.

Таблица 21.1

**Распределение голосовавших во втором туре выборов
Президента России (3 июля 1996 г.) по полу и возрасту¹**

	Проголосовало за		Против обоих
	Б Ельцина	Г Зюганова	
<i>Пол голосовавших</i>			
мужской	54%	41%	5%
женский	56%	39%	5%
<i>Возраст голосовавших</i>			
18—29 лет	71%	23%	6%
30—44 года	58%	36%	6%
45—59 лет	48%	47%	5%
60 лет и старше	48%	50%	2%

¹ По данным всероссийского Exit Poll (опроса на выходе), проведенного Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) 3 июля 1996 г. Объем выборки — 10 500 человек.

Такая таблица представляет собой нечто гораздо большее, чем простой перечень данных, — она является способом и вместе с тем результатом определенной организации данных. Хорошо сконструированная таблица позволяет исследователю более четко представить и описать смысл и сущность изучаемого явления.

§ 3. Графическая интерпретация эмпирических зависимостей

Частотные распределения изображаются также в виде диаграмм и графиков. Главным достоинством графического изображения является его наглядность.

Круговые диаграммы. Круговые диаграммы (в виде «пирога» или др.) чаще всего применяются для представления качественных характеристик. Например, результаты ответов на вопрос анкеты о религиозной принадлежности наглядно можно представить в следующем виде.

Затрудняюсь ответить 6%

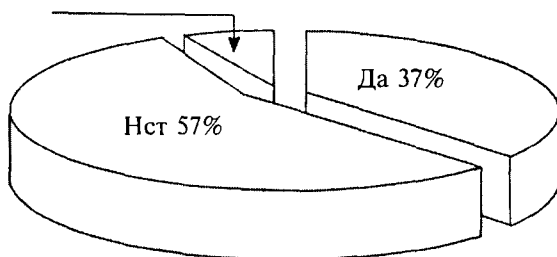

Рис. 21.2. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя последователем какого-либо вероучения или нет?»¹

Эти же данные могут быть представлены и множеством других способов, например в виде столбиковых диаграмм, различных рисунков.

¹ Данные всероссийского опроса «Ценности-96», проведенного ЦЕССИ в марте 1996 г. Репрезентативная выборка населения с 18 лет, объем выборки — 1500 человек.

Полигон и гистограмма. Количественные характеристики графически представляют чаще всего в виде полигона распределения и гистограмм распределения.

Полигон служит для представления неинтервального ряда (рис. 21.3), а гистограмма — это графическое изображение интервального ряда (рис. 21.4).

Рис. 21.3. Полигон распределения ответов на вопрос об удовлетворенности жизнью в целом (10-балльная шкала)¹

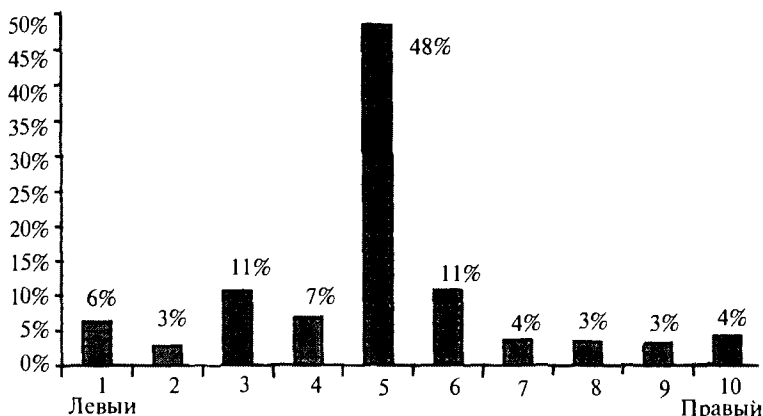

Рис. 21.4. Гистограмма распределения ответов на вопрос о политической ориентации респондента (10-балльная шкала)²

¹ Данные из того же исследования ЦЕССИ (март 1996 г.).

² Данные всероссийского опроса ЦЕССИ, объем выборки — 1000 человек в возрасте 18 лет и более (июнь 1996 г.).

§ 4. Средние величины и характеристики рассеяния значений признака

Оговоримся сразу, что в этой главе речь пойдет о выборочных характеристиках распределения (средней, дисперсии и т. д.).

Группировка и построение частотного распределения — лишь первый этап статистического анализа полученных данных. Следующим шагом обработки является получение некоторых обобщающих характеристик, позволяющих в более компактной форме понять особенности объекта наблюдения. Сюда относится прежде всего среднее значение признака, вокруг которого варьируют остальные его значения, и степень колеблемости рассматриваемого признака. В математической статистике различают несколько видов средних величин: среднее арифметическое, медиана, мода и т. д.; существует также несколько показателей колеблемости (мер рассеяния): вариационный размах, среднее квадратическое отклонение, среднее абсолютное отклонение, дисперсия и т. п.

Среднее значение признака. *Среднее арифметическое* есть частное от деления суммы всех значений признака на их число. Обозначается оно \bar{x} . Формула для вычисления имеет вид:

$$\bar{x} = \frac{x_1 + x_2 + x_3 + \dots + x_n}{n} = \frac{\sum_{i=1}^k x_i}{n},$$

где $x_1, x_2, x_3, \dots, x_n$ — значение признака; n — число наблюдений.

По следующим данным вычислим среднее число газет, читаемых ежедневно людьми, в выборке из 10 человек:

Номер опрошенного i 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Число читаемых газет x_i 3 4 4 5 4 2 4 5 5 3 $\sum_{i=1}^{10} x_i = 39$

По формуле для \bar{x} находим, что $\bar{x} = 39/10 = 3,9$ (газеты).

Если необходимо вычислить среднее для интервального ряда распределения, то в качестве значения признака для каждого интервала условно принимают его середину.

Медианой называется значение характеристики у той единицы совокупности, которая расположена в середине ряда час-

тотного распределения. Если в ряду четное число членов ($2k$), то медиана равна среднему арифметическому из двух срединных значений признака. При нечетном числе членов ($2k + 1$) медианой будет значение признака $i(k + 1)$ объекта.

Предположим, что в выборке из 10 человек респонденты проранжированы по стажу работы в данной организации:

Ранг опрошенного i	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Стаж x_i	15	13	10	9	7	6	5	4	3	1

Срединные ранги — 5 и 6, поэтому медиана равна $(7 + 6)/2 = 6,5$ лет.

Медиана, как уже отмечалось, делит упорядоченный ряд на две равные по численности группы. Наряду с медианой можно рассматривать величины, называемые *квантилями*, которые делят ряд распределения на 4 равные части, на 10 частей и т. д. Квантили, которые делят ряд на 4 равные по объему совокупности, называются *квартлями*.

Процентили делят множество наблюдений на 100 частей с равным числом наблюдений в каждой. *Децили* делят множество наблюдений на десять равных частей.

Модой в статистике называется наиболее часто встречающееся значение признака, т. е. значение, с которым наиболее вероятно можно встретиться в серии зарегистрированных наблюдений.

В дискретном ряду мода (M_0) — это значение с наибольшей частотой.

В интервальном ряду (с равными интервалами) модальным является класс с наибольшим числом наблюдений. Значение моды находится в его пределах и вычисляется по формуле:

$$M_0 = x_0 + \delta \frac{n_{M_0} - n^-}{2n_{M_0} - n^- - n^+},$$

где x_0 — нижняя граница модального интервала; δ — величина интервала; n^- — частота интервала, предшествующего модальному; n_{M_0} — частота модального класса; n^+ — частота интервала, следующего за модальным.

В совокупностях, в которых может быть произведена лишь операция классификации объектов по какому-нибудь качественному признаку, вычисление моды является единственным способом указать некий центр тяжести совокупности.

К недостаткам моды следует отнести следующее: невозможность совершать над ней алгебраические действия; зависимость ее величины от интервала группировки; возможность существования в ряду распределения нескольких модальных значений признака.

Целесообразность использования того или иного типа средней величины зависит по крайней мере от следующих условий: цели усреднения, вида распределения, уровня измерения характеристики, вычислительных соображений. Цель усреднения связана с содержательной трактовкой рассматриваемой задачи. Однако форма распределения может существенно усложнить исследование средних. Если для симметричного распределения мода, медиана и среднее арифметическое тождественны, то для асимметричного распределения это не так. Например, для ряда с открытыми конечными интервалами нельзя вычислить среднее арифметическое, но если распределение близко к симметричному, то можно подсчитать тождественную ему в этом случае медиану.

§ 5. Показатели колеблемости (вариации) значений признаков

Для характеристики рядов распределений недостаточно указать только среднее значение данного признака, поскольку два ряда могут иметь, к примеру, одинаковые средние арифметические, но степень концентрации (или, наоборот, разброса) значений признаков вокруг средней будет совершенно различной. Характеристикой такого разброса служат показатели колеблемости — разности между максимальным и минимальным значениями признака в некоторой совокупности (вариационный размах), а также другие показатели — среднее абсолютное (линейное) отклонение, среднее квадратическое отклонение и т. п.

Дисперсия. Этот показатель вычисляется по формуле:

$$s^2 = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}{n - 1}.$$

Если извлечь корень квадратный из этой величины, то величина s называется *средним квадратическим отклонением*. Гео-

метрически среднее квадратическое отклонение является показателем того, насколько в среднем значения признака отклоняются от своего среднего арифметического.

Среднее абсолютное отклонение как мера вариации представляет собой среднее арифметическое из абсолютных величин отклонений отдельных значений признака от их среднего арифметического и рассчитывается по формуле:

$$\bar{d} = \frac{\sum_{i=1}^n |x_i - \bar{x}| n_i}{n},$$

где $|x_i - \bar{x}|$ означает, что суммируются значения отклонений без учета знака этих отклонений; n — объем совокупности.

Среднее линейное и среднее квадратическое отклонение являются мерами абсолютной колеблемости признака и всегда измеряются в тех же единицах, что и сам признак.

Рассмотренные показатели вариации применимы лишь к количественным признакам, а точнее — к признакам, измеренным не ниже, чем по интервальной шкале. Применение этих мер для номинальных и порядковых признаков, строго говоря, некорректно и требует тщательной интерпретации полученных результатов¹.

§ 6. Статистические взаимосвязи и их анализ

Различают два вида зависимостей: функциональные (примером которых могут служить законы Ньютона в классической физике) и статистические. Закономерности массовых общественных явлений складываются под влиянием множества причин, которые действуют одновременно и взаимосвязанно. Изучение такого рода закономерностей в статистике и называется задачей о статистической зависимости. В этой задаче полезно различать два аспекта: изучение взаимозависимости нескольких величин и изучение зависимости одной или большего числа величин от остальных. В основном первый аспект связан с теорией корреляции (корреляционный анализ), второй — с теорией регрессии (регрессионный анализ). Главное

¹ О некоторых мерах вариации для качественных признаков см.: Рабочая книга социолога. М., 1983. С. 166—167.

внимание в этом параграфе уделено изучению взаимозависимостей нескольких признаков, а основные принципы регрессионного анализа рассмотрены очень кратко.

В основе регрессионного анализа статистической зависимости ряда признаков лежит представление о форме, направлении и тесноте (плотности) взаимосвязи.

Уравнение регрессии. Рассмотрим условный пример использования уравнения регрессии. На основе выборочного обследования были получены данные о том, как связаны стаж работы в организации и заработная плата работника. Эти данные нанесены на график рис. 21.5.

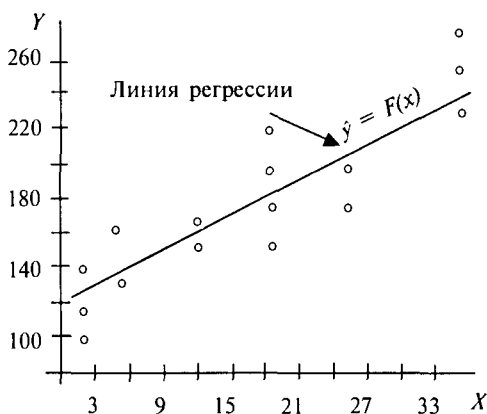

Рис. 21.5. Диаграмма рассеяния для распределения заработной платы и общего стажа работы

По оси X отложен стаж работы, а по оси Y — заработная плата. Каждая точка на рисунке характеризует стаж работы и заработную плату респондента. Видно, что облако точек расположено некоторым закономерным образом, и можно предположить следующую зависимость: с увеличением стажа работы растет и заработная плата. Аналитически эта тенденция может быть описана с помощью уравнения регрессии.

Рассмотрим две величины x и y . Зафиксируем какое-либо значение переменной x , тогда y , как видно из рисунка, принимает целый ряд значений. Обозначим \bar{y} среднюю величину этих значений y при данном фиксированном x . Уравнение, описывающее зависимость средней величины \bar{y}_x от x , называется уравнением регрессии y от x :

$$\bar{y}_x = F(x).$$

Аналогичным образом можно дать геометрическую интерпретацию регрессионному уравнению:

$$\bar{x}_y = F(y).$$

Уравнение регрессии описывает числовое соотношение между величинами, выраженное в виде тенденции к возрастанию (или убыванию) одной переменной величины при возрастании (убывании) другой.

Характер связи взаимодействующих признаков отражается в ее форме. В этом отношении различают линейную и нелинейную регрессии. На рис. 21.6 приведен график нелинейной формы линии регрессии для случая двух переменных величин.

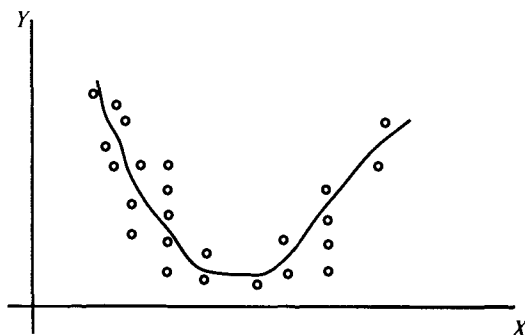

Рис. 21.6. Линия регрессии криволинейной формы

Меры взаимозависимости для интервального уровня измерения. Коэффициент корреляции показывает, насколько плотно облако точек на графике концентрируется около линии регрессии.

Наиболее широко известной мерой связи служит коэффициент корреляции Пирсона r (или, как его иногда называют, «коэффициент корреляции, равный произведению моментов»). Одно из важнейших предположений, на котором покоится использование коэффициента r , состоит в том, что регрессионные уравнения для изучаемых переменных имеют линейную форму, т. е. либо:

$$\hat{y} = \bar{y} + b_1(x - \bar{x}),$$

либо

$$x_y = \bar{x} + b_2(y - \bar{y}),$$

где \bar{y} — среднее арифметическое для переменной y ; \bar{x} — среднее арифметическое для переменной x ; b_1 и b_2 — некоторые коэффициенты.

Поскольку вычисление коэффициента корреляции и коэффициентов регрессии b_1 и b_2 проводится по схожим формулам, то, вычисляя r , получаем сразу же и приближенные регрессионные модели. Линия регрессии, которая «наилучшим» образом соответствует эмпирическим данным, вычисляется с помощью так называемого метода наименьших квадратов, а именно так, чтобы сумма квадратов отклонений каждой точки (на диаграмме разброса) от линии регрессии была минимальной.

Выборочные коэффициенты регрессии и корреляции вычисляются по формулам:

$$b_1 = \frac{s_{xy}}{s_x^2}$$

$$b_2 = \frac{s_{xy}}{s_y^2}$$

$$r = \frac{s_{xy}}{s_x s_y}.$$

Здесь s_x^2 — дисперсия признака x , s_y^2 — дисперсия признака y . Величина s_{xy} называется ковариацией x и y и вычисляется по формуле:

$$s_{xy} = \frac{1}{n} \sum (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y}).$$

Следует отметить, что вопрос о том, какую переменную в каждом случае принимать в качестве зависимой величины, а какую — в качестве независимой, исследователь решает на основе качественного анализа и профессионального опыта. Коэффициент корреляции, по определению, является симметричным показателем связи: $r_{xy} = r_{yx}$. Область возможного изменения коэффициента корреляции r лежит в пределах от $+1$ до -1 .

Множественная регрессия. Ранее было показано, как можно по опытным данным найти зависимость одной переменной от другой, а именно как построить уравнение регрессии вида $y = a + bx$. Если исследователь изучает влияние нескольких переменных x_1, x_2, \dots, x_k на результирующий признак y , то возникает необходимость в умении строить регрессионное уравнение общего вида, т. е.

$$y = a + b_1x_1 + b_2x_2 + \dots + b_kx_k,$$

где a, b_1, b_2, \dots, b_k — постоянные коэффициенты, называемые коэффициентами регрессии

С еще более сложной, но более реалистической задачей мы сталкиваемся, когда исследователь предполагает, что есть набор связанных между собой переменных Y (зависимые переменные) и набор независимых переменных X . Вычисление параметров такой модели рассматривается в теории «причинных» моделей (этот термин часто используется в социологии) или структурных уравнений¹

Корреляционное отношение. Наиболее общим показателем связи при любой форме зависимости между переменными является корреляционное отношение η^2 . Корреляционное отношение $\eta^2_{y/x}$ определяется через отношение межгрупповой дисперсии к общей дисперсии по признаку y

$$\eta^2_{y/x} = \frac{\sigma^2_{\text{межгр}}}{\sigma^2_{\text{общ}}} = \frac{\sum_{i=1}^t n_{y_i} (\bar{y}_i - \bar{y})^2}{\sum_{i=1}^t n_{x_i} (y_i - \bar{y})^2}$$

где \bar{y}_i — среднее значение i -го y -сечения (среднее признака y для объектов, у которых $x = x_i$, т. е. столбец « i »), \bar{x}_i — среднее значение i -го x -сечения (т. е. строка « i »), n_{y_i} — число наблюдений в y -сечении, n_{x_i} — число наблюдений в x -сечении, \bar{y} — среднее значение y

Величина $\eta^2_{y/x}$ показывает, какая доля изменчивости значения y обусловлена изменением значения x . В отличие от коэффициента корреляции, $\eta^2_{y/x}$ не является симметричным показателем связи, т. е. $\eta^2_{y/x} \neq \eta^2_{x/y}$. Аналогично определяется корреляционное отношение x и y

¹ См., например Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях М., 1979 Гл. 15, Saris W., Stronkhorst H. Causal Modelling in Nonexperimental Research Amsterdam, 1984

Сравнение статистических показателей r и η^2 . Приведем сравнительную характеристику коэффициента корреляции (будем сравнивать r^2) и корреляционного отношения η^2 :

а) $r^2 = 0$, если x и y независимы (обратное утверждение неверно);

б) $r^2 = \eta_{y/x}^2 = 1$ тогда и только тогда, когда имеется строгая линейная функциональная зависимость y от x ;

в) $r^2 = \eta_{y/x}^2 < 1$ тогда и только тогда, когда регрессия x и y строго линейна, но нет функциональной зависимости;

г) $r^2 < \eta_{x/y}^2 < 1$ указывает на то, что нет функциональной зависимости и существует нелинейная кривая регрессии.

Коэффициенты взаимозависимости для порядкового уровня измерения. К этой группе относятся коэффициенты ранговой корреляции Спирмена r_s , Кендалла τ и γ . Эти коэффициенты ранговой корреляции используются для измерения взаимозависимости между качественными признаками, значения которых могут быть упорядочены или проранжированы по степени убывания (или нарастания) данного качества у исследуемых социальных объектов. Таким образом, коэффициенты корреляции Спирмена и Кендалла используются как меры взаимосвязи рядов рангов, а не как меры связи между самими переменными.

Коэффициенты Спирмена и Кендалла обладают примерно одинаковыми свойствами, но τ в случае многих рангов, а также при введении дополнительных объектов в ходе исследования имеет определенные вычислительные преимущества.

Другая мера связи между двумя упорядоченными переменными — γ . Она, так же как и предыдущие коэффициенты, изменяется от $+1$ до -1 и может быть подсчитана при любом числе связанных рангов.

Множественный коэффициент корреляции W , иногда называемый коэффициентом конкордации, используется для измерения степени согласованности двух или нескольких рядов проранжированных значений переменных.

Коэффициенты взаимозависимости для номинального уровня измерения. Связь в табл. 2 \times 2. Простейшая задача о взаимозависимости возникает тогда, когда имеются два признака, каждый из которых принимает два значения.

Представим данные о группировке по двум признакам так:

	<i>B</i>	не <i>B</i>	сумма
<i>A</i>	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>a + b</i>
не <i>A</i>	<i>c</i>	<i>d</i>	<i>c + d</i>
сумма	<i>a + c</i>	<i>b + d</i>	<i>n</i> (либо 100%)

Для характеристики степени связи двух признаков применяется коэффициент Φ , определяемый формулой:

$$\Phi = \frac{ab - bc}{\sqrt{(a+b)(a+c)(b+d)(c+d)}}.$$

Коэффициент Φ равен 0, если нет соответствия между двумя дихотомическими переменными, и равен 1 или -1, когда имеется полное соответствие между ними. В силу трудностей с интерпретацией знака коэффициента для категоризованных (номинальных) переменных часто используют в анализе лишь абсолютную величину — $|\Phi|$. Φ легко интерпретируется, поскольку показано, что он представляет собой просто коэффициент корреляции r , если значения каждой дихотомической переменной обозначить 0 и 1.

Φ вычисляется для категоризованных данных, представляющих естественные дихотомии: пол, раса и т. п. Приведение количественных переменных к дихотомическому виду связано с выбором граничной точки разделения (например, мужчины до 30 лет и мужчины старше 30 лет). Искусственная дихотомизация, столь часто необходимая в конкретном исследовании при изучении взаимосвязи признаков, может привести к тому, что одна часть дихотомической переменной по своему воздействию будет более значима для одной связи, другая — для другой, а это дает ошибочный результат.

Измерение связи в табл. $c \times k$. Рассмотрим теперь более общую ситуацию, когда две переменные классифицированы на две или более категории (см. табл. 21.7). Запишем это таким образом:

n_{11}	n_{12}	.	.	.	n_{1k}	$n_{1\cdot}$
n_{21}	n_{22}	.	.	.	n_{2k}	$n_{2\cdot}$
.
.
.
n_{c1}	n_{c2}	.	.	.	n_{ck}	$n_{c\cdot}$
$n_{\cdot 1}$	$n_{\cdot 2}$.	.	.	$n_{\cdot k}$	n

где n_{ij} — частоты; $n_{i\cdot}$ — маргинальные суммы частот по строкам; $n_{\cdot j}$ — маргинальные суммы частот по столбцам.

Нормированным коэффициентом корреляции для таблицы $s \times k$ является коэффициент сопряженности Пирсона (P):

$$P = \sqrt{\frac{\chi^2}{n + \chi^2}}, \quad 0 \leq P \leq 1.$$

Коэффициент $P = 0$ при полной независимости признаков. Недостатком его является зависимость максимальной величины P от размера таблицы (максимум P достигается при $s = k$, но сама граница изменяется с изменением числа категорий). В связи с этим возникают трудности сравнения таблиц разного размера.

Чтобы исправить указанный недостаток, Чупров ввел другую величину:

$$T = \left\{ \frac{\chi^2}{n[(c-1)(k-1)]^{1/2}} \right\}^{1/2}, \quad 0 \leq T \leq 1.$$

При $s = kT$ достигает +1 в случае полной связи, однако не обладает этим свойством при $k \neq c$.

Коэффициент Крамера (K) может всегда достигать +1, независимо от вида таблицы:

$$K = \left\{ \frac{\chi^2}{n \cdot \min(c-1, k-1)} \right\}^{1/2}.$$

Для квадратной таблицы коэффициенты Крамера и Чупрова совпадают, а в остальных $K > T$.

Величина χ^2 быстро вычисляется с помощью формулы:

$$\chi^2 = n \left\{ \sum_{i=1}^c \sum_{j=1}^k \frac{n_{ij}^2}{n_i \cdot n_j} - 1 \right\}.$$

Следующая группа коэффициентов связи для категоризованных данных основана на предположении, что если две переменные связаны, то информация об одной переменной может быть использована для предсказания другой. Так, если предположить, что связь между полом индивида и его отношением к правилам уличного движения абсолютно детерминирована, то либо все мужчины были бы нарушителями, а женщины — нет, либо наоборот. Поскольку это не так, то возникает несоответствие, или, как говорят, ошибка предположения абсолютной связи (обозначим величину этой ошибки O_A).

Вместе с тем можно предположить, что два признака абсолютно не связаны и нельзя на основе одной переменной предсказать другую. Поскольку это тоже не так, то возникает ошибка предположения об отсутствии связи (O_O).

Тогда величина $\frac{O_O - O_A}{O_O}$ может служить мерой относительного уменьшения ошибки при использовании информации об одной переменной для предсказания другой.

Признак, на основе которого предсказывается другой признак, будем называть независимой переменной, а предсказываемый — зависимой. Тогда для случая, когда зависимая переменная расположена по строкам таблицы (т. е. категории расположены по строкам), вычисляется коэффициент связи λ_r :

$$\lambda_r = \frac{\sum_{i=1}^c \max_j n_{ij} - \max_j n_{.j}}{n - \max_j n_{.j}},$$

где $\max_j n_{ij}$ — наибольшая частота в столбце « i »; $\max_j n_{.j}$ — наибольшая маргинальная частота для строк « j ».

Если зависимая переменная — это категории столбцов таблицы, то совершенно аналогично предыдущему вычисляется:

$$\lambda_c = \frac{\sum_{j=1}^k \max_i n_{ij} - \max_i n_{i.}}{n - \max_i n_{i.}},$$

где $\max_i n_{ij}$ — наибольшая частота в строке « j »; $\max_i n_{i.}$ — наибольшая маргинальная частота для столбцов « i ».

Коэффициенты λ_r и λ_c имеют пределы изменения от 0 до 1. Чем ближе λ_r или λ_c к 1, тем больше относительное уменьшение в ошибке и больше соответствие (связь) между переменными. Эти коэффициенты могут быть использованы для таблиц любого размера.

В ряде случаев удобно использовать симметричную λ :

$$\lambda_{\text{сим}} = \frac{\lambda_r + \lambda_c}{2}.$$

Разнообразие корреляционных коэффициентов, применяемых при анализе социологических данных, продиктовано стремлением отразить реально существующее разнообразие типов связей в обществе. Поэтому данное обстоятельство следует рассматривать скорее как свидетельство достоинств статистического аппарата, заключающихся в гибкости и большой приспособленности его к анализу сложнейших взаимосвязей. Каждый корреляционный коэффициент приспособлен для измерения вполне определенного вида связи.

Обычно предпочитают использовать наиболее распространенные в практике социологических исследований коэффициенты, так как тем самым достигается возможность сравнения полученных результатов с материалами других исследований.

Приложение

Социология в России: современные технологические инновации в эмпирических исследованиях

За последнее десятилетие произошел существенный скачок в техническом обеспечении работы социолога. Особенно это ощутимо в нашей стране. В таких странах, как США, и в прошлом работа социолога с вычислительными средствами была

не столь непосильным трудом, как у нас. Большие и «недружественные» машины прежних поколений были камнем преткновения для большинства социологов. Быстрое продвижение в нашу жизнь персональных компьютеров и основанных на их использовании технологий коренным образом изменило возможности и стиль работы исследователя. В чем главные достоинства этих машин?

Первое и главное достоинство их в том, что они — действительно «персональный» инструмент в руках человека наподобие ручки, калькулятора. Они позволяют, не обращаясь к программистам и другим специалистам, самостоятельно и эффективно выполнять сложные работы. Этому помогает «дружественность» современных машин и программ для них. Простые очевидные принципы «общения», часто опирающиеся на интуицию, помогают работать с машиной без сколько-нибудь глубоких знаний их устройства, языков программирования; начальное время обучения совсем не велико.

Вместе с тем вычислительные мощности современных персональных компьютеров могут удовлетворить большую часть потенциальных исследовательских потребностей социологов.

Программное обеспечение — вторая неотъемлемая часть этих инноваций. Развитое программное обеспечение также позволяет решить большую часть стандартных задач.

И наконец, относительно невысокая стоимость делает все эти технологические новшества доступными для небольших исследовательских групп, изменяя организационные принципы самой исследовательской работы.

Рассмотрим несколько подробнее этапы исследовательского цикла.

Подготовка инструментария. Социологическая анкета по своему дизайну представляет собой довольно сложный документ, к качеству выполнения которого предъявляются весьма серьезные требования. Для ввода и форматирования в нужном виде различных документов используются так называемые текстовые редакторы. Наиболее широкое распространение у нас в стране, как и во всем мире, получили такие текстовые редакторы, как MS Word, Word Perfect и другие, а также отечественная разработка Lexicon.

Сбор данных. Сбор данных становится все более технически нагруженным этапом социологического исследования. В главе

по методам сбора данных уже упоминалось о КАТИ, т. е. компьютером ассистируемых телефонных интервью, и КАПИ, т. е. компьютером ассистируемых персональных интервью. Наряду с КАПИ, при котором сам интервьюер работает с компьютером, в последнее время все чаще обсуждается методология КАИ (компьютером ассистируемое интервью), когда с компьютером работает сам респондент. Последний вариант возвращает нас к широко популярному в советской социологии методу самозаполнения анкет, но уже на новом технологическом уровне. Главным преимуществом этого подхода обычно называют исключение влияния интервьюера на респондента¹.

Здесь скажем еще о дополнительных возможностях, которые предоставляет компьютер при проведении интервью, с необходимостью задания открытых вопросов. Современные технические и программные средства позволяют записывать с микрофона, встроенного в компьютер, ответы респондента вместе с ответами на другие, «закрытые», вопросы. Далее, на этапе кодирования информации в офисе, появляется возможность более аккуратно, не полагаясь на умение интервьюера фиксировать ответы респондента, закодировать полученные ответы. КАПИ и КАИ позволяют гораздо шире использовать при опросе такие визуальные образы, как цветные изображения, карточки и т. п., возможен показ фрагментов фильмов, например рекламных роликов. В свою очередь, компьютер может и зачитывать какие-то части вопросника или весь вопросник.

Последняя технология нашла реальное применение в телефонных опросах, когда компьютер полностью самостоятельно ведет опрос человека на другом конце провода. Респондент в этом случае номер выбранной альтернативы набирает на клавиатуре номеронабирателя телефона.

Ввод данных. Если анкеты заполняются интервьюерами, то ввод данных (информации с анкет) — неизбежный трудоемкий этап дальнейшей работы и источник дополнительных ошибок. Разработано большое число специализированных программ по вводу анкетных данных. Одна из наиболее известных социологам систем SPSS Data Entry позволяет не только достаточно просто организовать ввод данных с учетом логической

¹ См.: Computer Assisted Survey Information Collection / Eds M. P. Couper et al N. Y., Wiley, 1998.

структуры вопросника, но и одновременно программно контролировать разнообразные ошибки, которые возникают на этом этапе. Существуют и отечественные разработки программ данного типа.

Тем не менее ввод данных остается предметом для интенсивного поиска более совершенных решений. Одно из кардинальных решений, по всей видимости, может быть найдено в процессе поиска эффективных средств прямого считывания сканером информации с анкет. Здесь также наблюдается постоянный прогресс, и уже сейчас во многих случаях имеет смысл (в целях экономии времени) обращаться к подобной технологии.

Особо следует остановиться на новых возможностях, которые открываются перед специалистами в контент-анализе. В большинстве случаев ввод текста в ЭВМ с помощью сканеров и преобразование его в электронный вид не является более неразрешимой проблемой. Кроме того, все больше СМИ распространяют информацию электронным способом, и получить доступ к ней можно, например, через глобальную информационную компьютерную сеть Интернет.

Статистический анализ данных. Универсальные статистические программы для персональных компьютеров обладают такой же мощностью и набором сервисных функций, как и системы для больших машин в прошлом. Среди наиболее известных назовем зарубежные продукты SPSS (статистический пакет для социальных наук), SAS, Statgraphics Plus. Все эти компании — производители программ распространяют их и в России. Конечно, помимо названных программ существует множество других, которые решают примерно тот же круг задач.

Среди простейших базовых функций этих программ — преобразование переменных в нужный исследователю вид, вычисление любых процентных таблиц распределений признаков, вычисление средних, дисперсий и других подобных показателей, всевозможных коэффициентов связи. Далее следуют методы многомерного анализа данных — регрессионный, факторный, дисперсионный и др. Таким образом, в этих пакетах программ исследователь-социолог может найти для себя большую часть того, с чем ему приходится сталкиваться в более или менее типичных ситуациях. Важно то, что все эти методы интегрированы в одну систему. Правда, если исследователю захочется воспользоваться разными пакетами программ, то здесь пе-

ред ним могут возникнуть различного рода проблемы, но они в принципе разрешимы.

Параллельно с разработкой универсальных статистических программ широкого назначения идет развитие более специализированных систем, направленных на комплексную автоматизацию всех этапов социологических или маркетинговых исследований. Имеются в виду программы, которые включают в себя функции текстового редактора, ориентированного на автоматизацию подготовки анкет, возможности КАТИ и КАПИ; автоматического считывания данных с анкет, напечатанных традиционным способом; подготовки таблиц с высококачественным дизайном; статистического анализа данных. Примеров подобных программ также множество, и некоторые из них уже распространяются иностранными компаниями в нашей стране.

Графическое представление данных. Особо следует отметить программы, ориентированные на графическое представление результатов исследования. Средства наглядного представления данных также постоянно совершенствуются. Высококачественные цветные принтеры и копиры становятся все более доступными. В этой связи большое внимание, особенно в прикладных социологических и маркетинговых исследованиях, обращается на графические средства визуализации данных. Широкие возможности построения различных типов графиков заложены в уже названные статистические программы. Помимо этого существуют и развиваются специализированные средства — ими обладают широко распространенные программы: «электронные таблицы» MS Excel, Lotus 1-2-3 и специализированные графические программы MS PowerPoint, Harvard ChartXL, Stanford Graphics.

Указанные здесь технологические новшества последних лет, конечно, не исчерпывают всех ветвей и направлений развития. Сами технические и программные средства изменяются и совершенствуются чрезвычайно быстро, и часто время их «морального старения» достигает одного-полутора лет.

Вопросы для закрепления материала

1. Дайте формально-логическое определение измерения.
2. Чем отличаются друг от друга шкала номинальная, порядковая, интервальная, шкала отношений и шкала разностей?

3. Что такое «вариационный ряд»?
4. Назовите виды средних величин.
5. Как осуществляется измерение вариации признаков?
6. Что такое «корреляция» и «регрессия»?
7. Каковы показатели взаимосвязи для порядковых признаков?
8. Каковы показатели взаимосвязи для номинальных признаков?

Литература для дополнительного чтения

Анализ нечисловой информации в социологических исследованиях. М., 1985.

Гласс Дж., Стенли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. М., 1976.

Елисеева И. И., Рукавишников В. О. Логика прикладного статистического анализа. М., 1992.

Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях. М., 1987.

Математика в социологии: Моделирование и обработка информации / Ред. А. Аганбегян, Х. Блейлок, Ф. Бородкин, Р. Будон, В. Канекки. М., 1977.

Математические методы в социальных науках / Под ред. П. Лазарсфельда и Н. Генри. М., 1973.

Математические методы анализа и интерпретация социологических данных. М., 1989.

Математическое моделирование в социологии (методы и задачи) / Отв. ред. Ф. М. Бородкин и В. Г. Миркин. М., 1977.

Осипов Г. В., Андреев Э. П. Методы измерения в социологии. М., 1997.

Паниотто В. И., Максименко В. С. Количественные методы в социологических исследованиях. Киев, 1982.

Рабочая книга социолога. М., 1983. Гл. 5.

Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях. М., 1979.

Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии (введение). М., 1998.

Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982.

Толстова Ю. Н. Логика математического анализа социологических данных. М., 1991.

Чесноков С. В. Детерминационный анализ социально-экономических данных. М., 1987.

Kish L. Statistical Design for Research. N. Y., 1987.

Quantitative Applications in the Social Sciences. A Sage University Papers Series. (Серия публикаций учебного характера.)

Глава 22

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В СОЦИОЛОГИИ

§ 1. Сущность прогнозирования в социологии

Термин «прогноз» (от греч. *prognosis*, *pro* — вперед, *gnosis* — познание) первоначально использовался в медицине для предсказания хода болезни, основанного на диагнозе. Затем означал суждение, содержащее конкретное предвидение будущих событий и результатов.

В современной трактовке прогноз — научно обоснованное суждение:

- о вероятных состояниях у определенного процесса в будущем;
- об альтернативных путях и сроках осуществления этих событий или определенного состояния процесса.

Другой ракурс понятия прогноз — это знание (информация):

- о цели, которую можно достигнуть с помощью определенных средств;
- о средствах, которые необходимы и достаточны для достижения заданных целей.

В процессе прогнозирования реализуется одна из важнейших особенностей человеческого сознания — способность к опережающему отражению действительности. Прогноз предвосхищает возможные будущие результаты деятельности человека (общества), возможные будущие результаты развития природных процессов.

Прогноз принципиально отличается от предсказаний и предвидения фантастов, если даже они и сбываются. Это предвидение будущей реальности, базирующееся на научных осно-

ваниях, системе доказательств, методологии и строго обоснованных выводах. Опережающее отражение в сознании человека должно получить достоверную научную основу, чтобы стать научным прогнозом, а не вымыслом, а иногда и шарлатанством. Таким образом, прогноз — это научный вывод (научное суждение), фиксирующий возможную степень достижения определенных целей в зависимости от способа будущих действий и ресурсного обеспечения. В свою очередь, различают прогнозы, сделанные на основе философских, биологических концепций, в том числе социальные утопии и технологические, т. е. проведенные на базе специального инструментария.

Прогноз имманентно присущ различным научным дисциплинам. Применительно к обществоведению прогнозы широко используются в экономике, демографии, политологии, социологии. Все это разновидности социального прогноза, понимая термин «социальное» в широком смысле как общественный.

Социологический прогноз — разновидность социального прогнозирования с присущими ему общими и специфическими признаками. Социологический прогноз охватывает все направления социальной деятельности общества, социальной группы, человека.

Область социологических исследований — прежде всего социальные последствия научно-технологического и общественного прогресса — ожидаемые и желательные изменения в сфере социальной структуры, изменения материальных и духовных потребностей, социальных основ образа жизни, социального поведения и т. д. Среди таких направлений: социальные последствия трансформации общества, процессов глобализации, научно-технологического прогресса; ожидаемые изменения в социальной структуре, материальных и духовных потребностях, образе жизни и т. д. Особое внимание в настоящее время и общественность и властные структуры обращают на электоральные прогнозы как на федеральном, так и региональном уровнях, что является сферой политической социологии.

Социологическое прогнозирование отличается рядом существенных особенностей, связанных прежде всего с вероятностным характером социальных процессов, что объясняется участием в качестве субъекта и объекта общественного развития человека, т. е. личности, наделенной волей, желанием, ставящей перед собой определенные цели. В свою очередь, это обусловило

высокую интенсивность обратной связи между прогнозированием и принятием решения, в том числе управленческого решения, другими словами, между целесолаганием и действием.

Прогноз — это не само решение или действие, а тем более не сам результат деятельности, а определенние возможных вариантов развития социального процесса или социальной ситуации, веер возможных альтернатив для выбора оптимального решения, которое должно принять политическое руководство, используя прогнозные разработки. Поэтому несправедливо, когда общественное мнение предъявляет завышенные требования к разрешающим возможностям социологических прогнозов.

Будущее любого общества — не приуроченное однозначное социальное состояние, а одна из ряда возможных воплощенных в жизнь предполагаемых потенциально существующих ситуаций. Сам процесс становления и развития общества носит вероятностный характер, в отличие от многих процессов в природе.

Существует два класса законов развития: законы динамические и законы статистические. Динамические законы — это жесткая причинно-следственная предопределенность. Такие законы предопределяют форму безусловных предсказаний и имеют своей целью приспособить субъективные действия общества (личности) к ожидаемому состоянию.

Динамические законы — это многие законы природы, например закон всемирного тяготения.

Статистические законы, напротив, описывают вероятностный характер причинно-следственной взаимосвязи, которая выступает как тенденция развития процесса, что предопределяет альтернативность возможных результатов. Такие законы-тенденции действуют в социальных процессах. Вероятность их проявления обусловлена многими обстоятельствами и соответствует принципу больших чисел. По степени свободы во взаимосвязи причины и следствия обычно различают семь ступеней обусловленности от строго детерминированного (нулевой степени вероятности) до нестатистической определенности (чисто случайной).

Сама степень детерминированности процесса развития и его прогноза определяется многими обстоятельствами объективного и субъективного характера, что связано с естественными и историческими условиями жизнедеятельности обще-

ства (см. подробнее настоящий учебник, гл. 3). По степени неопределенности решаемых задач выделяются следующие типы прогнозов: 1) детерминированные, охватывающие класс задач, решение которых может быть осуществлено при потере дополнительной информации без существенного ущерба для результатов прогнозирования; 2) стохастические, при прогнозировании которых для обеспечения требований достоверности необходим учет случайных составляющих; 3) смешанные, предполагающие описание частично в детерминированном, частично в стохастическом вариантах.

Тип детерминированности прогноза определяется на основе теоретического анализа, а также практического опыта.

Вероятностный характер социальных процессов определяет и особенность верификации прогнозных результатов. Важно иметь в виду следующий методологический принцип. Для любого прогноза его научная обоснованность не идентична истинности. Тем более это относится к социологическим прогнозам. Абсолютная верификация возможна только после перехода периода упреждения из будущего в прошлое. Только после этого возможно определить степень отклонения реального результата от высказанной гипотезы и принятой версии на основе прогноза.

Социологический прогноз должен учитывать разные уровни прогнозируемого процесса. Наряду с более общими прогнозами, определяющими весь вероятностей всего процесса, формулируются предположения о развитии частных его сфер в рамках более общей вероятности. Например, прогнозируя социальные последствия ускорения развития рыночных отношений, необходим прогноз ситуации в сферах трудовой занятости населения, динамики цен, спроса и предложения, стабильности политической ситуации.

При прогнозных исследованиях обычно прежде всего выявляются непосредственные следствия принимаемых решений и проводимых акций. Однако очень важно не упускать из сферы внимания исследователя и властных структур косвенные (вторичные) последствия, что очень существенно. Невнимание к ним может пагубно отразиться на необходимом объеме и достоверности получаемой информации. Известны случаи, когда косвенные результаты перечеркивали или уменьшали значимость непосредственных.

Вариативный характер социальных прогнозов не отменяет целесообразности и необходимости их проведения, хотя и создаст значительную специфику в интерпретации их результатов.

Сложность и многофакторность социальных процессов предопределили повышенные требования к методологии, методикам и инструментарию прогнозов. Они требуют широкой информационной базы, достаточного количества прогнозных альтернатив, целостного видения процесса.

Высокие требования предъявляются и к профессиональным качествам прогнозиста. Он должен в совершенстве знать технику самого процесса построения прогноза, быть теоретически грамотным. Очень важно требование к профессионализму прогнозиста — его политическая неангажированность. Политические симпатии и антипатии не должны влиять на прогноз-ные результаты.

Вариативность социальных прогнозов определяет и специфику выработки и принятия политических решений. Выбор одного из возможных вариантов не обязательно может быть единственно верным и единственно возможным.

§ 2. Научные основы прогнозирования¹

По мере усложнения общественного процесса усиливалась потребность государственной власти в научно обоснованном прогнозировании, а развитие социологии обусловило такую возможность. Активно начала развиваться теория прогнозирования в целом и отдельных его сфер, в том числе и политических процессов. Этот процесс особенно активизировался в 40-е гг. Возникла специальная область научного знания, изучающая будущее человечества, перспективы развития социальных процессов, — футурология (от лат. *futurum* — будущее и греч. *logos* — учение, слово). Термин футурология был введен в научный оборот немецким социологом О. Флэтхеймом в 1943 г. в качестве названия специфического раздела научного знания — «философия будущего».

Пик популярности футурологии пришелся на 70-е гг. Но и в настоящее время футурология используется в ряде стран Запа-

¹ Подробнее см.: Впереди XXI век: Антология современной классической прогностики. М., 2000.

да в целях прогнозирования глобальных социальных процессов со своими методами исследования.

Прогностика обычно подразделяется на общую и частную сферы, в том числе социологическую. В свою очередь социологическая прогностика входит как составная часть в сферу социологического знания, прикладной социологии. На это надо обратить особое внимание, так как, несмотря на специфический характер изучаемых прогностикой технологий, в своей глубинной основе они детерминированы более общими социальными тенденциями и взаимозависимостями. Поэтому концептуальные положения, составляющие теоретическую базу прогностики, должны коррелироваться с положениями теоретической социологии и социальной философии.

При анализе результатов прогнозных разработок необходимо учитывать, что любое явление, любой процесс осуществляется не изолированно, под воздействием лишь социологических факторов. Поэтому при широкомасштабных прогнозах социологический прогноз должен дополняться прогнозом экономическим, демографическим, экологическим и т. д. Аналогично обстоит дело и в других областях общественно-научного и естествознания.

Примером комплексного прогнозирования может служить «глобальное моделирование» перспектив развития человечества и создание концепции и модели устойчивого развития общества, начатых по инициативе Римского клуба в 1968—1981 гг. и продолжающихся в настоящее время.

§ 3. Виды прогнозов, используемых в социологии

Существует ряд оснований, по которым происходит классификация прогнозов.

А. В зависимости от влияния субъекта на результаты прогнозирования прогнозы делятся на активные и пассивные.

- Активный прогноз характеризуется высокой степенью обратной связи между прогнозом и участием субъекта в прогнозируемом процессе. Результат прогноза может существенным образом сказаться на действиях участников социального процесса, от усиления его до придания процессу противоположной направленности.

- **Пассивный прогноз** — отсутствует интенсивная обратная связь между субъектами социального процесса и результатом прогноза. Результат не оказывает существенного влияния на прогнозируемый процесс.

Например, прогноз показал возможное уменьшение численности населения, принявшего участие в голосовании. Активный прогноз должен ответить на вопрос, какие меры необходимо принять, чтобы изменить ситуацию. И ситуация может быть изменена.

Пассивный прогноз предскажет возможные темпы уменьшения численности голосующих в зависимости, например, от погодных или других аналогичных объективных обстоятельств.

Б. По временному параметру.

- Оперативные — до месяца.
- Краткосрочные — до 1 года.
- Среднесрочные — до 5 лет.
- Долгосрочные — до 10 и 15 лет.
- Дальнесрочные — свыше 25 лет (применяются обычно в градостроении).

Такое деление в определенной мере условно. Так, для электоральных прогнозов месячный временной лаг — долгосрочный прогноз, а для демографических процессов 5 лет — краткосрочный прогноз.

Каждый вид временного прогноза имеет свою методику проведения и интерпретации результатов. Однако можно выделить два общих правила: чем больше временной лаг, тем прогноз менее детализирован без потери разрешающего результата; по мере увеличения временного лага уменьшается зависимость будущего от прошлого.

В. По способам представления результатов — точечные и интервальные.

- **Точечные прогнозы**, т. е. прогнозы одномоментные. Такие прогнозы обычно используются в избирательных кампаниях для замера электоральных возможностей претендента на данный момент.

- **Интервальные** — прогноз указывает не единственное значение (или вектор значений), а некоторый интервал. Например, в забастовке примут участие от 30 до 50 тыс. человек.

Г. По направленности векторов прогнозирования.

- **Генетические** (они называются еще поисковыми, трендовыми, экстраполятивными, дескриптивными). Они осуществ-

ляются от настоящего в будущее путем условного продолжения в будущем тенденций такого развития в прошлом и настоящем. Данные прогнозы отвечают на вопросы: в каком направлении идет развитие и что вероятнее всего произойдет при сохранении существовавших в прошлом и существующих в настоящее время тенденций развития процесса? Такой прогноз позволяет выявить назревшие социальные проблемы будущего. Так, демографический прогноз последнего десятилетия выявил устойчивую тенденцию снижения численности населения¹ (см. табл. 22.1).

Таблица 22.1

Годы	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2005	2010	2050
Численность населения	148,7	148,6	148,4	148,3	148,0	147,5	146,7	146,3	145,5	144,8	141,7	137,1	80,2

В данном случае на основе демографических показателей прошлых лет сделан прогноз о возможной численности населения в стране в 2005, 2010 и 2050 гг. при сохранении характера действия уровня жизни и других социальных и прочих факторов, влияющих на смертность, рождаемость, иммиграцию в стране.

• Целевые прогнозы — определение желаемых состояний социального объекта (норм, идеалов, целей) на базе заранее определенных социально-политических критериев. Прогноз в данном случае призван ответить на вопрос: что именно желательно и почему? При этом происходит построение оценочной функции, т. е. функции распределения предпочтительности: нежелательно — менее желательно — более желательно — наиболее желательно — оптимально. Допускается компромисс по нескольким критериям. Например, прогноз социально-политического развития России выявил растущую необходимость формирования гражданского общества. Целевой прогноз определяет совокупность параметров гражданского общества, их иерархию применительно к определенному временному периоду.

¹ Расчеты ИСПИ РАН. См.: Демографическое будущее России. Саранск, 2000.

- **Нормативный** — от будущего к настоящему, т. е. прогнозирование достижения желательных состояний явления или процесса на основе заранее определенных норм, идеалов, целей. Такие прогнозы должны ответить на вопрос: как достигнуть желаемого и через какие этапы необходимо пройти, чтобы достичь цели? Прогноз строится на базе определенной шкалы (поле, спектре) возможностей от заданного состояния в будущем к настоящему с соответствующим изменением их при определении перспектив.

- **Программные прогнозы** — разновидность целевых прогнозов. Программное прогнозирование призвано определить гипотетические сроки достижения результата, промежуточные цели и необходимую очередность их достижения, сформулировать гипотезу о возможном влиянии различных факторов.

- **Проектные прогнозы** (прогнозные проекты, дизайн-проекты). Конкретизация образов явления или процесса в будущем при допущении ряда пока еще отсутствующих условий. Проектный прогноз отвечает на вопрос: как это явление (процесс) может выглядеть предметно? Такие проекты призваны способствовать выбору оптимального варианта перспективного проектирования.

- **Организационные прогнозы** — это прогнозы текущих решений применительно к сферам управления и принятия решений. Прогноз отвечает на вопросы: в каком направлении надо ориентировать управленческое решение, в чем будут заключаться узкие места при достижении определенных целей в перспективе?

Среди обозначенных выше и других возможных вариантов разновидностей прогноза базовую роль играют генетический и нормативный прогнозы, а также сочетание этих двух базовых видов.

§ 4. Методы прогнозирования

Практика выработала много разнообразных методов прогнозирования. Австрийский политолог Янг насчитал, например, их более 200. Однако многие из них отличаются между собой второстепенными деталями.

По степени формализации все методы прогнозирования можно разделить на: 1) интуитивные и 2) формализованные.

Такое деление связано с тем, что многие социальные процессы и явления настолько сложны, что при всей желательности многие из них невозможно формализовать или же формализация дает слишком упрощенное (а потому и не реальное) представление о тенденциях развития, возникающих в ходе него социальных и политических противоречиях.

Среди конкретных методов прогнозирования обычно выделяют: прогнозную экстраполяцию; интуитивные (экспертные) методы, морфологический анализ; прогнозный сценарий; прогнозный граф и «дерево целей»; матричный метод; математические методы прогнозирования.

Методы прогнозной экстраполяции. Экстраполяционные методы — одни из самых распространенных и наиболее разработанных формализованных методов прогнозирования. Их основу составляет изучение статистически складывающихся тенденций изменения тех или иных количественных характеристик объекта.

Экстраполяция — распространение тенденций, установленных в прошлом на будущий период.

Основной элемент прогнозной экстраполяции — тренд. Под трендом понимается длительная («вековая») тенденция изменения социальных показателей, основная составляющая прогнозируемого временного ряда. Это — характеристика основной закономерности развития процесса во времени, в допустимых пределах свободной от случайной погрешности.

Существуют различные приемы экстраполяции: в частности, используется тренд средних величин и их дисперсия, максимальных, минимальных величин, на основе средней, экстраполяция на основе среднего темпа, экстраполяция по скользящей и экспоненциальной средней, метод наименьших квадратов и др.

Положительная сторона метода прогнозной экстраполяции — связь прошлого, настоящего и будущего, формализация этой связи, количественные оценки. Этот метод позволяет усреднить влияние единичных учетных и общее влияние неучтенных факторов.

Однако имеются и серьезные ограничения. Метод прогнозной экстраполяции применим лишь для процессов с неизменными качественными параметрами. Этот метод не дает точных результатов на длительный срок прогноза. Дело в том, что по-

степенно по мере перехода анализа от прошлого и настоящего в период упреждения накапливаются погрешности. И, как показывает практика, в течение 5—7 лет они становятся существенными и приводят к значительному искажению прогнозного результата.

Срок, для которого прогноз действителен с заданной точностью, называется **горизонтом прогнозирования**. Точка, в которой происходит смена одного качества другим, называется **прогноznым порогом**.

Метод экспертных оценок¹. Наиболее распространенной и доступной формой прогнозирования является метод экспертных оценок. Его использование предполагает необходимость соблюдения ряда условий, связанных с личностью эксперта. К таким условиям относятся: профессионализм экспертов, их политическая неангажированность, независимость в высказывании суждений, отсутствие давления со стороны заказчика прогноза.

Одной из разновидностей метода экспертной оценки является интервью. Оно представляет собой беседу прогнозиста с экспертом, в ходе которой прогнозист на основе заранее разработанной программы (формализованное интервью) или свободной беседы (неформализованное интервью) ставит перед экспертом вопросы относительно возможного хода развития процесса и его результатов в будущем.

Преимущества этого метода в простоте и возможности использовать индивидуальное мнение эксперта, что особенно ценно, если эксперт является специалистом экстракласса. Многое зависит от профессионализма выбранных для интервью вопросов, их формулировки. Целесообразно проведение целой серии такого рода интервью с различными экспертами по одному и тому же сценарию, их сопоставление.

Опрос экспертов часто проводится в форме анкетирования. Общие требования к анкете:

1) вопросы должны быть сформулированы в общепринятых терминах;

2) формулировка вопросов должна исключать всякую смысловую неопределенность, обеспечивая единообразие толкования;

¹ См. подробнее. Основы экономического и социального прогнозирования Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Мосина, Д. М. Крука М., 1985, Рабочая книга по прогнозированию М., 1982.

3) вопросы должны логически соответствовать структуре объекта прогноза.

По форме вопросы могут быть открытыми и закрытыми, прямыми и косвенными. Открытый вопрос-ответ не регламентирован и предполагает возможность эксперту самому выбирать вариант ответа. Закрытыми считаются вопросы, в которых представлены варианты возможных ответов. Используются и косвенные вопросы для проверки точности ответа на основные, прямые вопросы или же когда нет уверенности, что эксперт будет свободен в выборе варианта ответа.

Часто и охотно в качестве формы коллективной экспертизы используется **«мозговая атака»**, или «метод коллективной генерации идей» на базе свободной дискуссии. Метод «мозговой атаки» широко апробирован применительно к различным отраслям обществоведческого знания и позволяет активизировать процесс генерации идей и их коллективную апробацию. Практика определила оптимальную численность группы участников в пределах 10—15, реже 20 человек. Считается, что экспертную группу должны составлять лица примерно одного ранга, если участники знают друг друга. Если участники «мозговой атаки» не знакомы друг с другом, то возможно привлечение лиц различного ранга. Но в этом случае обсуждение проводится анонимно, а участникам присваиваются номера, под которыми они участвуют в дискуссии. Как правило, желательно, чтобы в группе были специалисты различного профиля, но связанные с обсуждаемой проблематикой.

При проведении опроса экспертов необходимо обеспечить однозначность понимания вопросов и терминов. Ни в коем случае нельзя объявлять ложным или не заслуживающим внимания ни одно суждение, каким бы одиозным оно на первый взгляд ни казалось.

Практика проведения такого рода дискуссий показывает, что обсуждение часто отклоняется от интересующего исследователей предмета. Поэтому исключительно велика роль ведущего, на которого ложится большая ответственность за направление дискуссии и самое главное — подведение итогов.

Метод Дельфи. Большое значение при обобщении экспертных оценок имеет возможность произвести их формализацию и добиться квантификации, т. е. придать количественную определенность качественным характеристикам. Для решения этой задачи

имеется ряд методик. Одной из наиболее распространенных среди них является метод Дельфи (по имени дельфийских жрецов-оракулов древности). Основы метода разработаны американской исследовательской корпорацией REND. Суть метода состоит в количественной оценке экспертами вероятности развития процесса или явления в будущем, обобщении мнения группы экспертов и определении степени согласованности их оценок.

Экспертиза проводится как очно, так и заочно. Численность группы считается оптимальной при очном опросе от 5—7 до 10—15 человек. При заочных опросах — от 20—30 до 40—50 человек. Опрос проводится в несколько, обычно 3—4, туров, причем эксперты информируются о результатах каждого тура. В результате происходит сужение поля разброса оценок.

Для статистической оценки результатов и их усреднения эксперты используют шкалу баллов, обычно от 1 до 5 при положительной и от -1 до -5 при отрицательной оценке возможного развития процесса или его результата.

Морфологический анализ, метод сценариев, прогнозные графы, дерево целей — эти методы прогнозирования основаны на определении цели, которая прогнозируется как желательное состояние объекта, и возможных вариантов в процессе ее достижения.

Морфологический анализ. Морфологический подход представляет собой упорядоченный способ получения и рассмотрения систематизированной информации по всем возможным решениям изучаемой проблемы. Он предполагает систематизированный охват проблемы, начиная с данного уровня представления о ней и затем рассматривая одну за другой все возможные области знания, пока не будет достигнут другой уровень понимания проблемы.

Проведение морфологического анализа включает несколько этапов.

1. Точная формулировка проблемы, подлежащей решению.
2. Последовательный анализ всех параметров, важных с точки зрения решения данной проблемы.
3. Построение «морфологического ящика», который строится в виде матрицы, в клетках которой помещены соответствующие параметры. Последовательное соединение одного какого-либо параметра первого уровня с одним из параметров последующих уровней представляет собой одно из возможных решений проблемы.

4. Следующий шаг в анализе «морфологического ящика» — изучение всех полученных решений с точки зрения их функциональной ценности. Для этого устанавливается шкала оценок.

5. Заключительный этап — выбор наиболее желательного варианта решений.

В результате использования морфологического анализа формируется новая информация о проблеме в целом и отдельных ее частях. Цель анализа — выбор оптимального варианта решения проблемы. Считается, что данный метод представляет особый интерес для прогнозирования при фундаментальных исследованиях.

Прогнозный сценарий — это один из методов описания вариантов логически возможного развития событий исходя из сложившейся ситуации, схожий с морфологическим анализом.

Сценарий — это картина последовательного детального отображения различных вариантов достижения генеральной цели, выявление возможных препятствий и вторичных негативных последствий, возникающих по каждому возможному из вариантов. Построение сценария позволяет оценить различные варианты, выбрать оптимальный среди них и решить вопрос о возможности и целесообразности достижения генеральной цели.

Сценарный метод предполагает использование экспертных оценок. И при его использовании всегда возникает опасность, связанная с субъективностью их оценок. Поэтому сценарии должны разрабатываться независимыми экспертами высокой квалификации.

Однако большой разброс оценок может быть связан не только с политической ангажированностью эксперта, но и сложностью и противоречивостью решаемой задачи. Ценность сценария тем выше, чем меньше степень неопределенности, т. е. чем выше степень согласованности мнения экспертов. И при оценке результатов сценария важно установить, насколько допустима величина неопределенности и что можно сделать для ее уменьшения.

Примером использования морфологического анализа и метода сценариев может служить прогнозирование путей и способов формирования в нашей стране гражданственности общества. Оно характеризуется рядом экономических, социальных, политических параметров, которые имеют различную степень взаимосвязи, определенные этапы зрелости. Выбор оптимального и реально

возможного варианта формирования гражданского общества предполагает системное, последовательное рассмотрение всех элементов, составляющих гражданское общество, их корреляцию, что и достигается при помощи обозначенных выше способов прогнозирования.

Графы являются геометрическим выражением цели и этапов развития процесса и представляют собой точки — «вершины». Они могут быть связанными и несвязанными, ориентированными и неориентированными. Связанный ориентированный граф называется «деревом цели».

«Дерево цели» — способ прогнозирования, который состоит в том, что общая конечная цель делится на ряд составляющих, каждая из которых в свою очередь делится на более частные и т. д. Использование метода «дерево цели» дает возможность системно проследить порядок и этапы движения к заданной основной цели, перечень необходимых этапов прохождения, определить желательную последовательность решения основной задачи. Процедура построения «дерева цели» предполагает последовательное деление основной цели, а также выбор корректного методологического обоснования для такого деления.

Методы прогнозного моделирования. Метод моделирования применяется в том случае, когда необходима имитация изучаемых реальных социальных процессов, что позволяет обеспечить опосредованное их отображение. Модель всегда упрощает действительность. Особенно это относится к процессам общественной жизни с присущей ей многофакторностью, сильным влиянием личностного элемента, трудностью квантификации.

Существует ряд методов моделирования процесса в будущем.

Методы математического моделирования¹ — это использование математического ящика и аппарата для описания и последующего анализа процессов общественного развития. Сначала методы математического моделирования использовались для целей прогнозирования в экономике, что и понятно, так как

¹ См. подробнее. Основы экономического и социального прогнозирования Учебник для вузов / Под ред. В. И. Мосина, Д. М. Крука, Андреевков В. Г., Шашнов С. А. Моделирование в социологии Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г. В. Осипова М., 1995. С. 412—415.

экономический процесс легче других общественных процессов поддается формализации. Сегодня они широко используются в социологии.

Индексный метод¹. При прогнозировании сложных социологических процессов, обусловленных комплексом факторов, часто используют индексный метод. Метод предполагает использование системы индикаторов, каждому из которых придается своя шкала значений. Например, прогнозируется вероятность процесса стабильности политической ситуации в стране. Для этого исчисляются частные индикаторы, в своей совокупности определяющие процесс политической стабильности (доверие населения к экономической политике правительства, отношение к тем или иным властным структурам, нарушение прав человека, политическая отчужденность и т. д.). Социальные индикаторы определяются эмпирическими методами (например, социологическими опросами).

На основе таких частных индикаторов происходит перевод вербальных показателей в квантифицированные. Полученная совокупность частных показателей используется для получения интегрального индекса.

Приложение

Социология в России: развитие прогнозирования в СССР и России

Развитие прогнозирования в СССР прошло не простой путь, включающий взлеты и падения. Серьезные прогнозные разработки делались в 20—30-х гг. Можно отметить ряд очень смелых научных разработок. Так, выдающимся российским ученым Н. Д. Кондратьевым была предложена теория «длинных волн», позволяющая прогнозировать циклы развития экономики. Ему принадлежит фундаментальный вывод о 50-летнем циклическом периоде, получивший впоследствии наименование «длинные волны Н. Д. Кондратьева».

Большой вклад в методологию прогнозирования внесли разработки принципов технологического прогнозирования,

¹ См. подробнее в книге: Инвестиции в современной России Риски и безопасность Социологический аспект / Под ред. В. К. Левашова и В. В. Локосова. М., 1998. С. 95—123.

осуществленные В. А. Базаровым-Рудневым. В серии статей (1924—1928) им предложен реальный путь перехода от «размышлений о будущем» к исследованию будущего: проблемно-целевой подход, названный им генетическо-телеологическим¹.

Среди работ, ставящих целью описания будущего, книга К. Э. Циолковского «Будущее Земли и человечества» (1928), представляющая собой размышления ученого о том, что ждет мир и какие меры должно предпринять общество, развиваясь навстречу своему будущему.

К сожалению, работы 20—30-х гг. по прогнозированию были прерваны серией политических репрессий и во многом упрощенного представления официальной советской марксистской школы о будущем линейном развитии общества.

Значительный перерыв в разработке теории социального прогнозирования связан также с Великой Отечественной войной.

В 60-е гг. начал активно формироваться особый раздел научного знания — прогностика, как наука о научных основах прогнозов, способов проверки результатов, оценки их достоверности.

Прогностика сначала активно развивалась в сфере естественных наук (прежде всего в агрогидрометеорологии), что наложило свой заметный отпечаток на ее принципы и методологию. В связи с разработками долгосрочных планов развития народного хозяйства общие методы прогнозирования стали адаптироваться к экономическим процессам. Несколько позже появляются работы и практические пособия социологического прогнозирования. В 60-е гг. была создана Советская ассоциация научного прогнозирования (САНП). Ассоциация имела статус добровольного общества. В нее вошли известные ученые, сотрудники различных государственных организаций, связанных с развитием научно-технического прогресса, экологией, здравоохранением.

Ассоциация имела свои руководящие органы, собственные издания, проводила конференции и симпозиумы. Однако вскоре со ссылкой на формальные причины (не прошла регистрации) она прекратила свое существование.

Пик развития прогнозных разработок в стране приходится на конец 70-х гг. АН СССР в сотрудничестве с широкой сетью

¹ См. подробнее: *Бестужев-Лада И. В.* Обязательное предисловие // Впереди XXI век Антология современной классической прогностики. М., 2000. С. 10 и др.

ведомственных институтов и государственных учреждений (Государственный комитет СССР по науке и технике, Госстрой СССР и др.) разработал в 1979—1980 гг. «Комплексную программу научно-технического прогресса на 20 лет» с разбивкой по пятилетиям. Программа должна была уточняться и продлеваться через каждые пять лет.

В рамках общей программы был специальный раздел «Социальные последствия научно-технического прогресса». Исследование имело характер экспертных оценок. Был собран и обобщен большой информационный материал, представлявший несомненный и теоретический, и практический интерес, несмотря на недостатки, в том числе идеализацию будущего. К большому сожалению, такой прогноз не получил продолжения и не осуществляется, конечно, уже на новой методологической основе, в настоящее время.

Сегодня в стране проводится социальное прогнозирование по ряду важных сфер жизнедеятельности общества. Особенно продвинуты и в методологическом плане, и по достигнутым результатам демографические прогнозы. Широкое распространение и внимание общества в условиях бурного развития многочисленных выборных кампаний получили электоральные прогнозы. По поводу результатов выборов и на федеральном, и на региональном уровнях систематически делаются прогнозы как многочисленными социологическими центрами и институтами, в том числе и частными, так и избирательными штабами претендентов. Создана общественная организация Академия прогнозирования, усиливаются контакты российских ученых-прогнозистов со Всемирной федерацией исследователей будущего. Подготовлено уникальное издание «Впереди XXI век: Антология современной классической прогностики».

В антологии собраны соображения ведущих футурологов нашего времени о будущем нашей планеты и мирового сообщества в наступившем XXI в.

Вопросы для закрепления материала

1. Сущность и особенности прогнозирования в социологии. Его отличие от прогнозирования природных процессов. Активный и пассивный прогноз.

2. Виды прогнозов, используемых в социологии. Принципы их классификации.

3. Методы прогнозирования. Принципы выбора применения тех или иных методов.

4. «Мозговая атака». Ее разрешающие возможности и ограничения.

5. Метод Дельфи как метод количественной оценки мнения экспертов. Его преимущества и недостатки.

Литература для дополнительного чтения

Впереди XXI век: Антология современной классической прогностики. М., 2000.

Основы экономического и социального прогнозирования: Учебник для вузов / Под ред. В. И. Мосина, Д. М. Крука. М., 1985.

Прогнозирование в социологических исследованиях / Отв. ред. И. В. Бестужев-Лада. М., 1978.

Прогностика: Общие понятия, объекты прогнозирования, аппарат прогнозирования: Терминология. М., 1978.

Рабочая книга по прогнозированию. М., 1982.

Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1995.

Глава 23

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Социологическое сообщество, как и многие другие профессиональные группы специалистов, выработали некоторые общие принципы того, что считать этичным в своей деятельности и что нужно делать, чтобы соблюсти эти этические принципы. Это касается принципов проведения опросов населения, использования результатов в социальной практике и принятии решений в общественном и частном секторе. Они также направлены на улучшение понимания населением исследовательских методов и приемлемого использования результатов таких исследований.

Основными «законодателями» норм являются такие уважаемые международные организации, как WAPOR — World Association for Public Opinion Research (Всемирная ассоциация исследователей общественного мнения), ESOMAR — European Society for Opinion and Marketing Research (Европейское общество по исследованию общественного мнения и маркетинговым исследованиям), AAPOR — American Association for Public Opinion Research (Американская ассоциация исследователей общественного мнения)¹. Законодательство конкретных стран может содержать нормы, которые накладывают дополнительные ограничения на деятельность социологов или выбор форм этой деятельности. В некоторых экстремальных случаях, как, например, в Китае, даже на само проведение опроса требуется разрешение определенных государственных структур. В то же время в России практически отсутствует законодательство, которое более или менее прямо регулирует взаимоотношение социолога и общества. Некоторый свод этических правил принят Российским обществом социологов.

Далее мы остановимся на основных понятиях и критериях, обеспечивающих соблюдение этих норм, как они сформулированы в документах вышеназванных организаций. Основным объектом внимания выступает, конечно, респондент. Нормы, выработанные профессиональным сообществом, оговаривают главное его право — **добровольно соглашаться или не соглашаться** на участие в наших исследованиях — будь то просьба ответить на вопросы интервьюера, принять участие в фокус-группах или стать объектом наблюдения.

В некоторых случаях это требование соблюсти легко и воспринимается оно как само собой разумеющееся, а иногда почти невозможно. Так, например, использование метода наблюдения часто сопряжено с такого рода трудностями.

В количественных исследованиях принцип добровольности ведет к целому ряду методологических проблем. Большое количество отказов в опросах населения ставит под сомнение репрезентативность данных и правомерность обобщения выводов на изучаемую целевую совокупность. Это вызывает необходимость дополнительного анализа специфической, с точки зрения исследователя, группы «отказников».

¹ Первый такой свод норм был впервые опубликован ESOMAR в 1948 г.

Респонденту должно быть объяснено, в какого рода действие он вовлечен и что все это значит. Например, придя на фокус-группу, участник уже дал согласие на такого рода исследование, но он сталкивается с тем, о чем его заранее не предупреждали: что исследователь собирается записывать все на видеокамеру, за группой будут наблюдать исследователи через полупрозрачное зеркало и т. д. Поэтому модератор в самом начале группы должен объяснить свои действия и, если кто-то не согласен с такими условиями своего участия, предложить покинуть группу или отказаться от видеозаписи.

В большинстве случаев респондент, добровольно соглашаясь принять участие в исследовании, не может представить себе, что будет его результатом и какого рода последствия могут сказаться на нем самом. Поэтому второй основополагающий моральный принцип работы социолога звучит почти как у врачей: **не навреди** людям, которые принимали участие в исследовании.

Объектом исследования могут выступать люди с отклоняющимся поведением, придерживающиеся мнения, противоречащего общественным нормам и морали. Люди дают информацию о структуре своих доходов и расходов. Изучая их, исследователь берет на себя обязательство вольно или невольно не навредить им, причем этот принцип должны понимать все члены исследовательского коллектива, начиная с простого интервьюера. Конечно, не все аспекты этого критерия так просты и неоспоримы. Журналист имеет право перед законом не раскрывать свои источники информации. А социолог? В некоторых странах, например США, академические исследователи также обладают этой возможностью.

Какими же средствами обеспечивается вышеприведенный принцип?

Анонимность респондента. Респондент анонимен, если исследователь не может идентифицировать ответы с данным конкретным человеком. Однако не много социологических методов дают эту возможность. Интервью на дому, по телефону не может быть анонимным, участие в фокус-группе также не анонимно. В то же время почтовый опрос предоставляет эту возможность, если, конечно, исследователь предварительно не пронумеровал свои анкеты для идентификации адреса. Групповой опрос школьников методом самозаполнения вопросников при определенных условиях также может быть анонимным.

Конфиденциальность. В этом случае исследователь может идентифицировать респондента, но обязуется не делать этого публично (т. е. не передавать информацию другим лицам, за пределы исследовательского коллектива). Это означает, что исследователь обязан предусмотреть меры по гарантии анонимности. На практике часто это трудоемкое дело, которое требует большой аккуратности и внимания. Рассмотрим достаточно стандартную ситуацию социологического опроса у респондента на дому. Интервьюер, проводя интервью с респондентом, имеет достаточно обширную информацию об этом человеке — пол, возраст, социальное положение, где работает, доход и много другой личной информации. И к тому же он знает, где этот человек живет, и этот адрес зафиксирован в одном из полевых документов (например, бланке поиска респондента). Все это передается в полевой отдел исследовательского центра. Адрес используется в основном для контроля работы интервьюера и далее уничтожается. В панельных исследованиях адреса респондентов приходится хранить на протяжении всего цикла исследований, который может достигать многих лет. Компьютерный файл с первичными данными обязательно содержит номер респондента, что позволяет идентифицировать данные с конкретным человеком до тех пор, пока не уничтожен его адрес.

Таким образом, во время этой достаточно длительной процедуры сбора и обработки первичных документов, которые позволяют полностью идентифицировать человека с его ответами на анкету, работает множество сотрудников организации. Конфиденциальность информации по каждому конкретному респонденту в этом случае может означать лишь то, что организация в целом гарантирует нераспространение информации о нем за ее пределы.

В одном из исследований методом фокус-групп по вопросам страхования, которое проводилось автором этих строк, участники дискуссии откровенно рассказывали о своем финансовом положении, о своих счетах и сбережениях за границей (что нелегально с точки зрения действующего законодательства) и т. п. Конечно, распространение этой информации могло нанести существенный вред участникам группы. Поэтому в отчетах для заказчика никогда не указываются фамилии и тем более адреса участников, конкретное место работы и другие параметры, могущие идентифицировать человека и навредить

ему. Особое внимание, в этой связи, необходимо уделить аудио- и видеозаписям, если они передаются заказчику. Если по просьбе заказчика видеозапись предполагается передать ему, международная система правил, принятых ESOMAR, требует получения согласия каждого из участников фокус-группы на такую передачу¹. Заказчик в свою очередь должен гарантировать конфиденциальность передаваемой ему информации.

Первичные данные, собранные исследовательским центром, в виде электронного файла могут передаваться в самые разные организации — заказчику, другой исследовательский центр, архивам данных социологических исследований для публичного использования (профессиональным сообществом, студентами, журналистами и т. д.). В этой связи очень важно гарантированно обеспечить конфиденциальность информации об индивидуальном респонденте. Ведь даже исключив из файла первичных данных опроса населения имя респондента и его адрес, по набору характеристик — пол, возраст, профессия, в каком населенном пункте проходил опрос и т. п. — есть вероятность, что можно «вычислить» респондента. Исключить такую возможность — задача исследователя. В этой связи серьезные архивы опросных данных вырабатывают свои специальные требования к передаваемым им первичным данным, чтобы исключить саму возможность нарушения конфиденциальности.

Некоторые исследовательские проекты предполагают публикацию личной информации о респонденте. Однако единственным возможным основанием для такой публикации является разрешение самого человека.

Проблема конфиденциальности находит различное преломление при изучении отдельных социальных групп общества и применении различных методов. Выше уже упоминалось о фокус-группах и связанных с ними проблемах конфиденциальности. Появление новых инструментов и объектов изучения, например Интернета, вызывает необходимость переосмысления существующих правил и их конкретизации к новым исследовательским методам.

Цели исследования и идентификация исследователя. Говорить правду — один из важных этических принципов исследователя.

¹ Tape and Video-Recording and Client Observation of the Interviews and Groups Discussions. ESOMAR. 1996.

Это касается и идентификации себя перед лицом респондента как представителя конкретной организации, и сообщения ему целей исследования. Помимо этической стороны существует и профессиональный аспект, связанный с борьбой со всякого рода «мимикрией» торговых, рекламных, политических групп поддержки кандидата на выборах, которые в нужные им моменты действуют, принимая вид respectable социологической исследовательской организации. Один из моих знакомых жаловался мне на коварство «социологов», которые во время международного авиарейса попросили его заполнить анкету о качестве обслуживания и заодно написать свой телефон и адрес. Каково же было изумление моего коллеги, когда на следующий день после прилета домой ему позвонили и предложили купить какую-то вещь. Таким образом, против своей воли он попал в базу данных обеспеченных людей, используемую торговой организацией для продаж дорогостоящих товаров.

Назвать организацию, от имени которой проводится исследование, в большинстве случаев не вызывает каких-либо проблем. Однако представим себе, что исследовательское подразделение налоговой инспекции проводит под своим именем опрос об отношении населения к этому органу, налогам и налоговым реформам; социологи из Российской академии наук проводят опрос населения на Украине и т. д. Совершенно очевидны возможные смещения в ответах людей, которые могут возникать в том и другом случаях. Что обычно приходится делать? В первом случае исследователи могут сказать, что они из независимого исследовательского центра или, что вдвойне предпочтительней, заказать исследование действительно независимой организации. В последнем случае доверие профессиональной общественности к результатам исследования также было бы выше.

В случае с опросом населения на Украине, памятуя о качестве данных, лучше переложить эту задачу на местных коллег.

Почти во всех исследованиях респонденту приходится объяснять цели исследования, в котором ему предстоит принять участие. Здесь также общие этические нормы приходят в противоречие с критериями качества данных, которое должен обеспечить исследователь. Как правило, конкретные цели и конкретный предмет исследования приходится скрывать за общими фразами типа «мы изучаем образ жизни людей, что они думают о событиях, которые происходят в нашей стране, и т. д.», «исследова-

ние поможет выработке научно обоснованных рекомендаций» Формулировка цели исследования в общих, нейтрально окрашенных тонах должна помочь избежать возможных смещений в ответах респондента

Еще один аспект в этой же цепи этических проблем — объяснение респонденту, для кого делается исследование Забота о качестве данных, опасения всевозможных смещений вновь приводят к необходимости придерживаться общих объяснений Особые проблемы вызывают, конечно, прикладные исследования по заказам различных ведомств и компаний Вряд ли будет оправданным с точки зрения качества данных говорить на Украине, что исследование проводится, например, для МИДа другой страны И в то же время совершенно недопустимо обмануть респондента и сказать, что это исследование выполняется по заказу ООН или Всемирной организации здравоохранения, если, конечно, они не являются действительными заказчиками В маркетинговых исследованиях никогда не называют конкретного производителя продукции, который заказал исследование, а говорят «группа компаний, производящих электронику, хотела бы знать отношение населения к индивидуальным средствам связи» и т. д.

Таким образом, некоторые достаточно очевидные приемы, которые применяют социологи в своей каждодневной профессиональной деятельности, заботясь, в первую очередь, о качестве собираемой информации, по большому счету, вызывают целый ряд этических вопросов, на которые следует дать ответ

Исследователь и профессиональное сообщество. Предыдущие страницы этой главы были посвящены этическим аспектам, которые возникают при взаимодействии исследователя и респондента Отношения с профессиональным сообществом также регулируются сводом очевидных общих принципов

Эти принципы подразумевают, что, проектируя исследование, разрабатывая инструмент, собирая информацию, обрабатывая и анализируя полученные данные, исследователь делает все возможное, чтобы результаты его работы были надежны и обоснованны Более конкретно это означает, что необходимо использовать только те методы, которые с профессиональной точки зрения более всего подходят для изучаемой проблемы, эти исследовательские методы в силу своих возможностей не должны вести к ошибочным заключениям, мы не должны со-

знательно интерпретировать исследовательские результаты или неявно давать возможность для интерпретации, которая противоречит имеющимся данным; интерпретация наших результатов не должна создавать впечатление о большем доверии к ним, чем действительно следует из данных исследования.

Для того чтобы избежать вышеупомянутых ошибок и двусмысленностей в интерпретации, во всех отчетах необходимо достаточно детально и аккуратно описывать используемые методы и полученные выводы.

Общие принципы этических норм, выработанных исследовательским сообществом, также гласят, что, в случае если выполненное исследование становится предметом разбирательства с точки зрения нарушения этих норм, исследователи должны предоставить дополнительную информацию, которая необходима для профессиональной оценки этого исследования.

Публикация результатов социологических исследований. Нормы профессиональной этики требуют, чтобы публикация результатов социологических исследований сопровождалась детальным описанием всей методики исследования. Это относится к публикациям как в профессиональной литературе, так и в СМИ. Для последних это описание, конечно, может быть очень кратким и простым.

Для массовых опросов публикация данных должна сопровождаться ясными ссылками на:

- название исследовательской организации, которая провела это исследование;
- целевую совокупность опрашиваемых;
- объем достигнутой выборки и географическую представленность (т. е. следует указать, какие части целевой совокупности по разным причинам были исключены, например, территория, где идут боевые действия или произошли в данный момент стихийные бедствия, и т. п.);
- даты полевых работ;
- метод выборки, и если была использована случайная выборка, то долю успешно достигнутых интервью;
- метод сбора информации (личное интервью на дому, телефонное, почтовое и т. д.);
- точную формулировку вопроса (с указанием, если это открытый вопрос).

Описание основных параметров выборки:

- метод отбора в целом с описанием того, каким образом осуществлялся отбор респондента в частности;
- размер выборки и доля успешных интервью;
- обсуждение вопроса о точности выводов, включая ошибки выборки и процедуры изучения полученных данных;
- указание на то, какие выводы сделаны по части выборки, а какие по всей выборке.

К сожалению, эти требования часто не соблюдаются даже в профессиональной российской литературе. Достаточно взглянуть на публикацию данных эмпирических исследований в профессиональном журнале социологического сообщества «Социологические исследования». При чтении этих статей часто возникает ощущение, что исследование вообще не следовало каким-либо методическим принципам и соответственно обсуждение результатов представляет собой некоторое эссе на тему.

Не лучше обстоит дело и с публикациями в российских СМИ, которые переполнены ссылками на данные социологических опросов. Перед президентскими выборами 1999 г. Центральная избирательная комиссия вынуждена была специально обратиться к СМИ с требованием сопровождать все публикации описанием методики получения данных. Сейчас, если положение и стало лучше, то совсем незначительно. В результате в общественных дискуссиях социологов часто обвиняют в некотором шарлатанстве. То есть в этом плане нетребовательность к себе (когда публикуются данные исследований в научной литературе) и к журналистам (которые публикуют эти данные в СМИ) наносит существенный ущерб самой науке и дискредитирует социологическую науку в глазах общества.

Приложение

Социология в России: нормы профессионального сообщества

Интеграция российской фундаментальной и прикладной социологической науки в мировую, международный обмен и сотрудничество потребовали неукоснительного принятия российскими социологами этических норм и правил, принятых в этом сообществе. В этой связи мы сочли необходимым в этом

издании учебника привести перевод основной части Свода Правил ICC/ESOMAR (The International Chamber of Commerce и European Society for Opinion and Marketing Research). Хотя эти правила больше ориентированы на прикладные исследования, часто упоминаются маркетинговые исследования, это не должно вводить социолога в заблуждение. На этот Свод ссылаются и берут за основу собственных правил практически все другие профессиональные организации в области изучения общественного мнения и социологических исследований во всех других странах.

ICC/ESOMAR International Code of Marketing and Social Research Practice

Правила¹

А. Общие

1. Маркетинговое исследование всегда должно проводиться объективно и в соответствии с признанными научными принципами.

2. Маркетинговое исследование всегда должно опираться на нормы внутригосударственного и международного законодательства.

В. Права респондентов

3. Участие респондента в маркетинговых исследованиях всегда добровольное на всех этапах проекта. Недопустимо введение респондента в заблуждение в начале сотрудничества.

4. Анонимность респондента должна строго сохраняться. В случае если респондент по запросу исследователя дал согласие на распространение данных, по которым он лично может быть идентифицирован, то:

(а) респондент должен быть извещен в первую очередь, кому и с какой целью предоставляется информация и т. д.;

(б) исследователь должен гарантировать, что информация не будет использоваться ни для каких других целей, кроме ис-

¹ См.. www.esomar.nl.

следовательских, и получатель информации согласен следовать условиям этих правил.

5. Исследователь должен предпринять разумные меры, чтобы обезопасить респондентов от намеренного вреда или неблагоприятных последствий как результата участия в исследовании.

6. Исследователю следует быть особенно осторожным (внимательным) при проведении интервью с детьми и подростками. Предварительно должно быть получено согласие родителей или доверенного лица на проведение интервью с ребенком.

7. Респонденты должны быть предупреждены (обычно перед началом интервью) об использовании видео- и звукозаписывающего оборудования или о ведущемся наблюдении, исключение составляют ситуации, когда интервью проводится в общественном месте.

8. Респондент должен иметь возможность без труда проверить идентичность и честность исследователя.

С. Профессиональные обязанности исследователей

9. Исследователь не должен (осознанно или случайно) производить действия, которые могли бы привести к дискредитации маркетинговых исследований или к потере уверенности в них.

10. Исследователь не должен делать ложных заявлений относительно собственной квалификации или опыта, а также относительно квалификации и опыта их организации.

11. Исследователь не должен критиковать или дискредитировать других исследователей.

12. Исследователь должен всегда прилагать усилия для разработки метода исследования, адекватного по цене и качеству, и затем реализовать его в соответствии с требованиями заказчика.

13. Исследователь должен обеспечить безопасность (сохранность) всем исследовательским записям, которыми он владеет.

14. Исследователь не должен распространять выводы маркетингового исследования, которые не подтверждены данными. Он должен быть всегда готов предоставить необходимую техническую информацию, чтобы подтвердить истинность опубликованных сведений.

15. Выступающий как исследователь не должен заниматься любой неисследовательской деятельностью, например распрос-

транением баз данных о людях, которые могут быть использованы для прямого маркетинга или промоушена. Любая неисследовательская деятельность (если она организована) всегда должна быть четко дифференцирована от исследовательской.

Д. Взаимные права и обязанности исследователя и заказчика

16. Эти права и обязанности обычно регулируются письменным Договором между исследователем и заказчиком. Стороны могут вносить поправки в пункты правил 19–23, которые следуют ниже, если они заранее выразили свое согласие в письменной форме, но остальные требования данного документа не могут быть изменены таким образом. Маркетинговые исследования также всегда должны проводиться в соответствии с честной конкуренцией, как это обычно понимается и принимается.

17. Исследователь должен сообщить заказчику, что работа, выполняемая для этого заказчика, будет объединена в один проект с работой другого заказчика, но он не должен раскрывать имена этих заказчиков.

18. Исследователь должен как можно более заблаговременно проинформировать заказчика, если любая часть работы, проводимая для данного заказчика, будет делегирована какой-либо сторонней организации или частным лицам (включая привлечение к работе сторонних консультантов). По требованию заказчика ему должна быть предоставлена информация об именах привлеченных сторонних организаций.

19. Заказчик не имеет права, без предварительного договора между сторонами, на эксклюзивное право пользоваться услугами исследователя. Однако, проводя работу для различных заказчиков, исследователь должен стремиться избегать столкновений интересов заказчиков по тем услугам, которые он им предоставляет.

20. Нижеследующие документы являются собственностью заказчика и не могут разглашаться без согласия заказчика какой-либо третьей стороне:

(а) изложенные цели маркетингового исследования, спецификации и другая информация, предоставленная клиентом;

(б) исследовательские данные и выводы маркетингового исследования (исключением являются случаи объединенных

проектов или проектов с участием нескольких заказчиков, где данные доступны более чем одному заказчику).

В то же время заказчик не имеет права знать имена и адреса респондентов, за исключением случая, когда от респондентов предварительно в явном виде было получено разрешение на такое разглашение (данное требование не может быть изменено по правилу 16).

21. Если только специально не оговорено обратное, следующие документы остаются собственностью исследователя:

(а) заявки на маркетинговые исследования и оценка стоимости исследования (если только это не было оплачено клиентом). Эти сведения не должны разглашаться заказчиком третьей стороне, за исключением консультантов, работающих с заказчиком по данному проекту (исключая любых консультантов, работающих также на конкурентов исследователя). В особенности эти документы не должны использоваться заказчиком, чтобы повлиять на исследовательские предложения и оценку стоимости исследований другими исследователями,

(б) содержание отчета в случае объединенных проектов и/или когда проект или услуги оказываются более чем для одного заказчика и когда ясно, что результаты предназначены для общих целей или для подписки на них. Заказчик не должен раскрывать эти выводы какой-либо третьей стороне (за исключением его собственных консультантов или советников для использования в связи с их работой);

(с) вся другая документация, подготовленная исследователем (за исключением случаев, когда разработка материалов и анкет была оплачена клиентом).

22. Исследователь должен придерживаться профессиональной практики и хранить документы определенное количество времени после завершения проекта. По требованию заказчика исследователь должен предоставить ему копии документов, предварительно удостоверившись, что они не нарушают требований конфиденциальности и анонимности (правило 4); что запрос сделан в рамках оговоренного срока хранения документов; и что заказчик готов оплатить в разумных пределах такого рода услугу.

23. Исследователь не должен разглашать третьей стороне имя заказчика (при условии, что нет юридических обязательств сделать это) или любую другую конфиденциальную информацию о бизнесе последнего без разрешения заказчика.

24. Исследователь по требованию заказчика должен предоставить последнему возможность проверки качества полевых работ и подготовки данных. Заказчик оплачивает любые дополнительные затраты, связанные с этой проверкой. Любые подобные проверки должны соответствовать требованиям правила 4.

25. Исследователь должен предоставить заказчику все относящиеся к делу технические детали любого исследовательского проекта, проведенного для заказчика.

26. При изложении результатов маркетингового исследования исследователь должен делать четкие различия между выводами как таковыми и их интерпретацией исследователем и любыми рекомендациями на их основе.

27. При публикации каких-либо выводов заказчиком последний несет ответственность за то, что в ней нет вводящих в заблуждение утверждений. Исследователь должен проконсультировать и заранее одобрить форму и содержание публикации, а также внести правки в любые неточные утверждения об исследовании и выводах.

28. Исследователь не должен допускать использования своего имени в связи с исследовательским проектом как гарантию того, что последний был проведен в соответствии с этим сводом правил, если только он не уверен, что проект во всех аспектах был проведен в полном соответствии с требованиями этих правил.

29. Исследователи должны быть уверены, что заказчики осведомлены о существовании данного свода правил и о необходимости подчиняться его требованиям.

Е. Реализация программы (системы)

Запросы по интерпретации данных Правил и по их применению в случае решения конкретных проблем следует адресовать в Международный Секретариат ICC или ESOMAR.

О любом очевидном нарушении, если оно касается исключительно деятельности внутри одной страны, следует сразу же сообщить в соответствующие организации данного государства. Список организаций, которые приняли эту программу, дан в Приложении. Местная организация проведет расследование и

предпримет соответствующие действия, уведомляя ICC/ESOMAR о результате, в случае подтвердившегося нарушения.

О явных нарушениях следует сообщать непосредственно в Секретариат ICC или ESOMAR в случаях, если:

- (а) нет соответствующей местной организации;
- (б) местная организация не способна предпринять какие-либо действия или предпочитает, чтобы случай был рассмотрен международной организацией;
- (с) проект является международным, и более чем одна страна участвует в его реализации.

Одна или обе эти международные организации, как принято, будут расследовать жалобу и предпринимать дальнейшие действия. Это может быть приостановка или прекращение членства соответствующей профессиональной или торговой ассоциации, в случае организации — ее исключение из публикуемого каталога таких организаций.

Вопросы для закрепления материала

1. В чем принцип добровольности участия в социологическом исследовании и возможные негативные последствия участия в них?
2. В чем различие понятий «анонимность» и «конфиденциальность» применительно к социологическим исследованиям в целом и конкретным исследовательским методам?
3. В чем заключается противоречивость соотношения критерия анонимности, конфиденциальности и целей исследования?
4. Каковы требования к публикации данных опросов в профессиональной литературе и СМИ?

Литература для дополнительного чтения

Data Protection and Social Science Research: Perspectives from Ten Countries / Ed. *E. Mochmann, P. Muller*. Frankfurt, 1979.

Data Protection and Data Access: Reports from Ten Countries / Ed. *P. Guchteneire, E. Mochmann*. Amsterdam, 1990.

Заключение

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ

Развитие социологии в значительной степени будет зависеть от политической и экономической ситуации, положения науки в обществе и кадровой и финансовой политики ее руководства.

В период становления социологии, который еще не завершен, постепенное значение приобретают проблемы социологической парадигмы, а также связанный с ней вопрос о предмете социологии. Поэтому еще какое-то время может сохраняться и даже усилиться тенденция отождествления социологии с обществоведением, а также с социальной философией — в связи с приходом в социологию обществоведов, занимавшихся ранее историческим материализмом и научным коммунизмом, часть которых не заинтересована в узкопрофессиональной предметной специализации социологии. Ближайшие годы будут проходить под знаком конкуренции двух групп ученых, каждая из которых будет отстаивать свои интересы. Одни будут стремиться к тому, чтобы определить, ограничить предмет социологии, отличающий ее от других общественных наук, изучающих общество; другие — к тому, чтобы поставить на место предмета социологии общество как таковое, не ставя и не решая проблему предмета и объекта науки.

В ближайшем будущем социология определит свой предмет, не сводимый к предметам других наук, займется, наконец, своим собственным делом, не подменяя другие науки, и институализируется не только организационно, но и концептуально.

Можно ожидать появления и другой тенденции — переориентации социологии с традиционных связей с другими науками по объекту на связи по методу, т. е. освоение принципов, подходов и методов, разработанных в других науках: синергетике (включая современные достижения теории развития и теории систем), герменевтике, теории деятельности, теории информации и др.

От последней тенденции в той или иной мере будет зависеть разработка социологами теории общества. В перспективе можно ожидать возникновения и формирования нескольких конкурирующих альтернативных общих теорий (именно общих, а не отраслевых), которые будут строиться на базе: 1) достижений современной мировой социологии; 2) достижений современной отечественной методологии и логики науки; 3) множества фундаментальных теоретических исследований; 4) множества специально организованных эмпирических социологических исследований с теоретико-методологической ориентацией и, наконец, 5) активного использования современных надежных статистических данных.

Если выстроить структуру социологического знания в трех измерениях: 1) фундаментальные и прикладные исследования; 2) теоретический и эмпирический уровни знания; 3) общая и отраслевая социология, то в настоящее время явный приоритет (большая часть научных кадров, материальных и денежных ресурсов) принадлежит эмпирическим исследованиям с прикладной ориентацией и с отраслевой тематикой типа: социология экономики, социология политики, социология права и т. д. В перспективе с изменением социологической парадигмы, определением (ограничением) предмета социологии, осознанием факта зависимости качества прикладных исследований от качества исследований фундаментальных, изменением кадровой и финансовой политики, других факторов наступит «равновесие» фундаментальной и прикладной социологии. Эмпирические социологические исследования по своей ориентации станут более сбалансированными, а на разработку проблем фундаментальной, теоретической, общей социологии будет тратиться средств не меньше, чем на разработку проблем прикладной социологии.

Среди специальных социологических теорий наибольшее внимание привлекают следующие.

1. Теории социальной стратификации в связи с резким изменением стратификационной структуры российского общества, быстрым, подчас неожиданным распадом и исчезновением старых социальных групп (например, правящей партийной элиты) и возникновением и формированием новых (например, среднего класса). Будут использоваться новые концепции и модели, пересмотрена категориальная матрица этих

теорий, в научном обороте окажутся новые дихотомии: элита и масса, бедные и богатые, работающие и безработные.

2. Теории социальных изменений и, в частности, теории модернизации в связи с радикальным преобразованием во всех сферах жизни общества.

3. Теории социальных конфликтов в связи с резким обострением политической, экономической и этнической ситуации в обществе.

В сфере прикладной социологии по-прежнему останутся актуальными проблемы «перевода» социологических категорий с теоретического уровня на эмпирический, трансформации социологических концепций, моделей, методов с целью их применения в области социальной технологии.

Среди социальных проблем, элементов социальной структуры, социальных явлений и процессов наиболее важные сегодня и на ближайшие годы следующие: своеобразие российского менталитета (исследования будут проводиться совместно с культурологами); переход к рынку, проблемы занятости населения, социальные последствия формирования различных форм собственности (совместно с экономистами); национально-государственное устройство, становление гражданского общества и правового государства, проблемы социальной защиты и социальных гарантий (совместно с правоведами); политическая власть, деятельность политических институтов и партий, взаимоотношение общества и государства (совместно с политологами); межнациональное (межэтническое) взаимодействие, формирование новых национальных элит и национальных идей (совместно с этнографами); различные конфессии, особенно исламская, в связи со значительным ростом ее влияния (совместно с религиоведами).

По-прежнему особый интерес будут вызывать факторы, оказывающие существенное влияние на социальную ситуацию в обществе: общественное мнение, ценностные ориентации, интересы различных социальных групп.

Объектом пристального внимания социологов остается молодежь, включая студенчество, — самая мобильная, активная и социально значимая возрастная группа. Она является своеобразным зеркалом общества, включает в себе все его противоречия и тенденции будущего развития.

Другие социальные группы, которые займут особое место в исследованиях социологов, — это военные, предприниматели и беженцы.

Что касается методов и методики социальных исследований, то следует ожидать роста усилий, а также создания сетей интервьюеров, позволяющих проводить социологические исследования в мониторинговом режиме. Получат распространение качественные методы анализа, компьютерный контент-анализ, компьютером ассистируемое интервью.

Обозначившаяся в последние годы преимущественная ориентация социологов на изучение субъективной информации, скорее всего, будет преодолена усилением внимания к объективной информации — социальной статистике, анализу документов и т. д.

Наряду с исследованиями по всероссийским выборкам все большее распространение получат региональные исследования, т. е. по выборкам, представительным для регионов. Наряду с анкетными опросами будут чаще применяться так называемые гибкие методы: углубленные интервью, беседы и т. п. Можно ожидать более широкого распространения поисковых исследований (без жестких гипотез), а также специальных методических исследований.

Не менее эффективными как для прикладной, так и для теоретической социологии могут оказаться не крупномасштабные, оперативные и компактные эмпирические исследования, разумеется, при одинаково высоком уровне их научной организации и проведения.

Словарь ключевых терминов

Активность (в широком смысле) — способ взаимодействия человека с миром, в процессе которого он не только приспосабливается к условиям окружающей среды, но и сознательно преобразует ее в собственных интересах и целях. В узком смысле — это форма сознательного отношения к действительности, проявляющегося в служении обществу, защите окружающей среды, формировании благоприятного климата в коллективе и т. д.

Активность гражданская — форма самореализации и самодеятельности личности как полноценного члена и субъекта гражданского общества, выражающаяся в ее осознанном и целенаправленном участии в общественных преобразованиях, в защите и расширении экономических, политических, социальных и иных прав (свобод); в поддержании целостности общества и его институтов.

Активность социальная — форма деятельности социального субъекта (личности, организации, группы, общества в целом), сознательно ориентированного на решение стоящих перед ним проблем, а также мера этой деятельности.

Анализ данных многомерный — анализ зависимостей и взаимозависимостей между несколькими характеристиками.

Анкета (вопросник) — документ, содержащий серию вопросов, направленных на получение информации согласно целям и гипотезам исследования.

Анонимность информанта — ситуация, когда даже исследователь не может идентифицировать конкретную информацию об индивиде (респонденте) или конкретной группе с этим индивидом, группой.

Артефакт — искусственный, созданный людьми, культурный объект. Обычно выделяются следующие классы таких объектов. вещи, идеи и образы, технологии, регулятивные образования, оценочные критерии.

Аудитория — элемент коммуникативного процесса, представляющий собой того субъекта (отдельного индивида, группу, общество и т. д.), кому направлено сообщение.

Безопасность информационная — состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование и развитие в интересах граждан, организаций и государства.

Воспроизводство населения — процесс постоянного возобновления поколений людей, замещение поколений родителей поколениями детей.

Группа первичная — социальная группа малого объема, состоящая из постоянно взаимодействующих индивидов, характеризующаяся высокой степенью идентификации ее членов с нормами и ценностями группы.

Группа референтная — социальная группа, обладающая системой ценностей, разделяемых индивидом, хотя и не принадлежащим к числу ее членов, но ориентирующим свое поведение на ценности этой группы.

Группа социальная — объединение индивидов, взаимодействующих между собой в рамках принятых норм для достижения групповых целей.

Депопуляция — устойчивое (не связанное с особенностями возрастной структуры и миграционными процессами) превышение числа умерших над числом родившихся, т. е. естественная убыль населения.

Детерминация поведения личности — обусловленность действий личности совокупностью как биологических (наследуемых), так и социальных (биологически ненаследуемых) факторов.

Детерминизм социально-исторический — теория общества, в которой последнее трактуется как социальная целостность, существующая, функционирующая и развивающаяся через посредство человека и его деятельности. Исходит из органического взаимодействия структурных и личностных элементов в конкретно-исторических условиях их бытия (в данной социальной системе), отдавая приоритет элементам личностным. Вместе с тем он не исключает экономической направленности, т. е. признает определяющее значение в конечном счете структуры экономической.

Диспозиция личности — система субъективных предрасположенностей личности к определенному поведению в определенных социальных условиях, включающих как обобщенные социальные установки по отношению к типичным социальным

ситуациям, так и установки относительно поведения в конкретных условиях.

Дисфункция — в социологии. недостижение социальной системой цели решения конкретной социальной задачи, несоблюдение общественной потребности.

Иерархия в организациях — распределение функций по линии руководства-подчинения, проявляется в централизации решений, односторонней личной зависимости подчиненного от руководителя, отношениях власти.

Изменения революционные социальные — тип социальных изменений, при которых происходит коренное, всеобщее и часто насильственное преобразование социального объекта. Могут охватывать отдельные социальные институты и организации (научно-техническая, технологическая, управленческая и другие революции) или все общество (социальные революции, в ходе которых происходит ломка всех или большинства сфер общественной жизни).

Изменения социальные — перемены, происходящие в течение некоторого времени внутри социальных систем и во взаимоотношениях между ними, в обществе в целом как социальной системе. **И. с.** подвержены прежде всего социальные институты и организации, социальные группы и общности (сообщества), социальное поведение людей и менталитет.

Изменения эволюционные социальные — тип социальных изменений, при которых происходит кумулятивный процесс частичного накопления (или исчезновения) каких-либо элементов, свойств социального объекта, в результате чего постепенно изменяется сам объект, например социальный институт или все общество. Сознательно организуемые эволюционные изменения принимают форму социальных реформ.

Индекс развития человеческого потенциала — интегральный показатель уровня социального развития населения страны, включающий прежде всего три ведущих показателя: ожидаемую продолжительность жизни, уровень образования, индекс уровня жизни.

Индивидуальность — совокупность уникальных психофизических и социокультурных черт человека, характеризующих его своеобразие; субъект «внутренней», психофизической активности.

Институт социальный — совокупность лиц, организаций, учреждений, материальных средств, обеспечивающая опреде-

ленную общественную потребность посредством функционирования системы взаимосогласованных, целесообразно ориентированных стандартов поведения

Интервью — метод сбора эмпирических данных, в котором один индивид (интервьюер) задает вопросы другому (респонденту). И. может осуществляться как путем непосредственного контакта интервьюера и респондента (личное интервью), так и опосредованно (по телефону).

Информация социальная — совокупность сведений, объективно необходимых для самоорганизации, функционирования и развития общества или отдельных его частей — общностей, институтов, организаций и т. д.

Исследование выборочное — изучение части (выборки из) генеральной совокупности (целевой совокупности, подлежащей изучению), организованное таким образом, чтобы обеспечивалась возможность распространения выводов, полученных при изучении этой части, на всю совокупность. Правила распространения выводов и возможные подходы к построению выборки опираются на статистическую теорию выборочного метода.

Исследование когортное — изучение через некоторые интервалы времени группы индивидов, объединенных некоторыми общими характеристиками. Например, когорту может образовывать совокупность женщин, родивших ребенка в течение года после аварии в Чернобыле.

Исследование панельное — изучение социальных объектов и явлений через некоторые интервалы времени, при котором выборка объектов (индивидов, семей и т. п.) остается неизменной во все временные точки исследования.

Исследование пилотажное (пробное, претест) — специализированный тип исследования, проводимого для оценки качества и разработки направлений совершенствования инструментария (вопросника) и отдельных процедур применяемой методики.

Исследование полевое — этап социологического исследования, непосредственно связанный со сбором информации по разработанным методикам.

Исследование сравнительное — исследовательская стратегия, ориентированная на анализ закономерностей, причин и факторов, детерминирующих изменение социальных процес-

сов во времени; на систематическое изучение влияния различных социальных, культурных, политических и идеологических макроусловий на структуру поведения, установки, ценности и мнения классов, социальных слоев, групп. Среди **И. с.** различают две основные группы: исследования во времени (трендовые, панельные, когортные) и межрегиональные, межстрановые сравнения.

Капитал социальный — наличие в обществе социальных отношений, основанных на доверии, нормах взаимности и гражданской вовлеченности.

Класс средний (или средний слой) — в современном развитом обществе представители основной части населения, границы которого четко не фиксированы. В отличие от сравнительно малочисленных низших (бедные, низкоквалифицированные группы) и высших групп (высокодоходные группы, представители элитных групп) **К. с.** составляет до 70% населения и выше. Выделяется по целому ряду признаков — уровень доходов, стандарты потребления, образование, владение материальной или интеллектуальной собственностью, способность к высококвалифицированному труду и др.

Коммуникация — передача информации, идей, эмоций, навыков и тому подобного посредством символов — слов, картин, графиков и др.

Коммуникация массовая — процесс распространения информации и влияния в обществе посредством специальных средств: печати, телевидения, радио, кино и т. д., в результате чего сообщения поступает сразу к большим группам людей.

Консенсус социальный — согласие групп индивидов, социальных групп, организаций, властных структур и т. д. по базисным ценностям и целям действия.

Контент-анализ — метод количественного анализа содержания письменных документов, теле-, радиопередач и других видов документов и информации путем подсчета некоторых повторяющихся в них элементов (имен, лозунгов, тем и т. п.).

Контроль социальный — способ социальной саморегуляции, обеспечивающий упорядоченное взаимодействие индивидов с обществом посредством социально-нормативного и правового регулирования с целью воспроизводства господствующего типа социальных отношений.

Конфиденциальность информации — относится к ситуации, когда исследователь знает о том, какая информация соответствует какому объекту, но согласен не передавать эту информацию за пределы исследовательской группы.

Конфликт межгосударственный — активное противодействие (борьба) двух или нескольких государств, происходящее на основе несовпадения (противоположности) государственных интересов.

Конфликт межнациональный — разновидность социального конфликта, субъектами которого выступают национальные (этнические) общности.

Конфликт социальный — столкновение взаимодействующих групп, общностей, составляющих социальную структуру общества, происходящее на основе несовпадения (противоположности) их интересов.

Конформизм — приспособленческое, пассивное, некритическое принятие существующего порядка вещей, систем ценностей, норм, мнений, как правило, под воздействием группового давления.

Корреляция — вероятностная или статистическая зависимость двух характеристик.

Культура — биологически ненаследуемое содержание совместной жизни и деятельности людей, представляющее собой искусственные, созданные людьми, объекты (артефакты); организованные совокупности этих артефактов; созданная самими людьми динамическая среда существования и самореализации людей; источник регулирования социального взаимодействия и поведения.

Лидер мнения — человек, который, получая информацию от средств массовой информации, передает затем ее другим людям в процессе межличностной коммуникации и тем самым ощутимо влияет на их мнения и суждения.

Личность — целостность социальных свойств человека, формирующаяся в процессе его включения в систему общественных отношений и проявляющаяся через его индивидуальность.

Маргинальность социальная — промежуточное положение, определяющее поведение, мышление и социальное самочувствие людей в ходе утраты ими своей принадлежности к прежней среде и слабой освоенности новых ролей и норм поведения.

ния. В устойчивой ситуации **М. с.** характерна для социальных аутсайдеров; в период перемен это явление расширяется, захватывая многочисленные группы.

Менталитет — исторически формирующийся образ мышления, в котором выражается специфика восприятия группой, этносом, всем обществом социальной (и природной) действительности. Проявляется прежде всего в фольклоре, народных верованиях, моральных нормах, а также и в специализированных областях культуры — искусстве, философии, социальных и гуманитарных науках.

Метод прогнозного моделирования — условный аналог реального процесса, на основе которого может быть сделан ряд предположений о состоянии явления (процесса) в будущем.

Миграция населения — перемещение людей (мигрантов) через границы тех или иных территориальных образований (государств, регионов) в целях временного или постоянного изменения места жительства.

Мобильности социальный объем — величина процентной доли людей, сменивших статус своих родителей.

Мобильность социальная — изменение членами общества своих социальных позиций в иерархии социальных статусов. Изменение статуса на более высокий связано с восходящей **М. с.**, на более низкий — с нисходящей **М. с.**

Наблюдение — метод сбора информации об изучаемом социальном объекте путем непосредственного восприятия и регистрации факторов, касающихся изучаемого объекта и значимых с точки зрения целей исследования. **Н.** классифицируются по степени формализации процедуры регистрации (неструктурированное и структурированное), по роли наблюдателя (включенное наблюдение или не включенное), по месту и условиям организации (в естественных условиях, лабораторное).

Национализм — психологическая консолидация людей на основе осознания принадлежности к той или иной национальной (этнической) общности и противопоставление себя другим общностям.

Нормы культурные — совокупность стандартов культурной деятельности, регулирующих поведение и духовную активность субъектов данной культуры, выражающих закрепленные

в культуре и конкретной социокультурной среде представления о должном, желательном.

Нормы социальные — совокупность актов действия, характеризующихся высокой степенью однородности и повторяемости, в которых воплощается система господствующих социальных ценностей.

Общество — исторически развивающаяся совокупность отношений между людьми, складывающаяся в процессе их жизнедеятельности, особый социальный организм, подчиненный своим особым законам функционирования и развития. Развитие и функционирование **О.** определяется требованиями экономических, социальных, демографических, психологических и других законов и закономерностей, которые являются предметом соответствующих наук.

Общность национальная (этническая) — солидарная социально-культурная группа, возникающая на основе общности языка, территории, культурных ценностей и норм, исторической судьбы и общественной психологии.

Общность социальная — совокупность индивидов, связанных определенными едиными социальными и культурными признаками — характером совместной деятельности, образом жизни, возрастом, полом, территорией проживания, языком, системой ценностей, норм и т. д.

Общность социально-территориальная — совокупность людей, проживающих на определенной территории, формирующих социальные связи и взаимодействия прежде всего на основе ее хозяйственного и культурного освоения.

Объект социологии — социальная реальность, общество в целом и отдельные его «части» (личность, семья, экономика, политика и т. д.). Является объектом не только социологии, но и других общественных и гуманитарных наук.

Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для новорожденных (ОПЖ) — число лет, которое предстоит прожить в среднем одному новорожденному при условии сохранения существующих уровней смертности в каждом возрасте.

Опрос — метод сбора эмпирических данных об объективных фактах, мнениях, знаниях и т. д., основанный на непосредственном (интервью) или опосредованном (раздаточная анкета,

почтовая и т. п., анкетный **О.**) взаимодействии между исследователем (интервьюером) и опрашиваемым (респондентом).

Организация неформальная — спонтанно складывающаяся внутри формальной организации система социальных связей, норм, целей, функций на основе межличностной взаимной избирательности в отношениях, взаимодействия индивидуальных интересов.

Организация социальная — вид деятельности или качественное состояние отдельного социума. Один из самых массовых способов объединения людей вокруг общей цели, включающий в себя распределение функций, иерархию и т. п.

Организация формальная — способ стандартизации, обезличивания организационных связей, функций, целей через закрепление их в согласованных формулировках-безотносительно к индивидуальным особенностям конкретных исполнителей.

Отбор социальный — совокупность институционально-правовых требований, организационных возможностей, предписаний морали и традиций, которые позволяют людям с разной интенсивностью двигаться вверх-вниз по социальной лестнице и таким образом тестируют пригодность людей к разным социальным позициям и статусным ролям.

Ответственность — осознанное принятие лицами, группами, организациями или возложение на них определенных обязательств, выполнение которых повышает их социальный статус, а невыполнение влечет применение различных (экономических, моральных и т. д.) санкций.

Отношения социальные — относительно устойчивые связи между индивидами (вследствие чего они институционализируются в социальные группы) и социальными группами как постоянными носителями качественно различных видов деятельности, различающимися по социальным статусам и ролям в общественных структурах.

Парадигма научная — совокупность мировоззренческих и методологических принципов, принятая в данной науке в качестве образца постановки и решения исследовательских задач, модель познавательной деятельности, в соответствии с которой организуются и проводятся научные исследования.

Патологии организационные — устойчивые дисфункции в организациях. Проявляются в строении организаций (господ-

ство структуры над функцией, бюрократия, автаркия подразделений и др.), в организационных отношениях (конфликтность, неуправляемость, бессубъектность и т. п.), в управленческих решениях (дублирование организационного порядка, стагнация, демотивирующий стиль руководства и т. д.).

Паттерн культурный — устойчивый и повторяющийся стереотипный образец деятельности, взаимодействия, смысловых и символических образований (нравы, обычаи, ритуалы и т. п.).

Перцепция (социальная) — осознание смысла и придание значения стимулам внешней среды.

План исследования рабочий — план, фиксирующий основные этапы и график работы в соответствии с программой исследования.

Понимание истории материалистическое — теория общества, которая исходит из положения о том, что способ производства, а вслед за ним обмен его продуктов составляют основу всякого общественного строя, рассматривает общество как социальный организм, источник развития и функционирования которого заключается прежде всего в нем самом, а не находится вовне.

Потенциал культурный — совокупность артефактов, имеющих в обществе.

Предмет социологии — особая сторона или сфера социальной реальности, характеризующаяся социальными законами и закономерностями развития и функционирования этой реальности, вся совокупность социальных связей и отношений.

Прогноз — научно обоснованное суждение о возможных состояниях того или иного явления в будущем или об альтернативных путях и сроках осуществления этих состояний.

Прогностика — наука о принципах, формах и способах разработки прогнозов.

Прогнозный сценарий — метод описания различных вариантов логически возможного развития событий исходя из конкретно сложившейся ситуации.

Программа исследования — документ, в котором дается изложение и обоснование логики и методов изучения социального объекта в соответствии с решаемыми научными или практическими задачами.

Процесс культурный — упорядоченная последовательность взаимосвязанных культурных изменений или событий.

Репрезентативность — характеристика качества выборки, соответствия распределения признаков, полученных в результате выборочного исследования, распределению этих же признаков в генеральной совокупности

Роль социальная — динамическая сторона и функциональное назначение социального статуса; нормативно одобренный образец (модель) поведения личности, соответствующий требованиям, которые предъявляются к данному статусу (позиции).

Сальдо миграции (миграционный прирост) — разность между числом прибывших на какую-либо территорию и числом выбывших из нее за определенный срок. Этот показатель характеризует результаты территориального перемещения населения.

Система социальная — структурный элемент социальной реальности, определенное целостное образование, основными элементами которого являются люди, их связи и взаимодействия.

Система социетальная — система явлений и процессов, рассматриваемых на уровне общества в целом, включает взаимодействие основных структур общества — экономической, социальной, политической и идеологической.

Слой (лат. *strata* — настил, слой, совр.: геологический пласт) — социальная общность, выступающая единицей вертикального членения социальной структуры современного общества. Важнейшие признаки выделения С. (экономическое положение людей, разделение труда, объем властных полномочий, социальный престиж и др.) связаны со статусным положением членов данной общности в социальной иерархии. Эти признаки могут отображать не только экономическое положение, трудовые характеристики, политические позиции представителей С., но и их авторитет в общественном мнении, уровень потребления, качество и образ жизни в целом.

Слухи — известия, сведения, передаваемые от человека к человеку обычно посредством устной речи без предоставления надежных стандартов достоверности.

Социализация — включение личности в систему социальных связей на основе усвоения ею ценностей, норм, образ-

цов поведения данной группы или общества в целом в процессе собственной деятельности и общения.

Социология — наука об общих и специфических социальных законах и закономерностях развития и функционирования исторически сложившихся социальных систем, о механизмах и формах проявления этих законов в деятельности личностей, социальных групп, классов, народов, социальной ответственности властных структур и личностей за социальные последствия совершаемых действий.

Социометрия — совокупность методов, направленных на получение данных о структуре малых социальных групп, о межличностных отношениях в этих группах.

Спираль умолчания — процесс, запускаемый, как правило, СМИ, в результате чего некоторые индивиды, сознавая, что их мнение совпадает с мнением большинства, высказывают его, в то время как другие лица, имеющие отличную от общепринятой позицию, оставляют ее при себе. Этот процесс движется по спирали и приводит к тому, что некоторые темы или позиции начинают занимать доминирующее положение в общественном сознании.

Среда общества информационная — совокупность информационных ресурсов, система формирования, распространения и использования информации, информационной инфраструктуры.

Стабильность социальная — устойчивость социальных объектов — структур и процессов, — которая при всех их изменениях сохраняет их целостность как таковых. Складывается из внутренней стабильности социальных систем (институтов, общностей и т. д.), стабильности их взаимосвязей и взаимодействий между собой, стабильности всего общества, которая предполагает стабильность экономическую, политическую, идеологическую, культурную и т. д.

Статус аскриптивный (или предписанный) — положение в социальной иерархии (принадлежность к определенному социальному кругу, воспитание, уровень материального благополучия и др.), которое ребенок получает с первых дней жизни в родительской семье.

Статус достигаемый — положение в социальной иерархии, которое человек достигает сам, переходя в другие социальные

группы в результате своей активности в сфере профессионального труда, путем общественной активности, через достижение определенного социального авторитета, а также через изменение семейно-брачного статуса.

Статус социальный — положение личности в обществе; совокупность прав и обязанностей человека как члена данного общества (или группы).

Стратегия жизни — динамическая система перспективного ориентирования личности, направленная на сознательное изменение своей будущей жизни в данном социокультурном контексте.

Стратификация — наличие в обществе множества социальных образований, представители которых различаются между собой неравным объемом власти и материального богатства, прав и обязанностей, привилегий и престижа.

Структура личности — совокупность функционально связанных компонентов личности, обусловленных ее включением в совместную деятельность людей и отношения с ними. Различают фундаментальную структуру, выделяемую по основанию деятельности, и социальную структуру, базирующуюся на системе отношений личности с обществом.

Структура социальная — определенный способ взаимодействия индивидов, чье поведение детерминировано определенными социальными позициями (статусами), социальными функциями (ролями), социальными нормами и ценностями.

Субкультуры — части культуры общества, порожденные некоторыми социальными сообществами как своими носителями. С. выделяются своим нормативным строем, ценностями, традициями

Суммарный коэффициент рождаемости — число детей, рожденных в среднем одной женщиной за всю жизнь при условии сохранения существующих уровней рождаемости в каждом возрасте.

Технология информационная — совокупность методов и технических средств сбора, организации, хранения, обработки, передачи и предоставления информации, расширяющая знания людей и развивающая их возможности по управлению техническими и социальными процессами.

Универсалии культурные — устойчивые константы человеческого бытия, аккумулирующие культурный опыт и представ-

ленные в образно мировоззренческих конструкциях, в этимологических ценностях языка, в мифологической и художественной символике того или иного народа (язык, письменность, социализация и т. п.).

Управление в организациях — состоит из целевого управляющего воздействия (приказ, задание), самоорганизации (спонтанной деловой и социально-психологической организованности) и организационного порядка (устойчивых связей, норм, функций, целей).

Управляемость организаций — та степень контроля, которую управляющая подсистема организации способна осуществлять по отношению к управляемой подсистеме. У. всегда относительна. Измеряется по отклонениям от поставленных целей, по осуществляемости управленческих решений и т. д.

Федерализм — теория и практика образования целостного союзного государства на основе объединения политически и юридически равных составных частей — субъектов Федерации.

Функция — в социологии: а) роль, которую должен выполнять социальный субъект (индивид, организация и т. д.) в соответствии с его целями и задачами в данной социальной системе (Ф. как задача); б) объективные последствия выполнения такой роли (Ф. как деятельность). Различают Ф. явные и скрытые (латентные).

Харизма — особая способность индивида оказывать влияние на массы или повелевать ими.

Цели организаций — планируемые результаты деятельности управленческого и исполнительского персонала. Делятся на цели-задания (предписанные сверху), цели-ориентации (групповые и личные интересы), цели-системы (устойчивость, управляемость, интеграция).

Ценности духовные — ориентиры сознания индивидов или групп людей, связанные с аксиологическим отношением к окружающему миру в широком диапазоне культурных значений и оценочных шкал: «хорошее—плохое», «высокое—низменное», «прекрасное—безобразное», «нравственное—безнравственное», «одобряемое—осуждаемое» и т. п.

Циклы социальные — периодическая повторяемость социальных явлений, процессов и отношений, составляющая кругооборот в течение определенного периода времени.

Элита — определенная группа, представители которой по своему социальному статусу, общепризнанному авторитету, профессиональным и индивидуальным качествам занимают ведущие позиции в том или ином социальном слое, а иногда и в обществе.

Этический код социолога — перечень правил того, что считать этически «правильным» и «не правильным» в своей деятельности. Обычно правила представляют некоторый компромисс профессиональных требований к исследованию и ограничений, накладываемых обществом.

Социология Основы общей теории

Учебник для вузов

Издательство НОРМА

Лицензия № 03206 от 10 ноября 2000 г.

101990, Москва, Колпачный пер., 9а

Тел./факс (095) 921-62-95. E-mail: norma@norma-verlag.com

Internet: www.norma-verlag.com

Подписано в печать 18.08.03

Формат 60х90/16. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 57,0. Уч.-изд. л. 51,98.

Доп. тираж 5000 экз. Заказ № 4304079.

Официальным дистрибьютором Издательства НОРМА
является «Издательский Дом ИНФРА · М»:
127214, Москва, Дмитровское ш., 107

Опт, розница, книга — почтой, доставка:

Телефоны: (095) 485-45-44 (справки о наличии); (095) 485-74-36 (книга — почтой);
(095) 485-74-00 (заключение договоров); (095) 485-69-44

Факс (095) 485-53-18, 485-68-18

E-mail: books@infra-m.ru. Internet: www.infra-m.ru

Мелкооптовая продажа и розница:

Продажа со скидкой 10% для студентов и преподавателей
осуществляется в павильоне № 411-32 «Книжной ярмарки на Тульской»
по адресу: Варшавское ш., 9 (ст. м. «Тульская», далее трамв. № 3, 35, 47
до остановки «СтройДвор»)

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП «Нижеполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 5-89123-618-4

9 785891 236189